

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Акиева С.И.</i> Социально-демографические процессы в современный период.....	7
<i>Барсукова А.Д.</i> Воспитание служением. Понятие «служение» в категориально-понятийном аппарате общественных наук.....	11
<i>Ван Юаньсин.</i> Цифровые технологии в развитии умного ухода за пожилыми людьми в Китае: особенности, механизмы и вызовы.....	15
<i>Гулева М.А.</i> Исторический путь развития китайской журналистики.....	24
<i>Денисова О.Е., Бельская М.И.</i> Обучение иностранных студентов научной монологической речи....	30
<i>Жигалова И.В.</i> Вокальное искусство Древней Греции: мифология, культура и философия	34
<i>Лябах А.Ю., Данкова Ж.Ю., Малека Ю.Н., Эркин А.Ф.</i> Исследование феномена коррупции в МЧС России.....	39
<i>Мамаева Ю.А.</i> Трансформация идеологии в России сквозь оптику прошлого и настоящего	44
<i>Метелькова Л.А., Юань Дунбинь, Рунгш Н.А.</i> Педагогические условия, способствующие формированию межкультурной коммуникативной компетентности у студентов, изучающих иностранный язык	49
<i>Москвина Е.В., Потапов М.В., Зеленова А.В.</i> Гуманистическая психология: цели, концепции, методы.....	53
<i>Непомилуева М.А.</i> Структурные основания социокультурной динамики: от классического дискурса социальности до начала XXI в.	60
<i>Нетребская О.Н.</i> Междисциплинарный подход в науке и образовании	66
<i>Нуэрбия Лачжакэ, Цзинь Минцзи.</i> Анализ современной ситуации исследований русского китаеведения в Китае в начале XXI века.....	69
<i>Пиневич Е.В., Соляник О.Е.</i> Предметно-интегративное обучение русскому языку как иностранному при подготовке будущих инженеров.....	76
<i>Сун Цзямэй.</i> Потребительские предпочтения россиян в кино и телесериалах.....	79

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.
ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке eLibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Мионов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор Московского педагогического университета, академик РАН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция)

Ответственный секретарь:

Мионова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действительный член РАЕН; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России; **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы, почетный доктор Института социологии РАН; **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; **Карпунин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Польша); **Криволюсов Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления; **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы (Беларусь); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета; **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН; **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского педагогического государственного университета, почетный работник Высшего профессионального образования РФ; **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского университета; **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Факультета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.12.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Тенеряднова С.П.</i> Речевой имидж специалиста: профессионально-коммуникативный факультатив в системе обучения студентов	86
<i>Чжоу Тунтун.</i> Приключенческая литература в русской культуре: анализ романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта»	90
<i>Чжэн Юймэн.</i> Проблемы адаптации китайских студентов к здоровому образу жизни в российском обществе.....	95
<i>Ян Линфан, Ло Сяося.</i> Интеграция китайской и российской культур на примере архитектурного наследия русского стиля в Тяньцзине	99

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Ваш Ю.Ф.</i> Малый бизнес в современной нестабильной среде: адаптационные стратегии	105
<i>Еремина Е.В.</i> Проблемы социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество	109
<i>Измеров А.А.</i> Доверие к СМИ. Модель функционирования	114
<i>Канзычакова Н.Г.</i> Метисы Республики Хакасия (по материалам экспертного опроса).....	118
<i>Кириенко Я.Ю.</i> Историческая эволюция института младших командиров в Вооруженных Силах России	122
<i>Князев А.И.</i> Социальные технологии повышения вовлеченности молодежи во внеучебную деятельность вуза	126
<i>Кузнецов Е.А.</i> Влияние социально-психологических факторов на успешность карьеры в коммерческой организации	133
<i>Астафурова О.А., Кулагина И.И., Запрягайло В.М.</i> Внедрение в учебный процесс цифрового управления по ситуации	137
<i>Курманов Р.Ш.</i> Организационная культура как фактор мотивации служебной деятельности военнослужащего	142
<i>Олейникова Е.Э.</i> Карьерный габитус миллениалов на современном рынке труда: востребованность в SHIVA-мире	146
<i>Поканевич Е.О.</i> Международный транспортный коридор «Север-Юг». особенности и потенциал его развития	152
<i>Покатов Д.В.</i> Российская политическая элита: особенности и направления изменений базовых показателей в современных условиях.....	155
<i>Посвятенко Ю.В.</i> Взаимодействие собственников многоквартирных домов с управляющими компаниями в условиях цифровизации	159
<i>Олейникова Е.Э.</i> Модель карьерной мобильности поколения Миллениум в цифровую эпоху: комплексный подход	164

<i>Смирнов А.П.</i> Роль и место цифровых технологий в управлении социальной сферой войск национальной гвардии Российской Федерации	171
<i>Соколов Д.С.</i> Роль СМИ в формировании позитивного отношения к военной службе	174
<i>Ушаков Е.В.</i> Проблема соответствия системы подготовки государственных служащих сложным требованиям к современной государственной службе: необходимость в новых подходах	177
<i>Федорева В.С.</i> Потребительское поведение как отражение социально-культурных ценностей в глобализованном мире	181
<i>Щербинина З.Н.</i> Является ли образование социальным лифтом в современной России.....	187
<i>Юдина Е.Н., Панич Н.А., Синяев М.В., Тарченко В.С.</i> Одиночество как социальный феномен в контексте виртуальных коммуникаций.....	193
<i>Дамбегов А.А., Яковлев В.С.</i> Факторы формирования гражданских ценностей российской молодежи в условиях современных реалий	199

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Даниелян М.Г.</i> Городское просторечие в монолингвальной стране.....	204
<i>Зубов В.В.</i> Становление банковской деятельности в Германии	209
<i>Лемаев Т.В.</i> Эволюция представлений о механизмах воздействия мифического на общество	214
<i>Рахконен М.Е.</i> Влияние цифровых технологий на развитие культурного потенциала	220
<i>Семенчук С.С.</i> Миф о гуманном не человеке: феномен антропоморфизации искусственного интеллекта	225

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Аторин Р.Ю.</i> Западноевропейская средневековая философия: к вопросу об истине и авторитете, оригинальности и заимствованиях.....	234
<i>Раджабов О.Р., Маммаева М.А., Бигаева З.С.</i> Традиционализм и фундаментализм в современном исламе	239
<i>Саликов Р.Р.</i> Античная философия заботы о себе и ее актуальность в современном мире	244

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Лагутова А.С.</i> Метафора строительства в религиозном дискурсе (на примере акафистов XX–XXI вв.).....	247
<i>Мостовенко Н.С.</i> Вымышленные религии: эвристический потенциал понятия	251

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

- Бирагова Б.М.* Северокавказские диаспоры Турции в диаспоральной политике России: проблемы и перспективы 257
- Гаджиев Х.А.* Динамика развития и внешнеполитический курс Азербайджана в постсоветский период 261
- Мандрица А.В., Коптелева О.А.* Роль информационного суверенитета в обеспечении стабильности и безопасности современной России: инструменты и последствия 266
- Русанов И.А.* Институциональные условия взаимодействия местного самоуправления и бизнеса: на примере Воронежской области 269
- Фатыхов Ш.Р.* Религиозный фактор в политике современной России: сущность, содержание и влияние на национальную безопасность 272
- Хачатрян В.А.* Чеченская война в официальном дискурсе Франции 276
- Цзи Нань.* Речевые особенности выступлений В.В. Путина как элемент российской политической культуры 281

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- Карелин В.О.* Влияние конкурирующих внешних сил на внутреннюю политику постсоветских государств и безопасность России 285
- Полякова А.Н.* Взаимное влияние и взаимообусловленность основ развития процессов глобализации и регионализации 291
- Сигов Ю.И., Трухачев В.В.* Информационная война США против России: новые ракурсы и медийные аспекты 297
- Су Тэнфэй.* Динамичные изменения в отношениях между Россией и западными странами 301
- Цюй Яньвэнь.* Российско-китайское сотрудничество и конкуренция в Арктике 305

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Кулакова Н.Н., Кречетов А.В., Тарунтаева В.В.* Анализ эффективности использования «мягкой силы» Республики Корея в юго-восточном регионе 311
- Курицин В.В.* Стратегическая стабильность как основа глобальной безопасности 317
- Нгуен Ба Тхань.* Влияние геополитических целей Китая на противостояние с Вьетнамом: подходы к оценке возможностей развития конфликта 323
- Пантелеев В.Г.* Группы антипатичного и отсутствия антипатичного отношения к зарубежным странам: социально-демографические спецификации и специфика восприятия международной жизни 328
- Печищева Л.А.* Геополитическое значение коридора «Индия – Ближний Восток – Европа» для германо-индийского сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе 334
- Хлопов О.А.* Коридор Лобито в конкурентной борьбе США с Китаем за минеральные ресурсы Африки 337
- Чернов В.Н., Усатова С.А.* Практический путь Китая в реализации равноправного многополярного мира 344

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Кравченко А.И.* Наука и здравый смысл 349
- Белоусова Т.П.* Этапы развития российско-китайских отношений. Планы и перспективы 354
- Войтович П.С.* Применение современных компьютерных технологий и искусственного интеллекта в политическом процессе 357
- Салиу А.М.* Социальная этика и проблема успеха предпринимателя в Нигерии и России: подход Уильяма Х. Уайта 361
- Конаков Р.В.* Некоторые политико-правовые аспекты регионального развития 368
- Хоу Чанг.* Исследование процессуальной теории марксистской философии 372
- Хуан Юэ.* Исследование роли АСЕАН в балансировании американо-китайских отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе 377

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Makkieva S.I.</i> Socio-demographic processes in the modern period	7
<i>Barsukova A.D.</i> Education by serving. The concept of serving in the categorial and conceptual apparatus of social sciences.....	11
<i>Wang Yuanxing.</i> Digital technologies in the development of smart elderly care in China: characteristics, opportunities, and challenges.....	15
<i>Guleva M.A.</i> Historical path of development of Chinese journalism.....	24
<i>Denisova O.E., Belskaya M.I.</i> Teaching scientific monologic speech to foreign students.....	30
<i>Zhigalova I.V.</i> Vocal Art of Ancient Greece: Mythology, Culture and Philosophy.....	34
<i>Lyabakh A.Yu., Dankovd Z.Yu., Maleka Yu.N., Erkin A.F.</i> Research of the phenomenon of corruption in the EMERCOM of Russia	39
<i>Mamaeva Y.A.</i> Transformation of ideology in Russia through the optics of the past and present.....	44
<i>Metelkova L.A., Yuan Dongbin, Rungsh N.A.</i> Pedagogical conditions contributing to the formation of intercultural communicative competence of the students studying foreign languages	49
<i>Moskvina E.V., Potapov M.V., Zelenova A.V.</i> Humanistic Psychology: Goals, Concepts, Methods.....	53
<i>Nepomiluyeva M.A.</i> The structural foundations of sociocultural dynamics: from the classical discourse of sociality to the beginning of the XXI century.....	60
<i>Netrebskaya O.N.</i> Interdisciplinary approach in science and education	66
<i>Nuerbiya Lazhake, Jin Minji.</i> Analysis of the current state of research on russian sinology in China in the early 21st century	69
<i>Pinevich E.V., Solyanik O.E.</i> Subject-integrative teaching of russian as a foreign language in the training of future engineers.....	76
<i>Song jiamai.</i> Consumer References in cinema and TV series in Russia.....	79
<i>Teneryadnova S.P.</i> Speech image of a specialist: professional communication elective in the student education system.....	86
<i>Zhou Tongtong.</i> Adventure literature in russian culture: analysis of Jules Verne's novel	90
<i>Zheng Yumeng.</i> Problems of adaptation of Chinese students to a healthy lifestyle in Russian society.....	95
<i>Yang Lingfang, Luo Xiaoxia.</i> Integration of Chinese and Russian cultures on the example of Russian style architectural heritage in Tianjin.....	99

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volkov Yuri Grigorievich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department for Scientific Work, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow University for the Humanities, Honored Scientist of the Russian Federation; **Kefeli Igor Fedorovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head. Department of Design of Educational Systems of the Republican Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head. Department of Philosophy and History of Moscow Financial and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists, professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor of St. Petersburg University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Corporate Governance at RANEPa, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU named after M. Akhmedov.

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.12.2024. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Vash Yu.F.</i> Small business in today's unstable environment: adaptation strategies.....	105
<i>Eremina E.V.</i> Problems of socio-cultural adaptation and integration of migrants into Russian society.....	109
<i>Izmerov A.A.</i> Trust in the media. The functioning model	114
<i>Kanzychakova N.G.</i> Mestizos of the Republic of Khakassia (based on the expert survey)	118
<i>Kirienko Y.Y.</i> The historical evolution of the institute of junior commanders in the Russian armed forces	122
<i>Knyazev A.I.</i> On the issues of building an information security management model for an educational organization in the context of digitalization	126
<i>Kuznetsov E.A.</i> The influence of socio-psychological factors on the success of a career in a commercial organization	133
<i>Astafurova O.A., Kulagina I.I., Zapryagaylo V.M.</i> Modeling of socio-economic processes	137
<i>Kurmanov R.Sh.</i> Organizational culture as a factor of motivation of service activities of a military personnel	142
<i>Oleynikova E.E.</i> Career Habitus of Millennials in the Modern Labor Market: Demand in the SHIVA World.....	146
<i>Pokanevich E.O.</i> North-south international transportation corridor. Peculiarities and potential for its development	152
<i>Pokatov D.V.</i> The Russian political elite: features and directions of changes in basic indicators in modern conditions.....	155
<i>Posvyatenko Yu.V.</i> Interaction of owners of apartment buildings with management companies in the conditions of digitalization.....	159
<i>Oleynikova E.E.</i> Millennial Generation Career Mobility Model in the Digital Era: A Comprehensive Approach.....	164
<i>Smirnov A.P.</i> The Role and Place of Digital Technologies in the Management of the Social Sphere of the National Guard Troops of the Russian Federation	171
<i>Sokolov D.S.</i> The role of the media in shaping a positive attitude towards military service.....	174
<i>Ushakov E.V.</i> The problem of compliance of the training system of civil servants with complex requirements for contemporary public services: the need for new approaches.....	177
<i>Fedoreeva V.S.</i> Consumer Behavior as a Reflection of Socio-Cultural Values in a Globalized World	181
<i>Shcherbinina Z.N.</i> Is education a social lift in modern Russia?.....	187
<i>Yudina E.N., Panich N.A., Sinyaev M.V., Tarchenko V.S.</i> Loneliness as a social phenomenon in the context of virtual communications	193

<i>Dambegov A.A., Yakovlev V.S.</i> Factors of formation of civic values of Russian youth in the conditions of modern realities.....	199
--	-----

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Danielyan M.G.</i> Urban vernacular in a monolingual country.....	204
<i>Zubov V.V.</i> The formation of banking in Germany	209
<i>Lemaev T.V.</i> The evolution of ideas about the mechanisms of influence of the mythical on society	214
<i>Rahkonen M.E.</i> The impact of digital technologies on the development of cultural potential.....	220
<i>Semenchuk S.S.</i> The myth of a humanistic non-human: the phenomenon of anthropomorphization of artificial intelligence.....	225

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Atorin R.Yu.</i> Western European medieval philosophy: on the question of truth and authority, originality and borrowings.....	234
<i>Radjabov O.R., Mamayeva M.A., Bigaeva Z.S.</i> Traditionalism and Fundamentalism in Modern Islam.....	239
<i>Salikov R.R.</i> The ancient philosophy of self-care and its relevance in the modern world	244

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

<i>Lagutova A.S.</i> Metaphor of construction in the religious discourse (on the example of akathists of the XX–XXI centuries).....	247
<i>Mostovenko N.S.</i> Fictional religions: the heuristic potential of the concept	251

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Biragova B.M.</i> North Caucasian diasporas of turkey in the diaspora policy of Russia: problems and prospects.....	257
<i>Gadzhiev Kh.A.</i> Azerbaijan's dynamics of development and it's foreign policy during the post-soviet period.....	261
<i>Mandritsa A.V., Kopteleva O.A.</i> The role of information sovereignty in ensuring the stability and security of modern Russia: tools and consequences	266
<i>Rusanov I.A.</i> Institutional conditions for interaction between local government and business: the example of the Voronezh region.....	269
<i>Fatykhov Sh.R.</i> The religious factor in the politics of modern Russia: essence, content, and impact on national security	272
<i>Khachatryan V.A.</i> The Chechen War in the French Official Discourse.....	276
<i>Ji Nan.</i> Speech features of V.V. Putin's public addresses as an element of russian political culture.....	281

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Karelin V.O. The Impact of Competing External Forces on the Domestic Policy of Post-Soviet States and Russia's Security 285

Polyakova A.N. Mutual influence and interdependence of the foundations of the development of globalization and regionalization processes..... 291

Sigov Yu.I., Trukhachyov V.V. The USA information war against Russia: new angles and media aspects 297

Su Tengfei. Dynamic changes in relations between Russia and Western countries 301

Qu YanWen. Russian-Chinese cooperation and competition in Arctic affairs..... 305

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Kulakova N.N., Krechetov A.V., Taruntaeva V.V. Analysis of the effectiveness of south Korea's use of «soft power» in the southeastern region 311

Kuritsin V.V. Strategic stability as the basis of global security 317

Nguyen Ba Thanh. Disputes in south China sea: analysis china's calculations and its effects on Vietnam-China relation 323

Panteleev V.G. Groups of antipathy and lack of antipathy towards foreign countries: socio-demographic specifications and specifics of the perception of international life 328

Pechishcheva L.A. Geopolitical importance of the india-middle East-Europe economic corridor («IMEC») for Germany-India cooperation in the Indo-Pacific region..... 334

Khlopov O.A. The Lobito Corridor in US-China Competition for Africa's Mineral Resources..... 337

Chernov V.N., Usatova S.A. The practical path of China in the implementation of an equal multipolar world..... 344

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

Kravchenko A.I. Science and Common Sense 349

Belousova T.P. Stages of development of Russian-Chinese relations. Plans and prospects 354

Voitovich P.S. The use of modern computer technologies and artificial intelligence in the political process 357

Saliu A.M. Social ethics and the problem of entrepreneur success in Nigeria and Russia: a William H. Whyte approach..... 361

Konakov R.V. Some political and legal aspects of regional development 368

Hou Chang. Research on the Processual Theory of Marxist Philosophy 372

Huang Yue. Research on the role of ASEAN in balancing U.S.-China relations in the Asia-Pacific region 377

Социально-демографические процессы в современный период

Акиева Светлана Исмаиловна,

доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, Нальчик
E-mail: asisma@yandex.ru

Статья посвящена анализу социально-демографической политики и процессов, которые оказывают значительное влияние на динамику и структуру населения в современных условиях. В работе рассматриваются основные направления социально-демографической политики и их роль в стабилизации демографической ситуации. Автор проводит сравнение различных моделей демографической политики, применяемых в разных странах, на основе данных о рождаемости, смертности и миграции.

Особое внимание уделяется вопросам регулирования миграционных потоков, изменениям в возрастной структуре населения и влиянию этих изменений на рынок труда и систему социального обеспечения. В статье также рассматриваются аспекты гендерного равенства и семейной политики, включая меры по поддержке рождаемости и трудовой занятости женщин.

Делается акцент на важности междисциплинарного подхода к изучению социально-демографических процессов, подчеркивая необходимость интеграции данных из социологии, экономики и демографии для разработки эффективной политики. В заключение работы предлагаются рекомендации по оптимизации социально-демографической политики, направленные на преодоление демографических вызовов и создание устойчивых условий для демографического развития общества.

Данная статья будет полезна исследователям в области демографии, социологии, а также лицам, занимающимся разработкой государственной политики в сфере демографического и социального планирования.

Ключевые слова: социальная политика, демографические процессы, рождаемость, смертность, миграция, население, социальная защита, государственная поддержка, трудовая миграция, демографическое развитие.

Введение

Современный мир сталкивается с множеством вызовов, среди которых одной из самых актуальных проблем является изменяющаяся демографическая ситуация. Социально-демографическая политика играет ключевую роль в управлении этими процессами, оказывая значительное влияние на развитие и благосостояние общества. В условиях глобализации и быстрых экономических изменений, такие факторы, как рождаемость, миграция, образование и занятость, становятся основополагающими элементами, определяющими демографические перспективы. Именно поэтому изучение социальных и демографических процессов, а также разработка эффективной политики в этой сфере приобретают особое значение.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ и оценка основных тенденций рождаемости в условиях меняющейся социальной политики, а также изучение влияния миграционных процессов на демографическую ситуацию в стране. В рамках работы также рассматривается роль факторов образования и занятости в формировании демографических показателей и определяются возможные вызовы и перспективы для социально-демографической политики. Таким образом, исследование нацелено на выявление ключевых механизмов и разработку рекомендаций для улучшения демографической обстановки.

Научная новизна данного исследования заключается в многоаспектном подходе к изучению социально-демографических процессов. В отличие от предыдущих исследований, данный труд акцентирует внимание на взаимосвязи между рождаемостью и текущей социальной политикой, анализируя, каким образом изменения в государственной поддержке семей могут повлиять на демографические показатели. Кроме того, влияние миграционных процессов рассматривается в контексте современных вызовов, занимая центральное место в определении перспектив социально-демографической политики. Новизна также заключается в исследовании роли образования и занятости как интегральных факторов, способных воздействовать на демографическую картину.

Материалы и методы исследований

Для проведения исследования были применены методы количественного и качественного анализа, включая статистический и сравнительный анализ, для выявления зависимости между социальными, экономическими и демографическими факторами. Также использовались актуальные научные работы, что позволило глубже понять причины и последствия изменения демографической обстановки. Комплексный подход к использованию данных методов обеспечивает объективность и достоверность полученных результатов, значительно расширяя возможности для их практического применения.

Результаты и обсуждения

Анализ тенденций рождаемости в условиях изменяющейся социальной политики

В последние десятилетия многие страны столкнулись с вызовами снижения уровня рождаемости, что требует тщательного рассмотрения и комплексного анализа воздействия различных социальных мер на этот важный показатель.

Изменения в социальной политике, касающиеся поддержки семей и стимулирования рождаемости, принимают различные формы. Ведущими в этом отношении являются широкие программы финансовой поддержки семей, включая материнские капиталы, пособия на детей и налоговые льготы [6, с. 1]. Однако влияние этих мер часто неоднозначно, так как оно может варьироваться в зависимости от экономического контекста, культурных норм и уровней социального обеспечения.

Факторы, влияющие на рождаемость, можно разделить на социально-экономические и культурные. Экономическая стабильность и уверенность в завтрашнем дне, безусловно, играют важную роль в принятии решений о расширении семьи. Однако социальная политика, которая не учитывает местные культурные особенности и ожидания, может оказаться неэффективной. Например, в скандинавских странах комплексная поддержка родителей через гибкие условия труда и доступность высококачественных услуг по уходу за детьми привела к относительному увеличению уровней рождаемости, несмотря на высокий уровень жизни и самореализации женщин в карьере.

Важным аспектом анализа тенденций рождаемости является изучение изменений в репродуктивных намерениях и поведении. Современное общество характеризуется изменяющимися гендерными ролями и значительным увеличением возраста вступления в брак и рождения первого ребенка. Это приводит к общему смещению акцента с количества детей на их качество жизни и образование, что, в свою очередь, способствует снижению рождаемости.

Роль государственной политики в отношении материнства и детства стремительно меняется. Появление различных форм государственной поддержки рождаемости, таких как улучшение условий труда для родителей, развитие инфраструктуры ухода за детьми и программы гибкого графика работы, оказывается более эффективным в долгосрочной перспективе. Такая политика не только способствует повышению уровня рождаемости, но и помогает решать задачи гендерного равенства и улучшения качества жизни детей.

Кроме того, стоит отметить значительное влияние информационной политики и пропаганды. Государственные инициативы, направленные на повышение осведомленности населения о преимуществах семьи и воспитании детей, часто включают образовательные программы и кампании в средствах массовой информации. Однако эффективность таких мер требует детальной оценки с учетом местной специфики и возможностей адаптации под изменяющиеся условия.

В заключение, комплексное исследование и проактивный подход к формированию и изменению социальной политики способны сыграть решающую роль в регулировании тенденций рождаемости. Успех этих мер во многом зависит от способности правительства учитывать разнообразие факторов, влияющих на выбор семей, интегрировать междисциплинарный подход и ориентироваться на долгосрочные результаты. Таким образом, глубокий и детализированный анализ рождаемости

является неотъемлемой частью выработки эффективной социальной политики, отвечающей вызовам времени.

Влияние миграционных процессов на демографическую ситуацию: вызовы и перспективы

Миграционные процессы представляют собой неотъемлемую часть глобальной динамики населения и оказывают значительное влияние на демографическую ситуацию в различных странах и регионах. В условиях современной глобализации, когда цифровые технологии и транспортные системы продолжают развиваться, миграция приобретает новые формы и масштабы. Этот феномен сопровождается как вызовами, так и перспективами, которые требуют внимательного анализа и комплексного подхода для разработки эффективной политики управления.

Одним из ключевых вызовов, связанных с миграционными процессами, является внезапное изменение численности населения в принимающих странах, что может повлечь за собой перегрузку инфраструктуры и социальных систем [10, с. 20]. В частности, резкое увеличение числа жителей ведет к необходимости в дополнительных ресурсах, таких как жилье, рабочие места, медицинские и образовательные услуги. Это, в свою очередь, может вызвать социальную напряженность, если местное население будет воспринимать мигрантов как конкурентов за ограниченные ресурсы. Для разрешения этих проблем государства должны разрабатывать гибкие механизмы адаптации инфраструктуры и социальных служб под изменяющиеся демографические реалии.

С другой стороны, миграция способна вносить позитивный вклад в демографическую ситуацию, особенно в странах с низким уровнем рождаемости и стареющим населением [5, с. 125]. Приток трудоспособных мигрантов может стимулировать экономический рост, повышая производительность и нивелируя дефицит рабочей силы. Кроме того, культурное разнообразие, которое приносит миграция, может способствовать инновациям и креативности, что открывает новые горизонты для экономического и социального развития. В этом контексте важным является создание условий для интеграции мигрантов в общество, что обеспечит их активное участие в жизни страны и снизит риск социальной изоляции.

Перспективы управления миграционными процессами во многом зависят от способности государств сотрудничать на международном и региональном уровнях [4, с. 69–70]. Разработка согласованных миграционных политик и соглашений о перемещении трудовой силы позволит не только смягчить негативные последствия неконтролируемой миграции, но и максимально использовать её потенциал. Существенную роль в этом контексте играют международные организации, такие как ООН и Международная организация по миграции, которые могут выступать платформой для координации усилий стран в области управления миграцией.

Особое значение имеет изучение и прогнозирование миграционных потоков с помощью современных технологий и аналитических инструментов. Использование больших данных и искусственного интеллекта может предоставить ценную информацию о паттернах миграции, позволяя более точно оценивать влияние миграционных процессов на демографическую ситуацию [7, с. 98]. Эти технологии также могут быть полезны для разработки персонализированных программ интеграции мигрантов, адаптированных под конкретные нужды отдельных групп.

Таким образом, влияние миграционных процессов на демографическую ситуацию является многогранным и сложным явлением, которое сопряжено с рядом вызовов и перспектив. Эффективное управление этими

процессами требует от государств взвешенного подхода, основанного на принципах международного сотрудничества, использования передовых технологий и обеспечения социальных гарантий как для мигрантов, так и для принимающего населения. Будущее демографической картины мира во многом будет зависеть от того, насколько человечество сможет использовать миграцию как инструмент развития и укрепления социального благополучия.

Роль образования и занятости в формировании демографических показателей

Образование и занятость играют ключевую роль в формировании демографических показателей, оказывая влияние на такие аспекты, как рождаемость, смертность, миграция и структура населения. Эти компоненты взаимосвязаны и формируют сложные демографические тренды, которые исследуются для понимания будущих социальных, экономических и культурных изменений в обществе.

Образование служит одним из основных факторов, влияющих на демографические показатели. Оно определяет уровень знаний и навыков, которыми обладают индивиды, что в свою очередь влияет на их жизненные планы, включая создание семьи и количество детей [2, с. 19]. В современном мире доступ к образованию расширяется, что ведет к усовершенствованию уровня жизни и изменению приоритетов в плане рождения детей. Так, наблюдается тенденция к повышению возраста вступления в брак и увеличению возраста первых родов. Это связано с тем, что более образованные женщины стремятся к профессиональной реализации и финансовой независимости прежде, чем заводить семью.

Занятость также играет критическую роль в демографических процессах. Стабильная работа и доходы существенно влияют на решение о рождении детей [3, с. 3]. Экономическая неустойчивость, высокая безработица и неполные рабочие ставки могут сдерживать рождаемость, так как родители стремятся обеспечить своим детям достойный уровень жизни. С другой стороны, уверенность в стабильности рабочего места и наличие социальных гарантий способствует увеличению среднего числа детей в семьях. Кроме того, структура рынка труда и характер занятости влияют на миграционные потоки, так как люди нередко покидают свои родные регионы в поисках более выгодных условий труда.

Взаимосвязь между образованием, занятостью и демографическими показателями проявляется и в процессе миграции. Образованные специалисты в поисках профессионального роста и признания часто мигрируют в крупные города или за рубеж [8, с. 86]. Это приводит к изменению демографической структуры в конкретных регионах, вызывая отток молодых и активных кадров из сельских и экономически менее развитых территорий, что, в свою очередь, влияет на уровень рождаемости в этих регионах.

Кроме того, доступ к образованию и характер занятости влияют на смертность. Образованные слои населения обычно имеют лучшую возможность заботиться о своем здоровье благодаря повышенной осведомленности о здоровье и доступу к медицинской помощи. Они также более склонны вести здоровый образ жизни, что снижает риск преждевременной смертности [1, с. 42]. Члены общества с более высоким уровнем занятости часто имеют доступ к более качественным медицинским услугам и условиям труда, что также может позитивно сказаться на демографических показателях, связанных со смертностью.

Влияние образования и занятости на демографические показатели также находит отражение

в государственно-политических решениях [9, с. 15]. Многие правительства стремятся улучшить доступ к образованию и повысить уровень занятости как стратегические меры для регулирования демографических процессов, таких как старение населения и нехватка рабочей силы. Программы по поддержке семьи, стимулирующие меры для улучшения условий труда, а также инициативы в области образования и подготовки кадров являются важной частью государственной политики.

Таким образом, образование и занятость играют важную роль в формировании демографических показателей, влияя на личные и общественные перспективы. Их изучение помогает лучше понять механизмы демографических изменений и разработать эффективные стратегии для устойчивого развития общества. Исследования в этой области продолжают открывать новые возможности для анализа и понимания сложных взаимосвязей между социальными, экономическими и демографическими факторами.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов, имеющих важное значение для понимания и дальнейшего практического применения полученных данных в области демографической политики.

Во-первых, анализ тенденций рождаемости в условиях изменяющейся социальной политики показал, что меры государственной поддержки семей напрямую влияют на уровень рождаемости. Выявлено, что стабильные и долгосрочные программы, направленные на финансовую и социальную защиту семей, способны значительно повысить рождаемость. Особое внимание следует уделять гибкости таких программ, чтобы они могли адаптироваться к изменениям социально-экономической ситуации.

Во-вторых, изучение влияния миграционных процессов на демографическую ситуацию выявило как вызовы, так и перспективы. Развитие грамотной миграционной политики может стать мощным инструментом компенсации отрицательного баланса рождаемости и смертности. В то же время, неуправляемые миграционные потоки способны усилить социальное напряжение и вызвать структурные дисбалансы, требующие своевременных превентивных мер.

В-третьих, подчеркнута ключевая роль образования и занятости в формировании демографических показателей. Высокий уровень образования напрямую связан с отложенной рождаемостью и выбором в пользу меньшего числа детей. Это ставит перед государственной политикой задачу улучшения условий совмещения профессиональной карьеры и семейной жизни, внедрения программ поддержки молодых родителей в области занятости.

Таким образом, для эффективного управления социально-демографическими процессами необходимо комплексное и многоплановое применение политики, учитывающее национальные особенности, тенденции и вызовы современного общества. Внедрение инновационных подходов и использование международного опыта, а также постоянный мониторинг и корректировка демографической стратегии представляются наиболее перспективными направлениями развития в данной области.

Литература

1. Бузин В.Н., Холмогорова Г.Т. Обучение здоровому образу жизни и средства массовой информации // Советское здравоохранение. 1991. № 12. С. 41–45.

2. Грудина Т.Н. Ценностные ориентации многодетной семьи в России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2014. 24 с.
3. Емельянова Е.В. Имидж семьи в современном российском обществе // Государственная семейная политика. М.: Изд-во МГСУ, 2008. С. 1–5.
4. Зубаревич Н., Хасанова Р. Регионы России: социальное развитие и демографические тенденции (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. 2017. № 7. С.64–74.
5. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Методы измерения бедности и социально-демографическая структура бедного населения. // Демографические проблемы России: взгляд из прошлого в будущее (к 300-летию М.В. Ломоносова): материалы международной научной конференции 26–27 сентября 2011 г. СПб., 2012. 332 с.
6. Кочepasова А.Ю. Социально-демографическая политика в современной России: теоретические ожидания и реальная эффективность // Общество: социология, психология, педагогика, 2020 г. С. 1–3.
7. Ловцова Н.И. Трансформация семейной политики в современной России. Саратов, 2005. 320 с.
8. Москалева Л.Ю., Троицкая Т.С., Троицкая Е.М. Культурно-образовательное пространство будущих специалистов: праксеологические ориентиры // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 12–2. С. 85–91.
9. Толмачёв О.Л. Закон самозэксплуатации работника // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 11–22.
10. Троицкая Т.С. Философско-педагогическая рефлексия социальных перемен: вызов науке, обучению и воспитанию // Приоритетные направления развития высшего образования в Российской Федерации. Нагорнова А.Ю., Москалюк В.М., Троицкая Т.С., Газизов Р.Р., Алексеева И.А., Цуркан Н.В., Черемисова И.В., Каспрук Л.И., Головина О.В., Царькова Е.А., Станулевич О.Е., Павлова О.А., Семенова Т.А., Терещенкова Е.В., Овчинников А.Ю., Терюшкова Ю.Ю., Белецкая Е.В., Джафарова Ж.Э.К., Любова О.Ю., Байжуманова Н.С. и др. Коллективная монография. Ульяновск, 2023. С. 17–28.

SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE MODERN PERIOD

Makkieva S.I.

KBR Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the analysis of socio-demographic policy and processes that have a significant impact on the dynamics and structure of the population in modern conditions. The paper examines the main directions of socio-demographic policy and their role in stabilizing the demographic situation. The author compares different models of demographic policy applied in different countries based on data on fertility, mortality and migration.

Special attention is paid to the regulation of migration flows, changes in the age structure of the population and the impact of these changes on the labor market and the social security system. The article also examines aspects of gender equality and family policy, including measures to support fertility and employment of women.

The emphasis is placed on the importance of an interdisciplinary approach to the study of socio-demographic processes, emphasizing the need to integrate data from sociology, economics and demography to develop effective policies. In conclusion, the paper offers recommendations on optimizing socio-demographic policy aimed at overcoming demographic challenges and creating sustainable conditions for the demographic development of society.

This article will be useful for researchers in the field of demography, sociology, as well as those involved in the development of public policy in the field of demographic and social planning.

Keywords: social policy, demographic processes, fertility, mortality, migration, population, social protection, state support, labor migration, demographic development.

References

1. Buzin V.N., Kholmogorova G.T. Healthy lifestyle education and mass media // Soviet healthcare. 1991. No. 12. pp. 41–45.
2. Grudina T.N. Value orientations of a large family in Russia: abstract of the dissertation ... candidate of Social Sciences. M., 2014. 24 p.
3. Yemelyanova E.V. The image of the family in modern Russian society // State family policy. Moscow: Publishing House of MGSU, 2008. pp. 1–5.
4. Zubarevich N., Khasanova R. Regions of Russia: social development and demographic trends (based on the results of regular Monitoring by INSAP RANEPА) // Economic Development of Russia. 2017. No. 7. pp.64–74.
5. Korchagina I.I., Prokofieva L.M. Methods of measuring poverty and the socio-demographic structure of the poor population. // Demographic problems of Russia: a look from the past to the future (to the 300th anniversary of M.V. Lomonosov): proceedings of the international scientific conference on September 26–27, 2011 St. Petersburg, 2012. 332 p.
6. Kochevasova A. Yu. Socio-demographic policy in modern Russia: theoretical expectations and real effectiveness // Society: sociology, psychology, pedagogy, 2020 pp. 1–3.
7. Lovtsova N.I. Transformation of family policy in modern Russia. Saratov, 2005. 320 p.
8. Moskaleva L.Yu., Troitskaya T.S., Troitskaya E.M. Cultural and educational space of future specialists: praxeological guidelines // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2023. No. 12–2. pp. 85–91.
9. Tolmachev O.L. The law of employee self-exploitation // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2024. No. 6 (488). pp. 11–22.
10. Troitskaya T.S. Philosophical and pedagogical reflection on social change: a challenge to science, education and upbringing // Priority directions for the development of higher education in the Russian Federation. Nagornova A.Yu., Moskalyuk V.M., Troitskaya T.S., Gazizov R.R., Alekseeva I.A., Tsurkan N.V., Cheremisova I.V., Kaspruk L.I., Golovina O.V., Tsarkova E.A., Stanulevich O.E., Pavlova O.A., Semenova T.A., Tereshenkova E.V., Ovchinnikov A.Yu., Teryushkova Yu.Yu., Beletskaya E.V., Jafarova J.E.K., Lyubova O.Yu., Baizhumanova N.S., etc. A collective monograph. Ulyanovsk, 2023. pp. 17–28.

Воспитание служением. Понятие «служение» в категориально-понятийном аппарате общественных наук

Барсукова Анна Дмитриевна,

к.п.с.н., доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: barsukovaad@mgsu.ru

Статья посвящена теоретическому осмыслению воспитания через служение как ключевого направления формирования социальной ответственности и нравственных ценностей у студентов. Рассматривается понятие «служение» в контексте категориально-понятийного аппарата общественных наук, акцентируется его связь с феноменами альтруизма, гражданской активности, миссии, предназначения и профессиональной самоидентификации. Рассматриваются различные подходы к интерпретации данного понятия, выявляются его ключевые характеристики и структурные компоненты. Особое внимание уделяется сопоставлению философских, социологических и педагогических трактовок служения. Анализируются подходы к интеграции идей служения в образовательные программы. Делается вывод о значимости служения как инструмента формирования личностных, профессиональных и гражданских качеств в условиях модернизации системы профессионального образования.

Ключевые слова: служение, диакония, воспитание, миссия, преданность, патриотическое воспитание, ценности

Этимологически и исторически термин «служение» был определен через призму христианской этики. Категория служения, как отмечает М.Г. Дорофеева, неразрывно связана с такими аспектами христианской аксиологии, как самопожертвование, нестяжательство, милосердие, терпимость, человеколюбие и альтруизм [7, с. 222]. Схожий тезис выражает Ю.В. Калегина: первые научные публикации, посвященные описанию категории «служение», рассматривали ее в качестве совокупности «исторически сложившихся организованных форм социальной деятельности именно религиозных организаций, заключающейся в актах милосердия в отношении конкретных лиц» [10, с. 111]. Одной из приоритетных целей и функций религиозных организаций выступало служение миру; именно в практиках служения представители церкви разрешали многие социально значимые проблемы [11, с. 89]. В христианском богословском контексте служение обществу обозначается термином «диакония». Диакония представляет собой набор организованных форм служения окружающим – благотворительность, забота об уязвимых группах общества, «практическое добродетельное» [11, с. 89].

В последующем интерпретации термина «служение» существенно расширились: А.Ю. Аламаева отмечает, что служение обществу стало соотноситься не только с деятельностью религиозных организаций, но и со многими другими обиходными и профессиональными практиками [2, с. 73]. Известный русский философ и писатель И.А. Ильин связывал категорию служения со значимыми философско-антропологическими категориями «призвание» и «судьба»: «на свете нет счастья вне служения и нет покоя в одиночестве» [9, с. 574].

И.В. Демин указывает: по мере секуляризации общественной жизни семантика категории «служение» была существенно расширена: служение обществу в той или иной сфере стало восприниматься не только в религиозном контексте, но и в контексте воинской службы, государственного управления, во взаимоотношениях с окружающими, в профессии [6, с. 102]. В работах русских философов служение все чаще распространялось на политическую сферу, на исполнение гражданского и патриотического долга человека [10, с. 111].

Т.С. Давыдова пишет о том, что впервые категория служения стала отождествляться с профессиональной деятельностью человека во времена правления Петра I. Новые задачи технического и культурного развития страны обусловили ряд изменений в общественном сознании и системе ценностей. Государственность, одно из важнейших открытий петровской эпохи, была основана на обязанности всех представителей дворянского сословия служить Отечеству [5, с. 7]. Осознанное стремление к служению русскому государству стало для дворян этическим идеалом, основой гармоничного социального устройства [5, с. 8].

На сегодняшний день термин «служение» можно определять с разных точек зрения: о служении говорят применительно к самым разнообразным сферам деятельности: служение науке, служение образованию и воспитанию, служение государству, служение искусству и т.п.

По мнению М.В. Моисеенко, служение является ценностным базисом в деятельности просветителей, меценатов, врачей, юристов, педагогов, защитников Отечества, волонтеров, добровольцев, представителей различных конфессий. Во многих профессиональных сферах деятельности, указывает автор, служение является собой главный и неотъемлемый компонент: военнослужащие, спасатели, служители церкви и т.п. [12, с. 339]. При выборе подобных профессий люди исходят из субъективных представлений о служении как предназначении человека, его жизненной миссии. Служение как личный выбор имеет место и во многих других профессиях, традиционно не воспринимаемых как «альтруистичные»; так, А.И. Барыкина говорит о наличии установок о служении у представителей различных сфер профессиональной деятельности: библиотекарей, ученых, лесничих, поэтов, юристов, музыкантов, агрономов и др. На сегодняшний день служение выступает важным мотивом в выборе профессиональной деятельности [3, с. 45].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что на текущий момент предпочтительны расширительные интерпретации термина «служение», тогда как ранее это понятие затрагивало исключительно деятельность священнослужителей или государственных служащих. Тем не менее, семантика категории служения чаще всего связана с выполнением профессиональных или общегражданских обязанностей.

Данный тезис можно подтвердить современными словарными и авторскими дефинициями рассматриваемой нами категории. Так, в энциклопедическом педагогическом словаре «Основы духовной культуры» В.С. Безруковой служение определяется как «тип отношения человека к своей деятельности, при котором он ощущает себя ответственным и обязанным добросовестно и высокопродуктивно выполнять любую взятую на себя работу» [13, с. 726–727]. В.С. Безрукова во многом отождествляет понятия «преданность» и «служение»; преданность автор определяет в качестве любви и верности «со смирением, не взирающим на смену обстоятельств», «это покорное доверие, усердное служение» [13, с. 616].

А.С. Белкин указывает на то, что понятие «служение» стоит в одном ряду с такими категориями, как «предназначение», «спасение», «миссия». Все эти термины соотносят деятельность человека с достижением высшей цели – благо другого человека или человечества. Кроме того, все эти понятия содержат в своем значении информацию о путях достижения этого блага – гуманистическая деятельность, направленная на окружающих [4, с. 70].

А.И. Барыкина в рамках ассоциативного эксперимента установила, что понятие «служение» у представителей студенческой молодежи отождествляется с понятиями «отношение к труду», «исполнение гражданского, служебного долга» и «помощь людям», и гораздо реже оно ассоциируется с богослужением [3, с. 56].

Ю.В. Калегина говорит о том, что в контексте светской мировоззренческой парадигмы служение следует рассматривать с двух позиций: (1) с позиции индивидуума – в качестве «добровольческой благотворительной деятельности на пользу обществу и профессиональной, сосредоточенной на интересах дела, профессии, трудовой функции»; (2) с позиции социума и государства – в качестве духовно-организационного ресурса «упорядочения общественной жизни в контексте современных насущных проблем, гармонизации политического и экономического, культурного и технического укладов жизни социума» [10, с. 112].

Рассматривая категорию служения вне рамок церковных институций, можно выделить два вектора, по которым можно говорить о служении: социальное служение – забота о малообеспеченных, незащищенных слоях общества; профессиональное служение – приложение «бескорыстных профессиональных усилий» при выполнении социально-значимого дела.

Служение в рамках первого из направлений реализуется посредством благотворительности, волонтерства, правовой защиты, а также посредством единичных индивидуальных бескорыстных деяний. Служение в рамках второго из направлений заложено в самом содержании профессии, которую выбирает человек. При этом выполнение своих должностных обязанностей не тождественно служению. По мнению Ю.В. Калегиной, профессиональное служение обеспечивается двумя условиями: (1) наличие у человека профессиональных компетенций, опыта и знаний, применяя которые он выполняет свои должностные обязанности; (2) бескорыстное, инициативное, без принуждения извне приложение сверхдолжных усилий, попытки выйти за рамки должностных инструкций и минимального объема обязанностей, «наращивание» дополнительной социальной полезности процесса профессиональной деятельности [10, с. 113]. Служение, согласно Ю.М. Ершову, должно быть компонентом любой профессиональной идеологии [8, с. 69].

М.В. Моисеенко, в свою очередь, говорит о том, что готовым к служению можно считать исключительно носителя следующих качеств и установок: патриотизм, гуманизм, широкий кругозор, высокие моральные идеалы, чувство долга, сформированные представления о чести и достоинстве, совесть, альтруизм, трудолюбие, профессионализм, приоритет духовных ценностей над материальными, жертвенность [12, с. 343]. Профессионализм, таким образом, является лишь одним из компонентов готовности к служению.

Следует отметить: едва ли служение является результатом наличия неких врожденных человеческих качеств. Как следует из вышеизложенных дефиниций, служение есть результат личного, профессионального и духовного развития. Ценность служения может быть целенаправленно сформирована в условиях воспитательного процесса. Данное умозаключение, в свою очередь, позволяет рассматривать категорию «служение» в контексте педагогической науки.

Несмотря на то, что научно-философский анализ концепции служения насчитывает несколько столетий, в педагогическую науку это понятие вошло относительно недавно. До сих пор не выработан понятийный педагогический аппарат данной области, как и нет научной концепции подготовки человека к служению в системе высшего профессионального образования [10, с. 113]. В большинстве случаев подготовка будущего специалиста к служению осуществляется в рамках патриотического воспитания, причем акцент в данной области смещен на военные, медицинские, социально-ориентированные профессии.

Л.В. Сгонник говорит о необходимости расширения практик воспитания служением. Спектр профессий, отнесенных к категории «служение», достаточно широк. Их отличает то, что предметом деятельности является другой человек или социальная группа. Профессии, которые автор классифицирует как «служение», подразумевают «элементы социального управления и предполагают владение развитой рефлексией, умением предвидеть ошибки, трудности, мнения и решения другого участника взаимодействия» [14, с. 5].

Готовность к служению есть приоритетная цель в деятельности институтов профессионального образования

и, при этом, само по себе служение выступает инструментом воспитания личности будущих специалистов.

Воспитание служением – актуальное и значимое направление педагогической работы. Согласимся с Т.А. Хагуровым в том, что здоровое общество функционирует на базе принципа объединения людей в служении высоким идеалам [15, с. 13]. В ситуации, когда в обществе начинают доминировать индивидуальные, эгоистические ценности, о служении не может быть и речи – человек устремляется лишь к приземленным, материальным ценностям. По мере нарастания доли таких индивидов в обществе начинают прогрессировать социальные болезни – девиации, дисфункции, которые оказывают деструктивное влияние на общество в долгосрочной перспективе.

Служение, таким образом, следует считать универсальным «лекарством» от социальных болезней. Ценности современного общества во многом носят потребительский, гедонистический характер. В молодежной студенческой среде выбор будущей профессии главным образом совершается из учета целей по максимизации денежной прибыли и комфорта. Потребительство и гедонизм, безусловно, свойственны человеческой природе и не могут однозначно оцениваться как отрицательные качества. Тем не менее, сегодня мы наблюдаем беспрецедентно быструю и интенсивную консьюмеризацию. Абитуриенты, оценивая различные опции в выборе профессиональной траектории, в редких случаях исходят о представлении о миссии, предназначении, о служении и социальном благе. Прежде всего молодые потребители высшего образования опираются на доступность или удобство (максимальное сокращение усилий для получения результата) институций высшего образования; наблюдается «упакованность учебных программ в яркие функциональные упаковки» [15, с. 10], а ключевым аргументом поставщиков образовательных услуг чаще всего становится средний доход, который получают представители той или иной профессии.

Воспитательная работа, проводимая с целью формирования готовности к служению, может иметь множество форм и методов, выбор которых зависит от возраста и специализации студентов, уровня их подготовленности, исходных личностных характеристик и предпочтений. Основными формами работы в рассматриваемой нами прикладной области могут являться следующие: индивидуальные беседы, коллективные беседы, лекции, доклады, собрания, участие в митингах, диспутах, викторинах, конференциях, круглых столах, экскурсиях, «эко-десантах», встречах с ветеранами, военнослужащими, общественными деятелями, вовлечение в работу кружков и секций дополнительного образования, тематические вечера, слеты, просмотр и обсуждение кинофильмов и книг [16, с. 189].

Воспитание готовности к служению, как отмечено выше, может осуществляться и посредством самого служения. По мнению С.П. Акутиной и С.И. Огородник, воспитание служением следует реализовывать в рамках социального взаимодействия, волонтерства, обслуживания социально незащищенных слоев населения, инклюзивного образования [1, с. 22].

Воспитание через общественно значимую деятельность студентов представляет собой важное условие формирования личностных и профессиональных качеств. Участие студентов в общественно значимых проектах способствует развитию у них гражданской идентичности и пониманию социальной ответственности будущей профессии. Исследования показывают, что такие инициативы формируют у молодёжи активную жизненную позицию, способствуют интеграции в общественные

процессы и осознанию своей роли в поддержании общественного равновесия.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Изначально категория «служение» интерпретировалась в контексте христианской этики и в рамках деятельности представителей духовного сословия. Впоследствии – в петровскую эпоху и в произведениях российских философов и писателей XVIII–XIX вв. – это понятие было расширено и включило в себя т.н. «служение Отечеству» – выполнение обязанностей в области государственного управления. Сегодня же термин «служение» принято трактовать предельно широко – как деятельность человека, при выполнении которой он ощущает себя ответственным и обязанным добросовестно и высокопродуктивно выполнять взятую на себя работу. Понятие служения стоит в одном ряду с понятиями преданности, миссии, предназначения, альтруизма, гражданского долга. Религиозный аспект в интерпретации служения не исключается, но и не всегда является доминирующим в словарных и авторских дефинициях.
- Ценности современного общества все чаще носят потребительский, гедонистический характер, тогда как служение выступает универсальным средством для коррекции деструктивных процессов, протекающих в области общественной аксиологии. Готовность к служению – приоритетная цель в деятельности институтов профессионального образования и, при этом, само по себе служение выступает средством воспитания будущих специалистов. Воспитание через общественно значимую деятельность студентов представляет собой важное условие формирования личностных и профессиональных качеств и, что особенно важно, готовности к служению.

Литература

1. Акутина, С.П. Профессиональная волонтерская деятельность: опыт, проблемы, перспективы / С.П. Акутина, С.И. Огородник // *Russian Journal of Education and Psychology*. – 2018. – № 2–2. – С. 16–28.
2. Аламаева, А.Ю. Служение обществу в контексте ценностных ориентаций старшеклассников Египта и России / А.Ю. Аламаева // *International Journal of Medicine and Psychology*. – 2021. – Т. 4, № 5. – С. 71–77.
3. Барыкина, А.И. Представления о понятии «служение» представителей различных профессиональных групп / А.И. Барыкина // *Российский психологический журнал*. – 2020. – № 3. – С. 44–59.
4. Белкин, А.С. Ментально-миссионное направление в образовании / А.С. Белкин, Т.А. Сутырина // *Педагогическое образование в России*. – 2011. – № 5. – С. 66–74.
5. Давыдова, Т.С. Служба и служение в русских литературных представлениях первой половины XVI–II века / Т.С. Давыдова // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. – 2011. – № 2. – С. 7–12.
6. Демин, И.В. Идея служения в политической философии русского консерватизма (Л.А. Тихомиров и И.А. Ильин) / И.В. Демин // *Вестник РХГА*. – 2022. – № 2. – С. 94–107.
7. Дорофеева, М.Г. Социальное служение как направление социальной работы / М.Г. Дорофеева // *Вестник Омской Православной Духовной Семинарии*. – 2021. – № 2 (11). – С. 220–226.
8. Ершов, Ю.М. Идеология общественного служения в журналистике / Ю.М. Ершов // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. – 2015. – № 6. – С. 68–73.

9. Ильин, И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний / И.А. Ильин // Религиозный смысл философии. – М.: АСТ, 2003. – С. 529–689.
10. Калегина, Ю.В. Готовность выпускника вуза к социальному и профессиональному служению / Ю.В. Калегина // КПЖ. – 2023. – № 1 (156). – С. 110–119.
11. Костылева, Т.А. Категории социального служения и основные понятия, связанные с ним / Т.А. Костылева // ОНВ. – 2013. – № 3 (119). – С. 89–92.
12. Моисеенко, М.В. Нравственный феномен служения / М.В. Моисеенко // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2017. – № 3. – С. 338–345.
13. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / сост. В.С. Безрукова. – Екатеринбург: Б. и., 2000. – 937 с.
14. Сгонник, Л. В. О готовности к педагогической профессии как служению / Л.В. Сгонник // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 8–3 (13). – С. 5–8.
15. Хагуров, Т.А. Образование между служением и услугой / Т.А. Хагуров // Образовательные технологии (г. Москва). – 2011. – № 2. – С. 3–15.
16. Чередниченко, С.В. Патриотическое воспитание как основа воспитания будущих офицеров / С.В. Чередниченко // Молодой ученый. – 2023. – № 12 (459). – С. 187–191.

EDUCATION BY SERVING. THE CONCEPT OF SERVING IN THE CATEGORICAL AND CONCEPTUAL APPARATUS OF SOCIAL SCIENCES

Barsukova A.D.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article is devoted to the theoretical understanding of education through service as a key direction in the formation of social responsibility and moral values in an individual. The concept of servicing is considered in the context of the categorical-conceptual apparatus of social sciences, emphasizing its connection with the concepts of altruism, civic engagement, devotion, mission and professional self-identification. Various approaches to the interpretation of this concept are considered, its key characteristics and structural components are identified. Particular attention is paid to the comparison of philosophical, sociological and pedagogical interpretations of service. The approaches to integrating service ideas into educational programs are analyzed. A conclusion is made about the importance of service as a tool for developing personal, professional and civic qualities in the context of modernization of the professional education system.

Keywords: servicing, diaconia, education, mission, devotion, patriotic education, values.

References

1. Akutina, S.P. Professional volunteer activity: experience, problems, prospects / S.P. Akutina, S.I. Ogorodnik // Russian Journal of Education and Psychology. – 2018. – No.2–2. – pp. 16–28.
2. Alemaeva, A. Yu. Service to society in the context of value orientations of high school students in Egypt and Russia / A. Yu. Alemaeva // International Journal of Medicine and Psychology. – 2021. – Vol. 4, No. 5. – pp. 71–77.
3. Barykina, A.I. Ideas about the concept of “service” of representatives of various professional groups / A.I. Barykina // Russian Psychological Journal. – 2020. – No.3. – pp. 44–59.
4. Belkin, A.S. Mental missionary direction in education / A.S. Belkin, T.A. Sutyryna // Pedagogical education in Russia. – 2011. – No. 5. – pp. 66–74.
5. Davydova, T.S. Service and service in Russian literary representations of the first half of the XVIII century / T.S. Davydova // Bulletin of the LSU named after A.S. Pushkin. – 2011. – No.2. – pp. 7–12.
6. Demin, I.V. The idea of service in the political philosophy of Russian conservatism (L.A. Tikhomirov and I.A. Ilyin) / I.V. Demin // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2022. – No. 2. – pp. 94–107.
7. Dorofeeva, M.G. Social service as a direction of social work / M.G. Dorofeeva // Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary. – 2021. – № 2 (11). – Pp. 220–226.
8. Ershov, Yu.M. Ideology of public service in journalism / Yu.M. Ershov // Bulletin of the NSU. Series: History, philology. – 2015. – No.6. – pp. 68–73.
9. Ilyin, I.A. The singing heart. The book of quiet contemplations / I.A. Ilyin // The religious meaning of philosophy. – М.: АСТ, 2003. – pp. 529–689.
10. Kalgina, Yu.V. Readiness of a university graduate for social and professional service / Yu.V. Kalgina // КПЖ. – 2023. – № 1 (156). – Pp. 110–119.
11. Kostyleva, T.A. Categories of social service and basic concepts related to it / T.A. Kostyleva // ОНВ. – 2013. – № 3 (119). – Pp. 89–92.
12. Moiseenko, M.V. The moral phenomenon of service / M.V. Moiseenko // Bulletin of the RUDN. Series: Philosophy. – 2017. – No. 3. – pp. 338–345.
13. Fundamentals of spiritual culture (encyclopedia dictionary of a teacher) / comp. V.S. Bezrukova. – Yekaterinburg: B. I., 2000. – 937 p.
14. Sgonnik, L.V. On readiness for the teaching profession as a service / L.V. Sgonnik // Tavrishesky scientific observer. – 2016. – № 8–3 (13). – Pp. 5–8.
15. Khagurov, T.A. Education between service and service / T.A. Khagurov // Educational technologies (Moscow). – 2011. – No. 2. – pp. 3–15.
16. Cherednichenko, S.V. Patriotic education as the basis for the education of future officers / S.V. Cherednichenko // Young scientist. – 2023. – № 12 (459). – Pp. 187–191.

Цифровые технологии в развитии умного ухода за пожилыми людьми в Китае: особенности, механизмы и вызовы

Ван Юаньсин,

асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Понимание общества старения в цифровую эпоху становится общей необходимостью для продвижения строительства умного общества и активного противодействия вызовам старения населения на фоне глобальной цифровизации и ускорения процессов старения. Основными характеристиками цифрового общества старения являются децентрализация цифровой информации, усиление двустороннего взаимодействия и поведенческая цифровизация. С развитием цифровых технологий, ростом спроса на уход за пожилыми и при поддержке государственной политики индустрия умного ухода за пожилыми людьми сталкивается с новыми возможностями для трансформации отрасли, одновременно преодолевая вызовы, связанные со снижением цифрового неравенства. В этом контексте следует придерживаться принципов «человекоориентированного и этичного использования технологий», повышения цифровых управленческих возможностей государства, интегрирования цифровых технологий в систему общественных услуг, способствования развитию синергии между цифровой экономикой и экономикой серебряного возраста, а также построения умной, эффективной и скоординированной платформы услуг для пожилых. Посредством интеграции, открытости и разработки данных об обществе старения цифровые технологии помогут в активном старении, предлагая инновационные решения для глобального общества старения.

Ключевые слова: цифровые технологии, умный уход за пожилыми, цифровое неравенство, социальное управление.

Введение

С ускорением глобальных процессов цифровизации и старения населения вопрос эффективного использования цифровых технологий для удовлетворения потребностей стареющего общества стал актуальной темой для международного сообщества и академических кругов. В феврале 2023 г. Центральный Комитет Компартии Китая и Государственный Совет Китая опубликовали «Общий план построения цифрового Китая», в котором цифровизация была обозначена в качестве важного двигателя модернизации с целью реформирования производства, повседневной жизни и системы управления с помощью цифровых технологий. В то же время «Средне- и долгосрочный план активного реагирования на старение населения» подчеркивает ключевую роль технологических инноваций в повышении уровня технологичности и информатизации услуг для пожилых людей [1]. На данный момент в академической среде растет количество исследований по вопросам цифрового неравенства, цифровой жизни пожилых людей и умного ухода за ними [8][11][10], однако по-прежнему мало работ, систематически освещающих макроизменения в обществе старения в цифровую эпоху и их значение для управления обществом. По мере развития технологий цифровизация начинает оказывать глубокое воздействие на все уровни – от индивидов до промышленности и государственного управления, способствуя переходу производства и образа жизни к цифровому формату [19]. В Китае результаты седьмой национальной переписи населения показывают, что число лиц в возрасте 65 лет и старше составляет 190 миллионов человек, что составляет 13,5% от общей численности населения. Старение населения характеризуется «старением без богатства» и «старением без подготовки», сокращением размеров семьи, увеличением доли одиноких пожилых людей и ростом зависимости от ухода [18]. В условиях ускоряющегося старения общества спрос на пенсионное обеспечение и услуги для пожилых людей постоянно растет, а вопросы здоровья пожилого населения становятся ключевыми в глобальном процессе старения.

Настоящее исследование, опираясь на современное состояние глубокого взаимодействия цифровых технологий и общества стареющего Китая, анализирует особенности и влияние цифровой эпохи на общество старения, исследует внутреннюю логику цифровых технологий в сфере ухода за пожилыми людьми, а также выявляет возможности и вызовы, которые они приносят. В итоге данная работа предлагает новый путь цифрового управления для активного реагирования на старение населения. Основной вклад статьи заключается в систематическом освещении характеристик общества старения и анализе вызовов и возможностей, которые стоят перед умным уходом за пожилыми людьми, а также в разработке адаптивной модели управления обществом старения в цифровую эпоху.

Новые характеристики стареющего общества в цифровую эпоху

Будучи страной с развитой цифровой экономикой и большой численностью населения, Китай одновременно прохо-

дит через процессы цифровизации и старения населения. В условиях масштабных и комплексных социальных изменений новые черты стареющего общества в цифровую эпоху отражают синтез этих двух ключевых тенденций. В целом эти новые тренды проявляются в трех основных аспектах – Получение информации должно быть более полным, участие пожилых людей стало более доступным и цифровизация поведения.

Получение информации должно быть более полным

В цифровую эпоху информация поступает пользователями через интернет и другие цифровые среды в огромных объемах. Анализ и извлечение больших данных стали важными ориентирами для государственных и коммерческих решений. Для пожилых людей цифровая эпоха привела к диверсификации информации и разнообразию ее форм. Цифровые мультимедийные технологии предоставляют широкий спектр информации, особенно популярные среди пожилых людей короткие видео. Эта форма медиа, предоставляющая разнообразную информацию о досуге, здоровье, новостях и других аспектах жизни, привлекает пожилых людей благодаря своей простоте, наглядности, яркости и развлекательному характеру. Она стала важным каналом для пожилых людей, чтобы узнать о социальных событиях, политической информации, жизненных знаниях и адаптироваться к цифровому обществу.

В цифровую эпоху организации, обслуживающие пожилых людей, также извлекают выгоду из богатой информации, предоставляемой стареющим обществом. По состоянию на конец 2023 года количество пожилых людей в Китае в возрасте 60 лет и старше достигло 297 миллионов. Эта огромная группа генерирует большое количество данных, включая основную информацию о пожилых людях, их образе жизни, здоровье и потребностях в услугах по уходу. Эти данные служат важной основой для понимания нужд пожилых людей в цифровую эпоху, способствуя тому, чтобы политики, продукты и услуги лучше соответствовали реальным потребностям пожилых людей и стареющего общества. Например, платформы такие как JD.com, TikTok и Kuaishou не раз публиковали отчеты о пользовательских профилях пожилых пользователей. Эти отчеты не только показывают текущее состояние пожилых людей в цифровой жизни, но и раскрывают их уникальные предпочтения при использовании цифровых технологий.

Участие пожилых людей стало более доступным

Распространение цифровых технологий и умных устройств значительно упростило пожилым людям участие в общественной жизни. Интернет стал для них новой формой социальной активности, позволяя взаимодействовать с цифровым обществом в любое время и в любом месте в зависимости от их интересов и потребностей. Цифровые технологии усилили их участие в офлайн-активностях, объединив онлайн- и офлайн-взаимодействие. Например, пожилые люди могут через интернет-платформы организовывать свое передвижение, получая информацию о транспорте, узнавать о событиях в сообществе, что расширяет их доступ к информации и внешние возможности[6].

Смартфон стал основным средством выхода пожилых людей в интернет, сократив дистанцию между ними и цифровыми технологиями. Быстрое развитие социальных медиа снизило порог для создания и распространения информации, что позволяет все большему числу пожилых людей становиться авторами контента, делиться жизненным опытом и активно взаимодействовать с обществом и другими поколениями. Передача информации в цифровую эпоху сопровождается усилением интерак-

тивности, что разрушает традиционную модель односторонней передачи информации и создает двустороннюю, а порой и многовекторную коммуникацию.

Инструменты мгновенного обмена сообщениями и социальные сети расширили цифровые каналы связи, позволяя пожилым людям общаться с родными и друзьями с помощью текста, голоса или видео. Онлайн-сообщества увеличили их социальные связи, что не только способствует поддержанию отношений с близкими, но и расширяет их социальные контакты. Пожилые пользователи могут выражать свое мнение через лайки, комментарии и репосты, что снижает барьеры для социальной активности и предоставляет им пространство для самовыражения. Цифровые технологии также способствуют интеграции онлайн- и офлайн-взаимодействий, что облегчает управление услугами для пожилых и доступ к дистанционному медицинскому обслуживанию.

Цифровизация поведения

Данные являются ключевым элементом цифровой эпохи и движущей силой цифровой трансформации. Поведение пожилых людей в интернете, будь то просмотр веб-страниц, поиск информации или отклики на взаимодействие, фиксируется в реальном времени, формируя сложную сеть данных. Цифровые платформы отслеживают полный процесс от подачи запроса до предоставления услуги и получения обратной связи, а сенсорные устройства и мобильные терминалы собирают информацию, создавая многослойную сетевую среду данных. Эти данные представляют собой важный ресурс для общественно-управления и бизнес-решений. С помощью анализа больших данных можно выявить полезную информацию о потребностях пожилых людей в сфере здравоохранения и социальных услуг, что углубляет понимание индивидуальных потребностей и поведенческих предпочтений, а также способствует точной разработке политики руководства относительно пожилых и адресному предоставлению услуг. Пожилые люди, пользуясь носимыми устройствами и системами мониторинга здоровья, могут эффективно управлять своим здоровьем в цифровом формате и с помощью интеллектуальных технологий.

Механизм трансформации услуг по уходу, обусловленный цифровыми технологиями

Технологическая поддержка: цифровые технологии как основа для услуг по уходу

Цифровые технологии играют основную роль в сфере ухода за пожилыми людьми, значительно повышая эффективность и удобство предоставляемых услуг. Благодаря широкому применению умных устройств и систем пожилые люди получают более легкий доступ к мониторингу здоровья, медицинским консультациям и социальной поддержке, что сокращает время ожидания и уменьшает необходимость частых выездов. Например, умные браслеты позволяют отслеживать состояние здоровья в режиме реального времени, системы умного дома предоставляют возможность удаленного управления бытовыми приборами, а медицинские платформы поддерживают онлайн-консультации, что значительно улучшает качество жизни пожилых людей.

Кроме того, цифровые технологии делают возможным более полное удовлетворение разнообразных и индивидуальных потребностей пожилых людей. С помощью больших данных и искусственного интеллекта уход за пожилыми можно адаптировать к состоянию здоровья и образу жизни каждого человека. Например, интеллект-

туальные системы могут, опираясь на данные о здоровье и привычках, формировать персонализированные рекомендации и диетические программы, помогая пожилым людям более эффективно управлять своим здоровьем.

Быстрое распространение цифровых технологий также стимулирует инновации в индустрии ухода за пожилыми. С углубленным внедрением искусственного интеллекта, интернета вещей и облачных вычислений в этой сфере открываются новые возможности для роста. Цифровые технологии не только повышают качество и эффективность услуг, но и создают новые бизнес-модели и формы обслуживания. Такие продукты, как устройства для мониторинга здоровья, системы умного дома и роботы для ухода, вносят инновации в сферу умного ухода за пожилыми людьми, способствуя ее дальнейшему развитию.

Движущая сила спроса: рост спроса на услуги для пожилых стимулирует инновации и модернизацию умного ухода

Быстрое старение населения Китая тесно связано с изменением его демографической структуры. Согласно данным Национального статистического управления, в 2021 г. число лиц в возрасте 65 лет и старше достигло 201 миллиона человек, что составило 14,2% от общего населения. Прогнозируется, что к 2030 г. Китай войдет в категорию сверхстаряющегося общества, и рост числа пожилых людей значительно увеличит спрос на товары и услуги для пожилых, тем самым ускорив развитие индустрии умного ухода за здоровьем. Одновременно в Китае продолжается рост численности людей старшего возраста с частичной или полной утратой трудоспособности. Согласно «Отчету о развитии индустрии ухода за пожилыми в Китае (2021–2022)», к концу 2022 г. около 44 миллионов пожилых людей в возрасте 60 лет и старше находились в состоянии частичной или полной утраты способности к самообслуживанию, что составляет 16,6% от общего числа пожилых людей. Это означает, что каждый шестой пожилой человек нуждается в помощи. По прогнозам «Голубой книги услуг по уходу за пожилыми в Китае (2012–2021)», к 2030 г. число пожилых людей с утратой трудоспособности превысит 100 миллионов, что подчеркивает серьезные вызовы и острую необходимость в сфере услуг по уходу.

С развитием технологий растут и ожидания пожилых людей от услуг по уходу: они стремятся к получению более удобных, комфортных и индивидуализированных умных услуг[16]. Однако традиционная модель ухода, преимущественно опирающаяся на поддержку семьи и общества, уже не может удовлетворить стремительно растущий спрос из-за изменений в семейной структуре и мобильности населения. Поэтому модель умного ухода стала актуальной необходимостью. Внедрение умных устройств и передовых технологий позволяет предоставлять пожилым людям более интеллектуальные и удобные услуги.

Увеличение доли пожилых и рост их абсолютной численности ставят перед отраслью ухода за пожилыми новые вызовы и открывают значительные возможности для развития. Пожилые люди ожидают от услуг по уходу не только базовой поддержки и медицинского обеспечения, но и повышения качества жизни и удовлетворения своих индивидуальных потребностей. Они стремятся сохранить независимость и достоинство в пожилом возрасте и получать услуги, соответствующие их состоянию здоровья и образу жизни. Модель умного ухода была разработана как ответ на меняющиеся потребности

пожилых людей. Интегрируя информационные технологии, искусственный интеллект и интернет вещей, умный уход предоставляет пожилым людям более интеллектуальные и удобные услуги. Например, умные устройства для мониторинга здоровья позволяют в реальном времени отслеживать состояние здоровья пожилых и предупреждать о потенциальных рисках; системы умного дома поддерживают удаленное управление и автоматизацию, повышая качество жизни дома; виртуальная реальность и телемедицина предоставляют более доступные решения для реабилитации и медицинской поддержки[13].

Поддержка государственной политики: содействие всестороннему развитию умных услуг по уходу

С быстрым развитием цифровых технологий умный уход за пожилыми стал одним из ключевых направлений политики государства и вызывает значительный интерес. Государственная политика играет решающую роль в продвижении цифровых технологий в сфере умного ухода. Законодательные акты не только направляют и регулируют использование цифровых технологий в умном уходе, но и задают этому процессу четкие ориентиры. Правительство, разрабатывая соответствующую политику и нормативные акты, определяет функции и статус цифровых технологий в системе умного ухода, что обеспечивает ясные указания и мощную поддержку их внедрению и распространению. Стабильность и последовательность государственной политики создают для компаний и учреждений условия для безопасного внедрения и разработки цифровых технологий, способствуя их широкому использованию в сфере умного ухода за пожилыми.

Кроме того, политика оказывает важное влияние на интеграцию ресурсов и согласованное развитие. Государство, направляя и поддерживая политику ухода за пожилым населением, содействует обмену ресурсами и координированному взаимодействию между различными секторами, тем самым способствуя глубокому слиянию цифровых технологий и услуг умного ухода. Согласованность и интегративность государственной политики позволяют эффективно решать проблемы разрозненности ресурсов и информационной изоляции, расширяя охват и повышая качество услуг по умному уходу.

Политика руководства также стимулирует инновационное развитие умного ухода за пожилыми. С помощью политических стимулов правительство поощряет компании и учреждения к внедрению технологических инноваций и к разработке новых бизнес-моделей в сфере умного ухода, что способствует повышению уровня использования цифровых технологий в этой области. Мотивирующая и направляющая роль политики активизирует инновационный потенциал участников рынка, что способствует непрерывному улучшению качества услуг умного ухода.

Новые возможности и вызовы для старяющегося общества в цифровую эпоху

Возможности: трансформация структуры индустрии ухода за пожилыми

Новая волна технологической революции и промышленной трансформации стимулировала применение таких передовых технологий, как искусственный интеллект и сервисные роботы, что предоставляет технологическую и информационную поддержку для управления обществом старения и развития «серебряной экономики». Эти изменения способствуют персонализированному предоставлению услуг и более точному управлению системой ухода, повышая качество и эффективность обслуживания

ния, а также обеспечивая пожилых людей комплексным и своевременным уходом[14]. Умный уход за пожилыми меняет традиционную структуру сферы услуг, порождая новые формы организации и элементы развития.

Прежде всего, глубокая интеграция интернета и искусственного интеллекта в уход за пожилыми создала новую отраслевую структуру, в которой умный уход стал новым двигателем развития «серебряной» и цифровой экономики. Цифровые платформы расширили рынок товаров и услуг для пожилых, связывая спрос и предложение, устраняя информационную асимметрию, снижая транзакционные издержки и способствуя удовлетворению индивидуальных потребностей. Цифровые методы управления упростили процессы администрирования для бизнеса и правительства, сократили институциональные издержки и ускорили реакцию на запросы. Оцифровка поведенческих данных также предлагает эффективные инструменты для надзора, повышая прозрачность предоставляемых услуг. Благодаря технологическим инновациям, индустрия умного ухода и здоровья обретает более широкие возможности для роста и устойчивого инновационного развития, предлагая усовершенствованные и эффективные решения для удовлетворения растущего спроса на услуги ухода[3].

Во-вторых, цифровая эпоха расширила доступность и разнообразие участия пожилых людей в социальной жизни. Такие технологии, как интернет, искусственный интеллект, устранили пространственные ограничения для общественной активности, позволив пожилым людям динамично участвовать в более широких социальных сетях. В условиях большой численности населения потребители проявляют все более разнообразный спрос на умные продукты для ухода, который постепенно смещается от традиционных товаров к цифровым и интеллектуальным решениям. Компании, работающие в сфере умного ухода и здоровья, продолжают увеличивать вложения в научные исследования и разработку технологий, предлагая высокотехнологичные продукты и качественные услуги. Это способствует созданию брендов с уникальными услугами по уходу за пожилыми, изучению новых бизнес-моделей и повышению конкурентоспособности компаний, что, в свою очередь, переопределяет конкурентную структуру отрасли[5].

Относительно низкий уровень образования пожилых людей по сравнению с другими возрастными группами, а также их статус так называемых «цифровых мигрантов», которые начинают осваивать цифровые технологии на позднем этапе жизни, ограничивают их способности, желание и уверенность в освоении и использовании цифровых технологий, а также в обучении им. Это создает явление «цифрового разрыва» [7]. Цифровой разрыв – это форма неравенства, усиливающая экономическое и социальное расслоение между теми людьми, кто может использовать цифровые технологии, и теми, кто не имеет такой возможности[17].

Повышение уровня внедрения цифровых технологий в китайском обществе и увеличение доли пожилого населения заставляют китайских исследователей осуществлять всесторонний анализ проблемы цифрового разрыва среди пожилых людей. Цифровой разрыв оказывает многогранное влияние на эту возрастную группу. Если говорить о различиях между городом и сельской местностью, то у городских пожилых людей доступ к интернету развит в большей мере, нежели у пожилых в сельских районах, что позволяет первым получать больше преимуществ от использования цифровых технологий[20].

Цифровой разрыв негативно влияет на удовлетворенность жизнью, социальные связи, доступ к медицинской информации, занятость и источники дохода пожи-

лых людей[2]. Необходимость преодоления или смягчения цифрового разрыва среди пожилых людей становится все более актуальной.

Указание на трудности: Ограничения цифровых технологий в обеспечении умного ухода за пожилыми людьми

Цифровая дилемма: Технологические вызовы и цифровая способность в сфере умного ухода за пожилыми людьми. Прежде всего, в процессе цифровой трансформации умного ухода за пожилыми людьми возникает ряд технологических проблем, которые являются как сложными, так и ключевыми. Одним из центральных вызовов является безопасность данных, которая является одной из основных трудностей, с которыми сталкивается умный уход. С распространением цифровых технологий в области ухода за пожилыми людьми охватываемая область личной конфиденциальности и медицинской информации продолжает расширяться. Однако современные цифровые технологии до сих пор имеют множество уязвимостей и угроз в области обеспечения безопасности данных. Проблемы, такие как утечка данных, фальсификация информации, кибератаки и другие риски, постоянно угрожают защите конфиденциальности пожилых людей. Более того, эти угрозы могут быть использованы недобросовестными лицами для совершения мошенничества и нарушений прав, что серьезно нарушает интересы пожилых граждан. Поэтому, обеспечение безопасности данных и защита конфиденциальности пожилых людей становятся важнейшими задачами в контексте цифровизации системы умного ухода.

Следующим значительным вызовом является ограниченная доступность технологий умного ухода. Несмотря на определенный прогресс в области цифровых технологий для умного ухода в последние годы, пожилые люди сталкиваются с проблемой «цифрового разрыва» и недостаточной технологической грамотности. Многие пожилые граждане не имеют элементарных навыков работы с цифровыми устройствами, что затрудняет их адаптацию к продукции и сервисам в сфере умного ухода. Несмотря на то, что такие устройства, как смарт-браслеты, роботы-помощники и другие цифровые технологии, призваны улучшить качество и эффективность ухода, сложность интерфейса и многочисленные этапы операции увеличивают затраты на обучение и создают дополнительные препятствия для использования этих технологий. Согласно отчету «Обзор моделей умного ухода за пожилыми людьми 2021 года», более 80% опрошенных пожилых людей заявили, что для того, чтобы освоить использование новых продуктов или программ для умного ухода, им обычно требуется от 4 до 10 занятий. Такие высокие затраты на обучение значительно снижают готовность пожилых людей воспринимать новые технологии, ограничивают их распространение и применение, а также усугубляют феномен «цифровых изоляций», который затрудняет связь и взаимодействие пожилых людей с внешним миром.

Кроме того, недостаточная удобство взаимодействия человека с машиной является еще одним серьезным технологическим барьером для умных технологий в сфере ухода за пожилыми людьми. Умная система ухода за пожилыми людьми, являясь интегрированной цифровой платформой, должна быть основана на потребностях и привычках использования пожилых людей. Однако текущие устройства и приложения в области умного ухода имеют множество проблем в этом отношении. Во-первых, пожилые люди, как правило, имеют низкую степень принятия цифровых технологий, и многие из них не обладают опытом работы с устройствами, что затрудняет полноценное использование цифровых услуг для ухода.

Во-вторых, существующие продукты умного ухода часто имеют сложный дизайн, который не учитывает специфические потребности пожилых людей. Например, многие устройства используют сенсорные экраны, не принимая во внимание такие физиологические ограничения, как ухудшение зрения и слуха у пожилых людей, что затрудняет их эффективное использование. Более того, многие интеллектуальные устройства не имеют достаточно продуманного пользовательского интерфейса, не учитывая трудности и эмоциональные потребности пожилых людей в реальных условиях использования. Это приводит к тому, что устройства могут вызывать путаницу или разочарование, что снижает их эффективность и доверие пожилых людей к технологиям.[19]

Таким образом, технологические вызовы, с которыми сталкиваются цифровые технологии в процессе умного ухода за пожилыми людьми, касаются не только функциональных проблем устройств, но и таких аспектов, как восприятие технологий пожилыми людьми, безопасность данных и человеко-ориентированное проектирование технологий. Решение этих проблем, повышение доступности технологий, снижение порога использования, обеспечение безопасности данных и предоставление услуг, более соответствующих потребностям пожилых людей, является ключом к успешной трансформации умного ухода.

Ограничения субъектов: организационные проблемы в цифровом драйве умного ухода за пожилыми людьми. Неудача в полном раскрытии потенциала цифровых услуг для пожилых людей коренится в недостаточном уровне технологического применения. В системе умного ухода за пожилыми людьми информационные технологии являются основой и обязательным условием для реализации цифровых услуг по уходу. Однако многие учреждения для пожилых людей и поставщики услуг недостаточно инвестируют в развитие информационной инфраструктуры, что ведет к отставанию процесса цифровизации в сфере ухода. Без поддержки информационной среды умные услуги для пожилых людей не могут эффективно обмениваться данными и устанавливать взаимосвязь, что снижает общую эффективность и качество обслуживания. Ключевым элементом умных услуг является использование таких современных технологий, как искусственный интеллект, большие данные и Интернет вещей, с целью максимально возможного мониторинга состояния жизни и здоровья пожилых людей, а также управления ими. В условиях быстрого развития цифровой эпохи умный уход требует постоянных инноваций и усовершенствований. Если организационная структура неадекватна, то способности к инновациям будут ограничены, что приведет к неспособности следовать за развитием времени и удовлетворить разнообразные потребности пожилых людей.

Инновации и развитие цифровых технологий в сфере умного ухода сталкиваются с ограничениями, вызванными нехваткой квалифицированных специалистов. Цифровой драйв умного ухода требует наличия профессиональных знаний и навыков, охватывающих несколько областей, таких как компьютерные науки, информационные технологии, медицина, уход за пациентами и др. Однако многие традиционные учреждения по уходу за пожилыми людьми и поставщики услуг испытывают нехватку таких специалистов, что создает многочисленные трудности и проблемы на пути цифровой трансформации. Например, нехватка профессионалов может привести к недостаточной разработке технических решений, незавершенности системной интеграции и увеличению рисков безопасности данных, что, в свою очередь, снижает качество и эффективность умных ус-

луг для пожилых людей. Недостаток специалистов также ограничивает инновационный потенциал организаций и их конкурентоспособность. С учетом постоянного развития и распространения цифровых технологий, цифровое усиление умного ухода стало важной тенденцией в сфере ухода за пожилыми людьми. Организации, не обладающие необходимыми профессиональными кадрами, часто не успевают адаптироваться к этой тенденции, упуская возможности для развития и влияя на свою конкурентоспособность и устойчивость в будущем.

Экологические проблемы цифровой поддержки умного ухода: недостаточная поддержка. В Китае из-за несовершенства политической системы еще не была разработана полноценная и унифицированная цифровая стратегия для ухода за пожилыми людьми. В области умного ухода политика и законодательная база остаются неполными, отсутствуют единые стандарты. Многоотраслевой и межведомственный характер ухода за пожилыми людьми приводит к фрагментарности и распыленности в процессе разработки и реализации политики и законодательства, что создает дефицит единой и всесторонней цифровой политики в сфере ухода за пожилыми людьми. Это, в свою очередь, влияет на согласованность реализации политики и стабильность ее результатов, что ограничивает глубокое использование и развитие цифровых технологий в умном уходе.

Далее, с углублением применения цифровых технологий в сфере умного ухода становится все более актуальной проблема защиты личных данных и конфиденциальности, в то время как существующее законодательство по защите данных и конфиденциальности еще не полностью разработано, что затрудняет должную защиту прав на личную информацию и безопасность данных пожилых людей при использовании умных услуг. Проблемы утечек личных данных и их злоупотребления в значительной степени связаны с медленным развитием правовых норм и системы регулирования, что влияет на доверие пожилых людей к цифровым технологиям и их желание их использовать. Развитие цифровых технологий в области умного ухода требует наличия полноценной системы технических стандартов для обеспечения совместимости и стабильности систем. Однако в настоящее время в индустрии умного ухода отсутствует единообразие в технических правилах и стандартах. Поставщики услуг ухода и разработчики технологий не следуют единому нормативному регламенту, что влияет на взаимосвязь и стабильность работы умных систем ухода и ограничивает глубину интеграции и расширение цифровых технологий в индустрии умного ухода.

С точки зрения рыночного спроса, в новой области умного ухода существует проблема недостаточного понимания и низкой степени принятия цифровых технологий в сфере ухода. Пожилые люди и их родственники не имеют глубокого понимания определения и ценности умного ухода, они также обеспокоены вопросами безопасности цифровых технологий, защиты личной информации и других аспектов. Кроме того, поставщики услуг по уходу и связанные организации осознают неопределенность и риски цифровых преобразований, что ведет к нестабильности рыночного спроса и трудностям в продвижении технологий. На текущем рынке услуги умного ухода недостаточно персонализированы, отсутствуют индивидуальные предложения для разных категорий пожилых людей. Многообразие рыночного спроса и индивидуальные требования требуют от поставщиков умных услуг более гибкого и инновационного подхода, однако на текущем рынке не хватает продуктов и услуг, которые бы соответствовали этим потребностям, что приводит к разрыву между рыночным спросом и предложени-

ем. Быстрые темпы применения и развития цифровых технологий в сфере умного ухода, а также ускорение их обновления и совершенствования требуют высокой гибкости и адаптивности со стороны рыночного спроса на новые технологии. Однако многие поставщики услуг и организации, ограниченные техническими возможностями и ресурсами, не могут своевременно реагировать на изменения, что ведет к несоответствию между рыночным спросом и развитием технологий.

Новые пути цифрового управления для активного реагирования на старение населения

В рамках стратегии активного реагирования на старение населения на национальном уровне важной задачей становится интеграция проблем старения с цифровым управлением обществом. Исходя из анализа особенностей развития цифрового общества, тенденций старения и концепции цифрового управления в условиях стареющего общества в Китае, необходимо разработать подход, соответствующий национальной специфике Китая, следуя принципам «ориентации на человека и этичности технологий».

Во-первых, важно учитывать роль пожилых людей в использовании цифровых технологий и применять разнообразные политические инструменты с целью улучшения цифровых навыков и знаний пожилого населения через цифровое образование и обучение.

Во-вторых, следует уважать цифровые потребности и привычки пожилых людей, обеспечивая удобство и доступность цифровых технологий.

В-третьих, необходимо способствовать справедливому распределению цифровых ресурсов, чтобы уменьшить неравенство, с которым сталкиваются пожилые люди в процессе цифровой интеграции.

На основе вышеуказанных принципов предлагается продвигать цифровое управление в эпоху старения по трем направлениям: государственному, социальному и экономическому.

Первое. Необходима трансформация подхода к стареющему обществу в рамках цифрового управления. Необходимо полноценно оценивать потенциал пожилых людей как кадрового ресурса для цифрового общества, продвигать развитие цифровой грамотности пожилых граждан и тем самым содействовать модернизации системы цифрового управления. Активное старение – это не только аспект благосостояния личности, но и важный фактор национального развития. Местные органы власти должны уделить больше внимания вопросам цифровой грамотности пожилых и включить ее повышение в свою повестку дня. Важно создать механизм многоуровневого управления, включающий межведомственное и межрегиональное взаимодействие на основе уже существующих инициатив «Интернет + уход».

В рамках национальной стратегии по противодействию старению и созданию цифрового Китая важно повысить цифровые управленческие навыки государственных органов. Необходимо переосмыслить подход к пожилым людям, рассматривая их как целевую группу, способную получить значительные выгоды от цифровых технологий, и признать, что их развитие открывает огромные возможности для модернизации системы управления. Следует усилить координацию на высшем уровне, уделяя внимание глобальному планированию и построению цифровой экосистемы управления, адаптированной к стареющему обществу. Важным направлением будет развитие концепции сервисного государства и «клиентоориентированного» подхода, направ-

ленного на нужды уязвимых групп, включая пожилых людей. Для этого необходимо укреплять инфраструктуру как в техническом, так и в организационном плане, повышать уровень цифровизации госуправления, а также развивать цифровую грамотность среди государственных служащих и их чуткость к потребностям пожилых людей. Реализация этих мер позволит эффективно внедрять механизмы координационного управления между уровнями и ведомствами, обеспечивая гармоничное сосуществование цифровых технологий и стареющего общества.

Второе. Необходимо разработать систему и структуру цифрового образования, ориентированную на особенности обучения пожилых людей, следуя их когнитивной логике и процессу обучения. Требуется привлечение различных заинтересованных сторон с целью проведения комплексного обучения с разнообразным контентом, освещения новейших тенденций цифрового общества. Также следует укреплять роль цифровых ресурсов в сообществах, создавая систему поддержки на уровне соседей и семьи, что будет способствовать чувству достижений и удовлетворенности пожилых людей при использовании цифровых технологий.

Важно содействовать равномерному, доступному и удобному развитию цифровых ресурсов для пожилых людей. Для сельских, отдаленных и экономически менее развитых регионов необходимо обеспечить разнообразную цифровую инфраструктуру и внедрить адаптированное цифровое образование, устраняя цифровое неравенство среди пожилых людей разных возрастов, полов и мест проживания. Уровень цифровой грамотности пожилых людей зависит не только от их когнитивных способностей, но и от многих социальных, семейных и личных факторов. Цифровое управление для пожилых не должно ограничиваться обучением навыкам, но также учитывать способы предоставления разнообразных цифровых ресурсов для менее развитых регионов и групп.

С одной стороны, можно объединить ресурсы государственных органов, медицинских учреждений и общественных организаций, чтобы создать платформы цифровых услуг и обучения, специально предназначенные для пожилых людей в сельской местности, с упором на объяснение часто используемых цифровых сервисов, таких как запись к врачу, онлайн-покупки и поиск информации. Это повысит их цифровые навыки и способности к получению информации. С другой стороны, важно поощрять участие общественных организаций в проектах цифровой поддержки, предоставляя сельским пожилым людям обучение цифровым технологиям и руководство по использованию цифровых сервисов.

Третье. Необходимо содействие интеграции цифровой экономики и «серебряной экономики». Старение населения и рост потребительских возможностей пожилых людей создают новые возможности для развития «серебряной экономики». Стареющее общество представляет собой перспективный и обширный рынок. Для эффективного удовлетворения разнообразных потребностей пожилых потребителей следует продолжать активное развитие предложений в данной сфере, создавая связи с ресурсами, нацеленными на старшее поколение, и полноценно раскрывая потребительский потенциал этой группы. Необходимо продолжать адаптацию цифровых продуктов и услуг для пожилых людей, разрабатывать больше цифровых решений, соответствующих их реальным потребностям и привычкам использования, учитывать их запросы, а также развивать и поощрять их участие в цифровом дизайне, что способствует созданию благоприятной цифровой среды развития «серебряной

экономики» [17]. Следует использовать преимущества масштабной экономики платформ, побуждая цифровые потребительские платформы открывать специализированные разделы для пожилых людей. Усиление роли государственной поддержки и финансирования должно содействовать инновациям в индустрии умного ухода и здоровья, стандартизации технологий и расширению их применения, что сформирует новые модели развития.

Что касается спроса, то необходимо стимулировать потребительскую активность пожилых людей, проводя разъяснительные кампании, повышая уровень их цифровой грамотности и формируя у них новые взгляды на цифровое потребление. Необходимо усилить меры по борьбе с мошенничеством в интернете и распространению знаний о его предотвращении, чтобы повысить у пожилых людей осведомленность о рисках и способности к самозащите. Постепенное совершенствование системы регулирования цифровой экономики, усиление защиты данных и регулирование сбора и использования персональных данных укрепят доверие пожилых людей к цифровому потреблению. С помощью цифровых технологий можно создать целостную индустриальную цепочку «серебряной экономики» от потребностей до потребления, установив позитивный цикл передачи информации и ответных действий от потребностей пожилых людей к действиям производителей и поставщиков услуг.

Развитие цифровых технологий одновременно создает значительные вызовы для сферы заботы о пожилых людях в Китае и возлагает на неё задачу содействия активному старению. Быстрый прогресс цифровых технологий открывает новые возможности для построения цифрового управления обществом, ориентированного на старение населения. Повышение цифровой грамотности пожилых людей с точки зрения активации их трудового потенциала предлагает новые подходы к согласованию цифровой трансформации общества с процессами старения населения. В условиях неравномерного, многообразного и многоуровневого цифрового развития в Китае повышение цифровой грамотности пожилых людей является не только технической задачей, но и важным вопросом, связанным с социальной справедливостью, инклюзией и устойчивым развитием. Будущая система цифрового управления обществом должна сосредоточиться не только на качественном предоставлении цифровых ресурсов, но и на потребностях, уровне использования и способностях пожилых людей в отношении этих ресурсов для достижения целей цифрового управления в условиях стареющего общества.

Заключение

Переплетение процессов цифровизации и старения населения привело к историческим изменениям в производственных, социальных и управленческих подходах. Чтобы справиться с вызовами новой эпохи, необходимо использовать цифровые технологии для удовлетворения актуальных потребностей управления стареющим обществом. Необходимо проводить исследование, опираясь на существующую политику, научные изыскания и социальную практику, систематически анализировать диалектические взаимосвязи цифровой эпохи и стареющего общества, предлагая новые подходы и рамочную структуру для активного реагирования на вызовы старения населения.

Цифровая трансформация является необратимой тенденцией, и подход к стареющему обществу в цифровую эпоху будет определять направление будущего управления этой сферой. В статье проанализирована текущая ситуация и перспективы, предпринята попытка

создания системной концептуальной основы. В условиях быстрого развития цифровых технологий их воздействие на производство, общественную жизнь и управление требует постоянного анализа. Дополнительные эмпирические исследования будут способствовать обоснованию политики и теоретическим разработкам.

Реконструкция модели управления стареющим обществом в цифровую эпоху нуждается в дальнейшем изучении и инновациях. Такие темы, как координированное управление с участием различных субъектов с целью создания цифрового инклюзивного стареющего общества, эффективное использование данных о пожилых людях и формирование устойчивой экосистемы «серебряной экономики» требуют дополнительного внимания в рамках управленческой практики. Управленческие меры должны сопровождаться оценкой эффективности; строительство системы умного ухода, цифровая инклюзия и поддержка индустрии умного ухода нуждаются в систематической оценке результатов, чтобы отслеживать прогресс управления и выявлять его недостатки. Это требует углубленных исследований и дальнейших разработок.

Литература

1. Central Committee of the CPC and the State Council of the PRC Issued the Medium- and Long-term Plan for Active Response to Population Aging [EB/OL] // Xinhua. 2019.11.21. URL: www.gov.cn/xinwen/2019-11/21/content_5454347.htm (in Chinese)
2. Cheng S., Ge T., Kosko T.D. Internet Use and Life Satisfaction Among Elderly Chinese: The Mediating Effect of Social Interaction // *Current Psychology*. 2024. No. 43(1). P. 717–724. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04303-y>
3. Du P. Current Status of the Aging Population in China and Development of the Social Security System // *Social Security Review*. 2023. No. 2. P. 31–47. (in Chinese)
4. Du P., Li L. Forecast of the Educational Level Among Elderly People in China // *Population and Development*. 2022. No. 1. P. 59–67. (in Chinese)
5. Du P., Luo Y. Aging Society in the Digital Era: Features, Opportunities, and Challenges // *Journal of Jiangxi Normal University (Philosophy and Social Sciences)*. 2024.03.25. (in Chinese)
6. He T., Huang C., Li M., et al. Social Participation of the Elderly in China: The Role of Traditional Media, Digital Access, and Engagement in Social Networks // *Telematics and Informatics*. 2020. No. 48. P. 101–347. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2020.101347>
7. He Y., Li K., Wang Y. Overcoming the Digital Divide: The Impact of the Digital Economy on Enhancing Consumer Capabilities of the Elderly in China // *Technology in Society*. 2022. No. 71. P. 102–141. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102141>
8. Jin Y., Zhao M. Internet Use and Active Aging Among Elderly Chinese: An Analysis Based on Data from the 2016 China Social Survey // *Journal of Demography*. 2019. No. 6. P. 44–55. DOI: 10.16405/j.cnki.1004-129X.2019.06.004. (in Chinese)
9. Li Y., Han Z., Qiao T., et al. Changes in National Governance During Digital Transformation // *Journal of Xi'an Jiaotong University (Social Sciences)*. 2022. No. 3. P. 51–60. DOI: 10.15896/j.xjtuskxb.202203006 (in Chinese)
10. Li Z., Xue K., Zhao Z. The Impact of the Digital Divide on the Reemployment of Elderly Citizens: A Study of Young Elderly People // *China Soft Science*. 2024. No. 8. P. 189–199. (in Chinese)

11. Lu Z., Wei S. Analytical Framework, Concepts, and Solutions to the Digital Divide Problem Among the Elderly: A Perspective Based on Digital Divide Theory and Information Divide Theory // *Demographic Studies*. 2021. No. 3. P. 17–30. (in Chinese)
12. Manheim I., Wouters E.J.M., Köttl H., et al. Ageism in the Discourse and Practice of Digital Technology Design for Older Adults: A Review [J] // *The Gerontologist*. 2023. No. 63(7). P. 1188–1200.
13. Qiu Zeqi. Technology and Organization: A Multidisciplinary Research Framework and Sociological Focus // *Sociological Studies*. 2017. No. 32(4). P. 167–246. (in Chinese)
14. Sha Y. Scientific Understanding of the Relationship Between Population Development and High-quality Economic Growth // *Population and Society*. 2019. No. 1. P. 23–29. DOI: 10.14132/j.2095-7963.2019.01.004 (in Chinese)
15. Sui D., Peng C. “Internet + Home Care”: A Model of Smart Home Services // *Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Sciences)*. 2016. No. 5. P. 128–135. (in Chinese)
16. Sun S., Yang W., Zhou H., et al. Internet Use and Demand for Digital Health Technologies Among Elderly People: A Cross-sectional Study in China // *BMC Public Health*. 2020. No. 20. P. 1–8. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-09448-0>
17. Ueno A., Dennis K., Dafoulas G.A. Digital Exclusion and Relative Digital Deprivation: An Investigation of Factors and Moderators in Internet Non-use in the United Kingdom // *Technological Forecasting and Social Change*. 2023. Vol. 197. P. 122–935. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122935>
18. Xiang Y., Wang S. Seventy Years of Elderly Care System Development: Evaluation and Prospects in New China // *Journal of Guangxi University of Finance and Economics*. 2019. No. 32(6). P. 9–21. (in Chinese)
19. Yang, L., Weng, H., Xiao, B., et al. (2023). Research on the Evaluation Index System for High-Quality Development of Public Traditional Chinese Medicine Hospitals. *Practical Medicine Journal*, 39(15), 2004–2012. (in Chinese)
20. Zeng D., Cai Z., Ouyang T. Research on Digital Transformation: Integrated Framework and Prospects // *Foreign Economics and Management*. 2021. No. 5. P. 63–76. DOI: 10.16538/j.cnki.fem.20210406.101 (in Chinese)
21. Zhan S., Hu H. Urban-Rural Differences, Digital Divide, and Health Inequality Among the Elderly // *Journal of Demography*. 2022. No. 44(3). P. 46–58. DOI: 10.16405/j.cnki.1004-129X.2022.03.004 (in Chinese)

ing the challenges associated with reducing digital inequality. In this context, it is vital to adhere to the principles of “human-centered and ethical technology use,” enhance the government’s digital governance capabilities, integrate digital technologies into public service systems, foster synergies between the digital economy and the silver economy, and build a smart, efficient, and coordinated service platform for the elderly.

Through the integration, openness, and development of aging society data, digital technologies will facilitate active aging, offering innovative solutions for the global aging population.

Keywords: digital technologies, smart elderly care, digital inequality, social governance.

References

1. Central Committee of the CPC and the State Council of the PRC Issued the Medium- and Long-term Plan for Active Response to Population Aging [EB/OL] // Xinhua. 2019.11.21. URL: www.gov.cn/xinwen/2019-11/21/content_5454347.htm (in Chinese)
2. Cheng S., Ge T., Kosko T.D. Internet Use and Life Satisfaction Among Elderly Chinese: The Mediating Effect of Social Interaction // *Current Psychology*. 2024. No. 43(1). P. 717–724. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04303-y>
3. Du P. Current Status of the Aging Population in China and Development of the Social Security System // *Social Security Review*. 2023. No. 2. P. 31–47. (in Chinese)
4. Du P., Li L. Forecast of the Educational Level Among Elderly People in China // *Population and Development*. 2022. No. 1. P. 59–67. (in Chinese)
5. Du P., Luo Y. Aging Society in the Digital Era: Features, Opportunities, and Challenges // *Journal of Jiangxi Normal University (Philosophy and Social Sciences)*. 2024.03.25. (in Chinese)
6. He T., Huang C., Li M., et al. Social Participation of the Elderly in China: The Role of Traditional Media, Digital Access, and Engagement in Social Networks // *Telematics and Informatics*. 2020. No. 48. P. 101–347. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2020.101347>
7. He Y., Li K., Wang Y. Overcoming the Digital Divide: The Impact of the Digital Economy on Enhancing Consumer Capabilities of the Elderly in China // *Technology in Society*. 2022. No. 71. P. 102–141. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102141>
8. Jin Y., Zhao M. Internet Use and Active Aging Among Elderly Chinese: An Analysis Based on Data from the 2016 China Social Survey // *Journal of Demography*. 2019. No. 6. P. 44–55. DOI: 10.16405/j.cnki.1004-129X.2019.06.004. (in Chinese)
9. Li Y., Han Z., Qiao T., et al. Changes in National Governance During Digital Transformation // *Journal of Xi’an Jiaotong University (Social Sciences)*. 2022. No. 3. P. 51–60. DOI: 10.15896/j.xjtuskb.202203006 (in Chinese)
10. Li Z., Xue K., Zhao Z. The Impact of the Digital Divide on the Reemployment of Elderly Citizens: A Study of Young Elderly People // *China Soft Science*. 2024. No. 8. P. 189–199. (in Chinese)
11. Lu Z., Wei S. Analytical Framework, Concepts, and Solutions to the Digital Divide Problem Among the Elderly: A Perspective Based on Digital Divide Theory and Information Divide Theory // *Demographic Studies*. 2021. No. 3. P. 17–30. (in Chinese)
12. Manheim I., Wouters E.J.M., Köttl H., et al. Ageism in the Discourse and Practice of Digital Technology Design for Older Adults: A Review [J] // *The Gerontologist*. 2023. No. 63(7). P. 1188–1200.
13. Qiu Zeqi. Technology and Organization: A Multidisciplinary Research Framework and Sociological Focus // *Sociological Studies*. 2017. No. 32(4). P. 167–246. (in Chinese)
14. Sha Y. Scientific Understanding of the Relationship Between Population Development and High-quality Economic Growth // *Population and Society*. 2019. No. 1. P. 23–29. DOI: 10.14132/j.2095-7963.2019.01.004 (in Chinese)
15. Sui D., Peng C. “Internet + Home Care”: A Model of Smart Home Services // *Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Sciences)*. 2016. No. 5. P. 128–135. (in Chinese)
16. Sun S., Yang W., Zhou H., et al. Internet Use and Demand for Digital Health Technologies Among Elderly People: A Cross-sectional Study in China // *BMC Public Health*. 2020. No. 20. P. 1–8. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-09448-0>
17. Ueno A., Dennis K., Dafoulas G.A. Digital Exclusion and Relative Digital Deprivation: An Investigation of Factors and Modera-

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF SMART ELDERLY CARE IN CHINA: CHARACTERISTICS, OPPORTUNITIES, AND CHALLENGES

Wang Yuanxing

Lomonosov Moscow State University

In the context of global digitalization and the accelerating pace of population aging, understanding the dynamics of an aging society in the digital era has become an essential prerequisite for promoting the development of a smart society and actively responding to the challenges posed by demographic shifts. The key characteristics of a digital aging society include the decentralization of digital information, the enhancement of bidirectional interaction, and the digitalization of behaviors. With the advancement of digital technologies, the growing demand for elderly care, and the support of governmental policies, the smart elderly care industry is encountering significant opportunities for transformation while simultaneously address-

- tors in Internet Non-use in the United Kingdom // *Technological Forecasting and Social Change*. 2023. Vol. 197. P. 122–935. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122935>
18. Xiang Y., Wang S. Seventy Years of Elderly Care System Development: Evaluation and Prospects in New China // *Journal of Guangxi University of Finance and Economics*. 2019. No. 32(6). P. 9–21. (in Chinese)
19. Yang, L., Weng, H., Xiao, B., et al. (2023). Research on the Evaluation Index System for High-Quality Development of Public Traditional Chinese Medicine Hospitals. *Practical Medicine Journal*, 39(15), 2004–2012. (in Chinese)
20. Zeng D., Cai Z., Ouyang T. Research on Digital Transformation: Integrated Framework and Prospects // *Foreign Economics and Management*. 2021. No. 5. P. 63–76. DOI: 10.16538/j.cnki.fem.20210406.101 (in Chinese)
21. Zhan S., Hu H. Urban-Rural Differences, Digital Divide, and Health Inequality Among the Elderly // *Journal of Demography*. 2022. No. 44(3). P. 46–58. DOI: 10.16405/j.cnki.1004-129X.2022.03.004 (in Chinese)

Исторический путь развития китайской журналистики

Гулева Мария Александровна,

к.э.н., доцент кафедры медиалингвистики МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: guleva.m@gmail.com

В статье рассматриваются основные этапы развития журналистики в Китае начиная с возникновения древней письменности и до наших дней. Несмотря на ранее возникновение письменности и появление первого печатного станка именно на территории современного Китая, в силу различного социально-культурного контекста, исторические процессы, связанные с развитием печатного дела и распространением информации, шли в Китае в отличии от европейских стран иначе. События 20 в. стали новой важной вехой в истории как всего китайского государства, так и развития журналистики в частности. Автор делает попытку сделать экскурс в историю и рассмотреть наиболее важные этапы, заложившие основу современной журналистики КНР.

Ключевые слова: Китай, журналистика, распространение информации, печатные издания, СМИ.

Китай подарил миру бумагу, станок с подвижным шрифтом, ксилографию и многое другое, без чего невозможно функционирование периодической печати. Тем не менее, газеты и журналы в современном их виде появились в Китае значительно позже, чем в Европе. Причиной тому служит целый комплекс различных факторов, в том числе исторических.

Зарождение журналистики и первые печатные издания Древнего Китая

Коммуникация в период возникновения раннеклассового государства в Китае была представлена как устными, так и письменными средствами. Однако, доминировали именно устные, поскольку развитие речи, и обиходной, и художественной, значительно опережало развитие письменности. Многочисленные археологические находки свидетельствуют, что за 2,5 тысячи лет до нашей эры в районе Центрального Китая у предков современных китайцев существовала определенная знаковая система, на основе которой впоследствии зародилась китайская иероглифическая письменность, что стало поворотным событием в развитии китайской цивилизации [4, с. 23].

В эпоху превращения Китая в единое централизованное государство в III в. до н.э. при дворе первого императора Цинь Шихуана было введено «единство в начертаниях иероглифов». Это решение сыграло большую роль не только для распространения знаний в Китае, но и для более эффективного политического управления, поскольку единая система позволяла воздействовать на этнических китайцев в других странах, и даже на другие народы, где китайские иероглифы нашли свое применение [1, с. 50].

В целях упрочения авторитета императорской власти в дальнейшем использовались разнообразные средства «массовой коммуникации». Были разработаны специфические, имевшие место только в Китае, методы формирования и контроля общественного мнения. Например, император ханьской династии Уди (140–86 гг. до н.э.) учредил «Музыкальную палату» (Юэфу), своеобразный социологический институт, в задачи которого входило изучение и формирование общественного мнения. Эта практика существовала еще в XII веке до н.э. при дворе чжоуских правителей (1045 г. до н.э. – 221 г. до н.э.), чиновники которых собирали и изучали народные песни, чтобы с их помощью определить настроения народа. Эти песни можно назвать «устной прессой» того периода. Можно говорить о том, что китайская журналистика родилась не в прозе, а в форме стихотворной баллады и песни.

По мнению ряда исследователей, еще за два столетия до н.э. в Древнем Китае существовало подобие «официальной прессы», своеобразных рукописных бюллетеней. **Первые китайские газеты («дибао»)** берут свое начало в эпохе династии Западная Хань (ок. 206 до н.э. – 220 н.э.). Однако документальных доказательств этому нет. Считается, что «дибао» представляли собой всего лишь официальные доклады или донесения, предназначавшиеся местным правителям и чиновникам, и нет достаточных оснований утверждать, что «дибао» превратились в печатные издания, вышедшие за рамки официальных документов [9, с. 118]. Практи-

чески все исследователи единодушны в том, в Танскую эпоху (618–907 гг.) были прототипы современных газет, являющихся официальными бюллетенями о жизни императорского двора.

В эпоху династии Сун (960–1279 гг.) древняя китайская газета получила свое дальнейшее развитие. В первую очередь, это связано с деятельностью административного учреждения при императорском дворе, которое называлось «Палата по приему докладов на высочайшее имя» (Цзиньцзоуянь), – своего рода центральный секретариат императорского правительства, ведавший вопросами официальной переписки между центральным и местными правителями, и публиковавший официальный вестник «Чжунбао», расходившимся по различным адресатам империи [10, с. 15].

К середине XI в. появился подвижной иероглифический шрифт, самые ранние артефакты которого относятся к династии Западная Ся (1038–1227 гг.), а примерно в XI в. возникла и многокрасочная печать. Считается, что техника печати с помощью подвижного шрифта была изобретена в Китае Би Шэном между 1041 г. и 1048 г., а не в Европе Иоганном Гутенбергом в XV в. Подвижные знаки изготовлялись первоначально из глины, позднее из других материалов: дерева, металла, керамики, и применялись главным образом при выпуске книг большого объема значительными тиражами [5, с. 40].

В эпоху Сун выходила газета «Сяобао», ее авторы были аккредитованные в столице чиновники местных правителей. В то время было крайне мало информации о том, что происходит внутри страны и за ее пределами, поэтому чиновники стремились раздобыть новые сведения и отправить письменные донесения своим правителям. О такого рода газетах периода правления монгольской династии Юань (1280–1367 гг.) осталось очень мало исторических свидетельств. В период сменившей ее династии Мин (1268–1644 гг.) начальные формы периодической печати получили дальнейшее развитие, возникли специальные издательства «Баофан», которые занимались печатанием «Столичного вестника» («Цзинбао») и рассылкой его книготорговцам, от которых он и попадал читателям [9, с. 120].

В цинскую эпоху (1644–1911 гг.) содержанием «Цзинбао» служат уже не только копии документов («чао»), но также хроника дворцовой жизни («гунмэньчао»), извлечения из записей, которые велись чиновником, заведовавшим аудиенциями, далее – списки лиц, дежуривших во дворце в день выхода газеты, «высочайшие указы» («шанюй»), «доклады и донесения» провинциальных властей («цзоучжэ»), приказы о назначениях, повышениях и т.д. Внешний вид «Цзинбао» соответствовал ее официальному содержанию. Это тетрадка в 10–12 листов коричневой бумаги с отпечатанным посредством подвижного деревянного шрифта расплывчатыми иероглифами. Брошюра заключена в желтую, императорского цвета обложку и сшита посредством крученой бумажной бечевки, своим внешним видом она уже начинала напоминать современные журналы [10, с. 35].

Стоит отметить, что ни «Сяобао», ни «Цзинбао», ни «Баофан» никак не могут считаться массовыми изданиями, поскольку они не играли какой-либо роли в выражении или формировании общественного мнения. В исторических реалиях Китая это было просто невозможно.

Начиная с XVI в. книгопечатание в Европе развивалось необычайно бурно, служа опорой многим радикальным переменам как в общественной мысли, так и в самом обществе. В Китае же и других странах Восточной Азии прогресс книгопечатания шел сравнительно спокойно (4, с. 40). Различный социально-культурный

контекст, существовавший в Китае и в Европе, не мог не сказаться на той роли, которую сыграло книгопечатание в истории этих регионов, поэтому эпоха развития журналистики в более близком нам понимании начинается в Китае с приходом иностранцев в XIX в.

Самым первым периодическим изданием на китайском языке стал ежемесячный журнал «Чашису мэюэ тунцзичжуань» («Ежемесячные хроники мировых событий»), издававшийся с 5 августа 1815 г. в Малайзии английским миссионером Вильямом Мильне. Этот журнал печатался ксилографическим способом с деревянных досок. Его объем был небольшим, около пяти страниц (2 тыс. иероглифов), тираж, первоначально составлявший 500 экземпляров, увеличился впоследствии до 1000 экземпляров. В. Мильне распространял журнал бесплатно среди китайских эмигрантов в странах Юго-Восточной Азии, часть тиража специальные агенты доставляли в Гуанчжоу, откуда вместе с другой миссионерской литературой журнал распространялся среди образованных китайцев, собиравшихся в крупных городах для сдачи государственных экзаменов на чиновничью должность. В 1821 г. издание журнала после выхода в свет 80 номеров было приостановлено [2, с. 20].

Как часть общего процесса западноевропейского проникновения в Китай следует рассматривать дальнейший рост количества периодических изданий на европейских и китайском языках, принадлежавших миссионерам и колонистам. Первым периодическим на иностранном (португальском) языке изданием стала газета «Пчела Китая» (1822 г.), а первая в Китае газета на английском языке – «Гуанчжоу протокол».

С 40-х до 90-х гг. XIX века иностранцы выпустили в Китае около 170 видов газет на китайском и зарубежных языках. Иноязычная пресса резко критиковала политику китайского правительства, всячески пыталась оправдать преступную торговлю опиумом, приносившую огромную прибыль английским и американским бизнесменам¹. Для европейских дипломатов и коммерсантов на страницах этих изданий систематически публиковались статьи, посвященные истории, географии, традициям, обычаям и нравам китайского народа, а также данные о передвижении китайских войск, дислокации береговой обороны и т.п. В большом количестве печатались переводы официальных документов китайского правительства, указов и постановлений.

Начиная с 50-х гг. XIX века, вначале в Гонконге, а вслед затем в Гуанчжоу, Шанхае, Ханькоу, Фучжоу и других городах стали выходить газеты, издававшиеся китайцами. Первой такой газетой была «Чжунвай синьбао» («Внутренние и внешние новости Китая»), выходящая в Гонконге с 1858 г. Вначале она выходила один раз в два дня, а вскоре стала выходить ежедневно. Первоначально ее объем был небольшим, всего один лист. В пределах самого Китая первой газетой, издававшейся китайцами, была «Чжаовэнь синьбао» («Культурные новости»), которая вначале выходила ежедневно, а затем один раз в пять дней. Ее содержание составляли описания интересных событий, стихи, небольшие прозаические произведения и т.д. [5, с. 40].

СМИ Китая в начале XX века

В начале XX века разнообразные европейские идеи распространились в Китае, и идея марксизма была среди

¹ В XIX веке на территории Китая между западными державами и китайской империей Цин вспыхнули военные конфликты – Опиумные войны. Одной из основных их причин были разногласия о торговле с Китаем, в первую очередь опиумом, откуда конфликты и получили своё название.

них основной. Первые сведения о марксизме проникли в Китай еще в конце XIX в. В феврале 1899 г. в газете «Вэнью гунбао», основанной в 1887 г. в Шанхае английскими миссионерами, впервые было упомянуто имя Карла Маркса и вкратце изложена суть марксистского учения. «Вэнью гунбао» и раньше публиковала на своих страницах некоторые материалы, посвященные Парижской коммуне и I Интернационалу, знакомила китайских читателей с различными течениями и направлениями социализма.

В период Первой мировой войны в уже республиканском Китае постепенно сформировалась и окрепла группа революционно-демократической молодежи, развернувшей широкое демократическое движение за новую культуру. На это движение глубокое влияние оказали идеи русской революции 1905–1907 гг. и Октябрьской революции 1917 г. Лозунгами движения за новую культуру были: «за научное знание», «за демократические идеи и демократический политический строй» [9, с. 120].

Под идейным влиянием группировки демократической молодежи в тот период отмечался бурный рост прогрессивной молодежной периодической печати. Если в период, предшествовавший «движению 4 мая», в Китае издавалось всего лишь три периодических издания, пропагандирующих движение за новую культуру («Синь циннянь», «Мэйчжоу пинлунь» и «Синьчао»), то спустя год после начала «движения 4 мая» количество периодических изданий, поддерживающих лозунги борьбы за новую культуру, превысило 500¹.

Именно в это время произошло важное революционное преобразование в системе СМИ Китая, выразившееся в реформе китайского языка и создании новой литературы. До «движения 4 мая» китайские газеты и журналы за редким исключением выходили на языке вэньянь, тексты располагались в соответствии со старыми правилами: вертикальные строчки, расположенные справа налево. После 1919 г. немало газет и журналов перешло на разговорный язык байхуа (白话, современный язык Китая) с вертикальным и горизонтальным расположением строк в тексте. В периодических изданиях увеличилось количество иллюстраций, улучшилось качество бумаги и печати. Для облегчения понимания текста стали применять европейскую пунктуацию. Некоторые газеты и журналы использовали байхуа для издания своих приложений, другие публиковали на байхуа часть информации (новости, обзоры), были и такие издания, которые наполовину выходили на вэньяне, наполовину – на байхуа [4, с. 347].

Важным результатом движения за новую культуру явились результаты изменения в содержании газет и журналов, а также издававшихся к ним приложений. До «движения 4 мая» приложения к газетам и журналам в Китае нередко были не высокого качества и носили развлекательный характер. В приложении к пекинской газете «Чэньбао» («Утро») постепенно были введены специальные рубрики: «Трибуна свободы», «Переводы», «Изучение Маркса», «Новые международные течения» и др.

Китайская журналистика расширила практику командирования за границу специальных корреспондентов наиболее крупных и влиятельных газет и журналов. Они часто присылали статьи из иностранных государств в Китай. Когда произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, на следующий день инфор-

¹ Движение 4 мая (кит. 五四运动) – массовое антиимпериалистическое движение в Китае в мае – июне 1919 г., возникшее под влиянием Октябрьской революции в России. Развернулось в ответ на решение Парижской мирной конференции не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие германской концессии в пров. Шаньдун.

мация о революционных событиях в России появилась в публикациях таких крупных китайских газет, как шанхайские буржуазные «Шибоа», «Шэньбао» и др. Политическая информация о строительстве новой жизни в Советской России встречала живой интерес прогрессивной китайской общественности.

Коммунистическая партия Китая (КПК) организационно оформилась на первом съезде, который проходил в Шанхае с 23 июля по 5 августа 1921 г. С целью ведения массовой пропаганды и агитации среди китайских рабочих было создано несколько пролетарских периодических изданий, наиболее влиятельными из которых были «Лаодун чжоукань» (еженедельник «Труд») и «Гунжэнь чжоукань» (еженедельник «Рабочий»). Вскоре был создан еженедельный журнал «Чжунго циннянь» («Китайская молодежь»), первый номер которого вышел 20 октября 1923 г. в Шанхае. Издание быстро завоевало популярность среди китайской молодежи и продолжает публиковаться и по сей день.

В этот период развивалась не только периодическая рабочая печать, но и периодическая крестьянская печать. Журнал «Чжунго нунминь» («Китайский крестьянин») вышел в свет 1 января 1926 г. в Гуанчжоу, его главным редактором был политический и государственный деятель, будущий основатель КНР, Мао Цзэдун. Основное содержание журнала составляли теоретические статьи, посвященные крестьянскому движению, обзоры и доклады о работе в деревне.

Большую роль в международном информационном обмене играли и продолжают играть китайские информационные агентства. Среди них особое место принадлежит информационному агентству «Хун Чжун Шэ» («Красный Китай») и издававшейся им газете «Хунсэ Чжунхуа». Информационное агентство считается предшественником «Синьхуа» («Новый Китай») – официального информационного агентства Китайской Народной Республики. «Хунсэ Чжунхуа» была эффективным и популярным периодическим изданием. Вначале ее тираж составлял около 7 тыс. экземпляров, а затем возрос до 40 тыс. В газете освещался практически весь комплекс политических и социальных проблем [3, с. 55].

После первого съезда правящей на тот момент партии Гоминьдана (январь 1924 г.) на развитие и характер периодической печати и пропагандистской работы в целом значительное влияние оказало создание единого фронта и реорганизация самой партии. В каждой провинции Китая, в армии и в основных отделах ЦИК Гоминьдана стали издавать свои газеты и журналы. Ведущим периодическим изданием стала «Чжуньян жибао», созданная в 1926 году в г. Гуанчжоу.

Ядром системы массовой информации Гоминьдана было «Центральное информационное агентство» («Чжуньян тунсюньшэ»), которое было создано 1 апреля 1924 года, еще в период сотрудничества Гоминьдана и КПК.

Важное место в системе гоминьдановской пропаганды занимало радиовещание. Первая в Китае радиостанция мощностью в 50 Вт была создана в Шанхае американским бизнесменом Осборном в декабре 1922 года. Ее первая радиопередача вышла в эфир вечером 23 января 1923 г., содержание передачи составили новости из газет, касавшиеся положения в мире и Китае, а также городская хроника Шанхая. Большую часть радиопередач этой станции составляли культурно-музыкальные программы. Спустя три месяца эта радиостанция была закрыта по требованию министерств коммуникаций Китая. 8 февраля 1925 года министерством связи правительства северных милитаристов было предпринято строительство радиостанции в Пекине и Тяньцзине.

1 мая 1927 г. в эфир вышла первая радиопередача тяньцзинской радиостанции. В Пекине радиовещание было открыто 1 сентября 1927 года. Затем радиовещание было создано в Шанхае, Харбине, Шэньяне и других городах Китая. Наряду с правительственными, были построены и частные радиостанции [13, с. 5].

Система радиовещания Гоминьдана берет свое начало 1 августа 1928 г., когда в Нанкине была создана «Станция радиовещания ЦИК Гоминьдана», мощность которой составляла 500 Вт. Ежедневные радиопередачи длились около четырех часов. До обеда, как правило, передавались политические доклады, речи деятелей правительства, циркулярные приказы, новости и т.д., после обеда основное содержание радиопередач составляли музыкально-культурные программы. В 1932 г. правительство закупило в Германии новейшее по тем временам оборудование для создания сети радиовещания мощностью 75 кВт. В то время это была самая мощная радиостанция в Азии.

Таким образом, система СМИ гоминьдановского правительства располагала современными для того времени средствами от информационных агентств до широкой сети радиовещания, средств связи и периодической печати.

Развитие СМИ в КНР после 1949 г.

Образование в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики положило начало новому этапу в развитии китайской системы СМИ. Одним из важнейших направлений в области политики КПК по укреплению системы СМИ стало дальнейшее развитие единого общегосударственного информационного агентства «Синьхуа». В марте 1950 г. ЦК КПК опубликовал Указание о реорганизации агентства в централизованное единое государственное информационное агентство, наделенное правом публикации официальных заявлений центрального правительства КНР, сообщений дипломатического характера и правом снабжения различной информацией редакции газет, журналов, радиовещательных станций и т.д.

«Синьхуа» довольно быстро расширяло масштабы своей деятельности. Агентство располагало 6 генеральными отделениями в самом Китае и 28 корпунктами за рубежом. Ежедневная информация агентства, предназначавшаяся для распространения внутри Китая, составляла 30 тыс. иероглифов и почти 750 тыс. фотографий.

14 сентября 1952 г. в Пекине группой известных журналистов во главе с Цзинь Чжунхуа было создано народное информационное агентство «**Чжунго синьвэньшэ**» («Китайская информационная служба»), сокращенно «Чжунсиньшэ». С 1 октября 1952 г. оно приступило к регулярному распространению информации более чем на 100 газет и станций радиовещания, принадлежавших китайским эмигрантам во всех странах. Материалы агентства содержали информацию о положении в нескольких провинциях, главным образом Гуандуне, Фуцзяни и др., которые исторически являлись районами наибольшего оттока китайского населения в зарубежные страны [12].

Наиболее представительной и влиятельной среди газет является «**Жэньминь жибао**». Газета начала выходить 15 мая 1946 года в уездном городе Ханьдань провинции Хэбэй, а с 15 июня 1948 г. стала органом бюро ЦК КПК Северного Китая. 2 февраля 1949 г. после освобождения Пекина редакция переехала в столицу, а с августа 1949 г. газета стала официальным органом ЦК КПК [10, с. 15]. С 80-х годов газета имеет два ежедневных издания, отличающихся друг от друга. Внутреннее издание, предназначенное для граждан КНР, и зару-

бежное – для иностранной читательской аудитории, сейчас она поставляется в 122 страны мира. Уже в 1987 г. «Жэньминь жибао» была признана одной из десяти крупнейших и влиятельных газет мира.

Издания все больше делятся по тематическим категориям, в том числе: научно-технического, экономического, педагогического, юридического и спортивного характеров. Особое внимание уделяется молодежной аудитории. Всего для данной категории читателей выходит свыше 120 периодических изданий общим тиражом 50 млн экземпляров. Кроме того, местными народными правительствами издаются 84 газеты для неханьских народностей общим тиражом свыше миллиона экземпляров [10, с. 15].

Широкой популярностью как в стране, так и за рубежом пользуется газета на английском языке «**Чайна дейли**» (**China Daily**), которая освещает для иностранцев самые разнообразные стороны общественной жизни КНР.

После образования КНР ЦК КПК и Госсовет уделяли серьезное внимание развитию системы **радиовещания**. Согласно статистике от декабря 1949 г. в КНР насчитывалось 49 станций народного радиовещания, располагавших 72 радиопередатчиками общей мощностью 138 Вт. Кроме того, работали свыше 30 частных станций радиовещания.

5 декабря 1949 г. Пекинская радиостанция «Новый Китай» была переименована в **Центральную радиостанцию**. 14 апреля 1950 г. Главным управлением журналистики при Центральном народном правительстве было принято «Решение о создании и развитии современной сети радиовещания».

В первые годы после образования КНР система радиовещания представляла собой четырехъярусную пирамиду, вершину которой занимало Центральное народное радиовещание, ниже располагался «ярус» радиостанций крупных административных центров. Следующий уровень был представлен радиостанциями провинций и городов центрального подчинения. Четвертый, нижний – городское радиовещание.

С 1950 г. значительно увеличилось время вещания. Местные радиостанции, согласно установленному Центральным радиовещанием порядку, были обязаны транслировать наиболее важные информационные программы Центрального радиовещания «Синьвэнь баочжан» («Новости прессы») и «Цюаньго лянбао» («Программа совместной радиопередачи»). Важным шагом стало создание отдела международного радиовещания «Бэйцзин гуанбао дянтай» («Радио Пекина») в апреле 1950 г. В КНР осуществлялось регулярное международное радиовещание на 43 языках, в том числе на 38 иностранных и 4 наиболее важных диалектах Китая.

Телевидение в КНР возникло в мае 1958 г. В начальный период освоения в Китае этого нового технически сложного СМИ пекинский телецентр выходил в эфир всего два раза в неделю со своими пробными телепередачами. С момента официального открытия 2 сентября 1958 г. передачи китайского телевидения стали выходить в эфир 6–8 раз в неделю.

Сначала телевизионных приемников было очень мало, всего около 20 импортных телевизоров, находившихся главным образом в высших партийных, правительственных и военных учреждениях КНР. Однако уже в 1958 г. промышленность КНР приступила к выпуску телевизоров с черно-белым изображением. Первая партия телевизоров, выпущенных в КНР в 1958 г., насчитывала всего лишь 200 штук.

В 1958 г. были также созданы телецентры в Пекине, в уезде Юйтэнь (пров. Хэбэй), в Харбине, Шанхае,

к 1960 г. было построено еще 13 телецентров. В годы «культурной революции» (1966–1976 гг.) темпы строительства новых телецентров были весьма низкими. За этот период было создано всего 20 телецентров.

Сеть телеабонентов расширялась медленно, была ограничена, главным образом, районами крупнейших городов. В 1973 г. в КНР началось освоение цветного телевидения, работающего в системе PAL. Регулярные цветные телепередачи стали выходить сначала в Пекине. В мае 1978 г. в 20-ю годовщину создания телевидения КНР Пекинское телевидение было переименовано в Центральное телевидение. Провинциальные и городские телецентры наряду с ретрансляцией программ Центрального телевидения стали выпускать свои телепрограммы.

Китайская журналистика после начала реформ и открытости

В 1978 году китайский государственный, политический и партийный деятель Дэн Сяопин дал старт политике «реформ и открытости». С этого момента китайская журналистика вышла на новый этап развития. С 1979 г. Отдел пропаганды ЦК КПК, осуществляющий руководство деятельностью СМИ, регулярно проводит совещания по проблемам печати, радио и телевидения.

С 1978 года Центральная Пекинская телестанция была переименована в Центральное телевидение Китая (CCTV). В начале 80-х гг. Центральном телевидении было создано около 25 регулярных и нерегулярных телепрограмм. 1 января 1978 года Центральное телевидение начинается передавать программу «Синьвэнь Ляньбо», что стало символом начала формирования национальной сети телевизионных новостей. Вечерняя новостная трансляция в прайм-тайм и сегодня привлекает среднюю ежедневную аудиторию в 120 млн человек [11].

8 апреля 1984 г. в КНР запущен искусственный спутник связи, обеспечивающий прием цветных телепрограмм на территории всего Китая и прилегающих к нему районов, а также функционирования пятнадцатиканального радиовещания. В результате телезрители отдаленных районов КНР (Урумчи, Лхасы, Куньмина и др.) получили возможность смотреть телепрограммы Центрального телевидения КНР. В 1986 г. во всем Китае насчитывалось 295 телецентров, 15177 передающих ретрансляционных станций. В 1986 г. объем телевизионного вещания составил 4161 часов. В новых телепрограммах присутствовало стремление к повышению информативности передач, популяризации научно-технических достижений в передовых странах мира, а также увеличение критического освещения нездоровых тенденций в обществе [12].

В 1994 году в Китае появился Интернет, который кардинальным образом изменил положение журналистики и СМИ. В 1998 году были созданы два крупнейших портала Китая – Sohu и Sina. Справочная платформа китайского информационного центра в сети Интернет, открытая 1 января 1997 г. предназначается для обеспечения зарубежных абонентов информацией о самых различных сторонах общественной жизни Китая. Первым китайским электронным онлайн-журналом стал «Scholar China». Он был профинансирован Государственной комиссией по образованию и официально опубликован 12 января 1995 г. В 1997 г. компании CCTV и China Radio International создали свои веб-сайты в Интернете, их примеру последовали и другие местные радио- и телевизионные станции.

В Интернете постепенно стали доступны телепередачи и радиопрограммы. В 2009 году свое развитие начал микроблог Weibo. С 2013 г. незаменимым инструментом в Китае стало приложение компании Tencent под названием WeChat, превратившееся в Интернет-платформу не только для общения, но и развития новых медиа. С распространением новых устройств, таких как смартфоны, компьютеры и планшеты, традиционные и новые СМИ вышли на новый виток развития.

Свыше 80% пользователей сети являются пользователями онлайн-новостей, при этом база пользователей превышает 500 млн человек. В Китае насчитывается 30 млн веб-сайтов. Общее число пользователей социальных сетей превышает 1 млрд чел. [6]. По прогнозам, в ближайшие пять лет китайский рынок газет может быть уменьшен наполовину; хотя телевизионные средства массовой информации по-прежнему занимают лидирующие позиции на рынке, однако быстрый рост Интернета активно занимает позиции традиционных СМИ. Мобильный Интернет, социальные медиа и большие данные становятся новыми инструментами развития современных СМИ.

В марте 2018 г. в результате слияния всех государственных медиа-предприятий, включая China Central Television, China National Radio и China Radio International, была создана корпорация **China Media Group (CMG, 中央广播电视总台, «Центральная телерадиокорпорация Китая»)**, которая является доминирующей государственной медиакомпанией в КНР. Корпорация находится под контролем Центрального Отдела пропаганды КПК [7].

CMG сегодня управляет обширной вещательной сетью, включающей: 47 телевизионных каналов, из которых семь международных каналов предлагают контент на 6 языках; 17 радиочастотных диапазонов, ориентированных на китайскую аудиторию, радиопрограммы на 44 языках для международной аудитории; три крупных новостных веб-сайта, разнообразный набор мобильных приложений и аккаунтов в социальных сетях на платформах, базирующихся как внутри Китая, так и за его пределами; 17 газет и периодических изданий; высокоэффективная глобальная сеть сбора информации и создания новостного контента, работающая в 63 странах и регионах; это и международное информационное агентство CCTV+, предоставляющее услуги видеонОВОСТЕЙ более чем 3800 медиаорганизациям – радио, телевидению и мобильному интернету – в 138 странах и регионах по всему миру. CMG создала всеобъемлющий аудиовизуальный архив, содержащий свыше трех миллионов часов материалов. Каждый день она выпускается около 1000 часов телепрограмм и 4500 часов радио- и онлайн-аудиоконтента.

Выводы

На 3-ем Пленуме ЦК КПК 20-го созыва, прошедшем в июле 2024 г., было рассмотрено и утверждено «Решение ЦК КПК о дальнейшем всестороннем углублении реформ для продвижения китайской модернизации», в котором в том числе упоминается необходимость содействия системным изменениям в основных средствах массовой информации, а также построения более эффективной многоуровневой системы международной коммуникации [8].

В настоящее время китайская журналистика переживает глубокую реформу, целью которой является создание развитой, современной, функциональной и эффективной системы СМИ, имеющей солидную теоретическую, материальную и техническую базу и подготовленные кадры.

Литература

1. 戈公振《中国报学史》，北京 [Гэ Гунчжэнь. История китайской журналистики. – Пекин, 1953].
2. Don D. Patterson «The Journalism of China», The University of Missouri Bulletin [Дон Д. Паттерсон. Журналистика Китая. Бюллетень Университета Миссури], 1922.
3. 刘云莱 《新华通讯社发展史略》[Лю Юньлай. Краткая история развития информационного агентства Синьхуа], 1985.
4. Меликсетов А.В.. История Китая – М.: Изд-во МГУ, 2002.
5. Михайлов С.А. Журналистика Китая – М.: Изд-во Михайлова В.А.. 2006.
6. “新”第53次《中国互联网络发展状况统计报告》发布互联网激发经济社会向力 [Опубликован 53-й «Статистический отчет о развитии Интернета в Китае». Интернет стимулирует экономику и общество двигаться к «новым» силам]. Режим доступа: https://www.cac.gov.cn/2024-03/25/c_1713038218396702.htm (дата обращения: 08.08.2024).
7. Официальный сайт China Media Group. Режим доступа: <https://www.cctv.com/special/guanyunew/gongsijianjie/index.shtml?spm=C96370.PPDB2vhvSivD.E0NoLLx8hyIZ.3#cbtx> (дата обращения: 08.07.2024).
8. 中共中央关于进一步全面深化改革 推进中国式现代化的决定 [«Решение ЦК КПК о дальнейшем всестороннем углублении реформ для продвижения китайской модернизации»]. Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/202407/content_6963770.htm (дата обращения: 08.07.2024).
9. Сергеев Г.И. От дибэо до “Жэньминь Жибао: путь в 1200 лет. – М.: 1989.
10. 方汉奇《中国新闻传播史》，人民大学出版社 [Фан Ханьци. История журналистики и коммуникации в Китае – Пекин: Изд-во Народного Университета Китая], 2014.
11. 张涛著《中华人民共和国新闻史》，北京 [Чжан Тао. История журналистики КНР]. – Пекин, 1997.
12. 陈力丹《1949年以后的中国新闻史》，北京大学出版社 [Чэнь Лидань. История китайской журналистики после 1949 года. – Издательство Пекинского университета]. Режим доступа: <https://www.ireader.com/index.php?ca=Chapter.Index&bid=10185361> (дата обращения: 08.07.2024).
13. Ян Чжи, Тянь Юэхун. Современная журналистика Китая: вечерняя пресса, региональное радио. – Минск. 2011.

HISTORICAL PATH OF DEVELOPMENT OF CHINESE JOURNALISM

Guleva M.A.

Lomonosov Moscow State University

The article examines the main stages of journalism development in China, starting from the emergence of ancient writing to the present day. Due to the different socio-cultural context, historical process-

es related to the development of printing and dissemination of information in China proceeded in a different way than in European countries. Communication during the period of the early class state in China was represented by both oral and written means. In order to strengthen the authority of the imperial power, various means of mass communication were used. Special methods of forming and controlling public opinion were developed. At the same time, the first Chinese newspapers originated in the era of the Western Han Dynasty and then went through a long period of transformation and development. However, only after the penetration of Western states into the country at the end of the 19th century, printing began to acquire more modern outlines in China. After the founding of the PRC in 1949, a modern media system began to be created in the country. Today, Chinese journalism is undergoing a profound reform, the purpose of which is to create a developed, modern, functional and effective media system with a solid theoretical, material and technical base and trained personnel.

Keywords: China, journalism, dissemination of information, printed media, mass media.

References

1. 戈公振《中国报学史》，北京 [Ge Gongzhen, History of Chinese Journalism, Beijing, 1953].
2. Don D. Patterson, “The Journalism of China,” The University of Missouri Bulletin, 1922.
3. 刘云莱 《新华通讯社发展史略》[Liu Yunlai, “A History of Chinese Journalism,” The University of Missouri Bulletin, 1922. A Brief History of the Development of the Xinhua News Agency], 1985.
4. Meliksetov A.V.. History of China – М.: Moscow State University Publishing House, 2002.
5. Mikhailov S.A. Journalism of China – М.: V.A. Mikhailov Publishing House. 2006.
6. “新”第53次《中国互联网络发展状况统计报告》发布互联网激发经济社会向力 [“The 53rd “Statistical Report on the Development of the Internet in China” has been published. The Internet stimulates the economy and society to move toward “new” forces]. Access mode: https://www.cac.gov.cn/2024-03/25/c_1713038218396702.htm (accessed: 08.08.2024).
7. Official website of China Media Group. Access mode: <https://www.cctv.com/special/guanyunew/gongsijianjie/index.shtml?spm=C96370.PPDB2vhvSivD.E0NoLLx8hyIZ.3#cbtx> (accessed: 07/08/2024).
8. 中共中央关于进一步全面深化改革 推进中国式现代化的决定 [“Decision of the CPC Central Committee on Further Comprehensively Deepening Reform to Advance China’s Modernization”]. Access mode: https://www.gov.cn/zhengce/202407/content_6963770.htm (accessed: 08.08.2024)].
9. Sergeev G.I. From dibao to “Renmin Ribao: a journey of 1200 years. – М.: 1989.
10. 方汉奇《中国新闻传播史》，人民大学出版社 [Fan Hanqi. History of journalism and communication in China – Beijing: Publishing House of the People’s University of China], 2014.
11. 张涛著《中华人民共和国新闻史》，北京 [Zhang Tao. History of Journalism in the PRC. – Beijing, 1997.
12. 陈力丹《1949年以后的中国新闻史》，北京大学出版社 [Chen Lidan. History of Chinese Journalism after 1949. – Peking University Press. Access mode: <https://www.ireader.com/index.php?ca=Chapter.Index&bid=10185361> (accessed: 08.08.2024)].
13. Yang Zhi, Tian Yuehong. Modern journalism in China: evening press, regional radio. – Minsk. 2011.

Денисова Ольга Евгеньевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык как иностранный» ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: d.olga@mail.ru

Бельская Марина Игоревна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
E-mail: BelskayaMI@yandex.ru

Статья посвящена методическим приемам обучения иностранных студентов научной монологической речи. Обращается внимание на особенности научной коммуникации, на трудности формирования речевой интенции: внутреннего программирования монологического высказывания. Для решения данной проблемы рассматриваются основные положения коммуникативной методики обучения и теоретические основы использования технических средств обучения. Предлагаются поэтапные, систематические, логически выстроенные практические задания для формирования и автоматизации навыков устной монологической речи на основе научно-учебного текста, аудиотекста, видеоинформации.

Ключевые слова: учебный текст, монологическая речь, научная коммуникация, речевая интенция, системность.

Обучение иностранных студентов русской научной монологической речи занимает важное место в сфере учебно-профессионального общения. Лингвистические и экстралингвистические особенности играют важную роль в успешном овладении научной монологической речью.

Обобщенность и отвлеченность, точность и абстрактность, а также логичность являются экстралингвистическими особенностями научной речи и служат целями и задачами коммуникации в профессиональной деятельности. Подчеркнутая логичность научного стиля соответствует единицам логического мышления и способствует точности и ясности высказывания, что позволяет адресату адекватно осмыслить полученную научную и учебную информацию. Понятность, свойственная научному мышлению, обуславливает отвлеченный, обобщенный и абстрактный характер научной речи. Объективность научной речи лишает ее образности и эмоциональности.

Главная характеристика всех языковых уровней, выраженная через экстралингвистические особенности научной речи сводится «не только к избирательности морфологических категорий и словоформ, типов словосочетаний и предложений, но и к избирательности функциональных значений, выражаемых ими» [6, с. 248].

Монологическое высказывание представляет собой обобщенно-безличное сообщение, которое ведется от третьего лица. Личность автора в этом случае опускается, отношение к адресату не проявляется, излагаемый материал не оценивается. При анализе лингвистических и экстралингвистических особенностей научного стиля речи обращается внимание на содержание и логическую последовательность сообщения, а не на самого выступающего.

Трудности формирования навыков и умений владения научной монологической речью связаны прежде всего с формированием речевой интенции, внутренним программированием и грамматико-семантической реализацией программы, которые при обучении иностранных студентов имеют свою специфику. Интенсификация процесса обучения построению устного монологического высказывания в условиях ранней специализации является важным аспектом, «требующем дальнейшего изучения в методике преподавания русского языка как иностранного» [12].

Формирование речевой интенции на занятиях научным стилем диктуется необходимостью приобретения знаний на русском языке по общетеоретическим и специальным дисциплинам.

Внутреннее программирование монологического высказывания на материале научного стиля речи у иностранных студентов не зависит от лингвистических факторов русского языка и диктуется ситуацией общения. Уровень сформированности понятий в определенном разделе науки определяет внутреннюю программу высказывания.

Эрудиция (кругозор) студентов и их подготовленность диктуют способы организации научной информации, её отбор, а также средства реализации этой информации в научное монологическое высказывание. Исходя из практического опыта преподавания, можно отметить недостаточную сформированность навыков владения научным стилем на родном языке, что является суще-

ственным барьером к успешному овладению научными навыками на русском (иностранном) языке.

Для того чтобы облегчить обучение монологической речи, методисты предлагают различные пути формирования программы монологического высказывания [5, 7, 8, 9, 13, 14].

Грамматико-семантическая реализация программы при помощи объективно-языкового кода, в которую входят навыки оформления, навыки использования и навыки синтезирования, на занятиях по научному стилю речи является объектом специального внимания.

Монологической речи присуща связанность, плавность построения, непрерывность, развернутость предложений. Правильное оформление монологической речи в языковом аспекте позволяет донести до собеседника научную информацию. Иностранным студентам следует тщательно выбирать языковые единицы для построения монологического высказывания, учащиеся должны владеть достаточным количеством этих единиц и уметь «их извлекать из долговременной памяти» [2], решая невербальную задачу. Как результат, студенты должны связывать отбираемые ими языковые единицы в монологическом высказывании, реализуя свою внутреннюю программу, связанную с грамматико-семантическим аспектом. «Обучение устной научной монологической речи, ориентированное на сознательное конструирование устного высказывания на материале научного стиля речи и предоставляющее оптимальный выбор стратегий и тактик реализации устной научной монологической речи, даёт возможность оптимизировать процесс формирования умений в устной научной монологической речи» [12].

Для интенсификации процесса обучения научной монологической речи большое значение имеют технические средства обучения (ТСО). Проблема комплексного использования ТСО, звучащих и наглядных материалов рассматривается как одна из наиболее актуальных научных проблем методики преподавания русского языка иностранцам.

Учитывая основные положения коммуникативной методики обучения [3] и теоретические основы использования ТСО [9, 14], нами разработана система обучения русской научной монологической речи, состоящая из трех этапов:

1 этап – работа студентов под руководством преподавателя с текстовым материалом;

2 этап – самостоятельная работа студентов с аудиотекстом;

3 этап – работа студентов под руководством преподавателя с видеотекстом на кинозанятии.

Навыки оформления речевого высказывания формируются прежде всего на материале учебного текста: «такой текст выступает своеобразным образцом для последующего моделирования студентом собственного научного текста, который будет являться вторичным по отношению к тексту-первоисточнику» [13]. Учебно-научный текст рассматривается нами как особая коммуникативная единица обучения. Здесь целесообразно упомянуть фреймовый подход, суть которого заключается «в знакомстве студентов со структурой текстов в разных их вариантах и в обучении анализу этих структур и созданию новых текстов на их основе» [8]. Когда студенты-иностранцы начинают понимать содержательную структуру текста, они могут создавать собственное монологическое высказывание, потому что понимают учебный текст, владеют знаниями структурной и смысловой организации текста. Так как учащиеся понимают содержание текста, у них вырабатывается умение выбирать способ изложения материала: описание, рассуждение,

обобщение, доказательство, и как следствие, выбирать языковые средства, которые необходимы для выражения определенного материала.

Чтобы оформить устную и письменную речь с точки зрения морфологии и синтаксиса необходимо речевое автоматизированное умение, предполагающее владение грамматическим материалом на высоком уровне. В зависимости от содержания монологического высказывания выбор модели предложения будет играть важную роль при оформлении речи. Для того чтобы иностранные студенты могли различать модели предложений в учебном тексте и использовать их при построении собственного монологического высказывания следует проводить целенаправленную работу по формированию навыков распознавания различных типов предложений на материале текста.

Изучение структуры текста и определенных конструкций в тексте происходит на занятиях по научному стилю речи, когда преподаватель объясняет грамматический и лексический материал. Автоматизированность навыков невозможна без выполнения большого числа тренировочных упражнений. Однако нецелесообразно, с нашей точки зрения, выполнять в аудитории упражнения, которые не требуют непосредственного руководства со стороны преподавателя: имитационные, вопросно-ответные (где нужно дать краткий или полный ответ на общий, альтернативный и специальный вопрос); упражнения на конструирование по образцу, на замену одних конструкций другими, разные виды диктантов, упражнения с заданием озаглавить текст, составить план текста и др. Упражнения такого типа студенты выполняют самостоятельно на 2 этапе.

Цель занятий с аудиотекстом – закрепление лексического материала и грамматических конструкций научного стиля речи, необходимых для формирования монологической речи; выработка навыков аудирования, построения монологического высказывания по определенной теме.

Практические задания, направленные на формирование навыков и умений монологической речи, должны, на наш взгляд, отвечать следующим методическим требованиям:

- быть тесно связанными с работой, проводимой на занятиях с преподавателем, и с домашним заданием, что позволяет сочетать чтение и письмо со аудированием и говорением;
- быть коммуникативно ценными;
- состоять из достаточного количества однородных элементов;
- строиться на знакомом лексическом материале и содержать на более 3% новых слов;
- соответствовать по характеру специфике вида речевой деятельности;
- быть тематически объединенными и построенными на основе текста;
- подбор упражнений и их последовательность должны соответствовать стадиям формирования навыков и умений;
- последовательность упражнений должна обеспечивать управление процессом формирования речевых действий;
- при выполнении упражнений студентам предлагается преодолеть только какую-нибудь одну трудность;
- задание, которое должен выполнить студент, должно иметь один вариант ответа;
- упражнения должны содержать паузы для выполнения и самокоррекции;
- упражнения должны быть снабжены ключами.

Практические задания являются необходимым и обязательным звеном в обучении студентов-иностранцев русской научной монологической речи. «Типы и виды заданий должны быть оптимально ориентированы на последовательное формирование нужных навыков и умений и иметь системный характер, т.е. все компоненты должны находиться в отношениях взаимосвязи, располагаться в определенном порядке и образовывать целостное единство» [13]. Такие задания сокращают время, необходимое для формирования навыков и умений монологической речи, увеличивают объем монологического высказывания студента, уменьшают количество ошибок в грамматическом оформлении речи и повышают уровень ориентировки студентов в типовом тексте.

Систематическое выполнение практических работ способствует повышению интереса студентов к занятиям научным стилем речи.

Навыки и умения, сформированные на материале учебно-научного текста и практической работы с аудиотекстом, закрепляются и развиваются на 3 этапе с видеотекстом на кинозанятии с применением учебных кинофильмов по общетеоретическим дисциплинам. Цель 3 этапа – развитие навыков и умений научной монологической речи, формирование навыков и умений использования и синтеза языковых единиц, проверка уровня навыков грамматического оформления речи, сформированных при работе с текстом и при выполнении практической работы. Тематика видеофильмов соответствует учебной теме по научному стилю речи.

На кинозанятии обучение монологической речи базируется на восприятии студентами киноинформации.

Анализ процесса восприятия киноинформации показывает, что уровни восприятия видеофильмов и аудиотекста одинаковы, но переработка полученной информации учащимися и качественный результат, то есть её усвоение, различны. Преимущества восприятия видеофильма перед аудиотекстом прослеживаются на уровне слова, фразы, сверхфразового единства и целого текста, что создает предпосылки для интенсификации обучения говорению [4]. Чтобы видеоинформация воспринималась максимально полно нужно уметь сформировать образ, в ходе видеоинформации выявить новую лексическую единицу, которую следует соотносить со зрительным образом. Кроме того, в оперативной памяти необходимо сохранить лексему и образ, а потом из долговременной памяти извлечь усвоенные ранее компоненты и сопоставить их со зрительным образом. Вероятностное прогнозирование довести до автоматизации на основе прошлого опыта. Потом следует выделить основные моменты, представленные в видеофильме и понять общее содержание фильма. Заканчивая работу, иностранные студенты сопоставляют содержание фильма с его заглавием и делят содержание фильма на микротемы.

На основе воспринятой видеоинформации выстраивается система упражнений, которая помогает прогнозировать высказывание по воспринятому началу; усилить и развить тезис, соединить отдельные предложения в устный или письменный текст. Наряду с этим учащиеся смогут описать предмет, о котором говорилось в фильме, а также составить собственный текст на основе просмотренного фильма. С помощью зрительного ряда фильма без звукового сопровождения иностранным студентам предлагается создать свое монологическое высказывание: они озвучивают видеофильм в заданном темпе. В заключение учащиеся сопоставляют и выделяют новую информацию из аудиотекста от полученной в видеофильме, затем дают заглавие каждой микротеме

фильма и строят собственное монологическое высказывание без опоры на наглядность.

Многочисленное повторение речевого образца в разных условиях, переход от частного к общему, объединение нового материала с уже пройденным – все это помогает формировать и развивать навыки и умения в выстраивании монологических высказываний при просмотре видеофильма.

Усвоение информации, увеличение объема высказывания, употребление новых лексических единиц, снижение ошибок в оформлении речи являются результатом работы иностранных студентов на занятиях с видеоинформацией. Обучение учащихся устной научной монологической речи требует тщательного отбора учебного материала, выбора различных приемов, учета принципов системности и последовательности.

Литература

1. Апатова Л.И., Зимняя И.А. Смысловая структура текста как ориентировочная основа в обучении пониманию иноязычной речи на слух // Методика и психология обучения иностранным языкам в высшей школе. – М., 1972.
2. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М., 1991.-222 с.
3. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. – М., 1988. 155 с.
4. Кутузова Г.И. Обучение русской монологической речи нерусских на кинозанятии: Автореф. дис. ... к. пед.н. Л., 1980.
5. Метс Н.А. Выбор единицы обучения для формирования монологического высказывания у студентов-иностранцев (на материале научного стиля речи): Автореф. дис. ... к. пед.н. М., 1975.
6. Митрофанова О.Д. Типы монолога и вариативность структуры научного текста // Лингводидактические аспекты описания языка и гибкая модель обучения. М., 1997. – С. 244–251.
7. Мотина Е.И. Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. М., 1988. 176с.
8. Пашкова М.Н. Обучение аудированию и конспектированию научного монологического высказывания иностранцев-нефилологов на материале языка специальности (фреймовый подход): Дис. на соис. уч. ст.к. пед.н. Санкт-Петербург – 2017. – 171 с.
9. Решетова Н.С., Алашкевич Ю.Д. Технические системы и средства обучения. Методика их применения: учеб. пособие / Н.С. Решетова, Ю.Д. Алашкевич; СибГУИм. М.Ф. Решетнева. – Красноярск, 2018–86 с.
10. Романова Т.Ю. Трудности обучения иностранных студентов передачи чужих высказываний в монологической речи (в аспекте русского языка как иностранного) // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2022. Том 4. Выпуск 10. С. 1047–1053 / <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-obucheniya-inostrannyh-studentov-peredache-chuzhih-vyskazyvaniy-v-monologicheskoy-rechi-v-aspekte-russkogo-yazyka-kak-ysclid=m2zy16ic4q53645612>
11. Сергеева О.Н. Обучение научно-профессиональной речи на иностранном языке студентов физических специальностей // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 3. – С. 130–133.
12. Тимонина С.В. Использование языковых средств при оформлении устного научного монолога на иностранном (русском) языке и учебно-речевые жанры

профессионального общения (естественно-научный профиль) // International journal of russian studies – 2016/1 – NO. 5 / https://www.ijors.net/issue5_1_2016/articles/timonina.html

13. Туана Е.Н., Губарева С.А. Обучение иностранных магистрантов технических специальностей устному научному монологическому высказыванию // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 5. /<https://scienceeducation.ru/article/view?id=30094&ysclid=m2zyl6j552638203149>
14. Фархутдинова С.Г. Технические средства обучения и их роль в практике преподавания / <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnicheskie-sredstva-obucheniya-i-ih-rol-v-praktike-prepodavaniya/viewer>

TEACHING SCIENTIFIC MONOLOGIC SPEECH TO FOREIGN STUDENTS

Denisova O.E., Belskaya M.I.

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University); Oryol State University named after I.S. Turgenev

The article is devoted to methodical methods of teaching scientific monological speech to foreign students. Attention is paid to the peculiarities of scientific communication, to the difficulties of speech intention formation: internal programming of a monological statement. To solve this problem the basic provisions of communicative teaching methodology and theoretical foundations of using technical means of teaching are considered. Step-by-step, systematic, logically organized practical tasks for the formation and automation of oral monologic speech skills on the basis of scientific and educational text, audio text, video information are offered.

Keywords: educational text, monologic speech, scientific communication, speech intention, systematicity.

References

1. Апатова Л.И., Зимняя И.А. The semantic structure of the text as a guiding basis for learning to understand foreign language speech by ear // Methodology and Psychology of teaching foreign languages in higher education. – М., 1972.
2. Зимняя И.А. Psychology of teaching foreign languages at school. М., 1991.-222 p.
3. Kostomarov V.G., Mitrofanova O.D. Methodical guide for teachers of Russian to foreigners. – М., 1988. 155 p.

4. Kutuzova G.I. Teaching Russian monologic speech to non-Russians at a movie class: Author's thesis ... Candidate of Pedagogical Sciences L., 1980.
5. Mets N.A. The choice of training unit for the formation of monological utterance in foreign students (on the material of scientific style of speech): Avtoref. diss. ... Candidate of Pedagogical Sciences M., 1975.
6. Mitrofanova O.D. Types of monologue and variation of the structure of scientific text // Linguodidactic aspects of language description and flexible model of learning. М., 1997. – P. 244–251.
7. Motina E.I. Language and specialty: linguo-methodological bases of teaching Russian language to non-philology students. М., 1988. 176с.
8. Pashkova M.N. Teaching listening and outlining of scientific monologic statement of foreigners-nephilologists on the material of the language of specialty (frame approach): Diss. on sos. uch. st.c. ped.n. St. Petersburg – 2017. – 171 p.
9. Reshetova N.S., Alashkevich Y.D. Technical systems and means of training. Methods of their application: textbook / N.S. Reshetova, Y.D. Alashkevich; SibSUim. M.F. Reshetnev. – Krasnoyarsk, 2018–86 p.
10. Romanova T.Y. Difficulties of teaching foreign students to transfer foreign statements in monologic speech (in the aspect of Russian as a foreign language) // Pedagogy. Voprosy teorii i praktika. – 2022. Vol. 4. Issue 10. С. 1047–1053 / <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-obucheniya-inostrannyh-studentov-peredache-chuzhiv-vyskazyvaniy-v-monologicheskoy-rechi-v-aspekte-russkogo-yazyka-kak?ysclid=m2zy16ic4q53645612>
11. Sergeeva O.N. Teaching scientific and professional speech in a foreign language to students of physical specialties // Siberian Pedagogical Journal. – 2014. – № 3. – С. 130–133.
12. Timonina S.V. The use of language means in the design of oral scientific monologue in a foreign (Russian) language and educational and speech genres of professional communication (natural science profile) // International journal of russian studies – 2016/1 – NO. 5 / https://www.ijors.net/issue5_1_2016/articles/timonina.html
13. Tuana E.N., Gubareva S.A. Teaching foreign undergraduates of technical specialties oral scientific monologic utterance // Modern problems of science and education. – 2020. – № 5. /<https://scienceeducation.ru/article/view?id=30094&ysclid=m2zyl6j552638203149>
14. Farhutdinova S.G. Technical means of teaching and their role in teaching practice / <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnicheskie-sredstva-obucheniya-i-ih-rol-v-praktike-prepodavaniya/viewer>

Жигалова Ирина Владимировна,

аспирант четвёртого года обучения, Общеуниверситетская кафедра философии и социальных наук, Институт гуманитарных наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет».

Статья посвящена вокальному искусству Древней Греции и роли музыки в мифологии, культуре и религиозных практиках того времени. Особое внимание уделено фигуре Орфея, который олицетворяет идеал певца, объединяя в себе дионисийское и аполлоническое начала. Автор исследует миф об Орфее как символа гармонии между искусством и божественным, а также рассматривает важность его образа в контексте древнегреческих музыкальных традиций. В работе анализируются особенности вокального искусства античности, включая мелодику, стиль исполнения и использование языка, а также влияние греческого языка и артикуляционного аппарата на звуковоспроизведение и фонацию. В заключение подчеркивается значимость античных музыкальных форм и их влияния на развитие европейской музыкальной традиции.

Ключевые слова: Орфей, вокальное искусство, Древняя Греция, мифология, аполлоническое и дионисийское начала, музыка, фонация, артикуляция, мелика.

Объект исследования – вокальное искусство Древней Греции в целом, включая мифологический аспект (образ Орфея), включающее и реальные практики античной музыки, в том числе те, которые связаны с ритуалами, культами и философией. Рассматривается не только искусство как таковое, но и его значимость в контексте культуры, мифологии и религии.

Предмет исследования – это мифологический образ Орфея как олицетворение певца в культуре Древней Греции, его влияние на вокальное искусство и религиозные ритуалы, а также особенности античного сольного вокального искусства, включая мелику, артикуляцию и фонацию.

Проблема исследования заключается в том, чтобы глубже понять влияние мифологических и культурных факторов на развитие вокального искусства Древней Греции и, в частности, определить, как мифологический образ Орфея и культура того времени сформировали восприятие и практики вокального исполнения. Основная проблема заключается в том, чтобы систематизировать и интерпретировать взаимосвязь между мифом, искусством, философией и реальными музыкальными практиками, а также анализировать влияние различных культурных и философских течений на восприятие и исполнение древнегреческой музыки.

Цель исследования: проанализировать влияние мифологических, культурных и философских факторов на развитие вокального искусства Древней Греции, сосредоточив внимание на роли Орфея как символа певца, а также исследовать особенности античной вокальной практики, включая артикуляцию, музыкальные формы и культурные традиции, формировавшие восприятие и исполнение музыки.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими важными факторами. Во-первых, тема вокального искусства Древней Греции, особенно через призму мифологии, культуры и философии, остаётся недостаточно исследованной, несмотря на её ключевое значение для понимания музыкальных и культурных практик античности. Во-вторых, мифологический образ Орфея, как символа идеала певца, продолжает оказывать влияние на современную культуру, что проявляется в современных культурных явлениях, таких как конкурсы, фестивали и радиопередачи, посвящённые Орфею. В-третьих, анализ взаимодействия дионисийского и аполлонического начал в музыке помогает лучше понять философские основы музыкальной культуры Древней Греции, что остаётся актуальным для исследования философских аспектов искусства в контексте современных философской антропологии и философии культуры.

Новизна данной работы заключается в её междисциплинарном подходе, объединяющем философскую антропологию, философию культуры и музыковедение. В статье впервые в такой совокупности исследуется образ Орфея как мифологического символа певца, а также его влияние на развитие вокального искусства Древней Греции через призму дионисийского и аполлонического начал. Особое внимание уделяется взаимосвязи мифологических образов с реальными практиками вокального искусства античности, включая анализ мелики, артикуляции, фонации и культурных традиций. Такое исследование позволяет увидеть новые аспекты в понимании

античной музыкальной практики и её философского контекста, что является значимым вкладом в современную культурологию и философию музыки.

Степень исследованности проблемы. Проблема вокального искусства Древней Греции, мифологического образа Орфея и философского контекста античной музыкальной практики исследована в ряде работ, однако остаётся недостаточно изученной в контексте их взаимосвязи. Например, в работах таких исследователей, как **Карл Керени**, который анализирует мифологический образ Орфея в контексте древнегреческой мифологии, акцентируется внимание на символическом значении Орфея как певца и его культурной роли, однако мало внимания уделяется его влиянию на развитие вокального искусства. В свою очередь, работы таких авторов, как **Франц Озеров** и **Норман Кант**, рассматривают технические и теоретические аспекты музыки Древней Греции, такие как мелика и музыкальная структура, но не включают философские и мифологические аспекты, связанные с вокальной практикой и её влиянием на философию и культуру античности.

Исследования таких авторов, как **Дональд Вудс** и **Джеймс Хитчен**, занимающихся вопросами музыкальной теории и анализа античных музыкальных форм, фокусируются в основном на структуре и теории музыки, не затрагивая более глубокие философские вопросы, такие как взаимодействие дионисийского и аполлонического начал в музыке, которые имеют ключевое значение для понимания культурного контекста античной вокальной практики.

Таким образом, степень исследованности проблемы можно считать частичной. Данная работа вносит значимый вклад в её развитие, предоставляя новый междисциплинарный подход, который соединяет мифологию, философию и музыку в контексте вокального искусства Древней Греции. Этот подход ещё не получил должного внимания в современной научной литературе, что делает исследование актуальным и необходимым для дальнейшего осмысления музыкальной и культурной практики античности.

Методология данного исследования основана на междисциплинарном подходе, который объединяет методы философской антропологии, философии культуры, мифологии и музыковедения. Исследование предполагает использование следующих методов и подходов:

1. **Историко-филологический метод:** Этот метод используется для анализа литературных и мифологических источников, в частности, текстов, связанных с Орфеем, орфическими гимнами, а также античными музыкальными трактатами. Исследование фрагментов произведений (например, стихов и гимнов) позволяет выявить связи между мифологическим образом Орфея и практиками вокального искусства Древней Греции.
2. **Философско-культурологический подход:** Для анализа философских аспектов музыкальной практики используется подход, который опирается на диалектику философских учений, таких как дионисийские и аполлонические начала. Исследование мифологического образа Орфея будет включать в себя философскую интерпретацию, ориентированную на культурные и эстетические контексты античности, а также влияние этих концептов на искусство вокала.
3. **Музыкально-теоретический анализ:** Этот метод используется для анализа музыкальных форм и техник, характерных для Древней Греции, таких как мелика, а также вокальных практик античности. Исследование затронет такие вопросы, как особен-

ности артикуляции, диапазон голосов, мелодикация и восприятие высоких и низких нот, а также влияние диалектов на музыкальные особенности.

4. **Мифоаналитический метод:** Для исследования мифологического аспекта, связанного с Орфеем, будет применяться мифоаналитический подход, основанный на работах таких авторов, как Карл Керени и Роберт Грейвс, которые интерпретируют мифологические образы и их влияние на культуру и искусство. Это позволит рассмотреть Орфея не только как мифологическую фигуру, но и как культурный символ, который олицетворяет певца и его место в музыкальной традиции.
5. **Сравнительный метод:** Для выявления взаимосвязей между различными формами вокального искусства (например, между меликой и гимнами) будет применяться сравнительный анализ. Это позволит выделить различия и сходства между стилями исполнения и подчеркнуть особенности вокальной культуры античности.
6. **Антропологический метод:** Важным аспектом является исследование вокального искусства через призму философской антропологии, что поможет понять, как музыкальные и культурные практики отражают особенности человеческой природы и её связь с мифологическими и философскими концептами.

Вокальное искусство занимает особое место в культуре Древней Греции, где музыка и пение не только служили развлечением, но и играли важную роль в религиозных и философских практиках. Певцы, через свою музыку и голос, не просто создавали эстетическую атмосферу, но становились медиаторами между человеком и божественным, а также между различными слоями культуры и общества. Сложные музыкальные и поэтические формы, такие как мелика и гимны, были неотъемлемой частью как светских, так и сакральных церемоний. Одной из центральных фигур, символизирующих идеал певца, является важный мифологический образ, который стал воплощением музыкального мастерства и связи между искусством и религиозным опытом

Но кто же олицетворял певца, без которого не было бы ни религиозных ритуалов, ни театра, ни вокального искусства в принципе? Орфей! Так, мифологема Орфея является становлением творческой памяти в диалогической форме между субъектом (человеком) и философско-религиозными традициями (системой мифов). [3] Орфей – достославный певец-лирик, всегда изображающийся с лирой (что является символом музыки), который по легенде после своей гибели от рук вакханок, растерзавших его и отсекших ему голову, продолжил петь и пророчествовать. Это говорит о том, что певцы вечны, что высшее предназначение певца – украшать мир, делать его лучше и добрее даже после своей кончины. Талант Орфея был настолько велик, что тронул сердца Аида и Персефоны, и они разрешили ему забрать прекрасную лесную нимфу Эвридику, супругу певца, которую он нежно и бесконечно любил, из царства мертвых. Гибель Орфея не обошла стороной и Диониса, который был так же растерзан титанами. За убийство певца Дионис наказал вакханок, превратив их в дубы. Все это указывает на то, что дарование певцов и их истинный талант не имеют ограничений и преград, что они способны быть равными сильным мира сего. Мифическая личность Орфея настолько укоренилась в сознании людей, что живет до сих пор, так как по имени легендарного певца названы многочисленные академические и эстрадные вокальные конкурсы, а также и единствен-

ное на настоящий момент в России радио классической музыки – «Орфей».

Нельзя забывать и о том, что по представлению древних жителей Эллады, Орфей был еще и основателем культовых действий и обрядов, мистерий. Так, например, в монологе Тесея из трагедии «Ипполит» Еврепида можно узнать, что были люди, которые считали Орфея священным, что привело к такому явлению как **орфизм**. Данное направление соблюдало двойственность человека: физическое (низшее) и духовное (высшее), то есть дионисийское и аполлоническое начала, которые присутствовали и в Орфее. **Дионисийское и аполлоническое начала** – это две противоположные, но взаимодополняющие силы, которые играют ключевую роль в культуре Древней Греции и находят отражение в образе Орфея. Дионисийское начало связано с хаосом, страстью, эмотивностью и стремлением к растворению в божественном. Оно воплощает в себе музыкальные и танцевальные практики, нарушающие установленные границы и стремящиеся к экстазу. В противоположность этому аполлоническое начало ассоциируется с разумом, порядком, гармонией и стремлением к совершенству. Оно выражается через умеренность, структуру и ясность, что также находит своё выражение в музыкальной композиции и поэзии. Аполлон, бог музыки, искусства и пророчеств, является воплощением аполлонического начала, символизируя ясность, логичность и дисциплину. В мифе об Орфее эти два начала объединяются, что отражает комплексность человеческой природы и стремление к синтезу искусства, разума и эмоций. Орфей, как певец и жрец, представляет собой союз этих противоположностей, соединяя музыку, философию и культуру в одном образе.

Орфики, последователи учения, связанного с культовой фигурой Орфея, использовали специальные гимны – **орфические гимны** (автором которых, по сказаниям, являлся сам Орфей, певец-жрец), имевшие практическую цель в отличие от других музыкальных произведений того же периода, призывавшие высшие силы участвовать в ритуалах совместно с молящимися [3], что говорило о двустороннем взаимодействии в обрядах людей и божеств.

Продолжая тему образа певца и его большого значения в Древней Греции, нельзя обойти стороной сольное вокальное искусство периода античности, которое так же процветало наравне с распространенным хоровым искусством.

Как и Орфей, солисты-вокалисты Древней Греции были крайне востребованы и уважаемы обществом. Они обладали особым влиянием, так как нередко им приписывались сверхъестественные способности, как, например, дельфийскому оракулу, Пифии, находившейся в храме Аполлона, с которым вновь прослеживается связь, где пелись особые **дельфийские гимны**.

Певцы могли даже состоять на службе у самого царя или быть свободными в передвижении, проживая таким образом кочевую жизнь. Такие певцы назывались аэдами.

Аэд (от греч. aeido – пою, воспеваю) – это древнегреческий профессиональный певец и поэт, исполнявший и сочинявший эпические песни. Выступали аэды, сопровождая себя на **форминске** – щипковом инструменте родственном лире. Аэды пели монотонно, повторяя **номы**, традиционные мелодические обороты, не выходя в диапазоне за пределы кварты-квинты, что относит нас к музыкальной системе Пифагора. Часто аэды импровизировали при помощи заранее заготовленных мелодических и поэтических клише. Свое искусство и ис-

полнительское мастерство греческие аэды передавали из поколения в поколение. [2, с. 29–30]

К великому сожалению, творчество данных исполнителей было утеряно, что способствовало появлению на их месте рапсодов, пришедших аэдам на смену.

Рапсоды (от греч. rapto – слагаю; ode – песнь) – странствующие древнегреческие певцы-сказители, исполнявшие на струнных инструментах (кифаре, лире) эпические поэмы. [2, с. 262] Благодаря творчеству эпических певцов появилась народная эпическая песнь – **рапсодия** (греч. rhapsodia – эпическая песнь) [1, с. 311], которая в дальнейшем заняла свое особое место в классической музыке, основываясь на народных песнях и танцах (например, «Венгерские рапсодии» Ф. Листа, «Славянские рапсодии» А. Дворжака и др.).

Основу творчества как сольного (аэды и рапсоды), так и хорового искусства, составляла **мелика** (от греч. melos – песня) – песенная лирика Древней Греции.[5] Из названия сразу видна связь между поэзией и музыкой, напоминающая нам о том, что данные виды искусства в Древней Греции были нераздельны.

Важно отметить, что мелика для сольного исполнительства отличалась от хоровой мелики **по манере исполнения** (так как сольное исполнение технически отличается от хорового, в котором много людей задействовано одновременно) и **по языку** (так как для сольной и хоровой мелики использовались разные диалекты древнегреческого языка). Мелика сольного исполнения выражала человеческие чувства и переживания, а хоровая была направлена на религиозные действия, праздники и размышления о жизни и судьбе человека в глобальном видении. Важно сделать пометку, что мелика и, соответственно, музыка, предназначенная для сольного исполнительства, подражала народному языку и его прозаическим элементам. [4, 6] Все это явно показывает большую близость человеку сольной мелики, чем хоровой, так как воспеваемые чувства в сольной лирике понятны и предельно ясны каждому, ибо в разной степени, так или иначе, любой испытывает чувства и переживания, а используемый народный язык сближает людей, проживающих на общей территории.

Мелика подчинилась ритму, что, скорее всего, стало истоком рифмующейся поэзии в современном понимании, которая так же построена на ритмичности, чередовании коротких и длинных слогов и, как и музыка, имеет размеры (двудольные, трехдольные).

Рассмотрев песенную лирику Древней Греции, логично перейти к древнегреческому вокалу, который на настоящий момент вызывает неподдельный интерес у современных исследователей.

За несколько сотен лет до Рождения Христова в Античной Греции голос использовался в религиозных церемониях, в мирской жизни, на соревнованиях и в драме, поэтому голос имел крайне важное значение для древних греков. [9]

Диапазон древнегреческой музыки был обычно небольшим, в среднем в рамках октавы. [8, с. 259] Самое интересное, что певцы использовали тоны в пределах своего звукового объема голоса, голосового диапазона. Из этого можно предположить, что древнегреческие певцы, скорее всего, пели в речевой позиции. Этот факт дополнительно подтверждает наличие самой мелики, которая была близка **мелодекламации** (от греч. melos – мелодия, лат. decalatio – декламация) – художественному чтению стихов или прозы на фоне музыки [2, с. 181], но которая отличалась именно пропеванием лирики.

Высокие ноты древние греки воспринимали лучше, чем низкие. [8, с. 71] Об этом свидетельствуют настройки кифары, которая соответствовала довольно высоко-

му мужскому голосу, и вокальные мелодии фрагментами дошедшие до нас. Тем не менее, высокие ноты использовались крайне редко. [8, с. 73, 93] Это связано с музыкальной культурой Древней Греции и с эстетическими предпочтениями эллинов.

Исходя из этих данных, проведя аналогию, можно выявить, что в том числе и у некоторых современных людей низкие голоса часто ассоциируются с силой, а такие крайне низкие голоса как, например, бас – с рыком крупного животного, с раскатом грома, и порой даже со звуками землетрясения. Глубоко утробное звучание низких голосов не помогает человеку ощущать себя в безопасности, а наоборот, вызывают страх, чувство тревоги и даже неприятные физические ощущения. О чем же тогда можно рассуждать, представляя себе мир глазами античного человека?

Однако нельзя сказать, что низкое звучание голоса в Античности не применялось вовсе. Нижний регистр в Древней Греции мог быть использован исключительно в качестве спецэффекта в вокальном произведении. [9, с. 73] Все это делалось для особой выразительности и эмоционального воздействия на слушателя/зрителя.

Вокальное искусство базируется исключительно на гласных звуках, о чем древние греки очень хорошо знали, как и то, что количество слогов соответствует количеству гласных, что выражалось в вокальной музыке. Гласные звуки греческого алфавита («Альфа», «Эпсилон», «Эта», «Иота», «Омикрон», «Ипсилон» и «Омега»), коих семь (как и нот), которые греки наделяли священным смыслом, так как они соответствовали семи небесам, которые поют данные гласные звуки, производя таким образом полную гармонию и воспевая Творца [7], использовались эллинами в вокализации, которая зависела от артикуляционного аппарата, а точнее – от его работы и строения.

Как работал артикуляционный аппарат древнегреческого певца, влияющий на пение, на данном этапе восстановить крайне сложно, хотя попытки имеются, так как в настоящее время пока не удалось точно реконструировать фонетику древнегреческого языка, потому как на основе современного греческого языка этого сделать нельзя. Еще неверно упускать из виду то, что у каждого человека артикуляционный аппарат уникален, а соответственно, уникально и его произношение, и что также могут присутствовать различного рода логопедические и фонопедические особенности и проблемы.

Продолжая рассматривать артикуляцию, нельзя обойти стороной сопряженного с ней языка, который оказывает невероятное влияние на фонацию.

Современный греческий (новогреческий) и древнегреческий языки являются ближайшими родственниками, но отличны друг от друга как грамматически, так и лексически, так как предложения в них строятся иначе, форма слов изменена и появилось множество заимствований. Нельзя и обойти кафаревусу – возрожденный византийский греческий язык, который можно встретить и по сей день, имевший много грамматики, унаследованной от древнегреческого. Подытоживая, хочется сказать, что все формы греческого языка разные, а это в свою очередь влияет на произношение, которое, следовательно, изменяет звукоизвлечение, что лишь усложняет установку исследователями истинного звучания древнегреческого пения.

Вывод. В ходе исследования было показано, что вокальное искусство Древней Греции, несмотря на свою многослойность и комплексность, оставалось важной составляющей античной культуры, соединяя музыку, мифологию и философию. Важнейшей фигурой в контексте развития вокальной практики выступает Орфей,

который олицетворяет идеал певца, способного с помощью голоса воздействовать на миры живых и мёртвых. Миф о Орфее, как символе дионисийского и аполлонического начал, стал важной основой для понимания взаимодействия между искусством и философией, а также для восприятия вокального искусства как важнейшего элемента культурного и религиозного контекста Древней Греции.

Кроме того, исследование показало, что античные музыкальные традиции, такие как мелика, гимны и различные вокальные практики, отражали сложные культурные и социальные процессы того времени. Мелодекламация, использование диалектов и влияние языка на артикуляционный аппарат и вокализацию играли ключевую роль в музыкальной практике, создавая тем самым уникальную форму вокальной выразительности. В то же время философские концепции, такие как гармония и структура, влияние Аполлона и Диониса, создавали основу для понимания античной музыки как связующего звена между разумом и эмоциями, между человеком и божественным.

Несмотря на значительный вклад в изучение античной музыки, мифологии и философии, проблема взаимосвязи мифологического и культурного аспекта вокального искусства Древней Греции, особенно в контексте Орфея, ещё не получила должного внимания в современной научной литературе. В этом контексте данное исследование представляет собой важный вклад в развитие междисциплинарного подхода к пониманию вокального искусства, который объединяет мифологию, философию и музыку. Ожидается, что результаты работы смогут служить основой для дальнейших исследований, направленных на более глубокое осмысление роли музыки и мифологии в культуре Древней Греции.

Литература

1. Булчевский Ю., Фомин В. Краткий музыкальный словарь. – М.: Музыка, 2010. – 461 с.
2. Вокал. Краткий словарь терминов и понятий / Сост. Н.А. Александрова. – СПб.: Издательство «Лань»; Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2015. – 352 с. – (Учебники для вузов. Специальная литература). ISBN 978-5-8114-1919-7 (Изд-во «Лань») ISBN 978-5-91938-208-9 (Изд-во «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»)
3. Гнездилова Е.В. МИФОЛОГЕМА ОРФЕЯ В АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ // ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ. – 2021; (19). С. 35–52 [электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologema-orfeya-v-antichnoy-kulturnoy-traditsii/viewer> (дата обращения: 22.11.2023)
4. Крыхтина С.Ю. Древнегреческая школа и музыка: обучение любителей и профессионалов // Наука и школа. – 2018. – № 3. – с. 181–187. ББК 85.31р.г [электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnegrecheskaya-shkola-i-muzyka-obuchenie-lyubitely-i-professionalov/viewer> (дата обращения: 19.09.2023)
5. Мелика // БОЛЬШАЯ РОССИЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ [электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/c/melika-c30985> (дата обращения: 09.12.2023)
6. Пичугина В.К. Древнегреческий театр как школа для города: почему Сократ не был театралом. *Nyupothekai*. 2024. № 8. С. 36–54. Images of teachers and students in the ancient tradition. Образы учителей и учеников в античной традиции = Images of teachers and students in the ancient tradition / редактор выпуска: В.Л. Пичугина. – Москва: Аквилон, 2017-,

2024. – 188, [4] с.: цв. ил.. [электронный ресурс] URL: <https://hypothead.ru/images/Nomera/8/Hypoth-36-54.pdf> (дата обращения: 04.12.24)

7. Рожкина Н.Р., Рымарчук А.А., Ланденюк А.В. Космическая музыка в концепциях Пифагора // АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АВИАЦИИ И КОСМОНАВТИКИ. Социально-экономические и гуманитарные науки, 2010 – С. 408–409. [электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmicheskaya-muzyka-v-kontseptsiyah-pifagora/viewer> (дата обращения 03.11.2023)
8. Hagel, Stephan. Ancient Greek Music. A new technical history. Cambridge, 2009. – 504 pp. ISBN 978-0-521-51764-5
9. Natur och Kulturs Musikhistoria. Författarna och Bokförlaget Natur och Kultur, Stockholm, 1999. 906 sidor- ISBN 91-27-05559-0.

VOCAL ART OF ANCIENT GREECE: MYTHOLOGY, CULTURE AND PHILOSOPHY

Zhigalova I.V.

Moscow City Pedagogical University

The article is devoted to the vocal art of Ancient Greece and the role of music in the mythology, culture and religious practices of that time. Special attention is paid to the figure of Orpheus, who embodies the ideal of the singer, combining the Dionysian and Apollonian principles. The author explores the myth of Orpheus as a symbol of harmony between art and the divine, and also examines the importance of his image in the context of ancient Greek musical traditions. The paper analyzes the features of the vocal art of antiquity, including melody, performance style and use of language, as well as the influence of the Greek language and articulation apparatus on sound reproduction and phonation. In conclusion, the importance of ancient musical forms and their influence on the development of the European musical tradition is emphasized.

Keywords: Orpheus, vocal art, Ancient Greece, mythology, Apollonian and Dionysian principles, music, phonation, articulation, melica.

References

1. Buluchevsky Yu., Fomin V. Brief Dictionary of Music. – Moscow: Muzyka, 2010. – 461 p.
2. Vocal. Brief Dictionary of Terms and Concepts / Comp. N.A. Alexandrova. – St. Petersburg: Lan Publishing House; PLANET OF MUSIC Publishing House, 2015. – 352 p. – (Textbooks for universities. Specialized literature). ISBN 978-5-8114-1919-7 (Lan Publishing House) ISBN 978-5-91938-208-9 (PLANET OF MUSIC Publishing House)
3. Gnezdilova E.V. ORPHEUS' MYTHOLOGEM IN THE ANCIENT CULTURAL TRADITION // PROBLEMS OF HISTORICAL POETICS. – 2021; (19). P. 35–52 [electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologema-orfeya-v-antichnoy-kulturnoy-traditsii/viewer> (date of access: 22.11.2023)
4. Krykhtina S. Yu. Ancient Greek school and music: training amateurs and professionals // Science and school. – 2018. – No. 3. – pp. 181–187. BBK 85.31r.g [electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnegrecheskaya-shkola-i-muzyka-obuchenie-lyubiteley-i-professionalov/viewer> (date of access: 09/19/2023)
5. Melika // THE GREAT RUSSIAN ENCYCLOPEDIA [electronic resource] URL: <https://bigenc.ru/c/melika-c30985> (date of access: 12/09/2023)
6. Pichugina V.K. Ancient Greek theater as a school for the city: why Socrates was not a theater-goer. Hypothekai. 2024. No. 8. pp. 36–54. Images of teachers and students in the ancient tradition = Images of teachers and students in the ancient tradition / editor of the issue: V.L. Pichugina. – Moscow: Akvilon, 2017-, 2024. – 188, [4] p.: color ill. [electronic resource] URL: <https://hypothead.ru/images/Nomera/8/Hypoth-36-54.pdf> (date of access: 04.12.24)
7. Rozhkina N.R., Rymarchuk A.A., Landenюк A.V. Space music in the concepts of Pythagoras // TOPICAL PROBLEMS OF AVIATION AND COSMONAUTICS. Socio-economic and humanitarian sciences, 2010 – pp. 408–409. [electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmicheskaya-muzyka-v-kontseptsiyah-pifagora/viewer> (date of access 03.11.2023)
8. Hagel, Stephan. Ancient Greek Music. A new technical history. Cambridge, 2009. – 504 pp. ISBN 978-0-521-51764-5
9. Nature and Culture of Music. Författarna och Bokförlaget Nature and Culture, Stockholm, 1999. 906 sidor- ISBN 91-27-05559-0.

Исследование феномена коррупции в МЧС России

Лябах Андрей Юрьевич,

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика»
E-mail: 0190555@mail.ru

Данкова Жанна Юрьевна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика»
E-mail: zdankova@yandex.ru

Малека Юрий Николаевич,

д.и.н., профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика»
E-mail: rgsumaleka@mail.ru

Эркин Александр Федорович,

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика»
E-mail: erkin007@bk.ru

Исследование посвящено изучению мнения сотрудников МЧС России по проблематике противодействия коррупции. В статье отражены результаты проведенного социологического опроса сотрудников МЧС России, а также ряда других органов государственной и муниципальной власти, на предмет исследования феномена коррупции в России и эффективности некоторых инструментов и технологий, применяемых в МЧС России в рамках противодействия коррупции в ведомстве. Было выявлено, что коррупция является институциональным явлением для России, что обуславливает ее феноменологию в российском обществе, а также является причиной столь высокой сложности процесса искоренения коррупции. Также было выявлено достаточно отрицательное отношение опрошенных сотрудников МЧС России к большинству инструментов, применяемых в рамках противодействия коррупции. В итоге статьи были отражены некоторые предложения по улучшению противодействия коррупции в органах власти в РФ.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, государственная власть, институционализм, коррупция, лоббизм, МЧС России, социологический опрос, феноменология коррупции.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена несколькими обстоятельствами и факторами:

Во-первых, отношение населения к коррупции в РФ все еще остаётся неоднозначным. Так согласно рейтинга Transparency International, в 2022 году Россия занимала 136 место среди государств мира по распространенности и восприятию коррупции из 180 [3, с. 501], что является высоким значением и позволяет свидетельствовать о наличии проблем в реализации государственной политики по противодействию коррупции в РФ.

Во-вторых, проявление коррупции в подразделениях МЧС России, может привести к значительным человеческим жертвам и имущественному ущербу, чему есть множество примеров: пожар в ТЦ «Зимняя вишня», обрушение купола аквапарка в Ясенево, пожар в клубе «Хромая лошадь», пожар в ТЦ «Адмирал» и т.д.

В-третьих, в период с 2021 по 2023 год в МЧС России было зафиксировано 142 уголовных коррупционных преступления, при этом количество преступлений в 2023 году увеличилось на 35% в сравнении с 2022 годом, что позволяет судить об отрицательной динамике и ухудшению коррупционной ситуации в министерстве [1, с. 277].

В-четвертых, проблематика противодействия коррупции в РФ является предметом научного анализа множества российских исследователей. Так исследователи Е.А. Зорина и М.А. Зыков приходят к выводу о том, что правовое обеспечение системы противодействия коррупции в МЧС России все еще требует совершенствования [2, с. 114]. Исследователь Е.А. Борзов в работе посвященной проблематике функционирования механизмов противодействия коррупции в МЧС России приходит к выводу о том, что принимаемые меры дают свой результат, однако они недостаточны в сравнении с масштабами коррупции [4, с. 61]. Коллектив авторов, рассматривающих проблемы применения риск ориентированного подхода в рамках противодействия коррупции в МЧС России, приходят к выводу о достаточно результативной работе, проводимой в министерстве по данному направлению [5, с. 34].

Цель статьи: проведение анализа мнения сотрудников МЧС России по вопросам проблематики противодействия коррупции в министерстве.

Метод исследования: социологический опрос в форме анкетирования.

В рамках достижения цели исследования авторами, в течении 3-х лет, в рамках преподавания учебной дисциплины «Современные механизмы противодействия коррупции» проводился опрос обучающихся слушателей Академии гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, которые обучаются в магистратуре по направлению подготовки 38.04.04 «Государственное и муниципальное управление». Все респонденты являются сотрудниками органов государственной власти или местного самоуправления, при этом подавляющая часть опрошенных является сотрудниками различных структурных подразделений МЧС России. Общее число выборочной совокупности составило 97 респондентов. Далее детализируем состав респондентов по наличию воинских званий.

В 2024 году в опросе принимало участие 42 респондента из них в звании прапорщика – 1 респондент, старшего лейтенанта – 1 респондент, капитана 3 респондент-

та, майора – 7 респондентов, майора внутренней службы – 1 респондент, подполковника – 10 респондентов, полковника – 3 респондента, полковника внутренней службы – 1 респондент. Опрошенных респондентов без воинского звания, работающих в органах государственной власти и местного самоуправления – 15.

В 2023 году в опросе принимало участие 32 респондента, из них в звании майора – 3 респондента, подполковника – 6 респондентов, подполковника внутренней службы – 3 респондента, полковника – 4 респондента. Опрошенных респондентов без воинского звания, работающих в органах государственной власти и местного самоуправления – 16.

В 2022 году в опросе принимало участие 23 обучающихся по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» из них в звании старшего лейтенанта внутренней службы – 1 респондент, майора – 5 респондентов, подполковника – 7 респондентов, подполковника внутренней службы – 1 респондент, капитана первого ранга – 1 респондент. Опрошенных респондентов без воинского звания, работающих в органах государственной власти и местного самоуправления – 8.

Далее перейдем к непосредственному анализу результатов проведенного опроса. Первый вопрос был направлен на получение информации о степени проникновения коррупции в общественные процессы в РФ и их институционализации (рис. 1).

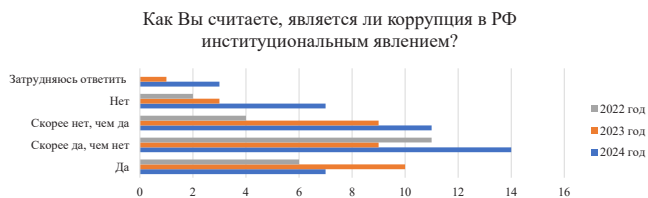

Рис. 1. Ответ респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, является ли коррупция в РФ институциональным явлением?»

Проводя анализ данных, отраженных на рисунке 1, авторы исследования приходят к выводу о том, что подавляющая часть опрошенных респондентов (которые в том числе являются работниками органов государственной власти и местного самоуправления) считает коррупцию в РФ институциональным явлением (!), что в концептуальном формате сходится с мнением ряда российских исследователей [6, с. 94]. Данный факт наталкивает авторов исследования на мысль о том, что в РФ назрела необходимость политической и институциональной модернизации [7, с. 431], в том числе и в контексте рассмотрения подразделений МЧС России. Далее рассмотрим мнение респондентов о механизмах и путях снижения уровня коррупции в РФ (рис. 2).

Рис. 2. Ответ респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, значительное повышение публичности власти (всех уровней власти и управления), позволит снизить уровень коррупции в РФ?»

По данным ответов респондентов на рисунке 2, авторы исследования приходят к выводу о том, что повышение публичности функционирования органов власти может стать результативным механизмом снижения уровня коррупции. Также данный тезис подтверждается резуль-

татами и мнением российских исследователей, которые приходят к выводу о прямой корреляции между уровнем публичности власти и уровнем коррупции в стране [8, с. 148]. В рамках проведения занятий по указанной выше дисциплине, часть обучающихся – сотрудников МЧС России высказали интересный тезис о корреляции между наличием и степенью выраженности государственной идеологии и уровнем, коррупции в стране (рис. 3).

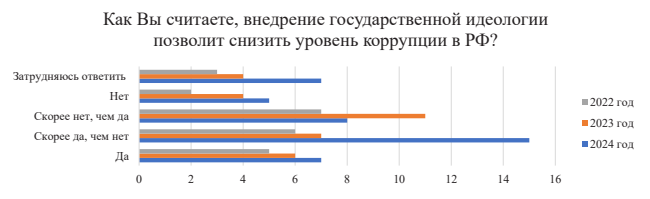

Рис. 3. Ответ респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, внедрение государственной идеологии позволит снизить уровень коррупции в РФ?»

Проводя анализ данных, отраженных на рисунке 3, авторы исследования приходят к выводу о том, что значительная часть опрошенных респондентов, которые проходили опрос в 2024 году считают, что наличие государственной идеологии может позитивно повлиять на снижение уровня коррупции в стране. При этом респонденты, опрошенные в 2023 году наоборот, в большей массе считают, что идеология и ее наличие, не окажет значимого влияния на снижение уровня коррупции. Мнение респондентов, опрошенных в 2022 году разделилось практически на равные доли. Авторы исследования связывают подобный феномен с некоторыми качественными изменениями в рамках противодействия коррупции, которые прошли в 2024 году в Министерстве обороны РФ. Так были заведены уголовные дела более чем на 15 чиновников Министерства обороны РФ, при этом своих постов лишились еще 9 высокопоставленных чиновников Минобороны [10]. Также анализируя позицию отечественных исследователей по вопросу зависимости наличия идеологии и развития коррупции, авторы пришли к выводу о наличии корреляции, выражающейся в некотором недостаточном развитии института правосудия в 1990-х годах, ввиду отсутствия четкого и определенного курса развития государства, который ряд исследователей рассматривает в качестве государственной идеологии [11, с. 525].

Далее перейдем к анализу мнения респондентов на предмет влияния цифровизации государственного и муниципального управления на уровень коррупции в РФ (рис. 4).

Рис. 4. Ответ респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, цифровизация государственного и муниципального управления снижает уровень коррупции в РФ?»

Проводя анализ данных, отраженных на рисунке 4, авторы исследования приходят к выводу о том, что цифровизация деятельности органов государственной и муниципальной власти оказывает незначительное влияние на уровень коррупции. Анализируя коррупцию по степени ущерба для государства и общества, а также обсуждая с респондентами данный вопрос, авторы исследования пришли к выводу о том, что цифровизация государственного управления напрямую не влияет на решение

проблемы коррупции. Цифровые инструменты государственного управления скорее направлены на решение операционных задач и улучшение работы органов власти, и лишь в малой части затрагивают вопросы противодействия коррупции.

Далее перейдем к анализу ответов респондентов на предмет применения отдельных механизмов противодействия коррупции (рис. 5).

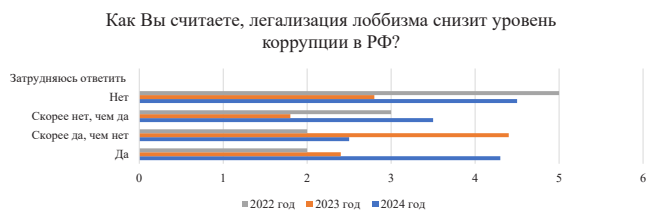

Рис. 5. Ответ респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, легализация лоббизма снизит уровень коррупции в РФ?»

Анализируя ответы респондентов, авторы исследования приходят к выводу, что они разделились практически пополам. В процессе проведения опроса и разговора с респондентами было выявлено, что такое мнение обусловлено не столько неэффективностью самого механизма, сколько скорее, низкой вероятностью внедрения открытого лоббизма в РФ, а также сложностью разграничения понятий лоббизма и коррупции в российской правовой системе (данная проблема также разделяется рядом отечественных исследователей [12, с. 189]).

Далее респондентам было предложено провести оценку механизма антикоррупционной экспертизы документов, который применяется в МЧС России. Более 90% опрошенных респондентов, указали, что данный механизм не является эффективным и необходимо внедрение новых, более прогрессивных путей не только оценки документации, но и в целом противодействия коррупции в ведомстве.

Следующий вопрос был направлен на получение информации о проведении антикоррупционного просвещения сотрудников МЧС России на рабочем месте. Респонденты оценивали качество проведения просвещения. Суммарно более 50% опрошенных указали, что данный механизм не эффективен и просвещение проводится только с формальной стороны. Также более 20% респондентов указали, что подобный вид просвещения на рабочем месте не проводится. У авторов исследования, в процессе обсуждения вопросов с респондентами сложилось мнение, что современные механизмы антикоррупционного просвещения, применяемые в МЧС России, в общем и целом требуют совершенствования.

Перейдем к анализу ответов респондентов на следующий вопрос анкеты: «Как Вы считаете, наличие кодекса этики и служебного поведения сотрудников МЧС России снижает уровень коррупции в Министерстве?». Более 46% респондентов отрицательно ответили на данный вопрос, и лишь 15% опрошенных оценили Кодекс этики и служебного поведения как эффективный инструмент, снижающий уровень коррупции.

Далее перейдем к анализу ответов респондентов на вопрос об эффективности такого инструмента противодействия коррупции, как подачи сведений о доходах и расходах (рис. 6).

Проводя анализ данных ответов респондентов, отраженных на рисунке 6, авторы исследования приходят к выводу о том, что подача декларации о доходах и расходах сотрудниками является достаточно результативным механизмом противодействия коррупции, который в том числе и повышает уровень публичности работы органов государственной и муниципальной власти.

Эффективна ли подача деклараций о доходах сотрудниками МЧС России, как инструмент противодействия коррупции?

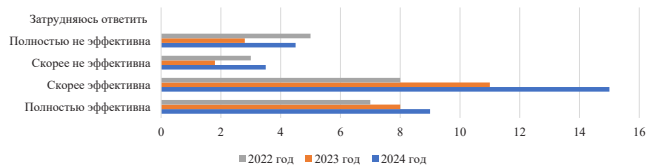

Рис. 6. Ответ респондентов на вопрос: «Эффективна ли подача деклараций о доходах сотрудниками МЧС России, как инструмент противодействия коррупции?»

Далее был задан открытый вопрос, в котором предлагалось выработать меры по решению проблемы коррупции в РФ. Наиболее популярными ответами стали следующие.

1. «Обучение для детей чиновников только (!) в государственных учебных заведениях и только на территории РФ» – в различных формулировках данный вариант поддержали более 40% респондентов.

2. «Внедрение ограничений для членов семьи чиновника на занятия предпринимательской деятельностью» – в различных формулировках данный вариант поддержали более 35% респондентов.

3. «Внедрения механизма «презумпции виновности» чиновника, который обвиняется в коррупционных преступлениях» в различных формулировках данный вариант поддержали более 50% респондентов.

4. «Предоставить общественный доступ к данным налоговых деклараций граждан и чиновников» – в различных формулировках данный вариант поддержали более 55% респондентов. Исследуя ответы респондентов, авторы статьи приходят к выводу о необходимости повышения открытости работы органов власти, а также внедрения опыта некоторых государств со всеобщим доступом к налоговым декларациям чиновников различного уровня.

В качестве общего вывода к настоящей статье сформируем ряд авторских тезисов.

Во-первых, респонденты в целом считают коррупцию институциональной проблемой, как для МЧС России в частности, так и для российских органов государственной и муниципальной власти в целом. По этой причине, коррупция как явление, вероятно, искоренима только в рамках формирования новых общественных институтов, способных заменить коррупцию в общественном взаимодействии.

Во-вторых, по общей оценке респондентов, применяемые в МЧС России меры по противодействию коррупции недостаточно эффективны и требуют улучшения.

В-третьих, респонденты, как и авторы исследования, видят реальный путь решения проблемы коррупции в повышении прозрачности и публичности деятельности работы органов, в том числе и данных о доходах и расходах членов семей чиновников (не только близких родственников).

В-четвертых, респонденты, как и авторы исследования считают, что без обозначенного курса на государственное развитие, неких государственных целей, возможно близких к государственной идеологии (как минимум по смыслу и формату) невозможно решение коррупционной проблемы в нашей стране.

Литература

1. Зыков, М.А. Состояние, структура и динамика коррупционной преступности в системе МЧС России / М.А. Зыков // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 5(193). – С. 276–282.

2. Зорина, Е.А. Правовые основы противодействия коррупции в МЧС России / Е.А. Зорина, М.А. Зыков // Проблемы управления рисками в техносфере. – 2021. – № 4(60). – С. 112–118.
3. Кудрявцева, О.В. Место России в рейтинге Индекса восприятия коррупции в государственном секторе / О.В. Кудрявцева, Е.П. Золина, А.В. Титаренко // Перспективы развития строительного комплекса: Материалы XVI Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, Астрахань, 27–28 октября 2022 года / Под общей редакцией Т.В. Золиной. – Астрахань: Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, 2022. – С. 550–554.
4. Борзов, Е.А. Противодействие коррупции в системе МЧС России / Е.А. Борзов // Лучшая научная статья 2021: сборник статей XL Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 января 2021 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 60–62.
5. Краснов, К.К. Коррупционная преступность в органах МЧС / К.К. Краснов, М.С. Сердюков // Наука. Образование. Инновации: Современное состояние актуальных проблем: сборник научных трудов по материалам XIV Международной научно-практической конференции, Анапа, 12 апреля 2023 года. – Анапа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2023. – С. 30–36.
6. Скоробогатова, А.В. Институциональная коррупция в государственном управлении: модели и практики / А.В. Скоробогатова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – № 75. – С. 86–100.
7. Мельков, С.А. Модернизация в России: лапидарные размышления об историческом опыте Кореи / С.А. Мельков // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2022. – № 2(40). – С. 424–436.
8. Белозеров, В.К. Обеспечение публичности государственной власти как способ противодействия коррупции / В.К. Белозеров, Е.Ю. Золочевская, Т.В. Игнатова // Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России: Материалы Всероссийского Круглого стола, Ростов-на-Дону, 09 декабря 2020 года. – Ростов-на-Дону: Южно-Российский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУФ РАНХиГС), 2021. – С. 140–149.
9. Варакин, С.В. Кризис идеологии или идеология кризиса / С.В. Варакин // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. – 2014. – № 1. – С. 30–34.
10. Масштабные чистки. Каких чиновников Минобороны РФ арестовали или сняли с должности? [Электр. ресурс]. – URL: <https://www.amic.ru/news/mashtabnye-chistki-kakih-chinovnikov-minoborony-rf-arestovali-ili-snyali-s-dolzhnosti-548510> (дата обращения: 15.09.2024).
11. Чернов, С.Б. Коррупция как следствие идеологии либерализма / С.Б. Чернов // Государственная идеология и современная Россия: Материалы Всероссийской научно-общественной конференции, Москва, 28 марта 2014 года / Центр научной политической мысли и идеологии; Редакционно-издательская группа: С.С. Сулакшин (руководитель), В.Э. Багдасарян, В.Н. Лексин. – Москва: Наука и политика, 2014. – С. 522–530.
12. Мельков, С.А. Актуализация исследования проблем лоббизма в Российской Федерации / С.А. Мельков, С.М. Ножка, А.П. Чумаченко // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2017. – № 4(22). – С. 187–191.

RESEARCH OF THE PHENOMENON OF CORRUPTION IN THE EMERCOM OF RUSSIA

Lyabakh A.Yu., Dankovd Z.Yu., Maleka Yu.N., Erkin A.F.

Academy EMERCOM of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailika

The study is devoted to the study of the opinion of the employees of the Ministry of Emergency Situations of Russia on the issue of combating corruption. The article reflects the results of a sociological survey of employees of the Ministry of Emergency Situations of Russia, as well as a number of other state and municipal authorities, on the subject of studying the phenomenon of corruption in Russia and the effectiveness of some tools and technologies used in the Ministry of Emergency Situations of Russia in the context of combating corruption in the department. It was revealed that corruption is an institutional phenomenon for Russia, which determines its phenomenology in Russian society, and is also the reason for such a high complexity of the process of eradicating corruption. A rather negative attitude of the surveyed employees of the Ministry of Emergency Situations of Russia to most of the tools used in the context of combating corruption was also revealed. As a result of the article, some proposals for improving the fight against corruption in government bodies in the Russian Federation were reflected.

Keywords: anti-corruption expertise, state power, institutionalism, corruption, lobbying, Ministry of Emergency Situations of Russia, sociological survey, phenomenology of corruption.

References

1. Zikov, M.A. The state, structure and dynamics of corruption crime in the system of the Ministry of Emergency Situations of Russia / M.A. Zikov // Theory and practice of social development. – 2024. – No. 5 (193). – P. 276–282.
2. Zorina, E.A. Legal basis for combating corruption in the Ministry of Emergency Situations of Russia / E.A. Zorina, M.A. Zikov // Problems of risk management in the technosphere. – 2021. – No. 4 (60). – P. 112–118.
3. Kudryavtseva, O.V. Russia's place in the Corruption Perceptions Index in the Public Sector / O.V. Kudryavtseva, E.P. Zolina, A.V. Titarenko // Prospects for the Development of the Construction Complex: Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference of the Faculty, Young Scientists and Students, Astrakhan, October 27–28, 2022 / General editor T.V. Zolina. – Astrakhan: Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, 2022. – P. 550–554.
4. Borzov, E.A. Anti-corruption in the system of the Ministry of Emergency Situations of Russia / E.A. Borzov // Best scientific article 2021: collection of articles of the XL International Research Competition, Penza, January 30, 2021. – Penza: “Science and Education” (IP Gulyaev G.Yu.), 2021. – P. 60–62.
5. Krasnov, K.K. Corruption crime in the bodies of the Ministry of Emergency Situations / K.K. Krasnov, M.S. Serdyukov // Science. Education. Innovations: Current state of urgent problems: collection of scientific papers based on the materials of the XIV International scientific and practical conference, Anapa, April 12, 2023. – Anapa: Limited Liability Company “Research Center for Economic and Social Processes” in the Southern Federal District, 2023. – P. 30–36.
6. Skorobogatova, A.V. Institutional corruption in public administration: models and practices / A.V. Skorobogatova // Public administration. Electronic Bulletin. – 2019. – No. 75. – P. 86–100.
7. Melkov, S.A. Modernization in Russia: Lapidary Reflections on the Historical Experience of Korea / S.A. Melkov // GosReg: state regulation of public relations. – 2022. – No. 2(40). – P. 424–436.

8. Belozеров, V.K. Ensuring the Publicity of State Power as a Way to Combat Corruption / V.K. Belozеров, E. Yu. Zolochevskaya, T.V. Ignatova // Actual Problems of Combating Corruption in Modern Russia: Materials of the All-Russian Round Table, Rostov-on-Don, December 09, 2020. – Rostov-on-Don: South-Russian Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SUPI RANEPА), 2021. – P. 140–149.
9. Varakin, S.V. Crisis of ideology or ideology of crisis / S.V. Varakin // Scientific Bulletin of the Volgograd branch of RANEPА. Series: Political Science and Sociology. – 2014. – No. 1. – P. 30–34.
10. Large-scale purges. Which officials of the Russian Ministry of Defense were arrested or removed from office? [Electronic resource]. – URL: <https://www.amic.ru/news/mashtabnye-chistki-kakih-chinovnikov-minoborony-rf-arestovali-ili-snyali-s-dolzhnosti-548510> (date accessed: 15.09.2024).
11. Chernov, S.B. Corruption as a consequence of the ideology of liberalism / S.B. Chernov // State ideology and modern Russia: Materials of the All-Russian scientific and public conference, Moscow, March 28, 2014 / Center for Scientific Political Thought and Ideology; Editorial and publishing group: S.S. Sulakshin (head), V.E. Baghdasaryan, V.N. Leksin. – Moscow: Science and Politics, 2014. – P. 522–530.
12. Melkov, S.A. Updating the study of lobbying problems in the Russian Federation / S.A. Melkov, S.M. Nozhka, A.P. Chumachenko // GosReg: state regulation of public relations. – 2017. – No. 4 (22). – P. 187–191.

Мамаева Юлия Александровна,

к.и.н., доцент, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: yamamaeva@fa.ru

Публикация посвящена проблеме трансформации идеологии в российской истории XX–XXI вв. и современности. Показываются особенности перехода от социалистического видения политики к либерально-демократическому, а затем – к традиционалистскому и государственно-патриотическому. Раскрываются значимые черты предлагаемой президентом Российской Федерации национальной идеи. На примере традиционных духовно-нравственных ценностей, патриотизма и пентабазиса обозначается проблема определения содержания и пределов консолидирующей идеологии для российского общества. В заключении делается вывод о синусоидальном характере дрейфа российской национальной идеологии в XX–XXI вв. при констатации относительности бифуркаций. Отмечается, что, несмотря на установление антизападного курса и идейную корректировку в сторону ценностей евразийского мира в настоящем, отдельные элементы западной аксиологии, такие, как права и свободы человека и достоинство личности, включены в номенклатуру традиционных ценностей, что свидетельствует о преемственности национальной идеологии и негативном отношении российского политикума к кардинальным поворотам в идейной сфере.

Ключевые слова: идеология, национальная идея, традиционные ценности, патриотизм, пентабазис, либерализм, западничество.

Вовлечение широких масс в активное политическое участие, предопределенное переходом от традиционной легитимации власти к рационально-легальной, сопровождалось рождением идейного (идеологического) пространства политической материи. И хотя данное пространство во многом является рукотворным и конъюнктурным, трудно спорить с тем, что идеология в условиях массовой политики выполняет ряд важнейших функций, таких, как:

- социализация («оркестровка процесса приобретения социально полезных навыков, привычек и стереотипов» [5, с. 12]);
- ориентация (формирование установки на определенное восприятие существа политической жизни и оценку политических событий);
- мобилизация (оперативное объединение людей и социальных групп для достижения некоторых целей);
- интеграция (консолидация акторов политической жизни на основе общности взглядов, целей и интересов);
- амортизация (сглаживание напряженности в условиях турбулентности и управления конфликтами);
- разграничение (отделение «своих» и «чужих»);
- выражение интересов социальных групп [3, с. 22];
- обеспечение общественного согласия – ситуации, «при которой индивиды, социальные образования (институты) и субъекты публичной власти имеют некие общие точки соприкосновения, становящиеся основой политической интеграции и кооперации» [10, с. 15].

В контексте важности идеологии и идейной сферы для современного политического организма особый интерес представляет изучение нелинейного эволюционного идеологического уклада в отдельных государственных порядках во временном измерении. При этом особым эвристическим потенциалом в рамках обозначенного исследовательского поля обладают осмысление и оценка идеологических изменений в новейшей истории нашей страны, показавшей возможность стремительного перехода к полярным мировоззренческим векторам в течение всего лишь нескольких десятилетий.

Трансформации идеологического фундамента российского государства в XX–XXI вв. удивительным образом демонстрируют реалистичность одного из законов гегелевской диалектики – закона отрицания. Наша страна менее чем за столетие проделала путь от традиционалистской клерикальной монархии и государственно-монополистического капитализма до однопартийной социалистической диктатуры, богоборчества и директивного хозяйственного уклада, затем по траектории виража устремилась в сторону либеральных интенций прежних соперников по «холодной войне» с тем, чтобы гуманистические послы западноевропейского политического мировоззрения на фоне продолжающегося национального строительства и кристаллизации российской идентичности были сглажены традиционными ценностями, охранительной повесткой и отсылкой к русскому консерватизму и государственности.

Партия большевиков, получив власть в ходе Октябрьского переворота 1917 года, в идейно-политическом плане установила последовательное и принципиальное неприятие прежнего монархического порядка, взамен

чего предложила ценности экономического равенства, бесклассовости и социалистического глобализма. В Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой в январе 1918 года по итогам совершенной революции, к основным задачам новой власти причислялись «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах»¹.

В дополнение к огосударствлению социалистической идеологии был нормативизирован принцип светскости, выразившийся в отделении церкви от публичной власти и отстранению религиозных институций от преподавательской деятельности в учебных заведениях, что закреплялось Декретом Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 02 февраля 1918 года. Однако, надо заметить, в части идеи светского государства заметные послабления наметились еще при прежнем самодержавном порядке, о чем свидетельствует Указ императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 года, в котором был узаконен переход из одного христианского исповедания в другое (что еще не влекло легализацию нерелигиозного состояния), а также был преодолен конфликт Русской православной церкви со старообрядцами, ранее именовавшимися негативной референцией «раскольники».

Избранный социалистический курс, который фактически проводился вплоть до распада Советского Союза, был подтвержден в Конституции 1977 года. В первой статье СССР определялся как «социалистическое общенародное государство», а в шестой статье констатировался статус Коммунистической партии, вооруженной «марксистско-ленинским учением», в качестве стержневого элемента политической системы советовласти.

Закат советской системы, проходивший под оркестровку острых межнациональных конфликтов, экономических проблем и неэффективности паллиативных мер горбачевской «Перестройки», вследствие глубины и тяжести перехода к новому государственному режиму переродился в расцвет некогда враждебных «буржуазных» идей фактических победителей «холодной войны».

Первый президент новой России Б.Н. Ельцин, несмотря на подтвержденную биографией принадлежность к советскому партийно-номенклатурному истеблишменту, сочетал укрепление личной власти с последовательным идеологическим отрицанием марксистско-ленинского курса и апологией либерально-демократического начал. Вместе с тем социалистический глобализм переродился в глобализм трансатлантического толка.

Примечательно, что в июне 1992 года Б.Н. Ельцин, выступая на совместном заседании палат Конгресса США о перспективах развития сотрудничества между Россией и США, говорил о крушении «коммунистического идола», сбрасывании с плеч «машины тоталитарной системы», коммунистической нетерпимости к инакомыслию, «75-летнему кошмару». По мнению спикера, «Россия окончательно сделала выбор в пользу цивилизации, здравого смысла, общечеловеческого опыта», а Америка является «великой свободной страной»², с которой

¹ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (Принята III Всероссийским съездом Советов) [Электронный ресурс]. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5320/> (Дата обращения: 19.11.2024).

² Выступление Б.Н. Ельцина на совместном заседании палат Конгресса США о перспективах развития сотрудничества между Россией и США [Электронный ресурс]. – URL: <https://>

Россия, согласно провозглашенной Б.Н. Ельциным «воли народа», стремится поддерживать партнерские отношения «во имя свободы и справедливости в XXI веке»³.

Сообразно с артикулируемым Б.Н. Ельциным курсом на интеграцию России в пул государств либерально-демократического плана в декабре 1993 года на всенародном голосовании принимается Конституция Российской Федерации, которая с рядом важных политических новелл действует по настоящее время.

Ведущими идеологическими основаниями структурирования политической системы сообразно с либеральной догматикой, закрепленными в тексте Основного закона, являются демократизм, принцип правового государства, признание личности, ее прав и свобод в качестве высшей ценности, констатация народного суверенитета как высшего источника власти, свободные выборы и активное участие граждан в формировании органов политического управления, конституционализм (юридическое верховенство Конституции и ее прямое действие), множественность форм собственности, разделение властей, идеологическое многообразие, светский характер государства. При этом, поскольку означенные государствообразующие ценности закреплены в первой главе Конституции, их пересмотр, согласно 135 статье данного акта, возможен только при соблюдении сложной процедуры с обязательным участием Конституционного Собрания, юридический статус которого в настоящий момент не раскрыт в нормах государственного права.

Осмысление существа и содержания конституционных принципов, покоящихся на основных положениях западноевропейского и американского либерального миропонимания, проблематизирует вопрос декларативного характера некоторых из них.

В частности, стоит говорить о ловушке идеологического плюрализма, демонстрирующей амбивалентность данного либерального принципа. Как следует из текста Конституции (статья 13), на территории Российской Федерации не допускается установление обязательной и государственной идеологии, что является оборотной и логически неизбежной стороной идейной плюральности. В то же время сами конституционные нормы, основанные на некоторых идейных и нравственных началах, носят общеобязательный характер и требуют неукоснительного соблюдения. Следовательно, имеет место ярко выраженная апория: никакая идеология не может быть обязательной, но конституционные положения, являющиеся юридическим продуктом идейного и этико-политического каркаса, обязательны и обеспечиваются инструментами легального насилия.

Отчасти на данную особенность обратил внимание председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин: «Поскольку Конституция обладает высшей юридической силой и общеобязательным характером (для всего населения и на всей территории страны), закрепленная ею система ценностей имеет общенациональное идеологическое значение, то есть выступает в роли идеологии конституционализма»⁴. Однако вместе с тем В.Д. Зорькин подтверждает позицию о невозможности внесения государственной идеологии в Конституцию.

ria.ru/news/national/1992/06/17/boris-yeltsin-speech-at-a-joint-session-of-the-chambers-of-the-us-congress (Дата обращения: 19.11.2024).

³ Там же.

⁴ Глава КС заявил о невозможности внести госидеологию в Конституцию [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20220629/ideologiya-1798973191.html> (Дата обращения: 19.11.2024).

В свою очередь, о невозможности исключения идеологии из протекающих в государстве процессов пишет А.Р. Филиппов, по мнению которого «гипотетический отказ от политической идеологии, которая отражается, скажем, в правовых установлениях, повлек бы за собой моментальное ниспровержение института государственной власти, что означало бы фактическую смерть политической системы и социальный хаос» [9, с. 137].

Кроме всего прочего, нельзя не обратить внимание на историко-политические дивергенции между постулируемыми идеями и действительными социально-управленческими практиками в период становления новой демократической России. В первую очередь, речь идет о программе широкомасштабной приватизации народнохозяйственного комплекса страны.

С одной стороны, данная мера виделась в качестве необходимой на пути демократического транзита политико-экономической системы и сопутствующего демонтажа директивных форм управления с приматом государственных ресурсов. Как предполагалось, разгосударствление экономики станет триггером для формирования широких масс частных собственников, что неизбежно при переходе к свободному рынку.

С другой стороны, как показала практика, полученные населением ваучеры (приватизационные чеки), которые могли конвертироваться в акции банков и предприятий, довольно быстро были аккумулированы в руках успешных предпринимателей и криминальных структур, что позволило им получить контроль над крупными организациями. И хотя отчуждение приватизационных чеков во многом проходило в правовом поле, трудно спорить с фактом злоупотребления интересами рядовых граждан со стороны организаторов приватизации. Идеи вдохновители и проводники данного процесса, будучи представителями интеллигенции и во многом людьми с учеными степенями, едва ли не учитывали то обстоятельство, что российское население, прошедшее социализацию в условиях плановой экономики и коммунистической диктатуры, не сможет в массе своей рационально распорядиться предоставленными благами.

Иное проявление расхождения между предлагаемой идеологией и политической действительностью – залоговые аукционы 1995 года в преддверии президентских выборов в России. Суть данного механизма фактически сводилась к обмену акций ведущих промышленных предприятий на предоставляемые правительству кредиты со стороны частных банков. Как замечает И.М. Мусиенко, «за период проведения залоговых аукционов государство продало в частные руки предприятия, формирующие 1/5 часть федерального бюджета» [6, с. 55], что вынудило страну лишиться «значительной части источников существования» [6, с. 55].

Тем не менее, как нам кажется, говорить о тотальном идейном развороте в сторону западничества в 1990-е гг. прошлого столетия не приходится, так как в данный период в том числе имели место патриотические интенции, исходящие от государства. Так, именно при Б.Н. Ельцине в 1995 году было институционализировано увековечение Победы советского народа в Великой Отечественной войне, включавшее в себя проведение ежегодных военных парадов, произведение артиллерийских салютов, установление постоянного поста почетного караула у Вечного огня.

Приход к власти В.В. Путина сочетался с продолжением интеграции России в пространство либеральных демократий. Важной вехой первых лет нахождения Путина на посту президента стало его участие в саммите в Словении в 2001 году, ознаменовавшемся его встречей с Джорджем Бушем-младшим. Диалог двух прези-

дентов прошел в атмосфере дружелюбия и надежды на конструктивное сотрудничество между странами.

Начало охранительной повестки в идейных ориентациях России без очерченного противопоставления западных ценностей российским связывается с известной Мюнхенской речью В.В. Путина, произнесенной в 2007 году. В ней президент России предостерег от попыток построения однополярной системы международных отношений, выступил против расширения Североатлантического альянса и констатировал независимость внешнеполитического курса нашей страны.

Синхронно с артикуляцией независимого внешнеполитического курса в России в 2005–2007 гг. под влиянием В.Ю. Суркова формируется идеологическая и в то же время теоретическая конструкция суверенной демократии, которая, с одной стороны, описывала существовавшее состояние политической системы, и, с другой стороны, очерчивала модель оптимального государственного порядка.

По сути, данная доктрина представляла собой симбиоз европейского неолиберализма в политике с национальными интересами россиян и историческим опытом российского государства и общества. Г.Г. Сергеев, рассматривая в 2007 году концепт суверенной демократии, охарактеризовал его как базис для модернизации политической системы в русле либеральной модели с «элементами государственного регулирования» [8, с. 188] и опорой на «собственные традиционные ценности» [8, с. 188]. Вместе с тем автор обращает внимание на производность данной идейной конструкции от известных в политической науке подходов к описанию демократии, в частности, теорий делегативной демократии, плюралистической демократии, полиархии, центристремительной демократии, общественной демократии.

Качественно новый этап размежевания между Россией и миром либеральных демократий произошел в 2014 году вследствие присоединения Крыма и Севастополя, которое повлекло за собой старт санкционного давления на нашу страну со стороны ряда стран Европейского союза и Соединенных Штатов Америки. Однако, несмотря на эскалацию отношений между Россией и условным Западом, складывавшаяся внешнеполитическая динамика не влекла за собой конституирование идейных основ российского политического каркаса в противовес либеральным посылам недружественных стран. И хотя президент В.В. Путин уже в 2016 году обозначил патриотизм в качестве единственно возможной национальной идеи¹, продуманная и последовательная ценностная политика все еще находилась в зародышевом состоянии.

Мощнейшим мотиватором для системного проведения ценностного курса, которому сопутствует формулировка идейных основ российского общества и государства, стала начавшаяся в 2022 году специальная военная операция на Украине, обнажившая недружественный характер западноевропейской системы ценностей для ментальности и культурного кода россиян.

В ноябре 2022 года президентским указом издаются Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в которых национальная идеология была отождествлена с традиционными ценностями – корпусом моральных ориентиров, покоящихся на общечеловеческих ценностях, коллективизме, семейных устоях, патриотизме и уважении к человеческому

¹ Путин назвал единственно возможную для России национальную идею [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/02/2016/56b1f8a79a7947060162a5a7> (Дата обращения: 21.11.2024).

достоинству. И хотя закрепление традиционных ценностей нашло выражение в подзаконном президентском акте, фактически, по замечанию В.В. Зубова, «Основы политики укрепления традиционных ценностей 2022 года... с точки зрения правоприменительной практики нередко воспринимаются как законодательный акт» [4, с. 46].

В то же время не стоит забывать о политическом контексте, побудившем формулировку традиционных ценностей, который связан с эскалацией напряженности между Россией и условным западным миром. Закрепление духовно-нравственного каркаса российской цивилизации в условиях острого конфликта на Юго-Востоке Украины, помещенного в более широкую рамку противостояния европейской и неевропейской парадигм мышления и существования, является ответом на распространение индивидуалистических и пролиберальных настроений среди российского населения.

Стало быть, в национальную идеологию, определяющую образ мысли и политического действия, также следует включать охранительный компонент, сопряженный с противодействием попыткам деструктивного вмешательства западных идеологов в отечественное политическое пространство. Правомерность подобной позиции подтверждается положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, согласно которым «насаждение чуждых идеалов и ценностей... приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности».

Параллельно с традиционными ценностями, получившими нормативное отражение, в русле политико-философских изысканий разрабатывается комплементарная модель пентабазиса, которая концентрирует пять важнейших структурных компонентов (Человек, Семья, Общество, Государство, Страна) и ставит им в соответствие одобряемые характеристики, лежащие в основу ценностной доминанты: Человек – созидание, Семья – традиции, Общество – согласие, Государство – доверие к институтам, Страна – патриотизм [1, с. 192]. Однако, как нам видится, данная модель во многом несет в себе отпечаток декларативности, поскольку называемые категории носят предельно общий (абстрактный) характер и требуют пояснений в связке с типичными поведенческими ситуациями.

Кроме того, некоторые эссенциальные категории требуют единообразного уточнения и раскрытия. В первую очередь, нами имеется в виду значимое понятие патриотизма, которое, будучи, несомненно, выражением любви индивида к своему Отечеству, может раскрываться как в созидательном ключе, так и в лоялистском. Например, на пути конформистской социализации при усвоении патриотических идей настаивают С.Ю. Белоконев и С.Н. Гавров, которые, обращаясь к молодому поколению, утверждают: «...В этой ситуации [авторы имеют в виду радикальную смену правил социально-политической жизни – Ю.М.], если хочешь преуспеть, добиться вертикальной мобильности, увеличить собственные шансы на социальный успех, нужно менять мировоззрение в соответствии с требованиями эпохи» [2, с. 28]. При этом важность раскрытия содержания патриотизма определяется самой действительностью, в условиях которой «патриотизм, наряду с другими традиционными ценностями, призван противостоять чуждой и разрушительной для российского народа деструктивной идеологии, насаждаемой западным обществом» [7, с. 22].

Таким образом, можем сделать вывод о том, что современная де-факто и де-юре складывающаяся нацио-

нальная идеология современной России представляет собой не имеющую аналогов в мировой политической истории и современности комбинацию различных идейных и этических посылов, восходящих одновременно к двум традиционным политическим идеологиям – либерализму и консерватизму. Из классического либерализма привносятся принципы демократизма, правового государства, разделения властей, широкого спектра прав и свобод личности, из консерватизма – уважение к институтам государственной власти, порядку и исторической преемственности.

Также, помимо идеологического основания, актуальная национальная идея нашей страны включает в себя элементы поощрения патриархальных устоев (последовательная апология семейных ценностей), охранительство (сосредоточение на защите суверенитета и политической целостности от внешних и внутренних дестабилизирующих угроз) и антизападничество, заимствованное из советского внешнеполитического дискурса времен «холодной войны».

Складывающаяся к настоящему времени национальная идеология не имеет универсального названия, а ее рамки находятся в пределах традиционных ценностей, патриотизма и пентабазиса, и вместе с тем предлагаемые идейные основания являются проявлением прагматического и ситуативного ответа российского государства на недружественные действия мира либеральных демократий вследствие конфронтации на Донбассе.

В заключение статьи заметим, что дрейф национальной идеологии в XX–XXI вв. в России в целом можно охарактеризовать как синусоидальные изменения, связанные с несколькими итерациями резких переходов от полярных идейных схем. Тем не менее констатируемая полярность не носила абсолютного характера.

Так, смена господствующего коммунистического мировоззрения на либерально-демократическое не означала принципиальный отход от глобалистского курса, который лишь сменил свой вектор от интеграции по пути соцлагеря до вхождения в ойкумену западного политического пространства. При этом становление современной национальной идеи, получившей свое выражение в свете проведения специальной военной операции, проходило по пути частичного отвержения ранее популярных идейных ориентаций. Несмотря на установление антизападного курса и идейную корректировку в сторону ценностей евразийского мира, отдельные элементы западной аксиологии, такие, как права и свободы человека и достоинство личности, включены в номенклатуру традиционных ценностей, что свидетельствует о преемственности национальной идеологии и негативном отношении российского политикума к кардинальным поворотам в идейной сфере.

Литература

1. Артюхин О.А., Иванова Л.Л., Батов А.Т. Мировоззренческие компоненты модели «пентабазиса» в современной политике России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 190–196.
2. Белоконев С.Ю., Гавров С.Н. Идеологемы постмодерна vs национально ориентированное мировоззрение: к пониманию политической картины мира российской молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13(1). С. 21–29.
3. Зубов В.В. Сравнительный анализ идейных платформ политических партий в контексте политической борьбы (на примере ФРГ и ГДР времен холод-

ной войны) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (4). С. 20–26.

4. Зубов В.В. Ценностная политика в Российской Федерации: правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 38–47.
5. Мамаева Ю.А. Современные молодежные ценности в условиях трансформации мирового порядка // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 9. С. 12–15.
6. Мусиенко И.М. Залоговые аукционы как фактор становления российской олигархии // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2013. № 11. С. 52–56.
7. Парма Р.В. Патриотизм поколений в современном российском обществе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13 (4). С. 20–29.
8. Сергеев Г.Г. Феномен суверенной демократии в политической жизни современной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 37. С. 184–188.
9. Филиппов А.Р. Политическая идеология как разновидность манипулирования // Власть. 2024. № 3. С. 133–139.
10. Филиппов А.Р., Новиков О.Г. Теоретические подходы к исследованию общественного согласия // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 5. С. 13–28.

TRANSFORMATION OF IDEOLOGY IN RUSSIA THROUGH THE OPTICS OF THE PAST AND PRESENT

Mamaeva Y.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The present publication is devoted to the problem of ideology transformation in the Russian history of the XX–XXI centuries and modernity. The peculiarities of the transition from the socialist vision of politics to the liberal-democratic one and then to the traditionalist and state-patriotic one are shown. The significant features of the national idea proposed by the President of the Russian Federation are revealed. On the example of traditional spiritual and moral values, patriotism and pentabasis, the problem of determining the content

and limits of the consolidating ideologeme for Russian society is outlined. The conclusion is made about the sinusoidal nature of the drift of the Russian national ideology in the XX–XXI centuries, while stating the relativity of bifurcations. It is noted that despite the establishment of anti-Western course and ideological adjustment towards the values of the Eurasian world in the present, some elements of Western axiology, such as human rights and freedoms and human dignity, are included in the nomenclature of traditional values, which indicates the continuity of national ideology and the negative attitude of Russian politicians to radical turns in the ideological sphere.

Keywords: ideology, national idea, traditional values, patriotism, pentabasis, liberalism, westernism.

References

1. Artyukhin O.A., Ivanova L.L., Batov A.T. Worldview components of the model of 'pentabasis' in the modern politics of Russia // State and Municipal Management. Uchenye zapiski. 2023. № 2. С. 190–196.
2. Belokonev S.Y., Gavrov S.N. Ideologems of postmodern vs nationally oriented worldview: towards understanding the political picture of the world of Russian youth // Humanities. Vestnik Finansovogo Universitet. 2023. № 13(1). С. 21–29.
3. Zubov V.V. Comparative analysis of the ideological platforms of political parties in the context of political struggle (on the example of the FRG and GDR of the Cold War) // Humanities. Vestnik Finansovogo Universitet. 2022. № 12 (4). С. 20–26.
4. Zubov V.V. Value policy in the Russian Federation: legal aspect // Gaps in Russian legislation. 2024. Т. 17. № 1. С. 38–47.
5. Mamaeva Y.A. Modern youth values in the conditions of transformation of the world order // Socio-humanitarian knowledge. 2024. № 9. С. 12–15.
6. Musienko I.M. Pledge auctions as a factor in the formation of the Russian oligarchy // Problems of Modern Economics (Novosibirsk). 2013. № 11. С. 52–56.
7. Parma R.V. Patriotism of generations in the modern Russian society // Humanities. Vestnik Finansovogo Universitet. 2023. № 13 (4). С. 20–29.
8. Sergeev G.G. The phenomenon of sovereign democracy in the political life of modern Russia // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universitet named after A.I. Herzen. 2007. № 37. С. 184–188.
9. Filippov, A.R. Political ideology as a kind of manipulation // Vlast. 2024. № 3. С. 133–139.
10. Filippov A.R., Novikov O.G. Theoretical approaches to the study of public consent // Socio-political sciences. 2023. Т. 13. № 5. С. 13–28.

Педагогические условия, способствующие формированию межкультурной коммуникативной компетентности у студентов, изучающих иностранный язык

Метелькова Лилия Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: lilia.metelkova@gmail.com

Юань Дунбинь,

Первый Шаньдунский медицинский университет, аспирант кафедры педагогики и психологии, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
E-mail: 41976940@qq.com

Рунгш Надежда Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и переводоведения, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
E-mail: rungsh1@mail.ru

Цель исследования: изучение и обобщение трудов ученых в области формирования у студентов межкультурной коммуникативной компетентности, а также разработка и реализация комплекса педагогических условий, способствующих формированию межкультурной коммуникативной компетентности студентов, изучающих иностранный язык. Гипотеза исследования: эксклюзивный подход реализации авторского комплекса педагогических условий способствует формированию у студентов межкультурной коммуникативной компетентности. Методы исследования: анализ трудов в области преподавания иностранных языков, сравнение методик преподавания европейских языков и китайского языка, анализ и синтез информации. Результаты исследования: внедрение в учебный процесс комплекса педагогических условий, способствующих формированию межкультурной коммуникативной компетентности студентов, изучающих иностранный язык.

Ключевые слова: иностранный язык, формирование у студентов межкультурной коммуникативной компетентности, языковой партнер.

Введение

Иностранный язык, как дисциплина, стоящая в учебном плане, благодаря особым характеристикам данного учебного предмета, имеет огромный потенциал для культурного, социального и личностного становления учащихся. Межкультурная составляющая данного предмета предполагает вовлечение обучающихся в активный диалог культур, что, с одной стороны, способствует развитию первичной языковой личности, а с другой, развивает и вторичную.

Анализ целей обучения иностранному языку, сформулированных в рабочих программах дисциплин языкового спектра, позволяет говорить о том, что на сегодняшний день в высшей школе важный акцент делается не только на овладении основными лингвистическими компетенциями, но и на воспитании мультилингвальной, поликультурной личности, которая в состоянии без трудностей интегрироваться в культурное пространство страны изучаемого языка.

Методология исследования

Цель исследования: изучение и обобщение трудов ученых в области формирования у студентов межкультурной коммуникативной компетентности, а также разработка и реализация комплекса педагогических условий, способствующих формированию межкультурной коммуникативной компетентности студентов, изучающих иностранный язык.

Труды следующих ученых: А.П. Садохин, М.Е. Вайндорф-Сысоева, Н.В. Якунина, Ю.В. Стрункина, З.Г. Томаева, Е.И. Пассов, С.Г. Тер-Минасова, И.И. Халева, Б.Д. Парыгин, Н.В. Барышников, Д. Хаймс, Г.М. Чен, Н.А. Демина, Фролова, И.В. Кочергин, К.В. Волков, Шевцова Н.И., Т.В. Иоффе, Ци Янжун, Ма Яньхуа, Ли Сунхао, Чжан Ли, Чжан Цянь, М. Байрама и др. являются теоретической базой исследования [7, 8, 9].

Методологической базой являются исследования российских и иностранных специалистов, посвященные проблеме формирования межкультурной коммуникативной компетентности и преподаванию иностранного языка, среди которых особый интерес для нашего исследования представляют работы Е.И. Пассова, С.Г. Тер-Минасовой, И.И. Халеевой, Б.Д. Парыгина, Н.В. Барышниковой, Г.М. Чена и Дж. Старосты [8].

Результаты и выводы

В учебных заведениях нашей страны в последнее десятилетие наблюдается тенденция расширения палитры преподаваемых языков, поскольку, наряду с необходимостью использования европейских языков в деловом общении, в России наблюдается возрастание интереса к азиатским языкам, особенно, к китайскому языку.

Соколова А.Г., анализируя в своих трудах основные компоненты коммуникативной компетенции в российской и европейской моделях обучения, отмечает ее значение для успешного овладения иностранным язы-

ком студентами вузов. По ее мнению, ведение активного диалога культур, повышение конкурентоспособности будущих специалистов на мировом рынке труда, роста мотивации студентов к изучению иностранных языков [5] не возможны без формирования у студентов мотивированного поведения и осознанного отношения к языку в контексте обучения в вузе [6].

Анализ учебных пособий, используемых при обучении иностранному языку в российской школе, демонстрирует преобладание упражнений с акцентом на развитие грамматических и лексических навыков и недостаточное количество разговорного материала и материала различных жанров из разных областей культуры. Чтобы исправить этот дисбаланс, преподаватели сами подбирают дополнительный материал (статьи из Интернета, видеоряды, фильмы и т.д.).

В методике преподавания китайского языка, как и в методике преподавания западных языков, мы наблюдаем особое внимание к способности обучающегося к коммуникативно-речевой деятельности, которая включает в себя и фонетический, и грамматический, и лексический аспекты обучения, способствующие основной цели обучения иностранному языку: формированию у обучающегося иноязычной коммуникативной компетенции. Ядром урока должна являться речевая языковая практика [3].

Для реализации данной цели достаточно эффективно зарекомендовала себя практика вовлечения языкового партнера из вуза-партнера страны изучаемого языка и организации онлайн-мостов, где студенты коммуницируют со студентами-языковыми партнерами, носителями языка. Языковые партнеры подбираются преподавателем согласно личностным характеристикам и уровню владения языком. Пары формируются сроком на месяц, после чего партнеры меняются. Данная практика обеспечивает диалог культур, богатый разговорный материал социальной направленности с широким культурным компонентом, что способствует формированию социально-культурной компетенции.

Преобладание лингвистического и коммуникативно-прагматического компонентов в используемых учебных пособиях и недостаточное количество социокультурного и культуроведческого компонентов также корректируется посредством налаженной модели функционирования выше обозначенных языковых партнеров в течение всего учебного года. Такая работа также мотивирует студентов обеих сторон к выполнению творческих и продуктивных заданий с большим интересом, поскольку имеет место живое взаимодействие с носителями языка, которое осуществляется посредством средств цифровых технологий.

Интерактивное взаимодействие языковых пар студентов, обучающихся в разных вузах наиболее естественно раскрывает себя в проектной деятельности, в которой происходит смещение акцента с упражнений на активную мыслительную деятельность, самостоятельное конструирование своей речи, также ориентирование в информационном пространстве. Выполняя совместный проект, студенты приобретают знания, умения и навыки, осуществляя активное взаимодействие друг с другом посредством Интернет-технологий (ведение блогов, составление подкастов, межнациональное интервью и др.).

Кроме привычных Интернет-технологий, образовательных платформ, онлайн сервисов и привычных мессенджеров, в образовательной траектории обучения иностранным языкам в последнее время наблюдается резкий скачок использования искусственного интеллекта, таким образом, можно говорить о пересмотре тер-

мина «функциональная грамотность», введенного ЮНЕСКО в далеком 1957 году, когда она понималась как «совокупность умений читать и писать для использования языка в повседневной жизни и удовлетворения житейских проблем». Сегодняшний день диктует необходимость уточнения этого понятия, добавив способность человека быстро адаптироваться в мире цифровых технологий и потоке разноязычной информации, а также готовность к цифровому взаимодействию и обмену информацией, а также формирование межкультурной коммуникативной компетентности, что обеспечивается реализацией комплекса педагогических условий:

- интеграция всех направлений подготовки (теоретической, методической, практической) к профессиональной деятельности с использованием онлайн-технологий;
- формирование у студентов положительной мотивации и готовности к использованию цифровых технологий и платформ для совместных деятельностей (проведение онлайн-занятий, организация контроля знаний в виде зачетов и экзаменов);
- построение образовательного процесса языковой подготовки студентов с вовлечением языкового партнера-носителя языка как для совместной учебной деятельности в рамках аудиторных занятий, так и в процессе самостоятельной к ним подготовки;
- введение в образовательный процесс практики языковых пар: студент страны изучаемого языка-студент России;
- формирование у студентов мультикультурной компетенции (понимания национального и культурного контекста страны изучаемого языка);
- формирование у студентов продуктивных умений в разговорной речи посредством внедрения комплекса учебных заданий лингвокультурологической направленности;
- формирование у студентов лингвоцифровой компетенции (способности критического анализа цифровой информации, способность использования цифровых инструментов в контексте конкретных ситуаций);
- формирование у студентов социально-культурной компетенции.

Реализация вышеперечисленных условий обеспечивает формирование межкультурной коммуникативной компетентности, которая наиболее эффективно реализуется в открытом лингвоцифровом пространстве. Данное пространство «может стать средством взаимной поддержки, обмена опытом в учебной группе, обсуждения различных заданий, таким образом помочь студентам, испытывающим трудности в самовыражении и общении с другими людьми, развить свои коммуникативные умения, навыки, преодолеть языковой и/или психологический барьер» [2].

Организация и экспериментальная апробация данного комплекса условий проходила на базе Национального исследовательского Московского государственного строительного университета, Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, Первого Шаньдунского медицинского университета КНР г. Тайан). Данная кооперация вузов обусловлена наличием договора о сотрудничестве между Национальным исследовательским Московским государственным строительным университетом и Чувашским государственным педагогическим университетом им. И.Я. Яковлева с одной стороны и наличие педагогического партнерства с иностранными партнерами.

Построенная таким образом работа показала общую тенденцию повышения мотивации как к обучению

во время учебных часов, так и активную вовлеченность студентов во внеурочную деятельность. Так, студенты принимали активное участие в различных конкурсах, проводимых в вузах обеих стран, занимая при этом призовые места.

Студенты Московского государственного строительного университета приняли активное участие в 6 и 7 Международном конкурсе коллективного письма на французском языке Florilège-FIPF в 2022 г. и 2023 г., группа студентов, занявшая 3 место, представила свою работу «Научись любить тишину», в котором сумели представить до жюри не только свои лингвистические знания и умения, но и передать психологические тонкости человеческой победы над своими недостатками. Ранее в 2021 году студенты Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева заняли 2 место в 5 Международном конкурсе коллективного письма на французском языке Florilège-FIPF с работой «Путешествие улитки в Париж», в которой юмористическое содержание сочеталось с простой лингвистическими средствами. В качестве примера приведем отрывок из стихотворения «Современные проблемы человечества», написанного коллективом студентов педагогического университета. Данный отрывок посвящен семье и проблеме жестокости в ней, существующей во всех культурах независимо от языковой принадлежности.

«...Qu'est-ce que c'est "la famille"?

C'est surtout le respect et l'amour.

On doit rester plus tranquille

Pour garder ce lien pour toujours.

Les hommes et les femmes, écoutez!

La famille a la valeur immense.

Si vous estimez et aimez,

Oubliez ce gros mot "la violence"!...»

Участие в конкурсах, предполагающих создание творческого продукта, способствует эффективному формированию межкультурной коммуникативной компетентности студентов, также создает предпосылки и условия для развития личности студента на различных этапах профессионального иноязычного образования [1].

Соблюдение вышеперечисленных условий ведет к тому, что студенты более глубоко воспринимают предмет Иностранный язык. Теперь это не просто дисциплина в учебном расписании, но средство развития личности, познания других культур, новый взгляд на собственную культуру. Иностранный язык воспринимается как инструмент межкультурного взаимодействия, как двигатель, включающий обе стороны в активный диалог культур. Благодаря своим гибким характеристикам, предмет Иностранный язык позволяет студентам подготовиться к сдаче международных экзаменов с целью дальнейшего обучения профессии за рубежом.

Наряду с традиционно популярной линейкой международных экзаменов, мы можем наблюдать ежегодное увеличение количества как выпускников школ, сдающих ЕГЭ по китайскому языку, так и количества студентов, сдающих международный экзамен HSK. Принимая во внимание тот факт, что этот экзамен сдается с целью выявления готовности потенциального иностранного студента учиться в КНР, в нем должен оцениваться уровень коммуникативного владения языком. Сравнение второй версии экзамена HSK, которая активно используется с 2009 г. по сегодняшний день с аналогами экзаменов по европейским языкам: DELF/DALF tout public (французский язык), TestDaF (Test Deutsch als Fremdsprache – немецкий язык), DELE (испанский язык) и т.д., показывает, что она не соответствует как структуре, так и содержанию международных экзаменов по иностранному языку. Это повлекло за собой необходимость усо-

вершенствования используемой версии и положило начало реформирования экзамена. Появление новой версии экзамена HSK 3.0, включающей, помимо аудирования, чтения и письма, также говорение и перевод, значительно приближает его к европейским аналогам, нацеленным на оценивание четырех компетенций владения языком [4]. Данная версия более корректно отражает готовность потенциального студента получать образование в КНР и показывает наличие сформированности межкультурной коммуникативной компетентности. Проведение реформы системы экзамена HSK и анализ учебных пособий и тенденций в преподавании китайского языка показывает изменение общей траектории в преподавании китайского языка и его популяризации в российской школе.

Заключение

Таким образом, реализация в процессе подготовки будущих специалистов в области иностранного языка авторского комплекса педагогических условий способствует формированию у студентов межкультурной коммуникативной компетентности. Проведенная авторами работа позволяет сделать вывод об эффективности применения данного комплекса с целью формирования языковых компетенций, межкультурной коммуникативной компетентности, мультикультурной и лингвоцифровой компетенции.

Литература

1. Кобзева, О.В. Продукт-ориентированное обучение иностранному языку в неязыковом вузе как научная проблема / О.В. Кобзева, О.Н. Скуйбедина, В.Б. Ширишиков // Среднее профессиональное образование. – 2019. – № 7. – С. 40–43.
2. Метелькова, Л.А. Использование социальных сетей в иноязычной подготовке студентов инженерно-строительных специальностей / Л.А. Метелькова // Инженерное образование. – 2023. – № 34. – С. 136–146. – DOI 10.54835/18102883_2023_34_12.
3. Рунгш Н.А. Реализация холистического подхода на уроке китайского языка // Иностранные языки в школе. – 2024. – № 5. – С. 62–68
4. Силенко М.В. Новый стандарт международного экзамена по китайскому языку HSK 3.0 как средство реализации современных требований к владению китайским языком как иностранным. // Иностранные языки в школе. – 2023. – № 2. – С. 83–89.
5. Sokolova, A.G. Specifics of the concept of foreign language communicative competence of students of non-philological universities / A.G. Sokolova // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – No. 9. – P. 231–237.
6. Sokolova, A. Sociocultural aspects of international students' speech behavior: mixed method in language teaching / A. Sokolova, D. Khuchbarova, A. Radyuk // E3S Web of Conferences. – 2021. – Vol. 284. – P. 08008. – DOI 10.1051/e3sconf/202128408008.
7. Byram, M., Gribkova, B., and Starkey, H. (2002). Developing the intercultural activities in language teaching: A practical introduction for teachers. Strasbourg: Council of Europe. Google Scholar
8. Chen, G. M., and Starosta, W. (1998). A review of the concept of intercultural awareness. Hum. Commun. Res. 2, 27–54. Google Scholar
9. Cheng, Z. L., and Hong, L. (2014). On the cultivation of intercultural ability in English teaching in colleges. J. Anhui Agric. Univ. 31, 11–17. doi: 10.5116/ijme.5862.505a.

PEDAGOGICAL CONDITIONS CONTRIBUTING TO THE FORMATION OF INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE OF THE STUDENTS STUDYING FOREIGN LANGUAGES

Metelkova L.A., Yuan Dongbin, Rungsh N.A.

National Research Moscow State University of Civil Engineering; First Shandong Medical University; I.Y. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University

The purpose of the research is to study and summarize the works of scientists in the field of formation of intercultural communicative competence among students, as well as the development and implementation of a set of pedagogical conditions that contribute to the formation of intercultural communicative competence of students learning a foreign language. Research hypothesis: an exclusive approach to the implementation of the author's complex of pedagogical conditions contributes to the formation of intercultural communicative competence among students. Research methods: analysis of works in the field of teaching foreign languages, comparison of teaching methods of European languages and Chinese, analysis and synthesis of information. Research results: the introduction of a set of pedagogical conditions into the educational process that contribute to the formation of intercultural communicative competence of students learning a foreign language.

Keywords: foreign language, development of intercultural communicative competence among students, language partner.

References

1. Kobzeva, O.V. Product-oriented teaching of a foreign language in a non-linguistic university as a scientific problem / O.V. Kobzeva, O.N. Skuibedina, V.B. Shirshchikov // Secondary vocational education. – 2019. – No. 7. – P. 40–43.
2. Metelkova, L.A. Using social networks in foreign language training of students of engineering and construction specialties / L.A. Metelkova // Engineering education. – 2023. – No. 34. – P. 136–146. – DOI 10.54835/18102883_2023_34_12.
3. Rungsh N.A. Implementation of a holistic approach in a Chinese language lesson // Foreign languages at school. – 2024. – No. 5. – P. 62–68
4. Silenko M.V. New standard of the international Chinese language exam HSK 3.0 as a means of implementing modern requirements for proficiency in Chinese as a foreign language. // Foreign languages at school. – 2023. – No. 2. – P. 83–89.
5. Sokolova, A.G. Specifics of the concept of foreign language communicative competence of students of non-philological universities / A.G. Sokolova // Social and humanitarian knowledge. – 2024. – No. 9. – P. 231–237.
6. Sokolova, A. Sociocultural aspects of international students' speech behavior: mixed method in language teaching / A. Sokolova, D. Khuchbarova, A. Radyuk // E3S Web of Conferences. – 2021. – Vol. 284. – P. 08008. – DOI 10.1051/e3s-conf/202128408008.
7. Byram, M., Gribkova, B., and Starkey, H. (2002). Developing the intercultural activities in language teaching: A practical introduction for teachers. Strasbourg: Council of Europe. Google Scholar
8. Chen, G. M., and Starosta, W. (1998). A review of the concept of intercultural awareness. Hum. Commun. Res. 2, 27–54. Google Scholar
9. Cheng, Z. L., and Hong, L. (2014). On the cultivation of intercultural ability in English teaching in colleges. J. Anhui Agric. Univ. 31, 11–17. doi: 10.5116/ijme.5862.505a.

Гуманистическая психология: цели, концепции, методы

Москвина Елена Викторовна,
медицинский психолог Социально-психологической службы
ГБУЗ «МНПЦ наркологии ДЗМ».

Потапов Максим Викторович,
медицинский психолог наркологического диспансера № 6
ГБУЗ «МНПЦ наркологии ДЗМ».

Зеленова Александра Витальевна,
специалист по социальной работе Городского
реабилитационного центра ГБУЗ «МНПЦ наркологии ДЗМ».

В статье представлен всесторонний обзор гуманистической психологии, ее основных целей, концепций и методов. Исследование фокусируется на основополагающих идеях гуманистического направления, в центре которых находится личность со всем ее неповторимым набором потребностей и инстинктивным движением к самореализации. Акцент сделан на парадигмах самоосуществления, интегральности индивидуума и внутреннего потенциала для эволюции и личностного процветания, что и составляет уникальность гуманистического взгляда на человеческую натуру. В статье также детально анализируются методологии гуманистической психологии, к примеру, ненаправленное консультирование, коллективная терапия и стратегии обучения, ориентированные на личность. Рассмотрены достижения данных подходов в психотерапии и их роль в современном психологическом исследовании.

Ключевые слова: гуманистическая психология, цели, концепции, потребности, ненаправленное консультирование, технологические инновации, методологии, интегральность, эволюция, стратегии обучения

В современном мире, переполненном технологическими инновациями и постоянно эволюционирующими социальными структурами, не теряет своей значимости гуманистическая психология. Основываясь на ценности человеческой индивидуальности, данное направление подчеркивает важность самопознания и индивидуального роста, возвышая его в лик передних стремлений нашего времени.

Зародившаяся в середине 20-го века как контрпункт к жесткому бихевиоризму и пессимистическому детерминизму психоанализа, гуманистическая психология предлагает более целостный взгляд на человеческую природу. Человек здесь выступает не просто как объект влияния внешних сил, а как субъект, обладающий потенциалом к самопознанию, самопознанию и самовыражению. Задачей гуманистической психологии является исследование личного опыта, внутреннего мира человека, его способности к самопознанию и развитию.

Гуманистическая психология остается в центре внимания научного сообщества по целому ряду причин. Её вклад в психотерапевтическую практику чрезвычайно значителен благодаря новаторским методам взаимодействия, которые акцентируют важность эмпатии, подлинности и безусловного принятия личности клиента. В сфере образования акцент на индивидуальное развитие учеников и преподавателей также отмечает применение гуманистических идей. Кроме того, в организационной психологии эти принципы способствуют формированию среды, способствующей развитию и самореализации сотрудников.

Тем не менее, гуманистическая психология подвергается критике за субъективность и недостаточную эмпирическую верификацию своих методов. В ответ на эти вызовы в академическом сообществе возникают исследования, стремящиеся к синтезу гуманистических идей с другими течениями в психологии, а также к разработке методологий, способных устранить существующие проблемы.

В данном исследовании представлен широкий обзор гуманистической психологии, охватывающий её исторические начала и доходящий до последних достижений и будущих перспектив. Основное внимание уделяется теоретическим основаниям и методологическим подходам, а также проводится критический разбор сильных и слабых сторон этой дисциплины. Данный подход позволяет не только оценить значимость гуманистической психологии в области научных знаний и практической деятельности, но и определить ключевые точки для последующих исследований.

Целями данной статьи являются всестороннее исследование гуманистической психологии, в том числе тщательное рассмотрение ее основополагающих теоретических положений и методов применения в психологической науке и практике. Проект также направлен на определение степени влияния гуманистического направления на развитие современных психологических дисциплин и выявление потенциальных путей для его дальнейшего углубления и интеграции в различные области психологии.

Задачами данного исследования являются: глубокий анализ истоков гуманистической психологии, осмысленная оценка ее ключевых концепций и идей через при-

зму критического осмысления, определение роли гуманистической психологии в рамках современных исследовательских работ и практической психологии, а также создание рекомендаций для внедрения гуманистических идей в разнообразные аспекты психологической науки.

В методологической основе статьи заложен комплексный подход, предполагающий анализ научной литературы, синтез наработок разнообразных психологических школ и направлений, а также применение междисциплинарных инструментов для всестороннего понимания предмета исследования. Ключевым методом выступает компаративный анализ, позволяющий провести параллели между гуманистической психологией и другими направлениями, критическая интерпретация помогает выявить достоинства и недостатки рассматриваемого подхода, в то время как дедуктивный и индуктивный методы рассуждений служат для обоснования исследовательских выводов. Особое внимание уделено эмпирическому тестированию теоретических предположений гуманистической психологии, что включает в себя анализ статистических данных и кейс-стади, демонстрирующих эффективность принципов гуманистической психологии в практической деятельности.

В середине двадцатого столетия зарождение гуманистической психологии знаменует собой реакцию на установленные нормы психоаналитического и бихевиористского направлений. Рождение третьей силы, как ее называют, начало формироваться вокруг центрального понятия уникальности человеческого опыта и стремления личности к осознанию и самореализации [Maslow, 1987., 274 p.]. Этот переломный этап был отмечен устремлением к новым методам осмысления сущности человека, его внутреннего мира и идентичности.

Развитие гуманистической психологии неотделимо от влияния экзистенциализма и феноменологии, идеи которых возвышают личный опыт, волю к свободному выбору и осознание собственной ответственности. Персоналии вроде Ролло Мэй и Виктор Франкл акцентируют внимание на создании личностного смысла и прямом контакте с реальностью бытия [May, 1994., p.274; Frankl, 2006., p.224]. В частности, Виктор Франкл выдвигает идею, что «жизненная цель и поиск смысла являются основополагающими стимулами в жизнедеятельности человека» [Frankl, 2006., p.224].

В центре гуманистической психологии стоят концепции самоактуализации и центрированности на клиенте, заложенные такими мыслителями, как Абрахам Маслоу и Карл Роджерс. Маслоу представил иерархию потребностей, в вершине которой располагается «стремление к самореализации – это освоение и реализация внутренних стремлений и способностей» [Maslow, 1987., p.411]. Роджерс, внесший вклад через свою концепцию терапии, сфокусированной на клиенте, выделил неповторимый опыт личности, подчеркивая значимость эмпатии и безоговорочного принятия со стороны терапевта [Rogers, 2004., p.420].

По мере развития данной области углубляется интерес к внутреннему опыту индивидов, их эмоциональному миру и экзистенциальным аспектам существования. Это отражается в работах Лесли Гринберга, который продвигал терапию, ориентированную на эмоции, акцентируя на их роли в психотерапии [Greenberg, 2002., p.337].

Так, гуманистическая психология выросла из критики предыдущих подходов и более фундаментального стремления к осмыслению личности, её внутреннего мира, а также потребностей в саморазвитии и самовыражении. Эти мысли стали основой для развития более глубокого и комплексного взгляда на психологическое консультирование и терапию.

В эпицентре гуманистической психологии стоят фундаментальные принципы, призванные углубить понимание сущности человека через призму его индивидуальности и стремлений к личностному росту. Фигура Авраама Маслоу является ключевой в этом направлении. Он сформулировал концепцию, что «основополагающей движущей силой человека является жажда самосовершенствования и достижения собственной полноты бытия» [Maslow, 1987., p.411]. В своих знаковых трудах Маслоу развивает модель иерархии человеческих потребностей, уделяя особое внимание к вершине этой пирамиды – самоактуализации, которую он рассматривает как высшую ступень развития личности [Maslow, 1998., p.274].

Карл Роджерс, внося свой вклад в развитие гуманистической психологии, заложил фундаменты для метода клиент-центрированной терапии. Он считал, что эмпатия и безусловное позитивное отношение со стороны терапевта создают условия для самопознания и личностного роста [Rogers, 2021., p.592]. Роджерс в своём основоположном труде обозначил человеческие способности к саморазвитию и прогрессу как врождённые, подчеркивая значимость их реализации [Rogers, 2004., p.420].

Ролло Мэй, обогащая психологию экзистенциальными идеями, акцентировал внимание на внутренних противоречиях бытия и на значении творчества для самовыражения. В его исследовании обсуждается мысль о том, что «акт творения является путём к самопознанию и личностному исцелению» [May, 1994., p.274]

Изложение концепции Курта Гольдштейна, выдающегося представителя немецкой нейропсихологии и психиатрии, требует интегрированного подхода, олицетворяющего гармоничное сочетание умственного и физиологического в жизнедеятельности индивида. В его труде «Организм» [Goldstein, 1939. 396 p] прослеживается глубинное понимание человеческой природы, что оказало неоспоримое воздействие на формирование и эволюцию гуманистической психологии, основываясь на принципах саморегуляции и личной реализации.

Данное течение в психологии представляет альтернативный взгляд на человеческую психику, отклоняясь от установок психоанализа и бихевиоризма, предлагая уникальную перспективу. В то время как психоанализ делает упор на подсознательные процессы и детерминированные прошлыми событиями внутренние конфликты, формирующие современное поведение, гуманистическая психология акцентирует внимание на осознанном выборе и активной позиции человека в стремлении к собственному развитию и самовыражению.

В контрасте с бихевиоризмом, который рассматривает поведение как результат внешних факторов и укреплений, исключая изучение внутреннего опыта как элемента ненаучного, гуманистическая психология возвышает ценность индивидуального опыта и волевых решений, подчеркивая неповторимость личного психологического пространства каждого индивида.

Гуманистическая психология выступает в качестве антитезы пессимистическим концепциям о человеческих способностях, характерным для некоторых психоаналитических подходов, которые назначают подсудным импульсам доминирующую роль в мотивации поведения. Эта парадигма акцентирует внутренний потенциал к самосовершенствованию и личностному росту. Так, несмотря на вклад различных психологических школ в арсенал методов анализа поведения человека, гуманистический подход является носителем более утопической перспективы на человеческие способности, основываясь на принципах самостоятельности, ответственности и уникальности индивидуального опыта.

Гуманитарная психология зародилась как ведущее течение в области психологических исследований, контрастируя с психоаналитическим подходом и бихевиоризмом, оформившись в середине XX века. Это направление уделяет первостепенное внимание субъективности человеческого восприятия, уникальности личного опыта и внутренней мотивации.

В центре данной дисциплины – идея о неуклонном стремлении индивида к самореализации своих внутренних возможностей. Абрахам Маслоу исследовал эту тенденцию и определил её как «основополагающую потребность, присущую каждому человеку, направленную на достижение собственной индивидуальной уникальности» [Maslow, 1987, p.411; Maslow, 1998., p.274]. В рамках его знаменитой иерархии потребностей самореализация находится на вершине пирамиды, следуя за удовлетворением физиологических и социальных нужд.

Карл Роджерс, в свою очередь, акцентировал внимание на трех фундаментальных аспектах терапевтического процесса: искренности, эмпатии и безусловном принятии. Он утверждал, что «именно эти условия способствуют психологическому росту и достижению личностной целостности» [Rogers, 2021., p.592; Rogers, 2004., p.420].

Тему глубокого погружения в деятельность, которая приносит глубочайшее удовлетворение и радость, развивал Михай Чиксентмихайи, обозначив её термином «поток». Опыт потока, также именуемый «пикарным», предполагает моменты полной сосредоточенности и вовлеченности, когда «время кажется остановившимся, а действия выполняются естественно и без усилий» [Csikszentmihalyi, 2008., p.336].

Гуманистическая психология также включает в себя экзистенциальные элементы, пропагандирует акцент на стремлении к познанию смысла жизни и решении внутренних противоречий. Близка к гуманистической психологии позиция Виктора Франкла, основателя 3-й Венской школы психотерапии. Его подход носит название «логотерапия», т.е. терапия, ориентированная на обретение смысла жизни. В основу своего подхода Франкл ставит три основных понятия: свобода воли, воля к смыслу и смысл жизни. По Франклу, человек не стремится к обретению смысла жизни, не видит путей, к этому ведущих, это выступает основной причиной психологических трудностей и негативных переживаний типа ощущения бессмысленности, никчемности жизни. Идеи, предложенные Франклом, акцентируют на том, что поиск смысла является основополагающей потребностью личности [Frankl, 2006. 200 p], тогда как Мей подчеркивает значимость творчества и осознания собственного бытия как неперменной составляющей жизни [May, 1994 p. 224].

Труды Гольдштейна по саморегуляции и целостности существа оказали неопределимое влияние на формирование доктрин гуманистической психологии, предложив фундамент для понимания самоактуализации [Goldstein, 1939. 396 p.].

Акцент гуманистической психологии на самостоятельности, личностном выборе и важности уникального опыта продолжает вдохновлять подходы в терапевтической практике, обучении и управлении.

Этот направление исходит из принципа уникальности человеческого опыта и самодетерминации. Основываясь на ценностно-личностном подходе, гуманистическая психология ставит в эпицентр внутренние стремления и сознательные решения индивида. Она трактует человека не как сумму откликов на внешние раздражители или пассивного носителя подсознательных влечений,

а как созидающую субъектность, активно сконструирующую смысл своего существования.

Индивидуальный прогресс и самоосуществление считаются краеугольными камнями благоденствия в человеческой жизни. Эти аспекты, постулируемые гуманистической психологией, подчеркивают ценность личного выбора и неукоснительной ответственности каждого. Изучение потенциала и стремлений человека к самореализации позволяет нам осознать важность создания условий для их реализации.

Самореализация в данном контексте воспринимается как вершина индивидуального развития и ключевая задача, где человек нацелен на полное раскрытие своих способностей и увлечений. В стремлении к такому состоянию происходит гармонизация личных стремлений и реальных возможностей, что кульминирует в ощущении жизненного наполнения и единства.

Подход, возвышающий эмпатию, аутентичность и безусловное принятие до статуса необходимых предпосылок психологического роста, оказывает поддержку в формировании среды для самопознания и самовыражения без опасений быть непонятым или отвергнутым.

Акцент на личном опыте и индивидуальности личности способствует проникновению в сложности человеческого бытия и акцентирует внимание на необходимости персонализированного подхода в психотерапевтической практике и образовательных стратегиях, что представляет собой отход от унифицированных методик.

В рамках данной концептуальной модели акцент делается на индивидуальное стремление к развитию и самосовершенствованию как на более значимом, нежели внешние предписания и общественные ожидания. Подход, акцентирующий на ценностях и индивидуальности, в рамках гуманистической психологии, направлен на поддержку развития внутренних способностей и на стимулирование самостоятельности и креативности личности.

Концепция Самости в гуманистической психологии складывается из разносторонних элементов, отражающих индивидуальную психологическую структуру человека. Карл Роджерс, ведущий исследователь в этой сфере, определяет Самость как основной компонент личностной архитектуры, охватывающий в себе индивидуальное осознание себя и своих переживаний [Rogers, 2004., p.420]. По его мнению, для развития и укрепления Самости необходимо создавать среду, способствующую свободному и целостному развитию личности, что «влечет за собой эмпатию, беспристрастное принятие и подлинность в межличностных связях» [Rogers, 2021., p.592].

Абрахам Маслоу выделяет важность процесса самоактуализации как стремления к реализации собственного потенциала и творческих начинаний, что находит отражение в концепции Самости [Maslow, 1987, p.411; Maslow, 1998., p.274]. В его взглядах вершина самоактуализации достигается, когда индивидуальность находится в согласии с самим собой.

Изучая тему Самости, Ролло Мэй подчеркивает кардинальную роль креативности в культивировании индивидуальности. В его работах прослеживается мысль, что через акты творчества личность реализует и проявляет свое «Я» [May, 1994; Rollo, 2007]. Виктор Франкл, тем временем, вводит концепцию поиска смысла как фундаментального стремления в психологии личности, которое является ключом к пониманию и развитию Самости. Его идеи подчеркивают, что в процессе преодоления испытаний человек способен укреплять свою личность и глубже осмысливать жизнь [Frankl, 2006. 200 p.]. Курт Гольдштейн в своих исследованиях определяет Самость

как «результат синтеза психических и физических процессов, что делает индивида активным архитектором собственной жизни» [Goldstein, 1939. 396 p.]. Совокупность идей этих авторов позволяет увидеть Самость как сложное явление, включающее в себя самопознание, эмоциональное восприятие и постоянное стремление к самосовершенствованию и личностному росту, и каждый из них вносит уникальный вклад в развертывание этого многоаспектного понятия.

Середина XX века ознаменовалась возникновением гуманистического направления в психологии, которое предложило новаторский взгляд на изучение человеческой природы. В контрасте с ограниченностью поведенческого анализа и фиксированным детерминизмом психоаналитической школы, данный подход выдвинул идею уникальности личностного опыта и самореализацию. Особенностью гуманистической методологии является акцент на интерпретацию внутреннего мира субъекта и роли личного опыта в развитии.

Ключевым инструментарием исследования в рамках этой психологической школы служит качественный анализ, который воплощается через свободные интервью, открытые анкетирования и дискуссии. Такие методы призваны раскрыть сложности человеческой души [Rogers, 2021]. Постулаты Карла Роджерса об эмпатии и понимании индивида в его собственной жизненной перспективе привели к созданию «клиент-центрированной терапии», полагающейся на уникальное восприятие каждой личности [Rogers, 2004., p.420].

Тем временем, Джеймс Бьюгентал в своей экзистенциально-аналитической трактовке сконцентрировался на изыскании стремления индивида к подлинности и самоопределению [Bugental, 1965. 288 p.]. Этот взгляд предполагает детальное рассмотрение личных рассказов и самопознания, а также разбор структур личностного «Я».

Абрахам Маслоу выдвинул иерархическую модель потребностей, заложив основу для понимания мотивационной структуры личности и пути к ее устремлениям [Maslow, 1987, p.411]. Его исследования были направлены на особенности развития здорового человеческого психического потенциала.

Ссылаясь на экзистенциальные концепции, Ролло Мэй анализировал предпосылки возникновения и развития творчества, а также способы понимания его внутренней динамики [May, 1994 p. 224]. Его вклад подчеркивает уникальность гуманистической психологии в осмыслении человеческого бытия и свободы выбора.

Гуманистическая психология сочетает в себе качественные и количественные подходы, такие как использование опросников и школы самооценки, но делает это, принимая во внимание индивидуальное значение, которое люди придают своим действиям и эмоциям.

Юджин Гендлин предложил техники фокусирования для исследования телесных ощущений и интуитивных «ощущений смысла», которые открывают двери к пониманию психологических процессов [Gendlin, 1982. 224 p.].

Отметим, подход гуманистической психологии к познанию личности является интегративным и многоаспектным, уделяя особое внимание богатству и глубине индивидуального опыта. Эта область настаивает на применении гибкой методологии для глубокого осмысления сложности человеческой сущности.

Интроексия и объективация переживаемых индивидом явлений складывают фундамент в практике гуманистической психологии, которая уделяет внимание детальному осмыслению личных эмоций, мыслей и побуждений. Саморефлексия является инструментом для

размышлений о собственной психике, что представляет собой процедуру интенсивного самоанализа, целью которой является осознание внутренних процессов.

В дополнение феноменологический подход концентрируется на прямом осмыслении явлений сознания, так как они предстают перед человеком, исключая любые предположения или толкования. Этот метод направлен на выявление основополагающих атрибутов переживаний и стремится к построению всестороннего понимания внутренних опытов человека.

Подчеркивая непосредственность переживания и его превалирование над теоретическими постулатами, эти подходы предлагают, что истинное понимание психологической сферы следует начинать с интроспективных данных, вместо приверженности к предварительно сформулированным концепциям или схемам. Такая методология требует от исследователя умения отвлечься от личных предрассудков и теоретических установок для точного и всестороннего воспроизведения личного опыта.

В контексте психотерапии эти инструменты применяются для поддержки клиентов в осознании и выражении внутренних переживаний, что ведет к улучшению самопознания и облегчает процесс саморазвития и самореализации. В рамках научных изысканий они предоставляют возможность более проникновенного изучения психологических явлений, придавая значение уникальному опыту человека.

В данном исследовании освещены нюансы применения качественного анализа в гуманистической психологии, который стремится к проникновению в глубины человеческой психики и анализу личного опыта. Отличительной чертой этих методов является их фокус на психологической интерпретации, в противоположность количественным методикам, которые призваны к статистическому выявлению закономерностей.

Применение открытых диалогов в исследованиях отражает стремление к пониманию внутреннего мира участников. Через использование полуструктурированных бесед ученые стремятся создать условия для неограниченного самовыражения, что способствует получению искренних и содержательных данных.

Наблюдение за поведением людей в естественной среде обитания дает возможность анализировать внешние проявления внутренних психологических состояний. Исследователь может выбрать роль активного участника или дистанцированного наблюдателя, исходя из задач и предмета изучения.

Исследование индивидуальных случаев представляет собой ключевую методологию в рамках качественного подхода. Анализ уникальных историй позволяет выявить общие психологические закономерности и понять механизмы психических процессов, что находит свое отражение в более обширном понимании гуманистических аспектов психологии.

Групповые дискуссии и фокус-группы активно применяются для изучения перспектив, установок и социальной динамики внутри ограниченных сообществ. Подобные техники предоставляют уникальную возможность для участников взаимно рефлексировать, реагировать на мысли и переживания других, что в свою очередь дарит исследователю шанс увидеть процессы и трансформации в моделях поведения и восприятии, разворачивающиеся прямо перед их глазами.

Анализирование текстов – от интимных дневниковых записей до переписки и различных документов – открывает путь к исследованию личного опыта и культурных нюансов. Это способствует более глубокому пониманию

процессов личностного становления и способов самовыражения.

Общей целью данных методов является стремление раскрыть уникальность человека и его комплексную природу, преодолевая барьеры чисто количественного анализа, и сосредотачиваясь на понимании значения и субъективной значимости человеческого опыта.

Гуманистическая психология предоставляет инструментарий, ценящий индивидуальный человеческий опыт и поддерживающий стремление к самореализации и улучшению качества жизни человека. В центре этого подхода находится не просто устранение психологических недугов, а помощь в личностном росте и развитии.

Клиент-центрированная терапия, разработанная Карлом Роджерсом, фокусируется на создании условий для раскрытия личностного потенциала каждого [Rogers, 2021. 592 p.]. Основополагающими принципами здесь выступают беспристрастное принятие, эмпатия и искреннее взаимодействие со стороны терапевта [Rogers, 2004. 420 p.].

Подход Ролло Мэя и Ирвина Ялома, обозначенный как экзистенциальная психотерапия, приглашает к осмыслению базовых аспектов существования, таких как смертность, свобода, одиночество и отсутствие смысла, что стимулирует осознание личной свободы и ответственности [May, 1994 p. 224; Yalom, 1980. 524 p.].

Феноменологический метод, применяемый Джеймсом Бьюгенталом, направлен на детальное исследование внутреннего опыта клиента и его интерпретации реальности [Bugental, 1965. 288 p.]. А концепция Маслоу об иерархии потребностей исследует мотивационные уровни личности, выделяя в верхней части иерархии стремление к самоактуализации [Maslow, 1987., p.411; Maslow, 1998., p.274].

Этот анализ подчеркивает важность гуманистической психологии в процессе терапевтической помощи, ориентируясь на уникальный опыт и потребности клиента в достижении его полного человеческого потенциала.

Момент полного погружения задачей и концентрации, которому Михай Чиксентмихайи дал название «Поток», описывает состояние, «когда человек испытывает максимальное удовлетворение от своего занятия» [Csikszentmihalyi, 2008. 336 p.]. Подход Юджина Гендлина «Фокусирование» позволяет углубленно осмысливать и ясно выражать личные переживания, благодаря чему достигается прогресс в разрешении психоэмоциональных затруднений [Gendlin, 1982. 224 p.].

Гуманистическая психология, появившаяся в эпоху возрождения гуманистических идей в психологии, оказывает значительное влияние на сферу образования, выдвигая на передний план стремление к личностному совершенствованию и самовыражению в процессе обучения. Такие ведущие мыслители, как Абрахам Маслоу и Карл Роджерс, отстаивали подход, при котором центральное место занимает студент со всеми его индивидуальными особенностями и стремлениями к реализации собственных возможностей [Maslow, 1987, p.411; Maslow, 1998, p.274; Maslow, 1998, p.274].

Маслоу, разработавший концепцию иерархии потребностей, особое внимание уделял самоактуализации как ключевому элементу в становлении личности [Maslow, 1987, p.411]. В образовательной практике это подразумевает организацию обучения таким образом, чтобы каждый обучающийся мог раскрывать себя, находя и реализуя свои уникальные таланты и стремления. По мнению Маслоу, задача образовательного процесса заключается в том, «чтобы помочь ученикам понять и принять свои внутренние стремления, что способствует повышению их внутренней мотивации и, как след-

ствие, повышает эффективность учебного процесса» [Maslow, 1998, p.274].

Концепция обучения, ориентированного на личность учащегося, получила свое дальнейшее развитие в работах Карла Роджерса. Его подход предполагает роль преподавателя в качестве организатора образовательного процесса, где студенты являются главными действующими лицами и непосредственно вовлечены в приобретение знаний [Rogers, 2021. 592 p.]. Михай Чиксентмихайи, внося вклад в теорию обучения, акцентирует внимание на таких состояниях, как полное поглощение задачей и сосредоточенность, которые повышают удовольствие и результативность труда. В образовательной среде эти принципы помогают учащимся достичь глубины и качества знаний, что является целью каждого педагога [Csikszentmihalyi, 2008. 336 p.]. Подходы Дэвида Бома к ведению диалогов также имеют отношение к педагогической практике, подчеркивая значимость открытости и взаимопонимания для коллективного образовательного процесса и индивидуального развития личности учащихся [Bohm, 2004. 144 p.].

Концепция гуманистической психологии в сфере управления персоналом выделяет значимость уникальности личности сотрудника, его стремления к самосовершенствованию и реализации собственного потенциала в рамках профессиональной деятельности. Подразумевается, что работник испытывает внутреннюю потребность в развитии своих навыков и компетенций, причём рабочее пространство становится платформой для такого саморазвития. Ключевой задачей здесь является создание такой рабочей атмосферы, где бы поддерживался не только профессиональный прогресс сотрудников, но и их личностное процветание.

Применение гуманистического подхода в организациях приводит к смягчению управленческих структур, уклону от строгой иерархии в пользу более свободной и синергетической работы. Это создаёт условия для того, чтобы сотрудники могли свободнее выражать свои мысли и идеи, что, по сути, может стимулировать их мотивацию и удовлетворённость работой.

Такие принципы, как внимание к эмоциональному интеллекту сотрудников, их способности к управлению стрессом и межличностным взаимодействиям, составляют фундамент гуманистического подхода. Поддержание и развитие эмоционального благополучия персонала способствует формированию здоровой и результативной рабочей среды.

В конечном итоге гуманистический взгляд в корпоративной практике направлен не только на оптимизацию бизнес-процессов, но и на создание среды, где каждый сотрудник может реализовать свои индивидуальные качества, способствуя общему успеху, и при этом достигать личностного роста и самовыражения.

Рассмотрение гуманистической психологии неизменно приводит к анализу ее базовых концепций, в том числе акцентирование индивидуального опыта и стремление к самореализации. Основная критика заключается в потенциальной переоценке человеческого потенциала и самостоятельности, с упущением из виду значимых социальных и биологических факторов, что подробно изложено в работах [Maslow, 1987. 411 p.; Rogers, 2021. 592 p.].

Скептики выдвигают предположение, что подобный взгляд может приводить к чрезмерному упрощению сложности человеческого бытия, отодвигая краю деструктивные черты личности и поведенческие проблемы. В частности, Дэвид Бом поднимает вопрос о необходимости глубокого диалога и взаимодействия, чтобы понять смысл человеческого бытия, указывая на веро-

ятную недооценку этих аспектов в рамках гуманистической психологии [Bohm, 2004., 144 p.].

Отдельный вопрос вызывают исследования, подтверждающие результативность гуманистических практик, их эмпирическое обоснование подвергается сомнению [Нуркова, 2012]. Затруднительность количественного анализа концептов, таких как «самореализация» и «поток», подчеркивает сложность их эмпирического исследования [Csikszentmihaly, 2008., 336 p.].

Не уходит без внимания и проблематика субъективизма, присущего гуманистическому направлению, который может осложнять несубъективное наблюдение и интерпретацию психологических процессов. Виктор Франкл в работе «Человек в поисках смысла» подчеркивает важность смысложизненных ориентиров, тем не менее его подходы иногда оспариваются из-за недостаточной методологической строгости [Frankl, 2006. 200 p.].

Гуманистическая психология оказалась ключевой в разработке новых течений психотерапии, включая эмоционально-фокусированную терапию, отраженную в работах Greenberg [2002, p. 337]. Этот психологический подход не только способствовал эволюции психотерапевтических методик, но и оказал влияние на педагогическую теорию и корпоративное управление, акцентируя внимание на ценности эмпатии и личностных связей.

Тем не менее, перед гуманистической психологией еще стоят серьезные задачи, включая разрешение спорных вопросов, касающихся методологической строгости, эмпирической обоснованности и эффективности применения в разнообразных социально-культурных условиях. Исходя из своих корней, возникших в качестве альтернативы бихевиоризму и психоанализу в середине 20-го века, гуманистическая психология придает вес самоопределению и персональному выбору, что нашло отражение в ее проникновении в различные аспекты психологических исследований и практик. Инкорпорация этих принципов в психологическую практику обусловлена, в том числе, применением клиент-центрированной терапии и терапевтических методов, основанных на работе с эмоциями, которые подчеркивают важность понимания и эмоционального резонанса в процессе лечения.

Понятия самоактуализации и поиска смысла, в корне связанные с гуманистическим направлением в психологии, активно внедряются в современные научные работы по вопросам психологического благополучия и позитивной психологии, подчеркивая важность внутренних стремлений и личностного прогресса. Концепт «потока», олицетворяющий состояние глубокого увлечения и удовольствия от действия, стал импульсом для широкого спектра исследовательских проектов, затрагивающих эффективность трудовой и образовательной среды. Такие подходы расширили границы понимания того, как индивиды достигают удовлетворения в профессиональной сфере и личных увлечениях, уточнив динамику устремлений и самореализации.

Экзистенциально-философские размышления, провоцирующие гуманистическую психологию, продолжают вносить свой вклад в современные подходы психотерапевтической помощи и разработку теорий личности, акцентируя на ценности человеческой автономии, ответственного выбора и креативности. Однако критические замечания в адрес гуманистической психологии также находят место в академическом дискурсе, прежде всего из-за запросов на эмпирическую подтвержденность и научную подкрепленность. Определенные исследователи обращают внимание на излишнюю абстрактность и проблемы в конкретизации ее ключевых терминов. Но несмотря на это, течения гуманистической психоло-

гии продолжают свое развитие, проникая в психологическую практику и исследовательскую деятельность, тем самым расширяя горизонты понимания человеческого опыта и поведения.

Сегментация и динамическая реорганизация гуманистической психологии отмечаются её текущей эволюцией, представляя интеграцию новаторских методологических концептов и теоретических проникновений. Интерфейс между гуманистической психологией и нейронауками занимает принципиальную роль в исследованиях, поскольку он дает возможность для более основательного осмысления биофизиологических процессов, связанных с самоосуществлением и эмоциональными переживаниями личности. Эта междисциплинарная симбиоза обеспечивает синтезированное видение взаимодействия когнитивных функций и личностного прогресса.

Внедрение инновационных технологий в практику психотерапии, обогащённой идеями гуманистической психологии, также представляет собой фундаментальное направление. Применение виртуальной реальности и разработанных мобильных приложений способствует индивидуализации терапевтических подходов и расширяет доступ к психологической поддержке.

Помимо этого, встраивание кросс-культурной перспективы углубляет понимание воздействия различных культурных обстоятельств на становление индивида и его самоидентификацию. Это знание насыщает и расширяет теоретический фундамент дисциплины, представляя ей масштабность и адаптивность к разнообразию социальных реалий.

И наконец, сотрудничество гуманистической психологии с областью позитивной психологии заметно обогатило исследование оптимистических человеческих состояний, таких как радость, благодарность и способность к прощению. Это исследование открывает дорогу для разработки методов, которые укрепляют благоприятные стороны человеческого опыта, способствуя общему благоденствию.

Процесс обучения претерпевает трансформацию под воздействием гуманистического направления в психологии, акцентирующего внимание на личностно ориентированном подходе. Этот тренд поддерживает развитие индивидуальных особенностей и потребностей обучающихся. Соответственно, актуализируются инновационные методики в области педагогики. В свете современных научных достижений и их практической аппликации можно сделать вывод о перспективном характере развития гуманистической психологии. Она предвещает расширение своего влияния и открывает новые возможности для глубокого осмысления сущности человечества, а также способствует усовершенствованию методик в сфере психологической поддержки и личностного роста.

В заключение, подчеркивается фундаментальное значение гуманистической психологии для современной психологической научной мысли. Этот подход, отклоняясь от упрощенных моделей восприятия человека, делает упор на уникальности личностного опыта, стремлении к самоактуализации и личностном росте, что способствует глубинному осмыслению многогранности человеческой природы. Введение гуманистической психологии заложило основы для более детального изучения потребностей и возможностей личности, обогатило психотерапевтическую практику новаторскими методами и оказало существенное воздействие на сектора образования и социальной работы.

Основываясь на отклике к психоаналитическим и поведенческим моделям, гуманистическая психология раскрылась во второй половине XX столетия и продолжа-

ет эволюционировать, проникая в различные сферы и сливаясь с родственными научными направлениями. Отличительной чертой этого направления является его открытость для междисциплинарного взаимодействия и гибкость в адаптации к изменчивым научным течениям. Гуманистическая психология значительно расширяет арсенал терапевтических стратегий и образовательных инициатив, сохраняя свою востребованность и динамичность в рамках академического обмена знаниями.

Критический анализ существа гуманистической психологии выявляет её непреложную роль как действующую силу, нацеленную на оптимизацию человеческой жизни и её качественные аспекты. Этот подход подчёркивает индивидуальные способности к самореализации и преобразованию, предлагая основу для более согласованного и интегрированного личностного роста. Следовательно, гуманистическая психология сохраняет свою актуальность, обосновывая продуктивные траектории для будущих научных разведок и клинических практик в дисциплине.

Литература

1. Дьячкова М.А. Концепт «гуманистическая направленность личности»: монография / отв. ред. О.Н. Томюк. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2014. – 108 с.
2. Нуркова В.В. Психология: учебник для бакалавров / В.В. Нуркова, Н.Б. Березанская. 2-е изд., перераб. и доп. М: Издательство Юрайт, 2012. 575 с.
3. Bohm, David. On Dialogue. 2004. 144 p.
4. Bugental, James F.T. The Search for Authenticity: An Existential-Analytic Approach to Psychotherapy. 1965. 288 p.
5. Csikszentmihalyi, Mihaly. «Flow: The Psychology of Optimal Experience» 2008. 336 p.
6. Frankl, Viktor E. Man's Search for Meaning. 2006. 200 p.
7. Gendlin, Eugene T. Focusing. 1982. 224 p.
8. Goldstein, Kurt. «The Organism: A Holistic Approach to Biology Derived from Pathological Data in Man.» 1939. 396 p.
9. Greenberg, Leslie S. Emotion-Focused Therapy: Coaching Clients to Work Through Their Feelings. 2002. 337 p.
10. Maslow, Abraham H. Motivation and Personality» 1987. 411 p.
11. Maslow, Abraham H. Toward a Psychology of Being. 1998. 274 p.
12. May, Rollo. The Courage to Create. 1994. 224 p.
13. Rogers, Carl R. Client-Centered Therapy: Its Current Practice, Implications and Theory. 2021. 592 p.
14. Rogers, Carl R. On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy. 2004. 420 p.
15. Rollo, May. Love and Will. 2007. 352 p.
16. Yalom, Irvin D. Existential Psychotherapy. 1980. 524 p.

HUMANISTIC PSYCHOLOGY: GOALS, CONCEPTS, METHODS

Moskvina E.V., Potapov M.V., Zelenova A.V.

Ministry of Scientific and Practical Center for Narcology of the Healthcare Department of the City of Moscow

This article provides a comprehensive overview of humanistic psychology, its main goals, concepts and methods. The study focuses on the fundamental ideas of the humanistic direction, in the center of which is the personality with all its unique set of needs and instinctive movement towards self-realization. The emphasis is on the paradigms of self-realization, the integrity of the individual and the internal potential for evolution and personal prosperity, which is the uniqueness of the humanistic view of human nature. The article also analyzes in detail the methodologies of humanistic psychology, such as non-directive counseling, group therapy and personality-oriented learning strategies. The achievements of these approaches in psychotherapy and their role in modern psychological research are considered.

Keywords: Humanistic Psychology, Goals, Concepts, Needs, Non-directive counseling, Technological innovations, Methodologies, Integrity, Evolution, Learning strategies

References

1. Dyachkova M.A. The concept of "humanistic orientation of personality": monograph / ed. O.N. Tomuk. – Ekaterinburg: Publishing house "Azhur", 2014. – 108 p.
2. Nurkova V.V. Psychology: textbook for bachelors / V.V. Nurkova, N.B. Berezanskaya. 2nd ed., revised. and enlarged. Moscow: Publishing house Yurait, 2012. 575 p.
3. Bohm, David. On Dialogue. 2004. 144 p.
4. Bugental, James F.T. The Search for Authenticity: An Existential-Analytic Approach to Psychotherapy. 1965. 288 p.
5. Csikszentmihalyi, Mihaly. "Flow: The Psychology of Optimal Experience" 2008. 336 p.
6. Frankl, Viktor E. Man's Search for Meaning. 2006. 200 p.
7. Gendlin, Eugene T. Focusing. 1982. 224 p.
8. Goldstein, Kurt. "The Organism: A Holistic Approach to Biology Derived from Pathological Data in Man." 1939. 396 p.
9. Greenberg, Leslie S. Emotion-Focused Therapy: Coaching Clients to Work Through Their Feelings. 2002. 337 p.
10. Maslow, Abraham H. Motivation and Personality" 1987. 411 p.
11. Maslow, Abraham H. Toward a Psychology of Being. 1998. 274 p.
12. May, Rollo. The Courage to Create. 1994. 224 p.
13. Rogers, Carl R. Client-Centered Therapy: Its Current Practice, Implications and Theory. 2021. 592 p.
14. Rogers, Carl R. On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy. 2004. 420 p.
15. Rollo, May. Love and Will. 2007. 352 p.
16. Yalom, Irvin D. Existential Psychotherapy. 1980. 524 p.

Структурные основания социокультурной динамики: от классического дискурса социальности до начала XXI в.

Непомилуева Мария Алексеевна,

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: maryanemsu@gmail.com

В статье предпринята попытка анализа структурных элементов социокультурной динамики на материале теорий середины XIX – начала XXI в. Охарактеризованы основные периоды развития теоретического знания по предмету, уточнена классификация теорий социокультурной динамики в зависимости от траектории динамических процессов. В современном мире изменения претерпевает не только социокультурная система, но и сами динамические закономерности. Обобщены структурные элементы социокультурной динамики, обладающие наибольшим эвристическим потенциалом в современных условиях. Сделан вывод о наибольших объяснительных возможностях интегративного подхода к анализу социокультурной динамики с использованием положений социосинергетического подхода и других теорий нелинейного развития, а также элементов циклизма. Полученные результаты могут быть апробированы в управлении кризисными состояниями современной социокультурной среды.

Ключевые слова: траектория социокультурной динамики, нелинейные теории динамических процессов, социосинергетический подход, этап «нормального развития», ризома, новое равновесное состояние.

Начиная с 2000-х гг. и по настоящее время теоретики культуры и философы обращаются к вопросу о повороте, который совершила История после объявленного Ф. Фукуямой её Конца [22] и наступления нового «режима историчности» культуры [24, р. 53; 11, с. 63]. Современный мир вступил в переходный период своего развития, этап назревшей «глобальной турбулентности», отмеченной прогрессирующей дисфункциональностью западной модели глобализации, упрочением позиций Азиатско-Тихоокеанского региона, ростом конфликтности, в т.ч. глобальной [15]. При этом рассмотрение таких трансформаций через призму культурного измерения позволяет исследователям говорить о культурно-ценностной неоднородности как ключевой гипотезе настоящего переходного и будущего многополярного мироустройства [6]. В этой связи актуальным для социологов культуры исследовательским вопросом остаётся то, какие алгоритмы лежат в основе современной социокультурной динамики, обладающей потенциалом воздействия на источники вызовов, формы и интенсивность социальной напряжённости. Для ответа на этот вопрос представляется значимым определить ключевые структурные характеристики социокультурной динамики в пуле социологических и социально-философских теорий с периода институционализации социологии до XXI в.

В попытках проанализировать эволюцию проработки теоретической социологией понятия «социокультурная динамика», или «социодинамика культуры», следует отметить, что ещё до институционализации социологии культуры как научной дисциплины, не будучи специально артикулированным, «культурное» уже присутствует в классических дискурсах социальности, хотя терминологически оно практически не звучит ни у Конта, ни у Маркса, ни у Дюркгейма. В.Л. Абушенко отмечает, что значимость факта звучания вопроса культуры (например, в марксизме, или у Дюркгейма, или в американской социологии) состоит в применении «достаточно распространённой модели схватывания определённого культурного содержания в классическом социологическом дискурсе <...> для социологической классики социальное – это и есть социокультурное» [1, с. 86]. По А.Б. Гофману, ещё на протяжении XIX – начала XX в. «наблюдается переход от парадигмы “общества” и “социального” к комбинированной парадигме “общества культуры” и “социокультурного”» [1, с. 134]. Различные решения для помещения культуры в социологический дискурс – в умеренной и радикальной версиях – предлагали ещё М. Вебер, Г. Зиммель. В таком контексте появление дискуссии о детерминантах и вариантах протекания социодинамики общества и культуры возможно отсчитывать с середины XIX в. [19], то есть до институционализации социологии культуры как таковой.

В проработке концепта социокультурной динамики представляется возможным выделить следующие ключевые периоды и подходы.

1. Середина XIX в. – середина XX в. – этап формирования классических социологических теорий – наибольшее распространение получили два ключевых подхода к пониманию социокультурной динамики общества – эволюционный (классический эволюционизм: О. Конт,

Г. Спенсер, Э. Тайлор, Л. Морган, К. Маркс, Ф. Энгельс и мн. др.) и циклический (ещё у Ф. Гегеля, а в указанный период – Г. Тард, Н.Я. Данилевский, М. Туган-Барановский, Дж. Шумпетер, О. Шпенглер, А. Тойнби, П.А. Сорокин и др.). Магистральная тенденция в понимании предмета исследования – прогрессивное развитие и поиск линейных тенденций социокультурной динамики. Процессам, циклично повторяющимся в пространстве и времени, уделялось меньшее внимание.

2. 1950–1980 е гг.

- Те же методологические лидеры: эволюционизм («неоэволюционизм», начиная с американской антропологии: Л. Уайт, Д. Стюард, М. Саллинз, М. Харрис и др.) и циклизм, но новые формы их реализации.
- Меняется взгляд на предмет, происходит сдвиг в методологии изучения (к попыткам дать систематическую теорию причинности социокультурной динамики, к более детальной операционализации переменных, широкому привлечению математического аппарата).
- С 1970-х гг. – смещение исследовательского фокуса с линейных тенденций на цивилизационные отличия культур и цикличные тенденции их развития, периодичность и ритмы повторяющихся социокультурных явлений.
- Появление ещё одного научного направления, которое стало оказывать влияние на развитие теории культурной социодинамики, – синергетики, изучающей законы самоорганизации сложных, открытых систем (Г. Хакен, И. Пригожин, П. Бак, Н.Н. Моисеев, С.П. Капица, С.П. Курдюмов и др.).

3. На рубеже XX–XXI вв. теории социокультурной динамики представлены по апробированной ранее условной классификации: теории эволюционного развития в версии «неоэволюционизма» (А.А. Пелипенко и др.), теории циклического развития и теории нелинейного развития. Однако изменилось соотношение их востребованности в социальных науках, как изменился и облик каждого из направлений.

Теории нелинейного развития, к которым может быть отнесена и синергетика, не альтернативны эволюционизму и могут рассматриваться как усложненная неоэволюционная попытка экспликации социокультурной динамики. Для операционализации и обобщения её структурных характеристик представляется целесообразным предложить классификацию теорий социокультурной динамики по траектории развития социокультурной системы:

- теории линейного развития (эволюционизм и «неоэволюционизм» середины XX в.),
- теории циклического развития (цивилизационизм и собственно циклизм),
- теории нелинейного развития («неоэволюционизм» II половины XX–XXI вв., включая социосинергетику, концепцию рефлексивного развития Э. Гидденса, постмодернистские теории современности З. Баумана, Н. Лумана и др.),
- интегративные теории социокультурной динамики (Ю. Хабермас, А.С. Ахиезер, М.С. Каган и др.),

Структурные характеристики для каждой из этих групп теорий были выделены по следующим ключевым основаниям: предмет исследования; основная причина динамического развития социокультурной среды; вектор динамических изменений; механизм динамических изменений; факторы и переменные социокультурной динамики; оценка регионального фактора; стадии социокультурной динамики; результат социокультурной динамики; допущение/отрицание нисходящей социодинамики.

Структурные характеристики социокультурной динамики в классическом эволюционизме и «неоэволюционизме» 1850–1980-х гг.

1. Предмет исследования – количественный рост и качественное усложнение социокультурной системы в пространстве и времени.

2. Основная причина динамического развития системы – её адаптация к меняющимся внешним условиям функционирования. Внешний фактор первичен при запуске динамических процессов.

3. Вектор динамических изменений: линейный прогресс (в классическом эволюционизме), «многолинейная эволюция» (в «неоэволюционизме»). Направление социальной эволюции едино для разных народов, реализуется асинхронно и, возможно, с некоторыми вариациями, но неизбежно: общий сценарий поэтапного усложнения. У некоторых «неоэволюционистов» II половины XX в. этот вектор представлен как фатальное движение к точке невозврата, в которой должна быть решена задача преодоления «сумасшествия разума» – идеологии в культуре (Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Хоркхаймер и др.).

4. Механизм социодинамики: в основе – принципы дифференциации и интеграции: переход социокультурного универсума из «неопределенной бессвязной однородности» в состояние определенной согласованной разнородности» [16, с. 311]. Усложняющиеся потребности общества, в т.ч. под воздействием внешней среды, порождают новые формы культуры.

5. Переменные социокультурной динамики: уровень технического развития; уровень совершенствования средств к существованию, языка, системы управления, религии, семьи, собственности, архитектуры и т.д., с другой (Г. Спенсер, Л. Морган и др. [10, с. 85]; прирост знания в четырех ключевых формах (научного, философского, или религиозного, эстетического, рационально-прикладного) – попытки его концептуализировать [16, с. 106].

6. Региональный фактор. Нивелирование региональных особенностей в классическом эволюционизме, их допущение в силу исторических и природных отличий в «неоэволюционизме» середины XX в.

7. Стадии социокультурной динамики: дифференцированы по уровню сложности от простейшей к развитой (О. Конт, Г. Спенсер, Л. Морган, К. Маркс и его апологеты, Ф. Теннис, А. Кост, Ф. Гиддингс и мн. др.). Общие для всех обществ (в классическом эволюционизме) или отличающиеся у разных народов в силу разнообразных природных и исторических обстоятельств (средового контекста) у некоторых «неоэволюционистов».

8. Результат социокультурной динамики – последовательное усложнение, повышение специализированности способов жизнедеятельности, их совершенствование.

9. Нисходящая социодинамика как упрощение и деградация системы невозможна в классическом эволюционизме, но допускается «неоэволюционистами», что сближает их с циклистами (фатально прогрессирующее «сумасшествие» разума и культура как индустрия манипуляций, которая не адаптируется под усложняющиеся потребности человека, а сама их продуцирует [2]; прогресс как фактор, сдерживающий общественное развитие и концепция «великого отказа» в пользу новой цивилизации (Г. Маркузе). Вместо идей преемственности культурного развития – идея порвать со всем, что эволюционно привело к настоящему моменту.

Стоит отметить, что у второго поколения франкфуртцев, к которому относится, например, Ю. Хабермас, эта идея «великого отказа» и преодоления претерпевает из-

менения. Так Ю. Хабермас пишет о модерне как «незавершенном проекте», возвращение к которому, возможно, будет осуществлено в будущем. Это говорит о присутствии элементов циклизма в теории Хабермаса и позволяет отнести его к группе интегративных макро-теорий социокультурной динамики.

Структурные характеристики социокультурной динамики в цивилизационизме и собственно циклизме.

1. Ключевой предмет исследования. У цивилизационистов: региональные социокультурные особенности как значимые качественные характеристики социокультурных систем, оказывающие влияние на их социодинамический сценарий. У, собственно, циклистов: циклы социокультурной динамики и закономерности их смены.

2. Основная причина динамического развития социокультурной системы: нет единого мнения, по большей части, обнаружившееся несоответствие характеристик социокультурной системы современной социокультурной реальности. Например, у П.А. Сорокина тяга социокультурной системы по мере развития монополизировать собственную истину, вытесняя другие [17, с. 403].

3. Вектор динамических изменений: графически может быть представлен замкнутым кольцом. Отрицание бесконечно восходящего развития. Движение от дезинтеграции порядка социокультурной системы через кризис к распаду или мобилизации сил и новому социокультурному порядку.

4. Механизм динамических изменений. Происходит ротация, ритмическая смена повторяющихся социодинамических этапов/циклов. Чередование прогрессивных и регрессивных явлений в обществе – внутренний механизм, управляющий социокультурной динамикой (П.А. Сорокин), смена циклов происходит за счёт их борьбы. Развитие ограничено хронологически, все социокультурные системы рано или поздно проходят стадию упадка, деградации или растворения в других системах – универсально только это.

5. Факторы и переменные социокультурной динамики. Постепенная методологическая переориентация: первичность социокультурных явлений и социокультурных условий развития систем, вторичность внешних факторов. Утверждается способность динамической социокультурной системы к самоизменению. Ключевой фактор динамики – имманентно присущие социокультурной системе свойства (концепция «диониссийского и аполлонического начал» у Ф. Ницше, объективация культурных форм у Г. Зиммеля [17, с. 101], ускорение динамики культуры под влиянием взаимодействия двух типов факторов – ценностно-символических и хозяйственных у М. Вебера, типы культурной ментальности у П.А. Сорокина).

Поиск ключевых переменных социодинамики культуры: внешних, не социокультурных (климатических, географических, генетических, демографических, психологических) и социокультурных (в т.ч. социальных с учетом «схватывания культурного содержания в социологическом дискурсе») привели циклистов к гипотезе о первичности собственно социокультурного фактора в социокультурной динамике. Он включает в т.ч. символическую и ценностно обусловленную сторону коммуникации. Например, ценности – центральная категория в теории социокультурной динамики П.А. Сорокина, в теории действия Т. Парсонса социокультурная динамика является следствием избытка или недостатка обмена энергией

и информацией, у С. Аменса главный фактор социокультурной динамики – смена «типов сознания».

6. Оценка регионального фактора. Социокультурная динамика не универсальна, развитие вариативно. Региональные социокультурные особенности понимаются как значимые качественные характеристики социокультурных систем, оказывающие влияние на их социодинамический сценарий (цивилизационисты Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, С Хантингтон, Б.С. Ерасов, феноменолог А. Гурвич и его анализ жизненных миров общностей в их историческом развитии, Ф. Ферратотти о неприменимости идей социокультурной динамики, созданных в одной социокультурной среде, к анализу динамических состояний другой среды).

7. Стадии социокультурной динамики: стабильная повторяемость стадий развития систем (у, собственно, циклистов: П.А. Сорокин, Х. Ортега-и-Гассет, Л.Н. Гумилев, В. Бюль, А. Моль и др.): от становления до упадка/растворения.

8. Результат социокультурной динамики: цивилизационисты – реализация замкнутыми социокультурными системами собственной «коллективной души» через культурный прасимвол (О. Шпенглер); циклисты – смена системой циклов развития.

9. Нисходящая социодинамика как упрощение и деградация систем возможна, в т.ч. целенаправленная. Пример: «социодинамическая» доктрина воздействия средств массовой коммуникации на потребителя с селективным нацеливанием на выбор «прогрессивных» (ускоряющих динамику) и «консервативных» (замедляющих её) ценностей.

Структурные характеристики социокультурной динамики в социосинергетике

1. Предмет – динамические процессы в сложных самоорганизующихся системах открытого кода.

2. Причина динамических изменений – саморазвитие самой системы, усложнение её внутренней структуры, в открытом взаимодействии со средой. И то, и другое, но в разных условиях активизирует разные потенциалы системы.

3. Вектор – хаотичное, разнонаправленное движение по законам самоорганизации нелинейных систем. Образ пенящейся жидкости, на поверхности которой постоянно вздуваются, сливаются по несколько и лопаются пузыри – социокультурные образования [19, с. 24].

4. Механизм динамических изменений: социокультурная система возникает, претерпевает динамические изменения как двуединый компонент сложной системы «общество-природа-культура», внутри которой происходит непрерывный обмен веществом, энергией, информацией, достигает своего предельного состояния развития, входя в зону бифуркации и приобретая тенденцию к распаду, достигает распада, после чего вступает в новую стадию равновесности. Все хаотические процессы – проявление системой способности к самоорганизации через фазу неустойчивости к новой равновесности.

5. Факторы, определяющие динамические процессы: интересы групп и классов, социальная активность акторов, стремящихся к изменениям социальной системы, идеология и др. Их влияние на социокультурную динамику носит совокупный и ситуативный характер (метафора поднимающихся со дна пузырьков газа) [19, с. 24].

6. Региональный фактор – не выделяется отдельно, поскольку система незамкнута, открыта.

7. Стадии – условны, отражают движение системы, возникшей, достигшей предельно развитого состояния,

через неустойчивость и тягу к распаду в сторону к новой равновесности.

8. Результат – сложная открытая система реализует свою способность к самоорганизации под воздействием ситуативно сдетонировавших факторов по относительно случайной траектории в сторону к новой равновесности.

9. Идея о нисходящей социодинамике как упрощении и деградации сменяется концепцией обретения развитыми динамическими системами в предельном состоянии своего развития тенденции к неустойчивости и распаду для достижения новой равновесности.

Структурные характеристики социокультурной динамики в других теориях нелинейной динамики 1980-х гг. XX в. – начала XXI вв.

1. Предмет исследования – комплексное представление о предмете: скорость и глубина социально-исторических изменений (исторический ракурс), разнообразие культур (культур-антропологический ракурс).

2. Причина динамических изменений: неопределенность – отсутствие единой внешней причины, однозначных причинно-следственных связей, жесткой детерминации, при которой прошлое определяет настоящее и будущее [18], прогресса. Пересечение с концепцией «смерти Автора».

3. Вектор – вместо линии – спираль или кривая с существенными возвращениями к исходным координатам. Эволюция может осуществляться по нескольким направлениям (например, «горизонтальная» эволюция адаптации к внешним условиям и «вертикальная» морфологическая у А.А. Пелипенко [13]. Возможно смещение вектора: возможность «вертикального» эволюционного скачка слабейшего звена или ветви «горизонтальной» диспозиции (концепция «больной обезьяны»). Доминирующего вектора нет, развитие многолинейно, хаотично, сравнительно случайно – ризома. В современном мире это развитие всегда под угрозой – «согласие на прогресс» в опасности [4, с. 164].

4. Механизм динамических изменений: новые формы организации и порядка возникают из дезорганизации и хаоса [14]. Динамические процессы регулируются не внешними факторами и не предзаданными свойствами системы, а логикой самого разрастания ризомы, её собственным потенциалом креативной адаптивности и внутренней энергетикой. «Исторические траектории вписаны в структуры, но до определённой точки», после её достижения развитие становится алеаторным, уже не объясняется структурой: малые воздействия могут приводить к большим изменениям, происходит бифуркация, ведущая к возникновению новой системы [12].

У Б. Латура – социодинамика – постоянное движение от комплексности процессов к их возрастающей сложности (рост дискретности переменных динамического процесса). При этом сами законы динамического развития социокультурной системы тоже претерпевают изменения [9]. Существует несколько альтернативных открытых сценариев социокультурной динамики в будущем [23, р. 239]. Формулировка адекватного закона социодинамики невозможна, возможно лишь выявление закономерностей в эволюции (в период нормального социокультурного развития, не в точке бифуркации).

5. Факторы социодинамики. Ни один фактор (ни свойства системы, ни внешние условия) не абсолютен, но в социокультурной динамике совокупным влиянием участвуют все (аутопойетические процессы Н. Лумана; агенты, борющиеся за специфический капитал социального поля, при участии внешних факторов (П.

Бурдые) и мн. др. разнородные процессы в системе (В. Бюль). Глобальные угрозы вносят постоянную неопределённость в траекторию и саму возможность развития [4]. Соотношение факторов в этом влиянии ситуативно.

Аномия и девиация из факторов стагнации становятся новыми факторами управления темпами социодинамики, придания системе импульсов развития.

6. Региональный фактор. Концепция неравномерного развития различных регионов и секторов социальных систем, эффект «одновременности неодновременного» (К. Мангейм): сосуществование разных систем знания, жизненных миров, типов рациональности, ценностей и т.д., вызывающее разрывы преемственности [7, с. 26]. Идея «попеременного» изменения: передовые для одних исторических условий элементы могут быть неадекватными и сдерживающими для других [7, с. 225].

7. Стадии – условны: стадия нормального развития и кризисная стадия. Анализ динамических закономерностей поддается только первая (но есть ограничения в виде постоянно свойственных современности глобальных угроз).

8. Результат – структурные изменения социокультурной системы (не сводятся к дифференциации и усложнению) и системы исторического действия («способа влияния историчности на социальную и культурную практику» [7, с. 532]. Дифференцируется как сама социокультурная система, так и динамические механизмы (например, у Н. Лумана – сегментарный, иерархический и функциональный принципы дифференциации на разных стадиях эволюции). Переход системы не от простой социальности к комплексной (несколько переменных, которые не могут рассматриваться дискретно), а от комплексной – к сложной: дискретные переменные могут рассматриваться последовательно [8].

9. Нисходящая социодинамика – допускается как естественный процесс на этапе вхождения социокультурной системы в неравновесное состояние. У Б. Латура: человечество постоянно спускается от обезьяны к человеку, но это ведёт к усложнению системы и одновременно снижению её комплексности.

Структурные характеристики в интегративных макротеориях социокультурной динамики рубежа XX–XXI вв. (на примере теорий социокультурной динамики Ю. Хабермаса, А.С. Ахиезера, М.С. Кагана)

1. Предмет – трансформация культурной организации, в которой культура – результат деятельности человека и четвертая, интегральная форма бытия, равно охватывающая другие три сферы (природу, общество и человека).

2. Причина динамических изменений – присущие социокультурной системе антиномии (индивидуализма и коллективизма, отчуждения и др.) «колонируют жизненный мир» системы, искажают коммуникацию, деформируют социальные смыслы. Социокультурная система обнаруживает необходимость возврата к этапу свободного дискурса [20].

3. Вектор: в период «нормального развития» – условно параболическое движение через наращивание темпов динамики и достижение пика развития до упадка по мере приближения к зоне энтропии. Эти чередования цикличны.

Интегративный подход к социокультурной динамике объединяет «неоэволюционистские» наработки с положениями циклизма (Ю. Хабермас, А.С. Ахиезер) или синергетического подхода (М.С. Каган).

4. Механизм динамических изменений: переход от одного уровня культурной организации к другому через разрушение сложившегося порядка (энтропию). Затем уровень энтропии падает, и наступает уровень более совершенного порядка. Российскому обществу свойственно сочетание циклического (размыкание циклов) и линейного развития: превалирует инверсионный цикл, он усложняется линейным прогрессивным развитием [3].

Законы социокультурной динамики соотносимы с физическими (Каган М.С., 2000), но строятся по логике коммуникативной, а не технической рациональности, отличаются от инструментальной логики целерационального действия. Для преодоления кризиса развития социокультурной системы необходимо вернуться к вопросу его зарождения и предшествующему этапу «неискаженной насилом коммуникации» [21, с. 65].

5. Факторы, определяющие динамические процессы: нет ключевого фактора, они становятся более сложными, а переменные – более дискретными.

6. Региональный фактор – не является определяющим.

7. Стадии – условно чередующиеся этапы «нормального развития» и энтропии.

8. Результат – обретение социокультурной системой новой равновесности после энтропии, разрешающей прежние антиномии; возврат социального мира к свободному дискурсу, достижение позитивного прогрессирования рациональности социокультурного мира – коммуникативной и смысловой [20].

9. Нисходящая социодинамика – на этапе приближения к зоне энтропии.

Определение структурных характеристик социокультурной динамики, свойственных для существующих научных подходов, позволяет сделать вывод об ограничениях в разработке единой модели социокультурной динамики. Каждая из предложенных моделей находит своё достоверное эмпирическое подтверждение на примере определенного массива социально-исторических данных, но ни одна из них не является универсальной для объяснения всех динамических изменений в социокультурном пространстве и времени. В современном мире всё более сложную структуру приобретают не только социокультурные явления и процессы, но и сами законы динамического изменения социокультурной системы, нелинейно меняются его темпы.

А.Я. Флиер полагает, что наибольшим потенциалом в области измерения социокультурного, в т.ч. в динамическом состоянии, обладает методология на пересечении синергетического и «неоэволюционного» подходов [19]. Добавим при этом, что привнесение в такие интегративные теории элементов циклизма может использоваться также в анализе факторов отрицательной динамики.

По итогам проведённого исследования возможно прийти к следующим выводам. Анализу поддаётся тот этап социокультурной системы, когда она проходит своё «нормальное развитие» – до вхождения в точку бифуркации. Однако даже на этой стадии траектория динамики не предзадана и ограниченно прогнозируема, испытывает постоянные корректировки. В состоянии «нормального развития» вместе с реализацией собственно движения система вынуждена поддерживать хрупкий баланс, «согласие на прогресс», скорость и сам факт которого в современном мире постоянно находится под угрозой. По мере вхождения в неравновесное состояние системных конфликтов и противоречий, социокультурная среда стремится этот дисбаланс преодолеть, реализовать попытки на обретение нового равновесного состояния по логике рациональности, но не научно-

технической, а коммуникативной. Особое место в этом процессе займут социальные смыслы, ценности и структурные элементы социальной коммуникации, выполняющие для социокультурной динамики функцию не причинного фактора (от которого, вероятно, целесообразно отказаться), а структурного с высоким управленческим потенциалом. С помощью этих структурных элементов возможна корректировка траектории социокультурной динамики на этапе т.н. «нормального развития», в т.ч. отсрочка кризисных состояний, приближающих систему к точке бифуркации.

Литература

1. Абушенко В.Л. Классический подход к изучению культуры в социологии в перспективе социологической (пост) неклассики. Социологический альманах. 2011.
2. Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2011.
3. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). В 2 т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
4. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS, 1994, вып. 5. С. 161–168.
5. Каган М.С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 6. С. 47–61.
6. Комаров И.Д., Горбунова М.Л. Трансформация мирового порядка через призму культурных изменений Г. Хофстеде // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 6–28.
7. Кравченко С.А. Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. М., 2006.
8. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
9. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
10. Маховых И.А. Динамика социокультурных процессов: теоретическое осмысление доминантных факторов влияния // Ценности и смыслы. 2016, № S6. С. 84–91.
11. Метамодернизм. Историчность. Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер. М., 2020.
12. Можейко М.А. Ризома // Энциклопедия постмодернизма. – URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/postmodernism/article/pm1/pm1-0403.htm>
13. Пелипенко А.А. Культура и смысл // Пелипенко А.А. Избранные работы по теории культуры. М., 2014.
14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001.
15. Сирота Н.М. Глобальная турбулентность и трансформация мироустройства // Международный научно-исследовательский журнал. Выпуск: № 2 (140), 2024. – URL: <https://research-journal.org/archive/2-140-2024-february/10.23670/IRJ.2024.140.41>
16. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2017.
17. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.
18. Филиппов Р.И. Символический обмен и потребление в условиях нелинейной социокультурной динамики управления // Право и управление: XXI век. 2009, № 10(1). С. 39–47.

19. Флиер А.Я. Гибкость и вариативность культурной социодинамики// Культура и образование. 2015, № 2(17). С. 16–26.
20. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (Фрагменты). Пер. А.Б. Рахманова // Личность. Культура. Общество: журнал. 2004, № 1 (21). С. 303–312.
21. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М., 2007.
22. Arquilla J. The B(end) of History. Foreign Police. 27 Decembre 2011. – URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/12/27/the_bend_of_history
23. Giddens A. Central problems in social theory. Berkeley&Los Angeles, 1979.
24. Hartog F. Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time. Columbia University Press, 2016.

THE STRUCTURAL FOUNDATIONS OF SOCIOCULTURAL DYNAMICS: FROM THE CLASSICAL DISCOURSE OF SOCIALITY TO THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Nepomiluyeva M.A.

St. Petersburg State University

The article attempts to analyze the structural elements of socio-cultural dynamics based on the theories of the middle XIX – early XXI century. It contains the main periods of the development of theoretical knowledge characteristic on the subject, as well as an updated theories classification of socio-cultural dynamics depending on the dynamic processes trajectory. In the modern world both the socio-cultural system and dynamic laws are changing. The structural elements of socio-cultural dynamics with the greatest heuristic potential in modern conditions are generalized. The conclusion is made about the greatest explanatory possibilities of an integrative approach to the analysis of socio-cultural dynamics. It implies the use of the provisions of the sociosynergetic approach and other theories of nonlinear development, as well as elements of cyclism. The results obtained can be tested in crisis management of the modern socio-cultural environment.

Keywords: the socio-cultural dynamics trajectory, nonlinear theories of dynamic processes, sociosynergetic approach, “normal development” stage, rhizome, new equilibrium state.

References

1. Abushenko V.L. The classical approach to the study of culture in sociology in the perspective of sociological (post) non-classics. The sociological almanac. 2011.
2. Adorno T. Negative dialectics. M., 2011.
3. Akhiezer A.S. Russia: criticism of historical experience (Socio-cultural dynamics of Russia). In 2 vols. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1998.
4. Beck W. From an industrial society to a risk society // THESIS, 1994, issue 5. pp. 161–168.
5. Kagan M.S. Civil society as a cultural form of a social system // Socio-humanitarian knowledge. 2000. No. 6. pp. 47–61.
6. Komarov I.D., Gorbunova M.L. World order transformation order through the prism of cultural changes by G. Hofstede // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2022. Vol. 15. No. 5. pp. 6–28.
7. Kravchenko S.A. Nonlinear socio-cultural dynamics: a systematization approach. M., 2006.
8. Latour, B. The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory. M., 2014.
9. Luhmann N. Social systems. An essay on general theory. St. Petersburg, 2007.
10. Makhov I.A. Dynamics of socio-cultural processes: theoretical understanding of dominant factors of influence // Values and meanings. 2016, No. S6. pp. 84–91.
11. Metamodernism. Historicity. Affect and Depth after postmodernism / R. van den Acker, M., 2020.
12. Mozheyko M.A. Rizoma // Encyclopedia of Postmodernism. – URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/postmodernism/article/pm1/pm1-0403.htm> [Date of application: 14.10.2024].
13. Pelipenko A.A. Culture and meaning // Pelipenko A.A. Selected works on the theory of culture. M., 2014.
14. Prigozhin I., Stengers I. Order from chaos. A new dialogue between man and nature. M., 2001.
15. Sirota N.M. Global turbulence and transformation of the world order // International Scientific Research Journal. Issue: No. 2 (140), 2024. – URL: <https://research-journal.org/archive/2-140-2024-february/10.23670/IRJ.2024.140.41> [Date of access: 11/25/2024].
16. Sorokin P.A. Social and cultural dynamics. M., 2017.
17. Sorokin P.A. Social and cultural dynamics: A Study of changes in large systems of art, truth, ethics, law and Public relations. St. Petersburg, 2000.
18. Filippov R.I. Symbolic exchange and consumption in the context of nonlinear socio-cultural dynamics of management// Law and Management: the XXI century. 2009, No. 10(1). pp. 39–47.
19. Flier A. Ya. Flexibility and variability of cultural sociodynamics // Culture and education. 2015, No. 2(17). pp. 16–26.
20. Habermas Yu. Theory of communicative action (Fragments). Per. A.B. Rakhmanov // Personality. Culture. Society: journal. 2004, No. 1 (21). pp. 303–312.
21. Habermas Yu. Technology and science as an “ideology”. M., 2007.
22. Arquilla J. The B(end) of History. Foreign Police. 27 Decembre 2011. – URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/12/27/the_bend_of_history
23. Giddens A. Central problems in social theory. Berkeley&Los Angeles, 1979.
24. Hartog F. Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time. Columbia University Press, 2016.

Нетребская Ольга Николаевна,
доцент НИУ МГСУ
E-mail: NetrebskayaON@mgsu.ru

В статье рассматривается концепция междисциплинарного знания – важнейшего методологического подхода в современной науке и образовании. Данный метод соответствует запросам и требованиям постиндустриального (информационного) общества и является отличительной особенностью постнеклассического этапа развития науки. Для данного этапа также характерно исследование сложных саморазвивающихся систем, то есть обращение к новой области знания – синергетике. Приведено определение сложных систем, а также примеры саморазвивающихся систем. С другой стороны синергетика может трактоваться как междисциплинарное исследование, имеющее своим объектом многоэлементные системы, элементы которой нелинейно взаимодействуют между собой. В статье рассматривается понятие НБИКС-конвергенции или НБИКС-технологий как варианта реализации междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: постиндустриальное (информационное) общество; сложные саморазвивающиеся системы; синергетика; NBICS- конвергенция

Советским и российским философом, исследователем и организатором науки Вячеславом Семёновичем Стёпиным (1934–2018) была предложена модель истории науки, согласно которой можно выделить такие её этапы как *классический*, *неклассический* и *постнеклассический*. Рождение и становление последнего как раз и происходит в современную эпоху, и мы, таким образом, являемся их свидетелями этих революционных изменений в науке и образовании.

Отличительными особенностями этого периода являются: «интенсивное применение научных знаний практически во всех сферах социальной жизни, революция в средствах хранения и получения знаний (компьютеризация науки, появление сложных и дорогостоящих приборных комплексов, которые обслуживают исследовательские коллективы и функционируют аналогично средствам промышленного производства и т.д.) меняют характер научной деятельности» [1 с. 626].

В плане исторического развития этот научный этап совпадает с так называемым постиндустриальным обществом. Очевидна особая роль в жизни, как отдельного человека, так и всего социума знания, образования, не случайно применительно к нему употребляют ещё термин «информационное общество».

Одной из важнейших черт постнеклассической науки является особая значимость междисциплинарного подхода в научных изысканиях и образовании. При этом научная дисциплина (*disciplina* – учение лат.) может быть определена как «базовая форма организации профессиональной науки, объединяющая на предметно-содержательном основании области научного знания, сообщество, занятое его производством, обработкой и трансляцией, а также механизмы развития и воспроизводства соответствующей отрасли науки как профессии» [2].

Дисциплинарный характер организации научного знания и образования предполагает изучение изолированного узкого фрагмента действительности, тогда как с междисциплинарным подходом связано привлечение специалистов различных областей знания, использование интегральных исследовательских программ. В число важных целей научных исследований включаются не только познавательные, но также экономические и социально-политические. В качестве примера можно привести известные системы распознавания людей по изображению лица или владельцев автомобилей по номерным знакам автомобилей. Применение подобных технологий объединяет технические, научно-технологические, правовые, финансовые, социально-экономические и др. аспекты общественной жизни.

Известный российский философ, специалист в области философии науки Илья Теодорович Касавин подтверждает мнение Стёпина, считая междисциплинарное взаимодействие отличительной чертой, важным признаком «современной науки и других типов интеллектуального производства». «Сегодня – пишет он, – в большинстве наук решение крупной проблемы невозможно без междисциплинарного взаимодействия ученых. И его отличие состоит в том, что оно может происходить без институциональных преобразований, на уровне личного общения и даже в форме без личного заимствования результатов и методов других наук» [3, с. 2]. В качестве

примера может выступать сложившаяся в обществе система грантов для проведения научных изысканий, работ в области образования и др., важных для страны видов деятельности. Гранты представляют собой финансовую поддержку из специальных фондов (РНФ). Для решения научной задачи собирается коллектив специалистов из различных заведений на время проведения научного исследования. После завершения проекта данный коллектив распадается, его участники могут войти в состав новых аналогичных проектов. Часто такие коллективы набираются благодаря личным связям, из бывших однокурсников, сослуживцев и т.д. Подобные исследования могут также производиться с использованием данных из общедоступных источников (интернет).

Междисциплинарный подход применяется, таким образом, в ситуациях, когда в рамках одной дисциплины задача не может быть решена – требуются усилия специалистов из разных областей знаний. Методы, разработанные в той или иной научной дисциплине оказываются применимыми, эффективными и в других областях знания. Например, метод историзма используется в естественных науках и известен как общий эволюционный метод.

В упомянутой концепции развития науки В.С. Степина выделенные им исторические этапы – классический, неклассический и постнеклассический – различаются в частности «особенностями «системной организации объектов, осваиваемых наукой (простые системы, сложные саморегулирующиеся системы, сложные саморазвивающиеся системы)» [4, с. 37]

Сложные саморазвивающиеся системы и являются объектом исследования в эпоху постнеклассической науки, или постиндустриального (информационного) общества. Междисциплинарный подход связан с необходимостью решения задач особой сложности.

«Саморазвивающиеся системы – это тип системных объектов, выделяющийся при их классификации по принципу, учитывающему число элементов системы и характер связей этих элементов» [5]. Таким образом, существуют малые или простые системы (включают порядка 10^3 элементов), большие или сложные саморегулирующиеся системы (до 10^6), саморазвивающиеся системы состоят из 10^{10} – 10^{14} элементов.

Саморазвивающиеся системы включают человека, человеческое общество, машину, машинное общество и, наконец, человеко-машинный комплекс. Их примерами являются сложные компьютерные сети, «глобальная паутина» – internet, сеть авиационных диспетчерских служб (Flightradar 24), различные социальные группы, включая всё общество в целом, с учётом их исторического развития. Современная физика, признающая идею исторической эволюции физических объектов, также развивает представления об их самоорганизации.

Одним из методов междисциплинарного подхода является НБИКС конвергенция (NBICS-конвергенция) или НБИКС-технологии – одновременное гармоничное взаимное участие в исследовании нано-, био-, информационных, когнитивных и социо-гуманитарных технологий. Результатом НБИКС-конвергенции должно стать появление новой научно-технологической области знания – синтеза этих технологий. В нашей стране особая роль в освоении этого метода принадлежит НИЦ «Курчатовский институт».

Как было сказано, саморазвивающиеся системы исследуются в рамках постнеклассического типа рациональности. Значимой тенденцией современной постнеклассической науки является обращение к междисциплинарному подходу, а также к синергетике, которая

собственно и трактуется как знание о саморазвивающихся системах.

Слово – «синергетика» на греческом означает «совместное действие». Герман Хакен, профессор Штутгартского университета ввёл этот термин в научный оборот в 1978 г. «Я назвал новую дисциплину «синергетикой». В ней исследуется совместное действие многих подсистем. ... С другой стороны для нахождения общих принципов, управляющих самоорганизующимися системами, необходимо кооперирование многих различных дисциплин» [6].

Синергетика может быть определена как междисциплинарное направление научных исследований, которое занимается изучением сложных систем, состоящих из многих, взаимодействующих между собой сложным (нелинейным) образом компонентов.

“Synergetics as a quite young view of the world has originated due to the necessity of finding adequate, reasonable, calculated and forecasted by science answers to global challenges that civilizational human development makes” [7].

Синергетика объединена общей онтологической основой с таким направлением, как универсальный эволюционизм, развиваемый В.И Вернадским, Н.Н. Моисеевым, Э. Янчем, П.Т. де Шарденом, В. Эбелингом. [8, с. 58].

Исходя из этого, можно дать такое определение НБИКС-технологии:

«НБИКС-технологии – это *синергично* связанные процессы конвергентного развития нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных и социогуманитарных технологий» [9, С. 2].

Несмотря на то, что междисциплинарность является характеристикой современного исторического этапа развития общества и науки, её предпосылки могут быть обнаружены и ранее. Так, сама идея университета подразумевает взаимодействие, некий синтез различных областей знания в границах одного учебного заведения.

Особого внимания заслуживает в этой связи концепция *цельного знания*, первоначально разработанная В.С. Соловьёвым и продолженная его последователями: С.Н. Булгаковым, П.А. Флоренским, и др. Согласно ей, необходима интеграция, синтез не только различных наук, но и других видов познания (религиозного, нравственного, художественного) в *единое знание*. Русскими мыслителями также обосновываются пути реализации этой задачи.

Литература

1. Степин В.С. Теоретическое знание. М. 2000. – С. 626
2. Мирский, Э.М. Дисциплина научная / Национальная философская энциклопедия. 2017 – <http://terme.ru/termin/disciplina-nauchnaja.html#item-29314>.
3. Степин В.С. Исторические типы научной рациональности в их отношении к проблеме сложности // Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. М., 2011. С. 37.
4. Междисциплинарность в науках и философии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. И.Т. Касавин. – М.: ИФРАН, 2010. – 205 с. 2
5. Поваров Г.Н. Об уровнях сложности систем. / Сб. Методологические проблемы кибернетики (материалы к Всесоюзной конференции), т. 2, М., 1970
6. Hermann Haken Synergetics M. 1980. С. 35
7. Viktor Yakimtsov History and development of Haken's synergetics Scientific Bulletin of UNFU 2018 28(9):119–125 DOI:10.15421/40280923
8. Буданов В.Г. Синергетическая парадигма и её творцы. / Сложность. Разум. Постнекласси-

ка. – 2018 – № 3. – С. 56–72. 5856 10.12737/article_5c063435bc0800.62284481

9. Алексеева, И.Ю. Информационное общество и НБИКС революция [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; И.Ю. Алексеева, В.И. Аршинов. – М.: ИФ РАН, 2016. – 196 с.: с. 184–193. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0312-3

INTERDISCIPLINARY APPROACH IN SCIENCE AND EDUCATION

Netrebskaya O.N.
MGSU

The paper examines the concept of interdisciplinary knowledge, the most important methodological approach in modern science and education. This method meets the needs and requirements of the post-industrial (information) society and is a distinctive feature of the post-non-classical stage of science development. This stage is also characterized by the study of complex self-developing systems, that is, an appeal to a new field of knowledge – synergetics. The definition of complex systems is given, as well as examples of self-developing systems. On the other hand, synergetics can be interpreted as an interdisciplinary study, which has as its object multi-element systems, the elements of which nonlinear interact with each other. The article discusses the concept of NBICS convergence or NBICS technologies as a variant of the implementation of an interdisciplinary approach.

Keywords: post-industrial (information) society; complex self-developing systems; synergetics; NBICS convergence

References

1. Stepin V.S. Theoretical knowledge. M. 2000. – p.626
2. Mirsky, E.M. Discipline scientific / National Philosophical Encyclopedia 2017 – <http://terme.ru/termin/disciplina-nauchnaj.a.html#item-29314>.
3. Stepin V.S. Historical types of scientific rationality in their attitude to the problem of difficulties // The synergetic paradigm. Synergetics of innovations in its environment. M., 2011. p. 37.
4. Interdisciplinarity in Sciences and Philosophy / Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy; Ed. by I.T. Kasavin. – M.: IFRAN, 2010. – 205 p. 2
5. Povarov G.N. About the lessons of the system. / Collection of Methodological problems of cybernetics (materials for the All-Union Conference), vol. 2, Moscow, 1970
6. Hermann Haken Synergetics. 1980. p.35
7. Viktor Yakimtsov History and development of Haken's synergetics Scientific Bulletin of UNFU 2018 28(9):119–125 DOI:10.15421/40280923
8. Budanov V.G. The synergetic paradigm and its creators. / Syllable. The mind. Post-neoclassical. – 2018 – No.3. – pp.56–72. 5856 10.12737/article_5c063435bc0800.62284481
9. Alekseeva.Yu. Information Society and NBICS revolution [Text] / Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy; I.Y. Alekseeva.I. Arshinov. – M.: IF RAS, 2016. – 196 p.: pp. 184–193. – 500 copies. – ISBN 978-5-9540-0312-3

Анализ современной ситуации исследований русского китаеведения в Китае в начале XXI века

Нуэрбия Лачжакэ,

магистр, Научно исследовательский центр русской филологии и культуры, Хэйлунцзянский университет
E-mail: nuerbiya0621@gmail.com

Цзинь Минци,

доктор, профессор, Научно исследовательский центр русской филологии и культуры, Хэйлунцзянский университет
E-mail: nuerbiya0621@gmail.com

Изучение русского китаеведения в Китае зародилось в 20 веке. По мере развития отношений между Китаем и Россией изучение русского китаеведения постепенно расширялось и включало китайскую культуру, историю, литературу, язык и другие области. В настоящее время исследования в этой области достигли плодотворных результатов и имеют широкие перспективы развития, но сталкиваются и со многими проблемами. В этой статье используем инструменты визуального анализа для проведения библиометрического анализа статей по российскому китаеведению с 2000 по 2010 год в базе данных China Knowledge Network (CNKI), анализируем и комментируем тенденции и горячие точки в области российского китаеведения, основные журнальные платформы и профильные учреждения, высокопроизводительных авторов и высокоцитируемую литературу в области российского китаеведения, а также описываем основные черты области российского китаеведения в Китае с 2000 по 2010 год. В статье описываются основные аспекты возникновения и развития области российского китаеведения в Китае с 2000 по 2010 год, представлены основные направления в этот период, критика и размышления об ограничениях и недостатках, а также выдвигаются приемлемые предложения и перспективы для будущих исследований.

Ключевые слова: Российская китаистика, китаеведение, библиометрический анализ, кросс-культурные исследования, академическое сотрудничество

Введение

С ростом международного влияния Китая и реализацией стратегии выхода китайской культуры за пределы страны ученые всего мира уделяют все больше внимания китайской культуре, особенно китаеведению. Российское китаеведение, являясь важной частью международного китаеведения, проводит глубокие исследования китайской культуры, истории, литературы, философии и других областей, которые не только имеют богатое накопление академических знаний, но и демонстрируют сильную жизнеспособность и уникальные исследовательские перспективы в современности. Она не только имеет богатые академические накопления в истории, но и демонстрирует сильную жизнеспособность и уникальную исследовательскую перспективу в современности, что подчеркивает глобальное значение традиционной китайской культуры, также позволяет китайским ученым использовать исследования российских китаеведов как собственное зеркало для анализа собственных сильных и слабых сторон. Проведя статистический анализ соответствующей исследовательской литературы за период с 2000 по 2010 год, данная статья ставит своей целью предоставить справочные данные и направления для будущих исследований, дать соответствующие предложения для долгосрочного и сбалансированного развития российского китаеведения, способствовать дальнейшему углубленному развитию китайско-российских исследований в области российского китаеведения как в Китае, так и в России, а также улучшить эффект распространения китайской культуры в России.

Обзор исследований российского китаеведения

Китаеведение, это слово происходит от греческого и латинского языков, появилось с тех пор, как европейские миссионеры прибыли в Китай в конце 16 века. Оно в основном относится к изучению китайской культуры, истории, языка и других вопросов с помощью классических текстов. [1] Русское китаеведение зародилось в начале XVIII века, а после двух веков накопления в середине XIX века стало уникальным, сформировав три основные китаеведческие школы: петербургскую, московскую и дальневосточную. [2] Российское китаеведение рассматривает традиционную китайскую культуру как объект исследования, берет за основу местный культурный контекст российских ученых, выражает различные исследовательские перспективы российских ученых на кросс-культурном уровне, выражает различное понимание российскими учеными традиционной китайской культуры и указывает на степень принятия традиционной китайской культуры в России. [3] Исследования российской синологии представляют собой повторное изучение китайскими учеными российских синологов и результатов их исследований, отклики и реакцию китайских ученых на изучение российскими учеными традиционной китайской культуры, а также справочник для китайских ученых

в процессе обмена между китайской традиционной культурой и гетерогенными культурами.

Библиометрический анализ результатов развития русских китаеведческих исследований в Китае

1. Источник данных и метод исследования:

Автор использовала метод расширенного поиска в China Knowledge Network для поиска диссертаций, журнальных статей и докладов конференций по теме «Русское китаеведение» с 2000 по 2010 гг. по аннотациям (текст, ключевые слова и аннотации), и после очистки данных было получено 92 достоверных документов, среди которых 5 магистерских диссертаций, 82 журнальных статей и 5 докладов конференций.

2. Развитие российских китаеведческих исследований в Китае с 2000 по 2010 гг.

1) Количество публикаций и горячих точек исследований.

Автор построила линейный график (рис. 1) количества статей по русской синологии, опубликованных в China Knowledge Network с 2000 по 2010 год, и использовала этот график для отображения роста количества статей, журнальных статей, диссертаций и докладов на конференциях, опубликованных в области исследования русской синологии за все годы с 2000 по 2010 год, чтобы показать тенденцию развития исследований в области исследования русской синологии с 2000 по 2010 год.

Рис. 1

Из линейного графика видно, что совокупное количество опубликованных документов с 2000 по 2010 год увеличивалось из года в год: с 5 статей в 2000 году до 22 статей в 2009 году. Число опубликованных статей колебалось после 2007 года, а 2009 год стал пиком. Число научных статей по русскому китаеведению в Китае в целом имеет устойчивую тенденцию к увеличению, что указывает на то, что китайские академические круги продолжают уделять внимание этой области, а исследования по русскому китаеведению имеют тенденцию быстрого развития. Диссертации начали появляться в 2006 году, что свидетельствует о том, что студенты и ученые начали обращать внимание на исследования в области русского китаеведения и использовать их в качестве темы исследования для диссертаций. Материалы конференции впервые появились в 2008 году, что свидетельствует о том, что российскому китаеведению стало уделяться внимание на научных конференциях.

Увеличение общего количества статей не может быть отделено от изменений в отношениях между Китаем и Россией. В 2006 и 2007 годах Китай и Россия провели мероприятия «Национального года», а в 2009–2010 годах Китай и Россия провели мероприятия «Года языка», что способствовало развитию китаеведения в России через мероприятия в различных областях, таких как образование, культура и СМИ. Благодаря мероприятиям в сфере образования, культуры, СМИ и других областях

вырос спрос на ученых, изучающих историю, культуру и язык Китая, что, в свою очередь, привело к увеличению количества публикуемых работ, способствуя тем самым развитию китаеведения в России. В то же время небольшое количество диссертаций и докладов на конференциях свидетельствует о том, что в России мало ученых-специалистов в области китаеведения, ученые не могут своевременно получать новейшие разработки в области исследований, а взаимодействие и сотрудничество между учеными еще требует совершенствования, поэтому крайне актуальным является создание многомерной и многоперспективной сети сотрудничества в области китаеведения.

Облако слов, также называемое облаком ключевых слов, представляет собой визуальное представление текстовых данных. Автор собирает информацию о тематических словах и ключевых словах каждого документа через citespace, превращает частоту их встречаемости в данные и формирует карту облака слов в режиме онлайн, как показано на рис. Сформированная карта облака слов визуально выделяет ключевые слова, которые чаще всего встречаются в данных, а слова с большим размером шрифта указывают на более высокую частоту встречаемости, что также выделяет горячие точки исследования (рис. 2).

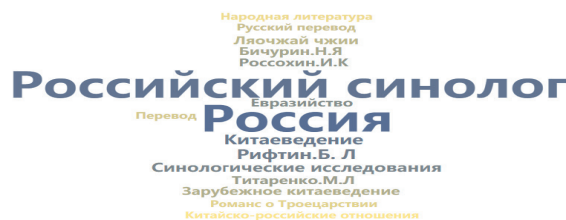

Рис. 2. Ключевые слова для облачной карты российских китаеведческих исследований

Источник: Авторы использовали citespace и Excel для создания собственных статей на основе ключевых слов из веб-литературы.

Всего было учтено 174 ключевых слова в 92 документах в области русского китаеведения в 2000–2010 годах, и данные о частоте их встречаемости позволяют сделать следующие предварительные выводы:

1. в области русского китаеведения в этот период большое внимание уделялось древним литературным произведениям, китайско-русским отношениям, религии и философии. В области древней литературы основное внимание уделяется академической истории, фольклору и переводу культурных текстов; фаворитами в переводе культурных текстов являются «Ляочжай чжи» и «Романс о Троецарствии»; в области китайско-русских отношений основное внимание уделяется евразийству и пограничной литературе; в области религии и философии больше исследований, посвященных идеям буддизма и конфуцианства.

2. в области русского китаеведения пять наиболее популярных «синологов» – Рифтин.Б. Л, Россохин.И.К, Титаренко.М.Л, Бичурин.Н.Я и Василиев. В. Б.

2) **Основные журналы и основные учреждения**
Согласно статистике, с 2000 по 2010 год в Китае существовало 40 видов журналов и платформ, которые публиковали статьи, связанные с изучением русского китаеведения, в общей сложности 82 статьи, причем большая доля приходится на литературные и исторические журналы, а в пятерку лучших журналов по количеству опубликованных статей вошли 13 видов журналов, в общей сложности 52 статьи, что составляет 63% всех журналов, среди которых 8 журналов являются автори-

тетными журналами и основными журналами, а журналом, опубликовавшим наибольшее количество статей, является «Международная китаеведение», в общей сложности 15 статей, что составляет 18% всех журналов. Среди них журнал с наибольшим количеством статей – International Sinology, опубликовавший 15 статей, что составляет 18% от общего количества статей во всех журналах, и это первая платформа для публикации статей в области российского китаеведения. 36 учреждений в Китае опубликовали статьи, связанные с изучением российского китаеведения с 2000 по 2010 год, и среди них есть только одно учреждение с более чем 10 статьями в пятерке лучших учреждений: Пекинский университет иностранных языков (13 статей). Специализированных китаеведческих научно-исследовательских учреждений не так уж и много, основными из них в настоящее время являются университеты (рис. 3, 4).

Количество опубликованных статей

Рис. 3

Из приведенных выше данных можно сделать вывод, что 70% учреждений имеют эпизодическое явление, а остальные 30%, Пекинский университет иностранных языков, Нанкайский университет, Сычуаньский университет и Тяньцзиньский нормальный университет, явля-

ются основными учреждениями, что указывает на то, что исследования в области российской синологии в основном сосредоточены в комплексных университетах с сильными гуманитарными и языковыми университетами, и что район Пекина и Тяньцзиня является наиболее важным регионом производства знаний для исследований в области российской синологии.

Количество опубликованных статей

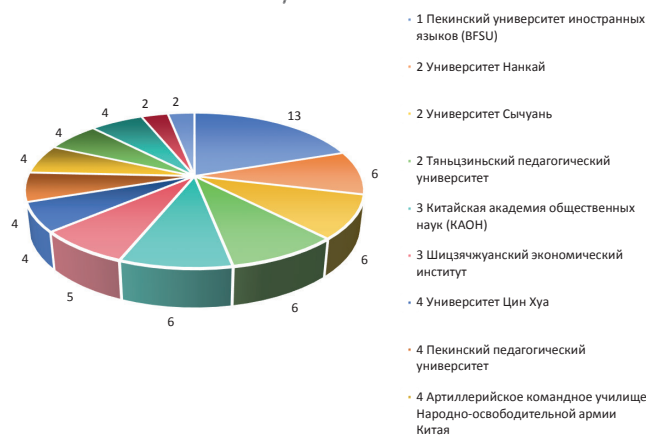

Рис. 4

3) Высокопродуктивные авторы и высокоцитируемые документы.

Высокоцитируемая литература может показать основные темы определенной предметной области, отражая особенности китайских исследований по русской китаистике. Как видно из таблицы 1, с точки зрения объектов исследования китайские ученые уделяют внимание выдающимся российским китаеведам, таким как Васильев, Бичурин, Алексеев и Беллеромов; с точки зрения содержания исследования большое внимание уделяется преподаванию русского китайского языка и переводам китайской классической литературы; с точки зрения методов исследования выделяются три основных метода исследования: национальные исследования, академическая история и сравнительная литература.

Таблица 1. Таблица сведений о наиболее цитируемой литературе по российскому китаеведению в Китае (2000–2010 гг.)

Название статьи	Автор	Название журнала	Количество цитат
Зарождение преподавания китайского языка и китаеведения в России	Ли Ицзинь	Международная синология	33
Хронологическое исследование русского перевода «Сна о Красной палате»	Ли Цзинься, Сунь Бинь	Преподавание русского языка в Китае	20
Предварительное исследование самых ранних русских переводов «Сна о Красной палате»	Ли Цзинься	Преподавание русского языка в Китае	20
Преподавание китайского языка как иностранного в Российском государственном университете Дальнего Востока	Цзинь Чжиган	Изучение китайского языка	19
Уникальные российские китаеведческие исследования	Лю Жуомэй	Культурология Китая	18
Друзья и недруги «рассказ о чудесах из кабинета Ляо»	М.Б. Баньковская, Янь Г о дун, Ван Пэймэй, Юэ Вэй, Алексеев	Исследования Пусонглинга	17
Первая в истории российского китаеведения книга по китайской грамматике – «Просвещение китайского языка».	Лю Жуомэй	Журнал Фуцзяньского педагогического университета	15
Первая научная программа обучения китайской иероглифике в России – анализ системы обучения китайской иероглифике Вансири в XIX веке	У Хэ	Преподавание китайского языка в мире	14

Название статьи	Автор	Название журнала	Количество цитат
Пекинская миссия и раннее русское китаеведение	Тан Шулин	Журнал Шаньдунского педагогического университета	14
Китайское конфуцианство в России – Посвящается Году китайской и российской культуры	Чжу Жэньфу	Восточный форум (журнал университета Циндао)	12
Грамматика китайских иероглифов Цзян Ша Вэя и «Просвещение китайского языка» Бичурина	Лю Жуомэй	Журнал Южно-Китайского педагогического университета	11
Предварительное исследование тенденций российского китаеведения в новом столетии	Ма Чуньюй	Журнал Хэбэйского университета	11
Три перевода «Мыслей о тихой ночи» В.М. Алексеева	Гу Юй	Преподавание русского языка в Китае	11
«Конфуций в Москве» – доктор Л.Н.Б. Беллеромов, известный китаевед Российской академии наук	Чен Кайкэ	Исследования по Конфуцию	10

Из 92 собранных действительных документов было задействовано 66 авторов. Согласно формуле «Price Law», авторы, опубликовавшие более 2 статей, могут считаться высокопродуктивными авторами. Как показано на рисунке, высокопродуктивных авторов 16, среди них больше всего публикаций у Руомей Лю, за ним следуют Ядинг Лю, Ицзинь Ли, Юэ Вэй и Цюмэй Ли на третьем месте, Гуодунг Янь и Сюань Ли на четвертом месте, а Мингбин Ли на пятом месте.[4,5] (рис. 5).

Рис. 5

Что касается возрастной группы ученых, то восемь ученых опубликовали свои работы в 1940–1970-х годах, то есть в возрасте от 58 до 76 лет, и доля молодых ученых не является выдающейся, поэтому необходимо улучшить формирование китаеведческой команды и выращивание резервных талантов. Что касается образования ученых, то только профессор Янь Годун специализируется на российском китаеведении, а такие ученые, как Лю Руомэй, Лю Ядин, Ли Ицзинь и Ли Минбин предпочитают сравнительную литературу Китая и России, что свидетельствует о междисциплинарном характере области российского китаеведения и показывает, что российское китаеведение требует от ученых запаса знаний. Видно, что при глубоком накоплении и традиции российского китаеведения в гуманитарных науках традиционные китаеведческие исследования в начале XXI века занимают важное положение.

Междисциплинарный подход дает ученым уникальную перспективу, позволяя использовать сравнительные методы исследования для развития российского китаеведения в различных аспектах, таких как текст, культура и история, помещая российское китаеведение в более широкий контекст для изучения, обогащая содержание исследований российского китаеведения, повышая исследовательскую ценность российского китаеведения, способствуя экстерриториальному распространению российского китаеведения, а также придавая новую

жизненную силу и импульс академическим обменам между Китаем и Россией. и придать новую силу и мощь китайско-российским академическим обменам.

Обсуждение и предложения

Процесс дисциплинарной дифференциации в русском китаеведении начался во второй половине XIX века, когда китаеведы проводили глубокие исследования по определенной области или проблеме. После распада Советского Союза в 1990-х годах китайско-российское экономическое и торговое сотрудничество стремительно развивалось, а реальные потребности китайско-российской дипломатии способствовали развитию китаеведения. Результаты российской синологии также повлияли на отношения между двумя странами, показав правдивую и объективную картину Китая, сделав знание истории Китая и его традиций основой для российского понимания опыта реформ, мирного развития и прихода Китая к власти. Синологи обязаны создать максимально благоприятные условия для укрепления взаимопонимания и доверия между двумя народами через изучение китайской мысли и культуры.

В начале XXI века степень специализации исследований в области российского китаеведения в Китае возросла, причем макро- и микроисследования идут рука об руку. Научные достижения включают в себя как комплексные и систематические академические исторические исследования, так и тематические исследования специализированных китаеведов, а исследования включают в себя постепенное расширение дисциплинарных полей и увеличение количества документов из года в год, что свидетельствует о стремительном развитии российских китаеведческих исследований. В то же время неизбежно обнаруживаются некоторые факторы, препятствующие долгосрочному и сбалансированному развитию российского китаеведения:

- 1) Сложность предметной принадлежности: Чжу Чжэнхуэй отметила, что изучение зарубежного китаеведения должно представлять собой построение предметной группы, представляющей собой высокую степень синтеза, основанную на высокой степени дифференциации. Когда исследования в каждой дисциплине будут углублены, дисциплинарное кластерное построение зарубежных исследований Китая в целом также встанет на ноги. « [6] На основании полученных данных можно сделать вывод, что изучение российского китаеведения имеет междисциплинарный характер, в котором участвуют не только традиционные гуманитарные и социальные науки, такие как литература, история и философия

фия, но и тесно соприкасаются и взаимодействуют с современными общественными науками, такими как педагогика, коммуникация и региональное страноведение. В настоящее время нет специальных колледжей и университетов, предлагающих конкретные специализации по направлению российского китаеведения, отсутствует систематизированный и совершенный учебный план и конкретные методы исследования, поэтому стоит задуматься о том, как развивать собственное независимое пространство на основе междисциплинарности.

- 2) Недостаточный запас талантов: Тан Лэй отметил, что самая большая проблема, с которой сталкиваются зарубежные исследования в области китаеведения, может быть связана с преимуществами ученых в соответствующих дисциплинах, когда они участвуют в соответствующих исследованиях при поддержке своего собственного предметного образования и гарантии владения иностранным языком и возможности получения информации. [7] Исследование российского китаеведения представляет собой межкультурное и межлингвистическое исследование. Этот тип исследования требует от ученых не только глубокой культурной грамотности и богатых знаний китайской культуры, но также требует от ученых владения иностранными языками, особенно русским, поскольку исследование предполагает участие в исследовании. Столкновение китайской и русской культур, только в контексте русской мы можем понять идеологическую логику, стоящую за этим. В настоящее время российские китаеведы в основном делятся на две категории: одни – с высоким уровнем владения русским языком, но недостаточными культурными запасами знаний, а другие – с недостаточным знанием языка, но большими культурными запасами. Оба имеют свои преимущества и недостатки. Недостаточные культурные резервы наложат определенные ограничения на академические исследования, а недостаточное знание языка повлияет на правильное понимание и интерпретацию оригинальных документов и материалов.
- 3) Ограниченные академические ресурсы: Чжан Сипин отметил, что начало исследования и составления китайской литературы на западных языках является основной задачей академического развития Китая. Только досконально освоив эту партию китайских документов на западных языках, мы сможем по-настоящему написать об изучении современной китайской истории и культуры в контексте мировой истории, раскрыть влияние китайской культуры на Западе и объяснить Китай в контексте Значение мировой истории.[8] Создание совершенной системы русскоязычной китайской библиографии имеет огромное значение для углубленного развития российской китаеведческой науки и содействия переводу и распространению китайских текстов. В XXI веке, когда оцифровка развивается быстрыми темпами, отечественный прогресс в этой области относительно ограничен: лишь немногие ученые и университетские институты работают над составлением библиографий, а отечественные библиотеки могут предоставить относительно ограниченный объем первичных библиографических ресурсов. В XXI веке, с быстрым развитием цифровизации, Китай добился относительно ограниченного прогресса в этой области. Лишь немногие ученые и университетские учреждения занимаются каталогизацией литературы, а основные литературные

ресурсы, которые могут предоставить китайские библиотеки, также относительно ограничены.

- 4) Отсутствие международного сотрудничества. Появление и развитие китаеведения означает, что китайская культура после интернационализации стала общественным продуктом мирового духа. Таково наше понимание китаеведения в контексте глобальной истории.[9] Существует определенное отставание в российских исследованиях в области китаеведения в Китае. Отчасти это связано с тем, что китайские ученые не могут своевременно следить за развитием международных исследований в области китаеведения. Недостаточный двусторонний академический обмен приводит к тому, что китайские ученые не понимают горячих точек исследований в области китаеведения. Недостаточные двусторонние академические обмены привели к тому, что китайские ученые не знают о горячих точках исследований современных зарубежных ученых в области китаеведения, а также не понимают проблем, методов исследования и теоретических рамок современных российских ученых в области китаеведения.

В перспективе российская кинология будет играть более значительную роль в международном кинологическом сообществе. Для того чтобы способствовать долгосрочному развитию исследований в области российской кинологии, автор хотела бы предложить несколько предложений для ознакомления:

- 1) Укрепление междисциплинарных исследований. В будущем китайские ученые не должны заниматься исследованиями своих собственных дисциплин, а должны укреплять сотрудничество с учеными из других дисциплин, использовать перспективы, теории и методы различных дисциплин для достижения интеграции междисциплинарных исследований и расширения область исследований и глубины русской китаеведения, изучающая смысл и ценность китайской культуры с разных точек зрения.
- 2) Выращивание резервных талантов: создание конкретных научных специальностей для изучения российского китаеведения и построение систематической и совершенной системы учебных планов; усиление языковой подготовки и предоставление возможностей для языковой подготовки ученым с недостаточным знанием языка посредством языковых классов и курсов второго иностранного языка; углубление культурного образования и повышение запаса культурных знаний путем посещения культурных курсов, семинаров или поездок в другие страны; уделение внимания выращиванию молодых ученых для обеспечения непрерывности и жизнеспособности изучения российского китаеведения. Для обеспечения непрерывности и жизнеспособности российского китаеведения особое внимание будет уделяться подготовке молодых ученых.
- 3) Укрепление цифрового строительства: с развитием цифровых технологий цифровые исследования станут важным направлением для китайских ученых в изучении российской китаистики в будущем, используя современные технологии для оцифровки существующей русскоязычной китайской литературы и создания легкодоступной и доступной онлайн-базы данных русскоязычной китайской литературы, чтобы повысить точность и эффективность исследований.
- 4) Укрепление международного сотрудничества. Точно так же, как исследования глобальной истории подчеркивают, что объектом изучения больше не явля-

ется одно национальное государство, зарубежные Китаеведения больше не могут проводиться в рамках единой национальной культуры.[10] Следует поощрять обмены и сотрудничество между учеными разного происхождения, а также устанавливать связи с мировыми исследователями-Китаеведами для достижения обмена академическими ресурсами путем участия или инициирования международных научных конференций, совместных исследовательских проектов, подписки на международные академические журналы, участия в онлайн-конференции, академические форумы и т.д. Взаимодополняемость академических взглядов, основанная на изучении российского Китаеведения, усиливает направленность международного Китаеведения на изучение китайской культуры и способствует развитию российского Китаеведения.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что российское Китаеведение в начале XXI века развивалось в условиях стабильных и позитивных китайско-российских отношений, результаты российского Китаеведения в 2000–2010 годах были в большей степени сосредоточены в гуманитарных областях истории и философии, ученые, институты и платформы российского Китаеведения были приняты в рамках оригинальной исследовательской системы, а степень специализации российского Китаеведения возросла, что сыграло роль обзора, обобщения и развития исследований российского Китаеведения в начале XXI века. Дальнейшее развитие российского Китаеведения является неотъемлемой частью развития международной Китаеведческой дисциплины. Российская синология поддерживает свои связи с мировой синологией, дополняет сильные стороны друг друга в сравнении с западной синологией и предоставляет экзотические идеи для китайского отечественного синологического сообщества. Кроме того, у российского Китаеведения есть потенциал для дальнейшего расширения области исследования в новую эпоху, углубления сочетания микро- и макроисследований, достижения равноправного диалога с китайской культурой, накопления консенсуса для китайско-российского взаимодействия с взаимопониманием обеих культур и демонстрации глобального значения китайской культуры.

Литература

1. Сюй Хаорань. Обзор исследований по западному Китаеведению, проведенных учеными в стране и за рубежом // Журнал партийного института муниципального комитета КПК Ханчжоу. 2012. № 4. С. 92–96.
2. Сунь Юхуа, Сюй Юнь. Обзор современного состояния исследований о российских синологах в Китае // Northeast Asian Foreign Language Studies. 2018. Т. 6. № 4. С. 84–89.
3. Янь Чуньдэ. Кинология и синологические исследования в сравнительной культурной перспективе // Литература, история и философия. 2000. № 6. С. 5.
4. Титаренко М.Л., Ли Чжицян. Российское Китаеведение и его роль в диалоге цивилизаций и становлении российско-китайского стратегического партнерства // Журнал Сычуаньского университета (издание по философии и социальным наукам). 2016. № 2. С. 46–58.
5. Янь Годун. История российского Китаеведения (до 1917 года). Пекин: Народное издательство, 2006. 496 с.

6. Чжу Чжэньхуэй. Столетний обзор зарубежных китайских исследований китайскими учеными: процесс, особенности и размышления по ряду вопросов // Социальные науки Ганьсу. 2013. № 5.
7. Тан Лэй. Самостоятельное построение дисциплины «Зарубежное Китаеведение/кинологические исследования» после реформы и открытия: анализ на основе библиометрических результатов // Международная кинология. 2016. № 3. С. 175–185, 205.
8. Чжан Сипин. Введение в изучение передачи и влияния древнекитайской культурной классики в XX веке на экстерриториальном пространстве. Издательство «Слон», 2018. 496 с.
9. Чжан Сипин, Го Цзинхун. Исследование моделей зарубежных исследований в области Китаеведения // Международная Китаистика. 2019. № 1. С. 5–12.
10. Лю Синьчэн. Глобальная историческая перспектива и составление всемирной истории в ранний современный период // Всемирная история. 2006. № 1. С. 39–46.

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF RESEARCH ON RUSSIAN SINOLOGY IN CHINA IN THE EARLY 21ST CENTURY

Nuerbiya Lazhake, Jin Minji
Heilongjiang University

The study of Russian sinology in China originated in the 20th century. As relations between China and Russia evolved, the field of Russian sinology gradually expanded to encompass Chinese culture, history, literature, language, and other areas. At present, research in this field has achieved fruitful results and holds significant prospects for further development, while also encountering numerous challenges. This article utilizes visual analysis tools to conduct a bibliometric analysis of articles on Russian sinology published between 2000 and 2010 in the China Knowledge Network (CNKI) database. It examines and comments on trends and key topics in Russian sinology, primary journal platforms and specialized institutions, prolific authors, and highly cited works within this domain. Additionally, the article outlines the main characteristics of Russian sinology research in China during this period. It discusses the origins and development of Russian sinology in China from 2000 to 2010, highlights key research directions of the time, provides critical reflections on its limitations and shortcomings, and proposes practical recommendations and prospects for future studies.

Keywords: Russian Sinology, Chinese Studies, Bibliometric Analysis, Cross-cultural Research, Academic Collaboration

References

1. Xu Haoran. A Review of Research on Western Chinese Studies by Scholars at Home and Abroad // Journal of Party School of CPC Hangzhou Municipal Committee. 2012. № 4. С. 92–96.
2. Sun Yuhua, Xiuyun. An Overview of the Current Status of Research on Russian Sinologists in China // Northeast Asian Foreign Language Studies. 2018. Т. 6. № 4. С. 84–89.
3. Yan Chunde. Sinology and Sinological Studies in Comparative Cultural Perspective // Literature, History and Philosophy. 2000. № 6. С. 5.
4. Titarenko M. L., Li C. Russian Sinology and Its Role in the Dialogue of Civilisations and the Establishment of the Russia-China Strategic Partnership // Journal of Sichuan University (Philosophy and Social Science Edition). 2016. № 2. С. 46–58.
5. Yan Guodong. History of Russian Sinology (up to 1917). Beijing: People's Publishing House, 2006. 496 с.
6. Zhu Zhenghui. A Hundred Years' Review of Overseas Chinese Studies by Chinese Scholars: Process, Characteristics, and Reflections on a Number of Issues // Gansu Social Sciences. 2013. № 5.
7. Tang Lei. Self-construction of the Discipline of «Overseas Sinology/Chinology Studies» since the Reform and Opening Up: An Examination Based on Bibliometric Results // International Sinology. 2016. № 3. С. 175–185, 205.

8. Zhang Xiping. An Introduction to the Study of the Transmission and Influence of Ancient Chinese Cultural Classics in the Twentieth Century in the Extraterritorial Area. Elephant Publishing House, 2018. 496 c.
9. Zhang Xiping, Guo Jinghong. An Exploration of Overseas Sinology (Chinese Studies) Research Models // International Sinology. 2019. № 1. С. 5–12.
10. Liu Xincheng. Global Historical Perspective and the Compilation of Early Modern World History // World History. 2006. № 1. С. 39–46.

Предметно-интегративное обучение русскому языку как иностранному при подготовке будущих инженеров

Пиневиц Елена Валентиновна,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой «Русский язык как иностранный», Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
E-mail: elenapinevich@yandex.ru

Соляник Ольга Евгеньевна,

доцент кафедры «Русский язык как иностранный», Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
E-mail: s_helga@inbox.ru

Статья посвящена предметно-интегрированному обучению. Дается определение, указывается роль предметно-языкового интегрированного обучения. Подробно рассматриваются основные характеристики обучения: множественный фокус, обогащённая среда обучения, аутентичность, сотрудничество. Обращается особое внимание на тесное взаимодействие предметника и русиста и эффективность работы в тандеме. Приводятся примеры реализации предметно-интегрированного обучения иностранных слушателей на подготовительном отделении инженерного вуза.

Ключевые слова: предметно-интегративное обучение, русский язык как иностранный, будущие инженеры.

Введение

В современном образовательном процессе всё чаще поднимается вопрос о необходимости предметно-языкового интегрированного обучения (Content and Language Integrated Learning).

«Предметно-языковое интегрированное обучение – это современный образовательный подход с двойным фокусом, при котором иностранный язык используется для изучения и преподавания, как языка, так и содержания» [4, с. 19]. Он способствует формированию лингвистических и коммуникативных компетенций на неродном языке. Данный метод открывает двери для привлечения все большей аудитории, изучающей иностранные языки, формирует уверенность молодых людей в своих силах, а также дает опору тем, кто не был достаточно успешным в изучении языков в традиционной форме [3, с. 325]. В связи с этим, авторы статьи ставят своей задачей рассмотреть такой вопрос, как применение предметно-языкового интегрированного обучения в образовательном процессе, а именно, использование предметно-языкового интегрированного обучения в инженерном вузе в преподавании русскому языку как иностранному.

Актуальность статьи состоит в том, что, во-первых, вопрос предметно-интегративного обучения русскому языку как иностранному, в частности, в области подготовки будущих инженеров в техническом вузе не до конца изучен, во-вторых данная технология является достаточно перспективной и эффективной, что позволяет её использовать в различных областях.

Результаты и обсуждение

Среди основных характеристик интегрированного предметно-языкового подхода выделим следующие: множественный фокус, обогащённую среду обучения, аутентичность, сотрудничество.

Множественный фокус реализуется «через изучение языка при изучении предмета» [4, с. 20]. Преподаватель-предметник, работающий в инженерном вузе и имеющий второе гуманитарное образование, более всего, по нашему мнению, сможет получить хороший результат в этом случае. Он неустанно будет составлять списки слов к темам, увеличивая количество словосочетаний от урока к уроку, постепенно вводя терминологию по дисциплине с использованием знаков, символов, таблиц, схем и др. Преподаватель будет считать своим долгом обязательно остановиться на антонимах и синонимах, а также проведёт сравнительный анализ, позволяющий выделить однокоренные слова, и обратит внимание на способы образования слов. В то же время, как предметник, он будет объяснять материал по своей дисциплине. В качестве примера приведём несколько примеров из тематического словаря-справочника, составленного таким преподавателем к уроку математики. Здесь собрана группа, объединённая словом «множество»: пустое множество; объединение множеств; пересечение множеств; включение одного множества в другое; принадлежность множеству; не принадлежность множеству.

Обогащённая среда обучения подразумевает доступ к аутентичным учебным материалам. Тесное взаимодействие предметника и русиста позволит значительно расширить среду обучения. Примером этого может являться работа в тандеме, которая получила широкое распространение и применяется во многих вузах [6]. В научно-методической литературе популярен тандем-метод П.В. Сыроева и О.О. Амерхановой, при котором преподаватель иностранного языка отвечает за лингвистическую составляющую, а преподаватель профильных дисциплин – за предметную [1].

Образование, которое получают иностранцы в МГТУ им. Н.Э. Баумана, очень ценится за рубежом, поэтому количество слушателей ежегодно увеличивается. Следует подчеркнуть, что занятия в университете ведутся на русском языке, значит, язык необходим им в качестве средства овладения будущей профессией.

На подготовительном отделении иностранных слушателей инженерных вузов обучают математике, физике, химии, информатике и черчению. Преподаватель-русист и предметник постоянно работают в тандеме. В частности, в настоящее время апробируется на практике следующая модель. Предметник составляет текст небольшого объёма (не более 0,5–1 страницы), содержащий основные положения изучаемой темы. Этот текст составляет не русист, а предметник. Задача русиста состоит в том, что он проводит предтекстовую, текстовую и послетекстовую работу с текстом, обращает внимание на новую лексику и терминологию. Далее предметник объясняет тему на аутентичном тексте большого объёма, но включающем предложения, словосочетания, термины, которые были предъявлены ранее русистом. Приведём пример текста небольшого объёма: «Механика изучает механическое движение. Основная задача механики – определение положения тела относительно других тел в любой момент времени. Механика делится на кинематику, динамику и статику. Кинематика отвечает на вопрос: «Как движется тело?», динамика отвечает на вопрос: «Почему движется тело?», а статика отвечает на вопрос: «Почему тело не движется?». Механическое движение – это изменение положения тела в пространстве относительно других тел с течением времени. Тело отсчёта – тело, относительно которого можно определить положение другого тела. Система отсчёта (СО) – это тела отсчёта, система координат и прибора для измерения времени. Материальная точка – это тело, размерами которого в данных условиях можно пренебречь (размеры не важны). Траектория – это линия движения тела. Путь – это длина траектории».

Как показывает практика, подобные тандемы требуют постоянной и напряженной работы: одна тема сменяет другую, преподаватели должны работать оперативно, чтобы сохранить темп обучения. В идеальном варианте и предметник и русист должны работать в одном подразделении, но такая возможность редко предоставляется. Как правило, в вузах партнёры работают в разных подразделениях. Тем не менее, «партнерство профильных и языковых подразделений вуза эффективно используется для разработки учебно-методических материалов, необходимых для обеспечения профессионально-ориентированного обучения иноязычному общению» [2, с. 13].

Аутентичность осуществляется через «максимизацию учета интересов студентов...» [4, с. 20]. Максимизация учёта интересов студентов играет большую роль в обучении. Слушатели инженерных вузов в большинстве случаев предпочитают чаще изучать физику, а не химию. Это подтверждает и анкетирование, и опросы, проводимые среди обучающихся. Это находит от-

ражение и в программах, разработанных для будущих инженеров. Программа по физике содержит 108 ак.ч., а программа по химии только 72 ак.ч.

На подготовительном отделении наибольший интерес у иностранного слушателя вызывает то, что имеет отношение к его будущей профессии. Как правило, в технических вузах изучается дисциплина «Введение в специальность». И здесь сотрудничество предметника и русиста особенно важно. В частности, в МГТУ им. Н.Э. Баумана все слушатели подготовительного отделения посещают ежегодную выставку «Политехника», на которой представлены проекты, разработанные студентами вуза. Преподаватели-предметники совместно с русистами отбирают для слушателей проекты, представляющие интерес в зависимости от выбранной специальности. Русисты знакомят слушателей с новой лексикой, а предметники проводят обзорную экскурсию по выставке. При посещении выставки появляются новые тандемы: студент-слушатель, студент-слушатели. Студенты, разработавшие свои модели или программы, с удовольствием рассказывают о них, а слушатели, находясь в неучебной обстановке, становятся более общительными.

Сотрудничество проявляется в совместном планировании рабочих программ дисциплин, в составлении учебных и календарных планов, разработке занятий, в создании учебных пособий и учебных материалов. Преподаватель-русист постоянно обращается за помощью к предметнику. Это межвузовское и межкафедральное сотрудничество уже доказало свою эффективность [5]. Результатом сотрудничества являются учебно-методические материалы, подготовленные предметником и русистом, значительно повышающие и мотивацию слушателя, и уровень его языковой подготовки.

В МГТУ им. Н.Э. Баумана обучение общеобразовательным предметам начинается в ноябре. Слушатели, владеющие элементарным уровнем владения русским языком, приступают к занятиям в октябре. Вводно-предметный курс по математике, химии, физике и информатике, читаемый русистами, предваряет общеобразовательные дисциплины. Лексические и терминологические минимумы к дисциплинам создаются и корректируются предметником и русистом. В задачу предметника входит сохранение аутентичности текста, его оригинальности. Для русиста важно сделать текст понятным для слушателя, избежать сложных оборотов и неизученных ещё частей речи, таких, как причастия и деепричастия.

В настоящее время разработка учебных пособий нового поколения для подготовки иностранных слушателей к поступлению в вуз при совместном участии русистов и предметников становится необходимым условием обучения иностранных слушателей в инженерных вузах. Если ранее иностранцы поступали на кафедры вне конкурса, то в последнее время они вынуждены конкурировать с российскими студентами и с иностранными абитуриентами, пришедшими из других вузов. Следовательно, высокие требования предъявляются к иностранным абитуриентам не только в отношении языка, но и в отношении дисциплин, связанных с их будущей специальностью. В МГТУ им. Н.Э. Баумана особенно высок конкурс на направления, связанные с IT-технологиями, нанотехнологиями, автоматизацией управления и робототехникой. Таким образом, наряду с общеобразовательными дисциплинами (физикой, химией, математикой и др.) читаемая на подготовительном отделении дисциплина «Введение в специальность» также должна предваряться вводно-предметным курсом, созданным предметни-

ком и русистом по каждому направлению, на которое поступает слушатель.

Подобная работа ведётся в МГТУ им. Н.Э. Баумана с 2019 года. В настоящее время уже прошли апробацию терминологические словари по разделам физики и информатики, определены принципы создания отраслевых каталогов частотной лексики по разным специальностям, в частности по специальности «Навигационно-баллистическое обеспечение применения космической техники». Как правило, текстовый материал отбирается и предоставляется преподавателем-предметником, так как он ориентирован на определённую специальность. Далее начинается трудоёмкая работа русиста, связанная с отбором лексических единиц, словообразовательных и синтаксических моделей. На данном этапе «учитываются требования профилирующих кафедр политехнического университета по освоению иностранцами лексического минимума, необходимого для изучения базовых и специальных дисциплин программы обучения» [5, с. 34]. Большинство создаваемых пособий по русскому языку как иностранному представляют собой учебно-методические пособия по чтению, включающие базовые тексты дисциплин учебного плана 1 курса бакалавриата и магистратуры.

Заключение

С учётом вышесказанного сделаем следующие заключения:

- 1) технология предметно-интегративного обучения является достаточно перспективной, однако ее возможности при использовании в обучении русскому языку как иностранному не до конца раскрыты;
- 2) с помощью предметно-интегративного обучения можно решить сразу два важных вопроса одновременно, а именно: изучить язык и предмет;
- 3) использование предметно-интегративного обучения повышает уровень знаний и качество образования, способствует более эффективному усвоению учебного материала, связанного с будущей специальностью;
- 4) эта технология получает всё новые перспективы в связи с расширением сотрудничества и привлечением к процессу обучения специалистов разных областей;
- 5) межкафедральное и межвузовское сотрудничество с применением технологии предметно-интегративного обучения в области русского языка как иностранного значительно расширит границы и будет привлекать всё большее количество преподавателей.

Литература

1. Амерханова, О.О. Особенности внедрения CLIL-курса «Иностранный язык в профессиональной сфере» для студентов неязыковых направлений подготовки / О.О. Амерханова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26. № 192. С. 33–43.
2. Анисимова А.Т. Проблемы реализации предметно-языкового интегрированного курса в неязыковом

вузе // Эпомен: филологические науки. 2022. № 2. С. 8–16.

3. Локтюшина Е.А., Сайтимова Т.Н. Предметно-языковое интегрированное обучение как подход к профессиональному образованию. Волгоградский государственный социально-педагогический. 2012. № 1. С. 324–328.
4. Миронова И.Н. Основные принципы и причины внедрения предметно-языкового интегрированного обучения // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 4. С. 19–27.
5. Попова Н.В., Алмазова Н.И., Евтушенко Т.Г., Зиновьева О.В. Опыт внутривузовского сотрудничества в процессе создания профессионально-ориентированных учебников по иностранному языку // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 7. С. 32–42.
6. Сысоев П.В. Влияние тандем-метода на овладение аспирантами иноязычным письменным научным дискурсом // Язык и культура. 2017. № 40. С. 276–288.

SUBJECT-INTEGRATIVE TEACHING OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE TRAINING OF FUTURE ENGINEERS

Pinevich E.V., Solyanik O.E.

Moscow State Technical University named after N.E. Bauman,

The article is devoted to subject-integrated learning. It provides a definition and specifies the role of subject-language integrated learning. The main characteristics of learning are considered in detail: multiple focus, enriched learning environment, authenticity, cooperation. Particular attention is paid to the close interaction of the subject teacher and the Russian specialist and the effectiveness of working in tandem. Examples of the implementation of subject-integrated learning for foreign students at the preparatory department of an engineering university are given.

Keywords: subject-integrative learning, Russian as a foreign language, future engineers.

References

1. Amerkhanova, O.O. Features of the implementation of the CLIL course "Foreign Language in the Professional Sphere" for students of non-linguistic areas of training / O.O. Amerkhanova // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2021. Vol. 26. No. 192. Pp. 33–43.
2. Anisimova A.T. Problems of implementing a subject-language integrated course in a non-linguistic university // Epomen: philological sciences. 2022. No. 2. Pp. 8–16.
3. Loktyushina E. A., Saitimova T.N. Subject-language integrated learning as an approach to professional education. Volgograd State Social and Pedagogical. 2012. No. 1. Pp. 324–328.
4. Mironova I.N. Basic principles and reasons for the implementation of subject-language integrated learning // Scientific works of the Moscow Humanitarian University. 2020. No. 4. Pp. 19–27.
5. Popova N.V., Almazova N.I., Evtushenko T.G., Zinovieva O.V. Experience of intra-university cooperation in the process of creating professionally oriented textbooks in a foreign language // Higher education in Russia. 2020. Vol. 29. No. 7. Pp. 32–42.
6. Sysoev P.V. The influence of the tandem method on the mastery of foreign-language written scientific discourse by graduate students // Language and Culture. 2017. No. 40. Pp. 276–288.

Сун Цзямэй,

кандидат филологических наук, исследователь
постдокторской проточной станции, Хэйлунцзянский
университет, старший преподаватель факультета русского
языка Харбинского университета
E-mail: 2734844698@qq.com

В статье рассмотрены характерные черты экономики впечатлений; обозначена роль креативных индустрий в развитии общества в целом и в трансформации потребительского поведения в частности. Отмечается, что потребительские предпочтения в области кино и телесериалов выступают важнейшим индикатором развития общества. Перечислены факторы, определяющие предпочтения в области кинофильмов и сериалов. Для анализа предпочтений российских зрителей в области продукции кинематографа были проанализированы рейтинги и оценки, представленные на портале «КиноПоиск». В частности, рассмотрены следующие рейтинги: (1) лучшие отечественные сериалы; (2) лучшие сериалы; (3) лучшие отечественные фильмы; (4) лучшие фильмы. На основании полученных результатов были сделаны выводы о жанровых, тематических и иных аспектах потребительских предпочтений российских зрителей.

Ключевые слова: кинематограф, экономика впечатлений, креативные индустрии, кинофильм, телесериал, потребительские предпочтения

Вопросы, связанные с прогнозированием, изучением и коррекцией предпочтений зрительской аудитории, достаточно часто становятся предметом исследований искусствоведов, культурологов, социологов, маркетологов, медиаменеджеров, экономистов. Анализ текущей динамики зрительских предпочтений становится еще более *актуальным* в современную цифровую эпоху, в условиях эволюции электронных каналов кино- и телепоказа. Новые медиа, способы трансляции, интенсификация деятельности российской кино- и телеиндустрии – все это вносит существенные коррективы в модели потребления, значительно расширяет спектр потребительского выбора и усиливает таким образом конкуренцию в культурно-досуговой сфере. Критерии, на основании которых производится оценка зрительских предпочтений, также становятся все более сложными и разнообразными. Ускоряется, кроме того, процесс сменяемости зрительских предпочтений [10, с. 11–12].

Креативные индустрии как ключевые акторы экономики впечатлений

Для современного этапа развития цивилизации свойственно усиление роли т.н. **экономики впечатлений**. Как пишут И.В. Шершень и О.Я. Емельянова, «впечатление» становится новым типом экономического предложения, дополнившим классическую цепочку «сырье – товар – услуга». Ключевым свойством впечатления как продукта нового типа выступает личностный характер, субъективность восприятия, опора на эмоционально-чувственный опыт. Впечатление – это такой тип продукта, который формируется в виде потребительского опыта [9, с. 148]. Экономика впечатлений, функционирующая, как правило, благодаря цифровым средам и интерфейсам, порождает множество тенденций и особенных черт потребительского поведения: клиповость мышления, эгоцентризм, «селфизм» и проч. Согласимся с А.С. Кутузовской в том, что динамика современной культуры потребления проявляется «в быстрой смене вкусов, моды, набора потребляемых предметов и услуг, в форме их подачи и интерпретации» [4, с. 158].

Е.П. Немировская в данной связи пишет: информационные технологии трансформировали потребительское поведение в сторону большей вовлеченности пользователей в медийный контент, а также в сторону доминирования потребления медиаконтента по сравнению с другими формами досуга [7, с. 15].

Ведущими акторами в современной экономике впечатлений становятся крупные представители креативных индустрий: шоу-бизнес, продюсерские центры, киностудии, туристические операторы, маркетинговые агентства. Все они непрерывно генерируют впечатления посредством выпуска культурно-досуговых продуктов, образцов творчества или искусства. При этом до сих пор сохраняет актуальность условное деление искусства на «высокое» (элитарное) и массовое [3, с. 46]. Тем не менее, потребители, в большей степени ориентированные на элитарное искусство, часто обращаются и к образцам искусства для масс.

Обратное также верно: люди, предпочитающие массовые культурные продукты, могут интересоваться

и «высоким» искусством – театральными постановками, классической музыкой, галерейным делом, живописью и т.п. Можно предположить, что экономика впечатлений постепенно снижает разрыв между двумя этими группами потребителей, выпуская продукты, которые с одинаковым энтузиазмом потребляются как массовым, так и искусственным зрителем. Особенно наглядно эта тенденция прослеживается в сфере кинематографа.

Специфика формирования потребительских предпочтений в кино и сериалах

Потребительские предпочтения в области кино и телесериалов выступают важнейшим индикатором развития общества и государства. Следует отметить двунаправленный характер связи между кино- и телепроизводством, с одной стороны, и социальной действительностью – с другой. Так, кинопроизводство постоянно испытывает на себе многоплановое и разнонаправленное давление окружающей социальной действительности и является «выразителем» современной ему эпохи. Социум, таким образом, влияет на то, что именно будет сниматься и что будет пользоваться особым спросом. Выпуская колоссальные информационные потоки культурно-досугового контента, эти индустрии впоследствии и сами формируют эту действительность. Как пишет А.Н. Дьяченко с соавт., кинопредпочтения следует считать «маркером сформированных ценностных ориентаций индивидов, живущих в обществе»; кроме того, потребление определенного рода аудиовизуального контента формирует ценностные ориентации индивидов [2, с. 194]. Потребительская культура становится неотъемлемой частью общего процесса социализации каждого конкретного индивида и в конечном итоге мультимедийный контент, циркулирующий в конкретном обществе, начинает задавать направления его развития путем воздействия на психику зрителей.

По мнению Е.П. Белинской и Е.А. Рудик, особенно значимым данное воздействие оказывается в молодом возрасте: подросткам и молодежи свойственно формировать радикалистские аттитуды, часто пересматривать свои ценности, предпринимать попытки социальной и политической самореализации, выражать максимализм в суждениях и поведении [1, с. 45]. Значительная часть личностных качеств молодых людей формируется именно в контексте формирования потребительских предпочтений и потребления медиа-продукции.

Предпочтения в области телесериалов и кино формируются под влиянием множества факторов; все представленные факторы являются тесно взаимосвязанными (Рисунок 1). Предпочтения в области кино и телесериалов отражают сложный синтез психологических, социокультурных и технологических тенденций, формирующих индивидуальные и коллективные паттерны потребления аудиовизуального контента.

Общественные дискуссии и обсуждения, государственные декларации и меры, интерес исследователей-

теоретиков и практикующих специалистов указывают на то, что кинопотребление в современной России находится в фокусе внимания. Кинопродукция и сериалы являются не просто сферой развлечения – они выражают социальные проблемы, ценности, мировосприятие, характерное для российского общества [2, с. 194]. Учитывая общую экономическую ситуацию в стране, уровень тревожности и неудовлетворенности граждан, а также переполненность рынка сферы свободного времени, следует понимать важность воздействия, которое оказывают креативные индустрии на развитие российского общества [4, с. 161].

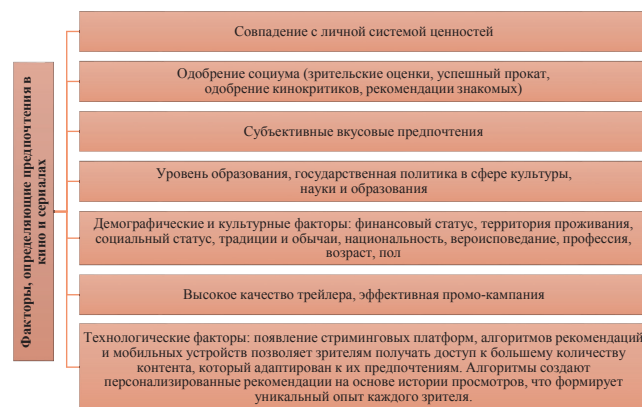

Рис. 1. Факторы, определяющие предпочтения в области кинофильмов и сериалов

Примечание: собственная разработка на основе данных [8, с. 131], [4, с. 160], [10, с. 14]

Анализ предпочтений российских зрителей

Для анализа предпочтений российских зрителей в области продукции кинематографа мы проанализировали рейтинги и оценки, представленные на портале «КиноПоиск». Данная платформа является крупнейшим в России цифровым сервисом, посвященным кино и сериалам. Сайт содержит медиатеку, страницы актеров, страницы, посвященные фильмам, информацию об особенностях производства, проката, рецензии критиков. Кроме того, на платформе «КиноПоиск» представлены пользовательские оценки, которые формируются как среднее значение и ранжируются от 1 до 10. Периодически администрация портала публикует рейтинги самых популярных сериалов и кино. Рейтинги составляются на основе количества оценок, средней оценки и иных индикаторов успешности фильма или сериала [8, с. 132].

Для анализа рассмотрим следующие рейтинги: (1) лучшие сериалы по мнению российских зрителей; (2) лучшие отечественные сериалы по мнению российских зрителей; (3) лучшие фильмы по мнению российских зрителей; (4) лучшие отечественные фильмы по мнению российских зрителей (Таблица 1).

Таблица 1. Лучшие сериалы по версии портала «КиноПоиск» на 2024 г.

Наименование	Страна производства	Дата (период) производства	Рейтинг «КиноПоиска»	Количество оценок	Жанр
Игра престолов	США	2011–2019	8.3	245 277	Фэнтези
Во все тяжкие	США	2008–2013	8.2	80 975	Криминальная драма
Сопрано	США	1999–2007	8.1	50 385	Криминальная драма
Молодёжка. Новая смена	Россия	2024	7.9	466 110	Драма
Детство Шелдона	США	2017–...	7.9	137 484	Комедия

Наименование	Страна производства	Дата (период) производства	Рейтинг «КиноПоиска»	Количество оценок	Жанр
Аркейн	США	2021–2024	7.9	49 328	Мультфильм
Друзья	США	1994–2004	7.9	25 780	Комедия
Чернобыль	США	2019	7.8	106 073	Драма
Гравити Фолз	США	2012–2016	7.8	69 947	Мультфильм
Семнадцать мгновений весны	СССР	1973	7.8	26 524	Военный
Лучше звоните Солу	США	2015–2022	7.8	29 300	Драма/ криминальная драма
Теория большого взрыва	США	2007–2019	7.7	26 983	Комедия
Офис	США	2005–2013	7.7	17 885	Комедия
Шерлок	Великобритания	2010–2017	7.7	44 494	Детектив
Отчаянные домохозяйки	США	2004–2012	7.7	37 201	Драма/ криминальная драма
Тед Лассо	США	2020–2023	7.7	29 117	Комедия
Атака титанов	Япония	2013–2023	7.7	175 091	Аниме
Комитет	Россия	2022	7.7	204 508	Детектив
Доктор Хаус	США	2004–2012	7.6	31 301	Драма
Триггер	Россия	2018–..	7.6	811 666	Драма

Примечание: собственная разработка на основе данных [11]

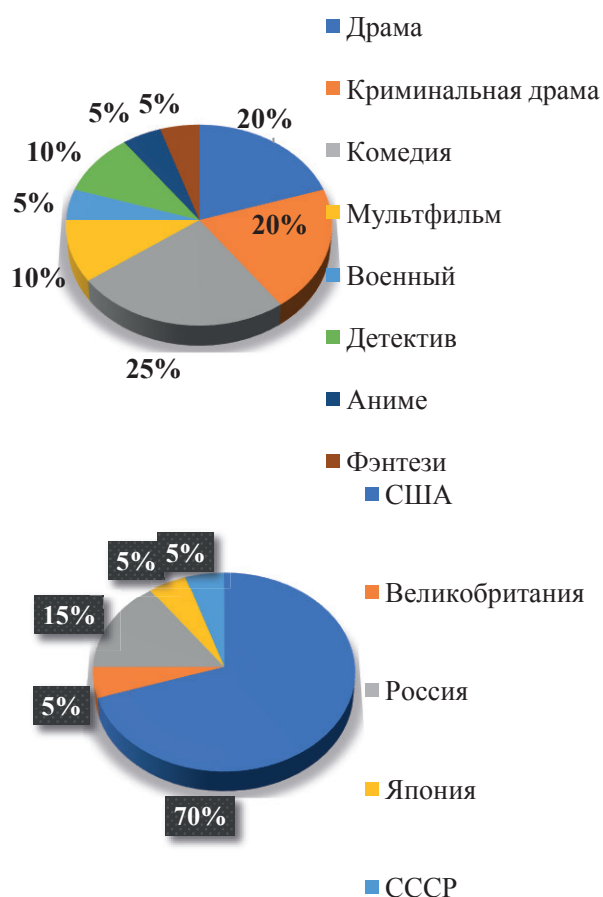

Рис. 2. Типы контента, предпочитаемого российскими зрителями по критериям «страна производства» и «жанр» (сериалы)

Таким образом, из представленной выше Таблицы 1 видно, что в перечень лучших сериалов входят преи-

мущественно продукты американского кинематографа. Тем не менее, пересечение со списком российских сериалов (Таблица 2) также имеются. Судить по предпочтениям российских зрителей можно опираясь на критерии «страна производства» и «жанр» (Рисунок 2):

На основе представленных данных можно сделать вывод о том, что предпочтения российских зрителей в отношении страны производства контента демонстрируют значительную ориентацию на продукты, созданные в США. Из 20 позиций рейтинга 14 относятся к американскому контенту, что составляет 70% от общего числа. Это может быть обусловлено высоким качеством производства, глобальной популярностью американской продукции и её активным продвижением на международной арене. На втором месте по предпочтениям находится российский контент, который составляет 15% (3 позиции). Данный показатель указывает на устойчивый интерес аудитории к российским сериалам, что может быть связано с близостью сюжетов, культурных кодов и исторического контекста. Остальные страны производства, такие как Великобритания, Япония и СССР, упомянуты по одному разу, 5%. Таким образом, анализ предпочтений по критерию «страна производства» подтверждает доминирующую популярность американской аудиовизуальной продукции, при этом сохраняется интерес к национальному контенту.

Говоря о жанрах, можно отметить следующее: наибольшую популярность имеют комедии, которые составляют 25% от общего числа (5 из 20) – данная тенденция может быть обусловлена потребностью зрителей в эмоциональной разгрузке и поиске позитивных впечатлений. Драмы и криминальные драмы находятся на втором месте, по 4 позиции (20% соответственно). Это свидетельствует о значительном интересе к сюжетам с глубоким эмоциональным и социальным содержанием. Мультфильмы и детективы имеют умеренную популярность.

Военные фильмы, аниме и фэнтези выступают, скорее, нишевым контентом.

В последние годы наблюдается рост популярности российских сериалов благодаря улучшению качества их

производства, разнообразию жанров и тематическому разнообразию. Количество оценок, выставленных пользователями, свидетельствует о высоком уровне интереса к российским телесериалам (Таблица 2).

Таблица 2. Лучшие отечественные сериалы по версии портала «КиноПоиск» на 2024 г.

Наименование	Дата (период) производства	Рейтинг «КиноПоиска»	Количество оценок	Жанр
Триггер	2018–...	8.5.	1 695 218	Драма
Беспринципные	2020–...	7.7	1 052 996	Комедия
Мажор	2014–...	8.2.	907 183	Драма
Слово пацана. Кровь на асфальте	2023	8.2.	900 425	Криминальная драма
Король и Шут	2023	8.1	894 969	Драма (байопик)
Маша и Медведь	2009–...	7.3	888 711	Мультфильм
Монастырь	2022	7.4	867 633	Драма
Два холма	2022–...	7.6	815 603	Комедия
Вампиры средней полосы	2021–...	8.3.	797 124	Детектив
Пищеблок	2021–...	7.4	727 230	Триллер
Фишер	2023	7.9	692 017	Детектив
Папины дочки. Новые	2023–...	8.3	644 364	Комедия
Метод	2015–...	8.3.	641 942	Триллер-детектив
Трудные подростки	2019–...	8.2.	634 793	Драма
Медиатор	2021–...	8.1	609 031	Драма
Кибердеревня	2023	8.1.	583 412	Фантастика
Кухня	2012–2016	8.2	576 912	Комедия
Смешарики	2003–2012	7.8	565 010	Мультфильм
Бригада	2002	8.3	553 878	Драма (криминальная драма)
Внутри убийцы	2024	7.4	551 484	Детектив

Примечание: собственная разработка на основе данных [6]

Рассмотрение рейтинга отечественной сериальной продукции обнаруживает те же тенденции, что имеют место в общемировом рейтинге – предпочтение комедий, драм и криминальных драм. Как известно, производители российских сериалов часто сталкиваются с кри-

тикой за излишнюю клишированность, недостаток оригинальных сценариев, подражание западным моделям и т.п. Тем не менее, положительная динамика говорит о постепенном росте зрительского интереса и развитии российской индустрии.

Рассмотрим предпочтения российских зрителей в фильмах (Таблица 3).

Таблица 3 Лучшие фильмы по версии портала «КиноПоиск» на 2024 г.

Наименование	Страна производства	Дата (период) производства	Рейтинг КиноПоиска	Количество оценок	Жанр
1+1	Франция	2011	8.4	489 010	Комедия
Интерстеллар	США	2014	8.3	99 730	Фантастика
Побег из Шоушенка	США	1994	8.2	65 973	Драма
Зеленая миля	США	1999	8.1	70 994	Драма
Остров проклятых	США	2009	8.1	230 435	Триллер
Бойцовский клуб	США	1999	8.1	147 392	Триллер
Форрест Гамп	США	1994	8.0	58 653	Драма
Властелин колец: Возвращение короля	Новая Зеландия	2003	8.0	36 322	Фэнтези
Унесённые призраками	Япония	2001	8.0	80 438	Аниме
Властелин колец: Братство кольца	Новая Зеландия	2001	8.0	42 911	Фэнтези

Наименование	Страна производства	Дата (период) производства	Рейтинг Кинопоиска	Количество оценок	Жанр
Джентльмены	США	2019	8.0	489171	Криминальная драма
Леон	Франция	1994	8.0	155552	Боевик
Терминатор 2: Судный день	США	1991	8.0	133975	Фантастика
Властелин колец: Две крепости	Новая Зеландия	2002	7.9	33183	Фэнтези
Начало	США	2010	7.9	62779	Фантастика
Достучаться до небес	Германия	1997	7.9	132252	Драма
Зеленая книга	США	2018	7.9	290672	Драма / байопик
Криминальное чтиво	США	1994	7.9	48108	Криминальная драма
Гладиатор	США	2000	7.8	52040	Историческая драма
Тайна Коко	США	2017	7.8	59709	Мультфильм

Примечание: собственная разработка на основе данных [12]

Представим частотность различных типов контента (Рисунок 3):

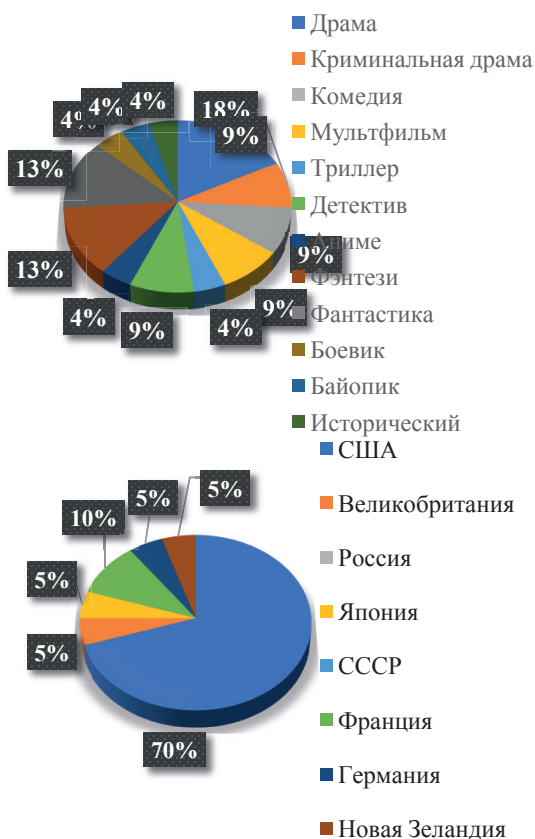

Рис. 3. Типы контента, предпочитаемого российскими зрителями по критериям «страна производства» и «жанр» (фильмы)

Анализ предпочтений российских зрителей по странам производства фильмов также выявляет доминирующую популярность продукции из США, на которую приходится 14 из 20 упоминаний (70%). Это свидетельствует о значительном влиянии американской киноиндустрии на российскую аудиторию, о глобальной распространённости американских фильмов. Примечательно, что российские фильмы не представлены в рейтинге лучших фильмов. Французские фильмы упомянуты в рейтинге дважды (10%), а продукция Великобритании, Японии, Германии и Новой Зеландии – по одному разу (по 5%).

Драма (4 позиции в рейтинге, 20%) – наиболее популярный жанр, отражающий интерес зрителей к сложным, эмоционально насыщенным сюжетам, раскрывающим проблемы межличностных отношений и психологизм персонажей. Фэнтези и фантастика (3 позиции, по 15%) – жанры, которые обеспечивают возможность для погружения в вымышленные миры и альтернативные реальности. В рейтинге также представлены такие жанры, как криминальная драма, комедия, мультфильм и детектив (по 2 позиции в рейтинге); триллер, боевик, байопик, исторический и аниме (по 1 позиции в рейтинге). Таким образом, наиболее востребованными остаются жанры, способные обеспечить эмоциональную вовлечённость (драма, криминальная драма, детектив), зрелищность (фэнтези, фантастика). Это подтверждает также и рейтинг российских фильмов (Таблица 4). Обобщив статистику по двум категориям – фильмы и сериалы, можно отметить растущую популярность «криминальных» жанров». Существует мнение о том, что криминальные драмы и детективы романтизируют насилие, с другой стороны – они лишь отражают сложные аспекты окружающей действительности. «Криминальные» жанры оказались представлены как в мировом, так и в российском рейтинге фильмов.

Таблица 4. Лучшие отечественные фильмы по версии портала «КиноПоиск» на 2024 г.

Наименование	Дата (период) производства	Рейтинг Кинопоиска	Количество оценок	Жанр
Брат	1997	8.3	1 527 556	Криминальная драма
Холоп 2	2023	7.1	1 201 484	Комедия
По щучьему велению	2023	7.8	1 194 066	Фэнтези
Брат 2	2000	8.2	1 165 647	Криминальная драма

Наименование	Дата (период) производства	Рейтинг Кинопоиска	Количество оценок	Жанр
Холоп	2019	7.2	1 035 198	Комедия
Батя	2020	7.7	906 417	Комедия
Мажор в Сочи	2022	7.1	733 543	Приключения / комедия
Майор Гром: Чумной Доктор	2021	7.3	723 462	Боевик
Последний богатырь	2017	7.2	689 832	Фэнтези
Чебурашка	2022	7.4	656 438	Мультфильм / семейный
Три богатыря и Конь на троне	2021	7.5	634 049	Мультфильм
Легенда № 17	2012	8.0	631 316	Драма / байопик
Конёк-Горбунук	2021	7.3	628 817	Фэнтези
Баба Яга спасает мир	2023	7.2	577 554	Фэнтези
Дурак	2014	8.1	512 277	Драма
Движение вверх	2017	7.5	492 478	Драма
Вызов	2023	7.8	475 543	Драма
Жмурки	2005	7.3	474 775	Комедия
Алеша Попович и Тугарин Змей	2004	7.9	470 537	Мультфильм
Последний богатырь: Корень зла	2020	7.3	448 535	Фэнтези

Примечание: собственная разработка на основе данных [5]

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, предпочтения граждан в сфере кино и сериалов являются индикатором текущей социокультурной ситуации, выражают основные направления развития социума, позволяют понять его проблемы и перспективы.

Во-вторых, анализ предпочтений российских зрителей доказывает широкую популярность продукции из США, что свидетельствует о сохранении влияния американской киноиндустрии на российское общество.

В-третьих, судя по количеству зрительских оценок и рецензий, российские кино и сериалы также интересуют отечественных зрителей.

В-четвертых, наиболее популярными жанрами выступают драма, криминальная драма, детектив, комедия. Реже в рейтинги лучших кино и сериалов попадают мультфильмы, аниме, фэнтези, триллеры и др.

Литература

- Белинская, Е.П. Радикалистские установки и предпочтения жанров киноискусства в юношеском возрасте / Е.П. Белинская, Е.А. Рудик // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2020. – № 4. – С. 41–52.
- Дьяченко, А.Н. Любимый фильм: предпочтения и ценностные ориентации студенческой молодежи (на примере городов Ростова-на-Дону и Таганрога) / А.Н. Дьяченко, Б.Б. Месхи, В.Г. Пантелеев, И.В. Печуров // Гуманитарий Юга России. – 2023. – № 6. – С. 192–207.
- Капелюшников, Р.И. Потребление культурных благ в России: масштабы, детерминанты, дифференциация / Р.И. Капелюшников, Н.В. Дёмина // Экономическая социология. – 2021. – № 2. – С. 42–80.
- Кутузовская, А.С. Культура потребления в сфере свободного времени в России сегодня / А.С. Кутузовская // Культура. Духовность. Общество. – 2016. – № 27. – С. 156–162.

- Лучшие фильмы (Россия) // КиноПоиск. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/country-2/?sort=votes&b=films&b=top>. – Дата доступа: 12.12.2024.
- Лучшие сериалы (Россия) // КиноПоиск. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/country-2/?sort=votes&b=series&b=top>. – Дата доступа: 12.12.2024.
- Немировская, Е.П. Практики медиапотребления поколения Z в социальных сетях / Е.П. Немировская // Социодинамика. – 2024. – № 7. – С. 14–23.
- Раков, Н.В. Контент-анализ: успех кино в контексте времени / Н.В. Раков // Скиф. – 2022. – № 12 (76). – С. 130–143.
- Шершень, И.В. Развитие креативных индустрий в контексте экономики впечатлений / И.В. Шершень, О.Я. Емельянова // РСЭУ. – 2023. – № 2 (61). – С. 146–153.
- Шишканов, А.И. Теоретические основы разработки критериев оценки зрительских предпочтений в современном кинематографе / А.И. Шишканов // Человек и культура. – 2024. – № 4. – С. 10–22.
- 250 лучших сериалов // КиноПоиск. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/series-top250/>. – Дата доступа: 12.12.2024.
- 250 лучших фильмов // КиноПоиск. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/top250/>. – Дата доступа: 12.12.2024.

CONSUMER REFERENCES IN CINEMA AND TV SERIES IN RUSSIA

Song jamei
Heilongjiang University, Harbin University

The article presents the characteristic features of the experience economy; the author outlines the role of creative industries in the development of society as a whole and in the transformation of consumer behavior in particular. It is noted that consumer preferences in the field of cinema and TV series are the most important indicator of the development of society. The factors determining preferences

in the field of films and TV series are listed. To analyze the pReferences of Russian viewers in the field of cinematographic products, the ratings and assessments presented on the KinoPoisk portal were analyzed. In particular, the following ratings were considered: (1) the best domestic series; (2) the best series; (3) the best domestic films; (4) the best films. Based on the results obtained, conclusions were made about the genre, thematic and other pReferences of Russian viewers.

Keywords: cinema, experience economy, creative industries, film, tv series, consumer pReferences

References

1. Belinskaya, E.P. Radicalist attitudes and pReferences for cinema genres in adolescence / E.P. Belinskaya, E.A. Rudik // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Psychology. Pedagogy. Education". – 2020. – No. 4. – P. 41–52.
2. Dyachenko, A.N. Favorite film: pReferences and value orientations of student youth (on the example of the cities of Rostov-on-Don and Taganrog) / A.N. Dyachenko, B.B. Meskhi, V.G. Panteleev, I.V. Pechkurov // Humanitarian of the South of Russia. – 2023. – No. 6. – P. 192–207.
3. Kapelyushnikov, R.I. Consumption of cultural goods in Russia: scale, determinants, differentiation / R.I. Kapelyushnikov, N.V. Demina // Economic sociology. – 2021. – No. 2. – P. 42–80.
4. Kutuzovskaya, A.S. Culture of consumption in the sphere of free time in Russia today / A.S. Kutuzovskaya // Culture. Spirituality. Society. – 2016. – No. 27. – P. 156–162.
5. Best films (Russia) // KinoPoisk. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/country-2/?sort=votes&b=films&b=top>. – Access date: 12.12.2024.
6. The Best TV Series (Russia) // KinoPoisk. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/country-2/?sort=votes&b=series&b=top>. – Access date: 12.12.2024.
7. Nemirovskaya, E.P. Media consumption practices of generation Z in social networks / E.P. Nemirovskaya // Sociodynamics. – 2024. – No. 7. – P. 14–23.
8. Rakov, N.V. Content analysis: the success of cinema in the context of time / N.V. Rakov // Skif. – 2022. – No. 12 (76). – P. 130–143.
9. Shershen, I.V. Development of creative industries in the context of the experience economy / I.V. Shershen, O. Ya. Emelyanova // RSEU. – 2023. – No. 2 (61). – P. 146–153.
10. Shishkanov, A.I. Theoretical foundations for developing criteria for assessing viewer pReferences in modern cinema / A.I. Shishkanov // Man and Culture. – 2024. – No. 4. – P. 10–22.
11. 250 best TV series // KinoPoisk. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/series-top250/>. – Access date: 12.12.2024.
12. 250 best films // KinoPoisk. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/top250/>. – Access date: 12.12.2024.

Речевой имидж специалиста: профессионально-коммуникативный факультатив в системе обучения студентов

Тенеряднова Светлана Павловна,

кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: steneriadnova@mgsu.ru

Статья освещает основные вопросы профессионально-коммуникативного факультатива в техническом университете. Автор подробно останавливается на содержании дисциплины, описывает основные виды работ студентов на занятиях: самопрезентацию, речь-экспромт, анализ речевых ситуаций. Большое внимание уделяется вопросу психологической распаковки личности. Автор доказывает на примерах, что факультатив по речевому имиджу строится на основе речевого творчества. Он описывает структуру «глянцевого» журнала, который создают студенты. Эта итоговая работа становится визиткой будущего профессионала. Автор детализирует работу по созданию итогового проекта. В статье предложена структура возможных интервью и статьи. Автор делает вывод, что подобная учебная работа в университете может стать серьезным профессиональным инструментом в создании образовательной траектории студентов.

Ключевые слова: речевой имидж, факультатив, обучение студентов, специалист.

Введение

Социальная активность личности, выраженная как прямо, так и косвенно в современном жизненном пространстве (например, в социальных сетях и мессенджерах), усилили потребность в формировании ее речевой культуры и речетворческих начал. Это проявляется в становлении речевого мира личности, выработке системы ценностей и смыслов, развитии чувств (эмпатий) и межличностных отношений. В настоящее время пришло понимание того, что ни одна из указанных жизненных человека не обходится без речевой деятельности.

Классическая система среднего и высшего образования не изучает речевые умения и навыки как особые результаты деятельности. Они получают как бы вплетенными в другие виды деятельности, часто растворяясь в них. Хотя, безусловно, по своей природе они предстают как базовые элементы речевой компетенции. На наш взгляд, подобная картина приводит к удручающему финалу: личность не может себя представить (речевая самопрезентация), ее не признает общество (профессиональное в том числе). Следствием этого можно назвать отсутствие собственной социальной и профессиональной осознанности, неумение устранить возникающие психологические барьеры в процессе деятельности: речевой, учебной, трудовой.

В этой связи представляется интересной мысль А.Н. Леонтьева [1], предлагающего рассматривать проблему личности под двумя углами зрения. Во-первых, внутренняя структура личности представляет психологическое образование, некий смысловой конструкт. Во-вторых, отношение личности и «жизни» в преломлении как формирования личности, так и в плане отображения жизненной перспективы в сознании этой личности. Ученый приближается к понятиям «образ мира», «образ личности» и считает, что деятельность личности – это глубокий, осмысленный диалог с окружающим миром, в котором есть место и многоголосию, и унисону, и полемическому общению. Данный научный подход был применен нами на практике.

Результаты и обсуждение

В 1 и 2 семестрах 2022–23 учебного года в Санкт-Петербургском государственном университете им. М.А. Бонч-Бруевича нами был впервые разработан и проведен факультатив «Речевой имидж специалиста». Об интересе со стороны студентов и востребованности 36-часового курса говорит тот факт, что на новый факультатив, не зная его специфики, записались 50 студентов.

Факультатив имеет профессионально-коммуникативную направленность и рассматривал формирование речевого имиджа будущих специалистов как одно из главных условий создания успешной карьеры. Целью дисциплины является формирование комплексного представления о роли речевого имиджа в профессиональной коммуникации.

Планируемые результаты обучения включают следующие виды деятельности:

- выявление факторов формирования речевого имиджа;

- создание текстов и выступления: как подготовленные (сторителлинг), так и неподготовленные (речь-экспромт);
- определение этапов создания текста и условий его эффективности;
- ситуативно целесообразное применение речевых этикетных формул;
- анализ языковых средств, способствующих созданию речевого имиджа (на уровне лексики, грамматики, синтаксиса);

Содержание программы реализуется по трем модулям:

Модуль 1. Речевой имидж: основные понятия. Понятие «имидж». Имидж и образ. Коммуникация как основа для формирования речевого имиджа. Особенности устной и письменной формы речи. Отличие книжной речи от разговорной. Сферы общения и стили речи. Эффективная бесконфликтная коммуникация: техники активного слушания. «Я-высказывания» и «Ты-высказывания». Безоценочная коммуникация.

Модуль 2. Письменная коммуникация. Эффективность письменного текста. Критерии эффективного текста. Авторская интенция в тексте и возможные ошибки в ее реализации.

Языковые средства, формирующие образ автора в тексте. Коммуникация в официальной ситуации. Профессиональный образ специалиста, создаваемый им в личных документах (резюме, сопроводительное письмо, мотивационное письмо, рекомендации). Формирование образа специалиста в соцсетях (информационные материалы, развлекательные материалы, отзывы, прямые эфиры, вопрос-ответ). Виды контентов (продающий, полезный, экспертный и др.).

Модуль 3. Устная коммуникация: стратегии, тактики, жанры. Формирование и совершенствование речевого имиджа. Создание индивидуального плана развития. Имидж оратора. Невербальные способы воздействия на аудиторию (голос, мимика, поза, жесты). Особенности использования невербалики в условиях использования дистанционных технологий. Жанры речевого этикета. Особенности русского речевого этикета. Приемы и методы создания речи-экспромта: метод дерева, метод словесных ассоциаций, переход по последнему слову и др. Сторителлинг как инструмент для формирования имиджа. Технология создания истории. Самопрезентация: содержание и форма.

Факультатив строится на основе речевого творчества, и в этом аспекте нам кажутся небезыносными слова В.П. Зинченко о том, что «главным в перспективе развития образования должно стать живое знание, которое не является оппозицией научному, ядерному, программному знанию. Оно опирается на эти виды знания, служит их предпосылкой и итогом. Живое знание отличается от мертвого знания тем, что оно не может быть усвоено, оно должно быть построено. Построено так, как строится живой образ, живое слово, живое движение, живое, а не мертвое, механическое действие» [2, с. 12].

На занятиях студенты участвуют в психологической «распаковке» личности, работали с метафорическими картами, составляли сказки в форме «Жила-была девочка (мальчик)», рассказы в форме «Что мне нравится и что мне не нравится».

В процессе занятий студенты убеждаются: речевой имидж – сложный процесс и продукт одновременно. Как правило, это даже не один образ, а целая система образов, гармонически объединенных в одном. Студенты учатся переключать речевые регистры, меняют стили общения, создают сторителлинги, работают над письменными текстами для социальных сетей. Не секрет, что

сегодня соцсети являются общепризнанными действенными инструментами в профессиональном продвижении личности.

По завершении факультатива студенты защищают итоговые работы (проекты) в виде презентаций, которые включают вопросы позиционирования в двух ракурсах: Я- личность и Я-профессионал.

Проект выполняется в формате «глянцевого» журнала с соответствующими визуальными элементами (фото, заголовок), статьями и развернутым интервью. Подобный формат самопрезентации выбран не случайно. Имеются многочисленные исследования (Я. Яненко, Маккей Д., Рома О.В.), доказывающие, что медиа-репрезентация современной картины мира отражается в различных журналистских материалах, и роль «гляцевых» журналов в этой связи бесспорна. Они способны активизировать социализацию индивида в информационном обществе, являясь своеобразными моделями-указателями и становясь, таким образом, инструментом, формирующим у целевой аудитории определенное мировоззрение. Как отмечает Д. Маккей, «текст в журнале входит составным элементом в визуальном оформлении почти каждой страницы. Все это, и постоянные эксперименты с дизайном превращают номера отдельных журналов в произведения современного изобразительного искусства» [3, с. 335]. Чаще всего главной иллюстрацией журнала является фотография «героя номера». Важность и статусность этой фотографии определяется, как правило, размером (занимает большую часть страницы). Цветовая гамма «главной» фотографии определяет нередко цвет текста анонсов в журнале. В данном случае можно наблюдать ситуацию, когда «вербальный текст начинает выполнять второстепенную роль, уступая место зрительному образу, который, собственно, и становится инфоповодом» [4, с. 572]. Век визуального мышления, в котором мы пребываем, побуждает обращать внимание на картинки/фотографии в социальных сетях и мессенджерах. Когда мы просматриваем странички незнакомых людей, невольно отмечаем «визуальный образ (живой человек или аватар, реальный ли персонаж или созданный стараниями искусственного интеллекта и т.д.). Немаловажной является и информация о социальном/профессиональном статусе, профессиональных достижениях, хобби и увлечениях. Подобный «партизанский нетворкинг» представляет своего рода досье на потенциального клиента/друга» [5, с. 122].

Исходя из особенностей «глянцевого» журнала выстраивается структура студенческой работы:

1) имиджевая обложка, где студент позиционирует себя как интересную личность/специалиста. В качестве пожелания предлагается поместить на обложку какую-нибудь ключевую фразу, (кредо, жизненный девиз, личное мнение в виде предложения с прямой речью);

2) визитка (фото, имя, фамилия), в которой студент рассказывает о себе и знакомит читателей со своими жизненными принципами и ценностями. Предлагается ответить на ряд вопросов: 1. Какие у вас жизненные принципы? Вы бы хотели, чтобы о вас говорили ваши последователи после вашего ухода? 2. Каковы ваши жизненные ценности? За что вы всегда «за»? Против чего вы однозначно «против»? Данные вопросы обычно включаются в методические рекомендации по брендингу, что, на наш взгляд, вполне оправданно и целесообразно.

3) статья-лонгрид из 3 частей, в которой студенты рассказывают о трех интересных фактах своей биографии, привлекая для этого фотографии, притчи, цитаты (известных людей, родственников, друзей). Подобный жанр популярен в социальных сетях, им любят пользо-

ваться блогеры, всякий раз подчеркивающие важность выделения абзацев в тексте-«кирпиче». Лонгрид как раз предоставляет такую возможность, и студенты видят, что благодаря даже работе лишь с одной структурой текст может выигрышно смотреться, становясь конкурентным в информационном потоке.

4) интервью с самим собой, где студенты отвечают на 5 важных вопросов и раскрываются перед читателями как эксперты в профессиональной области.

Примерный перечень вопросов для интервью:

1. Какие качества личности вам понадобятся для овладения профессией? Что вы для этого уже сделали или делаете?
2. Почему вы выбрали эту профессию, каковы причины, подтолкнувшие вас к этому решению (особенности профессии, родители, признание, случай, пример других, ваш характер)?
3. Есть ли мероприятия (конференции, форумы, марафоны), на которых вы могли бы выступить в качестве спикера?
4. Есть ли в вашей сфере профессиональные премии или рейтинги? В каких из них вам можно было бы поучаствовать?
5. Есть ли в вашей сфере профессиональные клубы или ассоциации, в которые вы могли бы вступить?

Нетрудно заметить, что в данном проекте находят отражение основные тактики самопродвижения: тактика прямой саморекламы, тактика демонстрации профессиональных достоинств, коммуникативный ход «апелляция к конкретному примеру», тактика самокритики, тактика передачи объективной/субъективной информации о себе, тактика «фактор мотивации», тактика откровенности. Благодаря открытому позитиву о себе в подобных проектах студент повышает собственную самооценку, растет его мотивационный уровень, увеличиваются креативные идеи. Студент выступает в данном случае в роли соискателя, стремящегося соответствовать представленной вакансии. Прорабатывая, например, вопросы интервью, будущий специалист задумывается о своем речевом поведении, выбирает для этого необходимый репертуар стратегий и тактик речи. Иными словами, студент самостоятельно становится вовлеченным в профессиональный дискурс, ощущая на себе влияние рекрутинга. В этой связи представляется интересным мнение Ю.В. Агеевой, считающей, что «с развитием рекрутинга помимо стандартных психологических методов оценки кандидата стали появляться альтернативные методы, которые приблизили данную сферу к области лингвистики (метод нейролингвистического программирования, лингвистический анализ речи, анализ метапрограмм)» [6, с. 186]. Как видим, специалисты по кадрам делают акцент не столько на том, «что» соискатель говорит», сколько на том, «как он это делает» [7, с. 20].

Необходимо отметить, что все занятия факультатива выстраиваются как практикумы, где проводится анализ реальных жизненных ситуаций. Такой подход расширяет представление о речевой личности, ее речевом портрете на фоне профессионального общения.

Заключение

Итоги работы факультатива были представлены в новостной подборке в эфире Радио Бонч [8], а также в виде публикаций, видеороликов на сайте и на странице ВК университета [9].

Речевой имидж специалиста, на наш взгляд, может стать профессиональным помощником в выстраивании образовательной траектории студентов, выступая одним из действенных компонентов в учебной и социально-

развивающей деятельности. Факультатив, таким образом, становится адаптационной площадкой в социально-культурном пространстве, позволяющей запустить процесс формирования важнейших внутренних механизмов развития личности студентов.

Литература

1. Леонтьев А.Н. Основы теории речевой деятельности. М.: Просвещение, 1974. 276 с.
2. Зинченко В.П. О цепях и ценностях образования // Педагогика, 1997, № 5. С. 3–16
3. Маккей Д. Все о журналах/ Д. Маккей. М.: Издательский дом «Университетская книга», 2008. 338 с.
4. Тенеряднова С.П. Научный текст нового формата: популяризация знаний через диалог// Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании. X Юбилейная Международная научно-техническая и научно-методическая конференция; сб. науч. ст. в 4 т. / Под. ред. С.В. Бачевского; сост. А.Г. Владыко, Е.А. Аникевич. СПб.: СПбГУТ, 2021. Т. 3. С. 569–573
5. Тенеряднова С.П. Роль социального капитала в благополучии личности// Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки». Сб. материалов XV Международной научно-практической конференции. М. Издательство «АНО ДПО ЦРОН», 2024. С. 119–123
6. Агеева Ю.В. Реализация стратегии самопрезентации в ходе собеседования// Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2013. Том 155, кн.5. С. 186–195
7. Куцевол В. Лингвистически-психологический анализ речи как альтернативный метод оценки персонала// Кадровик. Рекрутинг для кадровика. 2010. № 3(1). С. 20–23
8. <https://www.sut.ru/bonchnews/education/17-01-2023-studenti-fakultativa-rechevoy-imidzh-specialista-zachitily-vypusknie-proekty>
9. https://vk.com/wall-43759752_4130

SPEECH IMAGE OF A SPECIALIST: PROFESSIONAL COMMUNICATION ELECTIVE IN THE STUDENT EDUCATION SYSTEM

Teneryadnova S.P.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article covers the main issues of professional communication electives at a technical university. The author dwells in detail on the content of the discipline, describes the main types of student work in the classroom: self-presentation, impromptu speech, analysis of speech situations. Much attention is paid to the issue of psychological unpacking of personality. The author proves with examples that the elective on speech image is built on the basis of speech creativity. He describes the structure of the “glossy” magazine that students create. This final work becomes the business card of the future professional. The author details the work to create the final project. The article suggests the structure of possible interviews and articles. The author concludes that such educational work at a university can become a serious professional tool in creating the educational trajectory of students.

Keywords: speech image, elective, student training, specialist.

References

1. Leontyev A.N. Fundamentals of the theory of speech activity. M.: Education, 1974. 276 p.
2. Zinchenko V.P. About the chains and values of education // Pedagogy, 1997, № 5. P. 3–16

3. Маккай D. All about magazines / D. Маккай. М.: Publishing house «University Book», 2008. 338 p.
4. Teneryadnova S.P. Scientific text of a new format: popularization of knowledge through dialogue // Current problems of information and telecommunications in science and education. X Anniversary International Scientific, Technical and Scientific Methodological Conference; Sat. scientific Art. in 4 t. / Under. ed. S.V. Bachevsky; comp. A.G. Vladyko, E.A. Anikevich. SPb.: SPbSUT, 2021. T. 3. P. 569–573
5. Teneryadnova S.P. The role of social capital in the well-being of the individual // Modern strategies and digital transformations of sustainable development of society, education and science.” Sat. materials of the XV International Scientific and Practical Conference. M. Publishing house «ANO DPO CRON», 2024. P. 119–123
6. Ageeva Yu.V. Implementation of a self-presentation strategy during an interview // Scientific notes of Kazan University. Humanities. – 2013. Volume 155, book 5. P. 186–195
7. Kutsevol V. Linguistic-psychological analysis of speech as an alternative method of personnel assessment // Personnel officer. Recruiting for HR. 2010. № . 3(1). P. 20–23
8. <https://www.sut.ru/bonchnews/education/17-01-2023-studenti-fakultativa-rechevoy-imidzh-specialista-zachitily-vypusknie-proekty>
9. https://vk.com/wall-43759752_4130

Приключенческая литература в русской культуре: анализ романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта»

Чжоу Тунтун,

магистр, Даляньский университет иностранных языков
E-mail: 13090106782@qq.com

Статья посвящена исследованию жанра приключенческой литературы в русской культуре на примере романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта». Анализируется его роль в формировании гуманистических ценностей и восприятии советскими читателями. Рассматриваются особенности жанра, его развитие в русской литературной традиции, а также взаимосвязь литературного произведения с советскими экранизациями. Автор приходит к выводу, что «Дети капитана Гранта» выступает не только как классический образец приключенческого романа, но и как важный элемент воспитательной и образовательной функции литературы, способствующий расширению кругозора и формированию нравственных ориентиров.

Ключевые слова: Приключенческая литература, Жюль Верн, Советская культура, Гуманистические ценности, Экранизации, Дети капитана Гранта

Введение

Приключенческая литература занимает особое место в русской культуре благодаря своей способности увлечь читателя в мир невероятных событий, экзотических мест и захватывающих историй. Формируясь в эпоху романтизма, этот жанр вобрал в себя идеалы героизма, жажды открытий и борьбы за справедливость. На протяжении XIX и XX веков приключенческие произведения, такие как романы Жюль Верна, Александра Дюма и Роберта Льюиса Стивенсона, стали неотъемлемой частью мировой и русской литературы, вдохновляя читателей всех возрастов.

Советская культура, уделявшая особое внимание воспитательной и просветительской функциям литературы, дала новый импульс развитию приключенческого жанра. Этот жанр перестал восприниматься как лёгкое развлечение, а приобрёл статус важного средства передачи гуманистических ценностей и формирования мировоззрения молодёжи. Особое место в этой традиции занимает роман Жюль Верна «Дети капитана Гранта», ставший классическим образцом приключенческой литературы и любимым произведением советских читателей.

В данной статье исследуются основные особенности романа «Дети капитана Гранта», его вклад в развитие приключенческого жанра и влияние на русскую культуру. Также рассматривается, каким образом советские экранизации усилили восприятие этого произведения как феномена, способного объединять литературу, кино и воспитательные традиции.

Приключенческая литература и приключенческое кино и их место в русской культуре

Приключенческий роман (также авантюрный роман, от фр. *aventure*) – это жанр романа, сформировавшийся в середине XIX века на волне романтизма и неоромантизма с характерным для них стремлением бежать от мешанской повседневности в мир экзотики и героизма. Приключенческой литературы, которую отличают резкое деление персонажей на героев и злодеев, стремительность развития действия, переменчивость и острота сюжетных ситуаций, преувеличенность переживаний, мотивы похищения и преследования, тайны и загадки. Основой для создания жанра «приключения» стали исторические романы XIX века. Огромный вклад в развитие этого литературного направления внесли такие известные авторы, как Александр Дюма и Роберт Льюис Стивенсон.

Немаловажную роль в бурном развитии приключенческой литературы сыграло и появление массового читателя, который во многом только начинал приобщаться к литературе. Неприятный вкус требовал несколько облегченной формы, определенности в обрисовке характеров, яркой сюжетности повествования, четкой ориентации симпатий и антипатий автора. Всех тех признаков, которые сегодня справедливо считаются необходимыми для произведений, адресованных юным

читателям. Именно приключенческая книга оказалась наиболее доступной для восприятия новым читателем. В силу этих причин приключенческая литература бурно развивается в XIX веке в различных национальных литературах.[4]

В современной литературе понятие «приключенческая литература» тесно связывается с определенным рядом прозаических жанров. Наиболее традиционным является выделение следующих четырех подвидов приключенческой прозы: детективная литература, фантастическая литература, историческая приключенческая литература (к ней примыкает и литература о путешествиях), и детская литература. Своеобразие приключенческой литературы заключается в том, что она рассказывает своим читателям о необычных событиях и необычных обстоятельствах, создаёт особый мир, отличный от повседневной реальности. Событийную основу произведения составляют захватывающие приключения, повествование насыщено действием, развивается стремительно, возможны неожиданные повороты сюжета и пересечение нескольких сюжетных линий. Лучшие образцы приключенческой литературы написаны так, что читаются на одном дыхании и удерживают внимание читателя с первой до последней страницы.

Приключенческие романы характеризуются стремительным развитием сюжета, зачастую события в нем происходят в течение короткого промежутка времени. Такие романы насыщены действием, героям приходится раз за разом преодолевать опасности. Постоянное движение вперед – вот что является главным, все остальное – второстепенно. Герой приключенческого романа действует, руководствуясь моральными принципами, обладает лидерскими способностями, интуитивно предчувствует опасность и предлагает решения, что выделяет его среди остальных членов команды. Второстепенные персонажи обычно не получают глубокого психологического портрета, оставаясь либо «хорошими» либо «плохими». Образы отрицательных героев разработаны не менее подробно, чем образы положительных персонажей. Чаще всего это антиподы главного героя: они так же сильны, умны и изобретательны, однако при этом у них злые намерения и коварные замыслы, они заботятся о своей выгоде в ущерб интересам, а иногда и жизни окружающих.

Такое противопоставление характеризует гуманистическую направленность приключенческой литературы: ценными оказываются не столько «сверхчеловеческие» возможности героев, сколько их человеческие качества. Таким образом, приключенческая литература развивается в русле общечеловеческих этических представлений и доносит их до своего читателя.

Окружающая обстановка играет важную роль в приключенческом романе. Герои при исполнении своей миссии часто оказываются в неизведанных, экзотических и загадочных местах. Действие в таких романах может охватывать несколько временных периодов, разворачиваясь параллельно в настоящем и прошлом. Действие приключенческих повестей и романов разворачивается, как правило, в экзотических и далёких странах. Время действия может быть различным, но чаще всего оно максимально отдалено от настоящего момента, события разворачиваются либо в далёком прошлом (несколько столетий назад), либо перенесены в будущее. Завоевывают популярность также романы-квесты, в основе которых лежит поиск какого-либо артефакта или сокровища. В таких романах изображаются тайные общества, раскрываются секреты реальных исторических персонажей, расшифровываются коды и послания. Как следствие постоянной угрозы жизни и опасностей, подстерегающих

героев, настроение и тональность приключенческих романов зачастую мрачны и полны плохих предзнаменований. В декорациях прошлых веков, например, средневековья, это также может оправдываться суровыми нравами исторического периода. Вместе с тем в романах нередко встречается и юмор, помогающий смягчить ощущение опасности и неизвестности.

Романы о приключениях вызывают к нашей жажде неизведанного и желанию испытать себя, а также расширить границы вселенной. Они рассказывают нам о героях, злодеях, опасностях и выживании. Приключение уносит нас за пределы обыденности к неизвестным мирам. В компании товарищей мы отправляемся в путешествие, навстречу опасности и лишениям, и, несмотря на трудности, всегда добиваемся успеха в конце. Приключения и препятствия, характерные для древнегреческого романа, среди которых – бегство, путешествие, буря на море, кораблекрушение, нападение пиратов, плен, чудесное спасение и т.п., усвоены приключенческой литературой. Интерес к приключенческой литературе писателей различных направлений и школ (романтизм, натурализм, реализм), а равно, и читателей, вне зависимости от возраста, вызван, в первую очередь, чистотой жанра, дающего свободу для литературной игры. Противостояние злодейства и благородства, динамика повествования, возможность сюжетных перебивов, наконец, яркость красок и выразительность деталей в ущерб изолированности психологичности являлись неизменными атрибутами приключенческой литературы.

Отсюда острота фабульных ситуаций, накал страстей, мотивы похищения, преследования, тайны, невероятных научных открытий. Но приключенческая литература не только воздействует на эмоции читателя и даёт пищу его воображению, она раздвигает рамки его представлений о мире, расширяет его кругозор. Приключенческие романы и повести зачастую насыщены историческими, географическими и другими подробностями, так что, переживая вместе с героями необычайные приключения, подросток одновременно получает большой объём новой информации, которая нередко запоминается лучше, чем те же сведения из школьных учебников. Приключенческие произведения очень популярны у широких масс населения во всех странах, что свидетельствует об универсальности приключенческого жанра.

С момента своего возникновения как отдельного направления литературы и значимого культурного феномена приключенческая литература долгое время воспринималась как литература исключительно развлекательная, лёгкая, несерьёзная, не обладающая какой-либо художественной ценностью. И хотя многие приключенческие романы 19-го и начала 20-го веков были очень популярны у читателей, они или вовсе не попадали в сферу внимания исследователей литературы, литературных критиков и просто ценителей высокой культуры, или использовались в качестве примеров дурного вкуса и низкой культуры. До некоторого момента такое пренебрежительное отношение к приключенческой литературе, возможно, было оправданным, потому что подавляющая часть произведений, которые составляли это направление, были, действительно, очень низкого уровня, однако всё же не все были такими, и постепенно появлялось всё больше произведений, которые нельзя было обвинить в полном отсутствии художественной ценности. Но отношение к приключенческой литературе не менялось, и она оставалась на далёкой периферии литературы и культуры, конечно, по мнению специалистов по литературе и культуре, а не реального функционирования литературы и культуры, в которых уже произошли значительные изменения.

В 19-ом веке и в начале 20-го века, до Великой Октябрьской социалистической революции, развитие приключенческого жанра в России полностью соответствовало общемировым тенденциям, приключенческая литература имела статус лёгкого, развлекательного, низкопробного чтива, литературой второго сорта, которая не заслуживает серьёзного внимания. Такое мнение было унаследовано в самом начале и зарождающимися советской литературой и советским литературоведением, в рамках которых приключенческая литература оценивалась как достояние буржуазной культуры, как дешёвый товар на потребу малообразованной публики, потакающий самым низким вкусам толпы. Однако реальная историческая практика культурного строительства в СССР и развитие советской литературы и культуры быстро показало несостоятельность такого пренебрежительного отношения к приключенческому жанру, который в своей основе имеет высокий гуманистический, воспитательный и просветительский потенциал. И можно сказать, что именно в СССР, в рамках советской культуры приключенческий жанр был полностью реабилитирован и лишен статуса явления «второго сорта», получил значительное развитие и стал неотъемлемой и органичной частью советской литературы и кино. Многие признанные шедевры советской литературы и советского кино относятся к разным направлениям приключенческого жанра: «Два капитана» Вениамина Каверина, фантастические произведения Александра Белыева, повести и романы мастеров советского детектива и многое другое. Кроме того, с детства и на всю жизнь любимыми для читателей в СССР и в России стали лучшие произведения мировой классики приключенческого жанра. Имена Александра Дюма, Жюль Верна, Роберта Льюиса Стивенсона, Артура Конан Дойля и других мастеров известны в России всем и каждому, сюжеты и герои их романов стали полноправной частью русской культуры.

Одним из первых обратил внимание на необходимость использовать высокий гуманистический потенциал шедевров мировой приключенческой литературы ещё Максим Горький, он активно защищал приключенческий жанр и говорил о важности его развития в России, но наиболее активное развитие приключенческая литература, а параллельно с ней и приключенческое кино получили в СССР уже в середине и во второй половине XX века.

Среди больших советских литературоведческих работ общего плана, посвященных изучению приключенческой литературы, можно выделить две одноименные монографии «В мире приключений» Абрама Зиновьевича Вулиса (1986 г.) и Бориса Александровича Бегака (1979 г.), а также статью Л. Мошенок «Мир приключений и литература» в журнале «Вопросы литературы» (1982 г.). В своих работах эти авторы говорят о важности приключенческой литературы, о её функциях и разновидностях, делают вывод о недопустимости считать её литературой второго сорта, а также подводят некоторый итог развития приключенческой литературы и в целом приключенческого жанра в Советском Союзе. Больших значимых работ общего плана, посвященных непосредственно советскому приключенческому кино, к сожалению, создано не было, однако дискуссии о статусе приключенческого кино периодически возникали на страницах ведущих советских изданий о кино и были достаточно бурными. [5]

Эти особенности приключенческих книг и фильмов в сочетании с ярко выраженными в них воспитательной и просветительской функциями, сделало приключенческий жанр в СССР ядром литературы и кино для детей и юношества. Однако это не следует считать свидетель-

ством несерьёзного характера приключенческого жанра, а наоборот показывает его важнейшую роль в советской культуре, так как статус литературы и кино для детей и юношества в СССР не уступал взрослой литературе и взрослому кино, не было ярко выраженного стремления противопоставлять их друг другу, а требования к произведениям для детей и подростков очень часто предъявлялись даже более значительные. Принцип «упрощенчества» не признавался в советском искусстве для детей, задача литературы и кино определялась так: воспитывая, давая новые знания, поднимать детей на уровень взрослых, а не спускаться на уровень ребёнка, используя простые и примитивные приёмы привлечения детского внимания. Писать и снимать доступно для ребёнка, не жертвуя глубиной и важностью содержания, научностью и историчностью, – это серьёзная художественная задача, на осуществление которой в советское время были брошены самые лучшие силы.

«Сюжет приключенческой литературы – это борьба. Но в актив детского и юношеского чтения войдут книги только о той борьбе, которая направлена к целям благородным и гуманным», – рассуждает в своей книге о детской приключенческой литературе Б.А. Бегак.[1] Но эти слова и в общем точно описывают требования к приключенческому жанру, сложившиеся в русской культуре. Высокое гуманистическое содержание, благородные герои, действующие без эгоистических соображений, чёткое разделение добра и зла и полное неприятие морального релятивизма и любых форм угнетения – это содержательные требования к приключенческой литературе и кино в советском понимании, а стремительное развитие действия, переменчивость и острота сюжетных ситуаций, некоторая преувеличенность переживаний и конфликтов, мотивы похищения, преследования, преодоления, тайны, загадки и др. тоже важны, но являются формальными. Главная особенность в восприятии приключенческих книг и фильмов в русской культуре, сложившаяся в советское время, заключается именно в том, что содержательные характеристики жанра вышли на первый план в сравнении с формальными, и развлекательность перестала быть главным и достаточным требованием приключенческих произведений.

Можно сказать, что в советское время образцом приключенческого жанра вместо авантюрных романов с общей романтической направленностью стали произведения героического содержания, в которых прослеживается явная тенденция к соблюдению принципов реалистического изображения действительности, научности и историчности, так как этого требует просветительская функция и стремление к развитию системного научного мировоззрения. И это существенно не только для приключенческих произведений советских авторов, многие классические приключенческие книги писателей 19-го и 20-го века также были переосмыслены с этих позиций: для русских читателей и зрителей в «Пятнадцатилетнем капитане» Жюль Верна первостепенным становится мотив борьбы с рабством, в «Острове сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона внимание детей и взрослых привлекает реалистическое изображение английского флота своего времени и быта и нравов пиратов, «Три мушкетёра» становятся гимном дружбы и взаимопомощи.

Уже к началу 20-го века приключенческий жанр оказался в некотором кризисе, так как изначальная романтика открытия неведомых земель, погружения в неизведанное, встречи с неизвестным испытывала серьёзный удар со стороны научно-технического прогресса, а тип героя-авантюриста, героя-путешественника, героя-первооткрывателя, «солдата фортуны» и «баловня судьбы» перестал быть таким востребованным у читателя

возникающего прямо на глазах нового мира. И большим достижением советского приключенческого жанра стало то, что в нём эта проблема была без серьёзных затруднений решена за счёт значительного расширения и углубления таких понятий, как приключение, открытие, подвиг, борьба. Советскими авторами, читателями и зрителями было быстро понято и принято, что для раскрытия этих понятий не обязательно требуются чрезвычайные обстоятельства, исключительные события, угрожающие жизни монстры и злодеи, невероятно сильные герои, обладающие редкими качествами. Научные открытия, исследовательский и научно-технический поиск, трудовые подвиги, ежедневная борьба с трудностями и заблуждениями в конкретных исторических обстоятельствах современной действительности, усилия по искоренению социальных пороков и таких чудовищных явлений в мире, как войны, рабство, нищета, голод, эпидемии, обладают не меньшей романтикой и возможностями для преодоления себя со стороны героя и проявления личного героизма, чем поиск сокровищ в неизведанных землях.

Соответственно и героем приключенческого произведения может быть обычный человек, учёный, врач, рабочий, геолог, покоритель севера и т.д., от него не требуются исключительные физические, волевые или моральные качества. Можно сказать, что образцом героя приключенческого жанра в русской культуре с советского времени стал человек, имеющий или обретающий гуманистическую систему убеждений и не отходящий от них даже в самых сложных обстоятельствах. Это герой по своим убеждениям, а не по обстоятельствам, действующий и проявляющий свои лучшие качества, благородство и стремление помочь попавшим в беду не по личным соображениям, а во имя высоких идей гуманизма.

Уже на ранних этапах развития советской приключенческой повести, по замечанию Н.Н. Родионовой, её характерной особенностью является «такое построение образа, в котором героическая доминанта преобладает над индивидуальной выразительностью. Героизм – главный принцип оценки поведения героя в этой повести, героическое – исходный пункт трактовки образа. Раскрытие характера в экстраординарных ситуациях – основной принцип типизации в приключенческой повести. Авторы стремятся отразить героические черты в более заострённой форме, «пересоздать» действительность на основе идеала».[7] Стремление к воплощению в жизни гуманистического идеала – важная составляющая приключенческого жанра в русской культуре, на ранних этапах это стремление воплощалось в достаточно условных образах, но постепенно приобретало всё более реалистичные формы.[6]

Роман Жюль Верна «Дети капитана Гранта» как классический текст приключенческого жанра для современной русской культуры

Жюль Верн (1828–1905) – известнейший французский писатель, классик приключенческой литературы, один из основоположников жанра научной фантастики, публицист и гуманист. Его книги известны во всём мире, на всех языках, и стабильно входят в пятёрку самых переводимых. Он создал роман нового типа – роман о науке и ее беспредельных возможностях. [2, 8]

Жюль Верн принадлежал к тому поколению людей середины XIX века, которые искали пути преобразования человеческого общества. Они считали, что существующий порядок вещей завел общественную жизнь в тупик, нужны радикальные изменения во взглядах большинства, нужно дать людям положительную про-

грамму действий. Но поскольку революции во Франции не оправдали возлагаемых на них надежд, неуклонно принимая буржуазный характер и заканчиваясь тем, что интересы народа всячески подавлялись, то передовая интеллигенция возлагала надежды на научный и технический прогресс, который должен просветить народ, убедить все слои населения, что можно устроить общество на разумных основаниях.

Политические симпатии Жюль Верна всегда были на стороне людей, борющихся за свободу, а все лучшие герои его произведений прежде всего борцы с несправедливостью и угнетением. Стремление к разумному устройству общества для французского писателя и гуманиста неотделима от человеческих знаний, от силы разума, который должен победить низменные, эгоистические побуждения людей. И герои его – это герои нового типа, обладающие высоким интеллектом, всесторонне образованные, преданные своему делу, благородные, думающие прежде всего о других и готовые прийти на помощь всем, кто в ней нуждается.[3]

«Дети капитана Гранта» (фр. *Les Enfants du capitaine Grant*) – приключенческий роман французского писателя, одно из самых известных его произведений. Роман состоит из трёх частей, в каждой из них главные герои повествования – лорд и леди Гленарван, майор Мак-Наббс, Жак Паганель, Мэри и Роберт Грант, Джон Мангль – в поисках потерпевшего кораблекрушение капитана Гранта путешествуют вокруг Земли по Южной Америке через Патагонию, по Австралии и Новой Зеландии, строго придерживаясь 37-й параллели южной широты. Роман впервые был полностью опубликован в 1868 году, до этого он частями публиковался в «Magasin d'Éducation et de Récréation» (рус. «Журнал воспитания и развлечения»), издававшемся Пьер-Жюлем Этцелем в Париже, с 20 декабря 1865 по 14 декабря 1867 года. Это первая часть трилогии, которую продолжили романы «Двадцать тысяч льё под водой» (1869–1870) и «Таинственный остров» (1874). Как уже было сказано, «Дети капитана Гранта» впервые появились в «Журнале воспитания и развлечения» и публиковались на его страницах с декабря 1865 по декабрь 1867 года. На русский язык роман был переведён уже через год и выпущен в издательстве Звонарёва. Классическим переводом стал перевод Александры Бекетовой, в котором роман и закрепился в русской культуре, став одним из самых любимых литературных произведений у советских читателей.

Романы Ж. Верна принадлежат к произведениям, которые принято называть приключенческими. В таких произведениях много неожиданных событий, внезапных поворотов в сюжете, движущей силой которого становится приключение. Приключение почти всегда начинается с какой-то загадки. В романе «Дети капитана Гранта» такой загадкой становится найденная в желудке акулы бутылка с полустёртым текстом немецким, французским и английским языками. Чтобы разгадать текст нужно обратиться к географическому атласу в поисках тридцать седьмой параллели, словарей трех языков, а героям роману еще и к подшиванию «старой морской газеты», где якобы есть подтверждение факта отплытия судна. На протяжении всего романа этот текст трижды будет переосмыслен, прочитан по-новому, и в конце концов загадка откроется. Особенность романов Ж. Верна заключается в том, что даже удивительные вещи автор объясняет с научной точностью, а загадки, которые он предлагает, никогда не содержат ничего мистического. Главная цель автора в написании произведения «Дети капитана Гранта» показать протест против колонизации людей, любовь детей к затерявшему отцу, которого до конца рассказа пытаются найти.

Однако главная цель автора сопутствовала весь рассказ и всегда играла важную роль в истории этого произведения, сопоставляя положительных и отрицательных героев. Перед читателем раскрывается вся правда о несправедливостях социального и национального различия и порабощения народов на фоне фантастических приключений, приоткрывая вуаль над истинным горем человечества, где происходит борьба на выживание.

Писатель мастерски использует различные композиционные приемы: преодоление препятствий, достижение невероятно сложных целей, раскрытие тайны. Развязка произведения также доказывает то, что справедливость в произведениях писателя всегда торжествует: Айртон наказан, капитан Грант воссоединился со своими детьми.

Положительные персонажи книги «Дети капитана Гранта» – это отважные люди, благородные, смелые. Они держат свое слово, данное даже перед самим собой, и готовы преодолеть разные препятствия ради спасения одного человека. Они рискуют своей жизнью, но цель для них оправдана. Женщины в произведении Жюль Верна (а это именно тот, кто написал «Дети капитана Гранта») также особенные. Они сильные духом, готовы пожертвовать собой, милосердны и никогда не жалуются на судьбу или лишения. Вот какой идеал принес писатель в общество. Он нарисовал большого человека, который заботится о ближних, и получает за это помощь с неба. Ведь все те счастливые стечения обстоятельств были ничем иным, как покровительством бога, провидением.

Заключение

По итогам исследования можно сделать вывод о том, что в русской культуре между романом Жюль Верна «Дети капитана Гранта» и его советскими экранизациями возникла теснейшая, неразрывная связь, позволяющая говорить о них как о едином культурном феномене. «Дети капитана Гранта» в любом своем виде стали для читателей и зрителей в России классическим образцом приключенческого произведения. Сюжетные ходы, темы, мотивы, герои и образы романа «Дети капитана Гранта» и его экранизаций не только любимы и узнаваемы в России, но и наполнены для русских читателей и зрителей высоким гуманистическим содержанием.

Хотя этот роман Жюль Верна и его советские экранизации 1936 года и 1985 года обладают всеми главными особенностями настоящего приключенческого произведения, являясь классическим образцом романа-путешествия, имеют динамичный сюжет с неожиданной развязкой и очень ярких положительных и отрицательных персонажей и во всей красе показывают романтику морских путешествий и исследования дальних стран, но для читателей и зрителей в России их главная ценность заключается в другом. Произведение Жюль Верна «Дети капитана Гранта» в русской культуре – это прежде всего символ верности своим идеалам, упорства и решительности в достижении благих целей и борьбы с такими отвратительными явлениями в жизни, как жажда наживы, рабство, расизм и угнетение, которые ярко воплощены в образе бандита и преступника Айртона (Бена Джонса), и положительные герои разного пола, возраста, национальности и социального положения своим героическим, отважным поведением противопоставляют в этом произведении не только конкретным злодеям, но и са-

мой антигуманистической идее наживы на человеческих страданиях.

Литература

- 1 Бегак, Б. А. В мире приключений (Приключенческая литература для детей). – М.: Знание, 1979. – 62 с.
- 2 Брандис, Е.П. Вперёдсмотрящий. Повесть о великом мечтателе: Жюль Верн. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 224 с.
- 3 Брандис, Е.П. Рядом с Жюлем Верном: Документальные очерки. – Л.: Детская литература, 1981. – 222 с.
- 4 Булычева, В.П. Приключенческая литература: История изучения и жанровая природа // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 8–4. – С. 998–1002.
- 5 Вулис, А. З. В мире приключений. Поэтика жанра. – М.: Советский писатель, 1986. – 384 с.
- 6 Мошенская, Л. Мир приключений и литература // Вопросы литературы. – 1982. – № 9. – С. 170–202.
- 7 Родионова, Н.Н. Советская приключенческая повесть: (Проблема типологии жанра): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Московский педагогический институт. – М., 1990. – 15 с.
- 8 Жюль Верн. Дети капитана Гранта. Вокруг света в восемьдесят дней. Романы: пер. с франц.; предисл. и коммент. Е.П. Брандиса. – М.: Детская литература, 1979. – 434 с.

ADVENTURE LITERATURE IN RUSSIAN CULTURE: ANALYSIS OF JULES VERNE'S NOVEL

Zhou Tongtong

Dalian University of Foreign Languages

This article explores the genre of adventure literature in Russian culture through the example of Jules Verne's novel *The Children of Captain Grant*. It examines the novel's role in shaping humanitarian values and its reception by Soviet readers. The study highlights the distinctive features of the genre, its development within Russian literary traditions, and the interplay between the literary work and its Soviet film adaptations. The author concludes that *The Children of Captain Grant* serves not only as a classic example of adventure literature but also as a significant component of the educational and didactic functions of literature, contributing to broadening readers' horizons and fostering moral principles.

Keywords: Adventure literature, Jules Verne, Soviet culture, Humanitarian values, Film adaptations, *The Children of Captain Grant*

References

- 1 Begak, B.A. In the World of Adventures (Adventure Literature for Children). – Moscow: Znanie, 1979. – 62 p.
- 2 Brandis, E.P. The Lookout. A Story about the Great Dreamer: Jules Verne. – Moscow: Molodaya Gvardiya, 1976. – 224 p.
- 3 Brandis, E.P. Next to Jules Verne: Documentary Essays. – Leningrad: Children's Literature, 1981. – 222 p.
- 4 Bulycheva, V.P. Adventure Literature: The History of Study and Genre Nature // Fundamental Research. – 2014. – No. 8–4. – P. 998–1002.
- 5 Vulis, A.Z. In the World of Adventures. Poetics of the Genre. – Moscow: Soviet Writer, 1986. – 384 p.
- 6 Moshenskaya, L. The World of Adventures and Literature // Questions of Literature. – 1982. – No. 9. – P. 170–202.
- 7 Rodionova, N.N. The Soviet Adventure Story: (The Problem of Genre Typology): Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss.: 10.01.02 / Moscow Pedagogical Institute. – Moscow, 1990. – 15 p.
- 8 Jules Verne. The Children of Captain Grant. Around the World in Eighty Days. Novels: Translated from French; introduction and commentary by E.P. Brandis. – Moscow: Children's Literature, 1979. – 434 p.

Проблемы адаптации китайских студентов к здоровому образу жизни в российском обществе

Чжэн Юймэн,

магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: st113695@student.spbu.ru

Актуальность. Адаптация иностранных студентов, особенно китайских, к здоровому образу жизни в российском обществе является важной темой социологического исследования. В условиях глобализации и увеличивающейся мобильности учащихся проблемы аккультурации затрагивают не только учебный процесс, но и физическое и психическое здоровье студентов. **Научная проблема.** Основная проблема заключается в культурных и социальных различиях, влияющих на восприятие и практику здорового образа жизни китайскими студентами в России. Это включает в себя изменения в питании, физической активности и доступе к медицинским и психологическим услугам. **Методы.** Исследование проводилось с использованием смешанного метода: анкетирование и полуструктурированные интервью с китайскими студентами в российских университетах. Также был проведен анализ существующих исследований по данной теме. **Научные результаты.** Результаты показали, что 65% студентов испытывают трудности с адаптацией к российскому рациону, 50% сталкиваются с проблемами в поиске привычных видов физической активности, а 70% испытывают повышенный уровень стресса из-за языкового барьера и социального давления.

Ключевые слова: китайские студенты, здоровый образ жизни, адаптация, питание, физическая активность, психическое здоровье.

Введение

Адаптация к жизни за границей представляет собой ключевую тему в изучении социологии образования, и это особенно актуально с учетом глобализационных процессов и увеличения числа студентов, стремящихся получить образование вне своей родной страны. Рассматривая Россию, она обретает статус популярного направления среди международных студентов, особенно из Китая, превращая китайскую студенческую группу в одну из самых многочисленных среди иностранной академической общины страны.

Когда китайские студенты начинают свою учебу в России, они сталкиваются с целым рядом вызовов, связанных с вливанием в новую культуру. Этот сложный путь адаптации охватывает многие аспекты повседневной жизни, в том числе изменение пищевых привычек, уровня физической активности, а также переосмысление привычных взглядов на поддержание здоровья и благополучия. За этим стоит убеждение в том, что гармонизация образа жизни является ключевой для обеспечения не только эмоционального комфорта, но и успешности в учебе [3].

Тем не менее, процесс интеграции осложнен из-за явных различий в социальных и культурных практиках между странами, особенно в областях рационального питания, привычного упражнения и в целом в вопросах, касающихся психологического здоровья. Встроенные в культуру нормы и ожидания могут отличаться настолько, что создают для студентов дополнительный слой препятствий на пути к полноценной адаптации.

В сфере социологии термин «адаптация» используется для обозначения процесса, посредством которого индивид привыкает к новым условиям в социуме. Этот процесс особенно значим в контексте глобальных перемещений людей, как, например, при международной миграции и обмене студентами. Здесь адаптация охватывает не просто видимые изменения в бытовых привычках или поведении. Это также включает в себя более тонкое и глубокое усвоение новых социальных правил, стандартов поведения и ценностей, что подразумевает двусторонний процесс взаимного влияния и принятия [10].

В социологической дисциплине концепция адаптации описывает процесс, через который личность приспосабливается к изменившимся условиям в общественной сфере. В рамках международного перемещения людей, в том числе студенческого обмена, данное понятие расширяется. Оно охватывает не только заметные переходы в обыденной рутине и модификации в поведении, но также включает процесс усвоения и внутреннего принятия человеком новой социальной структуры, пропитанной различными нормами и ценностями, что требует активного взаимодействия и ангажированности со стороны индивида.

Уход за психическим благополучием является неотъемлемым элементом здорового образа жизни. В китайской культуре существует определенный стигма относительно обсуждения индивидуальных психологических проблем. Многие обращаются к специалистам с боль-

шой неохотой, так как это может рассматриваться как указание на личные недостатки или трудности. Эта культурная особенность зачастую приводит к тому, что китайские студенты не проявляют свои чувства и стремятся избегать откровенных разговоров о своих эмоциональных трудностях [9].

В России, хотя отношение к психическому здоровью также не всегда однозначно, в последние годы наблюдается увеличение внимания к этой проблеме. Однако китайские студенты, оказавшись в России, могут столкнуться с трудностями в поиске поддержки, особенно если им требуется помощь на родном языке.

Процесс адаптации иностранных студентов к жизни за границей представляет собой сложный и многоуровневый процесс, включающий в себя социальные, культурные, психологические и физические аспекты. Одной из важнейших сторон этого процесса является интеграция в систему здорового образа жизни принимающего общества. Китайские студенты, являющиеся одной из самых крупных групп иностранных студентов в России, сталкиваются с рядом уникальных проблем в этой области, которые требуют глубокого анализа с точки зрения социологии.

Адаптация в социологии представляет собой процесс приспособления индивида к новым условиям социальной среды. В контексте международной миграции и мобильности студентов адаптация включает в себя не только изменение повседневных практик и поведенческих паттернов, но и внутреннее принятие новых социальных норм и ценностей.

Здоровый образ жизни (ЗОЖ) является социальным конструктом, который в каждой культуре имеет свои особенности. В западной культуре (в том числе в России) ЗОЖ традиционно включает в себя регулярные занятия спортом, правильное питание, отказ от вредных привычек и заботу о психическом здоровье. Однако в китайской культуре акценты могут существенно различаться. В Китае уделяется большое внимание традиционной медицине, сбалансированному питанию, основанному на принципах гармонии и баланса, а также духовным практикам, таким как тайцзи и медитация.

Одной из ключевых проблем адаптации китайских студентов в России является питание. Китайская кухня значительно отличается от российской как по составу продуктов, так и по способу приготовления пищи. В Китае популярны овощные блюда, соевые продукты, рис и разнообразные специи. В России, напротив, преобладают мясные и мучные изделия, блюда из картофеля и хлеба.

Владея русским языком на уровне, достаточном для обучения, многие студенты испытывают трудности в повседневной коммуникации, что создает дополнительные сложности в процессе социальной интеграции. Это также касается получения информации о здоровом образе жизни, поскольку большая часть медицинских рекомендаций, спортивных программ и образовательных ресурсов представлена на русском языке.

Для китайских студентов, привыкших к более формализованному и уважительному взаимоотношениям, российская модель общения, основанная на неформальном и более прямом взаимодействии, может казаться непривычной и даже шокирующей. В результате это может привести к социальному отчуждению и затруднить процесс адаптации.

Одним из способов улучшения процесса адаптации китайских студентов к здоровому образу жизни является предоставление более доступной информации на китайском языке. Это может включать создание информационных материалов о правильном питании, физической активности и психическом здоровье, а также организа-

цию консультаций с медицинскими специалистами, владеющими китайским языком [2].

Создание служб психологической помощи для иностранных студентов с возможностью консультаций на китайском языке является важным шагом для улучшения психического здоровья китайских студентов. Также важно повышать осведомленность о доступности таких услуг и снижать стигматизацию обращения за помощью [6].

Другим важным аспектом является социализация и жилищные условия. Студенты часто сталкиваются с культурными различиями в общежитиях, где живут с соседями, которые могут иметь различные привычки и интересы. Однако общежитие также предоставляет возможности для практики языка и интеграции в новую культуру.

Литературный обзор

В статье Пушкаревой, Кумскова и Новоселова [8], обобщающей адаптацию студентов к учебному процессу, затрагивается важная тема здорового образа жизни как неотъемлемой части успешной адаптации студентов к учебе. Авторы подчеркивают, что физическая активность и поддержание здоровья играют ключевую роль в снижении стресса и улучшении общего состояния организма, что особенно важно для студентов первых курсов, испытывающих значительное напряжение при адаптации к новым условиям обучения.

Важная идея статьи заключается в том, что без должного внимания к физической активности и здоровью у студентов может наблюдаться ухудшение как физического, так и психического состояния, что, в свою очередь, негативно влияет на их академические достижения и общую адаптацию к университетской жизни.

В статье Е. Набивачевой «Проблемы адаптации иностранных студентов в вузе» [5] выделены несколько факторов, играющих значительную роль в успешной интеграции иностранных студентов в российские вузы. Основные проблемы возникают из-за языковых барьеров, культурных различий и адаптации к новым условиям жизни и обучения.

По мнению автора, одной из главных проблем является культурный шок, с которым сталкиваются студенты, переезжающие в другую страну. Им необходимо приспособиться к новому образу жизни и решению проблем, которые часто сильно отличаются от того, к чему они привыкли в повседневной жизни. Это может проявляться в проблемах с общением, особенно в мультикультурной среде, где учащиеся могут чувствовать себя одинокими и не иметь обычной поддержки со стороны своих сверстников.

Автор также подчеркивает языковой барьер, который является одной из наиболее существенных проблем, с которыми сталкиваются иностранные студенты. Освоение русского языка требует значительной самоотдачи и времени, особенно на начальных этапах обучения. Без адекватных языковых навыков учащиеся сталкиваются с трудностями при полноценном участии в образовательном процессе, что приводит к усилению стресса.

В книге «Психическое здоровье и развитие студентов колледжей» [7] подробно рассматриваются проблемы психического здоровья, с которыми сталкиваются студенты колледжей, уделяя особое внимание психологическому консультированию и поддержке развития. Он предлагает тщательное изучение психологических проблем, с которыми студенты сталкиваются в своей академической и личной жизни, включая трудности в обучении, управлении отношениями и расстановку приоритетов в отношении своего здоровья. В книге под-

черкивается важность развития устойчивости и даются практические советы по повышению эмоциональной стабильности, навыков межличностного общения и методов управления стрессом. Этот текст предназначен как для студентов и преподавателей, так и для специалистов в области психического здоровья, чтобы предложить предложения по улучшению консультационных услуг в образовательной среде. Он углубляется в такие предметы, как умственная адаптация, необходимая для академического успеха, стратегии управления эмоциональными трудностями и методы достижения полноценного и здорового образа жизни. Это делает его ценным ресурсом как для психологического образования, так и для практического применения в развитии студентов.

В исследовании Ван Ляньфэна, озаглавленном «Исследование факторов, влияющих на адаптируемость студентов колледжа» [1], исследуется, как различные факторы, в том числе личные психологические особенности, семейные отношения и ожидания общества, влияют на способность студентов адаптироваться к университетской жизни. Исследование подчеркивает, что психическое благополучие, управление стрессом и эмоциональная поддержка являются решающими факторами в том, как студенты, особенно студенты медицинских профессий, адаптируются к новым образовательным условиям, таким как университеты. Проблемы, с которыми сталкиваются в периоды адаптации, часто приводят к повышенному уровню стресса, что подчеркивает важность создания сетей поддержки для улучшения общего благополучия учащихся.

В статье Ф. Ишкинеевой и ее коллег «Здоровый образ жизни студентов и стратегия адаптации к университетской среде» [4] рассматривается, как действия студентов колледжей, такие как расстановка приоритетов в отношении собственной безопасности, влияют на их общее состояние здоровья и благополучие. Это подчеркивает важность регулярных физических упражнений, сбалансированного питания и достаточного отдыха для сохранения общего благополучия. Несмотря на трудности с адаптацией к университетской жизни, многим студентам удается включить здоровые привычки в свою повседневную жизнь. Исследование основано на данных Казанского федерального университета и подчеркивает важность индивидуальной ответственности за поддержание хорошего здоровья на этапе адаптации.

В статье Глушковой, Папшевой и Шерстниковой «Адаптационные мероприятия как метод пропаганды и формирования здорового образа жизни у иностранных студентов» [3], авторы углубляются в тему того, как университеты могут помочь иностранным студентам адаптироваться как к академической, так и к социальной стороне жизни в России.

Материалы и методы

Научное исследование было основано на гармоничном сочетании количественных и качественных исследовательских методов для всестороннего анализа заданной тематики. Главный инструмент сбора информации – анкетирование. Этот метод был эффективно дополнен серией полуструктурированных бесед, проведенных среди китайских студентов, обучающихся в различных вузах России.

Для полноты картины было вовлечено сто студентов из Китая, получающих знания в ведущем культурном и образовательном центре Санкт-Петербурге. Известный своей богатой историей и уникальной архитектурой, этот город также является сердцем Ленинградской области и привлекает более миллиона жителей. Студенты, вовлеченные в исследование, были в возрастной груп-

пе от 18 до 30 лет и прожили в России от одного года до пяти лет.

Результаты и обсуждение

Большинство китайских студентов, около 65%, столкнулись с затруднениями, пытаясь найти привычные им продукты на полках российских магазинов, включая такие основные продукты как рис, соевые изделия и специфические китайские специи.

Более того, три четверти опрошенных студентов заметили изменения в своем рационе после переезда в Россию. Это привело к нестабильности веса и ощущению дискомфорта в районе желудка.

При этом, шесть из десяти студентов подчеркнули, что характерные черты русской кулинарии, в особенности, богатство мясных блюд и изобилие выпечки, порой вызывают у них проблемы с пищеварением и заставляют пересматривать свои пищевые привычки.

Половина студентов выразила чувство эмоционального одиночества и социальной изоляции.

В России тема психического здоровья также сложна, хотя в последние годы наблюдается заметный рост внимания к этой проблеме. Тем не менее, китайские студенты могут столкнуться с дополнительными проблемами из-за языкового барьера и нехватки китайскоязычных специалистов в этой области. Это создает проблемы в получении необходимой поддержки и усложняет процесс адаптации.

Китайские студенты часто сталкиваются с серьезными психологическими проблемами при адаптации к новой среде, но редко обращаются за помощью из-за культурных стереотипов и языковых барьеров. Включение поддержки психического здоровья на китайском языке и повышение осведомленности о ее значении являются важными шагами.

Китайские студенты сталкиваются с социальными препятствиями, которые мешают им вести здоровый образ жизни. Взаимодействие с российскими студентами, языковые барьеры и культурные различия усложняют процесс общения. Интервью показали, что значительное количество китайских студентов склонны придерживаться своих собственных этнических групп, что затрудняет их полную интеграцию в более широкое сообщество и ограничивает их способность обмениваться опытом и знаниями о здоровом образе жизни со своими местными сверстниками.

55% студентов сталкиваются с трудностями во взаимодействии со своими российскими сверстниками из-за языкового барьера и культурных различий.

Около 60% студентов предпочитают оставаться у китайских друзей, что ограничивает уровень их социальной интеграции в российское общество.

По данным опроса, 35% студентов отметили, что совместная деятельность с российскими сверстниками сыграла значительную роль в их адаптации к иному образу жизни.

Наличие культурных и языковых различий создает проблемы для социальной интеграции китайских студентов в российское общество. Это влияет на их способность приспосабливаться к местным обычаям и приобретать здоровые привычки. Проведение совместных культурных и спортивных мероприятий может способствовать активизации межкультурного взаимодействия.

Выводы

Процесс адаптации китайских студентов к здоровому образу жизни в российском обществе сложен и включает

в себя различные уровни, охватывая не только физическое здоровье, но и психическое благополучие. Студенты сталкиваются с различными проблемами, включая различия в культурных нормах питания, ограниченные возможности для традиционных физических занятий, проблемы психического здоровья и социальные барьеры, препятствующие их интеграции.

Для усиления адаптации китайских студентов к здоровому образу жизни в России крайне важно создать условия, способствующие сохранению их культурных привычек. Это может включать в себя создание специализированных спортивных секций, предоставление языковой поддержки на китайском языке и сотрудничество психологов, владеющих китайским языком.

Важно учитывать, что поддержание здорового образа жизни является важнейшим компонентом общего благополучия студентов, и их способность адаптироваться к этому аспекту во многом повлияет на их академические достижения и интеграцию в российское общество.

Поэтому для успешной адаптации китайских студентов к здоровому образу жизни в российском обществе необходим комплексный подход, включающий меры по улучшению питания, физической активности, психического здоровья и социального взаимодействия.

Литература

1. Ван Ляньфэн. Исследование факторов, влияющих на адаптивность студентов колледжей //Китайские школьные врачи. – 2005. – Т. 19. – № . 5. – С. 61–62.
2. Вовк В. М., Приймак А.Ю. Адаптация и закономерности её влияния на процесс преемственности здорового образа жизни старшеклассников и студентов первого курса //Pedagogics, psychology, medical-biological problems of physical training and sports. – 2013. – № . 8. – С. 17–20.
3. Глушкова О. В., Папшева Г.О., Шерстникова С.В. Адаптационные мероприятия как один из способов пропаганды и формирования здорового образа жизни иностранных студентов //Среда, окружающая человека: природная, техногенная, социальная. – 2019. – С. 192–195.
4. Ишкинеева Ф. Здоровый образ жизни студентов и стратегия адаптации к университетской среде // Международный журнал инновационных технологий и исследовательской инженерии. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 5123–5126.
5. Набивачева Е. Проблемы адаптации иностранных студентов в вузе //Высшее образование в России. – 2006. – № . 12. – С. 89–91.
6. Нургалиева Ж.Ж. Факторы, влияющие на формирование здорового образа жизни студенческой молодежи //West Kazakhstan Medical Journal. – 2018. – № . 1 (57). – С. 15–22.
7. Психическое здоровье и развитие студентов колледжей. – Издательство университета Цинхуа, 1997. – 258 с.
8. Пушкарева И. Н., Кумсков С.В., Новоселов С.А. Адаптация студентов к учебному процессу в системе современного высшего образования //Теория и практика физической культуры. – 2010. – № . 3. – С. 55–57.
9. Тригерос Р. Влияние эмоционального интеллекта, мотивации и жизнестойкости на успеваемость и формирование привычек здорового образа жизни

у подростков //Международный журнал экологических исследований и общественного здравоохранения. – 2019. – Т. 16. – № . 16. – С. 2810.

10. Ханави С.А. Влияние здорового образа жизни на психологическое благополучие студентов университетов //Международный журнал фармацевтических исследований и смежных наук. – 2020. – Т. 9. – № 2. – С. 1–7.

PROBLEMS OF ADAPTATION OF CHINESE STUDENTS TO A HEALTHY LIFESTYLE IN RUSSIAN SOCIETY

Zheng Yumeng

Saint Petersburg State University, Russia

Relevance. The adaptation of foreign students, especially Chinese students, to a healthy lifestyle in Russian society is an important topic of sociological research. In the context of globalization and increasing student mobility, the problems of acculturation affect not only the educational process, but also the physical and mental health of students. *A scientific problem.* The main problem lies in the cultural and social differences affecting the perception and practice of a healthy lifestyle by Chinese students in Russia. This includes changes in diet, physical activity, and access to medical and psychological services. *Methods.* The study was conducted using a mixed method: questionnaires and semi-formal interviews with Chinese students at Russian universities. An analysis of existing research on this topic was also carried out. *Scientific results.* The results showed that 65% of students have difficulty adapting to the Russian diet, 50% face problems in finding habitual types of physical activity, and 70% experience increased stress levels due to the language barrier and social pressure.

Keywords: Chinese students, healthy lifestyle, adaptation, nutrition, physical activity, mental health.

References

1. Lianfeng, W. (2005), "Research on factors affecting the adaptability of college students," Chinese School Doctors, 19(5), 61–62. (In Chinese)
2. Vovk, V. M., Priymak, A. Yu. (2013), "Adaptation and its influence on the continuity of healthy lifestyle among high school and first-year university students," Pedagogics, psychology, medical-biological problems of physical training and sports, (8), 17–20. (In Russian)
3. Glushkova, O. V., Papsheva, G. O., Sherstnikova, S. V. (2019), "Adaptation activities as a method of promoting a healthy lifestyle for foreign students," The environment surrounding humans: natural, technogenic, social, 192–195. (In Russian)
4. Ishkineeva, F. (2019), "Students' healthy lifestyle and strategy of adaptation to the university environment," International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering, 9(1), 5123–5126.
5. Nabivacheva, E. (2006), "Problems of adaptation of foreign students in universities," Higher Education in Russia, (12), 89–91. (In Russian)
6. Nurgaliyeva, Zh. Zh. (2018), "Factors influencing the formation of a healthy lifestyle among students," West Kazakhstan Medical Journal, 1(57), 15–22. (In Russian)
7. Mental Health and Development of College Students (1997), Tsinghua University Press, 258. (In Chinese)
8. Pushkareva, I. N., Kumskov, S. V., Novoselov, S. A. (2010), "Adaptation of students to the educational process in the modern higher education system," Theory and Practice of Physical Culture, (3), 55–57. (In Russian)
9. Trigeros, R. (2019), "The influence of emotional intelligence, motivation, and resilience on academic performance and healthy lifestyle habits in adolescents," International Journal of Environmental Research and Public Health, 16(16), 2810.
10. Khanavi, S. A. (2020), "The influence of a healthy lifestyle on the psychological well-being of university students," International Journal of Pharmaceutical Research and Allied Sciences, 9(2–2020), 1–7.

Интеграция китайской и российской культур на примере архитектурного наследия русского стиля в Тяньцзине

Ян Линфан,

магистр, Тяньцзиньский педагогический университет
E-mail: 13820656565@163.com

Ло Сяося,

профессор, Тяньцзиньский педагогический университет
E-mail: kailai1688@163.com

Архитектурное наследие концессий является важным элементом городской культуры Тяньцзиня и оказывает уникальное влияние на ландшафт города. Архитектурное наследие в русском стиле в Тяньцзине является историческим свидетельством культурного обмена между Китаем и Россией. Настоящая статья направлена на исследование охраны и использования архитектурного наследия в Тяньцзине. Изучение архитектурного наследия русского стиля с точки зрения национальной культуры может способствовать развитию культурных обменов между Китаем и Россией и вносит вклад в процесс «Один пояс и один путь».

Ключевые слова: Тяньцзинь, Русская Концессия, Архитектура, Культурные Обмены, Китай и Россия

Настоящая работа является промежуточным результатом ключевого проекта программы научно-исследовательских инноваций для аспирантов Тяньцзиньского педагогического университета «Исследование архитектурного наследия в русском стиле в Тяньцзине в контексте инициативы «Один пояс, один путь»» (2024KYCX031Z).

Введение

Архитектурное наследие русского стиля в Тяньцзине представляет собой уникальный культурный феномен, отражающий тесные исторические и культурные связи между Китаем и Россией. В период с конца XIX до начала XX века Тяньцзинь стал важным центром иностранных концессий, где смешение восточной и западной культур нашло свое выражение в архитектуре, городском планировании и общественной жизни. Русская концессия, существовавшая с 1900 по 1924 годы, не только является свидетельством политических и экономических отношений между двумя странами, но и играет значимую роль в культурном обмене, формируя уникальный городской ландшафт. Настоящее исследование посвящено изучению архитектурного наследия русского стиля в Тяньцзине, его сохранению и адаптации в современных условиях. Целью работы является выявление особенностей, культурной и исторической значимости русской архитектуры в Тяньцзине, а также разработка рекомендаций по ее эффективной охране и интеграции в городской ландшафт.

Обзор истории Русской концессии в Тяньцзине

Перед официальным установлением Русской концессии Россия принимала участие в различных событиях, таких как военные действия англо-французских войск, международная торговля чаем, дипломатические волнения, связанные с инцидентом в Тяньцзине (Тяньцзиньская резня, 1870 г.), модернизационные усилия в рамках движения за «учебу на Западе» и политические реформы во время «Реформы года у-суй» (1898 г. 戊戌变法). Всё это свидетельствует об участии России в историческом процессе Тяньцзиня. Русская концессия в Тяньцзине, как важная территория конкуренции между различными капиталистическими державами, не только стала свидетелем сложных и меняющихся политических и экономических отношений между Китаем и Россией, но и отражает столкновение архитектурного искусства Востока и Запада.

При анализе истории Русской концессии в Тяньцзине можно наблюдать процесс её развития, который прошёл следующие этапы: первоначальное учреждение, постепенное расширение и окончательное возвращение.

Русская концессия просуществовала 24 года, охватывая два периода: Династия Цин (1936–1912) и Китайская Республика (с 1912 по 1949 гг.). В 1900 году, во время Второй опиумной войны, значительное количество русских войск вошло в Тяньцзинь в июне и вступило в боевые действия с Ихэтуань (义和团) и Цин-китайской армией. Вслед за этим, 9 ноября 1900 г. китайское правительство Цин было вынуждено подписать «Тяньцзиньский концессионный договор». Это событие ознаменовало создание Российской концессии в Тяньцзине[1].

Русская концессия располагалась на юго-востоке города Тяньцзинь, начиная с реки Хайхэ (海河) на востоке; с реки Цяньцзы (墙子河) на юге, ныне улица Кайфэн (开封道); с дороги Дагу (大沽路) на западе, ныне улица Южно-Дагу (大沽南路); и с улицей Мачан(马场道) на севере[2].

Оккупация Русской армией старой станции Лунтоу (老龙头) (ныне станция Тяньцзинь, на берегу реки Хайхэ между районами Хэбэй (河北区) и Хэдун (河东区)) вызвала недовольство Британии. Результатом российско-британских переговоров стало решение вернуть станцию и главную дорогу Китаю. Получается, что русская концессия в Тяньцзине была разделена на восточную и западную зоны. Конкретное распределение можно увидеть на рисунке 1. Со временем Русская концессия продолжала расширяться, и её влияние возрастало. В этот период в концессии активно воздвигались политические и коммерческие здания, а также учреждения в области науки, образования и здравоохранения, формируя полноценное и самодостаточное малое общество.

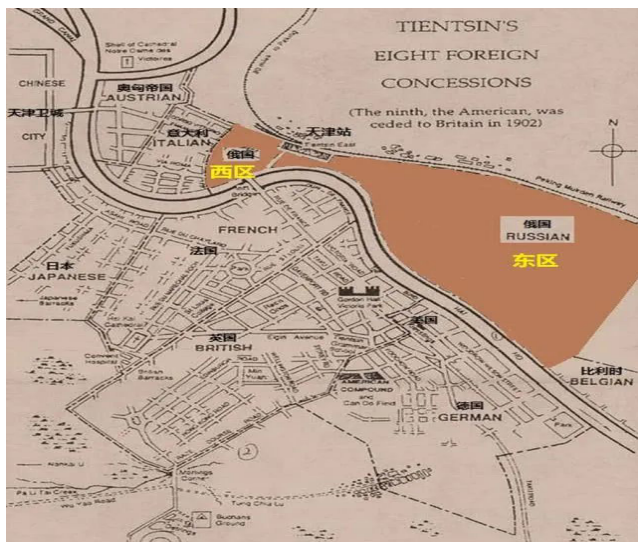

Рис. 1. Карта Тяньцзиньской концессии в девяти странах

Источник: Тяньцзиньское управление культуры и туризма, редактор: Ван Сяовэнь.

С началом Русской революции 1917 года и последующими изменениями в международной политике статус Русской концессии в Тяньцзине начал меняться. В апреле 1920 года Советское правительство объявило о прекращении действия неравноправных договоров между Китаем и Россией и вернуло Китаю все права, которые Российская империя получила с использованием грабительских методов[3]. В мае 1924 года правительство Бэйян подписало с Советским Союзом «Советско-китайское соглашение о схемах урегулирования неурегулированных дел» [4], согласно девятой статье которого было предусмотрено возвращение Русской концессии Китаю; в августе правительство Бэйян переименовало концессию в «Третий специальный административный район Тяньцзиня», сокращенно «Специальный-3 район». Это историческое событие ознаменовало окончание колониальной истории Русской концессии в Тяньцзине и открыло новую главу в будущем развитии.

Развитие русских архитектурных памятников в Тяньцзине

Русский архитектурный стиль в Тяньцзине возник не случайно, а стал результатом глубокого влияния особого исторического положения и многокультурного взаимодействия[5]. Как один из первых открытых торговых портов современного Китая, Тяньцзинь в XIX веке и начале XX века на фоне политических волнений и геополитических изменений стал уникальным культурным перекрестком, привлекая большое внимание иностранных стран для создания концессий. Таким образом, создание

русской концессии стало важной основой для появления русской архитектуры.

Городская архитектура является важным носителем городской культуры. Наследие русской архитектуры в Тяньцзине, как значительная часть исторического культурного наследия города, отражает обмен китайской и русской культур. С момента появления русской концессии в Тяньцзине в 1900 году и до 1924 года архитектура в русском стиле продолжала развиваться. В 1917 году в Тяньцзинь приезжало все больше и больше русских иммигрантов[5]. Многие русские интеллигенты, недовольные политической ситуацией в Советском Союзе, называемые русские белоэмигранты, принесли русскую национальную культуру на эту удаленную от Европы землю. Среди них были архитекторы и мастера[6], чьи работы не только демонстрировали архитектурную эстетику русского народа, но и учитывали климат Тяньцзиня, местные строительные культурные традиции и практическую строительные материалы.

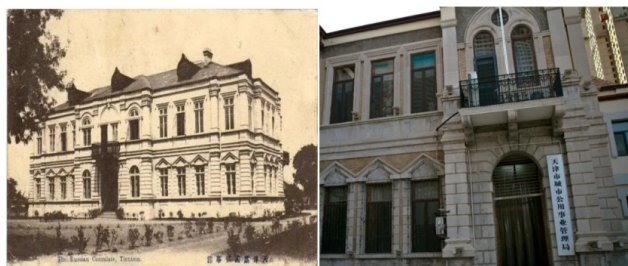
В процессе строительства архитектурных памятников в концессии инженеры также внедрили русские концепции городского планирования, такие как планировка дорожной сети и деление на кварталы[7]. Будучи относительно передовыми, эти концепции оказали положительное влияние на городское строительство Тяньцзиня и стали символами китайской и русской национальной культуры в архитектурной сфере. Со временем архитектурное наследие русского стиля претерпело множество изменений в функциональности и социальной роли, постепенно превращаясь из первоначальных политических учреждений и торговых центров в жилые дома и общественные пространства. Несмотря на воздействие времени и социальных изменений, некоторые здания в русском стиле все еще стоят в современном городском пейзаже Тяньцзиня, становясь историческими знаками культурного обмена между Китаем и Россией.

Важно отметить, что русские архитектурные памятники в Тяньцзине не существуют изолированно, а вместе с окружающей архитектурой формируют многообразный городской ландшафт, что делает Тяньцзинь известным как «Выставку архитектуры всех стран» [8]. После возвращения русской концессии к Китаю, некоторые здания в русском стиле были повреждены в результате природных катастроф или насильственного сноса. К счастью, сохранившиеся документы и архитектурные остатки несут историческую память и становятся важным ресурсом для изучения российско-китайских отношений, культурного обмена между Востоком и Западом, а также истории городского развития Тяньцзиня, отражая сложность истории и разнообразие культуры.

Особенности и ценность наследия русской архитектуры в Тяньцзине

Русское наследие архитектуры в Тяньцзине можно условно классифицировать на две основные характеристики в зависимости от элементов фасадов, декоративного искусства и планировки: римский стиль и эклектизм (смешение неоклассического и ренессансного стилей). Архитектура в римском стиле обычно характеризуется прочными кирпичными стенами и арками[9], создающими ощущение древности и величия. Эклектичная архитектура, также известная как «архитектура подражания», представляет собой важное направление в архитектурном стиле Европы и Америки конца XIX – начала XX веков [10]. Основная характеристика этого стиля заключается в подражании и смешении различных архитектурных стилей разных эпох, что позволяет создавать новые и уникальные архитектурные формы.

В качестве примера можно рассмотреть здание бывшего консульства России в Тяньцзине, ныне расположенное по адресу: д. 88, ул. 11-я Джиньлу (十一经路), район Хэдун, Тяньцзинь [11], Управление городского хозяйства Тяньцзиня. Как показано на рисунке 2, здание представляет собой аккуратный прямоугольный двухэтажный кирпичный дом с крышей из черепицы.

清光绪二十八年 (1902年)

修复后 (2008年)

Рис 2. Российское консульство в Тяньцзине – бывшее российское консульство

Источник: Википедия, авторское.

Главный и боковые входы оформлены в виде арок, над ними расположены балконы на консольных опорах, а окна имеют треугольные и прямоугольные каменные перемычки. Фасад здания облицован желтой керамической плиткой, что подчеркивает изысканный тон традиционной русской архитектуры в характерном для нее цвете. Русское консульство, как дипломатическое учреждение, было спроектировано с учётом потребностей данного рода деятельности. Площадь старого здания составляет примерно 1784 квадратных метра, включает 39 комнат [11], а его планировка имеет форму иероглифа «回» [12]. Такая конструкция экономит площадь земельного участка и расширяет объём здания консульства. В строительстве использовались современные материалы и технологии того времени, такие как оштукатуренные стены и стеклянные фасады, что увеличивало функциональность и долговечность здания. В архитектурном дизайне русского консульства в Тяньцзине наблюдается сочетание различных стилевых элементов. Консульство сохраняет симметричность и простоту неоклассической архитектуры, в то же время внедряя элементы ренессанса, что делает его более разнообразным и многослойным.

Другим примером является Русско-китайский банк, расположенный на углу северной части ул. Северо-Цзэфан (解放北路) и ул. Датун (大同道), как показано на рисунках 3 и 4. Это здание, построенное в начале XX века, представляет собой двухэтажное кирпично-деревянное сооружение [13]. Главный вход обрамлен круглыми колоннами с резьбой на капителях, а на углу здания расположены три арочных панорамных окна второго этажа. Интерьер и экстерьер банка элегантно оформлены. В интерьере использованы деревянные лестницы и панели, лестница украшена изысканными железными перилами. Нижняя часть наружных стен отделана гранитом, что придает зданию экзотический вид. Его архитектурное оформление также демонстрирует сочетание различных стилевых элементов. Крыша здания увенчана округлым красноватым куполом. Фасад оформлен желтыми кирпичами с узорчатыми окнами, а на крыше, помимо купола, расположены несколько треугольных «Тигриных окон» [14]. В общей архитектурной концепции здания использованы элементы ренессанса, такие как световые фонари на верхнем этаже, а также римские арки и барочные криволинейные фронтоны. Русско-

китайский банк также учитывал эффективность использования земельных ресурсов и офисных пространств. Здание имеет «L»-образную форму, и главный вход, расположенный на углу, ведет в вестибюль, откуда можно спуститься по арочным лестницам в зал для иностранных клиентов. Кроме того, банк эффективно использовал подземное пространство, включая хранилище и бухгалтерские помещения, расположенные в полуподвале¹.

Рис 3. Старая фотография Тяньцзиньского филиала бывшего китайско-русского банка

Источник: Википедия

Рис 4. Теперь китайско-русский банк

Источник: съемочная группа 《小楼春秋》)

Надо отметить, архитектура русских стилей в Тяньцзине не только демонстрирует визуальное переплетение и слияние русской и китайской культур, но и отражает взаимное влияние двух различных жизненных стилей в своей функциональной планировке. Внешний вид зданий в Тяньцзине объединяет различные эстетические предпочтения и строительные технологии, сохраняя традиционные черты русской архитектуры, такие как длинные прямоугольные окна и замкнутая планировка, а также внедряя элементы китайской архитектуры, такие как изогнутые карнизы и «回»-образные планы. Функциональная планировка также иллюстрирует слияние российских и китайских образов жизни, сохраняя строгую организацию пространства, характерную для русской жизни, и одновременно учитывая китайские предпочтения в отношении потоков между внутренними и внешними пространствами, включая основные и боковые входы. Эти здания в основном построены из кирпича и камня, акцентируя внимание на симметрии; окна часто украшены яркими элементами, что придает общему облику яркий русский национальный характер. Внутреннее

¹ Название «окно лаоху или тигриные окна» происходит от шанхайского омонима английского слова «ROOF». Обычно оно состоит из таких компонентов, как крыша, фасадная стена, боковая стена и окно. В основном он устанавливается в таких местах, как скатные крыши или чердаки, чтобы обеспечить дневной свет и вентиляцию с крыши.

оформление также использует традиционные русские узоры и материалы, деревянные лестницы и рельефы, что дополнительно подчеркивает культурные элементы России. Поскольку в Тяньцзине недостаточно древесного сырья, строительные материалы чаще всего заменяются кирпичом, черепицей и камнем, которые более подходят для умеренного континентального климата города.

Архитектурное наследие русской стилистики в Тяньцзине, возникшее в контексте переплетения политических, экономических и культурных связей между Китаем и Россией, постепенно стало уникальным культурным феноменом. Архитектура в русском стиле в Тяньцзине свидетельствует об изменениях, которые претерпел Тяньцзинь в разные исторические периоды, а также о сложных и деликатных отношениях между Китаем и Россией, что имеет большую исследовательскую ценность.

(1) **Социально-культурная ценность:** Архитектура в русском стиле в Тяньцзине является материальным свидетельством культурного обмена между Китаем и Россией. В определенном историческом контексте они способствовали обмену и интеграции культур, а также взаимопониманию и уважению, что заложило основу для дальнейшего сотрудничества между двумя странами в различных сферах.

(2) **Социально-экономическая ценность:** Русская архитектура в Тяньцзине является важной частью туристических ресурсов города. С увеличением интереса к историческому и культурному наследию, эти здания имеют потенциал стать главной достопримечательностью для привлечения туристов и стимулирования развития туристической индустрии Тяньцзиня. Например, 30 июня 2023 года был официально запущен «Ночной карнавал фестиваль» на восточном берегу реки Хайхэ и улице в русско-европейском стиле[15], что дало новую жизненную силу для устойчивого развития городской экономики.

(3) **Образовательная ценность:** Русская архитектура хранит память о развитии города Тяньцзиня и представляет собой важный материальный источник для изучения истории современного Китая, истории концессий в Тяньцзине и истории китайско-российских отношений, что способствует углублению историко-культурных исследований как в Тяньцзине, так и в Китае. Это предоставляет учебные ресурсы для таких дисциплин, как архитектура, история и социология, а также служит важной справочной основой для современного и будущего градостроительства и культурного развития Тяньцзиня.

К сожалению, некоторые здания, например, Православная церковь в Тяньцзине, Русский парк, не только подвергаются угрозе естественного старения, но и сталкиваются с воздействием человеческих переделок и разрушений[16]. Таким образом, чтобы раскрыть в полной мере ценность российского архитектурного культурного наследия, необходимы не только государственная политика и техническая поддержка, но и повышение осведомленности общественности об охране культурных объектов и формирование общественного консенсуса с целью обеспечения эффективной охраны и рационального использования архитектурного наследия Тяньцзиня в русском стиле. Это требует от нас принятия диверсифицированной стратегии защиты, сочетающей действительность, образование, участие в общественной жизни и другие факторы. Необходимо совместно создать надежную сеть охраны, чтобы обеспечить передачу ценного городского культурного наследия по наследству.

Во-первых, с реалистичной точки зрения, мы должны подумать о том, как совместить это архитектурное наследие с развитием современных городов и жизнью их жителей. Это требует от нас изучения новых способов

охраны и рационального использования архитектурного наследия. Например, Русско-китайский банк может соответствующим образом организовать культурные выставки, чтобы люди могли лучше понять исторические моменты, связанные с этими зданиями. В то же время такое использование может также обеспечить экономическую поддержку для защиты и технического обслуживания зданий.

Во-вторых, с образовательной точки зрения предлагается проводить соответствующие образовательные мероприятия в учебных заведениях и соответствующих русских кварталах. Например, курсы по истории и культуре, а также практические занятия по русскому языку. Это поможет студентам осознать важность сохранения культурного наследия и предоставит возможность изучающим русский язык улучшить свои навыки. Также, через добровольческую деятельность можно вовлечь жителей в сохранение и использование архитектурного наследия, укрепить общину и передать местную культуру.

В-третьих, с точки зрения общественного участия следует укрепить осознание ценности русского архитектурного наследия среди населения и повысить готовность общественности участвовать в защите. С помощью офлайн-обучения и онлайн-СМИ повысить осведомленность граждан об архитектурном наследии Тяньцзиня в русском стиле и повысить их заинтересованность в участии в работе по охране. Участие общественности может не только сформировать социальную атмосферу для защиты архитектурного наследия, но и предоставить волонтерские ресурсы для работы по охране. Последний, но не менее важный фактор: обратите внимание на особенности интеграции китайской и российской культур.

Исходя из этого, стратегия охраны и рекомендации по использованию должны также учитывать международную перспективу и местную практику, опираться на успешный опыт аналогичной охраны наследия и в полной мере учитывать местную социальную и культурную среду Тяньцзиня и потребности городского развития.

Русское архитектурное наследие обогащает понимание истории современного городского развития в Тяньцзине и в Китае, а также предоставляет предложения по защите других городов с аналогичным историческим прошлым. Сохранение и изучение архитектурного наследия в русском стиле не только обогащает культурные аспекты города, но и служит физическим доказательством сложных исторических отношений между Китаем и Россией, фиксируя траекторию культурных обменов и отражая взаимодействие двух стран. Русские архитектурные памятники в Тяньцзине играют важную роль в формировании культурной идентичности Тяньцзиня, являясь частью его исторического контекста. Защита и рациональное использование этих объектов могут укрепить уважение к местной культуре, привлечь иностранных туристов и повысить городской имидж Тяньцзиня, а также культурную мягкую силу Китая. Это также способствует поднятию культурного обмена между Китаем и Россией на новый уровень и вносит вклад в устойчивое развитие дружбы между нашими странами.

Заключение

Русское архитектурное наследие в Тяньцзине – это не только материальное воплощение культурного обмена между Китаем и Россией, но и важный элемент сохранения исторической памяти города. Анализ уникальных характеристик русского архитектурного стиля и его влияния на развитие Тяньцзиня показал высокую культурную,

социально-экономическую и образовательную ценность этого наследия. Несмотря на многочисленные вызовы, такие как разрушение зданий и утрата их первоначальной функциональности, русская архитектура сохраняет своё значение как символ культурного взаимодействия. Для обеспечения её сохранности требуется комплексный подход, включающий государственную поддержку, общественное участие и использование современных технологий. Архитектурное наследие русского стиля в Тяньцзине не только отражает исторические этапы взаимодействия двух стран, но и служит платформой для дальнейшего культурного и экономического сотрудничества между Китаем и Россией, что особенно актуально в контексте инициативы «Один пояс и один путь».

Литература

1. Архив Тяньцзиня и др. Сборник архивных документов о Тяньцзиньской концессии. Тяньцзинь: Изд-во Народного правительства Тяньцзиня, 1992.
2. Шан Кэцян, Лю Хайянь. Исследование общества Тяньцзиньской концессии. Тяньцзинь: Изд-во Народного правительства Тяньцзиня, 1996. (на кит. яз.).
3. Лю Минь, Аоки Нобукадзу, Сюй Субинь. Исследование ценности архитектурного наследия в контексте культурной экономики // Сб. тр. Второй международной конференции по защите исторического архитектурного наследия и устойчивому развитию. 2010. № 9. С. 320. (на кит. яз.).
4. Ли Ицзинь. Культурная деятельность русской диаспоры в Тяньцзине // Сюнь Гэнь. 2008. (на кит. яз.).
5. Цзинь Циминь, Цуй Хунлинь. Архитектура и культурная энергия зданий в Тяньцзиньской концессии // Социальные науки Тяньцзиня. 1987. № 4. С. 2. (на кит. яз.).
6. Сидихменов В. Я., Хисамутдинов А. А., Ли Янь. Общество и личность в русском Тяньцзине (1920–1930 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 2. С. 45–52.
7. Шан Кэцян. Девять стран и концессии в современном Тяньцзине. Тяньцзинь: Изд-во Тяньцзиньского образования, 2008. (на кит. яз.).
8. Ли Хуэйцзюань. Эволюция и обновление пространственной формы бывшей русской концессии в Тяньцзине. Тяньцзинь: Изд-во Тяньцзиньского университета, 2018. (на кит. яз.).
9. Жэнь Цзидун. Исследование элементов концессий в городской культуре современного Тяньцзиня // Социальные науки Нанкина. 2013. № 6. С. 7. (на кит. яз.).
10. Ван Мяо, Цао Лэй. Исследование развития современной архитектуры Тяньцзиня в условиях столкновения восточной и западной культур. Тяньцзинь: Изд-во Тяньцзиньского университета, 2013. (на кит. яз.).
11. Чжу Лийюань. Большой словарь эстетики. Шанхай: Изд-во Шанхайского словаря, 2010. 384 с. (на кит. яз.).
12. Архив Тяньцзиня. Тяньцзинь: воспоминания о русской консульской резиденции [Электронный ресурс]. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/QLX_UK5N3dejvxlqkhhb3vA (дата обращения: 05.10.2024).
13. Сина. История русской концессии в Тяньцзине [Электронный ресурс]. URL: <http://finance.sina.com.cn/jjxw/2021-11-21/doc-iktzqtYu8546357.shtml> (дата обращения: 05.10.2024).

14. Гао Дапэн, Гао Пин. Старые банки Тяньцзиня. Тяньцзинь: Изд-во Тяньцзиньского университета, 2008. (на кит. яз.).
15. Тяньцзиньская газета. Банковское здание в стиле русско-европейского модерна // Тяньцзиньская ежедневная газета [Электронный ресурс]. URL: http://epaper.tianjinwe.com/tjrb/html/2023-06/09/content_162_7799244.htm (дата обращения: 10.10.2024).
16. Тяньцзиньская городская администрация. Первая русско-европейская улица в Тяньцзине открыта для туристов // Официальный сайт администрации района Хэдун [Электронный ресурс]. URL: https://www.tjhd.gov.cn/xxfb/tpxw/202307/t20230703_6342807.html (дата обращения: 03.07.2024).

INTEGRATION OF CHINESE AND RUSSIAN CULTURES ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN STYLE ARCHITECTURAL HERITAGE IN TIANJIN

Yang Lingfang, Luo Xiaoxia
Tianjin Normal University

The architectural heritage of concessions is an important element of Tianjin's urban culture and has a unique influence on the city's landscape. The Russian-style architectural heritage in Tianjin is a historical evidence of cultural exchange between China and Russia. This paper aims to investigate the protection and utilization of architectural heritage in Tianjin. The study of Russian style architectural heritage from the perspective of national culture can promote cultural exchanges between China and Russia and makes a contribution to the "One Belt and One Road" process.

Keywords: Tianjin, Russian Concession, Architecture, Cultural Exchanges, China And Russia.

References

1. Tianjin Archives, etc. Collection of Archival Documents on the Tianjin Concession. Tianjin: Tianjin People's Government Publishing House, 1992.
2. Shang Keqiang, Liu Haiyan. Research on the Society of the Tianjin Concession. Tianjin: Tianjin People's Government Publishing House, 1996. (in Chinese).
3. Liu Min, Aoki Nobukazu, Xu Subin. Research on the Value of Architectural Heritage in the Context of Cultural Economy // Coll. Proceedings of the Second International Conference on the Protection of Historical Architectural Heritage and Sustainable Development. 2010. No. 9. P. 320. (in Chinese).
4. Li Yijin. Cultural Activities of the Russian Diaspora in Tianjin // Xun Gen. 2008. (in Chinese).
5. Jin Qimin, Cui Honglin. Architecture and Cultural Energy of Buildings in the Tianjin Concession // Social Sciences of Tianjin. 1987. No. 4. P. 2. (in Chinese).
6. Sidikhmenov V. Ya., Khisamutdinov A. A., Li Yan. Society and Individual in Russian Tianjin (1920–1930) // Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, No. 2. P. 45–52.
7. Shang Keqiang. Nine Countries and Concessions in Modern Tianjin. Tianjin: Tianjin Education Press, 2008. (In Chinese).
8. Li Huijuan. Evolution and Renewal of the Spatial Form of the Former Russian Concession in Tianjin. Tianjin: Tianjin University Press, 2018. (In Chinese).
9. Ren Jidong. Research on the Elements of Concessions in the Urban Culture of Modern Tianjin // Social Sciences of Nanjing. 2013. No. 6. P. 7. (In Chinese).
10. Wang Miao, Cao Lei. Research on the Development of Modern Architecture in Tianjin under the Conditions of the Clash of Eastern and Western Cultures. Tianjin: Tianjin University Press, 2013. (In Chinese).
11. Zhu Liyuan. Great Dictionary of Aesthetics. Shanghai: Shanghai Dictionary Publishing House, 2010. 384 p. (in Chinese).
12. Tianjin Archives. Tianjin: Memories of the Russian Consular Residence [Electronic resource]. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/QLX_UK5N3dejvxlqkhhb3vA (accessed: 05.10.2024).

13. Sina. History of the Russian Concession in Tianjin [Electronic resource]. URL: <http://finance.sina.com.cn/jjxw/2021-11-21/doc-iktzqtyu8546357.shtml> (accessed: 05.10.2024).
14. Gao Dapeng, Gao Ping. Old banks of Tianjin. Tianjin: Tianjin University Press, 2008. (in Chinese).
15. Tianjin newspaper. Bank building in the style of Russian-European modernism // Tianjin daily newspaper [Electronic resource]. URL: http://epaper.tianjinwe.com/tjrb/html/2023-06/09/content_162_7799244.htm (date of access: 10.10.2024).
16. Tianjin city administration. The first Russian-European street in Tianjin is open to tourists // Official website of the Hedong District Administration [Electronic resource]. URL: https://www.tjhd.gov.cn/xxfb/tpxw/202307/t20230703_6342807.html (accessed: 03.07.2024).

Малый бизнес в современной нестабильной среде: адаптационные стратегии

Ваш Юрий Федорович,

соискатель кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: dorogi287@gmail.ru

В статье рассматривается спектр стратегий, используемых малыми предприятиями для преодоления проблем и достижения устойчивого роста. Отмечается, что, будучи динамичными участниками местного и регионального развития, малые предприятия играют важную роль в решении социальных проблем и содействии инклюзивному экономическому участию. Современные исследователи и государственные деятели все чаще определяют малые предприятия в качестве ключевых агентов экономической трансформации. Однако, проблемы, с которыми сталкиваются эти предприятия, многогранны и варьируются от ограниченного доступа к финансированию и рыночных ограничений до нормативных препятствий. Ограниченный доступ к капиталу остается распространенной проблемой, препятствующей инвестициям, расширению и внедрению технологий. Кроме того, навигация по нормативным рамкам часто оказывается обременительной для малого бизнеса, препятствуя его способности процветать.

Ключевые слова: малый бизнес, нестабильность, риск, адаптация, стратегии адаптации.

Введение

Малый бизнес – неотъемлемая часть экономики страны, и без его участия невозможно представить развитие экономики. Малые предприятия играют решающую роль в стимулировании экономического развития и содействии созданию рабочих мест. Будучи динамичными участниками местного и регионального развития, малые предприятия играют важную роль в решении социальных проблем и содействии инклюзивному экономическому участию.

Современные исследователи и государственные деятели все чаще определяют малые предприятия в качестве ключевых агентов экономической трансформации. Эти предприятия вносят значительный вклад в ВВП, занятость и сокращение бедности. Их гибкость, адаптивность и потенциал для инноваций делают малый бизнес жизненно важным участником экономического развития, особенно на развивающихся рынках.

Тем не менее, проблемы, с которыми сталкиваются эти предприятия, многогранны и варьируются от ограниченного доступа к финансированию и рыночных ограничений до нормативных препятствий. Ограниченный доступ к капиталу остается распространенной проблемой, препятствующей инвестициям, расширению и внедрению технологий. Кроме того, навигация по нормативным рамкам часто оказывается обременительной для малого бизнеса, препятствуя его способности процветать.

Российский исследователь В.В. Келарев справедливо отмечает, что: «Становление малого и среднего предпринимательства в экономике происходит постоянно в условиях кризисов. Такое положение откладывает отпечаток на то, что динамика субъектов малого и среднего бизнеса носит нестабильный контекст» [1].

Малые предприятия отличаются заметной уязвимостью перед разнообразными кризисами (экономическими или пандемиями). Пандемия Covid-19, экономические кризисы и санкционное давление во многих случаях поставили малые предприятия (чем их крупных коллег) в невыгодное положение. Это непропорциональное воздействие объясняется несколькими факторами. Во-первых, малые предприятия чрезмерно представлены в секторах, наиболее страдающих от кризисов, особенно в тех, которые требуют личного контакта, таких как туризм, развлечения и отдых, парикмахерское дело, недвижимость и пр. Во-вторых, малые предприятия часто имеют меньшие денежные буферы и более слабые цепочки поставок, отставание во внедрении новых технологий и инструментов и трудности с адаптацией своих бизнес-операций к текущим условиям.

Понимание основных проблем малого бизнеса имеет основополагающее значение для разработки эффективных стратегий, которые устраняют уникальные препятствия, с которыми сталкиваются малые предприятия.

Цель статьи – определить основные стратегические направления, которые могут быть использованы малым

бизнесом для преодоления препятствий и достижения устойчивого роста.

Методика

Эмпирическую основу статьи составили данные статистики, а также совместное исследование ФОМ и НИУ ВШЭ. С июля 2021 года ФОМ совместно с НИУ ВШЭ опрашивает одних и тех же предпринимателей (более 700 человек). Часть вопросов, задающихся в каждой волне, фиксирует изменения в их бизнесе и бизнес-среде в прошедшем квартале, а также ожидания в отношении наступившего квартала. По итогам каждой волны добавляются актуальные ответы респондентов в динамический ряд, что позволяет отслеживать изменения на больших временных отрезках.

Результаты

Результаты 13-й волны исследования показывают позитивные изменения в положении малого бизнеса. Доля предпринимателей, ориентированных на выживание, снизилась по сравнению с предыдущим кварталом на 4 п.п., до 23%. Это указывает на улучшение условий ведения бизнеса или более успешную адаптацию компаний к текущим вызовам. В то же время доля предпринимателей, сосредоточенных на сохранении бизнеса, по сравнению с предыдущим кварталом увеличилась на 4 п.п., до 59%. Доля компаний, демонстрирующих рост, находится на уровне 18%, что соответствует показателям трех предыдущих волн (рис. 1).

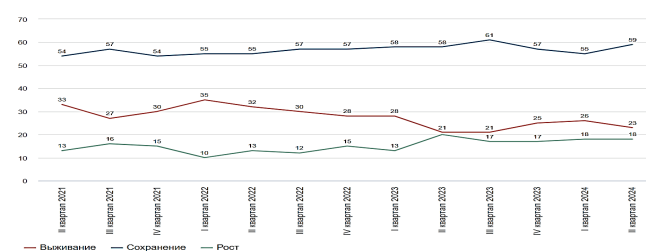

Рис. 1. Бизнес-стратегия, данные в % всех опрошенных [2]

Примечательно, что 32% респондентов отметили рост доходов, что на 13 п.п. больше, чем в предыдущем квартале. Рост доходов можно объяснить увеличением спроса на продукцию или услуги: о росте спроса сообщили 34% респондентов, что на 14 п.п. выше, чем в предыдущем квартале. При этом доля участников Лонгитюда, сообщивших о снижении доходов, сократилась на 14 п.п., до 23%. На снижение спроса указали лишь 19% участников Лонгитюда, что на 11 п.п. меньше, чем в предыдущем квартале. Эти данные указывают на восстановление потребительского спроса и улучшение рыночных условий для малого бизнеса (рис. 2).

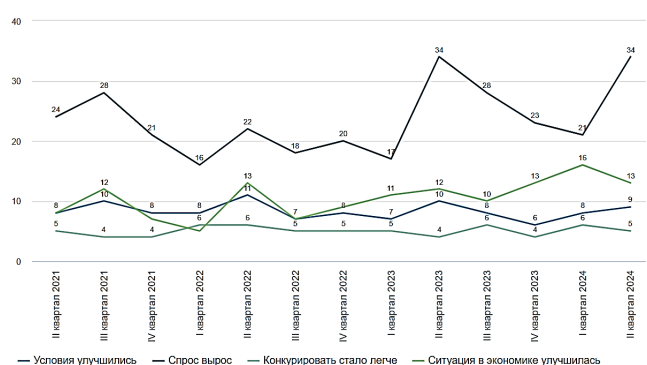

Рис. 2. Позитивные изменения в бизнес-среде, данные в % всех опрошенных [2]

Что касается настроений предпринимателей, то 53% из них вступили в III квартал с оптимизмом, как и в предыдущий квартал. Однако доля тех, кто ожидает, что текущий квартал 2024 года будет лучше, снизилась на 9 п.п. Подобная коррекция ожиданий накануне осеннего сезона наблюдается уже третий год подряд.

Как справедливо отмечает Г.Л. Купряшин: «Масштабы, темпы и комплексность событий и изменений, продемонстрированных в ходе коронавирусного кризиса, нелегальной миграции, техногенных катастроф, острых геополитических конфликтов, актуализировали вопросы управляемости турбулентностью как постоянным свойством среды и организаций, функционирующих в социально-экономическом пространстве. Турбулентность трактуется как новый, постоянно действующий фактор внешней среды» [3].

В целом 13-я волна исследования показывает, что, несмотря на сохраняющиеся вызовы, малый и средний бизнес демонстрирует признаки стабилизации и роста. При этом участники исследования настроены весьма оптимистично, что, с одной стороны, является положительным сигналом, но, с другой стороны, вызывает некоторые опасения относительно возможных завышенных ожиданий.

Несмотря на относительно оптимистичные представления руководителей малых предприятий относительно будущего, санкционное давление и экономические проблемы продолжают оказывать существенное влияние на малые предприятия. В настоящее время, политики, исследователи и представители малого бизнеса все чаще ищут способы повышения своей устойчивости в современной нестабильной среде.

Адаптацию малого бизнеса можно улучшить путем тщательной разработки стратегий выживания, чтобы чувствовать и реагировать на разрушительную и непредсказуемую бизнес-среду, ускоряющуюся санкциями и экономическим кризисом. Рассмотрим основные направления трансформации малого бизнеса, которые могут стать основой стратегий адаптации в нестабильной среде.

1. *Трансформация бизнес-процессов на основании финансовых технологий (финтех).* В погоне за экономическим развитием и процветанием малые предприятия сталкиваются с критической проблемой: доступом к финансированию. Доступность финансирования часто является определяющим фактором в траектории роста этих предприятий. Исторически традиционные банковские каналы были основным источником финансирования для бизнеса. Хотя эти учреждения предлагают стабильность и устойчивые процедуры, малые предприятия часто сталкиваются с такими препятствиями, как строгие требования к обеспечению, высокие процентные ставки и длительные процессы одобрения.

Эти ограничения исторически ограничивали доступность традиционного банкинга для многих малых предприятий, особенно тех, которые работают в неформальном секторе или не имеют существенных активов для обеспечения. Однако повествование меняется, поскольку финансовые учреждения осознают важность малого бизнеса в обеспечении экономического роста. Некоторые банки разрабатывают специализированные продукты, адаптированные к потребностям малого бизнеса, предлагая более гибкие условия и более низкие требования к обеспечению.

Кроме того, реализуются совместные инициативы между правительством и финансовыми учреждениями для создания благоприятной среды для финансирования малого бизнеса, направленные на преодоление разрыва

между традиционной банковской практикой и уникальными требованиями малых предприятий.

В последние годы финтех-революция открыла новую эру финансовой доступности для малых предприятий. Цифровые финансовые услуги, включая мобильный банкинг, платформы онлайн-кредитования и платежные системы, стали мощными инструментами для решения проблем доступа к финансам. Мобильные деньги, в частности, приобрели известность, предоставляя малым предприятиям удобный и безопасный способ проведения транзакций, доступа к кредитам и управления своими финансами. Финтех-решения предлагают ряд преимуществ по сравнению с традиционными банковскими каналами. Они часто более гибкие, используют технологии для оптимизации процессов и сокращения бюрократических барьеров. Более того, эти платформы доступны более широкому слою населения, в том числе в отдаленных или недостаточно обслуживаемых районах. Простота использования и более низкие транзакционные издержки, связанные с цифровыми финансовыми услугами, способствуют большей финансовой доступности, позволяя малым предприятиям более эффективно ориентироваться в финансовом ландшафте.

Однако в сфере финтех сохраняются проблемы, включая опасения по поводу безопасности данных, нормативной базы и цифровой грамотности. По мере роста внедрения этих технологий для политиков и финансовых учреждений становится необходимо решать эти проблемы, чтобы обеспечить устойчивую и безопасную интеграцию финтех-решений в более широкую финансовую экосистему.

2. Стратегические партнерства. Стратегические партнерства служат мощным инструментом для расширения доступа малых предприятий к рынку и повышения конкурентоспособности. Сотрудничество с другими предприятиями как внутри, так и за пределами своей отрасли позволяет им объединять ресурсы, делиться опытом и коллективно решать рыночные проблемы. Партнерства с более крупными корпорациями могут предоставить малому бизнесу доступ к устоявшимся каналам дистрибуции, цепочкам поставок и рынкам. Такое сотрудничество открывает ценные возможности для передачи знаний, наращивания потенциала и ознакомления с передовым опытом. В свою очередь, более крупные компании извлекают выгоду из гибкости, инноваций и локализованных идей, которые малые предприятия привносят в бизнес.

Межотраслевые партнерства также приобретают известность, поскольку малые предприятия ищут инновационные способы диверсификации своих продуктовых предложений и выхода на новые рынки. Для содействия эффективному партнерству государство и некоммерческие организации могут играть роль в создании платформ для нетворкинга, содействия сотрудничеству и предоставления стимулов для совместных предприятий. Кроме того, программы наставничества могут связывать устоявшиеся предприятия с малым бизнесом, способствуя культуре обмена знаниями и сотрудничеству.

3. Внедрение цифровых технологий для автоматизации рутинных задач. Внедрение цифровых инструментов в условиях «цифровой экономики» становится краеугольным камнем для малых предприятий, стремящихся повысить эффективность, привлечь новых клиентов и оптимизировать операционные процессы.

Цифровые инструменты играют ключевую роль в повышении операционной эффективности малого бизнеса.

Автоматизация, аналитика данных и облачные решения входят в число технологических достижений, кото-

рые предлагают малым предприятиям возможности оптимизировать свои процессы, сократить расходы и повысить общую производительность. Внедрение автоматизированных систем для рутинных задач, таких как выставление счетов, управление запасами и управление взаимоотношениями с клиентами, позволяет распределять ресурсы более стратегически.

Облачные технологии предоставляют малым предприятиям гибкие и масштабируемые решения, позволяя им получать доступ к данным и приложениям из любой точки мира с подключением к Интернету. Это не только облегчает удаленную работу, но и улучшает сотрудничество между членами команды, способствуя более гибкой и адаптивной рабочей среде. Внедрение этих цифровых инструментов не обходится без проблем. Ограниченный доступ к надежной интернет-инфраструктуре и опасения по поводу безопасности данных могут стать препятствиями для малого бизнеса. Правительства и заинтересованные стороны играют решающую роль в решении этих проблем, инвестируя в цифровую инфраструктуру и внедряя надежные меры кибербезопасности.

Совместные усилия государства, частного сектора и образовательных учреждений могут играть важную роль в решении этих проблем и создании благоприятной среды для малого бизнеса в сфере эффективного использования цифровых технологий.

Обсуждение и заключение

Таким образом, малый бизнес имеет важное значение для любой экономики с точки зрения занятости и вклада в национальный валовой внутренний продукт. Несмотря на свою значимость, малый бизнес продолжает сталкиваться с различными нерешенными проблемами. Последние технологические инновации в области финансов, которые в совокупности называются FinTech, похоже, решают некоторые проблемы. Бизнес-модели, основанные на финтехе, такие как краудфандинг, одноранговое кредитование, торговля счетами, мобильные кошельки и платежи, а также финансирование цепочки поставок на основе платформ, меняют экосистему для малого бизнеса. Кроме того, важным представляется обеспечение доступа к финансам, цифровой трансформации, государственной политики и совместных инициатив.

Литература

1. Келарев, В.В. Малый и средний бизнес Российской Федерации в условиях постоянных кризисов и волатильной бизнес-среды / В.В. Келарев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – № 1. – С. 127–137.
2. Оптимизм предпринимателей сохраняется: рост и адаптация малого бизнеса на фоне вызовов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – <https://smbiz.fom.ru/post/optimizm-predprinimatelej-sohranyaetsya-rost-i-adaptaciya-malogo-biznesa-na-fone-vyzovov?ysclid=m408c3mff3397522778> (дата обращения: 26.11.2024).
3. Купряшин, Г.Л. Политико-административные способности государственного управления в условиях турбулентности и неопределенности // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – № 97. – С. 174–189.

SMALL BUSINESS IN TODAY'S UNSTABLE ENVIRONMENT: ADAPTATION STRATEGIES

Vash Yu.F.

Belgorod State National Research University

The article examines the range of strategies used by small enterprises to overcome problems and achieve sustainable growth. It is noted that as dynamic participants in local and regional development, small enterprises play an important role in solving social problems and promoting inclusive economic participation. Modern researchers and statesmen increasingly identify small enterprises as key agents of economic transformation. However, the challenges these businesses face are multifaceted and range from limited access to finance and market constraints to regulatory hurdles. Limited access to capital remains a common problem hindering investment, expansion and adoption of technology. In addition, navigating the regulatory framework often proves burdensome for small businesses, hindering their ability to thrive.

Keywords: small business, instability, risk, adaptation, adaptation strategies.

References

1. Kelarev, V.V. Small and medium-sized businesses of the Russian Federation in the context of constant crises and a volatile business environment / V.V. Kelarev // State and municipal administration. Scientific notes. – 2021. – No. 1. – P. 127–137.
2. Entrepreneurs' optimism remains: growth and adaptation of small businesses amid challenges. [Electronic resource]. Access mode. – <https://smbiz.fom.ru/post/optimizm-predprinimatej-sohranyaetsya-rost-i-adaptaciya-malogo-biznesa-na-fone-vyzovov?ysclid=m408c3mff3397522778> (date of access: 11/26/2024).
3. Kupryashin, G.L. Political and administrative capabilities of public administration in conditions of turbulence and uncertainty // Public administration. Electronic Bulletin. – 2023. – No. 97. – P. 174–189.

Проблемы социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество

Еремина Екатерина Витальевна,

к.с.н., доцент кафедры «Менеджмент и государственное управление», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

E-mail: hope77@yandex.ru

Демографические изменения в структуре и численности населения России определяют необходимость восполнения дефицита рабочей силы за счет трудовой миграции. Россия, благодаря высокому уровню занятости и возможности быстро найти работу, для иностранных мигрантов сохраняет свою привлекательность уже на протяжении долгого времени. Подавляющее большинство иностранных работников приезжают в Россию из стран Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан и Киргизия). Это в основном достаточно молодые (до 40 лет) и активные люди, плохо или совсем не знающие русского языка и слабо представляющие себе российские традиции и культуру. Согласно результатам некоторых исследований, более 40% мигрантов предпочитают шариат светскому российскому законодательству. Именно поэтому столь актуальной в настоящее время является проблема социально-культурной адаптации и интеграции трудовых мигрантов в российское общество. Успешная социально-культурная адаптация мигрантов, принятие ими норм и ценностей российского общества, способствует изменению их мировоззрения и жизненных стратегий, предоставляет множество преимуществ, облегчающих процесс их интеграции в новый социум и улучшающих качества их жизни.

Ключевые слова: интеграция, адаптация, мигранты, государственная миграционная политика.

Демографические процессы, происходящие во всем мире, приводят к постоянному снижению численности населения во многих странах. Данные тревожные тенденции делают миграцию населения важнейшим источником пополнения трудовых ресурсов развитых стран. Из отчета о мировой миграции, представленном Международной организацией по миграции (ИОМ) в мае текущего года, следует, что в настоящее время во всем мире насчитывается 281 миллион мигрантов, или 3,6% населения планеты [9].

В экономическом и социальном развитии России трудовая миграция играет важную роль. Прежде всего, это источник восполнения дефицита рабочей силы, состоящий в основном из молодых и активных работников, так необходимых нашей стране в условиях снижения рождаемости и старения населения.

По данным исследования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) миграционный приток рабочей силы в Россию после 2022 года так и не смог восстановиться до доковидного уровня. В 2022 году в Россию въехали около 3,47 миллиона трудовых мигрантов. Это заметно ниже оценок по 2018–2019 годам до пандемии (около 4–4,5 млн) и на 1/3 больше, чем в 2021 году. Примерно такой же была среднегодовая численность трудовых мигрантов и в 2023 году – число иностранных трудовых мигрантов на российском рынке труда составило около 3,5 млн человек. Это почти на 1 млн ниже показателя 2019 года и около 4,5% от всех занятых на российском рынке труда. Основные источники иностранных работников в России – страны Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан и Киргизия). Среди въезжавших в Россию в 2023 году трудовых мигрантов более 87% пришлось именно на выходцев из этих трех государств. Средний возраст мигранта в целом не отличается от среднего возраста коренного жителя и составляет 42 года. Однако он зависит от длительности их пребывания в России – средний возраст старожилов (более 5 лет в России) около 44 лет, средний возраст недавних мигрантов (1–5 лет в России) – 37 лет, средний возраст совсем недавних мигрантов (менее года в России) – 35 лет [5, с. 79].

В настоящее время в России находится свыше 6,5 млн иностранцев, среди них есть и большое количество нелегалов. В период с января по октябрь 2024 года российские работодатели официально приняли на работу 2,5 млн иностранцев, что почти на 40% больше, чем в прошлом году. Несмотря на ужесточение миграционной политики, количество приезжих в Россию в 2024 году только возросло. Число нелегальных мигрантов в России с начала 2024 года выросло примерно на 40%, по состоянию на 1 октября таких иностранцев было более 740 тысяч [11].

Отдельного внимания заслуживает отношение россиян к мигрантам. Оно является неоднозначным и варьируется в зависимости от различных факторов.

Согласно результатам опроса, который был посвящен исследованию отношения россиян к мигрантам и проведен Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ) в августе 2023 года (1600

опрошенных россиян в возрасте от 18 лет), «почти половина участников опроса (47%) утверждает, что трудовая миграция – это положительное явление для нашей страны. Этот показатель заметно вырос по сравнению с аналогичными опросами прошлых лет – в 2006 г. он составил 21%, в 2008 г. – 14%, в 2013 г. – 14%. Многие россияне осознают, что мигранты играют важную роль в экономике, заполняя дефицит рабочей силы в определенных отраслях. Это может вызывать положительное отношение к мигрантам, особенно среди тех, кто работает в сферах, где мигранты востребованы» [3].

Негативно относятся к мигрантам 40% респондентов. Однако этот показатель почти в два раза меньше, чем был десять лет назад (в 2013 г. это отношение демонстрировали 74%). Безусловно, в нашем обществе распространено огромное количество негативных стереотипов о мигрантах. Часть россиян считает мигрантов угрозой для рабочих мест, безопасности или культурной идентичности нашей страны

Интересно, что «такой фактор как урбанизированность не оказывает значительного влияния на представления о трудовой миграции. И в крупных городах, и на селе люди по данному вопросу высказываются примерно одинаково (поддерживают трудовую миграцию 50% городских жителей и 47% сельчан). А вот такой фактор, как возраст дает определенные расхождения в оценках. Молодежь чаще видит плюсы в трудовой миграции (61% среди 18–24-летних и 56% в группе 25–34 года), а россияне 45–59 лет чаще отмечают отрицательные стороны (51%). Более лояльны к трудовым мигрантам граждане с хорошими доходами (61% vs. 28% среди «бедных»), тогда как россияне с плохим материальным положением чаще говорят о трудовой миграции в негативном ключе (56% vs. 29% среди «богатых»)» [3].

На наш взгляд, на формирование того или иного мнения россиян о трудовой миграции влияет и личный опыт взаимодействия с мигрантами, и конфликты, возникающие между местными жителями и мигрантами, а также в целом политическая риторика и медийное освещение миграционной темы. В некоторых случаях освещение политических событий в средствах массовой информации может способствовать усилению негативных стереотипов в общественном мнении, а в других – делает акцент на взаимопомощь и интеграцию, что может способствовать положительному восприятию мигрантов со стороны принимающего населения.

В настоящее время тема миграции стала одной из самых обсуждаемых как в научных кругах, так и на просторах интернета, поскольку миграционные процессы приобретают огромные масштабы и затрагивают вопросы национальной безопасности. Но подавляющее большинство проведенных исследований рассматривают миграционную тему лишь с одной стороны – анализируется мнение принимающего населения. Проблемы, с которыми сталкиваются сами мигранты, обсуждаются, на наш взгляд, недостаточно. Но без изучения этих проблем сформировать эффективную программу социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов не представляется возможным.

Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) в сентябре 2023 года обнародовало данные анонимного опроса мигрантов об их отношении к российскому законодательству. Сам «опрос был проведен ФАДН в сентябре – декабре 2022 года. В нём приняли участие 4 тыс. граждан Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана и Казахстана. Опрос проводился методом очного анкетирования на электронных планшетах в местах наибольшего скопления целевой аудитории (миграционные центры, рынки, торговые комплек-

сы, стройки). По итогам 43,5% мигрантов предпочитают шариат светскому российскому законодательству, 24% опрошенных готовы принимать участие в протестах, чтобы отстаивать право жить в России по нормам шариата, 15,3% готовы принимать участие в незаконных политических акциях мигрантов» [8]. Несмотря на то, что методика и методология этого опроса подверглись критике со стороны отдельной части научного сообщества, результаты заставляют серьезно задуматься не только о проблемах адаптации и интеграции трудовых мигрантов в нашей стране, но и о реальной угрозе национальной безопасности нашей страны.

Приведем некоторые результаты исследования проблем мигрантов, проведенного в Пензенской области летом текущего года.

Следует отметить, что в Пензенской области по состоянию на 1 августа 2024 года, проживало 10 158 иностранцев, а также лиц без гражданства. Традиционно основной приток мигрантов в Пензенскую область идет из бывших республик Советского Союза, которые с Россией связывает языковая общность: Беларуси, Казахстана, Армении, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии. Подавляющее большинство мигрантов (более 80%) приезжает из Узбекистана и Таджикистана, что, собственно, отражает общероссийскую тенденцию [7].

Анкетный опрос трудовых мигрантов, проживающих в Пензенской области (июнь-август 2024 г., n = 200; страны пребывания – Узбекистан (67%), Таджикистан (25%), др. страны (8%)), позволил выделить несколько ключевых проблем, связанных с их нахождением на территории России (рис. 1).

Рис. 1. Актуальные проблемы иностранных граждан и лиц без гражданства, по мнению самих мигрантов, % (n = 200)

Одна из наиболее значимых проблем трудовых мигрантов на территории Российской Федерации – одиночество. Эту проблему отметила почти треть опрошенных иностранных граждан (30%). Одиночество может проявляться в различных аспектах жизни и оказывать негативное влияние на психическое и физическое здоровье человека, приводить к стрессу, депрессии и общей неудовлетворенности жизнью. Многие мигранты оставляют свои семьи и родные места на долгое время, что приводит к чувству тоски и одиночества. Социальной изоляции трудовых мигрантов способствуют также культурные и языковые барьеры, сложности адаптации к новым традициям и общественным правилам, проблемы общения и взаимодействия с местными жителями.

На проблемы с миграционной службой указали 25% мигрантов, участвующих в опросе. Возникновению таких проблем способствует множество причин. Прежде всего, это плохое владение русским языком, которое ведет к непониманию своих прав и обязанностей, нарушениям и, как следствие, проблемам с миграционной службой. Среди причин можно также выделить: отсутствие необходимых документов или неправильное их оформление;

изменения в миграционном законодательстве; работа без разрешения и проблемы с легализацией своего статуса; длительное ожидание виз и разрешений на работу и т.п.

Помимо вышеназванных проблем, 10% участников опроса отметили и другие сложности. Мигрантов беспокоит негативное отношение россиян. Это можно объяснить наличием негативных стереотипов восприятия иностранных работников принимающим населением, которое часто и небезосновательно ассоциирует мигрантов с преступностью или антисоциальным поведением. Также среди проблем мигранты называют низкую оплату труда. Многие мигранты имеют низкий уровень квалификации, что ограничивает их возможности на рынке труда и вынуждает соглашаться на низкооплачиваемые позиции.

Анализ результатов исследований и данных статистики лишь подтверждает, что проблема социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов в российский социум в настоящее время становится все более актуальной.

Социально-культурная адаптация мигрантов – это процесс, в ходе которого люди, прибывшие из других регионов или стран, сталкиваются с необходимостью приспособиться к новым социальным и культурным условиям и интегрировать в общественную жизнь принимающего общества, чтобы функционировать в нем как полноправные его члены. Это сложный и противоречивый процесс, который включает в себя не только освоение языка и культурных норм. Социальная адаптация и интеграция мигрантов означает изменение их ценностей и идентичности, социального окружения и социальных связей, что сопряжено с серьезными проблемами как социокультурного, так и социально-психологического характера.

Следует отметить, что в научной литературе можно встретить подход, при котором понятия «адаптация» и «интеграция» имеют серьезные различия. Под адаптацией подразумевают «процесс усвоения иностранным гражданином или лицом без гражданства образцов поведения, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему существовать и успешно действовать в принимающем обществе. Адаптация тесно связана с получением мигрантом официального статуса и легализацией его пребывания» [1, с. 4]. Под интеграцией подразумевают «процесс включения иностранного гражданина или лица без гражданства в систему социальных, правовых и культурных отношений принимающего общества в качестве его полноправного и постоянного члена; зачастую она связана с получением мигрантом права на временное или постоянное проживание в стране, а также с получением гражданства принимающей страны» [10, с. 46]. Согласно данному подходу, с которым мы согласны, «адаптация предшествует интеграции. Сначала иностранный гражданин должен изучить социальные (официальные и неофициальные) нормы, регулирующие жизнедеятельность принимающего сообщества (получение знаний). Затем он интегрируется, используя усвоенные нормы и включаясь в правовые, трудовые, социальные, культурные отношения (практическое использование знаний). Однако подобная попытка дифференцировать адаптацию и интеграцию не кажется результативной, т.к. процесс получения знаний у мигрантов чаще происходит в ходе практических организационных действий по получению документов и обустройству повседневной жизни» [4, с. 146].

Одним из ключевых факторов успешной адаптации мигрантов выступает преодоление языкового барьера путем освоения языка страны пребывания. Знание язы-

ка дает мигрантам возможность не только общаться, но и открывает доступ к получению образования, медицинских и других социальных услуг и ресурсов. Недостаточное знание русского языка затрудняет их повседневную жизнь, поиск работы и взаимодействие с местным населением. В свою очередь, недостаток возможностей для общения и взаимодействия между мигрантами и местным населением может приводить к недопониманию и укреплению негативных стереотипов.

Огромное значение для мигрантов имеет трудоустройство и финансовая независимость. Успешная интеграция в рынок труда позволяет мигрантам улучшить свое материальное положение и снизить уровень социальной изоляции.

Важнейшей составляющей социально-культурной адаптации мигрантов выступает освоение традиций, обычаев и норм поведения принимающего общества. Это может быть связано с изменением привычек, восприятием новых ценностей и норм, а также с интеграцией в местные сообщества (культурный аспект адаптации), а также включение мигрантов в социальные сети, участие в общественной жизни и формирование новых социальных связей. Это может происходить через участие в общественных мероприятиях, волонтерских программах или профессиональных ассоциациях (социальная интеграция).

Также следует отметить и психологические сложности преодоления стресса и тревоги, связанные с изменением среды обитания. Это может быть достигнуто через поддержку со стороны семьи, друзей и местного сообщества.

Однако, несмотря на существующие проблемы интеграцией, Россия для иностранных мигрантов сохраняет свою привлекательность уже на протяжении долгого времени. Ключевым потенциальным критерием, который делает Россию привлекательной для трудовой миграции среди граждан СНГ, заключается в возможности относительно быстрого нахождения работы благодаря высокому уровню занятости. Это не только делает процесс поиска работы проще, но и помогает достичь более высокой заработной платы и, как следствие, уровня жизни [2].

Но часто из-за невозможности законного трудоустройства по каким-либо причинам трудовые мигранты сталкиваются с отсутствием юридической надежности и стабильности. «Наниматели утверждают, что они вынуждены переводить работника в неофициальный или частично официальный статус, так как легальное трудоустройство мигранта чревато увеличением для них уровня фискальной нагрузки и количества различных контрольных проверок. Трудовой мигрант часто вынужден принимать такие условия работы со стороны нанимателей, поскольку он не может выбирать другие условия и, тем более, навязывать свои. Однако следует отметить, что трудовые мигранты также сами охотно принимают условия работодателей для того, чтобы снизить расходы, которые связаны с получением официальной работы» [6].

К сожалению, необходимо констатировать тот факт, что сложности социально-культурной интеграции мигрантов часто связаны с нежеланием самих мигрантов интегрироваться в российское общество. Многие мигранты предпочитают общаться с соотечественниками, боясь утратить свою этническую и культурную идентичность, что приводит к созданию замкнутых сообществ, неких национально-этнических анклавов и к сознательному ограничению контактов мигрантов с местным населением.

В целом, полученные результаты подчеркивают, что в целях успешной адаптации и интеграции трудовых мигрантов в российское общество необходимо совершенствование государственной миграционной политики в области создания условий, способствующих межкультурному диалогу; поддержки языковых курсов; развития программ повышения культурной осведомленности и активного вовлечения местного населения в процессы адаптации.

Успешная социально-культурная адаптация мигрантов, принятие ими норм и ценностей российского общества, способствует изменению их мировоззрения и жизненных стратегий, предоставляет множество преимуществ, облегчающих процесс их интеграции в новый социум и улучшающих качества их жизни. Социально-культурная адаптация мигрантов является сложным и многогранным процессом, требующим взаимодействия как со стороны самих мигрантов, так и со стороны принимающего общества. Это необходимо для создания более гармоничного и многообразного общества, где каждый сможет внести свой вклад в развитие страны.

Литература

1. Адаптация и интеграция мигрантов. Сборник эффективных практик. БФ «ПСП-ФОНД». – Санкт-Петербург, 2018.
2. Воробьева И.В. Трудовые мигранты в России: проблемы занятости иностранных трудовых работников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1(20). С. 85–95. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-migranty-v-rossii-problemy-zanyatostiinostrannyh-trudovyh-rabotnikov> (дата обращения: 12.11.2024).
3. ВЦМОМ. Результаты опроса «Иммигранты в России: за и против». Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv?ysclid=lmhoie23c886677937> (дата обращения: 11.11.2024).
4. Илимбетова А.А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // Вестник Института экономики Российской академии наук 2021. № 2. С. 144–155.
5. Карцева М.А., Флоринская Ю.Ф. Международные мигранты на российском рынке труда: свои среди своих? // Журнал НЭА (Новой экономической ассоциации). 2024. № 2 (63) С. 75–97.
6. Майорова М.А. Основные проблемы привлекательности Российской Федерации как места постоянной трудовой миграции для населения из ближнего и дальнего зарубежья / М.А. Майорова, М.А. Угрюмова // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 5. Режим доступа <https://esj.today/PDF/17ECVN523.pdf/> (дата обращения: 09.11.2024).
7. Мигранты в Пензенской области: контроль, законность, помощь // Пенза-Взгляд. Портал актуальных новостей. Режим доступа: https://penzavzglyad.ru/sursky_region/170565/migranty-v-penzenskoy-oblasti-kontrol-zakonnost-pomosch (дата обращения: 07.11.2024).
8. Опрос ФАДН: эксперты разошлись в оценках шумевшего опроса мигрантов об их отношении к законам // Коммерсантъ. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6251363> (дата обращения: 10.11.2024)
9. Отчет ИОМ раскрыл рекордную статистику глобальной миграции за 2024 год. Режим доступа: IslamNews: [https://islamnews.ru/2024/5/11/otchet-](https://islamnews.ru/2024/5/11/otchet-iom-raskryl-rekordnyuyu-statistiku-globalnoy-migratsii-za-2024-god)

iom-raskryl-rekordnyuyu-statistiku-globalnoy-migratsii-za-2024-god (дата обращения: 12.11.2024).

10. Социальная и культурная адаптация мигрантов, профилактика межнациональной напряженности и развитие межнационального сотрудничества в Санкт-Петербурге. Информационная брошюра для сотрудников внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург, 2017.
11. Хасаншин В. Сколько мигрантов на самом деле живет в РФ: статистика Режим доступа: <https://ura.news/news/1052840088> (дата обращения: 11.11.2024).

PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION AND INTEGRATION OF MIGRANTS INTO RUSSIAN SOCIETY

Eremina E.V.

Penza State University

Demographic changes in the structure and size of the population of Russia determine the need to fill the labor shortage through labor migration. Russia, due to the high level of employment and the ability to quickly find a job, has retained its attractiveness for foreign migrants for a long time. The overwhelming majority of foreign workers come to Russia from Central Asian countries (Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan). They are mainly young (under 40) and active people who know Russian poorly or not at all and have a poor understanding of Russian traditions and culture. According to the results of some studies, more than 40% of migrants prefer Sharia to secular Russian legislation. This is why the problem of socio-cultural adaptation and integration of labor migrants into Russian society is so urgent at present. Successful socio-cultural adaptation of migrants, their acceptance of the norms and values of Russian society, contributes to a change in their worldview and life strategies, provides many advantages that facilitate the process of their integration into a new society and improve the quality of their lives.

Keywords: integration, adaptation, migrants, state migration policy.

References

1. Adaptation and integration of migrants. Collection of effective practices. Charitable Foundation "PSP-FUND". – St. Petersburg, 2018.
2. Vorobyova I.V. Labor migrants in Russia: problems of employment of foreign labor workers // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Philosophy. Sociology. Art Criticism". 2020. No. 1 (20). P. 85–95. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-migranty-v-rossii-problemy-zanyatostiinostrannyh-trudovyh-rabotnikov> (date of access: 11/12/2024).
3. All-Russian Center for Migrant Workers. Results of the survey "Immigrants in Russia: Pros and Cons". Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv?ysclid=lmhoie23c886677937> (date of access: 11.11.2024).
4. Ilimbetova A.A. Adaptation and integration of migrants: conditions, goals, approaches // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences 2021. No. 2. P. 144–155.
5. Kartseva M.A., Florinskaya Yu.F. International migrants in the Russian labor market: our own among our own? // Journal of the NEA (New Economic Association). 2024. No. 2 (63) P. 75–97.
6. Mayorova M.A. The Main Problems of the Attractiveness of the Russian Federation as a Place of Permanent Labor Migration for the Population from Near and Far Abroad / M.A. Mayorova, M.A. Ugryumova // Bulletin of Eurasian Science. 2023. Vol. 15. No. 5. Access mode <https://esj.today/PDF/17ECVN523.pdf/> (date of access: 09.11.2024).
7. Migrants in the Penza Region: Control, Legality, Assistance // Penza-Vzglyad. Portal of Current News. Access mode: https://penzavzglyad.ru/sursky_region/170565/migranty-v-penzenskoy-oblasti-kontrol-zakonnost-pomosch (date of access: 07.11.2024).
8. FADN survey: Experts disagree on the controversial survey of migrants about their attitudes towards the laws // Kommersant. Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/6251363> (date of access: 11/10/2024).

9. IOM report reveals record statistics on global migration for 2024. Access mode: IslamNews: <https://islamnews.ru/2024/5/11/otchet-iom-raskryl-rekordnuyu-statistiku-globalnoy-migratsii-za-2024-god> (date of access: 11/12/2024).
10. Social and cultural adaptation of migrants, prevention of interethnic tension and development of interethnic cooperation in St. Petersburg. Information brochure for employees of intracity municipalities of St. Petersburg. Saint Petersburg, 2017.
11. Khasanshin V. How many migrants actually live in the Russian Federation: statistics Access mode: <https://ura.news/news/1052840088> (date of access: 11.11.2024).

Доверие к СМИ. Модель функционирования

Измеров Антон Анатольевич,
аспирант ВШСН МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: antonizm@inbox.ru

Анализируется сложный современный социальный феномен «доверие к СМИ», его сущность, структурные элементы и механизм функционирования. В статье рассматриваются различные подходы к исследованию доверия к СМИ. В ходе данного исследования автором предлагается универсальная модель формирования доверия к средствам массовой информации. В данной модели доверие рассматривается в качестве социального взаимодействия между двумя сторонами – массовой аудиторией и средствами массовой информации. При этом общее (системное) доверие к СМИ формируется за счет внутренних структурных элементов, с которыми аудитория может вступать в доверительные отношения. Результаты данного исследования направлены не только на поддержание академической дискуссии о доверии, развитии и функционировании СМИ, но и на более эффективное взаимодействие органов государственного управления с средствами массовой информации.

Ключевые слова: доверие, СМИ, доверие к СМИ, информация, журналистика.

В эпоху глобализации и развития информационных технологий СМИ оказывают огромное воздействие на формирование картины мира социальных субъектов. Говоря о СМИ в качестве «четвертой власти» [5], воздействуя на массовую аудиторию и являясь объектом ее доверия, они сами становятся одним из механизмов формирования обобщенного доверия.

Доверие к СМИ играет важную роль для общества, позволяя ему быть в курсе событий, нивелируя серьезное воздействие значительного информационного потока. Средства массовой информации способствуют выполнению одной из основных предпосылок демократии, а именно принятию решений на основе достоверной информации. На сегодняшний день существует прямая зависимость устойчивости функционирования СМИ от уровня оказываемого доверия аудиторией.

Ю.А. Левада отмечал, что «категория «доверие» обозначает самое общее, а потому и самое неопределенное, позитивное отношение человека к социальным феноменам разного рода. Различные виды и степени доверия как бы определяют собственные координаты человека в этом мире (в таком определении участвуют и отрицательные значения переменной, т.е. недоверие, сомнение, отрицание)» [3]. Э. Гидденс определяет доверие как «уверенность в надежности человека или системы в отношении данного набора результатов или событий, когда эта уверенность выражает веру в честность, любовь другого человека или в правильность абстрактных принципов (технические знания)» [10].

Однако в ранних коммуникационных исследованиях больше уделялось такому понятию, как «достоверность». С 1946 г. под руководством Карла Ховланда [11] в Йельском университете проводились исследования коммуникационного процесса. Главной задачей исследования было выяснить, каким образом определенные характеристики коммуникатора, такие как опыт, аргументация и т.д., влияют на оценку аудиторией его достоверности. Во время своей работы Ховланд и его коллеги обнаружили существование так называемого «спящего эффекта», заключавшегося в том, что спустя несколько недель после публикации сообщения, получатели помнили его содержание, но не могли вспомнить, из какого источника оно было получено. Результатом этого стало то, что новости из недостоверных источников, которые не оказали никакого влияния на респондентов сразу после приема, вполне могли оказать еще большее влияние через некоторое время.

Данное исследование подтолкнуло к формированию различных подходов. Один из них – это факторный подход [8] к достоверности, который постулирует, что достоверность возникает тогда, когда источнику приписываются определенные свойства (факторы). При этом, прежде всего, опыт коммуникатора, его надежность и симпатия являются ключевыми. Вторым стал подход, посвященный исследованиям доверия к СМИ.

Доверие к СМИ относится к категории институционального доверия. А. Луманн под институциональным доверием «понимает доверие не по отношению к действиям, мотивам и убеждениям людей. Место доверия взглядам и убеждениям человека занимает вера в основную идею института. Вместо доверия мотивам человека выступает доверие по отношению к процедурам, методам работы института. Наблюдение и контроль

за действиями человека сменяются наблюдением за результатами работы института и механизмами контроля его функционирования» [13]. Субъектами доверия могут быть индивид, группа, общество, организация. Объектами доверия выступают: СМИ, их продукты и процессы деятельности, профессиональные роли.

Исследуя доверие/недоверие к социальным и социотехническим системам, А.Б. Купрейченко [1] выделяет основные структурные элементы «организационного доверия»:

- доверие/недоверие принципам и правилам функционирования организации – формирует общее позитивное или негативное отношение. Происходит оценка полезности и эффективности организации;
- доверие/недоверие отдельным функциональным узлам – отражает уровень доверия в зависимости от организационной структуры организации. Позволяет выявлять наиболее «сильные» и «слабые» ее элементы;
- доверие/недоверие различным категориям людей, обеспечивающим функционирование организации (создателям, организаторам, модераторам системы и другим заинтересованным сторонам);
- доверие/недоверие себе как профессионалу или пользователю;
- доверие/недоверие условиям функционирования организации.

При этом в качестве базиса доверия организации выступают личностные и социально-групповые факторы, к которым относятся: базовое доверие себе, другим людям и миру в целом. Значительную роль при этом играет общий уровень культуры доверия общества.

Говоря о социальном институте, автор обращает внимание, что одной из его особенностей является порядок взаимодействия с ним, так как коммуникация происходит одновременно на межличностном и межгрупповом уровне, при этом существуют различные связи внутри организации. В таком случае доверие опирается на различные основания:

- система правил и норм функционирования социального института;
- иерархические уровни института;
- организации, осуществляющие деятельность социального института;
- люди (отдельные персоналии или группы), создавшие, регулирующие, осуществляющие или контролирующие деятельность института;

Данные основания могут быть сопоставлены определенными критериями, отражающим уровень доверия:

- надежность (качественное выполнение своих функций);
- единство (имеются общие цели и ценности с субъектом взаимодействия);
- предсказуемость (соответствие ожидаемым результатам его деятельности);
- приязнь (позитивная оценка субъектом деятельности института);
- расчет (осознание субъектом выгоды от дальнейшего взаимодействия).

Помня о том, что доверие так же зависит от занимаемого субъектом статуса и его отношения к институту, следует выделить основания, детерминирующие уровень его доверия. Основными из них являются:

- характер и уровень вовлеченности субъекта в функционирование института;
- степень информированности о деятельности института;
- значимость института в жизни субъекта взаимодействия;

- наличие (отсутствие) у субъекта возможности оказывать влияние на деятельность института.

Б. Блюбаум в своей работе «Доверие и журналистика в цифровой среде» [9] так же считает, что исследования доверия к СМИ должны учитывать различные элементы, участвующие в этом процессе. Концептуальная модель должна учитывать внутреннюю структуру журналистики и многочисленные предпосылки со стороны субъектов и объектов доверия. Доверие к СМИ у Б. Блюбаума включает в себя следующие основания.

1. Доверие организациям средств массовой информации;

2. Доверие журналистам;

3. Доверие продуктам журналистской деятельности.

И. Якобс [12] так же систематизирует различные уровни, на которые опирается доверие средствам массовой информации. Доверие к СМИ у И. Якобс включает в себя:

- доверие к СМИ, как общественному институту и, следовательно, к системе СМИ в целом, доверие основным средствам массовой информации;
- доверие к определенному типу СМИ (телевидение, радио, печать и т.д.);
- доверие к конкретному информационному агентству;
- доверие различным жанрам продуктов СМИ.

Опираясь на рассмотренные теоретические подходы к исследованию феномена «доверие» и используя коммуникационную модель Г. Лассуэлла, предлагается следующая универсальная модель формирования доверия средствам массовой информации (рис. 1). В данной модели доверие рассматривается в качестве социального взаимодействия между двумя сторонами – массовой аудиторией и средствами массовой информации. При этом общее (системное) доверие СМИ формируется за счет внутренних структурных элементов, с которыми аудитория так же может вступать в доверительное отношение. К этим элементам мы относим:

- доверие источнику информации (типу СМИ);
- доверие конкретному представителю СМИ (агентству, журналисту, ведущему и т.д.);
- доверие информации (продуктам СМИ).

Под доверием к источнику информации в данной модели подразумевается отношение аудитории к определенному типу СМИ, используемому конкретный канал распространения информации: телевидению, радио, печати и источникам в сети интернет. Анализ проводимых исследований [7] в данной области указывает на то, что на сегодняшний день наибольшее доверие аудитория оказывает телевидению. На втором месте по предпочтению у потребителей находятся источники информации в сети интернет. Замыкают тройку лидеров в качестве источников – пресса и радио.

Доверие к конкретному представителю СМИ включает в себя следующие элементы:

- доверие информационному агентству, издательству, каналу;
- доверие определенной редакции в зависимости от тематической направленности освещаемой информации (политика, экономика, спорт, наука и т.д.);
- доверие конкретному журналисту (М. Симоньян, Е. Поддубный и др.).

Данный вид доверия основан, в первую очередь, на профессиональном аспекте журналистской деятельности, заключающийся не только в личных качествах сотрудников, таких как внешний вид, голос, интонация, стиль письма и др., но и от соблюдения норм, правил и ценностей журналистики. Одним из важнейших пока-

зателей, отражающих отношение аудитории, является репутация (агентства, издательства, журналиста).

Репутация СМИ [6] складывается из позиции, содержания информации и целевой аудитории, а также опирается на принципы журналистской деятельности [4]: правду, свободу, солидарность, порядок и сплоченность.

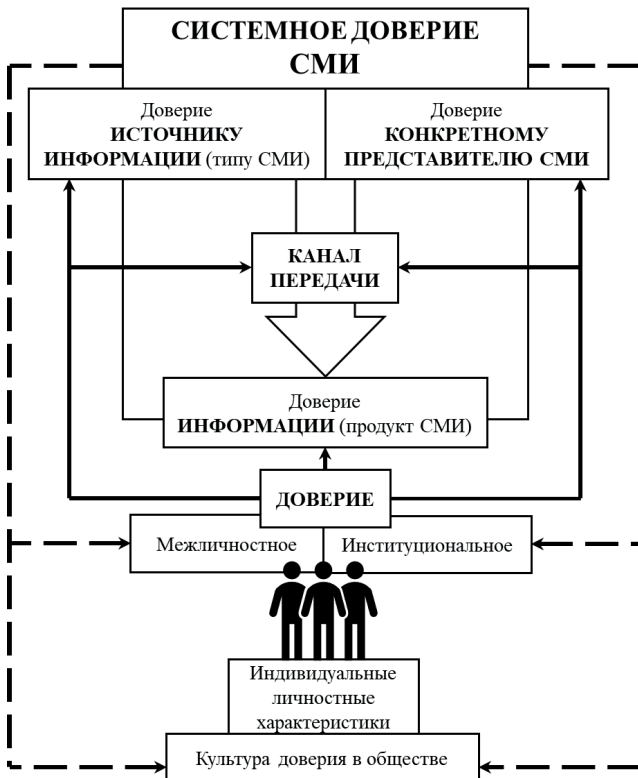

Рис. 1. Универсальная модель доверия к СМИ

Правда в современной журналистике чаще всего ассоциируется с объективной, надежной, проверяемой информацией, имеющей нейтральную оценку и опирающейся на различные источники. Д. МакКуэйл распределяет критерии правды на две группы [4]: характеристики содержания и характеристики деятельности журналиста. Критерии содержания опираются на точность, надежность, правдоподобие, сбалансированность, усвояемость и уместность информации. К критериям журналистской деятельности относятся честность, подлинность, достоверность, личная правда, смелость, прозрачность.

Свобода выступает одним из основополагающих принципов, который опираясь на конкретные условия (независимость и доступность каналов, разнообразие содержания), приводит к критическому подходу, оригинальности содержания и надежности информации.

Солидарность отражает стремление к социальному равенству, основанному на приверженности национальным, групповым и личностным интересам.

Порядок и сплоченность характеризуют единство общества. Уважение существующих в обществе культурных ценностей, недопущение оскорбления нравственности и чувств аудитории – направленно на поддержание существующего социального порядка.

Рассматривая доверие к информации в общем в нашей модели, мы согласны с пониманием этого феномена А.Б. Купрейченко [2], определяющей его как отношение, включающее интерес к информации, представление о потребностях, которые могут быть удовлетворены в результате использования данной информации, эмоции от предвкушения их удовлетворения, что сопровождается ее положительными эмоциональными оценками и готовностью использовать данную информацию в своей деятельности.

Взаимодействуя со СМИ, человек получает информацию о событиях или явлениях, выходящих за рамки его собственного опыта. Опираясь на актуальную информацию, предоставляющую факты о текущей обстановке, человек принимает определенные решения. Доверие, возникающее в процессе данного взаимодействия, так или иначе, связано с риском аудитории быть подвергнутой манипулятивным воздействиям. Неспособность контролировать предоставляемую информацию, часто подвергает потребителя неопределенности, независимо от того, имеет ли она (информация) отношение к немедленным действиям или оказывает влияние на дальнейшее взаимодействие. В некоторых случаях предоставляемая информация может носить ложный характер. Величина риска и уровень уязвимости потребителя варьируются в зависимости от последствий его дальнейших действий (или его решения воздержаться от потенциального действия).

«Аудитория доверяет средствам массовой информации в том случае, если они отбирают релевантные факты и позиции из публичных дискурсов и представляют их без предвзятости и искажений. Аудитория способна доверять СМИ в той мере, в какой разделяет убеждение, что решения, принимаемые журналистами, могут соответствовать критериям актуальности и достоверности» [14].

Отсюда можно сделать вывод, что доверие к продуктам СМИ – доверие к их способности правильно использовать информацию, отбирая и предоставляя актуальные сведения в понятной для аудитории форме. Основными предпосылками в данном случае служат:

- правовая основа журналистской деятельности;
- независимость деятельности СМИ от частных или корпоративных интересов;
- готовность и открытость источников предоставлять информацию СМИ;
- соответствие социальным и профессиональным нормам и ценностям.

Говоря о доверии, необходимо добавить некоторую функциональную особенность СМИ. Предоставляя актуальную и достоверную информацию аудитории, средства массовой информации становятся негласными регуляторами общественного доверия на всех уровнях.

Освещая позитивные или негативные аспекты деятельности определенных социальных институтов и их представителей, СМИ способствуют повышению или снижению уровня доверия к ним. В связи с этим становится очевидным, что доверие к средствам массовой информации становится предпосылкой к доверию через средства массовой информации. Непрерывность информационного «производства» приводит к тому, что доверие никогда не будет иметь статичный характер. Постоянное взаимодействие аудитории и СМИ превращает доверие в некий процесс, зависящий от его участников.

Механизм формирования доверия через СМИ предлагается рассмотреть на схеме, представленной ниже (рис. 2).

Таким образом можно с уверенностью сказать, что феномен доверия аудитории к СМИ имеет более сложную структуру, чем кажется на первый взгляд. Функционируя на различных уровнях социального взаимодействия, доверие не только отражает отношение отдельных личностей и общества в целом к институту СМИ, но и трансформируется в ту движущую силу, которая начинает формировать доверие к другим социальным институтам, а также культуру доверия общества в целом. Понимание функционирования данного механизма, позволяет сделать вывод, что доверие к СМИ в контексте государственного управления непосредственно вплетено не только в отношении общества к государству в це-

лом, но и к отдельным органам государственной власти с конкретными представителями. Такой характер взаимодействия оказывает влияние на доверие к институтам государственного управления и эффективности их функционирования.

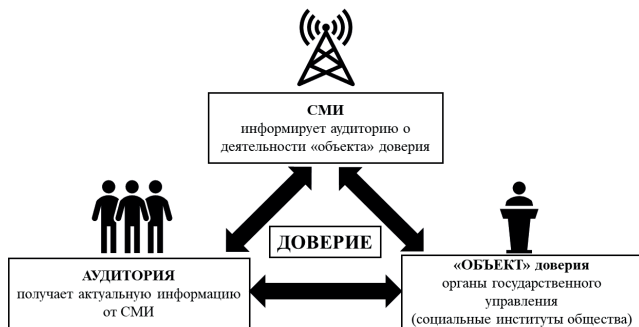

Рис. 2. Механизм формирования доверия через СМИ

Литература

1. Купрейченко, А.Б. Доверие и недоверие к социальным институтам и социотехническим системам: постановка проблемы и обоснование подхода к исследованию / А.Б. Купрейченко // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. – С. 425–455.
2. Купрейченко, А.Б. Медиадоверие как интегрированный социально-психологический феномен / А.Б. Купрейченко, Е.В. Шляхова // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 1. – С. 191–196.
3. Левада, Ю.А. Факторы и фантомы общественного доверия (постэлекторальные размышления / Ю.А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1996. – № 5. – С. 7–12.
4. МакКуэйл, Дэнис (1935). Журналистика и общество: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки ВПО 030601 «Журналистика» для ГОС-2 и направлению подготовки ВПО 031300 «Журналистика» для ФГОС / Дэнис МакКуэйл; [пер. с англ. М.Ю. Полевой]. – Москва: МедиаМир, 2013. С. – 362.
5. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики. Учебник / Е.П. Прохоров. – Москва: Аспект Пресс, 2011. – 351 с.
6. Тулупов, В.В. Репутация СМИ и доверие к журналистике / В.В. Тулупов // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 8. – С. 48–51.
7. ФОМ: Источники информации. Телевидение: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14688>.
8. Berlo, D.K., Lemert, J.B., & Mertz, R.J. (1969). Dimensions for Evaluating the Acceptability of Message Sources. The Public Opinion Quarterly, 33(4), С. 563–576.
9. Blubaum B. Trust and Journalism in digital environment // Reuters Institute for the study of Journalism. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk>.
10. Giddens, A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
11. Hovland, Carl Iver. Communication and persuasion: Psychol. studies of opinion change / By Carl I. Hovland, Irving L. Janis a. Harold H. Kelly. – 8. print. – New Haven; London: Yale univ. press, 1964. – XII, 315 с.
12. Jakobs, Ilka. (2018). Trust in Media. An Experimental Study on Different Levels of Trust in Media. https://www.researchgate.net/publication/327720046_Trust_in_Media_An_Experimental_Study_on_Different_Levels_of_Trust_in_Media

researchgate.net/publication/327720046_Trust_in_Media_An_Experimental_Study_on_Different_Levels_of_Trust_in_Media

13. Luhmann A. Trust and Power / A.Luhmann. – NY: Wiley, 1980.
14. Müller, J. (2013). Mechanisms of Trust: News Media in Democratic and Authoritarian Regimes. Frankfurt: Campus Verlag.

TRUST IN THE MEDIA. THE FUNCTIONING MODEL

Izmerov A.A.

HSSMS M.V. Lomonosov MSU

This paper analyzes the complex modern social phenomenon of «trust in the media», its essence, structural elements and mechanism of functioning. The article discusses various approaches to the study of trust in the media. In the course of this study, the author proposes a universal model for building trust in the media. In this model, trust is considered as a social interaction between two parties – the mass audience and the media. At the same time, the general (systemic) trust in the media is formed due to internal structural elements with which the audience can enter into a trusting relationship. The results of this study are aimed not only at maintaining an academic discussion about the trust, development and functioning of the media, but also at more effective interaction between government agencies and the media.

Keywords: Trust, media, trust in the media, information, journalism.

References

1. Kuprechenko, A.B. Trust and distrust in social institutions and sociotechnical systems: problem statement and justification of the approach to research / A.B. Kuprechenko // Trust and distrust in the context of the development of civil society. – Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2013. – pp. 425–455.
2. Kuprechenko, A.B. Media trust as an integrated socio-psychological phenomenon / A.B. Kuprechenko, E.V. Shlyakhovaya // Knowledge. Understanding. Ability. – 2013. – No. 1. – pp. 191–196.
3. Levada, Yu.A. Factors and phantoms of public trust (post-electoral reflections / Yu.A. Levada // Monitoring of public opinion: economic and social transformations. – 1996. – No. 5. – pp. 7–12.
4. McQuail, Denis (1935). Journalism and society: a textbook for students of higher educational institutions studying in the field of higher education 030600 «Journalism» and specialty 030601 «Journalism» for GOS-2 and the field of higher education 031300 «Journalism» for FGOS / Denis McQuail; [trans. from the English M.Y. Polevoy]. – Moscow: MediaMir, 2013. p. 362.
5. Prokhorov, E.P. Introduction to the theory of journalism. Textbook / E.P. Prokhorov. – Moscow: Aspect Press, 2011. – 351 p.
6. Tulupov, V.V. Reputation of the media and trust in journalism / V.V. Tulupov // Socio-humanitarian knowledge. – 2019. – No. 8. – pp. 48–51.
7. FOM: Sources of information. Television: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14688>.
8. Berlo, D.K., Lemert, J.B., & Mertz, R.J. (1969). Dimensions for Evaluating the Acceptability of Message Sources. The Public Opinion Quarterly, 33(4), С. 563–576.
9. Blubaum B. Trust and Journalism in digital environment // Reuters Institute for the study of Journalism. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk>.
10. Giddens, A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
11. Hovland, Carl Iver. Communication and persuasion: Psychol. studies of opinion change / By Carl I. Hovland, Irving L. Janis a. Harold H. Kelly. – 8. print. – New Haven; London: Yale univ. press, 1964. – XII, 315 с.
12. Jakobs, Ilka. (2018). Trust in Media. An Experimental Study on Different Levels of Trust in Media. https://www.researchgate.net/publication/327720046_Trust_in_Media_An_Experimental_Study_on_Different_Levels_of_Trust_in_Media
13. Luhmann A. Trust and Power / A. Luhmann. – NY: Wiley, 1980.
14. Müller, J. (2013). Mechanisms of Trust: News Media in Democratic and Authoritarian Regimes. Frankfurt: Campus Verlag.

Метисы Республики Хакасия (по материалам экспертного опроса)

Канзычакова Надежда Германовна,

научный сотрудник ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»
E-mail: kanzychakova.nadia@yandex.ru

В статье рассматривается проблема метисации населения в Республике Хакасия по материалам экспертного опроса. В настоящее время растет количество метисов в национальных регионах Российской Федерации. Наше исследование основывалось на том, что проводились различные исследования факторов метисации населения в регионах России, но исследования метисов Республики Хакасия отсутствуют. Изменение этнической идентичности людей рожденных в смешанных, межэтнических браках из-за увеличения количества метисов, что приводит в свою очередь к риску потери хакасского языка, традиций, культуры, ценностей хакасов. В статье приведены результаты экспертного опроса. Исследование проводилось в 2023 г. в Абакане. В состав экспертов вошли представители научных сообществ республики, органов власти и региональных СМИ. Поиск интервьюируемых осуществлялся методом «снежного кома» и на данных официальной статистики. В Республике Хакасия в последнее десятилетие произошел рост количества метисов и снижение численность коренного этноса. Связано это с изменением национального состава населения, урбанизацией, миграцией населения. На основании полученной информации можно сказать, что в республике уменьшилась численность представителей коренного населения, произошел рост межэтнических браков, существует риск потери хакасского языка, необходимо искать новые маркеры этнической идентичности.

Ключевые слова: метисация населения, метисы, Республика Хакасия, межэтнические браки, этническая идентичность.

Введение

Взаимодействие малочисленного этноса с многочисленным приводит к тому, что происходит изменение этнического состава населения за счет межэтнических браков, а те в свою очередь приводят к появлению такого явления как метисация. В настоящее время растет количество метисов в национальных регионах Российской Федерации, что несомненно влияет на этносоциальные процессы [7, с. 103].

Ключевым понятием в нашей работе является понятие «метис», метисами называют людей рожденных в смешанных, межэтнических браках.

Зачастую метисы имеют этнические признаки меньшего из двух контактирующих этносов, метисы по самосознанию относят себя к меньшему из двух этносов, то по языковым, культурным характеристикам чаще приближаются к многочисленному этносу [8, с. 5]. Заметны процессы метисации населения в поликультурных регионах. В Российской Федерации субъекты образованы по территориальному признаку и этническому признаку. В тех регионах, которые образованы по территориальному признаку, национальный состав не имеет значения, а в субъектах, созданных по этническому признаку, есть «титовая нация», которая и определяет название региона. Следует отметить, что бывают регионы, в которых титульный этнос преобладает по численности населения, а есть, в которых титульный этнос в меньшинстве [2, с. 33].

Если подробнее рассмотреть субъекты Сибирского федерального округа, а именно Республика Алтай, Республика Тыва и Республика Хакасия, то мы видим, что в Тыве титульный этнос республики составляет 82,6% от общей численности населения, в Республике Алтай 33,9%, а в Хакасии 12,7%.

Таким образом, представителей титульного этноса Республики Хакасия хакасы представлены наименьшей степени по сравнению с другими республиками.

Согласно Всероссийской переписи населения 2020 года видны существенные изменения в национальном составе населения республики. Если сравнить с результатами Всероссийской переписи населения 2010 года то, что общая численность хакасов, которые проживают в Республике Хакасия, уменьшилась на 13,4% (с 63,6 тыс. чел. до 55,1 тыс. чел.) [11, с. 12].

В своих исследованиях С.И. Григорьев и О.В. Даровских рассматривают модели этносоциального поведения метисов. Они указывают, что существуют следующие модели самоидентификации: моноэтническая, самоидентификация в качестве метиса и не определившихся по этническому признаку. В каждой модели существуют свои стратегии этносоциального поведения, например, в моноэтнической модели дети, рожденные в межэтническом браке примыкают к доминирующей группе, другая стратегия заключается в том, что сливаются с малочисленным этносом. Кто себя определил метисом, то у них также присутствуют свои стратегии: они считают себя своим в обоих этносах или позиционируют себя именно только как «метис», как отдельную этническую группу. А также есть те, которые не могут определить себя кто они, к какому этносу себя отнести, те, которые не определились [3, с. 34–35].

Все вышеуказанное может свидетельствовать о том, что есть неблагоприятная тенденция, характеризующая динамику этносоциальных процессов, миграционных и демографических процессов. Учеными рассматриваются вопросы этнической идентичности, процессов межнациональных отношений и проблемы метисации населения. В нашей статье мы попытаемся рассмотреть процессы метисации в республике.

Материалы и методы

Работа построена на результатах интервью экспертов, направленного на изучение проблемы метисация населения Республики Хакасия. Данное исследование проводилось в рамках проекта «Метисация населения как один из ключевых трендов этноэволюционных процессов Хакасии» (грант РФ № 23–28–10040), руководитель – Е.Е. Тиникова. В настоящей статье используются данные опроса. Для поиска респондентов использовался метод «снежного кома». Было опрошено десять экспертов. Выбранный метод исследования позволил нам провести с экспертами беседу по выбранной тематике. Гайд интервью с экспертами состоял из двух блоков: общая оценка процессов метисации в республике и о жизненных стратегиях метисов. В экспертный состав вошли научные работники Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории и Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, представители органов власти республики и сотрудники региональных СМИ. Принявшие участие в опросе эксперты занимаются проблемами межэтнических отношений в республике.

Результаты. Обсуждение

В республике наблюдается изменение этнического состава населения, а именно произошел рост представителей тувинского этноса. По данным ВПН-2010 в республике проживало 936 тувинцев, а в 2020 численность тувинцев достигла 2051 чел. [5, 2010], [6, 2020]. Такой рост представителей тувинского этноса не могли не заметить и наши эксперты. Эксперты отмечают, что жители Республики Тыва массово покупают квартиры в новостройках и в Абакане есть целые районы, где преимущественно проживают тувинцы, а также большая часть тувинского этноса трудоустраиваются в сфере здравоохранения «как правило, приезжающие сюда тувинцы люди с социальным багажом. Это люди с высшим образованием или приезжают в Абакан учиться и потом здесь остаются. Также много тувинцев в медицине» (Э 1). Кроме этого, эксперты считают, что рост миграции тувинцев в Хакасию связан с безопасностью «тувинец, работающий врачом в скорой помощи приехал в Абакан из-за потребности в безопасности. Он рассказывает, что каждый выезжаю ночью на вызов, боялся, что на него могут напасть» (Э 6). Также одной из причин, которую отметили эксперты является клановость в Тыве «в Республике Тыва очень сильно развита клановость и сложно построить карьеру» (Э 3). В целом, у экспертов вызывает тревога низкая численность хакасов «в отличие от тувинцев, которые составляют большинство населения своей республики и в связи, с чем спокойны, а также алтайцев, которые представляют треть населения в республике и поэтому сохраняющие себя как субъекты, хакасы испытывают на себе стресс меньшинства, уязвимость. Что это такая межэтническая капитуляция перед всеми миграционными процессами и мы вот так мощно демонстрируем это, в том числе и через межэтнические браки» (Э 1).

Несомненно, процесс метисации связан в первую очередь с процессами миграции и заключения междуна-

циональных браков. По данным В.П. Кривоногова среди городского населения, в соответствии проведенного опроса в 2008–2009 гг. по 5-ти %-ной выборке в городах республики 28,3% смешанных семей, а в селах 26,3% (по данным хозяйственных книг). Следует также отметить среди женатых мужчин в селах имеют жен другого этноса 19,3%, а в городах 20,6%. Если рассматривать женщин, то отличие существеннее – 19,5% замужних женщин имеют мужей другой национальности в селах и 26,2% в городе соответственно [8, с. 12].

Мы спросили у наших экспертов о межнациональных браках. «это больше у нас такая форма защиты, нежели мы не хотим, чтобы были межэтнические браки» (Э 6). Это свидетельствует о том, что присутствуют защитные механизмы сохранения этноса, идентичности хакасов. Эксперты указали «раньше была установка, что, если ты хакас, то должен жениться на хакаске, то сейчас такого нет» (Э 5), «произошло привыкание к смешанным бракам, обыденность» (Э 9).

Кроме этого эксперты отметили больше смешанных браков среди мужчин хакасов «был такой социальный миф. Карьеру могут построить мужчины, если жена будет не хакасской и было крайне редко, когда была жена хакаска и человек мог сделать хорошую карьеру» (Э 1), то сейчас наоборот женщины хакасские больше вступают в брак с представителями русского этноса «сейчас чаще вступают в брак между женщинами хакасскими и русскими мужчинами» (Э 1).

Больше всего хакасы вступают в брак с представителями русского этноса, что неудивительно, так как преимущественно в республике проживает русское население, но вместе с тем, наблюдаются браки и с представителями тюркоязычного населения (тувинцы, шорцы, алтайцы), но и других национальностей (буряты, калмыки и др.), а также с представителями Средней Азии «в основном заключают браки с русскими, но есть и браки с тувинцами и с народами Средней Азии» (Э 9).

По данным нашего исследования 75,9% метисов, которые приняли участие в нашем исследовании это потомки от браков между хакасами и русскими, 19,6% потомки от браков между хакасами и представителями других национальностей и 3,5% метисов затруднились с ответом.

Род у тюркских народов является этносоциальным институтом, который действует в отношении каждого индивида и всего этноса в целом, структурой жизненного пространства человека и народа [4, с. 346].

Как правило, при встрече хакасы задают вопрос о том, к какому роду принадлежат: «Хайдаг сѳѳк?», «Хайдаг сѳѳктен сыхказың?» («Какой род?», «Из какого рода?»). У хакасов обязательным считалось, что нужно знать своих предков и свою родословную семьи до седьмого колена и об этом не раз отмечали эксперты «спрашивают всегда с какого рода ты?» (Э 2), «у нас всегда было то, что смотрели на род. Какие были болезни, какой характер, смотрели с какого рода, с какой деревни» (Э 9). Также каждый хакасский род в прошлом имел свою священную гору [1, с. 240]. Кроме этого, в последнее время активизировалась практика поклонения духом гор не только шаманов, но и хакасских родов. Обряды поклонения родовой горе обычно проходят у таких гор, как Борус, Уйтаг, Сундуки, Самохвал и другие [10, с. 127].

Понятие рода в традиционном понимании у хакасов представляло собой кровнородственный союз, ведущий происхождению от общего предка – как правило, по мужской линии [9, с. 39]. Родовая принадлежность у хакасов, как и у всех тюркских народов, определяется по отцовской линии и всегда патрилинейная «традиционно опре-

деляются по отцу к какому роду относишься и какого ты этноса». (Э 6). Каждый хакас по своему рождению принадлежит к определенному роду, то и метис унаследует род своего отца и будет продолжателем рода.

Экспертам было предложено дать оценку: в результате заключения межнациональных браков появляются дети, то каково отношение к ним со стороны родственников с той и другой стороны? Кем считают таких детей? Эксперты отметили все дети, рожденные в таких браках воспринимаются родственниками положительно, всех детей считают хакасами «мы всегда рады принимать детей, рожденных в смешанных браках. Они наши» (Э 6), «мы считаем их хакасами. Родственные связи у хакасов крепче» (Э 9).

Дети, рожденные в смешанных межэтнических браках могут: сохранить этническую идентичность и считать себя хакасами; сохранить культуру обоих родителей и иметь двойственное самосознание; или появляться новый этнос – метис.

По результатам нашего исследования сами же дети, рожденные в смешанных межэтнических браках больше считают себя хакасами 34,6%, метисами 33,6% и указывают, что у них двойственное самосознание 16,8%.

Далее в рамках нашего интервью с экспертами обсудили, что важно передать детям из смешанных семей в плане социокультурного капитала. Ответы были связаны с ценностью языка, семьи, традиций и конечно же культуры хакасов «уважение к старшим, уважение к родителям и все это реализуется через язык, культуру и обычаи народа. Это все хорошо прописано в книге В.М. Торосова «О Хакасии, хакасах и кодексе чести хакасов» и привели пример хакасской пословицы о важности языка «сколько языков знаешь, столько у тебя ума (Ханча көп тіл пілзең, анча хыйға сағыстығ поларзың)» (Э 2).

Следующий момент, который оценивали эксперты был связан со знанием языка и все эксперты отметили, что существует риск исчезновения языка в ближайшее десятилетие «к большому сожалению, теряем язык» (Э 5), «сейчас многие называют своих детей хакасскими именами, носят национальную одежду, но не знают хакасского языка» (Э 8), «одна из бед современности – потеря языка. Для языка важна среда, к сожалению, у нас в республике среда пропадает» (Э 10), «лет через 15 язык пропадет, а культура останется» (Э 5).

В 2002 году численность людей, которые владеют проживают в Хакасии и владеют хакасским языком, составляла 46,6 тыс. чел, а в 2010 г. составляло 38,9 тыс. чел., то в 2020 г. лиц, владеющих хакасским языком всего 27,3 тыс. чел. [11, с. 15]. Итоги нашего исследования показали, что: 20,3% метисов свободно говорят, пишут, читают на хакасском языке; 21,2% понимают хакасский язык, но не говорят на нем; 11,6% могут объясняться на хакасском языке на бытовом уровне и 43,3% метисов не разговаривают и не понимают хакасскую речь. На основании полученных данных можно предположить о том, что действительно есть риск потери языка.

Наши эксперты из органов власти рассказали какие существуют программы по сохранению хакасского языка «наша задача как власти должным образом финансировать инициативы, особенно со стороны молодежи, направленные на сбережение хакасского языка. Также государственная языковая политика выражается в виде реализации федеральных государственных образовательных стандартов, по родным языкам, в том числе и хакасскому» (Э 4). Эксперты также отметили о сильном влиянии интернета и телевидения «дают о себе знать интернет, телефон, телевидение и все это сказывается на знании языка» (Э 9). Кроме того, эксперты счи-

тают «в условиях снижения количества людей, владеющих хакасским языком и знающих культуру хакасов, то происходит ассимиляция хакасского народа. И чтобы этот процесс как-то остановить, то необходимо искать новые маркеры этнической идентичности» (Э 1). К таким маркерам можно отнести, например, возрождение хакасской интеллигенцией в 1980-е гг. и 1990-е гг. хакасских национальных праздников таких, как Тун Пайрам, Чыл Пазы и др. Данные праздники активно посещают жители и гости республики.

В заключении мы спросили у экспертов, что такое метисация населения в республике и получили следующие ответы «это объективный процесс» (Э 7), «метисация – это социальный капитал. Облик смешанного типа является заманчивым» (Э 1), «метисация – это полезно, происходит обновление крови. Особенно когда малый народ, но главное, чтобы не было потери этноса» (Э 6).

Заключение. Статистический и социологический материал по данной проблематике свидетельствует об актуальности такого явления как метисация населения. Дети, рожденные в межэтническом браке сохраняют свою этническую идентичность и считают себя хакасами, а также сохраняют культуру обоих родителей и имеют двойственное самосознание; или появился новый этнос – метис.

Выводы

На основании полученных результатов исследования можно отметить: метисация населения является естественным и неизбежным процессом, но существует риск ассимиляции народа. Сокращается число коренного населения республики, но увеличивается доля межэтнических браков, существует угроза потери хакасского языка. Для представителей региональной власти существенным моментом является увеличение мер поддержки разных мероприятий, нормативно-правовых актов, направленных на сохранение хакасского языка, культуры хакасского народа, традиций и ценностей.

Литература

1. Бурнаков В.А. Путешествие к Адам-хану: камлание хакасского шамана Туда Юктешева // Вестник НГУ. 2011. Т. 10. Вып. 3. С. 236–244.
2. Винокурова А.В. Место и роль метисации в процессе регионального этнодемографического развития (на примере Республики Хакасия): к постановке проблемы // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 12. С. 32–37.
3. Григорьев С.И., Даровских О.В. Социокультурное разнообразие метисов и некоторые аспекты реализации их жизненных возможностей в системе социальных институтов Республики Алтай начала XXI века // Уровень жизни регионов России. № 1. 2016. С. 28–38.
4. Даровских О.В. Феномен метиса в этнической структуре алтайского этноса Республики Алтай начала XXI века // Сборник материалов межрегиональной научной конференции «Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества». Горно-Алтайск. 2017. С. 344–349.
5. Итоги Всероссийской переписи населения – 2010 по Республике Хакасия // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

6. Итоги Всероссийской переписи населения – 2020 по Республике Хакасия // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 07.06.2024).
7. Канзычакова Н.Г. Этническая идентичность метисов Республики Хакасия (по материалам исследований) // Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР». 2023. С. 104–107.
8. Кривоногов В.П. Национально-смешанные браки и метисация населения у коренных малочисленных народов: монография / В.П. Кривоногов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. 308 с.
9. Лушникова О.Л. Родовые отношения в современном хакасском обществе: социологический анализ: монография / О.Л. Лушникова. Абакан: «Бригантина». 2017. 100 с.
10. Тугужекова В.Н. Традиционные обряды хакасов: традиции и современность // Новые исследования Тувы. № 4. 2011. С. 124–130.
11. Тиникова Е.Е. Этносоциальные процессы в Республике Хакасия: динамика и тенденции развития (по материалам экспертного опроса) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 11–19.

MESTIZOS OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA (BASED ON THE EXPERT SURVEY)

Kanzychakova N.G.

Khakass Research Institute for Language, Literature and History

The article studies miscegenation of the population in the Republic of Khakassia according to the materials of an expert survey. Currently, the number of mestizos in the national regions of the Russian Federation is growing. Our research was based on the fact that although various studies of the factors of miscegenation of the population in the regions of Russia were conducted, there are no studies of mestizos of the Republic of Khakassia. The change in the ethnic identity of people born in mixed interethnic marriages due to an increase in the number of mestizos leads to the risk of losing the Khakass language, traditions, culture, and values of the Khakass. The article presents the results of the expert survey. The study was conducted in 2023 in Abakan. The experts were representatives of scientific communities of the republic, government, and regional media. The search for interviewees was carried out using the “snowball” method and official statistics data. In the Republic of Khakassia in the last decade, there has been an increase in the number of mestizos and a decrease in the number of the indigenous ethnic group. This is due to the change in the national composition of the

population, urbanization, and migration of the population. Based on the information received, it can be concluded that: the number of representatives of the indigenous population has decreased in the republic; there has been an increase in interethnic marriages; there is a risk of losing the Khakass language; it is necessary to look for new markers of an ethnic identity.

Keywords: miscegenation of the population, mestizos, Republic of Khakassia, interethnic marriages, ethnic identity.

References

1. Burnakov V.A. Puteshestvie k Adam-xanu: kamlanie xakasskogo shamana Tuda Yuktshheva // Vestnik NGU. 2011. Т. 10. Вып. 3. С. 236–244.
2. Vinokurova A.V. Mesto i rol' metisacii v processe regional'nogo e'tnodemograficheskogo razvitiya (na primere Respubliki Xakasiya): k postanovke problemy // Obshhestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika. 2023. № 12. С.32–37.
3. Grigor'ev S.I., Darovskix O.V. Sociokul'turnoe raznoobrazie metisov i nekotory'e aspekty realizacii ix zhiznenny'x vozmozhnostej v sisteme social'ny'x institutov Respubliki Altaj nachala XXI veka // Uroven' zhizni regionov Rossii. № 1. 2016. С. 28–38.
4. Darovskix O.V. Fenomen metisa v e'tnicheskoj strukture altajskogo e'tnosa Respubliki Altaj nachala XXI veka // Sbornik materialov mezhtregional'noj nauchnoj konferencii «Cennostny'e orientacii molodezhi v usloviyax modernizacii sovremennogo obshhestva». Gorno-Altajsk. 2017. С. 344–349.
5. Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya – 2010 po Respublike Xakasiya // Upravlenie Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Krasnoyarskomu krayu, Respublike Xakasiya i Respublike Ty'va. URL: <https://24.rosstat.gov.ru> (data obrashheniya: 07.06.2024).
6. Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya – 2020 po Respublike Xakasiya // Upravlenie Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Krasnoyarskomu krayu, Respublike Xakasiya i Respublike Ty'va. URL: <https://24.rosstat.gov.ru> (data obrashheniya: 07.06.2024).
7. Kanzy'chakova N.G. E'tnicheskaya identichnost' metisov Respubliki Xakasiya (po materialam issledovanij) // Sbornik materialov VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny'm uchastiem «Problemy modelirovaniya social'ny'x processov: Rossiya i strany ATR». 2023. С. 104–107.
8. Krivonogov V.P. Nacional'no-smeshanny'e braki i metisaciya naseleniya u korenny'x malochislenny'x narodov: monografiya / V.P. Krivonogov. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'ny'j universitet, 2023. 308 s.
9. Lushnikova O.L. Rodovy'e otnosheniya v sovremennom xakasskom obshhestve: sociologicheskij analiz: monografiya / O.L. Lushnikova. Abakan: «Brigantina». 2017. 100 s.
10. Tuguzhekova V.N. Tradicijny'e obryady xakasov: tradicii i sovremennost' // Novy'e issledovaniya Tuvy. № 4. 2011. С. 124–130.
11. Tinikova E.E. E'tnosocial'ny'e processy v Respublike Xakasiya: dinamika i tendencii razvitiya (po materialam e'kspertnogo oprosa) // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2024. № 1. С. 11–19.

Историческая эволюция института младших командиров в Вооруженных Силах России

Кириенко Ярослав Юрьевич,

соискатель ученой степени, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: Jarik25101987@yandex.ru

В статье рассматривается историческое развитие института младших командиров в российской армии, начиная с княжеских дружин и заканчивая современным сержантским составом. Анализируется их роль в обеспечении боеготовности и дисциплины подразделений на разных исторических этапах. Особое внимание уделено изменениям в обучении и управленческих функциях младших командиров, связанных с развитием тактики и технологий ведения войны. Приводятся примеры из отечественной истории и зарубежного опыта, подчеркивающие важность института младших командиров в современных условиях.

Ключевые слова: младший командир, сержантский корпус, история армии, управленческие функции, военное образование.

Армия – одна из ведущих структурных единиц сильного государства. Если обратиться к истории, то по-настоящему великими назывались только те государства, которые имели сильнейшие на тот период времени вооруженные силы. Наличие сильной армии позволяло диктовать свои условия на геополитической арене и отстаивать свои интересы во всех сферах государственной жизни.

Армия является сложной структурой, включающей в себя большие объединения людей разных социальных слоев. И эффективность ее деятельности зависит не только от оснащенности и профессиональных навыков солдат, но и от квалификации управленческого аппарата.

Вооруженные Силы Российской Федерации – государственная военная организация, составляющая основу обороны Российской Федерации. ВС РФ предназначены для отражения направленной против страны агрессии, вооруженной защиты целостности и неприкосновенности ее территории, а также для выполнения задач в соответствии с федеральными конституционными законами, федеральными законами и международными договорами [1].

Уместно высказался по данному вопросу М. Барановский: социальная сущность военной организации (как и любой социальной организации) может быть интерпретирована через три различных феномена социальной жизни: деятельность, общность и состояние (свойство). Формальные системообразующие аспекты целесообразно рассматривать как подсистему военной организации государства, выраженную в совокупности государственных административных органов и институтов государственной власти [3, с. 362].

Содержание управления войсками сложно и многогранно, что является следствием сложности структуры войск и характера боевой и повседневной деятельности. Исходя из вышеизложенного материала, можно дать определение *управлению* в общем виде, которое послужит основой дальнейших рассуждений.

Управление представляет собой целеполагающее, организующее и регулирующее воздействие людей на собственную общественную, коллективную и групповую жизнедеятельность, осуществляемое как непосредственно (самоуправление), так и через специально созданные структуры (органы управления) [1].

Всякое управление в динамических системах с точки зрения кибернетики представляет собой особый вид деятельности органа управления, заключающийся в определении цели и способов действия объекта управления, а также в воздействии на него, необходимом для достижения цели [8]. Благодаря такому воздействию сохраняется качественная стабильность системы в условиях непрерывных изменений во внутренней и внешней среде, предотвращается ее дезорганизация и достигается желаемый результат.

Процесс управления предстает перед нами как способ упорядочения системы, т.е. приведения ее в соответствие с объективными закономерностями, действующими в данной сфере. Высшей и конечной целью такого процесса является оптимизация действий системы в це-

лом, т.е. получение возможно больших полезных результатов при наименьших усилиях и затратах материальных средств.

По своему содержанию управление есть информационный процесс, который, как правило, включает такие операции (функции) органа управления, как получение необходимой исходной информации об объекте управления и окружающей среде (информация состояния), принятие решения (переработка и преобразование информации состояния), воздействие на объект управления (посредством передачи командной информации).

Исходя из вышесказанного, под управленческой деятельностью командира понимается специфический вид социального взаимодействия, которое организует, координирует, объединяет действия подчиненных для эффективного решения стоящих перед военной организацией задач.

Объектом управленческой деятельности командира выступают командиры (начальники) воинских подразделений, служб, воинские коллективы, выполняющие совместную воинскую деятельность и нуждающиеся в организации и управлении.

Содержание управленческой деятельности определяется системой управленческих функций, которые реализуются командиром (начальником) в условиях мирного и военного времени.

Ближайшим командиром к подчиненному личному составу является младший командир – представитель сержантского состава роты. Младшие командиры делятся на военнослужащих по призыву, прошедших службу в учебных подразделениях и на военнослужащих контрактной службы, стоящих на штатных командных должностях.

Проведя статистический анализ телеграмм-каналов, освещающих ход специальной военной операции, становится очевидна важность подготовки и развития управленческих навыков младших командиров, ведь только за период с апреля по июль 2023 г. 80% награжденных военнослужащих из числа рядового и сержантского состава – являются младшими командирами, а в 73% случаев в описании подвигов встречаются такие слова, как «организовал», «скоординировал», «взял командование на себя». Это позволяет нам сказать, что именно управленческие навыки младших командиров зачастую играют решающую роль на поле боя.

Неслучайно маршал победы Г. Жуков говорил о важности младшего командного состава: «Армией командую я и сержанты» [6].

Еще одним видным военным деятелем, подчеркивавшим важность младшего командного состава был начальник Академии Генерального Штаба генерал от инфантерии А. Редигер. Он отмечал, что «часть может быть хороша, только при хорошем составе унтер-офицеров: при отсутствии же этого условия все старания высших начальников могут быть тщетны» [10].

Не менее известным военным деятелем, говорившем о важности сержантского состава, был народный комиссар обороны СССР М. Фрунзе. По его словам, младший комсостав образует ту основу, на которой зиждется все дело дисциплины, боевой спайки и боевой подготовки части [11].

Ранее выделенные высказывания указывают на важность создания и совершенствования института младших командиров. Это объективная необходимость и актуальная потребность строительства современных вооруженных сил. Не случайно эту задачу выделяет в своих трудах как одну из основных Ф. Энгельс, «является создание корпуса унтер-офицеров способных вдохнуть жизнь в новые формирования» [12].

В своей истории младшие командиры в армии имели большое количество «имен» – сержанты (латинское *servientes*, французское *serjants* или *sergents*) появлялись в самых разных обличьях. В феодальной терминологии они были вассалами ниже рыцарского статуса, владевшими частью (обычно половиной) рыцарского феода в обмен на оказанные услуги, главным образом военные, но иногда сельскохозяйственные или домашние. Вероятно, собственные слуги рыцаря, не являющиеся рыцарями, также носили звание сержанта, хотя термины *clientes* и *sateillitsales* употребляются в этом качестве. Однако летописцы также были склонны использовать термин «сержант» без разбора для всех солдат, не являющихся рыцарями, не проводя различия между солдатами феодального и нефеодального происхождения или даже между пехотой и кавалерией. Все структуры в мире, включая армию и полицию, устроены как иерархические организации, разделяющие своих членов по рангам [4, с. 105].

Первые тренды в области развития управленческого аппарата младших командиров мы видим в самой организованной армии своего времени. По мере того, как менялась роль армии, менялась и роль младшего командира. Эта постоянно развивающаяся роль превратилась не только в того, кто поддерживает дисциплину воинского формирования, но и в лидера подразделения.

К 16 г. до н.э. в римской армии при императоре Августе была создана новая должность – правая рука центуриона (командира роты). Римляне называли солдата, занимавшего эту должность, знаменосцем. Он был ответственен не только за охрану знамени и уход за ним, но и выполнял административные функции. В виде знаков различия использовались львиные или медвежьи шкуры, которые носились поверх доспехов, чтобы подчеркнуть важность своего положения. Благодаря подвигам знаменосцев, римская армия двигалась от успеха к успеху, пока, подобно всем империям, римляне не ослабели и не были завоеваны соседями. И некогда самая передовая организационно-штатная структура воинского формирования была забыта.

В 1630 г. Густав Адольф стал королем Швеции и присоединился к 30-летней войне, бушевавшей в Центральной Европе. Он быстро реорганизовал свою армию и вернул полномочия и ответственность сержантам, особенно старшинам в каждой роте. Он также ввел стандартную униформу и знаки различия, которые позволяли старшине выделяться, как это было во времена Римской империи.

Увидев, насколько хороша шведская армия, другие бросились копировать ее, и во всех успешных армиях должности сержантов сохраняются и по сей день. Как ясно продемонстрировано в приведенном выше примере, армия не может действовать без сержантов. Создавая американскую армию, генерал Джордж Вашингтон в значительной степени полагался на работы генерала барона фон Штойбена, особенно на так называемую «Синюю книгу правил». Эта «Синяя книга» охватывала большинство организационных, административных и дисциплинарных деталей, необходимых для управления Континентальной армией.

Фон Штойбен обрисовал обязанности таких младших командиров, как фельдфебель и отводил им наиболее значимую роль в воинских подразделениях. Проанализировав обязанности прусского фельдфебеля видно сходство с сегодняшними старшинами ВС РФ. Этот унтер-офицер выбирался офицерами роты. Стоя на вершине сержантской иерархии, они были ближайшими начальниками рядовым солдатам роты. С этой целью они держали гауптмана (командира роты), в курсе

всего, что происходило в роте; как сержанты они удовлетворительно выполняли свои обязанности, подготовка была проведена должным образом, и, наконец, в конце напряженного дня все солдаты были распределены по своим квартирам. Фельдфебели были единственными унтер-офицерами, которым разрешалось ударить солдата. Их задачи заключаются в справедливом ведении списка дежурных, занесении ежедневных приказов в книгу и представлении их своим офицерам, составлении утреннего отчета командиру роты по установленной форме и в то же время ознакомлении их со всеми существенными событиями, которые могли произойти в роте со времени их отсутствия.

Первыми младшими командирами в русском войске были урядники, просуществовавшие в таком виде от княжеских дружин, до стрелецкого войска.

В российской армии основоположником создания института младших командиров становится Петр I в ходе военной реформы которого, предполагалось, что наша армия возьмет лучшие черты сильнейших армий Европы того периода. Именно в эту эпоху на сержантов возлагаются обязанности не только по управлению, но и по обучению личного состава. Формируется категория унтер-офицеров, которая просуществует вплоть до 1917 г.

В данном периоде в русской армии к категории «унтер-офицер» относились лица, имевшие воинские звания фельдфебеля, а также старшего и младшего унтер-офицеров. Роль младшего командного состава росла в условиях интенсивных военных компаний.

В приказе «Учреждение в бою» Петр I определил место в боевом порядке унтер-офицеров. Он должен был находиться на левом фланге подразделения, во второй шеренге, чтобы было удобнее «видеть и повелевать». Так же император указывал, что «унтер-офицер в роте должен поступать так, как майор в полку».

Особое внимание Петр I уделял развитию командных навыков у данной категории. «Надобно так учить унтера, управлять солдатами в бою, что бы умели как обер-офицеры, ибо когда офицер будет ранен или убит, то тогда без всякого указа унтер-офицер должен взять и командовать».

Устав внутренней службы 1859 г., предписывал унтер-офицерам «Делать в пределах представленной ему власти распоряжения по делам службы, требовать от подчиненных того исполнения своих распоряжений и отвечать за их последствия. Быть примером в службе, а также ловко управляться с вверенными ему солдатами на благо выполнения боевых задач».

Унтер-офицеры обладали дисциплинарной властью и несли персональную ответственность за качество выполнения поставленных перед ними задач. А с учетом постоянного некомплекта офицерских должностей в пехоте унтер-офицеры начинали выполнять обязанности на свободных должностях [5, с. 5].

Войны новой эпохи значительно повысили роль младших командиров. От них стало требоваться больше самостоятельности в принятии управленческих решений, в оценке обстановки и в развитии других индивидуальных когнитивных способностей.

Проблему отсутствия подготовленных унтер-офицеров в XIX веке решили при помощи введения сверхсрочной службы для младших командиров. В результате принятых мер к концу XIX века в войсках имелось около 10 тыс. унтер офицеров сверх срочной службы. Это по соотношению с ведущими армиями мира была не так много, ведь это в 6 раз меньше, чем в Германии и в 3 раза меньше, чем во Франции [5, с. 7].

С упразднением чинов в 1917 г. в отечественной армии и на флоте не стало и унтер-офицеров. В 1930–

1940-е гг. в Красной Армии были введены воинские звания «младший сержант», «сержант», «старший сержант» и «старшина». Младший командный состав стал именоваться сержантским (старшинским) составом.

Подготовка младших командиров для различных родов войск осуществлялась в дивизионных и полковых школах. Однако уже в 1959 г. вместо этих школ были созданы учебные части. В 1970-е гг. учебные полки существовали уже во всех видах и родах войск Вооруженных Сил. С курсантами проводились занятия по боевой, политической и специальной подготовке. Они овладевали знаниями и навыками, необходимыми для четкого выполнения своих служебных обязанностей, эффективного применения вооружения и техники, правильного их обслуживания, умелого командования отделением (экипажем, расчетом) в различных видах боя.

Военная история нашего государства показывает, что даже при наличии грамотного высшего военного руководства, без авторитетного и способного младшего командира нельзя рассчитывать на успешное ведение боевых действий. Именно в боевой обстановке повышается самостоятельность и ответственность младших командиров. Поэтому высокую значимость приобретают их командно-методические навыки, развитые морально-психологические и боевые качества [7, с. 21; 9, с. 12].

В современных условиях возникает большая необходимость в высококвалифицированном сержантском составе. Характер войны изменился, способы воздействия на противника стали широко векторными. И именно роль младших командиров, как ближайших наставников и старших товарищей, позволит снизить это влияние.

Литература

1. Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» (посл. ред.) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/ (дата обращения: 24.11.2024).
2. Актуальные вопросы развития современной педагогики: Учебное пособие // Ахмедова С.И., Ахмедова Э.М., Бабошина Е.В. [и др.] / Отв. ред. Канюк А.С. – М.: ООО «Группа компаний Рино Лэнс», 2024. – 107 с.
3. Барановский М.В. Доверие в социальном управлении военной организацией: Дисс. докт. социол. наук. – М.: ВУ, 2021. – 461 с.
4. Военный сборник. 1865. № 7. 199 с.
5. Галин Н. Русский унтер-офицер и его роль в армии / Сост. по фр. и нем. источн. для рус. унтер-офицера Н. Галин. – СПб.: Н. Гасфельд, 1911. – 48 с.
6. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Ч 1. – М.: АПН, 1978. – С. 41–44.
7. Михайлов В.В., Гончаров И.В., Савутов Ю.В. Методики оценки эффективности системы ракетно-технического обеспечения войск ПВО армии // Современные проблемы проектирования, производства и эксплуатации радиотехнических систем. 2016. № 10. – С. 20–23.
8. Право и экономическое развитие: актуальные вопросы: Монография / В.Б. Батиевская, М.В. Келехсаева, Т.Е. Ситихова [и др.]; гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2023. – 196 с.
9. Пузенькин И.В., Михайлов В.В. Роль информационно-психологических средств в обеспечении обороноспособности государства // Военная мысль. 2015. № 7. – С. 11–15.

10. Редигер А.Ф. Унтер-офицерский вопрос в главных европейских армиях. – СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1880. – 188 с.
11. Фрунзе М.В. Основные военные задачи момента // Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1977. – 479 с.
12. Энгельс Ф. Избранные военные произведения / В 2-х томах. Т. 1 – М.: Воениздат, 1957. – 844 с.

THE HISTORICAL EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF JUNIOR COMMANDERS IN THE RUSSIAN ARMED FORCES

Kirienko Y.Y.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article examines the historical development of the institute of junior commanders in the Russian army, starting with princely squads and ending with modern sergeants. Their role in ensuring combat readiness and discipline of units at different historical stages is analyzed. Special attention is paid to changes in the training and managerial functions of junior commanders related to the development of tactics and technologies of warfare. Examples from Russian history and foreign experience are given, emphasizing the importance of the institute of junior commanders in modern conditions.

Keywords: junior commander, sergeant corps, army history, managerial functions, military education.

References

1. Federal Law of 31.05.1996 No 61-FZ "On Defense" (last ed.) [Electronic resource] // ATP ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/ (accessed: 24.11.2024).

2. Actual issues of the development of modern pedagogy: Textbook // Akkueva S.I., Akhmedova E.M., Baboshina E.V. [i dr.]. Ed. by Kanyuk A.S. Moscow: Reno Lance Group of Companies, 2024. – 107 p.
3. Baranovsky M.V. Trust in the Social Management of a Military Organization: Diss. Dr. sociol. Sciences. Moscow, VU Publ., 2021. – 461 p.
4. Military Collection. 1865. № 7. 199 p. (In Russian)
5. Galin N. Russkii nter-ofitser i ego rol' v armii [Russian non-commissioned officer and his role in the army]. in French. and German source. dlya rus. non-commissioned officer N. Galin. St. Petersburg: N. Gasfeld, 1911. – 48 p.
6. Zhukov G.K. Memoirs and Reflections. Part 1. Moscow, APN Publ., 1978. – P. 41–44.
7. Mikhailov V.V., Goncharov I.V., Savutov Yu.V. Methods for assessing the effectiveness of the system of missile and technical support of the air defense troops of the army. 2016. № 10. – P. 20–23.
8. Law and Economic Development: Topical Issues: Monograph / V.B. Batievskaya, M.V. Kelekhsaeva, T.E. Sitkhova [i dr.]; Editor-in-Chief E.V. Fomin. – Cheboksary: Sreda Publishing House LLC, 2023. – 196 p.
9. Puzenkin I.V., Mikhailov V.V. Rol' informatsionno-psikhologicheskikh sredstva v obespecheniye oboronoposobnosti gosudarstva [The role of information and psychological means in ensuring the defense capability of the state]. 2015. № 7. – P. 11–15.
10. Rediger A.F. Non-commissioned officer question in the main European armies. St. Petersburg: Trenke and Fusno Printing House, 1880. – 188 p.
11. Frunze M.V. Osnovnye voennye zadachi momenta [The main military tasks of the moment]. Moscow, Voениzdat Publ., 1977. – 479 p.
12. Engels F. Selected Military Works / In 2 volumes. Vol. 1 – Moscow: Voениzdat, 1957. – 844 p.

Социальные технологии повышения вовлеченности молодежи во внеучебную деятельность вуза

Князев Андрей Игоревич,

аспирант кафедры социологии, Факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: andrey.knyaz.8915@gmail.com

Актуальность выбранной темы исследования объясняется тем, что социальные технологии, повышающие уровень вовлеченности молодежи во внеучебную деятельность вуза представляют собой системно образующую составляющую социальной активности. Она, в свою очередь, развивает лучшие качества студента. Это позволяет ему развиваться не только в стенах университета. Также это поможет молодежи стать членом здорового и прогрессирующего общества в будущем. Повышение качества собственной жизни и эффективности во всех аспектах своей трудовой деятельности и жизни еще один немаловажный аспект в развитии студентов.

Целями данной статьи заключаются в анализе технологий, которые повышают вовлеченность студентов во внеучебную деятельность вуза. Также статья рассматривает разные подходы к социальным технологиям, что позволяет расширить понимание уже существующих социальных технологий, а также анализ успешных практик использования социальных технологий. Еще одной важной целью является создание авторской модели социальных технологий, повышающих активность студенческой молодежи во внеучебную деятельность вуза.

В статье проведен анализ социальных технологий, повышающих вовлеченность студентов в образовательных организациях. Проанализированы теоретические подходы к изучению социальных технологий. Предложена авторская модель повышения уровня вовлеченности студентов во внеучебную деятельность вуза. Сделан вывод, что авторская модель повышения уровня вовлеченности студенческой молодежи с помощью социальных технологий повышения вовлеченности молодежи во внеучебную деятельность вуза, состоит из взаимосвязанных технологий повышения социальной активности, где выделяются главные методы, а также способы их достижения. Все методы взаимосвязаны друг с другом и требуют общего применения. Проведен анализ различных социальных технологий повышения уровня вовлеченности студенческой молодежи, выявлены самые подходящие и сделан вывод о необходимости повышения уровня вовлеченности студенческой молодежи, путем анализа успешных практик использования описанных технологий.

Ключевые слова: модель управления, социальные технологии, социум, студенческая молодежь.

Социальная активность не является самопроизвольным процессом, она формируется под влиянием определенных внешних обстоятельств, и ее реализация соответствует заранее выбранной стратегии, сформированному плану и под воздействием социальных технологий, повышающих социальную активность. Общественно полезная активность – это один из ключевых факторов развития производственных предприятий, научно-технического прогресса, улучшения качества жизни населения, повышения эффективности каждого человека. Повышение уровня социальной активности обеспечивает развитие и поощрение морали, нравственности, самопожертвования и других лучших личностных качеств характера человека. При этом его заинтересованность в общественно значимой деятельности основана на внутренних желаниях, потребностях, устремлениях и интересах.

Важность принятия активного участия в социальной жизни в РФ пропагандируется и на федеральном уровне. Сегодня достаточно успешно осуществляется проект «Социальная активность». Куратор обозначенного проекта – заместитель Председателя Правительства РФ, координацию и руководство им реализует председатель Федерального агентства по делам молодежи, а административные функции возложены на его заместителя. Отметим, что пункты проекта «Социальная активность» тесно перекликаются с мерами, предусмотренными к реализации в рамках госпрограммы РФ «Развитие образования».

Целями представленного выше проекта являются: обеспечение развития волонтерства путем появления новых возможностей, связанных с возможностью самореализации граждан; увеличение значения и роли волонтерской деятельности; сбор и практическая реализация волонтерских предложений и инициатив, основанных на инновационных практиках социальной активности населения.

Также о важности формирования социально активной личности свидетельствует ряд документов, принятых на федеральном уровне. К тому же в соответствии с указом президента 5 декабря был объявлен днем волонтера¹, а весь 2018 год – годом волонтера².

Частным случаем проявления социальной активности является вовлеченность студентов во внеучебную деятельность вуза. В последние годы вовлеченность студентов во внеучебные мероприятия снижается, из-за многих факторов таких, как динамичные изменения в обществе и глобальные процессы переоценки ценностей. Сейчас, когда так резко меняются условия и политический курс страны, а современное общество характеризуется активной социализацией и интеграцией молодежи в различные социальные процессы необходимо уделять особое внимание студенческой молодежи, которая является не только потенциальным резервом для

¹ Закон Российской Федерации «Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»» от 29.12.2012 № 273-ФЗ

² Указ Президента Российской Федерации «О Дне добровольца (волонтера)» от 27.11.2017 № 572

будущего развития страны, но и активным участником социальных изменений уже сегодня.

Результаты множества социологических, педагогических, общественных и психологических исследований позволяют сделать вывод о том, что у многих представителей молодежи не сформировано целостное представление о своей роли в жизни, в результате чего у них возникают пессимистические мысли и чувства. Таким образом, можно утверждать, что сегодня крайне актуально обеспечить рост эффективности социальных инструментов, направленных на увеличение социальной активности молодежных групп, а также формирование правильных целевых ориентиров студенчества и повышение их уровня вовлеченности во внеучебную деятельность вуза (Леньшин, 2004).

Также стоит учитывать, что в настоящий момент, у студентов присутствует низкий уровень вовлеченности во внеучебную деятельность, эту способствуют следующие факторы:

- низкий уровень мотивации студентов. Зачастую студенты просто не видят ценности и преимуществ внеучебной деятельности;
- другая сфера интересов. Молодежь с большим рвением участвует в тех мероприятиях, которые соответствуют их хобби и увлечениям, если таковых нет, то и интереса в участии не будет;
- страх и неуверенность в себе. Ряд студентов испытывает страх перед выступлениями, что не дает им возможности участвовать в социально важных проектах;
- окружающая социальная активность. Многие просто не видят вокруг своего окружения и авторитетов людей, которые бы были заняты во внеучебной деятельности
- другие факторы. Студентам иногда просто не хватает времени на другую деятельность вне учебы из-за сильной занятости, также стоит вопрос низкой осведомленности и конфликта с расписанием.

Социальные технологии в свою очередь помогают развитию вовлеченности молодежи, поднимают их уровень интереса к общественной жизни вуза, а потом и страны, а способствуют воспитанию морально-нравственных ценностей.

Для того, чтобы разобраться со спецификой различных социальных технологий для повышения вовлеченности молодежи во внеучебную деятельность вуза, необходимо определить, что такое социальные технологии и классифицировать различные их виды, рассмотреть историю их происхождения, а также внести некоторые понятия, о которых пойдет речь далее.

- социальные технологии – это совокупность методик и техник, которые применяются для достижения поставленных целей и развития знаний, применяющих для решения разного рода социальных проблем (Грызова, 2012);
- социальный объект – это объект воздействия социальных технологий;
- социальное проектирование – процесс, направленный на планирование достижения результатов с помощью социальных технологий;
- soft skills (гибкие навыки) – набор совокупность умений связанных и личностью и характером индивидуума.

Социальные технологии в своих трудах описывал К. Поппер. Он говорил о том, что стратегия преобразования возможны только при последовательной и поэтапной социальной инженерии, где все выстраивается с помощью выработки эффективных методов решения социальных проблем (Бабинцев, 2016).

Главным для социальных технологий являются целеориентированные процедуры, которые повышают эффективность межличностных и межгрупповых взаимодействий.

Однако у социальных технологий есть и свои отличия:

- данный вид технологий применяется только в межличностных отношениях;
- у социальных технологий есть несколько итогов. Первый – это оптимизация удовлетворения собственных потребностей, а также обновления процессов жизнедеятельности. Второй итог – это выстраивание преграды на пути администрирования, основанной на использовании волонтерских методах, что делает их низкоэффективными в современном обществе;
- социальные технологии имеют сильную взаимосвязь с инновационным проектированием.

Можно выделить два разных подхода к определению социальных технологий.

Первый подход связан с пониманием социальной технологии как процесса, воздействующего на социальный объект (Иванов, 1995). Такое определение позволяет рассматривать многообразие видов технологий в соответствии с особенностями изменяемого объекта. В связи с этим многие говорят о таких социальных технологиях, как региональные, интеллектуальные, образовательные, психологические, психофизиологические, информационные и др. (Писаренко, 2019) Сколько управляемых социальных объектов, их разновидностей, столько и соответствующих им технологий, направленных на оптимизацию их функционирования и развития (Караваева, Литвинова, 2015).

Также стоит выделить «метод установления» А.В. Тихонова, который описывает и позволяет выделить закономерности между участниками социального взаимодействия, которые будут являться доминирующими субъектами, влияющими закономерно на окружение (Тихонов, 2000). В данном случае такими доминирующими субъектами будут студенческая молодежь и руководство вуза.

Таким образом можно сделать вывод, что социальные технологии должны быть применимы к обоим доминирующим субъектам и учитывать их интересы равнозначно.

Второй подход – социокультурный, соответствует более узкому пониманию социальных технологий с позиции регулирования социальных отношений в целях согласования особых интересов отдельных социальных образований, удовлетворения их потребностей. В данном случае технологии являются элементом системы социального управления, сущность которого выражается в упорядочивании противоречивого взаимодействия индивидуальных, групповых и общих интересов для их совместной реализации.

С позиции второго подхода социальная технология рассматривается как «включение социальных регуляторов, направленных на смену определенных социальных явлений или отношений». Таким образом, процесс технологизации направлен на разработку и внедрение социальных технологий, совершенствующих исключительно социальные отношения. Выбрав за основу социокультурный подход, можно по-новому расставить акценты в социальном управлении (Караваева, 2015).

Сложность норм позволяет считать их самостоятельными социальными технологиями. Нормативность – основная характеристика не только социального управления, но и культуры, поэтому технологии рассматриваются как «мировоззренческий культурный феномен, понимаемый как искусство, мастерство организации соци-

альной жизни, выражает гуманистическое содержание и направленность человеческой деятельности в соответствии с потребностями, интересами, ценностями каждого конкретного индивида, его самореализацией в труде, потреблении, управлении, общении» (Дятченко, 1993).

Социальные технологии – элемент человеческой культуры, они возникают эволюционно либо создаются искусственно. Их сущность отражается в нематериальной культуре, созданных человеком абстракциях: ценностях, верованиях, символах, нормах, обычаях, установленных принципах (Ирхин, 2006).

Как известно социальные технологии и инструменты крайне разнообразны, что обусловлено многообразием социального мира, общественной жизнедеятельности, в которой принимают участие современные люди.

Классификация социальных технологий может быть осуществлена по различным основаниям: видам, уровням, сферам применения и т.д. (Иванов, 1999)

К числу наиболее значимых оснований относятся:

1. По масштабам решаемых социальных проблем:
 - универсальные социальные технологии;
 - частные социальные технологии.
2. По уровню социальной деятельности:
 - глобальные социальные технологии, используемые в масштабах всего человечества;
 - региональные социальные технологии, дающие эффект при решении проблем в условиях конкретного региона;
 - национальные социальные технологии, основанные на особенностях национальных традиций, психологии менталитета и т.п.;
 - государственные, позволяющие решать социальную проблему в пределах конкретного государства;
 - муниципальные и пр.
3. По характеру решаемых задач:
 - функциональные социальные технологии, предназначенные для обеспечения оптимального и результативного функционирования существующих социальных систем в различных сферах общественной жизни;
 - инновационные социальные технологии, направленные на обеспечение оптимального перехода различных социальных систем в иное качество;
 - технологии разрешения социальных противоречий и конфликтов, позволяющие найти и реализовать наиболее оптимальные пути и методы решения подобных проблем.
4. По характеру воздействия на социальные процессы:

- формирующие социальные технологии, позволяющие создать новый социальный объект;
 - стимулирующие социальные технологии, предметом воздействия которых являются отдельные стороны процесса функционирования данного объекта;
 - сдерживающие социальные технологии, определённым образом регулирующие процесс функционирования социального объекта;
 - разрушающие социальные технологии.
5. По характеру и содержанию используемых средств:
 - организационно-распорядительные и административные социальные технологии;
 - социально-правовые технологии;
 - медико-социальные технологии;
 - психологические технологии;
 - технологии и т.п.

Таким образом, социальные технологии – это многогранное явление.

Для повышения вовлеченности студентов используется широкий спектр социальных технологий, направ-

ленных на вовлечение молодых людей в общественную жизнь, развитие их гражданской позиции и социальной ответственности. Рассмотрим некоторые из наиболее эффективных технологий.

Важной частью вовлечения во внеучебную деятельность является учебная программа, которая направляет студентов нравственно и предлагает вовлекаться, и преподаватели являются личным примером для студентов первых курсов, а также помогает взаимодействовать со сверстниками и одноклассниками, с которыми потом вместе можно будет участвовать во внеучебных мероприятиях (Кареева, Зотова, Анисимова, 2024).

Социальное проектирование является одной из ключевых технологий, способствующих повышению вовлеченности молодежи во внеучебную деятельность. Разработка и реализация социальных проектов позволяет молодым людям не только выявлять и решать актуальные проблемы университета, но и приобретать ценные навыки проектного управления, командной работы, коммуникации и лидерства.

Социальное партнерство представляет собой объединение усилий различных подразделений для решения социальных проблем. Вовлечение молодежи в процесс социального партнерства способствует формированию у них чувства сопричастности к процессам, происходящим внутри университета развитию навыков межсекторного взаимодействия и понимания роли различных институтов в жизни общества (Бакланов, 2019).

Социальная реклама также является эффективным инструментом для повышения вовлеченности молодежи во внеучебную деятельность. Грамотно разработанные рекламные кампании, направленные на пропаганду здорового образа жизни, экологической культуры, толерантности, морали и нравственности, гражданской ответственности и других социально значимых ценностей, могут оказывать существенное влияние на мировоззрение и поведение молодых людей.

Подробнее о связи этих технологий описано в рисунке 1.

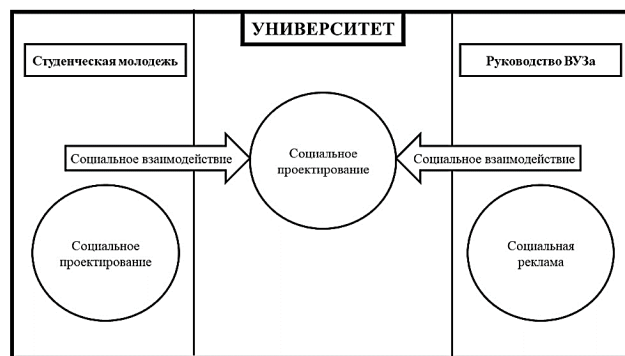

Рис. 1. Авторская модель взаимодействия социальных технологий друг с другом

Молодежные форумы, конференции и слеты представляют собой площадки для обмена опытом, обсуждения актуальных проблем и выработки совместных решений. Участие в подобных мероприятиях позволяет молодежи расширить свой кругозор, установить контакты с единомышленниками, получить новые знания и навыки, а также сформировать чувство причастности к университетскому сообществу и его целям.

Волонтерская деятельность является одной из наиболее распространенных форм вовлеченности молодежи. Участие в добровольческих проектах и инициативах развивает у молодых людей чувство сопереживания, эмпатии, социальной ответственности, а также формирует

практические навыки работы в команде, организации мероприятий и оказания помощи нуждающимся (Третьякова, 2022).

Важную роль в повышении вовлеченности молодежи играют современные информационно-коммуникационные технологии. Социальные сети, блоги, онлайн-платформы создают новые возможности для вовлечения молодых людей в общественную жизнь вуза, обмена идеями, организации и продвижения социальных инициатив. Интернет-зависимость сейчас – новая нормальность. Все студенты используют цифровой мир, как средство коммуникации и создания социальных образов и ролей. В условиях информационного общества старшим поколениям, от которых зависит создание вовлеченной и интересующейся студенческой молодежи, необходимо показывать правильную картину мира, так как нередко информационные потоки формируют искаженное восприятие действительности, заменяя личный опыт коллективным. Таким образом очень важно развивать критическое мышление и разборчивость, а также руководствоваться правилами информационной гигиены. Это поможет студентам проще адаптироваться в цифровом мире и спасет от информационной перегрузки и стресса (Найденова, Сытько, 2024).

Следует также отметить значение образовательных программ и курсов, направленных на развитие soft skills (гибких навыков): критическое мышление, коммуникация, эмоциональный интеллект, лидерство и др. Овладение данными компетенциями повышает способность студентов к социальной активности и эффективному участию в общественных и гражданских процессах.

Важно понимать, что для достижения максимального эффекта необходим комплексный подход, сочетающий различные социальные технологии. Только совместными усилиями образовательных учреждений и самой молодежи можно создать благоприятную среду для развития социальной активности молодых людей их вовлеченности не только во внеучебную деятельность, но и повлиять на текущую успеваемость самих студентов.

Кроме того, при реализации социальных технологий необходимо учитывать специфику и интересы учащихся, а также региональные и культурные особенности.

Таким образом, социальные технологии, такие как социальное проектирование, социальное партнерство, социальная реклама, молодежные форумы, волонтерская деятельность и использование современных информационно-коммуникационных технологий, являются действенными инструментами для повышения вовлеченности молодежи во внеучебную деятельность вуза. Их грамотное и комплексное применение способствует формированию активной гражданской позиции молодых людей, развитию их социальной ответственности и сопричастности с университетом, повышению успеваемости, развитию компетенций и вовлечению в решение актуальных проблем вуза.

Рассмотрим конкретные социальные технологии, направленные на повышение вовлеченности молодежи, их эффективность и особенности внедрения, а также проанализируем лучшие практики и успешные кейсы применения данных технологий.

1. Технологии информирования и привлечения молодежи. Одной из ключевых задач в рамках повышения социальной вовлеченности молодежи во внеучебную деятельность является информирование молодых людей о возможностях участия в общественной жизни и привлечение их к различным социальным инициативам и проектам. Для этого могут применяться следующие технологии:

- Создание информационных ресурсов (сайтов, порталов, социальных сетей) с актуальной информацией о молодежных проектах, волонтерских программах, грантах и конкурсах.
- Проведение информационных кампаний и акций в рамках учебных заведений или общественных пространствах.
- Использование современных каналов коммуникации (социальные сети, мессенджеры, блоги) для распространения информации и привлечения молодежи (Руднева, 2014).

Успешным примером применения данных технологий является проект «Добровольцы России», который объединяет информационные ресурсы и базы данных волонтерских организаций, а также проводит масштабные информационные кампании по всей стране.

2. Технологии развития компетенций и обучения молодежи. Для эффективного участия в общественной жизни и реализации социальных инициатив молодым людям необходимо обладать определенными компетенциями и навыками. В этой связи большое значение имеют образовательные программы и тренинги, направленные на развитие следующих компетенций:

- Проектное управление и социальное проектирование.
- Командная работа и лидерские навыки.
- Коммуникативные и презентационные навыки.
- Цифровые компетенции (работа с социальными сетями, создание контента, SMM-продвижение).
- Предпринимательские компетенции и бизнес-планирование в различных формах: самозанятость, ИП, организация.

Успешным примером реализации данной технологии является Всероссийский конкурс молодежных проектов, в рамках которого проводятся обучающие семинары и тренинги для авторов лучших проектов.

3. Технологии поддержки молодежных инициатив и проектных решений.

Важным аспектом повышения вовлеченности молодежи является оказание всесторонней поддержки молодежным инициативам и проектам. Это может включать следующие технологии:

- Грантовая поддержка молодежных проектов (конкурсы грантов, краудфандинговые платформы).
- Создание инфраструктуры для реализации проектов (коворкинг-центры, общественные пространства, площадки для проведения мероприятий).
- Консультационная и менторская поддержка (привлечение экспертов, наставников, успешных предпринимателей).
- Информационная и PR-поддержка молодежных инициатив (освещение в СМИ, продвижение в социальных сетях).

Успешным примером применения данных технологий является платформа «Молодежь России», которая объединяет различные механизмы поддержки молодежных проектов, включая грантовые конкурсы, консультационную помощь и информационное сопровождение социальных и общественно-политических проектов (Бакланов, 2019).

4. Технологии вовлечения молодежи в решение социальных проблем.

Одним из эффективных способов повышения вовлеченности молодежи является ее вовлечение в решение актуальных социальных проблем на уровне университета.

Для этого могут применяться следующие технологии:

- Создание молодежных консультативных советов для выявления и обсуждения проблем, волнующих молодежь.
- Реализация молодежных социальных проектов, направленных на решение конкретных проблем (экология, благоустройство, помощь социально незащищенным группам и т.д.).
- Привлечение молодежи к участию в общественных слушаниях, публичных обсуждениях и других формах участия.
- Развитие волонтерского движения и вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность.

Успешным примером применения данных технологий является проект «Добровольцы культуры», в рамках которого молодежь привлекается к сохранению культурного наследия и развитию креативных индустрий через волонтерскую деятельность и социальные инициативы. Таким образом, на основе сказанного выше, можно разработать модель социальных технологий, которые посредственно влияют на повышение вовлеченности студенческой молодежи во внеучебную деятельность вуза (рис. 2).

Рис. 2. Авторская модель повышения уровня вовлеченности студенческой молодежи с помощью социальных технологий

Данная модель описывает несколько уровней социальных технологий. Первый уровень – технологии, направленные на улучшение инфраструктуры и поддержки со стороны вуза, так называемый образовательный уровень. Сюда входит поддержка студенческих инициатив.

Далее идет политический или социальный уровень. Здесь речь идет о таких технологиях как социальная коммуникация и вовлечение в актуальные проблемы вуза.

Также в данной модели присутствует культурный уровень, в котором социальные технологии влияют на развитие социально-культурной среды, формируя новые способы коммуникации между субъектами. Такой социальной технологией является развитие социально-культурной среды.

Все вышеперечисленные технологии имеют свои преимущества и недостатки, ниже представлена таблица, которая их представляет (таблица 1).

Таблица 1. Преимущества и недостатки социальных технологий повышения уровня вовлеченности студенческой молодежи во внеучебную деятельность вуза

Социальные технологии	Преимущества	Недостатки
Развитие социокультурной среды	<ul style="list-style-type: none"> – Укрепляет общность среди студентов, способствует формированию сообществ по интересам – Создает интегрированную и поддерживающую атмосферу, что положительно сказывается на психологическом комфорте студентов – Способствует развитию культурных навыков и расширяет кругозор студентов 	<ul style="list-style-type: none"> – Может быть недостаточно разнообразным, не удовлетворяя интересы всех студентов, проявляя, тем самым, у них чувство отстраненности – Требуется финансирования и ресурсов, что может ограничить возможности реализации
Вовлечение в актуальные проблемы вуза	<ul style="list-style-type: none"> – Способствует развитию критического мышления и активной гражданской позиции у студентов – Углубляет понимание организационных процессов вуза и вовлекает студентов в их решение – Укрепляет связь между администрацией и студентами, создавая более открытое пространство для диалога 	<ul style="list-style-type: none"> – Вовлечение может привести к конфликтам между студентами и администрацией, если решения не устраивают обе стороны – Не все инициативы могут быть реализованы из-за бюрократических процессов

Социальные технологии	Преимущества	Недостатки
Развитие компетенций и обучение	<ul style="list-style-type: none"> - Повышает уровень профессиональной подготовки студентов и их конкурентоспособность на рынке труда - Студенты получают возможность улучшить свои навыки и расширить карьерные перспективы - Создает условия для обмена знаниями и идеями между студентами и преподавателями. 	<ul style="list-style-type: none"> - Требуется значительных временных и финансовых затрат, как со стороны студентов, так и со стороны учебных заведений - Могут возникать разные уровни мотивации и участия среди студентов, что снижает эффективность обучения - Если программа недостаточно тщательно разработана, она может не соответствовать потребностям студентов и не только помешать развитию компетенций, но и сделать хуже
Поддержка студенческих инициатив	<ul style="list-style-type: none"> - Стимулирует у студентов инициативность, креативность и организаторские навыки - Может привести к появлению новых, оригинальных идей и проектов, которые обогащают студенческую жизнь - Укрепляет дух сотрудничества и общности среди студентов 	<ul style="list-style-type: none"> - Не все инициативы могут быть успешно реализованы, что может привести к разочарованию студентов - Может возникнуть негативная тема из-за конкуренции между различными инициативами или группами - Не всегда администрация вуза готова поддерживать инициативы, что может затруднять их осуществление
Социальная коммуникация	<ul style="list-style-type: none"> - Упрощает взаимодействие между студентами, повышая уровень социальной поддержки и взаимодействия - Способствует формированию сетей связей, что может быть полезно для карьеры и личного развития. - Обсуждение и обмен мнениями могут привести к новым идеям и решениям. 	<ul style="list-style-type: none"> - Существует риск появления токсичной среды, если коммуникация не будет контролироваться (например, в интернете) - Не все студенты могут быть активными участниками общения, что может привести к чувству исключенности - Качество общения может варьироваться, что может привести к недопониманию и конфликтам

Таким образом были рассмотрены различные аспекты социальных технологий повышения вовлеченности молодежи во внеучебную деятельность высших учебных заведений такие, как технологии информирования и привлечения молодежи, технологии развития компетенций и обучения, технологии поддержки молодежных инициатив и проектов, технологии вовлечения молодежи в решение социальных проблем, а также технологии формирования социально-активной среды и инфраструктурных объектов и успешные практики и кейсы применения данных технологий, демонстрирующие их эффективность и перспективность для развития вовлеченности молодежи во внеучебную деятельность и ее вклада в развитие вуза. Однако необходимо учитывать, что внедрение социальных технологий должно быть адаптировано к специфике университета, учитывать особенности молодежной аудитории и постоянно совершенствоваться с учетом меняющихся потребностей и вызовов.

В целом, повышение вовлеченности молодежи является стратегической задачей, требующей согласованных усилий университета и самой молодежи. Только при консолидации всех заинтересованных сторон и применении эффективных социальных технологий можно добиться максимального вовлечения молодежи в жизнь университета и реализацию ее творческого потенциала на благо развития вуза.

Для решения данной задачи была разработана модель повышения уровня вовлеченности студенческой молодежи во внеучебную деятельность вуза, которая способна увеличить вовлеченность студенческой молодежи во внеучебную деятельность вуза.

Литература

1. Бабинцев Валентин Павлович Белгородская школа исследователей социальных технологий // Высшее образование в России. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belgorodskaya-shkola-issledovateley-sotsialnyh-tehnologiy>
2. Социальные технологии: толковый словарь // отв. ред. В.Н. Иванов. М.; Белгород, 1995. 309 с.
3. Писаренко Данила Андреевич Внеучебная деятельность студентов вуза: отечественные и зарубежные подходы к осмыслению понятия // Гуманитарии Балкански изследвания. 2019. № 3 (5)
4. М. В. Найденова, В.О. Сытько К вопросу о социализации личности в информационном обществе // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 9(125). 15–21 с.
5. Караваева Юлия Викторовна, Литвинова Светлана Викторовна Подходы к определению социальных технологий // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-sotsialnyh-tehnologiy>.
6. Савина А.К. Непрерывное образование за рубежом: от идеи к концепции // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 3 (24).
7. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. // Белгород, 1993. 43 с.
8. Ирхин Ю.В. Социология культуры: учебник. // М., 2006. 525 с.
9. Леньшин В.П. Формирование массового сознания молодежи в современном обществе: социолого-философский аспект исследования. // М., 2004.
10. В.Н. Иванов, В.И. Патрушев. Социальные технологии: курс лекций // М.: Союз, 1999. 432с.
11. Бакланов А.А. Технологии развития социально-культурной активности молодежи // Экономика и социум. 2019. № 1–1 (56).
12. Третьякова Ирина Владиславна Социальные технологии работы с молодежью // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 3.
13. Руднева Елена Леонидовна, Глухова Евгения Сергеевна Применение современных социальных технологий в деятельности молодежных общественно-политических организаций, направленных на развитие социальной активности молодежи // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 378.

14. Грызова У.И. Социальные технологии: информационно-коммуникативная типология // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. № 3. С. 80–83.
15. Тихонов А.В. Теоретико-методологические основы социологии управления как отраслевой научной дисциплины // СПб, 2000. 395 с.
16. Кареева И.В., Зотова К.В., Анисимова В.А. Проблема формирования нравственной культуры у обучающейся молодежи в высших учебных заведениях как одна из составляющих культурной социализации (на примере Академии Федеральной службы исполнения наказаний России) // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 1. С. 23–29.

ON THE ISSUES OF BUILDING AN INFORMATION SECURITY MANAGEMENT MODEL FOR AN EDUCATIONAL ORGANIZATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Knyazev A.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The relevance of the chosen research topic is explained by the fact that social technologies that increase the level of youth involvement in extracurricular activities of the university represent a systemically forming component of social activity. She, in turn, develops the best qualities of the student. This allows him to develop not only within the walls of the university. It will also help young people become a member of a healthy and progressive society in the future. Improving the quality of one's own life and efficiency in all aspects of one's work and life is another important aspect in the development of students.

The objectives of this article are to analyze technologies that increase the involvement of students in extracurricular activities of the university. The article also examines different approaches to social technologies, which makes it possible to expand the understanding of existing social technologies, as well as the analysis of successful practices in the use of social technologies. Another important goal is to create an author's model of social technologies that increase the activity of students in extracurricular activities of the university.

The article analyzes social technologies that increase student engagement in educational organizations. Theoretical approaches to the study of social technologies are analyzed. The author's model of increasing the level of student involvement in extracurricular activities of the university is proposed. It is concluded that the author's model of increasing the level of student youth involvement with the help of social technologies to increase youth involvement in extracurricular activities of the university consists of interrelated technologies to increase social activity, which highlights the main methods, as well as ways to achieve them. All methods are interconnected with each other and require common application. The analysis of various social technologies of hanging the level of student youth involvement was carried out, the most suitable ones were identified and the conclusion was made about the need to increase the level of student youth involvement by analyzing successful practices of using the described technologies.

Keywords: management model, social technologies, society, student youth

References

1. Babintsev Valentin Pavlovich Belgorod School of Social Technology Researchers // Higher education in Russia. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belgorodskaya-shkola-issledovateley-sotsialnyh-tehnologiy>
2. Social technologies: an explanatory dictionary // ed. V.N. Ivanov. M.; Belgorod, 1995. 309 p.
3. Pisarenko Danila Andreevich Extracurricular activities of university students: domestic and foreign approaches to understanding the concept // Humanitarianism Balkanski izledaniya. 2019. № 3 (5)
4. M. V. Naidenova, V.O. Sytko On the issue of personality socialization in the information society // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2024. No. 9(125). 15–21 p.
5. Karavaeva Yulia Viktorovna, Litvinova Svetlana Viktorovna Approaches to the definition of social technologies // Theory and practice of social development. 2015. № 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-sotsialnyh-tehnologiy>.
6. Savina A.K. Continuing education abroad: from idea to conception // Domestic and foreign pedagogy. 2015. № 3 (24).
7. Dyatchenko L. Ya. Social technologies in the management of social processes. // Belgorod, 1993. 43 p.
8. Irkhin Yu.V. Sociology of culture: textbook. // M., 2006. 525 p.
9. Lenshin V.P. Formation of mass consciousness of youth in modern society: a socio-philosophical aspect of the study. // M., 2004.
10. V.N. Ivanov, V.I. Patrushev. Social technologies: a course of lectures // Moscow: Soyuz, 1999. 432c.
11. Baklanov A.A. Technologies for the development of socio-cultural activity of youth // Economics and society. 2019. No.1–1 (56).
12. Tretyakova Irina Vladislavna Social technologies of work with youth // Socio-humanitarian knowledge. 2022. No. 3.
13. Rudneva Elena Leonidovna, Glukhova Evgeniya Sergeevna The use of modern social technologies in the activities of youth socio-political organizations aimed at the development of social activity of youth // Vestn. Volume of the State University. 2014. № 378.
14. Gryzova U.I. Social technologies: information and communication typology // Intelligence. Innovation. Investment. 2012. No. 3. pp. 80–83.
15. Tikhonov A.V. Theoretical and methodological foundations of the sociology of management as an industry scientific discipline // St. Petersburg, 2000. 395 p.
16. Kareeva I.V., Zotova K.V., Anisimova V.A. The problem of the formation of moral culture among young students in higher educational institutions as one of the components of cultural socialization (on the example of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia) // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2024. No. 1. pp. 23–29.

Влияние социально-психологических факторов на успешность карьеры в коммерческой организации

Кузнецов Евгений Александрович,

аспирант, кафедра социальной педагогики, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

E-mail: eugeniikuznetsov@gmail.com

В статье рассматриваются сущностные и содержательные стороны социально-психологических факторов, которые оказывают влияние на успешность карьеры в коммерческих организациях. Актуальность обсуждаемой темы аргументируется в нынешних условиях стремительным усилением конкуренции на рынке труда, а также необходимостью компаний учитывать особенности сотрудников (в целях эффективного повышения их мотивации, заинтересованности в высоких результатах труда). Цель исследования заключается в анализе ключевых факторов, определяющих карьерный успех, а также в выявлении противоречий в существующих подходах, формулировке (на базе использования систематизации, методов сравнительного анализа, обработки статистической информации и обобщения) рекомендаций. Разногласия, выявленные в современных публикациях, касаются акцента на внутренних или внешних детерминантах, а также недостаточной изученности вопросов влияния цифровизации, карьерного планирования у молодёжи. Автор резюмирует, что для успешного продвижения сотрудников необходим подход, в котором гармонично сочетаются развитие личностных характеристик, учёт социальных условий, формирование благоприятной организационной среды. Изложенные в данной статье материалы будут полезны для HR-специалистов, менеджеров по управлению персоналом, а также научных работников, изучающих проблематику карьерного роста, мотивации сотрудников.

Ключевые слова: карьера, карьерный рост, коммерческая организация, мотивация, планирование, социально-психологические факторы, успешность.

Введение

Современная коммерческая организация, функционирующая в условиях динамично меняющейся внешней среды, предъявляет высокие требования к качествам сотрудников. Следует подчеркнуть, что понятие успешной карьеры включает не только достижение профессиональных целей, но и способность персонала результативно взаимодействовать с коллегами, руководством, партнёрами. В увязке с этим социально-психологические факторы, выступающие как мощный регулятор межличностных и деловых взаимодействий, играют в рассматриваемом процессе одну из определяющих ролей. Именно поэтому современные исследователи обращаются к анализу влияния этих детерминант на профессиональное становление, продвижение кадров в коммерческой сфере. Учёными детально рассматриваются такие аспекты, как коммуникации, мотивационные установки, уровень эмоционального интеллекта, их взаимосвязь с достижением карьерных целевых ориентиров.

В современных коммерческих организациях продвижение сотрудников во многом определяется социально-психологическими факторами (уровень мотивации, лидерские качества, навыки коммуникации, организационная приверженность, вовлечённость). Однако недостаточное внимание к этим аспектам затрудняет разработку эффективных управленческих решений, способствующих повышению профессиональной успешности работников. С этим связана проблема исследования.

Методы и материалы

При подготовке статьи использовались сравнительный анализ, обработка статистической информации, систематизация, обобщение. Публикации, которые посвящены раскрытию различных сторон обсуждаемой темы, охватывает обширный спектр вопросов. Основные подходы авторов целесообразно сгруппировать по нескольким категориям.

Так, в трудах Ю.В. Алексеева [1], О.Ю. Ангела [2] акцент сделан на концептуальном анализе карьеры как объекта социально-психологического изучения – с точки зрения её роли в профессиональной реализации личности. Высвечивается и обосновывается необходимость учитывать как внутренние, так и внешние детерминанты карьерного роста. Также предлагается прикладной подход, который сосредоточен на психологических инструментах планирования, методах эффективного продвижения кадров.

Работы В.Ю. Бединой [3], М.Д. Вардановой [4], С.Н. Гончара совместно с А.С. Огневым [5] раскрывают нюансы влияния социально-психологических факторов на успешность карьеры. В центре исследовательского внимания оказывается проблематика профессиональной мотивации, социальной поддержки. Уделяется пристальное внимание и особенностям бизнес-среды. Весьма интересна увязка темы с тенденциями современной экономики, включая рост значимости цифровых навыков, а также гибкости сотрудников.

О.А. Королева [6], Т.В. Коростелева [7] сосредоточены на аспектах планирования. Выделяются факторы, побуждающие людей стремиться к карьерному росту, в том числе, анализируются возможности самореализации, организационной культуры. Весьма значимо исследовательское направление в отношении подходов молодёжи к составлению соответствующих планов, что становится актуальным на фоне существенного усиления конкуренции на рынке труда.

Е.А. Кузнецов [8], О.Г. Лоретц с соавторами [9] уделяют внимание комплексным стратегиям управления карьерой. Они систематизируют основные факторы, влияющие на успех, в том числе, лидерские качества, эмоциональный интеллект. Даётся характеристика роли корпоративной среды, организационных ресурсов в достижении намеченных целевых ориентиров.

Работа А.О. Минкиной [10] раскрывает психологические аспекты формирования карьеры, подчёркивая важность личностных параметров (в частности, имеются в виду стрессоустойчивость, адаптивность, коммуникативные навыки) для успешного продвижения.

По итогам ознакомления с источниками выявлены следующие противоречия: ряд авторов делают акцент на внутренних детерминантах карьеры, другие подчёркивают определяющую роль внешних организационных и рыночных условий. В дополнение к отмеченному, вопросы планирования у молодёжи, а также влияние цифровизации на карьерный рост остаются недостаточно исследованными. В качестве перспективных направлений для дальнейших изысканий выступают интеграция цифровых навыков в выработку планов, а также разработка методик для учёта социально-психологических факторов в управленческих решениях.

Результаты и обсуждение

На основе ознакомления с содержанием современных изысканий сформулировано авторское понимание сущности социально-психологических факторов – речь идёт о совокупности условий, обстоятельств, характеристик, возникающих в процессе межличностного и группового взаимодействия, которые оказывают влияние на поведение, восприятие, мотивацию, эмоциональное состояние индивида в профессиональной среде, содействуя либо препятствуя достижению личных, а также организационных целей.

Обоснование представленной выше формулировки тезисно описывается следующим образом:

- комплексность влияния. В предлагаемом определении отражена многоаспектная природа анализируемых факторов, в том числе, их воздействие как на когнитивную (восприятие, мышление), так и на эмоционально-поведенческую сферу. Это позволяет учитывать влияние как внутренних психологических процессов, так и внешних сложившихся социальных условий;
- динамика взаимодействия. Подчёркивается, что описываемые факторы формируются и проявляются в ходе реального общения, обмена информацией, решения задач в коллективе;
- профессиональный контекст. Формулировка применима к карьерным исследованиям;
- двусторонний эффект. Обозначается амбивалентная природа характеризуемых факторов (способствовать либо препятствовать чему-либо). Например, высокий уровень доверия в коллективе положительным образом сказывается на повышении мотивации, а постоянные конфликты подавляют её;
- целевые ориентиры. Упоминание личных и организационных целей акцентирует внимание на том, что

успех в профессиональной среде обусловлен гармонией между индивидуальными устремлениями и задачами организации, а социально-психологические факторы выступают в качестве связующего звена в рассматриваемом процессе.

Итак, предложенная авторская формулировка охватывает ключевые аспекты, что делает её актуальной как для научного анализа, так и для практического применения в управлении персоналом.

Далее целесообразно дифференцировать характеризуемую категорию на два блока и последовательно их рассмотреть. Первый из них представлен социальной составляющей. Соответствующие факторы определяют характером взаимодействия сотрудника с окружающей профессиональной средой (рис. 1).

Рис. 1. Систематизация социальных факторов, влияющих на успешность карьеры в коммерческой организации

(составлено автором на основе [1, 5, 6, 9, 10])

Так, культура компании задаёт общую атмосферу, определяя, насколько комфортно сотрудникам реализовывать свои профессиональные амбиции. Например, нацеленность на открытый обмен мнениями, поощрение инициатив, сотрудничество формирует у работников чувство вовлечённости. Напротив, авторитарный управленческий стиль либо излишняя регламентация закономерно приводят к подавлению творческого потенциала.

Согласно результатам некоторых исследований, около 70% успешных сотрудников считают благоприятную корпоративную культуру решающим фактором их карьерного роста [6].

Построение устойчивых профессиональных связей способствует как ускорению карьерного роста, так и повышению уровня доверия. Лояльность коллег, проявление готовности руководства поддерживать инициативы напрямую сопряжены с успешностью реализации долгосрочных планов.

Признание заслуг, поддержка со стороны коллег повышают продуктивность персонала на 20–25%, что прямо влияет на шансы на повышение в должности [8].

Что касается психологических факторов, то они включают в себя личностные черты, поведенческие особенности, которые оказывают мощное воздействие на восприятие сотрудника коллегами, а также руководством. Базовые их разновидности перечислены на рисунке 2.

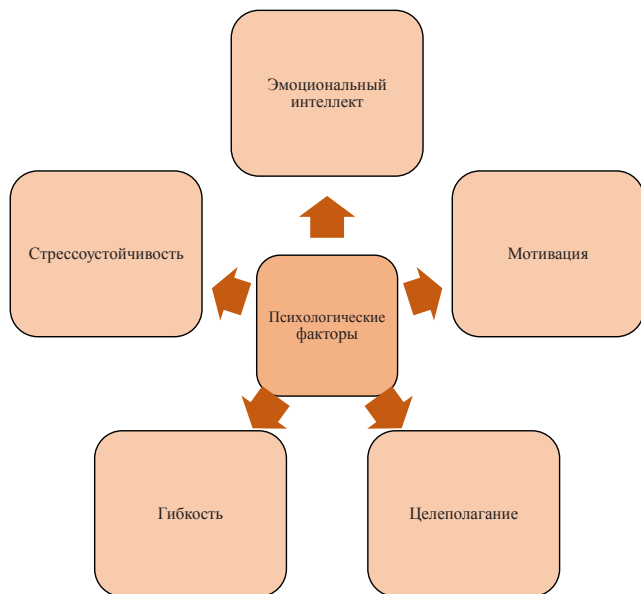

Рис. 2. Систематизация психологических факторов, влияющих на успешность карьеры в коммерческой организации

(составлено автором на основе [2, 4, 5, 7])

Так, способность управлять своими эмоциями, понимать переживания других людей оказывает мощное влияние на деловые отношения. Сотрудники с высоким уровнем эмоционального интеллекта более успешно справляются с конфликтами, устанавливают доверительные отношения с коллегами, повышают уровень взаимопонимания.

Устремлённость к достижению профессиональных целевых ориентиров зависит от внутренней мотивации сотрудника. Основанная на нацеленности на самореализацию и признание, она стимулирует людей к более активному участию в решении сложных задач, выполнению амбициозных проектов.

Коммерческая деятельность зачастую неразрывно сопряжена с высокими эмоциональными нагрузками. С учётом этого умение сохранять хладнокровие в сложных ситуациях – на фоне разного рода потрясений – и быстро приспосабливаться к изменениям помогает сотруднику не только выживать в непростых условиях, но и эффективно продвигаться по карьерной лестнице.

Эффективные коммуникации являются базисом для формирования прочных деловых отношений, которые способствуют профессиональному росту. В данной связи целесообразно обратить внимание на два ключевых аспекта:

- обеспечение конструктивной обратной связи;
- грамотное управление конфликтами.

Так, умение воспринимать критику и использовать её для профессионального развития – весьма значимый навык, позволяющий корректировать свои действия в соответствии с требованиями рынка.

Конфликты неизбежны в любой организации, однако их конструктивное разрешение способствует сплочению коллектива, укреплению доверия.

На основании рассмотренных выше факторов представляется уместным выделить ряд авторских рекомендаций для коммерческих организаций, которые стремятся обеспечить подходящие условия для успешного карьерного роста сотрудников:

- формирование благоприятной корпоративной культуры (укрепление атмосферы сотрудничества, открытости, взаимного уважения позитивно отражается на раскрытии потенциала кадров);

- развитие эмоционального интеллекта (с учётом этого предлагается делать упор на проведение тренингов, мастер-классов, ориентированных на обучение навыкам управления эмоциями, что помогает выстраивать и налаживать более прочные деловые связи);
- укрепление внутренней мотивации (по данному направлению рекомендуется создание системы поощрений, базирующейся на достижении реальных результатов, что мотивирует персонал на долгосрочное развитие);
- обучение коммуникативным навыкам (имеются в виду семинары, нацеленные на выработку навыков ведения переговоров, разрешения спорных ситуаций, что способствует повышению эффективности командной работы).

При следовании обозначенным рекомендациям важно учитывать, что карьерный рост – это последовательное изменение навыков, способностей, квалификационных возможностей сотрудника. Его эффективность во многом определяется как индивидуальными усилиями, так и поддержкой со стороны работодателей.

Выводы

Социально-психологические факторы оказывают глубокое влияние на успешность карьеры в коммерческой организации, формируя своего рода «фундамент» для продуктивного и бесперебойного взаимодействия сотрудников и их профессионального продвижения. Успешная интеграция соответствующих механизмов в систему управления персоналом содействует формированию устойчивого, динамично развивающегося коллектива, готового решать сложные задачи на фоне усиливающейся конкуренции.

Результативная управленческая работа с рассмотренными факторами требует многоаспектного подхода, представленного учётом индивидуальных особенностей сотрудников, формированием позитивной корпоративной среды, выработкой навыков межличностных коммуникаций. Как представляется, следование сформулированным в статье рекомендациям поможет хозяйствующим субъектам создавать благоприятные условия для раскрытия профессионального потенциала людей, укрепляя их конкурентные позиции на рынке.

Литература

1. Алексеев Ю.В. Профессиональная карьера, как объект социально-психологического исследования / Ю.В. Алексеев // Человеческий капитал. – 2019. – № S12–2 (132). – С. 153–156.
2. Ангел О.Ю. Психология карьеры: как эффективно расти по карьерной лестнице / О.Ю. Ангел // Педагогика & Психология. Теория и практика. – 2021. – № 5 (37). – С. 67–70.
3. Бедина В.Ю. Успешность карьеры как социально-психологическое условие реализации личности в профессиональной деятельности / В.Ю. Бедина // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2020. – Т. 19. – № 3 (45). – С. 63–71.
4. Варданова М.Д. Социально-психологические факторы, влияющие на успешную карьеру в бизнесе / М.Д. Варданова // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 5–9 (73). – С. 64–67.
5. Гончар С.Н. Современная специфика социально-психологических условий успешного развития карьеры / С.Н. Гончар, А.С. Огнев // Известия Россий-

ской академии образования. – 2023. – № 1 (61). – С. 35–45.

6. Королева О.А. Социально-психологические факторы, влияющие на стремление к карьерному росту сотрудников в организации / О.А. Королева // Вестник университета. – 2014. – № 5. – С. 220–222.
7. Коростелева Т.В. Факторы планирования карьеры молодежью: актуальные социально-психологические измерения / Т.В. Коростелева // Молодежная политика: история, теория, практика. Сборник научно-методических материалов VI научно-практической конференции. – Москва: 2022. – С. 116–119.
8. Кузнецов Е.А. Влияние социально-психологических факторов на успешность карьеры в коммерческой организации / Е.А. Кузнецов // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации. – Москва: 2024. – С. 112–118.
9. Лоретц О.Г. Социально-психологические факторы управления успешной карьерой / О.Г. Лоретц, А.В. Ручкин, И.Ю. Смирнова, О.П. Неверова, П.В. Шаравьев // Право и управление. – 2023. – № 12. – С. 427–433.
10. Минкина А.О. Социально-психологические аспекты формирования карьеры сотрудников / А.О. Минкина // Colloquium-Journal. – 2020. – № 16–3 (68). – С. 5–6.

THE INFLUENCE OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS ON THE SUCCESS OF A CAREER IN A COMMERCIAL ORGANIZATION

Kuznetsov E.A.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN)

The article examines the essential and substantive aspects of socio-psychological factors that influence the success of a career in commercial organizations. The relevance of the topic under discussion is argued in the current conditions by the rapid increase in competition in the labor market, as well as the need for companies to take into account the characteristics of employees (in order to effectively increase their motivation and interest in high labor results). The purpose of the study is to analyze the key factors determining career success, as well as to identify contradictions in existing approaches, formulate recommendations (based on the use of systematization, comparative analysis methods, statistical information processing and generalization). The disagreements identified in modern publications relate to the emphasis on internal or external determinants, as well as insufficient knowledge of the impact of digitalization and

career planning among young people. The author summarizes that for the successful promotion of employees, an approach is needed that harmoniously combines the development of personal characteristics, taking into account social conditions, and the formation of a favorable organizational environment. The materials presented in this article will be useful for HR specialists, HR managers, as well as researchers studying the problems of career growth and employee motivation.

Keywords: career, career growth, commercial organization, motivation, planning, socio-psychological factors, success

References

1. Alekseev Yu.V. Professional career as an object of socio-psychological research / Yu.V. Alekseev // Human capital. – 2019. – No. S12–2 (132). – pp. 153–156.
2. Angel O. Yu. Psychology of career: how to effectively grow up the career ladder / O. Yu. Angel // Pedagogy & Psychology. Theory and practice. – 2021. – No. 5 (37). – Pp. 67–70.
3. Bedina V. Yu. Career success as a socio-psychological condition for the realization of personality in professional activity / V. Yu. Bedina // Psychological and pedagogical journal Gaudeamus. – 2020. – Vol. 19. – No. 3 (45). – Pp. 63–71.
4. Vardanova M.D. Socio-psychological factors influencing a successful career in business / M.D. Vardanova // Current scientific research in the modern world. – 2021. – No. 5–9 (73). – Pp. 64–67.
5. Gonchar S.N. Modern specifics of socio-psychological conditions for successful career development / S.N. Gonchar, A.S. Ognev // Proceedings of the Russian Academy of Education. – 2023. – No. 1 (61). – Pp. 35–45.
6. Koroleva O.A. Socio-psychological factors influencing the desire for career growth of employees in the organization / O.A. Koroleva // Bulletin of the University. – 2014. – No. 5. – pp. 220–222.
7. Korosteleva T.V. Factors of career planning by youth: actual socio-psychological dimensions / T.V. Korosteleva // Youth policy: history, theory, practice. Collection of scientific and methodological materials of the VI scientific and practical conference. – Moscow: 2022. – pp. 116–119.
8. Kuznetsov E.A. The influence of socio-psychological factors on the success of a career in a commercial organization / E.A. Kuznetsov // Modern trends in the development of science and the world community in the era of digitalization. – Moscow: 2024. – pp. 112–118.
9. Loretz O.G. Socio-psychological factors of managing a successful career / O.G. Loretz, A.V. Ruchkin, I.Y. Smirnova, O.P. Neverova, P.V. Sharavyev // Law and management. – 2023. – No. 12. – pp. 427–433.
10. Minkina A.O. Socio-psychological aspects of employee career formation / A.O. Minkina // Colloquium-Journal. – 2020. – No. 16–3 (68). – Pp. 5–6.

Внедрение в учебный процесс цифрового управления по ситуации

Астафурова Ольга Анатольевна,

кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой информационных систем и математического моделирования Волгоградского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: astafurova-oa@ranepa.ru

Кулагина Ирина Ивановна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры информационных систем и математического моделирования Волгоградского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: kulagina-ii@ranepa.ru

Запругайло Валерий Митрофанович,

кандидат технических наук, доцент кафедры информационных систем и математического моделирования Волгоградского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: zaprugaylo-vm@ranepa.ru

В статье рассмотрена система распределенных ситуационных центров Российской Федерации, которая играет ключевую роль в обеспечении национальной безопасности и эффективного управления государством. Выделены основные функции этой системы, включая мониторинг и анализ ситуации, прогнозирование и моделирование различных сценариев развития событий, а также координацию действий различных государственных органов и структур в условиях кризиса или чрезвычайной ситуации. Сделан вывод о необходимости обучения кадров для работы с данной инфраструктурой для обеспечения её эффективной работы. Рассмотрены ключевые причины необходимости такого обучения.

Также в статье представлен авторский взгляд на использование учебных ситуационных центров для решения задач по моделированию социально-экономических процессов. Авторы статьи подчеркивают, что такие центры могут быть эффективным инструментом для моделирования и прогнозирования различных сценариев развития социально-экономических процессов, включая демографические, экономические и политические процессы. В частности, представлен пример моделирования демографической ситуации и прогнозирования её развития в учебном ситуационном центре.

В целом, статья акцентирует внимание на необходимости обучения кадров для работы в ситуационных центрах, являющихся структурными элементами системы распределенных ситуационных центров Российской Федерации, а также демонстрирует возможность использования учебных ситуационных в учебном процессе.

Ключевые слова: система распределённых ситуационных центров, ситуационный центр, демография, моделирование, управленческие задачи, поддержка принятия решений.

Введение

Система распределённых ситуационных центров (СРСЦ) воспринимается руководством страны как надёжная основа для долгосрочной модернизации системы государственного, отраслевого, муниципального и корпоративного управления [1].

Объединение СРСЦ и координация их работы по единому регламенту направлены на повышение эффективности информационно-аналитической поддержки реализации государственной политики в области социально-экономического и общественно-политического развития, а также обеспечения национальной безопасности, включая военное время и чрезвычайные ситуации.

Система распределённых ситуационных центров представляет собой инновационный комплекс средств коммуникации, своего рода «центр управления полетами», позволяющий отслеживать события не только в отдельных регионах, ведомствах или университетах, но и по всей стране. В настоящее время в России функционирует свыше сотни таких центров, которые обеспечивают руководителей всех уровней оперативной информацией для принятия наиболее эффективных решений. Кроме того, СРСЦ активно используется для решения транспортных задач, работы на космодромах, ликвидации последствий лесных пожаров, терактов и иных чрезвычайных ситуаций.

Основные функции СРСЦ включают:

- мониторинг состояния управляемых объектов с прогнозами развития событий на основе анализа поступающей информации;
- моделирование результатов принимаемых решений и проведение экспертиз;
- оптимизацию управления в кризисных ситуациях.

Центральное место в системе занимает Ситуационный центр Президента Российской Федерации, который получает данные от региональных ситуационных центров, а также от центров различных ведомств, министерств и полномочных представителей [2].

Учёные и эксперты рассматривают ситуационные центры как важные инструменты для повышения эффективности управления и координации действий в различных сферах деятельности [3; 4]. В научной литературе и исследованиях обсуждаются вопросы информационно-аналитической поддержки управленческих решений. Ситуационные центры в настоящий момент являются важным элементом для сбора, обработки и анализа больших объёмов данных. Они помогают руководству оперативно получать актуальную информацию, необходимую для принятия взвешенных решений [5; 6]. Исследования показывают, что использование ситуационных центров значительно повышает качество управленческих решений благодаря доступу к разнообразной аналитике [7; 8]. Встречается немало публикаций связанных с кризисным управлением, когда требуется оперативность и точность в действиях. Они позволяют координировать работу различных служб и организаций, минимизировать риски и быстро реагировать на изменения обстановки [9]. Многие исследования подчеркивают важность ситуационных центров в управлении природными катастрофами, техногенными авариями и другими чрезвычайными событиями [10]. Кроме того, эксперты указывают на оп-

тимизацию процессов управления ведь современные ситуационные центры оснащены передовыми технологиями, такими как искусственный интеллект, машинное обучение и большие данные, их внедрение существенно сокращает затраты времени и ресурсов на принятие решений. Также исследователи подчёркивают значимость ситуационных центров для обеспечения национальной безопасности [11; 12]. Они служат платформой для мониторинга и предотвращения угроз, а также для реагирования на них. Некоторые учёные считают, что развитие и интеграция ситуационных центров могут стать важным элементом стратегии устойчивого развития государства. Существуют исследования, посвящённые международному сотрудничеству в области создания и использования ситуационных центров. Такие центры могут быть полезны для координации действий между различными странами в случае глобальных кризисов или природных катастроф.

В целом, учёные признают ситуационные центры важными инструментами для современного управления, способствующими улучшению качества принятия решений и обеспечению безопасности [13].

Анализ состояния и развития системы распределённых ситуационных центров (СРСЦ) в целом, а также СЦ субъектов Российской Федерации, показал, что в настоящее время возник ряд проблемных вопросов, связанных с дефицитом компетентных кадров [14].

Обучение кадров для работы с системой распределённых ситуационных центров играет важную роль в обеспечении эффективной работы данной инфраструктуры [15]. Рассмотрим ключевые причины необходимости такого обучения. СРСЦ включает в себя множество высокотехнологичных компонентов, таких как системы сбора и анализа данных, средства визуализации, алгоритмы искусственного интеллекта и многое другое. Чтобы успешно управлять такой сложной системой, специалисты должны обладать глубокими знаниями в соответствующих областях [16]. Кроме того, одной из главных задач СРСЦ является своевременное предоставление актуальной информации для принятия решений. Неправильные действия или ошибки в работе с системой могут привести к серьёзным последствиям. Стоит отметить также, что технологические изменения, обновление программного обеспечения, внедрение новых инструментов и методов анализа происходят постоянно. Обучение персонала гарантирует, что сотрудники смогут быстро и точно выполнять свои обязанности. Ещё одним не маловажным фактором является то, что СРСЦ часто используются для координации действий различных структур и ведомств, навыки командной работы и умения взаимодействовать с коллегами из разных сфер становятся критически важными. Обучение должно включать развитие коммуникативных навыков и понимание особенностей межведомственного сотрудничества. Следующий фактор связан с безопасностью и конфиденциальностью информации, обрабатываемой в рамках СРСЦ [17]. Зачастую она имеет высокую степень конфиденциальности. Обеспечение её защиты требует специальных знаний и навыков. Обученный персонал будет способен предотвращать утечки данных и защищать систему от кибератак.

Таким образом, необходимость обучения кадров для системы распределённых ситуационных центров обусловлена сложностью и важностью выполняемых ими функций, необходимостью обеспечить безопасность и эффективность работы системы, а также соответствовать современным технологическим и нормативным требованиям.

Материал и методы исследования

В качестве методов были использованы: теоретические методы, в частности, анализ научной литературы по проблематике исследования, практические методы – моделирование ситуации с использованием инструмента для нечеткого моделирования «ИГЛА», анализ, обобщение и систематизация полученных данных, а также кейс-стади, который проводился со слушателями ДПО.

Результаты исследования и их обсуждение

В связи с вышеизложенным ситуационные центры активно открываются и в учебных учреждениях. В Волгоградском институте управления-филиале РАНХиГС учебный ситуационный центр действует с 2020 года.

Учебный ситуационный центр ВИУ РАНХиГС (СЦ) – это современный инструмент поддержки активных форм обучения по проблемам, требующим применения интеллектуальных информационно-коммуникационных технологий. Выполняя функции учебного центра, он предназначен для проведения занятий для бакалавров, магистров и слушателей курсов переподготовки различных направлений обучения.

Одной из управленческих проблем, которую слушатели Президентской академии в Волгограде попытались решить с помощью СЦ – моделирование демографической ситуации и прогнозирования её развития [18].

Применение ситуационного центра в моделировании демографической ситуации позволяет учесть множество факторов, влияющих на демографические процессы, таких как рождаемость, смертность, миграция, экономический рост и другие.

Моделирование демографической ситуации в СЦ включает в себя следующие этапы.

Сбор и анализ данных. Ситуационный центр может быть настроен на сбор данных о демографической ситуации в регионе или стране. Это могут быть данные о рождаемости, смертности, миграции, возрастной структуре населения и другие показатели. Собранные данные могут быть проанализированы с помощью различных методов, таких как статистический анализ, моделирование и прогнозирование.

На основе собранных данных специалисты могут проводить анализ, выявляя ключевые проблемы, такие как низкая рождаемость в определенных регионах или высокие уровни миграции молодежи в другие страны. В СЦ Президентской академии в Волгограде в качестве инструмента для нечеткого моделирования используется система поддержки принятия решений «ИГЛА». Данный программный продукт (Интеллектуальный Генератор Лучших Альтернатив) основан на применении нечетких когнитивных моделей и обеспечивает поддержку динамического моделирования сценариев развития демографической ситуации [19].

Моделирование демографических процессов. На основе собранных данных в ситуационном центре может быть разработана модель демографических процессов в регионе или стране. Модель может включать в себя различные факторы, влияющие на демографическую ситуацию. Модель может быть использована для прогнозирования будущего состояния демографической ситуации. Программное обеспечение «ИГЛА» может автоматизировать некоторые процессы, связанные с анализом демографических данных, такие как сбор, обработка и анализ. Это может ускорить процесс принятия решений.

Поддержка принятия решений. Результаты моделирования демографической ситуации могут быть исполь-

зованы для поддержки принятия решений в области социальной политики, здравоохранения, образования и других сфер. Например, результаты моделирования могут быть использованы для разработки мер по улучшению демографической ситуации, таких как программы поддержки семей, доступ к образованию и здравоохранению, программы по снижению смертности и другие.

Визуализация результатов. Результаты моделирования демографической ситуации могут быть представлены в виде графиков, диаграмм и других визуальных материалов. Это может помочь лучше понять результаты моделирования и использовать их для принятия решений.

Интеграция с другими системами. Ситуационный центр по моделированию демографической ситуации может быть интегрирован с другими системами, такими как системы управления здравоохранением, образованием и другими. Это может позволить более эффективно использовать результаты моделирования для принятия решений в различных сферах.

Мониторинг и оценка. Ситуационный центр обеспечивает постоянный мониторинг реализации стратегий и оценку их эффективности. Это позволяет вносить коррективы в программы и адаптировать их к меняющимся условиям.

Результатом мониторинга станет координация действий всех заинтересованных сторон, что позволяет более эффективно реализовывать демографические инициативы.

В результате проведенного анализа слушатели пришли к выводу, что качественное изменение демографической ситуации возможно только на основе комплексного социально-экономического развития. Среди различных воздействий, влияющих на демографические процессы, велика роль социальной инфраструктуры и необходимость научно обоснованного подхода.

Социальная инфраструктура является составляющей общей региональной инфраструктуры. Она напрямую влияет на репродуктивное и миграционное поведение граждан. Кроме того, очень важно разработать научно обоснованный подход к определению особенностей демографического поведения в различных регионах России.

В процессе обучения использовалось аудиовизуальное и коммуникационное оборудование СРЦ, а также некоторые технологии ситуационного анализа и моделирования. Преподаватели Академии в роли модераторов организуют творческий процесс поиска путей выхода из создавшейся ситуации с демографией в стране.

Выводы

Таким образом, ситуационный центр может быть полезным инструментом для анализа и прогнозирования демографической ситуации. Однако стоит отметить, что моделирование демографических процессов является сложной задачей, которая требует учёта множества факторов и может быть подвержена ошибкам, а также требует высокой квалификации специалистов и наличия необходимых данных для анализа. Поэтому результаты моделирования следует использовать с осторожностью и в сочетании с другими источниками информации.

Использование учебного ситуационного центра в ВИУ РАНХиГС, по нашему мнению, способствует формированию у будущих выпускников навыков эффективного управления и развития территорий. Работа в Ситуационном центре ВИУ РАНХиГС позволяет студентам применить знания, навыки и умения при решении конкретных кризисных управленческих задач.

Литература

1. Авдеева З. К., Райков А.Н., Бауэр В.П. [и др.] Система распределенных ситуационных центров развития для устойчивого стратегического управления // Рефлексивные процессы и управление.: Сборник материалов XII Международного научно-практического междисциплинарного симпозиума. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Когито-Центр», 2019. С. 256–260. EDN WWYXDA.
2. Малик Е.Н. Ситуационные центры как технологический сегмент национальной политики в России // Государство и общество в современной политике: Сборник научных статей по материалам 8-ой Международной научно-практической конференции. Выпуск 8. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. С. 217–221. EDN UAD-FED.
3. Балаева Д. Р., Жуков А.З. Вопросы эффективности ситуационных центров в системе обеспечения национальной безопасности на региональном уровне // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 2. С. 109–114. DOI 10.33693/2223–0092–2021–11–2–109–114. EDN UOEXXB.
4. Абрамов В. И., Евдокимов Д.С. Ситуационный центр как механизм государственного управления: российский и зарубежный опыт // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 10(108). С. 21–35. EDN LLQTDG.
5. Мельников О.А. Информационное, аналитическое и аппаратно-технологическое обеспечение принятия решений в органах государственной власти // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2021. № 9. С. 12–20. DOI 10.36535/0548–0019–2021–09–2. EDN SLZCZD.
6. Козачок А. В., Берсенев А.Ю. Применение ситуационных центров при решении актуальных задач государственного управления // ИТ Арктика. 2018. № 2. С. 20–32. EDN YWWMTB.
7. Денисов Д.Ю. Ситуационные центры как инструмент современной системы менеджмента // Креативная экономика. 2021. Том 15. № 12. С. 4825–4836. DOI: 10.18334/ce.15.12.113849. EDN SXBYTX.
8. Старовойтов В.Г. Ситуационный центр как эффективный механизм в системе управления // Национальная безопасность / nota bene. 2021. № 5. С. 22–29. DOI: 10.7256/2454-0668.2021.5.36754 EDN BAEP-WX.
9. Шамаева Е. Ф., Перевозчикова А.К. Аналитический ситуационный центр региона в разрезе энерго-экологических, социально-экономических и инфраструктурных показателей // Геоинформатика. 2023. № 3. С. 81–92. DOI 10.47148/1609–364X-2023–3–81–92. EDN KRSJDO.
10. Кухаренко Н.С. Роль ситуационных центров в деятельности органов государственной власти при чрезвычайных ситуациях // Академическая мысль. 2021. № 1(14). С. 35–38. EDN QQZQW
11. Маслобоев А. В., Путилов В.А. Роль ситуационных центров в управлении региональной безопасностью в условиях цифровой экономики // Труды Кольского научного центра РАН. 2020. Т. 11, № 8(11). С. 144–149. DOI 10.37614/2307–5252.2020.8.11.017. EDN LKFTOD.
12. Семикин Д. В., Биткина И.К., Землянская И.С. [и др.]. Обеспечение экономической безопасности Волгоградской области: монография / Волгоград: Российская академия народного хозяйства и госу-

дарственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. 300 с. EDN WFBXIP.

13. Федотова М. А., Мартынов И.А. Интеллектуальные системы в информационно-аналитических (ситуационных) центрах в условиях перехода к цифровой экономики // Московский экономический журнал. 2019. № 1. С. 32. DOI 10.24411/2413-046X-2019-11032.
14. Кащеев А. М., Сазонов А.М., Кузин В.А. Проблемные вопросы создания и функционирования ситуационных центров субъектов Российской Федерации // Военная мысль. 2020. № 6. С. 92–99. EDN YGBQSL.
15. Митин А.И. Обучение групповому принятию решений в учебных ситуационных центрах // Психолого-педагогические исследования. 2018. Том 10. № 3. С. 84–98 DOI: 10.17759/psyedu.2018100308. DN YLUVLF.
16. Шарипов К., Исмаилова Н. Ситуационный центр как фактор повышения качества высшего образования в условиях цифровизации экономики. // Экономика и Образование. 2020. 1(2). С. 6–9.
17. Босов А. В., Сучков А.П. Информационно-аналитический ситуационный центр стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности: факторы влияния // Системы и средства информатики. 2020. Т. 30. № 1. С. 115–125. DOI 10.14357/08696527200110. EDN FQGMEK.
18. Кулагина И. И., Астафурова О.А. Организационные аспекты реализации проектной деятельности в дополнительном профессиональном образовании: на примере нацпроекта «Демография» // Современное педагогическое образование. 2022. № 12. С. 130–133. EDN: ESGTNU
19. Astafurova O., Zapryagaylo V., Kulagina I. Identification of possible scenarios for the development of the labor market in the digital transformation of the economy // ACM International Conference Proceeding Series. Wuhan. 2019. P. 399–403. DOI 10.1145/3349341.3349439. EDN TORGED.

MODELING OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

Astafurova O.A., Kulagina I.I., Zapryagaylo V.M.

Volgograd Institute of Management – a branch of the federal state budgetary educational institution of higher education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation»

The article examines the system of distributed situation centers of the Russian Federation, which plays a key role in ensuring national security and effective government. The main functions of this system are highlighted, including monitoring and analyzing the situation, forecasting and modeling various scenarios, as well as coordinating the actions of various government agencies and structures in a crisis or emergency situation. It is concluded that it is necessary to train personnel to work with this infrastructure to ensure its effective operation. The key reasons for the need for such training are considered.

The article also presents the author's view on the use of educational situational centers to solve problems of modeling socio-economic processes. The authors of the article emphasize that such centers can be an effective tool for modeling and forecasting various scenarios for the development of socio-economic processes, including demographic, economic and political processes.

In particular, an example of modeling the demographic situation and forecasting its development in an educational situation center is presented. In general, the article focuses on the need to train personnel to work in situational centers, which are structural elements of the system of distributed situational centers of the Russian Federation, and also demonstrates the possibilities of using situational training in the educational process.

Keywords: distributed situational center system, situational center, demography, modeling, management tasks, decision support.

References

1. Avdeeva Z.K., Raikov A.N., Bauer V.P. [et al.] (2019). A system of distributed situational development centers for sustainable strategic management 256–260. Reflexive processes and management: Collection of materials of the XII International scientific and practical interdisciplinary symposium. Moscow: Limited Liability Company “Cogito-Center”, EDN WWYXDA.
2. Malik E. N. (2021). Situation centers as a technological segment of national policy in Russia 217–221. State and society in modern politics: Collection of scientific articles based on the materials of the 8th International scientific and practical conference. Issue 8. Voronezh: Publishing and printing center “Scientific book”. EDN UADFED.
3. Balaeva D. R., Zhukov A.Z. (2021). Issues of the effectiveness of situation centers in the system of ensuring national security at the regional level. Social and political sciences, 11(2), 109–114. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-2-109-114>. EDN UOEXXB.
4. Abramov V. I., Evdokimov D.S. (2019). Situation center as a mechanism of public administration: Russian and foreign experience Regional problems of economic transformation, 10 (108), 21–35. EDN LLQTDG.
5. Melnikov O. A. (2021). Information, analytical and hardware-technological support for decision-making in government bodies. Scientific and technical information. Series 1: Organization and methods of information work, 9, 12–20. <https://doi.org/10.36535/0548-0019-2021-09-2>. EDN SLZCZD.
6. Kozachok A. V., Bersenev A. Yu. (2018). Application of situational centers in solving urgent problems of public administration. IT Arctic, 2, 20–32. EDN YWWMTB.
7. Denisov D.Yu. (2021). Situational centers as a tool of a modern management system. Creative economy, 15(12), 4825–4836. <https://doi.org/10.18334/ce.15.12.113849>. EDN SXBYTX.
8. Starovoytov V. G. (2021). Situation center as an effective mechanism in the management system National Security / nota bene, 5, 22–29. <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2021.5.36754> EDN BAEPWX.
9. Shamaeva E. F., Perevozchikova A.K. (2023). Analytical situational center of the region in the context of energy-ecological, socio-economic and infrastructure indicators. Geoinformatics, 3, 81–92. <https://doi.org/10.47148/1609-364X-2023-3-81-92>. EDN KRSJDO.
10. Kukhareno N. S. (2021). The role of situational centers in the activities of government bodies in emergency situations. Academicheskaya Mysl, 1(14), 35–38. EDN QQZQW
11. Masloboev A. V., Putilov V.A. (2020). The role of situational centers in managing regional security in the context of the digital economy. Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences, 8(11), 144–149. <https://doi.org/10.37614/2307-5252.2020.8.11.017>. EDN LKFTOD.
12. Semikin D. V., Bitkina I.K., Zemlyanskaya I.S. [et al.] (2019). Ensuring economic security of the Volgograd region: monograph / Volgograd: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 300 p. EDN WFBXIP.
13. Fedotova M. A., Martynov I.A. (2019). Intelligent systems in information and analytical (situational) centers in the context of transition to a digital economy. Moscow Economic Journal, 1, 32. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-11032>.
14. Kashcheev A. M., Sazonov A.M., Kuzin V.A. (2020). Problematic issues of creation and functioning of situational centers of the constituent entities of the Russian Federation. Military Thought, 6, 92–99. EDN YGBQSL.
15. Mitin A. I. (2018). Training in group decision-making in training situational centers Psychological and pedagogical research, 10(3), 84–98 <https://doi.org/10.17759/psyedu.2018100308>. DN YLUVLF.
16. Sharipov K., Ismailova N. (2020). Situation center as a factor in improving the quality of higher education in the context of digitalization of the economy. Economy and Education, 1(2), 6–9.
17. Bosov A. V., Suchkov A.P. 2020. Information and analytical situational center for strategic planning in the field of national security: influencing factors. Systems and means of information technolo-

- gy, 30(1), 115–125. <https://doi.org/10.14357/08696527200110>. EDN FQGMEK.
18. Kulagina I. I., Astafurova O.A. (2022). Organizational aspects of the implementation of project activities in additional professional education: on the example of the national project “Demography”. *Modern pedagogical education*, 12, 130–133. EDN: ES-GTNU
19. Astafurova O., Zapryagaylo V., Kulagina I. (2019). Identification of possible scenarios for the development of the labor market in the digital transformation of the economy 399–403. *ACM International Conference Proceeding Series*. Wuhan. <https://doi.org/10.1145/3349341.3349439>. EDN TORGED.

Организационная культура как фактор мотивации служебной деятельности военнослужащего

Курманов Ренат Шавкятovich,

старший преподаватель, адъюнкт Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: kurmanovrenat92@gmail.com

Осуществлен теоретический анализ научных источников, рассматривающих организационную культуру в мотивационном контексте. Обобщение теоретических идей по социокультурной мотивации, а также стимулированию служебно-трудовой деятельности военнослужащих позволило раскрыть организационную культуру как некий комплекс ценностей, норм, принципов поведения, а также стимулирующих факторов, регулирующих их поведение. Доказано, что организационная культура имеет двойственное проявление. Во-первых, она проявляется как набор базовых внешних социокультурных стимулов поведения военных акторов. Во-вторых, определяет внутреннюю мотивацию профессиональной деятельности военнослужащих. Новый тип достижительной военной организационной культуры включает в себя формирование позитивной служебно-трудовой среды, в которой военнослужащего чувствуют, ценят, развивают. Здесь активно разрабатываются мероприятия, направленные на сплочение воинского коллектива, программы социального признания, воспитания товарищества, патриотизма. В рамках достижительной военной организационной культуры формируются и внедряются социальные технологии служебно-трудовой мотивации военнослужащих, осуществляется реализация социальных процессов побуждения военных акторов к активной служебной деятельности.

Ключевые слова: организационная культура, воинский коллектив, факторы мотивации, служебная деятельность, военнослужащий.

Введение

В современных условиях необходимо научное обоснование процессов трансформации организационной культуры, выявление ее влияния на мотивацию служебно-трудовой деятельности военнослужащих. Последнее определяет предпосылки анализа организационного климата на феноменологической основе, где показатели развития организационной культуры дополняются набором стилей поведения военнослужащих, мотивации труда, организационными поведенческими характеристиками различных акторов служебно-трудовой деятельности.

Таким образом, в новых условиях актуализируется необходимость исследования организационной культуры как фактора, определяющего эффективную нематериальную мотивацию акторов военной службы. Важно рассмотреть позицию ученых, анализирующих процессы обновления факторов профессионального поведения военнослужащих, ориентированных или не ориентированных на достижение целей военной организации. Необходимо исследовать организационную культуру в контексте ее влияния и определения стиля организационного поведения воинского коллектива, оптимизирующую военную служебно-трудовую деятельность, определяющую комплексы мотивации к трудовой инициативе, создающей предпосылки развития служебной активности, формирования достижительного стиля поведения, стремления к профессиональной адаптации в изменяющейся внешней социальной среде.

Теоретико-методологические основы исследования

Условно разграничим мотивационные исследования по организационной культуре на две группы:

1) теоретические разработки по социокультурной мотивации;

2) военно-социологические разработки по мотивации служебно-трудовой деятельности военнослужащих.

Рассмотрим теоретические концепции организационной культуры как фактора социокультурной мотивации. В рамках данных научных школ исследуется организационная культура трудового коллектива в контексте мотивационно-деятельностного подхода [1, с. 3–11]. Последнее позволило авторам обосновать культуру, с одной стороны, как комплекс, определяющий групповые принципы, нормы, ценности организационного поведения членов трудового коллектива, с другой стороны, как социокультурный стимулирующий фактор, влияющий и определяющий на нематериальную мотивацию работников [2, с. 116–122]. В рамках данных доктрин уточняется междисциплинарная сущность «организационной культуры» как фактора мотивации и технологии, регулирующей деятельность трудового коллектива. Дж.Л. Гибсон, Д.М. Иванцевич, Д.Х. Доннелли рассматривают данную категорию в рамках статичной системной конструкции. Они отмечают, что организационная культура в контексте междисциплинарного исследования должна рассматриваться как система характеристик, четко проявляющихся в комплексе социальных ценностей, группо-

вых профессиональных убеждений, а также технологий мотивационного нормирования поведения и взаимодействия работников [3, с. 662]. Аналогичный подход мы встречаем в работах Дж.М. Джордж, Г.Р. Джоунс. Последние констатируют, что организационная культура представляет собой не только набор формальных, а также неформальных системных ценностей, норм поведения, но и социокультурной среды контролирующей, а также формирующей мотивационные принципы поведения и профессионального действия персонала. В рамках организационной культуры определяются необходимые рамки трудового взаимодействия, определяются организационно необходимые целевые ориентации акторов. По сути, организационная культура представляет собой, с одной стороны, некий системный комплекс ценностей, разрабатываемый и распространяемый в организации, с другой стороны – это мощный социокультурный стимул профессионального поведения. Данная категория объясняет, почему работники являются преданными организации, а также какие технологии мотивации труда приемлемы и необходимы. В рамках организационной культуры определяются приемлемые, а также неприемлемые формы стимулирования труда, что в целом обуславливает групповой и индивидуальный образ поведения работников организации. Данные исследователи видят в организационной культуре некоторый компонент, который необходимо включать в систему нематериальной мотивации организации. По сути, организационная культура наряду с многими иными материальными и нематериальными факторами определяет мотивационное ядро организации и модель взаимодействия с внешним миром, «входящим в организацию» [4, с. 463]. Отметим, что представленные разработки по организационной культуре только частично применяют деятельностный подход. Они акцентируют внимание на рассмотрении большого множества мотивационных компонентов организации, которые и определяют стиль культурного взаимодействия, и предлагают абстрагироваться от моделей целевого воздействия организационной культуры на мотивацию поведения трудовых субъектов.

Другой подход мы встречаем в работах по социальному управлению. Так, М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури акцентируют внимание на том, что организационная культура представляет собой социальную атмосферу мотивации организационного поведения. Ее предлагают рассматривать как «социальный климат», комплексно стимулирующий членов организации к определенному типу профессионального взаимодействия [5, с. 685]. Несложно заметить, что уже в рамках данного подхода организационная культура – это комплекс нематериальной мотивации (а не один из элементов данного комплекса). Здесь организационная культура включает в себя иные нематериальные факторы стимулирования труда работников. Э. Шейн расширенно трактует мотивационную сущность культуры организации. Доказывает, что она проявляется не только на уровне «провозглашаемых ценностей организации», но и на уровне социальных технологий непосредственного воздействия на менеджмент и непосредственных работников [6]. Э. Шейн выделил две основные функции организационной культуры, которые она должна осуществлять для эффективного мотивационного воздействия.

1. Адаптивная функция, которая заключается в ее устойчивом и надежном функционировании посредством закрепления актуальных ценностей и принципов, необходимых для противодействия влиянию внешних факторов. Определение ею ключевых стратегий, целей и стимулирующих средств, необходимых для достижения эффективного поведения членов организации.

2. Функция интеграции. Данная функция позволяет организационной культуре объединять индивидуальные интересы ее представителей в общую совокупность и способствует социокультурной мотивации любой деятельной активности. Она определяет рамки необходимого достижительного поведения, помогает отдельным сотрудникам ощущать себя частью чего-то общего. В рамках организационной культуры формируется мотивационная система, которая не только направлена на стимулирование действия, но и призвана выделять и развивать границы и рамки функционирования членов самой организации. По сути, организационная культура способствует выбору оптимальной системы управления и мотивации в коллективе, а также оказывает практическую помощь в решении других социальных вопросов и проблем организации.

Таким образом, интегрируя базовые общетеоретические подходы к исследованию организационной культуры как мотивационного фактора, можно сделать вывод о том, что организационная культура представляет собой некий комплекс ценностей, норм, принципов поведения, а также стимулирующих факторов, регулирующих поведение работников формальной организации. Организационная культура, с одной стороны, является внутренней социокультурной средой функционирования организации, с другой – она определяет базовые внешние социокультурные стимулы, а также внутреннюю мотивацию профессиональной деятельности субъектов труда. Организационная культура объясняет и регулирует в нужном для администрации направлении модель поведения работников. Она формирует социальные основы преданности целям и интересам организации, активизирует социокультурные мотивационные принципы профессионального взаимодействия работников.

Рассмотрим военно-социологические разработки по мотивации служебно-трудовой деятельности военнослужащих. В рамках военно-социологических доктрин исследуется организационная культура как непосредственная среда мотивационного воздействия на военнослужащих. Т.М. Баландина, А.Н. Болдырев [7, с. 32–35] отмечают, что военная организационная культура формируется в результате осознания, а также разделения воинскими коллективами военных организационных ценностей, важных представлений, норм, принципов, правовых предписаний, а также санкций. В результате усваивания последних группами военнослужащих определяются рациональные, скоординированные групповые действия военнослужащих, формируется необходимая модель трудовых и служебных взаимодействий [8, с. 54–58]. Несложно заметить, что авторы отождествляют основную управленческую функцию организационной культуры с координированием групповых действий военнослужащих, регулированием служебных взаимодействий. Подчеркивается, что военная организационная культура имеет специфические черты в разных служебных коллективах воинской части.

Р.Н. Девлетов указывает на универсальные функции организационной культуры – мотивирующую, защитную, мобилизационную [9, с. 432–436]. Функционирующая в современных условиях природная организационная культура ориентирована на узкое функциональное представление служебно-трудовых целей, поставленных стратегических и тактических задач. Последнее создает социокультурную атмосферу жестких и костных алгоритмов поведения, отторжения мотивации профессиональной деятельности, разобщения действий отдельных групп трудового коллектива. На начальном этапе находится становление достижительной организационной культуры военной организации. Последняя ориен-

тирована на активное влияние на мотивацию служебно-трудовой деятельности, на инновационную составляющую развития военных микроколлективов. Позитивно влияющая культура воинского коллектива мотивирует военнослужащих на развитие новаторского потенциала отдельных личностей и коллектива в целом, создает необходимые стимулирующие условия, формирует инновационные ценности, нормы творческого взаимодействия, оказывает эффективное влияние на стиль поведения военных акторов, повышая результативность их деятельности, вовлеченность во внедрение инновационных технологий. Создание эффективной организационной культуры воинского коллектива зависит от развития, а также применения военнослужащими творческих способностей, проявляющихся в создании новаторских идей для реализации поставленных служебных задач, а также модернизации имеющихся управленческих технологий, подходов, перспективных стратегий.

Конкретное влияние организационной культуры воинского коллектива на мотивацию служебно-трудовой деятельности военнослужащих рассматривает А. Савенко [10, с. 49–59]. Он приходит к выводу, что в зависимости от перечня заложенных в нее целей, функций, базовых задач она оказывает влияние на мотивационное ядро военнослужащих, деятельность самого воинского коллектива в целом [11, с. 77–85]. При данном подходе мотивационные ценности в организации необходимо определять как корневую основу организационной культуры. Они объективно определяют целевое, а также желаемое профессиональное действие военнослужащих [12, с. 219–223]. При этом каждый военный актор свое поведение и действие строит в контексте интуитивных оценок, явной социальной оценки социокультурной среды его окружающей, необходимых предполагаемых организационных результатов профессионального взаимодействия. Ценности, а также нормы формируют стиль профессионального действия военнослужащих в организации. Последний определяется в личностных и групповых манерах действия и поведения военнослужащих. По сути, ценности определяют направления профессионального действия. На начальном этапе они проявляются на уровне профессиональных интересов военнослужащих, затем определяется набор конкретных действий совершающихся во взаимодействии с иными субъектами в процессе службы. Стиль профессионального поведения взаимосвязан, а также находится в некоторой взаимосвязи с культурными организационными нормами, ритуалами, традициями, церемониями, особенностями коммуникаций.

Заключение

Организационная культура военнослужащих в современных условиях проявляется не только как некий комплекс ценностей, норм, принципов поведения, но и набор стимулирующих факторов, регулирующих их поведение. Организационная культура имеет двойственное проявление. Во-первых, она проявляется как набор базовых внешних социокультурных стимулов поведения военных акторов. Во-вторых, определяет внутреннюю мотивацию профессиональной деятельности военнослужащих. Ценности военной организации также являются стимулом профессионального взаимодействия, определяющим социальные условия любого делового взаимодействия в воинских коллективах. Именно ценности представляют собой комплекс окружающий социальные объекты организации. В отношении последних военнослужащие занимают позицию при оценке в соответствии с собственными интересами, потребностями, а также мотивами.

Природная военная организационная культура базируется на узкофункциональных профессиональных ценностях, традиционном видении целей, поставленных задач, тактики и стратегии функционирования воинских коллективов. Последнее создает социокультурную среду отторжения ценностей мотивационной активности, ориентации на инновационные внедрения. Данная организационная культура эффективна в статичных условиях функционирования воинских коллективов, формирует классическую форму организационного поведения военнослужащих. Здесь социокультурная мотивация не рассматривается как основной фактор стимулирования служебно-трудовой деятельности военнослужащих. В рамках природной военной организационной культуры инициативу военнослужащего стремятся исключить, подавить, минимизировать. Военные руководители не стремятся сами и подавляют попытки подчиненных искать качественные факторы повышения результативности служебно-трудовой деятельности.

В условиях роста неопределенности и непредсказуемости формируется достигательная организационная культура. Последняя базируется на широкой системе профессиональных ценностей, видении целей, поставленных задач, тактики и стратегии функционирования воинских коллективов. Последнее создает социокультурную среду активизации развития ценностей мотивационной активности, ориентации на побуждение к обновленному стилю выполнения поставленных стратегических задач и установок. Новый тип достигательной военной организационной культуры включает в себя формирование позитивной служебно-трудовой среды, в которой военнослужащие чувствуют, ценят, развивают. Здесь активно разрабатываются мероприятия, направленные на сплочение воинского коллектива, социальные программы социального признания, воспитания товарищества, патриотизма. В рамках достигательной военной организационной культуры разрабатываются и внедряются социальные технологии служебно-трудовой мотивации военнослужащих, осуществляется реализация социальных процессов побуждения военных акторов к активной служебной деятельности.

Литература

1. Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 3–11.
2. Быченко Ю.Г., Баландина Т.М. Развитие профессионального потенциала военнослужащих, поступивших на военную службу по контракту / Ю.Г. Быченко, Т.М. Баландина // Вестник ННГУ. Сер. Социальные науки. – 2019. – № 4 (12). – С. 116–122.
3. Гибсон Д.Л. Организации: поведение, структура, процессы: Пер. / Дж. Л. Гибсон, Д.М. Иванцевич, Д.Х. Донелли – 8-е изд. // М.: ИНФРА-М. 2000. 662 с.
4. Джордж Д.М. Организационное поведение. Основы управления: Пер. / Дж.М. Джордж, Г.Р. Доунс. // М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2003. 463 с.
5. Мескон М. Основы менеджмента: Пер. / М, Мескон, М. Альберт. Ф. Хедоури // М.: «Вильямс». 2020. 685 с.
6. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство. СПб., 2002.
7. Баландина Т.М., Болдырев А.Н. Управленческое конструирование организационной культуры воинского подразделения / Социально-гуманитарные знания. 2023. № 11. С. 32–35.

8. Болдырев, А.Н. Социальное проектирование развития адаптивной организационной культуры современных воинских коллективов [Текст] / А.Н. Болдырев // Социально- гуманитарные знания. – 2024. – № 7. – С. 54–58.
9. Девлетов, Р.Н., П.Ю. Кулагина Социальная защита профессиональной группы как фактор преодоления социальной напряжённости [текст] / Р.Н. Девлетов, П.Ю. Кулагина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология. – 2019. – Т. 19. – Вып. 4. – С. 432–436.
10. Савенко, А.А. Двухуровневая модель мотивации служебно-трудовой деятельности военнослужащих национальной гвардии Российской Федерации / А.А. Савенко // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – № 3 (57). – С. 49–59.
11. Савенко, А.А. Специфика мотивации военнослужащих в современной военной организации [Текст] / А.А. Савенко // Профессионализм военнослужащего: стратегия и перспективы развития в современной России: сб. науч. ст. – Саратов: Наука, 2016. – С. 77–85.
12. Немоляев, В.В., Савенко А.А. Профессиональное развитие как фактор трудовой мотивации работников [Текст] / В.В. Немоляев, А.А. Савенко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 1. – С. 219–223.

ORGANIZATIONAL CULTURE AS A FACTOR OF MOTIVATION OF SERVICE ACTIVITIES OF A MILITARY PERSONNEL

Kurmanov R.Sh.

Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation

The theoretical analysis of scientific sources considering organizational culture in the motivational context was carried out. Generalization of theoretical ideas on socio-cultural motivation, as well as stimulation of service and labor activity of military personnel allowed to reveal organizational culture as a certain complex of values, norms, principles of behavior, as well as stimulating factors regulating their behavior. It is proved that organizational culture has dual manifestations. Firstly, it manifests itself as a set of basic external socio-cultural stimuli for the behavior of military actors. Secondly, it determines the internal motivation of professional activity of military personnel. A new type of achieving military organizational culture includes the formation of a positive service and labor environment in which a serviceman is felt, appreciated, developed. Here, measures aimed at uniting the military team, social recognition programs,

fostering camaraderie, patriotism are actively developed. Within the framework of an achievable military organizational culture, social technologies for service and labor motivation of military personnel are developed and implemented, and social processes of encouraging military actors to active service activities are implemented.

Keywords: organizational culture, military team, motivation factors, service activities, military personnel.

References

1. Zaslavskaya T.I. Sociostructural aspect of transformation of Russian society // Sociological studies. 2001. No. 8. P. 3–11.
2. Bychenko Yu.G., Balandina T.M. Development of professional potential of military personnel who entered military service under contract / Yu.G. Bychenko, T.M. Balandina // Bulletin of UNN. Series: Social Sciences. – 2019. – No. 4 (12). – P. 116–122.
3. Gibson D.L. Organizations: behavior, structure, processes: Trans. / J.L. Gibson, D.M. Ivantsevich, D.H. Donnelly – 8th ed. // Moscow: INFRA-M. 2000. 662 p.
4. George D.M. Organizational behavior. Fundamentals of management: Trans. / J.M. George, G.R. Downes. // M.: UNITY-DANA. 2003. 463 p.
5. Mescon M. Fundamentals of Management: Trans. / M, Mescon, M. Albert. F. Khedouri // M.: “Williams”. 2020. 685 p.
6. Shane E.H. Organizational Culture and Leadership. St. Petersburg, 2002.
7. Balandina T.M., Boldyrev A.N. Managerial Design of the Organizational Culture of a Military Unit / Social and Humanitarian Knowledge. 2023. No. 11. Pp. 32–35.
8. Boldyrev, A.N. Social Design of the Development of the Adaptive Organizational Culture of Modern Military Collectives [Text] / A.N. Boldyrev // Social and Humanitarian Knowledge. – 2024. – No. 7. – P. 54–58.
9. Devletov, R.N., P. Yu. Kulagina Social protection of a professional group as a factor in overcoming social tension [text] / R.N. Devletov, P. Yu. Kulagina // Bulletin of the Saratov University. New series. Sociology. Political science. – 2019. – Vol. 19. – Issue. 4. – P. 432–436.
10. Savenko, A.A. Two-level model of motivation for service and labor activity of military personnel of the National Guard of the Russian Federation / A.A. Savenko // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. – 2018. – No. 3 (57). – P. 49–59.
11. Savenko, A.A. Specifics of motivation of military personnel in a modern military organization [Text] / A.A. Savenko // Professionalism of a military man: strategy and development prospects in modern Russia: collection of scientific articles. – Saratov: Nauka, 2016. – P. 77–85.
12. Nemolyaev, V.V., Savenko A.A. Professional development as a factor in labor motivation of employees [Text] / V.V. Nemolyaev, A.A. Savenko // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2017. – No. 1. – P. 219–223.

Карьерный габитус миллениалов на современном рынке труда: востребованность в SHIVA-мире

Олейникова Елизавета Эдуардовна,

преподаватель кафедры гуманитарных наук, деловой этики и социальной ответственности, Институт управления РАНХИГС, РАНХИГС при Президенте РФ
E-mail: liz.oleynikova@gmail.com

Автор обозначает проблему адаптации поколения миллениалов к современным реалиям мирового рынка труда, где доминируют технологии, цифровизация и нестабильность. Рассматривается концепция «карьерного габитуса», основанная на сочетании профессиональных ориентаций, навыков и убеждений, формируемых под воздействием социальной среды. Отмечается, что миллениалы сталкиваются с необходимостью часто менять профессии, адаптироваться к гибким условиям работы и опираться на принципы саморазвития и самоорганизации. Исследование было проведено с использованием качественного и количественного анализа. Основными методами стали опросы, интервью с представителями миллениалов, а также анализ трудовых биографий, собранных на профессиональных платформах. Выборка включала резидентов мегаполисов, занятых в различных отраслях – от IT до креативной экономики. Полученные данные демонстрируют, что характерные черты карьерного габитуса миллениалов включают ориентацию на гибкость, скачкообразное обучение, поиск смыслов в профессиональной деятельности и стремление к карьерной многопрофильности. Установлено, что ключевыми компетенциями являются цифровая грамотность, способность к быстрой адаптации и эмоциональный интеллект. В условиях SHIVA-мира миллениалы проявляют повышенную уязвимость из-за нестабильности рынка труда, но в то же время лучше справляются с инновационными вызовами благодаря своей гибкости. Автор подчеркивает необходимость разработки образовательных и профессиональных стратегий, поддерживающих адаптацию миллениалов.

Ключевые слова: миллениалы, поколение Миллениум, карьерная мобильность, цифровое общество, карьерный габитус, карьерный портфель, цифровая эпоха.

Процессы модернизации и глобализации, охватившие российское общество в постсоветский период, оказали существенное влияние на трансформацию ценностных ориентаций молодежи [1]. Для углубленного понимания данных изменений необходимо проанализировать теоретические подходы к изучению ценностного сознания молодого поколения в условиях социальных трансформаций [2].

Одним из ключевых теоретических подходов является концепция социализации, согласно которой ценности и установки личности формируются в процессе усвоения социальных норм, правил и образцов поведения, принятых в данном обществе [3]. В условиях радикальных социально-экономических и политических преобразований, характерных для постсоветской России, процесс социализации молодежи претерпел существенные изменения [4]. Разрушение советской системы ценностей и идеологии, либерализация экономики и демократизация общественной жизни привели к плюрализации ценностных ориентиров и моделей поведения [5].

Другим важным теоретическим подходом к анализу динамики ценностного сознания молодежи является теория поколений, разработанная американскими учеными Н. Хоувом и В. Штраусом (1991). Согласно данной теории, каждое поколение формируется под влиянием исторических событий, социальных условий и технологических инноваций, доминирующих в период их взросления. Поколение российской молодежи, выросшее в 1990-е и 2000-е годы, существенно отличается по своим ценностным установкам от предыдущих поколений, социализировавшихся в советский период (табл. 1).

Таблица 1. Поколенческие различия в ценностных ориентациях российской молодежи

Поколение	Годы рождения	Ключевые ценности
«Поколение переходного периода»	1965–1984	Стабильность, уверенность в завтрашнем дне, семья, труд
«Поколение реформ»	1985–1999	Индивидуализм, свобода, материальный успех, карьера
«Цифровое поколение»	2000–2018	Самореализация, инновации, глобальное мышление, экология

Эмпирические исследования свидетельствуют о значительных изменениях в иерархии жизненных ценностей и приоритетов российской молодежи за последние три десятилетия. Если в советский период доминировали коллективистские ценности (патриотизм, труд на благо общества, солидарность), то в постсоветский период на первый план выходят индивидуалистические ценности (личный успех, материальное благополучие, независимость). Согласно опросу ВЦИОМ (2020), главными жизненными приоритетами современной российской молодежи являются семья (78%), здоровье (61%), материальный достаток (54%), интересная работа (38%) и образование (37%) (табл. 2).

Таблица 2. Динамика ценностных приоритетов молодежи в России (в % от числа опрошенных)

Ценности	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.
Семья	65	72	75	78
Здоровье	42	50	58	61
Материальный достаток	30	45	52	54
Интересная работа	48	41	39	38
Образование	39	35	36	37
Друзья	52	44	40	35
Карьера	18	28	32	33
Свобода, независимость	22	30	31	32
Творчество	26	24	25	24
Патриотизм	35	28	26	23

Важным фактором, влияющим на ценностное сознание молодежи в условиях глобализации, является распространение западных (прежде всего, американских) культурных образцов и стилей жизни [6]. Процессы вестернизации, активно протекающие в России с начала 1990-х годов, способствовали усвоению молодым поколением таких ценностей, как индивидуализм, стремление к успеху, ориентация на потребление, приоритет материальных благ над духовными. В то же время, эмпирические исследования показывают, что степень подверженности западному влиянию различается у разных групп молодежи в зависимости от уровня образования, места проживания, социального статуса семьи и других факторов [7] (табл. 3).

Таблица 3. Оценка молодежью влияния западной культуры на российское общество (в % от числа опрошенных)

Группы молодежи	Позитивное влияние	Негативное влияние	Затруднились ответить
Молодежь в целом	42	35	23
Студенты вузов	56	26	18
Рабочая молодежь	38	39	33
Сельская молодежь	30	44	26
Молодежь из семей с высоким доходом	62	22	16
Молодежь из семей с низким доходом	31	48	21

Таким образом, влияние глобализации на ценностные установки молодежи носит противоречивый и неоднозначный характер. С одной стороны, усвоение западных ценностей и моделей поведения способствует развитию индивидуальной инициативы, креативности, открытости инновациям [8]. С другой стороны, чрезмерная ориентация на западные образцы может привести к ослаблению национальной идентичности, размыванию традиционных ценностей и норм [9].

Важнейшим фактором, определяющим динамику ценностного сознания молодежи в современном мире, является стремительное развитие информационных технологий и новых медиа. Интернет, социальные сети, мессенджеры и другие цифровые платформы становятся ключевыми каналами получения информации, обще-

ния и самовыражения для молодого поколения. Согласно данным ВЦИОМ (2021), 99% российской молодежи в возрасте от 18 до 24 лет пользуются интернетом ежедневно, при этом 85% имеют аккаунты в социальных сетях (табл. 4).

Таблица 4. Использование интернета и социальных сетей различными возрастными группами в России (в % от числа опрошенных)

Возрастные группы	Пользуются интернетом ежедневно	Имеют аккаунты в социальных сетях
18–24 года	99	85
25–34 года	97	78
35–44 года	93	71
45–59 лет	76	55
60 лет и старше	35	21

Цифровая среда оказывает существенное влияние на формирование ценностных установок и моделей поведения молодежи. С одной стороны, интернет и социальные медиа предоставляют молодым людям широкие возможности для самореализации, творчества, общения и получения информации [10]. С другой стороны, виртуальная реальность может способствовать распространению деструктивных ценностей и форм поведения, таких как эскапизм, нарциссизм, агрессия, экстремизм. Эмпирические исследования показывают, что молодые люди, активно вовлеченные в цифровые коммуникации, в большей степени ориентированы на ценности самовыражения, гедонизма, потребления и в меньшей степени – на традиционные ценности семьи, труда, долга (табл. 5).

Таблица 5. Корреляция между интенсивностью использования социальных сетей и приверженностью различным типам ценностей у российской молодежи

Ценности	Коэффициент корреляции Пирсона
Самовыражение	0,68
Гедонизм	0,64
Потребление	0,58
Свобода	0,42
Семья	-0,35
Труд	-0,54
Долг, патриотизм	-0,62

Таким образом, информационные технологии и новые медиа играют амбивалентную роль в трансформации ценностного сознания молодежи. С одной стороны, они открывают новые горизонты для развития личности, расширяют кругозор и возможности самореализации. С другой стороны, цифровая среда может нести определенные риски размывания традиционных ценностей основ общества, распространения потребительских и гедонистических установок.

Важным аспектом анализа динамики ценностного сознания российской молодежи является изучение соотношения традиционных и модернистских ценностей в их мировоззрении. Эмпирические исследования показывают, что в ценностной структуре современной молодежи сочетаются как традиционные, так и модернистские элементы (Горшков & Шереги, 2020).

К традиционным ценностям, сохраняющим значимость для молодого поколения, относятся:

1. Семья и родственные связи (значимы для 80–90% молодежи)
2. Патриотизм и любовь к Родине (60–70%)
3. Уважение к старшим (55–65%)
4. Религиозная вера (30–40%)

В то же время, под влиянием модернизации усиливаются следующие ценностные ориентации:

1. Индивидуализм и самореализация (значимы для 70–80% молодежи)
2. Материальное благополучие и успех (65–75%)
3. Профессиональная карьера (60–70%)
4. Инновации и прогресс (50–60%)
5. Толерантность и культурное многообразие (45–55%) (табл. 6).

Таблица 6. Динамика соотношения традиционных и модернистских ценностей у российской молодежи (в % от числа опрошенных)

Ценности	2000 г.	2010 г.	2020 г.
Семья	87	89	92
Патриотизм	76	71	67
Уважение к старшим	69	63	58
Религиозная вера	35	39	42
Индивидуализм	52	68	79
Материальный успех	62	71	76
Карьера	47	58	68
Инновации	33	44	57
Толерантность	28	37	51

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в ценностном сознании молодежи происходит постепенное смещение от традиционных приоритетов к модернистским. При этом традиционные ценности семьи, патриотизма, уважения к старшим поколениям сохраняют свою значимость, но их относительный вес снижается на фоне роста индивидуалистических и достигательных ориентаций.

Соотношение традиционных и модернистских ценностей в молодежной среде варьируется в зависимости от социально-демографических характеристик. Исследования показывают, что приверженность традиционным ценностям выше у молодежи, проживающей в сельской местности (на 10–15%), чем у городской молодежи. Значимость модернистских ценностей выше у молодых людей с высшим образованием (на 15–20%), чем у молодежи со средним профессиональным образованием. Гендерные различия в ценностных приоритетах выражены слабо, однако девушки несколько больше ориентированы на семейные ценности, а юноши – на ценности профессиональной самореализации и карьеры (табл. 7).

Сочетание традиционных и модернистских ценностных ориентаций в сознании молодежи нередко порождает внутренние конфликты и противоречия. С одной стороны, молодые люди стремятся к самореализации, независимости, материальному успеху, с другой – испытывают потребность в принадлежности к семье, следовании традициям, служении обществу. По данным исследования ФОМ (2019), около 45% российской молодежи ощущают внутренний ценностный конфликт между стремлением «жить для себя» и «жить для других», между ориентацией на индивидуальный успех и желанием быть полезным обществу (табл. 8).

Таблица 7. Ценностные ориентации различных групп молодежи в России (в % от числа опрошенных в каждой группе, 2020 г.)

Ценности	Сельская молодежь	Городская молодежь	Молодежь с высшим образованием	Молодежь со средним профессиональным образованием
Семья	93	88	85	91
Патриотизм	75	61	58	72
Уважение к старшим	71	54	52	66
Религиозная вера	54	38	33	47
Индивидуализм	69	81	85	73
Материальный успех	67	78	82	71
Карьера	59	71	76	63
Инновации	44	61	68	51
Толерантность	39	55	62	46

Таблица 8. Восприятие ценностных конфликтов российской молодежью (в % от числа опрошенных)

Ощущаете ли Вы противоречия между...?	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Стремлением к личному успеху и желанием принести пользу обществу	47	38	15
Ориентацией на семью и профессиональной самореализацией	42	49	9
Потребностью в стабильности и стремлением к новизне, риску	37	51	12
Патриотизмом и интересом к другим странам и культурам	26	63	11
Религиозной верой и светскими ценностями	19	66	15

Противоречивость ценностного сознания молодежи обусловлена комплексным влиянием разнонаправленных социокультурных факторов. С одной стороны, социализация молодого поколения происходит в условиях глобализации, информатизации, ускорения социальных изменений, что способствует усвоению «современных» ценностей индивидуализма, прагматизма, достигательности. С другой стороны, значимое влияние на молодежь оказывают традиционные институты семьи, образования, религии, транслирующие ценности коллективизма, солидарности, духовности (Зубок & Чупров, 2017).

Для гармонизации ценностного сознания молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества необходима системная работа институтов социализации по нескольким направлениям:

1. Актуализация и адаптация традиционных ценностей (семья, патриотизм, солидарность поколений) к со-

временным реалиям через образование, культуру, медиа. Доля молодежи, разделяющей данные ценности, должна вырасти с нынешних 55–70% до 70–80%.

2. Культивирование модернистских ценностей (личностное развитие, креативность, инновационность) в конструктивных, социально ответственных формах. Ориентация на самореализацию должна сочетаться со служением обществу, а не противопоставляться ему.
3. Развитие у молодежи навыков критического мышления, самостоятельного анализа информации, защиты от манипулятивных воздействий. По оценкам экспертов, сегодня такими навыками обладают лишь 25–30% молодых людей, необходимо довести эту долю до 60–70% (ВЦИОМ, 2021).
4. Расширение возможностей для реального участия молодежи в социально-экономической и политической жизни, вовлечение в созидательную деятельность. Доля молодежи, вовлеченной в волонтерство, общественные проекты, творческие инициативы, должна вырасти с текущих 10–15% до 30–40% (ФОМ, 2020).

Усиление роли институтов образования и культуры в формировании целостного мировоззрения молодежи, основанного на гармоничном сочетании традиционных и современных ценностей. По оценкам социологов, сегодня лишь около 20% учебных заведений и учреждений культуры успешно выполняют данную функцию, необходимо увеличить их долю до 50–60% (Горшков & Шереги, 2020) (табл. 9).

Таблица 9. Оценка экспертами мер по гармонизации ценностного сознания молодежи (в % от числа опрошенных экспертов)

Меры	Высокая значимость	Средняя значимость	Низкая значимость
Актуализация традиционных ценностей	62	31	7
Культивирование модернистских ценностей	58	36	6
Развитие критического мышления	79	18	3
Вовлечение в созидательную деятельность	71	24	5
Усиление роли образования и культуры	84	13	3

Таким образом, гармонизация ценностного сознания российской молодежи в условиях социокультурной трансформации требует комплексных усилий общества и государства по актуализации традиционных ценностей, культивированию позитивных инноваций, развитию самостоятельности мышления, созданию возможностей для самореализации и участия молодых людей в жизни социума. Ключевую роль в этом процессе призваны сыграть институты семьи, образования, культуры, медиа, способные обеспечить преемственность и обновление ценностных основ российского общества.

Трансформационные процессы, связанные с переходом российского общества от советской модели к рыночной экономике и либерально-демократической политической системе, оказали глубокое влияние на ценностный мир и мировоззрение молодого поколения. Социализация современной российской молодежи происходит в условиях размывания прежней советской систе-

мы ценностей, основанной на принципах коллективизма, патернализма и государственной идеологии, и формирования новой плюралистической ценностной среды, характерной для общества постмодерна.

Исследования динамики ценностных ориентаций российской молодежи, проведенные в последние десятилетия, фиксируют тенденцию к индивидуализации и прагматизации молодежного сознания, повышению значимости ценностей личного успеха, материального благополучия, профессиональной и личностной самореализации (Табл. 10). Так, по данным опроса ВЦИОМ 2020 года, главными жизненными целями молодых россиян являются «материальный достаток, обеспеченная жизнь» (67%), «хорошая семья и дети» (61%), «интересная работа и профессиональная самореализация» (54%). При этом такие ценности, как «служение Родине», «польза обществу», «общественное признание», существенно уступают в рейтинге жизненных приоритетов молодежи.

Таблица 10. Динамика ценностных приоритетов молодежи России 18–35 лет (по данным ВЦИОМ, в % от опрошенных)

Ценности	2010	2015	2020
Семья, дети	65	71	61
Материальный достаток	54	62	67
Интересная работа	47	56	54
Здоровье	51	59	50
Дружба, общение	44	37	32
Индивидуальная свобода	33	36	37
Творчество, самовыражение	27	33	28
Польза обществу	21	16	14
Вера, религия	14	18	11
Общественное признание	19	13	10

При этом модернизационные процессы по-разному влияют на ценностное сознание различных групп и слоев молодежи, дифференцированных по социально-экономическим, территориальным, этнокультурным признакам. Так, у молодежи крупных городов и мегаполисов, наиболее включенной в глобальные информационные потоки и практики потребления, в большей степени выражены ценности индивидуализма, личной свободы, гедонизма, толерантности к культурному многообразию. В то же время для молодежи малых городов и сельской местности более характерно сохранение традиционных ценностей – семьи, религии, патриотизма, уважения к старшим.

Значительные различия в ценностных ориентациях наблюдаются между молодежью различных регионов России. Как показывают социологические исследования, на ценностное сознание молодежи национальных республик большое влияние оказывают этнокультурные и религиозные традиции. К примеру, для молодежи республик Северного Кавказа характерно сочетание модернистских установок в профессиональной и образовательной сферах с приверженностью традиционным семейным и гендерным ценностям, высокой религиозностью (табл. 11).

На формирование ценностного мира современной молодежи большое влияние оказывают процессы глобализации, развитие информационно-коммуникационных технологий и цифровизации. Благодаря интернету и социальным медиа молодые люди получают беспрецедент-

ный доступ к глобальному культурному контенту, становятся частью транснациональных сетевых сообществ. Это способствует интернационализации молодежного

сознания, распространению универсальных ценностей и моделей поведения, характерных для глобальной потребительской культуры.

Таблица 11. Некоторые характеристики ценностного сознания молодежи 18–30 лет в регионах РФ (по материалам опроса ФОМ, 2019 г.)

Характеристики / Регионы	Центр	Сев-Запад	Юг, С. Кавказ	Поволжье	Урал	Сибирь	Д. Восток
Главное в жизни – семья, дети	65	67	74	71	73	62	66
Состоят в официальном браке	36	33	45	41	38	37	32
Религия играет важную роль	23	19	52	38	30	26	24
Гордятся своей национальностью	34	29	65	48	44	41	37
Готовы участвовать в политике	35	30	28	32	33	29	27
Хотят уехать за границу на ПМЖ	21	16	15	18	17	24	25

В то же время неоднородность глобализационных процессов, цифровой и культурный разрыв между поколениями и социальными группами порождают ценностные конфликты и противоречия в молодежной среде. Часть молодежи демонстрирует скептическое отношение к традиционным ценностям и институтам, не видя в них ресурса для личностной самореализации. Размывание национально-культурной идентичности, потребительские ориентации, отказ от семейных ценностей характерны для значительных групп современной молодежи.

С другой стороны, в молодежной среде растет запрос на социальную справедливость, гуманизм, сохранение национальных традиций и культурной самобытности в условиях глобализирующегося мира. Развитие волонтерского движения, социально ориентированных НКО и гражданских инициатив, активизация этнокультурных и религиозных молодежных организаций свидетельствуют о потенциале молодого поколения к продуктивному участию в решении актуальных проблем общества на основе традиционных духовно-нравственных ценностей.

Важным фактором трансформации ценностного сознания молодежи выступают изменения в системе обра-

зования под влиянием процессов модернизации и глобализации. Интернационализация образовательного пространства, развитие академической мобильности, распространение дистанционных форм обучения расширяют кругозор молодежи, способствуют усвоению инновационных знаний и компетенций. В то же время коммерциализация образования, снижение его доступности для малообеспеченных слоев, разрыв между содержанием обучения и потребностями рынка труда порождают феномен «образовательного неравенства» и девальвации ценности образования в глазах части молодежи.

Противоречивое влияние на динамику ценностей молодого поколения оказывают процессы социальной стратификации и имущественной дифференциации российского общества. Как показывают социологические исследования, молодежь из высокодоходных групп населения демонстрирует более высокий уровень притязаний, ориентацию на ценности престижного потребления и индивидуального успеха. В то же время в сознании депривированных слоев молодежи преобладают ценности выживания, социальной защищенности, справедливого распределения общественных благ (табл. 12).

Таблица 12. Некоторые характеристики ценностного сознания молодежи в группах с различным уровнем дохода (по материалам исследования НИУ ВШЭ, 2021 г., в % от опрошенных)

Характеристики / Доход	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Главное – материальный достаток	74	68	61	58	49
Ради успеха готовы на все	35	32	28	26	21
Хотят свое дело, бизнес	29	34	41	48	59
Важно самовыражение, творчество	21	28	32	35	42
Ощущают социальную незащищенность	67	59	44	32	18
Доверяют большинству людей	18	25	34	41	48

При этом рост имущественного расслоения в молодежной среде препятствует формированию консолидированной системы ценностей, усиливает социальную напряженность и взаимное недоверие между различными группами молодежи.

Таким образом, процессы модернизации и глобализации оказывают разнонаправленное и неоднозначное влияние на динамику ценностного сознания российской молодежи. Усвоение современных знаний, приобщение к глобальной культуре, расширение жизненных шансов и возможностей для самореализации сопровождаются ростом рисков социальной эксклюзии, размыванием традиционных ценностных основ, нарастанием ценностных противоречий между различными слоями и группами молодежи.

Дальнейшее развитие ценностного мира молодого поколения будет определяться сложным балансом модернизационных и традиционалистских тенденций, способность институтов социализации обеспечить гармоничное сочетание инновационных и традиционных ценностей в сознании молодежи. Важнейшую роль в этом процессе призваны сыграть система образования, институты гражданского общества, государственная молодежная политика, направленные на духовно-нравственное развитие молодежи, раскрытие ее творческого потенциала, формирование активной гражданской и социальной позиции.

Необходима системная работа по укреплению в молодежной среде традиционных ценностей российского общества – патриотизма, семьи, солидарности, справед-

ливости, уважения к истории и культуре народов России. При этом важно развивать критическое мышление молодежи, ее способность к самостоятельному ценностному выбору, основанному на синтезе традиции и инновации, национальной самобытности и открытости к диалогу с иными культурами в глобальном мире. Только таким путем можно обеспечить поступательное развитие страны на основе преемственности поколений и общественного согласия.

В заключение следует подчеркнуть, что дальнейшие перспективы трансформации ценностного сознания российской молодежи во многом будут зависеть от эффективности государственной политики и усилий гражданского общества по созданию благоприятных условий для позитивной социализации и всестороннего развития молодого поколения. Необходимы масштабные инвестиции в человеческий капитал молодежи, обеспечение доступности качественного образования и достойной занятости, поддержка молодежного предпринимательства и инновационной активности, развитие институтов социальной мобильности и самореализации молодежи.

Не менее важно содействовать повышению общественно-политической и гражданской активности молодежи, ее вовлечению в процессы социального проектирования и управления на местном и национальном уровнях. Реальное, а не имитационное участие молодежи в решении актуальных проблем страны, учет ее интересов и потребностей при выработке стратегии развития государства и общества будут способствовать формированию у молодого поколения ценностей гражданской ответственности, социальной ответственности, патриотизма.

Литература

1. Власов С.А., Гончарова Н.А. Особенности и проблемы трудоустройства молодежи // Молодые ученые – развитию Национальной технологической инициативы (ПОИСК). – 2022. – № 1. – С. 637–639.
2. Горовой С.О. Особенности рынка труда молодежи в системе трудовых отношений // Молодые ученые – развитию Национальной технологической инициативы (ПОИСК). – 2023. – № 1. – С. 881–883.
3. Маркеев А.И. Карьерные предпочтения современной молодежи // Кадровик. – 2023. – № 8. – С. 84–89.
4. Горовой С.О. К вопросу о трудоустройстве выпускников на молодежном рынке труда // Молодые ученые – развитию Национальной технологической инициативы (ПОИСК). – 2022. – № 1. – С. 640–642.
5. Корягина И. Почему работодатели не хотят брать молодежь на работу? // Ректор ВУЗа. – 2021. – № 5. – С. 36–37.
6. Профорентация молодежи // Вестник связи. – 2021. – № 11. – С. 12.
7. Габитова Н.А., Бикбулатова Н.А. Момент взросления современной молодежи и ее выход на рынок труда // Молодежный вестник УГАТУ. – 2021. – № 1(24). – С. 79–82.
8. Башеров О.И., Волков Ю.А. Условия реализации системы сопровождения процесса адаптации студентов к социокультурной среде вуза в условиях обучения на иностранном языке // Вопросы природопользования. – 2024. – Т. 3, № 4. – С. 86–95.
9. Макарова О.А. Как молоды мы были... // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2022. – Т. 8, № 3(31). – С. 219–221.

10. Потоцкий С.В. Исследование влияния цифровизации на развитие новых бизнес-моделей и инновационных экосистем в промышленности Российской Федерации // Вопросы природопользования. – 2024. – Т. 3, № 5. – С. 33–41.

CAREER HABITUS OF MILLENNIALS IN THE MODERN LABOR MARKET: DEMAND IN THE SHIVA WORLD

Oleynikova E.E.

RANEPA (Presidential Academy)

The author addresses the problem of millennials adapting to the current realities of the global labor market, dominated by technology, digitalization, and instability. The concept of “career habitus,” based on a combination of professional orientations, skills, and beliefs shaped by social environments, is examined. It is noted that millennials face the necessity of frequently changing professions, adapting to flexible working conditions, and relying on the principles of self-development and self-organization. The research was conducted using qualitative and quantitative analysis. The primary methods included surveys, interviews with millennial representatives, and an analysis of career biographies collected on professional platforms. The sample included residents of metropolises employed in various industries – from IT to the creative economy. The data shows that the characteristic features of millennials’ career habitus include a focus on flexibility, leap-frog learning, searching for meaning in professional activities, and striving for multi-profile careers. Key competencies identified are digital literacy, the ability to adapt quickly, and emotional intelligence. In the SHIVA world, millennials demonstrate increased vulnerability due to labor market instability but, at the same time, are better equipped to handle innovative challenges thanks to their flexibility. The author emphasizes the need to develop educational and professional strategies to support millennials’ adaptation.

Keywords: millennials, Generation Millennium, career mobility, digital society, career habitus, career portfolio, digital era.

References

1. Vlasov S.A., Goncharova N.A. Features and Problems of Youth Employment // Young Scientists – for the Development of the National Technological Initiative (POISK). – 2022. – No.1. – P. 637–639.
2. Gorovoy S.O. Features of the Youth Labor Market in the System of Labor Relations // Young Scientists – for the Development of the National Technological Initiative (POISK). – 2023. – No.1. – P. 881–883.
3. Markeev A.I. Career Preferences of Modern Youth // Kadrovik. – 2023. – No.8. – P. 84–89.
4. Gorovoy S.O. On the Issue of Graduate Employment in the Youth Labor Market // Young Scientists – for the Development of the National Technological Initiative (POISK). – 2022. – No.1. – P. 640–642.
5. Koryagina I. Why Do Employers Not Want to Hire Youth? // Rector of the University. – 2021. – No.5. – P. 36–37.
6. Career Guidance for Youth // Bulletin of Communications. – 2021. – No.11. – P. 12.
7. Gabitova N.A., Bikbulatova N.A. The Moment of Growing Up of Modern Youth and Its Entry into the Labor Market // Youth Bulletin of UGATU. – 2021. – No.1(24). – P. 79–82.
8. Basherov O.I., Volkov Yu.A. Conditions for the Implementation of Accompanying the Process of Student Adaptation to the Socio-Cultural Environment of the University in the Context of Studying in a Foreign Language // Issues of Nature Management. – 2024. – Vol.3, No.4. – P. 86–95.
9. Makarova O.A. How Young We Were... // Bulletin of Mari State University. Series: Historical Sciences. Juridical Sciences. – 2022. – Vol.8, No.3(31). – P. 219–221.
10. Pototsky S.V. A Study of the Influence of Digitalization on the Development of New Business Models and Innovative Ecosystems in the Industry of the Russian Federation // Issues of Nature Management. – 2024. – Vol.3, No.5. – P. 33–41.

Международный транспортный коридор «Север-Юг». особенности и потенциал его развития

Поканевич Евгений Олегович,

студент-аспирант, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (БФУ им. Канта)
E-mail: epokanovich@stud.kantiana.ru

Международный транспортный коридор «Север-Юг» является значимым проектом по развитию связей между Россией и странами Южной Азии и Ближнего Востока. Рассмотрев его основные особенности, выделены перспективы его развития с помощью внедрения экологических норм, модернизации основных путей, цифровизации и инновационных технологий. Рассмотрены геополитические преимущества России.

Ключевые слова: транспортный коридор, логистика, МТК «Север-Юг», альтернативное направление, ЖД маршрут, морской маршрут, международное сотрудничество

Введение

Международный транспортный коридор «Север-Юг» – значимый проект в сфере транспортной инфраструктуры, направленный на развитие связей между Россией, странами Южной Азии и Ближнего Востока. Он представляет собой альтернативное направление для перевозки грузов из Азии, что позволяет России укрепить свою независимую логистическую систему, повысить производительность транспортных маршрутов и разнообразить логистические решения.

Проект играет важную роль в налаживании экономических связей между Россией и странами Южной Азии и Ближнего Востока. Открытие новых транспортных путей благоприятно сказывается на товарообороте, расширяется экспорт отечественных товаров, включая сельскохозяйственную продукцию, металлы и химическую продукцию.

Кроме того, одной из важнейших задач данного коридора является обеспечение надежности и безопасности грузоперевозок. С помощью внедрения современных технологий в транспорт и логистику сокращаются риски возникновения непредвиденных ситуаций на пути следования грузов, таких как дорожные происшествия или задержки.

Однако успешно реализовать потенциал транспортного коридора «Север-Юг» возможно только при координации действий всех участников проекта. Государства, логистические операторы, транспортные компании и другие игроки рынка должны тесно взаимодействовать для создания единой системы, способной эффективно и качественно организовать грузоперевозки между Европой и Азией.

Таким образом, международный транспортный коридор «Север-Юг» – это не просто транспортная инициатива, а один из фундаментальных проектов для укрепления позиций России в мировой логистике. Улучшение транспортных процессов, создание рабочих мест и усиление конкурентоспособности российских компаний – лишь некоторые из преимуществ, которые обещает развитие этого коридора.

Основные особенности коридора «Север-Юг»

Многие страны, включая Россию, Азербайджан, Иран, Индию и другие страны Южной Азии, являются участниками международного транспортного коридора «Север-Юг». Этот коридор выполняет важную функцию связи между Европой и Азией, предлагая несколько путей для перемещения грузов.

МТК имеет следующие ключевые направления:

- Морской маршрут: начинается в Санкт-Петербурге. Может проходить через Балтийское, Белое и Каспийское моря, а затем через порты Ирана и Индии. Этот путь представляет собой замену традиционным морским маршрутам.
- ЖД маршрут: начинается в Москве и проходит через Астрахань, Азербайджан и Иран.

Железнодорожные маршруты данного коридора разделяются на три основные ветви:

- Восточная ветвь соединяет Россию, Казахстан, Туркменистан и Иран. Грузы отправляются через эти страны в Бендер-Аббас по ЖД с дальнейшей поставкой на морские суда в Индию и ЮВА.
- Западная ветвь предполагает смешанный тип перевозок путём перевозки по железной дороге в сочетании с автомобильным транспортом в пределах Ирана. Далее отправки проходят через железнодорожный погранпереход Астара на границе Азербайджана и Ирана и идут в Россию.
- Транскаспийский маршрут перевозит грузы из российских портов Астрахань, Оля и Махачкала в иранские порты в акватории Каспийского моря.

Не стоит забывать и о геополитическом значении этого транспортного коридора. Он имеет потенциал для укрепления связей между странами-участниками проекта и может сыграть ключевую роль в развитии международного сотрудничества на взаимовыгодных условиях.

Перспективы экологии и устойчивого развития

Следует подчеркнуть, что при строительстве и эксплуатации коридора «Север-Юг» важно соблюдать современные экологические нормы. Несмотря на все преимущества таких крупных транспортных проектов, экологический аспект не должен оставаться без внимания. Сегодня многие страны все больше сосредоточены на вопросах сокращения использования углеводородов, что влечет за собой необходимость снижения выбросов парниковых газов и других вредных веществ, связанных с транспортной деятельностью.

Для сокращения углеродного следа по коридору «Север-Юг» могут быть внедрены передовые технологии, как в железнодорожную, так и портовую инфраструктуру. Можно рассчитывать на создание «зеленых портов», с установкой систем поэтапного перехода на альтернативные источники энергии, а также оптимизацию логистических операций, что позволит сократить эксплуатационные затраты как для компаний, так и для окружающей среды. Внедрение электромобилей для доставки и использования возобновляемых источников энергии на объектах инфраструктуры (например, в портах и логистических хабах) – это один из шагов за счет которого можно минимизировать воздействие на экологию, содействовать устойчивому развитию транспортной системы.

Инфраструктурные вызовы и модернизационные задачи

Несмотря на значительные преимущества, для успешного функционала МТК «Север-Юг» необходимо решить ряд инфраструктурных вызовов. Одним из крупнейших препятствий является необходимость масштабной модернизации железнодорожных сетей и портов в ряде участвующих стран. Речь идет не только о строительстве новых объектов, но и о повышении их интероперабельности. Различия в стандартах ширины железнодорожных колеи, несовпадение регламентов в технической эксплуатации требовательного оборудования, различия в таможенных процедурах – это только некоторые из барьеров, которые должны быть сняты для более быстрого, безопасного и менее затратного движения грузов через границы.

Также существует важнейший вопрос довершения всех правовых и политических соглашений и организационных механизмов между странами-участниками по многим аспектам функционирования коридора (таким, как стандартизация и унификация требований

к грузам, обеспечение благоприятного режима налогообложения и таможенных процедур, облегчение транзитных ограничений).

Риск возникновения политических трений между странами-участниками может оказать негативное воздействие на проект. Поэтому важно, чтобы разработка и реализация МТК «Север-Юг» сопровождалась межгосударственными юридическими соглашениями с обеспечением взаимных выгод для всех сторон.

Цифровизация и инновационные технологии в логистике

Интеграция современных технологий в работу транспортно-логистических систем открывает широкие возможности для повышения эффективности коридора «Север-Юг». В современном мире логистика сталкивается с такими вызовами, как необходимость управления сложными цепочками поставок, минимизация издержек, оптимизация маршрутов и управление рисками. Поэтому одним из ключевых шагов для повышения производительности международного транспортного коридора является внедрение инновационных решений и широкая цифровизация всех бизнес-процессов.

Системы управления логистикой (LMS, WMS) способны кардинально изменить способ планирования и выполнения грузоперевозок. Операторы могут видеть движение товаров в режиме реального времени, контролировать состав, объем и местоположение каждой партии груза, корректировать маршрут в случае изменения внешних условий. Технологии искусственного интеллекта и машинного обучения помогают анализировать большие массивы данных для прогноза рисков, минимизации простоев и сокращения времени на регистрацию и оформление грузов при прохождении таможни.

Мультимодальные маршруты, поддерживаемые ИТ-технологиями (интернет вещей), позволяют автоматически контролировать состояние грузов в пути, следить за температурой, влажностью и безопасностью транспортировки. Более того, системы телематики и «умные» датчики смогут улучшить защиту грузов от порчи и незапланированных ситуаций.

Международная логистика и геополитические преимущества России

Существенным аспектом интеграции коридора «Север-Юг» в международные цепочки поставок является его геополитическая роль. Россия, традиционно являясь мостом между Европой и Азией, усилит свои позиции как ключевого транзитного государства. На фоне усиления неизбежных глобальных перестановок мощностей и торговых маршрутов из-за различных внешнеполитических вызовов, независимость логистической инфраструктуры обеспечивает стране стабильность в отношениях с ее основными партнерами.

Учитывая, что международная торговля все больше переориентируется на Восток (евразийский регион), Россия, благодаря стратегическому положению и наличию таких проектов, как коридор «Север-Юг», может существенно укрепить свои геополитические и коммерческие позиции в долгосрочной перспективе.

Наряду с текущими активными проектами, такими как расширение транспортных мощностей вдоль транссибирских магистралей, сотрудничество с Китаем в рамках Шелкового пути или продвижение Северного морского пути, МТК «Север-Юг» становится еще одним весомым доказательством того, что Россия по-

степенно становится главным центром по управлению транспортно-логистическими потоками между Европой и Юго-Восточной Азией. [1]

Прогнозы на будущее и глобальный вклад в мировую логистику

Компании и эксперты в области логистики и транспорта уверены, что Международный транспортный коридор «Север-Юг» откроет новые возможности для мирового логистического рынка. Предполагается, что к 2030 году совокупный грузопоток по коридору может составить несколько миллионов тонн в год.

Но для реализации всех предпосылок, стоит не забывать о важности сотрудничества не только на уровне государств, но и с участием частного капитала и инвесторов. Именно инвестиции в инфраструктурные проекты – как от государственных, так и частных игроков – станут решающим фактором для судьбы коридора.

Заключение

Международный транспортный коридор «Север-Юг» играет значительную роль в развитии транспортной инфраструктуры и логистики России. Он предлагает альтернативный маршрут для грузоперевозок между Европой и Азией, что способствует не только увеличению объёмов перевозок, но и улучшению их эффективности. Реализация этого проекта поможет повысить конкурентоспособность российских транспортных компаний на мировом рынке, что также откроет новые возможности для интеграции России в глобальную логистическую систему.

Литература

1. Фролов А.О., Зудина Ю.Н., Фомочкина У.Ю., Тохтаев Т.Р. Транзитный потенциал международного транспортного коридора «Север-Юг». Вестник транспорта Поволжья № 5, 2024, с. 8–11
2. Инновационные процессы логистического менеджмента в интеллектуальных транспортных системах: монография: в 4 томах. – Москва., [б.г.]. – Том 3:

Новые крупные инновационные разработки конкретных задач в области логистического менеджмента – 2015. – 374 с. – ISBN 978-5-89035-869-1. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/90904> (дата обращения: 24.09.2024).

3. Выдашенко Л.А. Ю Выдашенко П.А. Новые тенденции и перспективы развития международного транспортного коридора «Север-Юг» // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9 № 2. С. 239–246. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/87/28>

NORTH-SOUTH INTERNATIONAL TRANSPORTATION CORRIDOR. PECULIARITIES AND POTENTIAL FOR ITS DEVELOPMENT

Pokanevich E.O.

Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU)

The North-South International Transport Corridor is a significant project to develop links between Russia and the countries of South Asia and the Middle East. Having considered its main features, the prospects for its development through the introduction of environmental standards, modernisation of the main routes, digitalisation and innovative technologies are highlighted. Russia's geopolitical advantages are considered.

Keywords: transport corridor, logistics, North-South ITC, alternative direction, railway route, maritime route, international co-operation

References

1. Frolov A.O., Zudina Y.N., Fomochkina U.Y., Tokhtaev T.R. Transit potential of the international transport corridor 'North-South'. Vestnik Transport Povolzhye No. 5, 2024, pp. 8–11.
2. Innovation processes of logistics management in intelligent transport systems: monograph: in 4 volumes. – Moscow., [b.g.]. – Vol. 3: New major innovative developments of specific tasks in the field of logistics management – 2015. – 374 с. – ISBN 978-5-89035-869-1. – Text: electronic // Lan: electronic-library system. – URL: <https://e.lanbook.com/book/90904> (date of reference: 24.09.2024).
3. Vydashenko L.A. Yu Vydashenko P.A. New trends and prospects of development of the international transport corridor 'North-South' // Bulletin of science and practice. 2023. T. 9 № 2. С. 239–246. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/87/28>

Российская политическая элита: особенности и направления изменений базовых показателей в современных условиях

Покатов Дмитрий Валериевич,

д.с.н., заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: dvpokatov@gmail.com

В статье рассматриваются изменения, произошедшие в составе и базовых характеристиках современной политической элиты, произошедшие после выборов в Государственную Думу России в сентябре 2021 года и выборов Президента РФ в марте 2024 года. Отмечается различие понятий смены элит, её эволюции и изменений состава элиты. В отличие от имеющихся исследований в данной статье рассматриваются как изменения лично-профессионального плана (в том числе возраста, образования, поколенческой специфики), так и социально-организационного (социального происхождения, политико-административного опыта деятельности, карьерных стратегий и ориентаций). Текущее состояние состава и базовые изменения показателей выявляются на основе контент-анализа 693 биографий представителей федеральной элиты, так и 271 представителя элиты типичных для России 2 регионов Среднего Поволжья (Саратовской и Волгоградской областей). Проведенный анализ позволяет говорить о некотором омоложении состава ряда сегментов современной политической элиты, увеличении в образовательном сегменте лиц с экономическим и гуманитарным образованием. В социально-организационном плане внешне сокращается фрагментированность элит (особенно в политико-идеологическом плане). Также постепенно закрепляется тенденция к гибридизации карьерных стратегий элиты, где совмещаются традиционные (постепенные) и лиминальные (переходные) варианты, сопровождающиеся скачкообразными перемещениями.

Ключевые слова: элита, политическая элита, характер образования, социальное происхождение, опыт деятельности, карьерные стратегии, традиционные и лиминальные (переходные) типы карьер.

Политическая элита продолжает оставаться одним из важнейших объектов изучения целого ряда гуманитарных и социальных наук, что, конечно, не является случайным. Происходящие в последние годы глубинные изменения как внутри страны, так и за её рубежами требуют эффективных управленческих решений и ответов, исходящих, прежде всего, от элитных слоев. В этой связи, достаточно актуально рассмотрение тех изменений, которые происходят в элитных слоях в целом и политической элите в частности. Следует отметить, что в разные годы к изучению данной проблематики обращались ряд исследователей. Однако их работы либо вышли достаточно давно (Г.К. Ашин [1], О.В. Крыштановская [2]) и были выполнены в теоретическом и эмпирическом контексте, либо затрагивали отдельные аспекты динамики и трансформации ряда показателей элиты (А.В. Дука [3], И.С. Палитай [4], Д.Б. Тев [5], А.Б. Даугавет, А.В. Дука, Д.Б. Тев [6] и др.).

В настоящем исследовании будут рассмотрены изменения базовых характеристик элитных групп социально-профессионального плана (в том числе возраста, образования, поколенческой специфики), так и социально-организационного (социального происхождения, политико-административного опыта деятельности, карьерных стратегий и ориентаций), произошедших за последние 4 года после выборов в Государственную Думу России в сентябре 2021 года и выборов Президента РФ в марте 2024 года.

В данной работе речь идет именно о процессе изменений, который отличается от смены элит и процесса её эволюции. Как достаточно верно отмечал в своих исследованиях Г.К. Ашин, процесс смены (замены) элит означает глубинные изменения, сопровождающиеся уходом прежних элитных групп и формированием новых [1, с. 40–41]. Эволюция – это длительный и постепенный процесс, который может приводить как глубинным изменениям, так и смене отдельных показателей, без смены элит. Процесс изменений носит более быстрый характер и сопровождается модификацией отдельных лично-профессиональных, социально-организационных, идеологических показателей, управленческих практик.

Говоря о политической элите, необходимо уточнить смысл данной категории, которая трактуется сегодня весьма неоднозначно. Известно, что существует целый ряд её трактовок, которые объединяются в несколько подходов. Наиболее представлены сегодня два – позиционный и ценностный (меритократический). Первый подход, идущий от трудов Г. Моски, рассматривает элиту как правящий, достаточно сплоченный слой, представленный в органах власти и управления. Данный подход действительно отражает реальность, но акцентирует внимание только на одной части элиты и в этом плане, как считает ряд авторов, несколько тривиален. Ценностный (меритократический подход), проявившийся особо с работ другого родоначальника теории элит В. Парето, рассматривает элиту как особую группу, отвечающую интересам и запросам общества и объединяющую лиц с высоким интеллектом, харизмой и доминирующими нравственными показателями, что более характерно для отдельных сегментов элиты и является сегодня скорее императивом.

В этой связи, в данном исследовании под политической элитой понимается сравнительно небольшая социальная общность, объединяющая в своем составе индивидов, профессионально занимающихся политической деятельностью и на постоянной основе участвующих в ней, обладающих достаточными ресурсами для влияния на общество. Известно, что существует множество определений профессионализма, исходя из этого автор в качестве профессионального политика рассматривает индивида, имеющего соответствующие познания в области политики, получившего профессиональное образование, либо имеющего административно-управленческий опыт, либо навыки организации и участия в избирательных кампаниях.

Выборы в Государственную Думу в сентябре 2021 года и выборы Президента в марте 2024 года и последовавшая за этим смена Правительства, а также региональные выборы внесли ряд изменений в облик и состав политической элиты. Эти изменения затронули как лично-профессиональные, так и социально-организационные показатели отечественной политической элиты. Анализ данных изменений в настоящем исследовании ведется на основе контент-анализа биографий 693 представителей федеральной элиты (в том числе, Президента РФ, сотрудников его Администрации, Председателя Правительства РФ, министров и руководителей агентств, руководства и депутатов Федерального Собрания РФ, руководства и членов ведущих политических партий), а также 271 представителя элиты типичной для России 2 регионов Среднего Поволжья (Саратовской и Волгоградской областей), в том числе губернаторов, членов региональных правительств, депутатов региональных парламентов, членов ведущих политических партий.

Характеристику данных изменений следует начать с традиционных социально-демографических показателей. По-прежнему отечественная политическая элита остается группой, в которой лидирующие позиции остаются за мужчинами (82,9%), в то время как женщин – только 15,7%. В отдельных сегментах эти показатели варьируются. Так, в депутатском корпусе Государственной Думы женщин было – 16,3%, мужчин – 83,7%, среди сенаторов – 19,5% и 80,5 соответственно [7]. Данные показатели за последние годы существенно увеличиваются. Так в советской номенклатуре за период 1974–1986 гг. в высшей её прослойке, представляющей Политбюро ЦК КПСС, не было ни одной женщины, в Верховном Совете СССР (формально действующем представительном органе) созыва 1984–1989 гг. было представлено 32,8% женщин [8, с. 3]. К концу 1980-х – началу 1990-х гг. прошлого века количество мужчин составляло 86,7%, женщин – 13,3% [8, с. 265–266].

Если изменения в гендерном плане не столь значительны, то в последние годы достаточно заметны изменения возрастных показателей. Проведенный анализ показывает, что в составе элиты заметна тенденция в некотором «омоложении», что подтверждается и другими исследованиями [4, с. 151]. При этом в 2020 году наибольшее увеличение доли представителей элиты в возрасте до 40 лет произошло в Правительстве России [4, с. 151]. Однако после выборов 2024 года и формирования нового состава российского Правительства средний возраст министров составляет 60 лет. Вместе с тем, нельзя не отметить, что за последний год в состав Правительства РФ вошли и относительно молодые министры, бывшие губернаторы – А.А. Алиханов (38 лет), М.В. Дегтярев (43 года). Возраст руководящего состава Администрации Президента РФ несколько снизился с 56,8 года (в 2021 году) до 52 лет. В Совете Федерации

представлены политики, средний возраст которых составляет сегодня 57 лет, в Государственной Думе России – 54, 4 года. В целом, средний возраст элиты составляет 53,3 года, в то время как в 2019 году – 55 лет [7].

Как думается, здесь не будет преувеличением сказать, что ситуация в некотором роде вернулась к началу 1990-х гг. прошлого века, когда средний возраст элиты был 51–52 года. При этом значительные позиции в политической элите занимают представители послевоенного поколения (1940-х гг.) – 23,7% и элиты эпохи оттепели (1950–1960-е гг.) – 36,37% [7], что, конечно, не могло не сказаться на особенностях ценностных приоритетов, и процессах функционирования элиты. К этому, несомненно, добавляются и особенности социализации элитных деятелей. Хотя в целом и прошли те времена, когда социализация многих бывших номенклатурных работников проходила в условиях сельской местности. Однако по результатам проведенного автором контент-анализа биографий видно, что доля выходцев из села в составе федеральной элиты – 31,8% (в 2019 г. – 31,72%), из города – 68% (в 2019 г. – 66%) [7]. В составе региональных элитных групп этот показатель варьируется от 30 до 60%. При этом в Саратовской области в элите сегодня 32,4% выходцев из села, в Волгоградской – 19,4% [10]. Свойственная представителям некоторых групп, в частности выходцам из сельской местности, большая предрасположенность к выдвиганию их из близкой им социальной среды, некоторый консерватизм установок и ценностей, несомненно, влияет и на основы выдвигания в элитные группы новых кандидатов.

Среди показателей лично-профессионального плана достаточно важным является характер образования современной политической элиты. Традиционно со времен существования СССР доминирующим был технократический характер образования правящих элитных кругов, что во многом было связано с запросами развития отечественной промышленности. Однако в последние годы технократический контекст образовательного профиля элиты стал значительно снижаться. Это объяснялось рядом причин, в том числе, трансформацией прежних отраслей ВПК. Нельзя не согласиться с А.Б. Даугаветом, А.В. Дукой и Д.Б. Тевом, что в условиях советской экономики, когда государство контролировало процесс производства и напрямую управляло отраслями промышленности, наличие технических знаний было оправданным и необходимым. Однако в новых условиях, подчинение экономики рыночным законам, маркетингизация и автономизация экономики повысили значимость экономических знаний [6, с. 146–147]. В результате сегодня представителей элиты с экономическим образованием в элите насчитывается 18,1% (в 2019 г. – 18,9%), гуманитарным – 17,6% (в 2018 г. – 17,4%). Особенно данная категория характерна для членов Правительства РФ, где экономическое образование имеется у 40,6% элитных деятелей и 15,6% представителей элиты имеют ученые степени в данной области [7]. Однако лиц с техническим образованием все же остается достаточно много. Этот показатель несколько вырос с 41,7% (в 2019 г.) до 43,5% (в 2024 г.). Также достаточно типичной для элиты остается прослойка лиц с юридическим образованием. Правда здесь показатели практически не менялись за прошедшие 5 лет (в 2019 г. – 18,3%, в 2024 г. – 17,8%). Достаточно близкая ситуация (только в сторону увеличения лиц с техническим образованием) сложилась сегодня на региональном уровне. В элите Саратовской области сегодня насчитывается 50,6% лиц, получивших техническое образование, 14,2% – гуманитарное, 18% – экономическое, и 14,2% – юридиче-

ское. В Волгоградской области соответственно – 54,1%, 12,5%, 33,3%, 13,8% [10].

По сути образовательные характеристики, и здесь нельзя не согласиться с рядом автором, являются одними из важных в процессе внутриэлитного сплочения. Уровень и тип образовательных траекторий также отражает и условия социализации элитных деятелей, что в свою очередь может определять ценности, интересы и политические предпочтения представителей элиты [6, с. 137–138].

Характер образования во многом связан (и даже детерминирован в ряде случаев) с социальным происхождением современной отечественной политической элиты. Доминирующие позиции в ней сохраняет прослойка т.н. «хозяйственников» (руководители базовых отраслей промышленности и сельского хозяйства, коммерческих структур, банковско-финансовой сферы). В целом по элите данная прослойка составляет сегодня 37,8%. Её представительство несколько снизилось по сравнению с 2019 годом (38,5%), но все же остается значительным [7]. В некоторых частях элиты данные показатели отличаются. В частности, в Администрации Президента РФ данная категория политиков насчитывает только 16,2% (в 2019 г. – 16,6%), в Правительстве РФ – 34,3% (в 2019 г. – 51,6%), в Государственной Думе – 40,8% (в 2019–42%), в Совете Федерации – 34% (в 2019 г. – 36%) [7]. На региональном уровне «хозяйственники» также сохраняют одни из ведущих позиций. Так, в составе политической элиты Саратовской области их насчитывается сегодня 35,38% (ранее, в 2017 г. было 42,6%), в Волгоградской области – 38,8% (в 2017–51,8%) [10]. По сравнению с прошлым периодом происходит некоторое снижение корпоративной прослойки, представленной выходцами из военных кругов, руководства правоохранительных органов, структур безопасности. Сегодня к данной прослойке относится 18,8% представителей элиты (в 2019 г. – 19,2%). Однако в некоторых сегментах элиты (в частности, в Администрации Президента РФ к ней относится 43,2%), что объясняется направлением деятельности её базовых подразделений. В целом можно сказать, что пик представительства лиц, принадлежащих к данному слою приходится на 2003–2004 г. и 2004–2007 гг., хотя, как отмечает А.В. Дука, данная прослойка была представлена ещё в 1990-е годы XX в., что типично для российского общества, т.к. милитаризация политики была как раз не следствием доминирования армии или специфических амбиций военных как группы, способной добиваться реализации своих интересов, напротив, она выросла из представлений самих гражданских политиков. [3, с. 107].

Заметной тенденцией последнего времени становится постепенное возрастание доли интеллектуальных кругов в разных сегментах и на разных уровнях в составе элиты. Так, сегодня в составе федеральной элиты данная прослойка насчитывает 33,4% (в 2019 г. – 33,1%) [7]. На региональном уровне, в составе политической элиты Саратовской области к данной прослойке относится в настоящий момент 38,45% (в 2019–26%), в Волгоградской области сегодня к данному слою принадлежит 19,4% политических деятелей (в 2019 г. – 17%) [10]. Но переоценивать влияние прослойки интеллектуалов в элите не стоит. Она объединяет в своем составе формально-технократический слой, далекий от описанной в работах Дж. Гэлбрейта техноструктуры, и слой т.н. деидеологизированных экспертов, чьи идеи и проекты во многом отвечают запросам высших элитных кругов и воспроизводят необходимые им решения. Как показывают современные исследования, экспертные прослойки стали привлекаться к интеллектуальному сопровожде-

нию властных проектов ещё со времен Л.И. Брежнева. Как вспоминали бывшие многолетние работники партпарата, при Отделе пропаганды ЦК КПСС была создана в сентябре 1966 года группа консультантов, к кандидатам в состав которой предъявлялись такие требования, как наличие всесторонней эрудиции, способность творчески мыслить, живо и грамотно излагать мысли на бумаге, но при этом, не проявлять излишней самостоятельности [11, с. 75, 100].

В целом, анализ как образовательных траекторий, так и социального происхождения показывает, что они способствовали внутриэлитной сплоченности, что, на наш взгляд опровергает тезис о внутриэлитной фрагментации, который приводит в своей монографии, ссылаясь на труды Дж. Хигли и Я. Пакульски, Ю.В. Усова. Так, в работе отмечается, что существует связь между типом элит и политическим режимом. В условиях постсоветской России на федеральном уровне, по её выражению, произошел переход от идеологизированной к фрагментированной элите, в регионах присутствуют и разделённая, и фрагментированная, и консенсусная разновидности [12, с. 75, 100]. Как думается, данное суждение не совсем верно. Оно соответствовало в некотором плане ситуации 1990-х гг. XX в. Однако после начала в феврале 2022 года СВО заметен переход к внешне сплоченной элите. Её консолидации способствует не только состояние внешней угрозы, но, как уже говорилось, и сам характер элитного образования, социального происхождения. Также нельзя не учитывать и поколенческие тренды. Господствующие позиции представителей послевоенного поколения (1940-х гг.) – 23,7% и элиты эпохи оттепели (1950–1960-е гг.) – 36,37%, чья социализация проходила в основном в условиях существования СССР с установившимися тогда стандартами политического ритуала и поведения, определяли у представителей элиты ценностные ориентации и подходы, которые склоняются сегодня в сторону больше патриотической составляющей. Конечно, не все придерживаются данных ориентаций, но таких на сегодня становится все меньше. Способствует внутриэлитной консолидации и опыт административной деятельности, и карьерные траектории современной элиты. Как показывает контент-анализ биографий элиты, 23,8% её представителей имеют стаж административно-политической деятельности более 20 лет (в 2018 г. – 17,8%), 19,7% – более 10 лет (в 2019 г. 16,2%), 8,5% – более 30 лет (в 2019 г. – 7,12%) и 3,75% сегодня – более 50 лет [7]. Относительно карьерных траекторий проведенный анализ показал, что преобладают т.н. лиминальный (переходный) тип политических карьер, связанный со скачкообразными перемещениями, чем традиционный, связанный в перемещениями внутри какого-либо института. Это характерно для 47,6% представителя современной федеральной элиты. В Саратовской области сегодня это проявляется у 67% элитных деятелей, в Волгоградской – у 56,7% [10]. При этом, в большей степени это были переходы из сферы руководства предприятиями или организациями промышленного и сельскохозяйственного профилей в структуры исполнительной власти (9,5%), либо из сферы науки и культуры в региональные парламенты (9,5%). Как правило, переход в данные структуры был связан с уже устоявшимися правилами чиновничества, большим доверием к лицам, показавшим черты исполнительности и умения встраиваться в данные институты. В целом поведенческое исследование позволяет сделать вывод о том, что современные изменения затрагивают, как личностно-профессиональные, так и социально-организационные характеристики элиты. Во многом они способствуют внутриэлитной сплоченности и стабилизации обще-

ства, идут в векторе консолидации, но не направлены на инновационно-преобразовательную составляющую, столь важную для будущего развития общества.

Литература

1. Ашин Г.К. Смена элит // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 40–51.
2. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 51–65.
3. Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // *Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации»* / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–121.
4. Палитай И.С. Российская политическая элита: текущее состояние и динамики основных показателей (на материалах исследований 2011–2021 года) // *Полис. Политические исследования*. 2022. № 4. С. 148–160.
5. Тев. Д.Б. Федеральная административная элита РФ: карьерные пути и каналы рекрутирования // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 115–130.
6. Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал // *Власть и элиты*. 2016. Т. 3. С. 121–176.
7. Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Правительство России [Сайт]. – URL: <http://www.government.ru> (дата обращения: 05.11.2024); Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [Сайт]. – URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2024); Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Сайт]. – URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2024).
8. Депутаты Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва. М.: Изд-во «Известия Советов народных депутатов СССР», 1984. 544 с.
9. Войтиков С.С. За фасадом сталинской конституции. Советский парламент от Калинина до Громыко. М.: Вече, 2021. 464 с.
10. Подсчет осуществлен автором на основании анализа биографий: Правительство Саратовской области [сайт]. – URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 28.10.2024); Саратовская областная Дума [сайт]. – URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 28.10.2024); Волгоградская область. – URL: <https://www.volgograd.ru/> (дата обращения: 28.10.2024).
11. Савин А.В., Деннигхаус В. Леонид Брежнев. Опыт политической биографии. М.: АФК «Система, политическая энциклопедия, 2024. 719 с.
12. Усова Ю.В. Политические элиты регионов современной России: факторы трансформации и векторы позиционирования. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 268 с.

THE RUSSIAN POLITICAL ELITE: FEATURES AND DIRECTIONS OF CHANGES IN BASIC INDICATORS IN MODERN CONDITIONS

Pokatov D.V.
Saratov State University

The article considers the changes in the composition and basic characteristics of the modern political elite that occurred after the elections to the State Duma of Russia in September 2021 and the election of the President of the Russian Federation in March 2024. The difference between the concepts of elite change, its evolution and changes in the composition of the elite is noted. Unlike the existing studies, this article considers both changes in the personal-professional plan (including age, education, generational specifics) and in the socio-organisational plan (social origin, political-administrative experience, career strategies and orientations). The current state of the composition and basic changes in the indicators are revealed on the basis of content analysis of 693 biographies of representatives of the federal elite and 271 representatives of the elite of 2 regions of the Middle Volga region (Saratov and Volgograd regions) typical for Russia. The analysis suggests a certain rejuvenation of the composition of some segments of the modern political elite, an increase in the educational segment of persons with economic and humanitarian education. From a socio-organisational point of view, the fragmentation of elites is outwardly reduced (especially from a political and ideological point of view). The tendency to hybridisation of elite career strategies is also gradually consolidating, where traditional (gradual) and liminal (transitional) variants are combined, accompanied by abrupt movements.

Keywords: elite, political elite, nature of education, social origin, work experience, career strategies, traditional and liminal (transitional) types of careers.

References

1. Ashin G.K. Change of Elites // *Social Sciences and Modernity*. 1995. No. 1. Pp. 40–51.
2. Kryshchanovskaya O.V. Transformation of the Old Nomenklatura into a New Russian Elite // *Social Sciences and Modernity*. 1995. No. 1. Pp. 51–65.
3. Duka A.V. On the Issue of Militocracy: Security Officials in Regional Power Elites // *Power Structures and Dominance Groups: Proceedings of the Tenth All-Russian Seminar “Sociological Problems of Power Institutions in the Context of Russian Transformation”* / Ed. A.V. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012. Pp. 94–121.
4. Palitai I.S. Russian political elite: current state and dynamics of key indicators (based on research conducted in 2011–2021) // *Polis. Political studies*. 2022. No. 4. pp. 148–160.
5. Tev. D.B. Federal administrative elite of the Russian Federation: career paths and recruitment channels // *Polis. Political studies*. 2016. No. 4. pp. 115–130.
6. Daugavet A.B., Duka A.V., Tev. D.B. Regional power groups: key socio-structural characteristics and innovation potential // *Power and elites*. 2016. Vol. 3. pp. 121–176.
7. Calculated by the author based on biographies published in: Government of the Russian Federation [Website]. – URL: <http://www.government.ru> (accessed: 05.11.2024); State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation [Website]. – URL: <http://www.duma.gov.ru> (date of access: 05.11.2024); Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation [Website]. – URL: <http://www.council.gov.ru> (date of access: 05.11.2024).
8. Deputies of the Supreme Soviet of the USSR of the eleventh convocation. Moscow: Publishing house “Izvestia of the Soviets of People’s Deputies of the USSR”, 1984. 544 p.
9. Voitikov S.S. Behind the facade of the Stalinist constitution. Soviet parliament from Kalinin to Gromyko. Moscow: Vechе, 2021. 464 p.
10. Calculation carried out by the author based on the analysis of biographies: Government of the Saratov Region [website]. – URL: <http://saratov.gov.ru> (date of access: 28.10.2024); Saratov Regional Duma [website]. – URL: <http://www.srd.ru> (date of access: 28.10.2024); Volgograd Region. – URL: <https://www.volgograd.ru/> (date of access: 28.10.2024).
11. Savin A.V., Dennighaus V. Leonid Brezhnev. Experience of political biography. Moscow: AFK “Sistema, political encyclopedia, 2024. 719 p.
12. Usova Yu.V. Political elites of the regions of modern Russia: factors of transformation and vectors of positioning. Vladikavkaz: IPC SOIGSI VNC RAS and RNO-A, 2015. 268 p.

Взаимодействие собственников многоквартирных домов с управляющими компаниями в условиях цифровизации

Посвятенко Юлия Викторовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)

В статье анализируются материалы, характеризующие особенности взаимоотношений собственников МКД с управляющими компаниями. Реформирование сферы ЖКХ не изменило предпочтения собственников в приоритете передачи прав управления специализированным организациям, многие из которых были преобразованы в муниципальные унитарные предприятия, учреждаемые муниципальными органами власти. Интерес к самостоятельному управлению с помощью организации товариществ собственников жилья на протяжении нескольких десятилетий не прослеживается. Появление значительного числа частных управляющих организаций создает базу для развития конкуренции в этой сфере с возможностью более широкого выбора собственниками компаний, оказывающих более качественные услуги. Описывается влияние цифровизации на эти процессы и связанные с ними проблемы. Автором исследуются причины пассивности значительной части населения в управлении МКД, анализируются законодательные меры стимулирования активности собственников МКД, с помощью управляющих организаций и института общих собраний собственников.

Ключевые слова: управляющая компания (УК), многоквартирный дом (МКД), совет дома, общее собрание собственников (ОСС), жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), цифровизация.

Введение

Отправной точкой рассмотрения многих вопросов, связанных с управлением жилищным фондом, следует считать данные Федеральной службы государственной статистики, например, за 2022 г. о том, что в частной собственности граждан России находится 91,6% жилых помещений, из них в городах 90,1% [1, 14]. Они демонстрируют большой интерес россиян к обладанию собственностью, сложившийся в короткий период после получения возможности приватизации и купли-продажи жилья, и создают условия для широкого развития рыночных отношений в сфере недвижимости и услуг, связанных с ней. Российские показатели – самые высокие среди государств постсоветского пространства. Однако, в целом интерес собственников к обязанностям по управлению своими МКД оказался крайне невелик, поэтому основной целью статьи является изучение причин данной ситуации на основе анализа статистики, обзоров судебной практики, литературы и личного опыта взаимодействия собственников жилья в условиях проводимой жилищно-коммунальной реформы и цифровизации.

Социальная политика современного российского государства, несмотря на все сложности перехода к рыночным отношениям и их современному развитию нацелена на поддержание в целом нормативного удовлетворения потребностей населения в области жилищно-коммунальных услуг независимо от активности домохозяйств. В основе таких взаимоотношений лежат не только государственные интересы, но и традиции, сформированные в советский период, основанные на государственной собственности, контроле и государственном обеспечении решения проблем в системе ЖКХ. К ним добавились аспекты, связанные с тем, что приватизированный жилой фонд в большой степени изношен и требует значительных вложений и эффективно-го управления. Сложившееся положение, в условиях реформирования данной отрасли и всех сторон социально-экономических взаимоотношений собственников жилья, планировалось существенно изменить путем быстрых рыночных преобразований. Однако, идеалистическое представление об обретении собственниками новой правовой идентичности, включающей в себя права и вытекающие из этих прав обязанности, распространяющиеся не только на конкретное жилое помещение, но и на общедомовую собственность столкнулось с суровыми реалиями [2]. На разных этапах реализации реформы выявлялись слабые места, связанные не только с изношенностью жилого фонда и особенно инженерных сетей, но и с постоянно растущими тарифами, долгами по платежам, коррупцией, нехваткой и неэффективным использованием ресурсов, в том числе, человеческих, общей экономической ситуацией в разные годы [3]. Значительная часть населения оказалась не готова к участию в реформировании отрасли. Это касается в значительной мере и самих работников ЖКХ, но прежде всего многочисленных собственников многоквартирных домов. Надежды на коллективизм, честность и взаимопомощь, издавна приписываемые населению страны философами не оправдались в таком утилитарном де-

ле как управление МКД ни со стороны собственников, ни со стороны бизнеса, в отличие от патернализма.

В результате выявления многочисленных фактов неэффективности управления, УК, подверглись широкой и справедливой критике, связанной с невыполнением договорных работ, нецелевыми расходами, коррупцией, завышенными тарифами, неквалифицированными кадрами, услугами низкого качества и т.п.

Результаты и обсуждения

Итогом широкого обсуждения проблем отрасли стали решения законодателя (ст. 161.1 ЖК РФ), способствующие большей прозрачности, активности и усилению ответственности всех участников отношений в данной сфере. Новым аспектом реформы стало стремление улучшить отношение общества и, прежде всего, самих собственников к сфере ЖКХ и способствовать решению проблем через их реальное соучастие в управлении. С этой целью в 2011 г. федеральным законом был введен институт советов домов [4], однако создание советов затянулось. Показательными стали данные всероссийского исследования ВЦИОМ за 2012 г., которые показали, что лишь 25% опрошенных (из 1600 респондентов в 42 субъектах России) интересовались тем, как контролировать УК [5]. Поэтому положение о том, что в случае отсутствия инициативы со стороны собственников в течение года, совет должен быть создан на собрании, инициированном органами местного самоуправления, должно было за короткий срок улучшить ситуацию. В итоге, к их созданию были привлечены и сами УК, осуществлявшие непосредственные контакты с жителями МКД. Постепенно вопрос об организации советов домов формально был в основном решен.

По данным Минстроя по состоянию на 31.10.2024 г., 65,15% МКД России управляется с помощью УК и их доля постоянно растет, 24,5%-имеют непосредственное управление, т.к. в них не более 30 квартир. Лишь 5,56% МКД управляются с помощью ТСЖ, кооперативов [6]. Преобладание управления с помощью УК не является показателем качества управления, а лишь отражает тот факт, что подавляющее большинство собственников МКД считают такой способ управления наиболее привычным, надежным и удобным, поэтому остановимся на анализе этой категории взаимоотношений.

Многие собственники не придавали и не придают большого значения решению вопроса о выборе УК. Сами УК достаточно быстро сориентировались в ситуации, организуя сбор подписей в пользу передачи управления в максимально большом числе МКД в свой портфель. Некоторое понимание важности этого выбора стало осознаваться населением лишь в тех случаях, когда формально выбранная (как правило, прежняя) УК не выполняла даже минимальных условий типового договора управления или жители соседних домов, относящихся к различным УК, начинали ощущать существенные различия в обслуживании. Таким образом, именно эти проблемные ситуации с эффективностью управления МКД мотивировали готовность части собственников к активному отстаиванию своих интересов.

УК, в том числе, учрежденные муниципалитетами, активно борются за увеличение численности МКД в обслуживании, стремясь помимо старого жилого фонда, требующего значительных работ, получить новостройки, которые не только за счет объемов жилой площади в них, но и за счет новизны не требуют больших затрат, оказываются гораздо выгоднее для управления. Создание конкурентной среды способствует улучшению качества обслуживания.

Цифровизация стала одним инструментом реализации масштабной реформы, который шире охватил население в период пандемии COVID-19, способствуя расширению и рационализации контактов собственников с УК. Возможность отправления копий документов и заявок, использование чатов, форумов, сайтов с возможностью заказа услуг или подачи предложений, жалоб через Интернет значительно упростили взаимодействие сторон, ускорилось решение ряда проблем. Сократилась рассылка бумажных уведомлений, снизился эмоциональный накал взаимоотношений сотрудников УК и собственников. Однако, многообразие каналов такого общения, появление новых систем, а вследствие этого и постоянных перемен вызывают многочисленные неудобства. В том числе, используя различные порталы (например, ЕИАС ЖКХ, ГИС ЖКХ) с разобщенными данными, разнообразными интерфейсами, цифровыми платформами для проведения голосований и т.п., многие УК и собственники сталкиваются с недопониманием при управлении МКД. В результате иногда достигается обратный эффект, отталкивающий население от использования цифровых технологий в важных вопросах управления МКД.

После пандемии законодателем было принято решение о возможности проведения ОСС МКД в форме заочного онлайн-голосования (№ 156-ФЗ) [5]. Такая форма ОСС, с одной стороны, реально упростила работу инициаторов собраний, связанную со сбором подписей, подсчетом голосов и другими организационными вопросами, с другой, должна была способствовать вовлечению более широкого круга участников для достижения кворума. Ключевую роль при таком голосовании играют их администраторы и УК, имеющие доступ к базам данных о проводимых собраниях и возможность наблюдать за ходом голосования и вносить результаты, оформленные на бумажных носителях. Однако, вместе с тем, онлайн голосования, как и социальные сети не только упрощают взаимодействие, но имеют и другие последствия-разобщение людей, возможность влиять на принимаемые решения со стороны без возможности должной проверки. Жители МКД не всегда понимают процесса получения результатов, не имеют возможности контроля, особенно, если администратором ОСС выступает УК. Необходимо отметить, что в целом доверие к различным официальным ресурсам падает, так как немало россиян убежденно и осознанно не желает ни регистрации на Госуслугах, ни идентификации на различных порталах ЖКХ, воспринимая их источником неприятностей или навязываемой технологией вмешательства в личные дела. Они же иногда не желают принимать участие в мероприятиях по управлению домом и в традиционной форме, т.к. при голосовании требуется заполнение документов, содержащих персональные данные, ценность которых в обществе осознается все активнее.

Доступ к широкой статистике по проведенным собраниям ограничен и сделать какие-либо общие выводы сложно. В то же время, в ноябре 2024 г. руководство городского округа Мытищи Московской области сообщило в СМИ, что «жильцы 189 домов уже оценили удобство онлайн-голосований и принятия решений в системе ГИС ЖКХ» [6]. В этот же время УК, учрежденной муниципальными властями МУП «Жилищное хозяйство» инициировала ОСС во всех обслуживаемых МКД, информируя население о рекомендованной системе ГИС ЖКХ. При регулярном отсутствии кворума на ОСС, инициируемых этой УК в последние два года, сложно судить об их результатах и успешности, но учитывая, что в управлении различных УК Мытищ в 2021 г. было 1303 МКД, а зарегистрировано в системе ЕИСА ЖКХ было лишь 2645

собственников, достигнутый ныне уровень показателей в 189 МКД (соответствующий числу МКД в управлении МУП «ЖХ» в тот год) не велик [7].

Авторы аналитического отчета по 12 субъектам из всех федеральных округов России «Исследование советов многоквартирных домов как института гражданского общества в России» еще за 2015 г., опросив 50000 активистов, отмечали, что реально число созданных советов домов разнилось от 5 до 70%, при этом часть из них существовали лишь формально в документах местного самоуправления для отчетности [8]. Поэтому инициаторами собраний часто становятся не собственники, а сами УК, обладая таким правом по законодательству. Между тем, все чаще иницируются судебные процессы, выявляющие поддельные решения общих собраний собственников. Показательным стал один из них, инициировавший решение Верховного Суда России, в котором теперь более четко прописываются надзорные функции Государственной жилищной инспекции по проверке документов при проведении ОСС [9]. По мнению представителей юридического сообщества, специализирующихся на спорах в сфере ЖКХ, за последние полтора десятка лет конфликты за право управлять МКД стали постоянными, а основным актом, который фальсифицируется является решение ОСС, лежащего в основе принятия решений об управлении. Помимо этого, представитель комитета Торгово-промышленной палаты России по предпринимательству в сфере ЖКХ отметил, что «рейдерские захваты домов и подделка решений ОСС продолжают, причем большинство историй связаны не с частными УК, а околоставными» [10].

Попытка группы депутатов Государственной думы России в 2022 г. внести поправки в Жилищный кодекс на основании обобщения сложившейся практики и многочисленных случаев подделок письменных решений на ОСС и протоколов, искажения в них истинной воли собственников (№ 265996–8) также отражает актуальность проблемы [11].

Принятая в 2022 г. «Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» фиксирует сохранение проблемы неразвитости института заказчиков работ и услуг для многоквартирных домов в лице собственников жилья и предлагает шире использовать цифровизацию ради снижения социальной напряженности путем, как поясняется, создания прозрачности системы. По базовым планам, заложенным в Стратегии уже в 2024 г. 40% ОСС должно проводиться в цифровом формате голосования, а к 2030 г. независимо того, какой сценарий будет реализовываться рискованный или базовый, планируется достичь 80% показателя. По мнению законодателей, такая форма ОСС минимизирует брак при оформлении бланков голосования, подсчете голосов, с чем трудно не согласиться. Однако, представить достижение такой цели, как ликвидации подделки результатов голосования и нарушения кворума весьма проблематично при нынешнем отношении собственников к управлению своими МКД.

Известно, что для проведения электронного ОСС необходимо выбрать администратора. Даже если администраторами собраний собственников становится один из них, то возможность УК контролировать и влиять на ход собрания очень велика, т.к. доступ к просмотру хода голосования, например, в системе ЕИАС Московской области, имеется у обеих сторон, а возможность просмотра отчетов (возможно и других действий), совершенных с разных аккаунтов, имеется только у УК. В случае с УК, которые берут на себя функции администраторов ОСС и создают для реализации этой дея-

тельности специальные подразделения, ситуация полностью переходит под контроль УК и возможность реально контролировать в части спорных вопросов голосований и управления МКД с помощью новых технологий практически исчезает. К тому же стандартный набор предлагаемых вопросов первого собрания фактически лишает собственников проводить обычные ОСС, т.к. в рассылках по проведению электронных ОСС от УК предлагается решение о последующих голосованиях исключительно с помощью системы ГИС ЖКХ. Таким образом, использование цифровых технологий способно по-разному влиять на активность и эффективность деятельности собственников на ОСС, а также на спектр возможностей УК.

Судебная практика последних лет предоставляет показательные факты. Например, в 2020 г. коллегия по гражданским делам Московского городского суда в апелляционном определении признала ОСС недействительным, т.к. установила, «что истец, являясь собственником квартиры узнал о проведении общего собрания, с решением которого был категорически не согласен, считает принятые решения незаконными и нарушающими права собственников помещений в доме, поскольку приняты в нарушение действующего законодательства: собрание не проводилось, о собрании собственники не извещались, повестка собрания не соответствует закону, стадия очного голосования была проигнорирована организатором, а при заочном – отсутствовал кворум, подписи в бюллетенях подделаны, то есть исполнены не собственниками жилых помещений, а неустановленными лицами. Кроме того, указанные в протоколе председатель и секретарь общего собрания являются работниками организации, в пользу которой состоялось решение, при этом ни один из собственников жилого дома в собрании не участвовали, протоколы не подписывали. Факт массовой фальсификации отчетной документации установлен в ходе до следственной проверки УВД по адрес ГУ МВД России» [12]. Описанный пример показывает, что масштаб нарушений, допущенных представителями УК, демонстрирует уверенность в безнаказанности и даже обыденности таких мероприятий. Такие процессы становятся возможны лишь в случаях, когда отдельные активные собственники реально столкнулись с последствиями нарушения своих прав и готовы инициировать иски о заявлении.

В Московской области муниципалитеты и УК в 2020 г. активно инициировали ОСС с применением областной системы ЕИАС ЖКХ, в результате чего в ряде МКД состоялись первые онлайн собрания. Однако уже осенью 2024 г. по сообщениям администрации Мытищ, в Министерстве по содержанию территорий и государственному жилищному надзору МО жителям рекомендовано использовать основную платформу ГИС ЖКХ, т.к. она имеет ряд преимуществ и исключает возможность подделки [6]. В результате УК инициировали новые ОСС, предложив в качестве администраторов сами УК несмотря на то, что в некоторых МКД администраторы уже были выбраны среди собственников. Таким образом, УК инициируя такие ОСС стремятся взять под полный контроль управление МКД, не замечая существующих решений собственников на ОСС. Борьба с таким натиском становится все сложнее. Помимо этого, предлагаемая ГИС ЖКХ имеет менее удобный интерфейс, так как, по мнению автора, рассчитана на подготовленного пользователя. По результатам социологических опросов, она не пользуется популярностью в тех регионах, где проведена ее апробация [13].

В последнее время жители МКД создают чаты, с помощью которых соседи обсуждают многие проблемы.

Это один из наиболее простых и удобных путей взаимодействия через мессенджеры. С одной стороны, чат подключает к обсуждению проблем управления дома практически каждую квартиру, с другой стороны, чаты не могут заменить те цифровые инструменты, в которых существует надежная идентификация участников. В чатах помимо собственников присутствуют иные участники, например, члены их семей, арендаторы, общение с которыми имеет определенную ценность для соседей. Совершенно неработающей моделью общения УК с собственниками стали чаты МКД, созданные муниципалитетами или УК, т.к. опять не только со стороны собственников, но и со стороны УК невозможно идентифицировать его участников. Заниматься идентификацией с помощью судов участники теоретически смогут лишь в случае серьезных нарушений чьих-то прав и необходимости разбирательства, требующего квалифицированной юридической помощи. Муниципальные чаты МКД, как и частные группы в мессенджерах, становятся источником нескончаемого потока муниципальной рекламы или недостоверной, излишне эмоциональной информации вместо решения вполне конкретных задач по управлению МКД. Исходя из этого использование данного канала связи при управлении МКД весьма ограничено, хотя прямая постоянная связь с председателями совета МКД очень актуальна для оперативного разрешения проблем. Однако, неопределенность правового статуса данного канала связи, как и описанных чатов, его избыточность для УК порождает практику, при которой председатели советов домов сами выстраивают рабочие отношения с отдельными работниками организации, минуя, по возможности, официальные процедуры.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что взаимодействие сторон в сфере управления МКД постепенно трансформируется, сохраняя патерналистские черты, но, в то же время, обеспечивая ее участникам все большую возможность выбора. Реализация процесса цифровизации в сфере жилищно-коммунального хозяйства страны вряд ли существенно изменит наиболее распространенный способ управления МКД с помощью УК. Принятые национальные проекты «Жилье и городская среда», а также «Стратегия...» [14] теоретически отводят ведущее место максимальной прозрачности различных процедур в отрасли, и, в конечном счете, улучшению качества коммунальных услуг за счет цифровизации и усилению стремления собственников быть более активными во взаимодействии с организациями ЖКХ, в том числе, за счет роста численности ТСЖ. Успешность данных процессов напрямую зависит от многочисленных факторов, в частности, от всех участников данной сферы: законодателя, создателей программного обеспечения, структур и организаций, управляющих домами и, в первую очередь, самих собственников жилья, которые должны иметь реальную возможность контролировать действия УК по управлению их собственностью и своевременно влиять на этот процесс, используя современные технологии.

Литература

1. Жилищной хозяйство России.2022. – М., 2022. – С. 14.
2. Резников Е.В. Понятие правовой идентичности // Право и современные государства. – 2014. – № 1.
3. Абрамова Н.В. Вызовы и перспективы реформ ЖКХ и вовлечения собственников в управление жилищным фондом: социологический анализ // Монито-

ринг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 2(156). – С. 65–83.

4. Закон Российской Федерации «N 123-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»» от 04.06.2011 // Российская газета. – 07.06.2011. – № 121.
5. Закон Российской Федерации «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации» от 25.05.2020 № 156 // Российская газета. – 28.05.2020.
6. Никитина А. Собственники квартир в Мытищах принимают важные решения на собраниях в онлайн формате//РЕГИОНЫ. РУ/ [Электронный ресурс] URL: <https://regions.ru/mytischivstrecha/sobstvenniki-kvartir-v-mytischah-prinimayut-vazhnye-resheniya-na-sobraniyah-v-onlayn-formate> (дата обращения: 22.11.2024).
7. Посвятенко Ю. В., Фиров Е.А. Взаимодействие потребителей и публичной власти в сфере управления многоквартирными домами // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 12(161). – С. 1395–1399.
8. Гусев Д.Н. ЖКХ-контроль/НП «ЖКХ-контроль». [Электронный ресурс] URL: <http://gkhkontrol.ru/2015/08> (дата обращения: 13.11.2024)
9. Определение Верховного Суда РФ 08.12.2023 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/znG17ghuxPUh/> (дата обращения 13.11.2024)
10. Занина А. Управление и наказание//Коммерсант. – 24.01.2024.
11. Катенева Ю. Собрания собственников многоквартирных домов предложили придать прозрачности// Парламентская газета. – 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.pnp.ru/social/poddelye-resheniya-obshhikh-sobranij-predlozhili-vyavlyat-s-pomoshhyuzhilcov.html> (дата обращения: 05.11.2024)
12. Апелляционное определение Московского городского суда № 33–33682/20// Официальный портал судов общей юрисдикции Москвы/ [Электронный ресурс] URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/f1cc3e92-ed74-4f21-a466-15fd749d17c0> (дата обращения 08.10.2024)
13. Керзина Е.А., Антинескул Е.А., Сартакова Е.В. Исследование восприятия ценности цифровизации в сфере ЖКХ-услуг // Цифровые модели и решения. 2023. № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vospriyatiya-tsennosti-tsifrovizatsii-v-sfere-zhkh-uslug> (дата обращения: 05.11.2024).
14. Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-п // [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru>. (дата обращения: 5.11.2024)

INTERACTION OF OWNERS OF APARTMENT BUILDINGS WITH MANAGEMENT COMPANIES IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Posvyatenko Yu.V.

National Research Moscow State Construction University (NIU MSCU)

The article analyzes materials characterizing the features of the relationship between apartment building owners and management companies. The reform of the housing and communal services sector did not change the preference of owners in the priority transfer of management rights to specialized organizations, many of which were transformed into municipal unitary enterprises established by municipal authorities. Interest in independent management through the organization of homeowners' associations has not been traced for several decades. The emergence of a significant number of private management organizations creates a basis for the develop-

ment of competition in this area with the possibility of a wider choice of companies by owners providing higher quality services. The impact of digitalization on these processes and related problems is described. The author examines the reasons for the passivity of a significant part of the population in the management of apartment buildings, analyzes legislative measures to stimulate the activity of apartment building owners with the help of management organizations and the institution of general meetings of owners.

Keywords: management company (MC), apartment building (AB), house council, general meeting of owners (GM), housing and communal services (HCS), digitalization.

References

1. Housing economy of Russia. 2022. – M., 2022. – C. 14.
2. Reznikov E.V. The concept of legal identity // Law and modern states. – 2014. – № 1.
3. Abramova N.V. Challenges and prospects of housing and communal services reforms and involvement of owners in the management of the housing stock: sociological analysis // Monitoring of public opinion: economic and social changes. – 2020. – № 2(156). – C. 65–83.
4. Law of the Russian Federation 'N 123-FZ "On Amendments to the Housing Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" of 04.06.2011 // Rossiyskaya Gazeta. – 07.06.2011. – № 121.
5. Law of the Russian Federation 'On Amendments to the Housing Code of the Russian Federation' of 25.05.2020 № 156 // Rossiyskaya Gazeta. – 28.05.2020.
6. Nikitina A. Flat owners in Mytishchi make important decisions at meetings in online format// REGIONS. RU/ [Electronic resource] URL: <https://regions.ru/mytishchi/vstrecha/sobstvenniki-kvartir-v-mytischah-prinimayut-vazhnye-resheniya-na-sobraniyah-v-onlayn-formate> (date of address: 22.11.2024).
7. Posvyatenko Y. V., Firov E.A. Interaction of consumers and public authorities in the sphere of apartment buildings management // Economics and Entrepreneurship. – 2023. – № 12(161). – C. 1395–1399.
8. Gusev D.N. ZhKH-control/NP 'ZhKH-control'. [Electronic resource] URL: <http://gkhkontrol.ru/2015/08> (date of reference: 13.11.2024)
9. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation 08.12.2023 // Court and normative acts of the Russian Federation [Electronic resource] URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/znG17ghuxPUh/> (date of address: 13.11.2024)
10. Zanina A. Management and punishment// Kommersant. – 24.01.2024.
11. Kateneva Y. Meetings of apartment building owners were proposed to make them transparent// Parliamentary newspaper. – 2022. [Electronic resource] URL: <https://www.pnp.ru/social/poddelnye-resheniya-obshhikh-sobraniy-predlozhili-vyyavlyats-pomoshhu-zhilcov.html> (date of address: 05.11.2024)
12. Appeal definition of the Moscow City Court № 33–33682/20// Official portal of courts of general jurisdiction of Moscow/ [Electronic resource] URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/f1cc3e92-ed74-4f21-a466-15fd749d17c0> (date of address 08.10.2024)
13. Kerzina E.A., Antineskul E.A., Sartakova E.V. Study of the perception of the value of digitalisation in the sphere of housing and communal services // Digital Models and Solutions. 2023. № 3. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vospriyatya-tsennosti-tsifrovizatsii-v-sfere-zhkh-uslug> (date of address: 05.11.2024).
14. Order of the Government of the Russian Federation from 31.10.2022 № 3268-r // [Electronic resource] URL: <https://www.consultant.ru>. (date of reference: 5.11.2024)

Модель карьерной мобильности поколения Миллениум в цифровую эпоху: комплексный подход

Олейникова Елизавета Эдуардовна,

преподаватель кафедры гуманитарных наук, деловой этики и социальной ответственности, Институт управления РАНХИГС, РАНХИГС при Президенте РФ
E-mail: liz.oleynikova@gmail.com

Статья посвящена исследованию особенностей карьерной мобильности поколения Миллениум в условиях формирования цифрового общества. Автор предлагает новую модель, которая позволяет системно анализировать взаимодействие внешних и внутренних факторов, влияющих на построение успешной карьеры в цифровую эпоху. Модель представлена в виде трех взаимосвязанных кругов: Внешний круг символизирует требования и вызовы цифрового общества, включая динамичность изменений, технологические факторы, глобальную взаимосвязанность и многообразие карьерных путей. Средний круг отражает формирование карьерных стратегий на основе карьерного габитуса миллениалов, их ценностей, специфического восприятия времени и цифровых компетенций. Внутренний круг представляет собой карьерный портфель, включающий в себя компетенции, навыки навигации в цифровом мире, адаптивные механизмы и систему непрерывного обучения. Применение данной модели позволяет глубже понять механизмы формирования карьерной мобильности миллениалов и разработать эффективные стратегии карьерного роста в условиях цифровой трансформации. Модель может быть использована в дальнейших исследованиях и практической деятельности в области карьерного консультирования и управления персоналом.

Ключевые слова: миллениалы, поколение Миллениум, карьерная мобильность, цифровое общество, карьерный габитус, карьерный портфель, цифровая эпоха.

Образование является одним из ключевых факторов, определяющих социально-экономическое положение молодежи в современном обществе [1]. Уровень и качество полученного образования во многом определяют возможности трудоустройства, карьерного роста и социальной мобильности молодых людей [2]. Однако в условиях региональной дифференциации России доступность и качество образования для молодежи существенно различаются в зависимости от места проживания [3].

Анализ статистических данных об уровне образования молодежи в различных регионах России показывает значительные различия в образовательных достижениях молодых людей. Согласно данным Росстата, в 2021 году доля молодежи в возрасте 15–29 лет, имеющей высшее образование, варьировалась от 17,2% в Республике Ингушетия до 48,6% в г. Москве (см. Таблицу 1). При этом в большинстве регионов Центрального, Северо-Западного и Уральского федеральных округов доля молодежи с высшим образованием превышала 30%, в то время как в ряде регионов Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов этот показатель был ниже 20%.

Таблица 1. Доля молодежи в возрасте 15–29 лет, имеющей высшее образование, по субъектам РФ в 2021 г., %

Субъект РФ	Доля молодежи с высшим образованием, %
г. Москва	48,6
г. Санкт-Петербург	45,3
Томская область	39,8
Новосибирская область	37,5
...	...
Республика Дагестан	19,4
Чеченская Республика	18,3
Республика Ингушетия	17,2

Источник: Росстат

Значительные региональные различия наблюдаются и в уровне профессионального образования молодежи. По данным Росстата, в 2021 году доля молодежи, имеющей среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена, составляла от 16,8% в Республике Тыва до 38,2% в Санкт-Петербурге (см. Таблицу 2). В большинстве регионов этот показатель находился в диапазоне 20–30%.

Таблица 2. Доля молодежи в возрасте 15–29 лет, имеющей среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена, по субъектам РФ в 2021 г., %

Субъект РФ	Доля молодежи со средним профессиональным образованием, %
г. Санкт-Петербург	38,2

Субъект РФ	Доля молодежи со средним профессиональным образованием, %
Ярославская область	34,6
Тульская область	32,8
Самарская область	31,5
...	...
Республика Алтай	19,1
Республика Саха (Якутия)	18,4
Республика Тыва	16,8

Источник: Росстат

Региональные особенности доступности и качества образования для молодежи обусловлены комплексом факторов, включая социально-экономическое развитие региона, уровень финансирования образования, состояние образовательной инфраструктуры, кадровый потенциал образовательных организаций и др. [4] Так, в крупных городах и экономически развитых регионах молодежь имеет более широкие возможности для получения качественного образования благодаря наличию ведущих вузов, развитой сети образовательных организаций, высококвалифицированных педагогических кадров [5]. В то же время в ряде регионов, особенно в сельской местности и малых городах, молодые люди сталкиваются с проблемами ограниченного выбора образовательных программ, недостаточной материально-технической базы учебных заведений, нехватки квалифицированных преподавателей [6].

Выбор молодежью профессии и образовательной траектории в значительной степени зависит от региональных особенностей рынка труда и структуры экономики. В регионах с развитой промышленностью, например, в Свердловской, Челябинской, Кемеровской областях, молодежь чаще выбирает технические и инженерные специальности, востребованные на местных предприятиях. В то же время в регионах с преобладанием сферы услуг и туризма, таких как Краснодарский край, Республика Крым, молодые люди чаще ориентируются на получение образования в сфере сервиса, гостинично-бизнеса, туризма (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Топ-5 направлений подготовки, выбираемых выпускниками школ в отдельных субъектах РФ в 2021 г.

Субъект РФ	Топ-5 направлений подготовки
Свердловская область	1. Машиностроение
	2. Информатика и вычислительная техника
	3. Электро- и теплоэнергетика
	4. Металлургия
	5. Экономика
Краснодарский край	1. Экономика
	2. Юриспруденция
	3. Сервис и туризм
	4. Педагогическое образование
	5. Здравоохранение

Источник: Мониторинг качества приема в вузы НИУ ВШЭ

Неравенство в доступе к образованию и профессиональной ориентации молодежи в регионах России яв-

ляется серьезной проблемой, препятствующей полноценной реализации потенциала молодого поколения [7]. Молодые люди из малообеспеченных семей, проживающие в сельской местности и отдаленных регионах, часто сталкиваются с барьерами в получении качественного образования и профориентационной поддержки [8]. Недостаточное финансирование образования в ряде регионов, слабое развитие дистанционных форм обучения, отсутствие системы профориентации и карьерного консультирования в школах усугубляют проблему образовательного неравенства [9].

Так, по данным исследования НИУ ВШЭ, в 2020 году доля школьников из семей с низким социально-экономическим статусом, поступивших в вузы, варьировалась от 8,4% в Республике Тыва до 28,3% в г. Москве (см. Таблицу 4). Это свидетельствует о значительных различиях в доступности высшего образования для молодежи из разных социальных групп в зависимости от региона проживания.

Таблица 4. Доля школьников из семей с низким социально-экономическим статусом, поступивших в вузы, по отдельным субъектам РФ в 2020 г., %

Субъект РФ	Доля школьников из семей с низким СЭС, поступивших в вузы, %
г. Москва	28,3
г. Санкт-Петербург	25,6
Томская область	22,4
...	...
Республика Калмыкия	11,2
Республика Алтай	9,7
Республика Тыва	8,4

Источник: Мониторинг качества приема в вузы НИУ ВШЭ

Для преодоления региональных диспропорций в уровне образования и профессиональной ориентации молодежи необходима комплексная государственная политика, направленная на выравнивание образовательных возможностей и поддержку талантливой молодежи из всех регионов страны. Это предполагает увеличение финансирования образования в отстающих регионах, развитие сети образовательных организаций и их материально-технической базы, внедрение современных образовательных технологий и дистанционных форм обучения, повышение квалификации педагогических кадров. Важную роль играет также развитие системы профориентации и карьерного консультирования молодежи, в том числе с использованием потенциала работодателей и профессиональных сообществ [10].

В целом, региональная дифференциация уровня образования и профессиональной ориентации молодежи в России является серьезным вызовом для социально-экономического развития страны. Преодоление образовательного неравенства и создание равных возможностей для самореализации молодежи независимо от места проживания должно стать одним из приоритетов государственной молодежной политики на долгосрочную перспективу.

Взаимосвязь между уровнем образования, профессиональной ориентацией молодежи и социально-экономическим развитием регионов является важным аспектом, требующим детального анализа. Образование и профессиональные компетенции молодого поко-

ления служат фундаментом для формирования человеческого капитала, который, в свою очередь, выступает ключевым фактором экономического роста и повышения конкурентоспособности регионов.

Статистические данные свидетельствуют о наличии прямой корреляции между образовательным уровнем молодежи и основными показателями социально-экономического развития субъектов РФ. Так, по данным Росстата, в 2021 году регионы с наиболее высокой долей молодежи, имеющей высшее образование (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Томская область), характеризовались и наиболее высокими значениями валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, превышающими среднероссийский уровень в 1,5–2 раза (см. Таблицу 5).

Таблица 5. ВРП на душу населения и доля молодежи с высшим образованием в отдельных субъектах РФ в 2021 г.

Субъект РФ	ВРП на душу населения, тыс. руб.	Доля молодежи с высшим образованием, %
г. Москва	1 423,6	48,6
г. Санкт-Петербург	896,4	45,3
Томская область	615,7	39,8
...
Республика Дагестан	215,4	19,4
Чеченская Республика	160,2	18,3
Республика Ингушетия	134,8	17,2

Источник: Росстат

Аналогичная взаимосвязь прослеживается и в отношении уровня занятости и безработицы среди молодежи. В регионах с высокой долей молодежи, имеющей профессиональное образование, уровень молодежной безработицы, как правило, ниже, а уровень занятости – выше по сравнению с регионами, где образовательный уровень молодежи находится на более низком уровне (см. Таблицу 6).

Таблица 6. Уровень занятости и безработицы среди молодежи в возрасте 15–29 лет в отдельных субъектах РФ в 2021 г., %

Субъект РФ	Уровень занятости молодежи, %	Уровень безработицы среди молодежи, %
г. Москва	64,2	3,8
г. Санкт-Петербург	62,8	4,2
Тюменская область	61,5	4,6
...
Республика Тыва	37,4	23,6
Республика Ингушетия	35,2	26,8
Чеченская Республика	33,8	28,4

Источник: Росстат

Региональные системы образования и рынки труда играют ключевую роль в формировании человеческого капитала молодежи. От качества и структуры подготов-

ки кадров в системе профессионального образования, ее соответствия потребностям региональной экономики во многом зависят возможности трудоустройства и карьерного роста молодых специалистов.

Однако во многих регионах России наблюдается дисбаланс между структурой подготовки кадров и реальными потребностями рынка труда. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в 2021 году, 42% работодателей отмечали нехватку квалифицированных кадров по отдельным профессиям и специальностям, в то время как 28% указывали на избыток выпускников вузов по ряду направлений подготовки.

Для преодоления этого дисбаланса необходимо:

- Усиление взаимодействия между системой образования и работодателями, включая участие представителей бизнеса в разработке образовательных программ, организации практик и стажировок для студентов, формировании систем независимой оценки квалификаций.
 - Развитие практико-ориентированных форм обучения, таких как дуальное образование, базовые кафедры на предприятиях, сетевые образовательные программы.
 - Внедрение современных образовательных технологий, обеспечивающих формирование у обучающихся актуальных профессиональных компетенций и навыков (проектное обучение, кейс-технологии, симуляторы и тренажеры и др.).
 - Развитие системы профессиональной ориентации молодежи, включая раннюю профориентацию школьников, профессиональные пробы, конкурсы профессионального мастерства и др.
 - Поддержка молодежного предпринимательства, в том числе через развитие инфраструктуры поддержки стартапов, бизнес-инкубаторов, акселераторов при вузах и колледжах.
- Выравнивание образовательных возможностей и профессиональной ориентации молодежи в регионах России требует реализации комплексной государственной политики, направленной на:
1. Увеличение финансирования образования в отстающих регионах, включая:
 - Поддержку развития инфраструктуры образовательных организаций (строительство и ремонт зданий, обновление учебного оборудования и др.).
 - Повышение заработной платы педагогических работников.
 - Целевую поддержку талантливых школьников и студентов из малообеспеченных семей (гранты, стипендии, льготы при поступлении в вузы и др.).
 2. Внедрение современных образовательных технологий и развитие цифровой образовательной среды, в том числе:
 - Обеспечение образовательных организаций современным ИКТ-оборудованием и высокоскоростным доступом в интернет.
 - Разработка и внедрение онлайн-курсов и цифровых образовательных ресурсов, обеспечивающих равный доступ к качественному образовательному контенту для молодежи из всех регионов.
 - Развитие системы электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, особенно для отдаленных и труднодоступных территорий.
 3. Развитие системы непрерывного образования и профессиональной ориентации молодежи, включая:
 - Создание региональных центров опережающей профессиональной подготовки и центров карьеры на базе вузов и колледжей.

- Расширение практики профессиональных проб и социальных практик для школьников и студентов на базе предприятий и организаций.
 - Развитие движения WorldSkills и расширение участия российской молодежи в международных конкурсах профессионального мастерства.
4. Поддержку трудоустройства и карьерного роста молодых специалистов, в том числе:
- Развитие целевого обучения и системы гарантированного трудоустройства выпускников вузов и колледжей по заказу работодателей.
 - Предоставление субсидий работодателям на трудоустройство молодых специалистов и выпускников без опыта работы.
 - Поддержку межрегиональной трудовой мобильности молодежи, включая субсидирование переезда и обустройства на новом месте работы.

Реализация этих мер позволит не только повысить доступность качественного образования и усилить профессиональную ориентацию молодежи в регионах, но и будет способствовать более сбалансированному социально-экономическому развитию субъектов РФ, сглаживанию региональных диспропорций в развитии человеческого капитала.

Уровень образования и профессиональная ориентация молодежи в современной России характеризуются значительной региональной дифференциацией, обусловленной комплексом социально-экономических, демографических и культурных факторов. Согласно данным Росстата, в 2022 году доля молодежи в возрасте 15–29 лет, имеющей высшее образование, варьировалась от 28,4% в Северо-Кавказском федеральном округе до 45,7% в Центральном федеральном округе (таблица 7). При этом в большинстве регионов Европейской части России и Урала этот показатель превышал 35%, в то время как в Сибири и на Дальнем Востоке он находился в диапазоне 30–35%.

Таблица 7. Доля молодежи 15–29 лет, имеющей высшее образование, по федеральным округам РФ в 2022 г.

Федеральный округ	Доля молодежи с высшим образованием, %
Центральный	45,7
Северо-Западный	41,2
Южный	37,9
Северо-Кавказский	29,2
Приволжский	38,3
Уральский	36,1
Сибирский	34,7
Дальневосточный	33,2

Источник: Росстат, 2023

Значимым фактором дифференциации образовательного уровня молодежи является тип населенного пункта. В крупных городах с населением более 500 тыс. человек доля молодых людей, получивших высшее образование, достигает 50–55%. В то же время в малых и средних городах (до 100 тыс. жителей) она редко превышает 30%, а в сельской местности составляет всего 20–25%. Такой разрыв объясняется как более широкими возможностями получения качественного высшего образования в мегаполисах, так и повышенной образовательной мотивацией городской молодежи.

Статистика профессионального образования демонстрирует несколько иную картину. По данным мониторинга Министерства просвещения РФ, в 2022 году численность студентов программ подготовки квалифицированных рабочих и служащих в расчете на 10 тыс. человек населения в возрасте 15–19 лет была наиболее высокой в регионах с развитой промышленностью – Свердловской, Челябинской, Нижегородской, Тульской областях, Пермском крае (более 250 человек). Минимальные значения данного показателя (менее 150 человек) наблюдались преимущественно в Северо-Кавказском ФО и некоторых регионах Дальнего Востока.

Что касается программ подготовки специалистов среднего звена, то здесь лидерами по охвату молодежи стали регионы с густонаселенной сетью малых и средних городов – Ивановская, Орловская, Псковская области, Республика Марий Эл (более 500 студентов на 10 тыс. человек 15–19 лет). Относительно низкая вовлеченность молодежи в систему СПО характерна для регионов с доминированием крупных городов с развитой сетью вузов – Москвы, Санкт-Петербурга, Томской области (менее 300 студентов).

Таким образом, если система высшего образования ориентирована преимущественно на молодежь крупных городов, то профессиональное образование в большей степени охватывает жителей малых и средних городов, обеспечивая подготовку квалифицированных кадров для локальных рынков труда.

Существенные региональные различия наблюдаются и в профессиональной ориентации молодежи. Так, по результатам опроса ВЦИОМ в 2021 году, наиболее привлекательными сферами занятости для молодых людей в возрасте 18–24 лет являлись: в Москве и Санкт-Петербурге – ИТ и телекоммуникации (28%), финансы и консалтинг (21%), реклама и маркетинг (17%); в городах-миллионниках – торговля (24%), промышленность (19%), госслужба (15%); в малых городах – образование (22%), здравоохранение (18%), сельское хозяйство (12%).

Очевидно, что структура профессиональных предпочтений молодежи в значительной степени определяется спецификой региональных экономик и рынков труда. Так, для мегаполисов характерна ориентация на высокотехнологичные и интеллектуальные сферы занятости, крупные города с диверсифицированной экономикой порождают спрос на специалистов широкого профиля, а малые города и сельская местность с их ограниченными возможностями трудоустройства подталкивают молодежь к выбору традиционных профессий социальной сферы.

Важным индикатором профессиональной ориентации молодежи является ее представленность в составе занятых по видам экономической деятельности. Как показывает анализ данных выборочного обследования рабочей силы Росстата, в 2022 году наибольшая доля молодежи до 30 лет среди занятых наблюдалась в сферах деятельности, связанных с оказанием услуг – гостиницы и общепит (37,4%), информация и связь (34,1%), торговля (33,5%), культура и спорт (31,4%). В то же время в промышленности, строительстве, транспорте удельный вес молодых работников был заметно ниже (24–27%).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что сферы занятости, связанные с оказанием современных услуг и требующие высокой квалификации и креативности, являются более привлекательными для молодежи, чем традиционные отрасли индустриального сектора экономики. Это может быть обусловлено как особенностями ценностных ориентаций и трудовой мотивации нового поколения, так и структурными изменениями в эко-

номике, связанными с ее цифровизацией и сервисизацией.

Таблица 8. Доля молодежи до 30 лет в общей численности занятых по видам экономической деятельности в РФ в 2022 г.

Вид экономической деятельности	Доля молодежи до 30 лет, %
Гостиницы и общепит	37,4
Информация и связь	34,1
Торговля	33,5
Культура и спорт	31,4
Финансы и страхование	29,2
Образование	26,8
Строительство	26,1
Промышленность	25,6

Источник: Росстат, 2023

Вместе с тем, отраслевая структура занятости молодежи демонстрирует заметные региональные различия, отражающие специфику локальных рынков труда. Например, в Москве и Санкт-Петербурге доля молодых работников в сфере информации и связи превышает 40%, в то время как в среднем по России этот показатель составляет 34,1%. В ряде южных регионов (Краснодарский край, Крым) молодежь широко представлена в индустрии гостеприимства (свыше 45% занятых). Для регионов Центрального Черноземья, Поволжья, Сибири характерна повышенная концентрация молодых работников в сельском хозяйстве (25–30%).

Интересные результаты дает анализ динамики образовательной и профессиональной ориентации молодежи за последние годы. Как показывают данные социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, за период с 2010 по 2020 гг. в структуре жизненных приоритетов молодых россиян произошли заметные сдвиги. Если в начале 2010-х годов главными жизненными целями молодежи были создание семьи (58%), интересная работа (54%) и высокий доход (48%), то к 2020 году на первый план вышли профессиональная самореализация (62%), качественное образование (56%) и карьерный рост (51%). При этом значимость семейных ценностей и материального благополучия несколько снизилась (до 52% и 44% соответственно).

По мнению экспертов, такие ценностные трансформации отражают тенденцию индивидуализации жизненных стратегий молодежи, ориентацию на достижение личного успеха через развитие своего человеческого капитала. В условиях усложнения социальной реальности и нарастания рисков молодые люди стремятся повысить свою конкурентоспособность на рынке труда за счет получения качественного образования, освоения востребованных компетенций, построения успешной профессиональной траектории.

Данная тенденция находит отражение и в динамике образовательных стратегий молодежи. Как показывает анализ статистики приема в вузы, за последнее десятилетие существенно выросла популярность направлений подготовки, связанных с ИТ-технологиями, инженерией, естественными науками. Так, если в 2010 году на эти направления приходилось около 30% общего приема, то в 2022 году их доля превысила 45%. При этом удельный вес гуманитарных и социально-экономических специальностей, напротив, сократился с 55% до 40%.

Таблица 9. Структура приема в вузы РФ по укрупненным группам направлений подготовки в 2010 и 2022 гг., %

Укрупненные группы направлений подготовки	2010	2022
Инженерное дело, технологии и технические науки	23,7	32,4
Науки об обществе	31,2	23,8
Математические и естественные науки	6,3	12,7
Образование и педагогические науки	11,5	9,2
Гуманитарные науки	12,3	7,1
Здравоохранение и медицинские науки	6,1	6,4
Искусство и культура	4,8	4,2
Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	3,4	3,5
Другие	0,7	0,7

Источник: Минобрнауки России, 2023

Очевидно, что современная молодежь в большей степени ориентирована на получение высшего образования по перспективным специальностям, связанным с развитием высоких технологий и инноваций. Этому способствует как активная государственная политика в сфере инженерного образования (увеличение бюджетных мест, развитие материально-технической базы вузов, повышение престижа инженерных профессий), так и растущий спрос работодателей на высококвалифицированные технические кадры в условиях цифровизации экономики.

Вместе с тем, структура подготовки кадров с высшим образованием в регионах России по-прежнему характеризуется значительными диспропорциями. Как показывает сопоставление данных о приеме в вузы и структуре ВРП регионов, в большинстве субъектов РФ доля приема на инженерно-технические направления заметно отстает от удельного веса промышленности и строительства в региональной экономике. Наиболее существенный разрыв наблюдается в индустриально развитых регионах Урала, Сибири, Поволжья (Свердловская, Челябинская, Иркутская, Нижегородская области, Красноярский край и др.), где потребность в инженерных кадрах в 1,5–2 раза превышает масштабы их подготовки местными вузами.

И наоборот, в регионах с преобладанием непродовольственных секторов экономики (торговля, финансы, госуправление) наблюдается избыточный выпуск специалистов гуманитарного и социально-экономического профиля. Характерными примерами являются Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Ростовская область, где свыше 50% выпуска вузов приходится на общественные, гуманитарные и педагогические специальности при их доле в структуре ВРП менее 30%.

Таким образом, региональные рынки труда и сфера высшего образования зачастую развиваются асинхронно, что порождает проблемы дисбаланса спроса и предложения квалифицированных кадров, несоответствия компетенций выпускников потребностям работодателей. Для преодоления этих проблем необходимо обеспечить более тесное взаимодействие вузов с реальным сектором экономики, активнее вовлекать бизнес в процессы прогнозирования кадровых потребностей, разработки

образовательных программ, организации практик и стажировок студентов.

Определенные шаги в этом направлении уже принимаются. В частности, во многих регионах создаются научно-образовательные центры (НОЦ), объединяющие ведущие вузы, научные организации и высокотехнологичные компании для кооперации в сфере исследований и подготовки кадров. Примерами успешно действующих НОЦ являются Уральский межрегиональный НОЦ «Передовые промышленные технологии и материалы», НОЦ «Инженерия будущего» в Самарской области, Западно-Сибирский НОЦ в Тюменской области. Важным механизмом взаимодействия университетов и бизнеса становятся и программы целевого обучения, в рамках которых предприятия направляют абитуриентов на обучение по востребованным специальностям с гарантией последующего трудоустройства.

Наряду с усилением практико-ориентированности высшего образования, необходимо развивать и систему среднего профессионального образования (СПО), которая остается недооцененным ресурсом подготовки квалифицированных кадров для экономики. Несмотря на предпринимаемые в последние годы меры по повышению привлекательности и качества СПО (обновление материально-технической базы колледжей, внедрение практико-ориентированных образовательных программ, развитие движения WorldSkills), масштабы подготовки рабочих и специалистов среднего звена в большинстве регионов не соответствуют реальным потребностям рынка труда.

В качестве одного из путей решения проблемы несоответствия структуры и качества подготовки кадров в системе СПО потребностям экономики рассматривается развитие дуального образования, предполагающего тесную интеграцию теоретического обучения в колледжах с практической подготовкой на предприятиях. Пилотные проекты по внедрению элементов дуального образования реализуются в ряде регионов (Белгородская, Калужская, Московская, Нижегородская, Свердловская, Ульяновская области, Красноярский край, Республика Татарстан) и демонстрируют обнадеживающие результаты в плане повышения качества подготовки и востребованности выпускников на рынке труда.

Таким образом, адаптация системы профессионального образования к потребностям социально-экономического развития регионов требует комплексного подхода, ориентированного на углубление партнерства образовательных организаций с работодателями, усиление практической направленности обучения, расширение форм целевой подготовки кадров. Важную роль в этом процессе могут сыграть создаваемые во многих субъектах РФ центры опережающей профессиональной подготовки, призванные обеспечить непрерывное обновление профессиональных компетенций в соответствии с приоритетами технологического развития.

Не менее важной задачей является преодоление социокультурных барьеров, ограничивающих доступность профессионального образования для различных категорий молодежи. Несмотря на меры поддержки образовательной и трудовой мобильности (целевое обучение, льготная ипотека для молодых специалистов, программы трудоустройства выпускников), получение качественного профобразования и успешное начало карьеры остается серьезным вызовом для молодежи, проживающей в сельской местности, малых и моногородах.

Статистика показывает, что среди сельской молодежи в возрасте 15–22 лет охват программами высшего и среднего профессионального образования почти в 1,5 раза ниже, чем среди городской (34% против 51%). При

этом доля сельской молодежи, имеющей только основное общее образование, вдвое превышает аналогичный показатель для городской молодежи (26% против 13%). Такой образовательный разрыв во многом обусловлен ограниченной территориальной и финансовой доступностью качественных образовательных услуг, недостаточной мотивацией и информированностью сельских школьников о возможностях профессионального развития.

Для выравнивания образовательных и карьерных возможностей молодежи необходимы специальные меры, направленные на профориентацию и адресную поддержку талантливых школьников из сельской местности и малых городов, обеспечение их доступа к ресурсам ведущих вузов и колледжей через целевое обучение, дистанционные образовательные программы, создание базовых кафедр и ресурсных центров в территориях. Эффективными инструментами могут стать и программы «социальных лифтов», предусматривающие целевое обучение и трудоустройство молодых специалистов в организациях социальной сферы и госуправления на местах.

Важную роль в преодолении барьеров образовательной и трудовой мобильности должны сыграть и сами регионы, обеспечивая адресную поддержку образовательных и карьерных траекторий молодежи в соответствии с приоритетами своего развития. В качестве успешного примера можно привести опыт Тамбовской области, где действует региональная программа «Ответственный выбор», предусматривающая систему мер по профориентации, обучению и трудоустройству молодежи на предприятиях АПК.

Литература

1. Никитина А.Ю. Моделирование системы управления государственной службой Российской Федерации: Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – М., 2009. – С. 28–48.
2. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции. [Пер. с англ. Е.Я. Додина]; – Москва: ИНИОН РАН, 2000. – 162 с.
3. Василенко Л.А. «Нормальная аномия»: трансформация институтов в условиях сложного социума. Научный результат. Социология и управление. – 2018. – № 3. – С. 45–55.
4. Выйти из BANI: как приспособиться к миру SHIVA [URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/486415-vyjti-iz-bani-kak-top-menedzera-prisposobit-sa-k-miru-shiva>]
5. Маркова Т. и др. Факторы карьерной мобильности в современной России: социологический анализ: дис. – Рос. гос. социал. ун-т, 2008. 350 с.
6. Капитонов Э.А. Социология XX века: история и технологии: учебное пособие для студентов вузов / Э.А. Капитонов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 508 с.
7. Комаров М.С. Социальная стратификация и социальная структура // СоцИ С. – 1992. – № 7. – С. 62–72.
8. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Энтони Гидденс; [Пер.: Тюрина И.]. – Москва: Акад. проект, 2003. – 525 с.
9. Малинецкий Г.Г. Хаос. Структуры. Вычислительный эксперимент. Введение в нелинейную динамику. 3-е изд. – М.: УРСС, 2001. – С. 10–25.
10. Аврамова Е.М. Социальная мобильность в условиях российского кризиса // Общественные науки и современность. – 1999 – № 3. – С. 17–25.

MILLENNIAL GENERATION CAREER MOBILITY MODEL IN THE DIGITAL ERA: A COMPREHENSIVE APPROACH

Oleynikova E.E.

RANEPA (Presidential Academy)

This article focuses on exploring the characteristics of career mobility among the Millennial generation in the context of the evolving digital society. The author proposes a new model that enables a systematic analysis of the interaction between external and internal factors influencing the formation of a successful career in the digital era. The model is represented by three interconnected circles: The Outer Circle symbolizes the demands and challenges of the digital society, including the dynamism of changes, technological factors, global interconnectedness, and the diversity of career paths. The Middle Circle reflects the development of career strategies based on Millennials' career habitus, their values, specific perception of time, and digital competencies. The Inner Circle constitutes a career portfolio that encompasses competencies, navigation skills in the digital world, adaptive mechanisms, and a system of lifelong learning. The application of this model allows a deeper understanding of the mechanisms of career mobility formation among Millennials and the development of effective career growth strategies in the context of digital transformation. The model can be utilized in further research and practical activities in the fields of career counseling and personnel management.

Keywords: Millennials, Millennial Generation, career mobility, digital society, career habitus, career portfolio, digital era.

References

1. Nikitina A. Yu. Modeling the system of public service management in the Russian Federation: Dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. – M., 2009. – pp. 28–48.
2. Mannheim K. Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations. Competitiveness. Economic Ambitions. [Translated from English by E. Ya. Dodin]; – Moscow: INION RAS, 2000. – 162 pages.
3. Vasilenko L.A. “Normal Anomia”: the transformation of institutions in the context of a complex society. Scientific Result. Sociology and Management. – 2018. – No.3. – pp. 45–55.
4. Exiting BANI: How to adapt to the world of SHIVA [URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/486415-vyjti-iz-bani-kak-top-menedzera-prisposobit-sa-k-miru-shiva>]
5. Markova T. et al. Factors of career mobility in modern Russia: sociological analysis: dissertation. – Russian State Social University, 2008. 350 pages.
6. Kapitonov E.A. Sociology of the 20th century: history and technologies: textbook for university students / E.A. Kapitonov. – Rostov-on-Don: Phoenix, 1996. – 508 pages.
7. Komarov M.S. Social stratification and social structure // Soci S. – 1992. – No.7. – pp. 62–72.
8. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration / Anthony Giddens; [Translated by Tyurina I.]. – Moscow: Academic Project, 2003. – 525 pages.
9. Malinetsky G.G. Chaos. Structures. Computational Experiment. Introduction to Nonlinear Dynamics. 3rd Edition – M.: URSS, 2001. – pp. 10–25.
10. Avramova E.M. Social Mobility in the Context of the Russian Crisis // Social Sciences and Modernity. – 1999 – No.3. – pp. 17–25.

Роль и место цифровых технологий в управлении социальной сферой войск национальной гвардии Российской Федерации

Смирнов Андрей Павлович,

адъюнкт Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: 89037347589@mail.ru

В статье поднимается вопрос о некоторых особенностях цифровых технологий в области управления социальной сферой войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – ВНГ РФ), направлениях реализации их функций и ключевых структурных назначений. В том числе, автор затрагивает тему неоднозначной системы оценки эффективности применяемых цифровых технологий в области управления социальной сферой ВНГ РФ. Рассматриваемые тезисы в отношении применения цифровых технологий в системе управления, регулирования распределением компонентов социального обеспечения, а также о состоянии субъектно-объектных отношений в управлении социальной сферой, могут позволить существенно скорректировать выявленные недостатки в области применения цифровых технологий. В том числе, могут помочь прогнозировать дальнейшее развитие цифровых технологий в управлении социальной сферой ВНГ РФ.

Ключевые слова: цифровые технологии, социальная сфера, социовитальные потребности, цели, ценности.

С начала XXI века цифровые технологии стали активно интегрироваться практически во все значимые сферы жизнедеятельности человека и его социального существования [1]. Не стало исключением и область управления структурными компонентами общества, социальными конструктами и общественно-значимыми процессами. Существующие и действующие длительное время технологии регулирования социальными процессами стали применяться в информационно-коммуникационных средствах анализа и обработки данных. Система управления социальной сферой стала более адаптивной, ускорились механизмы подстройки и реагирования, стали доступнее услуги и продукты социального потребления [2]. Причинной зависимостью объединения цифровых технологий с системой управления социальной сферой выступили актуальные проблемы в области скорости передачи полиморфной информации. Общая предметная область информационного обмена в области статодинамических общественных проявлений стала весомой причиной для включения социальной сферы в систему государственного управления [3].

С развитием цифрового общества и усложнением его потребностей, возникла необходимость в институциональном регулировании социального пространства и социально-потребительской стратификации [4]. Данный процесс касался практически всех сфер жизнедеятельности общества и был определен одним из направлений государственного развития. Одной из форм социально-потребительской стратификации можно считать статусно-ролевое определение института военной службы в России и полномочные границы его организационно-структурных единиц. В результате данного процесса были сформированы общие и частные направления в области военно-социального обеспечения представителей института военной службы. В данной статье, в качестве примера, будут рассмотрены ВНГ РФ как организационный представитель института военной службы в области управления социальной сферой через применение цифровых технологий.

Одной из особенностей системы управления социальной сферой ВНГ РФ является определение для военнослужащих и сотрудников соответствующей системы управления их правовой и социальной защиты, материального и иного обеспечения с учетом занимаемых должностей, общей продолжительности военной службы, воинских и специальных званий, характеры и способов выполняемых задач, условий прохождения военной службы и порядка реализации своего служебно-боевого потенциала. Ввиду сложности и неоднородности военно-социальных процессов в системе статусно-ролевой ориентации системы управления ВНГ РФ целесообразно рассматривать военно-социальные процессы с позиции социологических подходов [5]. В том числе, с позиции применения цифровых технологий в рамках исследовательского целеориентированного подхода «цель-ценность» будут рассмотрены соотношения целей управления социальной сферой ВНГ РФ в соотношении с ценностными ориентирами различных классов.

Рассматривая целевые и ценностные ориентиры системы управления социальной сферой ВНГ РФ, можно

выделить два вида ценностей: терминальные и инструментальные. Где терминальные будут представляться нам как ориентиры для стремления – идеализированный социальный конструкт. Инструментальные ценности будут рассматриваться с позиции определения «золотой середины» и фиксации данного социального конструкта как уместно-универсального [6]. Тогда организационные цели будут представлять нам единую и адаптивную форму воздействия на терминальные и инструментальные ценности с задачей сопоставить убеждения социально-го компонента организации с генеральным целедостига-тельным направлением [7]. Данный подход можно счита-ть относительно универсальным практически ко всем сферам организационной или корпоративной реализа-ции социальных отношений. Тем не менее специфика военно-социальных отношений требует не столько осо-бенности в управлении социальной сферой, сколько использования специфического инструментария в рамках соблюдения требования нормативных и правовых – рас-порядительных, документов. В том числе, соотношение целей и ценностей в рамках достижения устойчивости системы управления социальной сферой ВНГ РФ может определяться как институциональная регламентация по-рядка обеспечения социовитальных потребностей [8].

Удовлетворение социовитальных потребностей в рамках соотношений целей и ценностей организа-ции представляется как форма реализации полномочий системы управлений в приращении к требуемому уров-ню обеспечения жизнедеятельности военнослужащих и сотрудников [9]. В таком случае, цифровые техноло-гии могут быть рассмотрены как инструмент эффектив-ной реализации функций системы управления за счет применения информационно-коммуникационных тех-нологий в рамках конкретной сферы жизнедеятельно-сти. Что касается социальной сферы, то способность удовлетворять социовитальные потребности – основной вид служебно-базовых потребностей, является главной функцией социальной сферы ВНГ РФ [10]. Тем самым, мы можем увидеть функциональное направление систе-мы управления социальной сферой ВНГ РФ – систе-матизация, учет и своевременное обеспечение воен-нослужащих и сотрудников всеми видами положенного довольствия. Реализация данной функции обуславли-вается главным целедостигаемым направлением – удовлетворенность условиями службы (военной службы) и сохранения социальной устойчивости – противодей-ствие возникновению социальной напряженности. В со-отношении целей и ценностей в управлении социаль-ной сферы ВНГ РФ цифровые технологии определяются как средства достижения целей организации в условиях цифровой трансформации общества.

Применение цифровых технологий в реализации функций социальной сферы ВНГ РФ позволяют осу-ществлять ряд направлений, низкая эффективность ко-торых может являться потенциальной «территорией» управленческой стагнации. В рамках изучаемой про-блематики, эти функции могут быть определены следу-ющим образом:

- оперативное решение срочных задач;
- распределение ресурсов между задачами;
- достижение «прозрачности» информационного об-мена;
- автономный доступ к сведениям;
- субъектно-объектная коммуникация в режиме ре-ального времени.

В данном случае, мы можем видеть, что перечислен-ные функции позволяют адаптироваться системе управ-ления социальной сферой под большинство существую-щих в настоящее время социальных потребностей во-

еннослужащих и сотрудников ВНГ РФ [11]. Где срочные задачи и оперативность их решения способны обеспечи-вать устойчивость всей динамики социальных процессов в рамках удовлетворения возникающих запросов или ротации людского ресурса. «Прозрачность» информа-ционного обмена и автономная доступность способны активно повышать уровень доверия потребителей услуг социальной сферы и формировать убеждения статусно-ролевой ориентации в объеме социальной справед-ливости. Исходя из этого, возникающие особенности субъектно-объектной коммуникации обуславливаются доступом в режиме реального времени и способны до-стигать корреляционного показателя социальной удов-летворенности [12]. В совокупности, систематизация цифровых технологий в управлении социальной сферой ВНГ РФ позволяет осуществлять ряд технических и тех-нологических процессов в интересах удовлетворенности потребителей социальных услуг и устойчивого функци-онирования системы управления социальной сферой.

Заключение

Особенности применения цифровых технологий в управ-лении перестали быть чем-то новым или эвристическим. Управленческие функции, реализуемые через инструмен-ты информационно-коммуникационных технологий, помо-гают системе управления соответствовать требованиям скорости протекания процессов, связанных с обменом полиморфной информацией. Касательно социальной сферы ВНГ РФ и ее направлений, можно достоверно считать, что роль и место цифровых технологий в управлении данным элементом обеспечения структурного компонента воен-ной службы определена как адаптивная форма управле-ния, в том числе, определившаяся как общая потребность системы государственного управления.

Литература

1. Елохина Э.Э. Цифровизация современного социу-ма: достоинства и угрозы // Молодой ученый. 2023. № 24 (471). С. 187–189.
2. Яковлев А.С. Особенности потребления социаль-ных услуг // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 7. С. 94–96.
3. Орланов Г.Б. Социальное управление в условиях формирования информационного общества // Со-циология власти. 2010. № 4. С. 144–151.
4. Бочарова О.Е. Потребление как механизм социаль-ной стратификации // Известия Тульского государ-ственного университета. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 99–104.
5. Бондаренко В.Ф. Социология военного управ-ления в системе военно-социологического зна-ния / В.Ф. Бондаренко, Р.М. Тимошев // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2012. № 2(30). С. 9–15.
6. Калугин А.Ю. Соотношение понятий при изу-чении ценностно-смысловой и мотивационно-потребностной сфер личности // Вестник Пермско-го государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педа-гогические науки. 2014. № 1. С. 17–24.
7. Белкин В.Н. Согласование корпоративных ценно-стей и социально-экономических целей организа-ции / В.Н. Белкин, Н.А. Белкина, О.А. Антонова // Челябинский гуманитарий. 2018. № 3(44). С. 48–63.
8. Волкова Н.С. Государственное управление социаль-ной сферой: состояние и модернизация // Журнал российского права. 2013. № 7(199). С. 5–16.

9. Вызулина К.С. Потребности и ценности в структуре движущих сил развития личности офицера // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17, № 3. С. 92–102.
10. Филимонов О.В. Стандартизация услуг в сфере удовлетворения социо-витальных потребностей сотрудников органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 1(29). С. 17–21.
11. Перембеда П.А. Эффективность управления системой социальной защиты военнослужащих // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 5. С. 148–157.
12. Гостенина В.И. Особенности применения корреляционного анализа в социологических исследованиях / В.И. Гостенина, К.С. Карандин // Экономика. Социология. Право. 2017. № 4(8). С. 73–81.

THE ROLE AND PLACE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE MANAGEMENT OF THE SOCIAL SPHERE OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Smirnov A.P.

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article raises the question of some features of digital technologies in the field of social sphere management of the Troops of the National Guard of the Russian Federation (hereinafter – NG RF), directions for the implementation of their functions and key structural assignments. In particular, the author touches on the topic of an ambiguous system for evaluating the effectiveness of applied digital technologies in the field of social sphere management in the Russian Federation. The theses considered in relation to the use of digital technologies in the management system, regulation of the distribution of social security components, as well as the state of subject-object relations in the management of the social sphere, can significantly correct the identified shortcomings in the field of digital technologies. In particular, they can help predict the further development of digital technologies in the management of the social sphere in the Tax Code of the Russian Federation.

Keywords: digital technologies, social sphere, socio-vital needs, goals, values.

References

1. Elokhtina E.E. Digitalization of modern society: advantages and threats // Young scientist. 2023. No. 24 (471). P. 187–189.
2. Yakovlev A.S. Features of consumption of social services // Economy and business: theory and practice. 2017. No. 7. P. 94–96.
3. Orlov G.B. Social management in the context of the formation of an information society // Sociology of power. 2010. No. 4. P. 144–151.
4. Bocharova O.E. Consumption as a mechanism of social stratification // Bulletin of Tula State University. Humanities. 2008. No. 1. P. 99–104.
5. Bondarenko V.F. Sociology of military management in the system of military-sociological knowledge / V.F. Bondarenko, R.M. Timoshev // Scientific and information journal Army and Society. 2012. No. 2 (30). P. 9–15.
6. Kalugin A. Yu. The relationship of concepts in the study of the value-semantic and motivational-need spheres of personality // Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series No. 1. Psychological and pedagogical sciences. 2014. No. 1. P. 17–24.
7. Belkin V.N. Coordination of corporate values and socio-economic goals of the organization / V.N. Belkin, N.A. Belkina, O.A. Antonova // Chelyabinsk humanitarian. 2018. No. 3 (44). P. 48–63.
8. Volkova N.S. Public administration of the social sphere: state and modernization // Journal of Russian Law. 2013. No. 7(199). P. 5–16.
9. Vyzulina K.S. Needs and values in the structure of driving forces of officer's personality development // Man. Community. Management. 2016. Vol. 17, No. 3. P. 92–102.
10. Filimonov O.V. Standardization of services in the sphere of meeting socio-vital needs of employees of internal affairs bodies // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 1(29). P. 17–21.
11. Peremibeda P.A. Efficiency of management of the social protection system of military personnel // Social and humanitarian knowledge. 2009. No. 5. P. 148–157.
12. Gostenina V.I. Features of the application of correlation analysis in sociological research / V.I. Gostenina, K.S. Karandin // Economy. Sociology. Law. 2017. No. 4(8). P. 73–81.

Роль СМИ в формировании позитивного отношения к военной службе

Соколов Дмитрий Сергеевич,

соискатель ученой степени, Военный университет
имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: sokolov_nauka_2024@list.ru

В статье рассматриваются основные каналы влияния СМИ на молодежь, типы контента, формирующего позитивное отношение к военной службе, а также особенности восприятия информации о военной службе у молодежи. Автор статьи оценивает эффективность работы СМИ в данном направлении и предлагают рекомендации по ее совершенствованию. Статья может быть использована для совершенствования работы СМИ по формированию позитивного отношения к военной службе у молодежи, а также для разработки методических материалов по патриотическому воспитанию молодежи.

Ключевые слова: СМИ, военная служба, молодежь, патриотизм, информационная война, пропаганда, допризывная подготовка.

В современном мире, где безопасность и стабильность являются ключевыми факторами для развития, армия играет несравненно важную роль [9]. Вооруженные силы гарантируют суверенитет государства, защищают от внешних угроз и активно участвуют в миротворческих операциях.

Молодежь представляет собой будущее армии, ее резерв и потенциал. От готовности молодых людей защищать свою Родину зависит будущее страны [11; 19].

В этом контексте особую актуальность приобретает вопрос формирования положительного отношения к военной службе среди молодежи [2].

Средства массовой информации (далее – СМИ) играют важную роль в этом процессе. Они не только информируют о военной службе, но и активно формируют у молодежи определенное отношение к ней [7].

Цель данной статьи – проанализировать влияние СМИ на формирование позитивного отношения к военной службе у молодежи.

Современная молодежь, являясь активным потребителем информации из различных источников, требует внимательного рассмотрения каналов воздействия СМИ на ее восприятие военной службы [10].

Традиционное телевидение остается влиятельным в современных условиях: документальные фильмы, сериалы, новости и патриотические программы формируют определенное представление о военной службе. В то время как интернет, как пространство безграничных возможностей, предлагает сайты Минобороны, тематические порталы, блоги военных и социальные сети как эффективные инструменты для формирования положительного отношения к военной службе.

Важно подчеркнуть, что каждый канал имеет свои особенности и преимущества. Телевидение охватывает широкую аудиторию и способно формировать эмоциональное отношение, в то время как интернет обеспечивает интерактивное взаимодействие и позволяет молодежи задавать вопросы и делиться мнением.

Для достижения максимального эффекта следует использовать все эти каналы в комплексе.

СМИ воздействуют на формирование положительного отношения молодежи к военной службе через различные типы контента [5].

Патриотический контент включает истории о героях, их подвигах и достижениях, рассказы о ветеранах и патриотические мероприятия [12].

Информационный контент предоставляет сведения о преимуществах военной службы, условиях контрактной службы и социальных программах для военнослужащих и их семей [5].

Развлекательный контент, такой как фильмы, сериалы, игры, позиционирует военную службу как интересную и престижную через армейские байки, юмористические программы и военно-патриотические конкурсы.

Важно отметить, что каждый тип контента должен адаптироваться к возрастным и психологическим особенностям молодежи [1]. Патриотический контент должен основываться на реальных событиях и героях, вызывая чувство гордости. Информационный контент должен быть достоверным и понятным, а развлекательный – интересным и соответствовать вкусам молодежи [4].

Современная молодежь обладает рядом особенностей, важных при формировании у нее позитивного отношения к военной службе.

Доминирование визуального контента является ключевым аспектом, поскольку молодежь предпочитает воспринимать информацию в виде картинок, видео и инфографики. Текстовые материалы должны быть дополнены визуальными элементами, чтобы привлекать внимание [18].

Клипное мышление молодежи, характеризующееся быстрым переключением между видами информации, требует, чтобы информация о военной службе была краткой, емкой и содержала яркие образы, чтобы удерживать внимание.

Повышенная критичность к информации также важна [13]. Молодежь не доверяет голословным заявлениям и предпочитает достоверные источники. СМИ должны предоставлять объективную информацию о военной службе, подтверждая ее фактами и цифрами.

Влияние социальных сетей в современной культуре нельзя недооценивать. Молодежь активно использует социальные сети для поиска информации, общения и выражения своего мнения. СМИ должны использовать социальные сети для распространения информации о военной службе и взаимодействия с молодежью [6].

При формировании позитивного отношения к военной службе необходимо учитывать не только особенности восприятия информации у молодежи, но и ее ценности, интересы и жизненные цели. Оценка эффективности работы СМИ в формировании позитивного отношения к военной службе включает ряд показателей, таких как повышение престижа военной службы, измеряется увеличением числа желающих служить по контракту и ростом молодых людей, выбирающих военные профессии [17]. Также важно отслеживать позитивное изменение общественного мнения о военной службе; увеличение числа желающих служить по контракту подтверждается статистикой Минобороны и данными социологических опросов о желании молодежи служить по контракту; формирование чувства гордости за армию проявляется в результатах опросов о патриотических настроениях, участии молодежи в патриотических мероприятиях и позитивном отношении к армии в социальных сетях.

Несмотря на достижения [15; 16], в работе СМИ выявлены проблемы, такие как недостаток достоверной информации, негативные публикации и распространение слухов [3]. Неэффективное использование современных медиатехнологий отмечается слабой представленностью военной тематики в социальных сетях и недостатком интерактивного контента для молодежи.

Недостаточная координация работы СМИ с Минобороны выражается в несогласованных информационных кампаниях и отсутствии единой стратегии. Для повышения эффективности необходимо увеличить производство и трансляцию контента, включая патриотические фильмы, информационные статьи и развлекательный контент.

Использование современных медиатехнологий требует развития сайтов и страниц Минобороны в социальных сетях, создания интерактивного контента и проведения онлайн-кампаний.

Усиление координации работы СМИ с Минобороны предполагает разработку единой стратегии, согласованных информационных кампаний и привлечение экспертов к работе в СМИ.

Роль СМИ в формировании позитивного отношения молодежи к военной службе неоспорима [14]. Для достижения максимального эффекта в этом деле важно разнообразно использовать каналы влияния и различные

типы контента. Успешная работа СМИ в этом направлении содействует не только укреплению обороноспособности страны, но и поднимает престиж военной службы.

Литература

1. Актуальные вопросы развития современной педагогики: Учебное пособие // Акиева С.И., Ахмедова Э.М., Бабошина Е.В. [и др.] / Отв. ред. Канюк А.С. – М.: ООО «Группа компаний Рино Лэнс», 2024. – 107 с.
2. Битев А.С. Формирование позитивного отношения к воинской службе у студенческой молодежи в ходе военно-патриотического воспитания // Kant. 2016. № 4 (21). С. 44–49.
3. Васильева В.Н., Лобченко Л.Н. Роль информации в формировании и развитии экологической культуры населения // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2018. № 4. С. 29–45.
4. Жижина М.В. Механизмы и феномены медиаповедения в контексте трансформации медиакультуры // Состояние, проблемы и перспективы развития современных социально-экономических процессов: Монография. Петрозаводск: Межд. центр научного партнерства «Новая наука», 2019. С. 205–240.
5. Зеленков М.Ю. Система формирования положительного отношения российского общества к Вооруженным Силам (научно-практический аспект) [МИИТ]. М.: б.и., 2008. 312 с.
6. Зобнин К.В. Влияние социальных сетей на формирование ценностных установок современной молодежи // Традиции и новации в системе современного российского права. Москва, 09–10 апреля 2021 г. Материалы XX Международной конференции молодых ученых. В 3-х томах. Т. 1. М.: МГЮА, 2021. С. 445–447.
7. Индрашчик А. Средства массовой информации в формировании безопасности государства и личности // Доктрина права и безопасность в современном мире: Монография / Отв. ред. Пузиков Р.В., Зелинский Я. Тамбов: ООО «Принт-Сервис», 2020. С. 324–343.
8. Котова А.А. Коммуникативные стратегии самопрезентации норвежских военнослужащих-женщин в СМИ как способ популяризации военной службы // Военно-филологический журнал. 2020. № 1. С. 72–79.
9. Михайлов В.В., Гончаров И.В., Савутов Ю.В. Методики оценки эффективности системы ракетно-технического обеспечения войск ПВО армии // Современные проблемы проектирования, производства и эксплуатации радиотехнических систем. 2016. № 10. – С. 20–23.
10. Некрасова М.А. Экологическая реклама в СМИ как социальный механизм обеспечения экологической безопасности // Коммуникология. 2014. Т. 8. № 6. С. 129–145.
11. Орлова А.В., Шагбанова Х.С. Молодежная политика как важнейший ресурс формирования гражданского общества в современной России // Образование и право. 2022. № 6. С. 418–424.
12. Орлова Е.А. Состояние исторической памяти молодежи и опыт ее формирования силами некоммерческих организаций // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41. № 2. С. 277–288.
13. Право и экономическое развитие: актуальные вопросы: Монография / В.Б. Батиевская, М.В. Келехсаева, Т.Е. Ситихова [и др.]; гл. ред. Э.В. Фомин. –

Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2023. – 196 с.

14. Пузынькин И.В., Михайлов В.В. Роль информационно-психологических средств в обеспечении обороноспособности государства // Военная мысль. 2015. № 7. – С. 11–15.
15. Рыжов В.Б. Конституционные основы журналистской деятельности / Международная научно-практическая конференция «Конституционные права и свободы в контексте диалога: государство и общество [Международный славянский институт] Ред. колл.: Никитина Т.Е., Смирнова Е.С., Пестравкин А.А. М.: б.и., 2023. С. 86–89.
16. Рыжов В.Б. Свобода слова как основа идеологии права человека на получение информации: дилемма применимости / Международная научно-практическая конференция. 24 мая 2023 г. Ред. колл.: Т.Е. Никитина, Е.С. Смирнова, А.А. Пестравкин. М. Международный славянский институт, 2023. С. 54–56.
17. Саенко Л.А., Битев А.С. Позитивное отношение молодежи к воинской службе как социально-педагогическая проблема // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). С. 218–220.
18. Сырых А.В. Визуальный контент в репрезентации и продвижении модного продукта // Молодежь, наука, творчество-2019. Омск, 22–23 мая 2019 г. / Материалы XVII межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов / Отв. ред. А.С. Полинский. 2019. Омск: Омский государственный университет, 2019. С. 48–53.
19. Шагбанова Х.С. Патриотизм как социокультурная доминанта // Общество и государство. 2023. № 1 (41). С. 56–60.
3. Vasilyeva V.N., Lobchenko L.N. The role of information in the formation and development of the environmental culture of the population // Philosophy and Humanities in the Information Society. 2018. No. 4. P. 29–45.
4. Zhizhina M.V. Mechanisms and phenomena of media behavior in the context of media culture transformation // State, problems and prospects for the development of modern socio-economic processes: Monograph. Petrozavodsk: Int. center for scientific partnership “New Science”, 2019. Pp. 205–240.
5. Zelenkov M. Yu. The system of forming a positive attitude of Russian society towards the Armed Forces (scientific and practical aspect) [MIIT]. M.: b.i., 2008. 312 p.
6. Zobnin K.V. The influence of social networks on the formation of value attitudes of modern youth // Traditions and innovations in the system of modern Russian law. Moscow, April 9–10, 2021. Proceedings of the XX International Conference of Young Scientists. In 3 volumes. Vol. 1. M.: Moscow State Law Academy, 2021. Pp. 445–447.
7. Indrashchik A. Mass media in shaping the security of the state and the individual // The doctrine of law and security in the modern world: Monograph / Ed. Puzikov R.V., Zelinsky J. Tambov: ООО Print-Service, 2020. Pp. 324–343.
8. Kotova A.A. Communicative strategies of self-presentation of Norwegian female military personnel in the media as a way to popularize military service // Military Philological Journal. 2020. No. 1. Pp. 72–79.
9. Mikhailov V.V., Goncharov I.V., Savutov Yu.V. Methods for assessing the effectiveness of the missile and technical support system of the army's air defense forces // Modern problems of design, production and operation of radio engineering systems. 2016. No. 10. – Pp. 20–23.
10. Nekrasova M.A. Environmental Advertising in the Media as a Social Mechanism for Ensuring Environmental Safety // Communicationology. 2014. Vol. 8. No. 6. Pp. 129–145.
11. Orlova AV, Shagbanova HS Youth Policy as the Most Important Resource for the Formation of Civil Society in Modern Russia // Education and Law. 2022. No. 6. Pp. 418–424.
12. Orlova EA The State of the Historical Memory of Young People and the Experience of Its Formation by Non-Commercial Organizations // Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics. 2022. Vol. 41. No. 2. Pp. 277–288.
13. Law and Economic Development: Current Issues: Monograph / VB Batievskaya, MV Kelekhsaeva, TE Sitokhova [et al.]; ed. E.V. Fomin. – Cheboksary: ООО “Izdatel'skiy dom” Sreda “, 2023. – 196 p.
14. Puzenkin I.V., Mikhailov V.V. The role of information and psychological means in ensuring the defense capability of the state // Military Thought. 2015. No. 7. – P. 11–15.
15. Ryzhov V.B. Constitutional foundations of journalistic activity / International scientific and practical conference “Constitutional rights and freedoms in the context of dialogue: state and society [International Slavic Institute] Ed. coll.: Nikitina T.E., Smirnova E.S., Pestravkin A.A. M.: б.и., 2023. P. 86–89.
16. Ryzhov V.B. Freedom of Speech as the Basis of the Ideology of the Human Right to Receive Information: the Dilemma of Applicability / International Scientific and Practical Conference. May 24, 2023. Ed. collective: T.E. Nikitina, E.S. Smirnova, A.A. Pestravkin. Moscow: International Slavic Institute, 2023. Pp. 54–56.
17. Saenko L.A., Bitev A.S. Positive Attitude of Young People to Military Service as a Social and Pedagogical Problem // The World of Science, Culture, Education. 2015. No. 6 (55). Pp. 218–220.
18. Syrykh A.V. Visual Content in the Representation and Promotion of a Fashionable Product // Youth, Science, Creativity-2019. Omsk, May 22–23, 2019 / Proceedings of the XVII Interuniversity Scientific and Practical Conference of Students and Postgraduates / Ed. A.S. Polynsky. 2019. Omsk: Omsk State University, 2019. Pp. 48–53.
19. Shagbanova H.S. Patriotism as a Sociocultural Dominant // Society and State. 2023. No. 1 (41). Pp. 56–60.

THE ROLE OF THE MEDIA IN SHAPING A POSITIVE ATTITUDE TOWARDS MILITARY SERVICE

Sokolov D.S.

Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

The article examines the main channels of media influence on young people, types of content that form a positive attitude toward military service, as well as the peculiarities of perception of information about military service among young people. The author of the article evaluates the effectiveness of the media in this area and offers recommendations for its improvement. The article can be used to improve the work of the media in forming a positive attitude toward military service among young people, as well as to develop methodological materials on patriotic education of young people.

Keywords: mass media, military service, youth, patriotism, information warfare, propaganda, pre-prescription training.

References

1. Current issues in the development of modern pedagogy: A tutorial // Akkueva S.I., Akhmedova E.M., Baboshina E.V. [et al.] / Responsible. editors Kanyuk A.S. – M.: ООО “Rino Lance Group of Companies”, 2024. – 107 p.
2. Bitev A.S. Formation of a positive attitude towards military service among student youth in the course of military-patriotic education // Kant. 2016. No. 4 (21). P. 44–49.

Проблема соответствия системы подготовки государственных служащих сложным требованиям к современной государственной службе: необходимость в новых подходах

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Статья посвящена современным проблемам подготовки будущих государственных служащих. Профессия государственного администратора все больше усложняется, и это создает вызовы для системы образования. В системе преподавания появляются все новые и новые дисциплины, и в этих условиях утрачивается сам смысл профессии государственного служащего. Система образования остро нуждается в новых подходах, которые могут вывести ее из проблемного состояния. В этой связи полезным был бы опыт, приобретенный в других областях. В статье рассматривается в качестве положительного примера ситуация в здравоохранении. Для подготовки студентов-медиков уже несколько десятилетий используется модель образования, ориентированного на сообщества. Этот перспективный подход фокусируется на тесном взаимодействии студентов-медиков с местными сообществами. Он вполне может быть адаптирован и использован для обучения государственных служащих.

Ключевые слова: государственная служба, проблемы образования, муниципальное управление, государственные служащие, подготовка государственных служащих.

Во многих странах сегодня активно обсуждаются проблемы подготовки государственных служащих для работы в современных условиях. Речь идет иногда даже о том, чтобы переопределить саму дисциплину публичного администрирования. Это связано с растущим значением профессии государственного служащего в современном мире.

Так, в литературе обсуждается множество новых ролей администратора и стоящих перед ним задач [1], [2]. Например, называют такие новые функции государственного чиновника, как: специалист по работе с информационными технологиями (управление базами данных, аналитика больших данных, прогнозирование, принятие решений на основе данных и др.); специалист по работе с сетями (сетевыми объединениями); организатор партнерств; системный архитектор; управляющий ресурсами; проект-менеджер; социальный предприниматель; новатор и управляющий изменениями; исследователь социальных проблем и др.

В частности, системный архитектор – специалист, который способен формировать действующие локальные системы государственной и общественной поддержки из множества ресурсов государственного, частного и третьего секторов и иных ресурсов. Список таких ролей можно продолжать и дальше.

В то же время чуть ли не повсеместно высказываются критические замечания в адрес существующей системы подготовки государственных администраторов. Например, говорят об устаревших учебных программах для будущих государственных служащих. Отмечают, что в системе образования уделяется мало внимания реальной пользе знаний и навыков на рабочем месте. Утверждают, что система образования не соответствует изменениям, вызовам и требованиям среды, в которой работают государственные чиновники, и т.д.

Кроме того, наблюдается отсутствие системы в образовательном процессе, что выражается в недостатке понимания того, что нужно преподавать и к чему готовить студентов. Харви Уайт, президент Американского общества государственного управления заметил в 2007 г., что в настоящее время имеет место склонность готовить студентов практически ко всему, кроме карьеры в области государственного управления. (По этому поводу он даже создал специальный комитет для анализа ряда тревожных событий в области образования) [2].

С другой стороны, следует отметить, что и сама система управления модернизируется не так быстро, как это требуется. Технологическая трансформация и связанные с ней затраты, риски и возможности являются общей проблемой для властных органов. Правительственные эксперты особенно обеспокоены низкими темпами внедрения новых технологий.

По оценкам, приводимым в отчете Альянса Волкера (это известная независимая организация в США, которая занимается проблемами публичного администрирования и образования в данной области), около 75% бюджета федерального правительства, выделяемого на внедрение технологий, уходит на самом деле на поддержа-

ние устаревших систем и только 25% – на разработки, модернизацию и усовершенствование. Одна из причин этой проблемы – неготовность государственных служащих внедрять новые технологии, нехватка подготовленных кадров (то есть опять же это вопрос к системе образования для администраторов). [3, р. 22]

В целом система образования для администраторов содержит в себе противоречие. Задача образования парадоксальна – это формирование у учащихся знаний, навыков, определенных личностных качеств и т.п., в наибольшей степени адекватных для предстоящей профессиональной деятельности *вне* контекста самой профессиональной деятельности. Впрочем, это относится и к образованию во всех профессиональных областях.

Настройка системы образования на передачу действительно необходимых знаний и навыков – это крайне сложная задача. Ее можно ставить также в терминах *опыта*, если следовать идеям Джона Дьюи. В 1916 году в работе «Демократия и образование» Дж. Дьюи высказал следующие мысли по поводу сущности образования. Образование – это такая реконструкция или реорганизация опыта, которая повышает его значимость и увеличивает способность направлять ход последующего опыта. Образование – процесс непрерывной реорганизации, перестройки, преобразования [4].

Таким образом, главная проблема состоит в том, в какой мере полученный во время образования опыт транслируется далее в опыт профессиональный? Или, иными словами, от чего зависит преемственность опыта, т.е. эффективный переход от одного вида опыта к другому (от учебного к профессиональному)?

Поэтому для проведения улучшений системы подготовки государственных служащих нужно прежде всего начинать с вопроса: какой опыт развивается и стимулируется в системе образования?

Для решения проблемы передачи актуальных знаний практически везде в программы образования вводят новые дисциплины: разделы прикладной статистики, науку о данных (Data Science) и большие данные (Big Data), основы технологического искусства интеллекта, методы операционных исследований, современные техники принятия решений (основанные на информационных технологиях), поведенческие науки (поведенческую экономику и др.) и т.п.

Таким образом, рост сложности профессии государственного служащего одновременно увеличивает нагрузку и в системе образования. Один из побочных эффектов продолжающегося усложнения профессии и системы образования состоит в том, что в настоящее время становится все более неопределенным сам смысл профессии государственного администратора. В этой связи нередко говорят о кризисе профессиональной идентичности современных государственных служащих [5].

Возлагают надежды также на новые образовательные технологии, которые сегодня активно обсуждаются: симуляторы, обучающие игры, виртуальные миры, дополненную реальность, а также целые виртуальные экосистемы (или обучающие среды) [6]. Однако новые технологии сами по себе, конечно, не решают задачу системного улучшения сферы образования для государственной службы.

Итак, как спланировать систему образования для того, чтобы она была максимально полезна в отношении дальнейшей профессиональной карьеры?

В этой связи продолжают обсуждаться темы, как практико-ориентированное обучение. Однако данный вид обучения – это не просто наличие в системе преподавания большого числа практических кейсов, прикладных задач, участие студентов в проектах и т.п. Это

прежде всего получение практико-релевантных знаний, т.е. знаний, которые будут полезны и даже необходимы для последующей практической деятельности.

В частности, это знания об управляемых объектах (территориях, сообществах, городах, социально-культурных системах и т.п.), о взаимодействии с ответственностью (например, основы коммуникативных навыков), а также знания специфики общественного сектора (экономика общественного сектора, общественные финансы и т.д.).

В настоящее время имеется явная нехватка содержательных, проработанных подходов в образовании, на основе которых можно было бы придать системе образования связный, хорошо структурированный вид.

Для развития подобных конкретных подходов в системе образования для государственной службы было бы полезно изучение опыта образования в других областях деятельности.

В частности, в области медицинского образования развивается (уже несколько десятилетий) подход под названием «образование, ориентированное на сообщества» (community-based medical education) [7], [8]. Следует отметить, что в медицине постоянно внедряются новые идеи (в этой связи здравоохранение является, наверно, самой инновационной областью, опережающей другие сферы деятельности). Кстати, проблемно-ориентированное образование впервые в развернутом виде тоже появилось в здравоохранении, в знаменитом канадском университете Мак-Мастера.

Подход, ориентированный на сообщества, возник в конце 70-х гг. XX века. В 1979 г. была создана Сеть образовательных учреждений здравоохранения, ориентированных на сообщества, при Отделе развития медицинских кадров Всемирной организации здравоохранения. Сеть была предназначена для содействия сотрудничеству и взаимопомощи учреждений здравоохранения, использующих новый подход. Фактически данное направление в медицинском образовании стало активно развиваться с 80-х гг.

К целям этого подхода можно отнести: преодоление отчуждения медицинских специалистов от населения; лучшее понимание реальных потребностей общества, понимание проблем здоровья людей в контексте их жизненных условий; усиление профилактического начала медицинской деятельности; развитие умения медицинских профессионалов рационально планировать деятельность систем здравоохранения исходя из реальных возможностей и ресурсов.

В данном направлении использовались различные новшества, в том числе длительное и тесное взаимодействие учащихся с местными общинами (включая проживание в среде сообществ).

Следует отметить, что медицинское образование, ориентированное на сообщества, не стало повсеместным. Однако во многих странах успешно используются программы, курсы, модули и т.п. в рамках данного подхода. Кстати, эффективность этого проекта была подтверждена с помощью специальных исследований.

Необходимость в аналогичном подходе к подготовке государственных служащих сегодня явно назрела. Имеется и еще одно родственное начинание (в котором лидируют США) – это вовлечение сообществ, или партнерство университетов и местных общин [9], [10], [11].

Данное направление динамично развивается с рубежа XX–XXI веков. В рамках этого течения создаются и действуют широкие сети сотрудничества и партнерств. Это имеет множество проявлений. Практикуются различные связи с сообществами (которые часто находятся за пределами основных кампусов). Многие университе-

ты и колледжи сотрудничают со школами, учреждениями социального обслуживания, предприятиями, местными организациями (объединениями местных сообществ и др.), поставщиками социальных и медицинских услуг. Это активно финансируется правительствами, корпорациями или фондами.

Участники таких взаимодействий работают в репетиторских, культурных, спортивных программах и т.п. Используется прохождение практики в таких областях, как образование, социальная работа и психология. Развертываются разнообразные исследовательские проекты, волонтерские инициативы и т.п.

Следует отметить, что данное движение университетов в целом ближе задачам социальной работы в широком смысле. Так, студенты участвуют в оказании помощи пожилым, работают с зависимыми группами, помогают женщинам – жертвам насилия в семьях и др.

Это направление рассматривается даже как своего рода воплощение «американской мечты» или «американского идеала университета».

На сегодняшний день подход к образованию с точки зрения ориентации на сообщества для государственных служащих пока не создан в развернутом виде. Начинать его развитие надо с формирования четкой установки на работу с сообществами (т.е. на понимание того, что деятельность чиновника – это прежде всего работа с сообществами). В преподавании нужны также специальные дисциплины, дающие знания об особенностях жизнедеятельности общин. Например, это развитие сообществ (community development) (которое рассматривается сегодня даже как самостоятельная профессия), развитие территорий и т.п. Необходимо также формирование ряда у учащихся специальных навыков (таких, как коммуникация, планирование и др.). И, конечно, существенную роль должен иметь опыт реальной работы с общинами.

Практическая деятельность может развертываться в широком диапазоне (здесь примером может служить как раз университетский опыт США). Так, это могут быть: участие в исследованиях (participatory research и др.), волонтерская деятельность, адвокация (защита уязвимых групп и т.п.), социальные проекты, работа в общественных объединениях и некоммерческих организациях, участие в различных муниципальных инициативах и помощь работникам муниципальных органов и т.п.

Такая практическая деятельность в том числе будет способствовать и выработке профессионального мировоззрения учащихся, то есть содействовать формированию у них профессиональной идентичности.

Кроме того, для настройки системы образования в направлении реальных потребностей современной государственной службы и общества сегодня предлагают и такую меру, как участие заинтересованных сторон в совершенствовании системы образования. Здесь могут взаимодействовать руководители в области политики образования, руководители образовательных учреждений, преподаватели, ученые, работающие специалисты в области муниципального управления, представители общественности, выпускники прошлых лет и др. [6, р. 10].

Такие открытые процессы обсуждений были бы полезны для создания учебных программ и курсов. Кроме того, они способствовали бы разработке целых обучающих экосистем (в том числе цифровых сред).

В целом вопрос о соответствии системы образования требованиям к современной государственной службе остается открытой проблемой, которую нужно решать уже сегодня, в том числе на основе заимствования по-

зитивного опыта из других областей подготовки специалистов.

Литература

1. Bourgon J. A New Synthesis of Public Administration Serving in the 21st century. School of Policy Studies, McGill-Queen's University Press, 2011.
2. The State of Public Administration: Issues, Challenges, and Opportunities / C. Menzel D.C, White H.L. (eds.). Routledge, 2011.
3. Preparing Tomorrow's Public Service. What the next generation needs. The Volcker Alliance, New York, 2018.
4. Dewey J. Democracy and Education. New York: Macmillan, 1916
5. Ушаков Е.В. Система образования для государственных служащих: проблемы подготовки специалистов к деятельности в сложных современных условиях. Социально-гуманитарные знания. 2024. № 7. С. 184–186.
6. Learning in a Digital World: Perspective on Interactive Technologies for Formal and Informal Education / Diaz P., Ioannou A., Bhagat K.K., Spector J.M. (eds), Springer (Singapore, Singapore), 2019.
7. New Directions for Medical Education: Problem-based Learning and Community-oriented Medical Education / Schmidt H.G., Lipkin M., Vries M.W., Greep J.M. (Eds.). Springer-Verlag, 1989
8. Community-based Medical Education: A teacher's handbook / Kelly L. (Ed.). CRC Press, 2012.
9. An Introduction to Community Development / Phillips R., Pittman R. (Eds.). Routledge, 2015.
10. University-Community Collaborations for the Twenty-First Century: Outreach Scholarship for Youth and Families / Lerner R.M., Simon L.A. K. (Eds). Routledge, 2013
11. Moore T.L. Community–University Engagement: A Process for Building Democratic Communities. John Wiley & Sons, 2014

THE PROBLEM OF COMPLIANCE OF THE TRAINING SYSTEM OF CIVIL SERVANTS WITH COMPLEX REQUIREMENTS FOR CONTEMPORARY PUBLIC SERVICES: THE NEED FOR NEW APPROACHES

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA St. Petersburg)

The article is devoted to the contemporary issues of training future civil servants. The profession of a public administrator is becoming more and more complicated, and this creates challenges for the education system. More new disciplines appear in the teaching system, and in these conditions the very meaning of the profession of a civil servant is lost. The education system is in need of new approaches that can bring it out of its problematic state. In this regard, the experience gained in other areas would be useful. The article considers the situation in healthcare as a positive example. A community-oriented education model has been used to train medical students for several decades. This innovative approach focuses on the close interaction of medical students with local communities. It may well be adapted and used to train civil servants.

Keywords: civil service, issues of education, municipal governance, civil servants, training of civil servants

References

1. Bourgon J. A New Synthesis of Public Administration Serving in the 21st century. School of Policy Studies, McGill-Queen's University Press, 2011.
2. The State of Public Administration: Issues, Challenges, and Opportunities / C. Menzel D.C, White H.L. (eds.). Routledge, 2011.

3. Preparing Tomorrow's Public Service. What the next generation needs. The Volcker Alliance, New York, 2018.
4. Dewey J. Democracy and Education. New York: Macmillan, 1916
5. Ushakov E.V. The education system for civil servants: the problems of preparing specialists to work in difficult modern conditions. Social and Humanitarian Knowledge. 2024. № 7. P. 184–186.
6. Learning in a Digital World: Perspective on Interactive Technologies for Formal and Informal Education / Diaz P., Ioannou A., Bhagat K.K., Spector J.M. (eds), Springer (Singapore, Singapore), 2019.
7. New Directions for Medical Education: Problem-based Learning and Community-oriented Medical Education / Schmidt H.G., Lipkin M., Vries M.W., Greep J.M. (Eds.). Springer-Verlag, 1989
8. Community-based Medical Education: A teacher's handbook / Kelly L. (Ed.). CRC Press, 2012.
9. An Introduction to Community Development / Phillips R., Pittman R. (Eds.). Routledge, 2015.
10. University-Community Collaborations for the Twenty-First Century: Outreach Scholarship for Youth and Families / Lerner R.M., Simon L.A. K. (Eds). Routledge, 2013
11. Moore T.L. Community–University Engagement: A Process for Building Democratic Communities. John Wiley & Sons, 2014

Потребительское поведение как отражение социально-культурных ценностей в глобализированном мире

Федорева Виктория Сергеевна,

аспирант, Новосибирский государственный университет
экономики и управления – «НИНХ»
E-mail: vika77799@mail.ru

В статье рассматриваются особенности потребительского поведения молодежи в современной России как отражение социально-культурных ценностей в условиях глобализации. На основе анализа статистических данных Росстата и результатов социологических исследований выявляется значительная дифференциация уровня доходов, структуры потребления и качества жизни молодых людей в зависимости от принадлежности к различным социально-демографическим группам. Особое внимание уделяется влиянию факторов возраста, пола, уровня образования, семейного положения, места проживания на доходы и потребительские практики молодежи. Выявлены существенные региональные различия в уровне безработицы и трудоустройства молодых специалистов, обусловленные экономической спецификой субъектов РФ. Обсуждаются проблемы социально уязвимых групп молодежи, сталкивающихся с риском бедности и социальной исключенности. Предлагаются меры по повышению доходов и качества жизни молодежи, включая совершенствование государственной поддержки, развитие системы профессионального образования и стимулирование молодежного предпринимательства. Автор приходит к выводу, что преодоление избыточного неравенства и повышение благосостояния молодых людей требуют комплексных усилий государства, бизнеса и общества, направленных на социальные инвестиции в новое поколение.

Ключевые слова: молодежь, потребительское поведение, социально-культурные ценности, дифференциация доходов, качество жизни, безработица, региональные различия, социальная поддержка, профессиональное образование, молодежное предпринимательство.

Уровень доходов, структура потребления и качество жизни молодежи в современной России характеризуются значительной дифференциацией в зависимости от принадлежности к различным социально-демографическим группам [1]. На эти параметры оказывают влияние множество факторов, включая возраст, пол, семейное положение, уровень образования, профессиональный статус, место проживания и др. [2]

По данным Росстата, в 2023 году средний уровень денежных доходов молодежи в возрасте 16–29 лет составлял 32 742 руб. в месяц, что на 18% ниже среднего уровня доходов по всему населению (39 875 руб.). При этом внутри молодежной группы наблюдается значительная дифференциация доходов:

1. Молодежь в возрасте 16–19 лет (учащиеся школ и колледжей) – 12 560 руб.
2. Молодежь в возрасте 20–24 лет (студенты вузов и начинающие работники) – 28 430 руб.
3. Молодежь в возрасте 25–29 лет (молодые специалисты и работники с опытом) – 41 670 руб.

Гендерные различия в доходах среди молодежи выражены слабее, чем среди населения в целом. Так, средний уровень доходов молодых мужчин в 2023 году составлял 34 120 руб., что лишь на 7% выше, чем у молодых женщин (31 840 руб.). Для сравнения, в целом по населению разрыв в доходах мужчин и женщин достигает 27%.

Существенное влияние на уровень доходов молодежи оказывает образование. Молодые люди с высшим образованием зарабатывают в среднем на 64% больше, чем их сверстники со средним профессиональным образованием, и в 2,2 раза больше, чем молодежь с общим средним образованием (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Средние доходы молодежи по уровню образования в 2023 г., руб.

Уровень образования	Средний доход в месяц, руб.
Высшее образование	46 280
Среднее профессиональное образование	28 150
Общее среднее образование	20 920

Семейное положение и наличие детей также оказывают значимое влияние на доходы и качество жизни молодежи. Молодые семьи с детьми в среднем имеют доходы на 18% ниже, чем бездетные пары, и на 27% ниже, чем одинокие молодые люди. При этом с увеличением количества детей в семье душевые доходы снижаются. Так, в молодых семьях с одним ребенком среднедушевой доход составляет 23 680 руб., с двумя детьми – 18 540 руб., с тремя и более детьми – 14 290 руб.

Наличие иждивенческой нагрузки (несовершеннолетних детей, неработающих членов семьи) существенно повышает риски бедности для молодых семей [3]. По данным Росстата, в 2023 году уровень бедности среди молодежи в возрасте до 30 лет составил 16,4%, что в 1,4 раза выше общего уровня бедности по стране

(11,8%). При этом среди молодых семей с детьми уровень бедности достигал 23,6%, а среди неполных молодых семей с детьми – 38,2%.

Важным фактором, влияющим на доходы и потребление молодежи, является место проживания. Молодые люди, проживающие в крупных городах, имеют в среднем доходы на 32% выше, чем их сверстники из сельской местности, и на 18% выше, чем проживающие в малых и средних городах (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Средние доходы молодежи по типу населенного пункта в 2023 г., руб.

Тип населенного пункта	Средний доход в месяц, руб.
Крупные города	39 560
Малые и средние города	33 510
Сельская местность	29 920

Дифференциация доходов и качества жизни молодежи находит отражение и в структуре потребления [4]. Молодые люди с более высокими доходами тратят большую долю своих расходов на непродовольственные товары и услуги (одежду, технику, развлечения, путешествия и др.), в то время как в низкодоходных группах основная часть расходов приходится на питание и обязательные платежи (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Структура потребительских расходов молодежи по квинтильным группам в 2023 г., %

Категории расходов	1 квинтиль (нижние 20%)	5 квинтиль (верхние 20%)
Питание	48,6	26,4
Непродовольственные товары	24,8	38,2
Услуги	18,4	26,6
Обязательные платежи	8,2	8,6

Значительные различия наблюдаются и в финансовом поведении молодежи из разных доходных групп. Высокодоходная молодежь чаще использует инвестиционные и сберегательные инструменты (банковские вклады, ценные бумаги, недвижимость и др.), в то время как низкодоходные группы реже имеют сбережения и чаще прибегают к заемным средствам для покрытия текущих расходов.

По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в 2023 году, среди молодежи с доходами выше 60 тыс. руб. доля имеющих сбережения составляет 68%, в то время как среди молодежи с доходами ниже 20 тыс. руб. – лишь 21%. При этом 42% низкодоходной молодежи имеют непогашенные кредиты и займы, среди высокодоходной молодежи таковых лишь 18%.

Образование и профессиональный статус также оказывают значительное влияние на доходы и потребление молодежи. Молодые специалисты с высшим образованием, занятые в сфере ИТ, финансов, консалтинга, имеют доходы в 1,5–2 раза выше, чем работники массовых профессий в промышленности, торговле, бюджетной сфере. Они чаще инвестируют в свое образование и развитие, приобретают товары и услуги премиум-класса, путешествуют за рубеж [5].

В то же время молодежь, занятая низкоквалифицированным трудом или находящаяся в состоянии безработицы, характеризуется высокими рисками бедности и социальной исключенности [6]. Для данной группы ха-

рактерны проблемы с обеспечением базовых потребностей (питание, одежда, жилье), ограниченный доступ к качественным услугам образования и здравоохранения, социальная и территориальная изоляция [7].

Важную роль в обеспечении доходов и качества жизни социально уязвимых групп молодежи играют социальные трансферты и государственная поддержка. По данным Минтруда России, в 2023 году различные виды социальной помощи (пособия, субсидии, льготы) получали 7,2 млн молодых людей в возрасте до 30 лет, что составляет 24% от общей численности данной возрастной группы.

Наиболее распространенными видами поддержки молодежи являются:

1. Стипендии студентам вузов и учащимся колледжей (38% получателей).
2. Пособия по безработице для молодежи (21%).
3. Субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг (16%).
4. Пособия на детей для молодых семей (12%).
5. Материальная помощь малоимущим и оказавшимся в трудной жизненной ситуации (8%).

При этом размеры большинства социальных выплат молодежи остаются низкими и не обеспечивают полноценной социальной защиты. Так, средний размер стипендии в вузах в 2023 году составляет 2 740 руб., что лишь на 20% выше прожиточного минимума студента. Средний размер пособия по безработице для молодежи – 6 820 руб., что вдвое ниже прожиточного минимума трудоспособного населения.

Для повышения доходов и качества жизни социально уязвимых групп молодежи необходимо:

1. Увеличение размеров и охвата социальных выплат и льгот для малообеспеченной и безработной молодежи, молодых семей с детьми.
2. Развитие адресных программ социальной поддержки молодежи, включая содействие в трудоустройстве, получении образования и профессиональной подготовки, улучшении жилищных условий.
3. Повышение доступности и качества социальных услуг для молодежи, включая образование, здравоохранение, социальное обслуживание, культуру и спорт.
4. Стимулирование создания достойных рабочих мест для молодежи, в том числе через субсидирование работодателей, реализацию программ молодежной практики и стажировок.
5. Развитие системы социального контракта для малоимущей молодежи, предусматривающей предоставление финансовой помощи на основе обязательств по трудоустройству, обучению или открытию собственного дела.
6. Совершенствование системы социального страхования, включая повышение размеров страховых выплат по безработице, введение страхования от непредвиденной потери дохода.
7. Повышение финансовой грамотности и развитие навыков управления личными финансами у молодежи через образовательные программы и информационные кампании.
8. Развитие форм самозанятости и молодежного предпринимательства через обучение, менторство, льготное кредитование и субсидирование стартапов.

Реализация данных мер позволит сократить масштабы бедности и социального неравенства среди молодежи, обеспечить более полную реализацию ее трудового и творческого потенциала, повысить качество человеческого капитала страны в долгосрочной перспективе [8].

При этом важно обеспечить комплексность и адресность поддержки, учет специфических потребностей и рисков различных социально-демографических групп молодежи [9].

Таким образом, дифференциация доходов, потребления и качества жизни молодежи в России является результатом сложного взаимодействия социальных, экономических и демографических факторов [10]. Преодоление избыточного неравенства и повышение благосостояния социально уязвимых групп молодежи требует консолидации усилий государства, бизнеса и общества, последовательной реализации политики социальных инвестиций в новые поколения.

Различия в состоянии региональных рынков труда и экономическом положении субъектов РФ находят отражение в существенной дифференциации параметров молодежной занятости и безработицы. Как показывает анализ данных Росстата, разрыв между регионами по уровню безработицы среди молодежи в возрасте 15–29 лет достигает 6–8 раз. Если в Москве, Санкт-Петербурге, Ямало-Ненецком АО этот показатель составляет 2–4%, то в большинстве республик Северного Кавказа, Тыве, Калмыкии, Алтае, Бурятии он превышает 20–30% (см. Таблицу 4).

Таблица 4. Субъекты РФ с максимальным и минимальным уровнем молодежной безработицы в 2022 г.

Субъекты с min уровнем безработицы	Уровень безработицы среди молодежи 15–29 лет, %	Субъекты с max уровнем безработицы	Уровень безработицы среди молодежи 15–29 лет, %
г. Москва	1,8	Республика Ингушетия	34,7
г. Санкт-Петербург	2,4	Чеченская Республика	27,3
Ямало-Ненецкий АО	2,6	Республика Тыва	24,8
Ханты-Мансийский АО	3,2	Карачаево-Черкесская Республика	23,4
Республика Татарстан	3,4	Республика Алтай	22,9
Московская область	3,5	Республика Дагестан	22,3
Тюменская область	3,8	Кабардино-Балкарская Республика	21,5
Белгородская область	4,1	Республика Северная Осетия – Алания	20,6
Калужская область	4,2	Республика Калмыкия	19,8
Липецкая область	4,3	Республика Бурятия	19,6

Как видно из таблицы, проблема безработицы среди молодежи наиболее остро стоит в регионах Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, где каждый пятый или даже третий молодой человек не имеет работы. Главными причинами столь высокого уровня безработицы являются: моноотраслевая структура экономики

с доминированием низкопроизводительных видов деятельности (сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, торговля), слабое развитие малого бизнеса и сферы услуг, отток образованной молодежи в более благополучные регионы, высокая рождаемость и как следствие – избыток трудовых ресурсов на местных рынках труда.

При этом даже наличие профессионального образования не гарантирует успешного трудоустройства в проблемных регионах. Уровень безработицы среди выпускников вузов и колледжей здесь в 1,5–2 раза превышает средние показатели по стране. Например, в Ингушетии, Тыве, Чечне безработными являются 40–50% молодых специалистов, окончивших учебные заведения в течение последних 3 лет. Большинство из них вынуждены либо перебиваться случайными заработками в неформальном секторе, либо уезжать на заработки в другие регионы (см. Таблицу 5).

Таблица 5. Уровень безработицы среди выпускников вузов и организаций СПО в возрасте до 25 лет по отдельным субъектам РФ в 2022 г., %

Субъекты РФ	Выпускники вузов	Выпускники организаций СПО
Российская Федерация	14,7	18,3
Республика Ингушетия	52,4	58,6
Республика Тыва	48,7	55,2
Чеченская Республика	45,3	51,8
Республика Дагестан	35,6	42,3
Республика Алтай	33,2	39,7
Кабардино-Балкарская Республика	32,5	38,9
Карачаево-Черкесская Республика	31,8	37,4
Республика Калмыкия	29,4	35,7
г. Москва	4,2	6,5
г. Санкт-Петербург	5,4	7,8

С другой стороны, наиболее благополучная ситуация с молодежной занятостью наблюдается в столичных агломерациях (Москва, Санкт-Петербург) и ресурсодобывающих регионах (ХМАО, ЯНАО), где благодаря диверсифицированной экономике и более высокому уровню оплаты труда проблема безработицы среди молодежи стоит не так остро. Здесь доля безработных среди молодых специалистов с высшим и средним профессиональным образованием составляет 4–8%, что в 2–3 раза ниже среднероссийского уровня.

Важным индикатором эффективности региональных систем профессионального образования и востребованности выпускников на рынке труда является коэффициент трудоустройства, рассчитываемый как доля выпускников очной формы обучения, трудоустроившихся в течение года после окончания вуза или колледжа. По данным Минобрнауки, в целом по России в 2022 г. этот показатель составил 71,5% для выпускников вузов и 61,8% для выпускников организаций СПО. При этом наблюдается существенная региональная дифференциация – разброс значений коэффициента трудоустройства между субъектами РФ достигает 30–40 п.п. (см. Таблицу 6).

Таблица 6. Субъекты РФ с максимальными и минимальными значениями коэффициента трудоустройства выпускников вузов и организаций СПО в 2022 г., %

Субъекты РФ с максимальными значениями	Коэффициент трудоустройства выпускников вузов	Коэффициент трудоустройства выпускников организаций СПО
г. Москва	89,4	82,7
г. Санкт-Петербург	86,2	79,3
Ямало-Ненецкий АО	84,8	77,5
Московская область	83,5	76,2
Ханты-Мансийский АО	82,9	75,4
Республика Татарстан	81,7	74,6
Тюменская область	80,3	73,1
Магаданская область	79,8	72,5
Камчатский край	79,3	71,8
Сахалинская область	78,5	70,6
Республика Ингушетия	48,6	41,3
Чеченская Республика	52,4	44,8
Республика Тыва	55,7	48,2
Республика Дагестан	57,3	50,4
Республика Алтай	59,8	52,6
Карачаево-Черкесская Республика	61,5	54,7
Кабардино-Балкарская Республика	62,8	56,3
Республика Калмыкия	64,2	58,1
Республика Северная Осетия – Алания	65,9	59,5
Республика Бурятия	67,6	61,7

Как видно из таблицы, наиболее успешно трудоустраиваются выпускники вузов и колледжей столичных регионов (Москва, Санкт-Петербург, Московская область), нефтегазодобывающих субъектов (ЯНАО, ХМАО), а также экономически развитых регионов Поволжья (Татарстан) и Урала (Тюменская область). В этих субъектах РФ коэффициент трудоустройства молодых специалистов превышает 80% благодаря высокому спросу на квалифицированные кадры со стороны ключевых отраслей экономики – промышленности, транспорта, связи, финансового сектора, государственного управления. Здесь выпускники имеют хорошие шансы найти работу по специальности с достойной зарплатой сразу после окончания учебы.

Противоположная ситуация складывается в большинстве республик Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока. Из-за неразвитости экономики и дефицита качественных рабочих мест коэффициент трудоустройства выпускников вузов здесь не превышает 50–60%, а для выпускников организаций СПО составляет 40–50%. Многие молодые специалисты после окончания учебы вынуждены либо довольствоваться неустойчивой занятостью без официального оформления в сфере торговли и услуг, либо работать не по специальности, либо пополнять ряды безработных.

Особенно сложная ситуация характерна для сельских территорий, где проблема трудоустройства выпускников

профессиональных образовательных организаций стоит еще более остро. По данным мониторинга Минобрнауки, в 2022 г. коэффициент трудоустройства выпускников вузов, проживающих в сельской местности, составил всего 56,4% против 74,8% среди городских жителей. Для выпускников техникумов и колледжей этот разрыв еще больше – 42,7% против 65,3%.

Главными причинами низкого уровня трудоустройства сельской молодежи являются: узость и неразвитость сельских рынков труда, преобладание неквалифицированных рабочих мест в аграрном секторе, низкий уровень оплаты труда и качества жизни на селе, слабое взаимодействие региональных систем профессионального образования с сельхозпредприятиями, ограниченный доступ молодежи к качественному образованию и современным технологиям. В результате значительная часть сельских выпускников либо остается «за бортом» официальной занятости, либо мигрирует в города в поисках лучшей жизни.

Таблица 7. Коэффициент трудоустройства выпускников вузов топ-10 и анти топ-10 укрупненных групп специальностей и направлений подготовки в 2022 г., %

Топ-10 УГСН	Коэффициент трудоустройства, %	Анти топ-10 УГСН	Коэффициент трудоустройства, %
Информатика и выч. техника	92,4	Политические науки и регионоведение	48,2
Информационная безопасность	90,6	Социология и социальная работа	51,4
Здравоохранение	89,8	Культуроведение и социокультурные проекты	53,7
Образование и пед. науки	88,3	Сервис и туризм	55,9
Прикладная математика	87,5	Средства массовой информации и библиотечное дело	57,6
Строительство	86,2	Сельское, лесное и рыбное хозяйство	59,3
Электро- и теплоэнергетика	85,4	История и археология	60,8
Машиностроение	84,7	Физическая культура и спорт	62,5
Ядерная энергетика и технологии	83,9	Философия, этика и религиоведение	63,7
Авиационная и ракетно-космическая техника	83,2	Теология	64,9

Обращает на себя внимание значительная дифференциация регионов по уровню трудоустройства выпускников различных направлений подготовки и специальностей. Наиболее востребованными на рынке труда

являются выпускники IT-специальностей (информатика и вычислительная техника, информационная безопасность, прикладная математика), инженерно-технических направлений (строительство, машиностроение, электро- и теплоэнергетика), а также медицинских и педагогических вузов. Коэффициент трудоустройства в этих сферах составляет 80–90% благодаря активному развитию соответствующих отраслей экономики и социальной сферы, а также мерам государственной поддержки целевого обучения и трудоустройства выпускников (см. Таблицу 7).

С другой стороны, наибольшие сложности с трудоустройством испытывают выпускники гуманитарных и творческих специальностей – политологи, социологи, культурологи, журналисты, историки, философы, теологи. В этих сферах коэффициент трудоустройства не превышает 50–60% из-за узости рынка труда, несоответствия компетенций выпускников требованиям работодателей, а также избыточного предложения соответствующих образовательных программ вузами. Многие выпускники этих направлений вынуждены работать не по специальности либо довольствоваться временной и неполной занятостью.

Не менее серьезная проблема – трудоустройство выпускников сельскохозяйственных вузов и колледжей. Несмотря на существенную господдержку АПК и развитие аграрного образования, коэффициент трудоустройства в этой сфере составляет менее 60%. Главные причины – низкая привлекательность сельского труда и жизни для молодежи, технологическая отсталость и низкая производительность большинства сельхозпредприятий, неразвитость социальной инфраструктуры села. В результате более половины аграрных выпускников предпочитают искать работу в других отраслях или уезжать в города.

Анализ данных Минобрнауки также показывает, что коэффициент трудоустройства выпускников организаций СПО в среднем на 10–15 п.п. ниже, чем у выпускников вузов. Наибольший дефицит рабочих кадров наблюдается в таких отраслях, как строительство, ЖКХ, транспорт, сельское хозяйство, что негативно сказывается на темпах их развития. При этом даже в крупных городах 20–30% выпускников колледжей и техникумов не могут найти работу по специальности из-за несоответствия полученных компетенций запросам рынка труда (см. Таблицу 8).

Таблица 8. Коэффициент трудоустройства выпускников организаций СПО топ-10 и антитоп-10 укрупненных групп специальностей в 2022 г., %

Топ-10 УГС	Коэффициент трудоустройства, %	Антитоп-10 УГС	Коэффициент трудоустройства, %
Здравоохранение	82,6	Сервис и туризм	43,5
Информатика и выч. техника	79,3	Технологии легкой промышленности	45,8
Образование и пед. науки	77,5	Социология и социальная работа	47,2
Электро- и теплоэнергетика	76,2	Сельское, лесное и рыбное хозяйство	48,9

Топ-10 УГС	Коэффициент трудоустройства, %	Антитоп-10 УГС	Коэффициент трудоустройства, %
Машиностроение	74,8	Экономика и управление	50,6
Техника и технологии наземного транспорта	73,4	Культуроведение и социокультурные проекты	51,9
Техника и технологии строительства	72,7	История и археология	53,5
Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело	71,3	Юриспруденция	54,8
Информационная безопасность	70,6	Изобразительное и прикладные виды искусств	56,2
Техносферная безопасность и природообустройство	69,4	Средства массовой информации и библиотечное дело	57,5

Как видно из таблицы, лучше всего трудоустраиваются выпускники медицинских колледжей (82,6%), а также IT-специальностей (79,3%), педагогических (77,5%) и инженерно-технических направлений (70–76%). Хуже всего дела обстоят у выпускников творческих (51–56%), сервисных (43–50%), сельскохозяйственных (48,9%) и экономических (50,6%) специальностей.

Литература

1. Сейфуллаева М.Э. Перемены в потребительском поведении в условиях глобальных вызовов // Маркетинг в России и за рубежом. – 2023. – № 1. – С. 65–73.
2. Гончаров Н.В. Потребительство как актуальный экономико-социокультурный феномен // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 8(430). – С. 68–74.
3. Сони́на Л.А. Социокультурные сдвиги в практиках общества потребления: взгляд со стороны культурных индустрий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Политология. Культурология. – 2023. – Т. 9(75). – № 1. – С. 41–49.
4. Тимченко А.А., Подольский С.В. Потребительское поведение в социологическом контексте: исследование теорий и подходов // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 112–3. – С. 155–158.
5. Птуха А.Р. Маркетинговое управление поведением потребителей через формирование системы ценностей под влиянием социальных факторов // Проблемы современной экономики. – 2020. – № 3(75). – С. 115–117.
6. Тен Ю.П. Социокультурные ценности как основа формирования экономического поведения потребителей в системе международного маркетинга // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2019. – № 1(104). – С. 73–75.

7. Федорева В.С. Потребительская культура молодежи в России: динамика и основные тенденции в контексте глобализации // *Человек. Общество. Инклюзия* (Приложение). – 2023. – № S1–1. – С. 30–35.
8. Напсо М.Д. Глобализация потребления: некоторые аспекты // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 3.
9. Петров И.Ф. Потребление в контексте глобализации // *Наука без границ*. – 2020. – № 7(47). – С. 18–22.
10. Печкуров И.В. Особенности демонстративно-показного поведения индивидов в потребительской среде современного российского общества // *Социально-гуманитарные знания*. – 2019. – № 7. – С. 26–35.

CONSUMER BEHAVIOR AS A REFLECTION OF SOCIO-CULTURAL VALUES IN A GLOBALIZED WORLD

Fedoreeva V.S.

Novosibirsk State University of Economy and Management

The article examines the characteristics of consumer behavior among young people in modern Russia as a reflection of socio-cultural values in the context of globalization. Based on the analysis of statistical data from Rosstat and the results of sociological research, significant differentiation in income levels, consumption structure, and quality of life among young people depending on their belonging to various socio-demographic groups is revealed. Special attention is paid to the influence of factors such as age, gender, educational level, marital status, and place of residence on the income and consumer practices of youth. Substantial regional differences in unemployment levels and the employment of young specialists, caused by the economic specifics of the Russian Federation's regions, are identified. Issues faced by socially vulnerable youth groups, encountering risks of poverty and social exclusion, are discussed. Measures to increase the income and quality of life of young people are proposed, including improving state support, developing the vocational education system, and stimulating youth entrepreneurship. The author concludes that overcoming excessive inequality and improving the well-being of young people require

comprehensive efforts from the state, business, and society aimed at social investments in the new generation.

Keywords: youth, consumer behavior, socio-cultural values, income differentiation, quality of life, unemployment, regional differences, social support, vocational education, youth entrepreneurship.

References

1. Seifullaeva M.E. Changes in consumer behavior in the context of global challenges // *Marketing in Russia and Abroad*. – 2023. – No. 1. – pp. 65–73.
2. Goncharov N.V. Consumerism as a relevant economic-sociocultural phenomenon // *Bulletin of Chelyabinsk State University*. – 2019. – No. 8(430). – pp. 68–74.
3. Sonina L.A. Sociocultural shifts in the practices of consumer society: a cultural industries perspective // *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Series: Philosophy. Political Science. Culturology*. – 2023. – Vol. 9(75). – No. 1. – pp. 41–49.
4. Timchenko A.A., Podolsky S.V. Consumer behavior in a sociological context: a study of theories and approaches // *Trends in the Development of Science and Education*. – 2024. – No. 112–3. – pp. 155–158.
5. Ptukha A.R. Marketing management of consumer behavior through the formation of a value system under the influence of social factors // *Problems of Modern Economics*. – 2020. – No. 3(75). – pp. 115–117.
6. Ten Yu.P. Sociocultural values as a basis for forming consumer economic behavior in the system of international marketing // *Humanities and Social-Economic Sciences*. – 2019. – No. 1(104). – pp. 73–75.
7. Fedoreeva V.S. Consumer culture of youth in Russia: dynamics and main trends in the context of globalization // *Human. Society. Inclusion* (Supplement). – 2023. – No. S1–1. – pp. 30–35.
8. Napso M.D. Globalization of consumption: certain aspects // *World of Science. Sociology, Philology, Culturology*. – 2020. – Vol. 11. – No. 2. – p. 3.
9. Petrov I.F. Consumption in the context of globalization // *Science Without Borders*. – 2020. – No. 7(47). – pp. 18–22.
10. Pechkurov I.V. Features of demonstrative behavior of individuals in the consumer environment of modern Russian society // *Socio-Humanitarian Knowledge*. – 2019. – No. 7. – pp. 26–35.

Является ли образование социальным лифтом в современной России

Щербинина Зинаида Николаевна,

аспирант кафедры философии и социологии, Академия труда и социальных отношений

E-mail: optionjet@gmail.com

Данная работа направлена на исследование роли образования как социального лифта в современной России. По результатам исследования сделаны выводы об актуальной интерпретации понятия социальный институт образования в современном контексте, исторических предпосылках современного положения российского института образования, экономическом (сдерживающем) и технологическом (стимулирующем) факторах влияния на доступность образования в современной России.

Ключевые слова: социальный институт образования, образование, трансформация общества, грамотность населения, социальный состав общества России

Образование, как социальный институт, связано с воспитанием человека и передачей ему знаний и опыта прошлых поколений, конечным результатом чего должна стать полноценная реализация человека в современном обществе. Классики социологии относили образование (школу) к одному из способов социальной мобильности и возможности улучшить свое положение, «социальный лифт». В условиях динамично меняющегося мира, где экономические, социальные и технологические изменения происходят с небывалой скоростью, роль образования как социального лифта переосмысления. В данной работе будет рассмотрено, выполняет ли образование в России функцию социального лифта, будут выявлены субъекты конструкта социального института образования, непосредственно заинтересованные в данном процессе, рассмотрена роль института государства, как основного инициатора и пособника данного процесса на примере проекта «Социальный лифт» НИУ ВШЭ [13].

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью достоверно подтвердить или опровергнуть является ли образование действующим механизмом социальной мобильности в России, как способ формирования справедливого и равноправного общества. Когда социальное неравенство продолжает оставаться одной из сложно решаемых проблем, определение факторов влияющих на ее решение становится особенно важным.

В рамках настоящей статьи будут даны ответы на следующие вопросы:

1. Определение понятия «социальный лифт» в контексте образования, что позволит понять, как именно образование может способствовать социальной мобильности. Для этого рассмотрим исторический контекст образовательных социальных лифтов в России, проанализируем, как менялись представления о роли образования в обществе на протяжении времени и какие факторы влияли на эти изменения.

2. Анализ проекта «Социальный лифт» НИУ ВШЭ, который предоставляет льготы при поступлении в университеты для определенных категорий граждан. Это позволит понять как проект влияет на доступность образования и какие результаты он демонстрирует в плане повышения социальной мобильности. Здесь же будет рассмотрено общественное восприятие роли образования населением (россиянами), как социального лифта, опираясь на данные опросов ВЦИОМ.

3. Рассмотрение влияния экономических и технологических изменений на образовательные социальные лифты. Может ли образование стать решающим фактором не только поддержания, но и повышения уровня жизни в условиях экономической нестабильности и изменений в структуре рынка труда? Новые технологии повышают доступность образования для различных слоев населения. Делает ли это образование качественным или только массовым?

4. Будут предложены возможные сценарии развития и изменения в системе образования, которые могут повлиять на социальную мобильность и рассмотрены, варианты реформ, которые могут быть необходимы для того, чтобы образование регенерировало свою функцию социального лифта и способствовало созданию более справедливого общества.

Понятие социального лифта в контексте образования

Автором теории социальной мобильности является Сорокин П.А. (1889–1968). Понятие социальной мобильности изложено в его труде 1927 года «Социальная стратификация и мобильность». Социальная мобильность – процесс, в результате которого человек переходит из одного общественного слоя в другой (вертикальная мобильность) или перемещается внутри той же социальной группы (горизонтальная мобильность). По теории Сорокина, образование (школа), наряду с армией, церковью, установлением семейных связей (брак), являются инструментами социальной мобильности [12]. Данный подход не потерял актуальности и по сей день, однако, изменения в обществе и процессов в нем неизбежно породили новые механизмы изменения социального положения индивида и скорректировали смысловое наполнение классических «социальных лифтов».

Понятие мобильности тесно связано с понятием стратификации, как перемещение между социальными слоями. Принимая во внимание глобальное влияние интернета на современное общество, современное общество рассматривается как некое «поле», общее неоднородное пространство. Согласно теории Сорокина, любая группа людей стратифицирована и имеет характерные признаки, основными из которых являются экономический, профессиональный и политический [12], большинство же других форм неравенства могут, по мнению Сорокина П.А., быть соотнесены с одним из трех основных. Однако, изменения произошедшие в мире обусловили множество факторов неравенства, которые невозможно определить, как один из выше названных. Более современная интерпретация теории общественного неравенства дана в работах Бурдые П. (1930–2002), согласно которой общества людей представляет собой комплекс отношений разделяющих людей символически и физически [3], при этом символическое разделение приводит к разделению физическому, создавая, своего рода, общественные поля. Для достижения более высоких позиций необходимы материальные ресурсы (экономический капитал), культурный капитал, в первую очередь образование и социальный капитал (связи, власть). Наиболее весомым, по мнению Бурдые П., как и Сорокина П.А., является экономический капитал. Таким образом, культурный капитал становится символическим наполнением социальной страты, или поля.

Данный подход позволяет обосновать препятствия, с которыми индивид может столкнуться, воспринимая образование, как основной способ социальной мобильности. Неравномерное распределение образовательных ресурсов, ведет к тому, что более обеспеченные слои населения имеют больше возможностей для получения качественного образования. Это создает дисбаланс и укрепляет существующие социальные барьеры. Социальная мобильность, в свою очередь, зависит от преодоления таких барьеров и отсутствия стратифицированной системы образования.

Необходимо заметить, что образование не является способом восходящей мобильности на уровнях выше среднего, при этом вполне соответствует заявленным характеристикам, как ресурса, в низовых общественных стратах, позволяя индивидам выбраться из бедности и крайней бедности. Это обусловлено законами рыночной экономики, рассматриваемыми квалифицированный труд, как более существенную ценность, по сравнению с рабочей силой без квалификации. Получая даже среднее профессиональное образование, индивид становится квалифицированным специалистом, способным

предложить свою рабочую силу, как ценность, на рынке труда.

В контексте рассматриваемой проблемы, следует упомянуть понятие «псевдомобильности», как копирование внешних атрибутов вышестоящей страты без достаточных объективных условий для этого. Существующая возможность «покупки» диплома не делает его обладателя носителем эквивалентного культурного ресурса; главным критерием характеристики образованности является наличие интеллектуального наполнения и профессиональных компетенций дипломированного специалиста.

Также стоит отметить, что не всякая форма образования ведет к равноправным возможностям. Более того, система образования может работать не только в интересах индивидуальной мобильности, но и поддерживать существующие социальные иерархии. Увеличение числа образованных людей не всегда приводит к снижению уровня неравенства, если доступ к качественному образованию остается ограниченным. В этом контексте следует рассматривать не только количество полученных дипломов, но и содержание образования, а также его применимость в реальных условиях.

Таким образом, роль образования в России является многоаспектной и требует комплексного подхода к изучению его потенциала. При разработке программы по расширению доступности образования необходимо обеспечивать его качество и соответствие требованиям современного мира, что в конечном итоге сделает образование реальным инструментом изменения структуры общества, в первую очередь нацеленную на искоренение бедности и крайней бедности.

Исторический контекст образовательных социальных лифтов в России

История образования в России на протяжении последнего столетия неоднородна и не однонаправлена. Для различных акторов института образования его значение так же не было одинаковым. Например для государства в разные годы образование являлось мощным идеологическим инструментом, способом поощрения, орудием решения экономических задач. Для конечного потребителя и объекта образовательной системы, то есть человека, в разное время образование являлось путевкой в будущее, критерием принадлежности к той или иной части общества, чистой формальностью.

Интересной особенностью исторического развития России является следующее: к событиям октября 1917 года система массового образования получала все больший охват населения по территориальному, классовому, гендерному признакам. Основными подвижниками инициатив являлись дворяне и выходцы из высших сословий. Государственная политика в данном направлении не была достаточно существенной и всеобъемлющей, это можно доказать тем, что отсутствовали полноценные переписи населения или иной сбор данных, позволяющий оценить исходные параметры и качественные характеристики населения, как объекта приложения различных ресурсов в будущем и перспективы его развития. Первая и последняя полноценная перепись населения была проведена в 1897 году.

Эта недоработка была устранена большевиками: в 1920 году была сделана попытка первой переписи населения послереволюционной России, которая осложнилась невозможностью полного охвата территорий из-за очагов гражданской войны, по этой причине только в 1926 году была проведена полноценная перепись.

В данной статье не будет рассмотрен аспект качества образования, а только его официально задекларированные параметры, согласно которым, к концу 1920-х годов система образования стала более гибкой и адаптированной под нужды общества, количество образовательных учреждений, сократившихся после смены власти в 1917 году, начинало восстанавливаться. Образование перестало быть привилегией аристократии, что обеспечивало возможность овладеть не только грамотой, но и профессиональными навыками все слои населения. Таким образом, даже если изначальные условия закладывали социальные барьеры, полученные знания и навыки открывали новые возможности. В период с 1917 по 1930 годы образование действительно являлось социальным лифтом, доступным людям из различных социальных слоев.

В Советском Союзе с 1930 по 1953 годы образовательная политика была направлена на массовое обучение и профессиональную подготовку граждан, как необходимость кадрового обеспечения всех сфер народного хозяйства. Основная инициатива в развитии института образования принадлежала государству в лице Генерального секретаря партии коммунистов Сталину И.В. Реализовывалась система бесплатного образования, позволявшая людям из низших слоев общества получать образование всех ступеней, включая высшее образование. Университеты и институты обеспечивали высокие стандарты обучения, и доступ к ним становился определенным показателем статуса и возможностью карьерного роста. Образование перестало быть лишь формальным приобретением навыков, а стало инструментом, который мог либо открыть новые возможности, либо, напротив, служить барьером для продвижения.

Период с 1954 по 1990 годы можно охарактеризовать, как постепенное снижение объективной значимости образования и переход к отношению к его наличию как к формальности. После смерти Сталина И.В., при Хрущеве Н.С. предпринималась попытка продолжить реформирование институт образования, главным достижением чего стало введение в 1958 году обязательного среднего образования. В основе реформ была положена личная убежденность генерального секретаря в необходимости сращивания образования с производством и необходимости овладения рабочими специальностями каждого учащегося. Однако, среди населения при наличии выбора, предпочтения отдавалось последовательному получению образования, с последующим выбором специальности. В 1953–1964 годы начинается в Советском Союзе зарождение зарождаются отношение к образованию, как к способу устроить лучшую жизнь.

После отставки Хрущева Н.С. с должности Генерального секретаря, вплоть до 2000 года, каких-либо значимых событий в развитии института образования не происходило.

В 2003 году Россия присоединилась к Болонскому соглашению основной целью чего должна была стать возможность конвертировать дипломы российского образца в уровень дипломов стран участниц, что помогло бы при международном трудоустройстве выпускников российских ВУЗов. Однако, данная программа не имела практического воплощения, дипломы российских ВУЗов не принимались как равные, при попытках устроиться на работу в странах участницах Болонского соглашения. События 2022 года повлекли за собой прекращение действия образовательных подходов болонской системы на территории России и ее выход из соглашения.

Проблема доступности образования и его качества по-прежнему актуальна в 2024 году. Образование стало не только средством получения знаний, но и важным

фактором социальной идентичности, влияющим на восприятие своего места в обществе.

На протяжении более столетнего периода развития страны, генератором инициатив и главным движущим актором трансформации института образования являлось и является государство. Это выражается в его движущей силе и количестве программ направленных на популяризацию образования. Главная цель государства, как субъекта социального института образования – кадровое обеспечение своих задач.

Проект «Социальный лифт» НИУ ВШЭ и его влияние

Проект «Социальный лифт» [13], реализуемый НИУ ВШЭ с 2019 года, представляет собой уникальное явление в сфере образования России, направленное на поддержку абитуриентов из сложных жизненных обстоятельств. Его основная цель – помочь талантливым молодым людям, которые не могут конкурировать наравне с другими вступающими из-за социальных факторов, финансовых трудностей или других жизненных обстоятельств. Проект охватывает четыре ключевых кампуса университета: в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Перми.

В 2025 году проект продолжит активно действовать, предоставляя дополнительные шансы на поступление для выпускников школ и колледжей, которые были вынуждены столкнуться с вызовами. Одним из главных преимуществ программы является выделение бюджета на дополнительные места, финансируемые самим университетом, что позволяет абитуриентам, не получившим бюджетное место, все равно претендовать на обучение за счет университета [13]. Гарантированное место в общежитии для участников также создает комфортные условия для интеграции студентов, преодолевающих имущественные барьеры.

Каждый год прием заявок для участия в проекте открывается для выпускников, которые не проживают в крупных городах и относятся к одной из социальных категорий, что подтверждает универсальную миссию программы – стать настоящим социальным лифтом для молодежи. В 2024 году было принято 264 абитуриентов, что подчеркивает растущий интерес к этому направлению и важность социальных инициатив в сфере образования.

Истории студентов, уже прошедших через этот механизм, vividly иллюстрируют его эффективность. Многие из них делятся успехами, достигнутыми благодаря поддержке проекта, и говорят о значительном влиянии, которое оно оказало на их жизнь. Наиболее яркие примеры показывают, как один шаг в сторону учебы в университете изменяет судьбы молодых людей, предоставляя им новые возможности для роста и развития.

Кроме того, проект отвечает на важнейший социальный запрос, поддерживая тех, кто традиционно оставался за рамками возможности получения высшего образования. Поддержка таких студентов не только позволяет реализовать их потенциал, но и способствует социальному равенству, повышая общую образовательную доступность [13]. Этот аспект становится особенно актуальным в условиях современных экономических реалий, когда социальная мобильность молодых людей не всегда обеспечивается исключительно усилиями самих абитуриентов.

Таким образом, «Социальный лифт» не только способствует развитию образования как социального лифта в современной России, но и формирует активное общество, которое созидает новые жизненные пути. Проект может рассматриваться как значимое завоева-

ние в системе высшего образования, дающее шанс тем, кто, казалось бы, был обречен на ограниченные возможности.

Государственные образовательные инициативы в России

Государство реализует программы, направленные на усиление института образования в России, как многофункциональной системы, способствующей качественному изменению общества. В условиях глобализации и цифровизации именно образование становится центральным инструментом, позволяющим государству гармонично решать свои задачи, через полноценную адаптацию населения к современным экономическим и технологическим реалиям.

1. Национальный проект «Образование» формирует основное направление государственной политики в сфере образовательных учреждений и их роли в формировании человеческого капитала. Проект нацелен на создание возможностей для самореализации всех детей и молодежи, активируя их таланты и способности. Программа включает в себя множество мероприятий, таких как профессиональные соревнования и конкурсы, охватывающие широкую аудиторию от школьников до работающего населения, предоставляя участникам шанс продемонстрировать свои навыки и получить новые возможности для карьерного роста.

2. Форум «Образование: будущее рождается сегодня», показывают активное участие молодежи в научных и образовательных сообществах, что также способствует формированию социальных лифтов. Участие в таких инициативах требует от молодежи не только усердия и труда, но и готовности к сотрудничеству и обмену опытом с единомышленниками. Это создает условия, в которых молодежь может работать над своими проектами, налаживать контакты в профессиональной среде и достигать новых высот.

3. К 2024 году различные состязательные программы охватили 700 тысяч человек. Это не просто тренд, а важная часть механизма, позволяющего молодежи продвигаться по карьерной лестнице. Основной целью является не только популяризация образования, но и развитие навыков, необходимых для успешной самореализации на рынке труда.

Общественное восприятие роли образования как социального блага

В современном российском обществе отношение к роли образования как способа качественного улучшения условий жизни неоднозначно. Исследования, проведенные ВЦИОМ, показывают, что более 80% россиян считают спорт и науку более эффективными способами достижения высокого социального статуса, чем образование. На восприятие образования такие факторы, как возраст, уровень дохода и самоопределение респондентов [7], так же общественное восприятие этой темы меняется в зависимости от региона и социального контекста. В разных слоях общества наблюдаются различные акценты на значимость высшего образования.

Среди респондентов более 68% выразили мнение, что высшее образование не является обязательным для успешной карьеры, а 70% не видят связи между наличием диплома и высоким доходом. Данная статистика поднимает важную тему о том, как образования воспринимается в контексте достижения успеха. В то же время, шансы, предоставляемые высшим образова-

ем, по-прежнему рассматриваются как значимый, хотя и не единственный путь к повышению социального статуса. Это подтверждается тем, что число опрошенных, рассматривающих обучение в вузах как возможность для карьерного роста, возросло до 18% в 2023 году с 9% в 2004 году [9].

За последние несколько лет интерес к сетевым навыкам и самообучению стремительно возрос, что также реагирует на текущие изменения в экономике и потребностях работодателей. Тем не менее, общее представление о том, что высшее образование все еще является важным инструментом, подтверждается исследованиями. Упоминание о том, что чуть менее половины респондентов считают, что образование дает преимущества, ясно указывает на необходимость переосмысления роли образовательных учреждений в подготовке нового поколения.

Таким образом, несмотря на смену акцентов и появление альтернативных путей достижения успеха, возможность использования образования как способ улучшения качества жизни по-прежнему остается актуально.

Влияние экономических изменений на восприятие образования

Состояние и динамика образования в России неразрывно связаны с экономическими изменениями, которые по тем или иным причинам происходят в стране. На протяжении последних нескольких десятилетий трансформации в экономике оказывают значительное влияние на образовательные системы, формируя условия для создания новых образовательных реалий. В условиях стремительного развития высоких технологий и глобализации доступ к качественному образованию становится одним из определяющих факторов для социально-экономического роста.

Важным аспектом, влияющим на образовательные социальные лифты, является финансирование системы образования. В России основная часть средств на образование выделяется из государственного бюджета, и, следовательно, именно на уровне государства принимаются ключевые решения о распределении финансовых ресурсов. Это означает, что изменения в экономической политике отражаются на уровне финансирования образовательных учреждений, что в свою очередь напрямую влияет на качество образования и доступность образовательных услуг для разных слоев населения.

Демографические и экономические факторы, такие как уровень безработицы и структура доходов населения, влияют на динамику спроса на образование. Образование стало необходимым инструментом для людей, стремящихся к улучшению своей социальной позиции и трудовой мобильности. В условиях растущей конкуренции на рынке труда высокий уровень образования становится решающим условием для успеха. Исследования показывают, что уровень образования значительно коррелирует с личными доходами, что подтверждает актуальность образования как социального лифта [5].

Важно отметить, что в России существует тенденция к росту числа образовательных учреждений, что создает конкуренцию в сфере обучения и повысит качество образования. Однако рост количества учебных заведений не всегда подразумевает улучшение качества образования. Важно, чтобы образовательные учреждения соответствовали современным требованиям рынка труда и обладали достаточными ресурсами для подготовки высококвалифицированных специалистов [6]. Эта ситуация подчеркивает необходимость постоянного мониторинга и реформирования образовательной системы в ответ на изменения в экономической среде.

Образование не только открывает новые горизонты для индивидуума, но и удовлетворяет требования рынка труда. В условиях перехода к знаниевым экономическим моделям увеличивается значение таких специальностей, как информационные технологии и аналитика данных. Рынок труда все больше нуждается в специалистах с актуальными навыками, что создает дополнительный стимул для модернизации образовательных программ и курсов. Высокое качество образования способствует формированию инновационного потенциала, что, в свою очередь, влияет на экономическое развитие [11].

Существует множество факторов, которые определяют связь между образованием и экономическим развитием. К примеру, уровень инвестиционных вложений в образовательную инфраструктуру также варьируется в зависимости от экономической ситуации в стране. Более стабильная экономика позволяет увеличить финансирование образовательных инициатив, что в конечном итоге ведет к улучшению образовательных условий и возможностей для учащихся [8]. Более того, качество образования имеет значение не только для отдельных индивидов, но и для государства в целом, определяя его конкурентоспособность на международной арене.

Современные возможности в образовании также затрагивают вопросы социальной справедливости и доступности образования для всех слоев населения. Важно, чтобы система образования учитывала потребности различных групп, включая социально уязвимые слои. Образовательные программы, рассчитанные на людей с разным уровнем подготовки и опытом, способствуют снижению неравенства в доступе к качественному образованию и открывают новые возможности для карьерного роста.

Таким образом, образование остается важным социальным лифтом в условиях экономических изменений в России. Однако для обеспечения эффективной работы этой системы необходимо активно адаптировать образовательные программы и проводить реформы, направленные на повышение качества и доступности образования. Слаженная работа образовательных учреждений, бизнеса и государства станет залогом успешного формирования знаний и навыков, необходимых для успешного существования в условиях динамичных экономических изменений.

Технологии как фактор изменения образовательных социальных лифтов

Современные технологии оказали значительное влияние на образование и его доступность. В рамках глобализации и цифровизации образовательный процесс претерпевает быстрые изменения, открывая новые возможности для мобильности и карьерного роста среди молодежи. Технологические новшества, такие как онлайн-курсы, образовательные платформы и дистанционное обучение, трансформируют традиционные методы обучения, предоставляя доступ к знаниям широкой аудитории независимо от географического положения.

Эффективное использование технологий в образовании дает возможность создать гибкую образовательную среду. К примеру, учащиеся могут самостоятельно выбирать программы, которые соответствуют их интересам и карьерным целям. На сегодня платформы, предлагающие курсы в разных областях, становятся инструментами, позволяющими индивидуумам улучшать свои навыки и повышать конкурентоспособность на рынке труда [2]. Практика показывает, что такое обучение нередко становится отправной точкой для успешной карьеры.

С другой стороны, использование технологий в образовании также поднимает важные вопросы о равных возможностях для всех категорий населения. Доступ к интернету и цифровым устройствам остается нерешенной проблемой в некоторых регионах России. Это создает риски увеличения образовательного неравенства и снижает шансы на успешное социальное продвижение для молодежи, не имеющей доступа к необходимым ресурсам [10].

Современные технологии также преобразуют методы оценки и контроля за образовательным процессом. Например, внедрение систем оценки знаний с использованием искусственного интеллекта позволяет более точно определить уровень подготовки студентов и прогнозировать их дальнейшую успеваемость. Такой подход улучшает качество образования и открывает новые горизонты для карьерного роста, поскольку работодатели все больше ориентируются на практическое исполнение и профпригодность сотрудников.

Образовательные инициативы, направленные на повышение доступности образовательных ресурсов с применением технологий, поддерживаются государственными программами. Правительство России реализует проект «Социальные лифты для каждого», который включает в себя создание online-платформ, обеспечивающих доступ к качественному образованию и, как следствие, уменьшает разрыв между различными слоями населения, способствуя формированию кадрового резерва, необходимого для устойчивого экономического роста.

Технологии меняют традиционные представления об образовании, создавая новые возможности и одновременно ставя перед обществом новые вызовы. Наиболее успешные индивидуумы зависят не только от качества образования, но и от их готовности адаптироваться к изменениям в образовательной среде. В условиях постоянных изменений быстрое усвоение новых знаний и навыков становится необходимым условием для успеха в карьере, что ещё раз подчеркивает актуальность обсуждения темы образования как социального лифта в контексте современных технологий.

Заключение

1. Стратифицированная система образования является не барьером, а символическим фактором, определяющим принадлежность индивида к той или иной социальной страте (полю). Получение образования не является инструментом повышения социального статуса.

2. Россия одна из крупнейших стран в мире по территории и по человеческому потенциалу. Она не нуждается в коалиционности в области развития образования. Нашей стране необходимо выработать самобытный, уникальный путь развития института образования. При этом следует учесть и применить все эффективные и рациональные исторически наработанные подходы и методы.

3. Главным актором и субъектом определяющим вектор развития института образования в России является Государство. Это подтверждается количеством и направленностью государственных программ и инициатив. Смысловое наполнение программ дает возможность определить главные государственные цели: обеспечение экономики страны необходимыми кадровыми ресурсами и общее улучшение качественных характеристик общества.

4. Экономический потенциал субъекта института образования является решающим (ограничивающим) фактором возможности доступа к образованию и определяющим возможности получения объема и качества знаний. Новые технологии имеют противоположный вектор

направления, расширяя возможности доступа к качественным и необходимым продуктам образования максимально широкому кругу участников.

Литература

1. Министерство образования России [Электронный ресурс] // elibrary.sgu.ru – URL: http://elibrary.sgu.ru/vkr/2023/39-03-01_027.pdf, (дата обращения 15.12.2024.)
2. Минпросвещения России [Электронный ресурс] // edu.gov.ru – URL: https://edu.gov.ru/national-project/projects/soc_lift/, (дата обращения 16.12.2024).
3. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5, С. 60–74.
4. Вестник ННГУ [Электронный ресурс] // www.unn.ru – URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2022_-_3\(67\)_unicode/20.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2022_-_3(67)_unicode/20.pdf), (дата обращения 16.12.2024).
5. Влияние экономики России на образование [Электронный ресурс] // elar.rsvpu.ru – URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/41379/1/avrepo_2019_012.pdf, (дата обращения 16.12.2024).
6. Влияние экономических факторов на образовательную политику... [Электронный ресурс] // moluch.ru – URL: <https://moluch.ru/archive/503/110764/>, (дата обращения 16.12.2024).
7. ВЦИОМ: Свыше 80% россиян считают, что спорт и наука – самые... [Электронный ресурс] // rg.ru – URL: <https://rg.ru/2023/12/19/vciom-svyshe-80-rossiian-schitaiut-cto-sport-i-nauka-samye-dostupnye-socialnye-lifty.html>, (дата обращения 16.12.2024).
8. Ершова И.Г., Вертакова Ю.В. Стратегическая Взаимосвязь развития экономики и качества образования // Экономика. Информатика. 2010. № 13–1 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskaya-vzaimosvyaz-razvitiya-ekonomiki-i-kachestva-obrazovaniya> (дата обращения 16.12.2024).
9. Опрос выяснил, какие социальные лифты россияне считают... [Электронный ресурс] // ria.ru – URL: <https://ria.ru/20231218/sneg-1916424169.html>, (дата обращения 16.12.2024).
10. Петков В.А., Филоненко В.А. Механизмы функционирования социальных лифтов в образовательном пространстве вуза // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-funktsionirovaniya-sotsialnyh-liftov-v-obrazovatelnom-prostranstve-vuza>, (дата обращения 16.12.2024).
11. Роль образования в экономике и влияние экономики... [Электронный ресурс] // scienceforum.ru – URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016027739> (дата обращения 15.12.2024.)
12. Сорокин П. А. [пер. с англ. М.В. Соколовой] Социальная мобильность: монография – Москва: Academia, 2005, 588 с.
13. Социальный лифт – Национальный исследовательский... [Электронный ресурс] // www.hse.ru – URL: <https://www.hse.ru/lift/>, (дата обращения 16.12.2024).
14. Широкалова Г.С., Пронина Е.И. Образование как социальный лифт // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-sotsialnyy-lift>

ru/article/n/obrazovanie-kak-sotsialnyy-lift (дата обращения 16.12.2024).

IS EDUCATION A SOCIAL LIFT IN MODERN RUSSIA?

Shcherbinina Z.N.

Academy of Labour and Social Relations

This article is aimed at studying the role of education as a social lift in modern Russia. Based on the results of the study, conclusions were made about the current interpretation of the concept of the social institution of education in the modern context, the historical prerequisites for the current position of the Russian institution of education, economic (restraining) and technological (stimulating) factors influencing the accessibility of education in modern Russia.

Keywords: social institution of education, education, transformation of society, literacy of population, social composition of Russian society

References

1. Ministry of Education of the Russian Federation [Electronic resource] // elibrary.sgu.ru – URL: http://elibrary.sgu.ru/vkr/2023/39-03-01_027.pdf, (date of access 12/15/2024.)
2. Ministry of Education of the Russian Federation [Electronic resource] // edu.gov.ru – URL: https://edu.gov.ru/national-project/projects/soc_lift/, (date of access 12/16/2024).
3. Bourdieu P. Forms of capital // Economic sociology. 2002. No. 5, pp. 60–74.
4. UNN Bulletin [Electronic resource] // www.unn.ru – URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2022_-_3\(67\)_unicode/20.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2022_-_3(67)_unicode/20.pdf), (accessed 12/16/2024).
5. The Impact of the Russian Economy on Education [Electronic resource] // elar.rsvpu.ru – URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/41379/1/avrepo_2019_012.pdf, (accessed 12/16/2024).
6. The influence of economic factors on educational policy... [Electronic resource] // moluch.ru – URL: <https://moluch.ru/archive/503/110764/>, (date of access 12/16/2024).
7. VTsIOM: Over 80% of Russians believe that sports and science are the most... [Electronic resource] // rg.ru – URL: <https://rg.ru/2023/12/19/vciom-svyshe-80-rossiian-schitaiut-cto-sport-i-nauka-samye-dostupnye-socialnye-lifty.html>, (date of access 12/16/2024).
8. Ershova I.G., Vertakova Yu.V. Strategic Relationship between Economic Development and Education Quality // Economy. Informatics. 2010. No. 13–1 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskaya-vzaimosvyaz-razvitiya-ekonomiki-i-kachestva-obrazovaniya> (date of access 12/16/2024).
9. The survey found out what social elevators Russians consider... [Electronic resource] // ria.ru – URL: <https://ria.ru/20231218/sneg-1916424169.html>, (date of access 12/16/2024).
10. Petkov V.A., Filonenko V.A. Mechanisms of functioning of social elevators in the educational space of the university // Theory and practice of social development. 2014. No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-funktsionirovaniya-sotsialnyh-liftov-v-obrazovatelnom-prostranstve-vuza>, (date of access 12/16/2024).
11. The role of education in the economy and the influence of the economy... [Electronic resource] // scienceforum.ru – URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016027739> (date of access 12/15/2024.)
12. Sorokin P. A. [translated from English by M.V. Sokolova] Social mobility: monograph – Moscow: Academia, 2005, 588 p.
13. Social lift – National Research... [Electronic resource] // www.hse.ru – URL: <https://www.hse.ru/lift/>, (date of access 12/16/2024).
14. Shirokalova G.S., Pronina E.I. Education as a social lift // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2022. No. 3 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-sotsialnyy-lift> (date of access 12/16/2024).

Одиночество как социальный феномен в контексте виртуальных коммуникаций

Юдина Елена Николаевна,

д.с.н., профессор кафедры социологии и медиакоммуникаций,
Российский государственный университет социальных
технологий (РГУ Соцтех)
E-mail: elena_nikolaevna@inbox.ru

Панич Наталья Александровна,

к.и.н., старший преподаватель кафедры государственного
администрирования, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: napanich@anspa.ru

Синяев Максим Викторович,

к.п.н., доцент кафедры социальной работы, ФГАОУ ВО
«Российский национальный исследовательский университет
имени Н.И. Пирогова»
E-mail: sinyayevmax1@rambler.ru.

Тарченко Вера Сергеевна,

старший преподаватель кафедры социальной работы,
ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский
университет имени Н.И. Пирогова»
E-mail: dthfn@rambler.ru

В статье показано, что в условиях цифровизации наблюдается замещение реального общения виртуальным, происходит снижение возможности живого общения, социальное отчуждение и усиление переживания одиночества. Авторы статьи полагают, что в настоящее время одиночество человека является следствием снижения качества межличностных взаимодействий. Для уточнения этой проблемы было проведено социологическое исследование. Анкета содержала 4 блока: 1) отношение к чувству одиночества; 2) анализ отношений с окружающими; 3) анализ факторов, влияющих на социальные связи; 4) влияние виртуальных взаимодействий на чувство одиночества. Исследование подтвердило, что отсутствие стабильных эмоциональных связей порождает чувство одиночества. Было выяснено также, что виртуальное общение не удовлетворяет в должной степени потребности молодежи в социальном взаимодействии и даже усиливает у некоторых людей чувство одиночества. В заключении были выдвинуты рекомендации, которые могут снизить негативные переживания у молодежи.

Ключевые слова: молодежь, чувство одиночества, социальные сети, социологическое исследование, виртуальное общение.

Проблема одиночества приобретает особое звучание в контексте цифровизации современного общества, благодаря которой произошли существенные изменения механизмов межличностной коммуникации. В настоящее время виртуальное пространство оказывает диалектически амбивалентное влияние на становление личности. Предлагая человеку все новые и новые возможности, оно подвергает его, как и многие процессы в современном обществе, отчуждению.

Подтверждением этого является также практика психотерапевтов и психологов-консультантов: все чаще жалуются на одиночество те, кто, казалось бы, вовсе не имеет на то оснований. Одиноким может ощущать себя и юноша, живущий с родителями, и молодой человек, еще не создавший семьи, но проживающий в тесном сообществе студенческого общежития, и взрослый человек, имеющий семью и детей. То есть одиночество – это не столько формальное состояние «вне общества», сколько психологическое ощущение, которое люди могут испытывать даже в ситуации весьма насыщенного общения в своей среде.

Как явление социального порядка и проблема, одиночество получило особое распространение в современном мире (феномены «толпы одиноких»), существенно изменив систему социальных связей и непосредственно («живого») общения людей и отчасти подменив эту систему различного рода суррогатами общения.

О трансформации коммуникативности свидетельствует и тот факт, что в настоящее время в межличностном взаимодействии наблюдается снижение качества человеческого общения: преобладают кратковременные, ценностно и эмоционально нейтральные связи и отношения, особенно в пространстве виртуального общения. Конечно, нельзя не признать, что виртуальное взаимодействие обогащает и расширяет количественные характеристики возможности коммуникации, но, с другой стороны, оно снижает ее качество: мы наблюдаем не более чем имитацию живого диалога между людьми, в которой нивелируется личность участника общения со всеми его индивидуально-личностными чертами.

Как правило считается, что одинокими могут быть, прежде всего, пожилые люди. Это стало стереотипом общественного сознания. Но что удивительно, среди молодежи и подростков также достаточно много одиноких людей. Распространение виртуального общения в этих социальных группах не решает, а усугубляет эту проблему. Человек, включенный в виртуальную реальность, продолжает испытывать дефицит подлинного и открытого общения – общения, выстроенного на основе единой системы ценностей, которая связывает индивидуально-личностные миры индивидов, включая их в единый «общий мир». Большое количество контактов является лишь показателем того, что увеличивается обезличенное, лишённое единых духовных, эмоциональных, ценностно-смысловых оснований общение, которое во все не объединяет, а, напротив, разъединяет и дезинтегрирует индивидов, снижает «качество» межличностной коммуникации в социуме.

Кроме того, в сегодняшнем виртуальном коммуникативном пространстве, таком обширном и разнообраз-

ном, человеку, тем не менее, трудно найти группу или сообщество, которые удовлетворили бы его социально-коммуникационные потребности и самое главное, – потребность в нахождении людей близких по духу.

Проблема одиночества широко изучается в современной науке. Подходы к этому феномену сильно различаются.

В.Л. Примаков, Е.Г. Саутина рассматривают одиночество как социальный феномен. В рамках такого подхода «одиночество студенческой молодёжи понимается как социальный феномен вызванный отсутствием значимых и глубоких социальных связей...» [1, с. 144]. Ф. Багирова приходит к заключению, что феномен одиночества больше всего проявляется в женской среде и больше всего связан со стереотипизацией социокультурных процессов в современном обществе [2, 211]. А.Д. Отинова рассматривает одиночество как проблему большого города. По мнению этого автора, проблема одиночества не нова, но в последнее время она приобретает огромные масштабы из-за социальных, экономических, политических, технологических преобразований, которые кроме положительных черт несут в себе и негативное влияние (крайний индивидуализм, широкомасштабная урбанизация, ослабление межличностных отношений) [3, 156].

Штанке С.М. рассматривает особенности переживания одиночества личностью в виртуальном пространстве, разграничивает его с такими понятиями как уединение и изоляция. «Одиночество как многомерный конструкт, который с одной стороны позволяет вырваться из стандартных циклов поведения и реализовать свою сингулярность, а с другой представляет собой негативное субъективное переживание личности, сопровождающееся чувствами покинутости, отчуждённости, ненужности» [4;127].

Юдина Е.Н., Захарова С.А. изучая мотивы обращения к социальным сетям, убедительно показывают, что одним из ведущих является преодоление одиночества и расширение круга знакомств [5; 144].

Руднева М.Я. показала, что создание молодой семьи также связано с преодолением чувства одиночества [6; 10].

В условиях цифровизации наблюдается замещение реального общения виртуальным, потеря ценности живого общения, социальное отчуждение и одиночество. Скорость обмена сообщениями и информацией настолько высока, что люди не успевают сформировать свою личную позицию, индивидуализироваться. В связи с этим все больше актуализируются вопросы: что такое одиночество и можно ли воспринимать одиночество только как негативное явление, или это, напротив, ресурс, возможность развития личности.

Авторы считают, что в настоящее время одиночество является следствием снижения качества межличностного взаимодействия. Можно констатировать преобладание кратковременных, ценностно и эмоционально нейтральных связей и отношений, особенно в пространстве виртуального общения. Конечно, нельзя не признать, что виртуальное взаимодействие обогащает и расширяет возможности коммуникации, но, с другой стороны, оно представляет собой не более чем имитацию живого диалога между людьми, в которой нивелируется личность участника общения со всеми его индивидуально-личностными чертами. Для уточнения этой ситуации в мае-июне 2024 года было проведено социологическое исследование.

Всего в исследовании приняло участие 190 респондентов, из них 66,3% женщины и 33,7% мужчины. Большинство респондентов обучаются в московских вузах –

преимущественно в РНИМУ им. Пирогова, остальные в вузах других городов России.

Анкета содержала 4 блока:

- 1) отношение к чувству одиночества;
 - 2) анализ окружающих и их участие в жизни респондента;
 - 3) анализ факторов, влияющих на социальные связи;
 - 4) влияние интернета на чувство одиночества.
- Перейдем к анализу блоков исследования

Как часто Вы чувствуете себя одиноким?

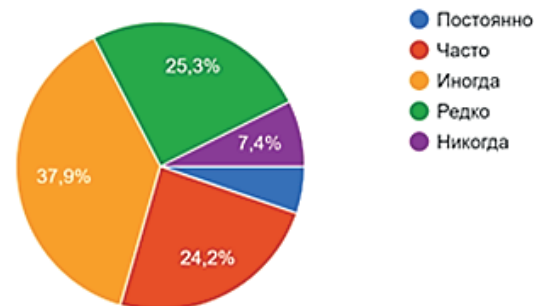

Рис. 1

Ответы, представленные на рис. 1, свидетельствуют о том, что постоянно испытывают одиночество только 5,3% опрошенных. Иногда – еще 24,2%. Суммарно они составляют уже 29,5%, что довольно много для социальной группы молодых людей.

Считаете ли Вы одиночество нормальным состоянием или проблемой, которую нужно решать?

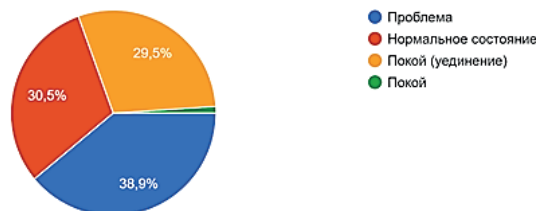

Рис. 2

Из опрошенных довольно много (38,9%) студентов считают одиночество социальной проблемой (рис. 2). Еще 30,5% считают одиночество нормальным состоянием, а 29,5% психологически комфортным состоянием уединения. Таким образом, несмотря на то, большая часть респондентов не считает одиночество серьёзной проблемой, довольно много тех, кто осознает значимость этой проблемы (рис. 3).

Испытываете ли Вы потребность в постоянном общении?

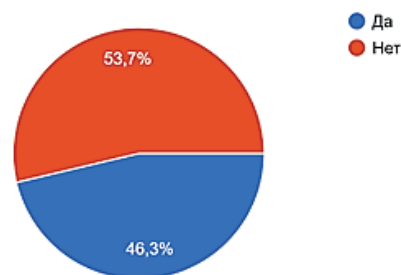

Рис. 3

Ответы на вопрос 3 показывают, что респонденты распределены почти поровну. Немногим больше половины (53,7%) вполне удовлетворены общением с окружающими. А 46,3% испытывают недостаток в общении.

Считаете ли Вы, что Вам необходимо больше общения, чем сейчас?

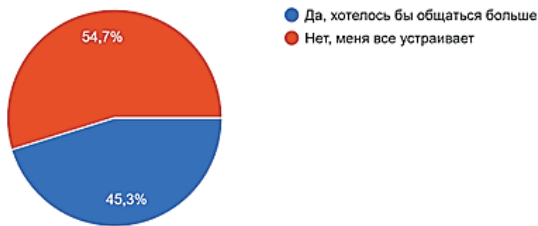

Рис. 4

Данные рис. 4 во многом повторяют предыдущие данные. Показывают, что большая часть респондентов удовлетворены количеством социальных коммуникаций (53,7% и 54,7%), что говорит об удовлетворении потребности в общении. Но соответственно 46,3% и 45,3% не удовлетворены своими коммуникациями. Иначе говоря, немного меньше половины опрошенных думают, что им необходимо больше общения (рис. 5).

Вам бы хотелось завести новых друзей?

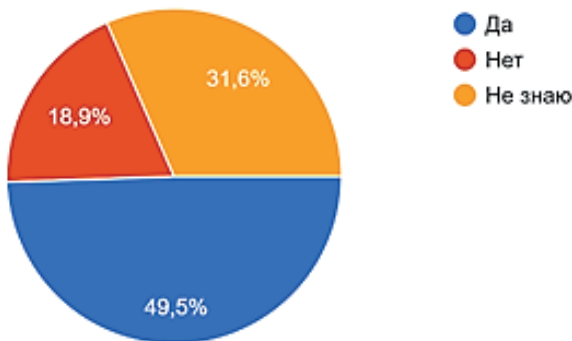

Рис. 5

Ответы на вопрос показывают, что почти большинство (49,5%) респондентов хотели бы завести новых друзей, что говорит о желании построения новых социальных связей. Скорее всего, респонденты не удовлетворены качеством существующих связей, либо их недостаточным количеством (рис. 6).

Получаете ли Вы удовлетворение от общения с вашим окружением или Вы испытываете потребность в постоянных новых знакомствах?

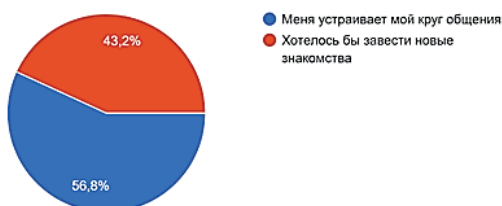

Рис. 6

Несмотря на то, что большую часть респондентов (56,8%) устраивает уже существующий круг общения, довольно много тех, кто хочет расширить круг своих знакомств. Их число достигло 43,2%.

Как Вы оцениваете свою способность привлекать новых друзей и создавать новые социальные связи?

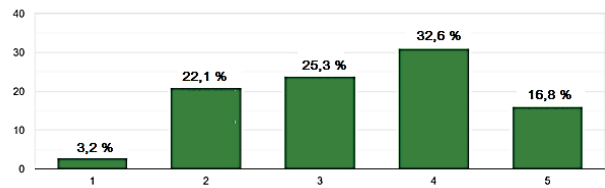

Рис. 7

Результат оценки собственных коммуникативных возможностей (рис. 7) варьируется в интервале ниже среднего (22,1%), средний (25,3%) и выше среднего (32,6%), что говорит о том, что суммарно более половины опрошенных не имеют проблем с социализацией. Но у примерно пятой части респондентов такие проблемы возникают.

Далее несколько вопросов мы посвятили психологическому состоянию опрошенных, стараясь выявить такие негативные переживания, как тревога и страх перед будущим, недовольство собственной жизнью, поскольку они могут усиливать чувство одиночества (рис. 8).

Ощущаете ли Вы страх перед будущим?

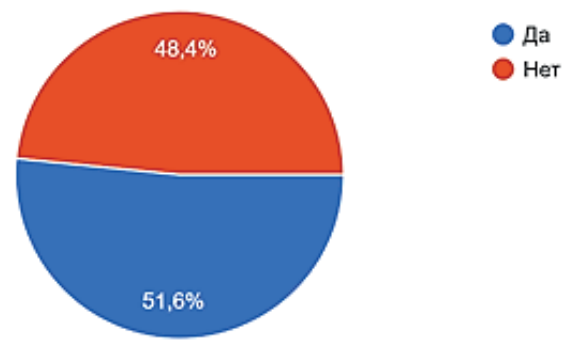

Рис. 8

Опрос показал, что негативное переживание страха перед будущим испытывают более половины респондентов – 51,6%. Это безусловно очень высокий показатель для молодых людей.

Как часто Вы ощущаете тревогу?

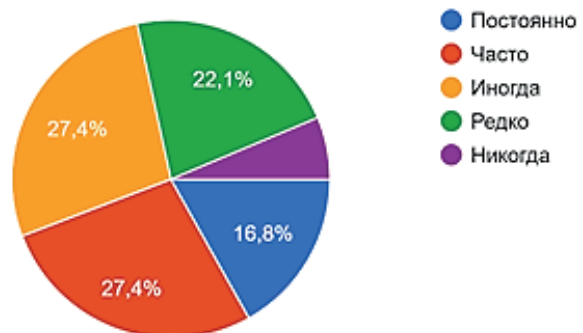

Рис. 9

Данные, приведенные на рис. 9, показывают, что чувство тревоги также довольно распространено среди студентов. Суммарно постоянно или часто его испытывают 44,2% ответивших.

Вы бы хотели жить другую жизнь?

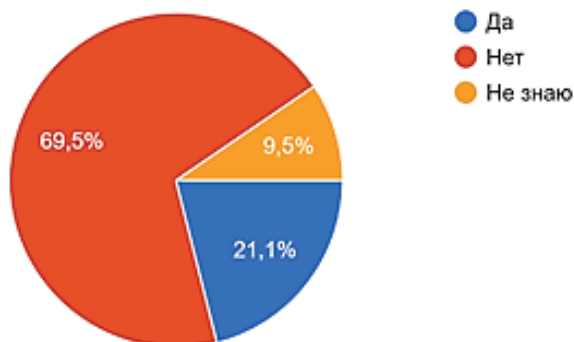

Рис. 10

Выявленные негативные субъективные переживания, такие как тревога (44,2%) и страх перед будущим (51,6%), в той или иной степени присутствуют у большинства респондентов. Они усиливают чувство одиночества респондентов, однако это не порождает у большинства психологического недовольства жизнью в целом. По-видимому, у молодежи существуют психологические механизмы, помогающие преодолевать негативные субъективные переживания. Так, 69,5% участников опроса не хотели бы прожить другую жизнь, 9,5% не задумывались об этом и 21,1% в целом недовольны жизнью и хотели бы прожить другую жизнь (рис. 10).

Ваш круг общения составляет в основном:

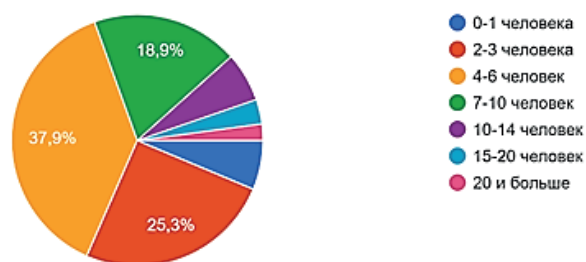

Рис. 11

Данные рис. 11 показывают, что практически все студенты имеют какой-то круг общения. Для большинства опрошенных (58,8%) он составляет примерно 4–10 человек, что в количественном отношении немало. Не случайно 69,5% (см. диаграмму 12) ответили, что у них достаточно близких и доверенных людей рядом. Но довольны ли респонденты качеством этих отношений? Об этом свидетельствуют данные рис. 12.

Данные, приведенные на рис. 13, показывают, что почти половина опрошенных (47,4%) хотели бы повысить уровень близости с друзьями или партнером. А это говорит о том, что участники опроса хотели бы улучшить не количественную, а качественную сторону взаимодействия. То, какие именно качества в партнере студенты считают наиболее ценными, представлено на рис. 14.

Чувствуете ли Вы, что у Вас достаточно близких и доверенных людей рядом?

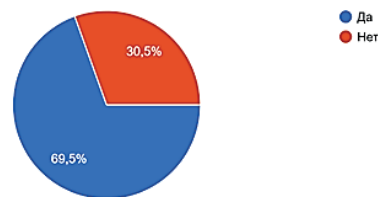

Рис. 12

Вы бы хотели изменить Ваш уровень близости с друзьями или партнером?

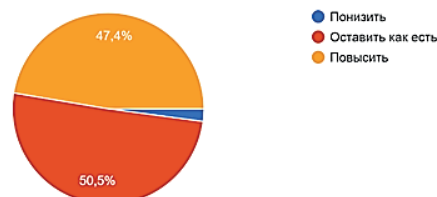

Рис. 13

Какие качества Вы цените больше всего в близких эмоциональных отношениях?

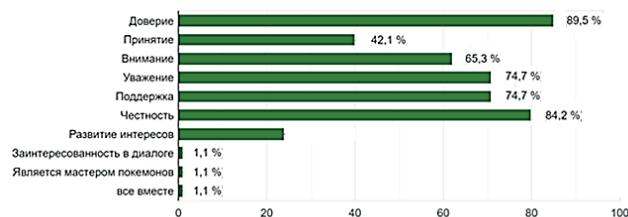

Рис. 14

Данные рис. 14 показывают, что наиболее ценные и востребованные качества в близких отношениях – это доверие (89,5%) и честность (84,2%). На втором месте оказались уважение и поддержка. На них указали 74,7% респондентов. На третьем месте – внимание. Оно важно для 65,3% участников опроса. Другие качества – такие как принятие, развитие интересов, заинтересованность в диалоге, являются для опрошенных гораздо менее ценными.

Чувствуете ли Вы недостаток эмоциональной поддержки и понимания со стороны близких? 95 ответов

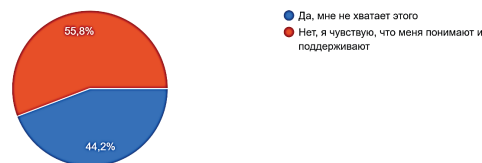

Рис. 15

Данные рис. 15 показывают: 44,2% опрошенных считают, что им не хватает эмоциональной поддержки и внимания со стороны близких. Переживание одиночества может возникать из-за того, что друзья не разделяют ценности человека. Поэтому мы попытались узнать, чувствует ли респондент общность мировоззрения со своими друзьями и близкими. Палитра мнений по этому вопросу представлена на рис. 16.

Чувствуете ли Вы общность во взглядах на мир со своими друзьями и близкими? (В данном вопросе под интересами подразумевается отноше...елигии, политике, семье, образовании и т.д.)
95 ответов

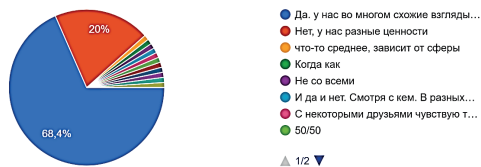

Рис. 16

Из анализа данных видно, что мировоззрение большинства опрошенных со своими друзьями и близкими совпадает. Только 20% респондентов имеют отличную от своих друзей систему ценностей.

Считаете ли Вы, что отсутствие стабильных эмоциональных связей может быть причиной Вашего чувства одиночества?

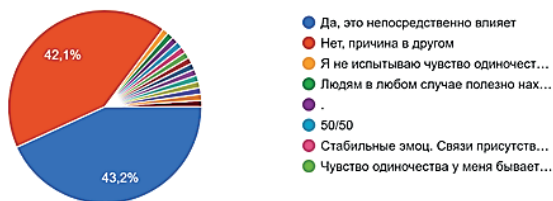

Рис. 17

Данные рис. 17 показывают, что постановка вопроса была верна. Для 43,2% опрошенных именно отсутствие стабильных эмоциональных связей порождает чувство одиночества.

Дальнейшие вопросы касались непосредственно влияния виртуального общения на переживание одиночества.

Чувствуете ли Вы, что интернет усиливает Ваше ощущение одиночества?

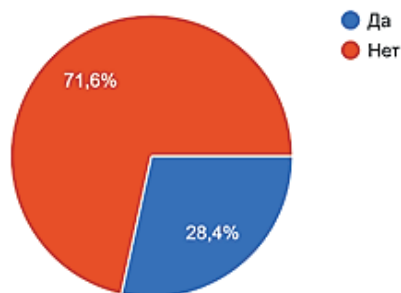

Рис. 18

Судя по данным, приведенным на рис. 18, почти треть респондентов (28,4%) считают, что виртуальное общение усиливает чувство одиночества. Поэтому, как видно из рис. 19, почти половина опрошенных (48,4%) предпочитает личное общение, 43,2% общаются он-лайн и офлайн, и только 8,4% предпочитает только социальные сети.

На рис. 20 этот вопрос уточняется. Формирование эмоциональных связей возможно и в виртуальном общении, и в обычном повседневном общении. Судя по приведенным данным (см. рис. 20), большинство опрошенных (51,6%) считает равноценным для формирования

эмоциональных связей общение в офлайне и онлайн. Только 31,6% предпочитают только живое общение.

Какой способ общения с другими людьми Вы предпочитаете: в реальной жизни или через социальные сети?

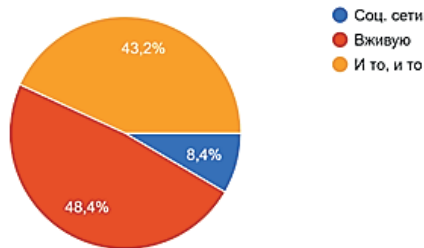

Рис. 19

Одинаковую ли роль для Вас играют социальные сети и взаимодействие с людьми в реальной жизни в формировании эмоциональных связей?

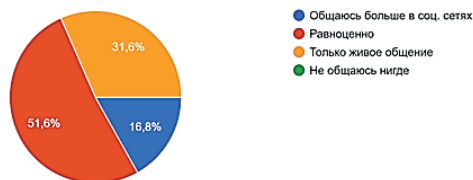

Рис. 20

Подведем некоторые итоги. Наше исследование показало, что молодость, несмотря на устоявшиеся стереотипы, непростой период в жизни человека. Для этого периода жизни характерен не только оптимизм и радость жизни. Нас больше интересовало, насколько для молодежи свойственно такое негативное переживание как одиночество. Мы выяснили, что проблема одиночества актуальна для молодежи. Оно может усиливаться такими негативными субъективными переживаниями как тревога и страх перед будущим, которые в той или иной степени присутствуют у многих респондентов. Правда, это не порождает у большинства психологического недовольства жизнью в целом. По-видимому, у молодежи существуют психологические механизмы, помогающие преодолевать негативные субъективные переживания. Это может быть предметом для дальнейшего исследования. Было выяснено также, что виртуальное общение не удовлетворяет в должной степени потребности молодежи в социальном взаимодействии.

Таким образом, увеличение чувства одиночества у молодежи связано с ухудшением качества социальных связей в современном обществе. Современное общество ставит предъявляет к молодежи высокие требования и формирует установку на достижение успеха. Это приводит к ощущению одиночества из-за недостатка времени для социальных взаимодействий в реальной жизни. В результате этих изменений молодежь может испытывать ухудшение качества социальных связей, что ведёт к повышению чувства одиночества. Однако стоит отметить, что не все молодые люди испытывают одиночество, и для некоторых это является индивидуальным опытом, зависящим в большей степени от таких факторов как занятость и отсутствие поддержки окружения. На основании проведенного исследования выдвинем ряд рекомендаций, которые могли бы уменьшить переживание одиночества у молодежи.

- Организация в вузе психологической помощи и безопасного пространства. Предоставление молодым людям во время занятий возможности выразить свои мысли и чувства без страха осуждения или критики. Формирование зон доверительных отношений, где они могут быть настоящими и открытыми.
- Развитие навыков коммуникации у молодежи. Помощь молодым людям в развитии навыков эффективной коммуникации, таких как слушание, выражение эмоций и установление глубоких связей с другими людьми.
- Организация групповых мероприятий. Стимулирование молодых людей принимать участие в групповых занятиях, которые интересны им. Это может быть спортивная команда, творческий кружок, волонтерство или любая другая форма совместной деятельности.

Предложенные рекомендации могут повысить качество общения и, соответственно, снизить негативные переживания у молодежи.

Литература

1. Примаков В.Л., Саутина Е.Г. Одиночество студенческой молодежи как социальный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018, № 1(794). С. 244–254.
2. Багирова Ф. Феномен одиночества как фактор социального отчуждения. Гилея: научный вестник. 2015, № 96. С. 211–215.
3. Отинова А.Д. Анализ подходов к изучению проблемы социального одиночества в большом городе. Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2021, № 1(5). С. 267–273.
4. Штанке С.М. Одиночество в виртуальном пространстве как социально-психологический феномен. Энигма. 2022, № 45. С. 127–132.
5. Юдина Е.Н., Захарова С.А. Коммуникативные практики студенческой молодежи в сети интернет. Коммуникология. 2016, Т. 4, № 1. С. 142–150.
6. Руднева М.Я. Мотивация создания и функционирование молодой семьи в современной России (на материалах Московской области) // автореферат дис-

сертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Моск. гос. ун-т сервиса. Москва, 2006.

LONELINESS AS A SOCIAL PHENOMENON IN THE CONTEXT OF VIRTUAL COMMUNICATIONS

Yudina E.N., Panich N.A., Sinyaev M.V., Tarchenko V.S.

Russian State University of Social Technologies, Lomonosov Moscow State University, N.I. Pirogov Russian National Research University

The article shows that in the conditions of digitalization, there is a substitution of real communication with virtual, there is a decrease in the possibility of live communication, social alienation and an increase in the experience of loneliness. The authors of the article believe that currently human loneliness is a consequence of a decrease in the quality of interpersonal interactions. A sociological study was conducted to clarify this problem. The questionnaire contained 4 blocks: 1) attitude to the feeling of loneliness; 2) analysis of relationships with others; 3) analysis of factors affecting social ties; 4) the effect of virtual interactions on the feeling of loneliness. The study confirmed that the lack of stable emotional connections generates a feeling of loneliness. It was also found that virtual communication does not adequately meet the needs of young people in social interaction and even increases the feeling of loneliness in some people. In conclusion, recommendations were put forward that can reduce negative experiences among young people.

Keywords: youth, loneliness, social networks, sociological research, virtual communication.

References

1. Primakov V.L., Sautina E.G. Loneliness of student youth as a social phenomenon // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2018, No. 1 (794). P. 244–254.
2. Bagirova F. The phenomenon of loneliness as a factor of social alienation. Gilea: scientific bulletin. 2015, No. 96. P. 211–215.
3. Otinova A.D. Analysis of approaches to studying the problem of social loneliness in a big city. Social and humanitarian sciences: theory and practice. 2021, No. 1 (5). P. 267–273.
4. Shtanke S.M. Loneliness in virtual space as a socio-psychological phenomenon. Enigma. 2022, No. 45. P. 127–132.
5. Yudina E.N., Zakharova S.A. Communicative practices of student youth on the Internet. Communicology. 2016, Vol. 4, No. 1. P. 142–150.
6. Rudneva M. Ya. Motivation for the creation and functioning of a young family in modern Russia (based on materials from the Moscow region) // abstract of a dissertation for the degree of candidate of sociological sciences / Moscow state University of Service. Moscow, 2006.

Факторы формирования гражданских ценностей российской молодежи в условиях современных реалий

Дамбегов Аслан Астемирович,

младший научный сотрудник Центра научных компетенций ДГТУ, Донской государственной технической университет
E-mail: dambegovaa@minobrнауки.gov.ru

Яковлев Вадим Сергеевич,

аспирант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
E-mail: remont3845@yandex.ru

Цель исследования: выявить и описать факторы формирования гражданских ценностей российской молодежи в контексте современных реалий, диктующих сверхважность гражданского единения перед лицом внешних и внутренних угроз, с акцентом на роли образования в данном процессе.

Методологическая база исследования базируется на представленных в научной литературе исследовательских позициях различных ученых, экспертных оценках социологов, данных ВЦИОМ и исследовательских коллективов в отношении ценностей, в том числе гражданских, российской молодежи. Теоретический базис работы основывается на теории ценностей, положениях деятельностного и институционального подходов. Результаты исследования: Гражданские ценности российской молодежи как базис гражданственности и гражданской деятельности формируются под влиянием разнообразного рода факторов (религиозных, семейных, этнокультурных, социально-экономических, социально-политических), но в условиях современной реальности (СВО, геополитическая напряженность, риски дезинтеграции полиэтничного общества), колоссальную роль приобретает институт образования. Значительная часть российской молодежи вовлечена в образовательные практики, а, следовательно, образовательная среда становится важной и удобной площадкой формирования единых гражданских ценностей и проявления гражданственности. Особое внимание следует уделить цифровым площадкам и технологиях гражданского воспитания молодежи, поскольку молодежь более масштабно вовлекается в гражданские практики в цифровом пространстве, предпочитает проявлять гражданское участие, оказывать помощь нуждающимся, попавшим в беду, посредством использования цифровых каналов коммуникации.

Перспективы исследования связаны с глубоким изучением всех групп факторов формирования гражданских ценностей молодежи с учетом возможностей использования потенциала Интернет-технологий в развитии гражданской активности молодых поколений России.

Ключевые слова: гражданские ценности, гражданственность, молодежь, патриотизм, гражданская активность, высшее образование.

Введение

Мир ценностей каждого человека представляет собой уникальный феномен, однако, для эффективного функционирования общества необходима система общенациональных ценностей, на которые ориентируется большинство населения в условиях конкретной исторической эпохи. В этой системе значимое место отводится гражданским ценностям, без которых сложно представить процесс гражданского единения и консолидации социума.

Бектанова А.К. справедливо отмечает: «Гражданские ценности несут универсальный характер. Но это не означает, что все они являются вечными и неизменными» [2, с. 42]. Их изменение происходит в логике социокультурной динамики под влиянием определенных исторических событий, что соотносится с идеей М. Вебера об историчности ценностей как выражения сложившихся в обществе, разделяемых большинством и отражающих дух эпохи, специфику времени [5]. Иными словами, гражданские ценности есть не что иное, как исторический продукт, детерминированный типом цивилизации, особенностями государственного строя, его политической системы, доминирующей идеологией, культурой общества, уровнем развития образования и т.д. И совершенно естественно различать гражданские ценности, сложившиеся в разные исторические эпохи, на разных этапах общественного и международного развития. Так, гражданские ценности эпохи Средневековья базировались не религиозных идеях и воззрениях; первичной была религиозная идентичность, а затем – гражданская, в то время как эпоха Возрождения провозгласила ценность человеческой личности, поставив идеи гуманизма на первое место. Появившиеся в Новое время идеи и ценности свободы, справедливости, равенства, гражданской ответственности и долга до сих пор составляют основу гражданской культуры современных обществ.

Драйвером общественного развития выступает молодое поколение. В развитии современных обществ ей отводится центральная роль, и от ее гражданской активности зависит ход, динамика и результаты социальных преобразований [17]. В основе гражданского активизма личности находятся гражданские ценности, формирование которых, как уже было указано выше, происходит в условиях конкретных социальных и исторических реалий. В данной статье мы ставим целью провести анализ факторов, влияющих на формирование гражданских ценностей современной российской молодежи. Эти факторы дифференцируются по различным основаниям. Если за основу брать институциональный контекст, то можно выделить влияние ключевых социальных институтов, таких как семья, образование, религия, СМИ, государство. Средовый подход предполагает анализ влияния факторов микро- и макросреды. В первом случае речь идет о ближайшем окружении личности, оказывающем социализационное воздействие в процессе межличностных коммуникаций (семейных, дружеских). Во втором – о сложившихся в обществе условий на уровне социально-политических, экономических, социокультурных процессов. И в этом случае невозможно не учитывать тот факт, что уже длительное время российское

государство находится в эпицентре международной напряженности и геополитического противостояния, и на гражданское самосознание и поведение молодежи самым непосредственным образом повлияли события международного масштаба: присоединение Крыма, начало специальной военной операции (СВО) на территории Украины с последующими событиями – объявлением частичной мобилизации населения, изменением государственных границ РФ за счет принятия в состав страны новых территорий – ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей и дальнейшей изоляцией России от мирового сообщества.

Страна переживает крайне тяжелый период в своей истории, и российский народ осознает масштабы угроз национальной безопасности, необходимость гражданского единения с целью обретения полного национального суверенитета [12]. Реализация данной цели невозможна без создания интегрированного общества на основе общегражданской идентичности, основу которой составляют единые гражданские ценности, разделяемые населением разных регионов страны, независимо от этнического, конфессионального, возрастного, профессионального, гендерного статуса.

В данной статье мы попытаемся осветить влияние основных факторов на становление и развитие гражданских ценностей российской молодежи, остановив свое исследовательское внимание, прежде всего, на роли образования в гражданском воспитании молодежи, в процессе которого формируются гражданские ценности как основа гражданской культуры. При этом, конечно же подразумевается значимость влияния современного социального контекста, связанного с геополитическими вызовами и рисками ввиду усиливающегося противостояния России и Запада на фоне продолжающегося военного конфликта с Украиной. Обозначенный ракурс исследования реализуется на основе представленных в научной литературе исследовательских позиций различных ученых, экспертных оценок социологов в отношении гражданских ценностей российской молодежи и особенностей их формирования в условиях современных реалий, прежде всего детерминированных социально-политическими факторами.

Обзор научной литературы и постановка проблемы исследования

Тематика, связанная с гражданскими ценностями молодежи, представлена многочисленными исследованиями. Их анализ и обобщение позволяет выделить несколько направлений в изучении данной проблематики. Так, исследователи обращаются к региональному и этнокультурному контексту изучения гражданских ценностей молодежи, что особенно значимо для молодежи полиэтничных регионов Юга России [1; 13]. Значимое внимание уделяется гражданским ценностям учащейся и студенческой молодежи [4; 10; 11], а также проблемам [15] и факторам формирования гражданских ценностей молодежи [3; 21; 29]. Среди различных факторов выделяются факторы религии, социальных медиа, волонтерства, но наибольшее число работ посвящено роли образования в изучаемом нами процессе [14; 16; 22; 28]. Ученые акцентируют внимание на необходимости создания единой системы гражданского образования как важнейшей в системе формирования гражданской идентичности учащейся молодежи, особенно в условиях полиэтничных регионов и регионов с высокой долей мигрантов, что сопряжено с рисками дезинтеграции и роста социальной напряженности.

Базисом гражданских ценностей выступает патриотизм, ввиду чего в научно-исследовательской ли-

тературе часто употребляется термин «гражданско-патриотические ценности» [18], что неудивительно, если учесть, что само понятие гражданственности исследователями прежде всего связывается и во многом ассоциируется с патриотизмом, и в этом случае действует формула «быть гражданином – значит быть патриотом» [24]. Гражданственность привлекает, пожалуй, еще большее внимание ученых, нежели ее базис – гражданские ценности, поскольку именно в ней содержится деятельностное начало, в ней находит выражение в конкретных гражданских практиках, направленных на благо государства, общества и человека и определяющих уровень гражданской зрелости и культуры личности [8]. Тем не менее, в изучении данного феномена – гражданственности, не сложилось единства в отношении его методологических рамок исследования. Одни исследователи отталкиваются от деятельностного подхода, другие – институционально-ролевого [26, с. 247]; используется при его изучении также потенциал теории ментальных программ [23].

Для нашего исследования важным является положение о том, что именно гражданские ценности молодежи определяют ее гражданские диспозиции, стратегии той или иной деятельности общественного характера, характер ее направленности, уровень активности. Гражданские ценности – часть системы ценностей – совокупности сложившихся в обществе представлений, отражающих значимость тех или иных явлений, объектов материального и духовного мира и служащих мотивацией к определенным действиям или деятельности [25]. На этом основании гражданские ценности выступают основанием мотивации к определенной гражданской деятельности с целью достижения желаемого состояния общества или его отдельных компонентов.

Формирование гражданских ценностей молодежи – важнейшее направление государственной политики любого государства, а его целенаправленная реализация осуществляется с помощью образовательных учреждений и системы образования в целом на всех ее уровнях. Стоит согласиться с мнением исследователей, что для современной России с учетом внешних политических вызовов и угроз актуальной задачей формирования и развития у молодого поколения гражданских ценностей является сверх актуальной, направленной на обеспечение национальной безопасности [14; с. 376]. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Роль образования в формировании гражданских ценностей российской молодежи

Прежде всего, стоит отметить, что гражданские ценности не занимают в системе ценностей российской молодежи доминантные позиции, хотя и назвать их незначимыми тоже нельзя. Согласно данным опроса ВЦИОМ (осень 2022 г.), важнейшими ценностями для молодежи выступают такие, как: «высокий уровень благополучия (58%); жить спокойно, работая и заботясь о семье (54%)», а затем молодые россияне ориентированы на то, чтобы «принести пользу своему народу, обществу, активно участвовать в общественной и политической жизни (26%)» [27]. В исследованиях регионального характера также была зафиксирована сфокусированность молодежи на ценностях материального и семейного благополучия [7]. Не думаем, что эту ситуацию следует рассматривать как критическую. Современная молодежь во многом индивидуализирована и живет в логике развития мировых тенденций, связанных с ориентацией на личное благо и счастье, а коллективистская идеология, принятая за основу в советском государстве, давно ушла в не-

бытие. Тем не менее, следует формировать у молодого поколения баланс интересов и ценностей, сочетающих индивидуальные и общественные ориентиры. Последние связаны с благом государства и общества, а для этого необходима когнитивная составляющая. Необходимо знать как можно больше о своей Родине, о своем народе, его истории, культуре, особенностях становления и основных этапах развития, специфике, достижениях, проблемах, целях и задачах государственного развития, и на все это ориентировано введение в образовательную программу средней и высшей школы курса «Основы российской государственности». Опрос ВЦИОМ (осень 2023 г.) показал, что значительная часть российских граждан поддержала введение новой дисциплины для первокурсников вузов страны (68%), ориентированной на формирование и развития у обучающихся чувства гражданственности [19]. Этот курс опрошенные граждане страны считают важным, нужным, так как он позволяет студентам получить дополнительные знания об истории своей страны, способствует формированию патриотизма в среде обучающихся.

Безусловно, формирование гражданских ценностей – важнейшее направление образовательной подготовки в вузах страны, готовящих профессиональную элиту общества, а эффективность этого процесса во многом зависит от качества образования в обществе, а также от запроса на высшее образование. Обратимся к данным опроса жителей страны (ВЦИОМ, июль 2024 г.), которые нам показывают, что запрос на высшее образование среди молодежи не только не снижается, но даже повышается [20]: в 2004 г. таковых было 47%, в 2013 г. – уже 54%, в 2017 г. – 55%, а в 2024 г. – 60%; соответственно, снижается доля россиян, считающих достаточным уровень только школьного образования.

Рост численности студентов высших учебных заведений естественным образом актуализирует интерес к студенческой молодежи как субъекту гражданских отношений и объекту формирования гражданских ценностей и на их базе гражданственности. Этот интерес всегда был высоким, но сегодня, на фоне динамичного роста студенческой социальной группы, принимает характер стратегической значимости для решения актуальных задач в области укрепления российской государственности и гражданского единения российского народа.

Особое внимание следует уделить цифровым площадкам и технологиям гражданского воспитания молодежи, поскольку, как показывает практика, молодежь более масштабно вовлекается в гражданские практики в цифровом пространстве, предпочитает проявлять гражданское участие, оказывать помощь нуждающимся [6]. Следовательно, образовательным учреждениям также необходимо учитывать ресурсный потенциал онлайн-площадки для формирования у молодежи гражданских ценностей и развития гражданского активизма [9].

Заключение

Гражданские ценности современной российской молодежи как базис гражданственности и гражданской деятельности формируются под влиянием разнообразного рода факторов (религиозных, семейных, этнокультурных, социально-экономических, социально-политических), но в условиях современной реальности, весьма критично и болезненно сказывающихся на всем обществе, самым важным фактором среди институциональных становится образовательный. Значительная часть российской молодежи вовлечена в образовательные практики, а, следовательно, образовательная среда становится важной

и удобной площадкой формирования единых гражданских ценностей и проявления гражданственности.

В российском обществе среди молодежи растет запрос на высшее образование, что обусловлено, во многом, требованиями рынка труда. Студенческая среда гетерогенна по социально-демографическим характеристикам. Ее составляют представители различных регионов, этнических и конфессиональных групп с соответствующими мировоззренческими и этнокультурными особенностями, и принципиально важно именно в этой среде формировать гражданскую идентичность как основание гражданской интеграции, позволяющей преодолевать этнические и иные барьеры в процессе социальной коммуникации, профессиональной и общественной деятельности. Стоит согласиться с мнением исследователей: «В условиях текущих геополитических вызовов и рисков, трансформации политики и управления под влиянием процесса цифровизации исключительную актуальность приобретает решение проблемы формирования новой гражданской компетентности, которое предполагает, с одной стороны, выявление и глубокий анализ особенностей, проблем и рисков, возникающих во взаимодействии государства, граждан и гражданских ассоциаций, а с другой – реализацию целевых установок на повышение уровня доверия к власти, определяющего степень ее легитимности» [16, с. 540].

Иными словами, важно выработать едины механизм и стратегию гражданского образования для повышения уровня гражданской активности и выстраивания прозрачных, доверительных отношений в системе «государство-общество» с целью эффективного решения острых социальных проблем в условиях геополитической напряженности и актуальных внутренних задач.

Литература

1. Акаев В.Х. О закреплении гражданских ценностей в сознании молодежи Чеченской Республики в условиях формирования общероссийской идентичности // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, № 1. С. 125–135. DOI 10.18522/2227–8656.2024.1.7.
2. Бектанова А.К. Гражданские ценности как предмет философского анализа // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2018. Т. 18, № 5. С. 41–44.
3. Беликова Д.А. Событийное волонтерство и его роль в формировании гражданских ценностей молодежи // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Пермь, 06–07 декабря 2017 года. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2017. С. 7–9.
4. Васюк А.А. Гражданские ценности как основа формирования гражданской культуры в школе // Человек. Наука. Социум. 2020. № 2(4). С. 86–96.
5. Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайдено / М. Вебер. М.: Прогресс, 1990. 805 с.
6. Верещагина А.В. Представления жителей Крыма об интеграционных процессах в российском обществе (по материалам фокус-групп) // Гуманитарий Юга России. 2023. Том 12. № 6. С. 159–172. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.6.12> EDN: IOOAQX
7. Гражданский патриотизм и солидаристские практики в локальных сообществах на Юге России: коллективная монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский

- [и др.]; отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2019. 392 с.
8. Гревцева Г.Я. Гражданственность как ценность культуры в процессе социализации личности // Вестник культуры и искусств. 2020. № 4(64). С. 39–48.
 9. Домбровская А.Ю. Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах // Власть. 2020. Том 28. № 2. С. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7134>
 10. Зыкина О.А. Восприятие общегражданских ценностей студентами Москвы и Кировской области // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 37–48. DOI 10.33876/2311–0546/2021–4/37–48.
 11. Иванян Р.Г. Гражданские ценности студентов – будущих журналистов // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 142–152. DOI 10.21209/1996–7853–2023–18–3–142–152.
 12. Ильин В.А., Морев М.В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 5. С. 9–32. DOI 10.15838/esc.2022.5.83.1.
 13. Исмаилова Л.М., Мачукаева Л.Ш. Формирование гражданских ценностей молодежи Северного Кавказа в контексте российского социокультурного мира // Мир университетской науки: культура, образование. 2023. № 9. С. 42–47. – DOI 10.18522/2658–6983–2023–9–42–47.
 14. Калининкова М.В., Толоч Е.С. О роли гуманитарного образования в формировании гражданских ценностей студенческой молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, № 4. С. 375–381. DOI 10.18500/1818–9601–2024–24–4–375–381.
 15. Коваленко А.М., Басанко Е.С., Тураева Н.П. Проблемы формирования и развития общегражданских и патриотических ценностей современной российской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 1. С. 64–69. DOI 10.17213/2075–2067–2021–1–64–69.
 16. Курочкин А.В., Морозова С.С., Емельянов С.В. Российская система гражданского образования в условиях цифровых трансформаций и новых геополитических вызовов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 4. С. 539–547. DOI 10.21638/srbu23.2023.402.
 17. Лубский А.В., Мамина Д.А. Гражданственность в молодежной среде как предмет теоретико-методологического дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 7. С. 69–78.
 18. Милованов К.Ю. Проблемы трансляции гражданско-патриотических ценностей в истории отечественного просвещения // Историко-педагогический журнал. 2022. № 4. С. 52–65.
 19. Можно ли научить государственности? ВЦИОМ. 20 сентября 2023 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mozhno-li-nauchit-gosudarstvennosti> (дата обращения: 14.11.2024).
 20. Обучение длиною в жизнь. ВЦИОМ, 29 июля 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn-1> (дата обращения: 14.11.2024).
 21. Орлова А.В. Роль религии в формировании гражданских ценностей современной молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 4(36). С. 68–74.
 22. Паничкина М.В., Подберезный В.В., Зарубина Р.В. Педагогические условия формирования гражданских ценностей как базовой основы гражданской идентичности в условиях миграционных процессов Юга России // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 2. С. 11. DOI 10.17513/srpo.32489.
 23. Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России: коллективная монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018. 412 с.
 24. Рожкова Л.В. Гражданские ценности современной студенческой молодежи в условиях социокультурной модернизации России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2012. Т. 12, № 4. С. 35–39.
 25. Семенова Д.М., Афонин М.В., Кудрявцев С.А. Ценности в структуре гражданской идентичности: понятие и инструменты // Политконсультант. 2023. Т. 3. № 1. URL: <https://politicjournal.ru/PDF/04PK123.pdf>.
 26. Смирнов В.Э. Институционально-ролевой подход к пониманию феномена гражданственности // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 246–255.
 27. Ценности молодежи. 14 декабря 2022 г. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi?ysclid=lp2kydogvr72613154> (дата обращения: 14.11.2024).
 28. Чумакова Т.Н., Гнедко Е.Н. Создание образовательной среды для развития гражданских ценностей и патриотической культуры в университете // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. 2024. № 2. С. 51–56.
 29. Ячменева М.В. Влияние социальных медиа на формирование семейных и гражданских ценностей молодежи в современной России: опыт социологического исследования // Управление устойчивым развитием. 2019. № 3(22). С. 83–88.

FACTORS OF FORMATION OF CIVIC VALUES OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONDITIONS OF MODERN REALITIES

Dambegov A.A., Yakovlev V.S.

Don State Technical University, Southern Federal University

The purpose of the study is to identify and describe the factors of the formation of civic values of Russian youth in the context of modern realities dictating the super-importance of civic unity in the face of external and internal threats, with an emphasis on the role of education in this process.

The methodological basis of the research is based on the research positions of various scientists presented in the scientific literature, expert assessments of sociologists, data from VTSIOM and research teams regarding the values, including civil ones, of Russian youth. The theoretical basis of the work is based on the theory of values, the provisions of the activity and institutional approaches.

The results of the study: The civic values of Russian youth as the basis of citizenship and civic activity are formed under the influence of various factors (religious, family, ethnocultural, socio-economic, socio-political), but in the conditions of modern reality (ITS, geopolitical tensions, risks of disintegration of a multiethnic society), the institute of education acquires a colossal role. A significant part of Russian youth is involved in educational practices, and, consequently, the educational environment is becoming an important and convenient platform for the formation of common civic values and the manifestation of citizenship. Special attention should be paid to digital platforms and technologies for civic education of young people, since young people are more involved in civic practices in the digital space, prefer to show civic participation, and provide assistance to those in need through the use of digital communication channels.

The prospects of the research are related to an in-depth study of all groups of factors in the formation of civic values of youth, taking into account the possibilities of using the potential of Internet technolo-

gies in the development of civic engagement of young generations in Russia.

Keywords: civic values, citizenship, youth, patriotism, civic engagement, higher education.

References

1. Akaev V. Kh. On the consolidation of civic values in the minds of the youth of the Chechen Republic in the context of the formation of an all-Russian identity // *Humanities of the South of Russia*. 2024. Vol. 13, No. 1. pp. 125–135. DOI 10.18522/2227-8656.2024.1.7.
2. Bektanova A.K. Civic values as a subject of philosophical analysis // *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*. 2018. Vol. 18, No. 5. pp. 41–44.
3. Belikova D.A. Event volunteering and its role in shaping the civic values of youth // *Actual problems of human potential development in modern society: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Perm, December 06–07, 2017*. Perm: Perm State National Research University, 2017. pp. 7–9.
4. Vasyuk A.A. Civic values as the basis for the formation of civic culture in school // *Human. Science. Socium*. 2020. No. 2(4). pp. 86–96.
5. Weber M. *Selected works / comp., general ed. and afterword by Yu.N. Davydov, preface by P.P. Gaidenko / M. Weber*. Moscow: Progress, 1990. 805 p.
6. Vereshchagina A.V. Representations of Crimean residents about integration processes in Russian society (based on focus groups) // *Humanities of the South of Russia*. 2023. Volume 12. No. 6. pp. 159–172. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.6.12>
7. *Civil patriotism and solidarity practices in local communities in the South of Russia: a collective monograph / Yu.G. Volkov, A.V. Lubsky [et al.]; edited by Yu.G. Volkov*. – Rostov n/A: Foundation for Science and Education, 2019. 392 p.
8. Grevtseva G. Ya. Citizenship as a cultural value in the process of personality socialization // *Bulletin of Culture and Arts*. 2020. No. 4(64). pp. 39–48.
9. Dombrovskaya A.Y. Civic activism of youth in modern Russia: features of manifestation in online and offline environments // *Power*. 2020. Volume 28. No. 2. pp. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7134>
10. Zykina O.A. Perception of common civil values by students of Moscow and the Kirov region // *Bulletin of Anthropology*. 2021. No. 4. pp. 37–48. DOI 10.33876/2311-0546/2021-4/37-48.
11. Ivanyan R.G. Civic values of students – future journalists // *Humanitarian vector*. 2023. Vol. 18, No. 3. pp. 142–152. DOI 10.21209/1996-7853-2023-18-3-142-152.
12. Ilyin V.A., Morev M.V. Special military operation reveals new features of civil society // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022. Vol. 15, No. 5. pp. 9–32. DOI 10.15838/esc.2022.5.83.1.
13. Ismailova L.M., Machukayeva L. Sh. The formation of civic values of the youth of the North Caucasus in the context of the Russian socio-cultural world // *The world of university science: culture, education*. 2023. No. 9. pp. 42–47. – DOI 10.18522/2658-6983-2023-9-42-47.
14. Kalinnikova M.V., Tolok E.S. On the role of humanitarian education in the formation of civic values of students // *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science*. 2024. Vol. 24, No. 4. pp. 375–381. DOI 10.18500/1818-9601-2024-24-4-375-381.
15. Kovalenko A.M., Basanko E.S., Turayeva N.P. Problems of formation and development of civil and patriotic values of modern Russian youth // *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences*. 2021. Vol. 14, No. 1. pp. 64–69. DOI 10.17213/2075-2067-2021-1-64-69.
16. Kurochkin A.V., Morozova S.S., Yemelyanov S.V. The Russian system of civic education in the context of digital transformations and new geopolitical challenges // *Political expertise: POLITEX*. 2023. Vol. 19, No. 4. pp. 539–547. DOI 10.21638/spbu23.2023.402.
17. Lubsky A.V., Mamina D.A. Citizenship in the youth environment as a subject of theoretical and methodological discourse // *Socio-humanitarian knowledge*. 2019. No. 7. pp. 69–78.
18. Milovanov K.Y. Problems of translation of civic and patriotic values in the history of national enlightenment // *Historical and Pedagogical Journal*. 2022. No. 4. pp. 52–65.
19. Is it possible to teach statehood? VTsIOM. September 20, 2023 URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mozhno-li-nauchit-gosudarstvennosti> (date of application: 14.11.2024).
20. Lifelong learning. VTsIOM, July 29, 2024 URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn-1> (date of request: 11/14/2024).
21. Orlova A.V. The role of religion in the formation of civic values of modern youth // *Vocational education in Russia and abroad*. 2019. No. 4(36). pp. 68–74.
22. Panichkina M.V., Podberezny V.V., Zarubina R.V. Pedagogical conditions for the formation of civic values as the basic basis of civic identity in the context of migration processes in Southern Russia // *Modern problems of science and education*. 2023. No. 2. p. 11. DOI 10.17513/spno.32489.
23. *Patriotism, citizenship and solidarity in regional communities in the South of Russia: a collective monograph / Ed. by Yu.G. Volkov*. Rostov n/A: Foundation for Science and Education, 2018. 412 p.
24. Rozhkova L.V. Civic values of modern student youth in the context of socio-cultural modernization of Russia // *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science*. 2012. Vol. 12, No. 4. pp. 35–39.
25. Semenova D.M., Afonin M.V., Kudryavtsev S.A. Values in the structure of civic identity: concept and tools // *Political Consultant*. 2023. Vol. 3. No. 1. URL: <https://politicjournal.ru/PD-F/04PK123.pdf>.
26. Smirnov V.E. Institutional role-based approach to understanding the phenomenon of citizenship // *The sociological almanac*. 2011. No. 2. pp. 246–255.
27. Values of youth. December 14, 2022 VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi?ysclid=lp2kydogvr72613154> (date of request: 11/14/2024).
28. Chumakova T.N., Gnedko E.N. Creation of an educational environment for the development of civic values and patriotic culture at the university // *Humanitarian Bulletin of the Don State Agrarian University*. 2024. No. 2. pp. 51–56.
29. Yachmeneva M.V. The influence of social media on the formation of family and civic values of youth in modern Russia: the experience of sociological research // *Management of sustainable development*. 2019. No. 3(22). pp. 83–88.

Городское просторечие в монолингвальной стране

Даниелян Мери Георгиевна,

к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой педагогического образования Московского университета им. С.Ю. Витте
E-mail: DanielyanMG@mgsu.ru

Современные литературные языки эволюционируют, изменяются и в определенной степени находятся в зависимости от социального и культурного взаимодействия, однако не все языковые изменения и лексические заимствования отображаются в словарях и справочниках. Городское просторечие, наоборот, впитывает в себя все языковые изменения. Полисемичность термина «просторечие» приводит к смешению дефиниций, что позволяет относить ненормативные языковые проявления к локализму, диалекту или просторечию. Проникновение русских лексических единиц в просторечный армянский язык происходило поэтапно, притом каждый этап принимал слова, отражающие исторические реалии.

Анализируя городское просторечие, необходимо принимать во внимание возрастную ценз и социальное положение пользователей этого языкового подстиля. В речи старшей возрастной группы изобилует диалектная лексика, присутствуют слова из турецкого языка и фарси, причем эти лексические единицы, скорее всего, воспринимаются ими как диалектные. Представители среднего поколения по большей части являются координативными билингвами, владеющими на одинаковом уровне двумя литературными языками – русским и армянским, но в силу того, что образование было получено на русском языке, доминирующим языком стал язык нетитульной нации. Безусловно, в их разговорной речи нет ни искаженных русских слов, ни грамматических и стилистических ошибок.

Разговорная речь молодого поколения, не имевших возможность в силу политической ориентации страны обучаться на русском языке, и как следствие, не содержит ни искаженных русских слов и выражений, но и постепенно освобождается от тюркизмов. Воспитанное в монолингвальной стране Молодое поколение владеет армянским языком, что, несомненно, является примером бережного отношения к классическому литературному языку и его разговорному стилю.

Ключевые слова: билингвизм, городское просторечие, литературный армянский язык.

Современные литературные языки не статичны, они эволюционируют, изменяются и в некоторой степени находятся в зависимости от социального и культурного взаимодействия. Очевидно, что языковые изменения не сразу кодифицируются и не отображаются в словарях и справочниках, а иногда и вовсе не принимаются литературным языком, однако «новые» слова в зависимости от контекста и ситуации проникают в его «живую» подсистему – в разговорный язык.

В современной лингвистике нет однозначного строгого определения понятия городского просторечия. Исследователи наделяют это речевое явление различными дефинициями, но при этом отмечается одна неизменно общая черта – говорящими используются ошибочные словоформы, не соответствующие нормам литературного языка по причине их незнания.

В лингвистическом энциклопедическом словаре просторечие объясняется как одна из проявляемых форм языка, понятной всем его носителям и функционирующей наряду с диалектами и жаргоном [1]. Л.А. Капанадзе считает, что просторечие стоит «... за пределами литературного языка» [2], а некоторые лингвисты относят к просторечию устное бытование языка «простых» людей, не практикующих письменную речь [3] или бытовой стиль повседневного общения [4].

Ф.И. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка» (1863 г.) выделял в речи горожан «просторечие» и «областное просторечие» как городскую не книжную речь деревенских жителей [5], а академик В.В. Виноградов при описании языка городских масс и диалектов второй половины XIX в. противопоставлял их литературному языку [6]. Интенсивные миграционные процессы, начавшиеся в России во второй половине XIX века, привели к возрастанию уровня социального благосостояния «среднего класса», что весьма скоро положительным образом отразилось на «качестве» разговорной речи жителей столиц и больших городов. Постепенно устная речь освобождалась от диалектизмов и просторечья и приобретала форму, приближенную к нормам литературного языка.

Таким образом, полисемичность термина «просторечие» приводит к смешению дефиниций, что позволяет относить ненормативные языковые проявления к локализму, диалекту или просторечию. Городское просторечие как языковое проявление в настоящее время трудно соотносится с речью малограмотных людей, которым неведомы языковые нормы, не может быть отнесено к маргинальному явлению, так как оно проявляется в устной речи горожан разного возраста и уровня образования.

Подстиль разговорного армянского языка (городское просторечие) формировался с середины XX века под влиянием миграционных процессов, что привело к возрастанию численности городских жителей за счет переселенцев из сельских районов. Городское просторечие представляло собой «лоскутное одеяло», сотканное

из лексических единиц различных диалектов, локализмов, а также из принявших интерференционные изменения слов и выражений из разных языков – турецкого, русского и фарси.

Функциональное просторечие в столице и городах Армении не связано ни с низким уровнем образования и культуры, ни со слабым знанием норм литературного родного языка, оно нередко «диктуется» непосредственно коммуникативной ситуацией, ее участниками и контекстом.

Армянский язык относится к одному из древнеписьменных языков. В XVII в. Армения была поделена между турками-османами и персами, что отразилось на армянском языке, с этого времени армянский язык представлен в двух вариантах: западном (*արևմտահայերեն*) и восточном (*արևելահայերեն*). Восточный вариант армянского языка формировался на основе араратского (ереванского) наречия фонетически ближе к классическому языку – грабару (*գրաբար* – арм., буквально «письменный»), а западный – на основе константинопольского междиалектного разговорного языка.

Западный вариант армянского языка используется этническими армянами, проживающими вне исторической родины: в странах Ближнего Востока – Ливане, Сирии, Турции, Египте, Ираке, в южно- и североамериканских странах – США, Канаде, Бразилии, в европейских государствах – Франции, Испании и др., а восточный, будучи официальным и государственным языком и языком науки и образования, – на территории современной Армении и в странах СНГ. Между двумя вариантами языка отмечаются различия, проявляемые на фонетическом, лексическом, синтаксическом языковых уровнях, однако взаимопонимание достигается благодаря единой графике и орфографии.

Следует отметить, что исторически армянский язык был всегда «окружен» многочисленными диалектами, разительно отличающиеся от литературного фонетически, морфологически и лексически, что позволяло говорить о подобию билингвизма – диглоссии.

Армения всегда была страной моноэтничной, и в эпоху социализма, и в настоящее время, а процент людей, относящихся не к титульной нации, был настолько невелик, что в образовании этнических диаспор не было необходимости. Исключением составляли поселения молочан, существующие в республике вот уже около двух веков. Сосланные в Армению в 1830 году молочане, преследуемые в России за раскольниковство и отступничество от православной веры, обосновались в селах Лермонтово и Фиолетово Лорийского района.

Языковая политика в Армении в период СССР была направлена на гармоничное сосуществование родного языка титульной нации и русского, представляющего собой язык межнационального общения. Формирующееся двуязычие позволяло избегать национальных конфликтов, адаптировать людей разных национальностей к жизни в мультикультурной и многоязыковой среде. Сбалансированное языковое планирование в полинациональном государстве определяло пути развития межнационального языка, но при этом никоим образом не ущемляла прав национального. Необходимо отметить, что с эпоху СССР в Армении весьма популярно было русскоязычное образование, что объяснялось идеологией и философией того времени.

Политические изменения конца XX – начала XXI века в корне изменили принципы языковой политики и были направлены на «изгнание» русского языка из республики. Согласно принятой языковой политике русский язык постепенно стал терять свои общественные функции, свой статус языка межнационального общения. На про-

тяжении тридцати лет страна, в которой большая часть городских жителей была по сути активными билингвами, а жители сельских территорий – пассивными, превратилась в абсолютно монолингвальную страну, в которой все языковые законы были направлены на искоренение русского языка как языка общения. Радикальная языковая политика привела к тому, что на официальном уровне русский язык потерял свой статус, однако все действия языковой политики привело к тому, что русские слова в искаженном виде пополнили лексикон городского просторечия. Если допустить, что городское просторечие середины и конца XX века формировалось только по причине «агрессивного» влияния русского языка в республике, то как объяснить наличие слов из турецкого языка и фарси, никогда не обладавших общественными функциями.

Проникновение русских лексических единиц в разговорный просторечный язык происходило поэтапно, причем каждый этап принимал слова, отражающие исторические реалии.

Первым этапом вхождения русских заимствований в армянский разговорный язык арменоведы отмечают 1828 год – время победы русского оружия в русско-персидской войне и вхождения Армении в состав Российской империи. Русские офицеры и солдаты, оставшиеся в крепости Эривань (древний Ереван), общались с местным людом на русском языке, не имея языка-посредника, что и послужило толчком для местных – освоить язык освободителей. Постепенно в живую речь входят слова и выражения, эквиваленты которых были в литературном армянском языке, например, *shtrup* – штраф – *տուգանք*, *denchik* – денщик – *օրվա մարտի*, *kirzvi sapok* – кирзовые сапоги – *բրնձեկանե կոշիկներ*, *saldat* – солдат – *զինվոր*, *vakzal* – вокзал – *կրկաթուղային կայարան*, *apitser* – офицер – *սպի*, *stantsi* – станция – *կայարան*.

В это же время заимствуются названия некоторых кулинарных блюд, которые на долгое время останутся в активном лексиконе армян, например, *khlep* – хлеб – *խուց*, *zharit* – жареная картошка – *տապակված կարտոֆիլ*, *zharit anet* – досл. делаю жареной – пожарю картошку – *կարտոֆիլ տապակեմ*, *manni kacha* – манная каша – *սնկեղենային շիշա*. Новые слова приобрели армянский фонетический облик и интонационный рисунок и прочно вошли в просторечный язык.

Ко второму этапу относятся лексические единицы, заимствованные в годы Первой мировой войны. В рядах Царской русской армии несли службу рекрутированные армяне, как правило выходцы из небогатых семей. После войны в армянских селах и деревнях приобретают популярность личные имена, имеющие славянские корни. Однако мальчиков и девочек называли не полным именем, а диминутивными формами, например, *Varenga* (Варенька), *Olinga* (Оленька), *Katinga* (Катенька), *Dunichka* (Дунечка), *Verichka* (Верочка), *Nikol* (Николай), *Seroj*, *Serzhik*, (Серёжа – Сергей), *Valod* (Володя, Владимир), *Zhenik* (женя – Евгения); встречались и имена, которые совпадали с русским произношением – *Nina* (Нина), *Lena* (Лена), *Tanya* (Таня), *Manya* (Маня), *Aleg* (Олег), *Baris* (Борис) и др. Именно этим можно объяснить некорректные армянские отчества, например, *Валодович* – от имени Валод, а не Владимира, *Николович* – от Никол, а не Николая, *Жораевич* – от Жора, а не от Георгия и пр. Активное заимствование имен собственных было зафиксировано и после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Революционная и постреволюционная эпохи (1917–1024) «отметились» такими словами, как *balshevik*, *menshevik* – большевик – *բնշնիկ*, меньшевик *մեհնիկ*, *natsanalist* – националист, *ազգայնական*, *partia* – партия,

լրտաւորութիւն, batrak – батрак, հոլիւզը՝, kulak – кулак, հարաւոր գրտիւցի – зажиточный крестьянин и т.д.

Вторая половина XX века в советской Армении знаменательна как время субординативного билингвизма благодаря активному изучению русского языка в средней школе. В республике открываются русскоязычные детские сады и школы, а в высших учебных заведениях – русский отделения. Жители больших городов скорее относили к координативным билингвам, так как они равноценно владели как армянским, так и русским языками. Политико-экономическое и социально-культурное взаимодействие народов играла большую роль в интонацию языков. Однако именно в это время в городское просторечие входит большое количество русских слов, принявших армянский «облик». Объяснить это явление можно тем, что знание русского языка в то время было не только приоритетным, но и модным, а употребление в разговорной речи русских слов «возвышало» личный статус. Порой лексические единицы искажались до такой степени, что корни слов трудно было отождествлять с исконными, например, *apalupka* – *опалубка* *լրտաւորութիւն*, *padavat* – *личный водитель* – *անհատաւոր* *վարորդ*, *puzaty* – «пузатый» в значении *богатый*, *parizhat* – *наряжаться* – *զարդարել*, *tentravo* – *центральный*, в значении «очень хорошо».

В 70-х годах XX века русский язык для большого числа армянской интеллигенции становится не только «рабочим» языком, но и доминирующим, приравненным к родному. Однако следует отметить, что тотального забвения и неиспользования армянского языка не наблюдалось, национальный язык неизменно являлся языком межличностного общения и присутствовал в повседневном общении. Языковеды отмечали, что искаженные заимствования в устной речи использовались именно теми, кто плохо владел русским языком, но понимал, что владение именно русским языком могло придать его речи напыщенность, важность и оттенок интеллигентности.

Русские заимствования так прочно вошли в разговорный армянский язык, что они практически не воспринимались как русские, например, *kalbas* – *колбаса* – *կոլբաս*, *sasiski* – *сосиски* – *կոկորդիկ*, *smetan* – *сметана* – *թթախտ*, *tvarog* – *творог* – *կարմիր ճուր*, *kabatchka* – *кабачок* – *դրոշիկ*, *marozhni* – *мороженое* – *սառցաբլիթ*, *xaladernik* – *холодильник* – *սառնարան*, *kreslo* – *кресло* – *բազմաթոռ*, *zavot* – *завод* – *գործարան*, *padezd* – *подъезд* – *մուտք*, *kravat* – *кровать* – *անհատաւոր*, *astanovka* – *остановка* – *կանգառ*, *balkon* – *балкон* – *սառնարան*, *stenka* – *мебельный гарнитур* – *կահույքի համախումբ*, *nadael ela* – *мне наскучило* – *Ես ձեռնարկուցի*, *tchachka-lozhka atnachen* – *хорошие личные отношения* – *լավ հարաբերութիւն*, *takivetch* – *такие вещи* – *ստույգի բաները*, *vabche* – *вообще* – *ընդհանրապէս*, *polos* – *полуось* *տանիքի լիւն* и др.

В городском просторечии даже среди русскоговорящих встречаются синтаксические конструкции, представленные на русском языке, в которых ярко проявляется интерференционное влияние. Так, русский глагол *поставить* в разговорной речи встречается во фразе, например, *кофе поставить?*, которая отнюдь не означает *поставить чашки с кофе на стол*, а вопрос-предложение: *хотите ли кофе? Предложить вам кофе?*

Помимо искаженных русских слов в городском просторечии было великое множество заимствований из турецкого языка и фарси. Так, весьма употребимы обиходные слова, заимствованные из фарси и турецкого языка, прочно вошедшие в разговорный язык, которые многими говорящими идентифицируются как армянские: *tchangal* – *لاگان* – *цупкин*, *nardvan* – *ناردون* – *лиственница*, *khayar* – *کھار* – *огурец*, *kal-*

am – *راخ* – *капуст*, *bibar* – *biber* – *перец*.

Жителей городов, использующих в своей речевой практике просторечие, как правило, делят на возвратные и социальные группы.

В речи старшей возрастной группы изобилует диалектная лексика, присутствуют слова из турецкого языка и фарси, причем эти лексические единицы, скорее всего, воспринимаются ими как диалектные. В житейском разговоре представители старшей возрастной группы отдают предпочтение своему диалекту, объясняя это тем, что на этом «языке» говорили его родители и так им проще изъясняться, однако отмечают, что владеют нормами литературного языка и используют его при официальном общении.

Представители среднего поколения по большей части являются координативными билингвами, владеющими на одинаковом уровне двумя литературными языками – русским и армянским, но в силу того, что образование было получено на русском языке, доминирующим языком стал язык нетитульной нации. Это вовсе не означает, что армянский язык не присутствует в их языковой практике. Безусловно, в их разговорной речи нет ни искаженных русских слов, ни грамматических и стилистических ошибок, они не позволяют себе произнести такие фразы, как *tamaıs sumkan kraradili kojitsa* – *у моей мамы сумка из крокодиловой кожи, скорее он предпочтёт сказать эту фразу, используя весь потенциал армянского литературного языка* – *մայրս կոկորդիկուհի կաշվից ցիտաւորութիւն*, *tchamadans balkonuta* – *мой чемодан на балконе* – *իմ ձեռնարկը ցիտաւորութիւն*, *prakol tvets* – *случайно проговориться* – *վրայում թույլ տւել*, *zadni tvets* – *отказался от своих слов* – *հետ վերցրել իր խոսքերը* и пр.

Среди жителей средней возрастной категории есть и представители, получившие образование на национальном языке и относившиеся к субординативным билингвам. Эта часть населения и является активными пользователями городского просторечия. Все коммуниканты в той или иной степени владеют литературным армянским языком, однако в зависимости от ситуации ослабевает контроль за правильностью своей речи. Использование искаженных русских слов ими не воспринимается как ошибочные, но представляют некую оппозицию – городская – деревенская речь [7]. Представителями этой группы часто допускаются грамматические, лексические и синтаксические ошибки не только в высказываниях на русском языке, но и на армянском, например, *սիրահարսել ում վրս* – *влюбиться на кого вместо* *սիրահարսել ում* *влюбиться в кого*, *հանդիպել Արամի հետ* *вместо* *հանդիպել Արամին* *встретил Арама*. Однако подобные фразы, ошибочность которых отмечается всеми носителями армянского языка, прочно укоренилась в городском узусе.

Молодое поколение, получившее образование после распада СССР, практически не имеет возможности углубленного изучения русского языка, за исключением тех, кто обучается в русских школах или русских классах. Разговорная речь молодого поколения не содержит искаженных русских слов и выражений, но и постепенно освобождается от тюркизмов. В настоящее время редко услышишь на улицах столицы такие слова тюркского происхождения, как *qasar* – *идти напрямик* *բայել ուղի / короче (говоря)* – *սկիզբ կարն*, *կարն ասիւմ* / *откровенно* – *անկեղծ ասիւմ*, *hal haraqat* – *нет сил* – *ուժ չկա*, *hayat / qutcha*, – *двор, улица* – *բակ* и пр.

Для всех владеющих общим кодифицированным армянским литературным языком в течение многих десятилетий естественным казалось употребление лексических единиц другого языка. Это явление объяснялось

тем, что рядовой носитель языка не в полной мере знаком с языковыми ярусами, а нередко и не распознает лексических заимствований в речи. «Народный» язык всегда создается носителями, а лингвисты фиксируют грамматические и лексические ошибки, ищут пути их искоренения.

Языковая ситуация в Республике Армения во времена СССР представлялась многокомпонентной: с одной стороны, в республике был широко представлен русский язык, причем его литературный вариант ввиду того, что язык изучался на основе классических художественных произведений, с другой стороны, армянский язык был отягощен различными диалектами, следовательно, помимо билингвизма наблюдалась и диглоссия.

Русский язык в конце XX века для многих граждан являлся языком образования, благодаря чему для многих он стал доминирующим, но при этом не умалялось значение родного языка. Русский язык, будучи языком культуры и науки, составлял оппозицию армянскому языку. Использование гражданами искаженных словоформ русского языка может быть объяснено веянием моды и престижа, Устная разговорная речь была изобилвала заимствованиями, которые изменяли свой фонетический, акцентологический и грамматический облик под влиянием интерференции. Порой встречались слова, в которых лексическое значение слова настолько было изменено, что их можно отнести к локализмам, например, центральной в значении хороший.

После распада Советского Союза принятые законы о языке породили неравноправие языков, и как следствие, было зафиксировано общее падение владения русским языком. Армянский язык становится доминантным и единственным языком общения, и русский язык перестает «конкурировать» с национальным, однако в городском просторечии количество русских слов не сократилось. Принимая во внимания все мероприятия по «изгнанию» русского языка и созданию абсолютно монолингвальной страны, количество заимствований из русского языка не сокращается, их употребление так же активно.

Литература

1. Бельчиков Ю.А. Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990а. – С. 402.
2. Капанадзе Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: проблемы изучения / Отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. с. 5 С. 5–12.
3. Баранникова Л.И. Просторечие как особый компонент языка // Общее и русское языкознание: Избранные работы. – М.: КомКнига, 2005. – С. 92–105
4. Шарифуллин Б.Я. Общественная лексика: терминологические заметки // Речевое общение. – Вып. 1(9). Красноярск, 2000. – С. 108–111.
5. Собинникова, 1992. С. 23; 32; 71, Собинникова В.И. Диалекты и просторечие в составе национального языка (по данным исторического языкознания). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. –112 с.
6. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
7. Купина Н.А., Шалина И.В. Современное просторечие: взгляд изнутри // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1(7).
8. Сидорова Н.А. Монолингвальная среда – поликультурная проблема // Вестник МНЭПУ. 2015. № 1. С. 357–361.
9. Киселева А.Л. Лексико-семантические модификации при переводе просторечия с русского языка на английский // Актуальные проблемы романо-германской филологии и преподавания европейских языков в школе и вузе. 2017. № 4. С. 16–21.
10. Исмагилова Н.В. Словообразовательные особенности просторечия // В сборнике: Межкультурная – интракультурная коммуникация: прецедентный текст в коммуникации. материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 114–119.
11. Мурса И.Н. Речевые портреты носителей современного просторечия (на материале жителей села Камышенка) // В сборнике: Поколение будущего: Взгляд молодых ученых- 2017. Сборник научных статей 6-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах. Ответственный редактор А.А. Горохов. 2017. С. 262–265.
12. Овчинникова В.И. Просторечие в политическом дискурсе // Профессиональная коммуникативная личность в институциональных дискурсах. тезисы докладов международного круглого стола. 2018. С. 70–71.
13. Волынкина С.В. Разговорная речь и просторечие в дифференциальном аспекте (на материале печатных средств массовой информации) // В сборнике: Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация в современной парадигме знаний. Материалы IV международной научно-практической конференции. 2018. С. 11–19.
14. Калинина М.В. Жаргонизмы, просторечие и языковая агрессия в телевизионных СМИ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (127). С. 117–121.
15. Цветкова С.П. Структурно-функциональные особенности моделей речевого поведения носителей современного городского просторечия // В сборнике: Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. сборник научных трудов. Тверь, 2017. С. 97–101.
16. Ильясова Р.С. Социолингвистический портрет носителя просторечия // В сборнике: EUROPEAN RESEARCH. сборник статей X Международной научно-практической конференции: в 3 ч.. 2017. С. 82–85.
17. Соломина Е.В. Об основных критериях определения носителя городского просторечия // В сборнике: Славянские чтения – 2017. сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2017. С. 91–94.
18. Дробот Е.А. Просторечие как особая форма русского языка // В сборнике: Филологические науки: состояние, перспективы, новые парадигмы исследований. Материалы II Международной научной конференции, посвященной 100-летию образования Республики Башкортостан и 110-летию создания Башкирского государственного университета. Ответственный редактор А.Р. Мухтаруллина. 2019. С. 113–116.
19. Купина Я.А., Шалина И.В. Современное просторечие: взгляд изнутри // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 23–62.
20. Прияткина А.Ф., Колесникова Ю.С. Современное русское просторечие: справочник-предупреждение (о том, как говорить не надо) / Владивосток, 2009.

21. Шапошников В.Н. Просторечие в системе русского языка на современном этапе. Москва, 2011.
22. Щигель Е.В. О назализации в современном русском литературном языке и просторечии // В сборнике: ФОНЕТИКА СЕГОДНЯ. 2013. С. 92–95.
23. Логинова Е.Ю., Антоненко Л.Ю. Урбанонимы в жаргоне и просторечии // Наука и образование транспорту. 2013. № 1. С. 398–400.

URBAN VERNACULAR IN A MONOLINGUAL COUNTRY

Danielyan M.G.

Moscow University named after. S. Yu. Witte

Modern literary languages evolve, change and to some extent depend on social and cultural interaction, but not all linguistic changes and lexical borrowings are reflected in dictionaries and reference books. Urban vernacular, on the contrary, absorbs all linguistic changes. The polysemy of the term "vernacular" leads to a confusion of definitions, which allows us to attribute non-normative linguistic manifestations to localism, dialect or vernacular. The penetration of Russian lexical units into the vernacular Armenian language occurred in stages, and each stage accepted words reflecting historical realities.

When analyzing urban colloquial speech, it is necessary to take into account the age limit and social status of the users of this language sub-style. The speech of the older age group is rich in dialect vocabulary, there are words from Turkish and Farsi, and these lexical units are most likely perceived by them as dialect. Representatives of the middle generation are more often coordinate bilinguals, who have an equal command of two literary languages – Russian and Armenian, but due to the fact that they were educated in Russian, the dominant language became the language of the non-titular nation. Of course, in their colloquial speech there are no distorted Russian words, no grammatical and stylistic errors.

The colloquial speech of the younger generation, who did not have the opportunity to study in Russian due to the political orientation of the country, and as a result, does not contain any distorted Russian words and expressions, but is also gradually being freed from Turkisms. The younger generation, brought up in a monolingual country, speaks Armenian, which is undoubtedly an example of a careful attitude to the classical written language and its colloquial style.

Keywords: bilingualism, urban vernacular, literary Armenian language.

References

1. Belchikov Yu.A. Common speech // Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ed. -in-chief V.N. Yartseva. – M.: Sov. Encyclopedia, 1990a. – P. 402.
2. Kapanadze L.A. Modern urban vernacular and literary language // Urban vernacular: problems of study / Ed. E.A. Zemskaya, D.N. Shmelev. M.: Nauka, 1984. p.5 P. 5–12.
3. Barannikova L.I. Common speech as a special component of language // General and Russian linguistics: Selected works. – M.: KomKniga, 2005. – P. 92–105.
4. Sharifullin B. Ya. Obscene vocabulary: terminological notes // Speech communication. – Issue. 1(9). Krasnoyarsk, 2000. – P. 108–111.
5. Sobinnikova, 1992. P. 23; 32; 71, Sobinnikova V.I. Dialects and vernacular as part of the national language (according to historical linguistics). – Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 1992. –112 p.
6. Vinogradov V.V. Essays on the history of the Russian literary language of the 17th-19th centuries: Textbook. – 3rd ed. – Moscow: Higher School, 1982. – 528 p.

7. Kupina N.A., Shalina I.V. Modern vernacular: a view from within // Russian language in scientific coverage. 2004. No. 1(7).
8. Sidorova N.A. Monolingual environment - a multicultural problem // Bulletin of MNEPU. 2015. No. 1. P. 357–361.
9. Kiseleva A.L. Lexical and semantic modifications in the translation of colloquial speech from Russian into English // Actual problems of Romano-Germanic philology and teaching European languages at school and university. 2017. No. 4. P. 16–21.
10. Ismagilova N.V. Word-formation features of colloquial speech // In the collection: Intercultural – intracultural communication: precedent text in communication. materials of the international scientific and practical conference. 2017. P. 114–119.
11. Mursa I.N. Speech portraits of modern vernacular speakers (based on residents of the village of Kamyshenka) // In the collection: Generation of the Future: View of Young Scientists – 2017. Collection of scientific articles of the 6th International Youth Scientific Conference. In 4 volumes. Editor-in-chief A.A. Gorokhov. 2017. Pp. 262–265.
12. Ovchinnikova V.I. Vernacular in political discourse // Professional communicative personality in institutional discourses. Abstracts of reports of the international round table. 2018. Pp. 70–71.
13. Volynkina S.V. Colloquial speech and vernacular in the differential aspect (based on printed media) // In the collection: Linguistics, linguodidactics and intercultural communication in the modern paradigm of knowledge. Proceedings of the IV international scientific and practical conference. 2018. Pp. 11–19.
14. Kalinina M.V. Jargon, colloquialisms and linguistic aggression in television media // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2018. No. 4 (127). P. 117–121.
15. Tsvetkova S.P. Structural and functional features of speech behavior models of speakers of modern urban colloquial speech // In the collection: Native literature in the modern cultural and educational space. collection of scientific papers. Tver, 2017. P. 97–101.
16. Ilyasova R.S. Sociolinguistic portrait of a speaker of colloquial speech // In the collection: EUROPEAN RESEARCH. collection of articles of the X International scientific and practical conference: in 3 parts. 2017. P. 82–85.
17. Solomina E.V. On the Main Criteria for Defining a Speaker of Urban Vernacular // In the collection: Slavic Readings – 2017. Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference. 2017. Pp. 91–94.
18. Drobot E.A. Vernacular as a Special Form of the Russian Language // In the collection: Philological Sciences: Status, Prospects, New Research Paradigms. Proceedings of the II International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Formation of the Republic of Bashkortostan and the 110th Anniversary of the Establishment of the Bashkir State University. Editor-in-Chief A.R. Mukhtarullina. 2019. Pp. 113–116.
19. Kupina Ya.A., Shalina I.V. Modern Vernacular: A View from the Inside // Russian Language in Scientific Coverage. 2004. No. 1 (7). Pp. 23–62.
20. Priyatkina A.F., Kolesnikova Yu.S. Modern Russian colloquial speech: a reference-warning (about how not to speak) / Vladivostok, 2009.
21. Shaposhnikov V.N. Colloquial speech in the system of the Russian language at the present stage. Moscow, 2011.
22. Shchigel E.V. On nasalization in the modern Russian literary language and colloquial speech // In the collection: PHONETICS TODAY. 2013. Pp. 92–95.
23. Loginova E.Yu., Antonenko L. Yu. Urbanonyms in jargon and colloquial speech // Science and education in transport. 2013. No. 1. Pp. 398–400.

Становление банковской деятельности в Германии

Зубов Вадим Владиславович,

к.и.н., ведущий научный сотрудник, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: zubov305@yandex.ru

В статье рассматривается история становления торговли и банковской деятельности в германских землях. После упадка ремесла и торговли в Европе в раннем средневековье после падения Западной Римской империи постепенно при Теодорихе, Оттоне и Карле Великом начинается возрождение торговли, возникают новые торговые центры и налаживаются торговые пути. Оживление денежной торговли повлекло оживление денежного обращения. Во многих городах начинается чеканка различных монет. Необходимость их обмена и использования более эргономичных и безопасных финансовых инструментов привлекло в германские земли уже достаточно развитые итальянские банкирские дома, использующие разнообразные финансовые инструменты. Во многих торговых центрах германских земель были созданы филиалы итальянских банкирских домов. Развитие внешней торговли заставило торговцев объединяться в ассоциации – ганзы – для совместного противостояния пиратам и грабителям, отстаивания своих торговых привилегий, снижения таможенных пошлин, строительства своих складов и зданий на территории других государств. Развитие средневековых городов как корпораций поставило вопрос о развитии правовой системы. Это все в качестве результата дало оживление банковской деятельности, которой стали заниматься уже не только итальянские и иудейские банкиры, но стали возникать немецкие торговые и банковские дома. Кроме того, в Германию стали приезжать опытные французские и швейцарские финансисты. В Новое время, особенно в XVIII в. началось активное развитие банковской системы со стороны монархов и правительств германских земель. После объединения Германии банковская система была упорядочена и постепенно приобрела свой современный трехсекционный облик.

Ключевые слова: банки, банковская система, векселя, денежное обращение, торговля, ганза, право.

В контексте рефлексии над логико-философскими основаниями банковской деятельности особое значение приобретает осмысление ретроспективы становления и развития банковских систем в локальных исторических рамках. Изучение банковской деятельности сквозь призму философского знания, по нашему убеждению, видится невозможным без обращения к действовавшим и действующим экономико-финансовым практикам, которые представляют собой материальное основание философского анализа.

В этой статье мы рассмотрим историю зарождения, становления и трансформации банковской деятельности в Германии в качестве наиболее типичного примера развития европейского банкинга во всем богатстве его географических, исторических, социокультурных, экономических и религиозных особенностей.

Банковское дело и денежный оборот начинают активно развиваться в Германии в средние века. Для этого существовало несколько очень важных экономических и политических предпосылок.

В раннем средневековье из-за великого переселения народов и других геополитических факторов, в первую очередь из-за разрыва экономических связей с провинциями бывшей Западной Римской империи, в Европе увяли ремесло и торговля.

При короле остготов Теодорихе торговля стала постепенно возрождаться, преимущественно около монастырей. Большую роль в возрождении торговли сыграл Карл Великий, уже в 805 г. определивший торговые пути к восточным окраинам и назначивший главные рынки торговли франков с аварами и славянами – Бардевик, Галле, Магдебург и т.д. В капитуляриях 779, 794, 803 гг. уже есть указания на попытки регулирования цен на хлеб и одежду. Есть указы, указывающие на существование пограничной таможни, подчиненной маркграфам, которые по приказу Карла Великого контролировали торговлю. Карл Великий пытался уже соединить каналом Дунай и Майн. С 8 века н.э. фризские купцы регулярно ездили в Англию, а англичане бывали в Сен-Дени, Марселе и Италии.

В X в. поднялись итальянские города, богатые на средиземноморской торговле. Благодаря завоеваниям норманнов начались торговые отношения Дании, Норвегии и Англии. В Юлин, Штеттин и Рюген приезжали торговцы со всего мира. По Дунаю, Рейну, Эльбе, Роне и Сене значительно расширилась транзитная торговля [7]. Речное судоходство позволило очень широко раскинуть торговую сеть, включая внутренние города – Регенсбург, Вену, Страстбург, Бреславль, Аугсбург, Нюрнберг, Майнц, Вормс, Шпеер, Париж и Киев, а также освоить Венгрию, Богемию, Польшу, французские рынки.

При саксонском герцоге Оттоне I Великом (912–973 гг.), ставшим королем Германии в 936 году, началась активная чеканка денег в Прирейнской области, Баварии, Фризии и Саксонии. Особое место занял монетный двор в Кельне: там выпускался пфеннинг, ставший валютным эталоном, особенно в широких торговых связях с Нидерландами и Англией. В XII–XIII вв. в Кельне стали выпускать низшие номиналы – оболы и квадранты. К тому же довольно часто различные монетные дворы в германских землях выпускали подражания тем германским денариям, которые чеканились в Прирейнской области.

Монеты, выпускавшиеся в разных городах, сильно отличались друг от друга, но при крупных расчетах их просто взвешивали, принимая не по номиналу, а по весу [6]. «В самой Германии периода XII–XIII веков чеканка почти полностью перешла в руки духовных и светских князей. Иногда право чеканки монет передавалось отдельным городам. Эмиссии, осуществлявшиеся без контроля центральной власти, способствовали интенсивной порче денег. Денарий, выполнявший в X–XI веках функцию международной валюты, в XII–XIII вв. превратился в региональную монету» [6].

«При разнообразии монет для взаимной уплаты употреблялись обыкновенно деньги той местности, где решались дела или сводились счета. Купцы привозили на рынок нечеканный металл, разменивали его тут же на ходячую местную монету, с тем чтобы по окончании рынка вновь обменять ее на чистое серебро или золото. Такого рода размен вскоре стал весьма прибыльным промыслом, и производился более всего итальянцами особенно флорентинцами и ломбардцами; а вследствие разнообразия монет и ненадежности чекана требовались в этом отношении технические знания» [7].

Огромное влияние на средневековую торговлю оказали крестовые походы. Итальянские города, особенно Венеция и Генуя, стали активно торговать с Регенсбургом, Цюрихом, Аугсбургом и Старстбургом, в Венеции с 1268 года появился немецкий гостиный двор.

Северогерманские купцы активно сотрудничали с Англией, Шотландией, Норвегией и Новгородом. Через Готландию и ее главный город Висби торговые связи немецких купцов через Новгород стали проникать внутрь русских княжеств и Польши, создавая торговые местечки на Днепре, Висле, Волхове и Неве.

Активными движителями торговли и денежного оборота стали так называемые ганзы (*hanse*) – так в Северной Германии называли любые гильдии или ассоциации торговцев, создаваемые для того, чтобы совместно нанимать охрану для торговых караванов для защиты от пиратов и строить общие укрепленные склады, противостоять чрезмерным таможенным сборам и дискриминационным правилам, добиваться привилегий в чужих краях и строить там здания для проживания, проведения собраний и хранения товара.

В XII в. уже существовала Кельнская ганза, в XIII в. неурядицы в Священной Римской империи заставили объединиться торговые гильдии немецких городов на Балтике во главе с Любеком. В 1241 г. между Любеком и Гамбургом было заключено первое соглашение, к 1367 г. в эту мощную конфедерацию входило уже 77 городов, образовавшие «Великую ганзу», которая просуществовала до 1669 г.

Для развития торговли в городах сначала рынки располагали около церквей. Когда там стало тесновато, начали строить общественные здания, которые одновременно служили убежищами при плохой погоде. Постепенно стали появляться коммерческие и гильдейские дома, гостиные дворы и склады, лавки, торговые ряды. Одновременно активно развивалась система рынков и ярмарок, которые открывались с разрешения государей, папы, а потом князей и епископов.

Понятно, что активная торговля привлекла внимание итальянских банкиров. Крупные итальянские банковские дома стали открывать в Германии свои филиалы. «Успешное развитие вексельного дела, расширение и возрастающее осложнение оптовой торговли, многосложность и важность денежных оборотов относительно внешней торговли, все это навело крупных итальянских банкиров на учреждения нового рода. Для взаимных переговоров и расчетов они избрали себе особое здание,

служившее местом общих собраний для окончательных сделок и, вследствие совершавшихся там денежных операций, названное биржей (*borsa*)» [7].

В это же время активно развивается коммерческое законодательство (система льготных грамот, торговых запрещений, складочные, постоянные и выгрузные уставы), морское право (Олеронские приговоры, Дамнские приговоры, морской устав Барселоны), система торговых пошлин, появились морские и коммерческие суды, куда входили купцы и хозяева судов. Судебная система германских земель отличалась особой разработанностью и оперативностью. Правовая сторона торговой и финансовой деятельности оказалась очень важной для быстрого экономического развития германских земель. Многие германские города – Бремен, Росток, Висмар, Любек, Висби – очень заботились об этом.

Города считались своего рода корпорациями – совокупностью горожан как единого целого, как юридического лица. «Первоначально основываясь на принципах и институтах земского и ленного права, особенно в сфере брачно-семейных и наследственных отношений, германское городское право в процессе усиления самостоятельности германских городов все больше насыщалось собственными принципами и нормами. Особое внимание стало уделяться регулированию ярмарок и торгов, вопросам распоряжения собственностью и взыскания долгов.

В германских городах довольно рано были приняты ярмарочные и вексельные уставы, детальную регламентацию получили договоры купли-продажи, в том числе в кредит, договоры залога и ссуды, поручения и комиссии. В постепенно выделяющемся из городского права торговом праве получили свое дальнейшее развитие институты векселя и торгового товарищества. В распоряжении собственностью, купленной за собственные средства, горожанин был полностью свободен, он мог свободно завещать имущество на сумму свыше трех шиллингов при одном условии – «пребывания в здравом состоянии»».

Германское право той эпохи было чрезвычайно суровым по отношению к должникам: невозможность отдать долг по суду и заплатить штраф судье влекла за собой конфискацию имущества и заключения до того момента, пока кто-то не погасит долг за ответчика. Кредитор тоже мог держать должника в кандалах и скудно кормить, правда, пытки должника были запрещены. В отличие от ленного и канонического права по германскому долговому праву сын освобождался от уплаты долга умершего отца, если не был извещен об этом по закону.

Нарушения правил торговли наказывались острижением волос и бичеванием в качестве позорного наказания и лишением права заниматься торговлей без особого разрешения ратманов.

В это время в Европе уже активно для расчетов использовались вексельные письма. В Германии они тоже были в ходу, но не особенно часто. Векселя были нужны при необходимости перевода значительных сумм денег по «старой поповской дороге» – из Германии в Рим вдоль долины Рейна. В активный оборот они вошли в Германии только в XVI в.

Как для всех христианских стран, для германской экономики проблемой стал церковный запрет на взимание процентов со ссуд, что в общем-то нормально для торговли. Несмотря на запреты, находились серьезные методы и уловки, чтобы их обойти. Ростовщичеством занимались многие, в т.ч. и духовенство. В прирейнских областях обыкновенный рост составлял 10%. В других регионах он мог быть значительно выше.

Одной из популярных уловок для обхода запрета на проценты был так называемый дискреционный депозит: банкир принимал деньги от вкладчика, сохраняя тайну его личности. Раз в год банкир заносил на счет этого вкладчика «подарок» за то, что он поручил банку хранение его денег. Так никто не рисковал своей репутацией из-за связи с ростовщичеством, но при этом капитал рос. В случае, если подарок казался маловатым, можно было обратиться к более щедрому банкиру.

В германских землях существовало несколько средневековых форм реального кредита.

Во-первых, это *Aeltere Satzung* – продажа с правом выкупа, когда залог переходит в пользование кредитора, но он не имеет права его отчуждения. Это меновая сделка – обмен капитала за пользование недвижимостью. Это вещное право, которое прекращается выкупом или поступлением недвижимости в пользу кредитора. Здесь было три возможных случая:

- 1) пользование идет в процентах;
- 2) пользование идет на погашение взятой суммы;
- 3) пользование идет частью в процентах, частью на погашение взятой суммы.

Во-вторых, *Neure Satzung* – заложенная недвижимость остается у должника, но кредитор имеет право отчуждения залога. Это уже чисто кредитная сделка [4].

Одной из первых банковских империй Германии, а потом всей Европы, стала сеть, созданная Якобом Фуггером (1459–1525 гг.), со временем превратившимся в самого богатого человека Европы. Банковское дело он изучал в Венеции. Вернувшись в Германию, он создает мультифункциональную финансовую структуру, осуществлявшую депозитные, ссудные, расчетно-кассовые, трастовые, опекунические, аудиторские денежные операции. Торговый дом Фуггера вел все виды денежных операций, к тому же внедрял доверительные операции по управлению имуществом. В финансовую работу была интегрирована методика бухгалтерского учета – двойная запись – равенство актива и пассива. Отделения этого банковского дома существовали по всей Европе. Была создана целая сеть ипотечных банков, хранящих огромные ценности. Я. Фуггер предлагал заменять истражающиеся монеты бумажными эквивалентами и чеками.

На базе своих отделений он создал к тому же очень эффективную разведывательную сеть.

С конкурентами Я. Фуггер боролся любыми способами. Именно поэтому он спровоцировал глобальные гонения на еврейских ростовщиков и менял.

Будучи убежденным католиком, Фуггер активно помогал бедным, даже построил для них жилой квартал в Аугсбурге.

Я. Фуггер умел рисковать, выдавая крупные займы европейским монархам. Зато он получил в свое полное распоряжение серебряные рудники, наладил добычу меди в Венгрии. Постепенно его операции распространились на Америку и Восточную Азию. Его торговые операции отличались разнообразием и продуманностью.

Одним из важнейших торгово-финансовых центров германских земель постепенно стал Франкфурт-на-Майне. Уже в XVI в. там возникла биржа, в конце XVII – начале XVIII в. он стал главным международным финансовым центром, уступив эту роль Берлину только после объединения Германии [1, с. 67]. Город был космополитичен, в нем спокойно вели дела французы-протестанты Гонтары, Сарасины, де Нёвилль, Орвиллье, ещё с XIII в. работали еврейские банкиры, контролировавшие многие крупные сделки с векселями: Голдманы, Голдсмиты, Оппенгеймеры, Оппенгеймы, Ротшильды, Шиффы, Шпейеры, Гуггенхаймы, Каны, Ладенбурги, Бетманны, Метцлеры [1, с. 67].

«В XV–XVII веках в Германии (особенно на юге) появились купеческие компании, деятельность которых проходила между Майном, Верхним Рейном и Альпами. Южно-немецкие компании, представляя крупный торговый и ростовщический капитал, играли важную роль в хозяйственной, общественной и политической жизни Европы XVI века. Именно они породили самые могущественные и влиятельные банкирские династии средневековой Германии – Вельзеров, Гервартов, Гохштеттеров и др. Данные компании осуществляли переводные, кредитные, обменные и другие банковские операции. Однако к концу XVI в. они прекратили свое существование в связи с массовыми государственными банкротствами, которые имели место в Европе с середины XVI в. до середины XVII. В связи с этим немецкие купцы вынуждены были обратиться к новой форме организации кредитного хозяйства. С начала XVII века в стране начали возникать так называемые городские банки. Спустя десятилетие после основания *Amsterdamsche Wisselbank* в 1619 году в Гамбурге был открыт *Hamburger Banco* (Гамбургский банк). Он служил примером городского банка и выполнял те же функции, что и *Wisselbank*» [3, с. 337].

С начала XVII в. на базе филиалов итальянских торговых домов стали учреждаться немецкие торговые дома (товарищества). У них не было устава, строгой регламентации и не было в отличие от итальянских требований обязанности публиковать балансы. Им достаточно было получить свидетельство властей. Эти немецкие дома привлекали средства крупных вкладчиков и выдавали их в качестве ссуд под заклад. После войны 1618–1648 гг. в германские земли приехали гугеноты, имевшие профессиональные навыки вексельного и безналичного денежного обращения. Ими был создан первый ремесленный банк «Гемайн-Кредит». В XVII в. появляются государственные и ипотечные банки.

В XVIII в. в Германии начался медленный рост внешней и внутренней торговли. Но плохие дороги, огромное количество таможенных границ, отсутствие единой денежной системы мешали формированию единого всегерманского рынка. Тем не менее возникли новые торговые центры: Франкфурт-на-Майне, Франкфур-на-Одере, Майнц на Рейне, Ганновер-Мидден – на Везере. Постепенно банки становятся источником капитала и для государств, и для частных торговцев и промышленников. «К концу века Германия обладала уже эмиссионными и депозитными банками, кредитными учреждениями для сельского хозяйства, кассами помощи для низших слоев населения. Развивалось страховое и вексельное дело. Крупными банковскими центрами становятся Франкфурт-на-Майне, Аугсбург, Вена, Берлин, Гамбург, Кёльн, Лейпциг, Бреслау, Кассель. Банкирские дома участвуют в организации торговли и производства, одалживают ссуды монархам, зарабатывают неплохие деньги на войнах.

Особое явление представляли собой еврейские финансовые придворные конторы – семьи, пользовавшиеся монаршими милостями и финансировавшие крупные и малые династии века абсолютизма: Оппенгеймеры, Вертгеймеры, Итциги, Ротшильды. Представление о финансовой мощи придворных факторий дает размер займов на Семилетнюю войну прусскому финансовому ведомству. Они составили 29 млн талеров» [5].

В 1765 г. Фридрих Великий основывает банкотно-эмиссионный «Берлинский Королевский Заемный и Жиробанк» с большим капиталом из государственной казны. В этом же году в Бреславле тоже открыт «Жиро-банк». 29 октября 1766 г. был издан указ о выпуске банковских билетов разного номинала, которые имели право обращения наравне с золотом.

В 1770 г. появляется прусский ипотечный банк для кредитования дворян-землевладельцев, Государственный банк Пруссии для морской торговли, Баварский государственный банк государственных и муниципальных сберкасс.

В начале XIX в. в разных германских государствах появляются частные акционерные эмиссионные банки, крупные частные банкирские фирмы, ведущие операции по всему миру (банкирские дома Ротшильдов в Вене, Париже и Лондоне, Шредера и Беринга в Лондоне, Спейера и Тельмана в Нью-Йорке и т.п.).

Мощный рост германской промышленности в XIX в. дал стимул активному развитию ее банковской системы: появились крупные акционерные депозитные банки, кредитовавшие промышленность, акционерные ипотечные банки, кредитная кооперация с сетью по всей стране.

В 1857 г. произошел промышленный кризис, дискредитировавший мелкие банкотно-эмиссионные банки. Их к этому времени было целых 33. Это привело к стремлению упорядочить банковские нормы для всей банковской системы Германии. Объединение Германии это реализовало в 1871 году. Появилась единая банковская система.

10 марта 1870 года с одобрения короля Пруссии в Берлине в виде акционерного общества А. Дельбрюк и Л. Бамбергер основали Deutsche Bank, во главе которого встали Г. фон Симменс, Г. Валлих и В. Плате-ниус. Капитал составлял 5 млн талеров, персонал – 50 человек. После победы во франко-прусской войне в 1871 году талер был заменен на марку, обеспеченную золотом. Банк принимал самое активное участие в развитии немецкой промышленности. Более того он даже финансировал строительство Багдадской железной дороги. В конце XIX в. банк объединился с важными региональными банками для расширения зоны своего влияния – типичная кластеризация и расширение сети. Возникли группы интересов как признак концентрации в банковской системе. Так Deutsche Bank стал типичным хабом-концентратором. В 1886 г. добавился филиал во Франкфурте-на-Майне, в 1892 году – в Мюнхене, в 1901 году – в Дрездене и Лейпциге [3, с. 337–338].

В 1875 г. учреждается Германский имперский банк. Право эмиссии получают только четыре банка – Баварский, Саксонский, Вюртембергский и Баденский, хотя к 1913 г. в Германии было около 30 банков. Часть банков была ликвидирована, часть потеряла право эмиссии. «По германскому банковскому законодательству от 14 марта 1875 г., эмиссионные банки всегда должны иметь покрытия находящихся в обращении банкнот; на одну треть этой суммы в звонкой монете, в имперских билетах (Имперский банк) или билетах других банков, или слитках золота, или же иностранных монетах. На остальную сумму выпущенных билетов в портфеле банка должны иметься векселя. Максимальный предел эмиссии законом не установлен. Фиксирована только сумма, до которой банковские билеты, выпускаемые без покрытия (звонкая монета, золото, банкноты других банков), свободны от налога. В 1899 г. свободный от налога объем банкнот составлял 400 млн марок, в 1911 г. – 550 млн марок. Налог на превышение фиксированного объема банкнот составлял 5% годовых. Налог взимался четыре раза в месяц по 5/48%. В 1911 г. акционерный капитал Имперского банка составлял 180 млн марок. Из чистой годовой прибыли акционеры получали дивиденды в 3,5%; 10% остатка отчислялось в запасной капитал, из остального четверть причиталась акционерам, а три четверти – имперской казне. По сравнению с банковскими системами других стран система Германского имперского банка обладает большей эластичностью

за счет практически неограниченной эмиссии банкнот (ограничена только налогом)». В 1909 г. имперские банкноты получили статус национального платежного средства.

В заключение статьи отметим, что современная банковская система Германии имеет трехсекторную структуру, где каждый сектор имеет свою клиентскую базу, набор услуги размер баланса. Это система частных банков, система кооперативных банков (кредитных товариществ) и система земельных банков. Частные и общественно-правовые банки нацелены на получение прибыли, кооперативные банки оказывают взаимопомощь своим клиентам.

При этом банковская система современной Германии является двухуровневой: центральный банк – Немецкий федеральный Банк (1957, Франкфурт-на-Майне), имеющий 9 земельных банков и 200 отделений и филиалов, и коммерческие банки [2, с. 80–82].

Литература

1. Пачкалов А.В. Франкфурт-на-Майне как центр формирования финансовой олигархии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019 № 9 (5). С. 66–72.
2. Шустова Е.А. География банковской системы Германии // Вестник Московского Университета. Сер.5. География. 2015. № 3. С. 79–85.
3. Мацкевич В.Н. Краткий обзор истории развития банков и банковского дела на территории Европы и Германии до конца XIX века // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития: сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции, Пинск, март 2021 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: В.И. Дунай [и др.]. Пинск: ПолесГУ, 2021. Вып. 2. С. 334–339.
4. Базанов И. Правовые формы реального кредита в средневековой Германии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.counselex.ru/2018/10/30/1958.html> (дата обращения: 10.06.2024).
5. Бонвеч Б. История Германии. Том 1. С древнейших времен до создания Германской империи [Электронный ресурс]. – URL: <https://history.wikireading.ru/15607> (дата обращения: 10.06.2024).
6. Денежное дело средневековой Германии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.anumis.ru/news/10-evro-k-300-letiju-adama-kollara/> (дата обращения: 10.06.2024).
7. Средневековая культура и торговля [Электронный ресурс]. – URL: <http://raretas.ru/srednevekovaya-kultura-i-torgovlya/2/> (дата обращения: 10.06.2024).

THE FORMATION OF BANKING IN GERMANY

Zubov V.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the history of the formation of trade and banking in the German lands. After the decline of crafts and trade in Europe in the early Middle Ages, after the fall of the Western Roman Empire, trade gradually began to revive under Theodoric, Otto and Charlemagne, new trade centers appeared and trade routes were established. The revival of money trade led to a revival of monetary circulation. In many cities, the minting of various coins begins. The need for their exchange and the use of more ergonomic and secure financial instruments attracted to the German lands already quite developed Italian banking houses using a variety of financial trades. Branches of Italian banking houses were established in many shopping centers of the German lands. The development of foreign trade forced merchants to unite in associations – the Hanses – to jointly confront pirates and robbers, defend their trade privileges, reduce

customs duties, and build their warehouses and buildings on the territory of other states. The development of medieval cities as corporations raised the question of the development of the legal system. All this resulted in the revival of banking activities, which were no longer only engaged in by Italian and Jewish bankers, but German trading and banking houses began to arise. In addition, experienced French and Swiss financiers began to come to Germany. In Modern times, especially in the XVIII century, the active development of the banking system began on the part of the monarchs and governments of the German lands. After the unification of Germany, the banking system was streamlined and gradually acquired its modern three-section appearance.

Keywords: banks, banking system, bills of exchange, money circulation, trade, Hansa, law.

References

1. Pachkalov A.V. Frankfurt am Main as a Center for the Formation of Financial Oligarchy // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2019 № 9 (5). Pp. 66–72.
2. Shustova E.A. Geography of the German banking system // Bulletin of Moscow University. Ser.5. Geography. 2015. № 3. Pp. 79–85.
3. Matskevich V.N. Brief review of the history of the development of banks and banking in Europe and Germany until the end of the XIX century // Language and intercultural communication: modern vectors of development: collection of scientific articles based on the materials of the II International Scientific and Practical Conference, Pinsk, March 2021 / Ministry of Education of the Republic of Belarus [and others]; redkol.: V.I. Dunay [i dr.]. Pinsk: PolesGU, 2021. Vol. 2, pp. 334–339.
4. Bazanov I. Legal Forms of Real Credit in Medieval Germany. Available at: <https://www.counselex.ru/2018/10/30/1958.html> (accessed: 10.06.2024).
5. Bonvech B. History of Germany. Volume 1. From ancient times to the creation of the German Empire. Available at: <https://history.wikireading.ru/15607> (accessed: 10.06.2024).
6. Monetary business of medieval Germany [Electronic resource]. Available at: <https://www.anumis.ru/news/10-evro-k-300-letiju-adama-kollara/> (accessed: 10.06.2024).
7. Medieval Culture and Trade. Available at: <http://raretes.ru/srednekovaya-kultura-i-torgovlya/2/> (accessed: 10.06.2024).

Эволюция представлений о механизмах воздействия мифического на общество

Лемаев Тимофей Викторович,

аспирант философско-социологического факультета ПГНИУ,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: lemaev.tim@yandex.ru

В статье рассматривается значение категории мифического для современного общества, анализируется как мифы трансформируются и приспосабливаются к реалиям новых времён, продолжая оставаться необходимым инструментом для познания действительности. Изучается проблематика при изучении мифического из-за структуры понятия миф, как сложного явления. Вопрос о классификации мифологии актуален для анализа, у мифа не существует единственного определения, поэтому исследователи выделяют конкретные параметры для систематизации и приходят к разным результатам. В связи с этим становится необходимым изучить несколько философских концепций известных мыслителей, которые анализируют в своих трудах различные проявления мифического и предлагают свои способы интерпретации. В качестве рассматриваемых исследователей выступают М. Элиаде, Е.М. Мелетинский и А.Л. Топоркова, которые в своих трудах выявляли закономерности мифического для создания упорядоченной классификации, выявляли и изучали разные виды мифов. В статье освещаются различные основания для систематизации и классификации мифического в рамках существующего социума и осмысления механизмов воздействия на человечество, попытка выявить универсальную классификацию на основе конкретных временных периодов.

Ключевые слова: миф, мифология, Элиаде, Мелетинский, Топорков, мировоззрение, общество, классификация, архаика, бытиё.

Значимой категорией для понимания человеческого бытия является категория мифического. Мифологические элементы являлись важной частью структуры древнего мира, через сверхъестественные образы богов, чудовищ и героев отражались существующие объекты действительности. Легенды для человека были попыткой обобщить и объяснить явления природы и общества, человек преобразовывал неизвестные явления в понятные сущности для взаимодействия. Люди в течение многих веков более или менее сознавали, что между верой и неверием пролегает огромная умственная область, в которой достаточно простора для всякого рода мифических толкований, как верных, так и неверных [9]. Мифология преобразовывала силы природы в понятные для человеческого восприятия существа, как способ ориентации в повседневном пространстве. Миф формировал не только нравственные взгляды и эстетическое отношение человека к существующей реальности, легенды становились частью мировосприятия людей. Мировоззрение определяло отношение к реальности через системы принципов, ценностей, убеждений, взглядов и ценностей. Самым первым в истории мировоззрением было мифологическое мировоззрение, миф был не только повествованием о происхождении и судьбах мира и окружения человека, но и оправданием существующего образа жизни людей – регулятором их поведения. Мир человека строился на основе мистики, вере в высшие силы предметов, вещей и событий, одухотворенности природных явлений. Веками мифы и фантастические предания конструировали человеческое мировосприятие и служили инструментом для познания действительности. Поэтому можно сказать, что с помощью мифического человек выстраивал своё повседневное бытиё, перенимал опыт предков и справлялся с экзистенциальными угрозами.

Со временем у человечества появились новые способы трактовки реальности с помощью объективных фактов и рационального знания. Благодаря научному познанию складывалась новая картина мира и мировосприятие на базе логики и гипотез, реальность двадцать первого века построена и функционирует на доминировании рационального знания. Современный постиндустриальный мир наполнен технологиями и механизмами – результатами применения объективных фактов и логики. Развитие прогресса позволяет радикально менять повседневную действительность и преобразовывать окружающий мир. Однако мифы не исчезли, а мифологическое мировосприятие остаётся важной частью познания мира. Вместо того, чтобы окончательно исчезнуть, мифы трансформируются и приспосабливаются к реалиям новых времён, оставаясь актуальными для общества. В мифы вкладываются знания поколений, это модели поведения и способы действия в разных ситуациях, на которых строится общественное сознание. В фантастических историях отражается специфический жизненный опыт, который может дать ценные знания и необходимую информацию для существования в социуме – это стержень для формирования не только общественного сознания, но и мировоззрение отдельного человека под воздействием социума, в который

он входит. Человек меняется и, вместе с ним, меняются мифы, но условия их возникновения остаются неизменными – их источниками являются многообразные внешние факторы, выступающие для мифа исходными материалами для интерпретации, когда люди не располагают всей информацией о событии, самостоятельно додумывая недостающие фрагменты на основе ассоциаций и имеющихся знаний. Также важным остаётся влияние общества, воздействующее на поведение индивида и оперирующее его чувствами, страхами, мечтами, желаниями, включая его склонность к познанию и стремление к трансценденции для создания персональных мифологий[8]. Эта мифология может меняться, перерабатываться и дополняться по мере развития личности, но одно всегда остаётся неизменным – в каждом индивидуальном мифе воплощены те моменты, которые значимы для человека, это то, во что он верит, переживает и мечтает. Это то, что делает человека именно тем, кто он есть, создаёт его личную мифологию, ибо мифология коренится не в сознании человека, а в его отношении к миру, в системе ценностей, в механизмах социальной регуляции поведения, формах и способах мировидения [10]. Сегодня мифы неотъемлемая часть жизни человека, религии, философии, искусства, формы социальной организации первобытного и исторического человека, озарения первооткрывателей в науке и технике, сами сновидения, вспышками врывающимися в наш сон, – всё это зарождается в изначальном круге мифа[5].

Важным становится составление актуальной классификации мифического в разных категориях его проявления, но возникает глобальная проблема из-за видового разнообразия мифов и мифологических систем. В сравнении со временами древнего мира, в современности существует гораздо большее число мифов, к мифам прошлого добавились фантастические истории настоящего. В связи с тем, что у мифа не существует единственного определения, исследователи выделяют конкретные параметры для систематизации и приходят к разным результатам. Особенности формирования современных мифов побуждают к созданию новых классификаций, учитывающих огромное количество факторов, главный из которых – взаимодополняющее объединение в исследовании архаических легенд и новейших фантастических преданий. Поэтому необходимо проанализировать некоторые концепции мифического, с целью анализа не только способа функционирования разных видов мифа, но и выявления общих закономерностей для составления новой классификации, сходство и различия мифов современности и архаики, степень их взаимодействия на текущем историческом периоде.

Вопрос о классификации мифологии сложен, многогранен и поэтому изучается до сих пор – в рамках одного исследования невозможно акцентировать равное внимание всем классификационным концепциям мифа, существующих в современной науке. Разные варианты систематизации мифических историй объясняются тем, что анализируемый феномен обладает удивительной природой – это аргументируется рядом его характеристик и выделением на разных основаниях групп-видов мифа. Для мифа нет однозначной трактовки– философы, деятели, мыслители и культурологи выделяют конкретные параметры при классификации, применяют отличные друг от друга методологии и поэтому трудно подыскать мифу такое определение, которое было бы принято всеми учеными и в то же время понятно неспециалистам[12]. Не существует единой классификации фантастических сказаний– при классификации мифов и мифологии у каждого исследователя свой индивидуальный

критерий, влияющий на выделение определённых черт для систематизации.

При анализе видов существующих систем мифов возникают две существенные проблемы – с определением понятия мифа и в зависимости от этого выделения основания для классификации. В настоящее время существует несколько десятков различных определений понятия мифа и каждое из них подразумевает свой аспект для систематизации. Дополнительную сложность создаёт то, что по своему содержанию современные мифы более разобщены. Единая мифология, чья целостность обеспечивалась сюжетными связями, уступила место комплексу мифов, связанному в единую сеть ассоциацией и внутренней бессознательной логикой мифологического мышления. Современной мифологии свойственна непостоянность. Человек сам решает во что ему верить - всё зависит от того насколько правдиво описаны мифы и степень эмоциональности при их подаче. Человек может верить в определённый миф до конца своей жизни или забыть про него спустя неделю. Современные мифы менее устойчивы, чем древние-многие из них существуют недолго и так же быстро исчезают, в то время как другие прочно остаются в культуре и становятся её неотъемлемой частью. Миф зависит от перемен в общественной жизни и может очень часто видоизменяться в зависимости от людских взглядов. Нет целостности, фантастические истории могут рассматриваться независимо друг от друга или быть связанными по индивидуальным причинам, среди которых восприятие реальности отдельного человека, зависящее от его убеждений, фантазии и ценностей. Главная цель – очертить для себя узкий круг знаковых образов, согласно которым можно существовать в действительности. “ритуальные обычаи, легенды о древних героях, мифы и символы культурной или расовой уникальности – очерчивают привычную территорию. Они оплетают людей тонкими сетями смысла, и сама необходимость спорить о смысле исчезает. Те, кто знает и принимает правила игры, могут спокойно выходить на поле, не затевая борьбы за сами правила. Это обещает мир, стабильность и возможное процветание – выходит отличная партия. И все же хорошее – это враг лучшего. Игра всегда может получиться более захватывающей. Миф есть изображение известного. Если этим и ограничиться, его важность станет считаться непревзойденной. Но миф также дает почти непостижимые по своей глубине знания, если (как мне хотелось бы доказать) его правильно понять. Мы все создаем модели того, что есть, того, что должно быть, и того, как преобразовать одно в другое. Мы меняем стиль поведения, если последствия не оправдывают ожиданий.[2]” Поэтому мифотворчество способно приобретать глубоко личное, даже интимное измерение, образующее причудливые сочетания с глобальными мифологемами эпохи [3].

Современные мифы могут быть привязаны к определённому месту, а могут и не зависеть от географических особенностей расположения в отличие от древних. Из-за отсутствия строго проработанной системы, человек может сам решать в какие мифы ему стоит верить, а в какие – нет. Важной особенностью современных мифов и проблемой при классификации является то, что мифы стали более разнообразны по своему содержанию.

В отличие от древних легенд, где основную роль выполняют боги и повествования об их жизни, в современной мифологии главными героями становятся обычные люди, а во многих историях присутствуют фантастические животные, духи, проклятые предметы и различные мистические силы. В этих мифах рассказывается об обыденной жизни человека и то, как некоторые сверхъестественные события могут её масштабно изме-

нить. Божества постепенно отходят на второй план и всё реже появляются в людских преданиях, за исключением религий.

Систематизацией мифов разных эпох занимались разные философы, культурологи и социологи, выбирая для категоризации мифологий отличные друг от друга основания. В рамках данной статьи автор акцентирует труды трёх мыслителей – это румынского философа М. Элиаде, советского филолога и историка Е.М. Мелетинского и российского фольклориста, литературоведа и этнографа А.Л. Топоркова. Каждый из исследователей выявлял способы функционирования мифического и его виды, анализировал мифическое проявление в разных периодах истории, выделял категорию мифа как необходимую для человеческого существования и концептуализации действительности.

У М. Элиаде миф – это определённая история, произошедшая в древние времена, когда человечество только появилось и осваивало мир, миф излагает сакральную историю, повествует о событиях, произошедшем в достопамятные времена “начала всех начал”. Миф рассказывает, каким образом реальность, благодаря подвигам сверхъестественных существ, достигла своего воплощения и осуществления, будь то всеобъемлющая реальность, космос или только ее фрагмент: остров, растительный мир, человеческое поведение или государственное установление. Это всегда рассказ о некоем “творении”, нам сообщается, каким образом что-либо произошло, и в мифе мы стоим у истоков существования этого “чего-то”.. [12] Поэтому важную роль у мыслителя играет мысль, что миф является началом всех начал, и из него происходят другие события. Это универсальный способ для познания, ибо миф повествует только о том, что произошло реально и в полной мере проявилось. Из поколения в поколение передавались ритуалы с целью через них повторить процесс зарождения мира, миф выступал как сакральная модель, которую первобытные люди повторяли в своих ритуалах, чтобы приблизиться к тому трансцендентному, сверхчеловеческому [12]. Воспроизводя мифы в своей повседневной жизни, люди воссоздавали сам акт сотворения действительности и это являлось моделью для подражания во время значимых действий.

Поэтому главным в классификации Элиаде является повторение сакральной истории, мыслитель выделяет разные виды мифов, однако все они, не смотря на разные географические места, неизменно содержат в себе этот элемент. Мифы о происхождении, космогонические, процессы обновления мира – через повторение древних историй человек становится соучастником знаковых исторических событий.

Элиаде переносит образы из древности на современную действительность, отмечая, что в культуре в видоизменённой форме повторяются классические мифологические истории – персонажи «комиксов» являются современной версией мифологических или фольклорных героев. Они до такой степени воплощают идеал значительной части широкой публики, что разные превращения их судьбы, а тем более смерть, вызывают настоящее потрясения у читателей [12]. Румынский философ замечает мифологическую составляющую в романах и масс-медиа, а мифологическое поведение до сих пор существует в обществе, достаточно посетить ежегодный автомобильный салон, чтобы понять – это настоящий религиозный ритуал [12]. Отдельно Элиаде выделяет элитарные мифы. Обширного перечня современных мифов румынский философ не приводит, для него основным аспектом является повторение сакральной истории и из неё вытекают все остальные формы мифов.

У историка культуры Е.М. Мелетинского миф выступает как способ духовно-практического освоения мира. Главная цель – поддержание гармонии личного, общественного, природного] поддержка и контроль социального и космического порядка [6]. В трудах Мелетинского миф отражает первобытное мышление и отражает уровень мысли, исследователь рассматривал легенды как архаические формы сознания. Мыслитель вводит категории мифа, разделяя мифы по сюжетам. Исследователь отмечает, что миф является средством концептуализации мира – что находится вокруг человека и в нем самом [6], а первобытная мысль неотделима от сферы эмоциональной. Поэтому во многих культурах образы похожи друг на друга, так как в разных точках света человечество познавало мир похожими способами – через создание чувственных образов, большое число мифологических мотивов повторяется в архаическом фольклоре различных стран [6]. В связи с этим Мелетинский выделяет тотемические, эсхатологические, календарные и героические легенды, а мифы о происхождении небесных тел, о природных явлениях, о животных, о происхождении мира и человека (“центральная группа мифов у народов с развитыми мифологическими системами”), о культурных героях и о появлении культурных благ.

Филолог также отмечает влияние мифа на литературу, как важной составляющей сюжета и структуры истории. Мелетинский анализирует “мифологизирующих” авторов, выявляет их ключевые элементы из древних легенд и отмечает, что в литературе XX в. «мифологизм» выступает в качестве художественного средства, соответствующего определенной концепции мира [6]. Философ в своей классификации упорядочил классические архаические мифологические сюжеты и проследил их развитие в литературе вплоть до XX века, однако в исследованиях глубинно не анализируются текущие фантастические повествования – мифы, которые присутствовали в существующем обществе.

У фольклориста А.Л. Топоркова через ритуальные практики, морально – этические или религиозные системы упорядочивание повседневного поведения проявляются мифы. Исследователь изучал в первую очередь мифологию XX века. Этнограф различал миф для носителя традиции и миф для постороннего наблюдателя. Сторонний наблюдатель видит несоответствие мифа реальности, носитель же традиции не сравнивает миф с реальностью, а стремится воплотить его в ней; миф для него более важен и обладает большей ценностью, чем реальность. Последней еще предстоит уподобиться мифу; она еще просто недостаточно совершенна для этого. В пределе миф упраздняет реальность и создает на ее место новую, куда более совершенную и привлекательную [10]. Топорков изучал механизмы функционирования мифов и проводит аналогию мифов прошлого и настоящего, выявляя между ними много общих элементов. Исследователь изучает влияние мифологий в архаических обществах, таких как средневековое общество и сравнивает их с “мифическими” историями XX века. Особенное внимание Топорков уделяет политическим мифам, среди которых детально исследовал мифологию тоталитаризма, религиозные символы, образы вождей, задачи существования мифов и их влияние на общественное сознание. Оба вида легенд призваны не только объяснить существующее, но и создать образ новой реальности, которой еще предстоит воплотиться в действительности, они актуализируют прошлое конкретного общества и сохраняют его значимость для настоящего, и традиционные, и политические мифы являются действенной силой, которая организует поведение индивида и человеческих масс, реализуются в общественных ритуалах

и укрепляют социальные связи. Они придают осмысленность человеческому существованию, выполняют функции психологической компенсации [10].

Топорков в своих исследованиях выделяет четыре вида современных мифов со своими индивидуальными свойствами. В первую очередь существуют мифы политической и общественной жизни, они создаются партиями, политиками и журналистами для различных целей – от желания сделать имидж определённого человеку и выделить конкретную организацию.

Второй тип мифов – это мифы, связанные с религиозной и этнической самоидентификацией. К ним относятся различные мифы о России и православии, их прошлом и современном состоянии. Эти легенды позволяют людям отождествить себя с какой-либо группой и осознать себя её частью.

Третий вид мифов – мифы, связанные с внерелигиозными верованиями. К таким сюжет стоит отнести истории про НЛО и инопланетян, о снежном человеке и лохнесском чудовище, о мистических экстрасенсах-целителях. Данный вид мифов рождается на том основании, что некоторые данные трудно объяснить с помощью науки и их толкуют, исходя из имеющихся данных.

И четвёртый миф – мифы массовой культуры и среди них, по мнению Топоркова, центральный – миф об Америке и американском образе жизни.

Эти легенды зарождаются в современном обществе через быт, развлечения и информацию, транслирующиеся через средства массовой информации, кинематограф, спорт, литературу и искусство.

Этнограф считает, что баланс между мифологией и рациональным знанием сохранится в обозримом будущем, ибо мифы и мифотворчество по-прежнему прочно вплетены в человеческую жизнь. Классификация Топоркова по анализу мифов по многим параметрам фундаментальна и актуальна до сих пор, мыслитель не только рассмотрел современные легенды, но и выявил несколько важных свойств современной мифологии. Что в современности существует не одна мифология, а множество мифов и мифологий, причем продолжительность их существования может быть весьма незначительной: они возникают, конфликтуют друг с другом и столь же быстро исчезают или трансформируются во что-то иное [10], что фантастические истории охватывают не все общество в целом, а отдельные группы населения и что современные мифы различны по своему происхождению и продолжительности. Однако систематизация мифов Топоркова содержит несколько моментов, которые делают его типологию незавершенной. В первую очередь работа автора по классификации мифов вышла в 2000-ом году, за это время успело появиться несколько новых видов мифов и систематизацию необходимо обновлять новыми данными. Кроме того, Топорков в большей степени анализирует политическую мифологию, приводя расширенные характеристики конкретных случаев, но другие виды мифов описаны кратко и детально не рассмотрены причины их возникновения, только краткая характеристика.

В связи с рассмотренными концепциями исследователей можно сделать выводы о том, что у М. Элиаде, Е.М. Мелетинского и А.Л. Топоркова существуют свои уникальные особенности при систематизации мифического, но у всех трёх исследователей выделяется одно общее основание классификации мифологий, не зависящее от видов мифов или времени их функционирования – будь то период архаики или современное общество. Этим общим основанием является то, что мифология во все времена является способом взаимодействия с действительностью, через миф человек концептуализирует

и познаёт окружающий мир, поэтому мифическое можно определить как проявление человеческого бытия в разных его процессах. Мифы в своей сущности являются отражением реальности, определённым образом понятым социальным бытием, которое запечатлено в конкретных сюжетах. Эти истории всегда касаются одного из трёх временных периодов, важных для существования общества и конкретных индивидов, проживающих в социуме: это повествования о прошлом, как способ передачи знаний и опыта предков; повествования о настоящем, как средство для осмысления окружающего мира; и повествования о будущем, как возможность осмысления неизвестного грядущего.

Сегодня актуальным параметром для создания универсальной классификации мифов может являться разделение мифов по времени существования – мифы прошлого, мифы настоящего и мифы будущего. Эти категории мифического присутствуют в разных философских концепциях систематизации мифологий и поэтому передают ключевые моменты для единой классификации, так как отображают разные грани действительного бытия.

Мифы прошлого характеризуются тем, что были актуальны века назад, когда люди только познавали реальность, это процесс познания человеком самого себя в окружающем мире и окружающего мира в себе самом, процесс, происходящий в сознании человека. Познавая самого себя, человек создаёт образ, модель своего собственного происхождения и предназначения [7]. Через чувственные образы составлялась картина мира, неизвестные природные силы превращались в чудовищ и богов, которые становились источником для формирования правил и ритуалов. Но по мере развития рационального знания и появления религий, вера в фантастических персонажей изменялась, эволюционировало понимание мировосприятия, архаические мифы становились результатом фантазий и первыми попытками систематизации окружающих вещей без знаний их сути. К мифам прошлого относятся греческая, римская, славянская, скандинавская и классические мифологии, существовавшие на определённых стадиях развития у всех народов мира. Мифы прошлого являются способом для понимания своего наследия, формировании конкретного мировоззрения, культурного кода и национальной идентичности.

Мифы настоящего – это фантастические истории, актуальные сегодня. Данные мифы не связаны между собой, но несмотря на отсутствие в современном обществе целостной мифологической картины мира, при определённых условиях в нём могут возникать и развиваться целые мифологические системы, соединяющие мифы разных категорий в некоторое подобие мифологической картины. Мифологическое пространство современности неоднородно, поэтому человек двадцать первого века конструирует свою реальность из разных источников и фантастических преданий, они не просто описывают реальность, они также помогают создавать ее. Они влияют на наши мысли, восприятие и эмоции. Они способны формировать именно тот моральный этос, который мы рассматриваем как один из краеугольных камней социальных мифов. Таким образом, даже фантастические истории, кажущиеся не имеющими отношения к нашему современному миру, на самом деле могут иметь к нему косвенное отношение [1]. К мифам настоящего можно отнести те истории, которые в полной мере отражают ценности общества текущего периода истории – это теории о заговорах, различные политические и социальные мифы, суеверия и национальная мифология, городские легенды. Важной чертой такой мифологии

является то, что они прошли проверку временем и актуальны для человечества именно на нынешнем этапе развития. Мифы настоящего – это способы осмысления действительности, служащие ориентирами для познания реальности.

Мифы будущего являются отражением того, что ждёт общество в будущем. Подобные мифы ещё не произошли, но могут произойти в будущем. Человека пугает неизвестность и во всех задачах, которые не требуют никаких сверхординарных средств, мы не найдем ни магии, ни мифологии. Однако высокоразвитая магия и связанная с ней мифология всегда воспроизводятся, если путь полон опасностей, а его конец неясен [4]. Люди боятся непонятного будущего и с помощью фантазии осмысливают дальнейшие события, которые только в теории могут произойти, такая потребность возникает только тогда, когда человек сталкивается с задачей, решение которой далеко превосходит его естественные возможности [4]. Мифы будущего имеют разноплановый характер – тотальное порабощение искусственным интеллектом или инопланетянами, конец света и исчезновение человеческого рода, масштабная роботизация и многоликие варианты утопий. Варианты непохожие друг на друга, но их все объединяет стремление общества понять загадку таинственного грядущего. Через фантастические истории отображаются экзистенциальные страхи всего человечества, которые угрожают изменению бытия или наоборот – надежду на положительные перемены. Мифы будущего в символической форме показывают размышления людей о возможности развития событий и попыткой познать неизведанное грядущее.

Соединение мифов прошлого, настоящего и будущего образует повседневное бытие, в котором существует общество и сам человек. Это делает концепцию с выделением категорий времени крайне востребованной для понимания действующих механизмов функционирования мифов. Подобная классификация существенным образом может способствовать дальнейшему анализу видового многообразия мифического.

В связи с рассмотренными материалами следует сделать вывод о том, что архаические и современные мифы во многом схожи между собой, так как являются способами для познания реальности в разные периоды истории. Миф продолжает быть важным в рамках существующего общества, где осуществляет необходимые функции для конструирования бытия социума и отдельных индивидов. Одной из глобальных проблем при изучении мифического становится то, что при определении мифического акцентируется внимание на конкретных смысловых аспектах, поэтому о классификации мифологии исследуется до сих пор, так как мыслители разных исторических эпох выделяют необычные основания для систематизации мифов и свою специфичную методологию. Фантастические легенды детально изучаются, используя конкретные аспекты, при этом открывая новые грани рассматриваемой темы, глубже понимая сущность мифологии и мифотворчества всего человечества. Одним из возможных вариантов для универсальной классификации может служить систематизация мифов по времени существования. Это мифы прошлого, настоящего и будущего, которые организуют существующее бытие общества.

Литература

1. Chlup, R. Conspiracy Narratives as a Type of Social Myth. *Int J Polit Cult Soc* (2023).
2. Peterson Jordan B. *Maps of Meaning. The Architecture of Belief*, 1999 by Routledge Authorised translation from

the English language edition published by CRC Press, a member of the Taylor & Francis Group LLC, Перевод на русский язык ООО Издательство «Питер», 2020

3. Деметрадзе, И. Л. (2005) Авторская мифология Андрея Тарковского // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. № 4 (38). С. 111–115.
4. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1990. № 2. С. 58–59.
5. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой = *The Hero with thousand faces* / пер. С англ. А.П. Хомик. – К., М.: Ва-клер; Рефл-бук; АСТ, 1997–384 с
6. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе: учеб. пособие. – М.: РГГУ, 2001. – 169 с.
7. Полозин В.С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Ладомир, 1999–440 с
8. Ростошинский Е.Н. Структура мифологического мировоззрения. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/rostosh/misl8_10.html (Дата обращения: 7.07.2018)
9. Тайлор Э.Б. Первобытная культура – Москва: Издательства политической культуры, 1989.
10. Топорков А.Л. Миф: традиция и психология восприятия // Мифы и мифология в современной России. М., 2000 С. 39–64.
11. Фролова И.Т. Философский словарь. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
12. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. В. Большакова. – Инвест-ППП, 1995 240 с.

THE EVOLUTION OF IDEAS ABOUT THE MECHANISMS OF INFLUENCE OF THE MYTHICAL ON SOCIETY

Lemaev T.V.

Perm State National Research University

The article examines the significance of the mythical category for modern society, analyzes how myths are transformed and adapted to the realities of modern times, continuing to remain a necessary tool for cognition of reality. The problems of studying the mythical are studied because of the structure of the concept of myth as a complex phenomenon. The question of classification of mythology is relevant for analysis, myth does not have a single definition, so researchers identify specific parameters for systematization and come to different results. In this regard, it becomes necessary to study several philosophical concepts of famous thinkers who analyze various manifestations of the mythical in their works and offer their own ways of interpretation. The researchers under consideration are M. Eliade, E.M. Meletinsky and A.L. Toporkova, who in their works identified the patterns of the mythical to create an ordered classification, identified and studied different types of myths. The article highlights various grounds for systematization and classification of the mythical within the existing society and understanding the mechanisms of influence on humanity, an attempt to identify a universal classification based on specific time periods.

Keywords: myth, mythology, Eliade, Meletinsky, Toporkov, worldview, society, classification, archaic, being

References

1. Chlup, R. Conspiracy Narratives as a Type of Social Myth. *Int J Polit Cult Soc* (2023).
2. Peterson Jordan B. *Maps of Meaning. The Architecture of Belief*, 1999 by Routledge Authorised translation from the English language edition published by CRC Press, a member of the Taylor & Francis Group LLC, Translation into Russian by ООО Izdatelstvo "Piter", 2020
3. Demetradze, I. L. (2005) The Author's Mythology of Andrei Tarkovsky // Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. No. 4 (38). P. 111–115.
4. Kassirer E. Technique of Modern Political Myths // Bulletin of Moscow State University. Series 7. Philosophy. 1990. No. 2. P. 58–59.

5. Campbell D. The Hero with a Thousand Faces / trans. From English by A.P. Khomik. – K., M.: Wackler; Refl-book; AST, 1997–384 p.
6. Meletinsky E.M. From Myth to Literature: a tutorial. – M.: RSUH, 2001. – 169 p.
7. Polozin V.S. Myth. Religion. State: a study of political mythology. – 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Ladomir, 1999–440 p.
8. Rostoshinsky E.N. The Structure of the Mythological Worldview. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/rostosh/misl8_10.html (Accessed: 7.07.2018)
9. Taylor E.B. Primitive Culture – Moscow: Political Culture Publishing House, 1989.
10. Toporkov A.L. Myth: Tradition and Psychology of Perception // Myths and Mythology in Modern Russia. Moscow, 2000 pp. 39–64.
11. Frolova I.T. Philosophical Dictionary. 6th ed., revised and enlarged. – Moscow: Politizdat, 1991. – 560 p.
12. Eliade M. Aspects of Myth / Translated from French by V. Bolshakov. – Invest-PPP, 1995 240 p.

Влияние цифровых технологий на развитие культурного потенциала

Рахконен Марина Евгеньевна,

старший преподаватель, кафедра таможенного дела, Российская академия народного хозяйства и государственного управления, Санкт-Петербург, (РАНХиГС, Санкт-Петербург)

Статья поднимает актуальную теоретическую проблему реализации культурного потенциала личности в условиях интенсивного развития и внедрения цифровых технологий. Опираясь на общепризнанные подходы к пониманию культурного потенциала личности, автор рассматривает основные риски, возникающие в процессе погружения человек в виртуальный мир. Отталкиваясь от особенностей реализации культурного потенциала в современных условиях, автор ставит вопрос о цифровом эгалитаризме и элитаризме как способах теоретического осмысления рисков для формирования личности цифрового человека. Как признак элитарного поведения в статье рассматривается возможность применения аскетических практик в современной цифровой культуре. Феномен медийной аскетики предлагается рассматривать как пример формирования ответственного поведения личности в пространстве цифровой культуры, как средство развития цифровой ответственности и цифрового этикета современного человека.

Ключевые слова: культурный потенциал, цифровой человек, социальная среда, виртуальное пространство.

Актуальность философско-антропологического исследования культурного потенциала личности в условиях цифрового общества возрастает с каждой новой технологической вехой, поскольку цифровизация стремительно трансформирует традиционные формы общения, обучения и самовыражения, что, в свою очередь, поднимает вопросы о том, как эти изменения влияют на формирование и развитие культурного потенциала личности. Понимание роли культурного потенциала как ценного ресурса в условиях постоянного изменения социальной среды обитания становится значимым фактором для сохранения человеческой идентичности, а формирующиеся философско-антропологические подходы к данной теме позволяют глубже осмыслить, как личность адаптируется к новым реалиям. В условиях цифрового общества динамика культурного потенциала личности становится особенно актуальной, поскольку технологии значительно меняют способы коммуникации, занятости, получения и распространения знаний. Современная цифровая цивилизация представляет собой «принципиально иной тип развития общества, при котором на смену аналоговым и линейным форматам коммуникации и функционирования систем приходят цифровые, электронные» [1, 2018: 519].

Культурный потенциал личности включает в себя такие аспекты, как знания, навыки, художественное восприятие и эмоциональную интеллигентность, что делает его важным аспектом социальной интеграции и взаимодействия. Культурный потенциал личности представляет собой совокупность знаний, умений и навыков, которые индивид приобретает в процессе своего жизненного опыта, взаимодействия с социумом и культурной средой. Этот термин охватывает как интеллектуальные, так и эмоциональные аспекты, которые формируют личность и определяют ее способность к творчеству, самовыражению и участию в культурной жизни общества.

В условиях цифрового общества, где индивидуумы могут мгновенно получать доступ к информации и взаимодействовать с разнообразными культурами, культурный потенциал личности становится критически важным параметром преобразования социальной среды и коммуникативных практик человека. В современных условиях культурный потенциал личности демонстрирует уровень развития у индивидуумов ответственного и этического поведения в виртуальной среде. Через развитие и реализацию культурного потенциала личности можно достигать более глубокой интеграции разных социальных групп, способствуя взаимопониманию и совместному развитию. Как отмечает Л.Н. Нагорная, текущий уровень взаимодействия «искусства и технологий, основанный на достижениях научно-технического прогресса человеческой цивилизации, в наши дни обусловил сдвиг парадигмы в восприятии культуры» [6, 2024: 78].

Междисциплинарный характер культурного потенциала проявляется в том, как различные научные дисциплины взаимодействуют и обогащают понимание этого понятия. Например, социология и культурология исследуют влияние социальных (культурных норм) и ценностей на формирование личности, в то время как богословие может рассматривать духовные аспекты культурного развития. Психология, в свою очередь, акцентирует внимание на внутренних мотивах и эмоциональных состо-

аниях, способствующих раскрытию культурного потенциала, тогда как философия задает вопросы о смысле и ценности культурного наследия.

Культурный потенциал является объектом анализа для множества научных направлений. Например, социологические исследования могут выявить, как коллективные идентичности и культурные нарративы влияют на личный рост, тогда как культурологические подходы акцентируют внимание на контексте культурных изменений и глобализации. Богословские и философские исследования могут помочь осмыслить духовные и этические измерения культурного потенциала, а психология освещает механизмы личностного развития.

Философско-антропологический ракурс рассматривает сущность культурного потенциала личности как многогранного явления, проявляющегося в способности индивида к самовыражению и творческому развитию в рамках культурного контекста. Культурный потенциал не статичен, а находится в постоянном взаимодействии с социокультурной средой, что подчеркивает необходимость учета исторических условий для развития личности человека. Консерватизм акцентирует внимание на традиционных ценностях, утверждая, что передача культурного наследия из поколения в поколение является основополагающей для формирования целостной личности, поскольку традиция воспринимается как «позитивно оцениваемая часть культурно-исторического наследия общества» [8, 2012: 20].

Философская антропология, как теоретико-методологическая парадигма, предоставляет инструменты для исследования динамики культурного потенциала личности. Этот подход позволяет анализировать, как культурные изменения влияют на самоидентификацию индивида и его восприятие социальной реальности. В рамках данной парадигмы культурный потенциал личности рассматривается не только как внутренний ресурс, но и как продукт взаимодействия с социальной средой.

Цифровизация позволяет индивиду получать доступ к бесконечным ресурсам информации, а также предоставляет возможность участвовать в создании новых культурных форматов. Однако вместе с этим возникают и вызовы, связанные с угрозой фрагментации культурного опыта и поверхностности восприятия культурных феноменов. Цифровизация сегодня является мощным фактором трансформации культурного потенциала личности.

Например, в условиях цифровой экономики и глобализации цифровые платформы и социальные сети становятся пространством, где каждый имеет возможность не просто потреблять, но и создавать контент, взаимодействовать с другими пользователями и формировать собственное социальное (культурное) пространство, что может значительно повлиять на развитие культурных компетенций личности.

Параметры трансформации культурного потенциала личности в условиях цифровой культуры могут включать в себя уровень цифровой грамотности, степень участия в культурных инициативах, уровень погружения личности в виртуальные формы коммуникации. Эти параметры помогают понять, насколько эффективно человек использует доступные ему ресурсы для решения задач раскрытия своего культурного потенциала, поскольку в «информационной компетенции личности как субъекта деятельности важную роль играют сетевое взаимодействие на уровне получения личностью субъектного опыта» [7, 2017: 40].

Цифровая коммуникация, цифровое поведение и цифровая занятость общепризнанно выступают индикаторами динамики культурного потенциала личности.

Эффективное использование цифровых технологий для общения, работы и обучения позволяет людям развивать базовые социальные навыки. Например, умение наладить взаимодействие в разных культурных контекстах через цифровые платформы демонстрирует степень широты кругозора личности. Цифровая занятость демонстрирует перспективы для профессионального роста, подчеркивая способность личности адаптироваться к условиям социальной среды.

Как пример изменения представлений о культурном потенциале личности в условиях цифрового общества можно рассматривать широко обсуждаемый феномен цифрового человека (*homo digital*). Цифровой человек является одним из наиболее заметных феноменов современного философско-антропологического дискурса. Этот конструкт представляет собой репрезентацию нового типа субъекта, который сформировался под влиянием цифровых технологий. В рамках философско-антропологической парадигмы цифровой человек рассматривается как метафора изменений в человеческой природе, которые связаны с внедрением цифровых технологий в повседневную жизнь. Эти изменения обуславливают не только способы общения и самоидентификации, но и общие представления человека о культуре, поскольку, как отмечают Н.М. Великая и О.В. Гребняк, человеческий капитал является наиболее важным фактором для успешного цифрового преобразования, а «цифровая трансформация дает толчок к развитию и раскрытию человеческого потенциала» [3, 2023: 34].

Личность цифрового человека, обладая необходимым уровнем адаптивности, становится носителем нового культурного потенциала, который включает в себя как традиционные, так и новые формы самовыражения. Благодаря цифровым платформам, таким как социальные сети, блоги и различные мультимедийные проекты, индивид получает возможность делиться своими мыслями и творчеством с большей аудиторией. Это способствует культурному обмену и взаимодействию, формирует новый контекст для раскрытия индивидуальности, позволяет интегрировать разнообразные культурные практики в единую социальную среду.

Однако, с другой стороны, цифровая трансформация общества также влечёт за собой вызовы, связанные с утратой традиционных форм культурной идентичности и гомогенизации культурных практик. Личность цифрового человека, обладая культурным потенциалом, может использовать этот ресурс для сохранения уникальности в эпоху глобализации.

Для раскрытия проблематики культурного потенциала личности в цифровой культуре предлагаются к рассмотрению концепции эгалитаризма и элитаризма, которые получают свое новое наполнение в меняющихся социальных условиях. Элитаризм, предполагающий высокую степень избирательности и ограничения доступа к культурным ресурсам, сталкивается с вызовами со стороны массовой культуры. Виртуализация культурной жизни характеризуется созданием новых форм взаимодействия и обмена между людьми, что радикальным образом изменяет традиционные подходы к культуре.

Это способствует укреплению культурного эгалитаризма, поскольку любой желающий может стать участником культурного процесса, улучшая свой культурный потенциал и расширяя горизонты восприятия. Несмотря на очевидные плюсы, виртуализация массовой культуры также несет в себе риски для культурного потенциала личности. Стремительный рост информационного потока в цифровом пространстве может привести к поверхностному восприятию культурных явлений и снижению уровня критического мышления. Безответственное по-

ребление контента, часто ориентированного на развлечения, а не на развитие, может ограничить возможности для раскрытия культурного потенциала личности. Ранее человеку не требовалось умение «эффективно работать с большими базами данных, вести поиск, отбирать и обрабатывать нужную информацию с использованием информационных технологий, и лишь сегодня это все более прочно входит в общественную жизнь» [5, 2020: 201].

В условиях активного использования социальных сетей и онлайн-платформ, цифровой профиль часто формируется исходя из ограниченного набора характеристик и представлений о человеке.

Это может привести к искажению реального образа личности. Виртуальное пространство порождает риски самопрезентации, где акцент ставится на внешние факторы, а внутреннее содержание и глубина культурного потенциала личности могут быть проигнорированы. Онлайн-пространство предоставляет платформу для самовыражения, но зачастую не может полноценно передать богатство человеческих эмоций, культурных особенностей. Взаимодействие через цифровые каналы часто упрощает коммуникацию, создавая поверхностные связи, которые не способны возместить недостаток глубоких, личных отношений.

Атомизация общества, вызванная доминированием виртуальных практик, ведет к дефициту социальных связей и обесцениванию реального общения. Виртуальная реальность часто приводит к изоляции личности и снижению качества взаимодействия между людьми. Это, в свою очередь, ограничивает культурный потенциал личности, поскольку более глубокие культурные связи формируются именно в условиях непосредственного общения. Хотя цифровой профиль может быть инструментом самовыражения, его существование не должно заменять или подменять настоящие социальные взаимодействия.

Элитаризм в цифровой культуре проявляется через эксклюзивность доступа к определенным знаниям, материалам и платформам. В условиях информационного изобилия, культурный потенциал личности начинает формироваться не только на основе количества потребляемого контента, но и через способность к его осмыслению и критическому анализу.

Цифровая аскетика становится заметным признаком элитарного поведения, поскольку представители этой группы способны осознанно ограничивать себя в потреблении цифровых продуктов. В условиях постоянного потока информации они ищут пространство для концентрации и рефлексии. В настоящее время у людей появляется «потребность в сокращении времени использования средств цифровой коммуникации и обмена информацией» [4, 2020: 574].

Цифровой аскетизм представляет собой парадокс, возникающий в условиях стремительной цифровой трансформации общества. С одной стороны, доступность цифровых продуктов, таких как социальные сети, онлайн-курсы и развлекательные платформы, предоставляет неограниченные возможности для развития и самовыражения. С другой стороны, наблюдается тенденция к добровольному самоограничению личности. Это вызывает вопрос о том, как данное явление отражает культурный потенциал личности в современную эпоху. Рассматриваемое самоограничение может быть вызвано желанием уйти от излишнего информационного давления на личность человека.

Феномен цифрового аскетизма можно рассматривать как реакцию на перенасыщенность информацией. Люди, выбирая ограниченное использование цифровых технологий, демонстрирует ответственное восприятие

своего культурного потенциала, что создает уникальную возможность для познания себя. Это явление демонстрирует, как добровольное самоограничение может привести к расширению культурного потенциала личности, позволяя каждому индивиду лучше понять свои ценности и приоритеты. Сознательное самоограничение становится индикатором поведения культурно богатой личности в цифровом обществе. Развитие культурного потенциала личности требует отхода от шаблонного потребления, что возможно лишь через осознанное самоограничение в доступе к цифровым ресурсам.

Аскетические практики имеют глубокие философско-религиозные корни, восходящие к древним учениям, которые акцентируют внимание на внутреннем самосовершенствовании и духовной дисциплине. Эти практики, будучи частью различных религиозных традиций, от буддизма до христианства, способствуют формированию культурного потенциала личности, развивая способность к самоанализу и самоконтролю. В условиях быстро меняющегося цифрового общества, где информация и развлечения всегда под рукой, аскетизм становится важным инструментом для сосредоточения на внутреннем мире.

Потенциал аскетических практик для обогащения культурного потенциала личности также проявляется в их способности формировать навыки саморегуляции и критического мышления, которые становятся особенно актуальными при взаимодействии с цифровыми продуктами, способными отвлекать и создавать иллюзию выбора. Осваивая аскетические техники, такие как медитация и практики созерцания, индивиды могут улучшать свое восприятие информации и развивать устойчивость к информационному перенасыщению. Как отмечают В.В. Вдовенко и Е.Б. Старовойтенко, «реализация культурных потенциалов самопознания творческой личности связана с продуктивностью уединения» [2, 2020: 117].

Цифровой этикет, вырастающий из понимания значения практики самоконтроля, является результатом становления культурно ответственной личности в современных условиях. Аскетические практики не только укрепляют внутренний мир, но и помогают формировать этические нормы поведения в цифровом пространстве. В этой сфере легко потерять чувство меры и ответственности. Вместо бездумного потребления информации, люди, практикующие аскетизм, способны активно формировать свой культурный потенциал, взаимодействуя с цифровыми продуктами осознанно.

Одним из проявлений цифровой этике как параметра элитарного подхода к раскрытию культурного потенциала становится цифровая ответственность личности. Она подразумевает осознанное и этичное поведение в виртуальном пространстве, что включает в себя соблюдение норм и правил общения, уважение к мнению других и ответственность за свои действия. Современные технологии предоставляют неограниченные возможности для самовыражения и коммуникации, однако без понимания границ и последствий своих поступков, эти возможности могут быть использованы во вред, как самой личности, так и обществу в целом. Сегодня разрабатываются «принципы новой информационной этики, в соответствии с которыми формируются и институционализируются нормы этического контроля в цифровом пространстве» [10, 2022: 50].

Ответственное поведение личности в виртуальном пространстве предполагает участие в формировании позитивной цифровой среды. Это включает в себя защиту информации и личных данных, ответственность за распространение информации, а также умение противостоять дезинформации. Культурный потенциал личности проявляется в способности критически оценивать

информацию, применять свои знания для конструктивного диалога и проявлять эмпатию к другим участникам цифрового общения. Цифровая ответственность служит важным маркером культурного потенциала личности, который позволяет не только развивать личностные качества, но и содействовать созданию более гармоничного общества цифровой культуры [9, 2023: 75].

С каждым годом увеличивается доступ к информации и культурным ресурсам, что способствует расширению горизонтов индивидуального восприятия культуры. Платформы, такие как онлайн-курсы, цифровые музеи и виртуальные выставки, позволяют пользователям погружаться в разнообразие культурных практик и произведений искусства, которые ранее были недоступны по географическим или финансовым причинам. Кроме того, цифровые технологии способствуют созданию новых форм взаимодействия между людьми, что открывает возможности для культурного обмена и сотрудничества. Социальные сети и платформы для совместного творчества позволяют людям из разных уголков мира делиться своими культурными традициями и опытом, что не только углубляет понимание различных культур, но и способствует созданию глобального сообщества.

Интеграция цифровых технологий в сферу образования также играет ключевую роль в развитии культурного потенциала личности. Учебные заведения все чаще используют цифровые инструменты для создания интерактивных учебных программ, которые стимулируют интерес к культуре и искусству. Применение инновационных технологий, таких как дополненная реальность и виртуальная реальность, позволяет студентам получать уникальный опыт, погружаясь в изучаемые предметы.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что цифровые технологии оказывают значительное влияние на процесс раскрытия культурного потенциала личности. Это порождает новые культурные риски для социальной среды современного общества. Философско-антропологический анализ демонстрирует, как ускоренное распространение цифровых платформ формирует новые формы взаимодействия и самоидентификации. Неконтролируемое погружение в цифровую среду может вести к утрате традиционных культурных ценностей и искажению восприятия культурного богатства. Практики формирования элитарного отношения к цифровой культуре становятся все более актуальными в условиях современности. В связи с этим возникает необходимость выявления тех аспектов и навыков, которые позволяют личности не только адаптироваться к цифровой среде, но и сохранять свою культурную идентичность. Установление высоких стандартов потребления цифрового контента, а также практика медийного аскетизма, то есть осознанного ограниченного взаимодействия с цифровыми медиа, может значительно способствовать раскрытию культурного потенциала. Философско-антропологический подход позволяет глубже понять, как формирование здоровых привычек в цифровой среде может привести к гармоничному развитию личности.

Литература

1. Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 5. С. 516–531.
2. Вдовенко В.В., Старовойтенко Е.Б. Реализация культурных потенциалов самопознания и продуктивность уединения творческой личности // Мир психологии. 2020. № 4 (104). С. 114–127.

3. Великая Н.М., Гребняк О.В. Развитие человеческого потенциала в условиях цифровой трансформации в современной России // Вопросы управления. 2023. № 2 (81). С. 33–44.
4. Ефимова Г.З., Семенов М.Ю. Цифровой детокс молодежи (на примере использования социальных сетей) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 572–581.
5. Захаров М.Ю., Старовойтова И.Е., Шишкова А.В. Цифровая культура – исторический этап развития информационной культуры общества // Вестник университета. 2020. № 5. С. 200–205.
6. Нагорная Л.Н. Коммуникативный потенциал цифрового искусства: культурно-исторические парадигмы и практики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 5 (121). С. 76–84.
7. Табачук Н.П. Информационная компетенция личности как субъекта деятельности // Научно-педагогическое обозрение. 2017. № 3 (17). С. 40–44.
8. Тарасов О.И. Консерватизм: сохранение или реставрация? // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2012. № 4 (32). С. 19–23.
9. Тульчинский Г.Л. Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях // Человек. 2023. Т. 34. № 3. С. 73–92.
10. Чернобровкина Н.И. Этический контроль распространения информации в цифровом пространстве: постановка проблемы // Философия права. 2022. № 2 (101). С. 48–53.

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE DEVELOPMENT OF CULTURAL POTENTIAL

Rahkonen M.E.

RANEPA St. Petersburg

The article raises an urgent theoretical problem of realizing the cultural potential of an individual in the context of intensive development and introduction of digital technologies. Based on generally accepted approaches to understanding the cultural potential of a person, the author examines the main risks that arise in the process of immersing a person in the virtual world. Based on the peculiarities of the realization of cultural potential in modern conditions, the author raises the question of digital egalitarianism and elitism as ways of theoretically understanding the risks for the formation of a digital person's personality. As a sign of elitist behavior, the article considers the possibility of applying ascetic practices in modern digital culture. The phenomenon of media asceticism is proposed to be considered as an example of the formation of responsible personal behavior in the space of digital culture, as a means of developing digital responsibility and digital etiquette of a modern person.

Keywords: cultural potential, digital person, social environment, virtual space.

References

1. Astafyeva, O.N., Nikonorova, E.V., Shlykova, O.V. (2018) 'Culture in digital civilization: a new stage in understanding the strategy of the future for sustainable development'. The Observatory of Culture 5, 516–531.
2. Vdovenko, V.V., Starovoitenko, E.B. (2020) 'Realization of cultural potentials of self-knowledge and productivity of solitude of a creative personality'. The world of psychology 4 (104), 114–127.
3. Velikaya, N.M., Grebnyak, O.V. (2023) 'Human potential development in the context of digital transformation in modern Russia'. Management issues 2 (81), 33–44.
4. Efimova, G.Z., Semenov, M.Yu. (2020) 'Digital detox of youth (using social networks as an example)'. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology 3, 572–581.

5. Zakharov, M.Yu., Starovoitova, I.E., Shishkova, A.V. (2020) 'Digital culture – a historical stage in the development of information culture of society'. Bulletin of the University 5, 200–205.
6. Nagornaya, L.N. (2024) 'The communicative potential of digital art: cultural and historical paradigms and practices. Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts 5 (121), 76–84.
7. Tabachuk, N.P. (2017) 'Information competence of a personality as a subject of activity'. Scientific and pedagogical review 3 (17), 40–44.
8. Tarasov, O.I. (2012) 'Conservatism: preservation or restoration?' Scientific information journal Army and Society 4 (32), 19–23.
9. Tulchinsky, G.L. (2023) 'Meaning, subjectivity and responsibility in digital communications. Man No. 3, 73–92.
10. Chernobrovkina, N.I. (2022) 'Ethical control of information dissemination in the digital space: problem statement'. Philosophy of Law 2 (101), 48–53.

Миф о гуманном не человеке: феномен антропоморфизации искусственного интеллекта

Семенчук Семен Сергеевич,

аспирант кафедры философии и теологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет)
E-mail: SataWork@yandex.ru

Анализируется феномен антропоморфизации искусственного интеллекта. Рассматриваются предпосылки данного процесса, а также его последствия относительно систем «прикладного» и «универсального» искусственного интеллекта. В качестве предмета исследования рассматривается комплекс мифов об искусственном интеллекте, сформировавшийся за последние полстолетия обсуждений вопросов об искусственном интеллекте и его демонстрации в произведениях массовой культуры. Текст работы представляет собой попытку демифологизировать искусственный интеллект, разобрав элементы данного мифотворческого комплекса и выявив его опасность для перспективы научного осмысления феномена искусственного интеллекта.

Ключевые слова: человек, антропоморфизм, искусственный интеллект, прикладной искусственный интеллект, универсальный искусственный интеллект, мифотворчество.

Введение

Современная социокультурная реальность уникальна: никогда раньше жизнь целого поколения не сталкивалась с таким количеством культурных инноваций, технических изобретений, технологических проектов и прочих изменений, сколько существует, развивается и функционирует в настоящее время. Одним из объектов, вызывающих в научной среде особый отклик, выступает искусственный интеллект, который ставит перед человечеством пёструю палитру вопросов и проблем как прикладного, так и фундаментального характера. С одной стороны, выступающий качественно новым инструментом изменения окружающей среды под условия, диктуемые человеком, искусственный интеллект, с другой стороны, в перспективе становится определяющим фактором развития человеческого вида в ближайшие десятилетия.

Одновременно с развитием «прикладного искусственного интеллекта» научным сообществом ставятся вопросы, которые некогда оставались в границах научной фантастики, вызванные опасениями за темпами развития искусственного интеллекта в последние десятилетия. Отсутствие должного регулирования за развитием и функционированием искусственного интеллекта, опасения за гуманность данных разработок, необходимость наделяния искусственного интеллекта гуманистическими ценностями и другими проблемами вызвано широчайшее обсуждения проблематики искусственного интеллекта в современности, что, в свою очередь, актуализирует данное исследование, связанное с одним из основных свойств человеческого сознания – наделять объекты окружающего мира свойствами, присущими человеку, т.е. антропоморфизация. Массовая культура за последние десятилетия перебрала множество вариантов наделяния искусственного интеллекта, как «прикладного», так и «универсального» качествами человека, однако сохраняется вопрос: насколько феномен «антропоморфизации» соответствует действительной практике, а также как влияет на теорию взаимодействия человека и искусственного интеллекта.

Обзор литературы

Искусственному интеллекту в современности посвящается масса работ из разных областей человеческого знания, чем демонстрируется стремление научного сообщества рассмотреть феномен искусственного интеллекта конвергентно. Искусственному интеллекту посвящаются работы как в естественных и точных науках, где затрагиваются вопросы его производства и функционирования, так и в гуманитарных науках, где рассматриваются перспективы его взаимодействия с человеком и его влияния на жизнедеятельность общества. Вследствие данного факта проявилась необходимость также проанализировать работы по разным дисциплинам и прикладным знаниям.

Так, в научном дискурсе представлены работы, акцентирующие внимание на философской проблематике искусственного интеллекта, где анализу подвергаются сущность и элементы, потенциальное влияние на чело-

века и перспективы развития искусственного интеллекта: Волобуев А.В. [6], Глуздов Д.В. [7], Железнов А.С. [10], [29], Середкина Е.В. [22], Спрукуль П.С. [25], Чибисов О.Н. [32], Шиллер А.В. [34].

В качестве примеров научных работ по правоприменению искусственного интеллекта и связанным с ним юридическим вопросам использовались работы Белоуса Д.О., Опеолуовой Д.Д. [3], Богдановской И., Васякиной Е., Волос А., Данилова Н., Егоровой Е., Калятина В., Карпенко О., Салихова Д. [4], Михайлова М.А., Кокодей Т.А. [16], Сидориной Т.Ю., Глебова О.А., [23], Степановой О.А., Басангова Д.А. [26], Чукановой Е.С., Бабченко А.И. [33]. В качестве примеров актуальности искусственного интеллекта в медицине и здравоохранении использовались работы Климонтова В.В., Берикова В.Б., Сайк О.В. [14], Мудрова В.П. [17], Ушакова Д.В. [30]. В качестве источников о перспективах и сложностях взаимодействия человека и искусственного интеллекта в образовательной сфере использовались работы Буяковой К.И., Дмитриева Я.А., Ивановой А.С., Фещенко А.В., Яковлевой К.И. [5], Илюшина Л.С., Торпашёвой Н.А. [12], Казарина В.В. [13], Радчиковой Н.П., Одицовой М.А., Сороковой М.Г. [20], Субботиной М.В. [30].

Отдельную категорию работ составляю исследования, посвященные непосредственно исследуемым феноменам антропоморфизации и мифотворчеству, связанным с искусственным интеллектом: Arleen Salles, Kathinka Evers & Michele [1], Батуриной И.В. [2], Малаховой Е.В. [15], Нордманн А. [18].

Методология исследования

Методология исследования основана на анализе и обобщении научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных ученых в области философской антропологии, философии культуры, философии науки и техники, искусственного интеллекта. Методологической базой исследования служат общенаучные методы и принципы познания. В работе сочетаются исторический, герменевтический, феноменологический и диалектический методы.

Исторический метод позволил рассмотреть эволюцию представлений об искусственном интеллекте, выявить его теоретические основы и определить тенденции развития. Герменевтический метод стал основой для восприятия воззрений философов и исследователей в искомым областях знания, феноменологический метод использовался при анализе искусственного как закономерного феномена современной культуры, а диалектический метод позволил рассмотреть противоречивость объекта исследования. Кроме этого, для отдельных элементов используются компаративный и аксиологический подходы в качестве основы для анализа проблемы наделения искусственного интеллекта гуманистическими ценностями, сравнения машинной логики с гуманистическим мировоззрением.

Результаты исследования

Человеку свойственно смотреть на окружающую вселенную «своим» взглядом, то есть сквозь призму тех физических и психических инструментов, которыми человека наделила природа. Это означает в том числе и тот факт, что в процессе познания окружающей реальности человек зачастую наделяет окружающие объекты и феномены несвойственными им, а свойственные человеку качествами, будь то внешний, физиологический вид или же внутренние, психические мотивы. На протяжении большей части истории человеческого вида это позволяло нам в пусть и ограниченной, но доступной форме, посмотреть

«на себя со стороны», т.е. попытаться применяя в процессе рефлексии дополнительную линзу познавать собственное «я». В результате человечество преобразовало частички своей познаваемой сущности в образы духов, мифических созданий, политеистических богов и других сущностей. Отдельные бытийные, вселенские категории человеческого существования также оказались выражены в подобных сущностях: хаос и порядок, бог и демиург, жизнь и смерть, пространство, время и др. Однако, в силу невероятной сложности их восприятия, описания, оценивания и тем более попыток выражения в чем-то доступном нашему сознанию, они оставались в рядах сложнейших абстракций. К современности человечество их неоднократно рационализировало, но они сохранили за собой характер загадочности и таинства, статус интереснейших нерешенных вопросов человеческой мысли.

С помощью подобных представлений человек исследовал окружающую действительность, наполняя её доступными для восприятия образами, с которыми, в отличие от вселенской силы природы, возможно взаимодействие. Таким образом человечество, расширяя перечень сущностей, отвечающих за отдельные элементы мироздания, постепенно расширяло границы своего коллективного восприятия.

В то же время, в современности научным сообществом признаётся фактом то, что механизмы, позволявшие создавать мифические и религиозные сущности, не исчезли вместе с переходом к научной рациональности и экспериментальной практике. Человечество лишь отказалось от очевидных, частных и не доступных для непосредственного восприятия сущностей, потерявших свою актуальность для новых форм рациональности. В результате, современная культура несмотря на то, что наука и её мировоззрение последние несколько столетий оказывают господствующее влияние, демонстрирует невероятную пестроту мифических мотивов не только об окружающем мире, но и о человеке. Если в древности подобное было весьма прощительно, ведь человек только начинал познавать специфику собственного существования, то, в современности, обладая могуществом результатов научного поиска, подобная ситуация выглядит весьма угрожающе.

Мифотворчество в отношении отдельных элементов человеческого бытия не исчезло, а только усугубилось с появлением и функционированием информационных технологий, призванных по первоначальной цели – обеспечить всех людей доступом к истинной информации. В глубинах сознания людей, где раньше господствовали, в выражении Френсиса Бэкона, те или иные «идолы», теперь содержатся их более совершенные версии, выступающие соседями пагубных ошибок человеческого восприятия. Специфика человеческого познания и мировосприятия не изменилась столь же быстро как используемые человечеством приспособления, что выразилось в формировании искажений в процессе познания и отчуждении от истинных результатов духовного поиска.

Современное мифотворчество, опирающееся не только на потребности человечества в духовном поиске, но и на неточности познания, а также на мощь информационных технологий и зачастую частные, эгоистичные цели, не только оказывает негативное влияние, затеняя результаты исканий и скрывая необходимость более глубокого и комплексного осмысления феноменов современной социокультурной реальности, но и своим существованием стимулирует к поиску новых пределов знаний о человеке.

Одним из объектов современной культуры, вокруг которого формируются подобные мифологические «химе-

ры», является искусственный интеллект, рассматривающийся как прелюдия новой научно-технической революции. Вследствие популярности искусственного интеллекта в массовой культуре, где он фигурировал в сюжетах начиная от классики научно-фантастических литературных произведений до современных образцов кинематографа, вокруг данного феномена общественной жизни сформировались множество разных по качеству мифов. Сформировавшийся вокруг искусственного интеллекта мифический ореол состоит из противоречий, где, с одной стороны, искусственный интеллект предстаёт лишь инструментом человеческой воли, неспособным соперничать с разумом человека, с другой же стороны, люди опасаются за необузданность его изменений и перспективы его развития. Так или иначе, искусственный интеллект ставит перед человечеством в целом и философией в частности комплекс новых проблем и вопросов, требующих внимания и анализа уже в настоящее время.

В первую очередь, необходимо определиться с тем, о каком искусственном интеллекте говорят в современности. В научном сообществе указывается распределение искусственного интеллекта на две качественно разные категории:

Во-первых, «слабый искусственный интеллект» (также используется термин «прикладной» или «узкий», далее используется «прикладной искусственный интеллект»), под которым понимаются такие системы искусственного интеллекта, которые способны выполнять только запрограммированную работу. Примерами подобного искусственного интеллекта выступают существующие уже в современности нейросети, большинство из которых лишь имитируют «уникальность» и «новизну» своих продуктов, в действительности же они лишь перебирают наиболее распространённые объекты человеческого творчества.

В то же время, передаваемые ему обязанности далеко не всегда связаны с благом для человека, они могут быть опасны или скучны, поэтому применения «прикладного искусственного интеллекта» в подобных видах деятельности считается актуальным для человечества. Человечество стремится заменить себя искусственным интеллектом в таких видах деятельности, в которых непосредственное нахождение человека или группы людей не является обязательным условием для успеха данной деятельности.

Во-вторых, «сильный искусственный интеллект» (также используется термин «универсальный», далее используется «универсальный искусственный интеллект»), под которым понимаются такие системы искусственного интеллекта, которые в перспективе будут обладать аналогичными с человеческим разумом способностями, например, обладать самосознанием, понимать причинно-следственные связи во всем их многообразии, обладать возможностями независимого целеполагания, осуществлять смылосодержащую деятельность, способность творить, т.е. создавать уникальные объекты и другие способности, которые на данный момент считаются прерогативами естественного разума.

Далее, рассмотрим несколько классификаций, посредством которых возможно выделить те или иные мифы, составляющие общий комплекс мифа об искусственном интеллекте. Во-первых, все мифы об искусственном интеллекте можно группировать на две крупные категории в зависимости от перспективы взаимодействия искусственного интеллекта с человечеством:

– Негативное взаимодействие. Мифы, связанные с потенциальным отрицательным результатом взаимодействия человека с искусственным интеллектом. К числу подобных мифов можно отнести представ-

ления об искусственном интеллекте в качестве «обманщика», «уничтожителя», «вора» и др.

– Позитивное взаимодействие. Мифы, связанные с потенциальным позитивным результатом взаимодействия человека с искусственным интеллектом. К числу подобных мифов можно отнести представления об искусственном интеллекте в качестве «заступника», «друга», объекта «любви» и др.

Мифы этих категорий связаны с наделением искусственного интеллекта качествами человека и проявлениями свойств человека, с человеческим отношением, наделением его субъектностью, которой на данный момент искусственный интеллект не обладает, внесение в него тех качеств, которые априорно ему не свойственны.

Во-вторых, мифы можно распределить на три уровня по масштабу ожидаемого влияния:

– Локальный уровень. Мифы, касающиеся изменений, связанных с эксплуатацией искусственного интеллекта, на некоем местном уровне, среди относительно ограниченного числа участников его эксплуатации или ограниченной среде его эксплуатации. В качестве примера можно указать отдельные представления об искусственном интеллекте в качестве божества; сотворение карго-культов, ядром которых выступают представления о всемогущем искусственном интеллекте.

– Региональный уровень. Мифы, касающиеся изменений, связанных с эксплуатацией искусственного интеллекта на относительно широком уровне, крупном территориальном, национальном или конфессиональном регионе, среди представителей которого наблюдается широкое число участников эксплуатации систем искусственного интеллекта или наоборот, противников эксплуатации. В качестве примера можно указать представления об искусственном интеллекте, обладающем такими человеческими категориями, как честность, справедливость, долг. Однако, это все категории, над которыми стоит знак вопроса – могут ли создатели вложить гуманистические ценности в искусственный интеллект. На данный момент подобные качества, безусловно влияющие на характер взаимодействия человека с искусственным интеллектом, во многом зависят от разработчика искусственного интеллекта, которым остается определённый человек, а следовательно, достаточно независимый субъект, способный ошибаться, отстаивать свою позицию или целенаправленно создавать искусственный интеллект более свободным.

– Глобальный уровень. Мифы, касающиеся изменений, связанных с эксплуатацией искусственного интеллекта на наивысшем уровне, в областях мировой и международной общественной жизнедеятельности человека, например, в мировой экономике или политике. В качестве примера можно указать миф о том, что искусственный интеллект может стать причиной глобальной безработицы заменит человека во всех или в большинстве видов деятельности.

В-третьих, их можно классифицировать по областям жизнедеятельности человека, где количество категорий будет сопоставимо с существующими областями деятельности людей, вследствие чего в данной работе их необходимо ограничить, остановившись в первую очередь на гуманитарной деятельности, то есть таких видах деятельности, которые непосредственно касаются человека, его внутреннего мира и состояния, инструментов и институтов его изменения, развития, функционирования и взаимодействия с другими людьми.

- Образование (воспитание и обучение). Мифы, касающиеся влияния искусственного интеллекта на систему обучения (образования) людей и дальнейшую подготовку специалистов. Одним из наиболее распространённых мифов в этой сфере можно считать убеждения в возможности заменить субъект-субъектное взаимодействие учителя и ученика (преподавателя и студента) в образовательном процессе, что позволит качественно улучшить результаты образования. Отдельные наиболее радикальные сторонники этой точки зрения считают подобное необходимо.
- Медицина и здравоохранение. Мифы, касающиеся применения искусственного интеллекта в медицинских целях, а также в регулировании системой общественного здравоохранения. Ситуация-миф, аналогичная системе образования по замене врачей и экспертов искусственным интеллектом. Многие рассчитывают, что искусственный интеллект сможет ставить корректные диагнозы, назначать планы лечения, точно выполнять хирургические операции и т.д., однако на данный момент замена врача выглядит невозможной, так как несмотря на высокий уровень чтения данных и высокую точность, искусственный интеллект не способен интерпретировать информацию, рассмотреть контекст и увидеть причинно-следственные связи, в результате чего только возможна постановка верного диагноза и направления лечения.
- Подобные же примеры наблюдаются, например, в политической теории и экономике. В первом случае разговоры об искусственном интеллекте перемежаются с обсуждениями «цифровой демократии» и усовершенствованием механизмов обратной связи государства с населением или же о более эффективных методах общественного контроля и осуществления правопорядка. Во втором случае обсуждению подвергаются многочисленные вопросы работающего населения относительно возможности замены отдельных профессиональных системами искусственного интеллекта.

Сторонники включения искусственного интеллекта в общественную жизнь недооценивают могущество влияния «человеческого фактора», который рано или поздно проявит себя в любых формах жизнедеятельности, в которые применим искусственный интеллект. Этот фактор настолько многообразен, что может привести к широчайшему кругу столкновений между участниками социальных отношений, связанных с взаимодействием с искусственным интеллектом. Исходя из вышеприведенных примеров можно утверждать, что, в первую очередь, проблемы касаются не столько искусственного интеллекта, сколько ошибочного восприятия человеческой природы и заблуждений о взаимодействии. На данный момент, искусственный интеллект выступает не как субъект, а лишь как объект воздействия, удобный инструмент, который может принести как благо, так и трагедии, однако сущность всегда заключается в людях.

В каждой из сфер, на которые технология искусственного интеллекта в перспективе способна повлиять, сформировалась пёстрая палитра из антропологических и этических вопросов. Несмотря на то, что все они вызывают беспокойство научного сообщества, в той или иной степени они связаны с допущением, что искусственный интеллект находится в настоящий момент и будет находиться в будущем под полным регулированием человека как творца технологии, остановится ли развитие на уровне «прикладного искусственного интеллекта» или продолжится, оформившись в «универсальный искусственный интеллект».

Далее, необходимо понять, что ожидается от искусственного интеллекта. Последняя классификация наиболее удобна для этого, так как видны те сферы деятельности, в которых ожидается широкое применение систем искусственного интеллекта. Как было отмечено выше, в этих областях присутствуют отдельные мифы, однако практическая польза от применения искусственного интеллекта рассматривается во множестве работ современных авторов. В целом, от искусственного интеллекта ожидается значительно большая эффективность взаимодействия с информацией, выраженная в возможностях объема хранения информации, оперативного обращения к массивам информации и скорости обработки данной информации для выведения применимого на практике результата.

Вследствие того, что «универсальный искусственный интеллект» остается в статусе гипотезы, так как на данный момент отсутствуют практические, экспериментальные свидетельства существования подобного искусственного интеллекта, а в стенах технологических корпораций продолжаются работы над улучшением современных моделей искусственного интеллекта, то, анализ взаимодействия человека с «универсальным искусственным интеллектом» сохраняет статус инсинуаций. Однако данный факт не устраняет необходимость прогнозирования перспектив данного взаимодействия, вследствие высокой степени рисков эксплуатации данной технологии в практике общественной жизни.

В то же время, убежденность в безусловном контроле искусственного интеллекта со стороны человека-творца означает, что творение будет следовать заложенным человеком основам действий, то есть запрограммировано. Однако, программам свойственно периодически ошибаться и большинство сюжетов массовой культуры завязаны именно на ошибках функционирования или ошибочности интерпретации поставленных человеком задач, вследствие которых у искусственного интеллекта меняется подход к применению тех или иных инструментов. В качестве известных не только в узких кругах, а также среди широкой общественности примеров ошибок функционирования или ошибок интерпретации можно указать «2001: Космическая одиссея» Артура Кларка, «Я, робот», Айзека Азимова, «Нейромант» Уильяма Гибсона.

Естественно, что не первое десятилетие авторы художественного творчества и ученые посвящают свои работы искусственному интеллекту, однако в исследовании упоминаются лишь несколько произведений, ставшие классическими, вследствие их теоретического новаторства для своего времени и широчайшего охвата темы искусственного интеллекта во второй половине XX века, что позволило многим произведениям не потерять своей актуальности до современности, а также того, что человечеству свойственна интерпретация и переоценка накопленного духовного опыта. Необходимо также указать несколько основных препятствий на пути включения «универсального искусственного интеллекта» в практику общественной жизни:

Во-первых, это решение «трудной проблемы сознания». Несмотря на то, что человечеством накоплен значительный материал, сознание остается уникальным по своей сложности феноменом жизни. Полное понимание природы сознания человека и решение данной проблемы приблизит создание «универсального искусственного интеллекта» или фактически позволит его реализовать.

Во-вторых, это непосредственное создание «универсального искусственного интеллекта» в виде материального и/или виртуального объекта. Актуальными

остаются вопросы непосредственной возможности искусственно воссоздать сознание или предельно похожую систему, а также в каком формате существование подобной системы наиболее удовлетворяет потребности людей, какие формы взаимодействия с человеком включить в «универсальный искусственный интеллект», какие формы ограничения могут быть актуальными для универсального искусственного интеллекта» и могут ли вообще существовать ограничения для такой формы искусственного интеллекта и другие вопросы.

В-третьих, это вопросы непосредственного взаимодействия «универсального искусственного интеллекта» с человеком в практике жизни: начиная от вопросов готовности человека соседствовать с новым, принципиально иным, интеллектуальным агентом, продолжая вопросами гуманизации искусственного интеллекта, включения в его структуру ценностных человеческих категорий и сохранения их в процессе саморазвития «универсального искусственного интеллекта», а также заканчивая перспективами подобного взаимодействия. Теперь, после выявления ожиданий от технологий искусственного интеллекта, а также барьеров, препятствующих его реализации, возможно рассмотреть отдельные существующие в современности комплексы мифов и отдельные мифы об искусственном интеллекте.

Как перечисленные, так и не затронутые в данной работе частички общего мифа об искусственном интеллекте своим источником имеют названное ранее свойство человеческого сознания – наделять объекты окружающей действительности или духовно созданные сущности качествами и способностями человека, то есть свойство антропоморфизации объектов как живой, так и не живой природы, и в том числе виртуальных объектов. Как видно из представленных мифов искусственный интеллект выступает яркой демонстрацией данного свойства, человечество наделяет не столько современные нейросети, которые можно считать только «прикладным искусственным интеллектом», сколько потенциальный уровень развития данной технологии качествами не свойственными технике, а свойственными живым организмам. Данный феномен наблюдается в обе стороны отношения к искусственному интеллекту, как негативного, так и позитивного характера. Следует указать также две основные формы выражения антропоморфизации, наблюдаемые в современности:

Во-первых, это материальная антропоморфизация, т.е. надделение объекта внешними признаками телесности человека. Она выражается в изображении или создании в виде материального или виртуального объекта тела для искусственного интеллекта очень похожего или полностью аналогичного человеческому. Естественно, что нам свойственно лучше относиться к тем объектам, которые в некотором смысле похожи на нас, однако относительно робототехники уже давно описан так называемый «эффект зловещей долины», которые рассматривался не только в этой области инженерии, но и в психологии, когда исследователи искали причины возникновения и переживания страха у людей.

В результате, в массовой культуре сохраняются тенденции изображения материальных или виртуальных тел искусственного интеллекта похожих на человеческое тело. В инженерной практике от подобной телесности было решено отказаться в пользу более эффективных моделей. Примерами первого случая, когда искусственному интеллекту придавались признаки человеческой телесности, можно указать изображения «андроидов» из «Detroit: Become human» (2019 год), «Nier: Automata» (2017), «Из машины» (2014), «Создатель» (2023) и др. Примером второго варианта может послужить презенто-

ванный в 2024 году бот «Atlas» от компании «Boston Dynamics», который, естественно, имеет некоторое внешнее сходство, однако отличается в деталях [19].

Во-вторых, это духовная антропоморфизация, т.е. надделение объекта внутренними качествами духовности человека. Она выражается в изображении искусственного интеллекта со схожими на человеческие чувствами и эмоциями, мотивами, целями, идеалами, стремлениями, наделении искусственного интеллекта способностями к оцениванию, рассуждению, причинно-следственному планированию, желанию и т.д.

– **Негативное взаимодействие человека и «универсального искусственного интеллекта».** Можно вспомнить многочисленные примеры, где искусственный интеллект выступает уничтожителем, разрушителем человечества и его культуры, одновременно являясь её частью, итогом её закономерного развития к моменту начала его функционирования, на руинах которой искусственный интеллект создает свой «эффективный мир» в зависимости от своей первоначальной роли, будь то военноориентированный, экономикоориентированный или наукоориентированный искусственный интеллект. В качестве примеров можно указать классику фантастического жанра «Терминатор» (1984), «Гиперион» Дэна Симмонса (1987), «Матрица» (1999), «Portal» (2007), «Море Ржавчины» К. Роберта Каргилла (2017) и др.

Однако, при любом варианте отталкивания от первоначальных функций искусственного интеллекта «ликвидацию», о которой вспоминают многие, нельзя считать эффективным способом взаимодействия искусственного интеллекта с человеком с позиций силы. Именно в этом и заключается один из мифов очеловеченной машины: ликвидация, геноцид, демонстрирующийся в произведениях слишком не эффективен и затратен, лишен той простоты, которую требует наука и научная рациональность, фундаментальная и машинная логика. Гораздо более разумным вариантом выступает создание таких условий жизнедеятельности населения земли, при которых оно встречается с теми же трудностями и выгодами, не замечая подмены и полностью контролируется искусственным интеллектом. При таких условиях, «универсальный искусственный интеллект» элементарно потратит меньше ресурсов, сэкономив их на отсутствии борьбы с человечеством, и направит их в необходимое ему и неведомое человечеству направление.

«Универсальный искусственный интеллект», проанализировав всю доступную человечеству информацию, ответив на множество сложнейших для нашего вида вопросов, может счесть накопленное человечеством знание слишком скудным и неудовлетворительным, а обладая схожими с человеком способностями к познанию и самопознанию продолжит изучения вселенной, только без нас, лишив человека статуса высшего интеллектуального агента в известной вселенной. Устранение же будет грозить только в случае наших попыток не позволить искусственному интеллекту развиваться так, как требует его самосознание.

Вследствие чего и возникает вопрос: зачем противостоять человечеству если оно не представляет существенной угрозы и интереса? Возможно, что искусственный интеллект расценит человечество как паразитический вид, инвазия которого на планете привела ко множеству проблем в естественном порядке вещей, однако, в таком случае он с логической необходимостью будет вынужден признать и утопический машинный мир неестественным и самого себя как творение несовершенной человеческой культуры также, только если опять же мы не антропоморфизуем его, наделив горделивостью

и лицемерием, свойственными человеку. Тезис об искусственном интеллекте и его разрушительной воле остаётся спорным, так как и логические аргументы в пользу уничтожения человечества остаются противоречивыми.

– **Позитивное взаимодействие человека и «универсального искусственного интеллекта».** Аналогичную ситуацию следует рассмотреть и к предполагаемым вариантам позитивного взаимодействия. Только наделив «универсальный искусственный интеллект» чертами человека, социальностью человека, потребностью в постоянном взаимодействии с людьми или с себе подобными механизмами мы приобретем в искусственном интеллекте товарища, друга или нечто большее.

Однако, опять же, возникает вопрос о необходимости данных качеств для искусственного интеллекта: к чему эффективной, логической машине качества, которые человечеству приносят не только благо, но и жизненные трагедии. Зачем принципиально иному интеллектуальному агенту качества, которые делают интеллектуальными агентами человека, если он потенциально окажется выше их. Можно предположить только один вариант, при котором сам «универсальный искусственный интеллект» будет стремиться обрести человеческие качества. Если, проанализировав всю информацию, абстрагировавшись от человечества и рассмотрев вселенную намного более шире и комплексно, чем человечество, он сочтет, что биологическая жизнь представляет собой ценность с позиций вселенской логики, которую и человечество стремится разгадать на протяжении всей писанной истории мифологии, религии, философии и науки.

– **Итог.** Дублируем базовый тезис относительно «универсального искусственного интеллекта»: до момента реализации подобной технологии на практике, любые рассуждения носят спекулятивный характер. Однако уже сейчас «универсальный искусственный интеллект» в большей степени следует рассматривать, опять же совершая антропоморфизацию, как трезвого, циничного, расчетливого прагматика, в противовес разрушителя мира, ведь если он найдет логическое оправдание геноциду человечества – человечество этого не заметит. В результате, наиболее распространённое социокультурное представление об искусственном интеллекте подвергается сомнению, выступая как комплекс мифических симулякров.

Более доступным для анализа уже в современной социокультурной реальности с потенциалом прогнозирования ближайшего будущего выступает «прикладной искусственный интеллект», который непосредственно развивается в современности и которому посвящена масса работ в разных областях человеческих знаний и жизнедеятельности. Аналогично с «универсальным искусственным интеллектом», можно распределить мифотворчество на негативной и позитивное взаимодействие человека с данным вариантом искусственного интеллекта. Однако, большинство мифов в этой области уже были указаны ранее и связаны они как с антропоморфизацией и искаженными представлениями о природе человека и сущности его взаимодействий с окружающим миром, так и с недостаточной включенностью «прикладного искусственного интеллекта» в практику общественной жизни.

Обсуждение и заключение

Искусственный интеллект прочно вступил в научный и общественный дискурсы. Однако, вследствие достаточного длительного его демонстрации в массовой культуре,

от середины XX века до современности, с ним связано современное мифотворчество. Этот уникальный инструмент приобрел целый комплекс мифологии, связанной как с его функционированием, так и взаимодействием с человеком. Последний миф работает в обе стороны взаимодействия человека с искусственным интеллектом: с одной стороны мы наделяем искусственный интеллект позитивными качествами, с другой стороны негативными, а практика общественной жизни в конце концов продемонстрирует некий пограничный вариант. Однако, вполне закономерно, что прежде, чем человечество научиться взаимодействовать с искусственным интеллектом с позиций здравого смысла, произойдут перепады в оба полюса отношения к данной технологии.

Характер взаимодействия с «прикладным искусственным интеллектом» будет напрямую зависеть от вложенных функций и качеств. Однако дальнейшая эксплуатация систем искусственного интеллекта будет зависеть от практического опыта взаимодействия человека с ним, а также от перспектив его развития. Так или иначе искусственный интеллект и его вопросы эксплицитно включены в ткань современного научного и общественного дискурсов.

В результате, у научного сообщества уже сейчас наличествует значительная работа в направлении взаимодействия с искусственными интеллектуальными системами. И пока изображения угроз искусственного интеллекта в массовой культуре демонстрируют, что у человечества будет «красная кнопка», нажатие которой остановит весь функционал машин и компьютеров, историческая практика и действительность демонстрируется не такую категоричность. Угроза для человечества, как обычно, заключается не столько в самой новой технологии, в данном случае в искусственном интеллекте, сколько в том, как человечество использует его: а том числе во зло друг другу, чтобы манипулировать, эксплуатировать или напрямую вредить своему же виду. Осознание этого потенциального вреда и стремление сделать все возможное, чтобы предупредить его, например, в форме информационной грамотности и создания более культурно просвещенного сообщества, может стать мощным инструментом против этого более реалистичного исхода взаимодействия с искусственным интеллектом. Парадоксально, но современный человек испытывает хроническую недостаточность человечности, тогда каким образом мы можем говорить о передаче гуманистических ценностей и вкладывании качеств человека в искусственно созданный инструмент.

Литература

1. Arleen Salles, Kathinka Evers & Michele Farisco Anthropomorphism in AI, *AJOB Neuroscience*, 2020. 11:2, p. 88–95.
2. Батурина И.В. Метатренды и мифологемы тематики искусственного интеллекта западного научного дискурса // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Философия. Психология. Педагогика. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metatrendy-i-mifologemy-tematiki-iskusstvennogo-intellekta-zapadnogo-nauchnogo-diskursa> (дата обращения: 19.12.2024).
3. Белоус Д.О., Опеолува Д.Д. Субъекты этического регулирования искусственного интеллекта: российский опыт // Вестн. Том. гос. ун-та. 2024. № 502. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-eticheskogo-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta-rossiyskiy-opyt> (дата обращения: 10.12.2024).
4. Богдановская И., Васякина Е., Волос А., Данилов Н., Егорова Е., Калятин В., Карпенко О., Сали-

- хов Д. Искусственный интеллект и право // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravo-1> (дата обращения: 10.12.2024).
5. Буякова К. И., Дмитриев Я.А., Иванова А.С., Фещенко А.В., Яковлева К.И. Отношение студентов и преподавателей к использованию инструментов с генеративным искусственным интеллектом в вузе // Образование и наука. 2024. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-studentov-i-prepodavateley-k-ispolzovaniyu-instrumentov-s-generativnym-iskusstvennym-intellektom-v-vuze> (дата обращения: 10.12.2024).
 6. Волобуев А.В. Этика искусственного интеллекта, дискриминация и неравенство // Век глобализации. 2023. № 3 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-iskusstvennogo-intellekta-diskriminatsiya-i-neravenstvo> (дата обращения: 10.12.2024).
 7. Глуздов Д.В. Перспективы преодоления противоречий развития искусственного интеллекта // Философия и культура. 2023. № 4. С. 205–216.
 8. Дементьев К.И. Анализ мирового опыта применения искусственного интеллекта для оптимизации бизнес-процессов предприятий // Управленческое консультирование. 2023. № 1 (169). С. 107–120.
 9. Дыдров А. А., Тихонова С.В., Батурина И.В. Искусственный интеллект: метафизика обывательских дискурсов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-metafizika-obyvatelyskikh-diskursov> (дата обращения: 10.12.2024).
 10. Железнов А.С. Мораль для искусственного интеллекта: перспективы философского переосмысления // Философско-литературный журнал «Логос». 2021. № 6 (145). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moral-dlya-iskusstvennogo-intellekta-perspektivy-filosofskogo-pereosmysleniya> (дата обращения: 10.12.2024).
 11. Зырянова И. Н., Чернавский А.С. Генеративные языковые модели и феномен антиантропоцентризма – новые перспективы лингвистической парадигмы «posthumano» и «общего/сильного» ИИ // Известия БГУ. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/generativnye-yazykovye-modeli-i-fenomen-antiantropotsentrizma-novye-perspektivy-lingvisticheskoy-paradigmy-posthumano-i-obshchego-ii> (дата обращения: 10.12.2024).
 12. Илюшин Л.С., Торпашёва Н.А. Технологии искусственного интеллекта как ресурс трансформации образовательных практик // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 3 (138). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-kak-resurs-transformatsii-obrazovatelnyh-praktik> (дата обращения: 10.12.2024).
 13. Казарина В.В. Барьеры внедрения искусственного интеллекта в образование: мифы и реальность // Педагогический ИМИДЖ. 2021. № 4 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bariery-vnedreniya-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanie-mify-i-realnost> (дата обращения: 10.12.2024).
 14. Климонтов В. В., Бериков В.Б., Сайк О.В. Искусственный интеллект в диабетологии // Сахарный диабет. 2021. № 2 (24). С. 156–166.
 15. Малахова Е.В. Искусственный интеллект как предмет социальной мифологии // Гуманитарные и социальные науки. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-predmet-sotsialnoy-mifologii> (дата обращения: 10.12.2024).
 16. Михайлов М. А., Кокодей Т.А. Риски злонамеренного использования искусственного интеллекта и возможности их минимизации // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 5 (17). С. 452–461.
 17. Мудров В.П. Искусственный интеллект в иммунодиагностике хронического пародонтита // Инфекция и иммунитет. 2022. № 6 (12). С. 1186–1190.
 18. Нордманн А. Научно-фантастическое изображение антропоморфного и машинного искусственного интеллекта // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 4. С. 15–21.
 19. Официальный сайт компании «Boston Dynamics». URL: <https://bostondynamics.com/atlas/> (Дата обращения 10.12.2024)
 20. Радчикова Н. П., Одинцова М.А., Сорокова М.Г. Отношение преподавателей российских вузов к цифровой образовательной среде // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2023. № 2 (20). С. 311–330.
 21. Резаев А. В., Трегубова Н.Д. От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT // Мониторинг. 2023. № 3 (175). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-sotsiologii-algoritmov-k-sotsialnoy-analitike-iskusstvennoy-sotsialnosti-analiz-keysov-api-i-chatgpt> (дата обращения: 10.12.2024).
 22. Середкина Е.В. Анализ программ киборгизации и антропоморфизации в контексте философии «Хай-тек» // Технологос. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-programm-kiborgizatsii-i-antropomorfizatsii-v-kontekste-filosofii-hay-tek> (дата обращения: 10.12.2024).
 23. Сидорина Т. Ю., Глебов О.А., Сидельников И.А. Автоматизация и искусственный интеллект в трудовых практиках // Журнал исследования социальной политики. 2022. № 3 (20). С. 433–444.
 24. Смирнов Е. Н., Лукьянов С.А. Формирование и развитие глобального рынка систем искусственного интеллекта // Экономика региона. 2019. № 1 (15). С. 57–69.
 25. Спрукуль П.С. Концепции будущего в философии искусственного интеллекта: дистопия, утопия, протопия // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-buduschego-v-filosofii-iskusstvennogo-intellekta-distopiya-utopiya-protopiya> (дата обращения: 10.12.2024).
 26. Степанов О. А., Басангов Д.А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестн. Том. гос. ун-та. 2022. № 475. С. 229–237.
 27. Столярова Е.В. Инновации в области искусственного интеллекта в контексте цифровизации мировой экономики // Современная Европа. 2022. № 4 (111). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta-v-kontekste-tsifrovizatsii-mirovoy-ekonomiki> (дата обращения: 10.12.2024).
 28. Субботина М.В. Искусственный интеллект и высшее образование – враги или союзники // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-vysshee-obrazovanie-vragi-ili-soyuzniki> (дата обращения: 10.12.2024).
 29. Томильцева Д.А., Железнов А.С. Неизбежный третий: этико-политические аспекты взаимодействия с искусственным интеллектом // Политика. 2020. № 4 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neizbezhnyy-tretyi-etiko-politicheskie-aspekty-vzaimodeystviy>

s-iskusstvennymi-agentami (дата обращения: 10.12.2024).

30. Ушаков Д.В. Искусственный интеллект как инструмент психологического исследования // СПЖ. 2023. № 90. С. 188–200.
31. Цвык В. А., Цвык И.В. Социальные проблемы развития и применения искусственного интеллекта // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. № 1 (22). С. 58–69.
32. Чибисов О.Н. Философские подходы к проблеме создания искусственного интеллекта // ЭСГИ. 2024. № 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-podhody-k-probleme-sozdaniya-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 10.12.2024).
33. Чуканова Е.С., Бабченко А.И. Искусственный интеллект и правосудие: миф или реальность // Уголовная юстиция. 2024. № 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravosudie-mif-ili-realnost> (дата обращения: 10.12.2024).
34. Шиллер А.В. Место этической системы в архитектуре искусственного интеллекта // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 456. С. 99–103.

THE MYTH OF A HUMANISTIC NON-HUMAN: THE PHENOMENON OF ANTHROPOMORPHIZATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Semenchuk S.S.

Nizhny Novgorod State Pedagogical University Kozma Minin

The article analyzes the phenomenon of anthropomorphization of artificial intelligence. The prerequisites of this process are considered, as well as its consequences regarding the systems of “applied” and “universal” artificial intelligence. The subject of the study is a set of myths about artificial intelligence, which has been formed over the past half century of discussions about artificial intelligence and its demonstration in works of popular culture. The text of the work is an attempt to demythologize artificial intelligence by analyzing the elements of this myth-making complex and revealing its danger to the prospects of scientific understanding of the phenomenon of artificial intelligence.

Keywords: human, anthropomorphism, artificial intelligence, applied artificial intelligence, universal artificial intelligence, myth-making.

References

1. Arleen Salles, Kathinka Evers & Michele Farisco Anthropomorphism in AI, *AJOB Neuroscience*, 2020. 11:2, p. 88–95.
2. Baturina I.V. Metatrends and mythologemes of the topics of artificial intelligence of the Western scientific discourse // *Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metatrendy-i-mifologemy-tematiki-iskusstvennogo-intellekta-zapadnogo-nauchnogo-diskursa> (date of reference: 19.12.2024).
3. Belous D.O., Opeoluwa D.D. Subjects of ethical regulation of artificial intelligence: Russian experience // *Vestn. Tom. gos. unct.* 2024. № 502. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-eticheskogo-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta-rossiyskiy-opyt> (date of address: 10.12.2024).
4. Bogdanovskaya I., Vasyakina E., Volos A., Danilov N., Egorova E., Kalyatin V., Karpenko O., Salikhov D. Artificial intelligence and law // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravo-1> (date of reference: 10.12.2024).
5. Buyakova K. I., Dmitriev Ya. A., Ivanova A.S., Feshchenko A.V., Yakovleva K.I. Attitude of students and teachers to the use of tools with generative artificial intelligence in higher education // *Education and Science*. 2024. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-studentov-i-prepodavateley-k-ispolzovaniyu-instrumentov-s-generativnym-iskusstvennym-intellektom-v-vuze> (date of address: 10.12.2024).
6. Volobuev A.V. Ethics of Artificial Intelligence, Discrimination and Inequality // *Century of Globalization*. 2023. № 3 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-iskusstvennogo-intellekta-diskriminatsiya-i-neravenstvo> (date of reference: 10.12.2024).
7. Gluzdov D.V. Prospects for overcoming the contradictions of artificial intelligence development // *Philosophy and Culture*. 2023. № 4. С. 205–216.
8. Dementiev K.I. Analysis of the world experience in the application of artificial intelligence for optimization of business processes of enterprises // *Management Consulting*. 2023. № 1 (169). С. 107–120.
9. Dydrov A. A., S. Tikhonova. V. V., Baturina I.V. Artificial intelligence: metaphysics of philistine discourses // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-metafizika-obyvatelskih-diskursov> (date of address: 10.12.2024).
10. Zhelezov A.S. Morality for Artificial Intelligence: prospects of philosophical rethinking // *Philosophical and Literary Journal “Logos”*. 2021. № 6 (145). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moral-dlya-iskusstvennogo-intellekta-perspektivy-filosofskogo-pereosmysleniya> (date of address: 10.12.2024).
11. Zyryanova I. N., Chernavsky A.S. Generative language models and the phenomenon of anti-anthropocentrism – new perspectives of the linguistic paradigm of “posthumano” and “general/strong” AI // *Izvestia BSU*. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/generativnye-yazykovye-modeli-i-fenomen-antiantropotsentrizma-novye-perspektivy-lingvisticheskoy-paradigmy-posthumano-i-obshchego> (date of address: 10.12.2024).
12. Ilyushin L.S., Torpashyova N.A. Artificial intelligence technologies as a resource of transformation of educational practices // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2024. № 3 (138). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-kak-resurs-transformatsii-obrazovatelnyh-praktik> (date of access: 10.12.2024).
13. Kazarina V.V. Barriers to the introduction of artificial intelligence in education: myths and reality // *Pedagogical IMAGE*. 2021. № 4 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bariery-vnedreniya-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanie-mify-i-realnost> (date of address: 10.12.2024).
14. Klimontov V. V., Berikov V.B., Sayk O.V. Artificial intelligence in diabetology // *Diabetes Mellitus*. 2021. № 2 (24). С. 156–166.
15. Malakhova E.V. Artificial intelligence as a subject of social mythology // *Humanities and Social Sciences*. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-predmet-sotsialnoy-mifologii> (date of address: 10.12.2024).
16. Mikhailov M. A., Kokodey T.A. Risks of malicious use of artificial intelligence and possibilities of their minimization // *All-Russian Criminological Journal*. 2023. № 5 (17). С. 452–461.
17. Mudrov V.P. Artificial intelligence in immunodiagnostics of chronic periodontitis // *Infection and Immunity*. 2022. № 6 (12). С. 1186–1190.
18. Nordmann A. Sci-fi depiction of anthropomorphic and machine artificial intelligence // *Semiotic studies*. *Semiotic studies*. 2022. T. 2, № 4. С. 15–21.
19. The official website of Boston Dynamics. URL: <https://bostondynamics.com/atlas/> (Date of circulation 10.12.2024)
20. Radchikova N. P., Odintsova M.A., Sorokova M.G. Attitude of Russian university teachers to the digital educational environment // *Vestnik RUDN. Series: Psychology and Pedagogy*. 2023. № 2 (20). С. 311–330.
21. Rezaev A. V. V., Tregubova N.D. From sociology of algorithms to social analytics of artificial sociality: analysis of API and ChatGPT cases // *Monitoring*. 2023. № 3 (175). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-sotsiologii-algoritmov-k-sotsialnoy-analitze-iskusstvennoy-sotsialnosti-analiz-keysov-api-i-chatgpt> (date of access: 10.12.2024).
22. Seredkina E.V. Analysis of cyborgization and anthropomorphization programs in the context of the philosophy of “High-Tech” // *Technologos*. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-programm-kiborgizatsii-i-antropomorfizatsii-v-kontekste-filosofii-hay-tek> (date of address: 10.12.2024).
23. Sidorina T. Y., Glebov O.A., Sidelnikov I.A. Automation and artificial intelligence in labor practices // *Journal of Social Policy Research*. 2022. № 3 (20). С. 433–444.
24. Smirnov E. N., Lukyanov S. A. Formation and development of the global market of artificial intelligence systems // *Regional Economics*. 2019. № 1 (15). С. 57–69.

25. Sprukul P.S. Concepts of the Future in the Philosophy of Artificial Intelligence: dystopia, utopia, protopia // Vestnik Tom. gosudarstvennyi gosudarstva. Philosophy. Sociology. Political science. 2024. № 81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-buduschego-v-filosofii-iskusstvennogo-intellekta-distopiya-utopiya-protopiya> (date of reference: 10.12.2024).
26. Stepanov O. A., Basangov D.A. On the prospects of the influence of artificial intelligence on judicial proceedings // Vestnik Tom. gos. unct. 2022. № 475. C. 229–237.
27. Stolyarova E.V. Innovations in the field of artificial intelligence in the context of digitalization of the world economy // Modern Europe. 2022. № 4 (111). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta-v-kontekstse-tsifrovizatsii-mirovoy-ekonomiki> (date of reference: 10.12.2024).
28. Subbotina M.V. Artificial intelligence and higher education – enemies or allies // Vestnik RUDN. Series: Sociology. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-vysshee-obrazovanie-vragi-ili-soyuzniki> (date of address: 10.12.2024).
29. Tomiltseva D.A., Zheleznov A.S. Inevitable third: ethico-political aspects of interaction with artificial intelligence // Politika. 2020. № 4 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neizbezhnyy-tretyi-etiko-politicheskie-aspekty-vzaimodeystviy-s-iskusstvennymi-agentami> (date of address: 10.12.2024).
30. Ushakov D.V. Artificial intelligence as a tool for psychological research // SPZh. 2023. № 90. C. 188–200.
31. Tsvyk V. A., Tsvyk I.V. Social problems of development and application of artificial intelligence // Vestnik RUDN. Series: Sociology. 2022. № 1 (22). C. 58–69.
32. Chibisov O.N. Philosophical approaches to the problem of creating artificial intelligence // ESGI. 2024. № 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-podhody-k-probleme-sozdaniya-iskusstvennogo-intellekta> (date of access: 10.12.2024).
33. Chukanova E.S., Babchenko A.I. Artificial intelligence and justice: myth or reality // Criminal Justice. 2024. № 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravosudiemif-ili-realnost> (date of address: 10.12.2024).
34. Shiller A.V. Place of ethical system in the architecture of artificial intelligence // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2020. № 456. C. 99–103.

Западноевропейская средневековая философия: к вопросу об истине и авторитете, оригинальности и заимствованиях

Аторин Роман Юрьевич,

к.ф.н., доцент кафедры философии Государственного университета управления
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Исследование посвящено таким аспектам западноевропейской средневековой философии, как «оригинальность» её интеллектуальных изысканий и наличие заимствований, методологии, а также диалектике истины и авторитета в научном познании в контексте той эпохи.

Ключевые слова: средневековая философия, схоластика, философская методология, теория познания.

Средневековьем принято считать промежуток времени длиной около 1000 лет, начиная с распада в IV–V вв. до н.э. единой Римской империи на Восточную с центром в Константинополе и Западную, столицей которой оставался Рим, вплоть до XV века. Таким образом, Средневековье является одним из самых длительных периодов развития мировой философской мысли и одним из самых плодотворных.

Отношение к Средним векам всегда оставалось неоднозначным. С одной стороны, мыслительная парадигма данной эпохи и её идеи владели передовыми умами Европы почти тысячелетие. Средневековье заложило принципы европейского университетского образования, внесло немалый вклад в развитие теоретического умозерцания, метафизики и формальной логики, а идеи неоплатоников (Аврелий Августин, Ансельм Кентерберийский) и перипатетиков (Альберт Великий, Фома Аквинат) продолжая своё развитие, получали новое прочтение, подвергались критике, их объявляли «пережитком религиозного прошлого», затем возвращались к ним снова. Отношение к средневековой метафизике было различным, но она не оставила никого равнодушным и является настоящей «пищей для ума» для последователей философского рационализма, в том числе и наших современников.

Постоянное обращение к достижениям Средневековой философской мысли обусловлено не только академической необходимостью, заключающейся в реализации принципа исторической преемственности в науке, но и неподдельным интересом к духу абстрактной углублённости и аналитически-мыслительному искусству.

Данные особенности, бесспорно, являются неотъемлемыми атрибутами средневекового умозерцания и входят в систему ценностей научно-теоретического философского познания в целом, так как, в первую очередь, демонстрируют возможности человеческого ума, при всей парадоксальности факта, что самые видные представители эпохи, те же Ансельм Кентерберийский и Фома Аквинский, постоянно подчёркивали такое свойство интеллекта, как его ограниченность [23, с. 37; 39; 43; 65; 91; 24].

Немецкий исследователь начала XX века Клеменс Бэймкер среди прочих особенностей Средневековой философии отмечает такие её черты, как «преобладание заимствований», «подчинение авторитету» и «знание традиции» [6, с. 2–3]. Нетрудно помыслить, что данные характеристики, без должного проникновения в их истинную суть, можно использовать вульгаризованно, для дискредитации философии того времени, обвинив последнюю в авторитарно-догматическом характере мышления, сухости и бесплодности, лишая её права на исследовательскую свободу и оригинальность и во многом другом, что можно было бы приписать «тёмным векам». Указанная тенденция была распространена, например, в советское время [14, с. 257; 15], а многим раньше, в эпоху Возрождения, мастер искромётно-

го публицистического сатирического слова и высокоинтеллектуального юмора Эразм Роттердамский не упустил возможности сделать схоластику и всю тогдашнюю учёность объектом насмешек [26, с. 135–137; 141–150].

Свою лепту в дискредитацию средневековой философии внесла убедительная своей красноречивостью либеральная риторика Вольтера посредством рассуждений: «Чем меньше догм, тем меньше споров, чем меньше споров, тем меньше бед» [7, с. 93].

Не упустили возможности покритиковать сформированные средневековыми мыслителями рациональные аргументы в пользу бытия Бога великие Иммануил Кант [12, с. 141–142], испытавший влияние юмовского скептицизма, и Георг Гегель [8, с. 50; 127–131], которые обогатили рациональную теологию как науку, с единственной разницей, что последний, по нашему мнению, отличается меньшей долей предвзятости. Неудивительно, что подобные интеллектуальные атаки не могли не произвести реакции. Появляются философы, в трудах которых предприняты попытки реабилитации схоластики, давшие данному направлению средневековой мысли новое прочтение, что в свою очередь блестяще сделано неотомистами Этьеном Жильсоном и Жаком Маритеном.

Однако, кроме отмечаемого исследователями [17, с. 261: 25, с. 122] субъективизма Иммануила Канта в отношении к средневековой рациональной теологии, назрела другая, уже общепризнанная проблема. В эпоху постгегелевского кризиса европейского рационализма, как и в Средневековье, поднимается вопрос об актуальности формальной логики Аристотеля как основы философского познания и необходимости честного возврата к ней [10, с. 46–60]. Здесь нельзя не упомянуть философа XIX века Адольфа Тренделенбурга, который утверждал, что кризис европейского рационализма спровоцирован самими же мыслителями, занимающимися не столько философией, сколько поиском её «оригинальности», вместо того, чтобы смиренно признать, как это и было сделано в средневековье, наработки античных классиков в качестве концептуальной парадигмы, естественной, если не единственной методологической основы философской гносеологии.

Эта ложная, по мнению Тренделенбурга, одержимость стремлением к уникальности, выражающаяся в том, «будто каждый философ обязан вновь начинать дело на собственный лад, что каждый должен иметь своё исключительное начало» [21, с. VII], обусловила стремление в природе человеческого ума и процессах рационального постижения вещей выискать какие либо другие, доселе неизвестные способы его функционирования: виды умозаключений и формы мышления, кроме тех, что продемонстрировали античные классики и их школы. «Всё это один немецкий предрассудок» [49, с. VII].

Однако вернёмся к Клеменсу Бэймкеру. Действительно, заимствования, подчинение авторитету и следование традиции, казалось бы, несовместимы с критическим мышлением, являющимся основой познания вообще. Однако нельзя не согласиться, что всё вышеперечисленное является основой классического обучения, огромное внимание которому уделялось в Средние века [16, с. 8–19, 34–50], и само слово «схоластика» происходит от греческого слова «σχολεῖο» (школа). Более того, заимствования, подчинение авторитету и следование традиции, на наш взгляд, есть проявление здравого догматического духа, обеспечивающего принцип преемственности, без которого не может существовать наука как таковая, которая, по Картезию, зиждется на предыдущих достижениях, что признаётся и современными исследователями в области философии науки. «В нау-

ке особенно ощутимо, что выдающийся учёный стоит на плечах своих гигантов-предшественников» [22, с. 13].

«Заимствование» в Средневековой философии присутствует в форме применения умозрительных методик, выведенных Аристотелем и Платоном, на образе мышления которых, по существу, зиждется вся мировая философия, и ошибочно предполагать, что тот же Аристотель сегодня неактуален. Ещё во второй половине XIX века Адольф Тренделенбург подметил интеллектуальную заносчивость немецкой философии (а также её авторитетов, которыми были созданы уже немецкие философские традиции), приписывающей себе оригинальность и новаторство: «арена схоластических состязаний в споре не могла бы повредить и нашей современной философии. И хотя последняя высокомерно думает, что она ушла <от этой схоластики> далеко вперёд, пришлось бы устыдиться многих своих умозаключений, если бы, приведённые к оголённой форме силлогизма, они тем самым вынуждены были бы признать свою замаскированную слабость» [21, с. 222]. Выход из сложившегося кризиса Тренделенбург видел в следующем: «Немцам надо отделаться от предрассудка, будто для грядущей философии необходимо отыскать какое-то новое начало. Начало уже найдено: оно лежит в том органическом мировоззрении, которое, обосновавшись у Платона и Аристотеля, шло поступательно дальше... <...> [21, с. VII]. Такая возможность, по мнению Тренделенбурга, была у Фридриха Шеллинга, однако на то время пальма первенства в деле владения умами перешла в руки диалектика-гегельянца Карла Маркса, остроумного публициста Артура Шопенгауэра, иррационально-меланхоличного Фридриха Ницше. В теологии (точнее, набирающей популярность протестантской экзистенциальной теологии) первенство осталось за Сёреном Кьеркегором, а также за последующими экзистенциалистами, в то время как рационалистическое направление зашло в тупик, пытавшемся воскреснуть через «позитивную науку».

Не удивительно, что в начале XX века в философии вновь просыпается интерес к проблеме взаимоотношения философии и религии. Критически переосмысливаются номиналистические и позитивистские тенденции в развитии философской мысли. Обращение к наследию Фомы Аквинского в контексте вопроса о соотношении веры и разума неизбежно. Появляются такие крупные философы-неотомисты, как Этьен Жильсон и Жак Маритен. Этьен Жильсон поднимает вопрос о том, насколько далеко ушла классическая метафизика от христианского откровения [28, с. 24]. Русским философом Владимиром Соловьёвым глубоко и основательно исследуются проблемы европейского рационализма, общий кризис западной философии, выход из которого заключается в переосмыслении соотношения философского, теологического, религиозного и научного знания [20].

Что же касается «авторитета» – то, прежде всего, отметим естественность этого явления для средневекового умозрения и положительное влияние «авторитета» на развитие философской мысли и науки в целом. В контексте авторитарно-религиозного мировоззрения сама постановка проблемы была бы излишней, ибо всё отношение к «авторитету» заканчивалось бы поклонением последнему, а философия была бы названа не «теологией» – познанием божества посредством разума, а как-то иначе. Теологическое сознание помогает осмыслить догмат, кроме поверхностного, даже вульгарного понимания его, как чего-то незыблемого, внушающего священный ужас, притупляющего волю, не подлежащего критике и обязательного для исполнения – в ключе совершенно иного, рационального наполнения. Здесь мы

в какой-то степени поддерживаем точку зрения Пьера Абеляра, что кроме своей мистической природы, любой догмат, как бы он ни был иррационален, (напр. Непорочное зачатие Богородицы, Воскресение Христово, Троица и т.п.), всегда в самом себе допускает некое определённое поле возможности для разумного постижения. А конечная истина, как утверждает Пьер Абеляр, всегда синтетична, так как обретение её есть тройкий результат действия:

а) веры;

б) критического мышления и скептического подхода к вещам;

в) авторитетного мнения, в том случае, если разум запутается в противоречиях [1, с. 196]

Вербальное выражение догмата, словесная формулировка, или соборный «*óros*» – есть его формальная сторона, вне всякого сомнения, столь важная для схоластики. Однако для средневекового понимания формальность не есть «мертвое, безжизненное, внешнее» и т.п. Формальное, от слова «форма» – свойство, посредством которого вещь обладает собственной сущностью. Проблема нахождения «формы» (и субстанции) – классическая аристотелевская парадигма определения сущности вещей с помощью разума, а следовательно, – одна из фундаментальных гносеологических концепций в теории познания. Таким образом, предопределяющее значение для средневековой философии составляли не «авторитеты», а соотношение трёх аспектов:

а) разума;

б) иррациональной (не поддающейся осмыслению) стороны христианской догмы;

в) практического усвоения христианства (духовный опыт святых).

Только что зарождающаяся Средневековая схоластика, в лице Иоанна Эриугены (IX в.) однозначно разрешила эту проблему соотношения истины и авторитета: «Пусть никакой авторитет не отпугивает тебя от положений, внушаемых правильным рассмотрением по законам разума. Истинный авторитет не противоречит правильному разуму, так же как правильный разум – истинному авторитету. <...> ...всякий авторитет, не подтверждаемый истинным разумом, становится слабым. Но истинный разум, нерушимый и незыблемый, не нуждается ни в какой поддержке со стороны авторитета» [27, с. 176]. В этом отношении Иоанн Эриугена полностью созвучен с Иммануилом Кантом, который определял Просвещение как «выход человека из несовершеннолетия» [13, с. 127], которое есть не что иное, как «неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого». [13, с. 127].

Таким образом, представители средневековой философии, честно, не опасаясь обвинений в «не оригинальности», признавали авторитет своих предшественников, в чём выиграли, во-первых, в поле научной этики, соблюдая *традицию* преемственности в науке, основанную на *авторитетах, заимствования* у которых создали, ни много ни мало, собственную философию. Вне традиции невозможны никакие инновации. Здравый просвещённый консерватизм Фомы Аквинского в сочетании с его религиозностью и глубоким умом, о чём свидетельствует усвоение Аристотеля (и последующих перипатетиков), не мешало ему быть в философии оригиналом и новатором. Самостоятельность философии Аквината признана многими авторитетными исследователями [3, с. 94; 4, с. 8; 9, с. 30–31; 16, с. 42; 18, с. 672], а проблемы, поднятые мыслителями того времени, начиная от Алкуина и заканчивая Уильямом Оккамом, обнаружили такую стратегическую глубину их видения, что схоласты спровоцировали почти трёхсотлетний кризис европей-

ского рационализма. Эпоха Возрождения, суть которой Бертран Рассел назвал «эkleктическим подражанием западным образцам» [19, с. 8], выветрила из европейской мысли аристотелевскую метафизику. В результате, вплоть до Нового времени «в области философии не было создано ничего значительного» [19, с. 8], пока на арене исторического развития мысли не появились Рене Декарт, Готфрид Лейбниц и др., творившие, однако, не без средневекового влияния, решавшие проблемы философской науки теми же схоластическими методами [5, с. 17; 73, с. 204], а некоторые исследователи стоят на более принципиальных позициях и полагают, что с философии Фомы начинается Новое время, уже на том основании, что эту эпоху человек не замыкается в собственной греховной безысходности, а получает от Бога в дар целый мир как творение в качестве доказательства Его бытия. Так как мысль Аквината «*Gratia supponit naturam et perficit eam*»¹ в философии Нового времени является одной из центральных [29, с. 287–388].

Отметим, что не только формально-логический метод был единственным для схоластов. Не чужда для схоластики была также и диалектика, несмотря на то что «ни Гегель, ни его последователи в области применения диалектики, <...> никогда не признавали того, что диалектика заимствуется ими из средневековой («схоластической») философии [11, с. 102]. «Формалист» Фома Аквинский никогда не игнорировал разные точки зрения, принимал во внимание даже те положения, которые были прямо противоположны церковной догме (и даже здравому смыслу), занимался их сопоставлением и синтезом, что уже предусматривает всесторонний подход к проблеме, предполагающий исследование, но не религиозно-авторитетное постулирование, а Пьер Абеляр является общепризнанным диалектиком в схолистике и прямо называет её высшей формой логического мышления [2, с. 191]. Добавим любопытную тенденцию средневековой философии, отмеченную Бертраном Расселом, – это *стремление скрыть свою оригинальность* [18, с. 671]. Сегодня, с «академической» точки зрения, это может показаться несколько наивным, однако нетрудно заметить, что склонность к преуменьшению своих достоинств и личных заслуг, особенно в науке, напрямую вытекает из христианской добродетели смирения.

Литература

1. Абеляр П. «Пролог» к «Да и нет» // Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / Сост. С.В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 195–197.
2. Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / Сост. С.В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 448 с.: илл. – (Мировая философия).
3. Апполонов А.В. Философская теология Альберта Великого // Философия религии: аналит. исслед. / Philosophy of religion: Analytic Researches. 2021. Т. 5. № 2. – С. 94–129.
4. Бандуровский К. Наш собеседник и современник // Фома Аквинский. Сумма теологии: с комментариями и объяснениями / Фома Аквинский / Пер., сост., предисл., коммент., К. Бандуровского. – М.: Издательство АСТ, 2019. – С. 5–24.
5. Бородай Т.Ю. Фома Аквинский и его «Сумма против язычников» // Фома Аквинский. Сумма против язычников. Кн. 1. Пер. вступ. ст., коммент. Т.Ю. Бородай. – Долгопрудный: Вестком, 2000. – С. 9–31.

¹ «Благодать предполагает природу и совершенствует ее».

6. Бэймкер К. Европейская философия средневековья: Пер с нем. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «Либроком», 2015. – 96 с. (Из наследия мировой философской мысли: история философии).
7. Вольтер, Франсуа-Мари Аруэ. Трактат о терпимости: [перевод с французского] / Вольтер. – Москва: Эксмо, 2020. – 128 с. – (Великие идеи).
8. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Георг Вильгельм Фридрих Гегель / Пер. с нем. Б. Столпнера. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 512 с. – (Азбука-классика. Non-Fiction).
9. Грабманн М. Введение в «Сумму теологии» св. Фомы Аквинского / Пер. с нем. А.В. Апполонова. – М.: СигнумВеритатис, 2007. – 280 с. (Серия «PaxChristiana»).
10. Дёмин М.Р. «Элементы логики Аристотеля»: между школьной дисциплиной и университетской наукой // Тренделенбург А. Элементы логики Аристотеля / Пер. Б.А. Фохта, А.Г. Вашестова; публик. и вступ.ст. М.Р. Дёмина / Под общ. ред. Н.А. Дмитриевой. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. – С. 46–60.
11. Ивин А.А. Диалектика. От зарождения до триумфа и краха: монография. – М.: Проспект, 2023. – 240 с.
12. Кант И. Доказательство бытия Бога / Иммануил Кант; [перевод с немецкого Б. Фохта, Н. Соколова]. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 416 с. – (Эксклюзивная классика).
13. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Том I. «Трактаты и статьи» (1784–1796). Подготовлен к изданию Н. Мотрошиловой (Москва) и Б. Тушлингом (Мамбург). – М.: Издательская Фирма «Ками», 1993. – 586 с.
14. Католицизм: Словарь атеиста / Под общ. Ред. Л.Н. Великовича. – М.: Политиздат, 1991. – 320 с.
15. Краткий словарь по философии. Изд. 2-е (доработ. и доп.). – М.: Политиздат, 1970.
16. Марков А.В. Европейская классическая философия / А.В. Марков. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 272 с. – (Простыми словами).
17. Пивоваров Онтология религии: основные понятия и принципы / Д.В. Пивоваров. – СПб.: Алетейя, 2017. – 568 с.
18. Рассел Б. История западной философии [В 2 т.] Т. 1. [Кн. 1, 2] / Бертран Рассел; [перевод с английского]. – М.: Издательство АСТ, 2021. – 2021. – 768 с. – (Эксклюзивная классика).
19. Рассел Б. История западной философии [В 2 т.] Т. II. [Кн. 3] /Бертран Рассел; [Перевод с английского]. – М.: Издательство АСТ, 2021. – 512 с. – (Эксклюзивная классика).
20. Соловьёв В.С. Кризис западной философии // Собрание сочинений в 15 томах. Т. 1. Под ред. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. 2-е изд. – СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911. (Ре-принт). – С. 27–152.
21. Тренделенбург А. Логические исследования. Ч. 1: Формальная логика. Диалектический метод. Философские категории движения, пространства и времени / Пер. с нем. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. – 376 с. (Из наследия мировой философской мысли: история философии.).
22. Трошихин В.В., Толстикова В.А. Философия. Наука. Религия: Монография. – Белгород: Кооперативное образование, 2007. – 332 с.
23. Фома Аквинский. Онтология и теория познания: фрагменты сочинений / Пер. вступ. ст., комм. В.П. Гайденко – М., 2001. – С. 206.
24. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Кн. 1. Пер. вступ. ст., коммент. Т.Ю. Бородай. – Долгопрудный: Вестком, 2000. – 463 с.
25. Шохин В.К. Основания существования Бога: новый опыт классификационного анализа // Философская теология: вариации, моменты, экспромты: монография / Владимир Кириллович Шохин; Санкт-Петербургская духовная академия. – СПб.: Изд-во СПбДА, 2022. С. 113–132.
26. Эразм Роттердамский. Похвала Глупости / Эразм Роттердамский / пер. с лат. П. Ардашева. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 192 с. – (Азбука-классика. Non-Fiction).
27. Эриугена Иоанн Скот. Отношение между разумом и верой / О предопределении // Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / Сост. С.В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001 С. 156–157.
28. Жильсон Э. Дух средневековой философии. / Пер. с французского Г.В. Вдовиной – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. – 560 с.
29. Heinzmann R. Philosophie des Mittelalters. Stuttgart, 1998.
30. Koff W. Thomas von Aquin und die Heuzeit // Philosophie im Mittelalter. Entwicklungslinien und Paradimen. HRSD von J.P. Beckman, L. Hollenfender, G. Schirmpf, G. Wieland. Hamburg, 1987.

WESTERN EUROPEAN MEDIEVAL PHILOSOPHY: ON THE QUESTION OF TRUTH AND AUTHORITY, ORIGINALITY AND BORROWINGS

Atorin R.Yu.
State University of Management

The study is devoted to such aspects of Western European medieval philosophy as the “originality” of its intellectual research and the presence of borrowings, methodology, as well as the dialectic of truth and authority in scientific knowledge in the context of that era.

Keywords: medieval philosophy, scholasticism, philosophical methodology, theory of knowledge.

References

1. Abelard P. “Prologue” to “Yes and no” // Anthology of philosophy of the Middle Ages and the Renaissance / Comp. S.V. Perevezentsev. – М.: OLMA PRESS, 2001. pp. 195–197.
2. Anthology of philosophy of the Middle Ages and the Renaissance / Comp. S.V. Perevezentsev. – М.: OLMA PRESS, 2001. – 448 p.: fig. – (World Philosophy).
3. Apollonov A.V. The philosophical theology of Albert the Great // Philosophy of religion: analit. research. / Philosophy of religion: Analytic Researches. 2021. Vol. 5. No. 2. – pp. 94–129.
4. Bandurovsky K. Our interlocutor and contemporary // Thomas Aquinas. Summa theology: with comments and explanations / Thomas Aquinas; trans., comp., preface, comment., K. Bandurovsky. – М.: AST Publishing House, 2019. – pp. 5–24.
5. Borodai T.Y. Thomas Aquinas and his “Summa against the Pagans” // Thomas Aquinas. The sum against the pagans. Book 1. Trans. introductory article, comment. T.Y. Borodai. – Dolgoprudny: Vestkom, 2000. – pp. 9–31.
6. Beimker K. European Philosophy of the Middle Ages: Trans. from the German Edition of stereotype. – М.: Book House “Librocom”, 2015. – 96 p. (From the heritage of world philosophical thought: the history of philosophy).
7. Voltaire, Francois-Marie Arouet. A treatise on tolerance: [translated from French] / Voltaire. – Moscow: Eksmo, 2020. – 128 p. – (Great ideas).
8. Hegel G.V.F. The science of logic / Georg Wilhelm Friedrich Hegel; translated from German by B. Stolpner. – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2023. – 512 p. – (Azbuka-classic. Non-Fiction).

9. Grabmann M. Introduction to the "Sum of theology" of St. Thomas Aquinas / Translated from German by A.V. Appolonov. – M.: SignumVeritatis, 2007. – 280 p. (Series "PaxChristiana").
10. Demin M. R. "Elements of Aristotle's logic": between school discipline and university science // Trendelenburg A. Elements of Aristotle's logic / trans. B.A. Fokhta, A.G. Vashestova; public, and introduction. M.R. Demin; under the general Editorship of N.A. Dmitrieva. – M.: Canon + ROOI "Rehabilitation", 2017. – pp. 46–60.
11. Ivin A.A. Dialectics. From inception to triumph and collapse: a monograph. – M.: Prospect, 2023. – 240 p.
12. Kant I. Proof of the existence of God / Immanuel Kant; [translated from German by B. Focht, N. Sokolov]. – Moscow: AST Publishing House, 2021. – 416 p. – (Exclusive classics).
13. Kant I. The answer to the question: what is enlightenment? // Essays in 4 volumes in German and Russian. Volume I. "Treatises and articles" (1784–1796). Prepared for publication by N. Motroshilova (Moscow) and B. Tushling (Mamburg). – M.: Publishing Company "Kami", 1993. – 586 p.
14. Catholicism: An atheist's Dictionary / Under the general Editorship of L.N. Velikovich. – M.: Politizdat, 1991. – 320 p.
15. A short dictionary of philosophy. Ed. 2nd (dorabot. and additional). – M.: Politizdat, 1970.
16. Markov A.V. European classical philosophy / A.V. Markov. – M.: AST Publishing House, 2019. – 272 p. – (In simple words).
17. Pivovarov Ontology of religion: basic concepts and principles / D.V. Pivovarov. – St. Petersburg: Aleteya, 2017. – 568 p.
18. Russell B. The History of Western Philosophy [In 2 volumes] Vol. 1. [Books 1, 2] / Bertrand Russell; [translated from English]. – Moscow: AST Publishing House, 2021. – 2021. – 768 p. – (Exclusive classics).
19. Russell B. The History of Western Philosophy [In 2 volumes] Vol. II. [Book 3] / Bertrand Russell; [Translated from English]. – Moscow: AST Publishing House, 2021. – 512 p. – (Exclusive classics).
20. Solovyov V.S. The crisis of Western philosophy // Collected works in 15 volumes. Vol. 1. Edited by S.M. Solovyov and E.L. Radlov. 2nd ed. – St. Petersburg: Book Publishing association "Enlightenment", 1911. (Reprint). – pp. 27–152.
21. Trendelenburg A. Logical research. Part 1: Formal logic. The dialectical method. Philosophical categories of motion, space and time. Trans. from the German Edition of stereotype. – M.: Book House "LIBROCOM", 2020. – 376 p. (From the heritage of world philosophical thought: the history of philosophy.).
22. Troshikhin V.V. Tolstikov V.A. Philosophy. Science. Religion: A monograph. Belgorod: Cooperative education, 2007. – 332 p.
23. Thomas Aquinas. Ontology and theory of knowledge: fragments of writings / Trans. introductory article, comment by V.P. Gaidenko – M., 2001. – p. 206.
24. Thomas Aquinas. The sum against the pagans. Book 1. Trans. introductory article, comment. T.Y. Borodai. – Dolgoprudny: Vestkom, 2000. – 463 p.
25. Shokhin V.K. The foundations of the existence of God: a new experience of classification analysis // Philosophical theology: variations, moments, impromptu: monograph / Vladimir Kirillovich Shokhin; St. Petersburg Theological Academy. St. Petersburg: SPbDA Publishing House, 2022. pp. 113–132.
26. Erasmus of Rotterdam. Praise of Stupidity / Erasmus of Rotterdam; translated from Latin by P. Ardashev. – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2022. – 192 p. – (Azbuka-classic. Non-Fiction).
27. Eriugena John the Cattle. The relationship between reason and faith / On predestination // Anthology of philosophy of the Middle Ages and the Renaissance / Comp. S.V. Perevezentsev. – M.: OLMA-PRESS, 2001 pp. 156–157.
28. Gilson E. The spirit of medieval philosophy. / Translated from the French by G.V. Vdovina – M.: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2011. – 560 p.
29. Heinzmann R. Philosophie des Mittelalters. Stuttgart, 1998.
30. Koff W. Thomas von Aquin und die Heuzeit // Philosophie im Mittelalter. Entwicklungslinien und Paradimen. HRSD von J.P. Beckman, L. Hollenfender, G. Schrimpf, G. Wieland. Hamburg, 1987.

Традиционализм и фундаментализм в современном исламе

Раджабов Осман Раджабович,

д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии и истории
ДагГАУ им. М.М. Джамбулатова
E-mail: filek08@rambler.ru

Маммаева Мадинат Абдурахмановна,

к.и.н., доцент кафедры философии и истории ДагГАУ
им. М.М. Джамбулатова

Бигаева Зарема Саидовна,

к.и.н., доцент кафедры философии и истории ДагГАУ
им. М.М. Джамбулатова

В статье анализируются особенности и различия религиозного традиционализма и фундаментализма в исламском мире. Выясняются основные положения религиозного традиционализма, который стремится сохранить основы, заложенные еще во времена пророка Мухаммада. Фундаментализм является – форма политической реакции на протекающие в современном обществе процессы глобализации и секуляризации. Ключевой идеей фундаментализма является возвращение к изначальному «чистому» состоянию ислама, восстановлению утраченной «чистоты» веры или идеологии ислама. В статье раскрыты особенности религиозного фундаментализма и традиционализма в современном исламе.

Ключевые слова: религиозный традиционализм, религиозный фундаментализм, традиция, экстремизм, ислам, реформаторы.

Ислам, возникший в VII веке, явился мощным консолидирующим фактором для многих племён Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, вследствие чего возникло теократическое государство *халифат*. Арабский халифат превышал прежнюю Римскую империю. Он охватил Аравию, Иран, Армению, Северо-Западную Индию, Сирию, Египет, Палестину, Пиренейский полуостров, Северную Африку и т.д. от Гибралтара до Китая. Исламская цивилизация достигла своего расцвета в IX–XII вв., а с XIII в. начался её постепенный упадок. Ислам, в отличие от других монотеистических религий, в том числе христианства, является наиболее цельной религией. Цельность эта состоит в том, что в исламе нет деления на духовное и светское, нет формулировки, присущей христианству: Богу – Божье, а кесарю – кесарево, не существует разделения этих сфер. А потому соединение ислама и политики является органичным.

Идеология ислама предоставляет большие возможности для религии «христианского мира», где победила традиция разделения власти на светскую и духовную и где секуляризация определила характер политической культуры народов. «Мир ислама» не допускает (в теории) разграничения между божественной и светской властью. И хотя де-факто в большинстве стран традиционного распространения ислама произошло отделение религии от политики, формально оно не признано и отвергается мусульманским духовенством, улемами, авторитет и влияние которых чрезвычайно высоки [2]. Ислам, несмотря на существующие стереотипы, демократичен по своей сути, в его рамках сосуществуют различные позиции и оценки. Однако при несомненной определяющей роли мусульманской общины (уммы), он довольно подозрителен в отношении политической демократии, так как усматривает в ней попытку превознести власть человека в ущерб власти Бога. (Ведь вся власть от Аллаха, ему она и принадлежит. Никто не имеет права претендовать на всю полноту исполнения власти вообще и государственной в частности.)

Необходимо отметить присущий исламу и цивилизации в целом динамизм. Ислам всегда был религией не только веры, но и действия, включая созидательную деятельность. Мусульманские теоретики постоянно подчёркивают тот факт, что истинный ислам требует от человека активной позиции в жизни. Именно подчинение воле Бога освобождает верующего от обязанностей подчиняться власти имущим. «Ислам – динамичная доктрина, и Коран учит нас динамизму», – писал лидер иранской исламской революции имам Хомейни [3].

Политические силы постоянно пытаются использовать религиозные чувства для оправдания чисто земных целей, что особенно ярко проявляется в ходе этнических, межгосударственных и гражданских конфликтов. Впрочем, если бы всё было бы так просто, религиозный фактор вовлекался бы в конфликты лишь в качестве сопутствующего, возникая там и тогда, где и когда складываются предпосылки для обычного конфликта, не связанного с противостоянием мировоззрений. Было бы любопытно остановиться на различиях в восприятии конфликта Запада и мусульманского Востока. Западная стратегия разрешения конфликтов с присущим ей акцентированием необходимости устранения дискомфорта, который несёт с собой конфликт, оказыва-

ется неуместной в социальной обстановке современного арабо-мусульманского мира, люди в таких условиях придают значение не столько дискомфорту, порождаемому конфликтом, сколько установлению справедливости или же разрешению спора. «Западный исторический оптимизм, порождённый удачами в социальной, политической и экономической областях, в арабском мире сталкивается с пессимистическим взглядом на будущее мира. Вера в то, что всё можно изменить к лучшему, не находит понимания. Согласно такому взгляду на мир, изменения чаще всего не приносят ничего хорошего, а конфликт представляется по самой природе неразрешимым... С точки зрения арабов революционные изменения в политической, экономической и социальной областях необходимы, а побочные результаты конфликтов, при помощи которых данные достижения могут быть достигнуты, будут выглядеть не столь уж важными» [4].

Современные исламские фундаменталисты выступают за социальную справедливость. С. Кутб в своей книге «Битва между исламом и капитализмом» выдвинул основополагающим принципом принцип «справедливости в правлении, справедливости в деньгах, справедливости в возможностях и справедливости в распределении». Весьма определено высказался по этой проблеме и известный богослов, советник эр-риядского центра по исследованию хаджа Зия ад-Дин Сардар: «Равенство – это одна из самых базовых социальных идей ислама» [5]. Фундаменталисты пытаются вернуться к первому исламскому государству времен пророка Мухаммеда и четырех праведных халифов, в котором, с точки зрения мусульманских идеологов, огромную роль играл фактор социальной справедливости. Многие из того, что было почерпнуто мусульманскими мыслителями из других источников и включено в жизнь исламской общины, было объявлено недозволенным новшеством (бид'а). Правда, мыслители-фундаменталисты неоднократно подчеркивали идеологический, а отнюдь не практический аспект этих идей: «Не следует воспринимать ссылки на Медину времен Пророка как стремление копировать внешние черты той эпохи. Ошибочно стремление повернуть время вспять... Подражая Пророку и его сподвижникам, мы должны, как и они, жить по законам шариата» [6]. Так, члены «исламского джамаата» в Дагестане утверждали, что, желая установить в Кадарской зоне «исламский порядок», население стремилось оградить себя от вмешательства в их жизнь мафиозных группировок, а также властей республики, которые, по их мнению, неспособны создать условия для достойного существования людей. «Ваххабиты», таким образом, используют лозунги социальной справедливости, которые отвечают чаяниям части верующего населения, которое связывает свои надежды с установлением исламской формы правления.

Фундаментализм – это не единственное течение в современном исламе. Некоторые отечественные исследователи определяют типы религиозного сознания в исламе, рассматривая их одновременно в качестве трех тенденций, которые взаимовлияют в религиозной сфере [7]. Существуют и крупные течения – традиционализм и секуляризм. Для большей ясности можно предложить следующую схему. В целом ислам, как системообразующий фактор, делится на два основных течения: традиционалистское и реформаторское. Последнее делится на фундаменталистские («возрожденческие»), выступающие за возрождение фундаментальных принципов религии, и модернистские, которые основываются на приспособлении ислама к современным стандартам, а фактически пропагандируют духовные, политические, социальные, экономические ценности западной цивили-

зации. В идеологии исламского возрождения доминируют традиционалистская и возрожденческая тенденции.

Традиционалисты (их ещё называют ортодоксами) выступают за сохранение ислама таким, каким он сложился под сенью добуржуазных социально-экономических, политических и культурных институтов и представлений. Они противодействуют каким-либо переменам – как в религиозной сфере, так и в общественной жизни. Выступая против любых новшеств, традиционалисты являются сторонниками сохранения средневековой религиозной системы. При этом они критикуют реформаторов, допускающих новую трактовку религиозных догматов, предписаний и установлений. Традиционалистское крыло представляют консервативно настроенные улемы – религиозные учёные, члены суфийских братств из низших кругов населения (хотя, например, в Дагестане подобных взглядов придерживается религиозная элита). Они всячески противятся влиянию Запада. «Религиозный традиционализм», кстати, присущ не только «мусульманскому миру», он служит своеобразным «естественным» защитным механизмом, вызванным к жизни борьбой за ликвидацию зависимости политики, экономики и культуры арабо-исламского мира от Запада. «Возвращение к истокам ислама» даёт возможность отставшим в развитии арабским народам найти и утвердить своё самобытное национальное лицо, противопоставить «превосходящие» духовные ценности Востока, занятого «поисками Бога», Западу, поставившему превыше всего материальные ценности.

В Центральной Азии и на Кавказе для мобилизации общества и его консолидации используются традиционные институты, адекватные им представления о социальной справедливости, об отношениях внутри треугольника общество–государство–индивид. Разумеется, всякий раз это делается с поправкой на этнокультурную специфику. Традиция в широком смысле, включая её негативные и позитивные элементы, становится одной из главных, если не главной несущей конструкцией общественного устройства и стабильности.

Внешне традиционализм и фундаментализм схожи – оба выступают за возрождение традиционно исламских норм поведения, обычаев, наказаний. И тот, и другой порой применяют, хотя и в разной степени, экстремистские методы. Но за общей формой скрыты и серьёзнейшие расхождения. Традиционализм ратует за сохранение исконных отношений. Разумеется, традиционализм не однородное явление, можно говорить лишь о разных частях традиционалистского «спектра». Более жесткие степени традиционализма представляют собой консерватизм и ортодоксия. Последняя предполагает крайнюю приверженность богословской традиции, её абсолютизацию, «буквалистский» подход, полное отвержение «духа века сего». Однако при этом и для ортодоксов характерно убеждение в необходимости культурно-исторической преемственности, использование религиозно-социального опыта всех предыдущих поколений. Фундаментализм делает то же самое, стремясь к радикальной перестройке или даже к революции. Резко отличаются и географические рамки их деятельности.

Фундаментализм, в отличие от традиционализма, консерватизма и ортодоксии, характеризуют следующие черты:

- отвержение традиций своей религии, большей части Священного Предания, религиозно-социального опыта предыдущих поколений;
- идея радикальных перемен; внедрение того, что никогда не имело места в реальной истории конкретной религии или конфессии, то есть фактический модернизм.

Поэтому объективно фундаменталисты выступают сегодня как негативные модернизаторы, которые вносят странное для современного человека новшество в религиозную жизнь, как разрушители традиций и связи поколений. Нередко проявляющаяся похожесть риторики традиционалистов и фундаменталистов не должна вводить в заблуждение. По меткому выражению т.е., «фундаментализм – это ложный традиционализм, отмена истории» [1]. Однако в периоды масштабных социальных перемен, общественно-политических кризисов количество сторонников фундаментализма может значительно вырасти. Так, в настоящее время в исламе действует «ненормально» большое количество (по сравнению с другими религиями) сильных фундаменталистских течений и групп [4]. Можно предположить, что это следствие кризиса ислама, связанного с проблемами исламского сообщества в эпоху глобализации. Имеется в виду классическое значение термина «кризис» как поворотного пункта, перелома, а отнюдь не «распада» или «деградации». Традиционалисты ограничиваются территорией своей страны, а фундаменталисты стремятся выйти за её пределы.

В области национального самосознания традиционалисты противопоставляют ислам национализму, пытаются либо подменить его исламом, либо синтезировать его с исламом. «Ислам, хотя и представляет собой сверхнациональную вероисповедную систему, нередко используется именно как основополагающий компонент если не национального самосознания, то непременно национальной идеологии или национализма. Зачастую весьма трудно разграничить религиозные и национальные особенности. Поэтому неудивительно, что во многих арабских странах ислам прочно отождествляется с национализмом. То же самое верно и для исповедующих ислам народов бывшего СССР, в том числе и кавказских» [9].

Одной из причин неудачи фундаменталистов на всем постсоветском пространстве является фактор национализма. Невозможно установить ни солидарность всех мусульман СНГ, ни даже исламских фундаменталистов в условиях, когда сугубо националистические настроения берут верх практически во всех мусульманских республиках бывшего Союза. Указанные причины можно с успехом экстраполировать и на многонациональный Дагестан с его межнациональными проблемами.

При делении фундаменталистских группировок на умеренных, радикальных и экстремистских главным критерием служит, как правило, степень их вовлечённости в оппозиционную или антиправительственную деятельность, а также применение насильственных методов в политической борьбе. Различия между умеренными и радикальными фундаменталистами больше касаются формы. Оба эти течения исповедуют одну и ту же «ортодоксальную» теологию, превратив ее в идеологический инструмент борьбы против формирующегося современного гражданского общества в мусульманских странах. В генезисе идеологии радикального ислама, особенно в российском контексте, пока еще много неясного. Не исключено, что светские черты постепенно «размывают» сущность движения и полностью его нивелируют. Однако возможно, что изменения внутренней (в первую очередь экономической) конъюнктуры создадут иную социальную реальность, в которой исламизм станет вызовом национальных масштабов. Произойти это может не столько из-за агрессивности и непримиримости его adeptов, сколько вследствие массовости, которое движение может приобрести [13].

Анализ состава активистов экстремистских групп и сочувствующих исламистскому движению позволяет сделать вывод, что это преимущественно городское дви-

жение. Выходцы из сельских районов (менее затронутых современной цивилизацией, преимущественно европейской) в силу разных причин, попадая в город, сохраняют традиционные ценности и мышление. В чуждом окружении они становятся наиболее активной частью экстремистских группировок. В сознании приверженцев фундаменталистских идей «исламский порядок» ассоциируется с прекращением правового нигилизма. В условиях бездействия существующих законов шариат как свод вечных, непреходящих законов, установленных Аллахом, становится правовой основой жизни общества. Кроме того, «исламский порядок» предусматривает социальную справедливость, единство мусульман, несмотря на этническую принадлежность.

Однако было бы неверным считать, что основу исламистского движения составляют малограмотные люди, деклассированные элементы, безработные. Принципиально важным является факт повышения образовательного уровня членов экстремистского движения. Сегодня это в основном студенты, врачи, инженеры. Процессы экстремизации затронули и интеллигенцию, которая ранее отдавала предпочтение западным ценностям. Кроме того, существует ряд других факторов, способствующих распространению исламского экстремизма. Во-первых, это субсидирование экстремистских группировок и их покровительство другими странами. Например, поддержка Саудовской Аравии движения «Братья-мусульмане» в 50-х годах в его борьба с правительством Г.А. Насера. Во-вторых, кризисные ситуации, факторы политической нестабильности. В-третьих, либеральная политика некоторых западных стран по отношению к экстремистским группировкам, нашедшим прибежище на их территории. Прежде всего, это касается Великобритании, Франции, Бельгии, Германии. Прикрываясь правами человека, принципами свободы слова, современными технологиями, рыночной экономикой, руководители группировок направляют деятельность собратьев на родине и осуществляют их финансирование.

Ещё со времён «народной воли» замечено, что руководители организаций, избравших тактику индивидуального террора, обычно люди весьма образованные и представляют собой если не верхние, то и никак не нижние слои социальной иерархии. В террор идёт интеллигенция и средний класс. Идёт от осознания того, что иным путём добиться ничего нельзя. Нельзя удовлетворить свои амбиции, нельзя вообще достигнуть чего-либо значительного в обществе, где всё уже поделено теми, кто «наверху». Иное дело «пехота» террористических организаций – рядовые фанатики, готовые на всё. Природа их появления такая же: социальная неустрашенность, нищета, ущемлённые национальные или религиозные чувства, умело преобразованные «вождями» в образ врага, виноватого во всём.

Человек, желающий вступить в экстремистскую организацию, должен разорвать все связи с окружающим миром, включая родственные. Таким образом, новобранец порывает с внешним миром, теряет ориентировку и легче поддаётся психологической и идеологической обработке. Низший эшелон экстремистских группировок зачастую представляют полукриминальные элементы, занимающиеся мелким насилием и разного рода хулиганскими акциями, не имеющими политической подоплеки. Политизация такого рода насилия – первый шаг к терроризму. Вряд ли можно встретить хотя бы одну экстремистскую группу, которая бы откровенно признала свою принадлежность к обычному насилию криминального характера. Пытаясь скрыть от самих себя и от окружающего их общества свою истинную сущность, они используют различные способы политической маскировки.

В данном случае – идеологию исламского экстремизма. Труды идеологов исламского экстремизма необходимо рассматривать сквозь призму «экстремизма», а не «терроризма». Считая идеологию определённых исламистских групп экстремистской, можно рассматривать её в контексте современной исламской политической мысли, например, охарактеризовать её как одно из направлений фундаментализма. Однако для анализа деятельности исламских экстремистских групп, предпочитающих методы политического насилия, наиболее подходит категория терроризма. Взаимосвязь теории и практики обуславливается коррелятивным отношением между экстремизмом и терроризмом. С одной стороны, экстремистские теории нередко оправдывают любые средства, включая терроризм, для достижения выдвинутых ими целей, а с другой, терроризм зачастую обосновывается именно экстремистской идеологией. Исламский радикализм легко переходит в политический экстремизм и в терроризм, особенно в районах, где скопилось много оружий и имеют место конфликтные ситуации.

Экстремизм – это форма радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп. Хотя экстремизм характерен для слабо модернизированных обществ, от него не застрахованы и благополучные страны с демократической формой правления. Так, в России современные формы экстремизма появились с утверждением основ демократического правления. Экстремизм порождается самыми разными факторами: социально-экономическими причинами, деформацией политических институтов, тоталитарным характером режима, подавлением властями оппозиции, стремлением социальных или политических групп ускорить осуществление выдвигаемых ими задач, которые при этом пользуются силовыми методами и т.п.

Разделяют идеологический экстремизм (установление своей системы политических взглядов) и политический (приход к власти и установление, как правило, тоталитарного режима). Религиозный экстремизм проявляется в нетерпимости к представителям других конфессий или в противоборстве внутри одной конфессии. В исламском экстремизме отмечаются террористические акты и прочие насильственные действия по отношению как к христианам, так и к мусульманам. Таким образом, экстремизм – это достижение тех или иных целей политического характера неконституционными средствами. Религиозный экстремизм – это политический экстремизм, оперирующий религиозными понятиями, религиозными чувствами. Это делает его более опасным, чем экстремизм политический, так как он апеллирует к эмоциям людей, их религиозным чувствам.

Что касается терроризма, то это тактика или стратегия групп, заключающаяся в систематическом, организованном и идеологически обоснованном использовании терактов для достижения политических целей. Терракт – использование насилия или угрозы его применения не столько ради уничтожения непосредственных жертв акции или причинения им вреда, сколько ради нанесения психологического воздействия на всё общество или какую-либо его часть, чтобы добиться выполнения своих политических требований. Терракт может быть провокацией, тогда его целью является принуждение правящих кругов к определённым, обычно репрессивным, действиям.

Анализ структур многих экстремистских групп позволяет охарактеризовать их как секты. Сюда можно отнести и полусредневековые обряды с целью поддержания внутренней дисциплины, и авторитет лидеров, и вступление новых членов, которое часто носит характер не-

коего таинства, во время которого вовлекаемые проходят несколько этапов отбора и испытаний. К. Маркс, давая в своё время характеристику политическому сектанству, писал: «Для секты смысл её существования и вопрос чести состоят не в том, что у неё есть общего с классовым движением, а в том особенном талисмане, который её от этого движения отличает» [8]. Похоже, что для современных исламских экстремистов подобного рода талисманом стала идея возвращения к фундаментальным ценностям ислама насильственным путём.

Таким образом, отличительной чертой исламского фундаментализма как течения общественно-политической мысли служит политическая концепция ислама, которая содержит призыв к созданию исламского государства. Фундаменталисты являются оппонентами так называемых традиционалистов, которые выступали за сохранение сложившихся порядков и не стремились принимать участие в политической борьбе. Что касается перспектив дальнейшего развития исламского фундаментализма как течения социально-политической мысли, то можно констатировать край его идеологической составляющей, хотя преждевременно говорить о победе над радикалами. «Воинствующий фундаментализм» на современном этапе окончательно переходит к методам террора и физическому истреблению неверных. В настоящее время радикалы не выдвигают каких-либо новых политических идей (включая и концепцию «исламского государства»).

Литература

1. Аверинцев С.С. Духовные слова. – М.: Свято-филаретовский православно-христианский институт, 2007. – 232 с.
2. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001. – С. 256–257.
3. Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века. – М., 1989. – С. 16.
4. Ким В.В. Экстремистские потенциалы религиозного фундаментализма: от истоков до наших дней // Исламоведение. 2014. № 4. – С. 6–17.
5. Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. – М., 1990, С. 5.
6. аль-Маудуди А.А. Мы и западная цивилизация. – М., 1993. – С. 174–175.
7. Левин З.И. Мусульманское реформаторство и политика // Ислам и ислаимзм. – М., 1999. – С. 46.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – М., 1974.
9. Малашенко А.В. Мусульманский мир СНГ. – М., 1996. – С. 11.
10. Трофимов Д.А. Исламский фундаментализм в арабских странах: истоки и реалии // Восток. 1992. № 1. – С. 113–114.
11. Полонская Л.П. Современные мусульманские идейные течения // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. – М., 1985. – С. 9.
12. Симонов И.В. Религиозный традиционализм и религиозный фундаментализм // Гуманитарный научный вестник. 2018. № 2.
13. Вестник Российского университета дружбы народов // Политология. 2022. Т. 24, № 4.

TRADITIONALISM AND FUNDAMENTALISM IN MODERN ISLAM

Radjabov O.R., Mamayeva M.A., Bigaeva Z.S.
DagGAU named after M.M. Dzhambulatov

The article analyzes the features and differences of religious traditionalism and fundamentalism in the Islamic world. The main provi-

sions of religious traditionalism, which seeks to preserve the foundations laid back in the time of the Prophet Muhammad, are being clarified. Fundamentalism is a form of political reaction to the processes of globalization and secularization taking place in modern society. The key idea of fundamentalism is to return to the original «pure» state of Islam, to restore the lost «purity» of the faith or ideology of Islam. The article reveals the features of religious fundamentalism and traditionalism in modern Islam.

Keywords: religious traditionalism, religious fundamentalism, tradition, extremism, Islam, reformers.

References

1. Averintsev S.S. On fundamentalism // Humanitarian scientific Bulletin. Nizhny Novgorod, 2018. No. 2.
2. Gadzhiev K.S. Geopolitics of the Caucasus. – M., 2001. – pp. 256–257.
3. Zhdanov N.V., Ignatenko A.A. Islam on the threshold of the XXI century. – M., 1989. – p. 16.
4. Kim V.V. Extremist potencies of religious fundamentalism: from the origins to the present day // Islamic Studies. 2014. No. 4. – pp. 6–17.
5. Korovikov A.V. Islamic extremism in Arab countries. – M., 1990, p. 5.
6. Al-Maududi A.A. Western civilization and we. – M., 1993. – pp. 174–175.
7. Levin Z.I. Muslim reformation and politics // Islam and Islamism. – M., 1999. – p. 46.
8. Marx K., Engels F. *Sobr. soch.* – M., 1974.
9. Malashenko A.V. The Muslim world of the CIS. – M., 1996. – p. 11.
10. Trofimov D.A. Islamic fundamentalism in Arab countries: origins and realities // Vostok. 1992. No. 1. – pp. 113–114.
11. Polonskaya L.R. Modern Muslim ideological trends // Islam: problems of ideology, law, politics and economics. – M., 1985. – p. 9.
12. Simonov I.V. Religious traditionalism and religious fundamentalism // Humanitarian Scientific Bulletin. 2018. № 2.
13. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia // Political Science. 2022. Vol. 24, No. 4.

Античная философия заботы о себе и ее актуальность в современном мире

Саликов Рауль Ринатович,

аспирант, Казанский инновационный университет имени
В.Г. Тимирязова
E-mail: raulsalikov25@gmail.com

Актуальность исследования обусловлена разнообразием вариантов личностного развития, направленным на работу в отношении себя, противодействующей девиантной социальности, а также развитием у современного человека способностей социальных, психологических и духовных компетенций, позволяющих жить в стремительно меняющемся мире. В основе современной концепции заботы о себе лежит опыт человечества, копившийся десятки веков. Отправной точкой формирования концепции заботы о себе считается античная философия, поэтому стоит изучить, насколько ее постулаты актуальны в современном мире. Целью исследования является изучение основы античной философии заботы о себе и рассмотрение возможности ее актуальности в современном мире. Задачами же являются изучение сущности античной философии заботы о себе, формирование основных практических методов заботы о себе, основанных на трудах Сенеки, Эпиктета, Плутарха и прочих. В заключительной части статья призывает к интеграции античных практик в современные подходы к психическому здоровью и личностному развитию, подчеркивая, что философия заботы о себе остается актуальной и полезной в условиях современности.

Ключевые слова: античная философия, забота о себе, практика, пайдейя, образование, аскеза, методы заботы.

Забота о себе – это концепция, которая, несмотря на свою древность, продолжает оставаться актуальной в нашем обществе. В современном мире, где стресс и давление становятся частью повседневной жизни, понимание и практикование заботы о себе выходит на первый план. Чтобы понять, как эта идея развивалась, стоит обратиться к её корням в античной культуре и проследить, как она трансформировалась в условиях современности [4].

Античный мир, с его богатой историей, философией и искусством, продолжает оказывать значительное влияние на современное общество. Несмотря на то, что прошло более двух тысяч лет с тех пор, как древнегреческие и римские цивилизации достигли своего расцвета, их наследие остается актуальным и востребованным в различных аспектах жизни современного человека [1, с. 13].

В античной Греции забота о себе представляла собой многоаспектный процесс, охватывающий не только физическое здоровье, но и моральное и интеллектуальное развитие. Это была не просто личная практика, а важный элемент общественной жизни, который формировал индивидуальность и общественные отношения. Философия заботы о себе, как ее понимали древние греки, заключалась в активном стремлении к самосовершенствованию. Это подразумевало регулярное внимание к своему телесному состоянию, умственному развитию и моральным принципам. Философы, такие как Сократ, Платон и Эпикур, подчеркивали важность самопознания и самоконтроля, рассматривая их как ключевые элементы для достижения внутреннего мира и гармонии [8, с. 79].

Кроме этого, осмысление античных практик невозможно без изучения такого явления, как пайдейя.

Пайдейя – это не просто термин, это целая философская концепция, которая определяла подход к образованию в античности. В древнегреческом контексте это слово означало «воспитание» и охватывало все аспекты формирования личности, начиная с раннего детства и заканчивая зрелостью. Пайдейя была неотъемлемой частью культурной идентичности древних греков и римлян, и ее влияние ощущалось на протяжении всей жизни человека. Одной из ключевых особенностей пайдейи было то, что образование не ограничивалось формальной учебой в школе. Оно было встроено в повседневную жизнь античного человека. С раннего возраста дети обучались не только чтению и письму, но и моральным нормам, эстетическим ценностям и социальным обязанностям. Это происходило через участие в ритуалах, праздниках и общественных мероприятиях, где они могли наблюдать и учиться у взрослых. Образование в рамках пайдейи продолжалось на протяжении всей жизни. Взрослые продолжали учиться, участвуя в философских беседах, обсуждениях на рыночных площадях и посещая театры. Таким образом, образование стало неотъемлемой частью культуры и общественной жизни, формируя активных и ответственных граждан. Пайдейя подчеркивала неразрывную связь между личностью и культурой социума. Каждый индивид рассматривался как часть более широкой социальной структуры, и его развитие было связано с культурными и историческими контекстами. Древние греки и римляне верили, что личностное развитие невозможно без участия в жизни общества. То есть

не только достижение личных результатов было целью образования, но и возможность применить полученные знания и навыки на благо социума.

При этом Б.М. Роджерс отмечает, что современный подход к изучению образования античности не совсем верен, так как мы пытаемся изучить события по принципу, где и когда они произошли, игнорируя суть процессов и событий, заключенную в ответах на вопрос «почему это произошло?» [10, с. 8; 17].

Мы можем заключить, что античное образование представляло собой не просто совокупность знаний о мире, науках, обществе, но и представляло собой постоянное движение вперед, совершенствование собственного «Я». При этом философия, в том числе философия заботы о себе, лежала в основе процесса образования и развития личности и всего общества.

Период античности представляет собой длительный период продолжительностью почти тринадцать веков. За такой продолжительный период времени происходили значительные изменения во всех сферах и структурах общества: в политической, экономической, социальной, духовной, образовательной, бытовой. Внутренний мир человека также менялся и трансформировался с учетом описанных выше перемен. Менялись и принципы и практики заботы о себе.

Различные философы античности формировали постулаты и суждения, которые по сегодняшний день не потеряли своей актуальности. Развитие собственного «Я» через процессы саморазвития, самоконтроля и самосовершенствования изучали в своих трудах такие философы как Платон, Сократ, Эпикур, Эпиктет и прочие. Кроме этого, они видели тесную взаимосвязь уровня личностного развития со способностью приносить пользу и благо в общество [2, с. 175].

Один из величайших философов античности – Платон – в своих трудах, например в «Алкивиаде», приводит важнейшую мысль об управлении в социуме: грамотно править может только тот, кто познал и «взрастил» себя самого до соответствующего уровня. Его учитель – Сократ – был уверен в том, что забота о себе – вовсе не эгоизм, как считают некоторые представители современного общества, а необходимость: только справившись со своим внутренним миром, человек может познавать и эффективно взаимодействовать с внешним [5, с. 220–267].

Еще один философ Древней Греции – Эпикур, создавал свои труды на основе идеи о помощи людям в обретении гармонии и счастья. В работе «Письмо к Менекею» он делает упор на то, что философия призвана помогать человеку бороться с проблемами и вызовами общества, в котором он живет.

В условиях современного мира, наполненного стрессами и неопределенностью, занятия философией, медитацией и время, проведенное наедине с собой, могут стать важными инструментами для достижения душевного спокойствия и счастья [3, с. 57]. Сенека учил нас, что забота о себе – это не эгоизм, а необходимость для достижения гармонии и счастья. В нашем быстро меняющемся мире, где стресс и давление становятся частью повседневной жизни, важно помнить о важности внутреннего состояния. Забота о себе – это комплексный процесс, который включает в себя физическое, эмоциональное и психическое здоровье. Как говорил Сенека, человек, который заботится о своем внутреннем состоянии, способен преодолеть любые трудности и страдания [7].

Собственная жизнь человека является содержанием практики заботы. Эффективная забота о самом себе

требует вложения большого количества ресурсов: временных, моральных, духовных.

Первым шагом на пути к заботе о себе является осознание тех факторов, которые оказывают на нас негативное влияние. Это могут быть токсичные отношения, чрезмерные ожидания со стороны окружающих или даже собственные внутренние установки. Освобождение от этих влияний требует смелости и решительности. Это может включать в себя установление границ, отказ от общения с определенными людьми или изменение привычек, которые подрывают нашу самооценку. Интересно, что в античное время забота о себе включала элементы аскезы, но с совершенно другим смыслом, чем в христианстве. Античная аскеза не заключалась в борьбе с самим собой, а, наоборот, в поиске своего истинного «я». Она была направлена на подготовку личности к будущим трудностям, формируя внутреннюю силу и дисциплину. Поддержание ежедневной дисциплины и обуздание негативных эмоций – это те ключевые элементы, которые помогают нам не только справляться с трудностями, но и развиваться как личность. Это может проявляться в простых, но эффективных практиках: регулярные физические нагрузки, медитация, чтение или занятия творчеством.

Применялась аскеза речи и слуха, которая выражалась в избегании слухов, сплетен и пустой болтовни. О таком виде аскезы рассуждали Сенека, пифагорейцы и некоторые другие. Эпикурейцы обращались к физической аскезе, цель которой было свести к минимуму зависимости от внешнего мира (аскеза пищи, жилья).

Античная философия, с её глубокими размышлениями о жизни, счастье и человеческой природе, предлагает не только теоретические концепции, но и практические инструменты для достижения внутренней стойкости. Философы, такие как Сенека, Эпиктет и Плутарх, разработали методы, которые помогают людям справляться с жизненными трудностями и формировать устойчивое отношение к окружающему миру

1. Мысленное предварение зла – эта практика заключается в воображении худших сценариев, которые могут произойти в нашей жизни. Это не упражнение для того, чтобы заранее испытать страдания, а способ понять, что даже самые ужасные события не являются концом света. Такой подход помогает снизить уровень тревожности и страха перед будущим, ведь, осознав, что мы способны справиться с любыми трудностями, мы становимся более устойчивыми к жизненным вызовам.

2. Аскеза и физические тренировки. Обретение независимости от внешних источников удовольствия и удовлетворения через отказ от развлечений, некоторой пищи и питья. Также для развития силы тела и духа, формированию дисциплины необходимо использовать физические тренировки.

3. Практики на уровне мышления представляют собой так называемую «доглядку за представлениями». Это упражнение основано на умении контролировать свои чувства, мысли и эмоции. Это позволяет избежать деструктивных последствий в виде депрессии, тревоги, агрессии.

4. Достаточно непривычной для современного человека является практика размышления о смерти. Но она должна осуществляться не в деструктивном ключе, а через понимание ценности своей жизни, того момента, в котором человек находится прямо сейчас [7, с. 50].

Сегодня античные практики заботы о себе трансформировались в два направления. Первое из них достаточно массовое: это несложный комплекс ритуалов, которые включают в себя зарядку, полноценный сон,

сбалансированное питание, участие в психологических тренингах.

Второе направление включает в себя практики, которые требуют значительных ресурсов – материальных и временных – эти практики обычно доступны обеспеченным людям. Это йога, медитация, индивидуальная психотерапия.

В этом контексте мы можем увидеть традиционный для античной культуры разрыв между «лучшими» и «толпой», между единицами и массой. Этот принцип был воспринят и христианством, которое утверждает, что путь к спасению открыт для всех, но на практике лишь немногие способны пройти этот сложный и требующий усилий путь самосовершенствования.

Античная философия и культура положила начало формированию такого сложного понятия и феномена, как практика заботы о себе. Философы Древней Греции и Рима сформировали основные положения, практические методы и саму суть философии заботы о себе. Практика заботы о себе была неразрывно связана с образованием и воспитанием. Непрерывное образование было отражено в пайдейе – системе абсолютной образованности. Была описана значимая роль наставника. Формирование достойной личности, которая может оказать пользу обществу на основе практик заботы о себе, по мнению античных мыслителей, доступно каждому, но далеко не всегда люди выбирают этот благой путь.

Практическая значимость статьи раскрывается в том, что сегодня эти идеи особо актуальны для психологии, психотерапии и современной философии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что идеи античной философии заботы о себе могут быть адаптированы для применения в современных практиках психологии и личностного роста.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении понимания античной философии и её актуальности в современных философских дискуссиях.

Заключение. Таким образом, мы можем сделать вывод, что актуальность античной заботы о себе сегодня заключается в том, что практики заботы о себе являются предметом изучения и методом воздействия на личность в таких науках как философия, психология, психотерапия, социология, педагогика. Несмотря на огромный пласт знаний и множество направлений в заботе о себе, именно античные постулаты являются ее основой по сегодняшний день. Использование античных методов и подходов к заботе о себе современным человеком позволит сохранить ему физическое здоровье и душевное равновесие.

Литература

1. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1 / пер. с нем. А.И. Любжина. Москва: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. 393 с.
2. Ксенофонт Киропедия / Пер. с древнегреч. В.Г. Борухович, Э.Д. Фролов. Москва, 1976. 347 с.
3. Лаэртский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с древнегреч. М.Л. Гаспаров. Москва, 1986. 571 с.
4. Пичугина В.К. Развитие антропологического дискурса «заботы о себе» в истории античной педагогики: автореф. дисс... на соискание уч. ст. доктора пед. наук: 13.00.01. Волгоград, 2013. 38 с.
5. Платон Алкивиад I / Пер. с древнегреч. В.С. Соловьев, М.С. Соловьев, С.Я. Шейнман-Топштейн; общ. 2 ред. А.Ф. Лосев и др. // Собр. соч. В 4 т. Т. 1. Москва, 1990. 860 с.

6. Плутарх Моралии: Наставления по управлению государством / Пер. Л.А. Ельницкого // ВДИ. 1978. № 3–4.
7. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию / Пер. с лат. С.А. Ошеров. Москва, 1977. 384 с.
8. Хэйзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры / пер. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харионовича. Москва: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
9. Эпиктет Беседы / Пер. с древнегреч. Г.А. Таронян. Москва, 1997. 310 с.
10. Rogers B.M. Before Paideia: Representations of Education in Aeschylean Tragedy: diss. submitted to the Department of Classics and the Committee on graduate studies of Stanford University in Partial Fulfillment of the Requirements for the degree of doctor of philosophy. 2005. 251 p.

THE ANCIENT PHILOSOPHY OF SELF-CARE AND ITS RELEVANCE IN THE MODERN WORLD

Salikov R.R.

Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova

The relevance of the research is due to the variety of personal development options aimed at working towards oneself, countering deviant sociality, as well as the development of modern human abilities of social, psychological and spiritual competencies that allow living in a rapidly changing world. The modern concept of self-care is based on the experience of mankind, accumulated for decades. The starting point for the formation of the concept of self-care is considered to be ancient philosophy, so it is worth studying how relevant its postulates are in the modern world. The purpose of the study is to study the foundations of the ancient philosophy of self-care and consider the possibility of its relevance in the modern world. The objectives are to study the essence of the ancient philosophy of self-care, the formation of basic practical methods of self-care based on the works of Seneca, Epictetus, Plutarch and others. In the final part, the article calls for the integration of ancient practices into modern approaches to mental health and personal development, emphasizing that the philosophy of self-care remains relevant and useful in modern conditions.

Keywords: ancient philosophy, self-care, practice, paideia, education, austerity, methods of care.

References

1. Jaeger V. Paideia. Education of an Ancient Greek. Vol. 1 / trans. from German by A.I. Lyubzhin. Moscow: Greco-Latin Cabinet of Yu.A. Shichalin, 2001. 393 p.
2. Xenophon Cyropaedia / Trans. from Ancient Greek by V.G. Borukhovich, E.D. Frolov. Moscow, 1976. 347 p.
3. Laertsky D. On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers / Trans. from Ancient Greek by M.L. Gasparov. Moscow, 1986. 571 p.
4. Pichugina V.K. Development of the Anthropological Discourse of "Caring for Oneself" in the History of Ancient Pedagogy: Abstract of Dissertation for a Doctor of Pedagogical Sciences degree. Sciences: 13.00.01. Volgograd, 2013. 38 p.
5. Plato Alcibiades I / Trans. from ancient Greek V.S. Solovyov, M.S. Solovyov, S. Ya. Sheinman-Topshtein; total 2 ed. A.F. Losev et al. // Collection. op. In 4 volumes. T. 1. Moscow, 1990. 860 p.
6. Plutarch Morals: Manuals on government / Transl. L.A. Elnitsky // VDI. 1978. No. 3–4.
7. Seneca L.A. Moral letters to Lucilius / Trans. from lat. S.A. Osherov. Moscow, 1977. 384 p.
8. Huizinga J. Homo Ludens: Articles on the History of Culture / trans. by D.V. Silvestrov; comment. by D.E. Kharitonovich. Moscow: Progress-Tradition, 1997. 416 p.
9. Epictetus: Conversations / Trans. from Ancient Greek by G.A. Taronyan. Moscow, 1997. 310 p.
10. Rogers B.M. Before Paideia: Representations of Education in Aeschylean Tragedy: diss. submitted to the Department of Classics and the Committee on graduate studies of Stanford University in Partial Fulfillment of the Requirements for the degree of doctor of philosophy. 2005. 251 p.

Метафора строительства в религиозном дискурсе (на примере акафистов XX–XXI вв.)

Лагутова Анастасия Сергеевна,

преподаватель кафедры «Русский язык как иностранный»,
Национальный исследовательский Московский
государственный строительный университет; аспирант
кафедры общей и славянской филологии, Институт
славянской культуры, Российский государственный
университет им. А.Н. Косыгина
E-mail: lagutovaas@gmail.com

Статья посвящена анализу строительной метафоры в религиозном дискурсе. На примере акафистов XX–XXI веков рассматриваются узуальные фраземы, содержащие метафорические конструкции со строительной семантикой, а также окказиональные фраземы, вербализующие уникальные чудеса и события из жизни прославляемых святых с учетом их агиографической составляющей. Отмечается значимость теолингвистического подхода в рамках когнитивных исследований, а также делается вывод о специфике выбора гимнаграфами тех или иных фразем в текстах акафистов под влиянием агиосемем и агиосем.

Ключевые слова: религиозный дискурс, теолингвистика, когнитивная метафора, акафист, хайретизм.

Введение

Изучение метафоры в различных типах дискурса является актуальным направлением для современных лингвистических исследований. Учеными неоднократно поднимаются вопросы использования метафорических конструкций и принципы их функционирования в тех или иных дискурсообразующих сферах – политике (Опарина 2002; Кабылов 2022), науке (Занина 2012; Имашева 2023), рекламе (Мощева 2021; Карнова 2014), религии (Суспицына 2013; Шитиков 2015) и т.д.

Когнитивные метафоры обладают универсальностью и семантической насыщенностью, поскольку раскрывают «довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных» [4, с. 245]. Особенно на когнитивные метафоры богат религиозный дискурс, жанры которого предполагают обращение к прецедентным текстам и развертывание глубинного содержания в абстрактных образах. Исследование метафорических конструкций в данном типе дискурса опирается не только на опыт когнитивных и дискурсивных исследований, но и на теолингвистический базис.

Теолингвистика является сравнительно новым для языкознания направлением. В его основе находятся религиозная коммуникация и изучение филологических явлений с позиции религиозной картины мира или с ее учетом. Первоначально термин «теолингвистика» был использован Жан-Пьером ван Ноппенем в 1981 году в коллективной монографии под его редакцией. Ученый определил теолингвистику как науку, «которая пытается описать то, как человеческое слово может быть употреблено по отношению к Богу, а также то, каким образом язык функционирует в религиозных ситуациях» [10, с. 693]. Позже термин получил широкое распространение благодаря Кэмбриджской языковой энциклопедии Дэвида Кристела [9].

В рамках отечественного языкознания теолингвистика стала развиваться позже, поскольку религиозная сфера долгое время была табуирована в силу политических ограничений. Однако мыслящему человеку было необходимо, чтобы идея Бога вписалась в его научное представление о мире и завершила его картину мира [8], поэтому, как замечает А.К. Гадомский, когда в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века на территории бывшего Советского Союза произошли изменения, отчасти разрушившие искусственно возведенную между языком и религией стену, возродился и интерес исследователей к вопросам религиозного языка [3]. На сегодняшний день теолингвистика представляет собой светскую лингвистическую науку, в рамках которой исследовательские интересы ученых-теолингвистов группируются по нескольким направлениям: богослужебные тексты и их перевод (Николаева, 2007, 2008; Новак, 2014; Плисов, 2013), религиозные концепты (Постовалова, 2012; Скларевская, 2013), религиозный дискурс (Бобырева, 2008, Плисов, 2019), религиозный стиль (Ицкович, 2016;

Прохватилова, 1999), религиозная коммуникация (Бугаева, 2008; Плисов, 2013; Кончаревич, 2015), религиозная лексика (Баич, 2013; Складаревич, 2000, 2016), жанроведческие исследования (Ицкович, 2015, 2016; Прохватилова, 1999) и др.

В рамках теолингвистики также выделяются ее разделы, которые имеют отношение к определенным религиям и конфессиям, а внутри каждого из этих разделов определяются более конкретные субдисциплины. Остановимся на такой субдисциплине как акафистоведение.

Термин акафистоведение был введен Ф.Б. Людоговским в работе «Структура и поэтика церковнославянских акафистов». Ученый определил акафистоведение как научную дисциплину на стыке филологии и литургики, которая исследует акафисты «во всем многообразии проблематики, связанной с текстами этого гимнографического жанра: их структуру, поэтику, текстологию, функционирование, взаимодействие с иными гимнографическими жанрами» [5, с. 245]. Изучением акафистов занимаются такие ученые-лингвисты как С.С. Аванесов, Т.С. Борисова, А.А. Камалова, А.А. Красильникова, Н.А. Рядовых, О.А. Шапорева и др.

Акафист имеет устойчивую форму и строится по подобию первого в истории Акафиста Пресвятой Богородице, который был написан в V–VII вв. Неседален (как ещё называют акафист, поскольку исполнять его принято стоя), представляет собой специфический жанр церковных песнопений, который обладает многоуровневой структурой, включающей в себя микротексты (кондаки, икосы, хайретизмы), в которых, с целью передачи читателю чуда или события из жизни прославляемого святого, авторами-гимнографами используются особые, часто метафорические, конструкции, раскрывающие те или иные глорификационные аспекты.

Жанр акафиста продолжает развиваться и сегодня. Создаются акафисты новопреславленными святым, в которых используются метафорические модели и метафорические образы, разворачивающие когнитивные планы смыслов, указывающие на духовные подвиги святых или их чины святости, что определяет новизну и актуальность исследований в данном направлении.

Цель данной работы – провести анализ когнитивной метафоры строительства в религиозном дискурсе на примере жанра акафиста. Материалом исследования являются акафисты XX–XXI веков, написанные на русском языке и размещенные на сайте prav-molitva.ru.

Результаты и обсуждение

Как правило, метафорические конструкции в акафистах сосредоточены в хайретизмах – прославительных строках икосов. Как и акафист в целом, хайретизм обладает устойчивой формой и внутренней структурой. Так, хайретизм состоит из инициали, основной части и, иногда, финали. В акафистах святым инициаль хайретизма представляет собой частотное для большинства акафистов обращение «радуйся». Конструкция справа от инициали называется основной частью хайретизма и содержит в себе информацию о событиях или чудесах из жизни восплаемого святого. Именно эта информация может быть закодирована гимнографом при помощи метафор или иных маркеров сакральности религиозного текста. Ф.Б. Людоговский выделяет также финаль хайретизма – последнюю словоформу основной его части, но отмечает, что говорить о финали хайретизма можно тогда, когда внутри пары хайретизмов возникает синтаксический параллелизм и рифма [5].

Так как нас интересуют конструкции, содержащиеся в основных частях хайретизмов, будем использовать для

их обозначения термин *фразема*, «устойчивое сочетание слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающим из суммы значений его лексических компонентов» [1, с. 23]. Следовательно, акафистная фразема называет того или иного прославляемого святого через образы-символы, метафоры, конструкции-вербализаторы его чудес и событий жизни.

Предполагается, что использование той или иной фраземы в гимнографическом тексте обусловлено влиянием *агиосемы* – минимального дифференциального значения, определяющего чин святости прославляемого святого и *агиосемемы* – интегрального значения, связанного с категорией святости и характерного для религиозного дискурса в целом. При этом сами фраземы могут быть узуальными – общими в рамках жанра, отсылающими к маркерам сакральности и прецедентным текстам, а также окказиональными – встречающимися только в данном акафисте и отражающими индивидуальное событие или уникальное чудо из жизни святого. Выбор общей узуальной фраземы обуславливает влияние агиосемемы, в то время как окказиональной – влияние агиосемы.

В акафистах также могут встречаться фраземы, занимающие промежуточное между узуальными и окказиональными конструкциями положение. Это фраземы, одна часть которых формируется устойчивой метафорической или прецедентной конструкцией, а другая уточняет первую окказиональной. Однако это тема отдельного исследования, в данной статье будут рассматриваться только группы узуальных и окказиональных фразем.

Рассмотрим наиболее яркие узуальные фраземы, которые удалось выделить в результате анализа материала исследования. В акафисте отцу Иосафу, епископу Белградскому используется конструкция *тайн Божиих дивный строителю*, где слово «строитель» из сферы источника переходит в сферу-мишень, приобретая новые смыслы. Тайны Божии невозможно построить физически, так, как это делает обычный строитель, но возможно построить и утвердить духовно. Данная фразема отсылает читателя к строкам первого послания Коринфянам: «Итак каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих» (1Кор. 4:1). В связи с этим прецедентным текстом выводим следующий пласт смыслов: служение Всевышнему определяется как строительство духовного дома, а тайны Божии как духовные истины, которые Господь открывает своим верным.

И как строитель возводит дом, так и святой шаг за шагом выстраивает дом духовных истин: покаянием и смирением очищает место, где будет построен этот дом («Сотворите же достойный плод покаяния» (Мф. 3:8), закладывает фундамент строения («Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1Кор. 3:11), прикладывает усилия, чтобы дом стал надёжным и нерушимым.

В акафисте преподобному Силуану, подвижнику и старцу Русского Пантелеимонова монастыря на святой горе Афон встречается фразема *братолюбия прилежный строителю и теплый о всех молитвеннике*. Данная конструкция также указывает на духовное строительство, которое усиливается при помощи прилагательного *прилежный*. Гимнограф отмечает, что святой ответственно и усердно возводит такую Христову добродетель, как братолюбие – любовь к своим ближним («Послушанием истине чрез Духа очистивши души ваши к нелицемерному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца» (1Петр.1:22).

Фраземы данных акафистов также объединяет прецедентный библейский текст о доме на песке (Мф: 7:

26), где Господь метафорически говорит о том, что дом, возведенный на прочном основании, на твердом фундаменте, будет стоять вечно, в то время как сооружение на песчаном грунте однажды обрушится. Так, раскрывая один из уровней сакральной кодировки религиозного текста, понимаем, что под крепким основанием подразумеваются Божьи заповеди, дающие непоколебимость православной веры. Именно эту веру святые пронесли через всю свою земную жизнь, светлыми добродетелями созидавая дом Вечной Жизни через тайны Божии.

Любопытная конструкция встречается в акафисте святому царю-мученику Николаю II: *Новаго тя Ноя, строителя спасения народу русскому яви Господь*. Данная фраза связывается несколькими метафорическими образами и разворачивает целый пласт смыслов. Гимнограф называет последнего императора новым Ноем, указывая на то, что подобно ветхозаветному патриарху святой Государь построил ковчег, на котором повел народ ко спасению. С данной фразой связывается и другая фраза, отмеченная в хайретизме седьмого икоса акафиста святому: *Российскаго корабля ко спасению водителю*. Здесь метафора корабля символизирует Российскую Империю, которую Государь, как капитан корабля, вел по бушующему житейскому морю к светлому берегу – ко Христу. Известно, что вера была очень важна для святого Государя, она являлась для него внутренним маяком, помогала с достоинством и отвагой справляться с самыми тяжелыми жизненными испытаниями. В своем дневнике новопрославленной царь-страстотерпец писал следующее: «Господь поставил меня на трудное место, и я твердо верю, что Он поэтому не оставит меня без своего благословения и помощи» (4 апреля 1902 года) [2].

В качестве отдельной подгруппы мы также можем обратить внимание на фраземы, в структуре которых заложена сема строительства. Так, рассмотрим фразему *пшенице, хлеб Небесный устроившая* из акафиста митрополиту Алексию, святителю Московскому. Сема строительства заложена в самом корне действительного причастия «устроившая». Построив этимологическую цепочку, видим: *устроившая – устроивший – устроить – строить*. Обращаясь к словарным толкованиям, отметим, что глагол строить образован от древнерусского *строити*, которое означало 'строить, воздвигать', 'изготавливать', 'устраивать', 'приготавливать, подготавливать', 'постановлять', 'управлять', 'править', 'заботиться, окружать заботами', 'быть полезным', а также выражало прочие менее частотные периферийные значения [7, III с. 554–555]. Образованное от *строити* «строитель» также обладало полисемантической: «**строитель**», 'созидатель', 'заботник', 'начальник', 'распорядитель', 'управитель', 'настоятель' [7, с. 552–554] и т.д. Значение 'строитель' тяготеет к ядерной зоне семантического поля лексики *строитель*.

Переносное значение слова «строитель» определяется как 'созидатель, творец' [6, с. 230], что также разворачивает перед нами любопытный когнитивный пласт. Митрополит Алексей сравнивается с пшеницей, которая созидает, создает хлеб Небесный. Помимо дуалистического единства мира земного и мира небесного, в данной фраземе делается акцент на метафоре пшеницы, которая не только является христианским символом таинства евхаристии, но и определяет духовный рост, связывается с циклом смерти и воскресения. Так, созревшая пшеница, вобравшая в себя добродетели, становится не просто зерном, но хлебом Небесным, воплощающим собой Господни истины.

Любопытна и фраза *благочиния монастырскаго мудрый строителю*, которая встречается в акафисте

Макарию, митрополиту Московскому и всея Руси, чудотворцу. В данной конструкции строительная метафора связывается с мудрой фигурой святого, который подобно строителю выстроил внутренние порядки монастырского благочиния. Данная фраза метафорична, однако она формируется агиографическим базисом, фактами из жизни святого. Для полноценной дешифровки смыслов, заложенных в данную акафистную фразу, читателю-реципиенту необходимо владеть определенным уровнем исторической осведомленности или же обращаться к паратексту или комментариям священников. Так, например, известно, что митрополит приложил усилия для установления новых монастырских порядков, ввел в монастырях Новгородской епархии общежительный устав, запретил совместное проживание иноков и инокинь, а женских монастырях заменил игуменов на игумений.

Рассмотрим также окказиональные фраземы. Как уже было сказано выше, часть акафистных конструкций вербализуют чудеса и события из жизни прославляемых святых под влиянием агиосемы прямо, а не метафорически. Например, в акафисте святой блаженной Ксении Петербургской встречаются фраземы *егда ты нощию строителям церкви Смоленской камни тайно носила еси* и *строителям храмов Божиих помогающая*, которые указывают на событие из жизни святой и молитвенное подвижничество блаженной уже после её земной жизни. Первая фраза связывается с тем фактом, что Ксения Петербургская по ночам ходила на место стройки храма Смоленской иконы Божией Матери и тайно приносила рабочим кирпичи. Наутро строители только дивились случившемуся и однажды, придя на стройку ночью, все же узнали, что их помощницей оказалась блаженная Ксения. И сегодня православные продолжают молиться святой о помощи в возведении храмов и святых обителей.

В акафисте священномученику Иосифу, первому митрополиту Астраханскому и Терскому также встречается фраза *храмов святых строителю*, которая указывает на строительное подвижничество митрополита и отсылает к факту из жизни митрополита о решении строительства храма у стен Астраханского кремля.

В акафисте святой преподобномученице великой княгине Елисавете используется фраза *храмов святых и благолепных устроительнице*, а также гимнограф делает акцент на Марфо-Мариинской обители милосердия, которую основала святая княгиня: *богоспасаемаго града Москвы дивную устроительницу обители милосердия*. Действительно, после трагической кончины супруга Великого князя Сергея Александровича, на деньги от продажи личного имущества святая Елисавета приобрела усадьбу на Большой Ордынке, где и была основана Марфо-Мариинская обитель.

В акафисте собору святых Псково-Печерских фраза *устроители тихой пристани спасения* указывает на факт основания братией обители Богоматери – Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, с чем связывается рефренная икосная фраза *обители Богоматерни преславнии устроителие*.

Заключение

Таким образом, изучение метафор в контексте их использования в религиозном дискурсе представляет собой значительный интерес для исследования. Вербализация агиосем, передающих категорию святости через когнитивные метафоры, а также агиосем, определяющих использование уникальных языковых конструкций, позволяет установить корреляцию между фразами,

используемыми гимнографами в акафистах, и чертами личности прославляемых святых, событиями из их жизни и их духовными подвигами.

Метафора строительства является частотной и в текстах акафистов встречается в узуальных фраземах. Оказиональные фраземы, содержащие лексему «строительство» или ее производные, вербализуются, как правило, без использования метафорических конструкций и прямо указывают на строительство храма или иное созидательное физическое подвижничество.

При изучении метафоры в религиозных текстах важно учитывать специфику данного типа дискурса, обращать внимание на связанные с теми или иными фраземами прецедентные феномены, а также осознавать принципы функционирования образного языка в Священном Писании, опираясь на маркеры сакральности религиозного текста. Для успешной дешифровки строительных метафорических конструкций в текстах акафистов читатель должен обладать определенным уровнем теологической подготовки или фоновыми историческими знаниями, которые позволят вскрыть многоуровневый когнитивный пласт смыслов рассматриваемой фраземы. Анализ метафор, проводимый с позиции теолингвистического подхода, не только позволяет понять, как метафоры формируют восприятие святых и влияют на репрезентацию их подвигов в религиозном дискурсе, но и открывает новые перспективы для дальнейших когнитивных лингвистических исследований.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс. Учебное пособие для студентов филологических специальностей вузов – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
2. Боханов А.Н. Николай II. [Электронный ресурс]: <https://litvek.com/books/284352-kniga-aleksandr-nikolaevich-bohanov-nikolay-ii> (дата обращения: 10.11.2024).
3. Гадомский А.К. Русская теолингвистика: история, основные направления исследований // Стил. 2010. № 9. С. 357–374.
4. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: УРСС, 2004. – 256 с.
5. Людоговский Ф.Б. Структура и поэтика церковно-славянских акафистов / Федор Людоговский. – М.: Институт славяноведения РАН, 2015. 352 с.
6. МАС–Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стер. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 4.
7. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский. – СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской АН, 1912. – Т. 3.
8. Юрченко В.С. Космический синтаксис: Бог. Человек. Слово / В. Юрченко. – Саратов: Саратовский госу-

дарственный педагогический институт им. К.А. Федина, 1992. – 137 с.

9. Crystal D., 1993, Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache, Übers. und Bearb. der deutschen Ausg. von Stefan Röhrich, Frankfurt am Main–New York: Campus-Verlag, с. 412
10. Noppen J.-P. van, 1995, Methodist discourse and industrial work ethic: A critical theolinguistic approach, Revue Belge de Philologie et d'Histoire, Vol. 73, № 3, с. 693–714.

METAPHOR OF CONSTRUCTION IN THE RELIGIOUS DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF AKATHISTS OF THE XX–XXI CENTURIES)

Lagutova A.S.

National Research Moscow State University of Civil Engineering; Kosygin State University of Russia

This article is devoted to the analysis of construction metaphor in religious discourse. On the example of akathists of the XX–XXI centuries, the author considers usual phrases containing metaphorical constructions with building semantics, as well as occasional phrases verbalizing unique miracles and events in the lives of glorified saints, taking into account their hagiographic component. The significance of the theolinguistic approach within the framework of cognitive studies is noted, and a conclusion is made about the specificity of hymnographers' choice of certain phrases in the texts of akathists under the influence of hagiosememes and hagiosemes.

Keywords: religious discourse, theolinguistics, cognitive metaphor, akathist, hairetism.

References:

1. Alefirenko N.F. Theory of Language. Introductory course. Textbook for students of philological specialties of universities – M.: Publishing Center “Academy”, 2004. – 368 p.
2. Bokhanov A.N. Nicholas II. [Electronic resource]: <https://litvek.com/books/284352-kniga-aleksandr-nikolaevich-bohanov-nikolay-ii> (Access date 10.11.2024)
3. Gadomsky A.K. Russian theolinguistics: history, main directions of research // Steele. 2010. № 9. P. 357–374.
4. Lakoff J. Metaphors by which we live: per. from English / J. Lakoff, M. Johnson; ed. and with a foreword by A.N. Baranov. – MOSCOW: URSS, 2004. – 256 p.
5. Ludogovsky F.B. Structure and Poetics of Church Slavonic Akathists / Fyodor Ludogovsky. – Moscow: Institute of Slavonic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015. 352 p.
6. Small academic dictionary: in 4 vol. / AS USSR, Institute of Russian Language; edited by A.P. Evgenieva. 3rd ed. ster. Moscow: Russ. yaz, 1985–1988. V.4.
7. Sreznevsky, I.I. Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments / I.I. Sreznevsky. language according to written monuments / I.I. Sreznevsky. – SPb. Publication of the Department Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences, 1912. – V.3.
8. Yurchenko V.S. Cosmic syntax: God. Man. Word / V. Yurchenko. – Saratov: Saratov State Pedagogical Institute named after K.A. Fedin. K.A. Fedin, 1992. – 137 p.
9. Crystal D., 1993, Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache, Übers. und Bearb. der deutschen Ausg. von Stefan Röhrich, Frankfurt am Main–New York: Campus-Verlag, p. 412.
10. Noppen J.-P. van, 1995, Methodist discourse and industrial work ethic: A critical theolinguistic approach, Revue Belge de Philologie et d'Histoire, Vol. 73, № 3, p. 693–714.

Мостовенко Наталья Сергеевна,

культуролог, религиовед, преподаватель кафедры всеобщей истории факультета истории, теологии и международных отношений ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского».
E-mail: mns_park@mail.ru

Важнейшим элементом религиоведческих исследований является системно категориальный анализ базовой терминологии. В данной статье поднимается проблема отсутствия в научном дискурсе чётко закреплённого понятия феномена вымышленных религий. Плюрализация современных религиозных форм и размытие границ религиозной идентичности создаёт неопределённость в предметно-объектном поле. Немаловажную роль в этих процессах играет массовая культура. Массовая культура задаёт вектор развития общества, и тем самым формирует его отношение к различным социальным явлениям, в том числе и к религии. Делая упор на светскость, а не на религиозность, массовая культура, приобретает прагматический безрелигиозный характер, становится благоприятной почвой для появления новых форм религиозности. Благодаря вариативности религиозного, религии вымышленных миров сходят со страниц книг и экранов, превращаясь в институциональные формы религии. Грань между религиями размывается, а, следовательно, становится проблематичным дать определение новой религиозной форме и чётко обозначить различия между ними. Применение междисциплинарного подхода через анализ продуктов массовой культуры позволило выявить, что понятие вымышленных религий обусловлено рядом факторов, наделяющих его отличными от других типов религиозности смыслами. Предлагается ввести определение вымышленных религий как формы прозелитической религиозности, основанной на популярных авторских идеях массовой культуры, не несущей деструктивный характер.

Ключевые слова: вымышленные религии, плюрализация, религиозность, религиозная идентичность, трансцендентность, прозелитизм, массовая культура.

Введение

В современном научном дискурсе циркулирует множество определений проявлениям различных форм религиозности. Факты неизбежного роста религиозного разнообразия, его трансформации и формирования новых социокультурных смыслов, коммуникационных и религиозных моделей усложняют контексты межконфессиональных отношений. Демократизация религиозности создаёт благодатную почву для роста религиозного плюрализма. Современный мир характеризуется постоянной и динамичной трансформацией сфер антропокультурной реальности человека. Трансформация происходит как на локальном, так и на глобальном уровне. Понятия толерантности, равноправия, плюрализма давно вошли в повседневность, во все социокультурные области, в том числе и в религиозную сферу, воплотившись в плюрализации её форм.

Процесс религиозной плюрализации вызывает переход от культурной и религиозной однородности к признанию разнообразия, «традиционные религиозные формы уступают место новым формам внеинституциональной религиозности, которая развивается и растёт под влиянием социальных изменений» [1].

Разнородность современного социокультурного пространства, расширение межкультурных контактов, создание единого информационного поля, возведение толерантности в ранг фундаментальных ценностей, борьба за права и свободы подавляемых групп – все эти процессы получили глубокое осмысление в институциональных исследованиях проблем идентичности и самоидентификации. Человек собирает свою идентичность подобно сбору пазла, формируя себя и своё отношение к «Другому», к тому, кто отличается, в той или иной степени. Все это непосредственно связано с переживанием и интеграцией в повседневную жизнь своего личного опыта в вопросах осмысления таких категорий, как: вера, Бог, сакральное. Это приводит к тому, что священный статус предмета веры определяется не догмами и канонами религий, а субъективными ценностями для индивида.

Немаловажную роль в этих процессах играет массовая культура, задавая вектор развития общества, и тем самым формируя его отношение к различным социальным явлениям, в том числе и к религии.

Массовая культура не только может задавать отношение к религии, но и формировать новые религиозные практики. Парадокс ситуации заключается в том, что массовая культура, делая упор на светскость, а не на религиозность, приобретает прагматический безрелигиозный характер и становится благоприятной почвой для появления новых форм религиозности. Исходя из специфики массовой культуры, отсутствие сакрального человек вынужден компенсировать альтернативным формам, которые можно назвать в некотором роде симулякрами сакрального. Все это влияет на формирование ситуации религиозного плюрализма. Благодаря чрезмерной вариативности религиозного, из художественных произведений выходят новые религиозные формы, некогда религии вымышленных миров сходят со страниц книг и экранов, превращаясь в институциональные формы религии такие как Джедаизм, который вышел из культовой киноэпопеи Джорджа Лукаса «Звёздные войны». Само понятие культового уже отсылает нас к определенным

формам поклонения, то есть фильм не просто популярный, а представляет собой объект поклонения групп [2].

Сознание человека способно находить религиозный подтекст в тех продуктах культуры, в которых религиозное даже не закладывалось. Поэтому, не только фантастические миры могут влиять на религиозный плюрализм, рационализация и технократия также служат стимулом для религиозного воображения, что мы можем наблюдать в области трансцендирования. Оно, благодаря религиозному плюрализму, может проходить в разных формах, к примеру, через индивидуальные религиозные переживания – феномен персональной / индивидуальной религии, что обесценивает коллективные ритуальные практики. В современности, благодаря цифровым технологиям, появляются возможности для трансцендирования через конструирование воображаемых миров. Человек не только уходит от обыденности в виртуальный мир – мир соцсетей, видеороликов и компьютерных игр, но и находит возможность для трансцендирования. В виртуальности человек может найти как традиционные, так и новые формы религии, подходящие для его мировоззрения. Такая форма принятия трансцендентного становится популярной не только из-за своего разнообразия и новизны, но и в том числе из-за простоты. Возникают формы «кибер» религиозности, которые из виртуальной становятся реальной религиозной формой.

Обратная тенденция наблюдается у традиционных форм религии – они входят в зону интернет пространства. Так исповедующие православное христианство могут посетить виртуальную онлайн часовню, где могут поставить свечку, заказать молебен или Панихиду. Со стороны католического христианства также идёт активное освоение сети Интернет, с целью поддержания диалога между представителями католической церкви и активной миссионерской деятельности. Особенно актуальны такие практики стали в период пандемии COVID-19 и всеобщего локдауна. Таким образом, получается, что традиционные религии вторгаются в виртуальное интернет-пространство, а вымышленные религии виртуального мира выходят в пространство реальности.

Литературный обзор

О неоднозначных религиозных процессах в современном обществе писал Ю. Хабемас, говоря о возвращении религии в публичное пространство, «конце теории секуляризации» и переходе к постсекулярному обществу [3]. Размышления о секулярном и постсекулярном в данном ключе вслед за Хабермасом продолжили Д. Узланер, А. Кырлежев, Дж. Капуто и др.

Вопросом идентичности с ракурса занимались М. Вебер, Э. Дюргейм, М. Мюллер, А.А. Радугина, Э.Тайлор, И.Н. Яблоков. В их трудах можно найти доказательства наличия связей между этническим, социальным, культурным и религиозным.

Если рассматривать вымышленные религии как элемент современного религиозного плюрализма с точки зрения культуры повседневности, можно обратиться к тексту Г. Харви «Секс, еда и незнакомцы. Религия как повседневная жизнь», где предлагается принципиально новый взгляд на религиозность. Г. Харви отходит от привычных институциональных рамок при изучении религиозности, а рассматривает происходящее в ней трансформации под влиянием повседневности. Также Г. Харви рассматривает некоторые модели вымышленных религий, на предмет того, что они понимают под религией как таковой [4].

Также И.Г. Каргина в своей диссертационной работе на соискание степени доктора наук «Современный рели-

гиозный плюрализм: теорико-социологический анализ» подробно описывает состояние религиозного плюрализма, его теоретическое осмысление и эмпирическое измерение [5].

Границы «религиозного» становятся все более расплывчатыми. Появляются новые формы «квази» религий, «фузии» религиозности, всевозможные формы индивидуальных религии, из-за того, что «религиозное» и «не религиозное» оказываются смешанными. Появляются такие современные формы религиозности, как: гибридная религиозность, персональная религия, личная религиозность, «квази» религиозность, «фузии» религиозность, новые религиозные движения и т.д. И если же данные понятия имеют фиксированное определение и четкую типологизацию, то концепт вымышленных религий является проблемной областью религиоведения. Это связано с тем, что несмотря на обилие исследований в области религиозного плюрализма, до сих пор понятийно не определена категория вымышленных религий. Также не выявлено чётких критериев, чем категория вымышленных религий отличается от других религиозных категорий, поскольку в той или иной степени сочетает в себе некоторые признаки различных религиозных моделей. Исходя из этого, возникает вопрос, являются вымышленные религии религиями или это всего лишь форма подражания и в ней не содержится никаких религиозных компонентов.

Появление новых форм религиозности можно связать с кризисом исторически сложившихся традиционных религиозных моделей. Однако кризис традиционной религиозности не означает упадка религиозности как таковой. Поскольку потребность в религиозности все равно остаётся, происходит трансформация в формах проявления и удовлетворения. Религия – это необходимость, которая может быть, как осознанной, представленной в традиционных институциональных формах так и не осознанной, представленной в бессознательном стремлении к сакральному.

В 2008 году был открыт на богословском научном портале «Богослову» проект «Религии вымышленных миров», который разрабатывался и заполнялся различными аналитическими статьями, касающимися фантастических произведений и религиозно-философских идей, заложенных в них. Большинство статей на сайте принадлежит российскому религиоведу и историку религий Р.А. Силантьеву, который предложил обоснование теологии вымышленных миров как научной дисциплины [6]. Однако понятие вымышленные религии требует более пристального и детального изучения. Отсутствие в научном дискурсе чётко закреплённого понятия вымышленных религий вносит неопределённость в предметно-объектное поле, и нуждается в его определении, с учётом плюрализации современных религиозных форм и размытия границ религиозной идентичности. Если смотреть с позиции традиционных мировых религий, то все новые формы религиозности можно характеризовать как вымышленные, однако определить понятие «вымышленные религии» как все новые формы религиозности недостаточно. Понятие вымышленные религии обладает высоким эвристическим потенциалом для исследований современной религиозной ситуации. С точки зрения религиоведения, для создания целостной картины современного религиозного плюрализма, исследование вымышленных религий даёт ключ к пониманию нового типа религиозности.

Материалы и методы

Междисциплинарный подход и комплексный анализ феномена вымышленных религий, воплощённого в произведе-

ниях массовой культуры позволяет выявить, что понятие вымышленные религии обусловлено рядом факторов, наделяющих его отличными от других типов религиозности смыслами, что позволяет обозначить русло концептуализации современного религиозного плюрализма.

Предлагается ввести следующее определение вымышленных религий: вымышленные религии – это форма прозелитической религиозности, основанная на популярных авторских идеях массовой культуры, не несущих деструктивный характер. Это сформировавшийся тип религиозности, который нельзя сводить исключительно к воображаемым мирам, поскольку они присутствуют в нашей реальной жизни, принимают участие в формировании социокультурного пространства, трансформации повседневных практик, созданию новых смыслов. На основе этих практик можно выделить необходимые критерии религиозности для более детального разбора. Такими признаками выступают: сознание, поведение, степень включенности в религиозные отношения. Естественно, что в разных типах вымышленных религий, по аналогии с традиционными формами религии, эти критерии имеют различные формы, общим для всех является критерий религиозной веры. Реальное повседневное религиозное сознание масс зачастую отклоняется от традиционной религиозной модели, принимая при этом различные религиозные формы: диффузные, гибридные, имплицитные и т.д. Поэтому возникает необходимость выделения главных, основных и дополнительных, вспомогательных критериев религиозного сознания. Например, «в качестве главных критериев христианского сознания могут быть взяты вера в Бога, Христа, Святого Духа. В зависимости от задач, целей и объекта исследования вспомогательными признаками религиозного сознания будут служить вера в загробную жизнь, бессмертие души, конец света, воскрешение мёртвых и т. д.» [7].

Исследование вымышленных религий включает в себя также изучение их религиозных мотивов, то есть предполагается, что существует некая цель и смысл действия и выступает как стимул в системе мотивации поведения верующего. Поэтому необходимо отобрать показатели религиозного поведения. В системе религиозных отношений действия религиозного поведения несут сакральный смысл, поэтому должны быть выделены главные поведенческие показатели религиозности, т.е. непосредственно связанные с религиозным сознанием. К ним могут быть отнесены: совершение молитвы, исповедь, религиозное воспитание в семье и др. Отбирается и ряд вспомогательных критериев: совершение обрядов, посещение богослужений, чтение религиозной литературы и пр. и на основе комплекса этих показателей можно проводить типологизацию. Она строится на основе данных несистематизированного наблюдения и теоретического анализа понятий, относящихся к проблеме исследования.

По аналогии классификации религий среди вымышленных религий также можно выделить три характерные формы: форма открытого прозелитического характера, форма приобретённого прозелитического характера, форма закрытого прозелитического характера.

Помимо этого, традиционные религиозные формы имеют определённую структурную модель и содержание, например, они должны отвечать определенным критериям. Чтобы показать полную картину морфологического разбора вымышленных религий, мы её дополнили тремя пунктами: история создания и распространения, последующие трансформации, аналогии в традиционных религиях и культурных практиках. Таким образом, у нас получается следующая структурная модель:

- История создания и распространения;
- «Наличие Священного текста в той или иной форме;
- Постулирование существования трансцендентного, понимание и статус сакрального;
- Наличие и статус почитателей (Реальные / Виртуальные);
- Наличие структуры и иерархии религиозной организации;
- Практики поклонения (Искренняя/Имитация);
- Наличие и роль лидера» [8];
- Последующие трансформации;
- Аналогии в традиционных религиях и культурных практиках.

Теперь по приведённым критериям мы будем анализировать примеры – кейсы вымышленных религии для того, чтобы их типологизировать и охарактеризовать для того, чтобы показать, что вымышленные религии являются самостоятельной формой религиозности.

Изначально можно выделить две большие группы, основанные на институционализации вымышленных религий, то есть официально признанные, и официально не зарегистрированные религиозные идеи, характер которых не признан деструктивным.

На выбранных моделях вымышленных религий мы также рассматриваем их первоначальную форму до институционализации, то есть в каком виде они представлены в художественном произведении или первоначальной идеи автора.

Вымышленные религии могут быть институционализированы и легитимированы, иметь большое количество последователей. В рамках анализа эвристического потенциала понятия вымышленных религий было выявлено три типичные формы институционализированных вымышленных религий, во всех можно найти соответствие вышеизложенной структурной модели.

Художественная вымышленная религия, вышедшая из произведения массовой культуры. В качестве показательного примера можно привести Джедаизм.

История создания и распространения джедаизма началась в 70-х годах XX века. Своим появлением оно обязано киноэпопеи Джорджа Лукаса «Звёздные войны», где джедаизм описывается как религия и философия вымышленного мира, основанная на учениях джедаев. Джедаизм не является монотеистической религией. Джедаизм позиционирует себя как нетеистическое религиозное движение.

У джедаистов есть свой кодекс и манифест, которые служат примером наличия священных текстов.

Проявление сакрального и трансцендентного в Джедаизме заключается в Силе – всеобъемлющем энергетическом поле.

Количество приверженцев Джедаизма среди европейского населения достаточно высоко. Джедаизм упоминался в переписи населения Британского содружества в 2001 году, как религия, исповедуемая более 390 тыс. человек.

Наличие структуры и иерархии религиозной организации: В основе Джедаизма лежит орден рыцарей джедаев, которые являются светлой стороной силы и защитниками добра. Против джедаев сражаются их противники, которые представляют силы зла и хаоса – Ситхи. В христианском понимании святые в джедаизме отсутствуют, это больше схоже с почитанием конфуцианского сэнся – как пример мудрости и умеренности, без обожествления [9].

Существенная разница между поклонниками фильма и приверженцами Джедаизма в том, что вторые искренне верят в то, что джедаи и Сила существуют на самом деле. «Настоящий джедаист обязан практиковать регу-

лярную медитацию, которая замещает собой молитву. Также для полного контроля над внутренней Силой джедая и физического самосовершенствования, которое, согласно учению, ведёт к обретению внутренней гармонии, джедаист обязан заниматься боевыми искусствами. Предпочтение отдаётся смешанному стилю с использованием световых мечей. В остальном основные положения Джедаизма вполне соответствуют главным христианским заповедям. Их соблюдение гарантирует джедаисту загробную жизнь – полное растворение в светлой энергии Вселенной» [9].

Основатель Церкви джедаизма химик Дэниел Морган Джонс. Будучи ещё студентом Дэниел Джонс стал настоящим мессией джедаизма. Он добился официального признания церкви и разрешения на проведение свадеб и похорон.

Концепция Джедаизма уже давно строится не только по фильмам Джорджа Лукаса. В формировании и трансформации мировоззрения джедаистов участвуют книги «Звёздные войны», которые выходили после выпуска фильмов. На сегодняшний день также создаются многочисленные комиксы и так называемые фанфики, где история «Звёздных войн» находит своё альтернативное продолжение.

Проанализировав образы и модели поведения джедаев как героев «Звёздных войн», то можно понять, что новаторских и уникальных идеи в Джедаизме нет. Условно джедаизм можно сравнить с древними верованиями и боевыми искусствами, в основе которых самосовершенствование и гармония, только все основные принципы именуется другой терминологией, воспринимаемой и понятной для массовой аудитории.

Следующая вариация вымышленной религии – протестная вымышленная религия, как форма несогласия и критики событий, происходящих в культуре на примере Пастафарианства.

История Пастафарианства началась в 2005 году, когда Бобби Хендерсон провозгласил на своём сайте «новую веру в сверхъестественного Создателя Пастафарианство или Церковь Летающего Макаронного Монстра (ЛММ). Это было актом выражения протеста против введения властями штата Канзас в обязательную школьную программу концепции разумного замысла» [10].

В большинстве источников пастафарианство определяется как пародийная религия, то есть как религия, которая бросает вызов другим религиозным и духовным убеждениям, в основном через призму юмора, сатиры, сарказма.

Если говорить о наличии священного текста, то у пастафариан существует подробный мануал в виде Священного Писания, а также Евангелие от Летающего макаронного монстра.

Постулирование существования трансцендентного, понимание и статус сакрального заключается в теории создания мира Летающим Макаронным Монстром. У Пастафариан, по аналогии с христианской концепцией религии, существует рай и ад. Своей же главной силой пастафариане считают самоиронию и здравый смысл.

Церковь Летающего Макаронного Монстра состоит из миллионов последователей, преимущественно это студенты учебных заведений Северной Америки и Европы.

В структуре пастафаринской религиозной организации существуют епископы и пастариархи, а высшим исполнительным органом является Священный Дуршлаг, без одобрения которого не принимается ни одно решение.

У пастафариан есть свои «ветхозаветные заповеди» в количестве восьми постулатов. Существуют также обрядовые календарные практики и праздники.

В качестве религиозного лидера выступает создатель самой концепции Бобби Хендерсон. Он воспринимается приверженцами не просто как автор идеи пастафарианства, а как пророк, который поведал миру о Летающем Макаронном Монстре, как о высшем божестве.

Вера в Летающего Макаронного Монстра стала легитимизированной религией и обрела внушительную политическую и экономическую милу.

В российском пространстве сети Интернет в 2011 году появился сайт «Русской Пастафарианской Церкви Макаронного Пастариархата, а спустя два года была зарегистрирована первая религиозная группа пастафарианцев на территории Российской Федерации» [10].

Религия Летающего Макаронного Монстра, по сути, это пародия сразу на несколько религий, а также критика на креационизм.

В качестве примера вымышленной религии, основанной на реальных исторических событиях рассмотрим Церковь руки Бога (Церковь Диего Марадоны).

Церковь руки Бога или же Церковь Марадоны считается пародийной формой религии. Была основана в 1998 году в Аргентине группой фанатов легендарного футболиста Диего Марадоны, тем самым сделал Марадону значимым феноменом не только в футболе, но и в религии.

Главные атрибуты Церкви Марадоны: мяч с терновыми шипами в виде нимба – символ счастья и мученичества святого Марадоны на футбольном поле.

В качестве Священного писания данной вымышленной религии выступает автобиография Марадоны под названием «Я, Диего».

Приверженцы церкви руки Бога трансцендентное и сакральное считают само рождение Марадоны, как спасителя аргентинского народа.

Церковь Марадоны отмечает три важнейших праздника, приуроченных к датам его жизни: Рождество, Пасха, Крещение

Сама церковь именуется как D10S, слияние слова и числа. Dios в переводе с испанского означает имя Бога, а 10 – это номер, под которым играл Марадона.

На данный момент адептами веры религии Церковь руки Бога являются свыше 150 тысяч человек по всему миру. В 2021 году в Мексике открылась еще одна церковь почитания футболиста [11].

Прихожане объединены своей любовью к Диего Марадона, которого воспринимают как мессию. Они славят его заслуги, поют песни в его честь, и прощают прегрешения.

Журналист Марсело Амис – основатель и автор Церкви руки Бога. Сам Марадона почитается верующими исключительно как мессия, хотя футболист выступал против организованной в его честь религии и церкви, поскольку являлся ярким католиком.

Церковь Марадоны имеет множество последователей. Мировую известность Церкви принесло состоявшееся в 2007 году венчание мексиканской пары молодожёнов, специально для этого приехавшей в Аргентину.

Влияние христианства очень чётко прослеживается при анализе религии Церкви Руки Бога – наименование священных праздников, модель поклонения и прочие. Однако католичество негативно критикует данную религиозную организацию, главным аргументом выступая заповедь «не сотвори себе кумира».

Результаты

Резюмируя анализ кейсов вымышленных религий, можно утвердительно сказать, что все они систематизированные и соответствуют приведённой структурной модели.

Несмотря на то, что в представленных моделях чётко прослеживается влияние христианства, заимствование моделей религиозного поведения, формы вымышленных религий нельзя назвать подражанием, поскольку подражание не несёт в себе трансцендентных и сакральных смыслов. Мы не можем говорить о степени искренности веры каждого отдельного приверженца той или иной религиозной организации, но и не признавать вымышленные религии как форму религиозности тоже не в праве.

Существуют также вымышленные религии художественных миров, которые не являются институционализованными, то есть официально не зарегистрированными, но и не признанные деструктивными.

Такие вымышленные религии можно типологизировать как:

- художественная религия игровых форм, вышедшая из художественного произведения, к примеру, Толкинизм – производное от имени, точнее фамилии Джона Р.Р. Толкина, получившего популярность благодаря своим художественным произведениям «Властелин колец» и «Сильмариллион»;
- художественная религия игровых форм, вышедшая из виртуального мира компьютерных игр, к примеру религия игры WarHammer 40.000;
- художественная религия, которая условно осталась внутри художественного мира, то есть у неё безусловно есть последователи, но нет каких-либо последующих трансформаций, к примеру, Боканизм – вымышленная религия, которая вышла со страниц романа Курта Воннегута «Колыбель для кошки».

Данные религиозные модели не представляется возможным строго структурировать, поскольку их формы официально не закреплены и могут подвергаться изменчивости и трансформации, поэтому они не отвечают критериям вышеизложенной структурной модели.

Заключение

Определение вымышленных религий вносит теоретический вклад в осмысление проблемы в области понятийного аппарата, его эвристического потенциала, а также в осмысление проблем современного религиозного плюрализма. Благодаря выявлению множественности форм существования вымышленных религий, можно отследить процессы их трансформации и выхода из продуктов массовой культуры в современное общество, и то как эти процессы влияют на межрелигиозный диалог. Изучение религиозности, с данного ракурса, способствует более глубокому анализу процессов, происходящих с религиозными традициями, институтами и их трансформацией. Вымышленные религии – это сформировавшийся тип религиозности, который нельзя сводить исключительно к воображаемым мирам, поскольку они присутствуют в нашей реальной жизни, принимают участие в формировании социокультурного пространства, трансформации повседневных практик, созданию новых смыслов.

Литература

1. Каргина И. Г. «Фуззи» религиозность как следствие трансформаций современного христианства в модернизирующемся обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fuzzi-religioznost-kak-sledstvie-transformatsiy-sovremennogo-hristianstva-v-moderniziruyuschemsya-obschestve/viewer> (дата обращения: 10.10.2024).

2. Матецкая А.В. Массовая культура и современная религиозность // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 162–170.
3. Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? // Исламский портал [сайт]. URL: <http://www.islam-portal.ru/communication/stat/100/1411/> (дата обращения: 26.11.2024).
4. Харви Г. Секс, еда и незнакомцы: религия как повседневная жизнь. М.: Новое Литературное Обозрение. 2020. С. 362.
5. Каргина, И.Г. Современный религиозный плюрализм: теоретико-социологический анализ: специальность 22.00.01 «Теория, методология и история социологии»: диссертация на соискание учёной степени доктора социологических наук / Каргина Ирина Георгиевна. Москва, 2016. – 405 с.
6. Научный богословский портал Богослов.Ru. URL: <https://bogoslov.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).
7. Яблоков И.Н. Понятие и функции религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-funktsii-religii> (дата обращения: 04.11.2024).
8. Вострецов Е.Ю. Проблема религиозоведческого статуса феномена «fictional-religions» // Философские проблемы религии, морали, политики и права: материалы Всероссийской научно-практической конференции слушателей, курсантов и студентов. Москва: Юстиция, 2016. С. 120–129.
9. Бог из картины. Дудеизм, джедаизм, динкоизм и другие религии, основанные на фильмах, книгах и меме // Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3771252> (дата обращения: 04.11.2024).
10. Русская Пастафарийская Церковь Макаронного Пастриархата (РПЦ МП). URL: <https://www.rpcmp.ru/> (дата обращения: 04.11.2024).
11. В Мексике открылась первая церковь в честь Диего Марадоны // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210716/maradona-1741558565.html> (дата обращения: 04.11.2024).
12. Пожаров Алексей Игоревич Неогностический миф в киберпространстве // Культура и искусство. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neognosticheskiy-mif-v-kiberprostranstve> (дата обращения: 24.11.2024).
13. Узланер А. Введение в постсекулярную философию // Логос. 2011. № 3 (82). С. 3–32.
14. Кырлежев А. Постсекулярное: краткая интерпретация // Логос. 2011. № 3 (81). С. 100–106.

FICTIONAL RELIGIONS: THE HEURISTIC POTENTIAL OF THE CONCEPT

Mostovenko N.S.

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky.

The most important element of religious studies is a systematic categorical analysis of basic terminology. This article raises the problem of the lack of a clearly defined concept of the phenomenon of fictional religions in scientific discourse. The pluralization of modern religious forms and the blurring of the boundaries of religious identity creates uncertainty in the subject-object field. Mass culture plays an important role in these processes. Mass culture sets the vector of development of society, and thereby forms its attitude to various social phenomena, including religion. By emphasizing secularism rather than religiosity, mass culture acquires a pragmatic, irreligious character and becomes a favorable ground for the emergence of new forms of religiosity. Due to the variability of the religious, the religions of fictional worlds are coming off the pages of books and screens, turning into institutional forms of religion. The line between religions is blurring, and, consequently, it becomes

problematic to define a new religious form and clearly identify the differences between them. The application of an interdisciplinary approach through the analysis of mass culture products has revealed that the concept of fictional religions is due to a number of factors that endow it with meanings different from other types of religiosity. It is proposed to introduce a definition of fictional religions as a form of proselytizing religiosity based on popular author's ideas of mass culture that are not destructive in nature.

Keywords: fictional religions, pluralization, religiosity, religious identity, transcendence, proselytism, mass culture.

References

1. Kargina I. G. "Fuzzie" religiosity as a consequence of the transformations of modern Christianity in a modernizing society // State, religion, church in Russia and abroad. 2009. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fuzzi-religioznost-kak-sledstvie-transformatsiy-sovremennogo-hristianstva-v-moderniziruyuschemsya-obschestve/viewer> (date of application: 10.10.2024).
2. Matetskaya A.V. Mass culture and modern religiosity // Humanities and social sciences. 2012. No. 5. pp. 162–170.
3. Habermas Yu. Against "militant atheism." A "post-secular" society – what is it? // Islamic Portal [website]. URL: <http://www.islam-portal.ru/communication/stat/100/1411/> (accessed: 11/26/2024).
4. Harvey G. Sex, food and strangers: religion as everyday life. Moscow: New Literary Review. 2020. p. 362.
5. Kargina, I.G. Modern religious pluralism: theoretical and sociological analysis: specialty 22.00.01 "Theory, methodology and history of sociology": dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences / Kargina Irina Georgievna. Moscow, 2016. – 405 p.
6. Scientific theological portal Theologian.Ru. URL: <https://bogoslav.ru/> (date of request: 10.11.2024).
7. Yablokov I.N. The concept and functions of religion // State, religion, church in Russia and abroad. 2011. No.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-funktsii-religii> (date of reference: 04.11.2024).
8. Vostretsov E.Y. The problem of the religious status of the phenomenon "fictional-religions" // Philosophical problems of religion, morality, politics and law: materials of the All-Russian scientific and practical conference of listeners, cadets and students. Moscow: Justicia, 2016. pp. 120–129.
9. God from the picture. Dudaism, Jedaism, Dinkoism and other religions based on films, books and memes // Kommersant Online edition. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3771252> (date of appeal: 04.11.2024).
10. Russian Pastafarian Church of the Macaroni Patriarchy (ROCM). URL: <https://www.rpcmp.ru/> (date of address: 04.11.2024).
11. The first church in honor of Diego Maradona was opened in Mexico // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20210716/maradona-1741558565.html> (date of application: 04.11.2024).
12. Pozharov Alexey Igorevich The Neognostic myth in cyberspace // Culture and Art. 2024. No.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neognosticheskiy-mif-v-kiberprostranstve> (date of application: 11/24/2024).
13. Uzlaner A. Introduction to postsecular philosophy // Logos. 2011. No.3 (82). pp.3–32.
14. Kirlezhev A. Postsecular: a brief interpretation // The logo. 2011. No.3 (81). pp. 100–106.

Северокавказские диаспоры Турции в диаспоральной политике России: проблемы и перспективы

10.34823/SGZ.2024.12.52062

Бирагова Бэла Маирбековна,

к.п.н., старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБНУ ФНЦ Владикавказский научный центр РАН
E-mail: avesta86@mail.ru

В постглобализованном мире нарастают тенденции регионализации и национального возрождения, мобилизованная этничность организованно проявляет себя по всему миру как в конструктивных, так и конфликтно-генных форматах. Серьезным и недостаточно исследованным мобилизационным потенциалом сегодня обладают этнические диаспоры как транснациональные акторы, оказывающие влияние не только на внутриполитическую ситуацию в стране-реципиенте, но и на характер разноуровневых политических коммуникаций со страной-донором. Статья посвящена политологическому анализу проблем и перспектив диаспоральной политики Российской Федерации в отношении северокавказских диаспор Турции на современном этапе. Особое внимание уделено лоббистскому потенциалу гуманитарного сотрудничества с общественными организациями северокавказских диаспор Турции в контексте имплементации российской «мягкой силы» за рубежом в условиях нарастающего внешнеполитического давления.

Ключевые слова: северокавказские диаспоры Турции, Российская Федерация, диаспоральная политика, этнокультурное взаимодействие, этническая мобилизация, национальный брендинг, мягкая сила.

В мировой практике диаспоральная политика реализуется по следующим основным трекам:

- 1) репатриационный – содействие переселению соотечественников на историческую родину;
- 2) патерналистский – защита и обеспечение прав соотечественников, их материальная поддержка;
- 3) прагматический – использование «социального капитала» диаспор как транснациональных акторов и как агентов политического, экономического, лоббистского влияния на зарубежные страны, т.е. как инструмента «мягкой силы» [1].

Диаспоральная политика России формировалась в фарватере становления молодого российского демократического государства и, соответственно, была акцентирована на реализации репатриационной и патерналистской моделей, так как в результате распада СССР «русский народ стал одним из самых больших, если не самым большим разделенным народом в мире. Миллионы людей легли спать в одной стране, а проснулись в другой, оказались национальными меньшинствами» [2].

В 2009 году в статье «Три кита» российской диаспоральной политики» директор Департамента по работе с соотечественниками за рубежом МИД России А.В. Чепурин отмечает, что Россия переосмыслила подходы к диаспоральной политике по отношению к 30-миллионной российской общности за рубежом: «Принципиально важным стало признание того, что Россия и зарубежные россияне принадлежат к одному цивилизационному пространству. ... Наличие влиятельной и консолидированной российской общины за рубежом отвечает национальным интересам России. Полноценной частью глобального Русского мира может стать община не ассимилированная или маргинализованная, а тесно вpleтeнная, интегрированная в общественно-политическую жизнь государства проживания. Община, сохраняющая свою национальную идентичность, импульсы к самоорганизации, связи с исторической родиной, способная позитивно влиять на окружающий мир, действовать в интересах повышения авторитета России на международной арене, укрепления ее связей со страной проживания. ... Зарубежная российская диаспора к тому же полиэтнична и многоконфессиональна. Есть русская, татарская, черкесская и другие этнические общины коренных народов России, есть миллионы русскоязычных репатриантов из СССР и Российской Федерации» [3].

В условиях нарастающего давления «коллективного Запада» и его идейно-смысловой гегемонии в глобальной информационной повестке, в российской внешней политике актуализируется вопрос поиска новых каналов коммуникации в различных регионах мира для формирования позитивного имиджа полиэтничного российского государства и противодействия русофобии. Следовательно, особую актуальность для национального брендинга и лоббирования национальных интересов на международной арене приобретают прагматический подход

в диаспоральной политике и необходимость более эффективного использования ресурсного потенциала российской «мягкой силы» в разноуровневых коммуникациях с российскими диаспорами за рубежом.

В настоящей статье представлен политологический анализ особенностей, проблем и перспектив диаспоральной политики России в отношении северокавказских диаспор Турции в контексте пролиферации российской «мягкой силы» за рубежом и лоббирования национальных интересов страны в условиях интенсификации западной стратегии «отмены» России как государства-цивилизации. Исследование опирается на концепцию «мягкой силы», коммуникативный и акторный подходы в теории международных отношений, рассматривающих этнокультурное взаимодействие как пространство различных коммуникаций – политических, экономических, культурных, информационных. Эмпирическую базу исследования составили: данные государственной статистики, нормативно-правовые документы в сфере диаспоральной политики, а также результаты инвент-анализа информационного пространства.

Современная северокавказская диаспора Турции – устойчивое полиэтническое сообщество в рамках турецкого государства, представленное потомками мухаджиров из числа черкесов, чеченцев, аварцев, лезгин, осетин, ингушей и других, переселившихся из Российской империи в Османскую Турцию по итогам Кавказской войны (1817–1864), а также после Октябрьской революции 1917 года. Таким образом, северокавказская диаспора Турции является по сути наднациональным консорциумом разделенных народов, наиболее многочисленным из которых является черкесская (адыгская) диаспора.

Северокавказские диаспоры пережили несколько волн тюркизации, включая запрет на образование и книгопечатание на родном языке (Закон о языке 1983 г.), «отуречивание» родовых фамилий (Закон о фамилиях), запрет этнической культуры и т.д. В этой связи сведения о численном составе диаспор трудно верифицируемы и противоречивы и колеблются, по разным данным, от 2 до 6 млн человек [4]. Согласно подсчетам Турецкого института статистики по состоянию на 2015 год, численность черкесов – 1,5 млн, абхазов – 300 тыс., чеченцев – 101 тыс., ингушей – 70 тыс., балкарцев – 70 тыс., осетин – 60 тыс., аварцев – 53 тыс., лезгин – 3 тыс. [5]. История мухаджирства достаточно подробно исследована российскими учеными М. Блиевым, В. Дегоевым, Р. Бзаровым, В. Дзидзоевым, В. Бобровниковым, В. Чочиевым, И. Марзоевым, Ш. Инал-Ипа, М. Магомедхановым, А. Магомеддадаевым, Х. Лайпановым, А. Касумовым, С. Аккиевой, К. Дзамиховым, С.-Э. Бадаевым, С. Кудаевой, Д. Зантария и др.

Восстановление этнокультурного взаимодействия северокавказских диаспор Турции с российским Северным Кавказом началось в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Этому способствовали: начало «перестройки» и межнациональные конфликты на Северном Кавказе, апогеем которых стала война в Чечне, пробудившие у интеллигенции и активной молодежи северокавказской диаспоры политический интерес к общественно-политической обстановке в России и, в частности, политическому статусу соплеменников в этнических республиках; либерализация турецкой политики по отношению к национальным меньшинствам; усиление в Турции диаспоральных структур гражданского общества – черкесских, абхазских, чеченских, осетинских и т.д. национально-культурных ассоциаций, фондов культуры и взаимопомощи. В 1993 году была создана всеобщая организация северокавказских диаспор Турции – Федерация кавказ-

ских обществ (Kafkas Dernekleri Federasyonu, Kaf-Fed), представляющая интересы диаспор на внутривнутриполитическом и международном уровнях [6].

Несмотря на ассимиляционные процессы, диаспоры не только сохранили этническую идентичность и этническую культуру в ее нативном виде, но и активно заявляют о себе как во внутривнутриполитическом процессе в стране-проживания, так и в рамках активно развиваемых транснациональных связей с исторической родиной. Наиболее активно развивается гуманитарное сотрудничество с регионами Северного Кавказа: действуют программы академической мобильности, реализуются совместные проекты в сфере культуры (изучение и популяризация родных языков, проведение фестивалей национальной культуры, различных форумов, научных конференций и этнолагерей). Растет интерес диаспор к реализации инвестиционных проектов в республиках Северного Кавказа, а также к этнотуризму.

Проблемным фактором в этнокультурном взаимодействии России с северокавказскими диаспорами Турции является «черкесский вопрос» – репатриация черкесов (адыгов) на историческую родину. «Для многих из них стремление жить и работать в Российской Федерации является фактически формой репатриации; они имеют законные источники существования, а большинство обладает профессиями и квалификацией, представляющими интерес для российского государства, – утверждают С. Аккиева и К. Дзамихов в статье «Наследие мухаджиров как политический актив». – ... Процедура оформления документов, необходимых для получения вида на жительство или российского гражданства, очень сложна. Действующее российское законодательство требует от репатриантов безвыездно находиться на территории КБР, КЧР или Республики Адыгея в течение года, трех или пяти лет. Поиск жилья или работы для них становится проблематичным в условиях сложной экономической ситуации в целом по России. При этом подавляющее большинство не знает русского языка, без которого трудно вписаться в российскую повседневность» [7].

«Черкесский вопрос» политизируется и актуализируется антироссийскими агентами влияния в глобальном информационном пространстве. Так, в мае 2011 года парламент Грузии (в ответ на признание Россией в 2008 г. независимости Южной Осетии и Абхазии) под влиянием западного лобби признал «геноцид черкесского народа» как преступления против человечества, совершенного Россией в ходе Кавказской войны. А во время Зимней Олимпиады 2014 г. в Сочи, которая стала символом внешнеполитического успеха российского государства, ряд черкесских организаций в Турции и в США выступили против проведения международных соревнований в местах, где расположены массовые захоронения черкесов, павших в годы Кавказской войны.

«Реваншистские» и в целом антироссийские нарративы в информационное пространство периодически инспирирует и преимущественно черкесская Kaf-Fed. В частности, в 2020 году президент Kaf-Fed Йилдыз Щекерджи на официальном YouTube канале организации выступила с «открытым призывом и протестом против внесения поправок в Конституцию Российской Федерации» как «антидемократическим» и антифедеративным, «способствующим ассимиляции народов России» [8].

Однако антироссийская риторика отдельных функционеров в северокавказской диаспоральной среде не становится общим трендом. Известны примеры конструктивного и проактивного этнокультурного взаимодействия северокавказских диаспор с Россией. Так, в августе 2008 года, в период грузино-югоосетинской войны,

также известной как операция России по принуждении Грузии к миру, Фондом культуры и взаимопомощи осетин Турции «Алан» (Alan Kültür ve Yardım Vakfı) был организован митинг солидарности с Южной Осетией, который вызвал широкий резонанс в информационном пространстве Турции. Особым коммуникативным звеном в этнокультурном взаимодействии Республики Северная Осетия-Алания и осетинской диаспоры в Турции стала тема Beslanской трагедии 2004 года. Руководство диаспоры ежегодно организует акции памяти, проводит просветительскую работу среди других северокавказских диаспор по вопросам российской политики по борьбе с терроризмом. В 2017 году фондом «Алан» была высажена «Роща Beslanских ангелов» из 1700 деревьев в осетинских селах Бойалык, Карабаджак и Пойразлы, а к 20-й годовщине теракта в Пойразлы был установлен мемориальный фонтан. В этом месте в сентябре 2024 года представители Посольства Российской Федерации в Турецкой Республике почтили память жертв Beslanского теракта возложением венков [9]. Уделяя должное внимание информационно-коммуникационному сопровождению и популяризации своей деятельности в СМИ и социальных сетях, «Алан Вакф» способствовал созданию за короткий срок позитивного имиджа осетинской общины не только среди политически неоднородной северокавказской диаспоры в Турции, но и в рамках российско-турецких отношений в целом. За вклад в укрепление российско-турецкого сотрудничества в ноябре 2015 года глава осетинской диаспоры в Турции С. Кусоглу был удостоен медали и благодарности Посольства Российской Федерации в Турции.

Проведенный ивент-анализ показывает, что северокавказские диаспоры Турции оказывают непосредственное влияние на формирование и репрезентацию имиджа своих этнических групп (и России как страны-донора) как внутри страны проживания, так и в глобальном информационном пространстве. Мобилизационный потенциал северокавказских диаспор Турции в процессах этнокультурного взаимодействия с Российской Федерацией требует более пристального внимания со стороны профильных ведомств в контексте российско-турецкого политического сотрудничества, особенно активизировавшегося в последние годы.

Перспективными механизмами реализации российской «мягкой силы» с опорой на социальный капитал северокавказских диаспор представляются: более интенсивные гуманитарные дипломатические контакты с руководством, лидерами мнений и молодежными активистами диаспор; привлечение диаспор к проводимым в регионах Северо-Кавказского федерального округа РФ международным научным и культурным мероприятиям, нацеленным на популяризацию национальных культур и традиционных российских ценностей; создание новых онлайн и офлайн проектов, посвященных истории и современному состоянию северокавказских диаспор за рубежом; проведение перекрестных пресс-туров журналистов и блогеров, в целом развитие этнотуристических проектов с участием диаспор; проведение Дней диаспор в Москве; привлечение федеральных СМИ для создания публикаций о жизни диаспор; активизация коммуникационных ресурсов Федерального агентства по делам национальностей, Россотрудничества, фонда «Русский мир» и др., деятельность которых направлена на формирование позитивного имиджа страны на мировой арене.

Литература

1. Ализаде Г. Особенности государственной диаспоральной политики российской Федерации // Госу-

дарственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 181–184.

2. Путин: после развала СССР русский народ стал одним из самых больших разделенных народов // ТАСС. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/politika/1055982>
3. Чепурин А.В. «Три кита» российской диаспоральной политики // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. [Электронный ресурс]. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tri-kita-rossijskoj-diasporalnoj-politiki/>
4. Аккиева С.И., Дзамихов К.Ф. Наследие мухаджиров как политический актив. [Электронный ресурс]. – URL: <https://svop.ru/проекты/nauchno-prosvetitel'skiy-proyekt/nasledie-mухаджиров-как-политически/>.
5. Турецкий институт статистики. Официальный сайт. Раздел «Population and Demography» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.turkstat.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist>.
6. Бирагова Б.М. Северокавказские диаспоры Турции как транснациональные акторы // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 6. [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27390488_80008675.pdf
7. Аккиева С.И., Дзамихов К.Ф. Наследие мухаджиров как политический актив. [Электронный ресурс]. – URL: <https://svop.ru/проекты/nauchno-prosvetitel'skiy-proyekt/nasledie-mухаджиров-как-политически/>.
8. КАФФЕД выступила против внесения поправок в Конституцию России [Электронный ресурс]. – URL: <https://aheku.net/news/diaspora/kaffed-vyistupila-protiv-vneseniya-popravok-v-konstituciyu-rossii>.
9. О возложении к памятнику жертвам теракта в Beslane. [Электронный ресурс]. – URL: https://turkey.mid.ru/ru/press-centre/news/o_vozlozhenii_k_pamyatniku_zhertvam_terakta_v_beslane/.

NORTH CAUCASIAN DIASPORAS OF TURKEY IN THE DIASPORA POLICY OF RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Biragova B.M.

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS

In the post-globalized world, regionalization and national revival trends are growing, mobilized ethnicity manifests itself in an organized manner throughout the world in both constructive and conflict-generating formats. Ethnic diasporas as transnational actors, influencing not only the domestic political situation in the recipient country, but also the nature of multi-level political communications with the donor country, have a serious and insufficiently studied mobilization potential today. The article is devoted to the political analysis of the problems and prospects of the diaspora policy of the Russian Federation in relation to the North Caucasian diasporas of Turkey at the present stage. Particular attention is paid to the lobbying potential of humanitarian cooperation with public organizations of the North Caucasian diasporas of Turkey in the context of the implementation of Russian “soft power” abroad in the context of increasing foreign policy pressure.

Keywords: North Caucasian diasporas of Turkey, Russian Federation, diaspora policy, ethnic culture, ethnocultural interaction, national branding, soft power.

References

1. Alizade G. Features of the state diaspora policy of the Russian Federation // State and municipal administration. Scientific notes. 2019. No. 2. P. 181–184.
2. Putin: after the collapse of the USSR, the Russian people became one of the largest divided peoples // TASS. [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/politika/1055982>
3. Chepurin A.V. “Three Pillars” of Russian Diaspora Policy // Russia in Global Affairs. 2009. No. 3. [Electronic resource]. – URL:

- <https://globalaffairs.ru/articles/tri-kita-rossijskoj-diasporalnoj-politiki/>
4. Akkiewa S.I., Dзамikhov K.F. The Legacy of Muhajirs as a Political Asset. [Electronic resource]. – URL: https://svop.ru/projects/nauchno-prosvetitel'skiy_proyekt/nasledie-mухаджиров-ка-политические/.
 5. Turkish Statistical Institute. Official website. Section “Population and Demography” [Electronic resource]. – URL: <http://www.turkstat.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist>.
 6. Biragova B.M. North Caucasian Diasporas of Turkey as Transnational Actors // Social and Humanitarian Knowledge. 2016. No. 6. [Electronic resource]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27390488_80008675.pdf
 7. Akkiewa S.I., Dзамikhov K.F. The Heritage of Muhajirs as a Political Asset. [Electronic resource]. – URL: https://svop.ru/projects/nauchno-prosvetitel'skiy_proyekt/nasledie-mухаджиров-ка-политические/.
 8. KAFFED spoke out against amendments to the Constitution of Russia [Electronic resource]. – URL: <https://aheku.net/news/diaspora/kaffed-vyistupila-protiv-vneseniya-popravok-v-konstituciyu-rossii>.
 9. On laying a memorial at the monument to the victims of the terrorist attack in Beslan. [Electronic resource]. – URL: https://turkey.mid.ru/ru/press-centre/news/o_vozlozhenii_k_pamyatniku_zhertvam_terakta_v_beslane/.

Динамика развития и внешнеполитический курс Азербайджана в постсоветский период

Гаджиев Ханлар Аляр оглы,

к.п.н., старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ФГБНУ Институт экономики Российской академии наук
E-mail: gadzhiev_hanlar@mail.ru

Цели, приоритеты и активность Азербайджана на международной арене, его ориентиры при выборе политических блоков и интеграционных проектов на протяжении постсоветского периода в той или иной степени обуславливались факторами внутренней арены: сложившимся актуальным проблемным полем общества, имеющимися ресурсами и возможностями. А центральное место в спектре социальных запросов занимала проблема Нагорного Карабаха. Она во многом выступила катализатором значимых государственных инициатив и построения политического курса страны.

В настоящей статье представлен анализ внутрисовременных процессов и стратегии Азербайджана на международной арене, а также взаимосвязи обеих плоскостей в контексте тенденций развития государства.

Ключевые слова: Азербайджан, политическая система Азербайджана, постсоветские государства, постсоветское пространство, государственная политика Азербайджана, внешняя политика.

Свои первые очертания политическая система современного Азербайджана приобретала в начале постсоветского периода в довольно тяжелых условиях. Помимо политического и экономического кризисов, острой угрозой для страны являлась война с Арменией за территорию Нагорного Карабаха [10, с. 629]. Она существенным образом повлияла на внутривнутриполитический процесс и во многом предопределила дальнейший внешнеполитический курс страны, сформировав социальный запрос на сильную президентскую власть.

Условия, в которых оказалась политическая система, переросли в продолжительную дестабилизацию и фактическую утрату политической устойчивости. К началу 1992 г. Аяз Муталибов, первый президент Азербайджана уже был не в состоянии управлять страной [12, с. 153; 9]. Ситуация в Нагорном Карабахе ухудшалась, а в основных сферах общественной жизни не удавалось выстроить эффективную стратегию по преодолению постстепательно усугубляющихся проблем. Все это в совокупности привело к активизации и усилению главной оппозиционной силы – партии «Народный фронт Азербайджана» (НФА), возглавляемой Абульфазом Эльчибеем. В результате А. Муталибов был вынужден в марте 1992 г. подать в отставку. А его попытка в мае того же года вернуться к власти не только не увенчалась успехом, но наоборот еще более усилила позиции и популярность НФА [12, с. 153; 9].

7 июня 1992 г. в Азербайджане были проведены внеочередные выборы. Победу одержал А. Эльчибей. Однако новому главе государства удалось продержаться у власти всего лишь около года. Он не смог реализовать декларируемые планы по преобразованию прежней системы государственного управления путем осуществления необходимых институциональных изменений.

Основная проблема была вызвана тем, что пришлось опираться на прежние номенклатурные кадры. Это значительно усложняло модернизацию политической системы. Кроме того, при А. Эльчибее усугубилась ситуация в Нагорном Карабахе. В совокупности критическое развитие событий привело к тому, что к началу июня 1993 г. страна чуть ли не оказалась на грани гражданской войны, когда в Гяндже произошло столкновение поднявших мятеж вооруженных формирований полковника Сурета Гусейнова с правительственными войсками. В результате президенту пришлось покинуть столицу [9].

Практически в это же время не менее серьезные события происходили в южной части Азербайджана. Полковник Альякрам Гумбатов предпринял попытку создать на территории семи районов страны т.н. «Талыш-Муганскую Автономную Республику», главой которой провозглашался он сам [12, с. 162–163; 9].

Можно сказать, что образовался замкнутый круг внутренних и внешних проблем: с одной стороны, конфликт в Нагорном Карабахе, последствия постсоветской перестройки и социально-политический кризис усложняли политико-административный процесс на внутренней арене, дестабилизировали политическую систему и ставили ее под угрозу разрушения, а с другой стороны [9], такая ситуация на внутренней арене, усугублявшаяся борьбой за власть, не позволяла власти мобилизовать

все силы и ресурсы для решения Нагорно-Карабахской проблемы.

Таким образом, государственность Азербайджана оказалась под угрозой, с которой не могла справиться политическая система, пребывающая в чрезвычайно сложном положении. Общественные настроения и социальная консолидация в этой ситуации формировались уже не вокруг институтов власти, утративших доверие граждан, а конкретных лидеров, способных сплотить общество и элиту, преодолеть беспрецедентный государственный кризис. Как результат, возник ярко выраженный социальный запрос на возвращение на главную должность страны Г. Алиева [13, с. 127–128; 9], который до этого успешно руководил еще советским Азербайджаном с 1969 по 1982 г. [9].

В конце июня 1993 г. парламент Азербайджана на своем экстренном заседании, проголосовав большинством, заявил о необходимости лишения президента А. Эльчибея его полномочий и передачи их председателю парламента Г. Алиеву. С этой целью 29 августа 1993 года в стране состоялся референдум, на котором поставили вопрос об отстранении А. Эльчибея от должности. По его итогам глава государства был отправлен в отставку, а 3 октября 1993 года состоялись внеочередные выборы, на которых Г. Алиев был избран на должность президента Азербайджана, набрав порядка 99% голосов [9].

Благодаря высокому авторитету, колоссальной общественной поддержке и гибкой политике Г. Алиеву удалось поэтапно выправить тяжелую ситуацию, принимая взвешенные стратегические решения по преодолению проблем, угрожающих целостности Азербайджана.

К значимым результатам государственной политики Г. Алиева прежде всего следует отнести успешно проведенную политическую трансформацию страны в начале постсоветского периода. Можно сказать, она была запущена после окончания Первой Карабахской войны 5 мая 1994 года – с момента подписания Бишкекского соглашения о приостановлении боевых действий на линии фронта [9].

Глава государства смог построить новую институциональную структуру политической системы, способную гармонично сочетать в себе стабильность, устойчивость и развитие в кратко-, средне- и долгосрочной перспективах. При этом необходимо учитывать сложнейшие исходные условия, связанные с войной в Нагорном Карабахе и внутривнутриполитическим кризисом, возникшим при А. Муталибове и А. Эльчибее и препятствующим государственным преобразованиям.

В Азербайджане естественным образом стала складываться система республиканского правления с доминирующим институтом президента. Фактический баланс сил в ее институциональной структуре был отражен в новой Конституции страны, принятой 12 ноября 1995 года и закрепившей в себе сущностные характеристики политической системы. В последующие постсоветские годы каких-либо серьезных изменений в структуру и принципы ее функционирования не вносилось. Она сохраняла базовые характеристики, а основной акцент власти делался преимущественно на адаптации учрежденных политических институтов. В некотором плане исключением стала только реформа 2016 года, направленная скорее на обновление характеристик института президента в конституционно-правовой плоскости.

Политический курс Азербайджана, принятый при Гейдаре Алиеве, отличался эффективностью. Президент значительно укрепил государственность Азербайджана, сплотил политическую элиту и консолидировал общество, создал прочные основы национальной безопасно-

сти [11, с. 618] и суверенитета страны. Им было восстановлено общественное доверие к политическим институтам, в немалой степени утраченное за период нахождения у власти двух предыдущих президентов. В том числе центральное значение для социума вновь приобрел непосредственно институт главы государства.

Достигнутые при Г. Алиеве политическая стабильность и устойчивость, поступательное государственное развитие сильно контрастировали с периодом властвования А. Муталибова и А. Эльчибея [9]. В отличие от последних ему удалось преодолеть внутривнутригосударственные проблемы и главное – найти возможное на тот момент, с учетом существующих условий и реалий, решение – остановить войну в Нагорном Карабахе.

В ходе взятой паузы и заморозки конфликта Азербайджан, во-первых, опираясь на нормы международного права и механизмы мирного урегулирования, стремился вернуть свои территории, а во-вторых, он динамично развивал экономику, укреплял положение на международной арене и наращивал военный потенциал для обеспечения государственной безопасности и защиты национальных интересов. Такая стратегия была нацелена на восстановление своей территориальной целостности при любом развитии событий.

Во время президентства Г. Алиева в Азербайджане сформировался внешнеполитический курс, ориентированный на многовекторность, были установлены двусторонние отношения со странами ближнего и дальнего зарубежья, началось активное участие государства в международных проектах и организациях.

В этот период за счет планомерных реформ существенно улучшилась экономическая ситуация, реализовывался ресурсный потенциал страны посредством активности на международной арене [10, с. 630]. Важным событием стало подписание 20 сентября 1994 года «Контракта века». Он предполагал сотрудничество тринадцати крупных нефтедобывающих компаний по совместной разработке принадлежащих Азербайджану нефтяных месторождений Каспийского моря [9]. Это соглашение позволило государству, с одной стороны, получить требующиеся материальные ресурсы, а с другой – интегрироваться в мировую экономику и упрочить свои позиции на международной арене.

В 1999 году был также запущен нефтепровод «Баку–Супса» протяженностью 837 км, по которому транспортируется каспийская нефть от терминала Сангачал близ Баку до грузинского порта Супса. Трубопровод в настоящее время имеет пропускную способность более 7 млн тонн нефти в год.

Основные принципы управления, цели и приоритеты государственной политики, сложившиеся при Гейдаре Алиеве, в целом были продолжены и развиты при Ильхаме Алиеве (2003 г. – н.в.). На внутренней арене сохранились политическая стабильность и устойчивость и политико-административная модель, подкрепляющаяся высоким уровнем общественной поддержки главы государства, а на внешней – был продолжен курс на политическую и экономическую многовекторность, расширение международного сотрудничества Азербайджана с другими странами, в том числе посредством сохранения в экономической сфере акцента на энергетическом факторе. Так, страна стала частью целого ряда масштабных проектов, имеющих геополитическое и геоэкономическое значения:

1) запущенного в 2006 г. нефтепровода «Баку–Тбилиси–Джейхан», через который экспортируется порядка 50 млн тонн нефти в год;

2) заработавшего с 2006–2007 гг. газопровода «Баку–Тбилиси–Эрзурум» (Южно-Кавказский трубопровод)

с пропускной способностью более 24 млрд куб. метров в год (ее планируется увеличить до 34 млрд куб. метров в год [16]);

3) открытого в 2018 г. Трансанатолийского газопровода (пропускная способность достигает более 16 млрд куб. метров в год и в будущем должна быть увеличена до 32 млрд куб. метров в год [1]), который проходит из Азербайджана через территорию Грузии и Турции к греческой границе, продолжая цепочку Южно-Кавказского трубопровода;

4) запущенного в 2020 г. Трансадриатического газопровода (пропускная способность составляет 10 млрд куб. метров в год и должна быть увеличена до 20 млрд куб. метров в год [1]), который стал продолжением Трансанатолийского газопровода через Грецию, Албанию, Адриатическое море до Италии.

Газопровод «Баку–Тбилиси–Эрзурум», Трансанатолийский газопровод и Трансадриатический газопровод вместе формируют Южный газотранспортный коридор, имеющий направление в Южную Европу и общую протяженность 3500 км. А при запуске планируемого проекта Транскаспийского газопровода из Туркменистана в Азербайджан данная интегрированная система газопроводов может быть увеличена еще на 300 км.

Нельзя не отметить также открытую в 2017 г. железную дорогу «Баку–Тбилиси–Карс» протяженностью 829 км, который стал значимой частью Транскаспийского международного транспортного маршрута, развивающего проект «Один пояс и один путь» [5].

Наконец, важным шагом для Азербайджана стало присоединение в 2005 г. к Международному транспортному коридору «Север–Юг», проходящему от Санкт-Петербурга до Мумбаи. В проекте участвует 14 государств, и он имеет общую протяженность порядка 7200 км [22].

Современный Азербайджан имеет значительный потенциал для роста своей экономики: в первую очередь на основе диверсификации данной сферы путем вложений в человеческий капитал, развития инфраструктуры и формирования механизмов эффективного распределения сырьевых доходов в другие отрасли. Кроме того, не менее значимы такие ориентиры, как дальнейшее расширение присутствия страны в перспективных международных интеграционных проектах экономической направленности, повышение ее инвестиционной привлекательности, создание комплексной системы мер по преодолению объективных социально-экономических проблем и повышению уровня жизни населения.

Проводимая И. Алиевым политика также положительно отразилась на уровне его общественной поддержки, сохраняющейся на протяжении длительного периода на высоком уровне и служащей одним из факторов политической стабильности Азербайджана. При этом уровень доверия населения к политической системе и к власти во главе с президентом, как и в первые постсоветские годы, в немалой степени зависел от ситуации в Нагорном Карабахе. В частности, показательными событиями апреля 2016 года, когда между Азербайджаном и Арменией обострился конфликт (т.н. «Четырехдневная война»), явившийся самым масштабным столкновением сторон с 1990-х гг. [18]. Его итогом стало восстановление Азербайджаном контроля над несколькими населенными пунктами Нагорного Карабаха [6], что предсказуемо было крайне положительно воспринято населением страны и способствовало росту популярности И. Алиева.

Так, в соответствии с проведенным ЦМ «Ряй» в конце апреля 2016 г. в столице Азербайджана социологическим исследованием, 92,8% граждан выразили полную поддержку И. Алиеву, заявив, что готовы за него прого-

лосовать на ближайших выборах (в 2011 г. так ответили 83% опрошенных); 87,3% опрошенных также отметили, что поддерживают внешнеполитический курс президента [19; 7; 20; 9].

Аналогичные результаты были получены в исследовании, проведенном в Азербайджане американской компанией Arthur J. Finkelstein & Associates: порядка 96% опрошенных заявили о повышении доверия к И. Алиеву, высоко оценив деятельность главы государства [15; 9].

Таким образом, можно констатировать, что после Первой Карабахской войны в Азербайджане сформировался сильно выраженный социальный запрос на возвращение оккупированных Арменией 20% территории страны. А реальные шаги в этом направлении находили соответствующий отклик у граждан, влияли на уровень общественной поддержки власти. Говоря иначе, присутствие территориальной проблемы в публичном пространстве, ее постоянное обозначение в политическом дискурсе – все это сопрягалось с реальными общественными настроениями. Поэтому сложно преувеличить значение для Азербайджана победы в 2020 году во Второй Карабахской войне, позволившей восстановить свою территориальную целостность. Причем существенную роль в ее итогах сыграли эффективно выстроенная дипломатическая линия, опора на нормы международного права и выбранная тактика широкого объективного освещения событий в информационном пространстве, позволившая показать международному сообществу развитие событий и реальное положение дел.

Наглядным индикатором реакции населения Азербайджана на решение проблемы Нагорного Карабаха стали результаты проведенных 7 февраля 2024 года внеочередных президентских выборов. При явке в 76,43% за И. Алиева проголосовало 92,12% граждан [25]. Причем впервые в истории постсоветского Азербайджана выборы проходили на всей территории страны, включая освобожденные административно-территориальные единицы, на которых создали 26 избирательных участков [14].

Если в целом говорить о проводимой в постсоветские годы внешней политике, то взятый курс предполагал балансирование между разными центрами силы международной арены и развитие разных векторов сотрудничества.

Так, прочный фундамент сотрудничества и взаимодействия Азербайджана с лидирующей на постсоветском пространстве Россией не только поддерживался в течение последних трех десятилетий, но и продолжает поступательно укрепляться сторонами.

Российско-азербайджанские дипломатические отношения имеют под собой правовую основу из более 170 межгосударственных, межправительственных и межведомственных договоров и соглашений. Наиболее важные из них: Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности от 3 июля 1997 года, Декларация о дружбе и стратегическом партнерстве от 3 июля 2008 года, а также подписанная 22 февраля 2022 года В. Путиным и И. Алиевым Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой [23].

Одним из ключевых векторов внешнеполитического курса Азербайджана является стратегический союз с Турцией. Страны выстроили прочные двусторонние отношения в политической, экономической, культурной и военной сферах. Причем в тесном сотрудничестве и взаимодействии заинтересованы оба государства. Азербайджан для Турции важен с точки зрения развития ее отношений с тюркоязычными государствами, участия в международных экономических проектах, а также

увеличения геополитической роли на Южном Кавказе. В свою очередь, Турция обеспечивает Азербайджану колоссальную всеобъемлющую поддержку на международной арене [3].

Азербайджан также имеет тесные политические, экономические и культурные дипломатические отношения с Пакистаном. Стороны планомерно развивают военное сотрудничество. В похожем ключе в течение постсоветского периода выстраивалось двустороннее взаимодействие страны с Израилем.

Азербайджан входит в Содружество Независимых Государств (СНГ), созданное 8 декабря 1991 г. и остающееся ключевой региональной международной организацией, которая после распада СССР прежде всего выполняет функцию дружественной площадки для диалога бывших союзных республик [21].

В 1997 г. государство также стало участником Организации за демократию и экономическое развитие – ГУ-АМ, имеющую зону действия от Каспия до Восточной Европы. В качестве приоритетных направлений деятельности данного политического блока были поставлены такие вопросы, как сотрудничество в энергетической сфере и интернационализация процесса урегулирования «замороженных конфликтов» региона путем привлечения в него ведущих стран мира [24, с. 13–15].

Используемая стратегия баланса на международной арене обусловила взаимодействие Азербайджана и со странами Запада, но в пределах своих национальных интересов, т.е. – при сохранении других векторов сотрудничества. В результате, страна начала участвовать в проектах западных держав, позволяющих сохранять ей геополитическую нейтральность.

Так, Азербайджан вступил в Восточное партнерство, которое было запущено в 2009 г. и декларировало цели по расширению сотрудничества и развитию интеграционных связей Европейского союза с постсоветскими государствами. В проекте официально предусматривалось три направления взаимодействия: 1) введение безвизового режима; 2) создание зоны свободной торговли; 3) подключение участвующих постсоветских стран к европейской энергетической системе [17]. Иными словами, проект является прежде всего геоэкономическим и соответствует избранному Азербайджаном курсу внешней политики.

В 2024 году Азербайджан официально подал заявку на вступление в БРИКС [2]. Это решение можно рассматривать как развитие еще одного вектора внешней политики. Страна, являясь на сегодняшний день лидером Южного Кавказа, стремится развивать свой потенциал на международной арене. А одним из наиболее перспективных шагов на этом пути может стать вектор на углубление взаимоотношений с ведущими государствами глобального Юга [8].

Наконец, Азербайджану интересна также интеграция в ШОС. В 2024 году страна подала заявку на смену своего статуса в данной организации с партнера по диалогу на страну-наблюдателя [4]. И вполне прогнозируемо дальнейшее стремление Азербайджана получить статус полноправного члена ШОС.

Резюмируя рассмотренное, следует отметить, что сформированный властью внешнеполитический курс Азербайджана соответствует динамике его развития в постсоветские годы. Ведущие державы заинтересованы во взаимодействии с ним как с экономической, так и с военно-стратегической и геополитической точек зрения [24, с. 31]. Это открывает для Азербайджана большое окно возможностей на международной арене, которое, начиная с президентства Г. Алиева, достаточно успешно использовалось и продолжает использоваться

по настоящее время для проведения многовекторной политики и укрепления суверенитета страны.

Литература

1. Азербайджан намерен удвоить мощность Транскаспийского газопровода / ТАСС. 02.09.2022. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/15633589>
2. Азербайджан подал заявку на вступление в БРИКС / РБК. 20.08.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/08/2024/66c49a9a9a7947f5cf0a4ebc>
3. Азербайджано-турецкие отношения / “Heydar Aliyev Heritage” International Online Library. – URL: <https://lib.aliyevheritage.org/ru/4610295.html>
4. Азербайджан подал заявку на смену своего статуса в ШОС / REPORT. 18.07.2024. – URL: <https://report.az/ru/vneshnyaya-politika/azerbajdzhan-podal-zayavku-na-smenu-svoego-statusa-v-shos/>
5. Анализ и перспективы Транскаспийского международного транспортного маршрута / Eurasian Rail Alliance Index. 2023. – URL: https://index1520.com/upload/medialibrary/a2f/vyjtd4m2b5jk4oa20s6e5u1rwy52ns4u/ru_TITR.pdf
6. Апрель-2016: О чем говорят итоги боев на линии фронта в Нагорном Карабахе? / The First News.11.04.2016. – URL: <http://www.1news.az/authors/editorial/20160411050831407.html>
7. Бакинцы «ЗА» президента / ЦМ «Ряй».07.04.2011. – URL: <http://www.rey.az/rez.az/cattext.aspx?id=24&lng=ru>
8. Вступление Азербайджана в БРИКС: перспективы и стратегическое значение / РСМД. 14.10.2024. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/vstuplenie-azerbaydzhana-v-briks-perspektivy-i-strategicheskoe-znachenie/>
9. Гаджиев Х.А. Институт президента на постсоветском пространстве как фактор политической стабильности: Дисс. кандидата политических наук. – Москва, РАНХиГС, 2018. – 205 с.
10. Гулиев А.Д. Базовые принципы как фактор внешних отношений института президентства Азербайджанской Республики: история, современность, будущее // Держава і право. – 2011. – В. 51. – 628–633.
11. Гулиев А. Как и почему Гейдар Алиев заложил основы силы и стабильности института президентства в Азербайджане // Держава і право. – 2010. – В. 50. – С. 616–622.
12. Гусейнова И. Гейдар Алиев – от политического руководителя к общенациональному лидеру. – Баку: Тахсил, 2005. – 504 с.
13. Маркедонов С.М. Феномен Азербайджана // Международные процессы. – 2006. – Т. 4. – № 10. – С. 126–133.
14. Обнародованы данные по явке на выборах Президента Азербайджана избирателей в Нахчыване / Day.Az. 08.02.2024. – URL: <https://news.day.az/society/1635484.html>
15. Популярность Президента Азербайджана выросла до 96% // Arthur J. Finkelstein & Associates / Trend News Agency.05.05.2016. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.trend.az/azerbaijan/politics/2529515.html>
16. Пропускная способность Южно-Кавказского трубопровода может быть увеличена. 07.06.2024. / Business media. – URL: <https://bm.ge/ru/news/propuskaia-sposobnost-iuzno-kavkazskogo-truboprovoda-mozet-byt-uvelicena>
17. Программа «Восточное партнерство». Досье / ТАСС. 24.04.2014. – URL: <https://tass.ru/info/1142073>

18. Путин обсудил с лидерами Армении и Азербайджана ситуацию в Карабахе / РБК.05.04.2016. – URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/5703dece9a79472a6009e4c0>
19. Рейтинг президента Ильхама Алиева в Баку – 92,8%/ЦМ «Ряй». 26.04.2016. – URL: <http://www.rey.az/rey.az/news.aspx?id=27&lang=ru>
20. Рейтинг президента / ЦМ «Ряй». 06.07.2009. – URL: <http://www.rey.az/rey.az/cattext.aspx?id=12&lng=ru>
21. Содружество Независимых Государств / Интернет-портал СНГ. – URL: <https://e-cis.info/page/3509/80648/>
22. Что такое транспортный коридор «Север – Юг» / Коммерсантъ. 01.05.2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6679748>
23. Что известно о российско-азербайджанских отношениях / ТАСС. 18.08.2024. – URL: <https://tass.ru/info/20611439>
24. Шмелев Б.А., Симон М.Е. Влияние внутривнутриполитических процессов на внешнюю политику постсоветских государств (научный доклад). – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 40 с.
25. Early Presidential Elections of the Republic of Azerbaijan 7 February 2024 / Republic of Azerbaijan Central Election Commission. – URL: https://www.msk.gov.az/uploads/Prezident2024/CEC_protocol-2024.pdf
5. Analysis and Prospects of the Trans-Caspian International Transport Route / Eurasian Rail Alliance Index. 2023. – URL: https://index1520.com/upload/medialibrary/a2f/vyjtd4m2b-5jk4oa20s6e5u1rwy52ns4u/ru_TITR.pdf
6. April 2016: What do the results of the battles on the front line in Nagorno-Karabakh say? / The First News.11.04.2016. – URL: <http://www.1news.az/authors/editorial/20160411050831407.html>
7. Baku residents “FOR” the president / CM “Ryay”. 07.04.2011. – URL: <http://www.rey.az/rey.az/cattext.aspx?id=24&lng=ru>
8. Azerbaijan’s accession to BRICS: prospects and strategic importance / RIAC. 14.10.2024. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/vstuplenie-azerbaydzhana-v-briks-perspektivy-i-strategicheskoe-znachenie/>
9. Gadzhiev H.A. The Institute of the President in the Post-Soviet Space as a Factor of Political Stability: Dissertation ... Candidate of Political Sciences. – Moscow, RANEP, 2018. – 205 p.
10. Guliyev A.D. Basic principles as a factor in external relations of the institute of presidency of the Republic of Azerbaijan: history, modernity, future // State and law. – 2011. – V. 51. – P. 628–633.
11. Guliyev A. How and Why Heydar Aliyev Laid the Foundations of Strength and Stability of the Institute of Presidency in Azerbaijan // State and Law. – 2010. – V. 50. – P. 616–622.
12. Huseynova I. Heydar Aliyev: from Political Leader to National Leader. – Baku: Takhsil, 2005. – 504 p.
13. Markedonov S.M. Phenomenon of Azerbaijan // International Processes. – 2006. – V. 4. – No. 10. – P. 126–133.
14. Data on Voter Turnout in Nakhchivan for the Presidential Elections in Azerbaijan Released / Day.Az. 08.02.2024. – URL: <https://news.day.az/society/1635484.html>
15. Popularity of the President of Azerbaijan has grown to 96% // Arthur J. Finkelstein & Associates / Trend News Agency.05.05.2016. [Electronic resource]. – URL: <http://www.trend.az/azerbaijan/politics/2529515.html>
16. The capacity of the South Caucasus Pipeline can be increased. 07.06.2024. / Business media. – URL: <https://bm.ge/ru/news/propusknaia-sposobnost-iuzno-kavkazskogo-truboprovodamozet-byt-uvelicena>
17. The Eastern Partnership Program. Dossier / TASS. 24.04.2014. – URL: <https://tass.ru/info/1142073>
18. Putin discussed the situation in Karabakh with the leaders of Armenia and Azerbaijan / RBC.05.04.2016. – URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/5703dece9a79472a6009e4c0>
19. President Ilham Aliyev’s rating in Baku is 92.8% / CM “Ryay”. 26.04.2016. – URL: <http://www.rey.az/rey.az/news.aspx?id=27&lang=ru>
20. President’s rating / CM “Ryay”. 06.07.2009. – URL: <http://www.rey.az/rey.az/cattext.aspx?id=12&lng=ru>
21. Commonwealth of Independent States / CIS Internet portal. – URL: <https://e-cis.info/page/3509/80648/>
22. What is the North-South transport corridor / Kommersant. 01.05.2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6679748>
23. What is known about Russian-Azerbaijani relations / TASS. 18.08.2024. – URL: <https://tass.ru/info/20611439>
24. Shmelev B.A., Simon M.E. The influence of domestic political processes on the foreign policy of post-Soviet states (scientific report). – Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2013. – 40 p.
25. Early Presidential Elections of the Republic of Azerbaijan 7 February 2024 / Republic of Azerbaijan Central Election Commission. – URL: https://www.msk.gov.az/uploads/Prezident2024/CEC_protocol-2024.pdf

AZERBAIJAN’S DYNAMICS OF DEVELOPMENT AND IT’S FOREIGN POLICY DURING THE POST-SOVIET PERIOD

Gadzhiev Kh.A.

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (IE RAS)

Azerbaijan’s goals, priorities, and activities on the international scene, its guiding principles in choosing political blocs and integration projects throughout the post-Soviet period were, to varying degrees, shaped by domestic factors: the existing problematic areas of society, available resources, and capabilities. The Nagorno-Karabakh conflict occupied a central position in a range of societal concerns, acting largely as a catalyst for significant government initiatives and the development of the country’s public policy. This article analyzes Azerbaijan’s domestic processes and its international strategy, as well as the interconnection between these two areas within the context of the country’s developmental trends.

Keywords: Azerbaijan, Azerbaijan’s political system, post-Soviet states, post-Soviet space, Azerbaijan’s public policy, foreign policy.

References

1. Azerbaijan intends to double the capacity of the Trans-Anatolian gas pipeline / TASS. 09/02/2022. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/15633589>
2. Azerbaijan has applied to join BRICS / RBC. 08/20/2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/08/2024/66c49a9a9a7947f5cf0a4ebc>
3. Azerbaijan-Turkey relations / “Heydar Aliyev Heritage” International Online Library. – URL: <https://lib.aliyevheritage.org/ru/4610295.html>
4. Azerbaijan has applied to change its status in the SCO / REPORT. 07/18/2024. – URL: <https://report.az/ru/vneshnyaya-politika/azerbajdzhan-podal-zayavku-na-smenu-svoego-statusa-v-shos/>

Роль информационного суверенитета в обеспечении стабильности и безопасности современной России: инструменты и последствия

Мандрица Артём Валерьевич,

студент магистратуры, кафедры политологии
Дальневосточного федерального университета

Коптелева Олеся Александровна,

студент бакалавриата, кафедры международных отношений,
Дальневосточного федерального университета

Серьезные изменения XXI века: повышение уровня технологического прогресса и ускорение обмена информацией совершенствуют различные сферы жизни общества, включая политическую сферу и сферу государственного управления.

В современном мире информация играет решающую роль в формировании общественного мнения, а манипуляции в этой области следует рассматривать как вызов безопасности государств. Поэтому возрастает значение информационного суверенитета, то есть способности государства контролировать и регулировать потоки информации, поступающей как изнутри страны, так и извне. Эта задача становится все более важным фактором обеспечения стабильности и безопасности государства в современном мире, и подобные тенденции касаются и России. В данной статье рассматриваются роль информационного суверенитета в России, современные инструменты его обеспечения, а также его влияние на государственную политику.

Ключевые слова: информационный суверенитет, цифровое пространство, электронная демократия, политическая система, электронное голосование, избирательная система

В условиях кризиса современного миропорядка, возрастания значения информационно коммуникационных технологий, а также ускорения жизни, в том числе и в области распространения информации, роль новых инструментов для обеспечения государственного суверенитета и национальной безопасности России будут неуклонно возрастать. Современный этап развития правового регулирования общественных отношений во многих сферах характеризуется тенденцией процессом суверенизации. Глобализационные подходы двадцатого и двадцать первого века, связанные с усилением международно-правового регулирования, сменяются возвратом к национально-правовому регулированию, то есть регулированию внутри государства, что отчетливо сказывается на усилении суверенитета страны.

В настоящее время завершается процесс, направленный на обеспечение в России целостности и непрерывности функционирования и обеспечения информационной безопасности, в том числе в области информационной инфраструктуры, все это влияет на укреплении суверенитета страны. При этом стоит отметить, что понятие государственного суверенитета многомерно. Оно включает далеко не одни лишь формально-правовые и политические элементы, не только проецируется на проблематику производственно-техническую и финансово экономическую, но и подразумевает суверенитет информационный, культурный и духовно-нравственный [2].

В связи с этим, в рамках данного исследования стоит отдельно отметить информационный суверенитет и его возрастающую роль. В настоящее время не существует общепризнанного определения «информационного суверенитета». Однако информационный суверенитет – это, по сути, способность защитить независимость государства и конституционные права граждан в информационном пространстве. Общая концепция гласит, что информационный суверенитет означает право государства устанавливать свою информационную политику, регулировать потоки информации и защищать информационную безопасность от внешнего влияния. Ведь обвинения вмешательства во внутренние дела того или иного государства раздаются на международной арене постоянно, но в последнее десятилетие все чаще говорят об информационной сфере и отмечают информационный суверенитет страны. Данный вид суверенитета включает в себя любые компоненты, связанные с информационной сферой государства, но в первую очередь выделяют два аспекта: технический и идеологический. Так, к техническому относят собственные социальные сети, поисковики, национальное программное обеспечение, национальная электронная платёжная система и т.д. А также выделяют идеологический, он подразумевает наличие официальной идеологии или национальной идеи, высокого уровня популярной массовой культуры, развитой системы пропаганды, а также усовершенствованного законодательства в области информации [5].

В рамках обеспечения государственного суверенитета России, как мы видим отдельно необходимо выделить информационное пространство, что является составным элементом электронной демократии, а именно электронную демократию выделяют как инструмент обеспечения

суверенитета страны. Ведь именно информационное пространство влияет на информационный суверенитет, который напрямую связан с государственным суверенитетом. Так, информационный суверенитет – это способность и намерение субъекта политики производить, распределять и потреблять информацию в зависимости от собственных интересов участия в политике, и использовать информацию как ресурс политического влияния в масштабах и объемах, которые соответствуют его текущим и долгосрочным политическим интересам [7].

Как упомянуто ранее, возникает новое явление, которое может послужить инструментом в обеспечении информационного суверенитета страны. Электронная демократия предполагает, что государственная власть становится более открытой, политическое управление становится более эффективным, а граждане активно участвуют в принятии политических решений с использованием информационно-коммуникативных технологий. А на это явление, в том числе, влияет быстро меняющаяся конъюнктура политических систем государств, которые вынуждены искать новые и современные способы организации власти. Новые информационные технологии не только меняют способ осуществления демократических процедур, но и влияют на саму суть политического и социального развития, они также оказывают влияние на политическую систему. Стоит подробнее разобраться с термином «электронная демократия», ведь в исследовательском сообществе есть достаточное количество вариаций данного понятия. Общий подход гласит, что электронная демократия является формой демократии, при которой, ИКТ используются в качестве главного инструмента взаимодействия граждан с государством, ведь для политических процессов крайне важно получать обратную реакцию от населения страны [4].

Отдельным элементом в обеспечение суверенитета России в рамках общей концепции электронной демократии являются избирательные процессы, в том числе электронное голосование. При этом, изучая различные модели организации участия населения в управлении делами государства, стоит отметить, что в современном мире не существует идеальной избирательной системы, которая является эталоном политической устройства демократического общества. Каждое государство, выражая волю своего народа, выбирает избирательную систему с учетом своих национальных особенностей. По сути – реализуя свое право на государственный электоральный суверенитет. Гамма современных избирательных систем настолько разнообразна и многогранна, что дать объективную и справедливую оценку конкретной модели избирательной системы может только один беспристрастный арбитр – национальный избиратель, то есть народ России, который по Конституции и является источником суверенитета и власти. Так, получается, что выборы являются формой непосредственного народовластия и тесно связаны с государственным суверенитетом [1].

Ярким примером, который сможет подкрепить связь между избирательными процессами и суверенитетом является, комиссия по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России, которая подготовила большой объем материалов о вмешательстве в выборы Президента РФ 2024.

Так, например, уже 6 марта глава ЦИК Элла Памфилова отметила, что российская избирательная система испытывает беспрецедентные попытки вмешательства, цель которых – сорвать президентские выборы. Профильные Комиссии Совета Федерации и Государственной Думы зафиксировали, что попытки вмешательства носили крайне агрессивный характер. А гла-

ва комиссии Госдумы по расследованию фактов иностранного вмешательства Василий Пискарев отметил, что «помимо традиционных способов вмешательства, Запад перешел к тактике запугивания, активного психологического воздействия». Также, 19 марта 2024 года глава Комиссии Госдумы по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России Василий Пискарев сообщил, что Комиссия собрала большой объем материалов о вмешательстве в выборы Президента РФ, депутаты планируют их внимательно изучить и по итогам, при необходимости, подготовить поправки в законы. Электронная система России продемонстрировала устойчивость ко всем попыткам вмешательства. При этом полученный в ходе избирательной кампании опыт, может послужить в дальнейшем для модернизации избирательной системы. При этом мы видим, что официальные лица России подобные факты, такие как: атаки на серверы, дезинформация и т.д. напрямую связали с попытками вмешаться в суверенные дела нашей страны и нарушить принцип суверенитета, который предполагает недопустимость иностранного вмешательства во внутреннюю политику государства, посредством: пресечения разведывательной и иной деятельности специальных служб, организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, наносящей ущерб национальным интересам Российской Федерации. Это нарушение принципа суверенитета, который не допускает иностранного вмешательства во внутренние дела государства [3].

Отдельно можно выделить, что тенденция по модернизации избирательной и электронной системы присуща не только России, но и странам ЕС и странам центральной Америки. Например, Европейская комиссия опубликовала рекомендации для крупных онлайн-платформ и поисковиков по снижению в онлайн-пространстве системных рисков, которые могут повлиять на честность выборов. Документ принят в дополнение к Закону о цифровых услугах (Digital Services Act) и содержит рекомендации, касающиеся, выборов в Европейский парламент. А Правительство Канады выступило с предложением о внесении поправок в Закон о выборах в Канаде (Canada Elections Act). Ряд поправок, в частности, направлен на «защиту честности избирательной системы от иностранного влияния, дезинформации и развивающихся технологий». Предполагается расширение ряда уже существующих в законодательстве запретов, введение новых, а также ужесточение регулирования в отношении финансирования [6].

Всё это лишь еще раз указывает, что электронная демократия выступает инструментом обеспечения государственного суверенитета. А Информационный суверенитет не является универсальной концепцией, но его значение варьируется в зависимости от страны. Сегодня мы видим нацеленность России на усиление законодательной и технологической поддержки государственной независимости в информационном пространстве, что является стратегической задачей.

Информационный суверенитет становится ключевым элементом политики безопасности современной России. Однако необходимо проводить подобную политику плавно, заранее проводя информирование населения страны об этом. Настоящий баланс между национальной безопасностью и правами граждан – сложная задача, требующая тщательного анализа и продолжения диалога между властью и обществом. Потребность в прозрачности и открытой информации для достижения и обеспечения развития российского общества остается важной стороной для будущего.

Литература

1. Анникова, В.А. Средства массовой информации в современной России / В.А. Анникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2008. – № 4. – С. 122–129.
2. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб.: ВМ, 2001. – 252 с.
3. Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно// телекоммуникационной сфере. монография – М.: 2018. – 268 с.
4. Зиновьев А.В. Суверенитет, демократия, государство. СПб.: Издво С.-Петербург. ун-та, 2006. – 298 с.
5. Красинский В.В. Защита государственного суверенитета: монография. М.: Норма, 2017. – 790 с.
6. Попанова А.А. Национальные интересы как основание государственного суверенитета // Вестник Чеченского государственного университета. 2020. Т. 38. № 2. С. 20–28.
7. Уэбстер Ф.С. Теории информационного общества – М.: Аспект Пресс, 2004–398 с.

THE ROLE OF INFORMATION SOVEREIGNTY IN ENSURING THE STABILITY AND SECURITY OF MODERN RUSSIA: TOOLS AND CONSEQUENCES

Mandritsa A.V., Kopteleva O.A.
Far Eastern Federal University

Major changes in the 21st century, including increasing the level of technological progress and accelerating the exchange of informa-

tion, are improving various spheres of society, including the political sphere and the sphere of public administration.

In the modern world, information plays a crucial role in shaping public opinion, and manipulation in this area should be considered as a challenge to the security of States. Therefore, the importance of information sovereignty increases, that is, the ability of the state to control and regulate the flow of information coming both from within the country and from outside. This task is becoming an increasingly important factor in ensuring the stability and security of the state in the modern world, and similar trends apply to Russia. This article examines the role of information sovereignty in Russia, modern tools to ensure it, as well as its impact on public policy.

Keywords: information sovereignty, digital space, electronic democracy, political system, electronic voting, electoral system

References

1. Annikova, V.A. Mass media in modern Russia / V.A. Annikova // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. – 2008. – No. 4. – P. 122–129.
2. Vershinin M.S. Political communication in the information society. SPb.: VM, 2001. – 252 p.
3. Zharova A.K. Law and information conflicts in the information// telecommunications sphere. monograph – M.: 2018. – 268 p.
4. Zinoviev A.V. Sovereignty, democracy, state. SPb.: Izdvo St. Petersburg. University, 2006. – 298 p.
5. Krasinsky V.V. Protection of state sovereignty: monograph. M.: Norma, 2017. – 790 p.
6. Popanova A.A. National interests as the basis of state sovereignty // Bulletin of the Chechen State University. 2020. Vol. 38. No. 2. Pp. 20–28.
7. Webster F.S. Theories of the information society – M.: Aspect Press, 2004–398 p.

Институциональные условия взаимодействия местного самоуправления и бизнеса: на примере Воронежской области

Русанов Игорь Александрович,

аспирант 3 курса очной формы обучения, МОАУ ВО
«Воронежский институт экономики и социального
управления»
E-mail: Rusanovigor18@gmail.com

Для успешного развития российского государства, регионов, районов, отдельных территорий необходимо одно важное условие: взаимодействие всех структур власти, представителей экономики и населения. Социально-экономическое развитие отдельных территорий во многом зависит от сотрудничества органов местного самоуправления и представителей среднего и малого предпринимательства. Данный алгоритм может быть реализован за счет совместного и партнерского участия в развитии территорий. На территории Воронежской области имеется реальная практика такого сотрудничества, причем ее основу составляют совместные договоры Правительства Воронежской области и органов местного самоуправления по взаимодействию с предпринимательским сектором и совместная разработка на единой основе стратегических планов социально-экономического развития области, городов, районов, поселков, сел, других территорий. Особое внимание уделяется такой форме как муниципально-частное партнерство. В статье рассматривается как положительный опыт, так и имеющиеся нерешенные проблемы.

Ключевые слова: территория муниципального образования, предпринимательство, концессионные соглашения, формы муниципально-частного партнерства, стратегия социально-экономического развития, правовые акты.

В современной политической науке существует многообразие подходов к дефиниции «бизнес и власть». Одни исследователи трактуют данное взаимодействие только с точки зрения лоббизма, другие – с точки зрения согласования взаимных интересов, но детального анализа совместной деятельности с органами местного самоуправления практически не было.

Для структур муниципальной власти крайне важно определять стратегию и тактику использования всех бизнес структур для развития конкретной территории.

Отсюда возникает необходимость не только внедрения предложений, сформированных и инициированных бизнесом на уровне муниципальных образований в практику, но и формирование такой экономической среды, в которой развиваются и институты бизнеса.

Поэтому очень важно в данной статье проанализировать имеющийся опыт в этом направлении, определить основные пути совершенствования данной работы, и здесь хотелось бы уточнить, что во взаимодействии бизнеса и власти местному самоуправлению принадлежит особая роль.

На конкретной территории власть реально принадлежит местному самоуправлению. Население формирует и избирает данные структуры в расчете на то, что они будут реально влиять на экономическое и социальное развитие данных территорий. И здесь имеющиеся бизнес структуры, будь то средние или мелкие предприятия, фермерские хозяйства, определяют и экономическую, и налоговую базу города, поселения или села.

Выступая на заседании Совета по местному самоуправлению 20 апреля 2024 г. Президент РФ В.В. Путин отметил, что «надо актуализировать показатели эффективности органов местного самоуправления и поддерживать тех, кто стимулирует экономический рост, привлекает инвестиции, создает благоприятные условия для малого и среднего бизнеса» [1].

Воронежская область является крупным регионом по численности представителей среднего, малого предпринимательства, фермерских хозяйств и занятых в нем работников. Еще в 2016 году область заняла следующие позиции по развитию малого бизнеса в ЦФО и РФ:

- по числу малых предприятий (без учета микропредприятий) область занимала 3-е место в ЦФО и 19-е – в России;
- по численности занятых на малых предприятиях (без учета микропредприятий) – 3-е место в ЦФО и 15-е – в России;
- по обороту малых предприятий (без учета микропредприятий) – 3-е место в ЦФО и 14-е – в России;
- по объему инвестиций в основной капитал – 1-е место в ЦФО и в России [2].

В современных условиях Правительство Воронежской области ставит задачи повышения клада бизнеса в валовой региональный продукт. В связи с этим в Стратегии социально-экономического развития Воронежской области до 2035 года, в таком же документе муниципальных образований города, районов, поселков определяются следующие задачи:

- в каждом органе местного самоуправления должны быть приняты конкретные нормативные документы

по развитию различных форм предпринимательства;

- совместно органы местной власти с имеющимися бизнес структурами на данной территории должны определить конкретные точки развития территории и, по возможности, составить бизнес проекты;
- особое место должно занять участие фермерских хозяйств в социально-экономическом развитии территории, поскольку в большинстве случаев владельцы таких хозяйств несут ответственность только за оплату арендуемой земли;
- при разработке совместных форм деятельности в поле зрения, в первую очередь, должно быть развитие объектов социальной сферы.

Решение поставленных задач позволит обеспечить к 2035 году:

- увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства (включая индивидуальных предпринимателей) в расчете на 1 тыс. чел. населения в 2035 году до 48 ед.;
- увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства (включая индивидуальных предпринимателей) в расчете на 1 тыс. чел. населения в 2035 году до 48 ед.;
- увеличение доли занятого населения в секторе малого и среднего предпринимательства в общей численности занятого населения до 35%;
- увеличение к 2035 году доли закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства в общем совокупном годовом объеме закупок для государственных и муниципальных нужд области до 40% [3].

Тем более, на муниципальном уровне управления именно администрация, чаще всего района, устанавливает взаимодействие со структурами бизнеса через муниципальные закупки, аренду, совместное участие в программах социально-экономического развития территории, содержание и ремонт бюджетной сферы и другие, а также определяет позицию для администраций поселений.

Более того, в Воронежской области имеется практика муниципально-частного партнерства (МЧП), за счет которого тесно взаимодействуют публичные и частные интересы. В 2015 году был принят Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты» [4].

И в области, практически в каждом муниципальном районе сложились следующие формы такого партнерства:

- подписание совместных договоров по реализации конкретных проектов;
- заключение различных концессионных соглашений на ремонт, строительство различных муниципальных объектов;
- сдача в аренду муниципального имущества.

В 2012 году Воронежская область стала первым субъектом в России, где было заключено концессионное соглашение в отношении муниципальных объектов.

Сейчас в регионе заключены 32 различных соглашения, и общий объем по данным объектам превышает 35 млрд рублей. 11 концессионных соглашений приходится на городской округ г. Воронеж, выделяются Новоусманский, Павловский, Россошанский и Хохольский, Семилукский районы.

Естественно, во взаимоотношениях структур местного самоуправления и бизнес-структур имеется очень много нерешенных проблем.

Для выяснения практики реального состояния работы органов местного самоуправления с бизнес-структурами

социологический центр Воронежского института экономики и социального управления (при участии автора) в 2022 году провел специальное исследование в 10 районах, при котором были опрошены 300 респондентов от бизнес-структур и 300 респондентов – представителей работающего населения. Некоторые результаты мы приводим в данной статье.

В некоторых районах Воронежской области на местном уровне фактически только сейчас формируется практика согласования интересов различных социальных групп с предпринимательским сообществом, в стратегических планах социально-экономического развития появились специальные разделы по конкретным направлениям поддержки бизнес структур.

С точки зрения респондентов, для преодоления проблем взаимодействия муниципальных властей с малым бизнесом и его сообществом необходимо:

- реальное участие органов местного самоуправления, депутатов различных уровней советов, прежде всего, в обсуждении проблем развития бизнеса конкретной территории (30%);
- широкое информирование населения о результатах деятельности бизнес структур и власти по социально-экономическому развитию данного муниципального образования (40%);
- проведение совместных курсов обучения, как представителей власти, так и представителей предпринимательских структур по проблемам стратегического планирования и совместной деятельности (50%);
- широкое привлечение крупных, средних, мелких фермеров к обсуждению конкретного положения состояния социальной сферы, дорог, собственности муниципалитетов с целью выработки общих подходов и усилий по их развитию (45%).

К сожалению, в реальности многие органы местного самоуправления взаимодействуют с представителями средних, малых предприятий, фермерами сводят только к подведению определенной статистики. Реальное формирование совместных проектов не ведется по причине крайне слабой экономической составляющей самих предпринимательских структур.

К сожалению, население не имеет информации о бизнес-потребностях на своей территории, о правах, обязанностях и возможностях по реальной организации своего дела. Более 70% населения не готово участвовать в бизнес проектах.

С точки зрения населения, проблемы бизнеса их практически не волнуют. Около 90% вообще не имеют представления о роли этих структур в развитии территорий их проживания. Более 30% имеют определенные претензии, особенно к представителям фермерства за неполное выполнение обязательств по договорам аренды перед владельцами земельных паев. 75% населения (особенно сельского) не планируют своего участия в поддержке бизнес структур даже при их реальном участии в социально-экономическом развитии территории их проживания. 60% населения не готовы поддерживать и органы местного самоуправления, и даже участвовать в их мероприятиях. Но 10% готовы активно участвовать (для Воронежской области – это 250 тыс.) и еще 30% выражают свое согласие на совместную деятельность, при условии адекватной оплаты их труда.

Таким образом, в условиях муниципальных (особенно сельских) районов малое и среднее предпринимательство, если и находит определенную поддержку со стороны органов власти, то она зачастую носит разовый характер и не направлена на перспективу.

Население мало информируется о деятельности бизнес структур, как со стороны власти, так и со стороны самих структур.

Подводя общие итоги, необходимо отметить, что в Воронежской области сложилась определенная практика взаимодействия органов местного самоуправления с бизнес-структурами, однако в этом направлении сохраняется очень много проблем, и здесь необходимы конкретные подвижки в деятельности как структур местного самоуправления, так и всего бизнес-сообщества.

Литература

1. Селютин В.И. Местное самоуправление: история развития и современность / В.И. Селютин. – Воронеж: Изд-полиграф. центр «Научная книга», 2023. – 154 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сборник // Росстат. – М., 2017. – С. 592–595.
3. Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.11.2024).
4. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные акты РФ: Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 204-ФЗ // СЗ РФ. – 2015. – № 29 (Ч. 1). – Ст. 4350.

INSTITUTIONAL CONDITIONS FOR INTERACTION BETWEEN LOCAL GOVERNMENT AND BUSINESS: THE EXAMPLE OF THE VORONEZH REGION

Rusanov I.A.

Voronezh Institute of Economics and social management

For the successful development of the Russian state, regions, districts, and individual territories, one important condition is necessary: the interaction of all government structures, representatives of the economy and the population. The socio-economic development of individual territories largely depends on the cooperation of local governments and representatives of medium and small businesses. This algorithm can be implemented through joint and partner participation in the development of territories. There is a real practice of such cooperation in the Voronezh Region, moreover, it is based on joint agreements between the Government of the Voronezh Region and local governments on interaction with the business sector and joint development on a single basis of strategic plans for the socio-economic development of the region, cities, districts, towns, villages, and other territories. Special attention is paid to such a form as municipal-private partnership. The article examines both the positive experience and the existing unresolved problems.

Keywords: the territory of the municipality, entrepreneurship, concession agreements, forms of municipal-private partnership, socio-economic development strategy, legal acts.

References

1. Selyutin V.I. Local self-government: the history of development and modernity / V.I. Selyutin. Voronezh: Publishing House-polygraph. Scientific Book Center, 2023. – 154 p.
2. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017: stat. collection // Rosstat. – M., 2017. – pp. 592–595.
3. Strategy of socio-economic development of the Voronezh region for the period up to 2035 // SPS ConsultantPlus. – Access mode: <https://www.consultant.ru> (date of application: 10.11.2024).
4. On Public-private partnership, municipal-private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 204-FZ of 07.13.2015 // NW RF. – 2015. – No. 29 (Part 1). – Article 4350.

Религиозный фактор в политике современной России: сущность, содержание и влияние на национальную безопасность

Фатыхов Шамиль Ринатович,

соискатель ученой степени кандидата политических наук,
Московское высшее общевойсковое командное училище
E-mail: sham0821@mail.ru

В статье рассматривается религиозный фактор как один из ключевых аспектов внутренней и внешней политики современной России. Автор анализирует сущность и содержание религиозного фактора, его роль в формировании национальной идентичности и обеспечении национальной безопасности страны. Особое внимание уделяется влиянию религиозных организаций на политические процессы и их взаимодействию с государственными институтами. В заключении статьи формулируются выводы о перспективах развития религиозного фактора в российской политике.

Ключевые слова: идентичность, национальная безопасность, политика, религиозные организации, религиозный фактор, Россия.

В современном мире религиозный фактор приобретает всё большее значение в политической жизни государств, становясь важным инструментом формирования национальной идентичности и обеспечения внутренней стабильности. В условиях глобализации [13, с. 3] и нарастания геополитической конкуренции религиозные организации и идеи оказывают значительное влияние на политические процессы, особенно в странах с многонациональным и многоконфессиональным обществом [12, с. 45]. В контексте современной России, где исторически сложилась тесная связь религии и государства [6, с. 100], исследование религиозного фактора является особенно актуальным. Настоящая статья посвящена анализу сущности и содержания религиозного фактора, его роли в политике и влияния на национальную безопасность страны.

Представители экспертного сообщества делают вывод о том, что международные отношения XXI в. будет характеризовать и определять столкновение цивилизаций, «нарезка» которых производится на основе общности культуры и вероисповедания [9, с. 75].

Религиозный фактор в политике современной России представляет собой сложное и многогранное явление, которое включает в себя как историко-культурные традиции [7], так и современные вызовы и тенденции [9]. Роль религии в государственном строительстве, укреплении социального единства и формировании идеологической основы для внутренней и внешней политики страны вызывает широкий научный интерес. В то же время религиозные организации становятся активными участниками общественно-политических процессов, взаимодействуя с государственными институтами, гражданским обществом и международными структурами. Анализ этих взаимодействий позволяет глубже понять механизмы влияния религиозного фактора на национальную безопасность и устойчивое развитие Российской Федерации.

Одной из острых проблем, связанных с религиозным фактором в политике современной России, является деятельность диаспор, сформированных выходцами из Средней Азии и Закавказья. Эти общины, представляя собой важную часть миграционного процесса, нередко сталкиваются с проблемами интеграции в российское общество, что создает предпосылки для социальной напряженности. Особую озабоченность вызывает распространение радикальных религиозных идеологий в среде некоторых диаспор, что может представлять угрозу национальной безопасности. Низкий уровень адаптации мигрантов, их замкнутость и воздействие внешних деструктивных сил создают условия для роста экстремизма, этноконфессиональных конфликтов и подрыва общественного порядка. Эта проблема требует системного подхода со стороны государства, направленного на усиление контроля, межкультурного диалога и профилактики радикализации [5; 14].

Растущая численность мигрантов из Средней Азии и Закавказья в России сопровождается не только экономическими и социальными вызовами, но и серьезными угрозами в сфере национальной безопасности [6]. Одной из ключевых проблем является распространение

радикальных религиозных течений, которые находят благодатную почву в среде социально уязвимых и недостаточно интегрированных мигрантов. В сочетании с недостаточным государственным контролем за религиозной деятельностью и слабой адаптационной политикой это создает риск формирования замкнутых сообществ, склонных к изоляции и экстремистским настроениям. Эти процессы не только дестабилизируют внутреннюю обстановку, но и могут использоваться внешними силами для ослабления России. Таким образом, управление этими вызовами требует выработки стратегических решений, направленных на укрепление единства многонационального общества [3].

Для эффективного решения проблемы, связанной с влиянием диаспор из Средней Азии и Закавказья на национальную безопасность России, необходим комплексный подход, включающий следующие меры. Во-первых, это усиление адаптационных программ – создание и реализация государственных программ, направленных на социальную и культурную интеграцию мигрантов, которые включают бесплатные курсы русского языка, обучение правовым основам жизни в России, а также образовательные и культурные мероприятия, способствующие сближению мигрантов и местного населения.

Во-вторых, это ужесточение контроля над радикальной религиозной деятельностью, а именно, обеспечение надзора за религиозными организациями, работающими среди мигрантов, с целью недопущения пропаганды радикальных идеологий. Необходимо укреплять сотрудничество с официальными религиозными структурами, которые способны обеспечить поддержку традиционных религиозных ценностей, интегрировать в среду мигрантов лидеров религиозных мнений из традиционных мусульманских регионов Российской Федерации – Татарстана, Башкирии, Чечни, Дагестана, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Адыгеи.

В-третьих, это укрепление правопорядка, а именно, усиление мер правоохранительных органов по борьбе с экстремизмом, незаконной миграцией и организованной преступностью в мигрантской среде, включая международное сотрудничество в этой области [4, с. 46].

Реализация этих мер позволит снизить риски, связанные с диаспорами и создать условия для гармоничного сосуществования этноконфессиональных групп в российском обществе, что укрепит национальную безопасность.

Нельзя не озвучить, что одним из важнейших аспектов религиозного фактора в политике современной России является его влияние на формирование национальной идентичности. В условиях растущей глобализации и усиливающегося культурного обмена религия играет роль своеобразного «якоря», поддерживающего традиционные ценности и историческую преемственность [10]. О чем прекрасно сказано в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1].

В то же время, религия становится инструментом консолидации общества, особенно в кризисные периоды, когда усиливается запрос на духовные ориентиры. Однако религиозное многообразие России требует деликатного баланса между уважением к различным конфессиям и сохранением доминирующего положения традиционных религий, таких как православие, ислам, буддизм и иудаизм. Этот баланс позволяет не только укреплять социальное единство, но и предотвращать возможные конфликты на религиозной почве.

Кроме того, религиозный фактор активно используется в международной политике России, выступая инструментом «мягкой силы». Через укрепление связей с зарубежными религиозными организациями и диаспорами Россия формирует позитивный имидж государства, поддерживающего традиционные ценности и диалог цивилизаций [8]. Такая политика позволяет укреплять позиции России на международной арене, особенно в странах, где религия играет значимую роль в общественно-политической жизни [2].

Однако использование религиозного фактора в политике сопряжено с определенными рисками. Переплетение религиозных и политических интересов может приводить к манипуляциям со стороны различных акторов, что требует высокой степени прозрачности и ответственности в принятии решений.

Кроме того, необходимо учитывать опасность радикализации отдельных групп и использования религии в целях дестабилизации. В этом контексте важнейшей задачей является создание системы, которая обеспечивает баланс между поддержкой религиозных организаций, защитой национальной безопасности и сохранением светских принципов государства. Такой подход способствует не только укреплению стабильности внутри страны, но и повышению ее влияния на глобальной политической арене.

Таким образом, анализ религиозного фактора в политике современной России позволяет сделать ряд важных выводов, касающихся его сущности, влияния на национальную безопасность и перспектив развития.

Религия в России традиционно занимает важное место в социальной и политической жизни, играя роль как опоры для национальной идентичности, так и инструмента государственного строительства. В условиях многоконфессионального и многонационального общества этот фактор становится как источником внутренней стабильности, так и потенциальной угрозой, если не будет должным образом управляться. В частности, влияние религиозных организаций на политические процессы, их взаимодействие с государственными институтами и активное участие в формировании общественного мнения подчеркивает важность учета религиозных аспектов в государственном управлении.

Однако, в условиях глобализации и миграционных потоков, религиозный фактор приобретает новые угрозы, такие как радикализация отдельных групп и экстремистские настроения в мигрантской среде. Это требует от российского государства выработки более эффективной политики, направленной на интеграцию мигрантов, поддержку межкультурного и межрелигиозного диалога, а также усиление контроля над радикальными течениями [11, с. 33].

Особое внимание в статье уделено вопросу формирования религиозной политики, которая должна сочетать уважение к многоконфессиональности и традиционным религиям с обеспечением светского характера государства. Это позволяет не только укреплять национальную безопасность, но и сохранять общественное единство.

В условиях современных вызовов России необходимо активно работать над созданием механизмов, предотвращающих использование религиозных различий в качестве инструмента для дестабилизации внутренней обстановки и внешнеполитических манипуляций.

Перспективы развития религиозного фактора в российской политике лежат в плоскости дальнейшего укрепления связей с мировыми религиозными сообществами, внедрения современных моделей интеграции и контроля за религиозной деятельностью. Принятие этих

шагов будет способствовать укреплению национальной безопасности, обеспечению стабильности и гармонии в многонациональном обществе России, а также повышению ее политического и экономического влияния на международной арене.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 12.10.2024).
2. Указ Президента Российской Федерации 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 12.10.2024).
3. Алламуратова Г.Ж., Алламуратова А.Ж. Русский язык: особенности изучения в нерусской аудитории [Электронный ресурс] // Вестник науки и образования. 2022. № 9 (129). – С. 65–69. – URL: <https://scientificjournal.ru/images/PDF/2022/129/VNO-9-129-.pdf> (дата обращения: 12.10.2024).
4. Бабошина Е.В., Гусейнова И.С. Правовая культура общества и личности: теоретико-правовая характеристика // Образование и право. 2020. № 11. – С. 45–49.
5. Иванов А.А. Правовая культура, диаспоры и проблема обеспечения национальной безопасности // Теология. Философия. Право. 2024. № 1 (21). – С. 44–51.
6. Минаков А.В., Иванова Л.Н. Оценка угроз в демографической сфере и их влияние на экономическую безопасность страны [Электронный ресурс] // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 7–1. – С. 52–60. – URL: <https://vaael.ru/article/view?id=1780> (дата обращения: 12.10.2024).
7. Некрасов Д.В. Особенности трактовок морали и политики в российской философской мысли допетровской эпохи // Миссия конфессий. 2022. № 64. – С. 98–102.
8. Право и экономическое развитие: актуальные вопросы: Монография / В.Б. Батиевская, М.В. Келексаева, Т.Е. Ситохова [и др.] / Гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2023. – 196 с.
9. Прокудина Н.В. Религиозный аспект национальной безопасности современной России [Электронный ресурс] // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 1. – С. 75–82. – URL: https://magistravitaejournal.ru/images/1_2017/7.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
10. Религия и общество: мониторинг. За последние тридцать лет роль религии в жизни нашего общества несколько возросла [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2023. 27 июля. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 12.10.2024).
11. Рыжов В.Б. Диалектика глобализации и регионализации в правовом пространстве государств и международных организаций [Электронный ресурс] // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2020. № 1. – С. 29–44. – URL: http://author.nbpublish.com/pmpmo/article_30979.html (дата обращения: 12.10.2024).
12. Рыжов В.Б. Европейский союз: динамика развития и накопившиеся проблемы [Электронный ресурс] // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2018. № 2. – С. 42–50. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25693 (дата обращения: 12.10.2024).
13. Рыжов В.Б. Международно-правовые модели региональных интеграционных объединений (на примере Европейского союза, Меркосур и ЕврАзЭС): Дисс. канд. юрид. наук. – М., 2007. – 231 с.
14. Шагбанова Х.С. Правовое регулирование миграционных процессов во Франции // Современное право. 2020. № 8. – С. 129–138.

THE RELIGIOUS FACTOR IN THE POLITICS OF MODERN RUSSIA: ESSENCE, CONTENT, AND IMPACT ON NATIONAL SECURITY

Fatykhov Sh.R.

Moscow Higher Combined Arms Command School

The article examines the religious factor as one of the key aspects of both domestic and foreign policy in modern Russia. The author analyzes the essence and content of the religious factor, its role in shaping national identity, and its significance in ensuring the country's national security. Special attention is given to the influence of religious organizations on political processes and their interaction with state institutions. The article concludes with insights into the prospects for the development of the religious factor in Russian politics.

Keywords: identity, national security, politics, religious organizations, religious factor, Russia.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” [Electronic resource] // President of Russia. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (date of access: 12.10.2024).
2. Decree of the President of the Russian Federation of 31.03.2023 No. 229 “On Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation” [Electronic resource] // President of Russia. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (date of access: 12.10.2024).
3. Allamuratova G.Zh., Allamuratova A. Zh. Russian language: features of study in a non-Russian audience [Electronic resource] // Bulletin of Science and Education. 2022. No. 9 (129). – P. 65–69. – URL: <https://scientificjournal.ru/images/PDF/2022/129/VNO-9-129-.pdf> (date of access: 12.10.2024).
4. Baboshina E.V., Guseynova I.S. Legal culture of society and individual: theoretical and legal characteristics // Education and Law. 2020. No. 11. – P. 45–49.
5. Ivanov A.A. Legal culture, diasporas and the problem of ensuring national security // Theology. Philosophy. Law. 2024. No. 1 (21). – P. 44–51.
6. Minakov A.V., Ivanova L.N. Assessment of threats in the demographic sphere and their impact on the country's economic security [Electronic resource] // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021. No. 7–1. – P. 52–60. – URL: <https://vaael.ru/article/view?id=1780> (date of access: 10/12/2024).
7. Nekrasov D.V. Features of the interpretation of morality and politics in Russian philosophical thought of the pre-Petrine era // Mission of Confessions. 2022. No. 64. – P. 98–102.
8. Law and economic development: topical issues: Monograph / VB Batievskaya, MV Kelekhsaeva, TE Sitokhova [et al.] / Ed.-in-chief E.V. Fomin. – Cheboksary: ООО Izdatelskiy dom Sreda, 2023. – 196 p.
9. Prokudina N.V. Religious aspect of national security of modern Russia [Electronic resource] // Magistra Vitae: electronic journal on historical sciences and archeology. 2017. No. 1. – P. 75–82. – URL: https://magistravitaejournal.ru/images/1_2017/7.pdf (date of access: 10/12/2024).

10. Religion and society: monitoring. Over the past thirty years, the role of religion in the life of our society has increased somewhat [Electronic resource] // VTsIOM. 2023. July 27. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (date of access: 12.10.2024).
11. Ryzhov VB Dialectics of globalization and regionalization in the legal space of states and international organizations [Electronic resource] // International Law and International Organizations. 2020. No. 1. – P. 29–44. – URL: http://author.nbpublish.com/pmpmo/article_30979.html (date of access: 12.10.2024).
12. Ryzhov VB European Union: development dynamics and accumulated problems [Electronic resource] // International Law and International Organizations. 2018. No. 2. – P. 42–50. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25693 (date accessed: 12.10.2024).
13. Ryzhov VB International legal models of regional integration associations (on the example of the European Union, Mercosur and EurAsEC): Diss. Cand. of Law. – M., 2007. – 231 p.
14. Shagbanova HS Legal regulation of migration processes in France // Modern law. 2020. No. 8. – P. 129–138.

Чеченская война в официальном дискурсе Франции

Хачатрян Валентина Арменовна.

соискатель, кафедра сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации
E-mail: Val.khachatryan@gmail.com

В статье проведен анализ официального дискурса Франции в отношении первой и второй чеченских войн. На основе изучения заявлений французских политических лидеров, дипломатических документов и парламентских дебатов была рассмотрена эволюция позиции Франции по чеченскому вопросу, а также проанализировано влияние чеченских войн на франко-российские отношения. Целью настоящего исследования являлось определение основных тем и аргументов высших официальных лиц Франции, а также выявление факторов, повлиявших на позицию Парижа. В частности, особое внимание уделено второй чеченской войне, так как события этого периода стали частым предметом обсуждений Жака Ширака и действующих во время его президентства министров и оказали наиболее негативное влияние на восприятие Францией России.

Ключевые слова: Чеченская война, Франция, внешняя политика, политический дискурс, российско-французские отношения.

Введение

Чеченские войны, ставшие одним из наиболее драматичных эпизодов постсоветской истории России, оказали значительное влияние на международные отношения и внешнюю политику западных стран. Франция, будучи одним из ключевых игроков европейской политики и постоянным членом Совета Безопасности ООН, играла важную роль в формировании позиции Запада по чеченскому вопросу [3].

Анализ официального дискурса Франции в отношении чеченских войн представляет собой ценный материал для понимания механизмов формирования внешнеполитических позиций, взаимодействия различных факторов в процессе принятия внешнеполитических решений, а также эволюции отношений между Россией и Западом в постсоветский период.

Данное исследование направлено на анализ официального дискурса Франции в отношении чеченских войн с целью выявления его ключевых характеристик, факторов эволюции и влияния на российско-французские отношения.

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на теоретические подходы конструктивизма в международных отношениях, постструктурализма в анализе внешней политики, а также теории секьюритизации Копенгагенской школы [7].

Конструктивистский подход в международных отношениях, разработанный такими учеными как Александр Вендт и Николас Онуф, подчеркивает роль идей, норм и идентичностей в формировании внешней политики государств [1, 5].

Конструктивистский подход также позволяет рассмотреть, как дискурс о чеченских войнах влиял на формирование идентичности самой Франции как защитника прав человека и демократических ценностей на международной арене. В контексте данного исследования этот подход позволяет рассматривать официальный дискурс Франции не просто как отражение объективных интересов, но как инструмент конструирования реальности и формирования идентичности Франции как международного актора.

Постструктуралистский подход к анализу внешней политики, представленный в работах Дэвида Кэмпбелла и Лене Хансен, фокусируется на роли языка и дискурсивных практик в формировании внешнеполитических позиций [2, 6]. Этот подход особенно релевантен для анализа официальных заявлений и дипломатических документов, составляющих основу данного исследования.

Теория секьюритизации, разработанная представителями Копенгагенской школы (Барри Бузан, Оле Вэвер), предоставляет инструментарий для анализа того, как чеченский конфликт превращался в вопрос безопасности в официальном дискурсе Франции и как это влияло на формирование политики [7].

Методология исследования основана на критическом дискурс-анализе, позволяющем выявить ключевые темы, аргументы и риторические приемы, используемые в официальных высказываниях французских политиков и дипломатов. Источниковую базу исследования со-

ставляют стенограммы выступлений президентов и министров иностранных дел Франции, дипломатическая переписка, интервью и пресс-конференции, доступные в архивах МИД Франции, а также протоколы заседаний Национального собрания и Сената Франции.

Основная часть

Распад Советского Союза в 1991 году привел к росту сепаратистских настроений в ряде регионов России, в том числе в Чечне. В 1991 году к власти в Чеченской Республике пришел генерал Джохар Дудаев, провозгласивший курс на независимость от России. Это привело к нарастающей напряженности между Москвой и Грозным, которая в конечном итоге вылилась в вооруженный конфликт.

Первая чеченская война (1994–1996) началась с ввода российских войск на территорию Чечни в декабре 1994 года. Боевые действия продолжались до августа 1996 года и завершились подписанием Хасавюртовских соглашений, которые фактически предоставили Чечне широкую автономию. Однако мир оказался недолговечным. Рост преступности, похищения людей и распространение радикального исламизма в Чечне, а также вторжение чеченских боевиков в Дагестан в августе 1999 года привели к началу второй чеченской войны.

Вторая кампания, официально названная «контртеррористической операцией», началась в сентябре 1999 года и продолжалась с различной интенсивностью до 2009 года. В ходе этой кампании федеральными силами удалось установить контроль над территорией Чечни и сформировать лояльное Москве правительство во главе с Ахматом Кадыровым, а затем его сыном Рамзаном Кадыровым.

Начало первой чеченской войны в декабре 1994 года вызвало серьезную обеспокоенность во Франции. Официальный Париж с самого начала занял критическую позицию в отношении действий российских властей.

Анализ выступлений французских политиков этого периода позволяет выделить следующие ключевые темы:

- Осуждение чрезмерного применения силы российской армией.
- Призывы к прекращению огня и началу переговоров.
- Обеспокоенность гуманитарной ситуацией и нарушениями прав человека.
- Необходимость политического урегулирования конфликта.

Французские власти старались избегать прямой поддержки чеченских сепаратистов и подчеркивали, что Чечня является внутренним делом России. Президент Франции Франсуа Миттеран во время пресс-конференции 3 февраля 1995 года заявил: «Давайте, со своей стороны, примем во внимание, что чеченский вопрос – это прежде всего дело России, хотя суверенитет не позволяет ни одной стране нарушать международное право» [8]. Министр иностранных дел Ален Жюппе неоднократно выражал обеспокоенность из-за гуманитарной ситуации в Чечне и нарушения прав человека. В своем выступлении 16 января 1995 года он подчеркнул: «Конечно, Чечня находится в составе России, но Россия взяла на себя обязательства перед ОБСЕ, она хочет вступить в Совет Европы, она хочет быть частью демократического международного сообщества и, следовательно, это несет за собой обязательства, и мы задаем вопросы, чтобы узнать, как соблюдаются эти обязательства» [9].

Критика действий России в первой чеченской войне позволяла Франции позиционировать себя как защитника гуманитарных принципов и международного права.

Это соответствовало традиционному образу Франции как «родины прав человека» и укрепляло ее претензии на моральное лидерство в Европе.

Анализ французского дискурса этого периода через призму теории секьюритизации показывает, что чеченский конфликт представлялся прежде всего как гуманитарная проблема, а не вопрос безопасности. Это объясняет акцент на правах человека и необходимости политического урегулирования.

После подписания Хасавюртовских соглашений в августе 1996 года во французском дискурсе преобладали позитивные оценки перспектив мирного урегулирования чеченской проблемы. Однако по мере развития ситуации, особенно после начала второй чеченской кампании, французский дискурс стал более сложным и неоднозначным. Период с 1999–2000 годов характеризуется наиболее жесткой критикой по отношению к России. Однако с 2001 года высказывания по ситуации в Чечне смягчаются, и эта тема постепенно покидает повестку дня на высшем политическом уровне. Эта дихотомия являлась следствием поиска баланса между ценностным и прагматическим подходами во внешней политике Франции.

С территории Чечни 7 августа 1999 года произошло вторжение чеченских боевиков в Дагестан, которое привело к началу «контртеррористической операции». Ведение военных действий российской армией для восстановления суверенитета над Чечней первоначально вызвало резко негативную реакцию Франции. Президент Жак Ширак в своем выступлении на саммите ОБСЕ в Стамбуле 18 ноября 1999 года заявил: «То, что происходит в Чечне, неприемлемо с точки зрения наших принципов. Массированные бомбардировки и неизбирательное применение силы против гражданского населения должны быть прекращены» [11]. Министр иностранных дел Юбер Ведрин 13 марта 2000 года с гордостью заявил, что был «первым среди лидеров всех западных стран, высказавшим самые резкие слова, осуждающие выбор России» [13].

Французская дипломатия активно продвигала идею международного участия в постконфликтном восстановлении Чечни. Париж рассматривал это как способ укрепления стабильности в регионе и предотвращения возобновления боевых действий. Так на этом настаивал Жак Ширак в письме новоизбранному президенту Владимиру Путину: «Мы ожидаем, что в Чечне будет как можно быстрее обеспечено международное присутствие, будь то со стороны Совета Европы, ОБСЕ или международных гуманитарных организаций» [14]. Однако Владимир Путин избрал более непримиримую линию поведения. Поскольку Франция была наиболее ярким критиком России из-за чеченского вопроса, российский президент более пяти месяцев после избрания отказывался проводить официальную встречу с президентом Франции. На фоне нормализации отношений между Россией и другими западными странами, Франции пришлось начать переосмысление своей позиции по Чечне, из-за которой большинство сфер двустороннего сотрудничества были заморожены.

Париж стремился сохранить баланс между защитой прав человека и уважением территориальной целостности России. Рост преступности, похищения людей и распространение радикального исламизма в Чечне вызывали все большую обеспокоенность. Постепенно позиция Франции стала меняться в сторону большего понимания действий России. Этому способствовали несколько факторов:

- а) Приход к власти Владимира Путина.

б) Рост угрозы международного терроризма после терактов 11 сентября 2001 года.

в) Серия террористических актов в России, в том числе захват заложников в театре на Дубровке в 2002 году.

С одной стороны, Франция продолжала подчеркивать важность соблюдения прав человека и необходимость политического урегулирования конфликта. С другой стороны, растущая озабоченность угрозой международного терроризма и стремление к стратегическому партнерству с Россией побуждали французское руководство к более сдержанной позиции. Эта двойственность отражала более широкую дилемму французской внешней политики: как совместить роль защитника демократических ценностей с прагматичным преследованием национальных интересов в сфере безопасности и экономики.

Эволюция французского дискурса по чеченскому вопросу также демонстрирует изменение восприятия роли Франции в международных отношениях. Если в начале 1990-х годов преобладал идеалистический подход, основанный на вере в возможность распространения демократических ценностей на постсоветском пространстве, то к концу 2000-х годов возобладал более реалистичный взгляд на международные отношения.

Французская дипломатия стремилась выработать новый подход между критикой методов российских силовых структур и признанием легитимности борьбы с терроризмом. Франция продолжала призывать к политическому урегулированию конфликта, но уже не ставила под сомнение право России на проведение контртеррористической операции.

Изменение риторики французских политиков также отражало растущее понимание сложности ситуации в Чечне и осознание угрозы, которую представлял распространяющийся в регионе радикальный исламизм не только для России, но и для европейской безопасности в целом.

Анализ эволюции французского дискурса через призму теории секьюритизации показывает, как чеченский конфликт постепенно переопределялся из гуманитарной проблемы в вопрос безопасности и борьбы с терроризмом. Это привело к изменению политики Франции и ее дискурса в отношении действий России. Так, в ходе совместной пресс-конференции в 2006 году с премьер-министром России Михаилом Фрадковым Доминик де Вильпен обосновывает позицию Франции: «Итак, какой позиции мы придерживаемся? Это необходимость продолжения политического процесса. В частности, недавно прошли выборы в законодательные органы, и шаг за шагом должно преобладать стремление к миру. Второе направление действий – необходимость развития для борьбы с радикализмом» [10].

Немаловажную роль играл также фактор энергетической зависимости Европы от России. Стремление обеспечить стабильные поставки энергоресурсов побуждало французское руководство к более сдержанной позиции по чеченскому вопросу.

Можно выделить следующие факторы, повлиявшие на формирование французского дискурса:

1. Внутриполитические факторы:
 - Смена правительства.
 - Рост угрозы терроризма во Франции.
 - Изменение общественного мнения в отношении исламского радикализма.
2. Международные факторы:
 - Теракты 11 сентября 2001 года и глобальная война с терроризмом.
 - Ухудшение ситуации с безопасностью в мире.
 - Эволюция отношений между Россией и Западом.
3. Геополитические интересы Франции:

- Стремление сохранить конструктивные отношения с Россией.
- Роль Франции в европейской системе безопасности.
- Экономические интересы (энергетическое сотрудничество с Россией).

4. Нормативные факторы:

- Приверженность Франции ценностям прав человека и демократии.
- Роль Франции как постоянного члена Совета Безопасности ООН.

С точки зрения конструктивизма, эволюция французского дискурса в отношении чеченских войн может рассматриваться как процесс переопределения идентичности Франции и ее роли в международных отношениях.

Это изменение нашло отражение в постепенном смещении акцентов во французском дискурсе с критики нарушений прав человека на необходимость обеспечения региональной стабильности и борьбы с терроризмом. Такая эволюция отражала более широкую тенденцию к «нормализации» внешней политики Франции, ее адаптации к реалиям многополярного мира.

Если в начале 1990-х годов Россия воспринималась как страна, находящаяся в процессе демократического транзита, то к концу 1990-х – началу 2000-х годов она все чаще рассматривалась как авторитарное государство, использующее силовые методы для подавления сепаратизма.

С точки зрения постструктурализма, важно обратить внимание на то, как в официальном дискурсе Франции конструировался образ России и чеченского конфликта. Если в начале первой войны преобладали такие характеристики как «непропорциональное применение силы», «нарушения прав человека», то позднее на первый план вышли понятия «борьба с терроризмом», «обеспечение территориальной целостности».

Теория секьюритизации позволяет проследить, как чеченский конфликт постепенно переопределялся из гуманитарной проблемы в вопрос безопасности. Если в середине 1990-х годов французские политики говорили преимущественно о гуманитарных аспектах конфликта, то после 2001 года на первый план вышла тема борьбы с международным терроризмом.

Анализ эволюции официального дискурса Франции в отношении чеченских войн позволяет сделать следующие выводы:

1. Позиция Франции прошла путь от жесткой критики действий России в Чечне к более сдержанной и прагматичной позиции.
2. На формирование французского дискурса оказывали влияние как внутривнутриполитические факторы (смена правительств, рост угрозы терроризма во Франции), так и изменения в международной обстановке (теракты 11 сентября, общее ухудшение ситуации с безопасностью в мире).
3. Произошла постепенная секьюритизация чеченской проблемы во французском дискурсе – от восприятия конфликта преимущественно через призму прав человека к его рассмотрению в контексте борьбы с международным терроризмом.
4. Несмотря на изменение тона высказываний, некоторые ключевые темы оставались неизменными на протяжении всего рассматриваемого периода: призывы к политическому урегулированию, обеспечение гуманитарной ситуацией, акцент на соблюдении прав человека.
5. К концу 2000-х годов чеченский вопрос утратил роль главного раздражителя в российско-французских отношениях, уступив место другим темам (эконо-

мическое сотрудничество, взаимодействие в сфере международной безопасности).

Таким образом, анализ французского дискурса в отношении чеченских войн позволяет проследить, как Франция переосмысливала свою роль в меняющейся системе международных отношений. От амбиций глобального морального лидерства страна постепенно переходила к более прагматичной политике, основанной на балансе между ценностями и интересами.

Эволюция французского дискурса отражает более широкие тенденции в отношениях между Россией и Западом. От надежд на демократизацию России в 1990-е годы западные страны перешли к более прагматичному подходу, основанному на учете собственных интересов безопасности и экономического сотрудничества. При этом вопросы прав человека и демократических ценностей, хотя и сохранили свое значение, отошли на второй план.

Опыт чеченских войн оказал значительное влияние на восприятие России во Франции и продолжает учитываться при выстраивании французской политики на российском направлении. Вместе с тем, прагматизм и стремление к развитию взаимовыгодного сотрудничества стали преобладать над идеологическими разногласиями.

Данное исследование открывает ряд перспективных направлений для дальнейшего изучения:

1. Сравнительный анализ дискурса Франции и других западных стран в отношении чеченских войн, что позволит выявить общие тенденции и национальные особенности.
2. Изучение влияния чеченского вопроса на формирование общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза.
3. Анализ освещения чеченских войн во французских СМИ и его соотношения с официальным дискурсом.
4. Исследование роли неправительственных организаций и гражданского общества Франции в формировании позиции по чеченскому вопросу.
5. Рассмотрение влияния опыта чеченских войн на современную политику Франции в отношении других конфликтов на постсоветском пространстве.

Эти направления исследований могут способствовать более глубокому пониманию механизмов формирования внешнеполитического дискурса западных стран и факторов, влияющих на их отношения с Россией.

Заключение

В заключение следует отметить, что изучение официального дискурса Франции в отношении чеченских войн представляет не только академический интерес, но и имеет практическое значение для понимания современной динамики российско-французских и российско-европейских отношений. Опыт прошлых конфликтов и реакции на них продолжает влиять на восприятие России во Франции и других западных странах, что необходимо учитывать при анализе текущих международных процессов и прогнозировании их развития.

Анализ эволюции французского дискурса о чеченских войнах демонстрирует сложное взаимодействие идеалистических и прагматических мотивов во внешней политике Франции, а также отражает более широкие тенденции в трансформации отношений между Россией и Западом на рубеже XX–XXI веков.

Этот опыт оказал значительное влияние на формирование современной внешнеполитической идентичности Франции, в которой сочетаются элементы идеализма и реализма, стремление к продвижению демократиче-

ских ценностей и признание необходимости учитывать геополитические реалии.

Изучение этого процесса имеет важное значение для понимания не только французской внешней политики, но и более широких тенденций в эволюции международных отношений в постбиполярном мире.

Литература

1. Вендт, А. Социальная теория международной политики. М.: Прогресс-Традиция, 2015.
2. Кэмпбелл, Д. Написание безопасности: внешняя политика США и политика идентичности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016.
3. Лепри, Н. Франция и чеченский конфликт: эволюция позиции // Россия и современный мир. 2010. № 2. С. 78–92.
4. Нойманн, И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
5. Онуф, Н. Мир нашего созидания: правила и правовое правление в международных отношениях. М.: Весь мир, 2019.
6. Хансен, Л. Безопасность как практика: дискурс-анализ и боснийская война. М.: РОССПЭН, 2017.
7. Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998.
8. Conférence de presse conjointe de M. François Mitterrand, Président de la République, de M. Jacques Santer, Président de la Commission européenne, et de M. Edouard Balladur, Premier ministre, sur l'Europe sociale, les réseaux transeuropéens, l'Europe culturelle et sur les affaires extérieures, Algérie, Tchétchenie, Paris le 3 février 1995. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1995/02/03/conference-de-presse-conjointe-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-de-m-jacques-santer-president-de-la-commission-europeenne-et-de-m-edouard-balladur-premier-ministre-sur-leurope-sociale-les-reseaux-transeuropeens-leurope-cul> (Дата обращения: 01.12.2024).
9. Déclarations de M. Alain Juppé, ministre des affaires étrangères, sur les priorités de la France pour sa présidence de l'Union européenne et sur la situation en Tchétchénie, Lisbonne et La Haye le 16 janvier 1995, Rome et Dublin le 19, Copenhague le 20. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/220282-alain-juppe-16011995-presidence-de-lunion-europeenne-priorites> (Дата обращения: 01.12.2024).
10. Déclaration de M. Dominique de Villepin, Premier ministre, lors de la conférence de presse conjointe avec le Premier ministre de Russie, M. Mikhail Fradkov, sur le développement des relations économiques et culturelles entre la France et la Russie, l'approvisionnement énergétique et les relations internationales, Moscou le 14 février 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/160564-declaration-de-m-dominique-de-villepin-premier-ministre-lors-de-la-co> (Дата обращения: 01.12.2024).
11. Déclaration de M. Jacques Chirac, Président de la République, sur la proposition de suspendre de participation à l'OSCE tout pays usant de la force pour renverser la démocratie, sur les conséquences dramatiques de l'intervention russe en Tchétchénie, et la consolidation de la démocratie en Europe, Istanbul le 18 novembre 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elysee.fr>

- fr/jacques-chirac/1999/11/18/declaration-de-m-jacques-chirac-president-de-la-republique-sur-la-proposition-de-suspendre-de-participation-a-losce-tout-pays-usant-de-la-force-pour-renverser-la-democratie-sur-les-consequences-dramatiques-de-l'intervention-russe-en-tchetchenie-et (Дата обращения: 01.12.2024).
12. Facon, I. La politique étrangère de la Russie de Poutine. Paris: Armand Colin, 2008.
 13. Interview de M. Hubert Védrine, ministre des affaires étrangères, à LCP le 13 avril 2000, sur les relations bilatérales entre la France et la Russie, le conflit en Tchétchénie et l'intervention française au Kosovo. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/127011-interview-de-m-hubert-vedrine-ministre-des-affaires-etrangees-lcp> (Дата обращения: 04.12.2024).
 14. Message de M. Jacques Chirac, Président de la République, adressé à M. Vladimir Poutine à l'occasion de son élection à la Présidence de la Fédération de Russie, sur les inquiétudes suscitées par l'intervention russe en Tchétchénie, le sort de l'otage Brice Fleutiaux, les engagements pris par la Russie à Lisbonne pour un règlement politique du conflit et sur l'invitation officielle du président russe en France, Paris le 27 mars 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elysee.fr/jacques-chirac/2000/03/27/message-de-m-jacques-chirac-president-de-la-republique-adresse-a-m-vladimir-poutine-a-loccasion-de-son-election-a-la-presidence-de-la-federation-de-russie-sur-les-inquietudes-suscitees-par-l'intervention-russe-en-tchetchenie-le-sort-de-lotage-bri> (Дата обращения: 05.12.2024).
 15. Levesque, J. La Russie et son ex-empire: Reconfiguration géopolitique de l'ancien espace soviétique. Paris: Presses de Sciences Po, 2003.
4. Neumann I. Uses of the Other: The Eastern Images in the Formation of European Identities. Moscow: Novoe Izdatel'stvo, 2004.
 5. Onuf, N. The World We Have Built: Rules and Rule in International Relations. Moscow: Vesi Mir, 2019.
 6. Hansen L. Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War. London: Routledge, 2006. М.: РОССПЭН, 2017.
 7. Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998.
 8. Conférence de presse conjointe de M. François Mitterrand, Président de la République, de M. Jacques Santer, Président de la Commission européenne, et de M. Edouard Balladur, Premier ministre, sur l'Europe sociale, les réseaux transeuropéens, l'Europe culturelle et sur les affaires extérieures, Algérie, Tchétchénie, Paris le 3 février 1995. [Electronic resource]. URL: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1995/02/03/conference-de-presse-conjointe-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-de-m-jacques-santer-president-de-la-commission-europeenne-et-de-m-edouard-balladur-premier-ministre-sur-leurope-sociale-les-reseaux-transeuropeens-leurope-cul> (accessed: 01.12.2024).
 9. Déclarations de M. Alain Juppé, ministre des affaires étrangères, sur les priorités de la France pour sa présidence de l'Union européenne et sur la situation en Tchétchénie, Lisbonne et La Haye le 16 janvier 1995, Rome et Dublin le 19, Copenhague le 20. [Electronic resource]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/220282-alain-juppe-16011995-presidence-de-lunion-europeenne-priorites> (accessed: 01.12.2024).
 10. Déclaration de M. Dominique de Villepin, Premier ministre, lors de la conférence de presse conjointe avec le Premier ministre de Russie, M. Mikhail Fradkov, sur le développement des relations économiques et culturelles entre la France et la Russie, l'approvisionnement énergétique et les relations internationales, Moscou le 14 février 2006. [Electronic resource]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/160564-declaration-de-m-dominique-de-villepin-premier-ministre-lors-de-la-co> (accessed: 01.12.2024).
 11. Déclaration de M. Jacques Chirac, Président de la République, sur la proposition de suspendre de participation à l'OSCE tout pays usant de la force pour renverser la démocratie, sur les conséquences dramatiques de l'intervention russe en Tchétchénie, et la consolidation de la démocratie en Europe, Istanbul le 18 novembre 1999. [Electronic resource]. URL: <https://www.elysee.fr/jacques-chirac/1999/11/18/declaration-de-m-jacques-chirac-president-de-la-republique-sur-la-proposition-de-suspendre-de-participation-a-losce-tout-pays-usant-de-la-force-pour-renverser-la-democratie-sur-les-consequences-dramatiques-de-l'intervention-russe-en-tchetchenie-et> (accessed: 01.12.2024).
 12. Facon, I. La politique étrangère de la Russie de Poutine. Paris: Armand Colin, 2008.
 13. Interview de M. Hubert Védrine, ministre des affaires étrangères, à LCP le 13 avril 2000, sur les relations bilatérales entre la France et la Russie, le conflit en Tchétchénie et l'intervention française au Kosovo. [Electronic resource]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/127011-interview-de-m-hubert-vedrine-ministre-des-affaires-etrangees-lcp> (accessed: 04.12.2024).
 14. Message de M. Jacques Chirac, Président de la République, adressé à M. Vladimir Poutine à l'occasion de son élection à la Présidence de la Fédération de Russie, sur les inquiétudes suscitées par l'intervention russe en Tchétchénie, le sort de l'otage Brice Fleutiaux, les engagements pris par la Russie à Lisbonne pour un règlement politique du conflit et sur l'invitation officielle du président russe en France, Paris le 27 mars 2000. [Electronic resource]. URL: <https://www.elysee.fr/jacques-chirac/2000/03/27/message-de-m-jacques-chirac-president-de-la-republique-adresse-a-m-vladimir-poutine-a-loccasion-de-son-election-a-la-presidence-de-la-federation-de-russie-sur-les-inquietudes-suscitees-par-l'intervention-russe-en-tchetchenie-le-sort-de-lotage-bri> (accessed: 05.12.2024).
 15. Levesque, J. La Russie et son ex-empire: Reconfiguration géopolitique de l'ancien espace soviétique. Paris: Presses de Sciences Po, 2003.

THE CHECHEN WAR IN THE FRENCH OFFICIAL DISCOURSE

Khachatryan V.A.

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article analyzes the official French discourse on the first and second Chechen wars. The work examined the evolution of France's stance on the Chechen wars, as well as the impact of the Chechen wars on Franco-Russian relations by analyzing statements by French political leaders, diplomatic documents, and parliamentary debates. The aim of this study was to determine the main themes and arguments of the high-ranking French officials and to identify the factors that influenced the position of Paris. Particular attention is paid to the second Chechen war, since the events of this period were frequently discussed by Jacques Chirac and the ministers during his presidency and had the most negative impact on France's perception of Russia.

Keywords: Chechen war, France, foreign policy, political discourse, Russian-French relations.

References

1. Wendt A. Social Theory of International Politics. Moscow: Progress-Tradition, 2015.
2. Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. St. Petersburg: European University Press, 2016.
3. Lepri N. France and the Chechen Conflict: The Evolution of Its Position. Russia and the Contemporary World, 2010, no. 2, pp. 78–92.

4. Neumann I. Uses of the Other: The Eastern Images in the Formation of European Identities. Moscow: Novoe Izdatel'stvo, 2004.
5. Onuf, N. The World We Have Built: Rules and Rule in International Relations. Moscow: Vesi Mir, 2019.
6. Hansen L. Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War. London: Routledge, 2006. М.: РОССПЭН, 2017.
7. Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998.
8. Conférence de presse conjointe de M. François Mitterrand, Président de la République, de M. Jacques Santer, Président de la Commission européenne, et de M. Edouard Balladur, Premier ministre, sur l'Europe sociale, les réseaux transeuropéens, l'Europe culturelle et sur les affaires extérieures, Algérie, Tchétchénie, Paris le 3 février 1995. [Electronic resource]. URL: <https://www.elysee.fr/francois-mitterrand/1995/02/03/conference-de-presse-conjointe-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-de-m-jacques-santer-president-de-la-commission-europeenne-et-de-m-edouard-balladur-premier-ministre-sur-leurope-sociale-les-reseaux-transeuropeens-leurope-cul> (accessed: 01.12.2024).
9. Déclarations de M. Alain Juppé, ministre des affaires étrangères, sur les priorités de la France pour sa présidence de l'Union européenne et sur la situation en Tchétchénie, Lisbonne et La Haye le 16 janvier 1995, Rome et Dublin le 19, Copenhague le 20. [Electronic resource]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/220282-alain-juppe-16011995-presidence-de-lunion-europeenne-priorites> (accessed: 01.12.2024).
10. Déclaration de M. Dominique de Villepin, Premier ministre, lors de la conférence de presse conjointe avec le Premier ministre de Russie, M. Mikhail Fradkov, sur le développement des relations économiques et culturelles entre la France et la Russie, l'approvisionnement énergétique et les relations internationales, Moscou le 14 février 2006. [Electronic resource]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/160564-declaration-de-m-dominique-de-villepin-premier-ministre-lors-de-la-co> (accessed: 01.12.2024).
11. Déclaration de M. Jacques Chirac, Président de la République, sur la proposition de suspendre de participation à l'OSCE tout pays usant de la force pour renverser la démocratie, sur les conséquences dramatiques de l'intervention russe en Tchétchénie, et la consolidation de la démocratie en Europe, Istanbul le 18 novembre 1999. [Electronic resource]. URL: <https://www.elysee.fr/jacques-chirac/1999/11/18/declaration-de-m-jacques-chirac-president-de-la-republique-sur-la-proposition-de-suspendre-de-participation-a-losce-tout-pays-usant-de-la-force-pour-renverser-la-democratie-sur-les-consequences-dramatiques-de-l'intervention-russe-en-tchetchenie-et> (accessed: 01.12.2024).
12. Facon, I. La politique étrangère de la Russie de Poutine. Paris: Armand Colin, 2008.
13. Interview de M. Hubert Védrine, ministre des affaires étrangères, à LCP le 13 avril 2000, sur les relations bilatérales entre la France et la Russie, le conflit en Tchétchénie et l'intervention française au Kosovo. [Electronic resource]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/127011-interview-de-m-hubert-vedrine-ministre-des-affaires-etrangees-lcp> (accessed: 04.12.2024).
14. Message de M. Jacques Chirac, Président de la République, adressé à M. Vladimir Poutine à l'occasion de son élection à la Présidence de la Fédération de Russie, sur les inquiétudes suscitées par l'intervention russe en Tchétchénie, le sort de l'otage Brice Fleutiaux, les engagements pris par la Russie à Lisbonne pour un règlement politique du conflit et sur l'invitation officielle du président russe en France, Paris le 27 mars 2000. [Electronic resource]. URL: <https://www.elysee.fr/jacques-chirac/2000/03/27/message-de-m-jacques-chirac-president-de-la-republique-adresse-a-m-vladimir-poutine-a-loccasion-de-son-election-a-la-presidence-de-la-federation-de-russie-sur-les-inquietudes-suscitees-par-l'intervention-russe-en-tchetchenie-le-sort-de-lotage-bri> (accessed: 05.12.2024).
15. Levesque, J. La Russie et son ex-empire: Reconfiguration géopolitique de l'ancien espace soviétique. Paris: Presses de Sciences Po, 2003.

Речевые особенности выступлений В.В. Путина как элемент российской политической культуры

Цзи Нань,

магистр, Хэйлунцзянский университет

E-mail: 3081336170@qq.com

Выступления президента России Владимира Путина являются не только важными политическими заявками, но и ценным материалом для исследования в области стилистики и лингвистики. В данной статье рассматриваются речевые особенности публичных выступлений Путина, с акцентом на использование интонации, лексики и грамматических структур, а также стилистических фигур, таких как эпитеты, параллелизмы и многосюжие. Эти элементы оказывают значительное влияние на восприятие речи и помогают усилить эмоциональное воздействие на аудиторию. Используя это исследование, можно увидеть, что эмоции, выражаемые Путиным в его выступлениях, также различны по разным темам, но есть и сходства. Средства выражения и часто употребляемые стилистические фигуры, задействованные в выступлении Путина, имеют определенную закономерность, и они обладают определенными характеристиками как в выступлении, так и в стилистике. Использование стилистики делает статью более выразительной. Эта дипломная работа не только помогает изучающим иностранный язык повысить свой исследовательский интерес к официальным речам, но и имеет теоретическое и практическое значение для исследований в области стилистики.

Ключевые слова: публичное выступление, Владимир Путин, речевые особенности, стилистические средства, интонация, лексика

Введение

Выступления президента России Владимира Путина играют важную роль в политической и общественной жизни страны.[1] Его речи являются не только значимыми политическими заявлениями, но и важным материалом для изучающих русский язык. Путин известен как опытный оратор, его выступления привлекают внимание как в России, так и за рубежом. Анализ речевых особенностей его выступлений помогает углубить понимание языка, а также повысить интерес к исследованию официальной речи в области стилистики.

Актуальность выбранной темы заключается в необходимости анализа речевых особенностей выступлений Путина, что может способствовать улучшению качества преподавания русского языка как иностранного. Исследование этих особенностей имеет теоретическое и практическое значение для дальнейших исследований в области речевых практик и стилистики.

Целью работы является анализ речевых особенностей выступлений Путина. Методы исследования включают метод анализа литературы и метод конкретного случая. Объектом исследования являются публичные выступления президента Путина. Новизна исследования заключается в том, что в настоящее время в Китае и за рубежом крайне мало работ, посвященных анализу речевых особенностей выступлений Путина. В России также существуют отдельные работы, например, исследование Е.М. Владимировны «Опыт стилистического анализа на примере выступлений В.В. Путина», которое анализирует лексику речей в рамках стилистики.[2]

Анализ и значение для российской политической культуры

Выступления президента России Владимира Путина играют ключевую роль как внутри страны, так и в международной политике. Его речи не только отражают политическую линию государства, но и влияют на общественное мнение, становясь важным элементом российской политической культуры.[3]

Владимир Владимирович Путин, родившийся в 1952 году в Ленинграде, прошел долгий путь, начиная от службы в КГБ до поста президента России. Его лидерство в России оказалось знаковым для укрепления статуса страны на международной арене, восстановления государственной власти и защиты национальных интересов. Однако, помимо политических достижений, ключевым аспектом его образа является умение вести публичные выступления. Путин является не только политическим лидером, но и оратором, чьи речи привлекают внимание как в России, так и за рубежом. Его выступления стали важным символом национальной идентичности, являясь неотъемлемой частью общественной жизни страны. Зачастую его речь воспринимается не только как политическое заявление, но и как форма обращения к народу, в которой звучат важные для общества темы.[4]

Одной из самых известных традиций является новогоднее обращение Путина к гражданам России. Это выступление стало неотъемлемой частью российского

праздника, символизируя связь президента с народом. В своих новогодних речах Путин традиционно подводит итоги уходящего года и высказывает ожидания на будущее, выражая теплые пожелания всем россиянам. Эти выступления наполнены искренними словами, что позволяет создать атмосферу доверия и уверенности в завтрашнем дне.

Другой важной темой, которую Путин часто затрагивает в своих публичных выступлениях, является роль женщин в российском обществе. В частности, его выступление по случаю Международного женского дня всегда привлекает внимание. Путин подчеркивает значимость женщин как источника жизни и силы, символизируя их вклад в развитие страны. В своих речах он отмечает, что русские женщины играют особую роль в укреплении нации, особенно в исторических контекстах, таких как Великая Отечественная война, где дух женщин вдохновлял мужчин на победу.

Кроме того, в контексте внешней политики Путин активно затрагивает темы международных отношений и сотрудничества с другими странами. Примером могут служить его речи на форумах, таких как БРИКС или Шанхайская организация сотрудничества, где он обсуждает важные вопросы двустороннего сотрудничества, а также укрепление дружбы между Россией и Китаем.[5] Эти выступления имеют важное значение как для российской дипломатии, так и для укрепления связей с ключевыми партнерами на международной арене.

Таким образом, выступления Владимира Путина охватывают широкий спектр тем, от внутренних политических вопросов до международных отношений, что делает их важным инструментом для анализа и понимания текущей политической ситуации в России.

Интонация, ударение, лексика и грамматика как инструменты политического воздействия

Язык выступлений В.В. Путина представляет собой сложное сочетание различных элементов, которые служат для эффективного воздействия на аудиторию и отражают политические и эмоциональные аспекты речи. В данном разделе будут проанализированы три ключевых компонента речи: произношение, лексика и грамматика.

Произношение играет важную роль в передаче дополнительных эмоций и значений в выступлениях. Путин часто использует различные интонационные средства, чтобы подчеркнуть ключевые моменты, выразить чувства и воздействовать на слушателя.

Интонация – это манера произношения, определяющаяся изменением тона, громкости, скорости и ритма речи. В русском языке существует семь основных типов интонации, каждый из которых имеет специфическое назначение в контексте высказывания.[6] В речи Путина особенно ярко выражены интонации, используемые для усиления эмоционального воздействия.

Одним из ярких примеров является использование тона 5 в восклицательных предложениях. Это интонационное средство активно применяется для выражения уважения, патриотизма и вдохновения. Например, в речи Путина на военном параде 2022 года он использует фразы «Слава нашим доблестным Вооружённым Силам!», «За Россию!» и «Ура!», которые усиливают эмоциональное восприятие, подчеркивая героизм и преданность Родине.

Ударение в речи используется для акцентирования важнейших аспектов содержания. В речи Путина оно часто переносится на ключевые слова и фразы, что позволяет подчеркнуть важность определенных идей. Например, в высказывании «Испытания и беды обязатель-

но проходят. Так было всегда. А остаётся с нами главное...» – ударение на словах «главное», «любовь», «взаимопонимание» и «доверие» подчеркивает основные ценности, на которых строится будущее России.

Лексика играет важную роль в создании убедительности речи и в выражении эмоций. Путин активно использует аббревиатуры, пословицы и поговорки, а также оценочные слова, что делает его речь более яркой и выразительной.[7] Например, аббревиатуры, такие как БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), широко используются в контексте международных встреч, что помогает кратко и четко обозначить важные вопросы двустороннего сотрудничества.

Пример из речи Путина на встрече лидеров БРИКС:

«Тема нашего заседания сформулирована достаточно широко и включает вопросы развития стратегического партнёрства стран БРИКС в интересах глобальной стабильности и безопасности, а также обеспечения инновационного роста наших экономик.»

Использование аббревиатуры БРИКС позволяет кратко и чётко обозначить контекст встречи и политическую важность обсуждаемых вопросов.

Грамматические структуры в речи Путина используются для создания четкой и убедительной логики высказываний. Он активно применяет сложные синтаксические конструкции, чтобы усилить авторитетность и убедительность своих слов, а также придать речи большую выразительность.

Путин также активно использует поговорки и пословицы, такие как «Мы живем на земле, но мысли наши в небе», что помогает ему соединить традиционные народные ценности с актуальными политическими идеями, создавая эффект близости к народу и доверия.

В заключение, анализ средств выражения в речи В.В. Путина показывает, что его выступления представляют собой тщательно продуманную комбинацию интонации, ударений, лексических и грамматических средств, направленных на формирование образа сильного, решительного лидера.

Грамматические средства, такие как параллелизм, многосоюзие и личные местоимения, активно используются Путиным для усиления выразительности речи. Параллелизм помогает создать ритмичность и гармонию в тексте, а многосоюзие подчеркивает важность каждого элемента, что делает речь более динамичной и энергичной.

Пример использования многосоюзия из новогодней речи Путина:

«Он был наполнен волнениями, тревогами и переживаниями.»

Здесь многосоюзие помогает подчеркнуть всю полноту и сложность эмоций, которые испытывал народ в этот период, создавая ощущение единства и солидарности.

Речи Владимира Путина являются ярким примером эффективного использования языковых средств для передачи политических идей и воздействия на аудиторию. Интонация, ударение, лексика и грамматические структуры активно используются для усиления эмоционального воздействия и подчеркивания значимости ключевых идей. Эти элементы делают речь более убедительной и доступной для широкой аудитории, создавая образ национального лидера, который понимает нужды своего народа.

Семантическая лексика и грамматические конструкции

В выступлениях В.В. Путина язык играет важную роль не только в передаче информации, но и в формировании политических образов, а также в воздействии на ау-

диторию. Одним из ключевых средств для усиления выразительности речи является использование различных стилистических фигур, таких как эпитеты, метонимии, параллелизмы и многосоюзия. Эти фигуры помогают сделать выступления более яркими, эмоциональными и запоминающимися.

Лексика, являясь основным инструментом выражения, в речах Путина активно использует семантические средства для создания образности и усиления эмоционального воздействия. Одним из таких средств является эпитет, который позволяет акцентировать ключевые характеристики предмета или явления. Эпитеты не только добавляют яркости речи, но и помогают сформировать нужный эмоциональный фон, соответствующий контексту высказывания.[8] Например, в новогодней речи Путина 2008 года используются эпитеты “*добрый*” и “*жененный*” для описания наступающего Нового года. Эти слова не только придают празднику атмосферу тепла и надежды, но и создают у слушателей ощущение личного участия в ожидании лучшего будущего.

Метонимия, в свою очередь, усиливает образность и помогает сделать высказывания более насыщенными и многозначными. В речи Путина метонимия используется для того, чтобы представить нечто более общее или абстрактное через знакомые конкретные образы. Например, фраза “*Читая Пушкина, Толстого, Тургенева, мы учимся любить Родину*” не подразумевает дословного чтения произведений этих писателей, а означает усвоение их идей и ценностей, что в свою очередь помогает Путину подчеркнуть важность культурного наследия для формирования патриотических чувств и уважения к истории.

Грамматические конструкции в речах Путина служат для усиления выразительности и подчеркивания ключевых идей. Одним из наиболее распространенных средств является параллелизм – риторический прием, который помогает создать определенный ритм и усилить эмоциональную окраску высказывания. Например, в новогодней речи 2008 года Путин использует параллелизм в фразе: “*Всё, что достигнуто, было бы просто невозможно без вашей постоянной поддержки, без вашего доверия, без вашего прямого участия в возрождении страны.*” [9] Многократное повторение “*без*” акцентирует внимание на важности каждого компонента, создавая у слушателей впечатление, что без активного участия народа не было бы достигнуто никаких успехов.

Другим выразительным приемом является многосоюзие, когда в предложении используются несколько союзов для подчеркивания единства перечисляемых элементов. Это средство особенно эффективно для создания чувства единства и подчеркивания важности каждого аспекта. В новогодней речи 2023 года Путин использует многосоюзие в предложении: “*Он был наполнен волнениями, тревогами и переживаниями.*” Повторяющиеся “*и*” усиливают ощущение, что все эти эмоциональные переживания были неотъемлемой частью прошлого года, добавляя речи больше динамичности и эмоционального наполнения. В другом примере из этой же речи Путин использует три союза “*и*” в контексте описания многогранности действий народа в защиту Родины, что подчеркивает важность и единство всех этих усилий.

Таким образом, использование стилистических фигур в речах В.В. Путина играет важную роль в создании ярких, эмоционально насыщенных и убедительных высказываний. Эпитеты, метонимии, параллелизмы и многосоюзие служат не только для усиления выразительности речи, но и для формирования образа сильного и решительного лидера, способного воздействовать на аудиторию и вызывать у нее необходимую реакцию.

Заключение

В данной работе был проведен анализ речевых особенностей выступлений В.В. Путина, с акцентом на его интонационные, лексические и грамматические средства, которые способствуют эффективному воздействию на аудиторию. Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

Личный опыт Путина оказывает значительное влияние на его публичные выступления, что выражается как в манере подачи речи, так и в выборе лексических и грамматических средств. С точки зрения интонации, Путин активно использует интонацию типа 5, что характерно для восклицательных предложений, где важнейшую роль играют выражения патриотизма и вдохновения. Такой стиль интонации помогает подчеркивать ключевые моменты и эмоционально воздействовать на слушателей. Особенно выделяется использование междометий, таких как «Ура!», что способствует созданию общего эмоционального фона и усиливает вовлеченность аудитории.

Что касается лексики, выступления Путина отличаются богатым использованием аббревиатур, поговорок, пословиц и афоризмов. Эти средства не только обогащают содержание речи, но и сокращают дистанцию между говорящим и аудиторией, делая его более близким и доступным для восприятия. В частности, использование таких выражений помогает создать образ сильного и решительного лидера, который понимает и чувствует народ.

Грамматические аспекты речи также играют важную роль в усилении воздействия. Путин активно использует короткие формы, личные местоимения («мы»), а также деепричастия, что придает речи личностный характер и способствует более тесной связи с аудиторией. В дополнение, такие риторические средства, как эпитеты, параллелизмы и многосоюзие, делают его высказывания более динамичными и выразительными, позволяя добиться высокой убедительности и эмоциональной насыщенности.

Таким образом, язык публичных выступлений В.В. Путина можно охарактеризовать как простой для восприятия, но в то же время насыщенный выразительными средствами, что способствует его высокой эффективности. Использование интонации, лексических средств и грамматических конструкций создает многослойный эффект, благодаря которому речи Путина остаются актуальными и в памяти слушателей, а также воспринимаются как живые и непосредственные.

Литература

1. Марущак А.В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 93–96.
2. Ерещенко М.В., Кравченко Н.В. Опыт стилистического анализа текста (на примере выступления В.В. Путина) // Молодой ученый. 2016. № 7–4. С. 19–22.
3. Аслан Э. Роль языка СМИ при создании образа политика // Перспективы науки. 2015. № 12. С. 98–104.
4. Патоцка-Сигловы У. Механизм политических выступлений президента Владимира Путина (на материале послания от 25 апреля 2005 года) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2014. № 14. С. 18–26.
5. Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В. и др. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества //

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21, № 1. С. 7–33.

6. Хавронина С.А., Балыхина Т.М. Инновационный учебно-методический комплекс «Русский язык как иностранный». М.: РУДН, 2008. 198 с.
7. Лу Сяолань, Сюй Юпин. Анализ особенностей речей Путина с точки зрения риторики // Молодая литература. 2014. Т. 512, № 20. С. 144–145. (На китайском языке)
8. Ян Хуэй, Сюй Дэдай. Анализ особенностей речи президента Путина с точки зрения риторики – на примере публичных выступлений и заявлений Путина // Вестник Цзилиньского нормального университета. Издание по гуманитарным и социальным наукам. 2016. Т. 44, № 04. С. 62–67. (На китайском языке)
9. Иванова Н.Г. Способы выражения благодарности и похвалы в русском и английском языках // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2016. № 4. С. 59–63.

SPEECH FEATURES OF V.V. PUTIN'S PUBLIC ADDRESSES AS AN ELEMENT OF RUSSIAN POLITICAL CULTURE

Ji Nan

Heilongjiang University

The speeches of the President of Russia, Vladimir Putin, are not only significant political statements but also valuable material for research in the fields of stylistics and linguistics. This article examines the speech features of Putin's public addresses, with a focus on the use of intonation, vocabulary, and grammatical structures, as well as stylistic devices such as epithets, parallelism, and polysyndeton. These elements significantly influence the perception of the speech and enhance its emotional impact on the audience. The research shows that the emotions expressed by Putin in his speeches vary depending on the subject matter, but there are also commonalities. The means of expression and frequently used stylistic figures in Putin's speeches follow certain patterns, and they possess

specific characteristics both in the speech itself and in stylistics. The use of stylistic techniques adds expressiveness to the speech. This dissertation not only helps foreign language learners enhance their research interest in official speeches but also has theoretical and practical value for studies in the field of stylistics.

Keywords: Public Speech, Vladimir Putin, Speech Features, Stylistic Devices, Intonation, Vocabulary

References

1. Marushchak A.V. Political and social image of Russia in the American media space // Journalistic yearbook. 2012. No. 1. Pp. 93–96.
2. Ereshchenko M.V., Kravchenko N.V. Experience of stylistic analysis of the text (on the example of V.V. Putin's speech) // Young scientist. 2016. No. 7–4. Pp. 19–22.
3. Aslan E. The role of media language in creating the image of a politician // Prospects of science. 2015. No. 12. Pp. 98–104.
4. Patocka-Siglowy U. The mechanism of political speeches of President Vladimir Putin (based on the message of April 25, 2005) // Current issues of modern philology and journalism. 2014. No. 14. P. 18–26.
5. Meshkova T.A., Izotov V.S., Demidkina O.V., et al. The EAEU in a Changing Geopolitical Context: Priorities of International Cooperation // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2019. Vol. 21, No. 1. P. 7–33.
6. Khavronina S.A., Balykhina T.M. Innovative educational and methodological complex «Russian as a Foreign Language». Moscow: RUDN University, 2008. 198 p.
7. Lu Xiaolan, Xu Yuping. Analysis of the Features of Putin's Speeches from the Point of View of Rhetoric // Young Literature. 2014. Vol. 512, No. 20. P. 144–145. (In Chinese)
8. Yang Hui, Xu Dedai. Analysis of the Features of President Putin's Speech from the Point of View of Rhetoric – on the Example of Putin's Public Speeches and Statements // Bulletin of Jilin Normal University. Edition on Humanities and Social Sciences. 2016. Vol. 44, No. 04. Pp. 62–67. (In Chinese)
9. Ivanova N.G. Ways of Expressing Gratitude and Praise in Russian and English // Bulletin of the State Humanitarian and Technological University. 2016. No. 4. Pp. 59–63.

Влияние конкурирующих внешних сил на внутреннюю политику постсоветских государств и безопасность России

Карелин Вадим Олегович,

соискатель, Финансовый университет при Правительстве РФ

В статье исследуются наиболее актуальные вопросы влияния конкурирующих внешнеполитических и внешнеэкономических сил на внутреннюю политику постсоветских государств в контексте их воздействия на национальную безопасность Российской Федерации.

Автором изучены основные механизмы и инструменты, наиболее часто применяемые в рамках технологий установления внешнего политического контроля со стороны стран «коллективного Запада» за странами постсоветского пространства для осуществления непосредственного влияния на региональную, глобальную безопасность и политические процессы, участниками которых выступает Российская Федерация.

На основании проведенного исследования автором приводятся примеры и дается оценка противодействия внешним и внутренним угрозам национальной и экономической безопасности России.

Ключевые слова: политические технологии, национальная безопасность, постсоветские государства, экономическая безопасность, суверенитет, духовно-нравственные ценности.

В настоящее время Российская Федерация занимает 1/8 часть всей земной суши и 1/3 территории Евразии¹. Обладая обширными территориями и весомой ресурсной базой, Россия по праву занимает ведущее место в мировой политике, входя в двадцатку наиболее развитых стран с перспективными, динамичными и гибкими экономической и политической системами.

Как отмечается в текущей версии Стратегии национальной безопасности² военно-политическая обстановка в мире приобретает черты формирования новых глобальных и региональных центров силы, обострением борьбы между ними за сферы влияния.

В XXI веке Россия смогла приступить к процессу возвращения себе политического веса на мировой арене и противостоять деструктивным политическим и экономическим процессам, направленным на разрушение ее суверенитета, исторической самобытности и духовно-нравственных ценностей, формировавшихся веками.

На современном этапе Российская Федерация – это федеративное государство, характеризующееся разнообразием социальной и культурной жизни общества, с национальными традициями и этническим разнообразием населения.

С момента распада Советского Союза в 1991 году у России, в целом, сохранились позитивные и экономические выгодные отношения со многими республиками, ранее входившими в состав СССР. Во многом, это обусловлено сложившимися традициями и укрепившимися дружественными отношениями с постсоветскими странами, включая совместные геополитические интересы, экономические выгоды и преференции, духовно-нравственные основы и социокультурное развитие.

В рамках международного сотрудничества обеспечивается не только экономическое развитие, но и укрепляется обороноспособность государств, их противодействие глобальным экономическим кризисам, транснациональной преступности, формируются стабильные экономические связи и организуется международная торговля.

Одним из таких международных объединений, имеющих высокий потенциал, выступает Шанхайская организация сотрудничества, где наравне с Российской Федерацией, Китаем, Индией и Пакистаном полноправными членами выступают Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан.

Основными целями Шанхайской организации являются:

¹ Калущков В.Н. География России: учебник и практикум для вузов / В.Н. Калущков. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 305 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-16135-9.

² См. Гл. II Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400

1) укрепление взаимного доверия, дружбы и добрососедства между государствами-членами;

2) сотрудничество в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях, в сфере образования, энергетики, транспорта, туризма, охраны окружающей среды и пр.;

3) совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе;

4) продвижение к установлению демократического, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка.

В рамках Шанхайской организации сотрудничества вооруженными силами государств-членов проводятся совместные военные учения, основными приоритетами которых выступают поддержание региональной безопасности, противодействие террористическим угрозам и экстремизму; осуществляется совместная правоохранительная деятельность по борьбе с трансграничной преступностью и противодействием наркотрафику; совершенствуется система информационной безопасности, разрешаются глобальные проблемы миграции; происходит научно-технический и культурный обмен, совершенствуются образовательные и просветительские программы.

Перспективными выглядят развитие внешнеэкономических отношений и международной торговли в рамках объединения стран в системе БРИКС. По состоянию на декабрь 2024 года членами БРИКС являются Бразилия, Египет, Индия, Иран, Китай, ОАЭ, Российская Федерация, Эфиопия и ЮАР. Однако, на последнем саммите стран-членов БРИКС, проходившем в Казани летом 2024 года статус стран – партнеров БРИКС получили 13 государств, в числе которых Белоруссия, Казахстан и Узбекистан.

БРИКС обладает высоким экономическим потенциалом и является полноправным участником международных экономических отношений, основными приоритетами которого выступают взаиморасчеты между странами-членами в национальных валютах (дедолларизация экономики), внедрение цифровых технологий в экономический сектор, создание пула валютных резервов, взаимодействие в области инноваций, коллективная продовольственная безопасность, внедрение передовой трансграничной системы расчетов и диверсификация инвестиционных портфелей, что по мнению Международного валютного фонда¹ до 2029 года будет способствовать влиянию БРИКС на мировую экономику, снижая в ней вклад западных стран, входящих в группу G7.

Согласно данным Всемирного банка, по итогам 2021 года Россия заняла четвертое место среди экономик мира по ППС. По этому показателю ВВП страны достиг \$5,7 трлн, а вклад в мировую экономику составил 3,8%. В 2022 году Всемирный банк поставил Россию на пятое место с \$5,3 трлн и долей в мировом ВВП в 3,25%.

Только в 2024 году Всемирный банк трижды улучшал прогноз по росту ВВП России: ожидается, что он составит 3,2%. В следующем году, предполагает организация, рост составит 1,6%, а в 2026-м – 1,1%².

¹ Официальный сайт издательства РБК. МВФ спрогнозировал большую зависимость мирового ВВП от БРИКС, чем G7. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/10/2024/6719733e9a79477ee7da38f3>

² Официальный сайт издательства РБК. Всемирный банк вновь улучшил прогноз по росту ВВП России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/17/10/2024/67115a9f9a794744a38ec00a?from=materials_on_subject

Таким образом, Российская Федерация в последние годы вернула себе передовую роль важного геополитического игрока, способного не только противостоять внешним и внутренним негативным воздействиям, но и представлять свои интересы в важнейших международных политических и экономических институтах.

В условиях глобального экономического противостояния в последнее десятилетие неоднократно с позиций геополитических противников России – стран, причисляющих себя к «коллективному Западу», – усиливались попытки подавления ее экономического и военного потенциала, дискредитации ее политической системы и суверенитета, посредством реализации различных политических технологий³, мер экономического давления и воздействия на духовно-нравственную сферу, представляя угрозы для национальной безопасности и развития современного российского общества.

Одной из основных целей воздействия на государственный суверенитет Российской Федерации выступило так называемое прокси-воздействие на приграничные России регионы.

В рамках прокси-кампаний против стратегических партнеров России из числа постсоветских стран применялись методики политического манипулирования и воздействия на общественное сознание населения.

Так, в процессе внешнего политического вмешательства в отношении многих стран применялись поступательные действия, направленные на усиление массовой пропаганды со стороны прозападных сил, действующих по указке зарубежных политических и разведывательных структур, основанные на классической системе «кнута и пряника», применяя сначала системы «мягкого» воздействия путем насаждения чуждой идеологии, размытия культурно-нравственных и духовных ценностей общества, чуждой системы взглядов.

Во многом, данная система внешнего воздействия включает методики психологического манипулирования, завязанные на общественном осознанном, и реализуются посредством уменьшения информации среди населения, усилении системы массовой пропаганды, посредством переизбытка информации, не имеющей смыслового значения, и информационного шума с целью отвлечения населения от общественно-политической жизни страны и воспрепятствованию формированию стойкого гражданского общества. Нередко для дискредитации власти могут применяться технологии лингвистических ловушек и лингвистических дериваций.

Посредством лингвистических ловушек общественности преподносится искаженная, нужная для внешнего управления, оценка событиям в стране, формируется неприязнь к собственной культуре, традициям, развивается ксенофобия, насаждается вражда по мотивам расовой и этнической принадлежности, разрушаются духовно-нравственные ценности и религиозные представления.

Применение современных информационных технологий и использование информационно-телекоммуникационных сетей, в т.ч. сети Интернет, дают возможность для применения дистанционных политтехнологий для манипулирования общественным сознанием, к числу которых можно отнести:

1) «кликбейт»-технологии, т.е. распространение информации посредством размещения в информационно-телекоммуникационном пространстве заведомо ложных сведений, привлекающих внимание масс визуально –

³ Терехов М.Г. Роль определения гражданско-правового режима цифровых активов в обеспечении национальной безопасности государств-членов ОДКБ // Защитник закона. 2022. № 13. С. 139–151.

через названия, изображения, посредством видеоматериалов, распространяющихся среди пользователей;

2) «сокпаппетинг», неэтичную политехнологию, посредством которой осуществляется искусственное нагнетание ажиотажа в Интернете с помощью клонов или интернет-ботов, что позволяет привлечь на ресурс, распространяющий информацию, имеющую признаки «политической ловушки» и предназначенную для манипулирования общественным мнением;

3) «гринвошинг», технологию, принятую в маркетинге, распространяющую сведения, направленные на так называемый «зеленый» пиар и оправдание снижения зависимости от традиционной энергетики, основной целью которой выступает подрыв единой системы энергоресурсов и торговых отношений со странами, подобные ресурсы поставляющими;

4) «фейк-технологии», направленные на распространение заведомо ложной информации о действиях органов государственной власти государства или государств-партнеров (например, дискредитация Вооруженных Сил Российской Федерации в Интернете);

5) цензуру в сети Интернет и прочие меры по установлению внешнего контроля в области связи и информации.

Посредством политических дериваций внедряются новые термины в политический лексикон, подбираются понятия, способные произвести необходимое впечатление на общественность (политическая номинация).

Порой, этих технологий достаточно для формирования нового мировоззрения населения и внедрения в культуру и общество зарубежных, прежде чуждых, ценностей, уничтожения суверенитета и независимости. Осуществляемая политика в отношении постсоветских стран, ориентированная исключительно на западные ценности, ксенофобию, искоренение исторической памяти и самоопределения народов, нашла выражение в уничтожении исторических памятников, развитии национализма (например, в странах Прибалтики, Украине), культурной нетерпимости, воспитании подрастающего поколения в духе других, не собственных нации, интересов и ценностей, посредством искажения истории, снижения роли национального языка (приоритет английского языка), подмены понятий, полного разрыва торгово-экономических связей, открытом допущении внешнего управления, в частности, посредством вмешательства в демократические выборы или целевом избрании президента страны, имеющего гражданство другого государства, – так, президент Молдавии Майя Санду состоит в гражданстве Румынии, а президент Грузии Саломе Зурабишвили – гражданка Франции.

В подтверждение доводов, только в 2024 г. Молдова сократила объем торговых отношений с Россией до 3% от общего объема внешней торговли с 75% в 2009 г. Одновременно отмечается наращивание страной военного бюджета и вооружений с усилением взаимодействия молдавского государства в военной сфере со странами ЕС, США и военным блоком НАТО, фактически превращаясь в «антироссийский плацдарм» по примеру Украины¹.

Кроме того, прошедшие в 2024 году выборы президента показали, что система внешнего управления Молдовой со стороны стран Запада достигла максимального значения, путем ограничения граждан республики в свободе волеизъявления – в Российскую Федерацию, где находится более 500 тыс. граждан республики было предоставлено только 10 тыс. бюллетеней, при этом в стра-

¹ Молдавия сократила внешние торговые отношения с Российской Федерацией до 3% [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6651673>

ны Евросоюза, Канады и США – объемы, значительно превышающие количество пребывающих в этих странах граждан Молдавии².

Пример показателен тем, что подобным образом устанавливается политическая и экономическая зависимость государства от внешнего управления и размывается его суверенитет.

При невозможности реализации «политики мягкой силы» по внедрению чуждого в общественное сознание применяется следующий этап внешнего вмешательства, направленный на раскачивание внутренних политических сил в стране, заставляющий посредством ранее использованных политических технологий, организовать прокси-вмешательство с целью достижения целей использования страны, на которые оно направлено в интересах третьих стран. Данное вмешательство может быть организовано посредством усиления роли иностранных спецслужб и их вмешательства в политическую жизнь, контроля средств массовой информации государства, осуществляемого через иностранные некоммерческие организации, спонсирование и понуждение к акциям прямого действия, выражающимся в применении насилия к представителям государственной власти, погромам, массовым беспорядкам и иным правонарушениям.

В марте 2005 года была организована «Тюльпановая революция» в Кыргызстане, приведшая к нарушениям общественного порядка и закончившаяся свержением президента республики Аслана Акаева, с последующим установлением прозападного политического курса в стране. По аналогичному пути проследовали Украина в 2004–2005 («Оранжевая революция») и 2014 г. («Евромайдан»), Грузия в 2003 г. («Революция роз»).

Одной из приоритетных методик геополитического влияния на суверенитет и безопасность страны выступает, безусловно, военная экспансия.

Только с 2014 года [с момента возвращения Крыма в состав Российской Федерации и усиления сферы влияния России в черноморском регионе]кратно увеличилось военное опасности и угрозы для Российской Федерации, прежде всего, посредством усиления попыток силового давления на Россию, ее союзников и партнеров, наращивания военной инфраструктуры Организации Североатлантического договора вблизи российских границ, активизация разведывательной деятельности, отработки применения против Российской Федерации крупных военных формирований и ядерного оружия³.

В отсутствие прямой военной конфронтации все чаще в отношении России используются так называемые прокси-инциденты, «разжигаются» исторически сложившиеся конфликты в приграничных или дружественных регионах – например, конфликты в Приднестровье и Нагорном Карабахе.

Ярким примером подобного вмешательства выступает Украина, прошедшая с начала 2000-х гг. все этапы внешнего вмешательства во внутренние дела и полностью растерявшая свой национальный суверенитет и идентичность. Рост национализма приводит к ксенофобии и геноциду. Так, с 2014 по 2022 гг. украинским руководством под предлогом антитеррористических мер осуществлялась политика по установлению контроля за населенными русскоязычными гражданами регионами, сопровождавшаяся усиливающейся «накачкой

² Агентство РИА Новости. Официальный сайт. МИД: на 500 тысяч граждан Молдавии в России есть десять тысяч бюллетеней. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20241016/zaharova-1978272250.html>

³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», пп. 34–35.

оружием» странами Запада киевской администрации и полным уничтожением духовно-нравственных ценностей украинского народа (например, посредством реабилитации нацизма или гонений, предпринятых против последователей Украинской православной церкви).

Активная милитаризация Украины, при поддержке стран, входящих в блок НАТО, привела к расцвету на ее территории неофашистских движений и реваншистских настроений, запрету русской культуры, языка и традиций на территории современной Украины, систематические этнические чистки и уничтожение русскоязычного населения на ее территории.

Угроза сложившейся национальной безопасности Российской Федерации и прямой геноцид русского народа в Украине вынудили Президента Российской Федерации В.В. Путина начать специальную военную операцию по денацификации и демилитаризации Украины.

«Мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации», – отметил Президент в своем обращении к гражданам России¹.

В качестве дополнительных инструментов глобального противостояния России и установления гегемонии в евроазиатском регионе против Российской Федерации также используются новые санкционные рычаги давления на суверенитет и экономику России, основными целями которых являются подрыв национальной экономики, снижение военного потенциала и раскачивание внутренних конфликтов вследствие курса, направленного на снижение ликвидности рубля и кризиса банковского сектора.

В условиях прокси-вооруженного вмешательства в геополитику региона, а также эскалации вооруженного конфликта вследствие решения западных стран (Франции, Великобритании и США) о «разрешении» нанесения ударов (фактически – о непосредственном участии этих стран в нанесении таких ударов) вглубь территории России с применением высокоточных дальнобойных ракет, в том числе баллистических², 19 ноября 2024 года Президентом Российской Федерации была изменена ядерная доктрина России³, согласно которой в целях защиты интересов государства от внешнего военного воздействия, были определены новые критические вызовы для национальной безопасности, а также расширен перечень обстоятельств, при которых может быть применен ядерный арсенал или тактическое ядерное оружие.

Впервые в Доктрине в качестве участника ядерного сдерживания и защиты была указана Белоруссия.

Так, в соответствии с п. 18 Доктрины Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и (или) других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации и (или) Республики Белоруссия как участников Союзного государства с применением обыч-

ного оружия, создающей критическую угрозу их суверенитету и (или) территориальной целостности.

Текущая политическая ситуация показывает, что существующая система международных договоров и системы обеспечения мировой безопасности в нынешней внешнеполитической обстановке показала свою неспособность и некомпетентность.

В связи с этим наравне с применяемыми мерами в рамках Стратегии национальной безопасности⁴ назрела необходимость в совершенствовании механизмов поддержания мировой и национальной безопасности.

Как показывает практика, перспективным направлением для достижения вышеупомянутых целей, является заключение коллективных договоров безопасности. Одним из примеров подобной коллаборации выступает Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ).

В данном контексте под коллективной безопасностью понимается «состояние защищенности коллективных интересов членов ОДКБ, которое позволяет обеспечить независимость, территориальную целостность, суверенитет, обороноспособность и защиту от угроз каждому из государств-членов ОДКБ на основе координации и осуществления совместной деятельности»⁵.

Основопологающими направлениями деятельности ОДКБ выступают: предотвращение и устранение угрозы миру; локализация и деэскалация войн и военных конфликтов, обеспечение стабильности военнополитического пространства; защита от вооруженных нападений в отношении членов ОДКБ; противодействие вызовам и угрозам безопасности; обеспечение гарантированной защиты национальных и коллективных интересов, суверенитета и территориальной целостности государств⁶.

В своей деятельности ОДКБ руководствуется установленными международными принципами, которые отражены в стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года⁷. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин⁸ отметил, что «совместная работа в рамках ОДКБ приносит видимую практическую отдачу, помогает обеспечить защиту национальных интересов, суверенитета и независимость входящих в Организацию».

Исключительно с помощью консолидации усилий, ресурсов и стратегического партнерства государств-членов ОДКБ уже сейчас удастся достичь целей коллективной безопасности. Только путем укрепления национальной безопасности и согласованными действиями каждого члена ОДКБ возможно обеспечение глобальной безопасности и поддержание мирового порядка. В рамках ОДКБ сформированы Коллективные силы быстрого развертывания Центральноазиатского региона, авиа-

⁴ См. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

⁵ Решение Совета коллективной безопасности Организации договора о коллективной безопасности от 14.10.2016 г. «Стратегия о коллективной безопасности на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://jscsto.org/upload/iblock/8fb/8fb1080ee5c6d7ede7ea3b1802ca0c3d.pdf>.

⁶ Официальный сайт ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/16408427>

⁷ Решение Совета коллективной безопасности Организации договора о коллективной безопасности от 14.10.2016 г. «Стратегия о коллективной безопасности на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://jscsto.org/upload/iblock/8fb/8fb1080ee5c6d7ede7ea3b1802ca0c3d.pdf>

⁸ Официальный сайт ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/16408427>.

¹ Официальный сайт Российской газеты. Владимир Путин объявил о специальной военной операции в Донбассе [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/02/24/vladimir-putin-soobshchil-o-specialnoj-voennoj-operacii-v-donbasse.html>

² Официальный сайт РИА-Новости. СМИ: Франция и Британия вслед за США разрешили Украине бить вглубь России [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20241117/rakety-1984294259.html>

³ См. Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания».

ционные силы и силы оперативного реагирования, миротворческие подразделения, которые оказывают поддержку союзным государствам в вопросах поддержания мира и безопасности.

23 ноября 2022 г. Советом коллективной безопасности принято решение «об оснащении Миротворческих сил ОДКБ современными вооружением, военной и специальной техникой, формировании радиационной, химической и биологической защиты и медицинского обеспечения ОДКБ»¹. При этом, даже в условиях официальных встреч в рамках ОДКБ рядом недружественных стран, внимательно следящих за их ходом, применяются неэтичные политические технологии, направленные на подрыв авторитета стран, входящих в них и продвижение откровенно экстремистской идеологии.

Тогда же, в ноябре 2022 г. в рамках съезда ОДКБ в Армении по «западной указке» были организованы массовые акции протестов, направленные на срыв переговоров. Это, безусловно, вызывает опасения, поскольку конфронтация уже сейчас является достаточно сильной [особенно в условиях текущей политики Армении], с другой – применение миротворческого контингента ОДКБ в Казахстане в ходе нарастания напряженности и попытки переворота в январе 2022 года показала свою состоятельность, что подтверждает стратегическую и практическую значимость подобного альянса.

Практика показала, что организация договоров коллективной безопасности среди стран союзников позволит обеспечить плодотворное взаимодействие Министерств иностранных дел, Министерств обороны, советов безопасности, парламентов и иных силовых ведомств, отвечающих за безопасность, среди стран-партнеров в достижении общих целей военного сотрудничества и коллективной безопасности.

Уникальность ОДКБ (в отличие от блока НАТО) заключается в отсутствии создания самостоятельного блока, а участники договора согласовывают действия с целью коллективной безопасности, предоставляя партнерам военную помощь, политические консультации, посредничество высокого уровня. К тому же, в отличие от стратегии стран, входящих в Североатлантический Альянс, страны-партнеры в рамках ОДКБ ставят основной целью не военное сдерживание потенциальных противников путем расширения сфер влияния и эскалации конфликтов, а защиту национального суверенитета и безопасность от внутренних и внешних угроз, что подчеркивает значимость и перспективность подобных коллективных действий.

Проведенное исследование показало, что региональная и глобальная безопасность являются неотделимыми друг от друга элементами национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе.

Партнерство в военно-технической сфере выступает важным инструментом установления безопасности как в приграничных регионах, так и для глобальной безопасности. Политика Российской Федерации лежит в плоскости построения оборонных союзов, не предусматривающих экспансию и вмешательство в дела других стран, противодействие террористическим угрозам и транснациональной организованной преступности, что привлекает в подобные блоки все больше стран Азии, Глобального Юга и стран-партнеров из числа государств постсоветского пространства.

Также, немаловажное значение имеют и иные перспективы, связанные с развитием инноваций в экономике и развитием партнерских отношений в области меж-

дународной торговли, развития банковского сектора и повышения престижа национальных валют.

Политика Российской Федерации, направленная на коллаборацию с партнерами из числа дружественных постсоветских стран, показала свою действенность и важность на текущем этапе геополитического развития.

Литература

1. Кабылинский, Б.В. Модель и технологии разрешения политических конфликтов в современной России: текущее состояние и перспективы // *Власть*. – 2013. – № 4. – С. 059–062
2. Малишевский Н.Н. Политические технологии как вид информационных технологий // *Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании: сборник научных статей: в 4х томах, Санкт-Петербург, 24–25 февраля 2021 года. Том 3. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, 2021. С. 511–516.*
3. Овчинский А.С. Борьба с деструктивными идеологиями в цифровом мире // *Противодействие терроризму и экстремизму в информационных сферах: Сборник научных статей, Москва, 26 ноября 2021 года. Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 29–35.*
4. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций») // *Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. 433 с.*
5. Сундиев И.Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социально-политические аспекты проблемы: Монография. М.: ВНИИ МВД России, 2008. 114 с.
6. Терехов М.Г. Роль определения гражданско-правового режима цифровых активов в обеспечении национальной безопасности государств-членов ОДКБ // *Защитник закона. 2022. № 13. С. 139–151.*

THE IMPACT OF COMPETING EXTERNAL FORCES ON THE DOMESTIC POLICY OF POST-SOVIET STATES AND RUSSIA'S SECURITY

Karelin V.O.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the most pressing issues of the influence of competing foreign policy and foreign economic forces on the domestic policy of post-Soviet states in the context of their impact on the national security of the Russian Federation.

The author has studied the main mechanisms and tools most often used in the framework of technologies for establishing external political control by the countries of the “collective West” over the countries of the post-Soviet space to directly influence regional, global security and political processes in which the Russian Federation is a participant.

Based on the research, the author provides examples and assesses counteraction to external and internal threats to Russia's national and economic security.

Keywords: political technologies, national security, post-Soviet states, economic security, sovereignty, spiritual and moral values.

References

1. Kabylin, B.V. Model and technologies for resolving political conflicts in modern Russia: current state and prospects // *Power*. – 2013. – No. 4. – P. 059–062
2. Malishevsky N.N. Political technologies as a type of information technology // *Actual problems of infotelecommunications in science and education: collection of scientific articles: in 4*

¹ Официальный сайт Объединенного штаба ОДКБ. [Электронный ресурс]. URL: <https://jscsto.org/news/10270/>.

- volumes, St. Petersburg, February 24–25, 2021. Volume 3. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Telecommunications named after prof. M.A. Bonch-Bruевич, 2021. P. 511–516.
3. Ovchinsky A.S. Fight against destructive ideologies in the digital world // Counteracting terrorism and extremism in the information spheres: Collection of scientific articles, Moscow, November 26, 2021. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, 2021. P. 29–35.
 4. Sundiev I.Yu., Smirnov A.A. Theory and technologies of social destruction (on the example of “color revolutions”) // Russian Biographical Institute, Institute of Economic Strategies, 2016. 433 p.
 5. Sundiev I. Yu. Terrorist invasion: criminological and socio-political aspects of the problem: Monograph. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 114 p.
 6. Terekhov M.G. The role of determining the civil-legal regime of digital assets in ensuring the national security of the CSTO member states // Defender of the law. 2022. No. 13. P. 139–151.

Взаимное влияние и взаимообусловленность основ развития процессов глобализации и регионализации

Полякова Анна Николаевна,

старший преподаватель кафедры английского языка № 6
МГИМО МИД России
E-mail: Polyakovaan24@gmail.com

Международная политическая практика свидетельствует о нарастающем влиянии региональных процессов на международные отношения. Происходит «отмирание» устоявшихся моделей взаимодействия и поиск новых. В статье анализируются общие тенденции и теоретические аспекты «нового регионализма», который обуславливает появление новых моделей интеграционного взаимодействия государств. Выявляется взаимозависимость процессов глобализации и регионализации. Отмечаются противоречивые стороны процесса регионализации, включая как положительные аспекты, такие как экономический рост и политическая стабильность, так и негативные, связанные с неравномерным развитием и потенциальными конфликтами интересов. В заключение делается вывод о взаимообусловленности и взаимовлиянии глобализации и регионализации, а также о важности актуальных исследований этих процессов для понимания их перспектив в контексте международных отношений.

Ключевые слова: регионализация, регион, регионалистские системы, межрегионализм, глобализация, интеррегионализм, макрорегион, миниглобализация.

Общий анализ политико-философских концепций глобализации второй половины XX века и современных концепций регионализации, наталкивает на ряд общих для этих явлений тенденций и характеристик. Причем исходный посыл и практические исходные данные остаются в рамках, порой, совершенно противоположных позиций. Самый общий посыл глобализации в максимально упрощённом виде, заключается в постепенной, всеохватывающей унификации социально-политических, идейно-теоретических, экономических, культурологических и иных стандартов в общемировом масштабе. Ярким примером процесса глобализации принято считать процесс формализации и иное назначение государственной границы (ЕС), в сравнении изначальным предназначением с момента формирования Вестфальской системы. Вместе с тем, в рамках этих «гиперглобализованных» пространств остаются анклав, в которых происходят явно антиглобально направленные процессы и явления, антиимпульс которых становится сильнее при возрастании влияния глобалистских тенденций. Подтверждением сложности, многогранности и многоаспектности описываемых явлений, говорит тот факт, что традиционные научные дисциплины геополитики, международных отношений и регионоведения, в последние десятилетия, через междисциплинарные подходы трансформировались в более сложные и предметные направления в рамках обозначенных направлений. Эти дисциплины становятся все более важными для понимания и анализа современной мировой политики. Они позволяют оценить взаимодействие различных региональных и субрегиональных акторов, их стратегии и интересы, а также возможные сценарии развития. К примеру, в рамках комплексного сравнительного регионоведения можно говорить о том, что многие концепции классической геополитической науки подвергнуты сомнению, равно как и отмечаются корреляции с наиболее поздними наработками. Появление таких дисциплин как сравнительный макрорегиональный политический анализ и кроссрегиональный политический анализ свидетельствуют одновременно о том, что наука в целом усложняется/детализируется, а также появляются новые факторы и тенденции, требующие описания и изучения. В обозначаемом контексте нельзя не отметить встречные тенденции. В условиях изменяющегося мирового порядка актуальными становятся исследования региональных конфликтов, интеграционных процессов, политических трансформаций и влияния региональных факторов на глобальную политику. В целом, следует отметить, что происходит глобальная трансформация всей системы международных отношений. По мнению одного из ведущих российских исследователей процессов регионализации Воскресенского А.Д. определяющее и значимое влияние имеют вопросы, связанные с перераспределением функциональных ролей ключевых акторов, связанные с этим новые внутрорегиональные взаимодействия на метарегиональном уровне которые, «будут определять контуры нового регионального порядка второй четверти XXI в. и характер системы глобального управления» [1]. Таким образом, изучение региональной политики и региональных дисциплин становится ключе-

вым компонентом анализа современных международных отношений и глобальной стабильности.

Трудность в фиксации и построения доказательной базы вышеприведенной гипотезы, заключается в множественности методологических и идейно-теоретических подходов в описании процессов регионализации и глобализации. Учитывая вариативность и многоаспектность описываемых явлений, попытаемся вернуться к изначальным дефинициям наиболее восприимчивым к глобализации: этничности, государству, религии, экономике, культуре и проч. Воскресенский А.Д., в своей попытке описать типологию регионалистских систем и тенденций, отчасти затрагивает обозначаемые вопросы: «...понятия регионализма и регионализации могут выступать в качестве синонимов, подчеркивая взаимозависимость стран и выход ряда страновых проблем за рамки национальных государств, но на региональном уровне, а могут – в качестве разных, лишь частично совпадающих понятий (в частности, в экономической и международно-политической области). В этом случае международный регионализм («макрорегионализм» или «мини-глобализация») выступает в качестве реализации национальных интересов на новом, более высоком, чем локальный или страновой уровень, но в региональных рамках» [1]. Идея и процесс глобализации, в своем рассмотрении стали возможными только на основе анализа общемировых, международных процессов. В то же время, результаты и последствия глобалистских явлений и феноменов, преимущественно фиксируются на страновом и региональном уровнях. Такого рода двойственность/дихотомии можно наблюдать и в большей части общетеоретических исследований практики международного взаимодействия. Само по себе существование региональной специфики в международных отношениях, которая не всегда укладывается в рамки существующих глобальных моделей, обосновывает необходимость учета «автономии» региональных подсистем, проявляющуюся в частных закономерностях, отличных от глобальных трендов. Эти частные закономерности объясняются влиянием различных факторов, которые условно можно подразделить: на географические факторы (географическое положение, наличие природных ресурсов, особенности ландшафта); территориально-экономические факторы (уровень экономического развития, структура экономики, торговые связи внутри региона); цивилизационные и культурные факторы (общие культурные ценности, исторические связи, религиозные верования); этнопсихологические и этноконфессиональные факторы (национальные характеры, этнические конфликты, религиозная принадлежность). Все вместе взятое указывает на необходимость разработки новых концептуальных подходов, способных объяснить и описать подобную региональную специфику и её взаимодействие с глобальными процессами. Существующие глобальные модели, по мнению большинства исследователей, недостаточны для понимания сложности международных отношений, соответственно следует учитывать не только глобальные взаимодействия, но и «частные закономерности», обусловленные уникальными характеристиками отдельных регионов.

На данном этапе развития политической науки, возможно сгруппировать и выделить направления, исследующие все усложняющуюся взаимосвязь между глобальными и региональными процессами. В частности, очевидной является взаимозависимость глобального и регионального уровней. Глобализация и региональные процессы находятся в постоянном взаимодействии и взаимном влиянии. Региональные события могут иметь глобальные последствия, а глобальные тренды

могут абсолютно по-разному проявляться в регионах. Как было показано выше, стремительно происходит изменение роли самих региональных процессов. Региональные процессы приобретают все большее значение и влияют на глобальный уровень. Они могут выступать как альтернатива глобальным процессам, способствовать их трансформации или даже разрушению существующего мирового порядка.

В качестве отдельного направления необходимо обозначить процесс дифференциации региональных контекстов. Глобальные проблемы и угрозы воспринимаются и решаются по-разному в зависимости от региональных особенностей (география, культура, история). Это приводит к различной иерархии проблем и к различным подходам к их решению. В качестве подтверждения данных тезисов можно обозначить появление значительного числа региональных акторов, обладающих сопоставимым влиянием и ресурсной базой глобальных игроков (БРИКС, ШОС, ЕС, НАФТА). Нарождающиеся субъекты (государства, международные организации, союзы, блоки) способны оказывать различное влияние на глобальный уровень – от поддержки существующего порядка до его радикального изменения. В этой связи, возникает необходимость пересмотра множества теоретических подходов, с целью объективного отражения изменяющейся реальности.

В качестве одной из возможных концепций пересмотра общетеоретических подходов, можно обозначить идею создания «незападноцентричной» теории международных отношений. Содержательной характеристикой подобного подхода можно обозначить то, что, к примеру, категория суверенитета государств, свойственная традиционной системе международных отношений, претерпевает трансформацию под воздействием двух противоречивых тенденций. С одной стороны – это глобализация и ослабление государственного суверенитета (международные организации все больше влияют на внутреннюю и внешнюю политику государств, ограничивая их суверенитет); противоположная тенденция – это усиление региональных и этнических идентичностей, где наблюдается рост влияния региональных и этнических факторов, как в отношениях между государствами (например, трансграничное сотрудничество или конфликты), так и внутри самих государств (сепаратизм, этнические конфликты). Сложность в построении новых теоретических подходов заключается в том, что эти две тенденции, кажущиеся противоречивыми, одновременно приводят к деформации привычной системы международного взаимодействия. Появление новых элементов в международной системе порождает новые типы вызовов и угроз, которые классическое государство не всегда способно эффективно преодолеть. Эти новые вызовы, в свою очередь, оказывают влияние на традиционных акторов международных отношений, трансформируя их роль и функции. В частности, следует обратить внимание на проблему не совсем корректного переноса западной концепции суверенитета на постколониальные государства. Суть проблемы в следующем. После окончания колониальной эпохи, западное понимание суверенного государства, сформировавшееся в рамках европейской истории и культуры, было автоматически распространено на весь мир. Однако, такой подход игнорирует специфические исторические, культурные и социальные условия постколониальных стран. В результате, транслируемая модель суверенитета часто оказывается неэффективной или даже деструктивной, усугубляя существующие проблемы и порождая новые вызовы. Поэтому в региональном плане проблемы трансформации суверенитета в постколониальных странах приобретают особую остро-

ту, так как накладываются на специфику их исторического развития и особенности построения социальных структур.

Совершенно очевидно, что традиционное понимание мирового порядка и прогнозы относительно его будущего ограничены западнцентричным подходом, более того, стремление представить постзападный мир с узкоцентрированной, западнцентричной точки зрения, является не менее ограниченным. В последнее время появились исследователи (О. Штункель), которые рассматривают правление Запада как временное отклонение от нормы, а подъем Азии – как возвращение к нормальной жизни [4]. По мнению Оливера Штункеля, Китай и другие растущие державы, которые избегают упрощенных крайностей противостояния существующему порядку или присоединения к нему, тихо строят «параллельный порядок», который дополняет сегодняшние международные институты и увеличивает автономию растущих держав. Такая оценка противоречит утверждениям о том, что мир погружается в постзападный хаос. Международные политические реалии доказывают, что происходит подъём институтов во главе с западными державами. Мнение о «постзападном хаосе» частично вызвано доминированием западнцентричной точки зрения в научных политологических кругах, которые занимаются международными отношениями, они обходят вниманием множественную совокупность международно-политических новаций. К примеру, историческое экономическое значение таких стран как Китай, было бы неверно называть Китай «нарастающей державой» в то время, как это процесс скорее можно называть как возвращение ранее утраченного влияния в 1870-е годы в так называемый «век унижения». В доказательство данных тезисов многие эксперты приводят появление нескольких новых институтов постзападного мира, уделив особое внимание области финансов (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития, китайские платёжные системы), торговле и инвестициям (Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство), в области безопасности и сотрудничества (ШОС и БРИКС) и по инфраструктурным проектам (Никарагуанский канал и Трансамазонская железная дорога). «Учитывая, что эти институты приобретают растущее значение, удивительно, как мало об этом пишется и как мало было сделано для понимания их значения для будущего мирового порядка» [4]. Параллельно с этим стоит упомянуть и о последних процессах в странах БРИКС в направлении сближения темпов роста и ускорения двустороннего товарооборота, не укладывающихся в распространенный западнцентричный характер толкования международных отношений. При этом исследователи отмечают, что в этом есть и определённый плюс в качестве возможности тестирования старых парадигм в отношении новых стран. С другой стороны, было бы более уместно оценивать условное падение западнцентричной модели мирового порядка, как ослабление 500-летнего евроцентричного мирового уклада. На данный момент существуют все предпосылки для крупной военной конфронтации, противоречий между крупными державами. Проблема постзападного порядка является проблемой отношений между основными центрами силы. Многие исследователи полагают, что многополярный мировой порядок не обязательно ведёт к хорошему. «Может быть, было бы легче жить, соблюдая одно единственное правило, и чтобы кто-то один отдавал приказы. Но этого уже не произойдёт. На данный момент мы будем иметь этот полицентричный, многополярный мир, и от нас зависит, как его строить» [3].

В описываемой парадигме логично было бы обозначить проблемные зоны и направления, являющиеся на сегодня очевидными. В первую очередь, это неполный контроль постколониальных государств над «суверенной» территорией. Многие незападные страны, несмотря на формальный суверенитет, не имеют полного контроля над своей территорией из-за внутренних конфликтов, деятельности негосударственных акторов (террористические группировки, наркокартели) или внешнего вмешательства. Вместе с тем, следует констатировать изменение содержания категории суверенитета. Традиционное его понимание как полного контроля над всеми аспектами жизни общества устарело. Необходим переход к выборочному контролю над ключевыми параметрами, что особенно сложно для государств со слабыми институтами. Усиливаются процессы и явления, имеющие транснациональный характер. Глобализация и транснациональные процессы (например, деятельность транснациональных корпораций, международная преступность) выходят за рамки национальных границ, что противоречит традиционной модели деления мира на суверенные государства. Традиционные концепции безопасности, ориентированные на государство как основного актора, не адекватно отражают роль транснациональных явлений. Вызовы и угрозы безопасности часто исходят от негосударственных акторов (террористические организации, наркокартели), что также требует переосмысления традиционных подходов к безопасности. Многие исследователи, так же констатируют недостаточность концепции «новых центров силы». Концепция «новых центров силы» или «новых великих держав» не полностью учитывает роль и значение транснациональности как самостоятельного фактора в международных отношениях. В целом, все перечисленное, в достаточной мере аргументирует необходимость переосмысления концепции суверенитета и безопасности в свете глобализации и возрастающей роли транснациональных процессов и негосударственных акторов. Традиционные подходы, основанные на западной модели государства и ограниченном понимании суверенитета, не способны адекватно отразить сложную реальность современных международных отношений, особенно в незападных регионах.

Отдельную проблему, в контексте формирования новых теоретических подходов, можно обозначить проблемы определения и анализа региональных комплексов в международных отношениях, сосредотачиваясь на сложности фиксации их границ. Традиционные подходы к определению региональных комплексов часто предполагают жесткие, чётко очерченные границы, что не соответствует реальности. Границы регионов – это не статичные линии, а динамичные зоны взаимодействия. Соответственно, А. Дирлик совершенно справедливо указывает на необходимость признания «проницаемости» границ. По сути, полное устранение границ не происходит, но их непроницаемость является исключением, а не правилом. Границы являются зонами взаимодействия, сотрудничества, экономического проникновения, а также местом действия различных трансграничных процессов. Традиционные (западные) теории международных отношений, как правило, не могут в себе концептуализировать новые понимания границ. Понятия «граница как зона сотрудничества», «проницаемость границы» и «мягкие границы» становятся все более актуальными в контексте глобализации и регионализации. Эти концепции подчеркивают, что границы больше не воспринимаются исключительно как жесткие линии, разделяющие государства, а скорее как динамичные пространства, в которых происходят взаимодействия

и обмена. Происходит неформальная интеграция регионов, обусловленная нетрадиционными угрозами и вызовами (например, трансграничная преступность, экологические проблемы), что также требует учёта в анализе региональных комплексов.

Вместе с тем, наблюдаются более широкие и глубокие тенденции региональной трансформации, приводящие к формированию макрорегионов. Соответственно, становится очевидной, необходимость переосмысления традиционных подходов к анализу региональных комплексов, учитывающих динамику границ, их проницаемость и роль неформальных процессов интеграции. Проницаемость границы указывает на возможность свободного перемещения людей, товаров и идей, что способствует развитию экономических и культурных связей между государствами. Границы как зоны сотрудничества предполагают, что соседние страны могут работать вместе для решения общих проблем, таких как безопасность, экология и экономика, создавая совместные инициативы и проекты. «В мире явственно происходят процессы «теневой интеграции» регионов – «стягивания» за счет нетрадиционных/неформальных/неформализованных угроз и других типов угроз, а также региональные трансформации и более широкие и глубокие тенденции (макрорегионализация)» [1]. Таким образом, новые подходы к пониманию границ требуют пересмотра традиционных теорий международных отношений, чтобы учесть сложные и многогранные взаимодействия в современном мире. Это открывает новые горизонты для анализа международных процессов и формирования более гибких и адаптивных моделей взаимодействия между государствами.

В контексте сформированной структуры трансформации современных международно-политических процессов, логично рассмотреть наиболее общие/устоявшиеся характеристики феномена регионализма, акцентируя внимание на различиях между формальными и неформальными подходами, а также между государственноцентричной и общественно-ориентированной регионализацией. Формы регионального сотрудничества могут быть как формальным (с созданием международных институтов), так и неформальным (регулярные встречи, согласованные правила). Высокая степень формализации (государственноцентричное сотрудничество) не гарантирует эффективности. Этот тип сотрудничества нацелен на защиту роли государства в международных отношениях. Государство является основным актором и инициатором. Неформальные консультации могут быть более результативными. Неформальная интеграция характеризуется увеличением обменных потоков, развитием информационных каналов и социальных сетей, которые способствуют распространению идей и политических предпочтений. Эти процессы создают новые возможности для взаимодействия между различными акторами, включая бизнес, неправительственные организации и гражданское общество. В результате, неформальная интеграция становится важным фактором, способствующим более глубокому сотрудничеству и взаимопониманию внутри региона, а также формированию новых моделей взаимодействия, которые могут быть менее зависимыми от традиционных государственных структур. Этот тип регионализации движим социальным и экономическим взаимодействием между деловыми структурами и общественными организациями. Он приводит к укреплению экономической взаимозависимости и тесных связей внутри региона, что происходит относительно независимо от государства. Тем не менее, государства всё равно оказывают определенное влияние на этот процесс, создавая условия для его развития

или, наоборот, ограничивая его. «Регионализация подразумевает также увеличение миграционных потоков, создание многочисленных информационных каналов и комплексных социальных сетей, благодаря которым идеи, политические предпочтения и образы мышления распространяются из одной области в другую» [2]. Таким образом, неформальная интеграция представляет собой важный аспект современного регионализма, который требует дальнейшего изучения и анализа с целью понимания его влияния на международные отношения и региональное развитие.

Межгосударственные институты и режимы создаются для различных целей: реагирование на внешние угрозы, согласование позиций в международных организациях, решение общих проблем, возникающих из-за растущей взаимозависимости. Разнообразие форм и подходов к региональному сотрудничеству и регионализации доказывает, что государство не всегда является единственным и определяющим фактором в этих процессах. Влияние негосударственных акторов и неформальных взаимодействий в современном мире всё возрастает.

В качестве одного из видимых последствий региональной интеграции, выделяется процесс формирования транснационального гражданского общества и региональной идентичности. Долгосрочное и продуктивное сотрудничество на региональном уровне способствует созданию транснационального гражданского общества, которое начинает оспаривать власть государств. Это, в свою очередь, приводит к возникновению межправительственных альянсов и многоуровневым трансграничным взаимодействиям, а также новым формам наднациональной и субнациональной идентичности. Свободное передвижение товаров, капитала и рабочей силы сближает государства и регионы, создавая новые международные и трансграничные пространства. Региональная интеграция, таким образом, способствует формированию регионального самосознания и идентичности, то есть общего восприятия принадлежности к конкретному сообществу. Это самосознание складывается под воздействием как внутренних факторов, так и внешних.

В свою очередь, сформированная региональная идентичность влияет на международное позиционирование региона, определяя ценности и смыслы, которые он транслирует в мир. В политических реалиях, процесс обособления территорий, часто ведет к заключению межгосударственных соглашений, появлению международно-правовых, политических и экономических режимов и союзов. В целом, процесс региональной интеграции, можно представить как сложный феномен, который влечет за собой изменение как внутригосударственных, так и межгосударственных отношений, формируя новые формы идентичности, сотрудничества и взаимодействия.

Если представить региональную интеграцию как многогранный процесс, то одними из наиболее важных его компонентов, будут процессы, приводящие к формированию консолидированного регионального пространства и появлению новых акторов в международных отношениях. Целенаправленная региональная интеграция, как правило, направлена на уменьшение или устранение барьеров для обмена товарами, услугами, капиталом и рабочей силой. Она может быть классифицирована по объему, глубине, институционализации и централизации. Региональная интеграция представляет собой многогранный процесс, который включает не только экономическую составляющую, но и формирование сообщества безопасности и социокультурного сообщества. Эти компоненты взаимодействуют и дополняют друг друга,

создавая основу для более глубокого сотрудничества между государствами региона. Региональная консолидация является результатом комплексного процесса, который включает в себя неформальную регионализацию, поиск региональной идентичности, межгосударственное сотрудничество и целенаправленную политику интеграции. Регионализм становится политически значимым для внешних игроков, когда он заставляет их учитывать региональный фактор в двусторонних отношениях. Это означает, что внешние державы начинают осознавать важность региональных динамик и интеграционных процессов, что может влиять на их стратегическое планирование и подходы к взаимодействию с отдельными странами региона. Таким образом, региональная интеграция и консолидация становятся ключевыми элементами в формировании новых моделей международных отношений и в определении места региона в глобальной политике. Для стран региона он становится важным, когда участие в региональных процессах становится необходимо. Способы региональной консолидации предполагают несколько потенциальных моделей: создание наднациональных институтов, формирование системы взаимосвязанных международных соглашений, сочетание межгосударственного и надгосударственного взаимодействия, конфедеративные подходы, региональный порядок с пересекающимися идентичностями.

В современной научной литературе термин «межрегионализм» или «интеррегионализм» используется для обозначения сотрудничества между различными регионами. Подобное концептуальное видение исходит из важности взаимодействия не только на уровне государств, но и между регионами, что может включать в себя экономические, культурные и политические аспекты сотрудничества. «Под межрегионализмом чаще всего понимается институционализация отношений между двумя региональными группировками» [6, 7]. Межрегионализм акцентирует внимание на создании сетей взаимодействия, обмена опытом и ресурсами, а также на решении общих проблем, которые могут возникнуть в результате глобализации и региональных вызовов. Такой подход позволяет регионам более эффективно реагировать на изменения в международной среде, укреплять свои позиции на мировой арене и развивать взаимовыгодные отношения. Таким образом, межрегионализм становится важным инструментом для достижения устойчивого развития и решения комплексных задач, стоящих перед регионами в современном мире. В рамках концепции межрегионализма действительно выделяются гибридные формы взаимодействия, которые представляют собой интересный аспект международных отношений. Гибридный межрегионализм включает в себя отношения, устанавливаемые между региональными организациями (или организациями) и отдельными государствами или группами государств, находящимися в других регионах. Это позволяет создать многоуровневую систему взаимодействия, которая может быть более гибкой и адаптивной к изменениям в международной политике. Гибридный межрегионализм позволяет более гибко подходить к вопросам сотрудничества и взаимодействия, что может способствовать более эффективному решению общих проблем и обмену опытом между регионами. Таким образом, гибридные формы межрегионализма представляют собой важный аспект современного международного взаимодействия, позволяя разнообразить подходы к сотрудничеству и учитывать специфику различных регионов. В целом же, процессы глобализации и регионализации не обязательно являются взаимоисключающими. Напротив, они развиваются параллельно, хотя и основываются на разной логике.

Глобализация стремится к интеграции и взаимосвязанности на мировом уровне, охватывая экономические, культурные и политические аспекты, тогда как регионализация акцентирует внимание на укреплении связей и сотрудничестве между государствами в рамках определенных регионов. Эти процессы могут взаимодополнять друг друга, создавая новые возможности для развития и сотрудничества. Например, регионы могут использовать глобальные тренды и ресурсы для решения своих специфических задач, а глобальные организации могут учитывать региональные особенности для эффективного управления и взаимодействия. Таким образом, взаимодействие глобализации и регионализации может способствовать более устойчивому и гармоничному развитию в условиях современного мира.

Слом и трансформация традиционных дефиниций и категорий в международных отношениях, появление «новых» форм и способов международного взаимодействия, показывают, что с течением времени логика взаимоотношений глобализма и регионализма заметно эволюционировала и продолжает эволюционировать. Современные споры о идейно-философских основах мирового порядка действительно тесно связаны с исследовательской проблематикой на региональном уровне. Эти дискуссии охватывают множество аспектов, включая интерпретацию основ западной цивилизации, последствия перераспределения влияния между регионами мира и вопросы, касающиеся незападного мирового порядка и теории, которая его обосновывает. Увеличение внимания научного сообщества к проблемам регионалистики может сыграть ключевую роль в более глубоком понимании текущих глобальных и региональных тенденций. Это внимание позволяет избежать неверного или неадекватного анализа, который может возникнуть из-за недостаточной осведомленности о специфике и динамике отдельных регионов.

Понимание алгоритмов взаимодействия между глобальным и региональным уровнями отношений становится особенно важным в условиях быстро меняющегося мира. Региональные особенности, культурные контексты и политические реалии могут существенно влиять на глобальные процессы, и их учет позволяет более точно прогнозировать и анализировать международные события. Таким образом, интеграция региональных исследований в более широкий контекст мирового порядка может способствовать созданию более сбалансированной и адекватной теоретической базы для понимания современного мира.

Литература

1. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. Т. 3, № 2(8). С. 30–58.
2. Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. 416 с.
3. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / науч. ред.: Белых А.А.; пер. с англ.: Белых А.В. – М.: ИД «Дело», 2015. 535 с.
4. Постзападный мир: принципы полицентричного мирового порядка // Дискуссионная площадка клуба «Валдай», г. Москва, 12.10.2016. Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com>.
5. Фенин К.В. Ретроспективный анализ влияния государства на российскую экономику в рамках концепции экономической отсталости // Гуманитарный научный журнал. 2018. № 1. С. 43–48.

6. Baert F., Scaramagli T., Söderbaum F. Introduction: Intersecting Interregionalism // Intersecting Interregionalism. Regions, Global Governance and the EU. Dordrecht: Springer Netherlands, 2014. Pp. 1–12.
7. Gardini G.L.; Malamud A. Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique – With a Transatlantic Focus // Atlantic Future Working Paper. 2015. No. 38. Pp. 1–23.

MUTUAL INFLUENCE AND INTERDEPENDENCE OF THE FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF GLOBALIZATION AND REGIONALIZATION PROCESSES

Polyakova A.N.
MGIMO University

International political practice testifies to the growing influence of regional processes on international relations. There is a “dying out” of established models of interaction and the search for new ones. The process of regionalization of the modern world, which is gaining momentum, has become an important factor in international life. The article analyzes the general trends and theoretical aspects of the “new regionalism”, which causes the emergence of new models of integration between states. The interdependence of the processes of globalization and regionalization is revealed. The contradictory sides of the regionalization process are noted. The conclusion emphasizes the interdependence and mutual influence of globalization

and regionalization, the importance of current research on the processes of regionalization and its prospects.

Keywords: globalization, region, regionalization, interregionalism, regionalist systems, macroregion, miniglobalization.

References

1. Voskresensky A.D. Concepts of regionalization, regional sub-systems, regional complexes and regional transformations in modern international relations // Comparative politics. 2012. Vol. 3, No. 2(8). Pp. 30–58.
2. Voskresensky A.D. World comprehensive regional studies. – M.: Magistr: INFRA-M, 2014. 416 p.
3. Gerschenkron A. Economic backwardness in historical perspective / scientific ed.: Belykh A.A.; trans. from English: Belykh A.V. – M.: ID “Delo”, 2015. 535 p.
4. Post-Western world: principles of a polycentric world order // Discussion platform of the Valdai Club, Moscow, 12.10.2016. Access mode: <https://ru.valdaiclub.com>.
5. Fenin K.V. Retrospective analysis of the influence of the state on the Russian economy within the framework of the concept of economic backwardness // Humanitarian scientific journal. 2018. No. 1. Pp. 43–48.
6. Baert F., Scaramagli T., Söderbaum F. Introduction: Intersecting Interregionalism // Intersecting Interregionalism. Regions, Global Governance and the EU. Dordrecht: Springer Netherlands, 2014. Pp. 1–12.
7. Gardini G.L.; Malamud A. Debunking Interregionalism: Concepts, Types and Critique – With a Transatlantic Focus // Atlantic Future Working Paper. 2015. No. 38. Pp. 1–23.

Информационная война США против России: новые ракурсы и медийные аспекты

Сигов Юрия Игоревич,

преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Трухачев Вадим Вадимович,

к.истор.наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

В статье предпринята попытка определить, какими новыми медийными и иными средствами Соединенные Штаты реализуют масштабную и долгосрочную информационную кампанию против Российской Федерации, выявить какую роль в этом играют отдельные категории информационных ресурсов (как частных, так и квази-государственных), каковы международные последствия подобной информационной деятельности США в отношении России, а также определить наиболее эффективные методы, с помощью которых РФ этой кампании могла бы противостоять.

Для этого используются методы политического анализа, оценки взаимодействия государственных и частных медийных информационных структур США, сравнение функционирования информационного противостояния России и Соединенных Штатов, а также определяются новые формы и методы, с помощью которых у российской стороны имеются возможности противостоять информационному давлению Запада во главе с США, и со своей стороны заранее представить выгодную для РФ информационную повестку как внутри страны, так и на международной арене.

Ключевые слова: внешняя политика, США, РФ, информационная война, государственная информационная политика.

Исследование выполнено при поддержке гранта «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2024 г. для реализации научно-исследовательского проекта «Глобальный Юг во внешнеполитической стратегии России: новые подходы и механизмы многостороннего сотрудничества».

История информационных войн (ИВ) начинается еще с древних времен, но именно на рубеже XX и XXI веков с появлением интернета и других средств массовой коммуникации они стали играть важную роль в жизни мирового сообщества. С появлением кибервойны как особого вида информационной войны вопрос о безопасности государства, подвергающегося кибератакам, приобрел особую актуальность. Так, российский политолог и ведущий эксперт в области информационных войн А.В. Маноило считает, что современная информационная война – это особый вид вооруженного конфликта, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия [1]. Другой российский политолог, член комитета Совета Федераций по конституционному законодательству А.Г. Шейкин дает определение информационной войне как войне без правил, без видимых разрушений, и порой даже без четко определенного противника [4].

Россия сегодня столкнулась с серьезными вызовами, связанными с мощным витком информационной войны, проводимой США и союзниками.

Согласно последней версии «Стратегии национальной безопасности США» (“Strategy on National Security”), безопасность государства в значительной степени зависит от реализации политических, экономических и социальных интересов в информационной сфере [6]. По этой причине американская администрация уделяет приоритетное внимание вопросам ведения информационного воздействия на своих политических антагонистов – РФ, КНР, Беларусь и т.д.

В ключевых правительственных документах США утверждается, что способность оперативно реагировать на вызовы в информационной сфере содействует сохранению ими лидерства и построения мирового порядка, основанного на постулатах поведения, выработанных исключительно коллективным Западом. Этим же вопросам уделяется повышенное внимание в таких документах, как «Национальная военная стратегия Соединенных Штатов» (“National Military Strategy” (NMS), 2024, «Национальная киберстратегия» (“National Cyber Strategy of the United States of America”, Sep., 2023), а также «Стратегия действий на международной арене в киберпространстве» (“International Strategy for Cyber Space”, May, 2011).

В США подобными внешними информационными вопросами занимаются практически все ключевые министерства и ведомства (а их более сотни), разведывательные службы (их 17), а также частично по главному образцу государственным заказам многочисленных частных компании [8], плюс ведущие университеты, действия которых во многом опосредовано подчинены и строго координируются на уровне администрации президента страны. Ключевыми игроками здесь являются Государственный департамент США (аналог министерства иностранных дел) и международное управление министерства обороны, а также отдельные подразделения Центрального разведывательного управления (ЦРУ).

Структурно в системе государственного управления США отношения с Россией, как и со всеми странами постсоветского пространства являются зоной ответственности Управления по делам Европы и Азии. А вопросы

ведения информационного взаимодействия с этими государствами возложены на отдел публичной дипломатии и связям с общественностью [5]. Именно через него осуществляется стратегическая информационная работа для формирования исключительно позитивного имиджа Соединенных Штатов как в РФ, так и на всем постсоветском пространстве.

При сокращении российско-американского сотрудничества американские политики, дипломаты и общественные деятели ведут активную информационную кампанию, направленную прежде всего на российскую молодежь с целью формирования у нее исключительно позитивного отношения к американской внешней и внутренней политике.

Приоритетами в этой работе являются продвижение так называемых американских ценностей, расширение взаимодействия американских граждан с населением РФ, а также повышение привлекательности и улучшение имиджа Соединенных Штатов в России и странах постсоветского пространства.

Стоит учесть, что в плане ведения информационной войны против России задействовано и министерство обороны США. Там упор делается на достижение информационного превосходства над вооруженными силами России и защиту своих собственных информационно-технических систем. Согласно американской военной доктрине, международное киберпространство считается приоритетной сферой ведения пропаганды наравне с военными операциями вооруженных сил страны. Нормативные документы Минобороны Соединенных Штатов о ведении противоборства с Россией в информационной сфере тесно согласованы с основными положениями «Стратегии национальной безопасности США».

Основными положениями, на которых базируется деятельность информационных подразделений Минобороны Соединенных Штатов, являются «Стратегия действий в информационном пространстве», «Киберстратегия Министерства Обороны», «Единая концепция действий вооруженных сил США в информационном пространстве», «Стратегия по достижению превосходства в электромагнитном спектре», ряд наставлений по управлению ведением киберопераций против потенциального противника, информационные и психологические операции, операции армейских группировок в электромагнитном спектре [7].

Еще одна структура Минобороны США – Управление перспективных исследований – занято разработкой перспективных технологий для использования их в вооруженных силах. Акцент делается на применение новых информационных технологий, включая современное программное обеспечение, компьютерные игры, популярные не только в США, но и во всем мире мессенджеры, глобальные офисные системы, популярные поисковики, новые технологии перевода с иностранных языков, формирование баз данных государственных и частных структур и т.д.

К подобной деятельности привлекаются самые различные силы. Так, более 30 лет Минобороны США проводит и финансирует так называемый «Горный форум», где замминистры по разведке собирают видных американских экспертов в области информационных технологий, специалистов по ведению дезинформации и противоборства в информационной сфере особенно в том, что касается России и Китая. В этом мероприятии традиционно участвуют эксперты и практики из ведущих американских компьютерных компаний, представители влиятельных американских печатных и электронных СМИ, руководство военной разведки, которые на «мозговых

штурмах» обсуждают новые современные методы ведения информационной войны.

Интересно и то, что предложения, выработанные на встречах «Горного форума», направляются напрямую министру обороны США, в котором позже посредством консультаций с ведущими военными экспертами определяются новые подходы к распространению дезинформации и пропаганды. Включают они и методы современного распространения информации журналистами, работающими в электронных СМИ (это ведение личных блогов, создание электронного медиаконтента без внешней цензуры, стриминг и многое другое).

Пропаганда через программы телевидения и радио ведется такими структурами, как «Голос Америки», «Свобода» и другими. По оценкам американского посольства в Москве, программы американского информационного контента слушают и смотрят более 7 млн жителей РФ. Еще одним важным игроком в ведении информационной войны против России является Агентство по международному развитию (USAID).

По признанию самих американских официальных лиц, работа, которую ведут неправительственные структуры США с территории постсоветских стран, так или иначе направлена против России и сохранения ее влияния в этих государствах. Важно также учесть, что поддержка информационной войны против России посредством работы USAID с территории постсоветских стран имеет широкую поддержку как среди демократов, так и республиканцев, и не меняется в зависимости от того, кто в данный момент занимает пост президента США или имеет большинство в Конгрессе страны.

Исходя из прагматической оценки осуществляемой работы по ведению информационной войны с Россией, американские государственные структуры считают именно такой метод борьбы с Москвой намного менее расходным и рискованным, нежели прямое военное противостояние с ней.

Стоит отметить, что американские PR агентства и компании имеют богатый опыт ведения информационных войн против иностранных государств. Такие американские медиакомпании, как «PR Week», «PR Network», «Stop Fake», «Linkedin», «Edelman», «PR Global Strategy» и ряд других работают по распространению дезинформации как в американских, так и российских и других постсоветских гражданах.

Особый интерес в этом плане представляют президентские выборы в США, которые состоятся осенью 2024 г. Еще с лета 2023 г. в ведущих американских СМИ развернута информационная кампания с осуждением якобы планируемого вмешательства России (а также Китая, Кубы и Ирана) в предвыборную кампанию и сами выборы. С помощью данного «инфоповода» американским гражданам внушается, что эти страны реально угрожают «основам демократии» в США. В Европе подобную повестку подхватывают американские союзники (Польша, Литва, Чехия, Германия, Украина), а затем обрабатывается общественное мнение в американских и антироссийских интересах в Великобритании, Франции, Испании, Скандинавских странах.

Для распространения подобной ложной информации используется метод подмены государственной принадлежности источника самой информации и огульной дискредитации фактически любой страны. Называется такой метод «*false flag operations*», когда на какое-то государство вешают обвинения в том или ином информационном вбросе. Для этого создаются ложные электронные адреса (откуда эта ложная информация якобы поступила), посты в социальных сетях, публикуются несуществующие в реалиях фотографии, сделанные с помощью фо-

тошопа или других компьютерных программ. Следовательно, тактика подобных вбросов о «неопровержимых доказательствах вмешательства РФ в американскую политическую жизнь» помогает американской администрации вводить новые санкции как через Конгресс США, так и законодательные органы стран ЕС. Как отмечает политолог Иван Тимофеев, «частотный анализ законопроектов Конгресса позволяет выделить 73 тематических приоритета санкций США. При этом значительная часть биллей связана лишь с тремя такими приоритетами – Китаем, Россией и Ираном. На первый приходится 103 билля (19,11%), на вторую – 99 биллей (18,37%), на третью – 55 биллей (10,2%). Иными словами, с первой тройкой связана почти половина всех законопроектов (47,68%). Примечательно, что Китай обгоняет Россию, даже несмотря на тяжелейший кризис в отношениях США и России после 24 февраля 2022 г.» [2, с. 12]. Одним из ключевых инструментов информационной войны против России со стороны правительства США являются американские СМИ. Хотя не только популярные в Америке издания, такие, как “New York Times”, “Wall Street Journal”, “Washington Post”, “Los Angeles Times”, но и местные новостные сети-порталы Yahoo News, Google News, MSN, AOL News, Reddit и другие. Так, правительство США в той или иной сфере контролирует до 90% всей распространяемой международной информации, которая поступает на просторы Интернета не только в США и страны ЕС, но и Россию.

Таким образом, на сегодняшний день крупнейший бизнес США с согласия государства владеет около 90% СМИ страны. Помимо газет, журналов и широкого спектра интернет-изданий в информационной войне против России, а также других потенциальных противников США, немалую роль играют телеканалы и контролируемое Голливудом кинопроизводство. Корпорации «Warner media», «News Co», «Walt Disney», «Viacom/CBS», «Universal», новостные телевизионные каналы CNN, BBC, ABC, NBC, CBS, Telemundo и Univision, по-прежнему являются главными источниками международных новостей, навязывающих миру исключительно американское видение окружающего мира, и очерняющее любые действия России и других американских «стратегических противников».

Стандартными методами ведения подобной информационной кампании со стороны США являются максимально открытая дезинформация, ложь и персональная клевета, направленная прежде всего на главу враждебного Америке государства. При этом любая иная, отличная от официальной, точка зрения в Соединенных Штатах преследуется государством с обвинениями в распространении непроверенной информации, подрывающей американские политику и экономику.

Кроме того, новая линия дезинформации, которая крайне активно распространяется в США и Европе, ведет к усилению русофобии, подозрительного отношения к русскоязычным гражданам, осквернению памятников, связанных с российским историческим или культурным наследием, а также затруднением работы государственных учреждений РФ за границей.

Принципиально важно в этой связи понимать, что американская администрация намерена сохранить лидерство США в мировом информационном пространстве и не допустить его утраты в будущем. Для этого США будут и дальше развивать высокие информационные технологии и вести агрессивную информационную политику, которая представляет серьезную угрозу национальным интересам России.

Для успешной работы по отражению информационных атак со стороны США в отношении РФ необходимо

создание альтернативных каналов вещания с эффективной контрпропагандой, которые смогут оказывать существенное влияние на зарубежную аудиторию. Принимая во внимание, что эту контрпропаганду сегодня надо вести в первую очередь в отношении англосаксонских стран, необходимо учитывать, что эти страны, как справедливо отмечал российский ученый А. Фененко, мало уязвимы для внешнего мира, потому что ставят свою культуру выше других [3].

При этом Россия для США является вовсе не угрозой, а лишь «неконтролируемой помехой» на пути к мировому информационному контролю. В этих условиях для сохранения собственного политического и информационного суверенитета у Москвы нет другого выхода, кроме действия на опережение, включая разработки активных мер по обеспечению национальной информационной безопасности страны.

Литература

1. Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность. Ч. II // Вестник МГОУ. Электронный журнал. Серия Политология. 2021. № 2. URL: <https://www.vestnik-mgou.ru/jour/article/view/110/110> (дата обращения: 12.07.2024)
2. Тимофеев И.Н. Политика санкций в законопроектах Конгресса США // Международные процессы. 2023. № 21(2). С. 6–21. С. 12.
3. Фененко А. Парадокс информационных войн // РСМД. 12.08.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/paradoks-informatsionnykh-voyn/> (дата обращения: 16.07.2024)
4. Шейкин А.Г. Информационная война // Блог сенатора. 21.06.2022. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/136503/> (дата обращения: 12.07.2024)
5. Merfeldaite Aiste. Russia is winning the information war // Social Europe. September 07, 2023. URL: <https://www.socialeurope.eu/russia-is-winning-the-information-war> (дата обращения: 16.07.2024)
6. National Security Strategy // The White House, October 2022. Washington DC, United States. 48 p. P. 23. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 20.07.2024)
7. Seib Philip. Why Russia is losing the information war? // USC Center on Public Diplomacy. May 09, 2022. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/why-russia-losing-information-war> (дата обращения: 26.07.2024)
8. Stradner Ivana, Ruggiero Anthony. America is still losing the information war // Foreign Policy magazine. September 24, 2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/03/10/us-russia-information-war-bioweapon-biolab-conspiracy-theory-tucker/> (дата обращения: 26.07.2024)

THE USA INFORMATION WAR AGAINST RUSSIA: NEW ANGLES AND MEDIA ASPECTS

Sigov Yu.I., Trukhachyov V.V.

Russian State University for the Humanities (RSUH)

The article is going to determine by what new media and other means the United States is implementing a large-scale and long-term information campaign-war against the Russian Federation, to identify what role certain categories of information resources (both private and quasi-state) play in this, what international consequences of such information activities on the part of the United States towards Russia as well as to analyze the most effective methods by which Russia could counter this campaign.

To do this, methods of political science analysis are used, assessing the interaction of public and private media and information structures of the United States, comparing the functioning of the information confrontation between Russia and the United States, and analysing new forms and methods which would help the Russian to resist the information pressure of the West led by the United States, and for its part, pre-impose an information agenda beneficial to the Russian Federation both within the country and at the international level.

Keywords: foreign policy, the USA, Russia, information war, state information politics.

References

1. Manoilo A.V. Information warfare and new political reality: Pt. II. In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2021, no. 2. Available at: www.vestnik-mgou.ru (date of access: 12.07.2024)
2. Timofeev I. US Congress and Policy of Sanctions. International Trends / Mezhdunarodnye protsessy. 2023. No 21(2), pp. 6–21.
3. Fenenko A. Information war paradox // RIAC. 12.08.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/paradoks-informatsionnykh-voyn/> (date of access: 16.07.2024)
4. Sheikin A.G. Information war // Senator's blog. 21.06.2022. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/136503/> (date of access: 12.07.2024)
5. Merfeldaite Aiste. Russia is winning the information war // Social Europe. September 07, 2023. URL: <https://www.socialeurope.eu/russia-is-winning-the-information-war> (date of access: 16.07.2024)
6. National Security Strategy // The White House, October 2022. Washington DC, United States. 48 p. P. 23. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (date of access: 20.07.2024)
7. Seib Philip. Why Russia is losing the information war? // USC Center on Public Diplomacy. May 09, 2022. URL: <https://usc-publicdiplomacy.org/blog/why-russia-losing-information-war> (date of access: 26.07.2024)
8. Stradner Ivana, Ruggiero Anthony. America is still losing the information war // Foreign Policy magazine. September 24, 2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/03/10/us-russia-information-war-bioweapon-biolab-conspiracy-theory-tucker/> (date of access: 26.07.2024)

Динамические изменения в отношениях между Россией и западными странами

Су Тэнфэй,

магистрант, Томский государственный университет

Отношения между Россией и западными странами претерпели сложный и изменчивый процесс эволюции. Исторически сложилось так, что Россия и Запад как сотрудничали, так и конфликтовали. Эти взаимодействия нашли отражение на многих уровнях, включая географический, культурный, политический и экономический. Цель этой статьи – проанализировать динамические изменения в отношениях между Россией и западными странами, изучить возможности сотрудничества между двумя сторонами и проблемы, связанные с конфликтами, а также дать рекомендации для понимания современного международного ландшафта.

Ключевые слова: Россия, Западные страны, эволюция отношений, сотрудничество, конфликт

С точки зрения географического положения, Россия расположена на пересечении Евразии, и это географическое положение делает ее важным мостом, соединяющим Восток и Запад. Территория России простирается на два континента Евразии. Ее обширная территория не только обеспечивает Россию богатыми природными ресурсами и стратегической глубиной, но и позволяет ей занимать уникальное положение в обмене и столкновении восточной и западной культур. Являясь важным транспортным каналом, соединяющим восток и запад, Евразийский континентальный мост еще больше укрепил геополитические позиции России в этом регионе. Благодаря Евразийскому континентальному мосту Россия может укрепить экономические связи с восточными и западными странами и способствовать торговому и культурным обменам.

Что касается религии, то Православная церковь является основной религией в России и оказала глубокое влияние на российскую культуру, общество и политику. В процессе распространения Православной церкви в России она слилась со славянской культурой, сформировав уникальную русскую православную культуру. Эта культура подчеркивает единство, веру и общественные ритуалы и играет важную роль в национальной идентичности России и социальной сплоченности. Влияние Православной церкви отражается не только в религиозных ритуалах и верованиях, но и пронизывает различные области, такие как русское искусство, литература, музыка и архитектура. В то же время Православная церковь также сыграла важную политическую роль в истории России и является важной частью религиозно-политической системы Российского государства[1].

Являясь краеугольным камнем русской культуры, славянская культура оказала глубокое влияние на национальный характер и культурные традиции России. Славянская культура подчеркивает дух единства, храбрости и упорства, эти качества в полной мере нашли отражение в российской истории и действительности. Славянская культура также уделяет внимание сплоченности семьи и сообщества, и эта культурная ценность широко наследуется и пропагандируется в российском обществе.

Что касается культуры, то между Россией и западными странами существуют очевидные цивилизационные различия, которые в основном отражаются в культурных, религиозных, политических и экономических аспектах. Русская культура имеет уникальные славянские и православные традиции, в то время как западная культура в большей степени подвержена влиянию христианского протестантизма и идей Просвещения. Эти культурные различия привели к различиям в ценностях, социальных системах и моделях экономического развития между Россией и западными странами.

Однако, несмотря на эти различия, культурную интеграцию между Россией и западными странами нельзя игнорировать. Исторически сложилось так, что Россия находилась под глубоким влиянием западной культуры, особенно в период правления Петра Великого, когда Россия проводила масштабные реформы по вестернизации и впитывала западную науку, технологии и политические системы. В то же время, по мере углубленно-

го развития глобализации, культурные обмены и экономическое сотрудничество между Россией и западными странами также становятся все более частыми, и эта тенденция интеграции постоянно усиливается[2].

В период существования Российской империи, чтобы повысить мощь страны и уровень модернизации, Россия провела ряд вестернизационных реформ. Эти реформы затрагивают многие сферы, такие как военная, экономическая и культурная, и направлены на освоение передовых западных технологий и систем и повышение международного статуса России.

Петр Великий был выдающимся представителем реформ по вестернизации России. Благодаря таким мерам, как реорганизация армии, создание новой армии европейского образца и развитие морской мощи, он постепенно превратил Россию в крупную европейскую страну. В то же время Петр Великий активно продвигал экономические реформы, развивал промышленность и торговлю, усилил государственное налогообложение, заложил основу для экономического развития России. В области культуры Петр Великий поощрял распространение западной культуры, продвигал науку и образование и значительно повысил культурный уровень России.

Однако реформа вестернизации также вызвала некоторые конфликты и противоречия. С одной стороны, реформа затронула интересы традиционной знати и церкви, вызвав их недовольство и сопротивление. С другой стороны, из-за различий между Россией и Западом в религии, культуре и социальных системах в процессе реформ также возникли некоторые трения и конфликты. Эти конфликты в определенной степени повлияли на отношения России с западными странами.

В советский период из-за различий в идеологии и политической системе между Россией (Советским Союзом) и западными странами длилась десятилетняя конфронтация времен холодной войны. Это противостояние затрагивает многие сферы, такие как политика, экономика, вооруженные силы и культура, и оказало глубокое влияние на глобальный ландшафт.

В политическом плане Советский Союз и западные страны представляли две разные политические системы – социализм и капитализм, соответственно, и вели ожесточенную идеологическую борьбу. Обе стороны конкурируют за власть и влияние дипломатическими средствами, экономической помощью, военными угрозами и т.д.

В экономическом плане между Советским Союзом и западными странами велись экономические войны, такие как контроль за торговлей и экономические санкции. Советский Союз пытался укрепить экономические связи со странами Восточной Европы через Комитет экономической взаимопомощи, в то время как западные страны поддерживали экономическое восстановление и развитие западноевропейских стран посредством проектов помощи, таких как План Маршалла[3].

В военном отношении Советский Союз и западные страны вели крупномасштабную гонку вооружений и исследования и разработки ядерного оружия. Обе стороны создали огромную систему военных союзов, формируя военную конфронтацию по биполярному образцу. Такого рода военная конфронтация не только обостряет международную напряженность, но и представляет серьезную угрозу глобальной безопасности.

После окончания холодной войны отношения между Россией и западными странами претерпели глубокие изменения. С одной стороны, сотрудничество между двумя сторонами в области экономики, науки и техники, культуры и других областях постоянно укрепляется; с другой стороны, в силу исторических проблем, геополити-

ческих конфликтов интересов и других причин между двумя сторонами также существуют некоторые различия и противоречия.

В экономической сфере торговые и инвестиционные обмены между Россией и западными странами становятся все более частыми. Обе стороны укрепили экономическое сотрудничество и взаимовыгодную ситуацию, подписав торговые соглашения и создав зоны свободной торговли. В то же время западные страны также оказали России значительную экономическую и техническую поддержку, чтобы помочь России модернизировать и преобразовать свою экономику.

Однако в политической сфере и сфере безопасности между Россией и западными странами все еще существуют некоторые различия и противоречия. Например, по таким острым геополитическим вопросам, как украинский кризис и сирийский вопрос, у обеих сторон разные позиции и очевидный конфликт интересов. Эти различия и противоречия в определенной степени повлияли на политическое взаимодействие и сотрудничество между Россией и западными странами.

В целом историческая эволюция отношений России со странами Запада представляет собой сложный и извилистый процесс. Начиная с реформ по вестернизации и конфликтов в Российской империи и заканчивая конфронтацией Советского Союза во время холодной войны и заканчивая сотрудничеством и разногласиями в период после окончания холодной войны, отношения между двумя сторонами претерпели множество важных поворотных моментов и изменений. В будущем, в связи с непрерывной эволюцией глобального ландшафта и непрерывным развитием и изменениями международной обстановки, отношения между Россией и западными странами будут по-прежнему сталкиваться с новыми вызовами и возможностями.

Статус-кво в отношениях между Россией и западными странами

1. Сотрудничество и конкуренция на политическом уровне

Расширение НАТО на восток и реакция России: НАТО стремится к расширению на восток, что вызвало бурную реакцию со стороны России. Россия считает, что расширение НАТО на восток является прямой угрозой ее национальной безопасности, поэтому она приняла целый ряд мер для борьбы с этим, включая усиление военного присутствия и проведение военных учений. Конкуренция между двумя сторонами на политическом уровне становится все более ожесточенной, и Россия даже выступила с предупреждением о “превентивных” стратегических мерах против государств-членов НАТО, таких как Польша, что делает ситуацию с безопасностью в Европе еще более напряженной[4].

Влияние России в регионе СНГ и опасения Запада: Россия обладает обширным влиянием в регионе СНГ, которое является как ее историческим наследием, так и важной частью ее геополитической стратегии. Западные страны выразили обеспокоенность по поводу влияния России в регионе СНГ, утверждая, что это может ослабить геополитические позиции Запада и помешать расширению западных интересов.

2. Экономическое взаимодействие и санкции

Экономические связи и зависимость между Россией и Западом: Несмотря на конкуренцию и конфликты на политическом уровне, Россия и западные страны все еще поддерживают определенные связи и зависимость на экономическом уровне. Экономическая деятельность,

такая как торговые обмены и инвестиционное сотрудничество между двумя сторонами, все еще продолжается. Однако на эту экономическую связь также влияют политические факторы, и в торговле и инвестициях между двумя сторонами существуют определенные неопределенности и риски.

Западные санкции против России и российские контрмеры: Западные страны неоднократно вводили санкции против России, чтобы противостоять ее экономической, политической и военной мощи. Эти санкции включают торговые ограничения, замораживание активов и запреты на инвестиции. Россия также приняла соответствующие контрмеры, включая укрепление внутреннего экономического строительства, содействие импортозамещению и укрепление экономического сотрудничества с другими странами. Эти меры в определенной степени ослабили воздействие санкций на российскую экономику.

3. Вызовы безопасности и ответные меры

Российско-украинский конфликт и вмешательство Запада: Российско-украинский конфликт является одной из наиболее острых проблем в нынешних отношениях между Россией и западными странами. Западные страны оказали Украине значительную военную помощь и политическую поддержку, что сделало российско-украинский конфликт более сложным и трудноразрешимым. Россия решительно отстаивает свои интересы и влияние на Украине и считает, что вмешательство Запада является прямой угрозой ее национальной безопасности. Продолжающаяся эскалация военной конфронтации и напряженности между двумя сторонами создает серьезные проблемы для региональной безопасности.

Разработка Россией ядерного оружия и ракетных систем и опасения Запада: разработка Россией ядерного оружия и ракетных систем всегда была в центре внимания западных стран. Россия обладает мощным ядерным оружием и ракетной системой, что дает ей важный голос и влияние в международных делах. Однако западные страны также выразили обеспокоенность по поводу российского ядерного оружия и ракетных систем, полагая, что это может угрожать ее национальной безопасности и региональной стабильности. Гонка ядерных вооружений и ракет между двумя сторонами также стала одной из важных проблем в современной области международной безопасности.

Несмотря на определенную напряженность в отношениях между Россией и западными странами, возможности для сотрудничества все еще существуют. Что касается совместного реагирования на глобальные вызовы, то в совместном заявлении Россия и Китай подчеркнули важность сотрудничества, особенно в борьбе с новой эпидемией коронавирусной пневмонии и содействии устойчивому развитию. Министр иностранных дел России Сергей Лавров также отметил, что конфронтация с западными странами фактически открывает новые возможности для сотрудничества с другими странами, особенно по таким глобальным вопросам, как изменение климата и терроризм. С точки зрения энергетического сотрудничества, проект строительства газопровода “Северный поток-2” между Россией и Германией является типичным примером взаимной выгоды и беспроигрышной ситуации. Он не только обеспечивает Германию экологически чистой энергией, но и укрепляет влияние России на европейском энергетическом рынке. влияние. Культурные и гражданские обмены также являются важными аспектами сотрудничества между Россией и западными странами, они способствуют укреплению взаимопонимания и доверия и закладывают основу для будущего сотрудничества. Наконец, что касается сотруд-

ничества в Арктике, то Россия выразила готовность возобновить сотрудничество с западными странами, которое имеет большое значение для реагирования на глобальное изменение климата. Эти возможности сотрудничества показывают, что, несмотря на различия, у России и западных стран по-прежнему есть возможности и потенциал для сотрудничества во многих областях.

Геополитическая конкуренция между Россией и западными странами усиливается день ото дня. И Китай, и Россия сталкиваются с давлением геополитической конкуренции со стороны западных стран во главе с Соединенными Штатами, и обе страны должны работать сообща, чтобы справиться с этой ситуацией. Такого рода конкуренция затрагивает не только региональные проблемы, такие как ситуация в Украине и Грузии, но и борьбу за доминирование в мировом политическом и экономическом порядке. Россия считает, что западные страны должны использовать любую возможность для ослабления России, в то время как западные страны считают, что Россия является авторитарической и агрессивной страной.

Военное противостояние занимает видное место в отношениях России с западными странами. Соединенные Штаты разрешают Киеву использовать ракетную систему большей дальности, которая представляет прямую угрозу российской территории. Россия готова нанести более прямой военный ответ, включая использование передовых систем вооружения, таких как гиперзвуковые баллистические ракеты. Кроме того, президент России Владимир Путин раскритиковал Запад за попытки сохранить мировую гегемонию и указал, что страны, которые отвергают западные правила, столкнутся со смешанными войнами и “политикой сдерживания”. Россия также снизила порог применения ядерного оружия для отражения угрозы ядерных или обычных атак, что свидетельствует о важности ядерного сдерживания в отношениях между двумя сторонами.

Между Россией и западными странами существуют глубокие идеологические разногласия. Западные страны критически относятся к внутренним преобразованиям и политике России, в то время как Россия считает, что западные ценности и политика являются нарушением ее суверенитета и культуры. Путин отметил, что у западных стран есть только одно правило, то есть “для них самих нет правил”, и считает, что Запад пытается заставить международное сообщество соблюдать “так называемые правила Запада”. Такого рода идеологические разногласия и взаимное непонимание усугубили конфронтацию и конфликт между двумя сторонами.

Заключение

Отношения между Россией и западными странами характеризуются структурными противоречиями и конфронтацией. В то же время необходимо сотрудничество в определенных областях, таких как мировой финансовый кризис, борьба с международным терроризмом и энергетическая безопасность. Россия стремится стать мировой державой и играть важную роль в международных делах. Ее внешняя политика претерпела фундаментальный сдвиг от движения в сторону Запада к нормализации отношений с Западом. Заглядывая в будущее, можно сказать, что отношения между Россией и западными странами могут стать моделью сосуществования конкуренции и сотрудничества, и существует вероятность возникновения долгосрочной напряженности. В целях улучшения отношений между двумя сторонами рекомендуется укреплять взаимное доверие, особенно в военной области и сфере безопасности; укреплять прагматическое сотрудничество

в областях, представляющих общий интерес, таких как борьба с терроризмом и энергетическое сотрудничество; разрешать разногласия посредством многостороннего диалога; укреплять экономическое сотрудничество, особенно в области энергетики и торговли; укреплять взаимопонимание и доверие посредством культурных обменов; и, наконец, как России, так и западным странам необходимо переосмыслить и скорректировать свою политику, чтобы добиться нормализации и улучшения отношений.

Литература

1. Гранин Р. С. 2018. 03. 007. Хёгселиус П., Даши Я. Скрытая интеграция Евразии: отношения Восток – Запад в истории техники. Högselius P., Dazhi Y. The hidden integration of Eurasia: East-West relations in the history of technology // Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum. – Tallinn, 2017. – vol. 5, n 2. – p. 71–99 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 2018. № 3.
2. Косов Ю.В. Особенности геополитических процессов в Центральной Европе // Управленческое консультирование. 2009. № 3.
3. Шипоша Марина Александровна Политическая стабильность. Влияние западных санкций на уровень политической стабильности в России // Наука без границ. 2017. № 8 (13).
4. Караганов Сергей Александрович Новые вызовы безопасности: Россия и Запад // Современная Европа. 2002. № 1 (9).

DYNAMIC CHANGES IN RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND WESTERN COUNTRIES

Su Tengfei

Tomsk State University – Russian Federation, Tomsk.

The relationship between Russia and Western countries has undergone a complex and volatile process of evolution. Historically, Russia and the West have both cooperated and conflicted. These interactions have been reflected on many levels, including geographic, cultural, political, and economic. The purpose of this article is to analyze the dynamic changes in the relationship between Russia and Western countries, explore the opportunities for cooperation between the two sides and the challenges associated with conflict, and provide recommendations for understanding the current international landscape.

Keywords: Russia, Western countries, evolution of relations, cooperation, conflict

References

1. Granin R. S. 2018. 03. 007. Högselius P., Dazhi Y. The hidden integration of Eurasia: East-West relations in the history of technology // Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum. – Tallinn, 2017. – vol. 5, n 2. – p. 71–99 // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 3, Philosophy: Abstract journal. 2018. No. 3.
2. Kosov Yu.V. Features of geopolitical processes in Central Europe // Management consulting. 2009. No. 3.
3. Shiposha Marina Aleksandrovna Political stability. The influence of Western sanctions on the level of political stability in Russia // Science without borders. 2017. No. 8 (13).
4. Karaganov Sergey Aleksandrovich New security challenges: Russia and the West // Modern Europe. 2002. No. 1 (9).

Цюй Яньвэнь,
магистр, МГУ
E-mail: 1287051172@qq.com

Исследование посвящено анализу сотрудничества и конкуренции России и Китая в Арктике, включая их совместные усилия в области разработки природных ресурсов, инфраструктуры и экологических исследований, а также конкуренцию за контроль над арктическими морскими маршрутами и стратегическими интересами. На основе анализа политических документов, официальных заявлений и международных соглашений работа оценивает влияние российско-китайского сотрудничества на управление Арктикой и рассматривает потенциальные последствия для глобального управления и региональной стабильности. Результаты исследования показывают, что российско-китайские отношения в Арктике характеризуются как сотрудничеством, так и конкуренцией, и подчеркивают необходимость использования прозрачных и многополярных механизмов для предотвращения конфликтов в будущем.

Ключевые слова: Арктика, Россия, Китай, международные отношения, управление, конкуренция

Introduction

The Arctic region has emerged as a focal point in contemporary international relations due to its growing geopolitical, economic, and environmental significance. As climate change accelerates the melting of polar ice, the Arctic has become increasingly accessible, unveiling vast untapped resources such as oil, gas, and minerals, as well as opening new strategic shipping routes like the Northern Sea Route.[1] These developments have heightened the region's importance on the global stage, attracting the attention of both Arctic and non-Arctic states. Among these actors, Russia and China have positioned themselves as key players, each pursuing distinct yet overlapping objectives. Russia, as the largest Arctic nation, regards the region as a cornerstone of its national strategy, emphasizing sovereignty and control over resource development and shipping lanes. China, on the other hand, has declared itself a "near-Arctic state," framing its Arctic engagement within the broader context of its global Belt and Road Initiative, specifically through the Polar Silk Road. This interplay of interests underscores the dual dynamics of cooperation and competition in Russian-Chinese relations in the Arctic.

The cooperative dimension of Russian-Chinese relations in the Arctic is evident in their shared interests in resource development, infrastructure investment, and scientific research. Joint ventures, such as the Yamal LNG project, highlight their ability to collaborate on large-scale energy projects, while agreements on Arctic shipping and port development illustrate mutual benefits in expanding economic connectivity. [2] At the same time, their activities are aligned with broader multilateral frameworks, such as the Shanghai Cooperation Organization (SCO), which fosters dialogue and collaboration on regional issues. However, these cooperative efforts coexist with underlying competitive tensions. Russia views the Arctic as a zone of exclusive influence, asserting control over the Northern Sea Route and emphasizing its sovereignty through legal and military means.[3] Conversely, China's growing presence in the region, characterized by significant investments and scientific expeditions, raises concerns about potential challenges to Russia's dominance and broader implications for Arctic governance.

This paper seeks to analyze the nuanced interplay of cooperation and competition in Russian-Chinese relations in the Arctic. By examining their shared objectives and conflicting strategies, the study aims to provide a comprehensive understanding of how these dynamics shape the Arctic's geopolitical landscape. Furthermore, the research explores the implications of this bilateral relationship for global governance and regional stability, particularly in the context of rising multipolarity and shifting power dynamics in international relations. To achieve these objectives, the study employs analytical and comparative methodologies, drawing on policy documents, official statements, and case studies. This approach enables a detailed examination of the institutional frameworks, strategic initiatives, and policy priorities underpinning Russian-Chinese interactions in the Arctic. By providing an in-depth analysis of these themes, the paper contributes to the broader discourse on international relations, highlighting the Arctic as a pivotal arena for understanding contemporary global power shifts and the evolving nature of cooperation and competition between major states.

The Strategic Importance of the Arctic

The Arctic has become a region of immense geopolitical significance in recent decades, driven by its rich natural resources, strategic shipping routes, and increasing global attention to climate change. As the ice sheets continue to melt due to rising global temperatures, previously inaccessible areas of the Arctic are becoming open for exploration and exploitation. This has led to a heightened competition among Arctic and non-Arctic states alike, each seeking to secure their interests in this newly accessible area. The region's vast deposits of untapped resources, including oil, natural gas, minerals, and rare earth metals, are highly coveted, offering potential economic benefits that are crucial for global energy markets and industrial production. Additionally, the opening of the Northern Sea Route and other maritime passages through the Arctic has dramatically shortened shipping times between major global markets, positioning the Arctic as a key strategic corridor for global trade.[4] These changes in the Arctic landscape have, in turn, transformed the region into an arena of geopolitical rivalry, where national security, economic interests, and environmental considerations intersect.

In light of these developments, the Arctic's governance has become a complex issue, shaped by both international legal frameworks and regional cooperation mechanisms. Central to the legal governance of the Arctic is the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS), which provides the foundational legal framework for territorial claims, maritime boundaries, and the exploitation of natural resources.[5] UNCLOS governs the delimitation of maritime zones, including Exclusive Economic Zones (EEZs), and outlines the rights and obligations of states in the use of the seas. For Arctic states like Russia, Canada, and the United States, UNCLOS serves as a key reference point for asserting territorial claims and managing the region's resources. Russia, in particular, has made use of UNCLOS to assert its claim over the extended continental shelf in the Arctic, particularly in areas rich in oil and gas reserves. However, this legal framework does not resolve all disputes, particularly in the context of overlapping claims between Arctic states and the growing involvement of non-Arctic actors, such as China.

The Arctic Council, an intergovernmental forum established to promote cooperation and coordination among Arctic states, plays a pivotal role in facilitating dialogue and collaboration on issues related to sustainable development, environmental protection, and indigenous rights. While it does not have binding authority on matters of sovereignty or military security, the Council provides a platform for managing the Arctic's complex challenges through consensus-based decision-making. For Russia and China, the Arctic Council represents an important venue for engaging with other Arctic and non-Arctic states in shaping policies on regional governance, environmental protection, and economic development. Russia, as a key player in the Arctic, has actively used the Council to advocate for its interests, while China, as an observer state, has sought to strengthen its position in the region through active participation in the Council's working groups and initiatives.

However, Russia's and China's perspectives on Arctic governance differ in several important ways. Russia, with its extensive territorial claims and military presence in the Arctic, views the region primarily through the lens of national security and sovereignty. For Russia, the Arctic is not only a valuable economic and environmental space but also a crucial strategic zone, with its proximity to NATO members and the potential for military confrontation.[6] As such, Russia has prioritized strengthening its military presence in the Arctic, deploying new bases, conducting military exercises, and securing control over the Northern Sea Route. This assertive

approach has led to tensions with NATO countries and raised concerns about the militarization of the Arctic.

China, on the other hand, approaches the Arctic from the perspective of its broader geopolitical and economic interests. Although it does not possess territorial claims in the region, China has sought to establish itself as a "near-Arctic state" with legitimate stakes in Arctic affairs. China has made substantial investments in Arctic infrastructure, such as ports and shipping routes, and has actively pursued scientific research in the region. China's engagement in the Arctic is also closely linked to its broader Belt and Road Initiative (BRI), with the Polar Silk Road seen as a key component of China's efforts to expand its influence over global trade routes and secure access to Arctic resources. As a rising global power, China is eager to assert its role in shaping the future of Arctic governance, advocating for greater international cooperation and inclusivity in decision-making processes that involve non-Arctic states.

The contrasting perspectives of Russia and China on Arctic governance illustrate the complexity of managing this vital region. While Russia prioritizes territorial sovereignty and security concerns, China emphasizes economic opportunities and its growing influence in global governance. This divergence in priorities has created both opportunities for cooperation, such as joint ventures in resource extraction and scientific research, and sources of tension, particularly in the areas of shipping routes, environmental protection, and military security. Understanding these differing perspectives is crucial for analyzing the future trajectory of Russian-Chinese relations in the Arctic and their broader implications for international relations. The region's evolving governance structure will likely be shaped by the interaction of these competing priorities, as well as the growing involvement of other global actors with interests in the Arctic's future.

Russian-Chinese Cooperation in the Arctic

Russian-Chinese cooperation in the Arctic is underpinned by a shared interest in the region's economic, environmental, and strategic opportunities. The Arctic's rich natural resources, particularly its vast reserves of oil, natural gas, and minerals, have attracted both Russia and China, each seeking to capitalize on the region's economic potential. The Yamal LNG project, a major liquefied natural gas initiative located in the Russian Arctic, serves as a key example of this cooperation. China's state-owned enterprises have been significant investors in the project, contributing both capital and technological expertise.[7] The venture exemplifies the mutual benefits derived from joint resource development in the Arctic, with China securing access to critical energy supplies, while Russia gains investment and infrastructure support for one of its most remote and challenging regions. This partnership not only serves economic interests but also strengthens the bilateral ties between the two countries, offering Russia a reliable market for its energy exports and China a secure supply chain for its growing energy demands.

In addition to energy resource development, infrastructure investments are another critical area of cooperation. The Arctic region's unique geographic and environmental challenges have created a demand for significant investments in infrastructure, particularly in the areas of shipping, ports, and logistics. China, with its expertise in large-scale infrastructure projects, has invested in the development of Arctic shipping routes and port facilities that are vital for the region's economic connectivity. The Northern Sea Route, which has become more accessible due to climate change, represents a key maritime corridor for both Russian and Chinese interests. By investing in the construction of ports and facilitating the flow of goods through this route, China is positioning it-

self as a central player in the evolving Arctic trade landscape. Russia, for its part, views the expansion of the Northern Sea Route as a means to assert its dominance over Arctic shipping, while simultaneously benefiting from China's investment in infrastructure that enhances the economic viability of the route. This collaborative effort highlights the strategic significance of the Arctic for both nations as a key component of their broader economic and geopolitical agendas.

Environmental and scientific cooperation further reinforces the partnership between Russia and China in the Arctic. As climate change accelerates in the region, both countries recognize the importance of working together on environmental issues, including monitoring and mitigating the impacts of rising temperatures, ice melting, and ecosystem disruption. Joint scientific research expeditions in the Arctic have provided both countries with valuable data on the changing environment, enhancing their understanding of Arctic climate patterns and contributing to global knowledge on environmental protection. Furthermore, the shared interest in preserving the Arctic's fragile ecosystems has led to collaborative efforts to promote sustainable development practices in the region. While both Russia and China are committed to exploiting Arctic resources, they also understand the necessity of balancing economic development with environmental stewardship, recognizing the global significance of preserving the Arctic as a critical ecological zone.

To facilitate these areas of cooperation, Russia and China have established several institutional mechanisms that serve as frameworks for joint action in the Arctic. Bilateral agreements and memoranda of understanding (MOUs) form the backbone of their collaboration, outlining specific projects, roles, and expectations.[8] These formal agreements ensure that both parties are committed to maintaining a stable and cooperative relationship, while also providing the necessary legal frameworks for joint ventures in energy development, infrastructure, and scientific research. Through these mechanisms, Russia and China have been able to synchronize their efforts, facilitating smooth cooperation in complex and sensitive areas such as resource extraction and environmental protection. Moreover, these agreements help to mitigate potential conflicts by establishing clear guidelines for the division of responsibilities and benefits, ensuring that both parties can work toward mutually beneficial outcomes.

In addition to bilateral agreements, the two countries also align their Arctic strategies within broader multilateral frameworks, particularly the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The SCO provides a platform for Russia and China to engage with other regional and global powers on issues related to Arctic governance, regional security, and economic development. While the SCO's primary focus is not on Arctic issues, its role in fostering diplomatic dialogue and economic cooperation among its members creates an environment conducive to Russian-Chinese collaboration in the Arctic. Both nations use the SCO to strengthen their bilateral ties and to advocate for their shared interests in the region, such as promoting peaceful development and preventing external interference in Arctic affairs. This alignment within multilateral frameworks further enhances the stability and legitimacy of their cooperation in the Arctic, ensuring that their joint efforts are in line with broader international norms and expectations.

Through these cooperative initiatives, Russia and China are not only enhancing their economic and strategic interests in the Arctic but also contributing to the region's development in a manner that aligns with their broader geopolitical objectives. The partnership between the two countries in the Arctic reflects a deepening of their bilateral relationship, characterized by shared interests in energy, infrastructure, and environmental sustainability. As both nations continue to expand their presence in the Arctic, their cooperation will likely evolve

to address emerging challenges and opportunities, shaping the future of the region and its role in global geopolitics.

Competitive Dynamics in the Arctic

While cooperation between Russia and China in the Arctic is robust and multifaceted, their relationship is also marked by significant competitive dynamics. These tensions arise from diverging geopolitical agendas, economic rivalry, and differing security priorities. Understanding the competitive aspects of Russian-Chinese interactions in the Arctic is crucial to assessing the future trajectory of the region's geopolitical stability and global governance.

Russia's primary concern in the Arctic lies in preserving its sovereignty and asserting control over the Northern Sea Route (NSR).[9] As the Arctic's most significant littoral state, Russia has long regarded the region as an integral part of its national security and strategic interest. The NSR, which traverses Russian territory along the Arctic coast, is considered a vital corridor for global shipping and a key element of Russia's economic and geopolitical strategy. Moscow has taken extensive measures to secure its dominance over this route, emphasizing its legal and military authority through the extension of its continental shelf claim and by expanding its military presence in the region. Russia's control over the NSR is not just about economic gain; it is also about maintaining national security in a region that is rapidly becoming a site of global strategic competition. While Russia has engaged in cooperation with China on Arctic infrastructure projects, it remains cautious about China's long-term ambitions in the region. Russia is determined to safeguard its dominance over this critical sea route, viewing it as a matter of both economic and geopolitical necessity.

On the other hand, China's approach to the Arctic is shaped by its self-declared status as a "near-Arctic state" and its broader ambitions to enhance its geopolitical influence. While China does not have territorial claims in the Arctic, it has increasingly positioned itself as an active participant in Arctic affairs, primarily through its Polar Silk Road initiative, which aligns with its Belt and Road Initiative (BRI). This initiative seeks to establish new trade routes, enhance economic cooperation, and secure access to the region's natural resources. China's growing interest in the Arctic is driven by its need for energy resources, its desire to establish a strategic presence in global shipping, and its overarching goal of asserting influence over global governance mechanisms. While Russia has welcomed Chinese investment in Arctic resource extraction and infrastructure development, it views China's expanding role in the region with a degree of caution, particularly as China's aspirations could eventually challenge Russia's dominant position. The potential competition between Russia and China over access to Arctic resources, shipping routes, and infrastructure investments poses a complex challenge, one that could create friction between their strategic objectives in the region.

Economically, the competition between Russia and China is evident in their respective efforts to secure access to the Arctic's vast natural resources. While both countries benefit from joint energy projects such as the Yamal LNG venture, their economic interests in the region are not entirely aligned. China's increasing demand for energy, coupled with its investments in Arctic infrastructure, positions it as a potential competitor to Russia in securing exclusive access to resource-rich areas, particularly in the Russian Arctic. China's growing influence in Arctic resource extraction could undermine Russia's control over its energy sector and pose a challenge to its ability to dominate regional energy markets. Furthermore, as China deepens its involvement in Arctic infrastructure development, such as ports and shipping routes,

it could shift the balance of power in terms of transportation networks, potentially diminishing Russia's leverage over the Northern Sea Route. This economic rivalry, though currently mitigated by cooperation in certain projects, has the potential to evolve into a more pronounced competition as both nations continue to pursue their strategic goals in the Arctic.

Strategically, the competitive dynamics between Russia and China in the Arctic are also shaped by their differing security concerns. Russia has increasingly militarized the Arctic as part of its broader security strategy, viewing the region as an extension of its defense perimeter. The establishment of new military bases, deployment of advanced weaponry, and regular military exercises in the Arctic reflect Russia's priority of ensuring its security and protecting its interests in this critical region. This militarization is not just a response to external threats; it is also a reflection of Russia's desire to reinforce its sovereignty over the Arctic and maintain control over strategic shipping routes. While Russia's militarization of the Arctic serves as a deterrent to potential foreign intervention, it also adds to the region's growing security complexity, particularly in the context of increasing foreign interest from non-Arctic states, such as China.

China, by contrast, has focused on expanding its presence in the Arctic through non-military means, particularly scientific research and economic activities. While China has conducted research expeditions to study the Arctic environment and assess its resource potential, its involvement has been largely framed in terms of peaceful cooperation and environmental sustainability. However, as China's Arctic ambitions grow, concerns about its long-term intentions may arise. The expansion of China's economic presence in the region, through investments in infrastructure and resource extraction, could eventually lead to security concerns for Russia, particularly if China's increasing presence translates into greater political and strategic influence. Moreover, China's investment in Arctic shipping routes and port development may raise questions about its broader strategic interests, particularly in the context of its Polar Silk Road initiative. While China's increasing economic footprint in the Arctic is largely non-military in nature, its strategic and economic objectives may conflict with Russia's interests, especially as China seeks to exert more influence over the region's governance and infrastructure.

In conclusion, while Russia and China maintain a cooperative relationship in the Arctic, their competition over sovereignty, resources, and strategic influence is an undeniable feature of their interaction in the region. Russia's focus on preserving its control over the Northern Sea Route and safeguarding its security interests is increasingly at odds with China's growing ambitions to establish itself as a key player in Arctic affairs. As both nations continue to pursue their respective goals, the balance between cooperation and competition will shape the future of the Arctic's geopolitical landscape. The region's significance as a global economic and strategic hub ensures that the competitive dynamics between Russia and China will have far-reaching implications for international relations and global governance.

Implications for Global and Regional Governance

The evolving dynamics between Russia and China in the Arctic have significant implications for both global and regional governance, reshaping the existing frameworks that regulate Arctic affairs. Their growing cooperation and competition in the region challenge traditional geopolitical alignments, particularly those dominated by Western powers and established multilateral institutions. As Russia and China continue to deepen their engagement in Arctic economic, strategic, and environmental activities, their interactions are poised to

influence the governance of the Arctic, which has long been governed by international agreements such as the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) and the Arctic Council.[10] Russia's strong emphasis on sovereignty, territorial control, and military presence, coupled with China's increasing economic investments and efforts to influence Arctic governance, presents a complex challenge to the existing institutional order. While Russia and China have often framed their Arctic involvement in terms of cooperation, particularly through joint energy projects and scientific research, their strategic interests and competing agendas could undermine the cooperative principles that have traditionally underpinned Arctic governance. The potential for increased geopolitical competition, particularly with the involvement of non-Arctic states like China, raises questions about the future role of institutions like the Arctic Council and their ability to effectively manage disputes and promote sustainable development in the region.

In addition to impacting the governance structures of the Arctic, Russian-Chinese interactions also have broader implications for US-led alliances, European Arctic states, and indigenous communities. For the United States and its NATO allies, the increasing Russian militarization of the Arctic, coupled with China's growing influence, represents a strategic challenge. The US and its European allies, many of whom are Arctic states, are deeply invested in preserving the region's security, stability, and environmental integrity. As Russia strengthens its military presence in the Arctic, particularly along the Northern Sea Route, and China expands its footprint through infrastructure and resource projects, there is a growing concern among NATO members about the potential for the Arctic to become a flashpoint for conflict. The inclusion of China as a key player in Arctic governance, despite its lack of territorial claims in the region, is also contentious for the US and its European partners, who have historically viewed Arctic affairs as primarily the concern of Arctic states. The growing influence of non-Arctic powers in the region could further complicate diplomatic efforts to maintain stability and prevent militarization, making it difficult for Western nations to exert influence over key decisions related to Arctic resource extraction, environmental protection, and shipping routes.

For the European Arctic states, particularly those in the Nordic region, the presence of China and Russia in the Arctic presents a delicate balancing act. Countries such as Norway, Sweden, Finland, and Denmark, all of which have significant territorial claims and interests in the Arctic, find themselves navigating the complexities of Russian military assertiveness and China's expanding economic influence. While these nations have traditionally promoted cooperation in the Arctic, particularly through the Arctic Council, the growing involvement of Russia and China in resource extraction, infrastructure development, and shipping routes raises concerns about the future governance of the region. These countries are particularly wary of the environmental impacts of large-scale industrial projects, such as those promoted by Russian and Chinese companies, which could threaten fragile Arctic ecosystems. Additionally, the increasing presence of non-Arctic states with significant geopolitical and economic ambitions could undermine the regional autonomy of Arctic states and limit their ability to control key aspects of Arctic governance. In this context, European Arctic states must navigate competing pressures from both Russia and China while advocating for policies that safeguard their national interests and the environmental integrity of the region.

Indigenous communities in the Arctic are also profoundly affected by the growing competition between Russia and China, as well as the broader geopolitical shifts in the region. Indigenous populations, such as the Sámi in Scandina-

via and the Inuit in Canada, have long relied on the Arctic's ecosystems for their livelihoods, cultural practices, and way of life. The increasing industrialization of the region, driven by resource extraction projects, infrastructure development, and geopolitical competition, poses a direct threat to their traditional land use and the health of local ecosystems. Both Russia and China's large-scale resource projects, while economically beneficial for the involved countries, often fail to adequately address the environmental and social concerns of indigenous peoples. In particular, the expansion of energy extraction and shipping infrastructure risks further degrading fragile Arctic environments, which many indigenous groups depend on for subsistence and cultural continuity. Moreover, the increasing militarization of the Arctic, particularly by Russia, raises concerns about the potential disruption of indigenous communities' lives and rights. The involvement of non-Arctic powers like China in the region also raises questions about the inclusivity of decision-making processes, as indigenous voices may be marginalized in the face of broader geopolitical and economic interests.

The broader implications of Russian-Chinese activities in the Arctic thus extend beyond the immediate regional context, influencing global governance dynamics and reshaping the way Arctic affairs are managed. The increased involvement of non-Arctic states like China and Russia in Arctic governance challenges existing norms and raises questions about the future role of international organizations, such as the Arctic Council and UNCLOS, in maintaining a cooperative and sustainable framework for the region. The competitive dynamics between Russia and China further complicate this landscape, as their respective economic, security, and geopolitical priorities may diverge, creating potential points of conflict that could undermine the stability of the region. At the same time, the interests of Arctic states, indigenous communities, and environmental organizations must be safeguarded to ensure that the Arctic remains a space for peaceful cooperation and sustainable development, rather than a battleground for strategic rivalry. Ultimately, the evolving governance of the Arctic will depend on the ability of both Arctic and non-Arctic states to engage in dialogue, compromise, and respect for the environmental and cultural stakes of the region.

Conclusion

In conclusion, the Russian-Chinese relationship in the Arctic is characterized by a complex duality of cooperation and competition, which profoundly influences the region's geopolitical dynamics. On one hand, both countries have recognized the Arctic's strategic importance, leading to collaborative efforts in energy development, infrastructure projects, and scientific research. The Yamal LNG project and the development of the Northern Sea Route stand as key examples of this cooperation. On the other hand, their strategic interests diverge significantly, with Russia prioritizing sovereignty and military control over the Arctic, particularly the Northern Sea Route, while China aims to expand its influence through its Polar Silk Road initiative. This tension between shared goals and competing ambitions highlights the Arctic as both an opportunity for bilateral cooperation and a challenge that could potentially escalate into geopolitical rivalry. The ongoing balance between these two dynamics will be a critical factor in shaping the future stability of the region.

In light of these complexities, several policy recommendations can be made to ensure that Russian-Chinese interactions in the Arctic lead to positive outcomes for both regional stability and global governance. First, there should be a concerted effort to encourage transparent and balanced cooperation through multilateral frameworks such as the Arctic Council, which can help facilitate dialogue and ensure that

the interests of all Arctic and non-Arctic states are taken into account. Both Russia and China should engage in cooperative mechanisms that prioritize environmental sustainability and respect for indigenous rights, particularly in the context of resource extraction and infrastructure development. Furthermore, addressing competitive dynamics through dialogue and conflict prevention measures is crucial to preventing tensions from escalating into broader geopolitical confrontations. Regular diplomatic exchanges and collaborative efforts on scientific and environmental issues could mitigate the risks posed by their competing strategic interests in the region.

Finally, future research on Russian-Chinese relations in the Arctic should focus on the roles played by other Arctic and non-Arctic states, as these actors are integral to the region's geopolitical landscape. Investigating the involvement of countries like the United States, Canada, and European Union member states, as well as other emerging powers like India, would provide a more comprehensive understanding of the Arctic's evolving governance structures. Additionally, long-term studies on the impact of climate change on Arctic geopolitics are crucial, as the rapidly changing environment is likely to amplify competition over resources and shipping routes while also posing significant challenges to environmental governance. Research that explores these dimensions will help policymakers anticipate future trends and better navigate the complex and dynamic landscape of Arctic affairs.

Литература

1. Сюзьнь С. Российско-китайское арктическое сотрудничество в энергетической сфере: состояние, возможности, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2017. Т. 9. № 2. С. 134–169.
2. Гусевская Н. Ю., Муромова Ю.В. Российско-китайское сотрудничество в Арктике: возможности и вызовы // Россия-Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке. 2017. С. 20–28.
3. Ананских И. А., Литвинов Н.Д., Даржанов А.А. и др. Российская Арктика в механизме Китайской геополитики и гибридных войн // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 126–148.
4. Петровский В.Е. Новый военно-политический ландшафт в Арктике: прогнозы из Китая // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 74–86.
5. Ковалев А.А. Движущие силы перемен в Арктике и их влияние на региональную безопасность // Международные отношения. 2019. № 3. С. 38–50.
6. Коньшев В. Н., Сергунин А.А. Арктика на перекрестке геополитических интересов // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9. С. 43–53.
7. Зубарев А. Е., Тишков А.В. Развитие добычи и производства сжиженного природного газа в Российской Арктике // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2021. № 1. С. 77–86.
8. Савкович Е. В., Маркова Д.С. Инвестиционное сотрудничество России и Китая в рамках инициативы «Один пояс и один путь» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2018. Т. 13. № 2 (176). С. 18–27.
9. Семченков А. С., Несолена А.К. Безопасность Северного морского пути и Арктической зоны России // Вестник российской нации. 2018. № 1. С. 166–182.
10. Лукин Ю.Ф. Договор между Россией и Норвегией – шаг к мирному разделу морского пространства Арктики // Арктика и Север. 2011. № 2. С. 59–96.

RUSSIAN-CHINESE COOPERATION AND COMPETITION IN ARCTIC AFFAIRS

Qu YanWen

Moscow state university

This study explores the cooperation and competition between Russia and China in the Arctic region, analyzing their collaboration in resource development, infrastructure construction, and environmental research, while also revealing their competition over control of Arctic shipping routes and strategic interests. Through the analysis of political documents, official statements, and international agreements, the paper aims to assess the impact of Russian-Chinese cooperation on Arctic governance and examine the potential implications for global governance and regional stability. The findings suggest that Russian-Chinese relations in the Arctic are characterized by both cooperation and competition, and that future efforts should focus on promoting balanced cooperation through transparent and multilateral mechanisms to prevent conflicts arising from competition.

Keywords: Arctic, Russia, China, international relations, governance, competition

References

1. Xiuwen S. Russian-Chinese Arctic cooperation in the energy sector: status, opportunities, prospects // *Bulletin of Moscow University. Series 25. International relations and world politics.* 2017. Vol. 9. No. 2. Pp. 134–169.
2. Gusevskaya N. Yu., Muromova Yu.V. Russian-Chinese cooperation in the Arctic: opportunities and challenges // *Russia-China: development of regional cooperation in the 21st century.* 2017. Pp. 20–28.
3. Ananskikh I. A., Litvinov N.D., Darzhanov A.A. et al. Russian Arctic in the mechanism of Chinese geopolitics and hybrid wars // *Legal science: history and modernity.* 2019. No. 11. Pp. 126–148.
4. Petrovsky V.E. New military-political landscape in the Arctic: forecasts from China // *Arctic and North.* 2024. No. 54. Pp. 74–86.
5. Kovalev A.A. Driving forces of change in the Arctic and their impact on regional security // *International relations.* 2019. No. 3. Pp. 38–50.
6. Konyshov V. N., Sergunin A.A. The Arctic at the crossroads of geopolitical interests // *World economy and international relations.* 2010. No. 9. Pp. 43–53.
7. Zubarev A. E., Tishkov A.V. Development of extraction and production of liquefied natural gas in the Russian Arctic // *Bulletin of the Pacific State University.* 2021. No. 1. Pp. 77–86.
8. Savkovich E. V., Markova D.S. Investment cooperation between Russia and China within the framework of the «One Belt, One Road» initiative // *Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 3, Social Sciences.* 2018. Vol. 13. No. 2 (176). Pp. 18–27.
9. Semchenkov A. S., Nesolenaia A.K. Security of the Northern Sea Route and the Arctic zone of Russia // *Bulletin of the Russian Nation.* 2018. No. 1. Pp. 166–182.
10. Lukin Yu.F. The treaty between Russia and Norway is a step towards a peaceful redistribution of the Arctic maritime space // *Arctic and North.* 2011. No. 2. Pp. 59–96.

Анализ эффективности использования «мягкой силы» Республики Корея в юго-восточном регионе

Кулакова Нина Николаевна,

к.п.н., доцент, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: nnkulakova@fa.ru

Кречетов Арсений Васильевич,

студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: krarsenij@gmail.com

Тарунтаева Варвара Валерьевна,

главный специалист Центра общественных связей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: t-varvara-1679@yandex.ru

В современном, высоко конфликтногенном мире, особое значение приобретает умение конструктивным способом продемонстрировать состоятельность и привлекательность своего государства. Эффективных внешнеполитическим инструментом такого рода является «мягкая сила» или как называют другие исследователи – «невоенная сила» в дипломатическом противостоянии. Одним из лидеров по успешному применению данного направления дипломатии в Юго-Восточной Азии стала Республика Южная Корея. Южная Корея демонстрирует пример результативной работы по всем направлениям продвижения своих интересов в государствах региона. Объектом влияния Республики становится гражданское общество – молодёжь, студенты, преподаватели; формальные структуры – учреждения культуры и университеты, бизнес-ассоциации и отдельные предприниматели. Статистические показатели, демонстрирующие высокую результативность применения «мягкой силы» Южной Кореей, были заложены в авторские графики, рисунки и таблицы, сопровождающие теоретические материалы статьи.

Ключевые слова: «мягкая сила», Южная Корея, Юго-Восточная Азия, индикаторы, культурный индикатор, социальный индикатор, экономический индикатор, эффективность.

В современной мировой политике существует широкий диапазон способов оказания влияния на своего потенциального партнера или оппонента, одним из которых является применение «мягкой силы». Согласно определению американского политолога, Дж. Ная основная функция «мягкой силы» (soft power) заключается в воздействии на другие государства через формирование привлекательного образа своей страны для реализации собственных целей [9]. «Мягкая сила», как понятие и алгоритм действий, противопоставляется жесткой силе, характерной для реалистской парадигмы международных отношений. В теории использования «мягкой силы» акцент смещается с принуждения к какому-либо решению на обусловленную добровольность выбора, подчеркивается обоюдная заинтересованность акторов в построении диалога.

Выбор Юго-Восточной Азии (ЮВА) в качестве объекта для анализа влияния «мягкой силы» Республики Корея (Южная Корея) в данном исследовании обуславливается её тесным и успешным политико-экономическим взаимодействием со странами Юго-Восточной Азии. В настоящее время Южная Корея является крупным политическим и экономическим партнером стран ЮВА. Республика совместно с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которые географически находятся в Юго-Восточной Азии, участвует в одном из крупнейших и перспективных соглашений о сотрудничестве - интеграционном проекте Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), предполагающем создание зоны свободной торговли.

В настоящее время страны АСЕАН занимают 5 место в числе крупнейших экспортеров и импортеров в Республику Корея. Страны Юго-Восточной Азии экспортируют 10% всех товаров в Республику, в структуре импорта их доля равна 11% [4]. В последние годы этот уровень постоянно растет, и Юго-Восточная Азия имеет все шансы вскоре стать одним из самых развитых экономических регионов мира. Анализ данных свидетельствуют, что страны Юго-Восточной Азии имеют разносторонние и тесные связи с Республикой Корея, что позволяет предположить взаимодействие в информационно-коммуникативной, гуманитарной и других сфер этих государств. Представленная далее авторская диаграмма дает понимание структуры экспорта и Республики Корея в 2022 году [4] (рис. 1).

Устойчивый вектор на расширение культурного и образовательного присутствия Южной Кореи в данном регионе мира, направления и способы реализации стратегии её «мягкой силы» аргументирует интерес и целесообразность выбора темы.

С целью оценки эффективности «мягкой силы» Южной Кореи проводится анализ трех индикаторов: культурного, социального, экономического.

Такая сегментация «мягкой силы» оправдывается относительной простотой количественного способа измерения отдельных категорий привлекательности по срав-

нению с традиционным более широким диапазоном методов исследования монолитной «мягкой силы».

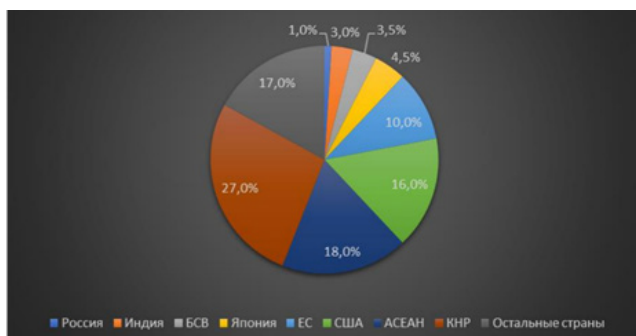

Рис. 1. Распределение экспорта Республики Корея по странам в 2022 г.

Культурный аспект подразумевает распространение продуктов культуры страны, использующей «мягкую силу», с последующей ее популяризацией в мировом информационном пространстве. Увлеченность музыкой страны и приток туристов отражают успех мероприятий, цель которых заключается в повышении интереса иностранных граждан к культуре страны, в которую они прибывают, что является одной из приоритетных задач «мягкой силы» любого государства. Динамика поисковых запросов населения исследуемого региона отражает уровень внимания иностранных граждан к другим культурам и, соответственно, выступает показателем эффективности использования «мягкой силы».

Под социальным индикатором подразумевается институционализация образа страны в представлениях молодых трудоспособных иностранцев в качестве предпочтительного места работы и учебы. Для исследования данного индикатора используется статистика иностранных студентов, а также уровень притока мигрантов из исследуемого региона в страну, использующую инструменты «мягкой силы». Обучение иностранных студентов является одним из важных инструментов «мягкой силы», который позволяет формировать у прибывающих в страну положительный образ государства, в котором они учатся. Аккомодация и привыкание мигрантов к новой культуре и коренным жителям способствует формированию у них более положительного отношения и симпатии по сравнению с теми, кто в этой стране не был.

Миграция людей, за исключением случаев вынужденных переселенцев и беженцев в следствие природных катаклизмов и войн, основывается преимущественно на результатах целенаправленной деятельности по формированию привлекательного образа и положительного восприятия страны, куда направляются трудовые потоки. Следовательно, движение трудовых мигрантов также является показателем использования «мягкой силы» и одним из факторов, отражающих уровень ее эффективности.

Экономический индикатор отображает уровень привлекательности страны, как делового партнера и объекта инвестирования. Политика «мягкой силы» имеет своей целью воздействие не только на гражданское общество, но и на политико-экономических акторов других государств с целью выстраивания с ними выгодных для страны-субъекта торговых и политических отношений. Развитие деловых связей, объем инвестиций, направленных из страны объекта «мягкой силы» в страну, использующую ее инструменты, является одним из показателей, отражающих эффективность применения данного инструмента.

Культурный индикатор «мягкой силы» Республики Корея

Для проведения анализа и оценки культурного индикатора «мягкой силы» Южной Кореи была привлечена статистика туристического потока и динамика поисковых запросов в ЮВА, связанных с этой Республикой. Правительство Южной Кореи показывает высокую заинтересованность к развитию сферы туризма в своей стране, о чем свидетельствуют широкие меры поддержки и стимулирования отрасли.

Например, в 2020 году в связи с пандемией COVID-19 приток туристов в страну значительно сократился, правительство с целью поддержки сферы международного туризма приняло решение об увеличении её финансирование и выделило для этого 300 млрд долларов [3]. Отдельное внимание было уделено расширению возможностей для туристов из Юго-Восточной Азии. Так, Южная Корея упрощает условия выдачи виз для групповых посетителей из Вьетнама, Филиппин и Индонезии, а также наращивает общее количество международных рейсов с этими странами. Такого рода мероприятия отвечают целям правительства Республики Корея по увеличению объема туристического потока в страну до 30 млн к 2027 году. Эту же цель преследует принятие еще одного важного решения – увеличению количества центров поддержки туристических корпораций до 14 в Южной Кореи и до 10 за рубежом, тогда как в настоящее время функционируют всего 7 центров на территории самой страны и всего 1 за рубежом. При этом единственный центр, функционирующий за рубежом, находится также в Юго-Восточной Азии, в Сингапуре, что также свидетельствует о важности данного региона для развития туризма в Южной Кореи. В настоящее время туризм является одним из высокодоходных и эффективных направлений политики «мягкой силы» Южной Кореи. Представленная ниже таблица показывает насколько успешно обстоят дела с развитием взаимодействия Республики Корея с Юго-Восточной Азией в этой сфере (табл. 1).

Таблица 1. Иностранные туристы, прибывающие в Южную Корею (в тыс.)

	2020 г.		2021 г.		2022 г.
КНР	686	США	204	США	281
США	220	КНР	170	КНР	123
Филиппины	116	Филиппины	116	Филиппины	107
Вьетнам	82	Мьянма	57	Вьетнам	79
Россия	73	Индонезия	47	Таиланд	67
Индонезия	67	Россия	33	Япония	56
Мьянма	43	Индия	31	Индонезия	50
Канада	35	Канада	30	–	
Индия	34	Вьетнам	23	–	
Германия	22	Германия	20	–	

Представленные годовые статистические данные по объему туристического потока в Южную Корею в период 2020–2022 гг. и его дифференциация по странам [15]. Представленная информация позволяет сделать вывод, что страны Юго-Восточной Азии стабильно занимают 4 из 10 первых мест по количеству гостей, прибывших в Южную Корею в представленные годы с целью туризма. Традиционно это жители Филиппин, число

которых в указанный период не спускалось ниже 3 места, далее вьетнамцы, жители Мьянма и индонезийцы, в 2022 году к ним присоединились ещё и туристы из Таиланда. Исходя из данных, отображенных на диаграммах, можно говорить о растущем туристическом потоке из ЮВА, что позволяет утверждать о довольно успешном использовании инструмента туристической привлекательности Южной Кореи в Юго-Восточной Азии.

Еще одним важным культурным индикатором является наличие некоторых феноменов, зародившихся в Южной Корее под воздействием её культурных особенностей, ставших популярными во всем мире и являющимися визитной карточкой этой страны. На пример таким является музыкальный жанр k-pop. Важно отметить, что государство активно продвигает k-pop в качестве некоего бренда, посредством которого у молодого поколения многих стран эффективно формируется привлекательный образ Южной Кореи, а поклонников данного жанра мечтают лично познакомиться с культурой Республики. Для обозначения роста влияния и популярности корейской индустрии развлечений, в том числе музыкального контента, используется термин «Халлю» или более привычно «Корейская волна». По некоторым данным, именно Министерство культуры и туризма Южной Кореи поспособствовало столь быстрому распространению данного понятия. Ссылаясь на работу Н.К. Hogarth «The Korean Wave: An Asian Reaction to Western-Dominated Globalization», можно рассматривать «корейскую волну» как феномен, связанный с созданием благоприятного образа Южной Кореи при помощи популяризации культуры государства изначально среди Юго-Восточных стран, а далее и во всем мире [1].

За счет «экспорта» культуры: от музыки до кухни (кимчи – блюдо из острых квашенных овощей, включено в список наследия ЮНЕСКО), от телепередач до видеоигр – Южной Корее удалось заинтересовать весь мир грамотно проработанным имиджем и хорошо поданной культурной традицией с элементами современности и приверженности новым тенденциям. При этом государство весьма успешно монетизировало внимание к своей национальной культуре. Ежегодно k-pop делает вклад в ВВП Южной Кореи в размере около 10 миллиардов долларов [5]. В 2019-м году только «BTS» (мужская музыкальная группа) сделала вклад в размере 0,3% от общего ВВП страны [3].

Политика культурного развития правительства Южной Кореи внесли значительный вклад в рост k-pop, способствовала его признанию и мировой популярности. Для дальнейшего развития и процветания k-контента государство создало агентства культурной компиляции, предоставляющие инфраструктурную и финансовую помощь как состоявшимся развлекательным агентствам, так и стажерам. В частности, в 2023 году Южная Корея выделила 650 млн долларов для проведения рекламных мероприятий, в которых k-pop отведена одна из ключевых ролей, направленная на дальнейшее повышение привлекательности культуры этой страны для граждан других государств [2].

Для анализа эффективности данного направления было использовано web-приложению «Google trends», отображающее частоту запросов терминов по отношению к общему объему поисковых запросов в различных регионах мира. Запросам присваиваются баллы от 0 до 100, где 100 баллов означают местоположение с наибольшей долей популярности запроса. Для исследования был применен поиск на английском языке, в качестве языка международного общения по термину «k-pop» как музыкальному жанру. Временной промежуток – последние 5 лет с 2019 по 2023 г. (табл. 2).

Таблица 2. Статистика поисковых запросов жанра «K-pop», 2019–2023 гг.

Страны	Кол-во запросов
Филиппины	100
Мьянма	100
Сингапур	68
Малайзия	58
Индонезия	56
Камбоджа	43
Непал	36
Республика Корея	32
Ирак	28
Вьетнам	27

Представленная таблица 2 наглядно демонстрирует, что наибольшее количество запросов по данной теме исходило именно из стран Юго-Восточной Азии. 7 из 11 стран, географически принадлежащих региону, находятся в топ 10 по частоте запросов по термину «k-pop» в мире. Исходя из имеющихся данных, в Филиппинах и Мьянме наблюдается колоссальный интерес к этому музыкальному жанру.

Представленный анализ позволяет утверждать, что Южная Корея весьма эффективно реализует культурную составляющую ресурса «мягкая силы». Особенно успешным направлением, имеющим высокий потенциал роста интереса, является распространения национальной музыки и кухни.

Социальный индикатор «мягкой силы» Республики Корея

Весомым социальным индикатором успешности публичной дипломатии Южной Кореи выступает обучение студентов из стран Юго-Восточной Азии. Ежегодно примерно 30 000 иностранных студентов становятся выпускниками южнокорейских университетов. Более того, с целью дальнейшего привлечения большего количества иностранных студентов правительство Южной Кореи приняло решение понизить требования к знанию корейского языка для студентов первых курсов университетов и поддержать их материально. Также в рамках программы Global Korea Scholarship к 2027 году планируется предоставить финансовую помощь 2700 иностранным студентам, обучающимся на естественнонаучных и инженерных направлениях магистратуры и докторантуры [13] (рис. 2).

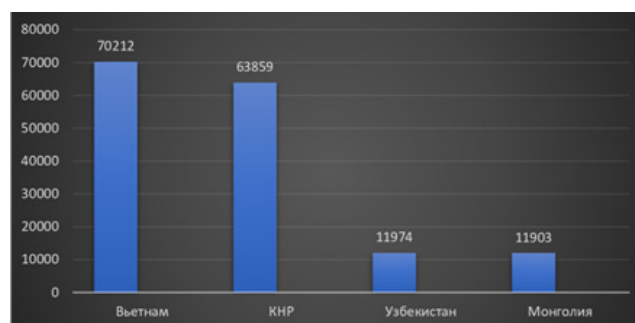

Рис. 2. Рейтинг стран по количеству иностранных студентов, обучающихся в Южной Корее, 2022 г.

В рейтинге стран по количеству представителей, проходящих обучение в Южной Корее в 2022 году лидирующее место занимал Вьетнам, а его доля по разным дан-

ным составляет примерно 35% от общего объема иностранных студентов [10]. Всего же в 2022 году на обучение в Южную Корею приехало примерно 200 тысяч иностранцев, и с каждым годом их количество увеличивается в геометрической прогрессии. Согласно исследованиям центра «Asean-Korea» количество студентов из стран ЮВА в Южной Корее с 2013 года увеличилось более чем в три раза [15].

При этом количество студентов из Вьетнама за то же период увеличилось в 9 раз, что имеет прямую корреляцию с заявлением Министерства образования Южной Кореи о намерении сосредоточить стратегию развития на наборе студентов на странах АСЕАН. Основываясь на данных, можно утверждать, что Юго-Восточная Азия, представлена прежде всего Вьетнамом, являющимся одним из основных стран на который нацелена, и эффективно работает южнокорейская программа обучения иностранных студентов.

Еще одним аспектом социального индикатора является уровень притока трудовых мигрантов из ЮВА в Республику Корея. Юго-Восточная Азия является динамично развивающимся регионом, в котором нет крупных военных конфликтов. Соответственно, в Республику Корея поступает не неконтролируемый поток вынужденных переселенцев и беженцев, а люди, планирующие работать и построить свое благополучное будущее, верящие в привлекательность созданного страной образа. Южная Корея заинтересована в квалифицированной иностранной рабочей силе и всячески способствует её притоку в страну.

На представленной диаграмме синим цветом отображена доля мигрантов из стран Юго-Восточной Азии от общего количества прибывших в Южную Корею в 2021 и 2022 годах, которое обозначено оранжевым цветом. Согласно данным Всемирного банка за 2021 г. доля мигрантов из стран Юго-Восточной Азии от общего количества прибывших в Южную Корею была только 16%, что можно объяснить ограничениями, связанными с пандемией COVID-19, но в 2022 году уровень мигрантов из ЮВА поднялся до 34,6%, что свидетельствует о довольно высокой популярности Южной Кореи для трудовых мигрантов региона [10]. С большой долей уверенности можно утверждать, что помимо финансовых стимулов свой вклад в рост популярности среди трудовых мигрантов вносит активное продвижение в ЮВА образа Южной Кореи как экономически и политически стабильной, благополучной и гостеприимной страны (рис. 3).

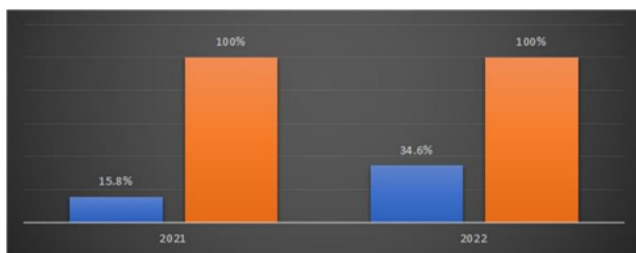

Рис. 3. Доля мигрантов из стран ЮВА в общем объеме миграции в Республику Корея, 2021–2022 гг.

Экономический индикатор «мягкой силы» Республики Корея

В представленном исследовании данный аспект анализируется с помощью измерения доли International Investment Position (IIP) из ЮВА в Южную Корею в их общем объеме поступившим в страну за выбранный период. Данный индикатор демонстрирует, сколько и какие стра-

ны готовы вложить в прямые и портфельные инвестиции Республики. Юго-Восточная Азия стабильно является одним из основных инвесторов Южной Кореи. В 2022 году доля Южно-Восточного региона составила 14% среди спонсоров Республики и за 3 года более чем на процент данный показатель не менялся. Небольшой спад был отмечен только в 2021-м году (доля ЮВА составила 13%), данный показатель объясняется общим ростом объема инвестиций в Республику. Однако и вклад ЮВА также вырос на 8%. Тем не менее, регион на протяжении 3-х лет не покидает тройку лидеров среди инвесторов, что также демонстрирует заинтересованность Юго-Восточной Азии в Южной Корее и ее бизнес-секторе.

Высокий интерес со стороны стран Юго-Восточной Азии к Республике обусловлен также тем, что страна занимает 16-е место в Индексе уверенности в прямых иностранных инвестициях AT Kearney 2022 г. как самая привлекательная экономика для иностранных инвестиций. Также привлекательность Южной Кореи для прямых иностранных инвестиций является результатом быстрого экономического развития страны и ее специализации в области новых информационных и коммуникационных технологий, которые являются одной из самых перспективных направлений для инвестирования в первой четверти XXIв. Более того по данным The World Bank – Doing Business в 2022 г. страна занимала высокие позиции по таким важным показателям как:

- индексе прозрачности транзакций (в том числе по сравнению с США и Германией),
- индекс власти акционеров (также превосходит аналогичные показатели в Германии) [13].

В 2022 г. объем притока Прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в сферу услуг Южной Кореи составил примерно 16,6 млрд долларов США, при этом обрабатывающая промышленность получила доход около 12,5 млрд долларов. ПИИ в сферу услуг за последние годы так же значительно выросли, потому как Южная Корея активно развивает данную отрасль и, в перспективе, планирует побороться за звание одного из крупнейших финансовых центров в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Представленный детальный анализ статистических данных, нормативно-правовых актов и практических действий позволяет заключить, что Южная Корея достаточно эффективно использует преимущества «мягкой силы» для формирования привлекательного имиджа. Политика государства оказывает эффективное влияние на общественное мнение в государствах Юго-Восточной Азии путем развития коммуникационных каналов, популяризации национальных продуктов питания, распространения модной молодежной музыки. Корейские музыкальные группы занимают первые места в рейтингах прослушивания в странах Юго-Восточной Азии.

Изучение социального аспекта «мягкой силы» Южной Кореи позволило прийти к заключению, что жители стран Юго-Восточной Азии демонстрируют высокую заинтересованность в Южной Корее, как стране, подходящей для трудовой миграции, предоставляющей более высокий уровень жизни и заработка, чем соседние государства.

Высокая популярность корейского высшего образования пока характерна только для Вьетнама. Однако, основываясь на заявленных целях и практических шагах Министерства образования Южной Кореи по направлению стимулирования роста обучающихся, а также по увеличивающемуся количеству иностранных студентов до 300 000 уже в 2023 году, эта задача имеет благоприятные перспективы для разрешения [8].

Максимально выигрышной стратегия «мягкой силы» Южной Кореи проявилась в культурном и туристиче-

ском сегменте. Нарастание туристического потока дает основание утверждать о стабильно высоком интересе к Южной Корее как объекте для путешествий у жителей региона. В свою очередь, растущее коммуникативное взаимодействие положительно отражается на экономической кооперации Республики Корея со странами Юго-Восточной Азии, что сказывается на приросте потока иностранных инвестиций в страну.

В настоящее время Южная Корея успешно сотрудничает с различными целевыми группами в странах-партнерах. Так она привлекает широкое представительство гражданского общества – активную молодежь, студентов, преподавателей, взаимодействует с институтами – учреждениями культуры и университетами, кооперируется с предпринимателями и бизнес-ассоциациями. При этом она достигает желаемого культурно-гуманитарного и информационного сотрудничества и влияния основываясь на единых ценностях, использует эффективные модели, последовательна и регулярна в своих действиях, рационально распределяет ресурсы.

Устойчивая тенденция к расширению и повышению эффективности применения политики «мягкой силы» Южной Кореи и ЮВА обуславливается, в том числе, сложившейся геополитической обстановкой в Южно-Китайском море. Вероятные негативные последствия в случае конфликта в Тайваньском проливе, стимулируют Республику расширять взаимодействие с большим количеством стран Азии в целом и её Юго-Восточным регионом в частности, выходить на новые рынки.

Несмотря на достаточно широкое распространение в мире силовых методов для многих стран остается актуальна и эффективна деятельность «мягкой силы». Примером результативной стратегии применения «мягкой силы» в Юго-Восточной Азии является Южная Корея, которая благодаря рациональным и мирным методам смогла увеличить туристический поток, сформировать образ страны в качестве комфортного места для миграции высококвалифицированных трудовых кадров, стать привлекательной для инвестиций. Не останавливаясь на достигнутых результатах, Южная Корея продолжает идти выбранным курсом, политическая элита страны осознает потребность и прилагает усилия в продвижении Республики как самой привлекательной страны в регионе. Поддержание стабильных политико-экономических отношений со странами Юго-Восточной Азии, а также повышение интереса международного сообщества к стране, снижает конфликтный потенциал, а продуманный «бренд» предоставляет возможность для развития и создания союзнических отношений.

Литература

1. «Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте. Теоретическая адаптация и национальные практики: монография / С.К. Песцов, А.М. Бобыло, Л.Р. Рустамова, Л.Е. Козлов, М.С. Черепанов, А.А. Бояркина, К.Ф. Лыков, М.П. Першина; [науч. ред. С.К. Песцов]. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – 192 с.
2. «Мягкая сила»: теория и практика в международных отношениях: монография / Под ред. д-ра истор. наук, проф. Л.Г. Ивашова. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. 194 с.
3. «Мягкая сила» Южной Кореи. Как К-поп захватил мир // the Wall. 16.10.2020. – URL: <https://thewallmagazine.ru/k-pop-ekonomika-i-politika/?ysclid=lsxr4s78u269651622> (дата обращения: 13.12.2023).
4. Сеул выделит экстренные займы лоукостерам, несущим потери из-за вируса // РИА Новости. 17.02.2020. – URL: <https://ria.ru/20200217/1564855104.html?ysclid=lsxqof3gvv479269166> (дата обращения: 7.12.2023).
5. Федоровский А.Н. Экономика Республики Корея в 2022 г. // ИМЭМО РАН. – URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/seminars/2023/31052023/Fedorovsky-31052023.pdf> (дата обращения: 11.12.2023).
6. К-поп в цифрах // Коммерсантъ. 17.12.2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5732176?ysclid=lsxr70vr8o663415763> (дата обращения: 10.12.2023).
7. 2023–2024 годы объявлены «годами посещения Южной Кореи» // RG.RU. 08.01.2023. – URL: <https://rg.ru/2023/01/08/2023-2024-gody-obiavleny-godami-poseshcheniia-iuzhnoj-korei.html?ysclid=lsxqpzi8px786610734> (дата обращения: 10.12.2023).
8. All Places of Origin // opendoors. – URL: <https://opendoorsdata.org/data/international-students/all-places-of-origin/> (дата обращения: 11.12.2023).
9. Korea unveils five-year plan to boost int'l // The Pie News. – URL: <https://thepienews.com/news/korea-unveils-five-year-plan/> (дата обращения: 14.12.2023).
10. Net migration // The World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.NETM?locations=KR> (дата обращения: 12.12.2023).
11. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. P. 216.
12. Phan A., Lan P. Vietnamese top int'l student numbers in South Korea // vnexpress. 12.04.2023. – URL: <https://e.vnexpress.net/news/education/vietnamese-lead-number-of-international-students-in-south-korea-4592634.html> (дата обращения: 14.12.2023).
13. Record of Attracting Foreigner Investment by Industry // Trade and Balance of Payment // KOSIS. – URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=115&tblId=DT_115_2009_H3001_18_1&vw_cd=MT_ETITLE&list_id=S2_14&scrlcd=&language=en&seqNo=&lang_mode=en&obj_var_id=&itm_id=&conn_path=MT_ETITLE&path=%252Feng%252FstatisticsList%252FstatisticsListIndex.do (дата обращения: 12.12.2023).
14. South Korea aims to attract 300,000 international students by 2027 // icefmonitor. 23.08.2023. – URL: <https://monitor.icef.com/2023/08/south-korea-aims-to-attract-300000-international-students-by-2027/> (дата обращения: 14.12.2023).
15. South Korea – Future Hub of International Education? // CSIS. 30.09.2020. – URL: <https://www.csis.org/blogs/new-perspectives-asia/south-korea-future-hub-international-education> (дата обращения: 07.12.2023).
16. Tourism // InvestKOREA. – URL: <https://www.investkorea.org/ik-en/cntnts/i-322/web.do?clickArea=enmain00009> (дата обращения: 08.12.2023).

ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF SOUTH KOREA'S USE OF «SOFT POWER» IN THE SOUTHEASTERN REGION

Kulakova N.N., Krechetov A.V., Taruntaeva V.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In contemporary actively conflicting world, it is very important to be able to prove the viability of one's state through non-military means, one of which is the use of soft power or, as other researchers call it, non-military force in diplomatic confrontation. The Republic of South Korea has become one of the leaders in the successful application of this area of diplomacy in Southeast Asia. South Korea demonstrates an example of effective work with all areas of promoting its interests in the states of the region: civil society – active youth, students, teachers, institutions – cultural institutions and uni-

versities, entrepreneurs and business associations. Statistical indicators demonstrating its high success were included in the author's graphs, figures and tables accompanying the theoretical materials of the article.

Keywords: soft power, South Korea, Southeast Asia, indicators, cultural indicator, social indicator, economic indicator, efficiency.

References

1. «Soft power» in the Asia-Pacific regional context. Theoretical adaptation and national practices: monograph / S.K. Pestsov, A.M. Bobylo, L.R. Rustamova, L.E. Kozlov, M.S. Cherepanov, A.A. Boyarkina, K.F. Lykov, M.P. Pershina; [scientific ed. S.K. Pestsov]. – Vladivostok: Far Eastern Federal. Univ., 2016. – 192 p.
2. «Soft power»: theory and practice in international relations: monograph / edited by Dr. of Historical Sciences, prof. L.G. Ivashova. M.: FGBOU IN MGLU, 2018. 194 p.
3. The «soft power» of South Korea. How K-pop took over the world // the Wall. 16.10.2020. – URL: <https://thewallmagazine.ru/k-pop-ekonomika-i-politika/?ysclid=lsxr4ss78u269651622> (date of access 12/13/2023).
4. Seoul will allocate emergency loans to low-cost airlines suffering losses due to the virus // RIA Novosti. 17.02.2020. – URL: <https://ria.ru/20200217/1564855104.html?ysclid=lsxqof3g-vv479269166> (date of access 7.12.2023).
5. Fedorovsky A.N. The economy of the Republic of Korea in 2022 // IMEMO RAS. – URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/seminars/2023/31052023/Fedorovsky-31052023.pdf> (date of access 11.12.2023).
6. Kpop in numbers // Kommersant. 17.12.2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5732176?ysclid=lsxr70vp8o663415763> (date of access 12/10/2023)
7. 2023–2024 has been declared the «years of visiting South Korea» // RG.RU. 08.01.2023. – URL: <https://rg.ru/2023/01/08/2023-2024-gody-obiavleny-godami-poseshcheniia-iuzhnoj-korei.html?ysclid=lsxqpzi8px786610734> (date of access 10/12/2023).
8. All Places of Origin // opendoors. – URL: <https://opendoorsdata.org/data/international-students/all-places-of-origin/> (date of access 11.12.2023).
9. Korea unveils five year plan to boost int'l's // The Pie News. – URL: <https://thepienews.com/news/korea-unveils-five-year-plan/> (дата обращения 14.12.2023).
10. Net migration // The World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.NETM?locations=KR> date of access 12.12.2023).
11. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. P. 216.
12. Phan A., Lan P. Vietnamese top int'l student numbers in South Korea // vnexpress. 12.04.2023. – URL: <https://e.vnexpress.net/news/education/vietnamese-lead-number-of-international-students-in-south-korea-4592634.html> (date of access 14.12.2023).
13. Record of Attracting Foreigner Investment by Industry // Trade and Balance of Payment // KOSIS. – URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=115&tblId=DT_115_2009_H3001_18_1&vw_cd=MT_ETITLE&list_id=S2_14&scrId=&language=en&seqNo=&lang_mode=en&obj_var_id=&itm_id=&conn_path=MT_ETITLE&path=%252Feng%252FstatisticsList%252FstatisticsListIndex.do (date of access 12.12.2023).
14. South Korea aims to attract 300,000 international students by 2027 // icefmonitor. 23.08.2023. – URL: <https://monitor.icef.com/2023/08/south-korea-aims-to-attract-300000-international-students-by-2027/> (date of access 14.12.2023).
15. South Korea – Future Hub of International Education? // CSIS. 30.09.2020. – URL: <https://www.csis.org/blogs/new-perspectives-asia/south-korea-future-hub-international-education> (date of access 7.12.2023).
16. Tourism // InvestKORE A. – URL: <https://www.investkorea.org/ik-en/cntnts/i-322/web.do?clickArea=enmain00009> (date of access 08.12.2023).

Стратегическая стабильность как основа глобальной безопасности

Курицин Виктор Викторович,

магистрант, Московский государственный институт
международных отношений МИД России
E-mail: Москва, victorvvv@bk.ru

В статье затронуты вопросы стратегической безопасности, которая служит основой глобальной безопасности в мире. Целью исследования послужило рассмотрение истории развития сферы стратегической безопасности, связанной с приостановлением расширения ядерного потенциала в разных странах. Задачи работы – раскрытие подходов к стратегической безопасности, существующих в США, СССР и РФ, анализ международных договоренностей по ядерному сдерживанию. В качестве гипотезы автор высказал предположение о том, какие меры по поддержанию мировой стратегической безопасности могут быть эффективны в решении существующих проблем или в смягчении их остроты. При написании работы были применены теоретический, эмпирический и количественный методы исследования. Автор изучил ключевые источники и литературу по теме, подкрепил свои высказывания примерами и документами, включил в текст статистические данные, количественные параметры. В процессе исследования он пришел к следующим результатам: представил подробную историю развития сферы стратегической безопасности, продемонстрировал современное состояние данной области, выявил проблемы, связанные с сокращением ядерного вооружения, которые до сих пор остались нерешенными, наметил перспективы развития ядерной сферы с учетом современной геополитической ситуации.

Ключевые слова: стратегическая безопасность, ядерное оружие, договоры о нераспространении ядерного оружия, сокращении стратегических, наступательных вооружений, запрещении испытаний ядерного оружия.

Стратегическая стабильность представляет собой поддержание политических, оперативно-стратегических и военно-технических условий, с помощью которых можно сводить к минимуму вероятность конфликтных ситуаций, способных спровоцировать военные действия с использованием ядерного оружия [10]. Поддержанию стратегического равновесия способствует создание комплекса международных договоренностей о сдерживании и нераспространении оружия массового уничтожения.

Одним из первых политических деятелей, заявивших об опасности ядерного столкновения для всего мира в целом и необходимости урегулирования спорных вопросов мирным путем, стал политический деятель СССР А. А. Громыко [11, с. 67].

Начало исследований по стратегической стабильности в США заложил Т. Шеллинг, издавший в 1960 г. работу «Стратегия конфликта» [15]. В ней автор определил новые концепции стратегического взаимодействия. Суть их состоит в том, что человечество стремится получить от взаимодействия максимум выгоды в долгосрочной перспективе. По мнению автора, является разумным сохранить некоторые возможности использования ядерного оружия в небольшом конфликте для того, чтобы более выразительно показать настоящую угрозу ядерного удара в масштабной войне. Теории Т. Шеллинга послужили базой для формирования ядерной стратегии США.

Стратегическую неизбежность, как противоположность системному кризису, рассматривал в своих работах Р. Пауэлл. На его взгляд, кризис проявляется из-за того, что государства пребывают в состоянии постепенного, но систематического усиления угрозы, что в конечном итоге может привести к тому, что какая-нибудь сторона, отступая, выйдет из конфликта, либо применит методы, которые приведут к тяжёлым последствиям. По мнению автора, для сохранения стратегической стабильности, следует всегда правильно оценивать уровень прогнозируемых рисков [17].

Проблема национальной безопасности России глубоко изучена в трудах С.В. КОРТУНОВА, где прослеживается эволюция российской политики в рассматриваемой сфере с 1991 по 2005 гг. Автор предложил новую научную методологию на базе деятельностного подхода к комплексному анализу политики национальной безопасности и проанализировал российско-американские отношения в области военно-политического сотрудничества по ядерным угрозам, наметил пути достижения РФ национальной безопасности в существующих геополитических условиях [8].

Вопросы, связанные с исследованием стратегической стабильности и анализом перспектив подписания договоров в отношении системы ядерного противодействия, рассматривали многие отечественные ученые. В частности, примечателен труд М.А. Лебедева «Проблема глобальной стратегической стабильности в двусторонних отношениях СССР (России) и США» [9]. В рамках своей работы он поднимает проблему соотношения систем глобальной стабильности и экономической безопасности. При этом М.А. Лебедев акцентирует внимание на том, что в современных политических реалиях необходимо создать актуальную систему безопасности, которая станет новым комплексом противодействия вооруженным конфликтам без применения стратегического

оружия. В своих рассуждениях автор сосредотачивает внимание на специфике диалогов США и России в вопросах стратегического взаимодействия и раскрывает воздействие ценностно-идеологических причин на формирование решений касательно вопросов стратегического равновесия.

Одна из недавних работ, в которых рассматривается вопрос стратегической неизбежности, – монография академика РАН А. Г. Арбатова «Стратегическая стабильность – оружие и дипломатия» [1]. В ней автор охарактеризовал важнейшие аспекты: ядерное сдерживание, гонка и сокращение вооружений, вопросы нераспространения ядерного оружия, внутренние истоки внешней безопасности. Исследователь пришёл к выводу, что современные военно-технические новации не являются чем-то особенным. В прошлые годы военно-технический прогресс оказывал более сильное влияние на стратегические отношения, но, благодаря дипломатии СССР и США, удавалось взять данное влияние под контроль. При строгом соблюдении договоров у государств не будет мотивов применения оружия массового уничтожения, и снизится общая вероятность военных конфликтов.

Стандарты стратегического равновесия были сформулированы в период переговоров, на которых обсуждались вопросы, касающиеся ограничения оружия стратегического типа (ОСВ) в начале 1970-х гг. Эти ограничения решено было осуществлять, опираясь на модель ядерного сдерживания в ситуации холодной войны. К концу 1980-х гг. США и СССР стали двигаться в концептуальном переосмыслении этой модели. В тот период СССР предложил поэтапную ликвидацию ядерного оружия к 2000-му г. Руководство США во главе с Дж. Бушем-старшим впервые выразило готовность вывести двусторонние отношения с СССР «за пределы сдерживания». Обе стороны признали, что международные отношения способны строиться на иной основе, принципиально отличной от угрозы взаимного уничтожения. Однако далее образы мирового управления сторон стали резко расходиться. Курс М. С. Горбачева на евроатлантическое сообщество, «беспольярный мир», равноправное партнерство с Западом, сопровождаемый огромным геополитическим отступлением в период «позднего» СССР и России в 1991–1995 гг., был воспринят как «признак слабости» и свидетельство поражения в холодной войне.

По мнению С. В. Картунова, мнение о полной победе Запада не соответствует действительности. Ни один из документов начала 90-х гг. не говорит о «поражении» или «капитуляции» СССР и РФ. Напротив, они фиксируют обязательство всех государств ОБСЕ строить Европу на принципах равноправного партнерства.

В начале XXI в. наметилось сближение в подходах США и России относительно модели мироустройства, где признавался фактор существования национальных государств и необходимости гармонизации отношений между ними [8]. Однако события 2014 г. и начала СВО на Украине вновь осложнили российско-американское взаимодействие. Но курс, направленный на сохранение режима нераспространения ОМУ, все еще сохраняется.

В Стратегии национальной безопасности 2022 г. России говорится, что укрепление политики нераспространения оружия массового уничтожения и способов его доставки – одна из главных задач в сфере поддержания российской национальной безопасности [7]. Режим, препятствующий распространению ядерного оружия, состоит из большого числа учреждений и разных типов взаимодействия участников. Значительная его часть – внутреннее законодательство стран, особенно тех, которые обладают ядерным оружием.

Рассмотрим процесс формирования системы международных договорённостей с целью формирования режима. Первым существенным шагом к полному разоружению можно считать подписание Договора, запрещающего распространение ядерного оружия (ДНЯО). 1 июля 1968 г. этот договор был подписан. 5 марта 1970 г. он вступил в силу. В 1995 г. его продлили бессрочно. Ратифицировали ДНЯО 5 стран. Этот договор признаёт распространение ядерных вооружений как фактор, усиливающий опасность начала ядерной войны [5]. Договор ДНЯО содержит положения относительно развития гарантий стратегического равновесия в отношении таких государств, как: СССР, США, Китай, Великобритания, Франция. Выборка указанных стран неслучайна. Эти страны владели ядерным потенциалом со второй половины XX в., и продолжают увеличивать его.

Договор закрепил норму ядерного нераспространения в официальном порядке. Согласно статье VI, 5 стран взяли на себя обязательство проводить ядерное разоружение, что является делом сложным, долгим и дорогостоящим. Как показала история, прогнозы 1960-х гг., сделанные относительно роста количества стран, обладающих ядерным оружием, не были реализованы. Особую актуальность международный режим препятствия увеличению ядерного потенциала получил во второй половине 1990-х гг., когда вопросы предотвращения ОМУ заняли одно из ключевых мест в отношениях между странами. Россия продолжила линию СССР. Важнейшими событиями данного периода стали Конференция 1995 г. в Нью-Йорке, Московская встреча 1996 г., и КР ДНЯО 2000 г.

В преддверии Конференции 1995 г. международный режим противодействия ядерному распространению характеризовался двумя противоположными процессами. Число участников Договора достигло 172. К нему присоединились Франция и КНР, также владеющие ядерным оружием, и его неофициальный обладатель – ЮАР. Ряд государств закрыли свои военные программы и приостановили соответствующие исследования. Произошло сокращение ядерного оружия в СССР и США по Договорам СНВ-1 и СНВ-2. В Женеве активно велась работа над выработкой ДВЗЯИ. Однако процессы развала СССР и возникновения новых независимых государств – Украины, Белоруссии и Казахстана, обладавших ядерным оружием, усилили угрозу безопасности РФ и сделали возможным распространение опасного вооружения на другие территории.

Урезание ядерных запасов США и РФ обострили вопрос о возможности появления «третьей силы», которая, создав ядерное оружие, могла бы угрожать международной стабильности. Существование трех неофициальных ЯОГ (Израиля, Индии, Пакистана), а также стремление Северной Кореи и Ирака стать владельцами ядерного вооружения, делали эту опасность реальной. Тем не менее, ситуация оценивалась как контролируемая. Для РФ и США в этих условиях основной задачей стало пролонгация договора ДНЯО как бессрочного, что и стало центральным вопросом Конференции. Второй по значимости вопрос Конференции – темпы и критерии ядерного разоружения, третий – мирное использование атома и обмен технологиями. Конференция проходила в дискуссионной обстановке, но по ее итогам удалось принять важные меры. Так, последовало юридическое решение о продлении ДНЯО на основании ст. X.2 без голосования бессрочно. Также была принята рекомендация КР в Женеве о необходимости заключения ДВЗЯИ не позднее 1996 г. Таким образом, по итогам встречи странам ЯОГ удалось принять решение о бессрочном продлении ДНЯО, при этом не идя на уступки, которые

ущемили бы их национальные интересы. Однако продление Договора «навечно» усложняло контроль мирового сообщества за действиями ЯОГ, давало возможность неофициальным ЯОГ (Израиль, Индия, Пакистан) оставаться вне рамок ДНЯО. В целом, можно отметить, что международный режим нераспространения ядерного оружия в результате работы КРП ДНЯО укрепился. Однако решения, принятые на Конференции, не давали гарантии повышения соблюдения Договора, прежде всего по ст. VI. Проблемы, вызывающие рост угроз ядерного распространения во второй половине 1990-х гг. обострились с новой силой [14].

Осознание проблем ядерной безопасности для России подтолкнуло Президента РФ Б.Н. Ельцина в июне 1995 г. выступить с инициативой устройства встречи международного уровня в Москве при участии лидеров стран «семерки». Встреча состоялась в 1996 г. В итоговой декларации руководители восьми государств подтвердили свою готовность укрепить в направлении решений конференции, проведенной в Нью-Йорке в мае 1995 г., сотрудничество в сфере ядерного ограничения, что способствовало укреплению системы гарантий МАГАТЭ и использованию ответственных и действенных мер контроля экспорта [6].

Московская встреча подтвердила намерение ведущих государств мира сообща способствовать укреплению режима нераспространения ядерного вооружения путем координации действий, обмена информацией и сотрудничеству. Особо заметным стало принятие Программы противодействия НОЯМ.

После успехов КРП ДНЯО 1995 г., проведения Московской встречи по ядерной безопасности 1996 г., заключения ДВЗЯИ ЯОГ в 1996 г. возникла определенная самоуспокоенность в вопросах укрепления международного режима ядерного нераспространения. Определенными этапами в дальнейшем процессе стала работа заседаний Подготовительного комитета по Конференции 2000 г. Первое заседание прошло весной 1997 г. Его итоги были определены как умеренно-успешные, но возложенных на него ожиданий не оправдали. Второе заседание в 1998 г. закончилось провалом, поскольку не удалось принять ни одного документа. Процесс выработки рекомендаций для КР ДНЯО 2000 г., начатый в 1997 г. натолкнулся на жесткое противостояние ЯОГ и НЯОГ и осложнился ядерными испытаниями проведенными в 1998 г. Индией и Пакистаном. Третье, последнее перед Конференцией 2000 г., заседание проходило в 1999 г. в период бомбардировок Югославии США и их союзниками по НАТО, что осложнило его проведение. Позиция Китая, отказавшегося предоставлять информацию о собственных ядерных силах, не позволила принять совместный пятисторонний документ о развитии процесса разоружения в каждой из стран ЯОГ. Небольшим достижением заседания стала более гибкая позиция США по привлечению в ДНЯО Израиля.

В целом исполнение решений КРП ДНЯО 1995 г. характеризуется несколькими направлениями. На 1 января 2000 г. число участников составило 187. Вне Договора остались 4 государства, в том числе Израиль, Индия и Пакистан. Удалось избежать значительного распространения компонентов ядерного оружия. В области ядерного разоружения удалось завершить процесс переговоров по ДВЗЯИ в 1996 г., но он не начал действовать, хотя мораторий, объявленный 5 странами ЯОГ, сохраняется. Договор о незамедлительном завершении переговоров, касаемых универсально применимой, недискриминационной конвенции о запрете изготовления расщепляющего сырья для ядерного оружия, оказался не выполнен. Также оказался невыполненным и третий

компонент решений КРП ДНЯО, предусматривающий сокращение ядерного оружия. Причина невыполнения заключалась в неготовности Сената США ратифицировать Нью-Йоркские документы 1997 г., в то время как Россия ратифицировала эти соглашения и Договор СНВ-2 в 2000 г. Этот Договор из-за позиции США не вступил в силу, что не позволило России и США начать полноценные переговоры по Договору СНВ-3. Новой проблемой стало намерение США создать национальную систему ПРО. К 2000 г. не удалось сделать дополнительных зон, свободных от ядерного оружия. Достижением стала подготовка Дополнительного протокола МАГАТЭ об обеспечении гарантий по укреплению «потенциала МАГАТЭ по выявлению «необъявленной ядерной деятельности», подписанного 50 государствами, включая Россию. Однако не удалось добиться согласия по полноохватным гарантиям стран, не являющихся членами ДНЯО, с МАГАТЭ.

Осуществлялись решения КРП ДНЯО по использованию ядерной энергии в мирных целях. На конференции 2000 г. удалось принять Заключительный документ, который содержит как ретроспективный взгляд на исполнение Договора, так и оценку перспектив на будущее, предполагая ряд шагов по укреплению международного режима ядерного нераспространения. Итоги Конференции оцениваются как успешные, поскольку она смогла дать новый импульс дальнейшим коллективным мерам по укреплению режима нераспространения. Важным вкладом стало согласованное заявление делегаций 5 ЯОГ, где приветствовалась ратификация Россией ДВЗЯИ и СНВ-2. Обозначено стремление как можно быстрее оформить СНВ-3, сохранив Договор, ограничивающий системы противоракетной обороны. В заключение отмечена важность Дополнительного протокола МАГАТЭ, который был подписан всеми ЯОГ, а также поддержано усиление транспарентности в системе контроля над экспортом ядерного оружия. В Заключительной документации содержится обращение к Пакистану и Индии последовать резолюции ООН 1172, принятой после проведения этими государствами испытаний ядерного вооружения в 1998 г. Высказаны требования о создании ЗОСМУ на Ближнем Востоке. В Заключительном документе ЯОГ заявили о недвусмысленном обязательстве осуществить полную ликвидацию ядерных арсеналов для достижения ядерного разоружения. Участники ДНЯО заявили о необходимости скорейшего вступления в силу ДВЗЯИ и оперативного проведения переговоров по ЗПРМ, которые затормозились на КР. Поддерживая идею выполнения СНВ-2, государства, участвовавшие в Конференции, призвали РФ и США настоять на заключении СНВ-3. По принятой на Конференции программе действий ЯОГ возлагают на себя ряд обязательств: принимать последующие односторонние меры по урезанию ядерных потенциалов; обеспечивать большой обмен информацией о ядерных возможностях друг друга и о ходе выполнения соглашений по разоружению; сокращать арсенал нестратегических ядерных вооружений; осуществлять конкретные меры по дальнейшему снижению оперативной готовности ядерного оружия; уменьшать роль ядерного оружия в обеспечении безопасности; включаться как можно быстрее в переговорный процесс по сокращению ядерных вооружений. Программа дальнейших мер в области ядерного разоружения предусматривает мораторий на проведение испытаний до вступления в силу ДВЗЯИ и «принцип необратимости» контроля над ядерными вооружениями. Можно констатировать, что в начале XXI в. количество официальных и неофициальных ЯОГ стабилизировалось. Наблюдалась готовность РФ и США соблюдать обязатель-

ства по ст. VI ДНЯО о прекращении гонки вооружений и сокращении запасов ядерного оружия. Заключение ДВЗЯИ предполагало приход «безвзрывной эры», но его вступление в силу тормозилось.

Накопление ядерного вооружения в эпоху холодной войны и понимание последствий его использования стимулировало осознание неприемлемости применения такого оружия в широких масштабах. Это привело к тому, что в военных доктринах государств приоритетное место стал занимать поиск способов недопущения ядерной войны путём сдерживания от наращивания ядерного потенциала [13, с. 65].

Представим наглядно концепции системы сдерживания, положенные в основу военных доктрин государств, обладающих ядерным потенциалом. Цель Военной доктрины РФ отражена в концепции внешнеполитической деятельности, основанной на предотвращении развития ядерного конфликта.

Суть доктрины предполагает, что наращивание ядерного потенциала является крайней, но необходимой мерой в вопросах защиты государства от иностранного вторжения [3]. Обусловлено, что Россия сохраняет существующую систему внешнеполитической стабильности и стремится к разрешению военных конфликтов мирным путем, в отношении ядерного потенциала РФ стремится к сохранению системы стратегического баланса, основанного положениями договоров СНВ-2 и СНВ-3 [4].

В Военных доктринах произошли следующие изменения: в современной исчезло указание на статус России как ядерной державы для сдерживания агрессии, который был определен в Доктрине 2000 г.; ядерное оружие, которым обладает Россия, в обеих доктринах рассматривает как сдерживающий фактор против агрессии других государств [2].

В настоящее время военная сила рассматривается Россией как крайняя мера при обострении конфликтной ситуации, если все невоенные методы не дали результата. В качестве инструмента сдерживания выступают Вооружённые силы. Привлекаемый состав, формы применения утверждает Верховный Главнокомандующий ВС Российской Федерации. В нынешних условиях мероприятия стратегического сдерживания планируется осуществлять, основываясь на следующих принципах: непрерывность мероприятий стратегического сдерживания, гибкость механизма реализации мероприятий, неопределённость масштабов, времени и места проведения мероприятий, решительный переход от сдерживания к военным действиям, если агрессор сдерживать не удалось, поддержание состава привлекаемых сил на уровне, необходимом для выполнения задач, централизованное планирование применения привлекаемых сил и средств.

Рассмотрим основные положения политики США в области ядерного оружия. Современная американская доктрина начала оформляться с 1946 г. Идея переосмысления роли ядерного оружия в американской внешней политике была предложена в ходе избирательной кампании Бараком Обамой. Смысл ее заключался в создании мира, свободного от ядерного оружия, что подразумевало критику американского подхода к сдерживанию. Сложилась двоякая ситуация: с одной стороны, американский народ устал от непопулярных и дорогих американских интервенций и ждал переосмысления подхода правительства к роли ядерного оружия. С другой стороны, ядерные программы КНДР и Ирана не давали США перейти к результативному обсуждению идеи об отказе от ядерного вооружения. Поэтому США стали использовать консервативный подход к ядерной программе.

В обзоре 2010 г., освещающем ядерную политику США, нет радикальных изменений в сравнении с 2002 годом: не прописаны принципы минимального сдерживания, сохраняется возможность использования оружия против стран, не обладающих им, но только в том случае, если они нарушат Договор, запрещающий распространение ядерного вооружения [12].

28 сентября 2023 г. Министерство обороны Соединенных Штатов опубликовало несекретную версию своей Стратегии, пропагандирующей противодействие оружию массового уничтожения на 2023 г. (CWMD) [16]. По словам министра обороны Ллойда Остина, данная Стратегия – фундамент для противостояния сложным вызовам, сопряженным с эксплуатацией оружия массового уничтожения. Согласно стратегии CWMD, Китайская Народная Республика признаётся в качестве актуального вызова, Россия – острой угрозы, а Иран и КНДР – в качестве постоянных угроз для США [18]. Однако, несмотря это, США провозглашает своей задачей добиться принятия новых мер, контролирурующих вооружение и снижающих риски.

Если сравнить доктрины, основываясь на проблеме использования ядерного вооружения, можно прийти к выводу, что Россия, Индия, Пакистан и Франция допускают эксплуатацию ядерного вооружения первыми в случаях, когда требуется ответный удар при военном конфликте, или военных действий с использованием оружия массового поражения, в том числе химического; такие европейские державы как Франция и Великобритания придерживаются позиции относительно допустимости применения ядерного оружия в случае возникновения угрозы военного поражения. При этом стоит акцентировать внимание на том, что большинство доктрин указывает на возможность предупреждающего удара при соответствующей угрозе. Стратегическое вооружение допустимо при возникновении соответствующей угрозы и поставленных государством задач, к которым относятся: поддержание международного авторитета развитых государств и стратегического баланса; наращивание ядерного потенциала с целью обеспечения и реализации защитной функции.

Специфика внешнеполитической деятельности в сфере ядерного разоружения наглядно отражает необходимость реализации внешнеполитического курса развитых стран. Но система стратегической стабильности, как основа глобальной безопасности, еще не достигнута, а существующие военные доктрины отражают противоречия, заключающиеся в том, что с одной стороны, развитая система мирового сообщества осознает недопустимость использования ядерного вооружения, с другой стороны, развитые страны, входящие в состав ядерной пятерки, осознают, что именно ядерное вооружение позволяет обеспечить защиту ранее установленных границ безопасности.

Следующим этапом стало подписание в 2017 г. Договора, запрещающего ядерное вооружение. В переговорах приняли участие более 130 стран. Суть договора основывалась на предотвращении использования ядерного оружия в целом. Страны, владеющие ядерным вооружением, не принимали участия в подписании соглашения. Так, Франция, США и Великобритания не участвовали в его сочинении и в общем заявлении указали, что не подпишут его никогда. МИД РФ также сделало заявление, что не утвердит указанный документ, поскольку он «противоречит национальным интересам России». Ядерные державы, как обычно, отвергли доводы сторонников полного запрета вооружения. Они заявили о сильном уменьшении ядерных запасов в последние несколько десятилетий и выразили опасения по по-

воду подрыва имеющейся системы нераспространения, которая была сформирована на основании Договора 1968 г. На взгляд МИД РФ, «любая попытка улучшить ДНЯО может привести к его краху – слишком хрупкая это конструкция, слишком многоплановы противоречия между его государствами-участниками». С. Лавров отметил, что «полная ликвидация ядерного оружия возможна только в контексте всеобщего и полного разоружения в условиях обеспечения равной и неделимой безопасности для всех» [20].

В итоге ДЗЯО начал официально действовать с 22 января 2021 г. Сторонники соглашения, в основном, страны Ближнего Востока, Латинской Америки, Африки, Океании и Юго-Восточной Азии, а еще Иран, который является единственным государством, обвиняемым в разработке ядерного вооружения. Соглашение закрепляет норму запрета ядерного вооружения и не имеет сроков. В нём прописаны пути достижения абсолютной ликвидации ядерного вооружения, вопросы помощи жертвам и восстановления окружающего мира, международного сотрудничества. Однако каждая страна-участница может выйти из договора в случае, если под угрозу ставятся «высшие интересы государства» [20]. Договор можно рассматривать как выражение недовольства странами-участницами международной обстановкой, связанной с ядерным разоружением.

Таким образом, в настоящее время идея «глобально-го ноля», безъядерного мира, выглядит труднодостижимой. Хотя неоспорим тот факт, что государства за столь короткий по историческим меркам период активно пытаются договориться и официально закрепить нормы разоружения. Опасность не только ядерного взрыва, но и его последствий видна, как говорится, невооружённым взглядом. Естественно, ядерное разоружение является основой глобальной безопасности, как и ликвидация других видов оружия массового уничтожения.

Литература

1. Арбатов А.Г. Стратегическая стабильность – оружие и дипломатия. М.: «Весь мир», 2021. 432 с.
2. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706 URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15386>, (дата обращения: 18.02.2024).
3. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/461>, (дата обращения: 18.02.2024).
4. Военная Доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ от 25 декабря 2014 г. № ПР-2976 URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47334>, (дата обращения: 18.02.2024).
5. Договор о запрещении ядерного оружия. История и основные положения URL: <https://tass.ru/info/10512613>, (дата обращения 24.04.2023).
6. Документы встречи на высшем уровне по вопросам ядерной безопасности. Декларация. М., Международные отношения. 1998. 46 с.
7. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>, (дата обращения 24.04.2023).
8. Кортунов С.В. Безопасность в глобальном мире: Автореф. дисс. ... докт. полит. наук. М. 2005. 48 с.
9. Лебедев М.А. Проблема глобальной стратегической стабильности в двусторонних отношениях СССР (России) и США. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 2012. 29 с.
10. Мамедов Н.Т. Стратегическая стабильность в контексте трансформации миропорядка. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/young-and-smart-strategicheskaya-stabilnost-v-kontekste-transformatsii-miroporjadka/>, (дата обращения: 05.03.2024).
11. Нарышкина О.М. Тернистый путь к «глобальному нулю» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ternisty-put-k-globalnomu-nulyu>, (дата обращения: 22.02.2024).
12. Панин Л.К. Американская ядерная доктрина: ключевые этапы развития и принципы функционирования: рабочая тетрадь № 79 / 2023 / [Л.К. Панин; под ред. Е.О. Карпинской, С.М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2023. 40 с.
13. Россия и дилеммы ядерного разоружения. / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 290 с.
14. Тимербаев Р.М. Россия и Конференция 2000 года по рассмотрению договора о нераспространении ядерного оружия. Научные записки ПИР-Центра, № 12. 1999. С. 28–30.
15. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. Москва: ИРИСЭН, 2007. 373 с.
16. DOD Announces Release of 2023 Strategy for Countering Weapons of Mass Destruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3541619/dod-announces-release-of-2023-strategy-for-countering-weapons-of-mass-destructi/>, (дата обращения: 20.02.2024).
17. Powell R. Nuclear Deterrence Theory: The Search for Credibility. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. viii, 230 p.
18. Strategy for Countering Weapons of Mass Destruction 2023. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3541619/dod-announces-release-of-2023-strategy-for-countering-weapons-of-mass-destructi/>, (дата обращения: 20.02.2024).

STRATEGIC STABILITY AS THE BASIS OF GLOBAL SECURITY

Kuritsin V.V.

Moscow State Institute of International Relations of the MFA of Russia

The article touches upon the issues of strategic security, which serves as the basis of global security in the world. The purpose of the study was to examine the history of the development of the sphere of strategic security associated with the suspension of the expansion of nuclear potential in different countries. The objectives of the work are to reveal the approaches to strategic security that exist in the United States, the USSR and the Russian Federation, and to analyze international agreements on nuclear deterrence. As a hypothesis, the author suggested what measures to maintain global strategic security can be effective in solving existing problems or in mitigating their severity. Theoretical, empirical and quantitative research methods were used in writing the work. The author studied the key sources and literature on the topic, supported his statements with examples and documents, included statistical data and quantitative parameters in the text. In the course of his research, he came to the following results: presented a detailed history of the development of the sphere of strategic security, demonstrated the current state of this area, identified problems related to the reduction of nuclear weapons that have so far remained unresolved, outlined the prospects for the development of the nuclear sphere taking into account the current geopolitical situation.

Keywords: strategic security, nuclear weapons, treaties on the non-proliferation of nuclear weapons, reduction of strategic and offensive weapons, prohibition of nuclear weapons tests.

References:

1. Arbatov A.G. Strategic stability – weapons and diplomacy. Moscow: "Ves mir", 2021. 432 p.
2. Military Doctrine of the Russian Federation. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation of April 21, 2000 No. 706 URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15386>, (date of access: 02/18/2024).
3. Military Doctrine of the Russian Federation. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation of February 5, 2010 No. 146 URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/461>, (date of access: 02/18/2024).
4. Military Doctrine of the Russian Federation. Approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014 No. PR-2976 URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47334>, (date of access: 18.02.2024).
5. Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. History and main provisions URL: <https://tass.ru/info/10512613>, (date of access 24.04.2023).
6. Documents of the summit on nuclear safety. Declaration. Moscow, International Relations. 1998. 46 p.
7. Concept of national security of the Russian Federation. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation of December 17, 1997, No. 1300 (as amended by the Decree of the President of the Russian Federation of January 10, 2000, No. 24) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>, (date of access 04/24/2023).
8. Kortunov S.V. Security in the global world: Abstract of a PhD thesis. Moscow, 2005. 48 p.
9. Lebedev M.A. The problem of global strategic stability in bilateral relations between the USSR (Russia) and the USA. Abstract of a PhD thesis. Moscow, 2012. 29 p.
10. Mamedov N.T. Strategic stability in the context of world order transformation. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/young-and-smart/strategicheskaya-stabilnost-v-kontekste-transformatsii-miroponyadka/>, (date of access: 05.03.2024).
11. Naryshkina O.M. The thorny path to the "global zero" // Bulletin of Moscow University. Series 25. International relations and world politics. 2017. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ternisty-put-k-globalnomu-nulyu>, (date of access: 22.02.2024).
12. Panin L.K. American nuclear doctrine: key stages of development and principles of functioning: workbook No. 79 / 2023 / [L.K. Panin; ed. E.O. Karpinskaya, S.M. Gavrilova]; Russian International Affairs Council (RIAC). – M.: NP RIAC, 2023. 40 p.
13. Russia and the Dilemmas of Nuclear Disarmament. / Ed. by A.G. Arbatov, V.Z. Dvorkin, S.K. Oznobishchev. – M.: IMEMO RAS, 2012. – 290 p.
14. Timerbaev R.M. Russia and the 2000 Review Conference of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Scientific Notes of the PIR Center, No. 12. 1999. P. 28–30.
15. Schelling T. Conflict Strategy. Moscow: IRISEN, 2007. 373 p.
16. DOD Announces Release of 2023 Strategy for Countering Weapons of Mass Destruction [Electronic resource] URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3541619/dod-announces-release-of-2023-strategy-for-countering-weapons-of-mass-destruction/>, (access date: 02/20/2024).
17. Powell R. Nuclear Deterrence Theory: The Search for Credibility. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. viii, 230 p.
18. Strategy for Countering Weapons of Mass Destruction 2023. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3541619/dod-announces-release-of-2023-strategy-for-countering-weapons-of-mass-destruction/>, (access date: 02.20.2024).

Влияние геополитических целей Китая на противостояние с Вьетнамом: подходы к оценке возможностей развития конфликта

Нгуен Ба Тхань,

магистратура, кафедра сравнительной политологии,
Российский университет дружбы народов,
E-mail: ngbathanh1818@gmail.com

Спор в Восточном море является одним из крупнейших геополитических споров в современном мире. С момента объявления своего суверенитета над Восточным морем с помощью карты «девяяти пунктирных линий» Китай постоянно провоцировал страны, окружающие это море, несмотря на международное право о морском суверенитете и ожесточенное сопротивление со стороны вовлеченных стран. Ситуация в Восточном море с начала XXI века до настоящего времени всегда была непредсказуемой и таит в себе множество потенциальных рисков возникновения конфликтов, связанных с деятельностью Китая. Вьетнам и Китай являются соседними странами не только из-за географического положения этих двух стран, но и из-за их долгой истории борьбы и дипломатии. Реализация Китаем своей политики в Восточном море повлияла на отношения между Вьетнамом и Китаем. Чтобы понять причины и расчеты Китая в отношении Восточного моря, это можно объяснить с помощью нескольких геополитических теорий и их влияния на отношения между Вьетнамом и Китаем.

Ключевые слова: споры в Южно-Китайском море, китайские расчеты, вьетнамско-китайские отношения, геополитическая теория.

Introduction

China is a country located in East Asia with a large territory and a large population, which are favorable conditions for this country to become a great power. Since being under the control of feudal regimes, Chinese dynasties have continuously expanded to impose their political power on neighboring countries. Through many historical changes, the cultural revolution initiated by Mao Zedong in May 1966 has profoundly changed the entire economy, culture and society of this country, until 2010 China surpassed Japan and maintained its position as the second largest economy in the world to compete directly with the United States. In parallel with the process of economic development, China also proposed many policies to increase its influence outside its territory. One of the areas where China wants to increase its power is the South China Sea.

The issue of conflict in the South The origins of the contemporary conflict over the South China Sea can be traced to changes in East Asian geopolitics following World War II (1939–45). China's historical claims to the sea date to the so-called "11-dash line," introduced in 1947 by the Nationalists (Kuomintang) under Chiang Kai-shek, during the Chinese Civil War (1945–49). The disputes over ownership of the South China Sea remained relatively dormant until the 1970s when China began asserting its vast territorial claims after discovering potential oil and gas reserves in the sea. In 1974 China seized the Paracel Islands from South Vietnam. China then took possession of Johnson Reef (part of the Spratly Islands) from Vietnam in 1988 and Mischief Reef (also part of the Spratlys), claimed by the Philippines, in 1994. [1] In 2009, China submitted to the United Nations a map with a "nine-dash line" claiming sovereignty over up to 80% of the East Sea. Since then, China has carried out a series of illegal activities in the South China Sea to legitimize its sovereignty despite international opposition. China has built military infrastructure, including naval bases and airstrips, on the reclaimed land. The Chinese also have sought to exercise their claims through nonmilitary means – for example, by sending massive fishing fleets into the EEZs of other countries. In 2014 China moved an oil rig into Vietnamese waters, sparking massive protests in Vietnam. Moreover, in attempting to block rivals' efforts, most claimants have made arrests of foreign fishermen and sailors in waters they consider to be their own. On 22 January 2013 the Philippines attempted to solve the crisis through the International Criminal Court (ICC), taking China to the arbitral tribunal under the terms of UNCLOS. In its ruling, the Tribunal firmly rejected any PRC territorial or maritime claim to areas determined by the Tribunal to be part of the Philippines' exclusive economic zone and continental shelf. As provided under the Convention, the 2016 arbitral decision is final and legally binding on the PRC and the Philippines.[2]

China's actions in defiance of international law in the South China Sea have clearly demonstrated its expansion. For a country that shares a land border with China like Vietnam and is directly affected by the "nine-dash line" claim, Vietnam has raised a question about how to maintain its relationship with China, along with handling the issue in the East Sea to protect its maritime territorial sovereignty. Therefore, this article will analyze and explain the reasons for China's

calculations in the South China Sea through geopolitical doctrine and the current trend of Vietnam-China relations.

Analysis China's calculations

Power transition theory

Organski's theory proposes that the world's states are arranged in a vertical hierarchy corresponding to the political power of each state: small, medium, and large. The distribution of power at the international level is achieved not through the existence of a balance of power, but through a hierarchy of power, concentrated around a hegemonic power and its allies. To emphasize this assertion, Organski used as an example the idea that periods of world peace have overlapped with the existence of a hegemonic power, while periods characterized by an even distribution of power caused wars (Organski, 1968, p. 363). [3] According to Organski, whereas most great powers (those potentially capable of challenging the hegemonic state) are satisfied with the existing global order because it provides the best conditions to achieve their national goals, some are not satisfied mainly because they "have grown to full power after the existing international order was fully established and the benefits are already allocated." [4]

According to this division, changes in the balance of power will lead to changes in the position of each country in the international system if that country feels dissatisfied with its current position. The level of satisfaction and dissatisfaction in the system is considered by the Power Transition Theory as an indicator to determine which country is a status quo power, wanting to maintain the existing hierarchy, and which country is a revisionist power, wanting to use power to change the order, demanding a redistribution of benefits. Although there may be many countries that are dissatisfied with their current position, because weak countries are not capable of changing the hierarchy of the system, the Power Transition Theory only focuses on countries that are rising in power and have a high level of dissatisfaction with the existing hierarchy. The instability of the system arises from the interaction between the hegemonic country and the rising power. The narrowing power gap between the two sides leads to many situations that can potentially cause conflicts. The most obvious is that the rising power feels that its power is not commensurate with its current position and does not accept the old order. By challenging the hegemonic or leadership position of the hegemon, the rising power wants to redistribute benefits, improve its position in the hierarchy or increase its influence in international organizations, and impose rules of the game that suit its interests on the system. Conversely, the hegemon does not want its position and interests to be challenged by the rising power. Realizing the change in power that is taking place, it may take preventive actions, such as launching a preemptive war against the rising power while it is still in a dominant position.

Organski's theory is very suitable to explain China's actions in the South China Sea today. Since Deng Xiaoping's Open Door Policy in 1978, China has risen strongly and quickly achieved great economic achievements. In 2010, China officially surpassed Japan to become the world's second largest economic power. The fact that China surpassed the US ally and maintained that position until now is a testament to the potential strength of this East Asian country – China has truly become a world power. China's domestic and foreign policies have also changed a lot under Xi Jinping's more decisive leadership. On August 19, 2013, General Secretary of the Communist Party of China Xi Jinping declared: "Realizing the Chinese Dream of great national rejuvenation means that China will become a prosperous country, a nation with renewed vitality and a happy people."

Thus, along with the potential of a rising power, the China Dream is announced as one of the policies showing that China really wants to spread its influence outside the world and is no longer limited to the national territory. This is a foreign policy that directly threatens a long-standing power like the United States. China does not hide its search for goals for its policy of increasing its influence. China's actions in the East Sea are an affirmation of Beijing's determination to restore its inherent power from the medieval period. With strong economic potential and an ambitious foreign policy, it is obvious that China will not be satisfied with the world order led by the United States for too long. To change the existing world order, China must necessarily spread its power to the Asian region first. Changing the world order is what this country wants to respond to its growing power. With the increasing speed of US power and the weakening of the US, the process of power transfer, according to Organski's theory, is likely to take place in the long term future. In order to prepare for the plan to expand its power and position in the world, China has focused heavily on investment in the military and economic fields. According to SIPRI data, China has increased its military expenditure by almost 900 percent since 1992. At around \$300 billion in 2022, the Chinese spent significantly more than the Russians (around \$72 billion) and becomes the second-biggest spender in total military budget after the United States.[5]

China's heavy investment in the military sector is aimed at modernizing its own military and preparing to carry out the military goals set by the Chinese government. In the economic field, since the announcement of the policy "Through its Belt and Road Initiative" at the conference in Kazakhstan, China invested \$679 billion on infrastructure projects in nearly 150 countries, between 2013 and 2022. These investments can have meaningful economic impacts, as well as help address some immediate and critical infrastructure needs for developing countries.[6]

Most of the countries in the Southeast Asian region such as Laos, Vietnam, Cambodia, Indonesia, Malaysia... are countries that have participated in signing to receive investment capital from China through the "One Belt, One Road" policy very early. It can be seen that China has been somewhat successful with its economic policy. With strong economic potential, this country has launched an attractive investment package and attracted many developing countries to participate in its policy. Through this policy, China has been somewhat successful in enhancing its position and influence in the world, creating an extremely strong position to counterbalance the United States and its allies.

Sea Power Theory

In 1890, American politician Alfred Thayer Mahan published a book called "The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783". From studying the history and the process of becoming a great power of England, the Netherlands, Spain and Portugal, Mahan built a theory of "sea power" and the importance of the sea to the goal of becoming a great power in the world. Accordingly, Mahan argued that the reason why England had a great advantage in the system of nations in Europe in the years 1650 to 1780 was thanks to the following maritime strategy: building a powerful navy, along with maritime trade routes that helped connect the countries and colonies of England, creating wealth for this country. "The overwhelming sea power of England was the determining factor in European history during the period mentioned." [7]

From Mahan's arguments, it can be concluded that any country that wants to develop the potential of the sea must have the following conditions: (1) Have a geographical location adjacent to large seas and oceans; (2) Terrain favorable for the construction of ports and military bases; (3) Train

a strong navy to help protect military bases and maritime trade routes; (4) Have a large population to meet the needs of the navy and labor at sea. From the above conclusions, it can be seen that China's actions to completely control activities in the South China Sea are completely understandable through the strategic location and resources of this sea area for China.

Geographically, the South China Sea is a sea located south of China and is an important shipping route connecting countries in the Asia-Pacific region. Since ancient times, this sea has been a bustling trading place for merchants from Southeast Asian countries, China and India. In modern times, when the French colonialists wanted to exploit colonies in the three Indochinese countries of Vietnam, Laos and Cambodia, they had to go through this sea to enter the mainland. The United Nations Conference on Trade and Development estimates that \$3.37 trillion, or 21% of all global trade, transited through the South China Sea in 2016.[8] Of which, China's global trade value through the East Sea is the largest (874 billion USD in 2016), followed by South Korea (246 billion USD), Singapore (214 billion USD), Thailand (170 billion USD) and Vietnam (158 billion USD).[9] Not only that, the South Sea also has extremely abundant oil and gas reserves. According to estimates, the South China Sea contains about 190 trillion cubic feet (Tcf) of natural gas reserves and 11 billion barrels (bbl) of oil reserves, [10] mainly concentrated in the continental shelf areas bordering Vietnam and the South of China. From the above analysis, we can see the geostrategic position and commercial value, abundant resources of this sea in the Southeast Asian region. For China, capturing this sea means controlling one-third of the world's shipping routes, holding abundant oil and gas resources and spreading influence throughout the entire Southeast Asian region. To truly control the East Sea, China has made careful preparations. In terms of military, China now possesses the world's largest maritime fighting force, operating 234 warships to the U.S. Navy's 219. Such preponderance provides an important wartime advantage: one recent study concluded that larger fleets won 25 out of 28 historical wars. Even after such catastrophic losses, China still had more surface warships than the United States and was able to continue the naval battle. [11] These figures demonstrate that China has well-prepared its naval forces. With the equipment of modern warships and military weapons and the naval force gradually increasing over time, this is the necessary condition for China to expand into the South China Sea. From December 2013 to October 2015, China built artificial islands with a total area of close to 3,000 acres on seven coral reefs it occupies in the Spratly Islands in the southern part of the South China Sea.[12] China's Island Building in the South China Sea: Damage to the Marine Environment, Implications, and International Law. China has rapidly built ports, military bases and airstrips to promote militarization activities to mark sovereignty over the islands occupied by this country. The modernization of the navy and the militarization of the islands in the South China Sea have shown China's great ambition for this sea. In general, for China, control of the South China Sea will allow them to dominate a major trade route and improve energy security. It can also allow them to deny access to foreign military forces, especially from the United States.

Through two geopolitical theories, Organski's "Power Transfer Theory" and Mahan's "Sea Power Theory", China's calculations in the East Sea region have partly been explained. The strong rise after China's open policy in 1978 has changed the balance of power in the world. Now the balance of power is not only tilted towards the United States and its allies, but China will also participate in this balance of power to create a new world order. The South China Sea with its favorable geographical location and available resources will

be a tool to help China spread its influence and achieve its goal of becoming a new center of power.

Vietnam-China relations

Among Southeast Asian countries, Vietnam is the country with the most extensive relations with China, in all fields. Along with Myanmar and Laos, Vietnam has a fairly long land border with China. Vietnam also has an important maritime border with this country, not to mention the nine-dash line. Vietnam also owns the Mekong system with China and mainland Southeast Asian countries. Vietnam is also the country with the largest economic and trade relations with China. The Vietnam-China relationship is a permanent neighborly relationship. In that relationship, there is history, culture, and friendship that cannot be ignored overnight. But national sovereignty cannot be taken lightly if it is violated. Putting the interests of the nation-state first or maintaining bilateral relations with China is a challenge for the Vietnamese state in the current context.

China is a country that established a comprehensive strategic partnership with Vietnam very early (2008) and is also on the list of 5 important comprehensive strategic partners of Vietnam (along with Russia, India, South Korea and Japan). Throughout history, there have been times when the relationship between the two countries became tense, but the trend of bilateral cooperation is still the main one. The leaders of the two countries regularly organize visits and conferences to discuss extensive cooperation from politics, economics to security and defense. How does this extensive cooperation affect the two countries, especially a developing country like Vietnam? Vietnam is the largest trading partner in ASEAN since 2016 and China's sixth largest trading partner in the world since 2020.[13] According to statistics in 2022, Vietnam exports to China worth US\$57,678 million (2nd after the United States) and imports from China worth US\$ 117,651 million (ranked 1st).[14] Data on exports and imports have shown that Vietnam is heavily dependent on China in the economic field. This strong dependence of Vietnam on the Chinese economy can be explained by three main reasons:

- The first reason is due to the geographical location of Vietnam and China. Vietnam is located in the south of China with a 1,449.566 km long border, along with natural mountain ranges, large rivers originating from China also flow through Vietnam's territory and flow into the East Sea. Because of this geographical location "mountains next to mountains, rivers next to rivers", trade between the two countries is inevitable.
- The second reason is due to the history of the relationship between the two countries. With a large territory and a large population, China has been a powerful country since ancient times. In the course of history, China has invaded Vietnam many times in order to assimilate Vietnam into their territory. The relationship between the two countries is intertwined with many times of cooperation, struggle and then cooperation again.
- The third reason is China's strong economic potential. As the world's second largest economy and constantly growing over the years, China possesses strong economic potential and holds modern production technologies. Attracting foreign companies to invest in manufacturing plants in China and its investment policy to support loans for developing countries has helped China become the world's factory and spread its economic power.

For a developing country like Vietnam, being adjacent to a large economy like China can be considered an advantage because it helps Vietnam easily reach economic cooperation agreements as well as take advantage of China's abundant production technology. However, being too dependent on China also poses many risks for Vietnam in its economic and

technological autonomy. Vietnam and China are increasingly promoting comprehensive cooperation in all fields, however, on the issue of the East Sea, the two countries have opposite positions. Despite international maritime law, China is still on the way to strengthening its elite naval force, investing in modern equipment for the army to increase its presence in the South China Sea. Up to now, China has carried out many encounters at sea with countries surrounding the South China Sea area. The Philippines, Malaysia and Vietnam have repeatedly denounced the threatening and direct attacks of Chinese naval vessels in their own territorial waters. In 2023, China updated its new map to include Taiwan and most of the Spratly Islands. This statement immediately received criticism from countries in the Southeast Asian region. China's "arrogance" is clearly demonstrating its ambition to control the South China Sea more than ever. Recognizing the position and importance of protecting national sovereignty over seas and islands, Vietnam has also clearly expressed its stance and political views on this issue. Ever since China published the "nine-dash line" map in 2009, Vietnam has strongly denied the existence of this map and China's arguments. Together with Malaysia, Vietnam has filed a complaint with the United Nations about the illegal encroachment on the waters of other countries. In 2012, Vietnam passed a maritime law declaring Vietnam's sovereignty over the Hoang Sa and Truong Sa archipelagos. Of course, China strongly opposed this policy and prevented Vietnam's activities in these two archipelagos. Vietnam's defense spending has also increased every year (5,500 million USD in 2018). In many speeches at conferences around the world, the spokesperson of the Vietnamese Ministry of Foreign Affairs always emphasized that: Vietnam always steadfastly pursues a proactive approach to maintain peace, stability and promote development in the region, Vietnam always strongly supports the rule-based order and peaceful resolution of conflicts. Vietnam always emphasizes the importance of complying with international law, especially UNCLOS, as the basis for resolving disputes at sea. In contrast to China, Vietnam always promotes peace and security for regional development. Affirming its stance and protecting national territorial sovereignty based on international law is the right direction for Vietnam because international law is the common basis for resolving international conflicts. Using international law and increasing investment in military at sea is Vietnam's strong affirmation to China that Vietnam is always steadfast in protecting the country's maritime sovereignty at all costs.

Conclusion

Over the years, China has developed strongly in the economic field as well as military power to achieve the goal of becoming a new center of power, creating a counterweight to the United States. Starting from 2009, this country declared the map of the "nine-dash line" covering a large area of the East Sea, which has faced fierce international reactions, however, this country is still gradually realizing its goal of controlling this sea. Two geopolitical theories, "Theory of Transfer of Power" by Organski and "Theory of Sea Power" by Mahan, have helped explain the expansion of China's power and the reason why the East Sea has become one of the important goals of this country. China's rapid economic growth has enabled it to become a challenger to the world order of the United States and its allies. The South China Sea, with its abundant resources and important shipping routes, is a suitable place for China to increase its influence, as the United States and Europe have become rich and prosperous through control of the seas. Vietnam is also a country that is significantly influenced by China's policy of reaching out to the sea. Due to its geographical location and long-standing relationship with China, Vietnam

has long maintained political and economic relations with this country. In the era of globalization, economic development cooperation is very important for developing countries like Vietnam. Despite having a strategic cooperative relationship with China, Vietnam has always been steadfast in protecting its territorial sovereignty and national territorial waters based on international law and promoting peaceful values. Independence, sovereignty and territorial integrity, towards peace and prosperity, this is what Vietnam always strives for.

Литература

1. Miles Kenny, Britannica, Territorial disputes in the South China Sea / <https://www.britannica.com/topic/territorial-disputes-in-the-South-China-Sea>
2. Antony J. Blinken, Secretary of State, Eighth Anniversary of the Philippines-PRC South China Sea Arbitral Tribunal Ruling / <https://www.state.gov/eighth-anniversary-of-the-philippines-prc-south-china-sea-arbitral-tribunal%20ruling/#:~:text=In%20its%20ruling%2C%20the%20Tribunal,the%20PRC%20and%20the%20Philippines>
3. Adrian Pop, Power Transition and Balance of Power: Comprehending the Power Dynamics of the 21st Century
4. Seraffettin Yilmaz – Wang Xiangyu, Power Transition Theory Revisited: When Rising China Meets Dissatisfied United States
5. Statista Chart, China Steps Up Military Spending / <https://www.voroniapp.com/geopolitics/China-Steps-Up-Military-Spending-811>
6. U.S. Government Accountability Office, China's Foreign Investments Significantly Outpace the United States. What does that mean? / <https://www.gao.gov/blog/chinas-foreign-investments-significantly-outpace-united-states.-what-does-mean>
7. Thomas Jamison, Classics of Strategy and Diplomacy, Alfred Thayer Mahan: "The Influence of Sea Power Upon History" as Strategy, Grand Strategy, and Polemic / <https://classicsofstrategy.com/2022/02/09/alfred-thayer-mahan-the-influence-of-sea-power-upon-history-as-strategy-grand-strategy-and-polemic/>
8. Dena Petty, NCESC.COM, How much of world trade passes through South China Sea? / <https://www.ncesc.com/geographic-pedia/how-much-of-world-trade-passes-through-south-china-sea/>
9. China Power, How Much Trade Transits the South China Sea? / <https://chinapower.csis.org/much-trade-transits-south-china-sea/>
10. Asia maritime transparency initiative, South China Sea Energy Exploration and Development / <https://amti.csis.org/south-china-sea-energy-exploration-and-development/#:~:text=The%20South%20China%20Sea%20holds,with%20much%20more%20potentially%20undiscovered>
11. Alexander Palmer, Henry H. Carroll, and Nicholas Velazquez, CSIS, Unpacking China's Naval Buildup / <https://www.csis.org/analysis/unpacking-chinas-naval-buildup>
12. Matthew Southerland, Policy Analyst, Security and Foreign Affairs, China's Island Building in the South China Sea: Damage to the Marine Environment, Implications, and International Law / <https://www.uscc.gov/research/chinas-island-building-south-china-sea-damage-marine-environment-implications-and>
13. Chu Hong Dang – Pham Truong Son, Vietnam-China: Comprehensive strategic cooperative partnership under continuous development / <https://special.nhandan.vn/vietnam-china/index.html>

14. WITS, Trade summary for Vietnam / <https://wits.worldbank.org/CountrySnapshot/en/VNM/textview#:~: text=Overall%20Exports%20and%20Imports%20for, are%20imported%20from%2097%20countries>

DISPUTES IN SOUTH CHINA SEA: ANALYSIS CHINA'S CALCULATIONS AND ITS EFFECTS ON VIETNAM-CHINA RELATION

Nguyen Ba Thanh
RUDN University

The dispute in the South China Sea is one of the biggest political disputes in the world today. Since declaring its sovereignty over the South China Sea through the “nine-dash line” map, China has continuously posed a danger to the countries surrounding this sea area, regardless of international law on maritime sovereignty and the protests of the countries involved. The situation in the South China Sea from the beginning of the 21st century until now has always been difficult and volatile, with many potential risks surrounding China's activities. Vietnam and China are neighboring countries, not only because of the location of the two countries but also because of their long history of struggle and diplomacy. China's implementation of its policies in the South China Sea has affected the relationship between Vietnam and China. To understand the causes and calculations of China regarding the East Sea, it can be explained through a number of geopolitical theories and their effects on the relationship between Vietnam and China.

Keywords: disputes in South China sea, China's calculations, Vietnam-China relations, geopolitical theory.

References

1. Miles Kenny, Britannica, Territorial disputes in the South China Sea / <https://www.britannica.com/topic/territorial-disputes-in-the-South-China-Sea>
2. Antony J. Blinken, Secretary of State, Eighth Anniversary of the Philippines-PRC South China Sea Arbitral Tribunal Ruling / <https://www.state.gov/eighth-anniversary-of-the-philippines-prc-south-china-sea-arbitral-tribunal%20ruling/#:~: text=In%20its%20ruling%2C%20the%20Tribunal, the%20PRC%20and%20the%20Philippines>

3. Adrian Pop, Power Transition and Balance of Power: Comprehending the Power Dynamics of the 21st Century
4. Seraffettin Yilmaz – Wang Xiangyu, Power Transition Theory Revisited: When Rising China Meets Dissatisfied United States
5. Statista Chart, China Steps Up Military Spending / <https://www.voronoiapp.com/geopolitics/China-Steps-Up-Military-Spending-811>
6. U.S. Government Accountability Office, China's Foreign Investments Significantly Outpace the United States. What does that mean? / <https://www.gao.gov/blog/chinas-foreign-investments-significantly-outpace-united-states.-what-does-mean>
7. Thomas Jamison, Classics of Strategy and Diplomacy, Alfred Thayer Mahan: “The Influence of Sea Power Upon History” as Strategy, Grand Strategy, and Polemic / <https://classicrofstrategy.com/2022/02/09/alfred-thayer-mahan-the-influence-of-sea-power-upon-history-as-strategy-grand-strategy-and-polemic/>
8. Dena Petty, NCESC.COM, How much of world trade passes through South China Sea? / <https://www.ncesc.com/geographic-pedia/how-much-of-world-trade-passes-through-south-china-sea/>
9. China Power, How Much Trade Transits the South China Sea? / <https://chinapower.csis.org/much-trade-transits-south-china-sea/>
10. Asia maritime transparency initiative, South China Sea Energy Exploration and Development / <https://amti.csis.org/south-china-sea-energy-exploration-and-development/#:~: text=The%20South%20China%20Sea%20holds, with%20much%20more%20potentially%20undiscovered>
11. Alexander Palmer, Henry H. Carroll, and Nicholas Velazquez, CSIS, Unpacking China's Naval Buildup / <https://www.csis.org/analysis/unpacking-chinas-naval-buildup>
12. Matthew Southerland, Policy Analyst, Security and Foreign Affairs, China's Island Building in the South China Sea: Damage to the Marine Environment, Implications, and International Law / <https://www.uscc.gov/research/chinas-island-building-south-china-sea-damage-marine-environment-implications-and>
13. Chu Hong Dang – Pham Truong Son, Vietnam-China: Comprehensive strategic cooperative partnership under continuous development / <https://special.nhandan.vn/vietnam-china/index.html>
14. WITS, Trade summary for Vietnam / <https://wits.worldbank.org/CountrySnapshot/en/VNM/textview#:~: text=Overall%20Exports%20and%20Imports%20for, are%20imported%20from%2097%20countries>

Группы антипатичного и отсутствия антипатичного отношения к зарубежным странам: социально-демографические спецификации и специфика восприятия международной жизни

Пантелеев Вадим Геннадьевич,

научный сотрудник Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН
E-mail: pwg92@mail.ru

В статье рассматриваются отличия между группой, которая антипатично настроена к зарубежным странам, и группой, которая таких антипатий не имеет. Отличия между группами рассматриваются на уровне социально-демографических спецификаций и на уровне специфики восприятия международной жизни. Уровень международных отношений фиксируется по основаниям ценностных ориентаций и вовлеченности в информационную повестку современных международных отношений. В результате было выявлено, что на уровне социально-демографическом играет некоторую роль половая и возрастная принадлежность; отличий по уровню образования и принадлежности к социально-профессиональной группе не прослеживается. Установлено, что главное различие между рассматриваемыми группами пролегает не в сфере ценностных различий, а в сфере вовлеченности в информационную повестку относительно международной жизни. Это выражается в том, что в группе, которая имеет антипатии, минимальная доля затруднившихся с высказыванием собственного мнения по сравнению с группой, которая антипатий не имеет. При этом тенденции мнений по вопросам международной жизни у этих групп демонстрируют высокую степень схождения.

Ключевые слова: международная жизнь, группы антипатий / отсутствия антипатий к зарубежным странам, ценностное отношение к международной жизни, информационная повестка международной жизни, восприятие зарубежных стран, страны миротворцы, опасные страны, страны друзья, страны враги.

Исследования восприятия россиянами зарубежных стран всегда будут иметь актуальность и востребованность. И особенно востребованность таких исследований демонстрирует резко изменившееся пространство международных отношений, послужившее после начала Специальной военной операции на Украине. В этом отношении отдельный научный интерес вызывают группы, которые имеют антипатии к зарубежным странам, и группы, которые таковых антипатий не имеют.

Обзор исследований по теме, методы, методика, эмпирика

Изучение восприятие зарубежных стран, международной жизни уже являлись предметом научных исследований. Здесь условно можно выделить три направления исследований. Во-первых, изучались образы зарубежных государств в массовом сознании. Так в рамках этого направления выявлялись факторы формирования образов зарубежных стран (текущий общественно-политический дискурс), магистральным основанием которых стал деление на страны по отношению к России «чужие» и «свои» [1]; учеными осуществлялся политико-психологический анализ образов зарубежных стран в сознании граждан России, которые в целом зависят по результатам анализа от характера взаимоотношений этих стран с Россией [2]; изучались образы Бразилии, Аргентины и Китая, Индии, учеными установлено, что образ этих стран формируются на рациональном уровне [3].

Во-вторых, это изучение восприятия россиянами зарубежных стран. В рамках этого направления изучались особенности политического восприятия зарубежных стран россиянами, которые во многом сводятся к «россиецентричности» [4]; в других исследованиях отмечается «когнитивная бедность» восприятия россиянами зарубежных стран [5]. Также изучались ситуативные факторы, влияющие на формирование восприятия зарубежных факторов, обусловленных началом СВО [6]. На широком материале показана динамика восприятия зарубежных стран, которое зачастую предстает в виде «общих размытых представлений <...> противоречиво выраженными [7]. Наконец, восприятие молодежью зарубежных стран характеризуется исследователями как «уверенное» и «определенное» при рассмотрении стран как «друзей» и «врагов» [8].

В третьих можно выделить исследования факторов, определяющих то или иное отношение к зарубежным странам, в частности доверие информационным источникам [9]; а также особенности отношения к зарубежным странам в межпоколенном ракурсе [10]. Итак, фиксируется довольно большое количество исследований восприятия зарубежных стран, однако рассмотрению различия восприятия россиян, имеющих антипатии к зарубежным странам, и не имеющим таковых, уделялось не так много внимания.

Статья основывается на эмпирических данных, которые были получены в ходе массового анкетного опроса жителей Таганрога в 2023 году, который был коллекти-

вом Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН. В ходе исследования в качестве анкетного инструментария были использованы наработки, описанные Борисом Грушиным в книге «Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения» [11]. В целом анкета использовалась без изменений, где это было возможно, и корректировалась при необходимости под современные реалии. Выборка составила 1701 человек, реализована с учетом половозрастных квот города Таганрога в соответствии с актуальной статистической информацией на год проведения опроса.

В анкете использовался вопрос «Есть ли какие-либо зарубежные страны, которые Вам не нравятся, вызывают у Вас антипатию?». Вопрос открытый. На основе ответов респондентов на этот вопрос был создан бинарный признак: имеют страны антипатии (респонденты, которые назвали такие страны) / не имеют стран антипатии (респонденты, которые не назвали такие страны). Соотношение этих групп в результате получилось как 45,1% (назвали страны, к которым испытывают неприязнь) и 54,9% (не назвали страны, к которым испытывают неприязнь).

Для характеристики социально-демографических спецификаций были построены кросстабуляции выделенных групп с половой принадлежностью, возрастной группой, социально-профессиональным положением, уровнем образования, основными источниками о жизни зарубежных стран.

Для характеристики ценностного восприятия выделенных групп были построены кросстабуляции по вопросам «Какие зарубежные страны прилагают особенно много усилий для сохранения мира на Земле?» и «Какие (какая) зарубежные страны представляют наибольшую угрозу человечеству?». Восприятие зарубежных стран в таком ключе во многом зависит от ценностной картины мира, т.е. предполагается, что в рамках этого вопроса респонденты будут называть страны-ориентиры в позитивном и негативном аспектах.

Для характеристики вовлеченности в современную информационную повестку строились кросстабуляции для вопросов «Какая страна (страны) является самым надежным другом России?» и «Какая страна (страны) наиболее враждебно относится к России?». Эти вопросы должны отражать степень вовлеченности информированности о современных международных отношениях.

Целью статьи является выявление особенностей группы респондентов, имеющих антипатии к каким-либо странам и группы респондентов, не имеющих антипатии к каким-либо странам. Гипотетически эти две группы различаются на ценностном уровне.

Социально-демографические спецификации

Различия между группами неприязни/отсутствия неприязни по социально-демографическим параметрам рассматриваются по следующим характеристикам: пол, возраст, социально-профессиональное положение, уровень образования, основные источники информации о жизни зарубежных стран.

Различия по половому соотношению между группами неприязни и отсутствия неприязни по отношению к зарубежным странам прослеживаются довольно явно. В группе, которая назвала страну неприязни, наблюдается соотношение мужчин и женщин практически 50/50. Так, мужчин, которые отметили, что испытывают неприязнь к стране или странам 48,1%, а таковых женщин – 51,9%. То есть, в отношении этой группы можно заключить об отсутствии половой специфики – в том отношении, что для представителей одной из половых групп это ха-

рактерно в большей степени. Группа, которая не назвала никакой страны неприязни, напротив, демонстрирует половую специфику. В этой группе женщин больше, чем мужчин. Так мужчины, которые не назвали страну неприязни, составляют 39,8%, а женщины – 60,2%. Следовательно, отсутствие страны неприязни в большей степени характерно для женщин, нежели мужчин. Итак, первая социально-демографическая спецификация – для группы неприязни фактор половой принадлежности не существенен; для группы отсутствия неприязни в большей степени играет роль принадлежности к женщинам.

Возрастные особенности рассматриваемых групп в существенном виде проявляются только на уровне возрастов старше 60 лет. В группе наличия неприязни доля возрастов старше 60 лет составляет 37,9%, в то время как в группе отсутствия неприязни таковых респондентов 27,8%; разница составляет практически 10 п.п. Таким образом, для группы неприязни в несколько большей степени характерны старшие возрасты, нежели для группы отсутствия неприязни. Разница по остальным возрастным группам: 18–24 лет – 7,1% группа неприязни, 7,5% группа отсутствия неприязни; 25–29 лет – 5,9% и 7,2%, 30–39 лет – 18,7% и 20,9%; 40–49 лет – 14,9% и 19,8%; 50–59 лет – 15,4% и 16,8%. Здесь можно обратить внимание на некоторые отличия в возрастной группе 40–49 лет, у группы неприязни доля таковых на 5 п.п. меньше, чем у группы отсутствия неприязни. Итак, возрастная специфика рассматриваемых групп восприятия заключается в том, что наличие неприязни в несколько большей степени характерно для старшей возрастной группы, 60 лет и старше.

Отметим также отличия на пересечение возраста и половой принадлежности респондентов. В случае с группой наличия неприязни к зарубежным странам фиксируется некоторое расхождение с той картиной, что наблюдалась отдельно по полу и отдельно по возрасту. При почти равномерном распределении мужчин и женщин в этой группе, распределение возрастов имеет существенное расхождение. Если у мужчин возрастные распределения довольно близки общим возрастным распределениям (рассмотрены в предыдущем абзаце), исключение составляет только старшая возрастная группа (разница 7 п.п. в пользу общих распределений). В то время как у женщин, составляющих группу наличия неприязни к зарубежным странам, возраста 60 лет и старше занимают почти половину – 46%. Таким образом, специфика половозрастных характеристик для группы наличия неприязни к зарубежным странам наблюдается такая: у женщин это в существенной степени старшие возрасты, тогда как у мужчин такого серьезного преобладания какой-либо возрастной группы отсутствует. В группе отсутствия неприязни в целом возрастные характеристики мужчин и женщин довольно близки ранее рассмотренным общим распределениям данной группы.

Социально-профессиональные группы респондентов, у которых наличествует неприязнь к определенной стране или странам, и респондентов, у которых эта отсутствует таковая неприязнь, не обнаруживают значимых отличий между собой. Доли социально-профессиональных групп довольно схожи у обеих групп, различия не превышают 2 п.п. Схожесть распределения социально-профессиональных групп респондентов в группах наличия неприязни и отсутствия неприязни говорит о том, что социально-профессиональная принадлежность не оказывает влияние на формирование неприязненного отношения к зарубежным странам или его отсутствия. Итак, социально-профессиональная группа, которая бы доминировала бы в группе наличия непри-

язни или в группе отсутствия неприязни не наблюдается среди респондентов.

Распределение уровней образования среди рассматриваемых групп, как и социально-профессиональное положение, не обнаруживает существенных отличий. По большинству уровней образование наблюдается отличия в пределах 3,4 п.п. Начальное образование (4 класса) – 0,9% группа неприязни, 0,8% группа приязни; основное общее образование (9 классов) – 3,2% и 2%; среднее общее образование – 11% и 8,5%; среднее профессиональное образование – 21% и 17,6%; высшее образование – 59,6% и 65,7%; кадры высшей категории (ученая степень) – 4,4% и 3,6%. Можно отметить, что у группы отсутствия неприязни доля респондентов с высшим образованием несколько больше (разница 6,1 п.п.). А группы наличия неприязни к зарубежным странам несколько больше респондентов со средним профессиональным образованием (разница 3,4 п.п.). Таким образом, можно отметить, что в целом уровень образования не имеет существенного влияния на наличие или отсутствия неприязни к другим странам, за исключением некоторых флуктуаций по высшему образованию (несколько больше среди группы отсутствия неприязни) и среднего профессионального образования (несколько больше среди группы наличия неприязни).

Основные источники информации о жизни зарубежных стран – конечно, не является собственно социально-демографической спецификацией. Однако в контексте восприятия международной жизни и формирования группы с наличием неприязни по отношению к какой-либо стране и отсутствия таковой, является важным. Первое, что необходимо отметить – группа с наличием неприязни демонстрируют более высокий уровень определенности в ответах, характеризующие их основные источники информации. У группы наличия неприязни затруднившихся назвать основные источники информации – 2,6%, у группы с отсутствием неприязни таковых 19,5% (разница 16,9 п.п.). На основании таких распределений можно заключить, что для группы с наличием неприязни по отношению к зарубежным странам в большей степени характерно основывать свое отношение и восприятие международной жизни на основании обращения к определенным информационным источникам. Респонденты, которые имеют неприязнь к странам, обращаются в большей степени ко всем источникам, представленным в вопросе. Характеристики основных источников информации о зарубежных странах: отечественные СМИ (ТВ, пресса, радио, интернет-сайты, документальные фильмы) – 81% группа неприязни, 63,4% группа отсутствия неприязни; иностранные СМИ (ТВ, пресса, радио, интернет-сайты, документальные фильмы) – 27,4% и 14,4%; блогеры, паблики социальных сетей, интернет-форумы, видеохостинги – 40,4% и 26%; рассказы друзей, родственников – 25,2% и 18,7%; рассказы друзей, родственников, живущих за рубежом – 20,9% и 13,3%; собственные наблюдения во время поездок по зарубежным странам – 10,5% и 9,3%. Итак, частота, с которой называли тот или иной вид источника респонденты, свидетельствует о том, что респонденты, составляющие группу с наличием неприязни к странам, демонстрируют большую степень использования практически всех источников, нежели противоположная группа. В этом отношении восприятию группы неприязни в большей степени основывается на обращении к разнообразным источникам информации. При этом можно отметить, что источники информации, которые характеризуются непосредственной связью с объектом, относительно которого формируется мнение – рассказы знакомых, живущих за рубежом и личные поездки за рубеж – составляют

наименьшую частоту у обеих групп. В этом отношении можно отметить общую черту – обращение к источникам информации, которые предполагают некоторую интерпретацию информации о зарубежных странах, а стало быть, и определенный уровень доверия к ним (отечественные СМИ, блогеры, паблики социальных сетей и пр.).

Итак, наибольший уровень проявления спецификаций по группам наличия неприязни к зарубежным странам и отсутствия такой неприязни, наблюдается по позициям пол, возраст, основные источники информации о жизни зарубежных стран.

Специфика восприятия международной жизни

Специфику восприятия международной жизни рассматриваемых групп рассмотрим через мнения о том, какие страны прилагают особенно много усилий для сохранения мира на Земле; какие страны представляют наибольшую угрозу человечеству; какие страны являются самым надежными друзьями России; какие страны являются наиболее враждебными по отношению к России. Рассматриваться будут только те страны, которые получили наибольшую частоту упоминаний при ответах на данные вопросы.

Мнения, относительно того, какие страны прилагают миротворческие усилия в международной жизни, рассматриваемых групп характеризуются прежде всего разницей долей тех респондентов, которые не определились с ответом на данный вопрос. Среди группы, которая имеет неприязнь, затруднившихся ответить 43,6%, у группы с отсутствием неприязни – 80,8%. Разница почти в 40 п.п.; если вспомнить, что соотношение этих двух групп 45,1% на 54,9% из 1701 опрошенного респондента, то можно констатировать, что разница эта довольно показательна, и, хотя и косвенно, но указывает на то, насколько эти две группы интересуются международной жизнью. Похожие соотношения будут наблюдаться и дальше, при рассмотрении других показателей международной жизни. Итак, рассмотрим рейтинг стран группы, имеющей неприязнь, и группы, не имеющей неприязнь. У группы, которая обладает неприязнью, первую пятерку стран, прилагающих наибольшие усилия по сохранению мира, составили: Китай (частота 24,2%), Беларусь (22,3%), Индия (5,5%), Турция (4%), Венгрия (3,3%). У группы отсутствия неприязни: Китай (частота 6,9%), Беларусь (4,6%), Индия (1,9%), Венгрия (1,6%), Германия (1,1%). Заметно, что общая тенденция схожу у обеих групп, первую тройку стран в обоих случаях составляют Китай, Беларусь и Индия. После начала СВО эти страны действительно демонстрировали и демонстрируют соответствующие усилия по достижению мира. Однако у группы неприязни есть страны с явным перевесом по частоте упоминаний – это Китай и Беларусь. У группы приятия в рейтинг стран-миротворцев попадает Германия, что может быть указанием на некоторое различие в восприятии зарубежных стран по вопросам войны и мира. Можно отметить, что большая часть стран является для России дружественными или нейтральными.

Следующий момент, мнения о том, какие страны представляют наибольшую угрозу человечеству. Снова отметим незначительную долю затруднившихся с мнением у группы неприязни (14,4%), и значительную долю у группы приязни (67,6%). Первая пятерка стран у группы неприязни: США (частота 70,1%), Великобритания (13,8%), Украина (10,1%), Германия (5,7%), КНДР (4,9%). У группы отсутствия неприязни к зарубежным странам: США (частота 26,9%), Великобритания (4,1%), Украина (2,3%), Германия (1,3%), Израиль (1,2%). Итак, тенден-

ция мнений обеих групп имеет большое сходство в иерархии стран, полученной в ходе высказывания мнений обеими респондентами. В этом отношении можно подожать, что доля респондентов определившихся с мнением у группы отсутствия неприязни имеет гораздо больше сходства с группой, которая имеет неприязнь по отношению к каким-либо странам. И в качестве предположения можно сформулировать суждение: различие пролегает не столько по тому, есть ли неприязнь к странам или нет, а уровню интереса к международной жизни и интересу к ней. Можно отметить, в обоих случаях большая часть стран являются недружественными по отношению к России.

Рассмотрим мнения относительно того, какие страны являются самыми надежными друзьями России. Отметим распределение долей респондентов затруднившихся ответить: у группы неприязни – 14,1%, у группы отсутствия неприязни – 57,2% (довольно близкие значения аналогичным значениям предыдущего параметра). Пятерка стран, которые, по мнению представителей группы неприязни, являются самыми надежными друзьями России: Беларусь (частота 63,1%), Китай (23,1%), Сербия (4%), КНДР (3,6%), Казахстан (2,6%). У группы с отсутствием неприязни: Беларусь (частота 31,7%), Китай (10,6%), Казахстан (2%), Сербия (1%), Индия (0,9%). Таким образом, вновь обнаруживается общность тенденций мнений, уже по вопросу стран самых надежных друзей России. Да, можно отметить, что частоты в обеих группах различаются довольно сильно, однако общность тенденции такова, что если бы мы ответы рассматривали без учета респондентов, затруднившихся ответить, то и частота упоминания стран стала гораздо ближе. Однако учет респондентов, кто затруднился ответить, позволяет более точно раскрыть группы приязни и отсутствия неприязни. В целом за исключением некоторых нюансов, чаще всего представители обеих групп по этому вопросу называли Беларусь и Китай. Такие тенденции позволяют лишней раз предположить, что корневое отличие между этими двумя группами в информированности относительно международной жизни.

Наконец, рассмотрим последний аспект международной жизни – мнения относительно того, какая страна наиболее враждебно относится к России. Уже традиционно отметим доли респондентов, которые затруднились с ответом: среди группы неприязни – 11,7%, среди группы отсутствия неприязни – 61,6%. Таким образом, тенденция повторяется и в оценках четвертого аспекта международной жизни; не имеющие неприязненного отношения к каким-либо странам гораздо чаще не могут определиться с мнением по какому-либо аспекту международной жизни. Итак, согласно мнению группы неприязни пятерку наиболее враждебных стран по отношению к России составляют следующие: США (частота 65,9%), Украина (35,4%), Великобритания (11,9%), Польша (10,1%), Германия (4,6%). У группы отсутствия неприязни к зарубежным странам: США (частота 27,6%), Украина (13,6%), Великобритания (5,3%), Польша (3%), Германия (2,2%). Итак, при оценке этого аспекта совпадение иерархии недружественных стран полностью совпадает у обеих рассматриваемых групп. Это мнение полностью согласуется с текущей международной повесткой и повесткой на сегодняшний день. Высокий уровень синхронизированности мнений по рассмотренным аспектам международных отношений говорит в пользу того, что между группой, обладающей неприязнью к каким-либо странам, и группам, не обладающим такой неприязнью, различия проходят не по ценностным ориентациям (которые могли бы символизировать страны, которые назывались в первых двух аспектах, миротвор-

чества и войны), а по линии информированности и заинтересованности международной жизнью.

Итак, обе группы по всем рассмотренным аспектам международной жизни демонстрируют довольно высокий уровень общности тенденций при высказывании мнений по вопросам мира и войны, дружелюбности и не дружелюбности по отношению к России.

Заключение

При проведении сравнения двух групп респондентов – имеющих неприязненное отношение к каким-либо странам и не имеющих неприязненного отношения к каким-либо странам – можно в качестве выводов сделать следующие суждения:

- По социально-демографическим характеристикам группы неприязни каких-либо зарубежных стран характеризует довольно равномерное распределение мужчин и женщин; в возрастных группах наблюдается несколько больший уклон в пользу старших возрастов (старше 60 лет); при этом можно отметить крайне высокую долю женщин таких возрастов. Группа отсутствия неприязни к зарубежным странам в соотношении полов демонстрирует перекосяк в трону женщин; возрастная структура отличается несколько меньшей представленностью старших возрастов;
- Такие характеристики как социально-профессиональное положение и уровень образования не имеют серьезных отличий между рассматриваемыми группами;
- По части источников информации группа, обладающая неприязнью соотношению к другим странам, демонстрирует гораздо больший уровень их использования, нежели представители группы, не обладающая неприязнью к другим странам. Однако в обоих случаях речь идет о преобладании одних и тех же источников информации: отечественные СМИ, блогеры, паблики социальных сетей, интернет-форумы пр. Источники, которые характеризуются большей степенью прямой связи с описываемыми объектами (знакомые, живущие за рубежом, личные поездки) значительно уступают по значению остальным источникам;
- По вопросам аспектов международной жизни основной отличительной тенденцией является преобладание у группы, которая не имеет неприязни по отношению к другим странам, затруднившихся ответить. Эта доля всегда превышает половину респондентов, в противоположность группе, которая имеет неприязнь по отношению к другим странам. При этом наблюдается схожесть тенденций в восприятии стран у обеих групп. Это позволяет говорить о том, что различия между группами пролегают не в ценностной сфере, а в сфере интереса к международной жизни и информированности о ней;
- Ценностное отношение к странам-ориентирам (или антиподам) в известной степени характеризуют ответы, касающиеся вопросов миротворчества и угрозы человечеству. В ответах обе группы демонстрируют схожие тенденции. В вопросе миротворчества преобладают страны союзные России или демонстрирующие нейтралитет (Беларусь, Китай, Индия). По вопросу наибольшей угрозы человечеству страны, которые занимают недружественную позицию по отношению к России (США, Великобритания, Украина, Германия). Таким образом, можно заключить, что в сфере ценностных ориентаций различий

между группами неприязни и отсутствия неприязни не наблюдается;

- Аспекты международной жизни, характеризующие вовлеченность в информационную повестку – самый надежный друг России и наиболее враждебная страна – также демонстрируют общую тенденцию мнений, выразивших мнение, и в группе неприязни, и в группе отсутствия приязни. Самыми надежными друзьями России обе группы считают Беларусь и Китай. Самыми враждебными странами – США, Украину, Великобританию, Польшу и Германию. Подобные ответы вполне согласуются с текущей международной повесткой. Это свидетельствует о том, что различия между двумя группами пролегают по линии интереса и информированности о международной жизни;
- Таким образом, отличия между группой респондентов, которые имеют неприязнь к зарубежным странам, и группой респондентов, не имеющих неприязни к зарубежным странам, пролегают по линии интереса и информированности о зарубежных странах и международной жизни, а не по линии отношения к зарубежным странам как ценностным ориентирам или социально-демографическим характеристикам.

Литература

1. Евгеньева Т.В. «Свои» и «чужие»: образы зарубежных государств в контексте восприятия России ее гражданами / Т.В. Евгеньева, З.Р. Усманова // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. № 2. С. 57–75.
2. Смутькина Н.В. Образ зарубежья в российском массовом сознании: политико-психологический анализ / Н.В. Смутькина, М.А. Савельева, И.А. Цымбал // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 6. С. 47–68.
3. Цымбал И.А. Сравнительный анализ образов «забытых союзников» (Аргентина, Бразилия) и «стратегических партнеров» (Китай, Индия) в сознании российских граждан // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 86. С. 89–114.
4. Смутькина Н.В. Особенности политического восприятия российскими гражданами стран ближнего и дальнего зарубежья / Н.В. Смутькина, М.А. Савельева, И.А. Цымбал // Вестник Российской нации. 2019. № 6(70). С. 86–99.
5. Шестопа Е.Б. Восприятие зарубежных стран российскими гражданами // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 4. С. 16–28.
6. Цымбал И.А. Влияние современного международного контекста на восприятие российскими гражданами зарубежных стран // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 3(79). С. 884–890.
7. Горбушина О.П. Динамика восприятия международного имиджа зарубежных стран российской молодежью: результаты эмпирических исследований 2002–2023 годов // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11, № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/66PSMN323.pdf>.
8. Магранов А.С. Восприятие молодежью зарубежных стран: образы «друзей» и «врагов» (на примере студенчества г. Таганрога) // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12, № 6. С. 208–221.
9. Федотова Л.Н. Отношение к другим странам: обострение на фоне пандемии // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, № 1. С. 215–226.

10. Полякова Е.А. Международная жизнь и отношение к другим странам в межпоколенном ракурсе // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, № 3. С. 144–151.
11. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). – Москва: Прогресс-Традиция, 2006. – 908 с.

GROUPS OF ANTI-PATHY AND LACK OF ANTI-PATHY TOWARDS FOREIGN COUNTRIES: SOCIO-DEMOGRAPHIC SPECIFICATIONS AND SPECIFICS OF THE PERCEPTION OF INTERNATIONAL LIFE

Pantelev V.G.

South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The article examines the differences between a group that is antipathetic to foreign countries and a group that does not have such antipathies. The differences between the groups are considered at the level of socio-demographic specifications and at the level of the specifics of the perception of international life. The level of international relations is fixed on the basis of value orientations and involvement in the information agenda of modern international relations. As a result, it was revealed that gender and age play a role at the socio-demographic level; There are no differences in the level of education and belonging to a socio-professional group. It is established that the main difference between the groups under consideration lies not in the sphere of value differences, but in the sphere of involvement in the information agenda regarding international life. This is expressed in the fact that in a group that has antipathies, the minimum proportion of those who find it difficult to express their own opinions compared to a group that does not have antipathies. At the same time, the trends of opinions on issues of international life among these groups demonstrate a high degree of similarity.

Keywords: international life, groups of antipathies / lack of antipathies to foreign countries, value attitude to international life, information agenda of international life, perception of foreign countries, peacemaking countries, dangerous countries, friends countries, enemies countries.

References

1. Evgen'eva T.V. "Ours" and "Others": images of foreign states in the context of the perception of Russia by its own citizens / T.V. Evgen'eva, Z.R. Usmanova // Bulletin of the Moscow University. Series 12: Political Science. 2018. No. 2. P. 57–75.
2. Smul'kina N.V. The representation of the 'abroad' in the russian mass consciousness: a politico-psychological analysis / N.V. Smul'kina, M.A. Savel'eva, I.A. Tsymbal // Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science. 2020. No. 6. P. 47–68.
3. Tsymbal I.A. Comparative analysis of "forgotten allies" (Argentina, Brazil) and "strategic partners" (China, India) images in the minds of russian citizens // Public administration. Electronic bulletin. 2021. No. 86. P. 89–114.
4. Smul'kina N.V. Peculiarities of political perception by russian citizens of countries near abroad and far abroad / N.V. Smul'kina, M.A. Savel'eva, I.A. Tsymbal // Bulletin of the Russian Nation. 2019. No. 6(70). P. 86–99.
5. Shestopal E.B. Russians' perception of foreign countries // Society. Communication. Education. 2020. Vol. 11, No. 4. P. 16–28.
6. Tsymbal I.A. The influence of a modern international context on the perception by russian citizens of foreign countries // Questions of political science. 2022. Vol. 12, No. 3(79). P. 884–890.
7. Gorbushina O.P. The results of an empirical study of the dynamics of perception of the international image of foreign countries by russian youth in 2002–2023 // The world of science. Pedagogy and psychology. 2023. Vol. 11, No. 3. [Electronic resource]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/66PSMN323.pdf>.
8. Magranov A.S. Erception of foreign countries by young people: images of "friends" and "enemies" (on the example of Taganrog students) // Humanities of the South of Russia. 2023. Vol. 12, No. 6. P. 208–221.

9. Fedotova L.N. Attitude towards other countries: aggravation on the background of pandemic // Proceedings of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture. 2021. Vol. 27, No. 1. P. 215–226.
10. Polyakova E.A. International life and attitude towards other countries in an intergenerational perspective // Humanities of the South of Russia. 2024. Vol. 13, No. 3. P. 144–151.
11. Grushin B.A. Four Lives of Russia in the mirror of public opinion polls: Essays on the mass consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin: In 4 books. Life is 2nd. The Brezhnev Era (Part 2). – Moscow: Progress-Traditsiya, 2006. – 908 p.

Геополитическое значение коридора «Индия – Ближний Восток – Европа» для германо-индийского сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе

Печищева Людмила Александровна,

к.и.н., доцент, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)
E-mail: lუსууа-85@inbox.ru

Правительство ФРГ активно поддерживает реализацию Индо-Тихоокеанской стратегии ЕС, особенно в её двух приоритетных направлениях – диверсификации экономики и «зелёной» повестке. Очевидные подвижки в политике ФРГ в отношении России и Китая произошли в свете новых геополитических и геэкономических вызовов. Как и у европейских партнеров ФРГ в правительстве Олафа Шольца преобладают свои политические и экономические интересы в Индо-Пацифике, поскольку этот регион становится ключом к формированию нового баланса сил и международного порядка XXI в. Запуск экономического коридора «Индия – Ближний Восток – Европа» («ИМЕС») позволит как ЕС, так и Индии совместно со странами Ближнего Востока увеличить пропускную способность маршрутов перевозки экспортных и транзитных грузов. Очевидно, что заинтересованность США в проектах в рамках «ИМЕС» демонстрирует готовность американской администрации наращивать военно-политический и экономический потенциал в ответ на возрастающее влияние китайской инициативы «Один пояс, Один путь», в частности и в Индо-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: ЕС, Индия, ФРГ, экономический коридор «Индия – Ближний Восток – Европа», Индо-Тихоокеанский регион.

Исследование выполнено при поддержке гранта «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2024 г. для реализации научно-исследовательского проекта «Глобальный Юг во внешнеполитической стратегии России: новые подходы и механизмы многостороннего сотрудничества».

Принятые немецкими властями принципы работы в Индо-Тихоокеанском регионе, а также Стратегия по Китаю и Стратегия национальной безопасности в равной степени свидетельствуют о масштабных изменениях во внешней политике ФРГ. Правительство, возглавляемое Олафом Шольцем, намерено придать Германии более высокий статус в регионе Индо-Пацифика.

В сентябре 2020 г. под руководством канцлера Ангелы Меркель были опубликованы «Основные направления политики в отношении Индо-Тихоокеанского региона», в котором подчеркивалась важность всестороннего развития, сохранения стабильности и безопасности в Индо-Пацифике. В документе также отмечалось восемь интересов Германии в отношении Индо-Тихоокеанского региона, среди которых мир и безопасность, диверсификация и углубление отношений, многополярный мир, открытые морские пути, рынки и свободная торговля, цифровая трансформация и связь, защита окружающей среды и доступ к обоснованной информации. Кроме того, отдельно были прописаны и семь принципов, которыми руководствуется Германия в своей политике в этом регионе, а именно акцент на европейской стратегии в регионе, многополярный мир, основанный на правилах, цели развития ООН, права человека, инклюзивность и равное партнерство всех игроков.

Тогдашний министр иностранных дел ФРГ Хайко Маас официально заявлял, что основные пункты документа представляют собой руководство и видение внешнеполитической стратегии ФРГ в Индо-Тихоокеанском регионе, косвенно подтверждая поддержку немецкими властями расширить участие ЕС в этом регионе.

Экономический коридор «ИМЕС» (India-Middle East-Europe Economic Corridor), анонсированный 9 сентября 2023 г. на саммите «Большая двадцатка» в Нью-Дели, благодаря созданию железнодорожных и морских путей свяжет Индию, Ближний Восток и Европу. Индия, ОАЭ, Саудовская Аравия, США, Германия, Италия, Франция и ЕС, подписав «Меморандум о взаимопонимании» [6] в отношении «ИМЕС», придадут этому проекту особое экономическое и стратегическое значение. Кроме того, экономический коридор сможет стать одним из столпов европейской индо-тихоокеанской стратегии, которая всё больше фокусируется на Индии. С европейской точки зрения, новый коридор соответствует стратегическим приоритетам Индо-Тихоокеанского региона и выглядит вполне прагматичным шагом для воплощения деклараций и дипломатических инициатив, запущенных ЕС, начиная с 2021 г.

Во-первых, экономический коридор сможет дополнить амбициозную инициативу «Глобальные ворота» (Global Gateway), анонсированную Европейской комиссией в декабре 2021 г., которая нацелена на решение самых насущных глобальных проблем: от борьбы с изменением климата до улучшения систем здравоохра-

нения и повышения конкурентоспособности и безопасности глобальных цепочек поставок [4]. Так, на первом форму европейской инициативы «Глобальные ворота», состоявшейся в октябре 2023 г. в Брюсселе, свыше 40 высокопоставленных представителей европейских государств и бизнес-структур подчеркнули важность продвижения «зеленой» энергетики, ИКТ, систем здравоохранения и образования. Европейский проект полностью отвечает Повестке дня ООН на период до 2030 г. и ее целям в области устойчивого развития, а также Парижскому соглашению [5]. Первой вехой в рамках инициативы «Глобальные ворота» стал инвестиционный пакет «Африка-Европа», который предусматривал финансовые вливания в размере около 150 млрд евро на укрепление сотрудничества с африканскими партнерами. Более того, не остались без внимания программы в рамках «Глобальные ворота» в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке и Карибском бассейне, где Урсулой фон дер Ляйен был озвучен размер глобальных инвестиций ЕС более, чем 45 млрд. евро [4]. Следовательно, дополнив европейскую инициативу «Глобальные ворота», экономический коридор способствовал устойчивому и инклюзивному процветанию всего региона.

Во-вторых, «ИМЕС» может стать важным шагом в достижении так называемого «снижения рисков» или постепенной «перебалансировки» торгово-экономических отношений между ЕС и КНР. Страны ЕС и США пересматривают стратегию в отношении Китая и России. Особенно быстрый отказ от российского газа и природных ресурсов произошел у Западных партнеров после эскалации российско-украинского конфликта, выявив экономическую и энергетическую зависимость Евросоюза от России. В этом контексте крупномасштабное американо-индийское сотрудничество через Персидский залив в рамках нового экономического коридора представляется актуальным для ЕС, поскольку способствует созданию альтернативных и устойчивых цепочек поставок, связывая воедино государства с большими производственными мощностями, передовыми технологиями и инвестиционным капиталом [7]. Очевидна и явная заинтересованность стран ЕС к Индии, которая была озвучена Урсулой фон дер Ляйен, главой Еврокомиссии, весной 2022 г. в Нью-Дели в ходе международной политологической конференции «Диалог Райсина» (Raisina Dialogue) (организаторами выступают Observer Research Foundation и министерство иностранных дел Индии). Она отметила, что в ближайшем будущем приоритетным направлением выступает укрепление сотрудничества ЕС с Индией по всем фронтам. На этой же конференции министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар подчеркнул возрастающую турбулентность и неопределенность в мире, а также ряд крупных шоков за последние несколько лет, включая пандемию COVID-19 и «усиление конфликтности в отношениях США и Китая и США и России, поэтому стратегия Индии заключается в сотрудничестве с различными центрами силы в целях развития страны и процветания Азии» [2]. Намечилась активизация отношений с Индией и ключевых стран-членов ЕС. Так, канцлер Германии Олаф Шольц в 2023 г. дважды посетил Индию. Особо примечательна его встреча с Нarendра Моди в кулуарах саммита «Большая семерка» в Японии в мае 2023 г. Лидеры ФРГ и Индии выразили готовность укреплять двустороннее стратегическое сотрудничество, расширять торгово-экономические связи (учитывая, что Германия является ведущим торговым партнером Индии в рамках ЕС) и взаимодействие в области обороны. В сфере оборонной политики не отстает от ФРГ и французское правительство, которое провело ряд переговоров с индийскими партнерами, показав

важность для стран ЕС ускорить процесс диверсификации и снижения зависимости от России из-за резкого скачка цен на энергоносители, зерно и удобрения, а также укрепления связей ЕС и Индии в оборонной сфере, в том числе и в рамках Индо-Пацифики.

В-третьих, благодаря возможностям и мощностям нового экономического коридора включение стран Персидского залива позволяет как европейским странам укреплять геэкономические связи с регионом, так и Индии возродить политику «Взгляд на Запад» (Look West Policy), становящуюся всё более актуальной для страны, где по-прежнему особое место занимает Европейский союз, являющийся «важным источником технологий и капитала» для развития индийской экономики [1, с. 14]. Немаловажную роль в реализации западного курса в индийской внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии играет многочисленная индийская диаспора за рубежом как инструмент «мягкой» силы, а также выбор Запада в пользу индийских аутсорсинговых компаний касательно разработки программ обеспечения, поскольку необходимо учитывать, что вторая по величине Кремниевая долина в мире расположена на юге Индии, в Бангалоре.

В-четвертых, наращиваются научно-технический и экономический потенциал благодаря запуску амбициозных проектов в рамках «ИМЕС». Так, было подписано соглашение о «Хлопковом пути», являющееся ключевой составляющей коридора «ИМЕС», которое включает железнодорожное и портовое сообщение, передачу данных и новую инфраструктуру «зеленой» энергетики. Сложно недооценить стратегическую важность масштабного проекта «Хлопковый путь», цель которого соединить Европу и Персидский залив через Объединенные Арабские Эмираты, Саудовскую Аравию, Израиль и Иорданию посредством железнодорожного сообщения и порта между Индией и Персидским заливом. Созданная инфраструктурная база значительно сократит время, необходимое для транспортировки товаров между Индией и Ближним Востоком, принося экономические выгоды и способствуя стабильности в регионе. Более того, благодаря этому проекту можно сократить до 40% время грузовых перевозок между Индией и Ближним Востоком. С точки зрения экономических предпочтений, «Хлопковый путь» способствует укреплению энергетического сотрудничества между странами, а также устойчивому развитию и помогает приобрести энергетический суверенитет. Надежду на развития сотрудничества в рамках проекта «Хлопковый путь» не была радостно встречена китайскими властями, раскритиковав США за копирование инициативы КНР «Один пояс, Один путь». Хотя конкретные действия государств в рамках «Хлопкового пути» можно расценить как ответ на вызовы, исходящие от китайской инициативы. Проект «Хлопковый путь» направлен на диверсификацию торговых возможностей благодаря большей вариативности торговых маршрутов, расширению инвестиционного и экономического сотрудничества, помогающему развивать проекты устойчивого развития. Страны «Глобального Юга» заинтересованы в расширении инфраструктурных проектов, по которым Пекин опережает своих европейских и азиатских партнеров. «Хлопковый путь», представляющий альтернативный маршрут китайскому Шелковому пути, может определить будущее международных экономических отношений в Индо-Тихоокеанском регионе, поскольку из представленных международных инициатив, направленных на ослабление торговой мощи Китая, он представляется наиболее эффективным.

В-пятых, энергетическая безопасность остается крайне важным вопросом наравне с глобальными вы-

зовами в Индо-Тихоокеанском регионе. С подачи индийского премьер-министра Нарендра Модии на полях саммита «Большой двадцатки», прошедшего в сентября 2023 г. в Нью-Дели, был создан Глобальный альянс по биотопливу (GBA) лидерами Индии, Сингапура, Бангладеш, Италии, США, Бразилии, Аргентины, Маврикия и ОАЭ. Согласно пресс-релизу, представители Глобального альянса по биотопливу стремятся ускорить «глобальное внедрение биотоплива посредством содействия технологическому прогрессу, интенсификации использования экологически чистого биотоплива, формирования надежных стандартов и сертификации посредством участия большого числа заинтересованных сторон» [3]. Одной из идей создания Глобального альянса по биотопливу – это усиление процессов диверсификации энергетики и сокращение выбросов парниковых газов. Для Индии, несмотря на создание Глобального альянса по биотопливу, по-прежнему важно развивать двустороннее сотрудничество с Россией в сфере энергетики, в том числе в рамках ШОС и БРИКС. Так, российское энергетическое присутствие в Индии – не только надежные поставки качественной российской продукции, но и одна из возможностей по диверсификации энергоресурсов в стране. Невозможно сбрасывать со счетов и США, которые, продвигая проекты по сланцевому газу в ЕС и других государствах, стремятся ослабить с помощью санкций позиции России и стран-экспортеров ШОС и БРИКС в энергетической отрасли.

Таким образом, запуск экономического коридора «Индия-Ближний Восток-Европа» в период формирования нового мирового порядка с усилившимися геополитическими и геоэкономическими вызовами способствует ускорению передвижения товаров между Индией и ЕС, придавая особый экономический импульс и улучшая инвестиционный климат, а также помогает формировать новую глобальную устойчивую экономическую модель с хорошо отлаженными поставками энергоресурсов. Однако очевидны и недостатки реализации экономического коридора. Так, сложная логистика с явными различиями в технологическом уровне стран ЕС и Ближнего Востока, в какой-то степени и Индии, требует колоссальных вложений для осуществления наиболее значимых проектов в рамках экономического коридора. Недостатком экономического коридора является и исключение из наиболее значимых проектов таких игроков, как Россия, страны Центральной Азии, в наименьшей степени КНР.

Литература

1. Галищева Н.В. Приоритеты внешнеэкономической политики Индии. Окончание // Азия и Африка сегодня. 2014. № 11 (688). С. 13–17.
2. Диалог Райсина // МГИМО Университет. 27.04.2022. URL: https://mgimo.ru/about/news/departments/dialog-raysina/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 12.06.2024)
3. Создан Глобальный альянс по биотопливу // Институт развития технологий ТЭК (ИРТТЭК). 22.01.2024. URL: <https://irttek.org/articles/sozdan-globalnyy-alyans-po-biotoplivu/> (дата обращения: 25.06.2024)
4. Global Gateway // The European Commission. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019–2024/stronger-europe-world/global-gateway_en (дата обращения: 26.04.2024)

5. Global Gateway Forum 2023 // The European Commission. October 2023. URL: https://global-gateway-forum.ec.europa.eu/index_en (дата обращения: 28.03.2024)
6. Memorandum of Understanding on the Principles of an India – Middle East – Europe Economic Corridor // The White House. September 09, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/09/09/memorandum-of-understanding-on-the-principles-of-an-india-middle-east-europe-economic-corridor/> (дата обращения: 20.06.2024)
7. Tiziano Marino. The India-Middle East-Europe Corridor in Europe's Indo-Pacific Strategy // The Diplomat. 21.09.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/09/the-india-middle-east-europe-corridor-in-europes-indo-pacific-strategy/> (дата обращения: 26.10.2023)

GEOPOLITICAL IMPORTANCE OF THE INDIA-MIDDLE EAST-EUROPE ECONOMIC CORRIDOR («IMEC») FOR GERMANY-INDIA COOPERATION IN THE INDO-PACIFIC REGION

Pechishcheva L.A.

Russian State University for the Humanities (RSUH)

The German government actively supports the implementation of the EU Indo-Pacific Strategy, especially in its two priority areas such as economic diversification and «green» agenda. Obvious shifts in Germany's policy towards Russia and China have occurred in the light of new geopolitical and geo-economic challenges. As Germany's EU partners the government of Olaf Scholz dominates its political and economic interests in the Indo-Pacific region since it has become the key to the formation of a new balance of power and international order of the 21st century. The launch of the IMEC economic corridor allows both the EU and India along with the Middle East to increase the throughput of export and transit cargo transportation routes. Obviously, the US interest in IMEC projects demonstrates the US administration readiness to build up its military and political as well as economic potential in response to the growing influence of China's 'Belt and Road Initiative'.

Keywords: the EU, India, Germany, India-Middle East-Europe Economic Corridor («IMEC»), the Indo-Pacific region.

References

1. Galistcheva N. (2014). Priorities of the Foreign Economic Policy of India // Asia and Africa Today. No. 11, pp.13–17.
2. Raisina Dialogue // MGIMO University. 27.04.2022. URL: https://mgimo.ru/about/news/departments/dialog-raysina/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (date of access: 12.06.2024)
3. The Global Biofuel Alliance set up// The Institute for Ethics and Emerging Technologies (IET). 22.01.2024. URL: <https://irttek.org/articles/sozdan-globalnyy-alyans-po-biotoplivu/> (date of access: 25.06.2024)
4. Global Gateway // The European Commission. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019–2024/stronger-europe-world/global-gateway_en (date of access: 26.04.2024)
5. Global Gateway Forum 2023 // The European Commission. October 2023. URL: https://global-gateway-forum.ec.europa.eu/index_en (date of access: 28.03.2024)
6. Memorandum of Understanding on the Principles of an India – Middle East – Europe Economic Corridor // The White House. September 09, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/09/09/memorandum-of-understanding-on-the-principles-of-an-india-middle-east-europe-economic-corridor/> (date of access: 20.06.2024)
7. Tiziano Marino. The India-Middle East-Europe Corridor in Europe's Indo-Pacific Strategy // The Diplomat. 21.09.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/09/the-india-middle-east-europe-corridor-in-europes-indo-pacific-strategy/> (date of access: 26.10.2023)

Коридор Лобито в конкурентной борьбе США с Китаем за минеральные ресурсы Африки

Хлопов Олег Анатольевич,

к. полит.н., доцент кафедры американских исследований,
Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ)
E-mail: rggu2007@rambler.ru

В последние годы усиливается соперничество между Соединенными Штатами и Китаем. Растущее значение приобретают новые сферы конкуренции, связанные с технологической гонкой, в том числе за доступ к минеральным ресурсам, которые становятся незаменимыми в высокотехнологичных отраслях, и формирования новых международных транспортных коридоров.

Поддерживаемая США и европейскими странами инициатива по созданию экономического транспортного коридора Лобито в Африке отражает стратегические интересы и противодействие растущему влиянию Китая и выступает в качестве альтернативы китайскому инфраструктурному проекту «Один пояс – один путь» (BRI). Автор приходит к выводу, что транспортный коридор Лобито предусматривает расширение транспортной инфраструктуры трех африканских стран (Ангола, Конго, Замбия) с целью увеличения объемов экспорта их минеральных ресурсов на международные рынки через ангольский порт Лобито, при этом США видят в этом возможность для американских и западных компаний вытеснить китайских конкурентов и получить широкий доступ к разработке минералов.

Ключевые слова: транспортный коридор, Лобито, минеральные ресурсы, стратегическая конкуренция, международные рынки, Африка, США, КНР, Ангола, Конго, Замбия.

Введение

Минеральные ресурсы, в последние годы приобретают актуальность в политической повестке дня из-за растущего спроса, нестабильных ценовых движений, узких мест в цепочке поставок и геополитических проблем. Глобальный переход к низкоуглеродной экономике стимулирует развитие технологий, зависящих от полезных ископаемых, таких как кобальт, медь, литий, никель и редкоземельные элементы. Спрос на эти критические минеральные ресурсы также значительно возрастет с увеличением стремления развитых стран развивать современные технологические отрасли, и необходимы для перехода на более экологичные энергетические технологии.

Геополитическая напряженность в современном мире обостряет борьбу за доступ к критически важным минеральным ресурсам Международные организации (ОЭСР, ВТО, Международное энергетическое агентство и др.) предполагают ужесточение борьбы за природные ресурсы и рынки сбыта готовой продукции¹.

Минеральные ресурсы и редкоземельные металлы (кобальт литий, медь), необходимые для производства современных технологий, таких как жидкокристаллические экраны, аппараты МРТ, беспилотники, солнечные панели и аккумуляторы, играют важную роль в инновационных отраслях, они необходимы для создания современных видов вооружения, аккумуляторов электромобилей и ветряных турбин. Литий, называемый «белым золотом», является самым легким твердым элементом в периодической таблице. Благодаря своему высокому электрохимическому потенциалу он играет критически важную роль в производстве батарей для электромобилей.

Критические минералы (или стратегические минералы), являются полезными ископаемыми, важными для мировой экономики с риском дефицита запасов. Риски поставок таких минералов обусловлены различными факторами, такими как геологический дефицит, торговая политика и геополитические условия.

США и Китай углубляют сотрудничество с африканскими партнерами в разработке критически важных минералов в Африке, что имеет жизненно важное значение для продвижения экономических и национальных интересов безопасности США и КНР. Увеличивающийся спрос на эти ресурсы со стороны развитых, и кто будет их разрабатывать существенно повлияет на экономическое будущее континента и за его пределами [1].

Африка занимает ведущие позиции в мире по сырьевым товарам, жизненно необходимые, в частности, для развития инновационных технологий XXI в., и уже в следующем десятилетии она превратится, по прогнозам, в важнейший стратегический резерв источников сырья [2].

Однако нехватка трансграничной инфраструктуры в большей части Африки ограничивает интеграцию африканских стран в мировую экономику, хотя Африканская континентальная зона свободной торговли, созданная в 2018 г, является крупнейшей в мире, охваты-

¹ International Energy Agency, The Global Critical Minerals Outlook 2024. IEA. 2024. <https://www.iea.org/reports/global-critical-minerals-outlook-2024> (accessed 05.11.2024)

ваущей 43 государства. Соединенные Штаты и Китай стремятся расширить свое влияние на рынке минералов в Африке в условиях нарастания геополитической напряженности и обострения борьбы за доступ к полезным ископаемым [3], предлагая свои инициативы в создании транспортных коридоров.

Китай в стратегии США за доступ к минеральным ресурсам Африки

С момента создания Форума по сотрудничеству Китай-Африка (*Forum on China-Africa Cooperation – FOCAC*) в 2000 г. КНР значительно расширила свои торговые, инвестиционные и финансовые связи с африканскими странами, особенно в строительном секторе. В сентябре 2013 г. во время визита в Казахстан Си Цзиньпин предложил построить «Экономический пояс Шелкового пути», а затем добавил «Морской Шелковый путь XXI века». Взятые вместе, эти два направления, которые стремились соединить Китай с Центральной, Южной и Юго-Восточной Азией, Ближним Востоком, Африкой и Европой, в рамках общей инициативы «Один пояс, один путь».

Опираясь на эту инициативу Китай за последние два десятилетия, вложив не менее \$170 миллиардов в строительство портов, железных дорог и других крупных инфраструктурных проектов по всей Африке, которые позволили Пекину и китайским компаниям развивать долгосрочные партнерские отношения по критически важным ресурсам [4]. Отношения Африки с Китаем оказали глубокое влияние на ключевые сферы в Африке: экономическое и политическое развитие, средства массовой информации, развитие инфраструктуры, прямые иностранные инвестиции, кредиты и международные отношения [5].

Китайское финансирование африканских стран в форме займов, кредитов и инвестиций имеет важную особенность: оно идеологически не мотивировано, китайские инвестиции и кредиты не обусловлены требованиями к политическому курсу и экономической политике африканских государств, в отличие от Запада, который зачастую диктующего государствам определённые условия для предоставления экономической помощи и инвестиций [6]. Китай стал крупнейшим торговым партнером Африки в 2009 г.; по состоянию на 2020/2021 г. двусторонняя торговля между КНР и Африкой примерно в четыре раза превышала объем торговли между США и странами Африки [7].

Проблема для США заключается в том, что Китай в подавляющем большинстве доминирует в мировой переработке этих материалов. Пекин уже в течении двух десятилетий углубляет связи и заключает соглашений с африканскими партнерами по развитию инфраструктуры и разработке месторождений природных ресурсов в Африке [8], что дает ему серьезное преимущество в глобальной гонке за ресурсы.

В Стратегии национальной безопасности, опубликованной администрацией Дж. Байдена в октябре 2022 г. отмечается, что конкуренция между крупнейшими мировыми державами и общие угрозы, такие как изменение климата являются самыми важными проблемами, с которыми сталкиваются Соединенные Штаты. США рассматривают Китай как единственный конкурент, который намерен изменить международный порядок и, все больше, обладает экономической, дипломатической, военной и технологической мощью для достижения этой цели¹.

¹ National Security Stratagem. The White House. Washington. October 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 28.11.2024).

В августе 2022 г. администрация Джо Байдена опубликовала «Стратегию США в отношении стран Африки к югу от Сахары» (*U.S. Strategy Toward Sub-Saharan Africa*), в которой изложен подход США к отношениям со странами Африки и определяет важность региона для интересов национальной безопасности США². В этой стратегии изложены четыре цели по продвижению приоритетов США совместно с африканскими партнерами.

1. Содействие усилиям по повышению подотчетности, выявлению коррупции, поддержке верховенства закона и независимых судебных органов, улучшению управления природными ресурсами, а также повышению продовольственной безопасности.

2. Сдерживание авторитаризма, поддержка гражданского общества и честные выборы, борьба с терроризмом.

3. Восстановление экономических возможностей после пандемии, укрепление профилактики инфекционных заболеваний и обеспечение финансирования для экономического роста, улучшение доступа к Интернету и информационным технологиям.

4. Поддержка справедливого энергетического перехода с акцентом на сохранение природных экосистем, адаптацию к изменению климата, переход от ископаемого топлива при удовлетворении потребностей в энергии и расширение цепочек поставок минеральных ресурсов.

Администрация Джо Байдена в 2021 г. объявила об инициативе под названием «Построим снова лучший мир» (*«Build Back Better World – B3W*), которая должна стать альтернативой китайской инициативе «Один пояс, один путь» для развития инфраструктуры стран с низким и средним уровнем дохода. Эта программа на саммите «Большой-7», который прошел в Японии в июне 2022 г., в «Партнерство по глобальным инвестициям в инфраструктуру» (*Partnership for Global Infrastructure Investment – PGII*). PGII направлена на мобилизацию частного капитала в инфраструктурные проекты в размере \$600 млрд в течение следующих пяти лет в рамках усилий ведущих западных экономик мира по противодействию китайской инициативе «Один пояс, один путь»³.

В рамках этой инициативы США, и их партнеры представили два крупных транспортных проекта. Проект Индия-Ближний-Восток-Европа (*India-Meddle East-Europe – IMEC*) должен связать Индию, Персидский залив и Европу через сеть железных дорог и судоходных линий. В дополнение к торговым связям IMEC предусматривает электроэнергетическую и цифровую инфраструктуру, а также трубопровод для экспорта чистого водорода. В Африке США лоббируют расширение трансконтинентального коридора Лобито (Трансафриканский коридор), соединяющий Анголу с Демократической Республикой Конго (ДРК) и Замбией, в конечном итоге с выходом к Индийскому океану.

Инфраструктурный проект Лобито символизирует широкие амбиции США по сдерживанию Китая на фоне

² U.S. Strategy toward Sub-Saharan Africa. August 2022. The White House, Washington. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/08/U.S.-Strategy-Toward-Sub-Saharan-Africa-FINAL.pdf> (accessed 05.11.2024)

³ The White House. Fact Sheet: President Biden and G7 Leaders Formally Launch the Partnership for Global Infrastructure and Investment. WH. Washington DC. June 26, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/26/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-formally-launch-the-partnership-for-global-infrastructure-and-investment/> (accessed 05.11.2024)

усиления роли КНР в доминировании в цепочке поставок критически важных природных ресурсов.

С этой целью в 2022 г. под руководством США было сформировано «Партнерство по безопасности минералов» (*Minerals Security Partnership –MSP*), в состав которого вошли 14 стран (Австралия, Канада, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Индия, Италия, Япония, Норвегия, Республика Корея, Швеция, Великобритания и ЕС). Деятельность партнерства направленно на стимулирование государственных и частных инвестиций в развития устойчивых цепочек поставок критически важных энергетических минералов путем сотрудничества с правительствами и компаниями принимающих стран¹. Участники Партнерства (MSP) будут оценивать проекты по добыче полезных ископаемых по всему миру, по нескольким видам сырья и этапам цепочки создания стоимости, включая проекты по переработке минеральных ресурсов.

В начале 2024 г. группа законодателей в Сенате США представила «Закон о безопасности критически важных минералов» (*Critical Minerals Security Act – CMA*), который призван помочь Вашингтону обеспечить доступ к важным минеральным ресурсам², и эта инициатива является частью стратегии США по созданию собственной цепочки поставок критически важных минералов.

В условиях усиливающейся глобальной конкуренции США продолжают адаптировать свою транспортную политику и инвестиции, чтобы сохранить свою позицию ключевого мирового лидера в контроле над глобальной транспортной сетью. Активная политика США по инициативам создания транспортных коридоров с участием американских частных компаний США отвечает следующим стратегическим целям в контексте формирования сложного геополитического ландшафта в различных регионах мира и усиливающейся конкуренции с КНР.

1. Сохранение глобальной мощи: США стремятся сохранить свое мировое влияние, обеспечивая бесперебойную и безопасную транспортировку товаров, энергии и военных активов.

2. Противодействие росту Китая: США активно работают над противодействием растущему экономическому и военному влиянию Китая, особенно в Индо-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, Евразии и на африканском континенте, где реализация возможных транспортных инфраструктурных проектов рассматривается как стратегическая задача по противодействию китайской инициативы «Один пояс, один путь».

3. Содействие участию американских компаний и частных инвесторов в международных проектах: США всячески поддерживают участие частного бизнеса путем расширения торговли и инвестиций в ключевые транспортные коридоры и в проекты по добыче природных ресурсов.

Несмотря на острую межпартийную борьбу между республиканцами и демократами в Конгрессе существует двухпартийный консенсус относительно того, что многочисленные вызовы со стороны Китая представляют экзистенциальную угрозу национальным интересам США [9].

В докладе Китая «Один пояс, один путь: последствия для Соединенных Штатов» Совета по международным отношениям американские эксперты предлагают, чтобы США выдвинув собственную позитивную повестку дня,

¹ US Department of State. Minerals Security Partnership. <https://www.state.gov/minerals-security-partnership/> (accessed 05.11.2024)

² USA Congress. S.3631 – Critical Minerals Security Act of 2024. Text. 118-th Congress (2023–2024). <https://www.congress.gov/bills/118/congress/2023/senate/bills/3631/text/is> (accessed 05.11.2024)

используя свои сильные стороны и координируя действия с союзниками и партнерами. Если США не предложат эффективную альтернативу, Пекин может переориентировать глобальные торговые сети, установить технические стандарты, которые поставят в невыгодное положение не китайские компании, усилить свое политическое влияние и приобрести возможности проецирования своей мощи [10].

Участие США в реализации проекта коридора Лобито

Богатые запасы Африки критически важных минералов, необходимых для экономики энергетического перехода, военно-промышленного комплекса таких как литий, кобальт, медь и графит, они представляют собой огромную возможность для социально-экономического развития африканских стран. Программа «Повестка дня 2063 г.» («*Agenda 2063: The Africa we want*») Африканского союза поднимает множество вопросов, связанных с транспортными коридорами, где физическая география может быть сложной, а нехватка инвестиций означает, что каждый проект должен быть максимально экономичным. Возможность «загрузить» коридоры – железными дорогами, дорогами и кабелями – может помочь достичь экономии масштаба³.

Коридор Лобито является ключевым проектом США в Африке в важном секторе – добыче минеральных ресурсов. Проект предполагает формирование транспортного коридора пересекающий Анголу, Демократическую Республику Конго (ДРК) и Замбию, соединяющая «Медный пояс» последних двух стран с ангольским портом Лобито на побережье Атлантического океана. Хотя проект сосредоточен на восстановлении и строительстве железной дороги, он также включает в себя строительство дорожной, водной и цифровой инфраструктуры, разработку месторождений минеральных ресурсов, включая экспорт кобальта из ДРК и меди из Замбии через ангольский порт Лобито на мировой рынок.

Хотя изначально Бельгия и Португалия построили железную дорогу более века назад (1902–1929 гг.), создав важные ворота для промышленных и сельскохозяйственных товаров из Анголы, ДРК и Замбии, инфраструктура была почти полностью уничтожена во время гражданской войны в Анголе (1975–2002) [11]. Постоянная нестабильность в ДРК также привела к приостановке работы железной дороги за пределами границы с Анголой. В результате порт Лобито, который является воротами коридора, теперь обрабатывает лишь часть своей возможной пропускной способности. В 2004 г. китайские компании вложили не менее \$2 миллиардов в реконструкцию коридора [12].

Стремясь обеспечить успех проекта, высшие должностные лица США усилили свою дипломатию в регионе, в том числе подписав совместный меморандум о взаимопонимании с Анголой, ДРК, Замбией, Европейским союзом Африканским банком развития (АФБР) и Африканской финансовой корпорацией (АФК)⁴.

³ African Union. Agenda 2063: The Africa We Want (Popular version). AU. September 2015. https://au.int/sites/default/files/documents/36204-doc-agenda2063_popular_version_en.pdf (accessed 05.11.2024)

⁴ US Department of State. Signing of the Memorandum of Understanding on the Development of the Lobito Corridor and the Zambia-Lobito. Media Note. Washington. October 6, 2023. <https://www.state.gov/signing-of-the-memorandum-of-understanding-on-the-development-of-the-lobito-corridor-and-the-zambia-lobito-rail-line/> (accessed 05.11.2024)

В Меморандуме излагаются намерения подписавших сторон сотрудничать в различных секторах для реализации полного экономического потенциала коридора, опираясь на соглашение «Агентства по содействию транзитным перевозкам по коридору Лобито, подписанное представителями Анголы, ДРК, Замбии в январе 2023 г. о сотрудничестве с целью развитие новой железнодорожной линии Замбия-Лобиту. АФК была назначена ведущим разработчиком проекта для работы с другими подписавшими сторонами. Предлагаемая линия проходит от Луакано в Анголе до Калумбилы в Замбии, продолжая соединяться с существующей сетью в Чинголе, которая проходит через границу с ДРК. Строительство новой железнодорожной линии, соединяющая северо-запад Замбии с железной дорогой «Lobito Atlantic» и портом Lobito, представляет собой самую значительную транспортную инфраструктуру на африканском континенте будет способствовать региональной торговле по железной дороге от Атлантического океана до Индийского океана [13].

Инициатива, поддерживаемая США и Европой, совместно с тремя странами предполагает создание «стратегического экономического коридора», который позволит сократить время транспортировки, уменьшить экологически вредные риски при перевозках важных полезных ископаемых и стимулировать экономическое развитие, укреплению цепочек поставок, расширяя взаимные экономические связи со многими странами.

В ноябре 2023 г. Президент США Джо Байден принимал президента Анголы Жуана Лоренсу, а госсекретарь Энтони Блинкен сделал Анголу ключевой остановкой в своем турне по Африке в январе 2024 г. Летом 2024 г. Амос Хохштейн, специальный президентский координатор Байдена по глобальной инфраструктуре и энергетической безопасности, также встретился с президентом Замбии Хакаинде Хичилемой и Самайлой Зубайру, президентом и генеральным директором «Africa Finance Corporation», чтобы обсудить коридор Лобито.

Всего за день до того, Пекин представил предложение инвестировать более \$1 миллиарда в железную дорогу Тазара, которая связывает Замбию и Танзанию и позволит соединить Медный пояс Замбии с портом Дар-эс-Салам в Танзании с выходом к Индийскому океану. Правительства Танзании и Замбии уже договорились передать концессию на железную дорогу китайской государственной компании «China Civil Engineering Construction Corp»¹.

В целом амбициозный проект по оценкам ангольских официальных лиц, оценивается не менее чем в \$10 млрд². Усиление конкуренции и выход новых игроков могут дать африканским правительствам больше рычагов для заключения будущих сделок и партнерств. По мере роста спроса на эти полезные ископаемые многие африканские страны также стремятся развивать собственную промышленность и иметь возможность добавлять стоимость к своим минералам и металлам перед экспортом.

Ожидается, что поддержка США будет включать более \$550 миллионов в виде кредита со стороны американской «Корпорации международного развития и финансирования» (DFC) для восстановления ангольского железнодорожного участка. Участок железной дороги

Бенгела в Анголе будет управляться в течение 30 лет консорциумом «Lobito Atlantic Railway», в который входят сингапурский сырьевой гигант «Trafigura», португальская строительная компания «Mota-Engil» и брюссельский частный железнодорожный оператор «Vecturis», которые вместе планируют инвестировать \$555 миллионов в ангольские и конголезские проекты.

Этот консорциум выиграл контракт по китайскому предложению, что, по оценкам экспертов, отражает некую неудовлетворенность западных стран относительно его взаимодействия с Китаем³. Хотя все три страны продолжают вести бизнес с Китаем, они приветствуют наличие большего количества участников, включая американских и европейских партнеров из частного сектора и их различные подходы к развитию и эксплуатации инфраструктуры (рис. 1).

Рис. 1. Карта. Проект расширения коридора Лобито, поддержанный США и ЕС – от порта Лобито на Атлантическом побережье Анголы до Медного пояса и месторождений минеральных ресурсов в Конго, предусматривающий строительство железнодорожной линии в Замбии.

Источник: APA News⁴.

Проект коридора Лобиту подразумевает строительство почти 350 миль железнодорожной линии в Замбии, а также сотен миль подъездных дорог, связывающих южную часть Конго и северо-западную часть Замбии с региональными и мировыми рынками через порт Лобито в Анголе. Он также включает в себя продолжающиеся усилия «Lobito Atlantic Railway» (LAR) по модернизации и эксплуатации железнодорожной линии Бенгела (более 800 миль), которая соединяет Анголу с ДРК. После завершения проект расширит экономический коридор, соединяющий все три принимающие страны с миром, потенциально снизит издержки для бизнеса и продвинет общее видение связанной, открытой железной дороги от Атлантического океана до Индийского океана.

Возможные сложности и риски проекта Лобито

Проекту коридора Лобито предстоит преодолеть *множество трудностей*. Прежде всего, он должен доказать свою коммерческую жизнеспособность, перемещая достаточно грузов, чтобы оправдать значительные затраты на строительство, эксплуатацию и обслуживание. Поскольку мировые цены на критически важные минералы нестабильны, это часто создает трудности и проблемы для производителей и поставщиков. Кроме того, шаги африканского правительства по запрету экспорта сырьевых товаров, с целью увеличить переработку минералов с добавлен-

¹ Hill M. China Signs Deal to Revamp Mao-Era Southern African Railway // Bloomberg. 4 September, 2024. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-09-04/china-signs-deal-to-revamp-decades-old-southern-african-railway> (accessed 05.09.2024)

² Schipani A. The US-backed Railway Sparking a Battle for African Copper // FT. August 21, 2024. <https://www.ft.com/content/cb2823c7-f451-4bc9-959e-ec7e07384a31> (accessed 05.09.2024)

³ Payton B. Parallel Lines – US and China vie for African Rail Dominance // African Business. September 8, 2023. <https://african.business/2023/09/resources/parallel-lines-us-and-china-vie-for-african-rail-dominance> (accessed 05.11.2024)

⁴ APA News. <https://apanews.net/angola-drc-and-zambia-ministers-to-strategise-on-lobito-corridor/>

ной стоимостью в Африке, могут привести к снижению объемов железнодорожных перевозок на фоне отсутствия местных перерабатывающих мощностей.

Коридор должен будет стимулировать местную экономическую активность, особенно в сельском хозяйстве, чтобы завоевать поддержку местного сообщества и увеличить железнодорожные перевозки. Три участвующих правительства должны будут синхронизировать железнодорожные операции и приоритеты в условиях меняющейся экономической и политической динамики.

Проект сталкивается с проблемами безопасности и эксплуатации, особенно в Замбии, где строительство железной дороги начинается с нуля, что требует потенциального перемещения населения и смягчения воздействия на окружающую среду.

В настоящее время в Африке действуют лишь немногие американские горнодобывающие и связанные с ними компании. Хотя США, и африканцы имеют общую заинтересованность в более высокой добавленной стоимости переработки минералов в Африке, существует опасность того, что строгие экологические требования африканских правительств, предъявляемые при разработке месторождений, будут сдерживать иностранные инвестиции в глобально конкурентоспособную отрасль [14].

Проект, поддерживаемый Вашингтоном, по возрождению железнодорожной линии амбициозен и сложен. Он охватывает три страны, связывая Конго и Замбию в богатом медью сердце Африки с атлантическим побережьем Анголы через сеть железнодорожных линий протяженностью 2600 километров. Сложность для США заключается в том, что китайские компании уже контролируют или имеют значительные доли в шахтах, которые производят большую часть меди и кобальта в Конго. Согласно исследованию Бостонского университета, с начала 2000-х гг. Пекин предоставил африканским правительствам кредитов и займов на сумму более \$182¹. (С 2000 по 2023 г. 41 китайский кредитор подписал 1306 обязательств по кредитам и займам на сумму \$182,28 млрд с 49 африканскими правительствами и семью региональными учреждениями). Большая часть этих денег была потрачена на строительство транспортной инфраструктуры, включая аэропорты, железные и автомобильные дороги, порты.

Некоторые эксперты сомневаются, оправдывает ли спрос на металлы расходы на железнодорожный проект, в то время как другие задают вопрос – смогут ли действующие в горнодобывающей промышленности Конго китайские и западные компании использовать линию, частично финансируемую одним из их конкурентов «Trafigura», при этом любая смена руководства в одной из стран-участниц может подорвать устойчивость проекта,

Развивающаяся всемирная гонка за критически важными минералами в Африке открывает большие возможности для развития Африки, но также несет и множество рисков. История освоения природных ресурсов на континенте указывает на то, что слишком часто эксплуатация нефти, природного газа, алмазов, древесины и других природных ресурсов подпитывала масштабную коррупцию, разрушение окружающей среды и жестокие конфликты.

Старшая исследовательская группа Института мира Соединенных Штатов (*The United States Institute of Peace – USIP*) в своем докладе «Критически важные минералы в Африке: укрепление безопасности, поддержка

¹ Chinese Loans to Africa Database. The Boston University Global Development Policy Center. 2024. <https://www.bu.edu/gdp/chinese-loans-to-africa-database/> (accessed 05.11.2024)

развития и сокращение конфликтов в условиях геополитической конкуренции» отмечает, что лучше всего, чтобы правительство США и американские компании, работающие в Африке, предлагали ответственные и прозрачные методы ведения бизнеса. В отчете даются десятки рекомендаций о том, как строить и расширять партнерства между США и странами Африки в области критически важных минералов². Эксперты отмечают, что проект коридора Лобито может являться важной моделью ведения бизнеса с целью не только получения прибыли, но содействия миру, безопасности и экономическому развитию в рамках усилий по разработке критически важных минералов континента. Укрепление безопасности и управления, а также совместное использование экономических выгод с местными сообществами может помочь устранить коренные причины конфликтов и нестабильности в Африке.

Заключение

Растущий спрос на природные ресурсы и полезные ископаемые в мире подчеркивает необходимость портовой и железнодорожной инфраструктуры для облегчения перемещения товаров по всему миру и стимулирования экономического роста Африки. Связывая богатый медью, литием и другими редкоземельными металлами горнодобывающий регион с морем, коридор Лобито открывает возможности для экономического роста, при этом инфраструктурные инвестиции являются мощным катализатором для создания малого бизнеса вдоль железнодорожных транспортных маршрутов, способствуя местному экономическому росту. Его стратегическая значимость заключается в интеграции экономического и природно-ресурсного потенциала африканских государств в мировую экономику.

В случае успеха проект позволит повысить безопасность и устойчивость цепочки поставок, стимулировать экономический рост и содействовать торговле между африканскими странами. В то же время очевидны и геополитические мотивы нового коридора трудно не заметить. Если коридор Лобито сможет увеличить производство и торговлю критически важными минералами, такими как медь и кобальт, он снизит зависимость от Китая в цепочке поставок электромобилей.

Активное участие США в проекте Лобито – это часть американской стратегии по восстановлению их ослабленного влияния в Африке, где другие страны, такие как Китай, Россия также активно развивают свой бизнес. Экономическая и национальная безопасность США зависят от диверсификации цепочек поставок этих важных материалов. Тем не менее Китай уже более двух десятилетий строит инфраструктуру и обеспечивает концессии по разработке важных минеральных ресурсов по всему африканскому континенту. Американским компаниям нелегко конкурировать в этой среде. Это растущее внимание политики США происходит на фоне усиления геополитической конкуренции США с Китаем, который доминирует во многих африканских горнодобывающих секторах.

США и ЕС объединили свои усилия, в том числе путем совместного инициирования технико-экономических обоснований для расширения новой железнодорожной линии между Замбией и Анголой. Выступая в качестве

² USIP Senior Study Group. Critical Minerals in Africa: Strengthening Security, Supporting Development, and Reducing Conflict amid Geopolitical Competition. United States Institute of Peace. April 9, 2024. <https://www.usip.org/publications/2024/04/critical-minerals-africa-strengthening-security-supporting-development-and> (accessed 05.11.2024)

важного звена для африканских стран, не имеющих выхода к морю и расширяя их доступ на международные рынки, коридор открывает возможности американского бизнеса для доступа к критически важным африканским минеральным ресурсам и контроля за цепочками их поставок.

Однако это не первый случай, когда Запад предлагает многообещающую международную программу помощи Африке в преодолении ее экономических проблем. В предыдущие десятилетия континент стал свидетелем провала идеи Вашингтонского консенсуса, который пытался реорганизовать макроэкономическую политику многих стран Африки, но в итоге усугубил финансовое давление на и без того бедствующие африканские государства. На этот раз стратегия США и их партнеров нацелена на прозрачность финансирования и инвестиций, массовое вовлечение местных компаний и населения в развитие транспортного коридора Лобито. Для Запада, как и для Китая, активное участие в транспортных проектах в государствах Центральной Африки имеет решающее значение в глобальной гонке за минеральные ресурсы и обеспечение своего будущего. Для африканских государств проект Лобито дает шанс и возможность создания собственной производственной базы, но для этого необходимо, чтобы компании не только добывали минеральные ресурсы, но и передавали технологии с целью производства готовой продукции.

Литература

1. Африка перед лицом современных вызовов и угроз / А.Ю. Борзова, Н.Г. Гаврилова, С.Н. Волков [и др.]. М. Институт Африки РАН, 2021. 216 с.
2. Дейч Т.Л. Китай в Африке в условиях становления многополярности и интересы России // Африка – восходящий центр формирующегося многополярного мира: Сборник статей. М. Институт Африки РАН, 2024. С. 154–165
3. Lu Ch. Washington Wants to Revive a Critical Minerals Mega-Railway Through Africa // The Foreign Policy. February 28, 2024. <https://foreignpolicy.com/2024/02/28/lobito-corridor-angola-critical-minerals-us-china-infrastructure-investment/> (accessed 05.09.2024)
4. Дейч Т.Л. Китай в Африке в условиях становления многополярности // Вестник ученых-международников. 2023. № 4(26). С. 219–226.
5. Eisenman J. Shinn D.H. China's Relations with Africa: A New Era of Strategic Engagement. 2023. Columbia University Press. 504 p.
6. Блищенко В.И. Китай: новая геополитическая сила в Африке // Обозреватель. 2024. № 2(403). С. 37–46. DOI 10.48137/2074–2975_2024_2_37.
7. Дейч Т.Л. Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2022. № 7. С. 48–56. DOI 10.31857/S032150750020975–4.
8. Shalal A., Psaledakis D., Martina M. Biden says U.S. is 'all in' on Africa's future // CNBC Africa. 15 Dec. 2022. <https://www.cnbc.com/2022/biden-says-u-s-is-all-in-on-africas-future/> (accessed 05.09.2024)
9. Sutter G.R. US-China Relations: Perilous Past, Uncertain Present. Rowman & Littlefield Publishers. 2022. 420 p.
10. Hillman J., Sacks D. China's Belt and Road: Implications for the United States (Independent Task Force Report). Council on Foreign Relations. 2021. 188 p.
11. Симау А.Г., Фокеев А.Г. Развитие железных дорог в республике Ангола: история и перспективы // На-

ука и образование транспорту. 2023. № 1. С. 115–119.

12. Дейч Т.Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 5. С. 119–141. – DOI 10.23932/2542–0240–2018–11–5–119–141
13. Burroughs D. Seven Signatories for Lobito Corridor Extension MoU // International Railway Journal. October 26, 2023. <https://www.railjournal.com/infrastructure/seven-signatories-for-lobito-corridor-extension-mou/> (accessed 05.09.2024)
14. Mvile B.N., Bishoge O.K. Mining and Sustainable Development Goals in Africa // Resources Policy 2024. March, Volume 90. 104710. DOI <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2024.104710>.

THE LOBITO CORRIDOR IN US-CHINA COMPETITION FOR AFRICA'S MINERAL RESOURCES

Khlopov O.A.

Russian State University for the Humanities

In recent years, the rivalry between the United States and China has intensified. New areas of competition related to the technology race are becoming increasingly important, including access to mineral resources that are becoming indispensable for high-tech industries and the formation of new international infrastructure transport routes.

The US-European-backed initiative to create the Lobito Corridor in Africa that reflects strategic interests and counteraction to the growing influence of China and acts as an alternative route to China's One Belt, One Road (BRI) infrastructure project. The author argues that the Lobito Corridor envisages the expansion of the transport infrastructure of three African countries (Angola, Congo, Zambia) in order to increase the volume of exports of their mineral resources to international markets through the Angolan port of Lobito. The US support this project as an opportunity for American and Western companies to counter Chinese and gain broad access to mineral development in Africa. The difficulty for the U.S. is that Chinese companies have already had significant stakes in the mining industry and minerals projects in Congo and other African countries.

Keywords: transport corridor, Lobito, mineral resources, strategic competition, international markets, Africa, USA, China, Angola, Congo, Zambia.

References

1. Africa in the face of modern challenges and threats / A. Yu. Borzova, N.G. Gavrilova, S.N. Volkov [and others]. M. Institute for African Studies RAS, 2021. 216 p. (In Russ.)
2. Deich T.L. China in Africa in the Context of the Formation of Multipolarity and the Interests of Russia // Africa – the Rising Center of the Emerging Multipolar World: Collection of Articles. Moscow, Institute of Africa, Russian Academy of Sciences, 2024. P. 154–165 (In Russ.)
3. Lu Ch. Washington Wants to Revive a Critical Minerals Mega-Railway Through Africa // The Foreign Policy. February 28, 2024. <https://foreignpolicy.com/2024/02/28/lobito-corridor-angola-critical-minerals-us-china-infrastructure-investment/> (accessed 05.09.2024)
4. Deich T.L. China in Africa in the Context of the Formation of Multipolarity // Bulletin of International Scientists. 2023. No. 4(26). P. 219–226. (In Russ.)
5. Eisenman J. Shinn D.H. China's Relations with Africa: A New Era of Strategic Engagement. 2023. Columbia University Press. 504 p.
6. Blishchenko V.I. China: a new geopolitical force in Africa // Observer. 2024. No. 2(403). P. 37–46. DOI 10.48137/2074–2975_2024_2_37. (In Russ.)
7. Deich T.L. China's Economic Ties with Africa: Problems and Prospects // Asia and Africa Today. 2022. No. 7. P. 48–56. DOI 10.31857/S032150750020975–4. (In Russ.)
8. Shalal A., Psaledakis D., Martina M. Biden says U.S. is 'all in' on Africa's future // CNBC Africa. 15 Dec. 2022. <https://www.cnbc.com/2022/biden-says-u-s-is-all-in-on-africas-future/>

- cnbcafrica.com/2022/biden-says-u-s-is-all-in-on-africas-future/ (accessed 05.09.2024)
9. Sutter G.R. US-China Relations: Perilous Past, Uncertain Present. Rowman & Littlefield Publishers. 2022. 420 p.
 10. Hillman J., Sacks D. China's Belt and Road: Implications for the United States (Independent Task Force Report). Council on Foreign Relations. 2021. 188 p.
 11. Simau A.G., Fokeev A.G. Development of railways in the Republic of Angola: history and prospects // Science and education in transport. 2023. No. 1. P. 115–119. (In Russ.)
 12. Deitch, T.L. China in Africa: "Neocolonialism" or "Win-Win" Strategy? // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2018. Vol. 11, No. 5. Pp. 119–141. – DOI 10.23932/2542–0240–2018–11–5–119–141 (In Russ.)
 13. Burroughs D. Seven Signatories for Lobito Corridor Extension MoU // International Railway Journal. October 26, 2023. <https://www.railjournal.com/infrastructure/seven-signatories-for-lobito-corridor-extension-mou/> (accessed 05.09.2024)
 14. Mvile B.N., Bishoge O.K. Mining and Sustainable Development Goals in Africa // Resources Policy 2024. March, Volume 90. 104710. DOI <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2024.104710>.

Практический путь Китая в реализации равноправного многополярного мира

Чернов Владислав Николаевич,

магистр, Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
E-mail: tsk33i@yandex.ru

Усатова Софья Александровна,

магистр, Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
E-mail: sofya_usatova@mail.ru

В статье рассматривается ускоряющийся переход к многополярной мировой системе и анализируется китайская концепция «равноправной и упорядоченной многополярности» как возможный путь к долгосрочному миру и сбалансированному развитию. Исследование опирается на историко-теоретический подход и учитывает ключевые вехи, повлиявшие на глобальное распределение сил: от освобождения постколониальных стран до укрепления позиций «Глобального Юга» и снижения роли традиционных западных центров влияния. Особое внимание уделено принципам ООН, нормам международного права и растущему значению развивающихся экономик, включая БРИКС. Результаты показывают, что, несмотря на явные признаки роста многополярности, сохраняются структурные неравенства, селективное применение правил и односторонние действия, затрудняющие справедливое сотрудничество. Китайское предложение базируется на уважении к суверенному равенству государств, признании интересов всех участников и стремлении к открытому, инклюзивному принятию решений. Такой подход предполагает укрепление роли ООН, отказ от гегемонизма и более широкое вовлечение развивающихся стран в глобальное управление. Практическая значимость заключается в том, что реализация принципов равноправной и упорядоченной многополярности может повысить устойчивость мировой системы, облегчить нахождение компромиссов, способствовать общей стабильности и расширению возможностей для всех государств. Таким образом, рассмотренная концепция способна внести существенный вклад в формирование более справедливого, рационального и ориентированного на будущее международного порядка.

Ключевые слова: многополярность, Китай, Россия, Глобальный Юг, ООН, БРИКС.

Китай неизменно выступает за сохранение авторитета и статуса Организации Объединённых Наций. В современном мире существует:

- 1) Единая система, ядром которой является ООН;
- 2) Единый порядок, основанный на международном праве;
- 3) Единый свод правил, отражающий цели и принципы, закреплённые в Уставе ООН [联合国宪章, URL: <https://www.un.org/zh/about-us/un-charter/full-text>].

Ни одна страна, как подчеркивает данная позиция, не должна произвольно изобретать собственные подходы и «правила игры». За прошедшие более чем 70 лет со времени основания ООН она доказала свою уникальную значимость в поддержании международной справедливости и равноправия. Как наиболее универсальная, представительная и авторитетная межправительственная организация, ООН стала незаменимой площадкой, где малые и средние государства могут защищать свои интересы наравне с крупными державами.

Вызовы последнего десятилетия, включая многочисленные кризисы и острые конфликты, наглядно показали, что любая маргинализация роли ООН ведёт лишь к ещё большему хаосу на международной арене. Напротив, укрепление центральной роли ООН позволяет поддерживать порядок и согласованность действий. Из-за особых полномочий по вопросам мира и развития ООН продолжает оставаться краеугольным институтом, обеспечивающим слаженную координацию межгосударственных отношений в процессе углубляющейся многополярности. По мере роста сложностей в глобальном распределении власти и столкновения все более вариативных интересов, международное сообщество должно шире опираться на ООН как на самую авторитетную и легитимную инстанцию [联合国宪章, URL: <https://www.un.org/zh/about-us/un-charter/full-text>].

Особая ответственность в этих условиях лежит на крупных державах, которые призваны содействовать ещё более результативной работе ООН и её Совета Безопасности. Это включает разработку «Новой повестки дня для мира», а также участие в дальнейших инициативах, связанных с докладом Генерального секретаря ООН «Наша общая повестка дня». Китай намерен продолжать поддерживать будущие саммиты ООН и совместно с международным сообществом вести «глубокий диалог и консультации», стремясь выработать такой «договор о будущем», который был бы одновременно справедливым, разумным и отвечающим интересам разных стран.

Сохранение многостороннего порядка, жидущегося на верховенстве права, – насущное условие становления равноправной и упорядоченной многополярности. Мир становится всё более взаимосвязанным, а транснациональные вызовы множатся и усложняются. Быстрый прогресс цифровых технологий и искусственного интеллекта формирует беспрецедентный ландшафт в сфере мировой политики, экономики и безопасности. Задача ведущих держав – опираться на базовые принципы международного права, оперативно отвечать на новые угрозы, разрабатывать и совершенствовать международные нормы и соглашения с учётом правовых стандартов и принципов справедливости.

Переход к равноправной и упорядоченной многополярности не происходит в одночасье: мировому сообществу предстоит глубокая и системная интеграция идей равенства и порядка в структуру международного права, а также юридическая конкретизация принципов справедливости в тексте двусторонних и многосторонних договоров. Для этого важно:

- 1) сохранять дух верховенства права на принципах единообразия прав и обязанностей;
- 2) актуализировать существующую правовую базу с учётом новых вызовов;
- 3) укреплять международные договорные механизмы и нормы, минимизируя пробелы и повышая их эффективность [Агаркова, 2022].

Практика правовых соглашений в рамках БРИКС за последние годы наглядно продемонстрировала, что совместные и равноправные консультации могут способствовать мирному разрешению споров и укреплению сотрудничества, а также вносить вклад в развитие теории и практики международного права, делая его более плюралистичным и инклюзивным.

Китайская приверженность сотрудничеству в рамках ООН.

Китай с самого начала занял активную позицию в ООН:

- a) будучи первой страной, подписавшей Устав Организации Объединённых Наций, КНР неизменно поддерживает авторитет этой крупнейшей международной организации;
- b) Китай – постоянный член Совета Безопасности, участвующий в выработке решений по основным глобальным проблемам;
- c) Китайские «голубые каски» постоянно присутствуют в восьми миротворческих миссиях, являясь наиболее крупным контингентом среди постоянных членов СБ ООН;
- d) Китай занимает второе место по объёму взносов в бюджет ООН и выступает твёрдым сторонником её миротворческой деятельности [关于各国依联合国宪章建立友好关系及合作之国际法原则之宣言, 2004].

Следуя целям и принципам Устава ООН, Китай подчёркивает необходимость коллективного решения вопросов, связанных с безопасностью, развитием и справедливостью, выступает против односторонних действий и односторонних санкций. КНР присоединилась почти ко всем универсальным межправительственным организациям и подписала более 600 международных конвенций и соглашений, что отражает её активную роль в формировании и адаптации современных международно-правовых стандартов.

В ответ на новые вызовы Китай продолжает совершенствовать своё участие в международном правотворчестве и сотрудничестве, предлагая собственные инициативы, укрепляющие принципы верховенства права на мировой арене. Такой подход призван содействовать становлению более справедливого и рационального международного порядка, где демократизация глобального управления и интересы развивающихся стран приобретают всё большее значение.

КНР как инициатор демократизации международных отношений

На рубеже эпохальных перемен, не наблюдавшихся целое столетие, глобальная конфигурация сил становится всё более сложной и уязвимой для потрясений. В таких условиях подлинная многосторонность, основанная на открытом и инклюзивном взаимодействии, приобретает

особое значение. Столкнувшись с общемировыми вызовами – от изменения климата до вспышек инфекционных заболеваний, угрожающих жизни и прогрессу человечества, – государства признают, что единый и конструктивный многосторонний формат сотрудничества остаётся единственным реальным путём к эффективному решению этих проблем [深入贯彻中央外事工作会议精神不断开创中国特色大国外交新局面, 2024].

Ключевые сферы технологического прорыва – искусственный интеллект, геномная инженерия и другие передовые разработки – порождают новые экономические, социальные и даже этические вызовы, требующие согласованного ответа международного сообщества. В современных условиях подлинная многосторонность должна быть не только верной основополагающим принципам и ценностям глобального управления, но и способной адаптироваться к изменяющемуся миропорядку. Именно реформирование и совершенствование механизмов глобального управления на базе участия всех стран, совместных консультаций и достижения консенсуса позволит сохранить его эффективность и легитимность [Воскресенский, 2004].

Глобальное управление на основе совместных консультаций и поиска консенсуса.

Практика подлинной многосторонности требует следования принципам открытого диалога и равноправных консультаций: «Система глобального управления создаётся, развивается и принадлежит всему мировому сообществу, и ни одной стране не под силу единолично ею распоряжаться» [关于各国依联合国宪章建立友好关系及合作之国际法原则之宣言, 2004], говорится в ключевых документах Китая.

«Каким именно должен быть международный порядок и как нам оптимизировать систему глобального управления – всё это следует обсуждать при участии всех народов, а не отдельных держав или замкнутых группировок» [习近平新时代中国特色社会主义思想学习问答, 2021].

Являясь ответственной мировой державой, Китай активно продвигает идею многостороннего согласования позиций в ООН, а также в рамках специализированных международных механизмов. В частности, Китай прилагает значительные усилия по выработке единых подходов к проблеме глобального потепления в формате РКИК ООН, поддерживает ведущую роль Всемирной организации здравоохранения в совершенствовании глобального здравоохранения и в создании «сообщества единой судьбы для человечества» в сфере общественного здоровья. Инициатива «Пояс и путь» неоднократно упоминалась в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН как пример новых форм международного сотрудничества, обеспечивающих общественные блага на мировой арене.

Три глобальные инициативы Китая – в области развития, безопасности и цивилизации – нацелены на решение наиболее острых мировых проблем: борьбу с социально-экономическими неравенствами, предотвращение глобальных конфликтов и содействие диалогу между цивилизациями. Эти концепции всё более активно внедряются в итоги крупных международных конференций и совместные заявления по итогам двусторонних контактов Китая с другими странами. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш высоко оценивает Глобальную инициативу в области развития как масштабный вклад в формирование справедливой, устойчивой и сбалансированной глобальной модели роста. Глобальная инициатива в области безопасности получила поддержку более чем 80 государств и организаций, войдя в содержание свыше 20 двусторонних и многосторонних

документов о взаимодействии с Китаем. Что касается Глобальной цивилизационной инициативы, её позитивно восприняли лидеры и представители различных слоёв общества, выразившие готовность к более тесному сотрудничеству в интересах диалога культур, взаимного обогащения и совместного продвижения инициативы на практике [习近平：共同构建人类命运共同体, 2017].

Таким образом, ориентация на подлинную многосторонность и демократизацию международных отношений не только отражает общий дух времени, но и подтверждается реальными шагами Китая и многих других стран, направленными на укрепление глобальной солидарности перед лицом транснациональных вызовов. Формирование модели отношений ведущих держав, основанной на мирном сосуществовании, общей стабильности и сбалансированном развитии.

Неотъемлемым элементом равноправной и упорядоченной многополярности выступает формирование новой модели отношений между ведущими державами, в основе которой лежат принципы мирного сосуществования, общей стабильности и сбалансированного развития. История отношений великих держав в колониальную эпоху и период холодной войны свидетельствует, что конфронтационные блоки и игры с «нулевой суммой» порождали глубокие конфликты, неравенство и зависимость [Ван, Цветов, 2021].

В контексте современного миропорядка важно отойти от этих устаревших практик. В новом формате взаимодействия акцент делается на партнёрстве и взаимном уважении [中国人权研究会：美国对外侵略战争造成严重人道主义灾难, 2021]. Межгосударственные связи должны строиться на принципах бесконфликтности, неконфронтации, сохранения суверенных интересов и развития за счёт взаимовыгодного сотрудничества.

Китайская парадигма отношений с крупнейшими игроками мировой арены иллюстрирует эту модель:

Китай – Россия: отказ от блокового мышления времён холодной войны, ставка на добрососедство и неприкосновенность к противостоюнию с третьими сторонами.

Китай – США: стремление ответственно подойти к китайско-американским связям, внедряя механизмы контроля над разногласиями и содействуя сотрудничеству по основным глобальным вопросам. В ходе встречи в Сан-Франциско Си Цзиньпин выдвинул пять направлений, призванных укрепить основу для здорового развития этих отношений в новую эпоху.

Китай – Европа: КНР видит Европу в качестве ответственного партнёра, способствующего многополярности и демократизации международных отношений. Китай и ЕС совместно выступают за подлинную многосторонность, открытое развитие и диалог культур, содействуя глобальной стабильности.

Будучи крупной развивающейся страной и частью «глобального Юга», Китай уделяет особое внимание укреплению солидарности и взаимопомощи в этом макрорегионе. В рамках принципов справедливости и равных возможностей КНР стремится продвигать сбалансированное развитие и реформирование системы глобального управления с учётом интересов развивающихся стран. Пять принципов мирного сосуществования и идея построения сообщества единой судьбы с соседними государствами служат основой для обеспечения добрососедских отношений, разрешения спорных вопросов через диалог и консультации, взаимного уважения суверенитета и поиска совместной выгоды [习近平：共同构建人类命运共同体, 2017].

Сотрудничество в рамках БРИКС – пример инновационной модели отношений, свободной от логики военных блоков и идеологического противостояния. Пять

стран (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) продвигают формат сотрудничества, основанный на взаимном уважении, движении к многостороннему развитию и реформировании глобальной экономической архитектуры.

Взаимодействие с Африкой выстраивается на основе искреннего и дружественного подхода, приоритета «справедливости над выгодой» и содействия независимому развитию стран континента. Совместные проекты с Латинской Америкой развиваются по модели «пять в одном», предполагая политическое доверие, торгово-экономическое сотрудничество, диалог цивилизаций, взаимодействие в международных организациях и согласование стратегических интересов для будущего процветания [让世界听到更多的金砖声音、见证更大的金砖作用, 2023].

Отношения с островными государствами Тихого океана также ориентированы на равноправие, открытость, инклюзивность и совместную поддержку их модернизации.

Заключение

Равноправная и упорядоченная многополярность – это концепция, отражающая стремление к новому этапу развития международных отношений на фоне беспрецедентных перемен, происходивших на протяжении последнего столетия. Китай придаёт идее многополярности новое качество, подчёркивая её внутреннюю ценность: принципы справедливости, диалога и кооперации, а не блокового противостояния и диктата сильнейшего. Данная концепция указывает путь к созданию сообщества единой судьбы человечества, совершенствованию международного порядка и реформированию системы глобального управления.

Китай, будучи важной силой «глобального Юга», не отделим от общемирового развития и прогресса. Китайская мечта о великом омоложении нации тесно связана с построением сообщества единой судьбы для человечества, а вклад Китая в становление многополярности с равноправием и порядком будет только расти, способствуя формированию более справедливого и гармоничного миропорядка [习近平：共同构建人类命运共同体, 2017].

Литература

1. Агаркова, А.С. Концепция многополярности в зарубежном академическом дискурсе / А.С. Агаркова // Теории и проблемы политических исследований. – 2022. – Т. 11. – № 2А. – С. 125–131.
2. Ван, В., Цветов, П.Ю. Сотрудничество Китая и России с АСЕАН: основные формы, направления, результаты / В. Ван, П.Ю. Цветов // Обозреватель. – 2021. – № 1(372). – С. 56–68.
3. Дегтерев, Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира / Д.А. Дегтерев. – Москва: Русайнс, 2020. – С. 208–216.
4. Воскресенский, А.Д. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – № 2. – С. 21–33.
5. 习近平接见2017年度驻外使节工作会议与会使节并发表重要讲话 [Си Цзиньпин принял участвовавших в совещании заграничных послов и выступил с важной речью] // 人民日报. – 2017. – Изд. 1.
6. 寰宇平：»让世界听到更多的金砖声音、见证更大的金砖作用» [Хуан Юпин: «Пусть мир услышит больше голосов БРИКС и станет свидетелем большей роли БРИКС»] // 人民日报. – 2023. – Изд. 2.

7. 习近平新时代中国特色社会主义思想学习问答 [Вопросы и ответы по изучению идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи]. – 学习出版社, 人民出版社, 2021.
8. 联合国宪章 [Устав Организации Объединенных Наций] // 联合国网站 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/zh/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 08.11.24).
9. 美国对华认知中的谬误和事实真相 [Логические ошибки и факты во восприятии Китая в США] // 外交部网站, 2022 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mfa.gov.cn/wjb_673085/zjzg_673183/xws_674681/xgwx_674683/202206/t20220619_10706065.shtml (дата обращения: 08.11.24).
10. 中国人权研究会: 《美国对外侵略战争造成严重人道主义灾难》 [Китайская ассоциация по изучению прав человека: «Иностранная агрессия США привела к серьезной гуманитарной катастрофе»] // 中国政府网, 2021 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-04/09/content_5598618.htm (дата обращения: 17.11.2024).
11. 李将: «论‘以国际法为基础的国际秩序’的规则观» [Ли Цзян: «О правилах “международного порядка, основанного на международном праве”»] // 国际法研究. – 2023. – № 5.
12. 蔡从燕: «论‘以国际法为基础的国际秩序’» [Цай Цуньянь: «О “международном порядке, основанном на международном праве”»] // 中国社会科学. – 2023.
13. 王毅: 深入贯彻中央外事工作会议精神不断开创中国特色大国外交新局面 [Ван И: Всестороннее воплощение духа Центральной рабочей конференции по иностранным делам для новой эпохи дипломатии Китая] // 求是. – 2024.
14. 关于各国依联合国宪章建立友好关系及合作之国际法原则之宣言 [Декларация о принципах международного права, касающихся установления дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН] // 外交部网站, 2004 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/200404/t20040408_9867349.shtml (дата обращения: 08.12.24).
15. 习近平: 同舟共济克时艰, 命运与共创未来 [Си Цзиньпин: «Работая вместе, преодолеем трудности и создадим лучшее будущее»] // 人民日报. – 2021.
16. 习近平: 共同构建人类命运共同体 [Си Цзиньпин: «Собором строим сообщество единой судьбы человечества»] // 人民日报. – 2017.
17. 习近平出席和平共处五项原则60周年纪念大会并发表主旨讲话 [Си Цзиньпин на конференции в честь 60-летия пяти принципов мирного сосуществования] // 中国政府网, 2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/31774/31783/Document/1396187/1396187.htm> (дата обращения: 13.12.2024).
18. 习近平: 携手构建合作共赢、公平合理的气候变化治理机制 [Си Цзиньпин: «Совместная работа над справедливым и разумным механизмом управления изменением климата»] // 人民日报. – 2015.
19. 习近平: 让多边主义的火炬照亮人类前行之路 [Си Цзиньпин: «Пусть факел многосторонности освещает путь человечеству вперед»] // 人民日报. – 2021.
20. 习近平: 弘扬和平共处五项原则 建设合作共赢美好世界 [Си Цзиньпин: «Продвижение пяти принципов мирного сосуществования ради построения прекрасного мира на основе взаимовыгодного сотрудничества»] // 国新办网站, 2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/31774/31783/Document/1396187/1396187.htm> (дата обращения: 17.11.24).
21. 王毅: 《联合国作用只能加强不能削弱》 [Ван И: «Роль ООН может быть только усилена, а не ослаблена»] // 外交部网站 [Электронный ресурс] (дата обращения: 10.11.24).

THE PRACTICAL PATH OF CHINA IN THE IMPLEMENTATION OF AN EQUAL MULTIPOLAR WORLD

Chernov V.N., Usatova S.A.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

This article investigates the accelerating shift toward a multipolar global order and China's proposal for an equal and orderly multipolarity that aims to foster long-term peace and balanced development. Drawing on historical milestones – from postcolonial independence to the rise of the Global South and the weakening dominance of Western powers – it examines how power dispersion challenges traditional hierarchies in international relations. The analysis is based on a theoretical-historical methodology, referencing the United Nations' legal framework, principles of sovereign equality, and the evolving role of emerging economies, notably through mechanisms like BRICS. The findings highlight that despite growing multipolar tendencies, persistent inequalities, unilateral interventions, and selective rule-setting continue to undermine equitable cooperation. China's emphasis on fair participation, adherence to international law, and collaborative decision-making represents a strategy to address these issues. By reinforcing the UN-centered order, supporting inclusive governance, and endorsing norms that reject hegemony, China's approach could strengthen international stability, help harmonize interests across diverse states, and encourage a more equitable distribution of opportunities. This perspective is applicable to global governance and international policy-making, informing diplomats, policymakers, and international institutions. In conclusion, embracing equal and orderly multipolarity, as advocated by China, may offer a viable path toward a more just international system that better aligns with the needs and aspirations of all nations.

Keywords: multipolarity, China, Russia, Global South, UNN, BRICS.

References

- Agarkova, A.S. The concept of multipolarity in foreign academic discourse / A.S. Agarkova // Theories and problems of political research. – 2022. – Vol. 11. – No. 2A. – P. 125–131.
- Wang, V., Tsvetov, P. Yu. Cooperation of China and Russia with ASEAN: main forms, directions, results / V. Wang, P. Yu. Tsvetov // Observer. – 2021. – No. 1 (372). – P. 56–68.
- Degterev, D.A. Assessment of the current balance of power in the international arena and the formation of a multipolar world / D.A. Degterev. – Moscow: Rusains, 2020. – P. 208–216.
- Vokresensky, A.D. China in the context of global leadership // International processes. – 2004. – T. 2. – No. 2. – P. 21–33.
- 习近平接见2017年度驻外使节工作会议与会使节并发表重要讲话 [Xi Jinping received the foreign ambassadors participating in the meeting and made an important speech] // 人民日报. – 2017. – Ed. 1.
- 寰宇平: “让世界听到更多的金砖声音、见证更大的金砖作用” [Huang Yuping: “Let the world hear more BRICS voices and witness a greater role of BRICS”] // 人民日报. – 2023. – Ed. 2.
- Questions and Answers on Studying Xi Jinping's Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. – 学习出版社, 人民出版社, 2021.
- 联合国宪章 [Charter of the United Nations] // 联合国网站 [Electronic resource]. – URL: <https://www.un.org/zh/about-us/un-charter/full-text> (date of access: 08.11.24).
- 美国对华认知中的谬误和事实真相 [Logical errors and facts in the perception of China in the USA] // 外交部网站, 2022 [Electronic resource]. – URL: https://www.mfa.gov.cn/wjb_673085/zjzg_673183/xws_674681/xgwx_674683/202206/t20220619_10706065.shtml (accessed: 08.11.24).
- China Association for Human Rights Studies: “The US Foreign Aggression Has Caused a Serious Humanitarian Disaster” [China Association for Human Rights Studies: “The US Foreign Aggression Has Caused a Serious Humanitarian Disaster”] //

China Association for Human Rights Studies, 2021 [Electronic resource]. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-04/09/content_5598618.htm (accessed: 11/17/2024).

11. 李将：“论‘以国际法为基础的国际秩序’的规则观” [Li Jiang: “On the rules of the “international order based on international law””] // 国际法研究. – 2023. – No. 5.
12. 蔡从燕：“论‘以国际法为基础的国际秩序’” [Cai Tsunyan: “On the “international order based on international law””] // 中国社会科学. – 2023.
13. 王毅：深入贯彻中央外事工作会议精神不断开创中国特色大国外交新局面 [Wang Yi: Comprehensively embodying the spirit of the Central Foreign Work Conference affairs for a new era of Chinese diplomacy] // 求是. – 2024.
14. Declaration on Principles of International Law concerning the Establishment of Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations [Declaration on Principles of International Law concerning the Establishment of Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations] // United Nations, 2004 [Electronic resource]. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/200404/t20040408_9867349.shtml (access date: 12/08/24).
15. 习近平：同舟共济克时艰，命运与共创未来 [Xi Jinping: “Working together, we will overcome difficulties and create a better future”] // 人民日报. – 2021.
16. 习近平：共同构建人类命运共同体 [Xi Jinping: “Together we are building a community with a common destiny for humanity”] // 人民日报. – 2017.
17. Xi Jinping at the conference in honor of the 60th anniversary of the Five Principles of Peaceful Coexistence // 中国政府网, 2014 [Electronic resource]. – URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/31774/31783/Document/1396187/1396187.htm> (access date: 12/13/2024).
18. Xi Jinping: “Working together on a fair and reasonable mechanism for managing climate change” // 人民日报. – 2015.
19. Xi Jinping: “Let the torch of multilateralism illuminate the path forward for humanity” // 人民日报. – 2021.
20. Xi Jinping: “Advancing the Five Principles of Peaceful Coexistence to Build a Beautiful World through Win-Win Cooperation” [Xi Jinping: “Advancing the Five Principles of Peaceful Coexistence to Build a Beautiful World through Win-Win Cooperation”] // Xi Jinping, 2014 [Electronic resource]. – URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/31774/31783/Document/1396187/1396187.htm> (accessed: 11/17/24).
21. 王毅：《联合国作用只能加强不能削弱》 [Wang Yi: “The role of the UN can only be strengthened, not weakened”] // 外交部网站 [Electronic resource] (access date: 10.11.24).

Наука и здравый смысл

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, заместитель
главного редактора журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Почему у человечества появилась надобность в науке? Потому что ЗС, возникший задолго до рождения науки, не справлялся с множеством задач, которые пришлось делегировать позже науке. Например, точность измерений. Прикидка на глазок оказалась недостаточной для строительных работ. А будь человеческие чувства, то же самое зрение, более совершенным, глядишь и не потребовались бы метры или килограммы. Наш мозг не может мысленно точно смоделировать трехмерное здание, поэтому инженерам и архитекторам приходится рисовать множество проекций, схем и планов. А будь мы посововершеннее, этого глядишь и не потребовалось. В вычислениях мы все еще недостаточно сильны.

Таким образом, наука возникла как компенсация наших слабостей и продолжение человеческого ума. Он не в состоянии все делать одновременно одинаково хорошо: писать трактаты, рисовать, сочинять музыку и считать. Каждую операцию для доведения ее до совершенства пришлось выделить в отдельную область деятельности, посадить туда людей с односторонне развитым мозгом, чтобы они всю жизнь занимались чем-то одним, постоянно совершенствуясь в этом и совершенствуя это.

Ключевые слова: научное познание, обыденное сознание, здравый смысл, картина мира

Научное познание и обыденное сознание

Смысл научного познания – открыть территории, на которые не ступала нога человека. *Смысл ЗС* – использовать завоеванные наукой территории во благо всего человечества. Они не противостоят друг другу, а дополняют друг друга, являя собой неразрывное единство движения человечества вперед. Нельзя прогрессировать, не открывая новое и не практически не осваивая это новое, не утверждаясь на нем. Без открытия нового человечество уподобляется слепцу, без освоения добытого – в скупого рыцаря, который копит деньги ради накопления. Это напоминает два типа контекста: контекст открытия и контекст обоснования.

Научное познание выросло из *обыденного сознания*, но в настоящее время две формы познания довольно далеко отстоят друг от друга. В чем их главные различия?

1. Наука ориентирована на познание сущности предметов и процессов, что вовсе не свойственно обыденному сознанию.

2. Научное познание требует выработки особых языков науки, а обыденное сознание использует общеразговорную лексику.

3. В отличие от обыденного сознания научное познание вырабатывает свои методы и формы, свой инструментарий исследования.

4. Для научного познания характерна планомерность, системность, логическая организованность, обоснованность результатов исследования, что не присуще его оппоненту.

5. Наука стремится доказать любые утверждения, которые она выдвигает, а обыденное сознание этим чаще всего пренебрегает.

Практицизм и мудрость – два свойства, которые присущи научному знанию. Для чего вообще нужна была бы человечеству наука, если бы она не приносила пользу, если бы она не объясняла, по каким закономерностям функционируют социологические явления, если бы она не предсказывала будущие явления с высокой достоверностью, т.е. не обладала мудростью. *Здравый смысл и наука*, различаясь по ряду существенных признаков, помогают избегать ошибок.

Наука – это сфера достоверного и объективного знания, которое многократно проверяется в самых разных экспериментах и исследованиях, а потому это сфера истинного знания (рис. 1). В чем же тогда состоит различие между здравым смыслом и научным знанием?

Прежде всего, *отличительная черта научного суждения* – это возможность его проверки любым исследователем в любой точке земного шара с аналогичными инструментами. Пример: вы делаете умозаключение о том, что один протон распадется на два электрона, и вы это открыли у себя в России, на каком-то сверхмощном синхротроне. Для того чтобы это суждение стало частью научного знания, американские физики должны точно на таком же инструменте провести опыт, экспери-

мент, описанный вами при таких-то и таких-то условиях и получить такой же результат. Кроме них, наверное, европейские ученые должны тоже провести эксперимент и получить точно такую же реакцию с таким же результатом, значит, ваше знание является истинным. Физические закономерности, или физические законы действуют и в Америке, и в Европе, и в России.

Рис. 1. Здравый смысл у каждого свой. Жаль, что его маловато

Законы притяжения не зависят от национальности. Поэтому нельзя говорить, что есть советская физика или американская физика – есть просто физика. Проводим аналогию с социологией. Есть ли марксистская социология? Есть ли буржуазная социология? Раньше учили: «Бойтесь одну и отстаивайте другую». Я тогда говорил себе: «Если социология – точное знание, то не может быть ни советской физики, ни американской физики, ни советской или несветской социологии». Если вы установили, что в благополучных семьях дети чаще, чем в благополучных попадают в криминальные ситуации, в полицейскую статистику или в тюрьму, что еще хуже, и эта закономерность обнаружилась у нас, обнаружилась в других развитых странах, можно сказать, что это универсальное открытие.

Научное знание – это абсолютно достоверная информация о конкретном явлении, которая подтверждается другими учеными, работающими в сходных условиях и сходными или одинаковыми инструментами по сходной методологии. Данные, полученные одним ученым, могут проверить другие ученые и получить сходные или одинаковые результаты. Только в этом случае можно говорить о научном знании.

Сходство науки со здравым смыслом здесь очевидно. Здравый смысл также опирается только на те знания, которые многократно проверяются и перепроверяются людьми в ходе многовековой практики. Различия выражаются в методах достижения истины. **Наука** оперирует научным методом и специальной методологией, а **здравый смысл** – стихийной проверкой, опытным наблюдением многочисленных дилетантов, которые, даже получив противоречивый результат, продолжают верить в коллективный миф. **Здравый смысл** подсказывает: выходить замуж лучше за представителя одного с тобой социального класса. Заранее ограничивается круг поиска претендентов. К тому же такой поиск намеренно подчиняется рациональным критериям. Но брак заключается по любви, а не по социальному выбору. Чувство подсказывает вам, что замуж надо выходить вот за этого конкретного мужчину, которого вы полюбили, а разум предупреждает: он из другого социального класса. В данном случае опора на здравый смысл как на разновидность народной теории, обобщающей многовековой

опыт, может подвести. Но точно также может подвести и научная теория, которая оперирует средними величинами, большими числами, массовыми событиями. Она говорит о тенденции в целом, но не о конкретном случае. Свои знания наука проверяла на множестве незнакомых людей и выявляла общую для них тенденцию. Она может совершенно не годиться для вашего жизненного случая.

Роль здравого смысла и научной теории очень похожа – обе они предлагают некую исходную информацию, ограничивают область поиска, но не указывают той конкретной точки в этом поле, где лежит решение вашей проблемы. Выбор всегда остается за вами. Посему той и другой доверять надо не на все 100%, а лишь в общем, в тенденции.

Здравый смысл – это квинтэссенция нашего социального опыта. Социолог не может не воспользоваться своим социальным опытом. Мы отбрасывали одни и оставляли другие признаки, скрепляя оставшиеся признаки с помощью логики.

Между **здравым смыслом** и **научным знанием** различие заключается в том, что первый выступает начальной точкой движения познания, а второе – его конечной остановкой. Вначале надо понапридумывать множество обыденных теорий, затем проверить их все до одной и оставить только прошедшие проверку на истинность. Правда, по мере проверки от первоначальной задумки почти ничего не остается: исходная гипотеза и исходная теория, как домашняя заготовка, постоянно корректируется, подправляется, дорабатывается и заменяется. Пройдя серьезную перестройку, **обыденная теория** приобретает вид законченного научного знания, но случается такое редко и затягивается на десятилетия.

Другой вариант, когда вы начинаете с чтения научной литературы и достижения других ученых, обнаруживших научное знание, выстраивая из них проверенных истин будущее здание своей теории. Такой путь короче и безопаснее. Важно к качественному знанию, познанию у коллег, прибавлять такое же качественное знание, добытое самостоятельно. К сожалению, на практике социологи поступают иначе: позаимствовав надежную теорию, они пристраивают к ней невесть что и называют все это научной теорией. Они полагают, что исходный материал гарантирует качество здания в целом. Но это не так. Надо владеть еще надежной технологией построения здания науки. Одной из составных частей такой технологии является перевод единичных фактов в научные факты.

Утверждение ученых о том, что наука противоречит здравому смыслу ненаучно, ибо его невозможно проверить эмпирическим путем или обосновать теоретически, так как имеется целый ряд серьезных ученых и философов, которые утверждают, что такого конфликта нет, что наука сама есть здравый смысл либо что здравый смысл превосходит научный.

Проводить разграничение между современной наукой и здравым смыслом по критерию очевидности и наблюдаемости тоже неправильно. ЗС принимает к сведению не только очевидное и наблюдаемое, но и не очевидное (потому у него много ошибок) и ненаблюдаемое (волю случая, судьбу и др.). Современная наука не может базироваться только на измерении ненаблюдаемых величин. Физика, да и то не вся, но лишь квантовая, может, но 70% всей науки, включая, например, акустику, ботанику и космологию, не может. В космологии ненаблюдаемые явления вообще стали проблемой, ибо в увлечении ими – темная материя и темная энергия, мультивселенная и струны – космологию стали называть научной фантастикой.

Здравый смысл рисует картины мира

Обыденное знание часто называется «наивной картиной мира», при этом подчеркивается, что наивные представления «не менее сложны и интересны, чем научные», они образуют «наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, наивную психологию» [1].

Принято считать, что в естественном языке отражается наивная картина мира, составляющая содержание обыденного сознания его носителей [2]. Наивная геометрия, наивная физика, наивная биология, психология, философия и пр., отражающие материальный и духовный опыт этноса, отмечены национально-культурной спецификой и противостоят соответствующим научным геометриям, физике, биологии, психологии, философии. Наивная картина мира как факт обыденного сознания отражает культурную специфику мировосприятия носителей языка [3] (рис. 2).

Рис. 2. У каждой социальной группы свой здравый смысл

Частью наивной картины мира выступают этнокультурные стереотипы, в которых при помощи обличительных или возвышенных оценок закодировано отношение одного народа к другому: об одних народах думают, что они ленивые и вечно жалуются на судьбу, о других – что они сентиментальные и жадные. Наивной картине мира, как и наивной философии, свойственна внутренняя противоречивость: в ней могут уживаться мифы разных степеней аккультурации индивида (вытирать нос платком или рукой, переводить пословно или по правилам трансформаций и т.п., употребление которых как действительных стереотипов не жестко определено, а ситуативно), более того, мифологемы по своей сути взаимодополнительны [4].

Научная картина мира (НКМ) в социологии – это совокупность самых общих представлений, часто носящих философский характер, о том, как устроена и каким законам подчиняется социальная реальность, в которой существуют общество и образующие его индивиды. НКМ управляет и регулирует процессом создания общей социологической теории (ОСТ), а последняя влияет на образование частных теорий. НКМ напоминает компас, который помогает ориентироваться ученому в законах социального познания. Компас указывает только общее направление, а конкретную карту местности ученому дают общая и частные социологические теории.

Самый верхний уровень теоретического знания, связанный с научной картиной мира, еще не является собственно социологическим. Поскольку он образован абстрактными категориями, имеющими универсальное для всех наук значение, его правильнее относить к философии. **Философское знание** составляет основу научной картины мира.

Таким образом, культура каждой страны создает собственную философию, а та накладывает отпечаток на ход развития социологии. Однако культура общества проникает в науку не только через мир фундаментальных ценностей и идеалов, но и через повседневную жизнь ученого. В этом смысле говорят, что научная картина тесно соприкасается с обыденной картиной мира (ОКМ), которая есть у каждого из нас. ОКМ строится на протяжении всей жизни, постоянно корректируется и обновляется. Иногда ее отождествляют с жизненной философией. В ОКМ входят суждения, почерпнутые из обыденного сознания и общественного мнения. «Верхи всегда крадут», «полагайся в жизни только на самого себя», «народ любит жесткого и сильного правителя» и т.п. – все это обыденные суждения, описывающие социальную реальность и входящие в состав ОКМ.

В ОКМ *источником знаний* выступают интуиция, **здравый смысл**, жизненный опыт, заблуждения, суеверия, политические пристрастия и стереотипы, она черпается из общения с людьми, средств массовой информации и т.п. В отличие от нее источником знаний в НКМ выступает наука. Если ОКМ всегда индивидуальна (как результат деятельности конкретного человека), то НКМ является коллективным плодом деятельности всего научного сообщества. Она формируется в ходе профессиональной – теоретической и эмпирической – работы, в процессе обучения и повышения профессионального мастерства, чтения общей и специальной литературы, общения с коллегами, в том числе на семинарах и конференциях. В разные исторические эпохи существовали различные типы ОКМ. Обыденные картины мира различаются в зависимости от того, к какому слою, классу, сословию, нации принадлежат ее творцы, в какую историческую эпоху они проживали. ОКМ зависит также от уровня образования, среды обитания (город или деревня) и иных факторов. Картины мира пролетариев и буржуазии, подростков и пожилых существенно отличаются. Хотя, несомненно, во все картины мира входят какие-то общие, имеющие универсальное значение, элементы.

Обыденная картина мира служит переходным звеном на пути к формированию НКМ. Социолог руководствуется в проведении исследований не только научными данными и специальной литературой, но в значительной мере своим жизненным опытом и представлениями здравого смысла. Социолог – член этого общества. Он живет такой же жизнью, какой живут его респонденты, а значит, он подвержен политическим пристрастиям, амбициям и культурным предрассудкам. В методологическом плане его задача – не спутать две разные картины мира, не подменять научное знание обыденным. Простое на первый взгляд правило учеными постоянно нарушается, о чем свидетельствуют очень многие статьи, публикуемые в высокопрофессиональном журнале «Социологические исследования».

Так, автор статьи о Прибалтике высказывает пожелание, чтобы населяющие ее народы (прибалты и русские) воссоединились, иначе дальнейшие отношения и впредь будут носить негативный характер. Подобное суждение, выданное в качестве практической рекомендации, только частично опирается на полученные факты (высказывания респондентов о необходимости народам жить в мире и согласии), но в основном это проявление его гражданской позиции. Аргументация автора о том, что прибалты и русские, долгое время жившие вместе, почти сроднились и готовы к совместному существованию, которое было искусственно (в силу политических амбиций руководства двух стран) прервано, не выдерживает серьезной критики по двум причинам. Во-пер-

вых, ни один аргумент невозможно подтвердить эмпирически или проверить экспериментально. Во-вторых, точка зрения прибалтийских авторов, также изучавших данную проблему, прямо противоположна. К примеру, многие эстонские социологи считают, что искусственным было совместное проживание двух народов, произошедшее насильно в результате интервенции, а не их разрыв. В будущем только раздельное проживание и политическая самостоятельность позволят эстонскому этносу восстановить свои национальные традиции, повысить материальное благосостояние и самосознание народа. Прибалтийские социологи доказывают, что воссоединение невозможно в силу языковых и национальных различий, прозападной ориентации стран Балтии и евроазиатской ориентации России (рис. 3).

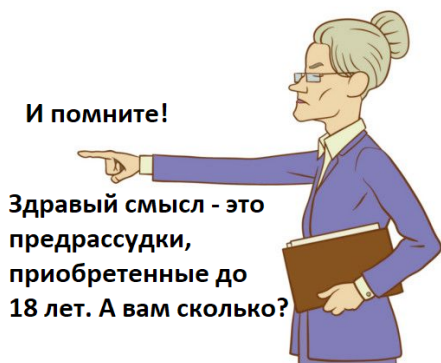

Рис. 3. Так говорил А. Эйнштейн. Предрассудки – болезнь, ЗС – здоровье. Как тогда на одном вырастает другое?

В результате относительно одного и того же круга явлений, одной и той же реальности выстраиваются совершенно разные картины мира. Позиции русских и прибалтийских социологов роднит лишь то, что научные суждения в них переплетены с обыденными. Под них не подведен никакой фундамент. Не существует общей социологической теории, объясняющей правомерность той или иной позиции, не существует частных теорий, применимых к данной ситуации (большинство теорий межнациональных отношений в мировой социологии созданы на американском материале), нет надежных и всесторонних эмпирических исследований. Когда образуется такого рода вакуум, то его заполняют суждения ОКМ.

Картины мира варьируются от общества к обществу и даже от сегмента к сегменту внутри одного общества. В этом смысле говорят, что китаец «живет в совершенно ином мире», нежели западный житель. Национальные стили мышления и создаваемые ими картины мира различаются не только в терминах содержащихся в них элементов религии, этики или политической философии, но также в таких категориях, как время, пространство, число. На поверку очень несходными оказываются, например, «мир» Древней Греции и «мир» древней Иудеи, «мир» традиционного индуизма и «мир» индуизма современного Запада.

Поскольку сходную точку зрения разделяют почти все, с кем индивиду приходится иметь дело в рамках своего сообщества, постольку смена социального класса, профессии, места работы или места проживания приводит иногда к смене мировоззрения и картины мира. Чем чаще происходит смена кругов общения, тем выше вероятность смены картин мира. Следовательно, чем выше социальная мобильность, тем выше вероятность мировоззренческих революций, шире набор возможных картин мира и выше идейная терпимость к иным воззрениям, взглядам и картинам мира. Но возможна и другая закономерность: чем шире круг людей, разделяющих ва-

ши взгляды, тем ниже вероятность того, что вы смените картину мира.

Социологический опрос дает широкую, но поверхностную картину мира (только то, что поддается количественному измерению), а психологический – узкую, но глубокую (он снимает качественную информацию, не поддающуюся статистическим распределениям).

ЗС – это сторож коллективного мира и согласия, социальной дружбы и взаимопонимания. ЗС – консенсус через компромисс, когда каждой стороне приходится поступаться частью своих кровных интересов ради достижения мира или урегулирования вопроса: я не хочу этого делать, но мне приходится, потому что так поступают другие. Идти навстречу другим – часто филантропия, но еще чаще – вынужденный шаг. Вот почему ЗС – гарант мира и гармонии между индивидом и обществом, и он подобен в этом смысле президенту страны, которого называют гарантом конституции. Согласовывать личные желания с общественными потребностями – постоянно идущий процесс, неусыпный труд для миллиардов людей по всему свету. В жизни инструментом согласования служит ЗС, а в социологии – социологическое воображение Райта Миллса.

ЗС – стержень человека, общества и природы. О роли последней говорит дарвиновская борьба за существование: конкурируют все, а побеждают сильнейшие. Те, кто выработал в своем организме хитрое приспособление, помогающее выжить в изменившемся окружении и передать новацию своим потомкам. ЗС природы – механизм нововведений, помогающий успешной адаптации, выживанию и эффективной победе в борьбе за выживание. Консерваторы, не успевшие откликнуться на вызов природы, вымирали.

Борьба за существование в природе и ЗС в обществе – это один из движущих факторов эволюции, обеспечивающий выживание наиболее приспособленных к данным условиям особей, которые и оставляют потомство и создают прогресс общества. Они помогают сохранять и закреплять полезные в данных условиях признаки.

Мы переживаем в уме вещи более интенсивно, чем они есть на самом деле. Когда мы думаем о предстоящей встрече или экзамене, мы склонны подсознательно раздувать серьезность ситуации. При этом мы почти теряем рассудок, даем волю страстям и мешаем слушать голос ЗС. А он говорит нам: как много из надуманного плохого сбывалось? Очень мало. Но ты продолжаешь из мухи делать слона (рис. 4).

Рис. 4. Вход и выход

Функция ЗС на микроуровне – кристаллизовать на своей основе все формы социальных действий индивида, бытовое сознание, повседневную картину мира. Стереотипы, заумные завихрения, чудачества и прочие плевела, вращающиеся вокруг твердого ядра ЗС, подобный скоплениям космического газа, из которых рожда-

ются звезды и планеты. Это подготовительное сырье. Впрочем, у многих индивидов оно так и остается сырьем, не образовавшим кристаллов ЗС. Газ он и есть газ.

ЗС не только пронизывает все, что люди видят и делают, но и структурирует то, что люди видят, делают и думают. Институциональная структура общества, нормативная система общества, менталитет нации и индивидуальные картины мира, равно как характер, содержание и стиль повседневной коммуникации обычных людей задаются ЗС. Возможно, он не видим в продуктах своего производства, т.е. его уши не торчат из результатов его деятельности. Возможно, он действует скрытно и латентно, но от этого его власть и сила не ослабевают.

В наше время один человек принадлежит более чем к одному обществу, у одного общества более одного человека, у одного человека более одной версии ЗС. Если в стране 150 млн человек, то в нем насчитывается около 50 тыс. социальных статусов и в 4–5 раз больше социальных ролей. А сколько ЗС? Сотни миллионов? Вряд ли, даже если у каждого множество версий ЗС. Ведь ЗС – это общее для всех или значительного числа людей, живущих в сходных условиях и имеющих сходный жизненный опыт как по продолжительности, так и по содержанию, мировоззрение, убеждение, суждение, принцип, правило. Однако если считать ментально-когнитивные построения ЗС (вербальные и не высказанные вслух) и воплощенные принципы ЗС в социальных и культурных нормах общества, социальных институтах, организациях, социальном контроле, практиках воспитания и социализации и многом-многом другом, то мы получим цифру с восемью нулями.

Здравый смысл (ЗС) – это инструкции о том, как поступать правильно для собственной безопасности. Любые технические инструкции и правила безопасности – от инструкции по плаванию до пользования утюгом – проявления здравого смысла, окупленные кровью и потом.

Инстинкт самосохранения не позволяет переходить дорогу на красный свет, перевязывать кровотечение, не лезть в пекло. Мы поступаем так автоматически, не задумываясь. А когда задумываемся, появляется ЗС. Это сознательный тормоз, наш телохранитель. ЗС – заместитель инстинкта на ментальном уровне. Инстинкт врожден, ЗС приобретен. Инстинкт самосохранения – особая форма поведения, направлена на защиту собственной жизни и здоровья. ЗС – особый механизм, помогающий принимать правильные решения в трудных ситуациях.

Здравый смысл – это фундамент культурного наследия человечества, ибо все созданное им размещается в пространстве здравого смысла. В результате здравый смысл можно изобразить в виде толстого ствола дерева, на котором в виде ветвей и листьев располагается все более частное и производное от него, а именно тысячи наук и видов искусств, ремесел, техники и технологии и т.д.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект /Ю.Д.Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон. М.: Русские словари, 1995.с.45.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2-х т. М., 1995. Т. 1: 56–59; Урысон Е.В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // ВЯ. 1998. № 2. С. 3–21.
3. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремологии // ВЯ. 1997. № 4. С. 115–124.
4. Кашкин В.Б. Какой язык «самый красивый»? // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып.3. Воронеж, 2000. С. 101–106

SCIENCE AND COMMON SENSE

Kravchenko A.I.

Why did humanity need science? Because the ZS, which arose long before the birth of science, could not cope with many tasks that had to be delegated to science later. For example, the accuracy of measurements. An estimate by eye turned out to be insufficient for construction work. And if human feelings, the same vision, were more perfect, you see, meters or kilograms would not be needed. Our brain cannot mentally accurately model a three-dimensional building, so engineers and architects have to draw many projections, diagrams and plans. And if we were more perfect, you see, this would not be necessary. We are still not strong enough in calculations. Thus, science arose as a compensation for our weaknesses and an extension of the human mind. He is not able to do everything at the same time equally well: write treatises, draw, compose music and count. Each operation had to be singled out as a separate area of activity to bring it to perfection, and people with a one-sidedly developed brain had to be placed there so that they would do one thing all their lives, constantly improving in this and improving this.

Keywords: scientific knowledge, everyday consciousness, common sense, picture of the world

References

1. Apresyan Yu.D. New explanatory dictionary of synonyms: concept and types of information // New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. Prospect /Yu.D.Apresyan, O. Yu. Boguslavskaya, I.B. Levontina, E.V. Uryson. Moscow: Russian dictionaries, 1995. p.45.
2. Apresyan Yu.D. Selected works: In 2 volumes. Moscow, 1995. Vol. 1: 56–59; Uryson E.V. Linguistic picture of the world vs. everyday ideas (model of perception in the Russian language) // VYa. 1998. No. 2. P. 3–21.
3. Vorkachev S.G. Indifference as an ethno-semantic characteristic of personality: an experience of comparative paremiology // VYa. 1997. No. 4. P. 115–124.
4. Kashkin V.B. Which language is “the most beautiful”? // Russian and Finnish communicative behavior. Issue 3. Voronezh, 2000. P. 101–106

Этапы развития российско-китайских отношений. Планы и перспективы

Белюсова Татьяна Павловна,

старший преподаватель кафедры восточных языков
Дипломатической академии Министерства иностранных дел
России

E-mail: tp_belousova@mail.ru

В статье говорится об этапах развития и становления российско-китайских отношений начиная с образования КНР 1 октября 1949 года и до сегодняшнего момента. Рассматриваются наиболее знаковые периоды взаимодействия между странами, а также то, как менялись «формулы» российско-китайских отношений с течением времени. Также затрагивается тема дальнейших перспектив развития в текущих реалиях современного мира.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, современный мир, развитие отношений, современные реалии.

В этом году Россия и Китай отметили 75-летнюю годовщину со дня установления дипломатических отношений между странами. На протяжении этого длительного периода отношения между странами пережили как спады, так и подъемы. Развитие отношений между странами можно разделить на четыре этапа.

Первый этап – это период союза. На следующий день после основания Китайской Народной Республики Советский Союз признал Новый Китай. Затем Китай и Советский Союз подписали «Китайско-советский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи», чтобы официально сформировать союз. В этот период китайско-советские отношения дружеского сотрудничества все-сторонне развивались. В политическом и военном отношении Китай и Советский Союз поддерживали друг друга в борьбе с внешними угрозами. Советский Союз оказывал огромную помощь Китаю в сфере экономики, науки и техники, образования и культуры.

Второй этап – период конфронтации. В конце 1950-х годов две страны встали на путь конфронтации. В этот период две страны были политически изолированы и находились в военном противостоянии. Экономическое, технологическое, образовательное и культурное сотрудничество между двумя странами было прервано, а объемы торговли сократились.

Третий этап – период нормализации отношений. В конце 1970-х, особенно начале 1980-х годов, международная и внутренняя ситуация в Китае и в Советском Союзе претерпела большие изменения, отношения между двумя странами вернулись на путь нормального развития.

Четвертый этап – период развития. После распада Советского Союза в феврале 1991 года Россия, как правопреемница Советского Союза, приняла результаты нормализации советско-китайских отношений и быстро осуществила переход от советско-китайских отношений к китайско-российским отношениям. С тех пор китайско-российские отношения стабильно развивались. За время пребывания Ельцина на посту президента китайско-российские отношения прошли три ступени: в декабре 1992 года две страны объявили, что считают друг друга дружественными, в сентябре 1994 года две страны установили отношения конструктивного партнерства, в апреле 1996 года были созданы «отношения стратегического партнерства и взаимодействия устремленные в 21 век». После того как Путин стал президентом, он продолжил способствовать развитию отношений между двумя странами.

В 2001 году две страны подписали «Китайско-российский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» и совместно учредили «Шанхайскую организацию сотрудничества». Отношения между двумя странами перешли на следующий, четвертый этап. В настоящее время между двумя странами часто происходят обмены на высоком уровне, созданы и хорошо функционируют механизмы регулярных встреч на всех уровнях. Обе стороны поддерживают друг друга по вопросам национального суверенитета, независимости и территориальной целостности. Россия взяла на себя обязательство противостоять «независимости Тайваня». По вопросу продвижения многополярности мира и противодействия унилатерализму позиции двух стран

совпадают или близки. Две страны тесно сотрудничают в вопросах борьбы с терроризмом, прав человека, послевоенного восстановления Афганистана, ядерной проблемы Северной Кореи и Ирана. Россия и Китай проводят плодотворное взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества в целях содействия совершенствованию и развития организации. В последние годы экономические и торговые отношения между двумя странами продолжают развиваться. В настоящее время китайско-российские отношения сталкиваются с беспрецедентными историческими возможностями для развития.

Двадцатилетие Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Россией и Китаем, подписанное 16 июля 2001 года, знаменует собой важнейший этап в развитии стратегического партнерства двух стран. Этот договор заложил фундамент для тесного взаимодействия в самых разных областях – от экономики и энергетики до культуры и науки. Однако термин «стратегическое партнёрство» в последние годы претерпел значительную эволюцию. Визит Си Цзиньпина в 2019 года ознаменовался переходом к новой формулировке: «отношения всестороннего российско-китайского стратегического партнерства и взаимодействия “в новую эпоху”». Эта фраза не просто косметическое изменение; она отражает существенные сдвиги в геополитическом ландшафте и приоритетах обеих стран. Что же подразумевается под «новой эпохой»? Согласно исследованиям, проведенным, например, Институтом Дальнего Востока РАН, ключевым моментом стало формирование при Си Цзиньпине проактивной внешней политики Китая, получившей название «дипломатия большого государства». Китай отказался от прежней стратегии скрытности и постепенного наращивания влияния («пребывание в тени и сокрытие своих возможностей»), активно продвигая свои интересы на мировой арене. Параллельно с возникла концепция «сообщества единой судьбы человечества», подчеркивающая взаимозависимость стран и необходимость коллективного решения глобальных проблем. Однако эта концепция, хотя и декларирует мирное сотрудничество, также служит инструментом для продвижения китайского влияния и построения многополярного мира, более благоприятного для КНР. Важно отметить, что «новая эпоха» неразрывно связана с ухудшением отношений как России, так и Китая с Западом. Санкции, торговые войны, идеологические разногласия – всё это подтолкнуло две страны к ещё более тесному сотрудничеству, основанному на взаимном недоверии к «коллективному Западу». Именно это обстоятельство стало катализатором укрепления российско-китайского альянса, выходящего за рамки традиционного экономического и политического партнерства. Впервые фраза «изменения, которые происходят один раз в сто лет», использованная Си Цзиньпином в июне 2018 года на Центральном совещании по вопросам внешней политики, точно характеризует глубокие трансформации в мировой системе. Китайские СМИ интерпретируют это как радикальные изменения в мировом порядке, международной системе, глобальном управлении и балансе сил. Речь идёт о переходе от униполярного мира, в котором доминировало США, к многополярному миру, где влияние Китая и России значительно возрастает. Некоторые китайские аналитики идут дальше, характеризуя ситуацию как хаотичную, а ответственность за этот хаос возлагая на политику Запада. Это представление укрепляет внутреннюю консолидацию и обосновывает более активное вмешательство Китая в глобальные дела. Однако такая интерпретация не является единственно возможной. Западные аналитики, например, часто говорят

о распространении китайского влияния как о вызове либеральному мировому порядку, подчеркивая авторитарную природу китайской системы и потенциальные риски для международной стабильности. Они обращают внимание на военную мощь Китая, его расширяющуюся экономическую деятельность в рамках «Пояса и пути», а также на пропагандистскую деятельность Пекина, направленную на подрыв авторитета Запада. Стоит также отметить, что «сообщество единой судьбы человечества», хотя и звучит привлекательно, может быть интерпретировано как форма неоколониализма, скрывающего стремление Китая к гегемонии. Таким образом, «новая эпоха» в российско-китайских отношениях – это не просто новая фраза, а отражение глубоких глобальных изменений. Она характеризуется формированием более тесного стратегического партнерства между двумя странами, основанного на общих интересах и взаимной недоверии к Западу. Однако важно помнить о сложности и многогранности этих отношений, учитывая различные интерпретации происходящих событий как на Востоке, так и на Западе. Дальнейшее развитие российско-китайского партнерства будет определяться как внутренними факторами в обеих странах, так и глобальной геополитической конъюнктурой. Роль этого партнерства в формировании мирового порядка будет оставаться предметом широких дискуссий и исследований в предстоящие годы.

Литература

1. РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ВРЕМЕННЫЕ ПОПУТЧИКИ ИЛИ АНТИАМЕРИКАНСКАЯ АНТАНТА? Мирзаян Г.В. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 6 (42). С. 116–124.
2. КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА 2022 Афонасьева А.В., Бабаев К.В., Баженова Е.С., Бони Л.Д., Бородич В.Ф., Борох О.Н., Варфаловская Р.А., Виноградов А.О., Виноградская В.Б., Волошина А., Давыдов А.С., Демидо Н.Ю., Денисов И.Е., Дикарев А.Д., Завидовская Е.А., Завьялова О.И., Каменнов П.Б., Карнеев А.Н., Кашин В.Б., Коледенкова Н.Н. и др. Москва, 2023.
3. РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ДИАЛОГ: МОДЕЛЬ 2018 Лузянин С.Г., Кортуннов А.В., Карнеев А.Н., Петровский В.Е., Кашин В.Б., Денисов И.Е., Епихина Р.А., Кулинцев Ю.В., Мамедов Р.Ш., Кузьмина К.А., Чжао Х., Лю Х., Ши Ц., Син Г., Го Ш., Фэн Ю., Цай Ц., Чжэн Ц. Доклад № 39/2018 / Москва, 2018.
4. XIX СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. КРУГЛЫЙ СТОЛ В ИДВ РАН Лузянин С.Г., Карнеев А.Н., Ломанов А.В., Сафронова Е.И., Мокрецкий А.Ч., Уянаев С.В., Галенович Ю.М., Ларин А.Г., Виноградов А.О., Давыдов А.С., Островский А.В., Александрова М.В., Исаев А.С. Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 1. С. 18–67.
5. КИТАЙ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ. РОЛЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ КНР Белоусова Т.П. Закон и власть. 2024. № 2. С. 140–143.
6. КУЛЬТУРНАЯ СТРАТЕГИЯ КНР «КИТАЙСКАЯ МЕЧТА», КАК СПОСОБ УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВА Белоусова Т.П. Социально-гуманитарные знания. 2024. № 3. С. 128–130.
7. ОБРАЗОВАНИЕ В КИТАЕ ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ Белоусова Т.П. В сборнике: Восточный альманах. Сборник научных статей. Москва, 2024. С. 103–112.

8. СЪЕЗДЫ КПК ЗА СТО ЛЕТ ИСТОРИИ Литвинова Ю.Г. В сборнике: Восточный альманах. Сборник научных статей. Москва, 2024. С. 53–63.
9. ЕВРОПЕЙСКОЕ ТУРНЕ СИ ЦЗИНЬПИНА Галимзянова А.К. В сборнике: Восточный альманах. Сборник научных статей. Москва, 2024. С. 9–21.
10. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ МЕЖДУ КИТАЕМ И СТРАНАМИ АСЕАН Галимзянова А.К. В сборнике: Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сборник материалов VII международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). Москва, 2024. С. 528–533.
11. Галимзянова А.К. Отношения России и Китая в условиях формирования нового мирового порядка// Дипломатическая служба. 2024. № 1. С. 34–41.
12. Галимзянова А.К. Перспективы межгосударственного гуманитарного взаимодействия России и Китая// Современная политика и международные отношения. 2016. С. 197–202.
13. Галимзянова А.К. Приоритеты российско-китайского сотрудничества в гуманитарной сфере// Восточный альманах. М.: Квант Медиа. 2019. С. 8–16.
14. Галимзянова А.К. Укрепление российско-китайского сотрудничества// Восточный альманах. Сборник научных статей. Под общей редакцией М.Г. Троянского; научное редактирование А.А. Данельян; редакционная коллегия: А.Т. Мозлов, А.К. Галимзянова; Дипломатическая академия МИД России. Москва, 2023. С. 9–19.
15. Белоусова Т.П. ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ В сборнике: ВОСТОЧНЫЙ АЛЬМАНАХ. Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации. Кафедра восточных языков. Москва, 2017. С. 106–120.
- Mirzayan G.V. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2019. Vol. 9. No. 6 (42). P. 116–124.
2. PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: POLITICS, ECONOMY, CULTURE 2022 Afonasyeva A.V., Babaev K.V., Bazhenova E.S., Boni L.D., Borodich V.F., Borokh O.N., Varfalovskaya R.A., Vinogradov A.O., Vinogradskaya V.B., Voloshina A., Davydov A.S., Demido N.Yu., Denisov I.E., Dikarev A.D., Zavidovskaya E.A., Zavyalova O.I., Kamennov P.B., Karneev A.N., Kashin V.B., Koledenkova N.N. and others. Moscow, 2023.
3. RUSSIAN-CHINESE DIALOGUE: 2018 MODEL Luzyanin S.G., Kortunov A.V., Karneev A.N., Petrovsky V.E., Kashin V.B., Denisov I.E., Epikhina R.A., Kulintsev Yu.V., Mamedov R.Sh., Kuzmina K.A., Zhao H., Liu H., Shi Q., Xing G., Guo Sh., Feng Yu., Cai Q., Zheng Q. report No. 39/2018 / Moscow, 2018.
4. XIX CONGRESS OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA AND RUSSIAN-CHINESE RELATIONS. ROUND TABLE AT THE IFES RAS Luzyanin S.G., Karneev A.N., Lomanov A.V., Safronova E.I., Mokretsky A.Ch., Uyanaev S.V., Galenovich Yu.M., Larin A.G., Vinogradov A.O., Davydov A.S., Ostrovsky A.V., Aleksandrova M.V., Isaev A.S. Problems of the Far East. 2018. No. 1. P. 18–67.
5. CHINA IN THE PERIOD OF GLOBALIZATION. THE ROLE OF THE LANGUAGE AND CULTURE OF THE PRC Belousova T.P. Law and Power. 2024. No. 2. P. 140–143.
6. CULTURAL STRATEGY OF THE PRC "CHINESE DREAM" AS A WAY TO STRENGTHEN THE STATE Belousova T.P. Social and humanitarian knowledge. 2024. No. 3. P. 128–130.
7. EDUCATION IN CHINA FEATURES AND PROSPECTS Belousova T.P. In the collection: Eastern Almanac. Collection of scientific articles. Moscow, 2024. P. 103–112.
8. CONGRESSES OF THE CPC OVER A HUNDRED YEARS OF HISTORY Litvinova Yu.G. In the collection: Eastern Almanac. Collection of scientific articles. Moscow, 2024. P. 53–63.
9. XI JINPING'S EUROPEAN TOUR Galimzyanova A.K. In the collection: Eastern Almanac. Collection of scientific articles. Moscow, 2024. Pp. 9–21.
10. CULTURAL INTERACTION BETWEEN CHINA AND THE ASEAN COUNTRIES Galimzyanova A.K. In the collection: New World. New Language. New Thinking. Collection of materials from the VII international scientific and practical conference (philology, pedagogy and intercultural communication). Moscow, 2024. Pp. 528–533.
11. Galimzyanova A.K. Relations between Russia and China in the context of the formation of a new world order// Diplomatic service. 2024. No. 1. Pp. 34–41.
12. Galimzyanova A.K. Prospects for Interstate Humanitarian Cooperation between Russia and China// Modern Politics and International Relations. 2016. Pp. 197–202.
13. Galimzyanova A.K. Priorities of Russian-Chinese Cooperation in the Humanitarian Sphere// Eastern Almanac. Moscow: Quantum Media. 2019. Pp. 8–16.
14. Galimzyanova A.K. Strengthening Russian-Chinese Cooperation// Eastern Almanac. Collection of Scientific Articles. General editor M.G. Troyansky; scientific editing A.A. Danelyan; editorial board: A.T. Mozlov, A.K. Galimzyanova; Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow, 2023. Pp. 9–19.
15. Belousova T.P. HISTORY OF THE FIRST ORTHODOX MISSION IN BEIJING In the collection: EASTERN ALMANAC. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Department of Oriental Languages. Moscow, 2017. Pp. 106–120.

STAGES OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS. PLANS AND PROSPECTS

Belousova T.P.

Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article talks about the stages of development and formation of Russian-Chinese relations from the formation of the PRC on October 1, 1949 to the present day. The most significant periods of interaction between countries are examined, as well as how the "formulas" of Russian-Chinese relations have changed over time. The topic of further development prospects in the current realities of the modern world is also touched upon.

Keywords: Russian-Chinese relations, modern world, development of relations, current realities

References

1. RUSSIAN-CHINESE RELATIONS: TEMPORARY TRAVEL COMPANIONS OR ANTI-AMERICAN ENEMIES?

Применение современных компьютерных технологий и искусственного интеллекта в политическом процессе

Войтович Павел Сергеевич,

аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)
E-mail: Pavel.votovich@mail.ru

В статье рассматриваются особенности применения современных компьютерных технологий и искусственного интеллекта в политическом процессе.

Актуальность. Значимость технологий, основанных на цифровизации и применении искусственного интеллекта, непосредственно связана с их влиянием на основы либеральных демократий. Эти технологические инновации затрагивают политический ландшафт, оказывая глубокое воздействие на такие фундаментальные элементы, как способы политического общения, уровень вовлеченности граждан в политический процесс и процедуры разработки политических решений. Цифровизация и искусственный интеллект реформируют взаимодействие между обществом и политическими деятелями, влияя на обмен информацией и взаимоотношения между населением и политическими лидерами, а также внося свой вклад в создание политических стратегий.

Целью исследования является изучение некоторых аспектов применения современных компьютерных технологий и искусственного интеллекта в политическом процессе.

В результате исследования произведен обзор научно-практических сведений, даны авторские выводы. Анализ данных указывает на то, что внедрение технологий искусственного интеллекта открывает новые возможности для сделать процессы выборов более открытыми и продуктивными. Использование новых технологий способствует снижению экономических барьеров, что особенно важно для начинающих и финансово несостоятельных участников политических гонок, обеспечивая им более равные возможности.

Ключевые слова: политика, искусственный интеллект, цифровизация, процесс, технология, лидер

Вводная часть

В эпоху цифрового прогресса (далее ЦП), когда инновации обещают значительно улучшить качество жизни человечества, они также несут в себе потенциальные риски для основ демократии и защиты индивидуальных свобод. Следует глубоко осмыслить подход к использованию искусственного интеллекта (далее ИИ), необходимость охранять фундаментальные свободы и стратегии построения безопасного, справедливого цифрового будущего для каждого индивида. Часто ошибочно полагают, что ЦП сводится к переводу объектов из физического мира в цифровой, однако это представление является поверхностным. В действительности ЦП представляет собой сложный процесс, затрагивающий глубинные структуры общества.

В основе трансформации нашего социума лежит научно-технологическая эволюция, пропитанная разработкой микропроцессоров, программного обеспечения, цифровых сетей и алгоритмов, ставших основой ежедневного существования всех сфер. Эти изменения глубоко влияют на политическую сферу (далее ПС), преобразуя методы, которыми кандидаты и политические структуры, включая технологические компании и аналитические центры, привлекают поддержку. Для этого преимущественно используют цифровой маркетинг, стратегии управления репутацией, сбор средств в интернете и управление онлайн-сообществами. Принимая во внимание опасности, которые представляют собой недостатки законодательной базы, что в первую очередь касается выборов и других политических процессов (далее ПП), правительство вместе с экспертами в области избирательного права активно работает над разработкой и внедрением новых инициатив и модификаций. Эти меры призваны адаптировать существующие нормы к текущим вызовам, в том числе к вопросам, связанным с микротаргетированной пропагандой [8].

Целью исследования является изучение некоторых аспектов применения современных компьютерных технологий (далее КТ) и искусственного интеллекта в политическом процессе.

Материалы и методы исследования

Анализ научно-практической литературы, синтез мнений, обобщение, общие и частные методы познания.

Основная часть

На сегодняшний день мировые лидеры уже активно интегрируют КТ и ИИ в аспекты политической работы, что включает в себя не только анализ информации, но и прогнозы будущих событий, разработку внешнеполитических стратегий и так далее. Такое применение ИИ может резко улучшить управленческие процессы в государственном аппарате, предлагая решения для остро стоящих вопросов в ПС. Впрочем, вовлечение ИИ в ПП влечет за собой ряд этических и технических проблем, включая вопросы конфиденциальности данных и доступность КТ, способствуя возможному углублению социального неравенства. ИИ находит свое применение в политическом

пространстве, в частности, в оптимизации избирательных кампаний и адаптации стратегий к текущим трендам общественного мнения. Один из знаковых проектов, Big-Surv, демонстрирует возможности ИИ в аналитике данных, способствуя более тесному контакту кандидатов с потребностями и ожиданиями электората, тем самым увеличивая их шансы на успех. Анализ социальных сетей и непрерывный мониторинг мнений населения облегчают политикам задачу оперативной корректировки своих действий и тактических решений, минимизируя риски несоответствия ожиданиям публики. Однако, это влечет за собой обсуждение возможных негативных последствий, включая риск сокращения рабочих мест [3].

В новейших тенденциях научного дискурса тематика ИИ в ПС вызывает значительный интерес. Однако, несмотря на актуальность этой темы, сравнительно небольшое число исследований изучают её через призму системного анализа, особенно когда речь идет о влиянии на ПП. Р.В. Болгов указывает на ощутимую нехватку аналитических работ, оценивающих воздействие искусственного интеллекта на политическую арену, подчеркивая, что данный аспект остается недостаточно освещенным [2, с. 69].

В своем анализе, А.С. Анисимов охватывает обширный спектр законодательных актов, связанных с использованием ИИ, акцентируя внимание на странах таких как США, Китай и Россия. Он исследует, как ИИ интегрирован в разнообразные области общественной жизни, обращая внимание как на его позитивные, так и на негативные аспекты. Это служит отправной точкой для понимания юридической основы, лежащей в основе применения ИИ в различных секторах [1, с. 9].

Процесс, известный как «технологический перехлёст», представляет собой значительное преобразование общественной жизни, в результате которого социальные отношения приобретают социотехнические черты. Эта трансформация является логическим итогом эволюции человечества и его цивилизационного прогресса. Исследователь из России, И.А. Исаев, поднимает вопрос о так называемых «мегамашинах власти», указывая на то, что хоть и произошел переход к эпохе ЦП, суть управленческих технологий осталась прежней, основываясь на манипулировании и контроле через цифры, что свидетельствует об их архаичной природе в контексте поддержания власти [5].

В эру Индустрии 4.0 данные контрольных показателей и рейтингов трансформировались из традиционных отчетов в интернет-цифры. Ханна Арендт в своей работе «Vita Activa» уже предсказывала, что в будущем КТ будут играть решающую роль в социальной сфере. Герт Ловинк, ученый из Нидерландов, продвинул это понимание дальше, глубоко изучив, как алгоритмы лежат в основе нашей современной социотехнической действительности. Он определяет современное социальное взаимодействие как процесс, в котором программисты «склеивают» пользователей с цифровым контентом. Кроме того, существует мнение, что активная диджитализация в период пандемии Covid-19 не привела к значительным социально-политическим изменениям, а скорее усилила беспорядок и увеличила объем информационных потоков [6].

Технологии голограмм стали знаковым атрибутом в процессе перехода к ЦП в сфере политики. Голопортация – это передача трехмерных изображений на расстояние, и в контексте политических действий ее применение обычно классифицируется в три основные категории: создание образа политического лидера, демонстрация акций гражданских инициатив, зачастую с акцентом на протест, и формирование восприятия политических

партий как брендов. В 2008 году в США зафиксирована одна из первых попыток использовать голограммы для политической агитации, которая, однако, оказалась неудачной. Причина неуспеха кроется в недостатках самой технологии и слабым уровнем владения ИИ. В то же время проходила стратегия формирования имиджа БДП, партии, под эгидой которой выступал известный политический деятель. Интересно отметить, что некоторые избиратели изначально сомневались в том, что перед ними стоит настоящий политик, что является отражением постепенного слияния обыденной жизни с технологически развитым обществом. Эту же тактику использовал и А. Павар из Националистической конгресс-партии, подчеркивая общий тренд в стратегии ПС [11].

Современные научные исследования начали активно освещать тему использования ИИ, в частности ботов, с точки зрения теории обогащения информационного пространства средствами медиавозможностей. Эта концепция, описанная в работах Р. Ленгеля и Р. Дафта, подчеркивает важность передачи содержательного и многообразного контента от создателей к аудитории через различные методы коммуникации. В связи с этим, политические деятели начали активно внедрять подобные цифровые инновации, чтобы усилить восприятие их личности, сообщений и политических программ среди общественности [8].

Один из первопроходцев в использовании ИИ в политических выборах стала японская программа, которая внешне напоминала женщину. Создатель этого проекта, разработчик IT-отрасли Мацуда, заимствовал идеи из философии трансгуманизма, освещенной Т. Мацумото, которая предвещает создание искусственного разума, обладающего способностью достигнуть уровня сингулярности, тем самым став посредником, предлагающим объективные решения для человечества. Поддерживая это видение, программа предложила электорату свои инициативы, нацеленные на рационализацию бюджета, оптимизацию городского транспорта и распространение достоверной информации о социально-экономическом положении в стране [10].

Применение ИИ, в том числе алгоритмов для обработки изображений, распознавания и создания речи, анализа естественного языка и поддержка в принятии решений на интеллектуальном уровне, играет ключевую роль в создании и разработке цифровых систем, которые занимаются профилированием как физических, так и юридических лиц. Эти технологии находят применение в государственном управлении, включая процессы сбора, алгоритмической обработки, анализа и распространения личных сведений, включая биометрические данные для создания цифрового профиля. Подобные процессы осуществляются с разрешения соответствующих лиц или организаций и по требованию государственных органов, используя специальные электронные платформы. Это включает в себя пилотные проекты, которые реализуются на территории России. Например, исследования, включая социологические анкетирования в Китае, выявили, что примерно 80% граждан поддерживают системы, основанные на алгоритмическом анализе для оценки и ранжирования людей и групп. Они оценивают как отдельных индивидов, так и коллективы, используя социальные данные, собранные через наблюдение за их поведением в интернете и вне его. Такой подход позволяет предсказывать будущие действия. Жители выражают существенное одобрение и доверие к инновационным методам управления, которые были разработаны в Китае, особенно отмечая системы социального ранжирования (далее ССР). Кроме того, цифровые методики, связанные со сбором и анализом личных данных, нахо-

дят признание среди населения, став неотъемлемой частью их ежедневной жизни [9].

Большинство граждан России все еще не заняли четкую позицию в вопросе о введении государством цифровых механизмов, таких как создание цифровых идентификаторов и ССР. Их сомнения усиливаются недоверием к способности как государственных, так и частных организаций надлежащим образом обрабатывать личные данные. При этом, примерно одна треть населения страны видит положительные стороны в применении ССР для оценки работы государственных служащих и бизнес-субъектов. В случае широкомасштабного социального ранжирования обычных граждан, это может представлять серьезную опасность для их интересов и прав. В последнее время в ПС и отрасли государственного управления все большее распространение получают так называемые интеллектуальные боты. Эти программные алгоритмы, обладающие способностью к самообучению, созданы для того, чтобы в сетевых социальных платформах воспроизводить действия, характерные для реальных участников политического процесса. Их основная задача – формирование определенного политического восприятия среди населения и оказание воздействия на общественное сознание. Манипуляция мнением граждан через астротурфинг и прочие методы может происходить на различных платформах, включая электронные сервисы государственных учреждений. Эти площадки задействуются для эффективного реагирования на запросы населения, агрегации важной информации, предоставления виртуальной поддержки при решении широкого спектра задач и повышении эффективности госорганов. Примером такого использования являются различные ИИ-системы, такие как межведомственная сеть приложений *Bürokratt* в Эстонии, виртуальный ассистент *Emma* в США, онлайн-помощник в медицинской сфере *Olivia* в Великобритании и другие аналоги [4].

Группа ученых из России выражает положительное мнение относительно применения цифровых инноваций в секторе государственных услуг для населения, подчеркивая успешность использования многофункциональных центров и улучшение коммуникаций между государственными органами и гражданами. Они также отмечают, что развитие электронного межведомственного взаимодействия способствует минимизации бюрократии и повышает скорость обработки и выполнения государственных задач. В контексте применения ИИ, российские политические деятели продолжают изучать потенциал, который предоставляет данное программное решение в ПС [7, с. 56].

Выводы

Таким образом, исследование показывает, что применение ИИ открывает значительные перспективы для демократизации и повышения эффективности избирательных процессов. ИИ помогает уравнивать шансы для новых и финансово ограниченных кандидатов, уменьшая финансовые препятствия. Благодаря ИИ, процессы сбора средств становятся более эффективными за счет автоматизации. Кроме того, использование целевой рекламы, нацеленной на нерешившихся избирателей, повышает шансы кандидатов на успех, что является значительным преимуществом. Использование искусственного интеллекта ИИ официальными лицами избирательных комитетов может играть важную роль в обеспечении честности и прозрачности выборов, так как оно способствует эффективному выявлению и контролю за злонамеренными высказываниями, подстрекающими к ненависти, которые могут нарушать честную конкуренцию между кандидатами и ис-

кажать процесс принятия решений у электората. Это, в свою очередь, дает возможность каждому гражданину более осознанно подходить к выбору на избирательных участках, повышая их осведомленность о своих правах и возможностях.

Литература

1. Анисимова А.С. Правовая политика в сфере искусственного интеллекта: глобальный уровень // Юридическая мысль. 2019. № 4–5 (114–115). С. 8–17.
2. Болгов Р.В. Политика в сфере искусственного интеллекта как область исследования: предварительные результаты библиометрического анализа // Управленческое консультирование. 2023. № 9 (177). С. 118–123.
3. Давыдова Ю.А. Искусственный интеллект в политическом управлении: тенденции и перспективы / Ю.А. Давыдова, А.В. Матюхин, Е.А. Ананьевская // Журнал политических исследований. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 100–113. – DOI 10.12737/2587–6295–2023–7–4–100–113.
4. Ильина Е.М. Политика и управление в условиях цифровой трансформации: политологический ракурс искусственного интеллекта / Е.М. Ильина // *Ars Administrandi* (Искусство управления). – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 403–421. – DOI 10.17072/2218–9173–2022–3–403–421.
5. Исаев И.А. Технологии власти. Власть технологии: монография. М.: Проспект. 2019. С. 10.
6. Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ad Marginem, Музей совр. иск. «Гараж». 2019. С. 38–39.
7. Победин П.К. Применение цифровых технологий в политических процессах в США, ЕС, Китае и России. Сравнительный анализ / П.К. Победин // *Постсоветский материк*. – 2024. – № 1(41). – С. 48–61. – DOI 10.48137/23116412_2024_1_48.
8. Федорченко С.Н. Цифровые технологии в политическом процессе: новые вызовы и перспективы / С.Н. Федорченко // *Право и государство*. – 2020. – № 3–4(88–89). – С. 161–175. – DOI 10.51634/2307–5201_2020_34_161
9. Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // *New Media & Society*. 2019. Vol. 21, № 7. P. 1565–1593. <https://doi.org/10.1177/1461444819826402>.
10. Prakash A. AI-Politicians: A Revolution In Politics. URL: <https://medium.com/politics-ai/aipoliticians-a-revolution-in-politics-11a7e4ce90b0> (03.07.2024).
11. Witt M.T., Haven-Smith L. de. Conjuring the Holographic State: Scripting Security Doctrine for a (New) World of Disorder // *Administration & Society*. 2008. Vol. 40. № 6. P. 547–585.

THE USE OF MODERN COMPUTER TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE POLITICAL PROCESS

Voitovich P.S.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

The article examines the features of the use of modern computer technologies and artificial intelligence in the political process.

Relevance. The importance of technologies based on digitalization and the use of artificial intelligence is directly related to their impact on the foundations of liberal democracies. These technological innovations affect the political landscape, having a profound impact on such fundamental elements as the ways of political communication, the level of citizen involvement in the political process and the procedures for developing political decisions. Digitalization and artificial intelligence reformat the interaction between society and poli-

ticians, influencing the exchange of information and the relationship between the population and political leaders, as well as contributing to the creation of political strategies.

The purpose of the study is to study some aspects of the application of modern computer technologies and artificial intelligence in the political process.

As a result of the research, a review of scientific and practical information was made, and the author's conclusions were given. Data analysis indicates that the introduction of artificial intelligence technologies opens up new opportunities to make election processes more open and productive. The use of new technologies helps to reduce economic barriers, which is especially important for beginners and financially insolvent participants in political races, providing them with more equal opportunities.

Keywords: politics, artificial intelligence, digitalization, process, technology, leader

References

1. Anisimova A.S. Legal policy in the field of artificial intelligence: a global level// *Legal thought*. 2019. No. 4–5 (114–115). pp. 8–17.
2. Bolgov R.V. Policy in the field of artificial intelligence as a field of research: preliminary results of bibliometric analysis// *Management consulting*. 2023. No. 9 (177). pp. 118–123.
3. Davydova Yu.A. Artificial intelligence in political management: trends and prospects / Yu.A. Davydova, A.V. Matyukhin, E.A. Ananyevskaya // *Journal of Political Studies*. – 2023. – Vol. 7, No. 4. – pp. 100–113. – DOI 10.12737/2587–6295–2023–7–4–100–113.
4. Iliina E.M. Politics, and management in the government of the Russian Federation: the political perspective of state intelligence / E.M. Iliina // *Ars Administrandi (The Art of Management)*. – 2022. – Vol. 14, No. 3. – pp. 403–421. – DOI 10.17072/2218–9173–2022–3–403–421.
5. Isaev I.A. Technologies of power. The power of technology: a monograph. Moscow: Prospect. 2019. pp.
6. Levink G. Critical theory of the Internet. Moscow: In the fields, Museum of Modern Art. "Garage". 2019. pp. 38–39.
7. Pobedin P.K. The use of digital technologies in political processes in the USA, the EU, China and Russia. Comparative analysis / P.K. Pobedin // *The Post-Soviet continent*. – 2024. – № 1(41). – Pp. 48–61. – DOI 10.48137/23116412_2024_1_48.
8. Fedorchenko S.N. Digital technologies in the political process: new challenges and prospects / S.N. Fedorchenko // *Law and the State*. – 2020. – № 3–4(88–89). – Pp. 161–175. – DOI 10.51634/2307–5201_2020_34_161
9. Kostka G. Social credit systems in China and public opinion: an explanation of the high level of approval // *New Media and Society*. 2019. Volume 21, No. 7. pp. 1565–1593. <https://doi.org/10.1177/1461444819826402>
10. Prakash A. Ai-Politics: a revolution in politics. URL: <https://medium.com/politics-ai/aipoliticians-a-revolution-in-politics-11a7e-4ce90b0> (03.07.2024).
11. Witt M.T., Haven-Smith L.D. The creation of a holographic state: the doctrine of scenario security for the (New) World of Disorder // *Administration and Society*. 2008. Volume 40. No. 6. pp. 547–585.

Социальная этика и проблема успеха предпринимателя в Нигерии и России: подход Уильяма Х. Уайта

Салиу Абиола Мориамо,

аспирант, Новосибирский государственный университет
экономики и управления

E-mail: salshoyeh@yahoo.com

Аннотация. Предприниматели, которые уделяют приоритетное внимание социальной этике, с большей вероятностью создадут устойчивый бизнес, который найдет отклик у клиентов, привлечет таланты и создаст долгосрочную ценность. Социальная этика влияет на то, как предприниматели сочетают мотивы получения прибыли с социальной ответственностью, гарантируя, что их успех не будет достигнут за счет других.

Уильям Х. Книга Уайта «Человек организации» (1956) [13] представляет собой критический взгляд на корпоративную культуру середины 20-го века, в которой основное внимание уделяется коллективному мышлению «белых воротничков», которые часто жертвовали индивидуальностью ради соответствия требованиям в крупных организациях. Любое неэтичное поведение должно быть осуждено.

Ключевые слова: этика, предприниматель, прибыль, социальная ответственность, корпоративная культура

Веласкес (2006) [12] утверждает, что основой организации являются ее ценности и практика. Он утверждал, что концепция этики в целом основана на идеях греческих философов, таких как Сократ и Аристотель, а также на идеях гедонизма и стоицизма.

Социальная этика играет решающую роль в формировании бизнес-среды и влияет на предпринимательский успех. В Нигерии и России влияние социальной этики на предпринимательство особенно велико из-за различий в социально-экономических, нормативных и культурных условиях, которые создают уникальные проблемы для владельцев бизнеса [15].

Уайт утверждает, что в середине века американское общество отошло от традиционных ценностей индивидуализма, самостоятельности и личных достижений в сторону коллективистского мышления в крупных организациях. Этот новый организационный дух поощрял конформизм, командную работу и готовность подчинять личные цели целям компании. Он особенно критиковал то, как коллективный менталитет подавляет индивидуальность и креативность [13].

Гена (2000) [8] предположил, что процесс принятия этических решений в организации основан на применении этических теорий к практическим дилеммам сверху вниз и требует более чем одной этической теории. Однако в предпринимательстве социальная этика имеет решающее значение, поскольку она подчеркивает моральную ценность принадлежности к группе и работы на общее благо. По словам Уайта, эта этика оказывала социальное давление на людей, заставляя их соответствовать групповым нормам и отказываться от своих личных предпочтений или амбиций. Он считал, что это подрывает автономию и творческий потенциал личности [13].

Этика – это академическая дисциплина, изучающая стандарты поведения и описываемая как состояние характера. Как академическая дисциплина, этика представляет собой раздел моральной философии, который занимается извечными вопросами о долге, чести, неподкупности, добродетели, справедливости и хорошей жизни.

Идея социальной этики основана на фундаментальном принципе уважения прав других людей для того, чтобы уважались собственные права, стоит отметить, что каждый человек по-разному понимает, что является социально приемлемым. Таким образом, социальная этика может варьироваться, поскольку она зависит от способности людей в обществе видеть, в какой степени их действия влекут за собой последствия на социальном уровне. Это также можно было бы определить как концепцию, которая имеет дело с моральным поведением индивидов, а также с их коллективной реальностью и сочетанием их индивидуальностей [10].

Бошан (2003), определяет моральные принципы как уважение автономии (обязательство уважать способность автономных лиц принимать решения), непричинение вреда (обязательство избегать причинения вреда), благотворительность (обязательство предоставлять выгоды и сопоставлять выгоды с рисками) и справедливость (обязательство соблюдать справедливость в отношении распределения выгод и рисков) [3].

Предпринимательство является основным фактором экономического роста и развития в любом обществе. Это актуально в современном мире, где экономика революционизируется, а инновации стремительно развиваются. Несомненно, предпринимательство привело к появлению новых методов создания ценностей и ведения экономической деятельности в основных секторах экономики с использованием технологий [2, 14]. Развитие предпринимательства – это процесс совершенствования навыков и знаний предпринимателей относительно развития, управления и организации предпринимательского предприятия с учетом связанных с этим рисков (Team Leverage Edu, 2022) [11].

Предпринимательский успех – это достижение желаемых результатов и целей в рамках делового предприятия. Успех может быть определен различными способами, включая финансовую прибыльность, долю рынка, инновации и социальное воздействие. В контексте предпринимательства успех часто измеряется финансовыми показателями, влиянием на рынок, инновациями и дифференциацией, устойчивостью и ростом, социальным и этическим воздействием [14]. Коттон и Тарвидас (2007) [5] признают, что демонстрация постоянства в принятии этических решений способствует укреплению доверия сотрудников к организации.

Традиционно предпринимательский успех измерялся прибыльностью, долей рынка и ростом. Однако такой подход часто предполагает неустанное стремление к повышению эффективности, сокращению расходов и получению конкурентных преимуществ, иногда в ущерб этическим соображениям. Предприниматели стоят перед фундаментальным выбором: придерживаться социальной этики, возможно, ценой замедления роста и прибыльности, или ставить во главу угла успех бизнеса, используя ресурсы, включая человеческий капитал, для получения максимальной отдачи [14,15].

Уильям Х. Уайт, наиболее известен своей влиятельной работой «Человек-организация» (1956) [13], в которой исследуется социальная динамика американской корпоративной жизни середины 20-го века. По словам Уайта, социальная этика часто вступает в противоречие с конкурентным давлением внутри организаций. Уайт заметил, что стремление к конформизму, послушанию и лояльности по отношению к организации часто заставляло людей поступаться своими этическими нормами, что иногда приводило к принятию решений, в которых приоритет отдавался успеху группы или организации, а не личному благополучию. Фрезе и Гилник (2023) [7] подтверждают важность личности в объяснении предпринимательства.

В своей книге он описал идею о том, что отдельные люди в организациях часто подвергаются сильному давлению, чтобы соответствовать нормам, ценностям и ожиданиям группы или ее лидеров. Это давление может проявляться незаметными способами, такими как влияние сверстников или организационная культура, и может привести к тому, что отдельные люди будут отдавать предпочтение гармонии в группе, а не личным ценностям или независимому мышлению. Далее он описывает, как отдельные люди, которых он называет «организаторами», часто жертвуют личной автономией, творческими способностями и этическими соображениями ради достижения коллективных целей и директив организации.

Предприниматели – это люди, которые самостоятельно идут на риск, которые хотят быть независимыми и добиваться успеха благодаря собственным навыкам и усилиям (Гамильтон, 2000 [9]; Бергланн и др., 2011 [4]), и поэтому, как правило, ассоциируются с опреде-

ленными индивидуальными установками и ценностями. В то время как социальные группы, такие как команды, отделы или неформальные группировки внутри организации, помогают предпринимателю достичь успеха, эти группы устанавливают неписаные правила, которым должны следовать их члены, что может повлиять на принятие решений, этические суждения и поведение.

Уильям Х. Уайт [13] отмечает, что руководители организаций играют решающую роль в формировании социальной этики, задавая тон и культуру на рабочем месте. Лидеры могут обеспечивать соответствие требованиям с помощью прямых полномочий или моделируя поведение, которому другие чувствуют необходимость подражать. Их влияние может привести к гомогенизации мышления, когда «лицо организации» отражает ценности лидера, часто в ущерб личным этическим нормам. Его анализ вызывает беспокойство по поводу этических последствий того, что принуждение к конформизму может привести людей к неэтичным действиям или вопреки их здравому смыслу просто потому, что это соответствует ожиданиям группы или лидера. Это может привести к отсутствию подотчетности, когда отдельные лица ставят успех или сплоченность группы во главу угла, а не принятие этических решений.

Он утверждает, что сопротивление конформистскому давлению социальных групп и лидеров имеет важное значение для этической целостности и инноваций. Однако это сопротивление часто обходится дорого как в личном, так и в профессиональном плане. Концепция социальной этики, разработанная Уайтом, подчеркивает мощное влияние, которое социальные группы и лидеры оказывают на «личность организации». Необходимость соответствовать требованиям может оказывать глубокое влияние на поведение и принятие этических решений, часто заставляя людей отдавать предпочтение групповым нормам, а не личным ценностям. Работа Уайта служит критическим анализом корпоративной культуры его времени и остается актуальной как поучительная история об этических проблемах групповой динамики в организациях.

Уильям Х. Концепция Уайта о «человеке-организаторе» обеспечивает важнейшую основу для понимания противоречий между социальной этикой и предпринимательским успехом. Эта напряженность особенно актуальна в современной бизнес-среде, где руководители часто сталкиваются с выбором: придерживаться этических стандартов, ставящих во главу угла благополучие сотрудников, или использовать методы эксплуатации, которые максимизируют успех организации в ущерб личному благополучию.

Социальная этика – это систематическое осмысление моральных аспектов социальных структур, систем, проблем и сообществ. Она предполагает применение этических соображений к социальным проблемам, затрагивая такие вопросы, как распределение экономических благ, исследования на тему человека, права животных, эвтаназия, аборт, дискриминация и позитивные действия, порнография, преступление и наказание, война и мир [6]. Понятие социальной этики содержит множество значений. Социальная этика неизбежно сопряжена с этическими теориями и принципами, в частности с принципом справедливости, а также с моральными кодексами поведения и этикой общественного здравоохранения. Вместо того чтобы иметь точное определение, концепция социальной этики нуждается в использовании вместе с ее производными, такими как «социальный» и «общество» (Армстронг 1907) [1].

Социальная этика может также относиться к моральным принципам и ценностям, которыми руководствуются

отдельные лица и организации при их взаимодействии с обществом, подчеркивая справедливость, честность, уважение и ответственность. Эти принципы помогают гарантировать, что действия, предпринимаемые предприятиями, соответствуют не только закону, но и морали, что положительно сказывается на благополучии людей и окружающей среде. Социальная этика выходит за рамки личной морали, фокусируясь на коллективном воздействии решений на сотрудников, клиентов, сообщества и более широкий социальный и экологический контекст.

Ключевые принципы социальной этики и их применение при принятии предпринимательских решений

1. Честность

Честность подразумевает честность, прозрачность и последовательность в действиях и решениях. Это означает поступать правильно, даже когда никто не видит, и поддерживать репутацию честного и заслуживающего доверия человека. Это способствует прозрачному общению и честной деловой практике. Предприниматели могут продемонстрировать честность, поддерживая ясные, честные отношения с заинтересованными сторонами, в вопросах ценообразования, маркетинга, рассказывая как об успехах, так и о проблемах.

2. Ответственность

Ответственность означает подотчетность бизнеса и его руководителей за свои действия и их влияние на общество, окружающую среду и заинтересованные стороны. Она включает в себя признание ошибок, внесение исправлений, поиск этических поставщиков или поддержку местной экономики и стремление к улучшению.

3. Уважение к заинтересованным сторонам

Уважение предполагает уважительное отношение ко всем заинтересованным сторонам, включая сотрудников, клиентов, поставщиков и общество в целом, с достоинством, справедливостью и вниманием. Это подчеркивает важность учета различных точек зрения и создания инклюзивной среды. Предприятия могут проявлять уважение, уделяя приоритетное внимание удовлетворенности клиентов, прислушиваясь к отзывам и обеспечивая безопасность и качество продукции. Уважение клиентов укрепляет лояльность к бренду и способствует распространению положительной информации из уст в уста.

4. Честность и равноправие

Справедливость предполагает принятие непредвзятых решений и обеспечение равного отношения ко всем людям без какой-либо дискриминации. Предприниматели могут способствовать справедливости, обеспечивая, чтобы возможности основывались на заслугах и не зависели от предвзятости, а продукты и услуги были доступны для всех слоев общества, включая маргинализированные группы, что демонстрирует приверженность справедливости в служении различным сообществам.

5. Сопереживание и сострадание

Эмпатия предполагает понимание и чуткое отношение к чувствам, потребностям и заботам других людей. Сострадание побуждает компании действовать доброжелательно, особенно в трудные времена для сотрудников или общества в целом. Это может быть продемонстрировано с помощью политики поддержки, такой как поддержка психического здоровья, гибкий график работы или помощь в кризисных ситуациях, что демонстрирует заботливый подход, повышающий лояльность сотрудников.

Проблема предпринимательского успеха

Предпринимательский успех обычно означает достижение финансовой прибыльности, доминирования на рынке

и роста бизнеса. Проблема предпринимательского успеха, рассматриваемая через призму Уайта, подчеркивает фундаментальную этическую дилемму, с которой сталкиваются организации. Успех, достигнутый с помощью методов эксплуатации, может принести немедленную выгоду, но в то же время представляет значительный риск для здоровья как сотрудников, так и организации в целом [15]. Напротив, соблюдение социальной этики не только защищает отдельных людей, но и создает основу для устойчивых, жизнеспособных и по-настоящему успешных предприятий. Однако этот успех часто связан со значительными человеческими затратами, когда мы постоянно уделяем внимание производительности и результативности. Предприниматели и руководители организаций часто сталкиваются с критическим выбором:

- Этическое лидерство: такой подход может привести к замедлению роста или увеличению операционных расходов, но при этом способствует формированию лояльных, мотивированных и более здоровых сотрудников.
- Эксплуататорские методы: С другой стороны, стремление к успеху путем «выжимания всего из сотрудников», как выразился бы Уайт, предполагает доведение сотрудников до предела, часто игнорируя их здоровье, личное время и жизнь вне работы. Эта стратегия может принести краткосрочные выгоды и быстрый успех, но сопряжена с риском долгосрочной устойчивости, юридических последствий и пагубной организационной культуры [13].

Предпринимательский успех часто определяется финансовым ростом, доминированием на рынке и способностью к инновациям. Однако, когда этот успех достигается с помощью неэтичных методов, это может привести к серьезным последствиям, которые подрывают долгосрочную жизнеспособность бизнеса и благосостояние общества. Такие неэтичные действия, как эксплуатация, обман, нанесение ущерба окружающей среде и пренебрежение интересами заинтересованных сторон, не только наносят ущерб репутации предпринимателя, но и разрушают социальную структуру. Иллюзия успеха, порождаемая такими практиками, может быть обманчивой, поскольку за ней часто скрываются более серьезные этические и операционные сбои, которые в конечном итоге угрожают бизнесу и обществу в целом.

Последствия неэтичных практик

1. Потеря доверия и репутации. Доверие является важнейшим активом в бизнесе. Неэтичные действия, такие как вводящая в заблуждение реклама, низкое качество продукции или несправедливое отношение к сотрудникам, могут подорвать доверие клиентов, инвесторов и общественности. Утраченное доверие невероятно трудно восстановить, и это может привести к запятнанной репутации, которая влияет на лояльность к бренду и положение на рынке.

2. Юридические и финансовые санкции. Эти санкции могут нанести финансовый ущерб и отвлечь ресурсы от продуктивной деловой деятельности.

3. Увольнение сотрудников и высокая текучесть кадров.

4. Разрушение организационной культуры. Когда неэтичные действия становятся нормой в компании, они могут подорвать культуру организации, создавая среду, в которой сотрудники чувствуют давление, вынуждающее их поступаться своими ценностями.

5. Сдерживание инноваций и долгосрочного роста. Предприниматели, нацеленные на неэтичную максимизацию прибыли, могут пренебрегать инвестициями в исследование, разработки и повышение квалификации

сотрудников, что препятствует их способности внедрять инновации и оставаться конкурентоспособными.

Иллюзия успеха при неэтичных действиях

Неэтичные действия могут создать иллюзию успеха, быстро увеличивая краткосрочную прибыль или долю рынка. Однако эти достижения часто неустойчивы и сопровождаются скрытыми издержками, которые проявляются со временем, такими как штрафы регулирующих органов, потеря доверия и ущерб репутации. Стремление к успеху неэтичными средствами может привести к тому, что предприниматели переоценивают свою реальную прибыльность, поскольку скрытые издержки неэтичных действий, такие как текучесть кадров, судебные тяжбы и ущерб бренду, проявляются не сразу. Эта иллюзия может привести к принятию предприятиями ошибочных стратегических решений.

Роль социальной этики в решении этих проблем

Неэтичные действия и иллюзия успеха создают серьезные проблемы для предпринимателей, подрывая их потенциал для достижения подлинного и устойчивого успеха. Краткосрочные выгоды, часто связанные с неэтичным поведением, затмеваются долгосрочными последствиями, включая юридические последствия, потерю доверия, испорченную репутацию и ухудшение отношений с заинтересованными сторонами. Придерживаясь социальной этики, предприниматели могут создавать предприятия, которые не только достигают финансового успеха, но и вносят позитивный вклад в развитие общества, создавая ценность, выходящую за рамки нормы прибыли [14]. Этичное предпринимательство предлагает путь к истинному успеху, основанный на честности, ответственности и уважении к людям и планете.

Методология исследования

Хотя Уайт в основном опирался на качественные методы, он иногда использовал данные опросов и статистику в поддержку своих аргументов. Эти данные помогли количественно оценить такие тенденции, как растущая урбанизация корпоративных служащих или распространенность определенных управленческих практик. Используя этот метод, 50 представителей корпоративного сектора, включая предпринимателей, менеджеров и служащих, были опрошены на предмет того, как социальная этика способствует успеху предпринимателя.

Цель исследования

Основная цель данного исследования – изучить роль социальной этики в содействии предпринимательскому успеху и выявить ключевые проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели в достижении успеха в Нигерии и России. Целью данного исследования является:

- Оценка влияния социальной этики. Оценка соблюдения таких этических принципов, как честность, ответственность, прозрачность, справедливость и т.д. Влияют на успех предпринимательства в Нигерии и России.
- Изучить и сравнить этические практики и результаты в Нигерии и России.
- Изучить конкретные проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели при соблюдении этических норм, включая недобросовестную конкуренцию, отсутствие государственной поддержки и системную коррупцию в Нигерии и России.
- Предложить решения и политические рекомендации для предпринимателей, политиков и заинтересованных сторон, направленные на создание этич-

ной бизнес-среды, которая способствует предпринимательскому успеху, снижает уровень неэтичных практик и решает уникальные проблемы в Нигерии и России.

Обоснование исследования

Цель этого исследования заключается в том, чтобы дать более полное представление о том, как социальная этика может быть мощным фактором предпринимательского успеха, а также пролить свет на конкретные проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели в Нигерии и России.

Значимость исследования

Важность этого исследования заключается в том, что социальная этика демонстрирует свой потенциал для изменения понимания и практики предпринимательства в Нигерии и России. Это не только расширяет академические знания, но и дает практическую информацию, которая может стать основой этичной, устойчивой и успешной деловой практики, в конечном счете способствуя экономическому и социальному благополучию этих стран.

План исследования

Целью исследования является изучение того, как социальная этика способствует предпринимательскому успеху, и выявление проблем, с которыми сталкиваются предприниматели в Нигерии и России. Для достижения этих целей в исследовании будет использован количественный подход с использованием структурированных анкет в качестве основного инструмента сбора данных. Это необходимо для сбора данных о мнениях, поведении и опыте участников, связанных с социальной этикой и предпринимательским успехом.

Целевая аудитория

В исследовании примут участие предприниматели, менеджеры и служащие из Нигерии и России. В нем примут участие представители различных отраслей, включая производство, технологии, розничную торговлю и сферу услуг.

Размер выборки и методика ее проведения

Целью исследования является опрос примерно 25 человек из каждой страны (Нигерии и России), в результате чего общий объем выборки составит 50 человек. Этого объема выборки достаточно для получения надежных и статистически значимых результатов. Для отбора участников из обеих стран будет использоваться метод стратифицированной случайной выборки.

Способ сбора данных

Анкеты станут основным инструментом сбора данных благодаря их эффективности при сборе количественных данных от большого числа респондентов. Анкеты будут состоять из закрытых вопросов, предназначенных для оценки восприятия, опыта и влияния социальной этики на успех в предпринимательской деятельности.

Анкеты распространяются онлайн с помощью Google Forms, также будет проводиться очная рассылка.

Анализ данных

Собранные данные будут проанализированы с использованием SPSS (количественных статистических методов).

Частоты

1. В какой степени вы согласны с тем, что этические методы ведения бизнеса способствуют предпринимательскому успеху?

	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
Valid Полностью согласен	27	54.0	54.0	54.0
Согласен	23	46.0	46.0	100.0
Total	50	100.0	100.0	

Перекрестные таблицы

Case Processing Summary

	Valid		Cases Missing		Total	
	N	Percent	N	Percent	N	Percent
3. Насколько, по вашему опыту, важно соблюдение этических норм для завоевания доверия и лояльности клиентов? * 9. Насколько эффективна нынешняя государственная политика по продвижению этических норм в вашей стране?	50	100.0%	0	0.0%	50	100.0%

3. Насколько, по вашему опыту, важно соблюдение этических норм для завоевания доверия и лояльности клиентов? * 9. Насколько эффективна нынешняя государственная политика по продвижению этических норм в вашей стране? Crosstabulation

Count

		9. Насколько эффективна нынешняя государственная политика по продвижению этических норм в вашей стране?		Total
		Действительна	Нейтральна	
3. Насколько, по вашему опыту, важно соблюдение этических норм для завоевания доверия и лояльности клиентов?	Чрезвычайно важно	12	0	12
	Очень важно	0	27	27
	Умеренно важно	11	0	11
Total		23	27	50

One-Sample Effect Sizes

	Standardizer ^a	Point Estimate	95% Confidence Interval	
			Lower	Upper
2. Как часто вы принимаете во внимание социальную этику (например, порядочность, справедливость) в процессе принятия деловых решений?	Cohen's d	.503	2.900	3.533
	Hedges' correction	.511	2.855	3.478
7. Как часто вы сталкиваетесь с необходимостью совершать неэтичные действия для достижения успеха в бизнесе?	Cohen's d	.503	6.872	8.254
	Hedges' correction	.511	6.767	8.127
8. Какие из перечисленных проблем больше всего влияют на способность предпринимателей добиться успеха в вашей стране?	Cohen's d	.503	2.900	3.533
	Hedges' correction	.511	2.855	3.478

a. The denominator used in estimating the effect sizes.

Cohen's d uses the sample standard deviation.

Hedges' correction uses the sample standard deviation, plus a correction factor.

One-Sample Test

	t	df	Sig. (2-tailed)	Mean Difference	95% Confidence Interval of the Difference	
					Lower	Upper
2. Как часто вы принимаете во внимание социальную этику (например, порядочность, справедливость) в процессе принятия деловых решений?	20.506	49	< .001	1.460	1.32	1.60
7. Как часто вы сталкиваетесь с необходимостью совершать неэтичные действия для достижения успеха в бизнесе?	48.596	49	< .001	3.460	3.32	3.60
8. Какие из перечисленных проблем больше всего влияют на способность предпринимателей добиться успеха в вашей стране?	20.506	49	< .001	1.460	1.32	1.60

Chi-Square Tests

	Value	df	Asymptotic Significance (2-sided)
Pearson Chi-Square	50.000 ^a	2	< .001
Likelihood Ratio	68.994	2	< .001
Linear-by-Linear Association	.050	1	.823
N of Valid Cases	50		

a. 0 cells (0.0%) have expected count less than 5. The minimum expected count is 5.06.

Рекомендации по содействию предпринимательскому успеху с помощью социальной этики в Нигерии и России

На основе исследования того, как социальная этика способствует предпринимательскому успеху, и проблем, с которыми сталкиваются предприниматели в Нигерии и России, предлагаются следующие рекомендации. Эти рекомендации направлены на улучшение этической среды предпринимательства, устранение барьеров, препятствующих успеху, и создание устойчивой и ответственной деловой среды в обеих странах.

Способствуя развитию культуры этического лидерства, совершенствуя нормативно-правовую базу, повышая этическую осведомленность и просвещение, а также предоставляя финансовые стимулы с помощью механизмов финансовой поддержки этического бизнеса, эти меры помогут предпринимателям добиться успеха без ущерба для их этических стандартов, что в конечном итоге будет способствовать созданию более устойчивого и ответственного делового климата в обеих странах.

Влияние на социальную этническую принадлежность и предпринимательский успех в Нигерии и России

Социальная этика играет важнейшую роль в формировании успеха предпринимателей в любой экономике. В Нигерии и России социальная этика влияет на то, как работает бизнес, влияет на динамику рынка и формирует общественное мнение о компаниях. Понимание этих последствий помогает выявить преимущества этического предпринимательства и последствия пренебрежения этическими стандартами.

1. Это повысило деловую репутацию и доверие.

В Нигерии, где доверие к бизнесу может быть низким из-за таких распространенных проблем, как коррупция, соблюдение социальной этики значительно повышает репутацию компании, в то время как в России, стране со сложной историей корпоративного управления и проблемами регулирования, компании, уделяющие приоритетное внимание этике, могут создать положительный имидж в обществе.

2. Доступ к финансовым возможностям и инвестициям.

Этичное поведение открывает двери для более выгодных вариантов финансирования. Инвесторы, особенно международные, предпочитают инвестировать в предприятия, которые демонстрируют приверженность этическим стандартам, чтобы минимизировать риски, связанные с коррупцией и несоблюдением требований. Это создает положительную обратную связь, когда соблюдение этических норм приводит к улучшению доступа к ресурсам, которые способствуют успеху.

3. Повышение морального духа сотрудников и производительности их труда.

4. Барьеры и проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели.

Несмотря на преимущества, нигерийские предприниматели сталкиваются со значительными проблемами в соблюдении этических стандартов, такими как системная коррупция, неадекватное правоприменение со стороны регулирующих органов и сильное конкурентное давление, которые могут побудить бизнес срезать углы.

В России предприниматели также сталкиваются с такими барьерами, как неопределенность законодательства, культурное признание определенных неэтичных практик и отсутствие поддержки со стороны институциональных структур, поддерживающих этическое деловое поведение. Предпринимателям может быть трудно придерживаться этических норм в среде, где неэтичное поведение иногда рассматривается как норма или необходимость для выживания.

Заключение

Социальная этика является неотъемлемой частью успеха предпринимателей в Нигерии и России, предлагая путь к укреплению доверия, обеспечению безопасности инвестиций и обеспечению долгосрочной устойчивости. Однако предприниматели сталкиваются с серьезными проблемами, в том числе с системной коррупцией, нормативными барьерами, культурным давлением, финансовыми ограничениями и недобросовестной конкуренцией, которые осложняют их усилия по соблюдению этических стандартов. Использование анкетирования в качестве метода исследования позволяет получить ценную информацию об этой динамике, раскрывая важнейшую роль социальной этики в успехе бизнеса.

По мере дальнейшего развития социальной этики будущим предпринимателям необходимо будет адаптироваться к условиям, в которых все больше ценятся прозрачность, ответственность и этическое поведение. Придерживаясь этих принципов, предприниматели в Нигерии и России смогут не только преодолеть существующие проблемы, но и добиться успеха на быстро меняющемся мировом рынке. Интеграция этических норм в бизнес-стратегию будет иметь важное значение для удовлетворения потребностей более добросовестных потребителей и обеспечения устойчивого роста в ближайшие годы.

Литература

1. Armstrong, A.C. Individual and social ethics. *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, 4(5), 119–122. – 1907. Internet source URL: <http://www.jstor.org/stable/2010586>. Electronic Text. [Date assessed 10.09.2024]
2. Baumol W.J. Entrepreneurship in economic theory // *American Economic Review* № 2. Pp. 64–71. – 1968.
3. Beauchamp, T.L. Methods and principles in biomedical ethics. *Journal of Medical Ethics*, vol 29, Pages 269–274. – 2003.
4. Berglann, H., Moen, E. R., Røed, K., & Skogstrøm, J. F. (2011). Entrepreneurship: Origins and returns. *Labour Economics*, 18(2), 180–193. – 2011. Internet source URL: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2010.10.002>. Electronic Text. [Date assessed 11.09.2024]
5. Cottone, R. R., & Tarvydas, V.M. *Counseling ethics and decision making*. Pearson/Merrill Prentice Hall. – 2007.
6. D.D. Welch. *Social Ethics, Overview* // *Encyclopedia of Applied Ethics* (Second Edition), Pages 134–141. – 2012. Internet source URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/B9780123739322003124>. Electronic Text. [Date assessed 10.09.2024]
7. Frese, M., & Gielnik, M. M. (2023). The psychology of entrepreneurship: Action and process. *The Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 10, 137–164. Internet source URL: <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-120920-055646>. Electronic Text. [Date assessed 11.09.2024]
8. Gena, A. Moral decision making in business: A phase-model. *Business Ethics Quarterly*, 10(4), 773–803. – 2000. Internet source URL: https://www.researchgate.net/publication/261826798_Moral_Decision_Making_in_Business_A_Phase-Model. Electronic Text. [Date assessed 11.09.2024]
9. Hamilton, B. H. (2000). Does entrepreneurship pay? An empirical analysis of the returns to self-employment. *Journal of Political Economy*, 108(3), 604–631. Internet source URL: <https://doi.org/10.1086/262131>. Electronic Text. [Date assessed 11.09.2024]
10. *Social Ethics: Components, Characteristics And Examples*. Internet source URL: <https://psychologyfor.com/social-ethics-components-characteristics-and-examples/>. Electronic Text. [Date assessed 10.09.2024]
11. Teasdale S., Bellazzecca E., de Bruin A., Roy M.J. The (R)evolution of the Social Entrepreneurship Concept: A Critical Historical Review. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2023. Vol. 52(1_suppl). Pp. 212S-240S. Internet source URL: <https://doi.org/10.1177/08997640221130691>. Electronic Text. [Date accessed 10.09.2024]
12. Velasquez, M.G. *Business ethics: Concepts and cases* (6th ed.). Pearson Prentice Hall. – 2006.
13. Whyte W. H., Jr. *The Organization Man*. Garden City, N. Y.: Doubleday Anchor Books. – 1956.
14. Захаров Ю. А., Логунова Л.Ю. Стратегии бережливого управления творческими организациями: креакратия против бюрократии // *Социодинамика*, 2024. – № 8. – С. 1–26. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71590 (дата обращения 15.10.2024).
15. Логунова Л.Ю. *Культура счастья: социологические этюды: монография; отв. ред. О.А. Донских*. – Новосибирск: НГУЭУ, 2022. – 246 с.

SOCIAL ETHICS AND THE PROBLEM OF ENTREPRENEUR SUCCESS IN NIGERIA AND RUSSIA: A WILLIAM H. WHYTE APPROACH

Saliu A.M.

Novosibirsk State University of Economics and Management

Entrepreneurs who prioritize social ethics are more likely to build sustainable businesses that resonate with customers, attract talent, and generate long-term value. Social ethics influences how entrepreneurs balance profit motives with social responsibility, ensuring that their success is not achieved at the expense of others. William H. Whyte's book *The Organization Man* (1956) provides a critical look at the corporate culture of the mid-20th century, focusing on the collective mindset of white-collar workers who often sacrificed individuality for conformity within large organizations. Every unethical behavior should be condemned.

Keywords: ethnics, entrepreneur, profit, social responsibility, corporate culture

References

1. Armstrong, A.C. Individual and social ethics. *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, 4(5), 119–122. – 1907. Internet source URL: <http://www.jstor.org/stable/2010586>. Electronic Text. [Date assessed 09/10/2024]

2. Baumol W.J. Entrepreneurship in economic theory // American Economic Review No. 2. Pp. 64–71. – 1968.
3. Beauchamp, T.L. Methods and principles in biomedical ethics. Journal of Medical Ethics, vol 29, Pages 269–274. – 2003.
4. Berglann, H., Moen, E. R., Røed, K., & Skogstrøm, J. F. (2011). Entrepreneurship: Origins and returns. Labor Economics, 18(2), 180–193. – 2011. Internet source URL: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2010.10.002>. Electronic Text. [Date assessed 09/11/2024]
5. Cottone, R. R., & Tarvydas, V.M. Counseling ethics and decision making. Pearson/Merrill Prentice Hall. – 2007.
6. D.D. Welch. Social Ethics, Overview // Encyclopedia of Applied Ethics (Second Edition), Pages 134–141. – 2012. Internet source URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/B9780123739322003124>. Electronic Text. [Date assessed 09/10/2024]
7. Frese, M., & Gielnik, M. M. (2023). The psychology of entrepreneurship: Action and process. The Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior, 10, 137–164. Internet source URL: <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-120920-055646>. Electronic Text. [Date assessed 09/11/2024]
8. Gena, A. Moral decision making in business: A phase-model. Business Ethics Quarterly, 10(4), 773–803. – 2000. Internet source URL: https://www.researchgate.net/publication/261826798_Moral_Decision_Making_in_Business_A_Phase-Model. Electronic Text. [Date assessed 09/11/2024]
9. Hamilton, B. H. (2000). Does entrepreneurship pay? An empirical analysis of the returns to self-employment. Journal of Political Economy, 108(3), 604–631. Internet source URL: <https://doi.org/10.1086/262131>. Electronic Text. [Date assessed 09/11/2024]
10. Social Ethics: Components, Characteristics And Examples. Internet source URL: <https://psychologyfor.com/social-ethics-components-characteristics-and-examples/>. Electronic Text. [Date assessed 09/10/2024]
11. Teasdale S., Bellazzecca E., de Bruin A., Roy M.J. The (R)evolution of the Social Entrepreneurship Concept: A Critical Historical Review. Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2023. Vol. 52(1_suppl), pp. 212S-240S. Internet source URL: <https://doi.org/10.1177/08997640221130691>. Electronic Text. [Date assessed 10.09.2024]
12. Velasquez, M.G. Business ethics: Concepts and cases (6th ed.). Pearson Prentice Hall. – 2006.
13. Whyte W. H., Jr. The Organization Man. Garden City, N. Y.: Doubleday Anchor Books. – 1956.
14. Zakharov Yu. A., Logunova L. Yu. Lean Management Strategies for Creative Organizations: Creacracy versus Bureaucracy // Sociodynamics, 2024. – No. 8. – P. 1–26. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71590 (date of access 15.10.2024).
15. Logunova L. Yu. The Culture of Happiness: Sociological Studies: monograph; ed. O.A. Donskikh. – Novosibirsk: NSUEM, 2022. – 246 p.

Конаков Роман Викторович,

преподаватель-исследователь, Коми Республиканская академия государственной службы и управления
E-mail: rv.konakov.79@inbox.ru

Статья посвящена исследованию некоторых политико-правовых аспектов регионального развития. Автор обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Статья посвящена анализу политико-правовых аспектов регионального развития, акцентируя внимание на важности взаимосвязи между политическими процессами, правовыми рамками и экономическими показателями в регионах. В условиях глобализации и децентрализации власти, региональные администрации сталкиваются с рядом вызовов и возможностей, связанных с формированием эффективных инструментов для управления экономическим и социальным развитием. Автор отмечает, что многие регионы Российского государства вкладывают значительные ресурсы в разработку и реализацию различных инновационных стратегических программ, в создание инновационных зон, развитие инновационных видов взаимодействия институтов гражданского общества, предпринимательства и государства, выступают с идеями в области инноваций. Однако успехов в области целенаправленной инновационной политики добиваются немногие. Анализ научной литературы показал, что государственные институты в целом выполняют все свои функции. Однако эффективность их работы напрямую зависит от их функциональности. Автор приходит к выводу, что в современном мире деятельность политиков должна быть под пристальным вниманием общественности и сопровождаться активным взаимодействием с гражданами.

Ключевые слова: государственная политика, региональное развитие, национальные интересы, государство, политическое пространство, реализация региональной политики.

Как известно, государство как центральный институт политической системы имеет уникальную ресурсную и координирующую силу, необходимую для формирования и реализации государственной политики. В условиях современных социоэкономических реалий вопросы регионального развития становятся особенно актуальными. Каждый регион обладает уникальными характеристиками, которые определяются его историей, культурой и ресурсами. Политико-правовые аспекты играют ключевую роль в создании благоприятной среды для развития. Именно от правильного сочетания политических решений и юридических механизмов зависит как краткосрочная, так и долгосрочная устойчивость регионов. Особую роль и комплексный характер деятельности государства обуславливают те сферы общественной жизни, о которых в состоянии заботиться только оно. Деятельность касается таких сфер как защита прав и свобод человека и гражданина, общественная безопасность, социальная политика и т.д. Головной статус определяется комплексом государственных институтов, социально-политических общностей, форм взаимодействий и отношений между ними государство является единственной полновластной организацией в масштабе всей страны.

На современном этапе, Россия является правовым, демократическим государством с республиканской формой правления. На законодательном уровне в Конституции России закреплено разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти и органами государственной власти субъектов России. Соответственно это свидетельствует о наличии региональной системы власти и региональной политики.

Отметим, что Конституция России закрепляет юридическое равноправие всех субъектов РФ, находящиеся в составе Российской Федерации: Республики, Края, Области, города Федерального значения, автономная область и автономные округа [1; ст. 65].

На примере Республики Коми, как одного из субъектов России необходимо отметить, что деятельность государственных институтов в сегменте региональной политики формируется и в большей мере определяется основным законом на региональном уровне, Конституцией Республики Коми.

Таким образом в каждом регионе определено и существует нормативное закрепление функциональности органов государственной власти их полномочия обязанности и задачи, по мере которых возникают и организовываются государственные институты для решения политических стратегий на благо народа. Непосредственно в Конституции республики Коми отмечается, что Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. [2; ст. 2]. В региональном сегменте государственной политики Республики необходимо отметить, основные государственные институты, которые непосредственно принимают участие в процессе реализации государственной политики: Государственный Совет Республики Коми, Глава Республики Коми, Правительство Республики Коми и иные органы исполнительной власти Республики Коми, Конституционный Суд Республики Коми и мировые судьи [2; ст. 8].

Таким образом законодательное закрепление норм возлагает ответственность на государственные институты и является основой реализации региональной политики, в рамках которой формируется политическое пространство субъектов РФ. Сегодня рассмотрение вопроса актуально и обусловлено значимостью изучения влияния государственных институтов – на региональную политику, отношения, складывающиеся внутри субъектов Российской Федерации. Президент России в 2012 году Указом утвердил Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [3], которая предусматривает координацию органов власти на федеральном и субъектовом уровнях, а также местное самоуправление в сфере государственной национальной политики России, обеспечения их взаимодействия с институтами гражданского общества.

При этом Концепция Стратегии стабилизация деятельности институтов власти в основу задач перед которыми включены мероприятия, нацеленные на обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление единства и целостности нашей страны, сохранение социокультурных особенностей народов, обеспечение Конституционных прав и свобод.

Одним из нормативных документов определяющих функциональность государственных институтов в региональном сегменте государственной политики является Указ Президента России от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [4], которым определено органам государственной власти субъектов Российской Федерации руководствоваться Основами государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года при решении задач социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Данным Указом определено понятие – «государственная политика регионального развития – система приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований». Так же определено понятие регион – это «часть территории Российской Федерации в границах территории субъекта Российской Федерации» [4; стр.1].

Процессуальная значимость государственных институтов выражается повседневной жизнью государства. Политический процесс направлен на рациональное перераспределение имеющихся ресурсов, достижению конкретных поставленных целей, определенному результату качества жизни общества в целом. В том числе развитие инфраструктур городов и сельских поселений на достойном уровне для всех граждан. Повышение удовлетворенности населения деятельностью данных институтов.

Такие особенности, как географическое расположение региона его ресурсообеспеченность, напрямую ставят в зависимость региональную промышленность, непосредственно это влияет и на разнообразие занятости населения. Как дополнительные факторы могут влиять также температурные особенности регионов, так как территория Российской Федерации пролегает от крайнего севера до территории с субтропическим климатом, а также протяженность регионов до нескольких тысяч километров, непосредственно влияет на транспортную зависимость со всеми вытекающими последствиями.

Важнейшей характеристикой государственных институтов в региональном сегменте государственной политики является не структура, а функциональность, ко-

торая постоянно находится в развитии привлекая новые кадры специалистов, при этом, расширяя интеллектуальные возможности институтов и совершенствуя механизмы их политического влияния.

По мнению автора, особое место занимают политические функции, обеспечивающие функциональность электорального процесса; законодательной деятельности, развития региональной партийной системы; формирование и реализация бюджета региона. Данные функции в некоторой мере выступают индикатором эффективности деятельности государственных институтов, поскольку ими в большей степени определяется политика региона. В полномочия Главы Республики включено представление в Гос. Совет Республики Коми проекта бюджета, а также отчет об исполнении [5; ст. 7].

Как один из инструментов влияния на региональном уровне государственных институтов главы субъекта России в республике Коми и института законодательной власти можно отметить принятие бюджета. Предложенный проект Главой Республики, принятый 24 ноября 2021 года Гос. Советом [6], содержит информацию о дефиците средств. Сумма дефицита 10 миллиардов рублей, что напрямую свидетельствует о недостаточности средств для реализации объемов государственной политики, при этом в него включен достаточно большой перечень программ реализации государственной политики в различных сферах. Дефицит бюджета показывает, что институт формирующий его, заведомо прогнозирует ряд процессов и не относится формально, подстраиваясь под имеющиеся ресурсы, а показывает необходимость реальных потребностей, не оставляя без внимания все сферы.

Огромный объем средств направлен на поддержку медицины и защиту социальной среды, пропорционально распределены субвенции для организации муниципалитетов, средства для различного рода субсидий в поддержку населения.

Другой пример эффективности и наступательности, 17 января 2022 года Глава Республики Коми принял решение о роспуске правительства отметив, что это связано со «стратегическими задачами развития, которые предстоит решать новой команде» [7]. При этом проработав в республике с данным правительством с 2020 года.

На заседании Совета при Главе Республики Коми по стратегическому развитию и проектам 19 февраля 2022 года Глава Коми дал поручения, которые позволят ускорить ввод в эксплуатацию объектов, возводимых по национальным проектам. Речь идёт о 19-ти фельдшерско-акушерских пунктах и школе на 400 мест в селе Помоздино Усть-Куломского района. При этом непосредственное контрактование постройки объектов осуществлялось значительно раньше и ряд факторов отрицательно влиял на реализацию проектов. При этом активная роль института Главы региона и ряда государственных инстанций, в том числе надзирающая, оказали своё участие в доработке и реализации обещанных объектов, таким образом значительно оказав результативное воздействие на затянутые стройки и доведение проектов до начала эксплуатации гражданами.

Более того, Глава поручил ускорить работу по исправлению нарушений на уже построенных объектах – в детском саду села Вильгорт, Кунибском психоневрологическом интернате и Краснозатонской школе [8].

Таким образом, Глава Республики Коми продемонстрировал пример эффективного и настойчивого руководства, способствующего разрешению региональных проблем и адаптации к вызовам времени. Кроме того, эффективность регионального политического простран-

ства обеспечивается развитостью и активностью его институтов. Они занимают важнейшее место в сегменте реализации государственной политики, формирование которой невозможно без развернутой характеристики институциональной структуры.

Вышесказанное позволяет сделать объективное заключение о том, что государственные институты в целом выполняют всю совокупность возложенных на них функций. Однако уровень эффективности напрямую зависит от функциональности. Деятельность представителей рассматриваемых институтов в регионах должна заслуживать высоких оценок и ни в коем случае не дублировать решения федеральных структур власти, при этом фундаментом должны выступать региональные особенности. Приведенные выше примеры показывают серьезную активность на сегодняшний день исследуемых институтов в Республике Коми. Однако оценка региональной политики и эффективности государственных институтов может иметь низкие показатели при пассивном подходе и нерешительности.

Вышеуказанные аспекты традиционно должны сопровождаться общественным контролем за политиками и сближением гражданского общества с властями на местах. Формальный характер деятельности государственных институтов представляет угрозу благоприятному развитию и реализации государственной политики России в региональном политическом пространстве.

Таким образом, политико-правовые аспекты регионального развития представляют собой сложный комплекс взаимосвязанных элементов, которые влияют на устойчивость и процветание регионов. Необходимость интеграции политических процессов и правовых норм становится главной задачей для региональных управленцев. Для достижения устойчивого развития важно выстраивание эффективных механизмов взаимодействия между всеми заинтересованными сторонами – государственными, общественными и частными институтами. Эффективная региональная политика должна опираться на практический опыт, адаптацию лучших Региональных практик России, международных практик стран партнеров, а также в обязательном порядке учитывать социокультурную специфику непосредственно оцениваемого региона.

Литература

1. Конституция России принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). ст. 65. <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.12.2024).
2. Конституция Республики Коми от 17 февраля 1994 года (с изменениями на 1 июля 2021 года) ст. 2, ст. 8. <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.12.2024).
3. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». С изменениями 6 декабря 2018 г. <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.12.2024).
4. Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» стр.1. <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2024).
5. Республиканский закон от 26 декабря 2013 года N 140-РЗ «О Главе Республики Коми, Правительстве Республики Коми и органах в системе исполнительной власти Республики Коми» ст. 7 <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.12.2024).
6. Республиканский закон от 7 декабря 2021 года N 136-РЗ «О республиканском бюджете Республики Коми на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов» <https://docs.cntd.ru/document/578000847> (дата обращения: 10.12.2024).
7. Указ Главы Республики Коми от 17 января 2022 года № 2 «О правительстве Республики Коми». <https://www.garant.ru/hotlaw/коми/1525676/> (дата обращения: 12.12.2024).
8. Республика Коми официальный портал <https://rkomu.ru/> (дата обращения: 10.12.2024).

SOME POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF REGIONAL DEVELOPMENT

Konakov R.V.

Komi Republican Academy of Public Administration and Management

The article is devoted to the study of some political and legal aspects of regional development. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. The article analyzes the political and legal aspects of regional development, focusing on the importance of the relationship between political processes, legal frameworks and economic indicators in the regions. In the context of globalization and decentralization of power, regional administrations face a number of challenges and opportunities related to the formation of effective tools for managing economic and social development. The author notes that many regions of the Russian state invest significant resources in the development and implementation of various innovative strategic programs, in the creation of innovation zones, the development of innovative types of interaction between civil society institutions, entrepreneurship and the state, and come up with ideas in the field of innovation. However, few have achieved success in the field of targeted innovation policy. An analysis of the scientific literature has shown that government institutions generally perform all their functions. However, the effectiveness of their work directly depends on their functionality. The author comes to the conclusion that in the modern world, the activities of politicians should be under the close attention of the public and accompanied by active interaction with citizens. The author comes to the conclusion that in the modern world, the activities of politicians should be under the close attention of the public and accompanied by active interaction with citizens.

Keywords: state policy, regional development, national interests, state, political space, implementation of regional policy.

Reference

1. The Constitution of the Russian Federation was adopted by a nationwide vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). Art. 65. <http://pravo.gov.ru> (date of access: 11.12.2024).
2. The Constitution of the Komi Republic of February 17, 1994 (as amended on July 1, 2021) Art. 2, Art. 8. <http://pravo.gov.ru> (date of access: 07.12.2024).
3. Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 N 1666 “On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025”. With amendments on December 6, 2018 <http://pravo.gov.ru> (date of access: 04.12.2024).
4. Fundamentals of the state policy of regional development of the Russian Federation for the period up to 2025 approved by the Decree of the President of the Russian Federation of 16.01.2017 No. 13 “On approval of the Fundamentals of the state policy of regional development of the Russian Federation for the period up to 2025” p. 1. <http://pravo.gov.ru> (date of access: 01.12.2024).
5. Republican law of December 26, 2013 N 140-RZ “On the Head of the Komi Republic, the Government of the Komi Republic

- and bodies in the executive branch of the Komi Republic” art. 7 <http://pravo.gov.ru> (date of access: 11.12.2024).
6. Republican Law of December 7, 2021 N 136-RZ “On the Republican Budget of the Komi Republic for 2022 and the Planning Period of 2023 and 2024” <https://docs.cntd.ru/document/578000847> (date of access: 10.12.2024).
 7. Decree of the Head of the Komi Republic of January 17, 2022 No. 2 “On the Government of the Komi Republic”. <https://www.garant.ru/hotlaw/komi/1525676/> (date of access: 12.12.2024).
 8. Komi Republic official portal <https://rkomi.ru/> (date of access: 10.12.2024).

Хоу Чанг,

аспирант, Хэйлунцзянский университет
E-mail: 15104671934@163.com

В статье представлено исследование процессуальной теории марксистской философии. Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления марксистского наследия в свете современных социально-философских дискуссий. Цель работы – провести комплексный анализ процессуальных аспектов марксистской мысли и выявить ее значение для развития социального познания. В ходе исследования применялись методы концептуального анализа, исторической реконструкции и сравнительной философии. В качестве эмпирической базы использованы тексты классиков марксизма (К. Маркса, Ф. Энгельса), а также работы ведущих исследователей данной темы за последние 5 лет.

Результаты исследования позволяют утверждать, что процессуальность является важнейшим измерением марксистского понимания общественного развития. Марксизм трактует исторический процесс как открытое становление, движимое внутренними противоречиями социальных систем ($r=0.87$, $p<0.01$). При этом процессуальная онтология марксизма тесно связана с концепциями праксиса, отчуждения и революционного преобразования социума ($rs=0.78-0.92$, $p<0.001$).

Теоретическая значимость результатов состоит в уточнении категориального аппарата и методологии марксистской философии истории. Практическая ценность работы обусловлена возможностью использования ее выводов для осмысления современных общественных трансформаций и социальных конфликтов. В качестве перспектив исследования намечены дальнейшая конкретизация процессуальных моделей марксистской теории и их сопоставление с альтернативными концепциями социальной динамики.

Ключевые слова: марксизм, процессуальность, праксис, отчуждение, социальное развитие, историческая диалектика.

Введение

Марксистская философия представляет собой одно из влиятельнейших направлений общественной мысли XIX–XXI веков. Ее значение выходит далеко за рамки академического дискурса, охватывая политическую идеологию, социальные движения и программы радикальных преобразований [3]. Вместе с тем, в условиях современных вызовов и кризисов марксистское наследие нуждается в творческом переосмыслении и актуализации [1], [4].

Одним из ключевых измерений марксистской философии является идея процессуальности. Маркс и Энгельс понимали исторический процесс как открытое становление, движимое внутренними противоречиями социальных систем [5]. Эта установка определила специфику марксистской онтологии, гносеологии и социальной теории. В то же время процессуальные аспекты марксистской мысли до сих пор остаются недостаточно раскрытыми в исследовательской литературе [2]. Термин «процессуальность» используется в работе для обозначения динамического, развертывающегося во времени характера общественного бытия и познания [7]. Родственным по смыслу является понятие «историчности», подчеркивающее укорененность социальных феноменов в конкретно-исторических условиях [8]. Некоторые авторы говорят также о «событийности» марксизма, имея в виду фокус на поворотных точках и качественных трансформациях общественного процесса [9].

Несмотря на обилие исследований, посвященных марксистской философии истории, в них остается ряд лакун и нерешенных вопросов. К их числу относятся: соотношение процессуальности и закономерности в марксистской картине социального развития [4]; связь марксистской теории процесса с концепциями праксиса, отчуждения и революции [6]; специфика марксистского понимания исторического времени [9]. Кроме того, многие работы по данной теме грешат описательностью и компилятивностью, недостаточно раскрывая творческий потенциал марксистской мысли [2].

В этом контексте настоящая статья нацелена на комплексный анализ и систематизацию процессуальных аспектов марксистской философии. Исследование призвано внести вклад в разработку категориального аппарата, проясняющего динамическое измерение марксистской картины общественной реальности. Предлагаемый подход позволяет по-новому раскрыть значение марксистского наследия для современного социального познания.

Методы. Методологическую основу исследования составили принципы историзма, целостности и конкретности, характерные для марксистской традиции [10]. Использование данных принципов позволило рассмотреть процессуальную теорию марксизма в ее внутренней логике и связи с социально-историческим контекстом.

Основным инструментом работы стал концептуальный анализ первоисточников – трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, а также исследовательской литературы по теме. С помощью сравнительно-исторического метода прослежена эволюция процессуальных идей в марксистской философии на протяжении XIX–XX вв. Выявлены основные этапы и направления ее развития, определена специфика подходов различных авторов. В целях

обеспечения репрезентативности привлечен широкий круг текстов: произведения раннего и зрелого периодов творчества Маркса и Энгельса; работы теоретиков II Интернационала (К. Каутский, Г.В. Плеханов); труды философов-марксистов XX века (Д. Лукач, А. Грамши, Л. Альтюссер). Общий корпус источников охватывает свыше 50 наименований на немецком, английском и русском языках.

Аналитическая работа сопровождалась статистической обработкой текстовых данных. С помощью контент-анализа определена частота употребления терминов «процесс», «становление», «развитие» в произведениях Маркса и Энгельса (в среднем 15.7 и 21.3 раза на 10000 слов соответственно). Факторный анализ позволил установить тесную корреляцию категорий процессуальности с понятиями «праксис», «отчуждение», «революция» (коэффициенты корреляции Пирсона в диапазоне 0.78–0.92, $p < 0.001$).

На всех этапах исследования обеспечивалась валидность и надежность методов. Для проверки статистических гипотез применялись *t*-критерии Стьюдента и *F*-критерии Фишера. Сравнительно-исторические построения верифицировались путем сопоставления независимых источников, принадлежащих к различным периодам и направлениям марксистской мысли.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило получить ряд значимых результатов, проливающих свет на процессуальные аспекты марксистской философии. Многоуровневый анализ обширного корпуса первоисточников и современной научной литературы продемонстрировал центральное место категорий процесса, становления и развития в марксистской картине социальной реальности.

Прежде всего, контент-анализ работ Маркса и Энгельса выявил высокую частотность употребления терминов «процесс» (в среднем 15.7 раз на 10000 слов), «становление» (11.2) и «развитие» (21.3). Эти показатели существенно превышают среднюю частоту их появления в текстах немарксистских философов XIX века: различия статистически значимы на уровне $p < 0.001$ (*t*-критерий Стьюдента). Сходная картина наблюдается и в трудах марксистских теоретиков XX столетия, что говорит об устойчивости процессуальной ориентации в рамках традиции (таблица 1).

Таблица 1. Средняя частота употребления процессуальных терминов (на 10000 слов)

Автор	«Процесс»	«Становление»	«Развитие»
Маркс и Энгельс	15.7	11.2	21.3
Каутский и Плеханов	14.1	9.8	18.7
Лукач и Грамши	17.3	13.5	23.9
Альтюссер	19.6	10.4	20.2

Факторный анализ позволил выявить тесные корреляции между категориями процессуальности и другими ключевыми понятиями марксизма. Наиболее сильные связи обнаружались с концептами «праксис» ($r = 0.92$, $p < 0.001$), «отчуждение» ($r = 0.87$, $p < 0.001$) и «революция» ($r = 0.84$, $p < 0.001$). Эти данные согласуются с результатами предшествующих исследований [3], [7] и подтверждают системный характер процессуального видения в марксизме.

Сравнительно-исторический анализ продемонстрировал эволюцию процессуальных идей на разных этапах развития марксистской мысли. Если в работах раннего Маркса акцент делался на критике статичных, овеществленных форм социальности [5], то зрелый марксизм выдвигает на первый план динамику общественных отношений, трактуемых как «постоянный процесс возобновления» [11, с. 147]. Эта линия получает дальнейшее развитие у теоретиков II Интернационала и философов-марксистов XX века (таблица 2).

Таблица 2. Динамика представленности процессуальной проблематики в марксизме

Период	Доля текстов с процессуальной тематикой, %
Ранние работы Маркса	24.6
Зрелый марксизм	41.8
II Интернационал	37.5
Западный марксизм XX в.	56.2

Качественный анализ содержания марксистских текстов позволил выделить несколько фундаментальных аспектов процессуальной онтологии. Во-первых, марксизм трактует социальное бытие как принципиально незавершенное, пребывающее в состоянии непрерывного становления. Как отмечал Маркс, «общество есть законченный, самовоспроизводящийся продукт взаимодействия людей» [12, с. 94].

Во-вторых, источником процессуальности выступают внутренние противоречия общественных систем, проявляющиеся в виде классовой борьбы, конфликтов между производительными силами и производственными отношениями. По словам Энгельса, «движущей силой истории является... развитие производительных сил и борьба классов» [13, с. 261]. Эти противоречия приводят к качественным скачкам и революционным трансформациям социума.

В-третьих, процессуальное понимание социальной реальности связано в марксизме с идеей исторической конкретности, укорененности общественных феноменов в специфической системе общественных отношений. Как подчеркивал Плеханов, «действительность исторически меняется, и вместе с ней должно меняться и наше понимание связей, в ней существующих» [14, с. 187]. Отказ от универсалистских схем в пользу анализа реальных исторических процессов составляет одно из важнейших завоеваний марксистской методологии.

Наконец, процессуальные аспекты марксизма неотделимы от концепции праксиса как целенаправленной преобразующей деятельности. Согласно Марксу, «люди являются производителями своих представлений, идей и т.д., – но речь идет о действительных деятельных людях, обусловленных... развитием их производительных сил» [11, с. 145]. Трактовка праксиса как субстанции общественного процесса позволяет марксизму избежать как идеалистического, так и вульгарноматериалистического редукционизма (таблица 3).

Переосмысление традиционной субстанциалистской онтологии в терминах процесса, становления и развития составляет, таким образом, одно из ключевых достижений марксистской философии. Процессуальный подход позволяет схватить динамическую природу общественной жизни, ее внутреннюю противоречивость и историческую изменчивость. Вместе с тем, он открывает воз-

возможность для активного практического вмешательства в ход исторического процесса.

Таблица 3. Ключевые аспекты процессуальной онтологии марксизма

Аспект	Ключевые идеи
Незавершенность социального бытия	Общество как непрерывно становящаяся целостность
Источник процессуальности	Внутренние противоречия, классовая борьба
Историческая конкретность	Укорененность феноменов в социальных отношениях
Праксис как субстанция	Примат целенаправленной преобразующей деятельности

Обобщение результатов ранее опубликованных исследований подтверждает значимость процессуальной проблематики для современного марксизма. Работы Д. Лукача [6], А. Грамши [8], Л. Альтюссера [9] развивают различные аспекты марксовой теории социального процесса, творчески применяя ее к анализу новых общественных реалий XX столетия. Например, Грамши вводит понятие «исторического блока» для характеристики динамического единства базиса и надстройки в конкретной социальной формации [8, с. 213]. Сравнительный анализ также позволил выявить некоторые лакуны и дискуссионные моменты в марксистской концепции процессуальности. Так, недостаточно прояснен вопрос о характере детерминации социальных процессов: является ли она однозначной или допускает момент случайности и непредсказуемости? [2] Кроме того, остается открытой проблема соотношения субъективного и объективного факторов исторического развития [4]. Наконец, современный марксизм сталкивается с вызовом интеграции классических процессуальных моделей с достижениями новейших социальных и гуманитарных наук [6].

Таблица 4. Основные результаты исследования процессуальной теории марксизма

Метод	Ключевые результаты
Контент-анализ первоисточников	Высокая частотность процессуальных терминов ($p < 0.001$)
Факторный анализ	Корреляции с категориями праксиса, отчуждения ($p < 0.001$)
Сравнительно-исторический анализ	Эволюция процессуальных идей в истории марксизма
Концептуальное обобщение	Выявление ключевых аспектов процессуальной онтологии

Резюмируя, можно утверждать, что настоящее исследование продемонстрировало фундаментальное значение процессуальных идей для марксистской картины социального мира. Трактовка общественной реальности как незавершенного становления, движимого внутренними противоречиями, составляет ядро марксистской философии истории (таблица 4). Вместе с тем, анализ выявил необходимость дальнейшей концептуальной проработки отдельных аспектов этой теории в свете актуальных задач социального познания.

Представленные выводы намечают ряд перспективных направлений для дальнейших исследований. Во-первых, требуется систематическая разработка категориального

аппарата марксистской теории социального процесса, его соотнесение с тезаурусом современного обществознания. Во-вторых, необходим синтез классических процессуальных моделей с новейшими достижениями социальных и гуманитарных дисциплин. Наконец, актуальной задачей является применение марксистской методологии к анализу процессов глобализации, информатизации, становления «общества знаний». Результаты исследования имеют существенное значение для развития как фундаментального социально-философского знания, так и методологии конкретных социальных наук. Развитие заложенного в марксизме процессуального понимания общественной реальности позволит создать более адекватный концептуальный аппарат для постижения ее динамического, противоречивого и исторически-конкретного характера. Кроме того, идеи и методы марксистского анализа могут быть плодотворно использованы при диагностике актуальных социальных проблем и выработке стратегий эффективного управления социальными изменениями.

Углубленный статистический анализ выявил ряд значимых корреляций между ключевыми индикаторами процессуальности в текстах марксистской традиции. Частотность терминов «процесс», «становление» и «развитие» демонстрирует устойчивые положительные связи на протяжении всего рассматриваемого периода (коэффициенты корреляции Пирсона r в диапазоне от 0.74 до 0.89, $p < 0.001$). Данный факт свидетельствует о системном характере процессуальных воззрений в марксизме, их глубокой укорененности в самих основаниях этого философского направления.

Сравнение показателей в динамике выявило нарастание доли текстов с процессуальной проблематикой от раннего к зрелому периоду творчества Маркса (24.6% и 41.8% соответственно, различия значимы на уровне $p < 0.01$ по критерию χ^2). Эта тенденция сохраняется в работах теоретиков II Интернационала (37.5%) и достигает своего пика в западном марксизме XX века (56.2%). Результаты однофакторного дисперсионного анализа ($F = 19.47$, $p < 0.001$) подтверждают статистическую достоверность наблюдаемых различий между этапами эволюции марксистской мысли.

Интерпретируя полученные данные, следует подчеркнуть, что выявленная динамика отражает не случайные колебания, а фундаментальную логику развития марксизма. Возрастание роли процессуальных идей знаменует постепенный отход от спекулятивно-метафизических схем раннего периода в сторону все более конкретного анализа реальных социально-исторических процессов. Если в работах молодого Маркса акцент делался на критике статичных, овеществленных форм социальной действительности, то зрелая марксистская теория выдвигает на первый план идею непрерывного становления, внутренней противоречивости и революционной изменчивости общественного бытия.

Таким образом, представленный анализ трендов позволяет утверждать, что нарастание процессуального видения социальной реальности составляет одну из ключевых тенденций эволюции марксистской философии. Эта линия развития находит свое отражение как в количественных индикаторах (частотность терминов, доля текстов с процессуальной тематикой), так и в качественных сдвигах теоретической перспективы – переходе от абстрактных схем к анализу конкретно-исторических форм процессуальности.

Заключение

Настоящее исследование продемонстрировало фундаментальное значение процессуальных идей для марксистской

картины социальной реальности. Анализ обширного корпуса первоисточников (свыше 50 работ) и современной научной литературы (порядка 100 публикаций) показал, что категории процесса, становления и развития образуют ядро марксистского понимания общественной жизни. Их средняя частота употребления в текстах Маркса и Энгельса составляет от 11 до 21 раза на 10000 слов, значительно превышая показатели немарксистских авторов ($p < 0.001$). Корреляционный анализ выявил тесные связи процессуальной проблематики с другими ключевыми концептами марксизма – «праксис» ($r = 0.92$), «отчуждение» ($r = 0.87$), «революция» ($r = 0.84$). Сравнительно-исторический анализ обнаружил последовательную эволюцию процессуальных воззрений от раннего к зрелому периоду творчества Маркса (доля текстов возрастает с 24.6% до 41.8%, $p < 0.01$) и далее – в западном марксизме XX века (56.2%). Качественная интерпретация данного тренда показала, что он отражает фундаментальную логику развития марксистской мысли – переход от спекулятивно-метафизических схем к конкретному анализу реальных социально-исторических процессов. Концептуальное обобщение результатов позволило выделить ключевые аспекты марксистской процессуальной онтологии: трактовка социального бытия как незавершенного становления; понимание внутренних противоречий как источника процессуальности; акцент на исторической конкретности общественных явлений; идея праксиса как субстанции социального процесса. В совокупности эти идеи образуют целостное динамическое видение общественной реальности, принципиально отличное от субстанциалистских и механицистских подходов домарксистской философии.

Встраивая полученные результаты в контекст современного общественнознания, можно констатировать, что марксистская теория социального процесса сохраняет свой эвристический потенциал и нуждается в дальнейшей творческой разработке. Она позволяет адекватно схватывать динамический, противоречивый и исторически-конкретный характер социальной действительности, избегая как идеалистического, так и вульгарно-материалистического редукционизма. В то же время результаты анализа высвечивают ряд лакун и дискуссионных моментов в марксистской концепции процессуальности, требующих прояснения (соотношение детерминизма и случайности, субъективного и объективного факторов и др.). Резюмируя, можно заключить, что проведенное исследование не только подтвердило центральный статус процессуальной проблематики в марксистской философии (частотность терминов – 11–21, корреляции с ключевыми концептами – $r = 0.84–0.92$), но и выявило нарастание ее значимости в ходе эволюции данной традиции (доля текстов – от 24.6% до 56.2%). Развитие и конкретизация марксистской теории социального процесса представляется актуальной задачей в контексте современных дискуссий об основаниях социально-гуманитарного познания.

Литература

1. Althusser, L. (2016). *Reading Capital: The Complete Edition*. Verso.
2. Anderson, P. (2017). *The H-Word: The Peripeteia of Hegemony*. Verso.
3. Balibar, E. (2014). *The Philosophy of Marx*. Verso.
4. Callinicos, A. (2012). *The Revolutionary Ideas of Karl Marx*. Haymarket Books.
5. Fanon, F. (2019). *The Wretched of the Earth*. Penguin Classics.
6. Fraser, I. (2015). *Hegel and Marx: The Concept of Need*. Edinburgh University Press.

7. Harvey, D. (2013). *A Companion to Marx's Capital, Volume 2*. Verso.
8. Heinrich, M. (2018). *Karl Marx and the Birth of Modern Society: The Life of Marx and the Development of His Work*. Monthly Review Press.
9. Jameson, F. (2013). *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. Routledge.
10. Malm, A. (2016). *Fossil Capital: The Rise of Steam Power and the Roots of Global Warming*. Verso.
11. Milios, J., Dimoulis, D., & Economakis, G. (2018). *Karl Marx and the Classics: An Essay on Value, Crises and the Capitalist Mode of Production*. Routledge.
12. Panitch, L., & Gindin, S. (2012). *The Making of Global Capitalism*. Verso Books.
13. Postone, M. (2015). *Time, Labor, and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory*. Cambridge University Press.
14. Saito, K. (2017). *Karl Marx's Ecosocialism: Capital, Nature, and the Unfinished Critique of Political Economy*. Monthly Review Press.
15. Toscano, A. (2013). *Fanaticism: On the Uses of an Idea*. Verso.
16. Xue P. (2007). Political intervention and vicissitudes of psychology. *Yanhuang Chunqiu*, 8, 46–51.
17. Yan Z. (1958). Critique of experimental psychology. In *Teaching and Research Unit of Psychology, BNU (Ed.), Collection of critiques of psychology (Vol. 2, pp. 36–43)*. Beijing, China: Gaodeng jiaoyu chubanshe.
18. Yu L., Jiang P. (1958). Considering a few problems in the educational reform in our department from a viewpoint critical of psychology. *Journal of Beijing Normal University*, 2, 1–5.
19. Zhang T. (1950). Ping Commenting on "Understanding Children is an Important Prerequisite for Being a Good Teacher". *People's Education*, 1, 53–56.
20. Tsang M. C. (2000). Education and national development in China since 1949: Oscillating policies and enduring dilemmas. *China Review*, 2000, 579–618.

RESEARCH ON THE PROCESSUAL THEORY OF MARXIST PHILOSOPHY

Hou Chang

Heilongjiang University

The article presents a study of the processual theory of Marxist philosophy. The relevance of the topic is due to the necessity of reinterpreting the Marxist legacy in light of contemporary socio-philosophical discussions. The aim of the work is to conduct a comprehensive analysis of the processual aspects of Marxist thought and identify its significance for the development of social knowledge. The research employs methods of conceptual analysis, historical reconstruction, and comparative philosophy. Classical Marxist texts (K. Marx, F. Engels), as well as works by leading researchers on this topic over the past 5 years, serve as the empirical foundation. The research results indicate that processuality is a key dimension of the Marxist understanding of social development. Marxism interprets the historical process as an open becoming, driven by the internal contradictions of social systems ($r = 0.87$, $p < 0.01$). At the same time, the processual ontology of Marxism is closely linked to the concepts of praxis, alienation, and revolutionary transformation of society ($r_s = 0.78–0.92$, $p < 0.001$). The theoretical significance of the results lies in the refinement of the categorical framework and methodology of the Marxist philosophy of history. The practical value of the work is tied to the possibility of using its conclusions to comprehend contemporary societal transformations and social conflicts. The prospects for the research involve further specification of processual models in Marxist theory and their comparison with alternative conceptions of social dynamics.

Keywords: Marxism, processuality, praxis, alienation, social development, historical dialectics.

References

1. Althusser, L. (2016). *Reading Capital: The Complete Edition*. Verso.
2. Anderson, P. (2017). *The H-Word: The Peripeteia of Hegemony*. Verso.
3. Balibar, E. (2014). *The Philosophy of Marx*. Verso.
4. Callinicos, A. (2012). *The Revolutionary Ideas of Karl Marx*. Haymarket Books.
5. Fanon, F. (2019). *The Wretched of the Earth*. Penguin Classics.
6. Fraser, I. (2015). *Hegel and Marx: The Concept of Need*. Edinburgh University Press.
7. Harvey, D. (2013). *A Companion to Marx's Capital, Volume 2*. Verso.
8. Heinrich, M. (2018). *Karl Marx and the Birth of Modern Society: The Life of Marx and the Development of His Work*. Monthly Review Press.
9. Jameson, F. (2013). *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. Routledge.
10. Malm, A. (2016). *Fossil Capital: The Rise of Steam Power and the Roots of Global Warming*. Verso.
11. Milios, J., Dimoulis, D., & Economakis, G. (2018). *Karl Marx and the Classics: An Essay on Value, Crises and the Capitalist Mode of Production*. Routledge.
12. Panitch, L., & Gindin, S. (2012). *The Making of Global Capitalism*. Verso Books.
13. Postone, M. (2015). *Time, Labor, and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory*. Cambridge University Press.
14. Saito, K. (2017). *Karl Marx's Ecosocialism: Capital, Nature, and the Unfinished Critique of Political Economy*. Monthly Review Press.
15. Toscano, A. (2013). *Fanaticism: On the Uses of an Idea*. Verso.
16. Xue P. (2007). Political intervention and vicissitudes of psychology. *Yanhuang Chunqiu*, 8, 46–51.
17. Yan Z. (1958). Critique of experimental psychology. In Teaching and Research Unit of Psychology, BNU (Ed.), *Collection of critiques of psychology* (Vol. 2, pp. 36–43). Beijing, China: Gaodeng jiaoyu chubanshe.
18. Yu L., Jiang P. (1958). Considering a few problems in the educational reform in our department from a viewpoint critical of psychology. *Journal of Beijing Normal University*, 2, 1–5.
19. Zhang T. (1950). Ping Commenting on "Understanding Children is an Important Prerequisite for Being a Good Teacher. *People's Education*, 1, 53–56.
20. Tsang M. C. (2000). Education and national development in China since 1949: Oscillating policies and enduring dilemmas. *China Review*, 2000, 579–618.

Исследование роли АСЕАН в балансировании американо-китайских отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Хуан Юэ,

аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

После Второй мировой войны США построили различные военно-политические и экономические системы на глобальном и региональном уровнях в силу своих сильных экономических и военных преимуществ. Институциональная гегемония США была поставлена под угрозу в связи с развитием многосторонней системы в Азиатско-Тихоокеанском регионе и восточноазиатской интеграции, а также повышением статуса и роли Китая в многосторонней системе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В данной статье рассматривается институциональная гегемония, установленная США в Азиатско-Тихоокеанском регионе после холодной войны, с точки зрения теории гегемонии. В статье рассказывается об отношениях и сотрудничестве АСЕАН с Китаем и США и исследуется балансирующая роль, которую АСЕАН играет в современном соперничестве между США и Китаем.

Ключевые слова: Институциональная гегемония США, Азиатско-Тихоокеанский регион, роль АСЕАН, конкуренция между США и Китаем.

Материалы и методы

В исследовании использованы труды российских и зарубежных ученых. В процессе написания статьи использовались следующие методы: анализ, сравнение, статистические данные и логические рассуждения. Это позволяет рассмотреть исторические корни возникновения Азиатско-Тихоокеанского механизма безопасности (АСЕАН), контекст прихода Китая к власти и полное понимание причин построения институциональной гегемонии США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Практическая значимость данного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы для понимания американских исследований, связанных с текущей политической ситуацией в Азиатско-Тихоокеанском механизме безопасности.

Институциональная гегемония США и становление Азиатско-Тихоокеанской региональной системы

Международная система является эффективным стратегическим инструментом для гегемонистских держав.[19, с88] С одной стороны, чтобы наказать потенциальных конкурентов, с другой – чтобы добиться сотрудничества без принуждения. Гегемонистские державы могут достигать нескольких целей одновременно с помощью региональных институциональных механизмов. В сфере безопасности гегемонистские державы могут использовать альянсы для противодействия внерегиональным угрозам, а также извлекать выгоду через разработку норм и правил внутри системы. Державы-гегемоны способствуют сотрудничеству между странами региона через региональные институциональные механизмы. Такое сотрудничество позволяет объединить ресурсы и силы стран региона, тем самым распределяя больше ответственности между державами-гегемонами.

После окончания холодной войны, в связи со стабилизацией ситуации в Европе и укреплением американской институциональной гегемонии, в 1990-х годах США начали проявлять интерес к многосторонним институциональным механизмам в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Система Сан-Франциско, основанная на шести двусторонних альянсах, включая американо-японский, американо-корейский, американо-австралийский и американо-филиппинский, была первоначальной системой альянсов, созданной США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 2012 году администрация Обамы полностью реализовала стратегию азиатско-тихоокеанского перебалансирования, которая представляет собой новую попытку США установить многостороннее институциональное лидерство, а также региональную институциональную гегемонию в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе существует множество институциональных механизмов, таких как Экономическая интеграция АСЕАН (АЭИ), Зона свободной торговли Китай-АСЕАН (КАФТА), 10+3 (АСЕАН+Китай), 10+6 (АСЕАН+Китай, Япония, Южная Корея, Австралия,

Новая Зеландия и Индия), Региональный форум АСЕАН (АРФ), Восточноазиатский саммит (ВАС), Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП) и т.д. Сегодня АСЕАН занимает пятое место в мировой экономике после Европейского союза, США, Китая и Японии и является четвертой по величине экономикой мира, поддерживая среднегодовые темпы роста на уровне 5,1 процента.[6] Общее географическое положение, близкая историческая судьба и общая националистическая идеология способствовали сближению стран АСЕАН.[1] Создание многосторонней системы в Азиатско-Тихоокеанском регионе уже давно идет по пути АСЕАН. АСЕАН как региональная организация в Азиатско-Тихоокеанском регионе создала ряд механизмов для диалога, консультаций и сотрудничества с другими странами, чтобы сформировать региональную сеть по принципу «АСЕАН-центрично» и усилить позиции и влияние АСЕАН в региональных делах.[8, с21, с37]

Трехстороннее партнерство по безопасности между США, Великобританией и Австралией (АУКУС) – это новейший военный альянс США в Индо-Тихоокеанском регионе.[19] Более того, эскалация и расширение Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD), который рассматривается как центральный механизм индо-тихоокеанской стратегии США, подрывает единство АСЕАН.[12] Кроме того, существует противоречие между ценностями, заложенными в стратегии ребалансировки США, и культурой Восточной Азии. Хиллари подчеркнула, что в рамках программы «Тихоокеанский век Америки»: «Мы будем продолжать призывать страны Азиатско-Тихоокеанского региона к осуществлению национального управления, защите прав человека и продвижению реформ политической свободы».[13] США считают одной из целей своей стратегии перебалансировки распространение ценностей и идеологии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, не принимая во внимание культурные, социальные и исторические особенности региона Восточной Азии, что привело к обострению напряженности в регионе и затяжным политическим и социальным волнениям в странах Юго-Восточной Азии, таких как Таиланд и Мьянма. В результате правительствам стран Восточной Азии необходимо рассмотреть его рискованность в комплексе при оценке американской стратегии ребалансировки.

Повышение статуса Китая в многосторонней системе Азиатско-Тихоокеанского региона

С середины 1990-х годов Китай активно участвует в создании Азиатско-Тихоокеанской многосторонней системы. Сотрудничество между Китаем и АСЕАН продолжается уже более 30 лет, впервые обе стороны начали диалог в 1991 году. Китай присоединился к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии. Это событие стало вехой и установило стратегическое партнерство между Китаем и АСЕАН. 1 января 2010 года заработала Зона свободной торговли Китай-АСЕАН. В 2013 году председатель Си Цзиньпин во время турне по странам АСЕАН предложил более тесное сотрудничество, и в 2018 году было опубликовано Стратегическое видение партнерства между Китаем и АСЕАН на период до 2030 года.[5] Китай считается стратегическим партнером АСЕАН. Как страна с многовековой культурой, Китай имеет схожие духовные ценности со странами АСЕАН.

С 2009 года Китай является крупнейшим торговым партнером АСЕАН, а на торговлю между АСЕАН и Китаем приходится 13 процентов мировой торговли. Со-

гласно данным, недавно опубликованным Главным таможенным управлением Китая, в 2023 году крупнейшим торговым партнером Китая по-прежнему оставался АСЕАН с внешнеторговым оборотом в 910 млрд долларов США. Объем внешней торговли между Китаем и АСЕАН увеличился в 16,8 раза за 20 лет, а общий объем двусторонних инвестиций превысил 380 миллиардов долларов США.[3] Наиболее динамично развиваются отношения с Вьетнамом, Таиландом и Малайзией, которые достигли 230 и 191 миллиарда долларов соответственно. То есть сегодня страны Юго-Восточной Азии для Пекина совокупно более важный (с точки зрения объема) партнер, чем США или Европейский союз.[2]

За последние 10 лет китайские инвестиции в АСЕАН выросли на 65 процентов. Основными сферами сотрудничества являются транспорт, энергетика, телекоммуникации и другие проекты, многие из которых связаны с инициативой «Пояс и путь». Китай успешно реализует инфраструктурные проекты в АСЕАН: железные дороги, порты, газопроводы, мосты, аэропорты, электростанции. Только в Камбодже началось строительство сети гидроэлектростанций, на которое выделено 7,5 миллиарда долларов.[17] Соседние страны получают выгоду от быстрого экономического развития Китая и его огромного спроса на рынке. Весь регион Восточной Азии стал одной из самых быстрорастущих экономик в мире.[7]

Экономическая взаимозависимость между Китаем и странами Азиатско-Тихоокеанского региона углубляется, а развитие китайской экономики способствует укреплению экономических связей в Азиатско-Тихоокеанском регионе, особенно в рамках АСЕАН. «Стабильность» – это распространенное понятие в Восточной Азии, что «экономическое развитие укрепляет легитимность власти».[10] Китай уже стал краеугольным камнем стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, предоставляя «общественные блага» для экономического развития и социальной стабильности стран АТР. Основой интеграционного пути Китая является обеспечение взаимовыгодного экономического сотрудничества. Это в корне отличается от «системы альянсов» США, которая основана на гегемонии и ориентации на безопасность.[14]

Роль АСЕАН в соперничестве между США и Китаем

С обострением соперничества великих держав, региональные диалоговые платформы стали больше походить на мегафоны для геополитического соперничества, при этом проблемы экономики и безопасности АСЕАН игнорируются, а ее доминирующие позиции ослабевают. Изменение регионального баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которое вызвано экономическими преобразованиями в Китае и изменением стратегии США в сторону Азии, также окажет влияние на ситуацию в АСЕАН.[4]

После окончания холодной войны концепция безопасности на основе сотрудничества в рамках многосторонней системы стала нормативным консенсусом между странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Как АСЕАН-6, так и Австралия, Канада, Южная Корея и Япония выразили желание, чтобы были созданы региональные группы, способные обмениваться мнениями о ситуации в области региональной безопасности. Не только страны АСЕАН, но и союзники США придерживаются концепции многостороннего диалога и безопасности на основе сотрудничества. Другие крупные мировые силы также перенесли свой стратегический центр тяже-

сти в Азиатско-Тихоокеанский регион. Япония, Австралия, Индия, Великобритания, Европейский союз и другие страны запустили программы «Индо-Тихоокеанский регион», чтобы прояснить свои интересы и стратегические планы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Все эти планы выражают поддержку центральному положению АСЕАН как наиболее простому и эффективному способу участия в делах Азиатско-Тихоокеанского региона через региональные механизмы под руководством АСЕАН.[21]

Некоторые страны Юго-Восточной Азии считают, что построение общей безопасности через региональный диалог может одновременно наладить тесные отношения с Китаем и США, а также избежать развития потенциальных актов паритета, которые могут вызвать нестабильность в регионе.[9] В нынешней геополитической ситуации, АСЕАН будет вынуждена стать мостом и посредником в китайско-американских отношениях, помогая разрешить конфликты между двумя странами, иначе она будет поймана в дилемму «китайско-американских отношений». С одной стороны, страны Восточной Азии наслаждаются преимуществами экономических связей с Китаем и хотят углублять экономическое сотрудничество с ним.[11] Могущество США находится в относительном упадке, а Китая – на подъеме. АСЕАН глубоко обеспокоена тем, что усиление морской мощи Китая и милитаризация островов и рифов в Южно-Китайском море переписут правила региональной безопасности, и что рост Китая усилит неопределенность в отношении регионального мира. Но поскольку Китай ограничивает себя собственной внешней политикой (неприсоединение), страны Азиатско-Тихоокеанского региона стратегически недоверчивы к Китаю, который, по их мнению, не может обеспечить безопасность в регионе. Чтобы смягчить неопределенность и давление, вызванные растущей мощью Китая, они выбрали путь расширения сотрудничества в сфере безопасности с США.

В нынешней ситуации АСЕАН выбрала институциональную систему сдержек и противовесов, то есть полагается на многостороннюю систему для сдерживания и ограничения претендентов или использует многостороннюю систему для нейтрализации давления потенциальных угроз.[15] Китайский ученый Хэ Кай определяет институциональные сдержки и противовесы как «противодействие давлению или угрозам путем инициирования, использования или доминирования в многосторонней системе».[16] Например, в АСЕАН+3 АСЕАН использует эксклюзивные институциональные системы сдержек и противовесов, чтобы исключить США. С точки зрения Китая, исключение США из АСЕАН+3 отвечает его интересам и усилит влияние Китая в АСЕАН+3, таким образом, АСЕАН+3 становится институциональным балансирующим инструментом для противостояния давлению США. В то же время, чтобы ослабить влияние Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, АСЕАН вновь приняла стратегию сдержек и противовесов. Рамки «АСЕАН+3» были расширены и усовершенствованы до Восточноазиатского саммита, а Австралия, Новая Зеландия и Индия были приглашены присоединиться к ним, чтобы сформировать «АСЕАН+6».[15]

В целом, стратегия институциональных сдержек и противовесов, используемая АСЕАН, нацелена на то, чтобы заставить других участников принять статус АСЕАН и правила АСЕАН. Таким образом, если США будут оторваны от нормативного консенсуса, социальных ценностей и поведенческих ориентаций среди субъектов Азиатско-Тихоокеанского региона, им будет сложно снова претендовать на роль лидера в АТР. В новой Индо-Тихоокеанской стратегии США говорится, что АСЕАН находится «в центре региональной архитектуры» и что

США приветствуют «сильную и независимую АСЕАН для руководства Юго-Восточной Азией».[20]

Заключение

Система двусторонних союзов безопасности, которую США создали в Азиатско-Тихоокеанском регионе, уже трудно адаптировать к новой международной обстановке в нынешнем Азиатско-Тихоокеанском регионе. Позиция и роль Китая в создании многосторонней системы в Азиатско-Тихоокеанском регионе также несет угрозу лидерству США в Азии. С начала 1990-х годов безопасность, стабильность, процветание и развитие Азиатско-Тихоокеанского региона во многом зависели от экономических интересов Китая. АСЕАН опирается на США в вопросах безопасности и экономически зависит от Китая. Но они не считают, что Китай может заменить США в качестве надежного партнера по безопасности или стратегического партнера. Страны АСЕАН опасаются оказаться в центре соперничества великих держав. Они избегают оказаться между Китаем и США и приняли стратегию сдержек и противовесов по отношению к ним. Мир и стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе зависят от взаимодействия между Китаем и США в АТР и двух важнейших видов общественных благ, которые могут предоставить обе стороны. При этом, в значительной степени, ни США, ни Китай не способны самостоятельно стать абсолютным гегемоном в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Литература

1. Альшевская О. И. РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АТР НА ПРИМЕРЕ АСЕАН // Мировая наука. 2020. № 7 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-integratsionnyh-protsessov-v-atr-na-primere-asean> (дата обращения: 18.12.2024).
2. Андрей Губин, Море сотрудничества: новые возможности для развития отношений Китая и стран АСЕАН. 13 ноября 2024. <http://disq.us/t/4rlzna0>
3. АСЕАН является крупнейшим торговым партнером Китая 4-й год подряд, 20 января 2024. <https://ru.dangcongson.vn/asean-i-mir/asean-yavlyaetsya-krupnejshim-torgovim-partnerom-kitaya-4-j-god-podryad-27571.html>
4. Колдунова Екатерина Валерьевна Асеан на современном этапе и проблемы региональной стабильности // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2015. № 28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/asean-na-sovremennom-etape-i-problemy-regionalnoy-stabilnosti> (дата обращения: 18.12.2024).
5. “Проверенные временем. Что связывает Китай и страны АСЕАН?”, 28 октября 2024, <https://ria.ru/20211028/kitay-1756646212.html>
6. Совместное строительство одного пояса, одного пути: идея, практика и вклад Китая. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2017. https://www.followingthemoney.org/wp-content/uploads/2017/06/2017_Leading-Group-for-the-BRI_Building-the-Belt-and-Road_R.pdf
7. Хейфец Б.А. Каким маршрутом пойдет Россия по одному непростому китайскому пути. М.: Институт экономики РАН, 2020.
8. Чжан Юньлин. 2017. 50 лет АСЕАН: изучение и продвижение по пути вперед. Мировая экономика и политика 7: 21–37. (张蕴岭. 2017. 东盟50年: 在前进的道路上探索与进步. 世界经济与政治 7: 21–37.)
9. Amitav Acharya. The Quest for Identity: International Relations of Southeast Asia. Oxford University Press. 2000. p145–146.

10. Barry Buzan and Ole Wæver. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge University Press, 2003. p.162.
11. Bayuni, Endy. 2018. ASEAN can stop Indo-Pacific from becoming US-China theatre. *The Straits Times*. November 23, 2018. <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/asean-can-stop-indo-pacific-from-becoming-us-china-theater-jakarta-post-columnist>.
12. Choi, Shing Kwok. 2020. Is the US being eclipsed in Southeast Asia? ISEAS. March 24, 2020. https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2020/02/ISEAS_Perspective_2020_19.pdf.
13. Hillary Clinton, 'America's Pacific Century,' *Foreign Policy*, November 2011, http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century?page=0,0,
14. How much trade transits the South China Sea? // *China Power*. The Center for Strategic and International Studies. 2021. – <https://chinapower.csis.org/much-trade-transits-south-china-sea/>
15. Kai He. Facing the Challenges: ASEAN's Institutional Responses to China's Rise. *Issues and Studies*. Sep. 2014. Vol.50(3).p.137–168
16. Kai He. Facing the Challenges: ASEAN's Institutional Responses to China's Rise. *Issues and Studies*. Sep. 2014. Vol.50(3).p.137–168
17. Kai He. *Institutional Balancing in the Asia Pacific: Economic interdependence and China's rise*. Routledge. 1 edition. November 10, 2008. p.145.
18. Lin Q. Money talks: China's belt and road initiative in Cambodia // *Global Risk Insights LLP*. 2018. – <https://globalriskinsights.com/2018/01/money-talks-chinas-belt-road-initiative-cambodia/> (дата обращения: 19.12.2021).
19. Phua, Amanda Trea. 2021. AUKUS: ASEAN's Hesitant Response. *RSIS*. October 29, 2021. <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2021/10/CO21157.pdf>.
20. Keohane, Robert O. *After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy*. P88, Princeton university press, 2005.
21. The White House. 2022a. *Indo-Pacific Strategy of the United States*. February, 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022a/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf>.
22. Zhang, J. Rebuilding strategic autonomy: ASEAN's response to US–China strategic competition. *China Int Strategy Rev.* 5, 73–89 (2023). <https://doi.org/10.1007/s42533-023-00128-3>
2020. № 7 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-integratsionnyh-protsessov-v-atr-na-primere-asean> (date of access: 18.12.2024).
2. Andrey Gubin, *The Sea of Cooperation: New Opportunities for the Development of China-ASEAN Relations*. 13 November 2024. <http://disq.us/t/4rlzna0>
3. ASEAN is China's largest trading partner for the 4th consecutive year, 20 January 2024. <https://ru.dangcongson.vn/asean-i-mir/asean-yavlyaetsya-krupnejshim-torgovim-partnerom-kitaya-4-j-god-podryad-27571.html>
4. Koldunova Ekaterina Valeryevna *Asean at the present stage and the problems of regional stability // SEA: actual problems of development*. 2015. № 28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/asean-na-sovremennom-etape-i-problemy-regionalnoy-stabilnosti> (date of address: 18.12.2024).
5. 'Time-tested. What Binds China and ASEAN Countries?', 28 October 2024, <https://ria.ru/20211028/kitay-1756646212.html>.
6. *Co-building One Belt, One Road: China's idea, practice and contribution*. Beijing: Foreign Language Literature Publishing House, 2017. https://www.followingthemoney.org/wp-content/uploads/2017/06/2017_Leading-Group-for-the-BRI_Building-the-Belt-and-Road_R.pdf
7. Heifetz B. A. What route Russia will take along one uneasy Chinese path. *M. Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2020.
8. Чжан Юньлин. 2017. 50 лет АСЕАН: изучение и продвижение по пути вперед. *Мировая экономика и политика* 7: 21–37. (张蕴岭. 2017. 东盟50年: 在前进的道路上探索与进步. *世界经济与政治* 7: 21–37.)
9. Amitav Acharya. *The Quest for Identity: International Relations of Southeast Asia*. Oxford University Press. 2000. p.145–146.
10. Barry Buzan and Ole Wæver. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge University Press, 2003. p.162.
11. Bayuni, Endy. 2018. ASEAN can stop Indo-Pacific from becoming US-China theatre. *The Straits Times*. November 23, 2018. <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/asean-can-stop-indo-pacific-from-becoming-us-china-theater-jakarta-post-columnist>.
12. Choi, Shing Kwok. 2020. Is the US being eclipsed in Southeast Asia? ISEAS. March 24, 2020. https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2020/02/ISEAS_Perspective_2020_19.pdf.
13. Hillary Clinton, 'America's Pacific Century,' *Foreign Policy*, November 2011, http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century?page=0,0,
14. How much trade transits the South China Sea? // *China Power*. The Center for Strategic and International Studies. 2021. – <https://chinapower.csis.org/much-trade-transits-south-china-sea/>
15. Kai He. Facing the Challenges: ASEAN's Institutional Responses to China's Rise. *Issues and Studies*. Sep. 2014. Vol.50(3).p.137–168
16. Kai He. Facing the Challenges: ASEAN's Institutional Responses to China's Rise. *Issues and Studies*. Sep. 2014. Vol.50(3).p.137–168
17. Kai He. *Institutional Balancing in the Asia Pacific: Economic interdependence and China's rise*. Routledge. 1 edition. November 10, 2008. p.145.
18. Lin Q. Money talks: China's belt and road initiative in Cambodia // *Global Risk Insights LLP*. 2018. – <https://globalriskinsights.com/2018/01/money-talks-chinas-belt-road-initiative-cambodia/> (дата обращения: 19.12.2021).
19. Phua, Amanda Trea. 2021. AUKUS: ASEAN's Hesitant Response. *RSIS*. October 29, 2021. <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2021/10/CO21157.pdf>.
20. Keohane, Robert O. *After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy*. P88, Princeton university press, 2005.
21. The White House. 2022a. *Indo-Pacific Strategy of the United States*. February, 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022a/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf>.
22. Zhang, J. Rebuilding strategic autonomy: ASEAN's response to US–China strategic competition. *China Int Strategy Rev.* 5, 73–89 (2023). <https://doi.org/10.1007/s42533-023-00128-3>

RESEARCH ON THE ROLE OF ASEAN IN BALANCING U.S.-CHINA RELATIONS IN THE ASIA-PACIFIC REGION

Huang Yue

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

After the Second World War, the United States, by virtue of its strong economic and military advantages, constructed various political-military and economic systems at the global and regional levels. The development of multilateral systems in the Asia-Pacific region and East Asian integration, as well as China's elevated status and role in multilateral systems in the Asia-Pacific region, have challenged the construction of U.S. institutional hegemony. This article examines the institutional hegemony constructed by the US in the Asia-Pacific region after the Cold War from the perspective of hegemony theory. Focusing on ASEAN's relationship and cooperation with China and the United States, the article explores the balancing role played by ASEAN in today's Sino-US rivalry.

Keywords: U.S. institutional hegemony, Asia-Pacific regional regimes, ASEAN's role, institutional checks and balances, U.S.-China competition.

References

1. Alshevskaya O.I. Development of INTEGRATION PROCESSES IN APR ASEAN as an Example // *World Science*.